

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1893 годъ

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СТО ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1893.

Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ отърываетъ *второй* конкурсъ на соисканіе Высочайше утвержденной преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 1 ноября сего 1893 года. О результатѣ конкурса объявлено будетъ 24 апрѣля 1894 года.

Правила о порядкѣ присужденія преміи, утвержденныя г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, слѣдующія:

§ 1. Къ соисканію преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по Русской Исторіи, основанныя на первоисточникахъ.

§ 2. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

§ 3. Въ соисканіи преміи имѣютъ право участвовать и Члены Общества.

§ 4. Срокомъ доставленія сочиненій на соисканіе преміи полагается 1-е ноября предшествующаго конкурсному году.

§ 5. Сочиненія доставляются на имя Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ или же на имя его Секретаря.

§ 6. На конкурсъ допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ языкѣ. Авторамъ ихъ предоставляется на волю выставить на нихъ свое имя, или же скрывать его подъ девизомъ, помѣщеннымъ въ особомъ, приложенномъ въ рукописи, конвертѣ, равно какъ и на самой рукописи.

§ 7. Въ случаѣ присужденія преміи за сочиненіе, представленное въ рукописи, премія выдается автору не прежде, какъ по напечатаніи его сочиненія.

§ 8. Сочиненія, уже удостоенныя преміи какимъ-либо другимъ ученымъ учрежденіемъ, на соисканіе преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова не допускаются.

§ 9. Премія выдается въ количествѣ 500 рублей и ни въ какомъ случаѣ не дробится.

§ 10. Право на полученіе ея принадлежитъ только авторамъ и ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ награжденныхъ сочиненій.

§ 11. Въ началѣ ноября мѣсяца года, предшествующаго конкурсному, Общество избираетъ изъ среды себя особую Комиссію, въ составѣ 5 членовъ, по присужденію означенной преміи.

§ 12. Члены этой Комиссіи не могутъ участвовать въ конкурсѣ.

§ 13. Комиссія для каждаго сочиненія избираетъ особаго рецензента или изъ своей среды, или изъ Членовъ Общества; а въ случаѣ надобности приглашаетъ къ разсмотрѣнію сочиненій и постороннихъ ученыхъ.

§ 14. Рецензентамъ, не входящимъ въ составъ Комиссіи, послѣдняя можетъ присуждать золотыя медали.

§ 15. Письменныя рецензіи на конкурсныя сочиненія должны быть доставлены не позже 1-го апрѣля конкурснаго года.

§ 16. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Комиссія имѣетъ сужденіе о присужденіи преміи. Постановленіе ея объявляется въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества, 24-го апрѣля, въ день кончины Геннадія Ѳедоровича Карпова.

§ 17. Въ случаѣ неприсужденія въ какомъ-либо году преміи, она присоединяется къ основному капиталу, изъ процентовъ съ котораго она составляется.

§ 18. Проценты, получаемые съ капитала, сверхъ 500 рублей употребляются на вознагражденіе рецензентовъ золотыми медалями.

§ 19. О результатахъ каждаго присужденія Общество печатаетъ подробный отчетъ, съ приложеніемъ рецензіи увѣнчаннаго преміею сочиненія.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ ЧТЕНИЙ 1893 ГОДА.

Стран.

Объявление о второмъ конкурсѣ на соисканіе преміи
Г. Ѳ. Карпова.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

- 1.—Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII в.
Сообщилъ Дѣйств. Чл. А. Н. Зерцаловъ... I—IV+1— 15
- 2.—Матеріалы для исторіи Общества: 1) Письма О. М.
Бодяпскаго въ отцу 1821—1846 гг. и 2) Письма И. П.
Сахарова къ О. М. Бодянскому 1846—1848 гг. Съ
предисловіемъ Дѣйствит. Члена А. А. Титова... I—X+1— 88

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

- 1.—Сказаніе о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ
во избавленіе отъ смертоносна язвы ... I— 21

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

- 1.—Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Изслѣдованіе
Василія Васильева... I—VIII+1—256
- 2.—Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Рус-
скаго государства ко времени изданія 1-го Литовскаго
статута. Очеркъ 3-й: Составъ общества въ повѣтахъ
намѣстниковъ-державцевъ и должностная дѣятельность
сихъ послѣднихъ. Изслѣдованіе М. К. Любавскаго. . 297—764

IV. СМѢСЬ.

- 1.—Къ исторіи Московскаго мятежа 1648 г. - Сообщилъ
А. Н. Зерцаловъ I—12
- 2.—Объ отпускѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ мона-
стырь воеводы гор. Можайска П. Т. Савелова. Сооб-
щилъ Л. М. Савеловъ..... 13
- 3.—О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ 1702 г.
Сообщилъ онъ же..... 14—15

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

ОВЪ ОСКОРБЛЕНІИ
ЦАРСКИХЪ ПОСЛОВЪ ВЪ КРЫМУ
ВЪ XVII ВѢКѢ.

А. Н. Зерцаловъ.

Печатано подъ наблюдениемъ Дѣйствит. Члена А. Н. Зерцалова.

О посылкѣ въ Царь-градъ посольства въ 1634 г. въ печатныхъ источникахъ есть свѣдѣнія именно 15 февраля этого года на отпускѣ у государя былъ Турской посоль Алей Ага, съ которымъ отправлялись въ Турцію къ султану Мурату русскіе послы Иванъ Гавриловичъ Коробьинъ ¹⁾ и дьякъ Сергѣй Матвѣевъ ²⁾ изъ 1-го тома актовъ Московскаго государства узнаемъ, что Алей Ага 10 марта прибылъ въ Воронежъ, русскіе же послы отстали отъ него ³⁾. Наконецъ намъ удалось въ дѣлахъ бывшаго Разряднаго приказа отыскать документы, которые подробно говорятъ о составѣ посольства и тѣхъ оскорбленіяхъ, какія оно потерпѣло отъ Крымскихъ татаръ. Царскіе послы вернулись въ Москву не позднѣе іюня 144 (1636 г.) ⁴⁾.

Документы, печатаемые ниже, открываютъ, что въ составѣ посольства отправленнаго въ 1634 г. въ Константинополь кромѣ вышеназванныхъ пословъ находились переводчики Польскаго приказа—грекъ Мануилъ Филаденской, татаринъ Уразмаметъ Башмаковъ, умершій на возвратномъ пути, и толмачи Фодотъ Елчинъ, Алмакай Алышевъ и Андрей Раковъ, умершій въ 1635 г. въ Константинополѣ. Царскіе послы совершили путь изъ Москвы до Азова, включая оста-

¹⁾ Московскій дворянинъ Иванъ Гавриловичъ Коробьинъ, помѣстный окладъ ему до Царегородской службы 800 чети, да за Царегородскую службу придано 150 четей. Умеръ 151 г. Москов. Архивъ М. Ю. Боярская кн. № 4, 148 г. лл. 1, 168 и 193.

²⁾ Дворцовые разряды, т. II, стр. 364 и 365. Въ декабрѣ 1636 г. онъ находился въ Базанскомъ Дворцѣ. См. М. А. М. Ю. Денежнаго стола столбецъ № 9038.

³⁾ № 644, стр. 593.

⁴⁾ М. А. М. Ю. Приказнаго стола разряда столбецъ № 1692.

новку въ послѣднемъ, въ 17 недѣль. Въ Константинополѣ они пребыли у султана 2 мѣсяца и выѣхали въ Крымъ, гдѣ терпѣли тяжкія оскорбленія за то, «что государь помирился съ Литовскимъ королемъ». Подробности пребыванія пословъ въ Крымѣ вскрываются изъ челобитныхъ, съ которыми обращался, по возвращеніи въ Москву, въ Посольской приказъ переводчикъ Мануиль Филаденской ⁵⁾). Его показанія весьма интересны. Въ нихъ живо рисуется тяжелое положеніе русскихъ дипломатовъ XVII в., которые рисковали жизнью среди дикихъ ордъ, не признававшихъ никакихъ международныхъ отношеній, знавшихъ одно только право сильнаго. Мы видимъ у этихъ дипломатовъ необыкновенную стойкость, преданность государю и отечеству, стремленіе во что бы ни стало исполнить порученное имъ дѣло.

А. Зерцаловъ .

⁵⁾ 11 марта 146 г. государь Михаилъ Федоровичъ пожаловалъ переводчика Мануила Филаденскаго за Царегородскую службу придачею къ прежнему его окладу помѣстнаго 100 чети, денегъ 10 руб.; да въ приказъ сукно англійское доброе, камка добрая, да за убытки и за изронъ 50 руб., да ему жъ написать по патріаршимъ грамотамъ, княжесъ именованье.

1.

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всея Россіи бьетъ челомъ холопъ твой греческой переводчикъ Мануйликъ Филаденской. Въ прошломъ, государь, во 142 году, по твоему государеву указу, былъ я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ съ твоими государевыми послы, съ Иваномъ Гавриловичемъ Коробьинимъ да съ дьякомъ Сергѣемъ Мятѣевымъ, во Царѣградѣ; и, будучи я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ во Царѣградѣ, тебѣ, государю, служилъ и радѣлъ во всемъ, и пословъ твоихъ государевыхъ ни гдѣ не осталъ, и отъ той твоей государевы службы одолжалъ великимъ долгомъ. И я, холопъ твой, билъ челомъ тебѣ, государю, чтобъ ты, государь, меня пожаловалъ за мою службу, и за изронъ, и за убытки. И въ Посольскомъ приказѣ дѣло мое выписано, и челобитныя подписныя съ твоимъ государевымъ указомъ сходять, а по тѣмъ челобитнымъ велѣно то дѣло доложить тебѣ государя; и твой государевъ думный дьякъ Федоръ Лихачевъ дѣла моего передъ тебѣ государя въ докладъ не несетъ, а я бѣдный, за тѣмъ дѣломъ волочась третій годъ за указомъ, въ конецъ погибаю. Милостивый государь царь и великій князь Михайла Федоровичъ всея Россіи. Пожалуй меня, холопа своего, вели государь по тому дѣлу своему государеву думному дьяку Федору Лихачеву доложить себя, государя, чтобъ я, холопъ твой, отъ той твоей государевы службы на правезу отъ должниковъ забить не былъ и въ конецъ не погибъ. Царь государь, смилуйся!

На оборотѣ двѣ помѣты: 1) 146 г. сентября въ 21 день, государь пожаловалъ, велѣлъ по дѣлу доложить себя, государя и 2) 146 г. декабря въ 3 день, подалъ, взять къ дѣлу.

2.

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всея Россіи бьетъ челомъ холопъ твой Посольскаго приказа греческой переводчикъ Мануйликъ Филаденской. Въ прошломъ, государь, во 142 году, по твоему государеву указу, былъ я, холопъ твой, на твоей го-

сударевѣ службѣ во Царѣгородѣ съ твоими государевы послы съ Иваномъ Гавриловичемъ Коробьинимъ да съ дьякомъ Сергѣемъ Матвѣевымъ; и, будучи, государь, на той твоей государевѣ службѣ во Царѣгородѣ и въ Крымѣ вездѣ за тебя, государя, всякія обиды, и тѣсноту и нужу отъ нечестивыхъ терпѣлъ безъ числа, и одолжалъ я, холопъ твой, великимъ долгомъ, два годы пребываючи въ чужихъ странахъ, и на морѣ отъ волны морскія въ пропасти и мокроту во всякой погибели животь свой мучилъ. А про то мое царегородскія службишко, по твоему государеву указу, по подписной челобитной дѣло мое написано въ Посольскомъ приказѣ давно, а потому, государь, моему дѣлу тебя, государя, не доложено и по ся мѣсто, и указу нѣтъ; и я, холопъ твой, за тѣмъ дѣломъ волочаса, безъ указу въ конецъ погибаю. Милосердый государь царь и великій князь Михайла Ѳедоровичъ всея Россіи. Пожалуй меня, холопа своего, для своего царскаго многолѣтняго здравья и для моей царегородскія службишки и терпѣнія, вели, государь, по тому моему дѣлу доложить тебя, государя, чтобъ мнѣ, холопу твоему, за тѣмъ дѣломъ волочаса, безъ указу въ конецъ не погнать, и, въ долгу стоя на правезѣ, замучену не быть, и твоей бы царскія службы впредь не отбыть. Царь государь смилуйся, пожалуй!

На оборотъ дѣтъ помѣты: 1) государь пожаловалъ, велѣлъ по дѣлу доложить себя, государя, и 2) 146 г. декабря въ 2 день, подалъ Мануйло, взять къ дѣлу.

3.

Царю государю и великому князю Михайлу Ѳедоровичу всея Россіи бьетъ челомъ холопъ твой Посольскаго приказа греческой переводчикъ Мануйлинь Филаденской. Въ прошломъ, государь, во 142 году, по твоему государеву указу, былъ я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ во Царѣградѣ съ твоими государевыми послы съ Иваномъ Гавриловичемъ Коробьинимъ да съ дьякомъ Сергѣемъ Матвѣевымъ; и я, холопъ твой, для твоей государевой службы поспѣшенья и для подьему, животинка свои и всякую свою домашнюю рухлядишко испродать дешевою цѣною, для того, чѣмъ бы мнѣ было твоя государева служба служить. А послали насъ, холопей твоихъ, на твою государеву службу вскорѣ, и запасы всякіе я, холопъ твой, харчъ покупалъ, ѣдучи на дорогѣ, по городамъ дорогою цѣною, потому что помѣстья и вотчины за мною, холопомъ твоимъ, твоего государева жалованья нѣтъ нигдѣ ни одной чети. А ѣхали мы, холопы, съ Москвы до Воронежа, и до Дону, и до Азова, покамѣста поѣхали изъ Азова, 17 недѣль; и мнѣ учинилося убытковъ въ проѣсти съ людешками моими

30 руб. Да жьъ, холопъ твой, для твоей государевой службы купилъ запасу на Воронежѣ на проѣздъ до Царяграда муки, сухари пшеничные, ветчины, вина и масла, муки гречешныя, а на Дону меду, патоки, а въ Азовѣ рыбы, масла коровья, икры, уксусу на 35 руб. И какъ мы пошли изъ Азова, и меня посадили на маломъ кораблѣ съ русскими людьми для толмачества, что они не знаютъ турецкаго языка. И какъ мы выѣхали на море, и стала волна великая и вихрь, и корабленики запасенко мое все изъ корабля выметали въ море... погоду. И послѣ, государь, того, погоды по насъ небыло, и мы стояли средь моря многое время, съ мѣсяцъ; и я, холопъ твой, въ тѣ поры покупалъ хлѣбъ и харчъ дорогою цѣною въ иныхъ корабляхъ, которые корабли шли за нами изъ Азова, и стало мнѣ убытку въ проѣсти съ людишками моими 20 руб. И приѣхавъ во Царь-городъ, съ морскія волны и отъ царягородскаго духу я, холопъ твой, и людишка мои занемогли и лежали болны мытомъ и постреломъ; и приходили ко мнѣ доктора, и стало мнѣ убытку, даючи отъ себя отъ лечбы и отъ людишекъ своихъ, 20 руб. И послѣ того я, холопъ твой, обмогся и съ твоими государевыми послы былъ передъ турецкимъ царемъ Султанъ-Муратомъ. И какъ государь пришли тѣ вѣсти во Царьгородъ, что ты, государь, помирился съ литовскимъ королемъ, и турецкой царь Султанъ-Муратъ твоимъ государевымъ посломъ для того велѣлъ изъ Царяграда идти вскорѣ. А которые были соболи посланы во Царьградъ къ патріархамъ и ко властямъ по монастырямъ за твое государево многолѣтнее здравіе на моленіе, и на милостыню, и блаженныя памяти отца твоего государева великаго государя святѣйшаго Филарета Никитича патріарха Московскаго и всея Россіи для вѣчнаго поминка, и тѣхъ соболей продать не успѣли же; и твои государевы послы къ царьгородскому патріарху Кирилу, да къ іерусалимскому патріарху Теофану и ко властямъ по монастырямъ тѣ соболи по твоему государеву указу противъ росписи роздали. А я, холопъ твой, тебѣ, государю, служилъ и работалъ безпрестанно день и ночь, и переводилъ одинъ отъ греческаго языка на русской, и отъ патріарховъ и ото всѣхъ властей отписи взялъ за ихъ руками; да меня же, холопа твоего, послы посылали для твоего государева дѣла для покупки безпрестанно. А жили мы во Царьградѣ два мѣсяца, а кормъ намъ данъ только на одинъ мѣсяцъ, и тотъ невеликой; и мнѣ, холопу твоему, будучи во Царьградѣ съ людишками моими, учинилось проѣсти 15 руб. Да я же, холопъ твой, во Царьгородѣ слышалъ отъ гречанъ: какъ де будете въ Крымѣ, и вашихъ де пословъ и всѣхъ русскихъ людей крымской царь Чамбиръ-Гирей велитъ казнить, а государеву

де казну и ваши животы всѣ пограбить за то, что ты, государь, помирился съ Литовскимъ королемъ. И я, холопъ твой, что слышалъ отъ гречанъ, и тѣ вѣсти сказалъ твоимъ государевымъ посломъ; а я, холопъ твой, смерти не убоился, и, помня твое государево крестное цѣлованье, во Царѣградѣ не остался и твоихъ государевыхъ пословъ нигдѣ не осталъ. А какъ пошли изъ Царяграда твои государевы послы, и твоимъ государевымъ посломъ и намъ, холопамъ твоимъ, никому турской царь корму на дорогу не далъ; и я, холопъ твой, для проѣзду купилъ во Царѣградѣ всякого запаса на 40 руб. И какъ мы пришли въ Крымскую землю въ городъ Балыкнѣ и стали на пристанище, и въ тѣ поры пришли крымскаго царя приказчики, татарова, на корабль и твою государеву казну и наше рухлядишко въ корабленной мурѣ запечатали, а имена наши всѣ переписали, а намъ сказали, что хочеть де васъ крымской царь казнить. И я, холопъ твой, тебѣ, государю, служилъ день и ночь, въ томъ крымскомъ городѣ Балыкнѣ ходилъ по гречанамъ, и про то провѣдывалъ, и отъ того давалъ имъ многіе подарки изъ своего живота; и изошло у меня, холопа твоего, тутъ въ подаркахъ отъ тѣхъ вѣстей тѣмъ гречанамъ на 40 руб. А что, государь, вѣстей отъ нихъ слышалъ, и то твоимъ государевымъ посломъ сказывалъ. И послѣ, государь, того взяли крымскіе татарова твоихъ государевыхъ пословъ и насъ, холопей твоихъ, всѣхъ съ коробля въ городъ въ Балыкнѣ съ твоею государевою казною и съ нашею рухлядишкою и дали насъ за приставы, всякую бѣдность и нужу и голодъ терпѣли многое время; и послѣ, государь, того взяты твои государевы послы изъ Балыкны въ Кафу сухимъ путемъ, а меня, холопа твоего, твои государевы послы послали водянымъ путемъ моремъ съ твоею государевою казною и съ русскими людьми и съ полоняниками на четырехъ стругахъ. И какъ я, холопъ твой, поѣхалъ моремъ съ Балыкны, и стала погода не по насъ, и четвертый стругъ погодою занесло отъ насъ прочь; и я, холопъ твой, стоялъ въ Балыкнѣ за погодою немалое время и твою государеву казну берегъ. И, будучи государь мнѣ въ Балыкнѣ въ заперти и ждучи погоды, учинилося мнѣ убытку и проѣсти съ людишками моими 25 руб. Да меня же, холопа твоего, ухватили тутъ же въ Балыкнѣ крымскіе татарова и хотѣли отвезть къ крымскому царю, назвали меня лазутчивомъ, чтобъ меня крымской царь казнилъ; и я, холопъ твой, отъ того тѣмъ татарамъ далъ отъ себя откупъ 50 руб. А изъ Балыкны шелъ я, холопъ твой, моремъ зимнимъ временемъ болши четырехъ недѣль до Кафы. И ѣдучи я, холопъ твой, голодъ, и стужу всякую, морскую мокроту и нужу терпѣлъ; а въ то, государь, время

въ Крымѣ хлѣбъ не родился, а былъ дорогъ. И какъ я, холопъ твой, буду въ селѣ Ялитѣ, и тутъ меня, холопа твоего, крымскіе татарова ухватили, а назвали меня лазутчикомъ, будто я съ Дону отъ казаковъ для вѣстей ѣзжу, и хотѣли меня отвезти въ крымскому царю, чтобъ меня крымской царь казнилъ; и я, холопъ твой, отъ того далъ отъ себя откупъ тѣмъ татарамъ 50 руб. И какъ я, холопъ твой, пріѣхалъ до села Кучукъгузень и присталъ для погоды, что нельзе было ѣхать за погодую, и тутъ меня, холопа твоего, взяли крымскіе татарова, а назвали меня донскимъ атаманомъ, будто я прежь того ихъ разбивалъ, и ихъ побивалъ, и въ полонъ ималъ, и хотѣли меня такоже отвезти къ крымскому царю; и я, холопъ твой, отъ тѣхъ татаръ откупился же, а далъ откупу 60 руб. А какъ меня, холопа твоего, изъ Балыкны твои государевы послы послали съ твоею государевою казною, и съ русскими людьми, и съ полонениками, и мнѣ, холопу твоему, изъ Балыкны до Кафы для проѣзду, и очищенья, и для обиды отъ крымскихъ людей никакія подорожныя, ни пристава не дано; а тѣ откупы я, холопъ твой, давалъ тѣмъ татарамъ, надѣючися на твое царское жалованье, для того, чтобъ твоя государева казна и люди не погубля. А въ тѣ поры у твоей государевой казны и у всѣхъ русскихъ людей я толмачемъ и переводчикомъ одинъ былъ, а иного никакого толмача, ни переводчика не было въ то время. А которые, государь, корабленики и комяжники были изъ Балыкны до Кафы подъ твоею государевою казною, и тѣ корабленики и комяжники для голоду тое твоей государевой казны и русскихъ людей вестъ не хотѣли и хотѣли покинуть и розно разбрестися; и я, холопъ твой, тѣхъ кораблениковъ и комяжниковъ уговорилъ, и поилъ ихъ, и кормилъ, поупаючи на свои деньги для твоей государевы казны. И какъ я, холопъ твой, шелъ моремъ отъ Балыкны до Кафы, и стало мнѣ, холопу твоему, проѣсти съ людишками своими, и что тѣхъ кораблениковъ и комяжниковъ поилъ и кормилъ, 30 руб. И какъ я, холопъ твой, пріѣхалъ до Кафы до твоихъ государевыхъ пословъ, и въ Кафѣ я, холопъ твой, съ твоими государевыми послы сидѣлъ за приставомъ въ заперти мѣсяцы съ три; и стало мнѣ, холопу твоему, въ Кафѣ убытковъ, и проѣсти съ людишками моими, и что приставомъ давалъ, 40 руб. А изъ Кафы мы шли до Азова немалое же время, и проѣлъ я, холопъ твой, съ людишками моими 10 руб. А изъ Азова, и съ Дону до Воронежа, и до Москвы корму мнѣ, холопу твоему, нигдѣ ничего недано; и я, холопъ твой, ѣдучи изъ Азова и съ Дону до Москвы, проѣлъ съ людишками моими 35 руб. И будучи я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ съ твоими государевыми

послы во Царѣградѣ служилъ тебѣ, государю, вѣрою и правдою, не щадя головы своей, вездѣ тебѣ, государю, радѣлъ, и прямилъ, и твою государеву казну берегъ накрѣпко, что послали со мною твои государевы послы изъ Балыкны до Кафы; и я, холопъ твой, тое твою государеву казну отдалъ твоимъ государевымъ посломъ всю сполна и нигдѣ твоей государевой казны не потерялъ. И будучи за твоею государевою казною на дорогѣ, я, холопъ твой, въ Крымской землѣ у многихъ смертей былъ и вездѣ съ твоими государевы послы за тебя, государя, пострадалъ; и та, государь, моя службишка за многія службы противъ иныхъ моей братьи переводчиковъ, которые были прежь сего, и таково они терпѣнія и нужи нигдѣ не терпеливали, что я холопъ твой, служа тебѣ; государю, отъ нечестивыхъ терпѣлъ безъ числа. И будучи на той твоей государевѣ службѣ во Царѣгородѣ, ѣдучи съ Москвы до Царягорода, а изъ Царягорода ѣдучи до Москвы, учинилося мнѣ, холопу твоему, убытковъ, изрону, и проѣсти съ людишками моими, и что откупался отъ смерти отъ татаръ, будучи за твоею государевою казною, всего пятьсотъ рублей. И отъ той твоей государевы службы я, холопъ прибрелъ твой, съ той твоей государевой службы съ Царягорода къ тебѣ, государю, къ Москвѣ съ людишками своими душею да тѣломъ; а твоего государева жалованья помѣстейца и вотчинки за мною, холопомъ твоимъ, нѣтъ нигдѣ ни одной четверти, и я, холопъ твой, съ людишками своими со всякой нужи въ конецъ погибаю и помираю голодною смертію. Милосердый государь царь и великій князь Михайла Ѳедоровичъ всея Россіи! Пожалуй меня, холопа своего, бѣднаго и разаренаго, для своего царскаго многолѣтняго здравія, и за мою царегородскую службу, и радѣніе, и за многое мое терпѣніе, и за изронъ мой, и за убытки своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ, милосердому государю, обо мнѣ Богъ извѣститъ, чтобъ мнѣ, холопу твоему, съ людишками своими, волочася, со всякія нужи и скудости въ конецъ не погинуть, и голодною смертію не умереть, и, въ долгу, стоя на правѣжѣ, замучену не быть, и впредь бы твоей государевы службы не отстать. Царь государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотъ двѣ помѣты: 1) государь пожаловалъ, велѣлъ о томъ выписать и по выпискѣ велѣлъ доложить себя, государя, и 2) 145 г. іюня въ 5 день, подалъ Мануйла, выписать.

А о чемъ государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичу всея Россіи греческій переводчикъ Мануйла Филаденской бьетъ челомъ, и въ Посольскомъ приказѣ выписано: въ прошломъ во 142 г. посланъ онъ на государеву службу во Царьгородъ съ послы съ Иваномъ Коробиннымъ да съ діакомъ Сергѣемъ Матвѣевымъ, а для той

Царегородской посылки дано ему государева жалованья на 2 года на 142 да на 143 по окладу его сполна по 25 руб. на годъ, да ему жъ дано подмоги противъ одного году вдвое; и всего ему дано государева жалованья и подмоги 100 руб.; да съ Казеннаго двора суено, да дороги, да ему жъ дано запасовъ противъ прежняго. А убытковъ Мануйла въ челобитиѣ своемъ написалъ: какъ де онъ поднимался на государеву службу, и онъ для подъяму животы свои и всякую домашнюю рухлядь испродалъ дешевою цѣною, а ѣхали они съ Москвы до Азова 17 недѣль, и учинилось ему убытковъ съ людьми въ проѣсти 30 руб.; да онъ же купилъ запасу на Воронежѣ на проѣздъ до Царягорода и въ Азовѣ рыбы и всякаго харчу на 35 руб.; а какъ де они поѣхали изъ Азова, и на морѣ встала волна великая, и въ то время корабленики запасъ его помѣтали въ море, и онъ де запасъ и харчъ покупалъ дорогою цѣною на иныхъ корабляхъ, и стало ему убытка въ проѣсти до Царягорода 20 руб.; а пріѣхавъ во Царьгородъ, и съ людьми онъ занемогъ и отъ лечьбы раздавалъ дохтуромъ 20 руб.; а во Царѣ де городѣ кормъ имъ данъ на одинъ мѣсяцъ, а въ другой мѣсяцъ, живучи во Царѣгородѣ, кормъ покупали, и въ той проѣсти учинилось ему убытка 15 руб.; а изъ Царягорода въ дорогу корму имъ не дано жъ, и онъ де для проѣзду купилъ во Царѣгородѣ всякаго запасу на 40 руб.; а какъ де они пришли въ крымской городъ въ Балыкнѣ, и крымскаго де царя люди, пришедъ къ нимъ на корабль, государеву казну и ихъ животы запечатали, а имъ сказали, что ихъ крымской царь хочетъ казнить, и онъ де Мануйло въ томъ городѣ ходилъ по гречанамъ, и про то провѣдывалъ, и отъ того давалъ имъ подарки изъ своего живота, и изшло у него въ подаркахъ на 40 руб.; а послѣ де того взяли ихъ всѣхъ въ городъ и дали за приставовъ, а послѣ де того взяты государевы послы въ Кафу, а его послали моремъ съ государевою казною и съ полоняниками на четырехъ стругахъ, и на морѣ учинилась погода, и за тою онъ погодою стоялъ немалое время и государеву казну уберегъ, и въ томъ стоянѣ учинилось ему убытка и проѣсти съ людьми 25 руб.; да его жъ де Мануйла ухватили въ Балыкнѣ крымскіе татарова, назвавъ его лазутчикомъ, и онъ тѣмъ татарамъ далъ отъ себя откупа 50 руб.; а какъ онъ поѣхалъ изъ Балыкнѣ въ Кафу и будетъ въ селѣ Ялитѣ, и тутъ его ухватили крымскіе татарова, а назвали лазутчикомъ, будто онъ съ Дона отъ казаковъ для вѣстей ѣздитъ, и хотѣли его отвезти къ крымскому царю, чтобъ его казнилъ, и онъ тѣмъ татарамъ далъ отъ себя откупа 50 руб.; а какъ онъ де пріѣхалъ въ селу Кучукъзюень, и тутъ его взяли крымскіе татарова, а назвали донскимъ атаманомъ, и хотѣли

его также отвезть къ крымскому царю, и онъ де и отъ тѣхъ татаръ откупился, а далъ 60 руб.; а какъ де онъ шелъ отъ Балыкны до Кафы, и ему де стало проѣсти съ людьми, и что вораблениковъ и комяжниковъ поилъ и кормилъ, 30 руб.; а въ Кафѣ де онъ сидѣлъ съ государевыми послы за приставомъ мѣсяца съ три, и стало ему убытковъ и проѣсти 40 руб.; а изъ Кафы, идучи до Азова, проѣлъ онъ и съ людьми 10 руб.; а изъ Азова, и съ Дона до Воронежа, и до Москвы проѣлъ онъ съ людьми своими 35 руб.; и всего онъ убытковъ въ челобитѣ своемъ написалъ 500 руб.

И нынѣ государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичу всея Россіи греческой переводчикъ Мануйла Филаденской бьетъ челомъ, чтобъ государь его пожаловалъ за царегородскую службу, и за убытки, и за изронъ своимъ государевымъ жалованьемъ.

И выписано ему напримѣръ. Въ прошломъ во 131 году посланъ былъ во Царьгородъ съ посланники съ Иваномъ Кондыревымъ да съ подъячимъ съ Тихономъ Бормосовымъ татарской переводчикъ Резепъ Кучуковъ; и какъ онъ пріѣхалъ въ Москвѣ, и дано ему государева жалованья за службу: камка сукно доброе, да въ окладу придано къ помѣстному 50 чети, денегъ 8 руб., да ему жъ дано за убытки 55 руб. Въ прошломъ во 136 году посыланъ былъ во Царьгородъ съ послы съ Семеномъ Яковлевымъ да съ дьякомъ съ Петромъ Овдокимовымъ греческой переводчикъ Анастасъ Селунской; и какъ онъ изъ Царьгорода ко государю въ Москвѣ пріѣхалъ, и дано государева жалованья за Царегородскую службу въ приказъ: сукно англійское доброе, камка адамашка, да ему жъ придано къ помѣстному его окладу помѣстья 100 чети, денегъ къ 30 руб. 10 руб, да за убытки дано ему, противъ челобитья его въ полы, 72 руб. 25 алтынь. Во 138 году посланы были въ Царьгородъ съ послы съ Андреемъ Совинымъ да съ дьякомъ съ Михайломъ Олфимовымъ татарской переводчикъ Алмаметъ Алышевъ; и какъ пріѣхалъ къ Москвѣ, и дано ему государева жалованья въ приказъ: сукно англійское, да въ окладу придано помѣстья 100. чети, денегъ 8 руб., да за убытки, противъ его челобитья, въ треть. Во 141 году посланы во Царьгородъ съ послы съ Афанасьемъ Прончищевымъ, съ дьякомъ съ Тиханомъ Бормосовымъ греческой переводчикъ Анастасъ Селунской да татарской мустофа Теввелевъ; и какъ они пріѣхали къ Москвѣ и били челомъ государю, Анастасъ Селунской о той своей службѣ, и послѣ челобитья его вскорѣ и не стало, и государь пожаловалъ, велѣлъ дати за его Анастасову службу, что было ему дать живому, 120 руб.; а тѣ деньги велѣно дать по его душѣ. Въ томъ же году посланы на государеву

службу во Царьгородъ съ послы съ Яковомъ Дашковымъ да съ дьякомъ съ Матвѣемъ Сомовымъ переводчики: татарской Билялъ Безергеневъ да греческой Ѳедоръ Черкасовъ; и какъ они пріѣхали изъ Царьгорода къ Москвѣ, и дано имъ государева жалованья въ приказъ: Билялу 40 кунецъ, камка кармазинъ, сукно лундышъ; Ѳедору тафта, сукно доброе; да къ окладу придано: Билялу къ помѣстному 100 чети, денегъ 12 руб., Ѳедору 50 чети, денегъ 10 руб. Билялу дано за убытки и за изронъ 55 руб. Въ прошломъ во 142 году посланы были на государеву службу во Царьгородъ съ послы съ Иваномъ Коробьинимъ да съ дьякомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ татарскаго языка переводчикъ Уразмаметъ Башмаковъ, да толмачи Алмакай Алышевъ, да Павелъ Сагалаевъ. И какъ послы шли изъ Царьгорода, и переводчикъ Уразмаметъ Башмаковъ, идучи изъ Царьгорода, въ дорогѣ умеръ, а послѣ его билъ челомъ государю братъ его Уразмаметевъ родной, Ялмаметъ Башмаковъ, чтобъ государь его пожаловалъ, за брата его службу, и за смерть, и за убытки, и за изронъ, и на помяновъ; и дано государева жалованья брату его Алмаметю Башмакову за брата его службу, и за убытки, и за изронъ 20 руб.; а что на братѣ его долгу 40 ефимковъ, и того имать на немъ не велѣно. А толмачи Алмакай Алышевъ да Павелъ Сагалаевъ, пріѣхавъ изъ Царьгорода къ Москвѣ, били челомъ государю о той службѣ, и дано имъ государева жалованья за ту Царегородскую службу по сукну по доброму чловѣку; да за убытки и за долгъ Алмакаю Алышеву 25 руб., Павлу Сагалаеву 20 руб.; да имъ же придано къ прежнимъ ихъ окладамъ помѣстныя придачи по 50 чети, къ деньгамъ по 4 руб. чловѣку; а что они заняли у пословъ изъ государевы казны Алмакай 25 ефимковъ, Павелъ 30 ефимковъ, и тѣ ефимки въ ту дачу имъ зачтены.

А государева жалованья Мануйлу Филаденскому: окладъ помѣстный 400 чети, денегъ 25 руб.

На оборотъ выписки: справилъ Михалко Волошениновъ.

4.

Царю государю и великому князю Михайлу Ѳедоровичу всея Россіи бьетъ челомъ холопъ твой Посольскаго приѣзда греческой переводчикъ Мануйликъ Филаденской. Въ прошломъ, государь, во 142 году, по твоему государеву указу, былъ я, холопъ твой, на твоей государевѣ службѣ во Царегородѣ съ твоими государевы послы съ Иваномъ Коробьинимъ да съ дьякомъ Сергѣемъ Матвѣевымъ. И какъ мы, холопи твои, шли съ Царьгорода черезъ Крымъ и будемъ въ Крымѣ въ Балыкнѣ, и въ Кафѣ, и насъ, холопей твоихъ, перегра-

били, и въ заперти сидѣли, и животъ свой мучили многое время, голодь, и всякую нужу, и бѣдность терпѣли; и одолжалъ я, холопъ твой, великими долги, испроѣлся донога, и прибрелъ къ тебѣ, государю, къ Москвѣ душею да тѣломъ, и въ долгу въ конецъ погибъ, а оплатить нечемъ, и пріютишка у меня, холопа твоего, дворшшка своего нѣтъ, скитаюся межъ дворъ, а твоего царскаго жалованья, помѣстейца и вотчинки, за мною, холопомъ твоимъ, нѣтъ нигдѣ ни одной четверти. А надѣючися, государь, на твою царскую милость, писали къ тебѣ, праведному государю, царегородской патріархъ Кирилъ, да іерусалимской патріархъ Теофанъ, и многіе власти объ моемъ отчествѣ и о вняженіи, и просятъ у тебя, праведнаго государя, милости о мнѣ, холопѣ твоемъ, чтобъ ты, государь, пожаловалъ меня, холопа своего, противъ иныхъ князей. И по твоему государеву указу тѣ патріарши грамоты и властелинскія у меня взяты, и въ Посольскомъ приказѣ переведены по русскія, а по тѣмъ грамотамъ, государь, въ отчествѣ моемъ и по ся мѣста мнѣ, холопу твоему, твоего государева указа нѣтъ; волочась передъ своею братьею въ позорѣ, въ воецѣ погибаю. А которые иноземцы розныхъ земель выѣзжаютъ на твое царское имя, и тѣ всѣ у тебя государя отчествомъ пожалованы и по твоему государеву указу написаны въ розныхъ чинѣхъ; а я, холопъ твой, будучи на твоей государевѣ службѣ во Царѣгородѣ съ твоими государевы послы, и какъ шли черезъ Крымъ, тебѣ государю служилъ вѣрою и правдою, нещада головы своей и небаяся отъ невѣрныхъ убойства и смерти, во всемъ тебѣ государю радѣлъ и работалъ безпрестанно. Милосердый государь, царь и великій князь Михайла Оедоровичъ всея Россіи! Пожалуй меня, холопа своего, для своего государева многолѣтнаго здоровья за мое царегородскую службишко, и за мое многое терпѣніе, и для моленія и прошенія тѣхъ патріарховъ и властей, и за мое отчество, и для моего иноземства, вели государь по тѣмъ патріаршимъ грамотамъ и властелинскимъ въ моемъ отчествѣ доложить себя, государя, и свой государевъ указъ учинить, чтобъ мнѣ, холопу твоему, волочась передъ своею братьею безъ отчества въ позорѣ въ конецъ не погинуть, и твоей бы государевы службы впредь не отбыть. Царь государь, смилуйся, пожалуй! *)

Па оборотъ двѣ помѣты: 1) государь пожаловалъ, велѣлъ по тому дѣлу доложить себя, государя; 2) 144 г. іюля въ 12 день, подалъ Мануйла, взять къ дѣлу и поднести дѣло.

*) Другая челобитная Филаденскаго одинаковаго содержанія и потому опущена. На ней помѣта: „поднести выписка“ см. лл. 89—90.

А о чемъ государю царю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичу всея Россіи греческаго языка переводчикъ Мануйла Филаденской бьетъ челомъ, и въ Посольскомъ привазѣ выписано. Въ грамотѣ царегородской патріархъ Кирилъ писалъ о Мануилѣ: сей христіанинъ Мануилъ, нареченной князь Матвѣевъ сынъ Филаденской, и онъ роду честнаго, и любя православленную христіанскую вѣру, и смиренно выѣхалъ, и поклонился царствію твоему; и по семъ молимъ и просимъ царствіе твое, пожалуешь его и объявишь ему пресвѣтлой своей образъ, по своему царскому благоправію, да пожалуешь молящихъ, что онъ благородной и служить царствію твоему вѣрою и правдою, да пожалуешь его противъ его братьи, какъ тебѣ милосердому государю Богъ извѣститъ. Въ грамотѣ жъ іерусалимской патріархъ Ѳеофанъ ко государю писалъ: сей поклоняющійся холопъ царствія твоего Мануйла князь Матвѣевъ сынъ Филаденской, отъ роду честнаго, и благороднаго, и добраго, и православнаго, и возлюбя всею душею православленную вѣру христіанскую и благочестіе, прибѣгнулъ къ твоему царскому жалованью и служить тебѣ государю вѣрою и правдою, и для того бьемъ челомъ тебѣ, государю, молимъ и просимъ, да воспріимиши его въ тихомъ образѣ, и почтиши его, и пожалуешь, какъ тебѣ, милосердому государю, объ немъ Богъ извѣститъ. О томъ пишемъ и молемъ, да будетъ и онъ благодаренъ, какъ и иные отецкіе князіе дѣти, во имя великое у твоего царскаго жалованья. Въ переводѣ съ челобитной полянскаго епископа Калинника написано: возвѣщаю великому твоему царствію о честномъ и природномъ князѣ киръ Мануилѣ Филаденскомъ, о переводчикѣ. По твоему государеву указу, былъ онъ на твоей государевѣ службѣ во Царѣгородѣ съ твоими государевыми послы, съ Ивановъ Коробинимъ да съ дьякомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ; и, будучи на твоей государевѣ службѣ, великую нужу и бѣдность терпѣлъ, и протори ему учинились неизреченныя, какъ есмь слышали отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, и постоялъ крѣпко, и явился вѣрный холопъ царствію твоему, и не измѣнилъ, и не отѣхалъ никуда, помня великое жалованье царствія твоего. И по семъ молимъ великого твоего царствія, да пожалуешь природнаго сего киръ Мануила и почтишь его, какъ тебѣ, милосердому государю, объ немъ Богъ извѣститъ; а я, богомолецъ твой, долженъ за тебя государя о твоемъ царскомъ многолѣтномъ здоровьѣ Бога молить. Въ переводѣ съ челобитной царегородскаго патріарха архимарита Авфилохія да іерусалимскаго патріарха архимарита Кирила написано: объявляемъ царствію твоему о честномъ и природномъ и благородномъ князѣ киръ Мануилѣ Филаденскомъ, о переводчикѣ. По твоему государеву указу посыланъ онъ съ твоими

государевыми послы, съ Иваномъ Коробьинымъ да съ діавомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ во Царьгородъ; и, будучи на твоей государевѣ службѣ, въ дорогѣ великую нужу и бѣдность терпѣлъ и протори неизреченныя, какъ есмь слышали отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, и стоялъ твердо, и объявился вѣрный холопъ царствія твоего, и не отсталъ, я не отбѣгъ никуда, помня великое жалованье царствія твоего, и положиа животъ свой за тебя государя. И посемъ молимъ царствіе твое, да пожалуешь сего киръ Мануила честнаго князя своимъ царскимъ жалованьемъ и почтись его, какъ тебѣ, милосердому государю, Богъ извѣститъ.

И нынѣ государю царю и великому князю Михайлу Фёдоровичу всея Россіи греческой переводчикъ Мануила Филаденской бьетъ челомъ, чтобъ государь его пожаловалъ за царегородскую службу, и за многое его терпѣнье, и для моленія и прошенія тѣхъ патріарховъ и властей, велѣлъ ему, по ихъ письму, въ его отчествѣ свой государственной указъ учинить, чтобъ ему передъ своєю братьею въ отчествѣ позорну не быть и въ конецъ не погинуть.

На оборотъ выписки: Справилъ Михалко Волошениновъ. *На лицевой сторонѣ по склейкамъ помѣта:* 146 г. марта въ 11 день, государь царь и великій князь Михайла Фёдоровичъ всея Россіи, сее выписки слушавъ, пожаловалъ переводчика Мануила Филаденскаго, за царегородскую службу, велѣлъ ему своего государева жалованья придати къ прежнему его окладу помѣстнаго 100 чети, денегъ 10 руб.; да въ приказъ сукно англійское доброе, камка добрая, да за убытки и за изронъ 50 руб., да ему жъ написать, по патріаршимъ грамотамъ, княжее именованье *).

5.

Царю государю и великому князю Михайлу Фёдоровичу всея Россіи бьетъ челомъ холопъ твой Посольскаго приказа греческой переводчикъ Мануиликъ Филаденской. Въ прошломъ государь въ 142 году, по твоему государеву указу, былъ я, холопъ твой, на твоей государственной службѣ въ Царьгородѣ съ твоими государевыми послы съ Иваномъ Гавриловичемъ Коробьинымъ да съ дякомъ Сергѣемъ Матвѣевымъ; и, будучи государь на той твоей государевѣ службѣ *два года* во Царьгородѣ и въ Крымѣ, вездѣ служилъ тебѣ, государю, вѣрою и правдою, во всемъ радѣлъ, и за тебя государя всякую нужу и обиды

*) См. М. А. М. Ю. Приказнаго стола Разряда, столбецъ № 1692, л. л. 73—88, 91—96.

и тѣсноту отъ нечестивыхъ терпѣлъ, а твоихъ государевыхъ пословъ нигдѣ неосталь, а отъ агарянскихъ людей въ турецкихъ городѣхъ въ Балыкенѣ, и въ Кафѣ, и въ Азовѣ въ заперти сидѣлъ многое время, хлѣбъ, и воду, и дрова, и харчъ покупалъ дорогою цѣною. И я, холопъ твой, съ людишками своими испроѣлся донога, и занялъ съ твоей государевы казны 15 руб. денегъ, и прокормился съ людишками своими, сидячи за приставомъ въ тюрьмѣхъ, за тебя государя терпячи отъ невѣрныхъ; а нынѣ государь на мнѣ же, холопѣ твоемъ, тѣхъ твоихъ государевыхъ 15 руб. правять, а мнѣ холопу твоему взати негдѣ потому, государь, что будучи два года на твоей государевѣ службѣ, одолжалъ великимъ долгомъ. Милосердый государь, царь и великій князь Михайла Ѳеодоровичъ всея Россіи! Пожалуй меня, холопа своего, для моей царегородской службишпи, и нужнаго терпѣнья, и за бѣдность, не вели государь на мнѣ тѣхъ твоихъ государевыхъ долговыхъ 15 руб. править, чтобъ мнѣ, холопу твоему, стоя на правѣжѣ, отъ должниковъ замучену небыть, и въ конецъ не погибнуть, и твоей бы царскія службы впредь не отбыть. Царь, государь, смилуйся, пожалуй!

На оборотъ помѣта: 146 г. октября въ 11 день, государь пожаловалъ, правити не велѣлъ.

Лѣта 7146 іюня въ 13 день, по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳеодоровича всея Россіи указу память дьякамъ думному Ѳеодору Лихачеву, да Максиму Матюшкину, да Григорью Львову. Апрѣля въ 25 день, въ памяти въ Разрядѣ, за твоею, Максимовою, приписью, написано: велѣно греческаго переводчика Мануйла Матвѣева сына Филаденскаго вѣдать въ Разрядѣ и въ списокъ велѣно его написать княжимъ имянемъ, а пожаловалъ его государь, велѣлъ княжимъ имянемъ написать по прошенью царегородскаго да іерусалимскаго патріарховъ. И Мануйла Филаденской билъ челомъ государю царю и великому князю Михайлу Ѳеодоровичу всея Россіи, чтобъ пожаловалъ государь по прошенію греческихъ патріарховъ и иныхъ греческихъ властей, велѣлъ его написать княжимъ имянемъ по его отечеству, и государь бы его пожаловалъ, велѣлъ греческихъ патріарховъ, и иныхъ греческихъ властей грамоты, что писали къ государю объ немъ, Мануйлѣ, взять въ Разрядѣ. И по государеву цареву и великого князя Михайла Ѳеодоровича всея Россіи указу, дьякамъ думному Ѳеодору Лихачеву, Максиму Матюшкину, да Григорью Львову велѣтъ въ Посольскомъ приказѣ выписать, царяградскаго, іерусалимскаго патріарховъ и иныхъ властей изъ грамотъ, что они къ государю про Мануйла Филаденскаго и про его отечество писали, и ту выпись велѣтъ прислати въ Разрядъ къ діакамъ въ думному еъ Ивану

Гавреневу, да къ Григорью Ларіонову за своею приписью. Подписалъ дьякъ Григорій Ларіоновъ.

Лѣта 7146 іюля въ 26 день, по государеву цареву и великаго князя Михайла Ѳедоровича всея Россіи указу память дьякамъ думному Ивану Гавреневу да Григорью Ларіонову. Въ Посольской приказъ къ дьякамъ думному къ Ѳедору Лихачеву, да къ Максиму Матюшкину, да къ Григорью Львову въ памяти, за твоею, Григорьевою, приписью, написано: велѣти бѣ выписати изъ грамотъ царегородскаго, іерусалимскаго патріарховъ и иныхъ властей *), что они писали ко государю про Мануйла Филаденскаго и про его отчество, и ту бѣ выпись велѣтъ прислать къ вамъ въ Разрядъ. И въ Посольскомъ приказѣ выписано изъ грамотъ царегородскаго іерусалимскаго патріарховъ и иныхъ властей, какъ они писали ко государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичу всея Россіи съ послы съ Иваномъ Коробьинимъ да съ дьякомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ во 144 году о Мануйловѣ отечествѣ Филаденскаго, и та выписка послана въ Разрядъ къ дьякамъ, къ думному къ Ивану Гавреневу, да къ Григорью Ларіонову подь сею памятью.... *Ни оборотъ помѣта*: отписать. .

Лѣта 7146 августа въ 8 день, по государеву цареву и великаго князя Михайла Ѳедоровича всея Россіи указу, память дьякамъ, думному Ѳедору Лихачеву, да Максиму Матюшкину, да Григорью Львову. Билъ челомъ государю царю и великому князю Михайлу Ѳедоровичу всея Россіи князь Мануйла Филаденской: въ прошломъ въ 142 году, былъ онъ на государевѣ службѣ въ Царѣгородѣ съ послы съ Иваномъ Коробьинимъ да съ дьякомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ, и за ту Царегородскую службу учинено ему въ Посольскомъ приказѣ государева жалованья придачи къ старому его окладу къ 25 руб. 10 руб., и тѣ придаточныя деньги ему и по ся мѣста не даны; а его де братья, которые были съ нимъ въ Царѣгородѣ, и тѣмъ государево жалованье прилаточныя деньги даны; и государь бы его пожаловалъ, для той царегородской службы, и бѣдности, и терпѣнья, велѣлъ то свое государево жалованье придаточныя деньги дати противъ его братья; и по государеву цареву и великаго князя Михайла Ѳедоровича всея Россіи указу, дьякамъ, думному Ѳедору Лихачеву, да Максиму Матюшкину, да Григорью Львову, велѣтъ выписати въ Посольскомъ приказѣ: въ прошломъ во 144 году князю Михайлу Филаденскому въ второмъ мѣсяцѣ и числѣ, и что государева жалованья къ прежнему его окладу придачи, и къ кольнимъ рублямъ учинено, и та ему пра-

*) Грамоты выписаны выше.

дача дать указана ль, и для чего ему та придача не дана, и кто иманы переводчики, и толмачи, и кречетники, и сокольники, и ястребники были съ нимъ вмѣстѣ въ Царѣгородѣ, и придачи имъ учинены же ли, и тѣ придаточныя деньги товарищамъ его даны ли, да та выпись велѣтъ прислать въ Разрядъ къ дьякамъ къ думному къ Ивану Гавреневу да къ Григорью Ларіонову за своею приписью. Подписалъ дьякъ Григорій Ларіоновъ.

Въ отвѣтной памяти Посольскаго приказа 146 г. августа въ „ “ день, написано..... и въ Посольскомъ приказѣ выписано: въ нынѣшнемъ во 146 г. марта въ 11 день, князю Мануйлу Филаденскому за царегородскую службу, что посыланъ былъ въ Царѣгородъ съ послы съ Иваномъ Коробинимъ да съ дьякомъ съ Сергѣемъ Матвѣевымъ въ переводчикахъ для греческой грамоты, придано государева жалованья къ прежнему его къ денежному окладу къ 25 руб. 10 руб., и та ему придача не выдана, потому что челобитья его къ государю въ Посольскомъ приказѣ не бывало. За тое жъ Царегородскую службу придано государева жалованья Посольскаго приказа толмачамъ Алмакаю Алышеву, да Павлу Сагалаеву, да кречетнику Исааку Черцову, къ прежнимъ ихъ окладамъ по 4 руб. челоуѣку, и тѣ придаточныя деньги имъ выданы. *Рукою подъячаго Волошенинова написано: написать въ сее память кречетниковъ и ястребниковъ всѣхъ; не только ихъ въ той посылкѣ было, что Исаакъ Черцовъ; есть и иные; чаю, ихъ челоуѣкъ съ пять будетъ; выписи ихъ въ томъ помѣтномъ столпу нѣтъ, гдѣ Исаакова выписка, и ее смотрѣтъ въ столпу у Ивана Ѳедорова *).*

*) См. въ томъ же столбцѣ, л. л. 97—108.

**Матеріалы для исторіи Императорскаго Общества Исторіи и
Древностей Россійскихъ.**

I.

ПИСЬМА О. М. БОДЯНСКАГО КЪ ОТЦУ.

II.

ПИСЬМА И. П. САХАРОВА КЪ О. М. БОДЯНСКОМУ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА

А. А. Т и т о в а.

Печатаво подъ наблюдениемъ Н. А. Блокурова.

Въ моемъ собраніи рукописей имѣется значительное число писемъ разныхъ лицъ къ О. М. Бодянскому, равно какъ и писемъ его самого. Въ настоящемъ выпускѣ издаю 1) письма О. М. Бодянского къ отцу, тщательно сохранявшіяся послѣднимъ, по смерти его взятыя О. М. обратно, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими его бумагами поступившія къ намъ и 2) письма къ О. М. Бодянскому И. П. Сахарова.

Первыя письма, представляющія прекрасный матеріалъ для біографіи начальнаго періода жизни и дѣятельности покойнаго секретаря Общества, обнимаютъ главнымъ образомъ время нахождения Бодянского въ семинаріи, съ 1821 по 1831 г., и за тѣмъ года съ 1843 по 1846, въ которомъ скончался отецъ О. М.

Отецъ Бодянского — Максимъ Гавриловичъ былъ священникомъ, и одно время благочиннымъ, въ мѣстечкѣ Варвѣ, Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ.; кромѣ сына Осипа, родившагося 3 ноября 1808 г., имѣлъ еще другого — Ѳедора, моложе перваго на четыре года. Максимъ Гавриловичъ только изрѣдка наѣзжалъ въ Переяславль за сыномъ, который въ первые годы школьной жизни каникулярное время проводилъ дома. Съ внѣшнимъ, внѣслужебнымъ міромъ М. Г. имѣлъ мало сношеній; кромѣ писемъ сына изрѣдка получалъ извѣстія отъ брата — протоіерея Ильи Бодянского.

Утѣшеніемъ и отрадой въ однообразной жизни отца съ матерью были ихъ дѣти Осипъ и Ѳедоръ Максимовичи, которыхъ они сильно любили и всячески заботились. Матеріальныя средства Бодянскихъ, насколько можно видѣть изъ переписки, были ограниченныя, такъ что содержаніе дѣтей въ семинаріи было для нихъ довольно таки тяжело; къ этому присоединилась болѣзнь обояхъ сыновей: сначала Осипа, страдав-

шаго болѣзнью ногъ, такъ что приходилось къ платѣ за содержаніе прибавлять расходы по лѣченію, («а банка мази дорога — 3 руб., и вотъ нѣсколько ужъ ихъ вышло»); потомъ серьезно заболѣлъ Федоръ, лѣчившійся, впрочемъ, дома. А тутъ, вскорѣ, заболѣла и мать. Извѣстіе объ этомъ сильно взволновало Осипа Максимовича, всегда любовно и тепло относившагося къ родителямъ; невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе письмо его къ отцу по поводу этой болѣзни; сколько въ немъ чувства, переходящаго при обращеніи къ брату въ томъ нравоучительный (отъ 1 іюня 1831 г. № 72).

Но всѣ эти временныя невзгоды проходили, не оставляя глубокаго слѣда; мирная жизнь Бодянскихъ текла обычною чредой до 1845 года, когда вдругъ, неожиданно-негаданно надъ ними разразилось бѣдствіе, въ конецъ сломившее дотолѣ бодрого духомъ и тѣломъ старика-отца.

5 февраля 1845 г. Максимъ Гавриловичъ дрожащей отъ волненія, мѣстами едва доступной для прочтенія, рукой пишетъ сыну:.... «очень потревожили меня духомъ и мыслию въ чувствахъ мой недоброхотъ сосѣдъ начальникъ отецъ Іоаннъ Константиновичъ въ томъ, что якобы я по нерадѣнію о должности своей не исполнилъ оной крещеніемъ двухъ младенцевъ, родившихся прошлаго года ноября первыхъ числъ, кои вскорости, по недоставленіи кумовьями, померли»... Дѣло оказалось серьезное, хотя для старика Бодянскаго — напраслина, и онъ просилъ сына о пособленіи и помощи предъ владыкой. Осипъ Максимовичъ письменно и лично просилъ епископа полтавскаго Гедеона о справедливости. Ничто, однако, не подѣйствовало: отецъ Максимъ былъ отрѣшенъ отъ должности. Не перенесъ старецъ ни напраслины, ни наказанія несправедливаго; удрученный горемъ, обиженный, онъ сильно упалъ духомъ, и въ слѣдующемъ 1846 г. 15 іюля умеръ.

Вотъ что писалъ преосвященному Гедеону осиротѣвшій Осипъ Максимовичъ 18 того же іюля: «Итакъ, предсказаніе мое въ послѣднемъ письмѣ къ вашему преосвященству (въ прошломъ мартѣ), къ несчастію, сбылось вполнѣ. Отца моего нѣтъ болѣе въ живыхъ. Бури, разразившейся неожиданно надъ его сѣдинами, онъ не въ силахъ былъ перенести: паде и не

воста къ тому! Сего іюля 15 дня едва успѣлъ я закрыть главу ему. Лѣта его (63-й годъ) и сложеніе обѣщали ему еще долгую жизнь; но душевная скорбь по извѣстному вамъ дѣлу (которое, какъ теперь я на самомъ мѣстѣ разувналъ и разслѣдовалъ, крѣпко сомнительнаго характера), обнявшая его со всѣхъ сторонъ и не дававшая ни на мгновеніе покоя, сокрушила въ нѣсколько недѣль то, что, по всему, могло стоять долго и долго. А что неотразимѣе и сильнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ кручины духа? Но—Богъ разсудить.... и найдетъ виновнаго; изъ могилы не подають ацелляціи и не нанимають стряпчихъ; мертвымъ нужнѣе всего покой: было и — былѣемъ поросло! — Иное дѣло живые: «живый живе и гадае», говоритъ малороссійская пословица; а потому я просилъ бы ваше преосвященство обратить свое архипастырское вниманіе на вдову покойнаго, а мою мать, и, буде можно и законно, оказать ей свое призрѣніе, на которое 38-ми лѣтнее безупречное служеніе алтарю Господню супруга ея, кажется, даетъ сколько нибудь права. Конечно, пока я и братъ мой живы и благополучны, ова можетъ безбѣдно проводить остальные дни свои; но провидѣть и братъ мѣры противу неизвѣстнаго будущаго никогда неиздольно; напротивъ—это священный долгъ каждаго благоразумнаго какъ въ отношеніи къ самому себѣ, такъ, тѣмъ болѣе, въ отношеніи къ родшимъ насъ. Впрочемъ, все сіе совершенно зависитъ отъ воли вашего преосвященства»....

Интересенъ отвѣтъ преосвященнаго Гедеона полтавскаго на это письмо Осипу Максимовичу отъ 10 августа того же 1846 года: «Сожалѣю, что вы лишились отца. По вашему чувству сыновнему вы бы желали продлить его жизнь. Но Всевышній воззвалъ его въ вѣчность. Молитесь о упокоеніи души его—остался священный долгъ сыновняго чувства. Ваши сѣтованія о прежнемъ неприятномъ—глубоки; но отъ начальства сдѣлано все, что можетъ дать справедливость, соединенная съ милостію. Надобно было освободить его отъ посылки въ монастырь, и онъ мною освобожденъ; хотя онъ поставленъ былъ внѣ штата, однакоже опять допущенъ былъ моею революціею до прихода. Послѣ того ему оставалось просить оста-

ваться на приходѣ, а другому не прїѣзжать туда, но онъ не просилъ. Господь воззвалъ его въ страну вѣчности и тѣмъ даруетъ ему покой вѣчный... Что касается до вспомошествованія вашей матери, то ей самой слѣдуетъ просить, чего она желаетъ. Въ оказаніи помощи не будетъ отказа. Желаю сдѣлать все, что отъ меня зависитъ къ вашему утѣшенію»...

Первыя изъ писемъ О. М—ча къ своему отцу коротки, отрывочны и свѣдятся, главнымъ образомъ, къ присылкѣ продовольствія Осипу Мак—чу отцемъ (изъ села въ Переяславль), почему въ нѣкоторой степени однообразны; но мы не рѣшились исключить ни одного изъ нихъ. Допустить это—разрушить гармонію цѣлаго—было бы не только не справедливо, но и послужило бы въ ущербъ общаго представленія о интересахъ юнаго славяновѣда, волновавшихъ его въ первые годы школьной жизни; изрѣдка въ этихъ посланіяхъ упоминается о новостяхъ дня, и главнымъ предметомъ сообщеній служитъ полтавскій владыка Георгій. Затѣмъ новости дѣлаются уже любопытнѣе; наблюдательность ученика увеличивается, и онъ время отъ времени начинаетъ высказывать лично свои мнѣнія о томъ или другомъ предметѣ; общается отцу новости политическія, узнавныя имъ изъ газетъ; пространнѣе становятся письма, вырабатывается изложеніе...

Съ особеннымъ интересомъ читаются письма по поводу явившагося у Осипа Максимовича намѣренія поступить въ С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ, намѣренія неосуществившагося, но долго и упорно волновавшаго О. М—ча. Не лишнимъ считаемъ отмѣтить для характеристики того времени одинъ фактъ, относящійся къ этому: Бодянскій настойчиво нѣсколько разъ просилъ своего отца выслать инспектору семинаріи Беккаревичу «гостинецъ» — то или другое число рублей, что много бы, по словамъ О. М., помогло дѣлу, такъ какъ отъ Беккаревича зависѣло назначить въ этотъ Институтъ болѣе способныхъ и здоровыхъ семинаристовъ. О. М—чъ посылаетъ даже отцу образцовое письмо, которое тотъ, переписавъ, долженъ послать Беккаревичу. «Въ письмѣ,

батюшка, для лучшаго успѣха въ семь дѣлѣ, можете, не пожалѣвъ, прислать 15 руб. бумажками; ибо кто мажетъ, по пословицѣ, тотъ ѣдетъ скорѣе. Письмо сіе по написаніи вы не запечатывайте и не пишите въ ономъ, что вы ему посылаете сей гостинецъ, ибо этимъ можно его будетъ нѣсколько пристыдить. Я, здѣсь его запечатавъ и приложивъ еще отъ себя нѣсколько денежекъ, поспѣшу доставить, какъ можно скорѣе ему»... (см. № 42). И еще не разъ сынъ просилъ объ этомъ отца. Замѣченная мѣстнымъ архіереємъ косость праваго глаза у Осипа Мак—ча заставляетъ послѣдняго вновь просить отца о гостинцѣ—рублей 25 «для избѣжанія будущихъ непріятностей» (см. письмо № 48). «Въ письмѣ не надобно писать, что деньги ему посылаете, а только ихъ въ срединѣ онаго приложить. Онъ уже и самъ догадается въ чемъ дѣло идетъ».—О. М. Бодянской сильно желалъ поступить въ этотъ Институтъ, собирався уже въ дорогу, нашилъ себѣ бѣлья и нѣсколько паръ сапогъ. Но его желанію не суждено было исполниться и, оказалось, къ лучшему. Въ письмахъ товарища жизнь въ стѣнахъ этого заведенія была обрисована столь непривлекательными красками, что, сообщая о томъ своему отцу, Осипъ Максимовичъ заключаетъ: «вотъ куда было я, несчастный, сунулся. Теперь стократно благодарю Всевышняго о сохраненіи меня отъ сего заведенія»...

Весьма характерны письма о секретарѣ консисторіи, видимо, порядкомъ насолившемъ, а также о новомъ владыкѣ Наонаилѣ, какъ бичѣ дореформеннаго консисторскаго времени. Польское возстаніе и война, а равно холера 1830—1831 гг. послужили матеріаломъ цѣлаго ряда писемъ, интересныхъ и пространныхъ. Послѣднее письмо по окончаніи курса въ семинаріи, съ сообщеніемъ о сборахъ въ Москву, было отъ 27 августа 1831 года (№ 74).

До 1843 г. въ перепискѣ перерывъ. Къ этому времени Бодянской возвратился уже изъ-заграницы. Имя и слава его, какъ ученаго, дѣшла, по сообщеніямъ газетъ, и до родни; такъ еще 28 октября 1842 г. заслуженный протоіерей Илья Бодянской пишетъ своему брату Максиму Гавриловичу: «слышали ли вы о Іосифѣ, сынѣ своемъ, или нѣтъ? Я въ лите-

ратурной газетѣ подѣ названіемъ «Денница» начитался такъ: «11 августа прибыли въ Варшаву извѣстные молодые ученые: адъюнктъ-профессоръ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ И. И. Срезневскій и магистръ Императорскаго Московскаго университета О. М. Бодянский. Здѣшніе ученые (т. е. въ Варшавѣ), занимающіеся славянскою литературою, приняли ихъ съ величайшимъ радушіемъ. Гг. Срезневскій и Бодянский уже окончили свое путешествіе по всѣмъ славянскимъ землямъ, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ, и возвращаются теперь въ Россію для занятія кафедръ славянскихъ нарѣчій и литературъ. Да получаютъ они достойную награду за совершенный ими подвигъ въ успѣхахъ своихъ будущихъ слушателей»...

Очевидно, по поводу этого сообщенія отецъ писалъ О. М.—чѣ, что и заставило послѣдняго въ своемъ письмѣ отъ 18 февраля 1843 г. сообщить отцу перечень 14 языковъ, знакомыхъ и изученныхъ О. М.

Письма И. П. Сахарова къ Бодянскому имѣютъ неразрывную связь съ напечатанными въ «Древней и Новой Россіи» Н. П. Барсуковымъ письмами О. М. Бодянскаго къ И. П. Сахарову (1880 г., апрѣль, ст. «Русскіе палеологи»), въ виду чего я позволяю себѣ послѣ cadaго письма Сахарова привести небольшую выдержку изъ отвѣта на него Бодянскаго, безъ чего, по мнѣнію моему, переписка будетъ менѣе ясна.

Авторъ «Сказаній русскаго народа» Иванъ Петровичъ Сахаровъ родился въ Тулѣ 29 августа 1807 г., скончался 24 августа 1863 г. въ своей Новгородской усадьбѣ, въ Зарѣчьи, Валдайскаго уѣзда. Болѣе подробно о немъ—въ «Русскомъ Архивѣ» за 1865 и 1873 гг.

Предлагаемая его переписка съ Бодянскимъ ограничивается всего 10 письмами; началась она въ апрѣлѣ 1846 и кончилась въ февралѣ 1848 года. Поводомъ если не къ полному разрыву, то къ охлажденію и прекращенію переписки послужилъ, какъ ясно видно, неудавшійся проектъ перваго

(Сахарова) объ учрежденіи премій при Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Отвѣтъ Бодянскаго на это предложеніе настолько интересенъ *), что мы сочли возможнымъ привести таковой *столна* по сохранившемуся у насъ съ него черновому отпуску.

Между прочимъ въ этомъ письмѣ частію идетъ рѣчь и о «Изборникѣ князя Святослава», изданіе котораго было принято Бодянскимъ, но до конца, впрочемъ, имъ не доведено. Этотъ памятникъ древней письменности выпущенъ въ свѣтъ только въ 1883 году Е. В. Барсовымъ («Чтенія» кн. 4, 1883 г.). Въ нашемъ рукописномъ собраніи сохранились всѣ черновые матеріалы, принадлежавшіе Бодянскому, относительно этого изданія и въ особенности цѣнны списки, сдѣланные имъ: а) № 417 (по охр. кат.). Изборникъ царя Симеона по бумажному списку Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, № 118—52, съ примѣчаніями Бодянскаго; въ 4-ку на 240 л.; б) № 773 Сборникъ в. к. Святослава по пергаменному списку Онѣфима, въ два столбца, въ л., на 168 л.; и в) № 779 Сборникъ в. к. Святослава въ 2 столбца, въ л., на 302 л.

И. П. Сахаровъ также принялся за изданіе подобнаго Сборника, извѣстнаго подъ названіемъ «Эрмитажнаго», и сообщилъ Бодянскому первый печатный листъ.

«Вашъ Эрмитажный Сборникъ, отвѣчалъ Осипъ Максимовичъ, сравнивъ присланное со своими рукописями, — тоже сокровище, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. По языку онъ далеко, предалеко ниже Остромирова Евангелія: это памятникъ эпохи переходной»...

Это письмо было послѣднее, если не считать холодныхъ записокъ: со стороны Сахарова — о возвращеніи проекта о преміяхъ, а отъ Бодянскаго — съ восклицаніемъ: «туда имъ и дорога, этимъ русскимъ патриотамъ!»...

Такъ недавно еще восхвалявшій дѣятельность Бодянскаго Сахаровъ черезъ годъ по прекращеніи съ нимъ дѣлъ писалъ уже А. М. Кубареву **) такія строки: «Да настройте

*) 7-е письмо въ журн. «Др. и Нов. Рос.» 1880 г. XVI т., стр. 745—749.

**) «Др. и Нов. Рос.» 1880 г., стр. 728, т. XVI.

его (Погодина) хорошенъко, чтобы онъ съ разборомъ вѣрилъ въ переводы Бодянскаго съ богемскаго. У Бодянскаго наврано въ «Чтеніяхъ», по переводу Шафарина о старопечатныхъ книгахъ, и М. П. Погодинъ хочетъ ставить закономъ переводъ. Непонятная вещь»...

Тутъ вскорѣ разразилась надъ О. М. Бодянскимъ извѣстная гроза съ исторіей Флетчера, и всѣ его корреспонденты и друзья на бумагѣ не высказали ему ни слова сожалѣнія.

«Малороссійская свинья только хрюкаетъ», пишетъ (17 ноября 1849 г.) Кубаревъ, сообщая Сахарову, что Бодянской не сдаетъ дѣлъ, а секретарь (И. Д. Бѣляевъ) безъ него не принимаетъ. («Др. и Нов. Рос.» стр. 730).

И не одинъ Кубаревъ такъ отзывался объ Осипѣ Максимовичѣ. Порицателей было слишкомъ много, и тяжело это было для Бодянскаго въ его несчастіи. Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ наиболѣе грустныхъ думъ изъ подъ пера его въ 1849 г. вылились слѣдующія строки, посвященные одному изъ такихъ недруговъ:

.....

 Бродячій патріотъ славянской
 Вездѣ съ славянскою семьей
 Ты возишься, а гдѣ Бодянской?
 Оттертъ, замаятъ, пошелъ съ сумой!..

Дѣйствит. членъ А. А. Титовъ.

1892 г. 22 ноября.
 9 декабря.
 Ростовъ-Великій.

І. Письма О. М. Бодянского къ отцу (1821—1846 гг.).

1.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

По отъѣздѣ вашемъ изъ Переяслова я остался, слава Богу, живъ и здоровъ и во всемъ благополученъ, чего и вамъ желаю. Что вы сказывали, чтобъ я исправился гдѣ стоитъ Климовъ, то я по вашему приказанію справился: онъ стоитъ у отца Василя Павловскаго, учителя высшаго отдѣленія уѣздныхъ училищъ. Я получилъ чрезъ отца Артемія переселку всю, какою вы мнѣ переслали; тому я весьма радъ и благодарю покорно за вашу ко мнѣ родительскую любовь. Зачемъ остаюсь съ сыновнимъ моимъ смиреніемъ и почтеніемъ вашъ покорной сынъ Іосифъ Бодянской.

1821 г. сентября 20 дня.

Р. С. Покорно прошу отдать поклонъ крестной моеи матушкѣ и всѣмъ моимъ знакомымъ.

Наоборотъ здѣсь и на друиыхъ письмахъ: его превелебію дражайшему родителю іерею Максиму Бодянскому изъ Переяслова въ м. Варву.

Здѣсь же въ рукописи имѣется также еще слѣдующее письмо О. М. Бодянскаго того же года къ брату:

Любезній братъ Федоръ Максимовичъ!

Вопервыхъ желаю я тебѣ здравія и благополучія во всемъ. Увѣдомляю я тебя, что Степанъ пріѣхалъ 14-го мая; я получилъ вартузъ, торщечокъ (?) муду, также 10 булокъ, 2 р. денегъ, 2 пряника и 2 жареныхъ куриць и ящикъ жареныхъ рыбъ, за что я весьма радъ и благодарю б. и м. Посылаю я тебѣ картинку и отъ хозяйки тебѣ пряникъ и 7 бубликовъ. Зачемъ остаюсь твой братъ желающій тебѣ всякаго добра и благополучія Іосифъ Бодянской.

1821-го г. мѣсяца мая 16-го дня.

Р. С. Въ насъ новости вотъ какія: нашъ преждебывшій учитель Рябчевскій перешолъ у синтаксисъ февраля 18-го дня; вмѣсто того изъ приходскихъ училищъ учитель Филиппъ Андреевскій въ грамматику въ приходскіи училище изъ Полтавы Лавренко въ приходскія училища.

2.

Дражайшіе родители!

Получилъ я письмо ваше чрезъ Ан. Иван. Галабутскаго отъ 20 апрѣля, въ которомъ получилъ 20 к. с. хозяину, которіе и отдалъ ему въ руки, и себѣ также получилъ 20 к. с., за которіе нижайше благодарю и обѣщаюсь успѣвать въ наукѣ. Зачемъ, пожелавъ вамъ здравія и благополучія, остаюсь вашъ покорный сынъ Іосифъ Бодянскій.

1822 г. апрѣля 24 дня.

Письмо О. М. Бодянского къ отцу занимаетъ одну страницу, а на второй и третьей страницахъ его находится слѣдующее письмо:

Превелебнѣйшій и почтеннѣйшій о. Максимъ!

Прошу великодушнѣйшаго извиненія вашего за то, что я и при вторичномъ случаѣ не могу въ особенности писать къ вамъ и благодарить за присылку съ Осипомъ мнѣ денегъ. Присылка сія тѣмъ для меня чувствительнѣе, что предупредила самую мою надежду получить и время, въ которое просилъ васъ прислать оныя. Изъ сего вижу я, что вы, не какъ нѣкоторые другіе, занимаясь процентами, опасаются преждевременно пожертвовать пустякомъ за благодарность; но падѣтесь и вѣрите, что учать не за деньги только, а болѣе для того, чтобы послѣ отъ учениковъ получить о себѣ добрыя мысли и заслужить доброе имя. Я, а въ особенности для васъ, всѣми силами постараюсь о семъ и въ сихъ мысляхъ навсегда пребуду вашимъ нижайшимъ и всеусерднѣйшимъ слугою. Ив. Кирьяковъ.

24 апрѣля.

3.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Поздравляю васъ Филипповымъ постомъ и желаю вамъ провести его въ здравіи и благополучіи. Получилъ я ваше письмо отъ 20 ноября чрезъ Андрея Ивановича г. Галабутскаго и въ ономъ деньги на латинскую грамматику 2 р., за которіе и купилъ ее, которую и посылаю къ вамъ, также и себѣ 1 р. 50 к., за которіе благодарю по-

корно. Затѣмъ, пожелавъ вамъ здравія и благополучія, есмь вашъ сынъ Іосифъ Бодянской.

1822 г. ноября 24 дня,

4.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Поздравляю васъ съ праздникомъ Р. Х. и желаю вамъ оной провести здраво и благополучно. Я ожидалъ подводы отъ отца Михаила, но не было. Я, слава Богу, живъ и здоровъ нахожусь. Получилъ я отъ васъ письмо отъ 28 декабря чрезъ отца діакона Андрея Галабутскаго, и получилъ ящичъ и въ ономъ плече жаренное, колбасу, пирожки, рыбу и булку одну, также и праздниковаго сорокъ коп. мѣдью; ящичъ же обратно возвращаю вамъ. Хозяинъ мой переселился съ сей временной жизни въ благополучную и лучшую жизнь, т. е. скончался 1 сего декабря.

Зачемъ остаюсь вашъ сынъ Іосифъ Бодянской.

Р. С. Федѣ постараюсь сыскать ариметику до приѣзда вашего.

5.

Дражайшіе родители!

Любовь моя къ вамъ, дражайшіе родители, заставляетъ меня за свидѣтельствовать вамъ низайшее мое почтеніе. Я, слава Богу, живъ и здоровъ во всеѣ, чего и вамъ отъ всего моего сердца желаю: Прошу, дражайшіе родители, прислать денегъ на латинскій лексиконъ, который будетъ стоить 10 р. 50 к., чѣмъ весьма много одолжите вамъ преданнаго сына и слугу Іосифа Бодянскаго.

На этомъ же самомъ листѣ написано еще слѣдующее другое письмо къ брату:

Любезнѣйшій братъ Федоръ Максимовичъ!

Прошу всенижайше извинить меня за то, что не исполнилъ вашего желанія, ибо признаюсь чистосердечно, что не было въ Переясловѣ съ красками лавоѣ, а будутъ, можетъ быть, предъ Р. Х., которые купя перешлю по вѣрной оказіи. Засимъ остаюсь л. б. вашъ братъ Іосифъ Бодянской.

Р. С. Прошу отдать поклонъ моему пріятелю Ивану Кириловичу господину Виноградскому.

1823 г. октября 11 д. Гор. Переясловъ.

6.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Письмо ваше я получилъ чрезъ Федю, который пріѣхалъ 30 декабря въ г. Переясловъ, также денегъ 10 р. с. инспектору и хозяину, половинную часть которыхъ тогда же отдалъ хозяину и, а инспектору не давалъ, потому что онъ поѣхалъ въ домъ свой на праздникъ Р. Х.; когда же прибудетъ, то отдамъ ему остальную часть денегъ и 2 р. для складки въ харчи получилъ да себѣ 3 р., 3 мѣрки борошна житняго, 1 мѣрку гречаного, часть сухихъ грушъ, 5 ф. меду, 10 ф. сала, 3 колбасы, яловичины заднюю четверть, 3 булки, пирожки и сапоги зимніе; о полученіи чего васъ увѣдомляю. Прошу, какъ вы говорили, 10 р. прислать на л. лексиконъ. Засимъ остаюсь вашъ п. покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

31 декабря 1823 г. Гор. Переясловъ.

Р. С. Ежели вы будете прислать по меня, то присилайте въ вербной суботѣ.

7.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Я пріѣхалъ благополучно въ Переясловъ 5-го числа сего мѣсяца по утру и нашель квартиру у Іуліаны Холодной, которую уговорилъ на 18 р. съ порядочнымъ гостинцемъ на рубль; инспекторъ же Ефимъ Ивановичъ Стеблинскій, котораго тоже уговорилъ на 16 р. и 40 к. О чемъ увѣдомивъ васъ, остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

Ч. 6-го 1824. Г. Переясловъ.

Р. С. Кланяйтесь Г. Григорьев., Ів. Кириловичу и прочимъ. Матушку утѣшайте, чтобы не печалилась. Положеніе 1824 года: борошна ржаного 8 м., пшеничнаго 5 м., гречаного 5 м., пшена 3 пуда или 2 мѣры, сала 20 ф., соли 20 ф., мяса 20 ф. или денегъ, олѣи 3 кв., свѣчей 3 ф., масла 8 ф., денегъ харчевыхъ 6 р. Теперь же доставлено ржаного 5 м., гречаной 2 м., пшеничнаго 2 м., пшена 1 м., сала 10 ф.

На риторику же инспектора еще не нанялъ, а послѣ нанявши увѣдомляю васъ чрезъ оказію или чрезъ почту. Федоръ Бодянской.— Сейчасъ слышу, что архіерей выѣзжаетъ сегодня съ города, а на мѣсто его ожидаютъ Кирила, ректора Московской Академіи или Георгія, ректора С.-Петербургской Академіи; впрочемъ нельзя утвердительно сказать; что слышу, то и пишу вамъ.

Сказываютъ, что сатана уже въ Зиньковскомъ повѣтѣ, мѣстечкѣ Опошнѣ.

8.

Дражайшіе родители!

Первымъ своимъ долгомъ поставляю поздравить васъ съ наступающимъ душеспасительнымъ постомъ и желаю, проводивъ оной, встрѣтить свѣтлый праздникъ В. Х. Извините меня, что я осмѣливаюсь васъ беспокоить моею просьбою; она состоитъ въ томъ, что мнѣ надобно дамекатону на панталоны, жилеть и платокъ, ибо у меня они уже износились. Засимъ остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

Ч. 10-го февраля 1824 г. Г. Переясловъ.

9.

Дражайшіе родители!

Принимаюсь за перо для исполненія долга сыновняго. Онъ состоитъ въ засвидѣтельствovanіи вамъ нынѣ своего низжайшаго почтенія и въ увѣдомленіи, что я по милости Вышняго Творца нахожусь въ добромъ здоровьѣ и что посылку вашу, посланную чрезъ Виктора Антоновскаго, получилъ съ покорнѣйшею благодарностію. А за симъ остаюсь вашъ покорный сынъ Іосифъ Бодянской.

Любезнѣйшій дядюшка!

Присемъ и я, свидѣтельствую вамъ, равно и любезнѣйшей тетущкѣ, свое искреннѣйшее почитаніе, пребываю съ совершенною преданностію покорнѣйшій слуга Павелъ Бодянской. Генваря 29 дня 1824 г. Переясловъ.

P. S. Прошу прислать денегъ на свѣчи за прошлую треть 60 к., да за настоящую 100 к. и также въ складку еще 1 р., да еще за олію 2 р., что составляетъ 4 р. 60 к.

10.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Поздравляю васъ свѣтлымъ праздникомъ В. Х. и желаю оный вамъ провести весело и благополучно. Я, слава Богу, живъ и здоровъ и благополученъ, чего и вамъ отъ всего моего сердца желаю. Если будете посылать въ Переясловъ подводъ съ харчами, то между прочимъ прошу всенижайше прислать денегъ 10 р. на латынскій лексиконъ, который мнѣ въ теперешнее время весьма нуженъ, а наипаче при переводѣ въ семинарію изъ д. уѣзд. училища и еще 5 р. денегъ;

инспектору за риторикѣ, въ есей въ продолженіи времени безъ хвастовства успѣлъ не худо, а послѣдныя деньги тому же инспектору можете прислать передъ вакаціями, когда будете присылать подводу. Засимъ остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

Ч. 23-го м. марта 1825 г. Гор. Переясловъ.

Р. S. Также прошу васъ прислать мнѣ бѣлые штаны, ибо инныя изъ тѣхъ, кои я взялъ съ вакаціи, износились.

Новостей у насъ нѣтъ никакихъ, кромѣ архіерейскихъ, коихъ такое безчисленное множество, что еслибы записывать всѣхъ ихъ, то бы не стало у Переясловъ и бумаги. Поклонъ отъ меня Гаврилу Григорьевичу г. Конискому—врестному отцу моему, также и Андрею Ивановичу Галабутскому.

11.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

По пренесеніи многихъ трудностей, слава Богу, я прибылъ въ Переясловъ 10 числа сего мѣсяца благополучно. Батюшка! Прошу васъ прислать въ скорости денегъ на 6 ф. масла, коихъ вы не дали мнѣ, когда я выѣзжалъ изъ дому. Ходилъ къ ректору съ билетомъ (найденнымъ мною въ сундуку); но, слава Богу, вышолъ безъ всякого штрафа по причинѣ его болѣзни. Несторъ заносилъ письмо къ Семенку и опять заѣдетъ по отвѣтъ на оное. Засимъ остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

Ч. 10-го м. апрѣля 1825 г. Гор. Переясловъ.

Р. S. Въ Переяславскомъ повѣтѣ протоіерей Яковъ Ефимовичъ, взявшій сестру архіерея Анатолія за себя, на сихъ дняхъ зависился.

12.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Приближающимъ Петровымъ постомъ поздравляю васъ и желаю провести оный весело и благополучно. Помня твердо ваше приказаніе, увѣдомляю васъ, что архіерей выѣдетъ изъ Переяслова іюня 4 ч. въ Полтаву на 27 ч. и будетъ проѣздить чрезъ слѣдующія при семь приложенные спискѣ мѣста; оттуда же возвратится въ Переясловъ на публичный экзаменъ 15 ч. іюля. Въ августѣ м. будетъ объѣзжать губернскіе повѣты: Прилукскій, Лубенскій, Лохвицкій, Роменскій и пр.; слѣдовательно и у насъ будетъ. Прошу прислать денегъ на 6 ф. масла, какъ можно скорѣе. Впрочемъ остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

1825 г. м. мая 22 ч. Гор. Переясловъ.

Съ архіереемъ будетъ Гавріиль Тимковскій регентъ, протодіаконъ, діаконъ, 2 иподьякона, книгодержецъ, 1 псаломщикъ, 17 душъ пѣвчихъ, всего 24 человекъ.

Далѣ написанъ опускаемый нами „марлуть изъ Переяслова въ Полтаву“.

13.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

По отъѣздѣ вашемъ мы, слава Богу, остались живы и здоровы, чего и вамъ отъ всего сердца желаемъ. Федя заведенъ въ грамматику ректоромъ 11 числа сего мѣсяца и началъ уже ученіе; Андрусъ же въ инфиму. Впрочемъ остаемся ваши покор. с. Іосифъ и Федоръ Бодянскіе.

Ч. 13-го м. сентября 1825 г. Гор. Переясловъ.

14.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Письмо ваше, пущенное отъ 21 числа, получили мы чрезъ Уліану Ивановну 24 ч. сего мѣсяца, коимъ были мы весьма обрадованы; особливо же вашимъ благополучнымъ возвращеніемъ въ домъ. Деньги числомъ 5 р. с. также получилъ для хозяина, кои въ скорости отдалъ ему. Архіерей 18 числа выѣхалъ изъ Переяслова со всѣмъ обозомъ своимъ для обозрѣнія церквей только по Переясловскому повѣту,— слѣдовательно въ остановку едва ли будетъ. За симъ остаемся ваши покорные и многолюбящіе с. Іосифъ и Феодоръ Бодянскіе.

Ч. 25-го м. сентября 1825 г. Гор. Переясловъ.

Р. С. Федя, слава Богу, прилежно учится и уже на первой скамьѣ сидитъ.

Въ концѣ письма приписка рукой о. Максима:

Любезному моему сыну Іосифу Бодянскому Переяславской семинаріи реторическаго класса ученику, находящагося квартирою тамошней почтовой экспедиціи въ почтеліона Евфремона Воскресенскаго приходѣ въ Переяславѣ.

15.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Письмо ваше, пущенное вами 8 ч. сего мѣсяца, получили мы 11 ч. и весьма обрадовались вашему благополучному окончанію спора съ Д. Климовымъ. Для освященія Остаповской церкви владыка хотѣлъ было выѣхать 25 числа прошлаго мѣсяца, но это такъ и про-

шло; не знаю, потому ли, какъ вы говорите, что нѣтъ руги, или по какой-либо другой причинѣ; о чемъ я намѣренъ былъ васъ увѣдомить заблаговременно. У насъ носился слухъ о перемѣщеніи сего архіерея въ другую епархію, а на мѣсто его будто бы Государь Императоръ назначилъ кіево-печерскаго архимандрита Антонія Смирницкаго, роднаго брата Поддубновскаго отца Михаила, коего сыны со мною на одной квартирѣ теперь стоятъ. Но сколь неисповѣдимы судьбы Всевышняго! По послѣдней почтѣ изъ Кіева извѣщаютъ о преставленіи его на тотъ свѣтъ; однакоже извѣстіе требуетъ еще подтвержденія. По самый ноябрь были у меня еще нѣсколько гривень денегъ, но теперь нѣтъ ни полушки при душѣ, какъ говорятъ; даже и на сіе письмо вывчилъ изъ харчевой складки. 11 ч. сего мѣсяца брали у насъ въ классѣ подписки и деньги 2 р. 2 к. на французскую грамматику соч. профессора Перелогова. Деньги, вами пересланныя 5 р. с. для хозяина, отдалъ я ему. Впрочемъ, пожелавъ вамъ благополучно проводить наступающій постъ, дождать праздника Р. Х. въ вождедѣнномъ здравіи, остаемся васъ многолюбящіе сыны Іосифъ и Теодоръ Бодянскіе.

Ч. 13 м. ноября 1825 г. Гор. Переясловъ.

На адресъ ко мнѣ: Полтавской семинаріи, низшаго отдѣленія, ученику..., квартирующему у мѣщанина Леонтія Калимника. Праксovia Михайловна была въ Переясловѣ 6 числа и мы ходили къ ней.

Батюшка! Прошу всенижайше заготовить мнѣ зимнюю шапку, ибо свою я отдалъ Федѣ, его же износила. Отцу Іоанну г. Конст. мое низайшее почтеніе и поклонъ передать. Федя и Андрусъ живы и здоровы и учатся очень прилежно.

16.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Только что получилъ письмо ваше и вдругъ принимаюсь отвѣчать на оно; ибо мало времени, и колокольчика на каждую минуту ожидаю, біющаго въ классѣ. Весьма благодарю васъ за присылку денегъ, ибо онѣ мнѣ теперь весьма великую цѣну принесутъ, т.-е. надобно сейчасъ же купить на нихъ бумаги, которой весьма мало осталось у меня. Я думаю, что вы не прежде получили письмо мое, отправленное мною на почту 13 ч. сего мѣсяца, какъ 18 числа. Я въ ономъ увѣдомлялъ васъ о перемѣщеніи сего архіерея и о причинахъ непосвященія церкви Остаповской. О смерти Антонія архимандрита кіево-печерскаго носившіеся слухи уничтожаются извѣстіемъ изъ Кі-

ева о здоровьи его. Не вѣрьте, дражайшій родитель, никакимъ слухамъ о обижаніи моемъ Федѣ, ибо я о его ученіи прилагаю всевозможное стараніе и стараюсь его болѣе исправлять, въ чемъ когда-либо онъ проступится, болѣе совѣтами и увѣщаніемъ, нежели тѣлеснымъ наказаніемъ. Ибо вамъ очень извѣстно, что тѣлесное наказаніе болѣе еще ожесточаетъ, нежели исправляетъ проступившаго въ чемъ-либо; сего же я никакъ не могу желать никому, а паче Федѣ, какъ своему родному брату. И матушка пусть умѣрять свой напрасный о семъ страхъ и онасенія свои. Денегъ хозяину теперича не надобно ни мало присылать; а тогда можно будетъ вамъ прислать, когда будете доставлять харчи. Впрочемъ, пожелавъ вамъ благополучно проводить сей постъ и во всякомъ здравіи и благоденствіи дождать праздника Р. Х., остаюсь вашъ покорный и многолюбящій сынъ Іосифъ Бодянскій.

1825 г. м. ноября 20 дня, пресловутый гор. Переясловъ.

Денегъ у Федѣ я не отбиралъ потому, что онъ и самъ ихъ ни на что лишнее не употребляетъ; и если что-либо хочетъ купить, то всегда меня спрашивается. Онъ, слава Богу, занимается очень прилежно и успѣваетъ весьма хорошо въ наукахъ.

17.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Слава Богу, мы живы и здоровы и во всемъ благополучны, чего и вамъ отъ всего нашего сердца желаемъ. Не знаю, получили ли вы письмо мое, пущенное мною чрезъ Невейдинова человѣка, въ коемъ я прописывалъ къ вамъ о присылѣ на святки подводы, которую ежели вы будете присылать (когда будетъ хорошая санная дорога), то прошу покорнѣйше прислать и денегъ 3 р. мнѣ, которые я долженъ всѣ отдать: 1-е за переплетъ 3-хъ большихъ книгъ (рѣчей Левандыныхъ) 3 полтины; 2-е купилъ гусли за 3 р. съ полтиною и уже заплатилъ два руб., и остается три полтины, которыя я долженъ заплатить передъ святками. За купленныя же мною гусли уже даютъ мнѣ 6 р., но я ихъ не намѣренъ продавать, а думаю самъ учиться. Новостей у насъ нѣтъ никакихъ, которыя бы заслуживали особенное вниманіе; только, что у насъ городъ планируютъ, а 21-го апрѣля слѣдующаго года будутъ ломать. Впрочемъ остаюсь вашъ покорный и многолюбящій сынъ Іосифъ Бодянскій.

Ч. 4 м. декабря 1825 г. Г. Переясловъ.

Р. С. Подводу прислать къ 21 числу декабря и къ 22 и не забудьте дать человѣку козухи, ибо у Федѣ только и есть, а у меня

измозъ и не годится носить. Я думаю, что у нашихъ мѣстахъ есть уже хорошая санная дорога; тутъ же еще только сегодня впервые появился.

Батюшка! Хозяинъ просить, чтобы прислать денегъ ему хотя 2 р.

18.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Отправившись изъ дому 6 ч. января, я започевалъ еще рано въ Полонкахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, обождавъ, чрезъ почъ вмѣстѣ съ Квасомъ поѣхать; но, переночевавъ, его еще не было, почему я и поѣхалъ, да уже стѣхались въ Яблоповѣ, откуда вмѣстѣ поѣхали. Въ Лизогубовѣ же стѣхались съ Поддубновскими и благополучно прибыли въ знаменитый городъ Переясловъ. Приѣхавъ, сейчасъ же отнесъ билетъ въ с. правленіе уже въ вечеру; Федя же на другой день по утру. Послѣ того отнесъ Федя же съ Нестеромъ къ Галабутскому письмо съ деньгами и съ мясомъ и съ сапогами. Чрезъ Нестора пересылаю я въ домъ книги числомъ 11: русскихъ 5, а именно: 1-я) псалтирь; 2) О должностяхъ челоуѣка и гражданина книга; 3) Способъ гаданія; 4) Сокращенное описаніе употребленія Гарлемскихъ капель; 5) Сказка о Добрынѣ Никитичѣ; латинскихъ 4, кои суть: 1) латинская грамматика; 2) Корнелій Непотъ; 3) Первоначаліе латинскаго языка; 4) также другой Лементоръ латинскій; греческая одна: Клависъ греч. языка; нѣмецко-русская: Артикуль воинскій. И еще кой какія бумаги и еще одна русская: Улей, ежемѣсячное изданіе на 1811 г. ч. IV.—Новостей нѣтъ у насъ никакихъ; про архіерея же то, что у насъ носилось, будто бы онъ боленъ,—неправда, ибо онъ здоровъ. Андрусь передалъ письмо. За симъ остаюся вашъ покорный и многолюбящій сынъ Осипъ Бодянскій.

Ч. 9 м. генваря 1826 г. Г. Переясловъ.

P. S. Пересылаетъ Федя рукавицы, кожухъ, въ коемъ я ѣхалъ, скрипку, коя была съ ковбасами капелюхъ, полсъ.

Батюшка! Плетъ пропала на квартирѣ; ее украли, видно, погонщики лубенскіе.

19.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Поздравляю васъ пыѣшнимъ В. постомъ и желаю вамъ отъ всего сердца моего, проведши оный счастливо и благополучно, достигъ въ вождедѣнномъ здравіи Свѣтлаго праздника В. X. Письмо, вами отпу-

ценное 11 февраля, получилъ я 18 ч. прошедшаго мѣсяца и съ онимъ 5 р. денегъ серебромъ, 2 р. намъ, за кои благодаримъ всепокорнѣйше, 2 р. хозяйкѣ Андрусевой, остальной же рубль самому Андрусю вручили мы. Послѣднихъ чиселъ прошлаго мѣсяца приносить ко мнѣ одинъ мой соученикъ три книги: первая Виргилій на латинскомъ языкѣ; 2) Овидій тоже; 3) Цицеронъ на латинскомъ же языкѣ и просить у меня за оныя 3 р. Я, видя ихъ и зная достоинство ихъ, съ радостію обѣщалъ ихъ купить у него; почему тотчасъ же и далъ ему въ задатокъ, сколько у меня было, 1 р. денегъ, а остальные я вызычилъ изъ харчевой складки. Я ихъ показывалъ многимъ изъ Богослововъ, и всѣ они удивлялись мнѣ, что я столь дешево купилъ ихъ. Всѣ говорятъ, что каждая изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, стоитъ 3 руб. Прошу, л. б., прислать мнѣ 2 р. денегъ для отдачи въ харчевую складку, да 1 р. 50 к. на бумагу, ибо только три листа чистой, да 5 черной осталось, по первой почтѣ; даже на сіе письмо принужденнымъ нашелся вызычить у одного соученика моего 16 к. За симъ остаюсь вашъ покорный сынъ и с. Іосифъ Бодянскій.

1826 г. марта 5 дня. Г. Переясловъ.

Р. С. Новостей у насъ теперь множество. Теперь у насъ три епископа въ Переясловѣ: одинъ нашъ; другой прежде бывшій нашъ ректоръ, архимандритъ Виталій, постриженный (sic) на масляной въ Кіевѣ черниговскимъ архіепископомъ Иларіономъ во епископа харьковскаго; онъ на послѣдующей недѣлѣ отправится на паству свою въ Харьковъ; 3-й прежде бывшій архимандритъ и намѣстникъ киевопечерской лавры Антоній, постриженный тѣмъ же архіепископомъ въ февралѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ во епископа воронежскаго и 6 го числа сего мѣсяца выѣдетъ изъ Переяслова въ селеніе Плеховъ Лубенскаго повѣта къ брату своему священнику Стефану Смирницкому съ племянникомъ своимъ, моимъ же соевартирантомъ, Андроникомъ, коего беретъ съ собою въ Воронежъ; оттуда отправится въ свою епархію. Итакъ, насъ теперь на квартирѣ вмѣсто 7—6. Носится слухъ, что сію епархію государь императоръ намѣренъ переименовать въ архіепископство. Также сынъ секретаря Краспоглядова писалъ изъ Петербурга, что нашему Георгію 1-й степени Анны кавалерію, Стронскому—вामीлавву сиподальную; изъ Прилуцкаго повѣта дядюшкѣ отцу Илиі синодальную скуфью, также Канихецкому и Смирницкому отцу Михаилу Поддубловскому назначено въ сиподѣ прислать. Прошу извинить, батюшка, за худой почеркъ, ибо спѣшилъ отвѣсть на почту.

20.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Отправившись изъ дому, пріѣхалъ я въ Прилуки, слава Богу, благополучно и ночевалъ у дядюшки. На другой день поѣхалъ рано и во все продолженіе моего пути до самого Яготина не случилось ничего худого; но въ Яготинѣ помынувъ Князевы дома, по новой дорогѣ вдругъ переломилась ось передняя. Что дѣлать? Какъ еще было рано, то пошелъ я искать оси и нашелъ у одного мужика оную, которую сторговалъ за 60 к., и, подправивши, поѣхалъ оттуда въ Корсуновъ трактиръ, гдѣ и ночевалъ. Переночевавши, прибылъ въ Переясловъ благополучно. И отнеши билетъ, первѣе всего пошелъ справляться по вашимъ бумагамъ къ консисторскимъ; но ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ничего про оныхъ, говоря, что они не знаютъ про оныя, а долженъ знать секретарь. Итакъ, естли что-либо я провѣдаю про оныя послѣ сего, то увѣдомлю васъ письмомъ чрезъ почту немедленно. Впрочемъ остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

1826 г. апрѣля 27 дня. Г. Переясловъ.

Р. С. Хозяинъ благодаритъ вамъ за доставленіе денегъ.

Я передаю въ домъ 8 книгъ въ сундукѣ: 1) французская старая грамматика; 2) латинскій Лавтанцій; 3) Начальныя основанія теоретической и прагтической геометріи; 4) Лѣчебникъ простыми средствами; 5) Чувствованія христіанина; 6) Краткая Россійская исторія; 7) Іоанна Равизія латинскія письма и 8) еврейская псалтирка.

Прилагаемое здѣсь письмо отъ сына Акжома прошу запечатать, ибо она печатъ переломилась, какъ была сквернаго сургуча.

21.

Дражайшіе родители!

Извините меня всенижайше за долгое мое молчаніе. Причина сему была физическая, а именно: отъ 9-го по 16 мая, Федя былъ боленъ лихорадкою; спустя недѣлю сія незванная гостья посѣтила и меня, т. е. 23 мая да по 27-е. Итакъ теперь уже знаемъ, что то веснушки, не заманятъ болѣе къ себѣ. Новостей нѣтъ у насъ никакихъ кромѣ, что Елисавета скончалась на возвратномъ пути съ Таганрога; здѣсь въ соборѣ и панихиду по ней уже преосвященный Георгій отпѣлъ 23 сего мѣсяца. За симъ, пожелавъ вамъ всякаго благополучія, остаюсь вашъ покорный сынъ и с. І. Бодянской.

1826 г. м. мая 28 дня. Г. Переясловъ.

П. П. Если вы, батюшка, также и матушка, согласны (какъ прежде говорили), чтобъ мы поѣхали въ Кіевъ на поклоненіе св. мощамъ, послѣ какъ распустятъ на вакацію, то можете подводу прислать въ 14 ч. іюля. Здѣсь многіе семинаристы будутъ ѣхать.

Нельзя ли, батюшка, прислать чрезъ какой-нибудь случай денегъ, сколько можно будетъ,—сколько угодно; ибо во время болѣзни и остальные потратили.

Наступающимъ праздникомъ Сошествія Св. Духа поздравляемъ васъ.

22.

Дражайшіе родители!

Сего 20 іюня получилъ я письмо ваше отъ почтеннѣйшаго Ивана Васильевича и вмѣстѣ съ онымъ деньги,—полтину серебромъ, за которыя благодарю васъ всенижайше. Я и Федя теперъ, слава Всевышнему, совершенно освободились отъ лихорадки, во всемъ здоровы и не имѣемъ ни въ чемъ недостатка. 10 числа сего мѣсяца приѣздилъ дядюшка съ Павлушкою въ Переясловъ по скуфью, который здѣсь и остался до вакацій на кондиціи своей. Я имѣя нужду въ деньгахъ вызылъ у дядюшки 4 руб. сер. на бумагу, чернила и поправку сапоговъ, и сверхъ того отдалъ вынныя деньги, кои я вызылъ во время болѣзни моей на лѣкарства. Отецъ Ілія отѣхалъ въ Прилуку на другой день. На счетъ репорта вашего ничего не могъ ни у одного служащаго въ консисторіи провѣдать; но я думаю, что уже должна послѣдовать резолюція, о узнаніи которой приложу всѣ старанія. За сямъ пожелавъ вамъ, благополучно и счастливо проводить Петровку, достигнуть во всемъ здравіи и спокойствіи дня св. апостоловъ Петра и Павла, также и ярмарки, остаюсь вашъ покорнѣйшій и всегда готовый къ услугамъ сынъ Іосифъ Бодянскій.

Ч. 20 іюня 1826 г. Г. Переясловъ.

П. П. Вотъ недавно полученная новость. Настигаетъ уже бѣда попамъ, поповичамъ и попадьямъ (такъ пишеть въ письмѣ своемъ изъ Петербурга къ отцу своему Красноглядова сынъ). Въ Синодѣ составляется уже докладъ Государю о одеждѣ священно-и церковно-служителей. Священникамъ носить шляпу круглую съ большими полями, рясы темнаго цвѣту, косы завязывать въ пучекъ, а во время служенья только распустать; женамъ ихъ тоже носить платье, большею частію изъ темныхъ цвѣтовъ; а сыновьямъ ихъ, обучающимся въ семинаріи семинаристамъ и богословамъ ходить съ небритыми бородами, съ нестриженіемъ волосъ, въ сюртукахъ длинныхъ. Въ случаѣ

же невыполненія онаго поступается какъ съ ослушниками. Вотъ горькая участь семинаристовъ!

Подводу присылать на 13 юня. Не знаю, какъ вы согласитесь: дядюшка говорилъ, что къ 15-му августа онъ поѣдетъ въ Кіевъ и приглашалъ и насъ. Впрочемъ какъ вамъ угодно. Конечно, тогда надобно будетъ больше денегъ и большія издержки.

23.

Дражайшіе родители!

Сего 1 числа пыщшняго мѣсяца мы по милости Всевышняго пріѣхали благополучно въ Переясловъ и остановились на квартирѣ у мѣщанина здѣшняго Константина Зозуленкова, договоривъ оную по 19 рублей въ годъ. Съ нами въ одной горницѣ квартируетъ мой соученикъ Пирятинскаго повѣта, села Давыдовка, отца Адриана сынъ — Иванъ Лувьяновичъ съ меньшимъ братомъ своимъ, да въ отдѣльной комнатѣ смежной съ хозяйскою стоятъ два брата родные Зеньковскіе, Кременчугскаго повѣта. Итакъ насъ въ одной горницѣ 4, да въ комнатѣ два, составляетъ 6; всѣ на своихъ харчахъ, больше уже и не будетъ. Положеніе, сколько надобно доставлять харчей, и теперича принято прошлогоднее, а именно: отъ одного: ржаного 10 м., пшеничнаго 5 м., гречанаго 5 м., пшена 2½ м., масла 10 ф., сала 20 ф., соли 20 ф., олен 3 кв., свѣчей 3 ф., денегъ въ харчевую складку на 1-ю треть 2 р., на 2-ю 1 р. 50 к. и полпуда мяса и денегъ; на 3-ю 2 р. 50 к. всего 6 р. Отъ двоихъ же насъ: рж. 20 м., пшеничн. 10 м., греч. 10 м., пшена 5 м., масла 20 ф., сала 1 пудъ, соли 1 п., олен 6 кв., свѣчь 6 ф., денегъ на 1-ю треть 4 р., на 2-ю 3 р. и пудъ мяса, на 3-ю 5 р. Теперича доставлено отъ насъ: ржаного 5 м., пшеничнаго 4½ м., греч. 5 м., пшена 2½ м., масла 7 ф., сала 20 ф., олен 2 кв., соли 20 ф., свѣчей 4 ф., денегъ въ харчевую складку 4 р. Новости у насъ вотъ какія: слышно, что архіерей поѣдетъ у субботу въ Полтаву отправлять тамъ благодарственный молебень о истребленіи мятежниковъ. У насъ же въ городѣ вчера отправлялъ молебень владыка и читалъ манифестъ о коронаціи Его въ 22-й день августа. Торжество продолжалось весь день; для всѣхъ городскихъ жителей закупная контора съ водкою отворена была во весь день безъ денегъ; для пріѣзжихъ же ведро водки отпускали въ день 1-й по 2 р. 50 к., въ вечеру же по 3 р., на 2-й и третій день по столько же ведро водки рублей. Ректоръ уѣздныхъ училищъ Козачковскій поѣхалъ еще первыхъ чиселъ августа для поздравленія отъ духовенства въ Москву съ директоромъ Полтавской гимназіи Огневимъ отъ дворянства; вмѣ-

сто же его принимаетъ билетныхъ Доброхотовъ. О успѣхѣ же дѣла Ульяны Ивановны узнаете отъ нея лично; ей надобно къ 13 ч. сего мѣс. непременно доставить и по почтѣ и самое свидѣтельство отъ благочиннаго о имѣніи ея: можетъ ли она содержать дѣтей своихъ на своемъ воспитаніи или нѣтъ; если же она не успѣетъ доставить свидѣтельства онаго къ 13 ч., то дѣти ея не будутъ приняты на казенное содержаніе.

Впрочемъ съ истиннымъ сыновнимъ моимъ почтеніемъ и преданностію остаюсь навсегда васъ многолюбящій сынъ и низжайшій слуга Іосифъ Бодянской.

Ч. 2 м. сентября 1826 г. Г. Переясловъ.

Р. С. Павла Ильича и по сіе время нѣтъ въ Переясловѣ.

24.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше, пущенное отъ 3 сентября, получилъ я 1 ч. сего мѣсяца къ величайшему удовольствію своему тѣмъ паче, что въ ономъ увѣдомляете о совершенномъ вашемъ освобожденіи отъ лихорадки. Я и Федя, по милости Всемогущаго, находимся въ вождельномъ здравіи и спокойствіи. Дѣти Ульяны Ивановны также живы и здоровы. Они скучаютъ только о харчахъ, а болѣе ни о чемъ. Я не знаю, получили ли вы письмо мое, отпущенное мною чрезъ подводу Павла Ильича. Въ ономъ я писалъ къ вамъ, чтобы вы передали чрезъ Ульяну Ивановну мнѣ Библію, она бо мнѣ очень теперь нужна. Также и нынѣ прошу васъ всеусерднѣйше, батюшка, прислать денегъ 2 р. 83 к. на книгу подъ названіемъ „Теорія словесныхъ наукъ“, которую комиссія духовныхъ училищъ повелѣла выписать непременно всякому ректору изъ Москвы для продолженія по оной ученія нашего. И уже подписки взяты на оную отъ каждаго семинарскимъ правленіемъ и въ скорости будетъ она всякому прислана по почтѣ. Архіерея и по сіе время нѣтъ изъ Полтавы, но каждую минуту ожидаемъ его прибытія. Козачковскій пріѣхалъ уже изъ Москвы еще 13 сентября. Если у васъ куплено масло, то пришлите намъ чрезъ Ульяну Ив., ибо тутъ нельзя нигдѣ его купить, да къ тому фунтъ по 35 к. Впрочемъ съ истиннымъ моимъ усердіемъ и сыновнею любовію къ вамъ остаюсь вашъ послушнѣйшій сынъ и с. Іосифъ Бодянской.

Ч. 1-го октября 1826 г. Г. Переясловъ.

25.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Сего 2 ч. настоящаго мѣсяца получилъ я письмо ваше отъ Антона и все въ ономъ написанное, а именно: ржаного борошна 5 м., гречанаго 5 м., пшена 2 м., сала 6 ф. и все заключавшееся въ ящикахъ. Я же съ Федею находимся въ вождельнномъ здравіи и благоденствіи. О семь увѣдомляя, остаюсь вашъ покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

3 октября 1826 г. Г. Переясловъ.

П. П. Не знаю, получили ли вы письмо, пущенное мною чрезъ подводу Павла Ильича. Въ ономъ я писалъ, чтобы вы прислали бы мнѣ Библию, ибо она мнѣ теперь весьма нужна; такъ есть ли будетъ случай, то сдѣлайте милость перешлите оную. Также прошу васъ переслать на книгу подъ названіемъ „Теорія словесныхъ наукъ“ денегъ 2 р. 83 в., ибо оную велѣно самою комиссіею духовныхъ училищъ каждому ректору для ученія и непременно купить. Почему прошу васъ всенижайше хотя чрезъ почту переслать. Уже бо взяты и подписки на оную съ пасъ. Ружье также пересылаю во всей цѣлости. Архіерей нашъ только что пріѣхалъ въ ночи на 2-е октября въ Переясловъ.

26.

Дражайшіе родители!

По письму вашему, полученному мною 18 ч. сего мѣсяца, отпущаю я Федею съ Павломъ Ильичемъ на его подводѣ на святки; самъ же остаюсь здѣсь съ однимъ своимъ соквартирантомъ. Срокъ ему по 7 генваря 1827 г. Деньги 5 р. отдалъ я Андрусю самъ лично; также и хозяину. Впрочемъ, пожелавъ проводить вамъ весело и благополучно праздникъ Р. Х., остаюсь въ ожиданіи вашего пріѣзда съ Федею въ нашъ пресловутый градъ вашъ покорный и всегда готовый къ услугамъ сынъ Іосифъ Бодянской.

1826 г. декабря 22 дня. Г. Переясловъ.

П. П. Извините, батюшка, за худое писаніе мое; причиною сему какъ скорость отъѣзда ихъ, такъ болѣе всего слабость моихъ глазъ, коими и теперь страдаю.

Не забудьте взять также, батюшка, библию, ибо она мнѣ очень нужна теперь. Масла постарайтесь, б., у себя приготовить, ибо здѣсь очень на оное скудно и весьма дорого.

27.

Дражайшіе родители!

Симъ увѣдомляю васъ, что мы, слава Всевышнему, по отъѣздѣ вашемъ, остались живы, здоровы и благополучны, чего и вамъ отъ всего нашего сердца усерднѣйше желаемъ. Бумаги, забытыя вами въ Библіи, не знаю, какъ вы прикажете, переслать ли вамъ ихъ черезъ почту, или ожидать удобнаго случая для передачи вамъ ихъ? Впрочемъ какъ вамъ угодно. Хозяинъ просить, чтобы я написалъ къ вамъ въ семь писемъ, чтобы вы хотя малое число денегъ ему за квартиру переслали черезъ почту, по крайней мѣрѣ 5 р.; также, если будете ихъ посылать, то еще перешлите въ харчевую складку слѣдующихъ 1 р. 50 к.. Болѣзнь глазная уже прошла у меня; но къ великой моей печали на обоихъ глазахъ сдѣлался такъ просто называемый ячменецъ, который уже съ одного глаза сошелъ, но на другомъ все еще есть. Впрочемъ, пожелаю вамъ проводить благополучно мясоѣдъ и достигнуть душеспасительнаго поста въ вождельнномъ здоровьи, остаюсь вашъ навсегда покорный сынъ и слуга Іосифъ Бодянской.

1 февраля 1827 г. Г. Переясловъ.

И. П. Прошу васъ, батюшка, переслать мнѣ копію съ того указа, коимъ дозволяется духовныхъ вступающихъ въ полкъ принимать юнкерами и черезъ 3 года чинъ.

Новостей у насъ нѣтъ никакихъ. Дѣти Уліяны Ивановны очень нуждаются въ харчахъ, ибо у нихъ едва ли осталось и до Великаго поста чѣмъ пропитаться.

28.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше отъ 15 февраля получилъ я 16 сего же мѣсяца чрезъ Уляну Ивановну г-жу Галабутскую и вмѣстѣ съ онымъ также денегъ 2 р. с. и еще кое-что; за все сіе отъ всего сердца моего благодарю вамъ. Не знаю, получили ли вы письмо мое отъ 30 января, или и по сіе время еще онаго не получали. Въ ономъ писалъ я, чтобы вы прислали денегъ хозяину; но эту просьбу его вы уже предупредили заранѣе, нежели какъ письмо мое могло дойти къ вамъ. Тѣмъ лучше. Въ Консисторіи объ отъѣздѣ вашемъ ни мало не беспокоятся и никто даже объ этомъ не спрашивалъ меня. Бумаги ваши, здѣсь упомянутыя, я теперь передаю оныя; также и изношенные сапоги 3 пары, двѣ рубашки ваши и еще кое-что, какъ то халатъ пестровый старый, федивъ (?) и штаны бѣлые. Если есть у васъ указъ

о позволеніи вступать духовнымъ въ полкъ, какъ и дворянскимъ дѣтямъ, то прошу васъ низжайше при удобномъ случаѣ переслать оный. Впрочемъ, пожелавъ вамъ счастливаго во всемъ успѣха и благоденствія, остаюсъ вамъ преданный и послушный сынъ и слуга Іосифъ Бодянскій.

17 февраля 1827 г. Г. Переясловъ.

П. П. Здѣсь былъ отецъ Григорій Скосаревскій, прїѣздившій съ братомъ своимъ къ владыкѣ, не знаю зачѣмъ только. На праздникъ В. Х. какъ будетъ хорошая дорога, то, если вамъ благоугодно будетъ, можете прислать по двору, чѣмъ весьма обрадуете Федю.

29.

Дражайшіе родители!

Сего 9-го числа марта я съ товарищами своими, квартирующими съ мною, съ позволенія инспектора семинаріи перешелъ съ прежней квартиры на новую, — несравненно лучшую той, по той же самой цѣнѣ; т. е. прежнему хозяину мы платили въ годъ отъ каждаго по 19 р., всѣхъ же денегъ съ пяти насъ слѣдовало бы ему взять 95 р., но какъ мы только простояли у него 6 мѣсяцевъ и 3 дня, то ему и уплатить слѣдовало только 57 и 75 к. Но поелику отъ насъ оуп получилъ 10 руб., да отъ сотоварища моего И. Лукьяновича 6 р., то ему только досталось 41 р. 75 к. Но гдѣ же вы взяли столько денегъ скажете вы? 16 р., отвѣчаю я, вызычили мы у одного своего соученика, а прочіе 17 р. заняли изъ казны по 27 ч. сего мѣсяца, 8 же остальныхъ рублей и 75 к. было у меня; всѣхъ 41 р. 75 к. Итакъ отъ насъ обоихъ за шесть мѣсяцевъ слѣдовало уплатить 29 р. и 80 к., но поелику мы ему уже уплатили прежде 10 р. да нынѣ моихъ 8 р. и 75 к., то мы остаемся должными внести только 4 р. и 5 к., а прочіе сотоварищи остальные 27 р. и 70 к. слѣдовательно теперешней хозяйкѣ отъ всѣхъ насъ, за 4 мѣсяца, слѣдуетъ 38 р. Какъ вы 4 р. 5 к. прошу васъ, батюшка, прислать, или по почтѣ, или же, если намѣрены взять насъ на святки воскресенскіе, чрезъ своего человѣка. Сверхъ того у насъ уже не стало бумаги, а безъ денегъ въ городѣ ея негдѣ взять. Къ тому же прошу васъ также прислать денегъ на покупку олеи, соли и свѣчей. Теперешняя квартира наша находится возлѣ почтамта, насупротивъ давешней моей квартиры Егорова, въ 1824 году. Имя хозяйки — Елисавета Ивановна г-жа Бурдычева, жена умершаго городского комиссіонера. Впрочемъ, пожелавъ вамъ благоденствія и счастливаго во всемъ успѣха, есмь вашъ всегда покорный и пламенно любящій сынъ и слуга Іосифъ Бодянскій.

1827 г. марта 10 дня. Гор. Переясловъ.

Причины, побудившія насъ сойти съ прежней квартиры, тѣ, что хозяинъ весьма много было воруетъ и едва половинную часть отдаетъ. Если начнемъ о семъ ему говорить, то онъ непристойными словами ругаетъ было и прогоняетъ съ квартиры. Здѣсь у насъ въ городѣ умеръ 8 ч. сего мѣсяца діаконъ новоположенный т. е. въ недѣлю и вчера погребенный на счетъ архіереевъ. Онъ оставилъ послѣ себя молодую жену и четверо дѣтей; имя его отецъ Іоаннъ Мищенковъ.

30.

Дражайшіе родители!

Слава Богу, мы теперь уже въ Переясловѣ! Приѣхали 13-го сего мѣсяца благополучно. За билеты никто ни слова. Отъ самой Макіевки даже досюда былъ намъ спутникомъ отъ Петръ Лабунскій, везшій своего сына въ Переясловъ. Въ Новой Гребнѣ видѣлся я съ Гавриломъ Григорьевичемъ Конисскимъ, ѣхавшимъ откуда-то въ Прилуку за покупкою красокъ. Хозяйка была весьма довольна за доставленіе ей 5 руб. Не забудьте, батюшка, чрезъ Уліану Ивановну передать на 3 фунта масла денегъ по 25 к. Также еще и мѣ 2 р. 50 к. на книгу подъ названіемъ Церковное Краснорѣчіе, которую спустя 2 недѣли начнемъ учить. Ее я не зналъ—будемъ ли учить или нѣтъ; по здѣсь профессоръ объявилъ всѣмъ, чтобы непременно каждый ее куповалъ, и уже многіе изъ моихъ сотоварищей купили. Чрезъ Кирилла я не передаю ничего, но чрезъ Уліану Ив. все нужное передамъ, исключая Кубевякъ только. Павла Ильича здѣсь нѣтъ и по сіе время. За симъ, пожелавъ вамъ во всемъ счастливаго успѣха и благоденствія, остаюсь вамъ послушный и пламеннолюбящій сынъ и слуга Ос. Бодянскій.

Ч. 12 апрѣля 1827 г. Гор. Переясловъ.

П. П. Если ѣхать будетъ Галабутская, то не упомните передать чрезъ ее отданные мною для шитья полушароварки и жилетъ.—Извините, батюшка, что на четвертушкѣ пишу, еще не купилъ бумаги. — Федѣ, батюшка, деньги или юфти на сапоги передать не забудьте.

31.

Дражайшіе родители!

Причиною молчанія моего отвѣтомъ на письмо ваше отъ 30 апрѣля было ничто иное, какъ только озабоченность моя многими тогда встрѣтившимися дѣлами, ибо въ то время, какъ я долженъ былъ отвѣчать на ваше письмо, полученное тогда, вдругъ былъ позванъ къ профессору, у коѣго и пробылъ до самаго вечера. Пришедши же домой,

я уже не засталъ Кропивы; Федя сказалъ, что онъ отъѣхалъ уже и что онъ самъ писалъ къ вамъ письмо. Я хотѣлъ было тогда же отъѣчать вамъ и увѣдомить васъ по первой почтѣ о своемъ здоровьи; но, вздумавъ, что Ульяна Ивановна будетъ скоро къ намъ, отложили оное до сего времени. Теперича же увѣдомляю васъ, что я и Федя во всемъ здоровы и ни въ чемъ не имѣемъ совершеннаго недостатка. Письмо ваше получилъ я сегодня чрезъ У. И. Г. и деньги 2 р. с., за кои благодарю васъ низайше, также и прочія лакоминки. Новостей у насъ почти нѣтъ никакихъ, только (но можетъ быть вы уже оную знаете), что владыка не захотѣлъ идти съ процессіей въ капличку 2-го мая, а ходилъ къ Алтѣ на мостъ, что за Покровскою церковью. Вина такого поступка его была ссора его съ помѣщикомъ Кондратьевымъ, коему принадлежитъ та земля, на которой построена капличка. Сынъ архіереевъ умеръ въ Варшавѣ 22 марта сего года; здѣсь же узналъ какъ онъ, такъ и мы, 25 апрѣля. Онъ былъ боленъ сначала лихорадкою, потомъ горячкою и наконецъ впалъ въ чехотку, отъ коей и скончался. К. Петръ Васильевичъ Лопухинъ, предсѣдатель государственнаго совѣта и дѣйств. тайный совѣт. 1 класса, скончался въ Петербургѣ 11 апрѣля и погребенъ въ Порховѣ, недалеко отъ столицы (это я читалъ въ газетахъ). Въмѣсто четвертака государь повелѣлъ чеканить 25 к. серебромъ. Болѣе нѣтъ никакихъ новостей. Впрочемъ съ истиннымъ сыновнимъ почтеніемъ и пламенною любовію къ вамъ остаюсь навсегда вашъ покорный сынъ и с. Осипъ Боданскій.

18 мая 1827 г. Переясловъ.

П. П. Подводу прислать на 14 іюля.

32.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Сего 28 ч. августа, по милости Божіей, мы прибыли благополучно въ Переясловъ и на квартирѣ остановились у прежней хозяйки нашей Елизаветы Ивановны г-жи Бурдиной. Я ходилъ съ билетомъ къ инспектору семинаріи г. Беккаревичу и онъ оч. хорошо обошелся со мною; спрашивалъ о квартирѣ моей и послѣ сего сказалъ, что на оной могутъ быть 6-ть учениковъ подъ моимъ смотрѣніемъ, а братъ 7-й. Отъ него ходилъ я также съ Федею къ ректору уѣзд. учил. г. Казачковскому; и сей то же самое сказалъ. Теперь, слава Богу, я на хорошей квартирѣ, въ горницѣ теплой; хозяйка надежная и надежда также на будущее блеситъ. Семинаристовъ въ городѣ очень

мало нынѣ; квартиры всѣ почти пусты; рѣдко кого увидишь изъ своихъ, а все армарковыя. На ономъ все дешево: пудъ ржаной муки 45 к., соли пудъ 1 р. 30 к., сукна, демикитоны ни почему; только однѣ деньги дороги. Павла Ильича вѣтъ и по сіе время здѣсь, а думаю не будетъ ли на 30 сего мѣсяца. Хозянкѣ за квартиру на годъ 20 р. Слѣдовательно и инспектору домашнему тоже самое—а можетъ быть не вдастся ли и больше взять. Впрочемъ какъ будетъ, то будетъ; лишь бы было добро. За симъ, пожелавъ вамъ благополучія съ истиннымъ моимъ сыновнимъ почтеніемъ и любовію, емь вашъ всегда послушный сынъ и слуга Осипъ Бодянской. Ч. 28 августа 1827 г. Г. Переяславъ.

33.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

По отправкѣ подводы своей, я остался было на прописанной мною въ письмѣ моемъ квартирѣ у г. Бурдиной, но сего 30 августа ректоръ Козачковскій присылаетъ ко мнѣ по утру на квартиру одного ставляника по меня. Я, пришедши къ нему, спросилъ о причинѣ призыва моего; онъ же въ отвѣтъ сказалъ мнѣ, что онъ меня призвалъ единственно по той причинѣ, чтобы объявить мнѣ, что на позыченной имъ квартирѣ въ воскресенье мнѣ нельзя быть болѣе, но что я долженъ себѣ прискаты другую, гдѣ мнѣ угодно будетъ. Я не смѣлъ спрашивать болѣе его о причинѣ, побудившей его лишить прежнюю хозяйку мою постояльцевъ изъ учениковъ нашихъ, но съ словомъ согласія вышелъ отъ него. Пришедши на квартиру, объявилъ хозяйкѣ о семъ. Она, узнавъ отъ меня такую милость и благоволеніе къ себѣ Козачковскаго, смутилась, но не захотѣла идти просить его. По объявленіи ей сего, сейчасъ пошелъ я искать себѣ квартиры и едва, едва сыскалъ уже по обходѣ болѣе 10-ти квартиръ; всѣ онѣ почти уже теперь позаниманы семинаристами—инспекторами;—но учениковъ малыхъ еще весьма мало. Квартира моя теперешняя за валомъ, за ровъ у мѣщанина Василя Мороза. Мнѣ онъ отвелъ горницу хорошую на 7-мъ человѣкъ, давъ двухъ другихъ, на его харчахъ будетъ душъ на 4, что всѣхъ человѣкъ до 11-ти. Я тогда же и переѣхалъ на сію квартиру и теперь уже здѣсь нахожусь. Уліана Ивановна сегодня пріѣхала въ городъ, остановилась на прежней квартирѣ и прежній инспекторъ домашній. Ходила къ ректору, но онъ не позволилъ принять въ бурсу на полуказенное ея дѣтей и объявилъ ей, что они не прежде будутъ приняты, какъ когда не будетъ у нея крестьянъ. Письмо и денегъ 2 р. с. получилъ я отъ нея. Про-

писанную ленту вамъ купилъ я полтора аршина по 1 р. 40 к., всего за нее заплатилъ 2 р. 10 к. Впрочемъ есмь вашъ пламенно-любящій сынъ и слуга Осипъ Бодянской.

Ч. 30 августа 1827 г. Гор. Переясловъ.

Федя просить васъ, батюшка, чтобы вы прислали ему чрезъ Уліану Ивановну денегъ 1 р. 50 к. на поштые полушароваровъ. Рука, слава Богу, уже почти совсѣмъ перестала болѣть. Я ею теперь могу что угодно мнѣ дѣлать.

34.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Имѣя удобный случай писать вамъ, увѣдомляю васъ симъ, что мы со времени отправления письма своего чрезъ Уліану Ивановну находимся въ вождельнѣнномъ здравіи и благоденствіи, чего и вамъ отъ всей души нашей желасмъ. Квартира моя нынѣшняя теперь для меня кажется еще очень выгодною; не знаю, какъ дальше; время обнаружить и ея нѣкоторые недостатки, коихъ теперь еще не видно. Въ смотрѣвіи моемъ теперь находятся 9 учениковъ различныхъ классовъ, изъ коихъ 7 Золотоношскаго повѣта, а два остальные Кременчугскаго. Прилагаемое при семъ письмо прошу васъ, батюшка, отправить въ с. Свѣтлично чрезъ торговыхъ свѣтличанъ находящемуся на кондѣціи у Василья Осиповича г. Жилы богослову Федору Корніевичу г. Прадмѣ. Оное пишетъ братъ его меньшей, богословъ же. Впрочемъ есмь вашъ всегда покорный и послушный сынъ и слуга Осипъ Бодянской.

Ч. 13 сент. 1827 г. Переясловъ.

П. П. Не знаю, извѣстны ли вы о рожденіи великой княгини Екваторины Михайловны? У насъ уже 5 сентября былъ молебень; родилась 16 августа.

35.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше отъ 1 декабря получилъ я прошлаго же 3-го числа сего мѣсяца съ рукъ г-жи Галабутской и вмѣстѣ съ онымъ означенные вами 8 р. денегъ серебромъ, кои всѣ будутъ употреблены по вашему желанію на покупку муки гречишной и проч. За квартиру въ годъ хозяину слѣдуетъ за Федю такъ, какъ и отъ прочихъ, 20 р. Оные можете вы выплачивать по частямъ, когда вамъ угодно будетъ, или же и вдругъ при вакаціяхъ заплатить. На праздникъ Р. Х. подводу присылать также можете въ 21 числу сего мѣсяца; впрочемъ

если будетъ очень хорошая зимняя дорога. За симъ, пожелавъ благоденствія, во всемъ счастливаго успѣха, есмь вашъ всегда покорный и пламенно любящій сынъ и слуга Осипъ Бодянской.

1827 г. м. декабря 4 дня. Г. Переясловъ.

Новостей у насъ нѣтъ никакихъ. Впрочемъ я читалъ въ газетахъ въ № 92, что соединенные флоты: англійскій, французскій и россійскій разбили и вовсе истребили турецко-египетскій флотъ предъ Наваринской рейдою прошлаго 20 октября.

36.

Дражайшіе родители!

Выѣхавъ изъ дому въ четвертокъ, ночевалъ я въ 10 верстахъ отъ Прилуки, въ которую пріѣхалъ на другой день поутру и остановился въ домѣ дѣдушкиномъ. Въ немъ засталъ я архіерея, который тогда осматривалъ церкви городскія. Отсюда онъ поѣдетъ въ Богдановку, Липовицу и прочія селенія, означенныя въ маршрутѣ его, который при семъ вамъ прилагаю; онъ спять былъ мною у секретаря его Гришкова. Въ субботу предъ вечеромъ прибылъ я благополучно въ Переясловъ и остановился на прошлогодней квартирѣ къ великой радости хозяина. Къ своимъ начальникамъ еще не ходилъ, но по отправкѣ подводы пойду и все опишу въ письмѣ своемъ къ вамъ чрезъ г-жу Галабутскую. Теперь въ городѣ нашемъ очень скучно и все глухо; квартиры, правда, почти всѣ уже заняты, и я, еслибы не договорилъ еще прежде ваканцій, то принужденъ бы былъ проходить весь городъ вдоль и поперегъ и тогда уже по долгомъ исканіи, можетъ быть, сыскалъ бы какую-нибудь худенькую лачужку, ибо нѣкоторые изъ инспекторовъ пріѣхали еще 20 числа сего мѣсяца; да и на квартиру человѣкъ пять приходило, но всѣ получили отказъ. Впрочемъ съ истинною сыновнею къ вамъ любовію и преданностію есмь вашъ покорный сынъ и слуга Осипъ Бодянской.

26 августа 1828 г. Г. Переясловъ.

Маршрутъ Георгія е. п.

1) Прилуки; 2) Богдановка; 3) Липовица; 4) Ковтуновка; 5) Дубовничай; 6) Бубновацна; 7) Бѣлошапки; 8) Мамотинцы; 9) Кулаженцы; 10) Каровай; 11) Городище; 12) Яготинъ; 13) Переясловъ.

37.

Дражайшіе родители!

Черезъ сей удобный случай извѣщаю васъ, что я ходилъ къ инспектору семинаріи г. Беккаревичу съ успѣхомъ. Онъ позволилъ

мнѣ съ охотою остановиться на прежней моей квартирѣ. Прошу при первомъ удобномъ случаѣ передать мнѣ мои лѣтніе башмаки, двѣ пары. Я думаю можно еще успѣть вамъ ихъ переслать чрезъ отца Григорія Снисаревскаго. Также еще прошу васъ прилагаемое при семъ письмо къ Рубану отъ меня отослать нарочнымъ тотчасъ по полученіи онаго, ибо оно о весьма нужномъ къ нему и не терпитъ ни самамалѣйшей отсрочки. Впрочемъ, желая вамъ во всемъ благополучнаго и удачнаго успѣха и здравія, есмь вашъ пламенно любящій сынъ Осипъ Бодянской. 27 августа 1828 года.

Г. Переясловъ.

Отмѣтка о. Максима: По сему отписывалъ съ посылкою 2-хъ паръ башмаковъ чрезъ Степана съ харчмы 1828 года сентября 19 въ среду по утру.

38.

Дражайшіе родители!

Чрезъ сей вѣрный случай пишу къ вамъ сіе письмо и извѣщаю, что мы по милости Творческой находимся въ здравіи и спокойствіи. Почтеннѣйшій Иванъ Яковлевичъ пріѣхалъ въ нашъ городъ 20 числа сего мѣсяца вмѣстѣ съ благочиннымъ отцемъ Іоанномъ, каждый по своей надобности въ консисторію; а именно первый о взятіи свидѣтельства касательно рожденія сына своего, нужнаго при опредѣленіи въ училище или же во всякую государственную службу; а второго причины я не знаю. Впрочемъ это постороннее. Скажу вамъ о Антонѣ. Вы можете его прислать къ намъ къ Покрову, какъ будете отправлять подводу съ харчами. Здѣсь я его опредѣлю къ первому сапожнику, у коего онъ можетъ въ полгода изучиться дѣлать хорошіе сапоги и прочіе городской работы и еще получать деньги. Желая вамъ во всемъ счастливаго и благополучнаго успѣха, есмь вашъ покорный и послушный сынъ и сл. Осипъ Бодянской.

21 сент. 1828 г. Г. Переясловъ.

П. П. Отцу Григорію Снисаревскому скажите отъ меня, чтобы онъ передалъ черезъ васъ или деньги на олею или же самую ее, также масла и свѣчей часть. Увѣдомьте насъ о состояніи здоровья матушки. Теперь у меня въ смотрѣніи только 5 учениковъ — число малое, но въ отношеніи къ другимъ моимъ товарищамъ великое, ибо у иныхъ по два и три не болѣе есть.

39.

Дражайшіе родители!

Подвода съ харчами, отправленная вами 19 числа сего мѣсяца, пріѣхала 22 числа сего же мѣсяца и все въ исправности доставила

намъ: ржаной муки $8\frac{1}{2}$ м., пшеничной $2\frac{1}{2}$ м., пшеница 1 м. Я очень радуюсь выздоровленію матушки и благодарю Всевышняго; отъ всего моего сердца молю Его, да сохранитъ какъ ваше, такъ и ея здоровье и продлитъ жизнь, столь необходимую для счастья нашего и всѣхъ вообще.—21 числа я отправилъ письмо мое къ вамъ чрезъ Ив. А. Рубана, и думаю, что вы его уже получили.—Сегодня я ходилъ къ сапожнику Бѣлецкому, извѣстному у насъ по чистотѣ и крѣпости своей работы; спрашивалъ его, можно ли будетъ принять работника. На что онъ съ охотою согласился; спрашивалъ также о условіяхъ, но онъ сказалъ, что увидя его работу, тогда уже объявитъ оныя. Почему вы можете Антона прислать къ Поврову; впрочемъ, думаю, онъ дастъ ему 15 р., а можетъ быть и болѣе. Иванъ Яковлевичъ подарилъ мнѣ гитару, за которую прошу послать къ нему въ Свѣтличное, и передать мнѣ ее чрезъ Антона же. Моя же будетъ годится для Оеди. Впрочемъ, пожелавъ вамъ счастливаго во всемъ успѣха, есмь вашъ покорный многолюбящій сынъ и слуга Осипъ Бодянской.

23 сентября 1828 г. Г. Переясловъ.

Параскева Михайловна передастъ письмо при семъ прилагаемое къ Ивану Васильевичу. Его ко мнѣ прислалъ Ив. Ром. Сербиновскій золотарь, который выѣзжаетъ сегодня въ Придуку.

40.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше отъ 8 ноября вмѣстѣ со вложеніемъ 15 руб. ассигнаціями получилъ я 13 ноября же, изъ коихъ 10 р. отдалъ Оедѣ, а остальные взялъ себѣ для расплаты тѣмъ, у коихъ высылалъ я на покупку лѣкарства нужнаго для меня. Не знаю, что мнѣ должно дѣлать съ этою болѣзнію? И по сіе время еще я совершенно отъ нея не освободился. Въ лѣвой ногѣ она особенно усилилась. Но, благодаря Всевышнему, помощію лѣкарствъ почти совершенно излѣчился, но все-таки несовершенно. Постоянное употребленіе оныхъ подаетъ надежду къ выздоровленію. Но бѣда, что эти лѣкарства слишкомъ дороги; банка стоитъ 3 р. 20 к., а таковыхъ банокъ уже у меня отъ вакацій сошло 3. Деньги, потребныя для покупки оныхъ были мною платимы, но теперь уже почти истощился мой карманъ и далѣе никакъ не могу; а нужно, неотмѣнно нужно, естли желаю быть здоровымъ. Посему, батюшка, прошу васъ нижайше, естли вамъ возможно будетъ, прислать мнѣ оныхъ хотя нѣкоторую часть. Чѣмъ это скорѣе, тѣмъ лучше, ибо я тѣмъ скорѣе могу освободиться отъ своей болѣзни. Расчетъ харчевой складки былъ много вамъ доставленъ.

Впрочемъ посылаю еще: ржаной муки 10 м., гречаной 10, пшеничной 6, пшена 2, крупъ 2, сала 25 ф., меда 15 ф., соли 20 ф., масла 20, олен 5 вв., свѣчей 5 ф., денегъ на каждую треть по 4 руб. Если будете присылать подводу на святки по Оедю, то доставьте намъ болѣе всего масла, сала, соли, или же деньги на оную, равно какъ и на свѣчи. Также буде не согласитесь брать Оедю домой, то и деньги въ складку на слѣдующую треть. Письма, прилагаемыя при семь, прошу васъ доставить по адресу. Впрочемъ, желая вамъ во всемъ счастливаго и благополучнаго успѣха и здоровья, есмь вашъ покорный сынъ и слуга Осипъ Бодянской.

Новостей нѣтъ у насъ никакихъ. Не знаю, получили ли вы извѣстіе о смерти императрицы Маріи Теодоровны, послѣдовавшей 24 октября? У насъ здѣсь была отправлена панихида 1 ч. ноября.

14 ноября Павелъ Ильичъ получилъ письмо отъ 7-го того же мѣсяца изъ Василькова отъ дяди Павла Гавриловича, въ которомъ онъ извѣщаетъ насъ о свадьбѣ, имѣющей постигнуть 11 ч. Онъ выдаетъ за кого-то старшую дочь свою и проситъ насъ пріѣхать отгулять свадьбу. Какъ разъ встать!

41.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше я получилъ сего мѣсяца 22 ч. и благодарю васъ душевно за присылку денегъ; я оныя употребилъ для заплаты вызывавшимъ мнѣ прежде для покупки лѣкарствъ. Теперь я не ѣду къ вамъ на святки въ домъ по той причинѣ, что очень холодная погода и сильные морозы; болѣе же всего, что при столь худомъ времени еще очень далеко ѣхать. Отправляюсь же къ кондиціонисту своему за 40 верстъ. Я думаю, что въ продолженіе сего недалежнаго пути не могу простудиться. Если дастъ Богъ намъ въ добромъ здоровьи дождать Воскреснаго праздника, то не премину прибыть къ вамъ непременно, тѣмъ болѣе что тогда, какъ должно надѣяться, будетъ благоприятнѣе погода и путь. Въмѣсто же себя посылаю Оедю и съ нимъ одного его сотоварища, по имени Василя Григоровича, сына Бортыанской прежде бывшей жительки Черняцкой. Онъ ученія превосходнаго, а нравственности примѣрно доброй. Я для того его отправляю, чтобы Оедѣ не было скучно; ибо наша Варва, хотя и мѣстечко, но, какъ вамъ извѣстно, во времени совершенно не съ кѣмъ провести; для людей же занимающихся нѣтъ ничего досаднѣе и несноснѣе какъ скука. Что архіерей нашъ теперь повелѣлъ, чтобы съ будущаго новаго года отъ всѣхъ церквей Полтавской епархіи были присылаемы

церковные старосты для покупки на цѣлый годъ свѣчей, для чего здѣсь въ городѣ уже заведена и лавка. Такимъ образомъ покупка оныхъ будетъ производиться ежегодно; но надолго ли? Повидимъ. Не знаю, получили ли вы о семъ извѣщеніе или нѣтъ. Также въ нашей консисторіи недавно по повелѣнію государя забирали справку: сколько было оштрафованныхъ священниковъ въ нашей губернии и за что и когда? Говорятъ, что это все для того, что съ новаго года будетъ отпускаемо жалованье священникамъ и всѣмъ духовнымъ, раздѣленнымъ на нѣсколько разрядовъ, но самому послѣднему 300 р. Впрочемъ, пожелавъ вамъ счастливо проводить и достигъ новаго года и благополучно находить, емь вашъ п. с. и с. О. Бодянскій.

23 декабря 1828 г. Г. Переясловъ.

Прошу васъ, батюшка, послѣ святокъ прислать мнѣ денегъ для покупки нужныхъ для ученія книгъ, именно: Исторію философскихъ системъ, стоящей 8 руб., и новой Пасхалии 2 руб.

42.

Дражайшіе родители!

Поздравляю васъ съ наступившимъ уже новымъ годомъ и желаю вмѣстѣ вамъ проводить какъ сей, такъ и будущіе, счастливо, благополучно, имѣть во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ, предпріятіяхъ и дѣлахъ удачный и добрый успѣхъ и совершенное во всемъ исполненіе всѣхъ своихъ желаній и хотѣній. Радуюсь душевно вашему хорошему здоровью и положенію и молю Бога, да продлитъ Онъ ваши драгоценныя для насъ и для всѣхъ добрыхъ дни столько, сколько будетъ угодно Его благой волѣ. Скажу о себѣ, что я ѣздилъ на нынѣшнія святки въ Дрбовъ къ архитектору Богомолу—человѣку честному и достойному всякаго уваженія; сважу, что мнѣ у него тамъ было очень хорошо, всѣ были рады моему приѣзду и просили усиленно еще пожаловать и на будущія святки. Здоровье мое ни мало не разстроилось отъ поѣздки, и я теперь гораздо чувствую лучше, чѣмъ передъ симъ временемъ. Я черезъ письмо просилъ васъ прежде прислать мнѣ денегъ на необходимыя объясненныя въ ономъ мои нужды; но вы сказали, что оныхъ теперь у васъ не имѣется.—Я вѣрю вашимъ словамъ, зная въ точности доходы ваши. Впрочемъ прошу васъ низайше, если у васъ онѣ будутъ, переслать черезъ почту или же черезъ подателя сего письма, (который будетъ ѣхать въ Переясловъ спустя три недѣли) хотя рублей 15 на книги именно: на покупку Исторіи философскихъ системъ, стоящей 7 руб.; Опыта науки изящнаго 5 р. и французской хрестоматіи 3 р. Онѣ весьма нужны для ученія и совершенно необхо-

димы. За симъ, пожелавъ вамъ добраго здоровья и удачи во всемъ, есмь вашъ покорный сынъ и слуга О. Бодянский.

Ч. 12 января 1829 г. Г. Переясловъ.

Новостей у насъ нѣтъ никакихъ.

43.

Дражайшіе родители!

Въ нынѣшнемъ 1829 г. января 10 дня послѣдовало въ наше семинарское Полтавское правленіе требованіе изъ С.-Петербурга отъ министра народнаго просвѣщенія о высылкѣ туда трехъ учениковъ изъ сей семинаріи средняго отдѣленія въ новооткрывшійся въ сей столицѣ Императорскій Педагогическій институтъ для предуготовленія ихъ въ званіе профессоровъ во всеѣ университеты русскіе, гимназій, пансіоны и другіе институты. Въ семъ заведеніи должно обучаться будетъ 4 года; по окончаніи же курса, какъ сказано уже, выпускаютъ профессоромъ съ чиномъ 9 класса; если же особенно отличался, то и 8 класса. Кромѣ того по выслугѣ положенныхъ 8 лѣтъ при профессорской должности отпускаютъ навсегда по смерти большую пенсію, не менѣе 1500 р.; при отправленіи же должности полагаютъ жалованья по столько же. Узнавъ объ этомъ, я, батюшка, принялъ намѣреніе помѣститься въ число вызываемыхъ въ оный институтъ тѣмъ болѣе, что я, какъ вамъ извѣстно, не намѣренъ быть въ духовномъ званіи, а болѣе всего избѣгая посылки въ Кіевскую духовную академию, въ которой я, какъ чувствую себя, никакъ не могу обучаться по слабости глазъ и въ которой такъ сильно настаиваютъ въ изученіи, что нерѣдко самые лучшіе, съ самыми отличными дарованіями и здоровьемъ, люди теряли свою жизнь; на сіе опытовъ можно привести болѣе ста. За всемъ тѣмъ при выпускѣ изъ сей академіи часто бываетъ (какъ случилось прошлый курсъ), что не бываетъ и празднаго мѣста, куда бы можно послать. По сему многіе, истощая свои силы и здоровье, остаются не при чемъ. Опасаясь сего и себѣ жребія или же, скажу прямо, вовсе не желая быть въ оной по изложеннымъ причинамъ, и представляя себѣ несравненно лучшія выгоды въ институтѣ и надѣясь въ ономъ устроить свое счастье,—я рѣшаюсь поѣхать въ Петербургъ и обучаться въ ономъ. На сіе же прошу у васъ, любезнѣйшій батюшка, отческаго согласія и благословенія. Но, чтобы лучше успѣть помѣститься въ число вызываемыхъ, я прошу васъ нижайше, батюшка, написать отъ себя просительное письмо къ инспектору нашей семинаріи профессору Якову Емельяновичу Бекваревичу о томъ, чтобы онъ постарался именно меня выслать съ прочими въ

оний институтъ. Отъ него все зависить; онъ по своему желанію, кого захочетъ, того и можетъ нарядить въ кандидаты. Письмо же я къ нему сочинилъ отъ вашего лица, которое при семъ на особенномъ лоскутѣ прилагаю и которое вы, переписавъ на чистой бумагѣ такъ, какъ оно есть, подписавъ свое званіе и имя, прошу васъ низайше переслать ко мнѣ въ Переясловъ чрезъ первый вѣрный случай (именно же чрезъ Петра Онуфріевича Курцова, зятя Снисаревскаго, который въ скорости пріѣдетъ къ намъ) или же черезъ почту немедленно. Я по полученіи онаго отнесу тотчасъ его къ Беккаревичу; и я увѣренъ, что онъ не откажетъ просьбѣ вашей и вышлетъ меня послѣ публичнаго вакаціоннаго экзамена въ Петербургъ. Въ письмѣ, батюшка, для лучшаго успѣха въ семъ дѣлѣ можете, не пожалѣвъ, приложить 15 руб. бумажками, ибо кто мажетъ, по пословицѣ, тотъ ѣдетъ скорѣе. Письмо сіе по написаніи вы не запечатывайте и не пишите въ ономъ, что вы ему посылаете сей гостинецъ, ибо этимъ можно его будетъ нѣсколько пристыдить. Я здѣсь его, запечатавъ и приложивъ еще отъ себя нѣсколько денежекъ, поспѣшу доставить какъ можно скорѣе ему. Батюшка! Прошу васъ чувствительнѣйше не отказатья отъ сего и тѣмъ составить счастье вашего всегда покорнаго сына и слуги О. Бодянскаго.

Р. S. При отправленіи письма чрезъ почту (буде не будетъ случая) вы написанное къ Беккаревичу не печатайте, а вложите въ мое вмѣстѣ съ деньгами, но на почтѣ должно будетъ объявить о числѣ денегъ, дабы чрезъ тайную посылку не затерялись совсѣмъ и деньги (и) письмо; при томъ же и не быть бы за сіе судимымъ.

Касательно же Феде я его до вакаціи успѣю приготовить въ риторіку, какъ нужно и должно. На будущій годъ вамъ не нужно будетъ нанимать ему инспектора, а только квартиру. О моемъ намѣреніи ѣхать въ Петербургъ прошу васъ, батюшка, не сказывать матушкѣ, а какъ можно это отъ нея скрывать, ибо сямъ можно ихъ будетъ сильно огорчить и напугать.

Письмо къ Беккаревичу.

Ваше Высокоблагородіе, Милостивый Государь, Яковъ Емельяновичъ!

Хотя я и не имѣю чести быть съ вами лично знакомъ, однако, имѣя къ вамъ крайнюю нужду, беру смѣлость утруждать васъ нынѣ чрезъ сіе письмо своею нескромною просьбою и чувствительнѣйше просить васъ о исполненіи оной. Вамъ извѣстно, что Государемъ Императоромъ въ прошломъ году во время присутствія въ арміи подписано было предложеніе о заведеніи новаго педагогическаго инсти-

тута въ С.-Петербургѣ; извѣстно также и то, что уже послѣдовало отношеніе въ ваше семинарское Полтавское правленіе о высылкѣ трехъ учениковъ изъ средняго отдѣленія сей семинаріи въ оный институтъ. Желая видѣть сына моего Осипа Бодянскаго, обучающагося въ ономъ отдѣленіи, въ семъ институтѣ, прошу васъ низжайше помѣстить его въ число имѣющихъ быть посланными въ оное училище и симъ навсегда обязать и заставить вѣчно благодарить,

Вашего Высокоблагородія, Милостиваго Государя, покорнѣйшаго слугу и священника Максима Бодянскаго.

1829 г. М. Варва.

На письмѣ отмѣтка о. Максима: по сему отписано съ перепискою письма и съ приложеніемъ денегъ бумажкою 25 р. и серебромъ 5 р. чрезъ козака и давши на то Божіе и мое благословеніе и послано генваря 1829 г. въ—.

44.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше получилъ 5-го марта по утру. Радуюсь душевно вашему здоровью и молю Всевышняго, да хранитъ ваши лѣта долго-временно и благополучно. Сегодня г. Беккаревичъ отбиралъ согласіе въ нашемъ классѣ о желаніи въ Педагог.институтъ, но только шесть подадо голость; записавъ ихъ имена, онъ отнесъ это къ владыкѣ для выбора изъ сего числа трюихъ. Я думаю, завтрашній день намъ объявятъ нашъ жребій. Впрочемъ я надѣюсь и твердо даже увѣренъ въ помѣщеніи себя въ сіе число, ибо уже мнѣ нѣкоторые изъ профессоровъ говорили о семъ, и всѣ единогласно одобряютъ и хвалятъ мое намѣреніе; будущую жизнь мою расписываютъ самими яркими, а вмѣстѣ и предестными красками. Выгоды, говорятъ они, тамъ многу полученныя, будутъ несравненно выше выгодъ семинарскихъ профессоровъ. Жалованье втрое больше, чѣмъ они здѣсь получаютъ. Передъ масляною писалъ изъ Питера министръ просвѣщенія князь Ливень къ преосвященному, чтобы онъ, какъ можно, постарался выслать туда изъ благонадежнѣйшихъ какъ по доброй нравственности, такъ равномѣрно и по успѣхамъ въ наукахъ, прибавляя, что таковая его поспѣшность въ семъ дѣлѣ будетъ въ особенномъ вниманіи у самого Государя. О рѣшеніи конечномъ я васъ извѣщу по первой же почтѣ. За симъ, желая вамъ во всемъ счастливаго и добраго успѣха, есмь вашъ п. с. и с. О. Бодянскій.

Ч. 5 1829 г. Г. Черясловъ.

19 и 30 января взяты двѣ крѣпости у турковъ Кале и Турно. Графъ Витгенштейнъ уволенъ отъ начальства надъ 2-ю арміею по слабости и драхлости лѣтъ и за тѣмъ, что лишился зрѣнія. Мѣсто его заступилъ графъ Дибичъ.

У насъ пронесся слухъ, что архіерей только будетъ на сей епархіи до вакаціи, а тамъ въ отставку. О семъ писалъ ген.-лейтенантъ Васильчиковъ къ своему управителю въ деревню.

45.

Дражайшіе родители!

Вотъ уже когда вы получили отвѣтъ на свое письмо. Я тогда было изготовилъ оное тотчасъ же, но пошедши къ Параскевѣ М., услышалъ отъ нея, что она заразъ не намѣрена ѣхать въ Варву, а что пріѣдетъ въ нашъ городъ еще 31 марта и тогда уже къ намъ. Почему, сообразивъ, раздумавъ я уже и писать къ вамъ черезъ нее, полагая, что самъ скорѣе прибуду въ домъ. Но вышло совсѣмъ не то. Вы, я чаю, по разлитію воды, не захотѣли отправлять подводы къ намъ и дѣльно сдѣлали. Впрочемъ Федею я отсылаю вмѣстѣ съ Павломъ Ильичемъ въ Прилуку, куда прошу васъ прислать котораго-нибудь человѣка къ средѣ по него. Причиною сему то, что ему совсѣмъ не въ чемъ ходить:—сапоги всѣ дочиста оборвались. Параскева М. два раза была у архіерея и хлопотала за меня у него: онъ уважилъ ея прошеніе и обѣщавъ помѣстить меня въ число требуемыхъ и списокъ оныхъ послалъ уже въ Питеръ къ вв. Ливену для утверженія. Рѣшенія на сіе ожидаемъ мы послѣ праздника нынѣшняго. Съ Федею прошу, батюшка, васъ прислать мнѣ рублей 10 для пошты холстинныхъ русскихъ рубахъ на дорогу, ибо тамъ нѣтъ обыкновенія ходить въ бѣлыхъ. Также не худо было бы, еслибъ вы написали маленькое благодарственное писемцо къ Бекваревичу и туда вложили равное число моимъ деньгамъ. Онъ тогда болѣе бы еще приложилъ старанія за меня. За симъ, пожелавъ вамъ счастливо окончить нынѣшній постъ, достичь въ благополучіи Свѣтлаго праздника и проводить весело и радостно, есмь вашъ всегда покорный и много любящій с. и с. О. Бодянский.

Ч. 7 апрѣля 1829 г. Г. Переясловъ.

Я, можетъ быть, въ четвертокъ поѣду въ Драбовъ къ г. Богомолу. Подателя сего письма, почтеннѣйшаго Андрея Яковлевича г. Митянского прошу, батюшка, отослать въ Озераны къ отцу на своей подводѣ; онъ будетъ за сіе вѣчно благодарить.

46.

Дражайшіе родители!

Я, слава Богу, теперь въ Переясловѣ. Въ оный пріѣхаль 28 ч. сего мѣсяца. Святки проводилъ въ Драбовѣ хорошо и весело. Сказаль бы что-нибудь о своемъ дѣлѣ, но поелику нѣтъ въ городѣ инспектора семинаріи, то и не могу ничего узнать объ опомѣ. Съ пріѣздомъ его, можетъ быть, сдѣлается что-либо гласнымъ на счетъ мепя. Насъ и по сіе время еще нигде не экзаменоваль, но въ маѣ надѣемся быть испытываемыми владыкою. Впрочемъ, экзаменъ намъ шимало не страшень. Даль бы Богъ только здоровье и силы, а все прочее пойдетъ обычною чредою. Благодарю васъ за присылку денегъ на рубашки; ихъ я думаю сшить хотя по крайней мѣрѣ полдесятка. Впрочемъ есмь вашъ покорнѣйшій с. и сл. О. Бодянской.

Ч. 30 апрѣля 1829 г. Г. Переясловѣ.

Прошу отослать письмо сіе по надписи куда слѣдуетъ.

47.

Дражайшіе родители!

Улучивъ вѣрный случай, спѣшу воспользоваться онымъ и увѣдомить васъ о теперешнемъ теченіи моего дѣла. 14 числа сего мѣсяца я вмѣстѣ съ прочими товарищами своими былъ у городскаго штаб-лѣкаря Стаховскаго для усмотрѣнія: годны ли будемъ относительно здоровья къ отправленію въ С.-Петербургъ и не имѣемъ ли какихъ-либо значительныхъ тѣлесныхъ недостатковъ, которые бы могли намъ препятствовать къ продолженію дальнѣйшаго ученія нашего въ столицѣ. Но штаб-лѣкарь 5-рыхъ изъ насъ нашель совѣмъ способными со стороны здоровья, а прочихъ 4 неспособными по различнымъ причинамъ ихъ болѣзни. Виною всего этого было вторичное предписание министра просвѣщенія князя Ливена и оберъ-прокурора св. Синода, кн. Мещерскаго о строгомъ испытаніи назначаемыхъ въ Главный Имп. С.П.Б. Педагогическій институтъ и о непремѣнной высылкѣ ихъ по окончаніи философскаго курса наукъ. Итакъ, несомнѣнно уже то, что я, съ Божію помощію, по выдержаніи экзаменовъ (которые въ скорости начнутся и которые, по всему видно, будутъ очень жаркіе) можетъ быть отправлюсь въ Питеръ. Если вы намѣрены что-нибудь послать къ Беккаревичу въ знакъ благодарности за сіи труды, то, однакожь, еще не спѣшите, а лучше поудержитесь немножко до половины іюня; а тамъ я васъ извѣщу какъ о послѣдующихъ перемѣнахъ, такъ и о всемъ прочемъ, касающемся меня. Въ письмѣ можете его

благодарить за его стараніе о помѣщеніи меня и просить его и впредь о неоставленіи меня своимъ вниманіемъ. Впрочемъ письмо, на его имя надписанное, лучше будетъ подать чрезъ почту, прямо къ нему адресуясь, со вложеніемъ рублей 25. Онъ за сіе будетъ вами доволенъ, да и для меня очень будетъ ладно. О выѣздѣ владыки въ епархію еще у насъ ничего не слышно. Кажется, что едвали онъ отправится странствовать по ней; а если и памѣренъ, то не иначе какъ будетъ то въ послѣднихъ числахъ слѣдующаго мѣсяца. О семь я не премину васъ предвѣстить. Впрочемъ, съ моимъ сердечнымъ желаніемъ вамъ во всемъ счастливаго успѣха и благополучія въ жизни, есмь вашъ преданный с. и сл. Осипъ Бодянской.

Ч. 19 мая 1829 г. Г. Переясловъ.

Я не знаю, кто вамъ, батюшка, наговорилъ на Концевичевыхъ, будто бы они не доставляютъ харчей; напротивъ, я васъ увѣряю, что они весьма рачительно доставляютъ оныя и послѣдній недоимокъ 18 сего мѣсяца уже представили.

48.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше, пущенное послѣ свѣтлыхъ святокъ, получилъ я чрезъ недѣлю и до сихъ поръ не имѣлъ времени отвѣчать вамъ на оное. Не знаю, получили ли вы мое письмо, писанное на самыхъ праздникахъ В. X? Думаю, что не получали, иначе не преминули бы вы объ немъ написать въ своемъ письмѣ. Въ ономъ я просилъ васъ доставить харчей, именно: 6 м. ржанаго и 4 пшеничнаго, также 3 ф. свѣчей, 15 фун. масла, 10 ф. соли и 5 руб. въ харчевую складку на вышнюю треть. И теперь опять повторяю то же самое и прошу какъ можно поспѣшить присылкою оныхъ, ибо въ нихъ настоятъ крайняя нужда. Недавно пріѣзжалъ въ Переясловъ Яхневичъ съ своимъ зятемъ Левицкимъ, бывшимъ келейнымъ Меодія; Яхневичъ теперь уже отставленъ отъ своего благочинія. Къ 29 сего мѣсяца мы ожидаемъ къ себѣ Государя Императора, который чрезъ нашъ городъ поѣдетъ въ Козелецъ для осмотра войскъ, оттуда въ Кіевъ, Варшаву для закрытія польскаго сейма, а тамъ въ СПб. Впрочемъ, съ истиннымъ моимъ къ вамъ сыновнимъ почтеніемъ и преданностію есмь вашъ покорный сынъ и слуга О. Бодянской.

Ч. 11 мая 1829 г. Г. Переясловъ.

49.

Дражайшіе родители!

Долгое время не писалъ я къ вамъ. Наконецъ, улучивши случай, спѣшу онымъ воспользоваться и извѣстить васъ о своемъ дѣлѣ. Архі-

ерей замѣтилъ у меня одинъ недостатокъ, именно праваго глаза косо́сть, и нѣчто изволилъ объ этомъ говорить съ инспекторомъ семинаріи. Поэтому для избѣжанія будущихъ неприятностей, имѣющихъ случиться отъ сего, совѣтую и прошу васъ не пожалѣть г. Беккаревичу послать гостинца т. е., какъ я уже писалъ къ вамъ, рублей по крайней мѣрѣ 25 и это все по почтѣ, именно къ 25 и 29 іюня, такъ, чтобы его за(благо)временно еще успѣть задобрить. Письмо писать холостое, т. е. необъявлять на пакетѣ, что въ немъ есть деньги, а прямо адресовать; только стоитъ вложить искусно; для сего необходимо надобно положить 25 руб. бѣлую бумажку. Сіе письмо адресовать на имя же Беккаревича по приложенному слѣдующему образцу.

Его Высочобл. Милостивѣйшему Государю Якову Емельяновичу г. Беккаревичу въ Переясловѣ.

Письмо списать слѣдующее:

Ваше Высочоблагородіе, Милостивѣйшій Государь, Яковъ Емельяновичъ! Милостивое вниманіе, оказанное вами къ первому моему прошенію, даетъ смѣлость утруждать васъ опять вторично своею нескромною просьбою, именно: прошу васъ, милостивѣйшій г., не оставитъ потрудиться о томъ, чтобы моего сына О. Бод. помѣстить въ число имѣющихъ быть посланными въ Имп. С.П.Б. институтъ. Сіимъ весьма много осчастливите его и меня заставите быть вамъ навсегда благодарнымъ и признательнымъ, каковымъ есмь и нынѣ вашего высокоблаг., мил. г., покорный слуга с. М. Б.

Въ письмѣ не надобно писать, что деньги ему посылаете, а только ихъ въ срединѣ онаго приложить. Онъ уже и самъ догадается, о чемъ дѣло идетъ.

Также прошу васъ, батюшка, и мнѣ въ другомъ письмѣ прислать рублей 10 на пошитыя сапоговъ, кои нужно туда здѣсь сготовить паръ по крайней мѣрѣ 3 и 4. На моемъ письмѣ можно надписать, что мнѣ посылаются деньги.

50.

Дражайшіе родители!

Въ письмѣ, посланномъ мною чрезъ жену отца Карпа, я писалъ къ вамъ, чтобы вы прислали мнѣ по крайней мѣрѣ рублей 10 на пошитыя сапоговъ въ Петербургъ; но тогда же и упомянулъ было извѣстить васъ, чтобы вы запаслись для меня бѣлыми тонкими рубашками и подштанниками; первыхъ шить паръ 6 и шить на образецъ русской или же, если не знаютъ у насъ, то и на малороссійской, только

чопорно; послѣднихъ же тоже паръ 4 и 5 на образецъ солдатскихъ. Тѣ и другіе думаю могъ еще до вакаціи уходить Данило Цопа.

Не жалѣйте, батюшка, денегъ на подарокъ г. Беккаревичу; за то онъ сдѣлаетъ то, чего мы желаемъ и сдѣлаетъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Только поспѣшите посылкою оныхъ къ нему т. е. къ 27 и 29 сего мѣсяца. На письмо ваше я буду писать по первой почтѣ послѣ полученія онаго и извѣщу васъ тогда обо всемъ подробно. Съ истиннымъ моимъ уваженіемъ и любовію есмь вашъ преданный с. О. Бодянский.

Ч. 10 іюня 1829 г. Г. Переясловъ.

Податель сего письма есть отецъ Александръ, діаконъ изъ Давыдовки, сынъ отца Адріана тамошняго священника—Лукьяновича. Онъ хочетъ сдѣлаться священникомъ въ селеніе Свѣтличное на мѣсто отца Григорія.

51.

Дражайшіе родители!

На присланной вами подводѣ посылаю Федю самого и кой-какія вещи и книги, а самъ сейчасъ же отъѣзжаю на два дня только въ Лохвицкій повѣтъ, селеніе Кохновку (въ 30 вер. отъ Варвы) къ помѣщику подполковнику Пещанскому, который просилъ меня, чтобы я былъ троемъ его дѣтямъ домашнимъ инспекторомъ. Въ годъ за трудъ свой я требовалъ съ него 130 руб. и нѣкоторыя вещи. Домой я непременно прибуду въ субботу сей недѣли и пробуду быть можетъ по 1 августа, а тамъ надобно будетъ опять отъѣхать въ Кохновку же. Квартиру я уже себѣ отыскалъ другую несравненно выгоднѣйшую. Матушку прошу увѣрить и стараться утѣшать до тѣхъ поръ, покуда я приѣду. Впрочемъ, желая вамъ во всемъ имѣть счастливый и благополучный успѣхъ, быть здоровыми и веселыми, есмь вашъ пламенно любящій сынъ и слуга О. Бодянский.

Ч. 17 іюля 1829 г. Г. Переясловъ.

52.

Дражайшіе родители!

Федя, отправленный вами изъ дому 27 сего мѣсяца, прибылъ ко мнѣ благополучно 29 числа. Я уже былъ въ городѣ съ 26 и остановился на квартирѣ у дворянина губ. секретаря Павла Евстафьевича Павленко на старомъ его дворѣ въ приходѣ Св. Спаса. Домъ въ два покоя съ комнатою весь занятъ мною; въ одной половинѣ съ комнатою я съ дѣтьми помѣщика Ивана Дмитріевича Пещанскаго 3-мя мальчиками, изъ коихъ два въ философскомъ отдѣленіи, а остальной

въ синтаксисѣ. Здѣсь также и мальчикъ на услугу. Куховарка же будетъ находиться на кухнѣ. Въ другой половинѣ, въ одной большой залѣ мѣстится Оеда съ другими учениками, кои хъ обѣщались прислать мнѣ г. Беккаревичъ человекъ 7-мъ. Харчи прошу, батюшка, приготовить и прислать къ 15 или же по крайней мѣрѣ къ 20 числу сентября. Будучи въ домѣ, я просилъ васъ заготовить мнѣ по зиму овечьихъ шкуръ на тулупъ и передать было чрезъ Оеду, но онъ сказалъ, что вы не успѣли искупить оныхъ. Къ октябрю, я думаю, вы можете оныя на торгахъ, или гдѣ-либо купить, которыя прошу васъ, батюшка, переслать на харчевой ко мнѣ подводѣ. Также и на покрытѣ его рублей 8 денегъ. Я бы и не утруждалъ васъ, но не въ чемъ ходить будетъ зимою, ибо мой теплый сюртукъ уже износился, а въ одной шинелишкѣ будетъ очень горячо.

Впрочемъ есмь вашъ пламенно любящій сынъ и покорный слуга
О. Бодянской.

Ч. 31 августа 1829 г. Г. Переясловъ.

П. П. Да еще Оеда говорить, что онъ упомянулъ взять у васъ денегъ на 10 ф. соли.

53.

Дражайшіе родители!

Въ первомъ моемъ писемѣ я не извѣщалъ васъ о числѣ нынѣшнихъ моихъ кондиціонистовъ; теперь же, имѣя болѣе времени свободного, увѣдомляю васъ, что дѣти Пещанскаго уже пріѣхали 8 ч. сего мѣсяца и осталсъ за мною; ихъ всѣхъ трое, въ годъ платятъ за ученье по 130 р. Въ другой половинѣ находится 5, за нихъ 100 р., да на сторонѣ 3, платящіе 95 р. Кромѣ того за лекторство 75 р. Теперь, батюшка, благослови только Господь Богъ здоровьемъ и своею милостію; все пойдетъ лучше прежняго. Денежки, такимъ образомъ скопленныя, можно будетъ беречь до чернаго дня. Онѣ скорѣе всего помогутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и видахъ. Недавно я получилъ письмо изъ Петербурга отъ прежняго своего соученика, находящагося теперь въ Педагогическомъ институтѣ. Онъ называетъ меня трикраты счастливымъ тѣмъ, что мнѣ не удалось быть въ семъ заведеніи. Ибо (пишетъ) строгость въ ономъ непомѣрная; нельзя никакимъ образомъ никуда пойти безъ вѣдома директора (человѣка самаго скупого и самаго строгаго), даже съ родными вовсе запрещены свиданія, исключая въ недѣлю и то въ присутствіи старшаго надзирателя, бывшаго офицера, который съ педагогиками поступаетъ какъ съ солдатами. Кушанье составляютъ: щи, соусъ и каша; обѣдаютъ въ 3 часа по полудни; во весь же день сидятъ за столиками и учатся; прогулки

вовсе запрещены, только послѣ обѣда могутъ проходиться въ залѣ. Слечь на столыкъ, не стать и не поклониться, махать идя рукою—суть величайшія преступленія; за сіе запишутъ во всѣхъ институтскихъ журналахъ и сдѣлаютъ строгій и жестокій выговоръ въ виду директора и всѣхъ присутствующихъ. Если по окончаніи двухъ годовъ кто не оказался годнымъ къ продолженію впредь ученія (курсъ положенъ 6 лѣтъ), выпускаютъ безъ чина учителемъ въ уѣздныя училища; окончившихъ курсъ ученія выпускаютъ въ 9 классѣ старшимъ учителемъ въ гимназію. Но 6 лѣтъ такой жизни, Боже сохрани! Нѣтъ еще мѣсяца, а уже въ больницѣ считается до 40 человекъ больныхъ (всѣхъ ихъ въ институтѣ положено быть 100 ч); 9-ыхъ же уже уволили за болѣзнь. Замѣченныхъ же въ худой нравственности нигдѣ не принимать, ни въ какую службу. Послѣ выпуска служатъ обязывають еще въ мин. просвѣщенія 8 лѣтъ. Вотъ куда было я, несчастный, сунулся! Теперь стократъ благодарю Всевышняго о сохраненіи меня отъ сего заведенія. Можно гораздо лучше жить безъ онаго, лишь бы здоровье да благословеніе Божіе.

Есмь вашъ преданный с. и с. Бодянскій.

Переписка имъ вовсе запрещена съ кѣмъ бы то ни было. Сіе же письмо послано тайкомъ чрезъ медиковъ, приходившихъ посѣтить ихъ.

54.

Дражайшіе родители!

Степанъ съ подводкою вашею и вмѣстѣ съ Ульяною Ивановною прибылъ благополучно въ нашъ городъ 6 октября и все, посылаемое вами въ харчевую складку, доставилъ въ исправности и какъ слѣдуетъ все исполна. Шкуръ для моего тулуна зимняго вы пишете, что не могли достать теперь въ домѣ покупкою по причинѣ ихъ не продажи, обѣщаясь впередъ въ скорости при удобномъ случаѣ тотчасъ купить и переслать оныя ко мнѣ; но я уже васъ, батюшка, прошу оставить это совѣмъ, ибо онѣ мнѣ въ скорости да не поспѣютъ, потому что уже и такъ холода наступили; я же немедленно здѣсь велю спать себѣ портному изъ купленныхъ въ скорости мною зимній тулущъ.

Въ прошлыхъ своихъ письмахъ я просилъ и теперь еще прошу васъ переслать чрезъ удобный случай мнѣ или полотенко, купленное вами для одѣяла, или же, если уже сшито, и одѣяло для моей постели, ибо у меня онаго не имѣется.

Матушку прошу нижайше васъ беречь и сколько можно ходить за нею исправно, ибо сего требуетъ какъ ваше, такъ и наше благо-

состояніе и пресѣченіе дней ея можетъ скоро и насъ свести во гробъ. Впрочемъ, желая вамъ обоимъ во всемъ удач. успѣха и здоровья, есмь в. п. с. и с. О. Бодянской.

Ч. 7 октября 1829 г. Г. Переясловъ.

Прибытія владыки мы ожидаемъ теперь со дня на день въ свой городъ. Пишутъ въ газетахъ о заключеніи мира съ Турціею 2 сентября; условія еще не извѣстны. Дябичъ же пожалованъ Государемъ Императоромъ 12 сент. кавалеріею Георгія 1-й степени.

55.

Дражайшіе родители!

Сего 23 декабря письмо ваше вмѣстѣ съ провизіею, доставленною во всемъ исправно, и деньги всѣ сполна получилъ я, за что благодарю васъ отъ всей моей души, низжайше. Теперь скажу вамъ, батюшка, что я вмѣстѣ съ Федею рѣшился на самый праздникъ Р. Х. послѣ обѣда поѣхать на лошадяхъ, привезшихъ къ намъ провизію съ Антономъ (безъ Нестора, который здѣсь на квартирѣ остается до нашего приѣзда) въ Кіевъ для поклоненія св. угодникамъ и свиданія съ дядею нашимъ Павломъ Гавриловичемъ въ Васильковъ. Нынѣ въ Кіевѣ также проживаетъ и Павелъ Ильичъ у Никиты Ивановича г. Булича. Я къ нему тоже намѣреваю заѣхать и, буде, онъ согласится, вмѣстѣ съ нимъ отъѣхать и въ Васильковъ. На такое предприятие я согласился потому, что знаю, что въ домѣ нашемъ нѣтъ нужды большой въ лошадяхъ теперь святками; болѣе же всего потому, что никогда не бывалъ ни въ Кіевѣ, ни видѣлся съ роднымъ нашимъ дядею; нынѣ открылся удобный случай и я рѣшился воспользоваться онымъ, будучи увѣренъ, что вы, батюшка, не будете за сіе на насъ гнѣваться, но еще будете довольны. Изъ Кіева мы выѣдемъ чрезъ недѣлю, а подводы приѣдутъ въ Варву къ 4 генваря непременно и во всей исправности. Еще разъ прошу васъ, батюшка, не журить насъ за сіе и быть спокойными на щетъ нашей поѣздки; съ нами ѣдетъ одинъ мой соученикъ, человекъ надежный для сотоварищества и знающій путь въ Кіевъ. О здоровьи матушки сердечно радуюсь и благодарю Бога отъ всего сердца, моля Его о поддержаніи дней какъ ея, такъ и вашихъ для нашего счастья и спокойствія. Впрочемъ есмь вашъ пламеннолюбящій сынъ и слуга О. Бодянской.

Ч. 24 декабря 1829 г. Г. Переясловъ.

О сей нашей поѣздкѣ не сказывайте матушкѣ, дабы она не безпокоилась.

56.

Дражайшіе родители!

За первую и самую священную обязанность поставляю прежде всего поздравить васъ начавшимся новымъ годомъ, который, равно какъ и будущее, желаю вамъ отъ всего моего сердца проводить весело, счастливо и благополучно, имѣть во всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и дѣлахъ самое успѣшное и удачное окончаніе и исполненіе. Изъ письма моего, посланнаго еще 24 декабря, вы уже знаете причину столь долгой задержки лошадей вашихъ мною. Я точно съ Федекомъ ѣздилъ въ Кіевъ, а оттоль въ Васильковъ съ Павломъ Ильичемъ, проживавшимъ тогда въ домѣ Никиты Ивановича Булича. Намъ очень хорошо принялъ дядя Павелъ Гавриловичъ и былъ весьма доволенъ, (равно какъ и все его семейство) нашимъ пріѣздомъ и никакъ не соглашался отпустить ранѣе недѣли, почему мы у него почти всѣ святки проводили вмѣстѣ и превесело. Дѣти его: Иванъ Павловичъ находится въ Кіевской семинаріи, въ классѣ философіи, прочія же сестры дѣвицы, изъ коихъ три уже взрослые, — всѣ премилыя и любезныя. Разставаясь съ ними, я и они всѣ плакали даже и заклинали посѣщать и впредь по чаще. Мы отъ нихъ выѣхали 5 сего мѣсяца и были на церемоніи во время освященія воды митрополитомъ на Дняпрѣ, вблизи семинаріи. Видѣли народную гвардію Кіевскую, со всею пышностію проводившую туда и обратно высокопреосвященнаго. Изъ Кіева же выѣхали на другой день и прибыли благополучно безъ всякой непріятной встрѣчи 8 января въ Переяславъ и все застали въ порядкѣ и исправности въ квартирѣ. Дядя посылаетъ къ вамъ о чемъ то письмо, при семъ мною прилагаемое. Желая вамъ всего лучшаго отъ Неба, емь вашъ покорнѣйшій сынъ и сл. Осипъ Бодянскій.

9 января 1830 г. Г. Переяславъ.

П. П. У насъ недавно полученъ указъ изъ синода отъ имени Г. Императора, въ силу коего строжайшимъ образомъ запрещается посвящать во священники и діаконы неученыхъ; одни только богословы имѣютъ на сіе право, коимъ позволено выбирать самыя лучшіе приходы, при коихъ непременно должна быть руга въ 90 десятинъ; если же ея нѣтъ, такъ изъ казны будутъ выдаваться деньги для покупки оной. Церкви малоприходныя, кои не въ состояніи содержать священниковъ въ довольствѣ, будутъ причисляемы къ другимъ приходамъ; гдѣ же нельзя будетъ имѣть и ружной земли, тамъ священнику съ дьячкомъ и пономаремъ выдаются деньги казенныя, жалованье отъ 350 до 500 р. и то однимъ только кончившимъ курсъ полнаго семи-

нарскаго ученія. Діаконы же нейдуть въ разрядъ причта, а потому имъ не положено никакого и жалованья и ружной земли; желающіе же имѣть оныхъ должны содержать на своемъ иждивеніи. Всѣмъ семинаристамъ положенъ окладъ денежный или жалованье, почему они будутъ впредь уже считаться казенными воспитанниками. При вступленіи въ риторику (въ которую нельзя поступить, не имѣя 20 лѣтъ) будутъ требовать согласія, куда кто желаетъ поступить, въ духовенство ли или въ свѣтскіе; если въ духовенство, то тѣ получатъ жалованье; если же въ свѣтскіе, должны содержаться на своемъ съ правомъ куда и когда угодно поступить. Богословъ долженъ имѣть 30 лѣтъ и ниже; если по выходѣ не будетъ празднаго мѣста, то ему выдадутся казенныя деньги и онъ на нихъ будетъ жить до отысканія прихода. Въ случаѣ недостатка въ богословахъ будутъ вызываемы изъ другихъ епархій оныя. Теперь же посланы объявленія, чтобы всѣ кончившіе курсъ богословскаго ученія явились сюда и выбирали бы любые приходы. Всѣхъ же священниковъ и прочихъ, о коихъ были подаваемы списки въ прошломъ году государю, какъ замѣченныхъ въ предосудительныхъ поступкахъ, нынѣ будутъ лишать сана и въ военную службу годныхъ повернуть, а прочихъ въ другія мѣста. Таковыхъ по нашей губерніи болѣе 150 находится. Посему множество будетъ праздныхъ приходоѡъ и всѣ отдадутся богословамъ. Сей указъ уже разосланъ по всѣмъ правленіямъ и я думаю, что и вы въ скорости оный получите.—Семинарія наша переводится въ Полтаву, куда послано повелѣніе выстроить оную; здѣсь останутся одни уѣздныя и приход. училища, для коихъ выстроится новое зданіе. Но покуда... *(нельзя разобрать дальше; заклеено)*.

57.

Дражайшіе родители!

Первѣе всего поздравляю васъ настоящимъ Великимъ постомъ, желая, проводивъ оный счастливо и благополучно, достигъ Свѣтлаго праздника В. Х. и увидѣть насъ въ домѣ своемъ, ибо я съ Федею намѣреваюсь пріѣхать на нынѣшніе святки къ вамъ, если только дорога будетъ хорошая. Для сего просимъ васъ прислать по насъ подводу къ 30 числу сего мѣсяца. Теперь къ вамъ наша нижайшая просьба, именно: я васъ прошу нижайше прислать мнѣ денегъ на пошитые сапоговъ, которые у меня совсѣмъ уже износились, къ тому же имѣю нужду и въ лѣтнемъ сюртукѣ,—всего 12 р. Также и у Федеи сапоги переносились и онъ равно проситъ прислать ему на оныя рублей 5.

Сегодня къ намъ пріѣхалъ Павелъ Ильичъ, который хочетъ увольняться изъ духовнаго званія, но куда онъ себя опредѣляетъ, сего еще

я по краткости не могъ отъ него узнать. Послѣ или лично самъ разскажу, или чрезъ письмо увѣдомлю. Новостей у насъ мало имѣется, кромѣ только—хотятъ строить 3-хъ этажный каменный корпусъ для семинаріи на мѣстѣ дома нынѣшняго нашего городничаго, который выбываетъ изъ нашего города. При семъ также прилагаю къ вамъ списокъ священниковъ, о коихъ было прошлый годъ требованіе отъ Государя и съ которыхъ теперь будутъ требовать отвѣтовъ въ различныхъ ихъ проказахъ и худыхъ дѣлахъ. Слѣдственная коммиссія въ скорости будетъ наряжена.

10 марта 1830 г. Г. Переяславъ.

1-го разряда:

Семень Яворскій.
Иванъ Петровскій.
Василій Дорошкевичъ.
Данило Салицкій.
Философъ Любомудровъ.
Григорій Григорашъ.
Алексѣй Соборницкій.
Данило Стрельбицкій.
Алексѣй Сорухановъ.
Григорій Бачинскій.

Іосифъ Храпко.
Петръ Еллинскій.
Наумъ Лукьяновъ.
Николай Александровскій.
Иванъ Трауцкій.
Иванъ Лукьяновскій.
Владиміръ Токаревскій.
Василій Миславскій.
Данило Стебницкій.
Маркъ Пархомовичъ.
Иванъ Подрукъвичъ.
Иванъ Страшинскій.
Иванъ Сночинъ.

2-го разряда:

Косма Данилевскій.
Маркъ Максимовичъ.
Иванъ Баришевскій-Честнѣйшій.
Федоръ Трипольскій.
Прокофій Данилевскій.
Иванъ Андрущенко.
Степанъ Греченко.
Василій Концѣвичъ.
Степанъ Кохановскій.
Михаило Яновскій.
Григорій Покасовскій.
Павель Квитка.

Иванъ Страшинскій.
Георгій Крушицкій.
Василій Яснопольскій.
Василій Сокольскій.
Тимоеей Святоторовъ.
Григорій Снисаревскій.
Денисъ Космачевскій.
Яковъ Тукалевскій.
Павель Тукалевскій.
Моисей Любицкій.
Аванасій Михайловскій.
Григорій Богаевскій.
Семень Корняенко.

58.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше отъ 13 сего мѣсяца вѣрно съ посылкою 10 руб. я получилъ, за что приношу вамъ мою сердечную благодарность и признательность. Быть довольнымъ малымъ — свойство мудраго. Кто же захочетъ лишаться сего столь лестнаго титула, особливо же, когда онъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ прожить и съ малымъ? Сынъ же вашъ находится еще не въ такомъ состояніи, которое бы требовало большихъ и лишнихъ издержекъ и расходовъ. Здѣсь ему все напоминаетъ оное правило истиннаго благоразумія — и занятія его и образъ жизни. — Съ крайнимъ прискорбіемъ услышалъ я извѣстіе о смерти почтеннѣйшей Параскевы Михайловны и любезнаго человѣка, истиннаго христіанина и сына отечества, Ивана Васильевича г. Монтанскаго. Да будетъ ихъ удѣломъ вѣчныя радости и нескончаемое блаженство, — награда чистыхъ непорочныхъ душъ! Письмо къ Плоскевичу я въ самый день полученія его отослалъ къ нему; но отвѣта и доселѣ не получалъ отъ него. Связываютъ, что онъ теперь боленъ. Можетъ быть рѣшится онъ отвѣчатъ ь черезъ почту. — Провизія, слѣдуемая за Ѳедю вами, вся чисто доставлена. Въ прошлое воскресенье я было къ вамъ послалъ письмо на имя дяди отца Ілія; но я думаю, что вы онаго и по сіе время еще не получили. Новостей у насъ почти нѣтъ никакихъ. Правда, было проговорили о проѣздѣ Государя черезъ нашъ городъ; но теперь извѣстно стало, что онъ не поѣдетъ уже черезъ него, а другою дорогою въ Козелецъ осматривать войска 1-й арміи. Въ первыхъ числахъ нынѣшняго мѣсяца былъ здѣсь гражд. губ. и князь Репнинъ, который отрѣшился отъ должности здѣшняго городничаго (но который, какъ слышно, будетъ опять восстановленъ), стряпчаго и еще какаго-то судью и подсудка, не помню имени. Яхневичъ, бывший вашъ благочинный, недавно преосвященнымъ отрѣшенъ отъ благочиннической должности.

Желая вамъ всего добраго отъ Бога, съ истиннымъ моимъ къ вамъ сыновнимъ почтеніемъ и любовію есмь вашъ покорный сынъ и слуга О. Бодявскій.

Ч. 16 мая 1830 г. г. Переяславъ.

59.

Дражайшіе родители!

Спѣшу увѣдомить васъ симъ, что его преосвященство на сей недѣлѣ намѣревается отправиться для обозрѣнія своей епархіи и что

первѣе всего намѣреваетъ посѣтить наши мѣста, почему вамъ не худо будетъ приготовиться къ его прїѣзду особливо по управленію церковному. Въ прошломъ письмѣ я извѣщалъ васъ, что мы ожидаемъ переѣзда чрезъ нашъ городъ его величества; но это не состоялось: Онъ поѣхалъ на Яготинъ, м. Басанъ и др. прямо въ Козелець и т. д. Мы по милости Божіей во всемъ здоровы и спокойны, чего и вамъ желая, есмь вашъ покорный и преданный сынъ и слуга О. Бодянскій.

Ч. 9 іюня 1830 г. Гор. Переяславъ.

60.

Дражайшіе родители!

Выѣхавъ изъ дому благополучно, я также благополучно прибылъ и въ свой городъ 29 сего мѣсяца. Сегодня обратно отсылаю подводу свою во всемъ исправную и вмѣстѣ съ оною передаю Ѳедѣ два рвотныхъ порошка отъ лихорадки, которые пусть онъ приметъ во внутренность, если еще и до сихъ поръ она у него есть. Каждый изъ нихъ надо употреблять за два часа до пароксизма оной, не ѣдя также ничего и изъ пищи до того времени. Буде не броситъ отъ перваго, то можно употребить и второй передъ вторымъ же пароксизмомъ съ такою же предосторожностію, какъ и тотъ, и въ такое же точно время. Въ пищу пушай не употребляетъ ничего изъ овощей и изъ рыбы, также молока, яицъ и другихъ снѣдей и самому здоровому не довольно полезныхъ. Посылаю еще Ѳедѣ же и струны для гитары вмѣстѣ съ оною, также и прочія мелкости, намъ здѣсь вовсе не нужныя; а у васъ имъ найдется уютность.—Заѣхавъ въ Прилукахъ къ дядѣ Павлу Гавриловичу, я у него и ночевалъ первую ночь. Тутъ онъ показывалъ письма Павла Ильича изъ Харькова, изъ коихъ по послѣднему отъ 24 сего мѣсяца извѣстно стало, что онъ теперь въ Харьковѣ держалъ недавно экзаменъ въ гимназію на учителя математическихъ наукъ и получилъ оное званіе въ г. Кременчугѣ въ тамъ находящихся народныхъ училищахъ. Это мѣсто одно изъ самыхъ лучшихъ въ Малороссіи. Въ Харьковѣ онъ проживетъ еще мѣсяцъ до совершеннаго увольненія его изъ духовн. вѣдомства.—Въ послѣднемъ № „Сѣв. Пчелы“ читалъ я вчера о совершенномъ счастливомъ покореніи французами г. Алжира, взятіи 1500 пушекъ и проч., въ ономъ и самого дея. Въ томъ же № извѣщаютъ о смерти англійскаго короля Георга IV, послѣдовавшей 26 іюня, а похороненнаго 15 іюля. На его мѣсто поступилъ братъ его герцогъ Кларанскій подъ именемъ Виліама IV и коронованъ будетъ въ октябрѣ. Болѣе нѣтъ ничего замѣчательнаго въ газетахъ; а въ нашемъ городѣ все по старому течетъ.

Оеда пускай выѣздитъ изъ дому 26 августа и поспѣшаетъ на 28 или 29 того же числа. Впрочемъ, пожелавъ вамъ всего лучшаго въ жизни, есмь вашъ покорнѣйшій сынъ и слуга О. Бодянскій.

30 іюля 1830 г. Переяславъ.

61.

Дражайшіе родители!

Прошлаго 16 числа сего мѣсяца я получилъ ваше письмо, но за поѣздкою мою, случившеюся въ то время, въ Кіевъ, никакъ не могъ отвѣчать по первой почтѣ. Теперь же, приѣхавъ изъ онаго, берусь за перо отвѣтить вамъ на оное. Весьма радъ, что вы находитесь въ вождедѣнномъ здоровіи и молю Бога, да поддержитъ оное на долгія еще лѣта для счастья нашего дома. Но съ другой стороны болѣзнь Оеди для меня весьма скорбна. Я совѣтовалъ бы ему дать полиню, чтобы онъ вырвалъ. Билета его я теперь не посылаю по той причинѣ, что намѣренъ оный передать чрезъ подводу Галабутскихъ, что будетъ гораздо вѣрнѣе и надежнѣе. Его вы можете представить благочинному послѣ 8 или 10 сентября, который будетъ доносить о болѣзни и состояніи въ семинарское правленіе такъ, какъ прописано въ ономъ билетѣ. Чрезъ Галабутскихъ же прошу передать мнѣ и нужное бѣлье. Впрочемъ, желая вамъ всего добраго отъ Неба, есмь вашъ покорный сынъ и сл. О. Бодянскій.

Ч. 21 августа 1830 г. Гор. Переяславъ.

П. П. Нашего преосвященнаго переводятъ теперь на Архангельскую епархію тѣмъ же самымъ чиномъ, а на мѣсто его еще не знаемъ достовѣрно—кто поступитъ. Впрочемъ носится слухъ, что мѣсто его займетъ либо нынѣшній викарій митроп. кіевскаго Кириллъ, либо Варлаамъ архимандритъ кіев. Николаевскаго монастыря, братъ государева духовника Криницкаго, либо же ректоръ московской академіи архимандритъ Поликарпъ. Всѣ сіи люди безъ сравненія умнѣйшіе, и онъ ихъ ни въ чемъ не стоятъ.

62.

Дражайшіе родители!

Письмо ваше отъ 28 числа мѣсяца получилъ я изъ рукъ Николая Галабутскаго и весьма опечаленъ болѣзнію Оеди. Билетъ для него посылаю нынѣ чрезъ подателя сего. Я писалъ къ вамъ отъ 21 прошлаго числа на почту на имя Семена Васильевича Монтанскаго, но изъ вашихъ словъ вижу, что вы онаго и доселѣ не получали. Нынѣшняя квартира моя у мѣщавина Андрея Делятинскаго и я вскорѣ

ожидаю прибытія моихъ кондиціонистовъ. Въ среднихъ числахъ сего же мѣсяца я ѣздилъ на времечко въ Кіевъ для покупки нѣкоторыхъ книгъ и, слава Богу, возвратился оттуда благополучно. Нынѣ также всѣмъ здоровъ и доволенъ, чего и вамъ желаю отъ всего моего сердца. Есмь вашъ покорный и послушный сынъ и слуга О. Бодянскій.

30 августа 1830 г. Г. Переяславъ.

П. П. У насъ разнесся слухъ о переводѣ нашего архіерея въ Архангельскъ тѣмъ же самымъ чиномъ, а на мѣсто его одни говорятъ, что поступитъ Кириллъ, викарій кіевскаго митрополита; другіе, что Наѳанаилъ, ректоръ С.-Петербургской семинаріи, или же Поликварпъ, тоже ректоръ Московской академіи. Впрочемъ нѣтъ ничего еще достовѣрнаго.

63.

Дражайшіе родители!

Вчера благополучно прибылъ ко мнѣ Одея; но въ классъ пойдетъ съ недѣли, затѣмъ, что онъ еще несовершенно здоровъ. Харчи получены мною въ исправности. Я покуда еще во всемъ здоровъ; дай Богъ, не знаться съ болѣзнями.

Желая вамъ всего, чего можетъ желать только пламенно любящій сынъ нѣжнаго отца своего, есмь вашъ покорный и всегда послушный сынъ и слуга Осипъ Бодянскій.

1830 г. сентября 18 дня. Г. Переяславъ.

Прошлаго 9 сентября полученъ у насъ указъ о переводѣ нашего преосвященнаго въ Архангельскъ, а 17 о назначеніи на мѣсто его Наѳанаила, бывшаго ректора С.-Петербургской семинаріи, который 30 августа посвященъ уже во епископа полтавскаго и въ скорости къ намъ прибудетъ.

64.

Дражайшіе родители!

Сего 11 числа октября письмо ваше получено мною изъ рукъ дядька нашего Пономаренко; изъ онаго вижу я, что вы съ матушкой находитесь во всемъ благополучными, чѣмъ премного доволенъ и молю Всевышняго, да хранитъ онъ и на предбудущее время васъ также подъ своею милосердною десницею во всемъ здоровыми. Архипастыря нашего къ себѣ мы каждую минуту ожидаемъ. Говорятъ, что онъ очень добръ, смиренъ и ученъ; словомъ такой, какого давно уже ожидала наша епархія. Болѣе о немъ ничего не могу вамъ сообщить; послѣ же пріѣзда его, узнавъ что-либо, напишу къ вамъ чрезъ почту. Холера и у насъ многихъ пугаетъ. Но, слава Богу, по извѣстіямъ газетъ, ея нѣтъ близко возлѣ насъ и, вѣроятно, и никогда не будетъ

при принятыхъ теперь такъ дѣятельныхъ мѣрахъ начальства. Впрочемъ карантинъ дѣло хорошее и благое. Предосторожности же и лѣчение оной излагаются подробно въ нарочито разосланныхъ для сего листикахъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ ко всѣмъ начальствующимъ. Таковой вы можете отыскать у Семена Васильевича Монтансваго. Слово, говоренное мною въ прошлую XVIII недѣлю, посылаю при семь.

Впрочемъ, желая вамъ всего счастья и благополучія, есмь вашъ покорный и послушный сынъ и слуга Осипъ Бодянский.

11 ноября 1830 г. Г. Переясловъ.

65.

Дражайшіе родители!

Недавно я къ вамъ пустилъ письмо, которое, думаю, вы уже получили; но вотъ опять къ вамъ вслѣдъ же пишу и другое, но не одинаковаго содержанія. Тамъ все хорошо, а здѣсь ни тепло, ни холодно, а такъ сухая нисенитница, какъ говоритъ пословица. Не дай Богъ никогда съ такимъ побужденіемъ приниматься за перо къ кому бы то ни было! 14 сего мѣсяца правленіе П. Д. семинаріи получило изъ Кіевской академіи предписаніе, чтобы какъ можно скорѣе распустить всѣхъ семинаристовъ и учениковъ уѣзд. и прих. училищъ по домамъ своихъ родныхъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ вѣтъ еще ужаснѣйшаго бича челоуѣчества страшной болѣзни *холеры*; и это для того, чтобы избавиться отъ стѣсненія многолюдства, которое въ семь случаевъ весьма губительно. Всѣ отпускаются съ билетами впредь до особаго распоряженія начальства, не назначая опредѣленнаго срока. Почему прошу васъ какъ можно скорѣе прислать и по Ѳеодю подводу, куда можно еще безъ задержанія на карантинѣхъ проѣхать свободно, ибо въ скорости будутъ вездѣ поставлены самыя строгіе военныя карантинныя и проведутся цѣли для удержанія перехода и переселенія народа съ одного мѣста на другое. Съ завтрашняго дня всѣ распустятся и станутъ уѣзжать въ дома, ученіе закрывается до времени; но дай Богъ, чтобы это было не надолго. Я думаю здѣсь остаться въ городѣ, въ домѣ повѣтоваго штабъ-лѣвара и заниматься ученіемъ его сыночка. Кажется, все лучше будетъ находиться при челоуѣкѣ который въ случаѣ опасности можетъ подать скорую помощь. Но Впрочемъ, быть можетъ, и мнѣ придется уѣхать къ вамъ. Все изъ одежды ненужное, также и нѣкоторыя книги, я намѣреваюсь съ братомъ къ вамъ переслать для охраненія до времени. Теперь у насъ все еще благополучно и даже этой болѣзни не слышно еще ни въ одномъ мѣстѣ на-

шей губерніи; а въ смежныхъ она свирѣствуетъ, хотя не такъ сильно. При дѣятельныхъ мѣрахъ начальства должно ожидать, что ея у насъ не будетъ; но однако же, какъ Богу угодно. Первыми и лучшими предохранительными средствами противъ холеры почитаются слѣдующія: живая и пламенная молитва къ милосердному Отцу всѣхъ объ удаленіи насъ отъ оной; потомъ спокойствіе духа, умѣренность въ обыкновенной пищѣ и питьѣ, опрятность тѣла, движеніе на чистомъ воздухѣ, чистота въ покоехъ и на дворѣ; куреніе уксусомъ, хлориповою и другими кислотами весьма удобно для исправленія воздуха отъ всякой нечистоты и испорченности. Также въ семь случаевъ должно руководствоваться и тѣми совѣтами, которые изложены въ особенныхъ на сей разъ изданныхъ объявленіяхъ отъ начальства. Я чаю, вы ихъ уже имѣете у себя, ибо оныя велѣно вездѣ опубликовать. Въ опасности же должно тотчасъ прибѣгать къ врачу и перыѣ всего бросить кровь съ обѣихъ рукъ. Впрочемъ есмь вашъ искренній сынъ и слуга О. Бодявскій.

15 октября 1830 г. Г. Переясловъ.

Батюшка! Какъ можно утѣшайте, прошу васъ, матушку на счетъ нашего здоровья.—Сегодня во 2 часу пріѣхалъ наконецъ къ намъ нашъ преосвященный. Церемоній не было никакихъ съ его приказанія. Болѣе ничего еще не могу объ немъ вамъ сказать.

66.

Дражайшіе родители!

Скоро будетъ уже около мѣсяца, какъ я далъ вамъ обѣщаніе звѣщать васъ письменно о себѣ и обо всемъ, заслуживающемъ вниманія; но доселѣ не написалъ къ вамъ ни строки. Извините мою мѣшкотность. Виною оной была болѣзнь, посетившая меня на прошлыхъ дняхъ, именно на правой щекѣ сдѣлался ужаснѣйшій вередъ, также и на грудяхъ, не позволявшій ничего ни дѣлать, ни взяться за перо. Но теперь, слава Богу, одинъ изъ нихъ совершенно уже пропалъ, а другой тоже начинаетъ исчезать. Во всемъ прочемъ я здоровъ.—Нынѣшній владыко нашъ человекъ во всѣхъ отношеніяхъ безпримѣрный, единственный. Каждый во всякое время имѣетъ къ нему свободный доступъ. Консистерскимъ же живодерамъ особеннымъ предписаніемъ далъ знать, чтобы ни одинъ изъ нихъ ни въ какомъ случаѣ не отваживался бы требовать пошливной отъ духовныхъ и прочихъ просителей подъ опасеніемъ поступленія съ таковымъ во всей строгости по законамъ. Во священники же рукополагаетъ однихъ только богослововъ; а дьячковъ во діаконы и то тоюмо на первый

случай; а съ новымъ годомъ и сія милость прекратится. Произведенныхъ же въ санъ іерейскій при отпускѣ спрашиваетъ по духу: сколько они и кому именно дали денегъ; а это для того, чтобы лучше узнать приближенныхъ къ себѣ. Недавно было послано изъ нашего семинарскаго правленія письмо однимъ письмоводителемъ онаго къ Осипу Ивановичу Киселевскому, сыну нашего благочиннаго, чтобы онъ какъ можно поскорѣе явился къ архіерею, который намѣреваетъ его по рекомендаціи нашего начальства сдѣлать своимъ домашнимъ секретаремъ на мѣсто теперешняго Кристаловича; но я не знаю, отчего онъ и по сіе время сюда не является? Нынѣ служеніе епископское у насъ весьма скоро совершается, т. е. въ 1½ часа по придворному СПБ-скому; а прежде было—продолжается по крайней мѣрѣ часа 4. Всѣ прикрасы Георгія на служеніи имъ оставлены. Рукоположеніе же во священника и пр. должности церковныя не болѣе продолжается, какъ недѣлю времени. Прежде бывшаго нашего епископа Георгія указомъ свят. синода велѣно опубликовать по всей имперіи за слабое осужденіе имъ одного священника за богохульство съ подтвержденіемъ, что если онъ впередъ еще осмѣлится такъ сдѣлать, то будетъ не только лишенъ своего мѣста, но и сана, яко недостойный. Говорятъ даже, что Государь С.-Петербургскому митрополиту Серафиму будто бы сказалъ: „зачѣмъ вы сего негодяя доселѣ терпите у себя“. На сихъ же дняхъ разнесся слухъ, будто бы онъ уже гдѣ-то умеръ; а другіе утверждаютъ, что только лишенъ епархіи и сосланъ на покой въ какой-то монастырь; но все сіе требуетъ еще подтвержденія. На сей недѣлѣ я слышалъ отъ одного Прилукскаго священника, что дядя отецъ Ілія чуть было въ послѣднихъ числахъ прошлаго мѣсяца отъ болѣзни не умеръ. Слышно также о войнѣ съ австрійцами и уже нѣкоторые полки двигаютъ въ Галицію. Впрочемъ есмь вашъ пламеннолюбящій сынъ и слуга О. Бодянскій.

Ноября 12 1830 г. Г. Переясловъ.

Я просилъ бы васъ, батюшка, если у васъ теперь свободно на деньги, прислать мнѣ хотя рублей 10 къ будущему празднику. Я теперь крайце въ нихъ пуждаюсь.—О холерѣ нигдѣ ничего не слышно. Въ нашей Малороссіи, слава Богу, совершенно благополучно. Также и въ смежныхъ губерніяхъ. Только немного пощипываетъ Москву, но и въ ней уже мало-по-малу прекращается. Впрочемъ семинаристовъ развѣ съ новымъ годомъ будутъ вызывать въ городъ нашъ.

67.

Дражайшіе родители!

Прежде всего приношу вамъ мою низжайшую благодарность за ваше одолженіе. Молю Бога, да подкрѣпитъ силы ваши и сохранитъ васъ на должайшее время цѣлымъ, здоровымъ и счастливымъ въ своихъ предпріятіяхъ и дѣлахъ. Я же, пока что, также здоровъ во всемъ и весель духомъ. Городъ нашъ тоже благополученъ и страшной болѣзни не видно въ ономъ. Со всѣхъ сторонъ онъ обезопасенъ. Только на сихъ дняхъ разнеслась непріятная вѣсть, что Кременчугъ оцѣпленъ и нѣкоторые изъ жителей не избѣжали отъ холеры. Впрочемъ мы надѣемся остаться внѣ опасности по причинѣ усиленія мудрыхъ мѣръ предосторожностей, наблюдаемыхъ нашимъ начальствомъ. Я слышалъ недавно, что и наша Лохвица чуть ли не хвораетъ теперешней болѣзнію; не знаю, правда ли это? Дай Богъ, чтобы было противное! Каково нынѣ ваше здоровье, а равно матушки и брата? Увѣдомите меня, прошу васъ низжайше о семъ, въ своемъ письмѣ. Да вотъ еще что: не поставьте себѣ въ трудъ, батюшка, при удобномъ случаѣ отправить мнѣ чрезъ почту юридическую грамматику, зашивъ ее въ холстилку и написавъ на оной адресъ ко мнѣ. Она мнѣ теперь весьма нужна. Послѣ же будетъ возвращена въ цѣлости и съ глубочайшею моею благодарностію.

Осипъ Ивановичъ Киселевскій прибылъ къ намъ на прошлой недѣлѣ, былъ у преосвященнаго, который велѣлъ подать ему сперва прошеніе въ консисторію объ опредѣленіи его въ оную, обѣщая и имѣя твердое намѣреніе сдѣлать въ скорости его сперва повытчикомъ, а тамъ вслѣдъ же и своимъ домашнимъ секретаремъ. Таковая постепенность есть слѣдствіе мудрой осторожности и предусмотрительности, дабы вдругъ не дѣлать большихъ переломовъ въ старинѣ и избѣжать всякихъ непріятностей, обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ.—Семинарію, кажется, не скоро еще сзовутъ; развѣ тогда, какъ вездѣ и все будетъ спокойно и безопасно. Изъ Москвы пишутъ ко мнѣ, что холера у нихъ почти совершенно прекратилась. То же самое видно и въ прочихъ губерніяхъ, бывшихъ ею зараженными. Слыхали ль вы о несчастіи вновь постигшемъ наше отечество, именно о возникшемъ бунтѣ въ вѣроломной Польшѣ? По извѣстіямъ изъ газетъ оказалось, что оный начался 17 прошлаго мѣсяца въ 8 часовъ вечера подпрапорщиками и частными лицами, переодѣтыми въ партикулярное платье. При семъ случаѣ убито нѣсколько русскихъ генераловъ, а цесаревичъ едва успѣлъ убѣжать за двѣ версты отъ Варшавы, а послѣ удалился въ

Брестъ - Литовскій (Гродненской губ.) и поджидаетъ войскъ, идущихъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Главою бунтовщиковъ есть графъ Крассинскій, какъ говорятъ. Онъ учредилъ временное правительство и выдалъ изъ арсенала оружіе всѣмъ обитателямъ Варшавы. Одинъ только Конно-егерскій полкъ изъ поляковъ остался намъ вѣрнымъ. О! Бѣда будетъ ляхамъ! Съ русскими нечего шутить! Слышно также и о воѣнѣ съ австрійцами. Быть великому кровопролитію въ слѣдующемъ годѣ! Что то вездѣ замѣчается необыкновенное движеніе. Когда бъ хоть наша Малороссія осталась чуждою всякихъ переворотовъ и бѣдствій. Но намъ ли, сынамъ Россіи, страшиться воѣнъ и жалѣть принести въ даръ своему отечеству все, что ни имѣемъ. Мы всегда торжествовали и будемъ торжествовать. Богъ и Государь видитъ насъ и не оставитъ безъ покровительства и помощи. Съ истиннымъ сыновнимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ и любовію есмь вашъ покорный сынъ и сл. О. Водянскій.

68.

Батюшка! Поздравляю васъ новымъ годомъ, желаю вамъ отъ всей моей души какъ въ ономъ, такъ и въ будущихъ, всѣхъ благъ. Я по милости Творца живъ и здоровъ и ни въ чемъ не терплю недостатка. Не знаю, каково вы теперь поживаете? Что то давно уже отъ васъ получалъ я извѣстіе. Городъ нашъ нынѣ совершенно свободенъ, равно какъ и прежде; надѣмся на благость Божию, что и впередъ онъ останется таковымъ. Кіевъ былъ до сего времени оцѣпленъ, но теперь совершенно свободенъ. Кременчугъ все въ одинаковомъ положеніи. Недавно разнесся слухъ, будто бы свирѣпствующая нынѣ болѣзнь появилась въ повѣтахъ: Лохвицкомъ, Роменскомъ и Миргородскомъ, также и въ селеніи Драбовцехъ Золотоношскаго повѣта, отстоящихъ отсель верстъ за 50; но все сіе требуетъ еще подтвержденія. Семинарія наша не скоро, думаю, будетъ созвана, едвали не въ Большой постъ.—Прилагаемое при семъ письмо прошу васъ доставить въ Дачаньки отцу Іоанну Киселевскому. Сынъ его Осипъ Ивановичъ прошлаго 3 генваря вступилъ въ должность домоваго архіерейскаго секретаря, чему всѣ очень обрадовались. Вашъ преданный сынъ и слуга О. Водянскій.

Просимую мною книгу юридическую грамматику прошу васъ усерднѣйше выслать ко мнѣ поскорѣе.

5 генваря 1831 г. Г. Переясловъ.

69.

Дражайшіе родители!

Два ваши письма: первое отъ 27 прошлаго мѣсяца съ деньгами (за что приношу мою душевную благодарность), второе же отъ 1-го сего мѣсяца вмѣстѣ съ юридическою грамматикою получены мною во всей исправности и въ надлежащее время. Въ разсужденіи сказанной книги будьте спокойны; она отдана мною Осипу Ив. Киселевскому для прочету на короткій срокъ, а послѣ будетъ взята и ворочена вамъ во всей цѣлости. О позволеніи придѣлать къ имѣющимъ въ алтарѣ шелевкою-дверямъ новой ризничной я спрашивалъ Киселевскаго, который сказалъ, что на это можетъ состояться благословеніе преосвященнаго безъ малѣйшихъ хлопотъ; только надлежитъ подать вамъ прошеніе отъ своего и купно отъ имени прихожапъ къ Наонаилу. Вы спрашиваете меня: гдѣ и какъ живу я нынче? Квартира моя по прежнему остается у прежняго хозяина, мѣщанина Андрея Делятинскаго, а продовольствіе имѣю въ домѣ повѣтоваго штабъ-лѣвара статскаго совѣтника и кавалера Василия Петровича Стаховскаго, коего сына я обучаю; здѣсь мнѣ довольно хорошо и весело; ни въ чемъ не нуждаюсь и мало имѣю заботъ. Вчера послано отъ имени владыки прошеніе въ Коммиссію духовныхъ училищъ о дозволеніи собрать разсѣянную нашу братію; но когда и какъ то послѣдуетъ, еще неизвѣстно; думать только надобно, что не прежде святокъ В. X. Однако курсъ ученія не пропадетъ, и своею чередою будетъ оконченъ. Впрочемъ о семъ дѣлѣ я въ надлежащее время поспѣшу васъ увѣдомить.

Вотъ вамъ еще одна занимательная и пріятная новость. 30-го прошлаго мѣсяца секретарь консисторіи волею Божіею успе для оной, ко благу всѣхъ здоровыслящихъ людей и нашего духовенства, т. е. нашелся принужденнымъ подать прошеніе объ увольненіи себя отъ консисторіи по нездоровью, а лучше сказать по недозволенію брать и драть. Мѣсто его покуда занимаетъ Осипъ Гавриловичъ Опришковъ, который быть можетъ будетъ утвержденъ Синодомъ въ сей должности; а статься можетъ также кто-нибудь и другой будетъ присланъ изъ Питера. Зятья Красноглядова (Власенко и Кристаловичъ, повытчики) тоже въ скорости послѣдуютъ примѣру своего тестя. Словомъ, большая готовится во всемъ перемѣна. Всѣ вровопійцы изженутся. За симъ, желая вамъ счастья и благополучія, есмь вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій сынъ и слуга Осипъ Бодянскій.

При семъ посылаю для Феѣ латинскій лексиконъ Розанова и арифметику Меморскаго, а на прочія книги *нехай выбача*.

Далѣ въ рукописи находится слѣдующее письмо:

Любезнѣйшій дядя, Илья Гавриловичъ!

Пріятное ваше письмо получено мною 31-го прошлаго мѣсяца и я чувствительнѣйше благодарю васъ за удостоеніе меня онымъ. Мнѣнія вслѣдствіе резолюціи преосвященнаго на ваше прошеніе консисторія и доселѣ еще не положила. Надѣюсь однако же, что на сихъ дняхъ оное послѣдуетъ, и тогда я первымъ долгомъ ставлю себѣ извѣститъ васъ объ этомъ съ первою же почтою. Вчера по вечеру О. И. Киселевскій, будучи у меня, говорилъ, что если вы имѣете согласіе удержать за собою кромѣ благочинія градскаго еще и прежнее сельское, то бы для сего въ рапортѣ, имѣющемъ быть посланнымъ изъ вашего Дух. правленія, вы изъявили на то свое желаніе, представивъ при семъ и какія-нибудь уважительныя причины. Наапаилъ будетъ на сіе согласенъ, ибо подобное не разъ уже случалось за него же? Къ тому тутъ у него и замолвится какая пара словъ. О семъ извѣщаю васъ по той причинѣ, что вслѣдствіе воли владыки нашего всѣ благочинія должны быть уравнены, при чемъ имѣющіе подъ своимъ смотрѣніемъ сельскія церкви вмѣстѣ съ городскими должны будутъ уступить какія-нибудь изъ нихъ другимъ; но какъ нѣтъ правила безъ исключенія, то разумѣется и здѣсь оное можетъ имѣть свое мѣсто только при уважительныхъ причинахъ; ergo.... Въ заключеніе сообщаю вамъ ни кѣмъ неожиданную новость: извѣстный кровопійца и обдирало Красногладовъ 30 января волею Божіею *умре*..... для консисторіи, sc. *ejectus episcopii mandatu*. Подробности сего важнаго происшествія вы можете узнать послѣ. За нимъ въ скорости же послѣдуютъ и всѣ его влевреты и наперсники. Мѣста опорожненныя такимъ обр. будутъ вручены инымъ честнѣйшимъ и безкорыстнѣйшимъ. Должность же секретаря консисторіи поручается Осипу Гавр. Опришкову до времени, но и онъ *a raucis valet*. Короче сказать: не за горами и болотами совершенное преобразование консисторіи: хвала и честь виновнику сего! Впрочемъ имѣю честь быть вашимъ, любезнѣйшій дядя, преданнѣйшимъ племянникомъ и всеповорнымъ слугою. Осипъ Бодянскій.

1831 г. 5 февраля. Г. Переясловъ.

70.

Дражайшіе родители, Христось воскресел!

Прошло слишкомъ два мѣсяца и я въ такъ долгое время не подарилъ васъ ни строкою; винюсь: что дѣлать? Я увѣренъ, что вы до-

волью часто журите меня за худую мою отчетливость по части почтовой обязанности и, не представляя никакихъ извиненій, вторично, третично исповѣдываюсь предъ вами въ своемъ проступѣѣ, надѣясь, что вы ради нынѣшняго всеобщаго торжества простите повинную голову мою; а я впредь даю честное слово никогда не употреблять ту не терпѣнія вашего и исправно отправлять свой долгъ. Въ послѣднихъ числахъ февраля были созваны ученики высшаго отдѣленія семинаріи, а вслѣдъ за сими и прочихъ классовъ; по ученіе открылось 17 марта и все шло своимъ путемъ. Правда, большая часть не явилась, но съ хорошею погодою особливо послѣ В. святокъ надѣялись, что и остальные соберутся. Какъ вдругъ за нѣсколько дней предъ Страстною недѣлею разнесся слухъ, что холера снова появилась въ Малороссіи и при томъ не вдалекѣ отъ нашего города. И точно: открылось, что въ селеніи Лихновкѣ и смежныхъ съ нею она плотно валить народъ. По сему то случаю преосвященный велѣлъ вторично распустить учениковъ семинаріи и другихъ классовъ, какъ можно скорѣе на праздники въ домъ впредь до востребованія, что и сдѣлано было 9-го сего мѣсяца. Теперь въ городѣ у насъ весьма мало осталось нашей братіи. Владыка завѣряетъ, что курсъ ученія не пропадетъ попусту, но что онъ всѣми силами старается выпросить у Комиссіи оный намъ и что экзаменъ будетъ произведенъ въ свое время безъ всякихъ предвареній и приготовленій; а какъ кто окажется. Однако словамъ его что-то не вѣрится. Дай Богъ, чтобъ его предположеніе сбылось! Тѣмъ лучше! Вы очень хорошо сдѣлали, что Ѳеодіе не высылали ко мнѣ. Итакъ и впредь поступайте до тѣхъ поръ, пока я не извѣщу васъ о требованіи какъ его, такъ и другихъ. Только уже придется не на своихъ харчахъ ему быть, но по малости времени на хозяйскихъ: мѣсяць стоитъ здѣсь отъ 7 до 9 руб. со всѣмъ. О себѣ скажу, что я по благости Божіей здоровъ и ни въ чемъ не нуждаюсь; квартира моя у прежняго хозяина безъ платежа, а столъ имѣю у повѣтоваго штабъ-лѣкаря Стаховскаго. Городъ нашъ во всемъ благополученъ. Желая вамъ всего лучшаго отъ Неба, емь вашъ покорный сынъ и слуга Осипъ Бодянскій.

19 апрѣля 1831 г. Г. Переясловъ.

Осипъ Ивановичъ Киселевскій 14 марта сильно заболѣлъ, а потому и отпущенъ нынѣ въ домъ; мѣсто же его покуда исправляетъ другой. Краспоглядовъ по сему случаю опять.... не будетъ на прежнемъ мѣстѣ и въ прежней силѣ. Холера въ сказанномъ селеніи нынѣ прекращается и есть надежда, что она въ скорости совершенно исчезнетъ. Новостей нѣтъ никакихъ.

71.

Дражайшіе родители!

Отъ 20 прошлаго апрѣля писалъ я къ вамъ, но не знаю, получили ли вы мою грамотку? Если пѣтъ, то я симъ васъ извѣщаю, что я совершенно здоровъ и ни въ чемъ нимало не терплю нужды. Квартира моя у прежняго хозяина, а столъ имѣю у повѣтоваго штаб-лѣкаря. Семинарія папа вторично отъ 9-го прошедшаго мѣсяца распущена по случаю вновь показавшейся болѣзни холеры въ ближайшихъ селеніяхъ къ нашему городу и братія наша должна теперь сидѣть сиднемъ впредь до особеннаго востребованія ихъ. Въ скорости послѣ В. праздника была сія зараза появилась и въ Переясловѣ; полдюжины успѣло переселиться на тотъ свѣтъ; теперь же вотъ нѣсколько уже дней проходитъ, какъ все у насъ сповойно и здорово; городъ движется и промышляетъ; всякій воленъ куда угодно идти и что угодно дѣлать. Въ повѣтѣ такъ же, исключая нѣкоторыхъ такихъ селеній, въ коихъ сія болѣзнь мало по малу уменьшается и скоро совершенно прекратится. Напротивъ того въ Козелецкомъ повѣтѣ (Черниг. губ.) и въ самомъ уѣздномъ городѣ она, какъ говорятъ, сильно душитъ несчастныхъ человѣчковъ: бѣда въ мірѣ да и только! Одея пускай дома сидитъ до тѣхъ поръ, пока я не извѣщу васъ письмомъ о требованіи семинаристовъ къ своимъ мѣстамъ. Впрочемъ остаюсь вашъ искренно любящій васъ сынъ и покорнѣйшій слуга О. Боданскій.

Ч. 3 мая 1831 г. Г. Переясловъ.

Извините, батюшка, за нечистописаніе; право—нехорошее перо, а подчинить то его, сами знаете, я не мастеръ; стыдно бы и говорить, да падо правду сказать.—Недавно слухъ у насъ разнесся о наборѣ милиціи; сказываютъ, что въ Россіи положено будто бы со ста человѣкъ по одному, а въ Малороссіи со ста 4. Дѣла не на шутку! Говорятъ также, что Франція объявила войну Пруссіи, слѣдственно всей Германіи, Австріи и Россіи: *Побачецо що зъ кого пыва буде за квасъ*. Подляковъ же сильно наши колотятъ; скоро, скоро падеть съ шумомъ Варшава и на вѣки! Самое имя *полякъ*—истребится и подѣломъ. *Котюзи козамузи!*

72.

Дражайшіе родители!

Съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ я изъ письма вашего, полученнаго мною 18 мая, о болѣзни матушки. Ради Бога ухаживайте за нею со всякимъ раченіемъ; старайтесь доставлять ей какъ можно по-

болѣе спокойствія: ничто столько не вредитъ больному, какъ шумъ; не раздражайте ее ничѣмъ: гнѣвъ и для здороваго человѣка очень вреденъ, а тѣмъ болѣе страждущимъ. Особенно ты, Федоръ, обязываешься присматривать за матушкою и всѣми силами беречь ея слабое здорье. Ты теперь на разгульѣ; занятій особенныхъ нѣтъ никакихъ; да хотя и были какія, то всѣ ихъ должно оставить въ семъ случаѣ: жизнь человѣка, а тѣмъ паче роднаго, составляетъ всегдашній предметъ нашихъ занятій и попеченій, когда только она находится въ опасности. Припомни пятую заповѣдь: *Patrem tuum et matrem tuam honorato, ut diu statem producas in terra.* Слова самого Господа, а слово Господне всегда истинно. *Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и мать,* прибавляетъ сынъ мудрости, *да найдетъ ти благословеніе отъ нихъ. Коль хуленъ, оставляя отца и проклятъ Господемъ, раздражай матеръ свою.* Напечатлѣй же сіе на сердцѣ своемъ и поступай во всемъ согласно съ сими словами? Въ противномъ ты будешь отвѣчать и предъ людьми и предъ совѣстью и наконецъ передъ Богомъ. Повторяю еще разъ: ты особенно долженъ стараться о больной матушкѣ. Батюшка можетъ быть часто отвлекаемъ своимъ долгомъ и обязанностями; кромѣ того и имѣніе требуетъ его личнаго при всемъ присутствіи; а ты нынѣ свободенъ.

Съ 17 мая я уже нахожусь не на прежней квартирѣ. Поводомъ къ тому было слѣдующее. Въ означенный день жена хозяина моего вдругъ по вечеру заболѣла холерою и на другой день рано умерла отъ оной. Я въ то время не былъ на квартирѣ, а у одного своего пріятеля; узнавъ же о томъ, прямо пошелъ къ штабъ-лѣкарю, у котораго безвыходно проживалъ цѣлую седмицу, по исходѣ коей я навсегда переѣхалъ къ нему и нынѣ живу въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ прежде проживалъ здѣшняго города протоіерей Рекало, но который онъ незадолго предъ симъ уступилъ за деньги брату жены штабъ-лѣкаря. Въ первой половинѣ живетъ городничій, человѣкъ отличныхъ свойствъ и характера, а вторую я занимаю. Среднія числа прошлаго мѣсяца были для нашего города самыя смутныя: холера ужасно свирѣпствовала, такъ что въ это время болѣе 150 человѣкъ сдѣлалось ея жертвою, въ числѣ коихъ нѣсколько и помѣщиковъ. Нынѣ же все спокойно у насъ совершенно. Въ лазаретѣ, правда, есть нѣсколько холерныхъ, но большая часть ихъ находится уже внѣ опасности, а въ городѣ даже и не слышать ничего о сей болѣзни.—Владыка нашъ еще 15 мая уѣхалъ изъ города по епархіи и я слышалъ, что 21 того мѣсяца былъ не вдалекѣ отъ васъ въ с. Остановкѣ, а нынѣ уже въ Полтавѣ, откуда выѣдетъ осматривать смежныя повѣты; къ

намъ же не прежде возвратится послѣднихъ числъ іюля. Сопровождающіе его: протодіаконъ, домашній секретарь да келейный; пѣвчихъ же взялъ только до Полтавы на 27 іюня, послѣ коего тотчасъ они прибудутъ къ намъ обратно. При осмотрѣ церкви для него нужны священникъ да церк. староста, а всѣ прочіе могутъ быть, гдѣ имъ угодно; встрѣчъ никакихъ не дѣлать. Не по Георгіевски. Въ наши мѣста этотъ годъ онъ не будетъ, а развѣ на слѣдующій. Семинарія наша должна, по видимому, быть созвана въ концѣ сего мѣсяца, но обстоятельно не знаю. Впрочемъ, узнавши о томъ, я поспѣшу васъ извѣстить подробно обо всемъ. Я думаю, вы уже знаете о милости государя къ Малороссіи: казаки по прежнему навсегда будутъ существовать: 5 съ нашей губерніи, и 3 съ Черниговской, только служить по 8 лѣтъ. Недоимки съ казаковъ по сей годъ всѣ прощаются, а впредь подати съ нихъ по 4 р. въ годъ, кромѣ земскихъ повинностей. Черезъ два мѣсяца сіи полки выступятъ въ резервную армію. Впрочемъ вашъ покорный сынъ и слуга О. Бодянскій.

1 іюня 1831 г. Г. Переясловъ.

Въ Польшѣ ужасы на каждомъ шагу. Вся шляхта чуть ли не истребится; имѣнія же всѣ въ казну. Недавно Дибичъ положилъ на мѣстѣ 6000; 1700 въ плѣнъ взялъ, двухъ генераловъ и нѣсколько десятковъ офицеровъ.

73.

Дражайшіе родители!

Думаю, вы уже получили мое письмо, пущенное отъ 1 сего мѣсяца. Изъ онаго вы же знаете о моемъ теперешнемъ житьѣ-бытьѣ; считаю излишнимъ повторять извѣстное. Скажу только, что поѣздка моя въ Москву не можетъ состояться въ іюль, а развѣ въ сентябрѣ, по той причинѣ, что курсъ нашъ окончится въ томъ мѣсяцѣ. Всѣмъ нужнымъ для онаго пути я уже запасаю исключая бѣлья. Почему прошу васъ никакъ не заготовить мнѣ рубахъ 10,—5 изъ домашняго хорошаго холста, а остальные изъ холстинки, которую вы можете имѣть въ нынѣшнюю нашу Петровскую ярмарку. Спать же онны на образецъ русскихъ; длиною могутъ быть таковы, каковы на Оедѣ. Также подштанниковъ полдюжины прошу изготовить да купить чемоданъ для платья большой руки. Если его не будетъ въ нашу ярмарку, то непременно можно добыть оный въ Ильинскую-Роменскую. Болѣе ничего не надо. Благодарю васъ покорно за присылку денегъ. Я, правда, не такъ-то въ нихъ и нуждался; но это такой товаръ, что вездѣ и во всякое время понадобится. — Въ первыхъ числахъ сего мѣсяца

умеръ отъ холеры экономъ архіерейскаго дома іеромонахъ Гавріилъ Тимковскій.—Новостей военныхъ у насъ мало. Извѣстно только, что Дибичъ успе. Одни говорятъ, что отъ холеры, а другіе, что такъ нужно было сдѣлать. Мѣсто его заступилъ нашъ хохландецъ Паскевичъ, который 8 іюня добрымъ порядкомъ уже пощелкалъ ляховъ, взявъ притомъ у нихъ 24 орудія и готовъ штурмовать Варшаву. Скоро будетъ всему конецъ. Каково здоровье матушки? Христа-ради Феда ухаживай за нею.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и сыновнею любовію есмь вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій сынъ и слуга Осипъ Бодянскій.

18 іюня 1831 г. Г. Переясловъ.

74.

Дражайшіе родители!

Прошлаго 25 числа я получилъ письмо ваше, въ которомъ вы изволите прописывать, что Серпуховской жилецъ Иларіонъ Никитинъ, купецъ бакалейной лавки, требуетъ за свозку въ Москву 200 р. Это деньги! Дать оныя конечно можно, только не при нашемъ карманѣ. Хорошо бы, еслибъ вы съ нимъ болѣе поторжились; статья можетъ, онъ согласится за меньшее количество оныхъ; напр. 150 или 160 р. посулите ему. Если же онъ и на это не станетъ отвѣчать, такъ упросите его, чтобы онъ сыскалъ подешевле мнѣ извозчика. Братъ Федоръ сказывалъ мнѣ, что онъ это беретъ сдѣлать, именно можетъ пригласить кого-либо изъ пріѣжающихъ въ его селеніе за фруктами изъ самой Москвы или смежныхъ съ нею городовъ. Сдѣлайте одолженіе, похлопочите съ нимъ объ семь дѣлѣ. Не то придется мнѣ пуститься на почтовыхъ, а съѣздъ на оныхъ стоитъ обыкновенно 87 р. 37 в. съ $\frac{1}{2}$; оно то выгодно на карманъ, да тѣлу много работы и безпокойства. Я же непременно прибуду въ домъ послѣ 15 слѣдующаго мѣсяца на нанятой подводѣ; слѣдовательно вы будьте въ покоѣ на счетъ сего.—Касательно того, чтобы брату испросить кондицію скажу вамъ, что это дѣло при нынѣшнихъ обстоятельствахъ очень щекотливо. Ибо уже поговариваютъ, чтобы дома для всѣхъ семинаристовъ нанять у обывателей городскихъ по случаю холеры. Если же это и не сбудется, то все кондиція дѣло не надежное: я самъ то испыталъ. Будучи первымъ по ученію, кто имѣлъ много хлопотъ и часто вынуждаемъ былъ опускать свое дѣло, а исполнять другихъ? Пушай онъ еще годовъ постоитъ на вашемъ содержаніи, а тогда можно будетъ ему похлопотать и о кондиціи. Богъ знаетъ, каковъ нынѣшній годъ

покажется на ученіе? Что то шушукуютъ опять о возвратѣ во своя по причинѣ продолженія извѣстной болѣзни всюду.

Изъ военныхъ новостей слышно у насъ, что въ Варшавѣ съ 5 на 6 августа послѣдовала ужасная контръ-революція, отъ которой главнокомандующій ихъ Скряжинецкій (мѣсто его занялъ генералъ Дембинскій), молодой князь Чарторыйскій, ген. Уманскій и болѣе 50 особъ прочей знати повѣшены чернью на фонарныхъ столбахъ. Паскевичъ въ то время былъ въ 30 вер. отъ Варшавы; (а нынѣ, можетъ быть, уже въ ней). Баронъ Розенъ занялъ Прагу. Скоро конецъ всему. Впрочемъ, желая вамъ всего добраго отъ Неба, есмь вашъ покорнѣйшій сынъ и слуга Осипъ Бодянскій.

27 августа 1831 г. Г. Переясловъ.

75.

Дражайшіе родители!

Дорогое письмо ваше отъ 27 прошлаго я получилъ 8 текущаго мѣсяца и только теперь собрался отвѣчать вамъ на оное, хлопоча о высылкѣ Московскихъ Вѣдомостей на нынѣшній годъ. Онѣ выходятъ трижды въ недѣлю и будутъ посылаться отсюда всякій разъ въ Прилуки на имя любезнѣйшаго дядиньки для доставленія вамъ чрезъ *торговцевъ* прилучавъ, которые каждую среду въ Варву постоянно прѣзжаютъ. Лучшаго средства я не придумалъ. Боюсь только, чтобы Илья Гавриловичъ не отяготился этимъ. Я съ своей стороны пишу ему объ этомъ и прошу быть посредникомъ. Хорошо было бы, если бы и вы также его отъ себя попросили принять тутъ свое участіе. Доставщикамъ же можно, чѣмъ Богъ послалъ, отблагодарить.—Съ глубочайшимъ чувствомъ благодаренія возсылаю мои молитвы Господу Богу за избавленіе васъ отъ тяжкой и опасной болѣзни. Слава Ему во вѣки на небесахъ и на земли! Да поддержитъ Онъ васъ долго, долго на свѣтѣ здрава и невредима во всемъ! Послѣ горячки, утверждаютъ врачи, человѣкъ гораздо здоровѣе бываетъ, какъ бы вновь перерождается. Надобно только быть очень осторожну, чтобы опять не схватить ея. Особенно прошу васъ, дражайшій батюшка, не ходить на дворъ съ *непокрытою головою*, какъ это вы дѣлаете обыкновенно, тѣмъ болѣе, что голова ваша страдаетъ отъ *золотухи*, которая не любитъ холода. Бѣда, если ее застудитъ человѣкъ, тогда она бросается внутрь, и производитъ сильныя головныя боли. Напротивъ надо, чтобы она выходила наружу и очищала бы больную голову отъ себя, а это возможно только, когда голову будете держать внѣ комнаты покрытою. Разумѣется не должно слишкомъ кутать: это тоже

крайность и только бы расплочала золотуху. Нужно тутъ держаться золотой середины. Золотуха-то была причиною моея почти 2-хъ лѣтъ болѣзни за границею. Она кажется у насъ *наслѣдственная*; тѣмъ осторожнѣе должно обращаться съ нею. Впрочемъ при личномъ свиданіи на вакаціяхъ (іюнь—августъ) я расскажу вамъ о ней и о средствахъ, коими я отъ нея избавился, во всей подробности. Тогда же вы услышите отъ меня отчетливый рассказъ о тѣхъ 12 славянскихъ живыхъ языкахъ и двухъ мертвыхъ, объ усвоеніи которыхъ много писали наши журналы по случаю моего приѣзда. Теперь же назову ихъ только по имени: 1) велико 2) мало и 3) бѣлорусскій; 4) церковно-славянскій (все они были мнѣ еще на Руси извѣстны); 5) ново-булгарскій; 6) сербскій; 7) хорватскій; 8) хорутано-словенскій; 9) угро-словенскій; 10) чешскій; 11) польскій; 12) сербско-лужицкій верхній; 13) сербско-лужицкій нижній; 14) древанскій. Четвертый и послѣдній теперь уже не существуютъ какъ живые языки: говорившіе ими вымерли; оттого они *мертвые*, какъ древне-греческій, еврейскій и латинскій. Повторяю, при личномъ свиданіи услышите много и много о нихъ отъ меня. Теперь же я преподаю студентамъ чешскій языкъ, исторію Чешскаго народа и его словесности; молодежь охотится. Здоровье мое, слава Богу, хорошо; должность занимаюсь почти цѣлый день, оттого выгдѣ не бываю. Начало всегда бываетъ трудно, вотъ и требуетъ терпѣнія и отчетливости. Начальство пока очень расположено ко мнѣ; нужно поддержать такое вниманіе трудами и дѣйствіями. Дастъ Богъ, покажу, что я достоинъ всего, сдѣланнаго имъ для меня. — Цѣлую васъ и любезнѣйшую мамсику заочно безсчетные разы и молю Бога сохранить васъ обоихъ въ цѣлости, благополучіи и радости для утѣшенія пламенно любящаго васъ вашего преданнѣйшаго сына и покорнѣйшаго слугу Іосифа Бодянскаго. Отцу Іоанну, добрѣйшему нашему сосѣду и почтеннѣйшему человѣку, свидѣтельствую мое глубокое уваженіе, равно и всемъ прочимъ нашимъ добрымъ знакомымъ, помящимъ меня сколько нибудь.

18 февраля 1843 г. Москва.

76.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Слышу отъ брата Θεодора, что вы жалуетесь на то, что я такъ долго не отвѣчаю вамъ на ваше письмо; но признаюсь, что я не заслужилъ такого упрека, отвѣтивъ вамъ еще въ сентябрѣ прошлаго года и съ недѣли на недѣлю поджидаль отъ васъ отзыва. Это тѣмъ

желательнѣе было для меня, что вы въ послѣднемъ своемъ письмѣ жаловались на нѣкоторую немочь, и я послалъ вамъ противъ нея нѣсколько наставленій, сообщенныхъ мнѣ моими товарищами-профессорами, лучшими въ Москвѣ врачами. Каково же, скажите, ваше здоровье? Сколько могу судить по стороннимъ слухамъ, оно должно находиться въ желанномъ положеніи, согласно съ тѣмъ, сколько то позволяютъ лѣта ваши. Дай же Богъ, чтобъ оно не возмущалось никакимъ особеннымъ вреднымъ обстоятельствомъ, а слѣдовало бы одному предѣлу природы, его же никто изъ смертныхъ не преидеть! Что до меня, то и мое здоровье, слава Богу, въ хорошемъ положеніи. Во все это время, пока, по милости Вышняго, ничего особенно вредоноснаго не случилось и далъ бы Богъ и впередъ не знать его мнѣ. Живу весь погруженъ въ свой предметъ и работаю, какъ говорится, до положенія ризъ. Впрочемъ черезъ мѣсяца полтора наступить четырех-мѣсячный отдыхъ, по крайней мѣрѣ, срочной работѣ. Тогда можно будетъ тоже работать, но уже съ разстановкой, съ отдыхомъ, а не лѣзть изъ шкуры. Чрезвычайно хотѣлось бы въ эти 4 мѣсяца ульнуть къ вамъ хоть на мѣсяць и обнять горячо и пламенно васъ и маменьку. Жду, не дожусь этого блаженнаго времени. До сихъ поръ все нельзя было, какъ ни порывался я, какъ ни раскидывалъ умомъ-разумомъ, какъ ни старался устранить препоны. Надѣюсь, что будущей ваканціей удастся мнѣ выполнить это желаніе сердца. Тогда же привезу съ собою и нѣкоторые изъ своихъ новыхъ трудовъ, оканчиваемыхъ теперь печатаніемъ, равно какъ потолкуемъ и о томъ, какъ бы лучше и неотяготительнѣе для другихъ можно было выслать вамъ наши Московскія Вѣдомости, или другую какую газету, которую вы желаете отъ меня. Въ этомъ же годѣ я не посылалъ вамъ Московскихъ Вѣдомостей по той причинѣ, что дядя Илья Гавриловичъ просилъ или лучше намекалъ въ своемъ письмѣ ко мнѣ не отагощать его пересылкой ихъ къ вамъ. Будучи въ Прилукахъ и Лохвицѣ, я отыщу такое лицо, которое не потяготитъ доставкою къ вамъ какихъ бы то ни было книгъ отъ меня или же газетъ. А теперь—повременимъ пока что. Желая вамъ и дражайшей маменькѣ моей всѣхъ благъ, здоровья и благополучія и обнимая и цѣлуя васъ обоихъ пламенно безъ числа, равно какъ поздравляя съ наступающимъ Свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова, остаюсь вашъ покорнѣйшій и преданнѣйшій сынъ и слуга Осипъ Бодянский.

Марта 13 дня 1845 г. Москва.

77.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Третьяго дня я получилъ ваше письмо отъ 7 марта и на другой же день 24 числа послалъ уже свое въ Петербургъ къ высокопреосвященному Гедеоу. Содержаніе его вы увидите изъ прилагаемой тутъ отдѣльно копіи, которую не худо бы было никому не показывать, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ на нашей улицѣ праздника. Иначе, можемъ повредить такой поспѣшностію очень и очень доброму дѣлу, а противникамъ помочь, какъ нельзя лучше. Тоди скажешь гоцъ, авъ высочишь, говоритъ родная пословица. Думаю, что высокопреосвященный будетъ мнѣ отвѣчать то или се, и тогда я съ такою же скоростію перешлю вамъ его отвѣтъ, съ какою писалъ къ нему. Кажется, онъ долженъ воротиться нынѣшнимъ лѣтомъ на свою паству. Это хорошо бы было, потому что я, пріѣхавши къ вамъ на вакаціи, посѣтилъ бы и его въ Переясловѣ и о многомъ переговорилъ бы съ нимъ лично и поручилъ бы его особенному вниманію вашу старость и заслуги передъ жертвенникомъ Божиимъ. Впрочемъ, пока нѣтъ ни того, ни другаго, намъ слѣдуетъ держаться, сколько можно, тише и осторожнѣе, не выставляться слишкомъ впередъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и не подаваться ужъ черезъ чуръ назадъ; середина на половинкѣ вотъ что для насъ теперь необходимѣе всего, по моему крайнему разумѣнію. Дай Богъ, чтобы гроза, собравшаяся надъ головою вашей мимо шла, не зацѣпила бы никого даже вашихъ недоброхотовъ! Пройдетъ она тихо, молчкомъ, будемъ тогда осторожнѣе и сами, поостережемся накликать ее на себя чѣмъ бы (я какъ бы) то ни было. Пора ужъ бросить якорь въ пристани и распротиться съ дурной стихіей... Не получая отъ васъ очень долго никакого отзвѣта, кажется еще на письмо въ сентябрѣ прошлаго года, я писалъ къ вамъ 16 числа текущаго мѣсяца черезъ Лохвицу, куда и послалъ письмо въ письмѣ къ Федору Максимовичу и просилъ его, запечатавъ, отправить къ вамъ съ первымъ случаемъ. Въ немъ я извѣщалъ также васъ и о томъ, что, по желанію вашему, высылкой Московскихъ Вѣдомостей на этотъ годъ я пріостановился, а прибывши на вакаціяхъ домой, мы условимся о нихъ получше, чтобы потомъ не быть никому въ тягость. Я просилъ также брата доставить мое письмо, равно вложенное въ его къ отцу Карпу, г. Лебединскому въ Гнѣдинцахъ, въ которомъ я отвѣчаю ему на его нѣкоторые запросы касательно намѣренія сына его Осипа, нынѣ учителя въ Роменскомъ духовномъ

уѣздномъ училищѣ, поступить въ нашъ университетъ по медицинскоѣ части. Скажите при случаѣ отцу Карпу позаботиться достать мое письмо къ себѣ поскорѣе, еслибы Ѡсдоръ не пашель самъ тотчасъ случая переслать ему оное и поступить такъ, какъ я писалъ ему. Лучшаго я придумать ничего не могу.—Здоровье мое, слава Богу, куда хорошо. Работы попрежнему—бездна. Въ скорости выйдетъ на свѣтъ нѣсколько моихъ произведеній, которыя буду имѣть счастье самъ лично вручить вамъ.—Желая вамъ душевнаго и тѣлеснаго спокойствія и благополучія и поздравляя съ наступающимъ Свѣтлымъ праздникомъ, обнимаю заочно васъ и дражайшую маменьку горячо и пламенно, и цѣлую безсчетно обоихъ, остаюсь вашимъ навсегда и всюду пламенно и безмѣрно любящимъ васъ сыномъ и покорнѣйшимъ слугою. Осипъ Бодянскій.

25 марта 1845 г. Москва.

Дядинкѣ Ильѣ Гавриловичу и тетенькѣ Аннѣ Ивановнѣ съ братцемъ и братнамъ свидѣтельствуйте, при случаѣ, мое глубочайшее почтеніе.

78.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Сейчасъ воротился я отъ нашего высокопреосвященнѣйшаго Гедеона, пріѣхавшаго къ намъ третьяго дня и сегодня уѣзжающаго уже на свою паству прямо въ Переясловъ въ отпускъ на 4 мѣсяца, т. е. по сентябрь. Осенью опъ долженъ будетъ снова воротиться въ Петербургъ, самъ не зная, какъ на долго. Видно по всему, что его царь очень и очень жалуетъ и потому старается продлить пребываніе его въ своей столицѣ подольше. Но и опъ привязанъ не на шутку къ нашей Малороссіи, которую умѣетъ цѣнить, а она его. Во чтобы то ни стало, говоритъ владыко, а опъ хочетъ остаться такъ долго на своей имъ возвеличенной теперь паствѣ, пока только можно будетъ держаться, уцѣплясь обѣими руками и ногами. Радущія, расположенности и сочувствія къ истиннымъ заслугамъ, продолжаетъ опъ,—нигдѣ не удавалось ему видѣть болѣе, какъ въ нашихъ полтавцахъ. Много и долго говорили мы съ душевнымъ удовольствіемъ и взаимной открытенностью какъ вообще о Малороссіи, такъ въ особенности о Переясловѣ, Лубнахъ, Прилукѣ и нововоззванномъ имъ Густынскомъ монастырѣ близъ нашей Борщаговки, гнѣзда рода Бодянскихъ. Послѣднее обстоятельство очень порадовало его, потому что опъ весьма уважаетъ дядю Илью Гавриловича, котораго просьбу объ увольненіи два раза не прицалъ и только на усиленные настоянія согласился избавить отъ

засѣданій въ Духовномъ правленіи. Онъ собирается непременно, вскорѣ по приѣздѣ, побывать въ Густынѣ, особенно любимой имъ и о которой пріятно было ему узнать отъ меня нѣсколько историческихъ свѣдѣній, поясняющихъ темныя мѣста въ извѣстіи о ней, составленномъ имъ по изустнымъ разсказамъ стариковъ околя и другихъ лицъ. Онъ особенно настаивалъ, чтобы я, если Богъ приведетъ меня посѣтить этимъ годомъ (въ концѣ іюня или іюля) родину, отыскалъ его, гдѣ бы то ни было на своей паствѣ. Прощаясь и цѣлуясь, прибавилъ онъ, что о письмѣ моемъ онъ очень помнитъ и нарочно отложилъ всякое слѣдованіе до своего приѣзда во свояси, говоря, чтобы я вполне положился на правоту дѣла вашего и его безпристрастія. Итакъ будьте покойны и увѣрены, что истина и невинность возьметъ свое. Думаю, что онъ вскорѣ по приѣздѣ своемъ начнетъ его слѣдовать. Но пожалуйста ничего не пугайтесь! Если Богъ приведетъ, къ этому времени я либо самъ прибуду къ вамъ и ему, или же напишу къ вамъ же и ему свое письмо, вмѣстѣ съ приложеніемъ *новаго труда моего*, который недѣли черезъ двѣ выйдетъ совсѣмъ изъ печати и будетъ очень кстати. Цѣлуя горячо и безсчетно васъ и дражайшую маменьку и брата, остаюсь вашъ пламенно любящій сынъ и слуга О. Бодянскій.

Письмо ваше отъ 2 мая получено мною 14-го.

Маія 30-го дня 1845 г. Москва.

79.

Дражайшіе родители, батюшка и матушка!

Прискорбно было мнѣ до смерти читать ваше послѣднее письмо (отъ 10 февраля). Ударъ, постигшій васъ, есть ударъ вмѣстѣ и для меня, и потому я тотчасъ же принялъ съ своей стороны всѣ мѣры для ослабленія его и, если можно, совершеннаго уничтоженія силы его. Я писалъ еще 13 марта къ преосвященному въ Петербургъ; вотъ это длинное посланіе, которое тутъ посылаю вамъ въ спискѣ слово въ слово. Кажется ничего не можетъ быть справедливѣе и яснѣе, и потому, если въ немъ есть хоть на сколько нибудь любви къ правдѣ и вниманія къ просителю, мы должны ожидать крутого поворота всему дѣлу. Я жду съ каждымъ днемъ отъ него какого ни есть отзыва на свое письмо; до сихъ поръ онъ мнѣ ничего еще не писалъ. Можетъ быть даже и не напишетъ изъ одной совѣсти и сознанія великости промаха своего; пусть его не пишетъ, только бы велѣлъ снова переслѣдовать это дѣло и сдѣлать его, какъ слѣдуетъ. Но если онъ не будетъ отвѣчать и вмѣстѣ съ тѣмъ не передѣлаетъ сдѣланнаго худо,

въ такомъ случаѣ должно думать, что онъ увѣренъ въ справедливости своего суда и всякія дальнѣйшія попытки напрасны. Противу упорства нечего дѣлать. Надобно будетъ остаться при томъ, что случилось и, возложивъ все на Бога, жить по немножку. Пока станеть меня, дни ваши, любезнѣйшій батюшка, не увидятъ нищеты и горя. Беру все на себя, какъ заботу о вашемъ насущномъ, такъ равно и уплату ежегодно подушнаго за крестьянъ матушки. О томъ и другомъ мы переговоримъ подробно и обстоятельно нынѣшнимъ лѣтомъ при личномъ свиданіи, потому что я, если только буду живъ, здоровъ и благополученъ, непремѣнно рѣшился побывать у васъ, во чтобы то ни стало. Это однако же не раньше можетъ случиться, какъ въ Петровки, въ мѣсяцѣ іюнѣ отъ 20 до 30-го. До тѣхъ поръ, батюшка, повремените какъ ни есть; стерпите всѣми силами духа свое положеніе; а тогда, если не послѣдуетъ перемѣны въ дѣлѣ вашемъ по моему писанію, мы устроимъ однажды навсегда свои дѣла, заведемъ ихъ, какъ стрѣлку на часахъ, чтобы все было непремѣнно въ свое время или, какъ говорится, *въ благовремя*. Къ тому же времени и я приведу свои дѣла въ лучшей порядокъ и дамъ имъ строго прочный ходъ и постоянство. Лучше всего было бы, если бы владыка побывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ опять на своей паствѣ. Личное объясненіе стоитъ десяти писемъ. Какъ бы то ни было, только ради Бога не тужите, батюшка, о постигшемъ васъ. Одинъ Богъ вѣсть, къ чему и что; а намъ должно все принимать мужественно и довѣрчиво въ его мудрость и справедливость. Повторяю, пока станеть меня, вы и все ваше не будете видѣть горя и заботъ. Приѣду и все устроимъ подробно и прочно, однажды, какъ сказала, навсегда.—Скорблю и болѣю о маменькѣ, что опа все еще на одрѣ своемъ. Далъ бы ужъ Богъ выздоровѣть ей однажды. Неужели она осуждена на всегдашнее страданіе? Пора бы отстрадать.—Посылаю вамъ двѣ книжки „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, издаваемыхъ мною, какъ секретаремъ его, ежемѣсячно, кромѣ вакаціоннаго времени (съ іюня по сентябрь). Каждый мѣсяцъ вы будете получать отъ меня по книжкѣ, а въ ней и по письмецу извѣстительному о себѣ. Кромѣ того прилагаю тутъ еще нѣсколько особыхъ оттисковъ моихъ статей, которые дарите кому знаете, изъ добрыхъ нашихъ знакомыхъ. За симъ, поздравляя васъ съ наступающимъ Свѣтлымъ праздникомъ и желая вмѣстѣ съ нимъ воскреснуть къ лучшему отъ горя, остаюсь пламенно любящимъ вашимъ сыномъ и покорнѣйшимъ слугою. Осипъ Бодянскій.

31 марта 1846 г.

80.

Дражайшіе родители!

Думаю, что вы уже получили мое письмо, а при немъ книги: два №№ „Чтеній въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, издаваемыхъ мною по порученію Общества, какъ его секретаремъ. Каждый мѣсяцъ будетъ выходить по книжкѣ кромѣ вакаціоннаго времени (іюня, іюля и августа) и вы непременно будете тоже получать ее всякій разъ тотчасъ по выходѣ; слѣдовательно теперь мы будемъ чаще и правильнѣе сноситься и передавать другъ другу вѣсточку о себѣ. вмѣстѣ съ этими двумя №№ я послалъ также еще нѣсколько особыхъ оттисковъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ ней, для раздачи, кому вы заблагоразсудите. Также самое дѣлаю и теперь, препровождая № 3 Чтеній и нѣсколько отдѣльныхъ оттисковъ двухъ своихъ статей, напечатанныхъ въ немъ. Тогда же я послалъ вамъ и списокъ съ письма своего къ высокопреосвященному нашему полтавскому Гедену въ Петербургъ по извѣстному вамъ дѣлу. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ что по нему, т. е. велѣлъ ли онъ возобновить это дѣло своей консисторіи, или же остался при прежнемъ;—во всякомъ случаѣ мы сдѣлали съ своей стороны все, что было въ нашей власти. Казалось бы, что онъ, если только человѣкъ справедливый, непременно долженъ розыскать получше и поправить свой вольный-невольный промахъ. Но онъ по сию пору не отвѣчаетъ мнѣ ни слова на мое посланіе къ нему. Не думаетъ ли снова побывать на паствѣ и тогда разслѣдовать? Въ такомъ случаѣ я какъ разъ подѣду къ тому времени и помогу ему въ его трудъ. Или же хочетъ отвѣчать мнѣ уже по изслѣдованіи? Какъ бы то ни было, мы, повторяю, сдѣлали все, что требовалось отъ насъ въ такихъ обстоятельствахъ. Если не успѣемъ, должно будетъ покориться волѣ Божіей. Уповаю твердо, что Господь не оставитъ насъ и *препитасть въ день скорбный*. А потому положимъ всю свою надежду на Него одного и не станемъ тосковать о невозвратномъ. Буду живъ, здоровъ и благополученъ, непременно постараюсь побывать въ концѣ іюня или началѣ іюля въ Варвѣ и все устроить, какъ надобно, отнынѣ навсегда, чтобы вы ни о чемъ подъ старость свою не безпокоились. Впрочемъ, если бы было какое распоряженіе со стороны владыки до того времени, то я прошу васъ покорнѣйше увѣдомить меня о томъ въ свое время, чтобы я также могъ принять свои мѣры въ добрый часъ. Теперь у меня очень много хлопотъ: испытанія студентамъ цѣлый май

и печатаніе 4-го № Чтеній въ обществѣ, который вы получите тотчасъ по его выходѣ т. е. въ первыхъ числахъ іюня, вмѣстѣ съ моимъ письмомъ, какъ это теперь. Цѣлуя васъ горячо и пламенно заочно и желаю вамъ какъ можно болѣе спокойствія и твердости духа, остаюсь вашимъ покорнѣйшимъ и пламенно любящимъ сыномъ и слугой.
Осипъ Бодянскій.

Мая 3 дня 1846 г. Москва.

II.—Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому (1846—1848 гг.).

1.

Письмо Сахарова. Спб. 13 апрѣля 1846 г.

М. Г. О. М. Благодарю васъ за присылку книгъ, изданныхъ Историческимъ Обществомъ. Я получилъ: 1) двѣ книжки „Чтеній“; 2) книгу Большаго Чертежа; 3) о Русскомъ войскѣ, соч. Бѣляева „Чтенія“ обрадовали меня до безконечности. Съ вами должно начаться возрожденіе Общества. Сильною, могучею рукою повели вы членовъ на дѣло и дай Богъ, чтобы подвигъ вашъ увѣнчался. Надѣюсь и вѣрю, что интриги васъ не остановятъ на поприщѣ, вами занимаемомъ. Въ васъ столько благородства, что онѣ пролетятъ мимо васъ. Мужайтесь и крѣпитесь. Усердно желаю, чтобы „Чтенія“ были въ продажѣ. Здѣсь ихъ спрашиваютъ—взять негдѣ. Наши книгопродавцы какъ мертвые трупы, существуютъ только своими издѣліями. Исторія Конисскаго вами выведена изъ тьмы и мрака *); здѣсь Устряловъ давно собирался издать ее, но за строгостію цензуры вышла остановка. За то меня утѣшили ваши поиски въ библіотекахъ. Счастливая будущность готовится пашей славянской литературѣ. Сколько находится богатствъ въ нашихъ библіотекахъ. У одного собирателя здѣсь есть рукопись подъ названіемъ „Жемчужная Матица“. Въ ней 54 статья вмѣщаетъ: „Похвала блговѣнномѣ книзю влмѣроу. нареченномѣ во стомъ крѣщеніи василію:“—„Сій вы сїз стославль. ѿ племенъ варѣскаго. прѣвѣе ко идоломъ много тицани твораше по шчю преданію. ти егда восхотѣ бѣз ѿбрати собѣ люди новы. йдохнуувче сего блгѣтѣ стѣго лѣа и возноувъ аки ѿ сна ѿ лютаго идолослѣженіа. и посла по все мзыкѣ и испытата законы ихъ како вѣроуютъ“.

*) „Исторія руссовъ или Малой Россіи“, соч. Георгія Конисскаго, архіеп. Бѣлорусскаго, начата печатаніемъ (съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго) въ 1 кн. „Чтеній“ 1846 г.

О церкви на мѣстѣ крещенія: „и ѿ толѣ нарѣсѣ мѣсто стое наѣже есть церкви Петрова“.

О языческихъ божествахъ: „извивъ всѣ коумиры пероуна хуурса. даѣжь и мошокъ и всѣ коумиры“.

Предъ этою похвалою Владиміру находится: „Мѣда Ньюлѣ въ 15 житіе благовѣрнаго кнѣзя влѣмѣра наречѣнаго во стѣомъ васильѣ крѣтившаго роускою землю:“

„Нлѣженный кнѣзь влѣ меръ внѣкъ Ольгинъ, крѣтивсѣ самъ и чада своѣ и всю землю рускою крѣти и ѿ конца“.

Далѣе: „Трапезы поставлѣаше въ домѣ своѣмъ. пръвоую митрополитовъ съ епѣкопы сь черноризци съ сѣщенническѣи чиномъ, вторую нищѣимъ и оубогѣимъ, третію совѣ и болѣрѣ и всѣмъ моужемъ своимъ“.

Похвала и житіе разныхъ писателей. Не худо бы собрать всѣ сочиненія о Владимірѣ. Ему есть и особенная служба, старая. Я знаю три разныхъ житія и всѣ другъ на друга не походятъ. Посоветуйте этотъ подвигъ А. М. Кубареву—онъ набилъ руку надъ Патерикомъ и теперь разгадасть намъ сочиненія о Владимірѣ. Трудъ искупить великое дѣло: возстаніе нашей литературы. Какъ жаль, что отдаленность мѣшаетъ мнѣ трудиться съ вами. Заочно—не то, что вблизи. Нынѣ лѣтомъ надѣюсь васъ опять видѣть въ Москвѣ проѣздомъ изъ Ярославля. Желаю вашимъ подвигамъ славы и долгоденствія. Россія и русскіе оцѣнятъ ваши труды и воздадутъ вамъ честь велию.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. Иванъ Сахаровъ.

Пришлите мнѣ аналитическѣи реэстръ изданіямъ Общества и первую часть Русскихъ Достопамятностей, изд. Калайдовича, если она только есть въ обществѣ.

Изъ письма Бодянскаго отъ 30 апрѣля 1846 г. Москва.

М. Г. И. П. Какъ мнѣ васъ благодарить за ваше слово, согрѣтое такимъ сочувствіемъ къ моему дѣланію! Право вы меня много имъ подкрѣпили и много бодрости придали къ той ретивости, которая гуляетъ въ моемъ казацкомъ тѣлѣ. Да воздасть же вамъ Господъ Богъ за этотъ елей утѣшенія челоуѣку, отовсюду обуреваемому и помыкаемому языки льстивы! Надѣюсь, что вы и впередъ будете мной довольны, если только какъ-нибудь не поскользнусь и не паду. Дѣло дѣлаю я по крайнему своему разумѣнію и думаю, что дѣлаю дѣло. Впрочемъ, о томъ судить вамъ, а не дѣлателью.

Позвольте мнѣ попросить васъ объ одной услугѣ. Нѣтъ ли въ вашемъ собраніи или вашихъ знакомыхъ слова Козьмы Булгарскаго противу Богумиловъ? Здѣсь они есть у М. П. (Погодина), по вамъ

извѣстны мои отношенія къ нему. Онъ и слышать не хочетъ о моей просьбѣ. А я между тѣмъ собираюсь, при помощи этихъ словъ, сдѣлать кое-что не худое. Помогите! Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Осипъ Бодянской.

2.

Письмо Сахарова, 15 мая 1846 г. Спб.

О. М. Благодарю васъ за присылку книгъ: 1 части „Достопамятностей“, № III „Чтеній“ и каталога продажнымъ книгамъ. Пакетъ для Шегреня передалъ Кунику для доставленія. Мужайтесь и крѣпитесь противу всѣхъ ополченій. Война ваша со славою идетъ и кончатся славою. Вѣрю, что вамъ прискорбно дѣйствовать. Съ свободными руками можно бы дѣлать втрое болѣе, а тутъ вы должны крѣпитесь и идти противъ козней. Опыты въ жизни нужны; но, дай Богъ, чтобы эти опыты только не продолжались. Жаль, что вы меня не увѣдомили о статьѣ Шафарика о типографіяхъ славянскихъ *). Къ ней нужно сдѣлать поправки. За то никакъ не могу понять парадоксовъ г. Ундольскаго въ статьѣ о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ **). Снимокъ лучше всего рѣшаетъ, что это не его сочиненіе. Натяжки певѣроятныя и хвастовство безграмотное.

Соч. Козмы Болгарскаго здѣсь есть у одного собирателя. Надѣюсь выпросить у него и переслать вамъ. Вотъ начало по этому списку: „Недостойнаго Козмы Презвитера бесѣда на новоявившюся ересь Богомилиу“.

„Всѣмъ оубо заповѣди Гдѣ нашего Іѹ Хдѣ дивны сѣтъ и любви почитающѣмъ понеже спѣша ради нашѣ бесѣдованы соуть. Аще ли удадемса отъ заповѣдей его, но шизъ всегда яко члѣобивнѣ шизъ терпитъ злобы наша, нехота никого погубити, но желамъ всѣмъ нѣмъ възращеніамъ къ собѣ и спѣшамъ“. О ереси Богомиловъ помѣщено дѣло въ Молдавской Кормчей, а изъ Козмы вошли отрывки въ Макарьевскую Минею Четью (мѣс. августъ). Его отрывки помѣщены въ печатномъ Прологѣ и въ рукописныхъ

*) О древнеславянскихъ, именно Кирилловскихъ типографіяхъ въ южнославянскихъ земляхъ и прилегающихъ имъ краяхъ: т. е. въ Босни, Сербіи, Герцеговинѣ, Черной Горѣ, Венеціи, Валахіи и Седмиградіи въ XV, XVI и XVII ст. соч. П. І. Шафарика, съ чешскаго перевелъ О. Бодянской, въ 3 кн. „Чтеній“ 1846 г.

***) Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ славянорусской библиографіи. В. Ундольскаго, тамъ же.

прологахъ. Прилагаю вамъ списокъ рукописямъ, по которому вы можете вытребовать для себя изъ библіотекъ:

Волоколамская библіотека:

1) In 4, № 385, Сборникъ 1493 г. Л. 484. Козмы Пресвитера слово на еретики.

2) In 4, № 415, Сборникъ конца XV в.: 1) Паралипоменонъ Зо-нары Царскихъ книгъ. 2) Житіе Стефана Деспота, написанное по повелѣнію Сербскаго патр. Никона. 3) Житіе Стефана Сербскаго, иже въ Дечахъ, соч. Григорія Мпиха. 4) Житіе Иларіона Епископа Мегленскаго, соч. Евѣимія Патр. Терновскаго.

3) In 4, № 323, Сборникъ XVI в. Слово о житіи Стефана, Архіеп. Сурожскаго.

4) In 4, № 307, Сборникъ XVI в.: 1) Житіе Саввы Архіеп. Сербскаго, соч. Дометіана. 2) Похвала Симеону и Саввѣ Сербскимъ. 3) Житіе Стефана Деспота. 4) Житіе Стефана Сербскаго, иже въ Дечахъ.

5) In 4, № 308, Сборникъ. Житіе Саввы, Архіеп. Серб. и Похвала Симеону и Саввѣ.

6) In 4, №№ 305 и 306, Сборники. Оба содержатъ житіе Саввы и похвалу Симеону и Саввѣ.

7) In 4, № 372, Сборникъ. л. 113. Іоанна Епископа Итрынскаго. Отвѣты къ священнѣйшему Епископу Драчьскому Аввѣ Силѣ о церковныхъ обрядахъ.

8) In 2 (листь), № 18, Сборникъ XVI в., подъ названіемъ „Нифонтовской“: 1) Л. 154. Житіе Параскевіи. Списано Евѣиміемъ Патр. Терновскимъ. О перенесеніи Ея мощей въ Сербскую землю, списано Григоріемъ Цамблакомъ. 2) Л. 222. Житіе Иларіона Еп. Мегленскаго. Соч. Евѣимія Патр. Терновскаго.

9) In 8, № 78, Сборникъ. Л. 44. Давида Мпиха: изложеніе о еже не внести въ ересь Варлаама и Акиндима. Л. 52. Давида мпиха како Варлаамъ избрѣте и състави ересь свою.

Московской Синодальной библ.:

1) № 303, по старому каталогу. Сборникъ. Жизнь Саввы Сербскаго и похвала Симеону и Саввѣ.

2) № 513, по старому кат. Сборникъ. Житіе Саввы Сербскаго и похвала Симеону и Саввѣ.

3) № 293, по стар. кат. Сборникъ. Житіе Саввы Сербскаго и похвала Симеону и Саввѣ.

4) № 517, по стар. кат. Сборникъ. 1) Житіе Саввы Сербскаго. 2) Похвальное слово Царю Копстантину и Елепѣ. Соч. Евѣим. Патр. Терновскаго.

5) № 285, по стар. катал. Сборникъ. Повѣсть о обновленіи храма Воскресенія Христова. Соч. Евѣ. Патр. Терновскаго.

6) № 524, по стар. катал. Сборникъ. Евѣимія Патр. Терновскаго посланіе къ Кипріяну Мниху, живущему въ Аѳонской Горѣ и о нѣкоихъ церковныхъ винахъ нужныхъ.

Думаю, что всѣ эти рукописи пригодятся вамъ. Какъ бы было хорошо, если бы вы напечатали Лѣтопись Зонары по Волоколамскому, а потомъ по 2 синод. списк. Лѣтопись Симеона Логоета. Право, лучше бы было вздора Ундольскаго. Отъ васъ зависитъ именно сдѣлать „Чтенія“ вѣковымъ памятникомъ. Выбирайте людей и вѣковыя сочиненія. Конисскій перлъ въ вашихъ „Чтеніяхъ“. Выбирайте ему и такихъ товарищей. Предчувствую, что вы должны произвести переворотъ въ нашей археологіи. Право, отъ васъ ожидаютъ многого: не сѣгуйте на меня за откровенность. Ей-ей, желаю вамъ славы, славы вѣчной! Будутъ ли помѣщаться ваши поиски въ библіотекахъ? Въ теперешней моей работѣ мнѣ много не достаетъ: Московскихъ библіотекъ. О, когда бы Господь мнѣ привелъ поселиться въ Москвѣ!

Вчера скоронили Прейса!

Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. И. Сахаровъ.

Изъ письма Бодянскаго отъ 6 іюня 1846 г.

„Спасибо тому, кто понялъ важность Конисскаго вполнѣ, и далъ мнѣ возможность издать его такъ, какъ самъ сочинитель, можетъ быть, не мечталъ видѣть себя въ такомъ видѣ раньше ста, полтора ста лѣтъ! Спасибо и спасибо ему. Теперь всѣ списки его замѣчательны развѣ для однихъ охотниковъ до списковъ, а не печатнаго, потому что при печатаніи я пользовался почти десятью списками разнаго рода, сдѣлалъ всѣ важнѣйшія и нолуважныя разнословія, а все прочее напечатано безъ малѣйшаго опущенія, даже до запятой, до архаизма. И Общество готово отвѣчать каждому за улику въ поддѣлкѣ, выпускѣ, замѣнѣ, и т. под. въ текстѣ Конисскаго—столько имперіаловъ, сколько найдется буквъ въ словахъ, обличающихъ его въ такомъ поступкѣ. Довольно-ли вамъ? Да, дай Богъ, чтобы подобнаго рода сочиненія всегда находили такихъ цензоровъ или цензуру....

Вамъ хочется, чтобы я напечаталъ Симеона Логоета по двумъ Синодальнымъ спискамъ? Признаюсь, это было и мое желаніе, и потому, еще проплага года вакаціей, вытребовалъ было я его изъ библіотеки Синодальной, воспользовавшись однимъ указаніемъ о немъ въ письмѣ вашемъ къ А. М. Кубареву; и что же увидѣлъ? Пустое разглагольствіе какаго-то школьника середины, а можетъ быть и начала,

прошлаго столѣтія, не замѣчательное ни содержаніемъ, ни слогомъ, и состоящее изъ разнаго рода выписокъ изъ Библии, исторій Византійскихъ, Латинскихъ и т. п. Еще прежде меня требовалъ этого Логоета себѣ Чертковъ, но и онъ, какъ и я, черезъ недѣлю воротилъ его во-свояси. Въ цѣломъ спискѣ и признака нѣтъ о Логоетѣ, равно какъ и его имени. Нѣтъ-ли тутъ, скажите, пожалуйста, какой чертовщины, напр., не тотъ № и т. п? Вы говорите, что списковъ его въ Синодальной библиотекѣ два, а мнѣ извѣстенъ только одинъ по вашему же указанію въ письмѣ Кубарева. Растолкуйте, сдѣлайте милость, эту кутерьму мнѣ, а я, буде не такъ, тотчасъ воспользуюсь, съ благодарностью вашимъ вразумленіемъ....

Еще: гдѣ и какіе старинные переводы Константина Багрянороднаго, о коихъ вы гдѣ-то промолвились? Вскорѣ я напечатаю нынѣшній переводъ его, сдѣланный прошлою зимою (именно: De thematibus и De admin. imp. прочее вслѣдъ затѣмъ). Но пора ужъ мнѣ перестать закидывать васъ вопросами, справками, порученіями и т. п. Поиски мои непремѣнно будутъ продолжаться: теперь я сижу за однимъ изъ нихъ и надѣюсь окончить черезъ недѣлю—другую. Осенью прочтете его. Еще: нельзя-ли стороною узнать, долго-ли пробудеть въ Академіи Наукъ (не у Куника-ли?) Манасія изъ Синодальной библиотеки? Я ужъ дважды требовалъ его въ Общество, но въ отвѣтъ: „взять въ Академію!“. О. Бодянской.

3.

Письма Сахарова. 18 сентября 1846 года. Спб.

М. Г. I. М. Позвольте васъ просить покорно о принятіи участія въ моемъ братѣ—Николаѣ Николаевичѣ Боголюбовѣ. Онъ вступаетъ въ университетъ. Человѣкъ бѣднѣйшій безъ всякихъ средствъ и способовъ. Помогите ему вашимъ участіемъ вступить на казенное содержаніе; ходатайство ваше дастъ ему жизнь. Умолите графа Строганова о принятіи бѣднаго человѣка на казенное содержаніе. Къ вамъ буду писать отдѣльно о нашихъ дѣлахъ. Не оставьте моей покорной просьбы. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть. М- Г., вашимъ покорнымъ слугою Ив. Сахаровъ.

Спб. Декабря 12, 1846 года.

4.

М. Г. O. М. Давно не имѣлъ случая побесѣдовать съ вами: болѣзнь и поѣздки по службѣ много отняли у меня время. Теперь только поосвободился и засѣлъ за свои бумаги.

Радуюсь вашимъ успѣшнымъ дѣйствіямъ и еще болѣе утѣшаюсь добрыми отзывами о вашихъ „Чтеніяхъ“.

Всѣмъ и за все довольны, кромѣ перепечатыванія съ изданныхъ книгъ. Кажется, что можно обойтись и безъ нихъ. Вижу, что у васъ матеріаловъ много и премного и безъ перепечатыванія.

Долгъ и незнаніе хода дѣлъ Общества разлучаютъ меня съ нимъ; но сочувствую всему вашему хорошему и доброму.

Препровождаю къ вамъ четыре рукописи для помѣщенія въ „Чтеніяхъ“. Препроводилъ бы къ вамъ и болѣе, да не знаю, годятся-ли они въ дѣло. Если найдете ихъ достойными, прошу напечатать; если нѣтъ—благоволите возвратить обратно ихъ ко мнѣ. Въ моей библиотекѣ, полагаю, для вашихъ „Чтеній“ наберется до 40 рукописей.

Вотъ ихъ списокъ:

1) Сказаніе и повѣсть еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о походженіи его. In 4°, 30 л.

2) Исторія о Казакахъ Запорожскихъ, какъ оныя изъ давнихъ лѣтъ зачались и откуда свое происхожденіе имѣютъ и въ какомъ состояніи нынѣ находятся. In 8, 83 л.

Прим.: Это та самая рукопись, которая у васъ отмѣчена въ портфель 1-мъ. Миллера ст. 2. Думаю, что она пригодится для изданія. Только это не сочиненіе Миллера, хотя оно и находилось въ его бумагахъ.

3) Повѣсть объ осадѣ Пскова королемъ Баторіемъ. In 4, 76 л.

4) Сибирская лѣтопись Саввы Есипова. In 4. 53.

Повторяю къ вамъ опять мою просьбу: если онѣ не годятся для помѣщенія въ „Чтеніяхъ“, то прошу выслать обратно. Если годны будутъ—увѣдомьте и тогда я вамъ вышлю еще другихъ.

Благоволите приказать выслать мнѣ № 2 „Чтеній“ второй серіи. Я получилъ только №№ 1 и 3.

Куникъ собирается печатать Манасію по Синодальному списку. Остановка у нихъ за буквами. Хотятъ отливать особенный мелкій славянскій шрифтъ. Текстъ уже переписанъ у нихъ. Печатать хотятъ буква въ букву. Вотъ вамъ наши новости. Прощайте. Вашъ покорный слуга Сахаровъ.

Р. С. Прилагаю при семъ квитанцію на полученіе посылки съ рукописями—конторы 1-го заведенія Дилижансовъ.

Спб. 21 января 1847 года.

5.

М. Г. О. М. Благодарю васъ за присылку № 4 „Чтеній“.

По запискѣ г. Дмитриева вижу, что № 2 у Ксапена; но я до сего дня отъ г. Ксапена не получалъ.

№ 4 „Чтеній“ для меня очень драгоцененъ по двумъ статьямъ Рижскаго Еп. Филарета *) и Кн. М. А. Оболенскаго **). Списковъ Болгарской и Сербской редакціи временника Амартола мнѣ извѣстно 16. Онъ находится въ отдѣльныхъ спискахъ и хронографахъ. Для васъ изъ послѣднихъ будутъ важны два списка: Синодальный и мой. Есть ли что въ Палеѣ изъ него, я еще не разсматривалъ. Для васъ (имѣть въ виду на будущее время) нужно два списка Палеи: Академіи наукъ и мой. Въ румянцевскомъ хронографѣ вы найдете мало толку: это смѣсь разныхъ книгъ. Мои списки Амартола вышлю къ вамъ скоро, какъ только окончу статью о Амартолѣ.

Статья: „Историческое разсужденіе о Хозарахъ“, соч. Сума, напеч. въ № 3 „Чтеній“, навела меня на одинъ русскій источникъ. По изслѣдованіямъ Сума Хазаровъ называли: Прискъ-Авити-Зарами, Катзарамъ; Иорнандъ — Агаззарамъ. У насъ въ спискахъ Кормчей книги вставлена статья: Дмитрія, митр. визическаго о Яковитѣхъ и Хаццарѣхъ. Что это такое за Хаццары? Въ Кормчей книгѣ находится только отрывокъ изъ соч. Дмитрія визическаго. Надобно отыскать это сочиненіе вполнѣ, а по отрывку судить еще нельзя.

Хронографъ, въ которомъ помѣщенъ Амартолъ, принадлежитъ къ древней славянской редакціи. Въ немъ помѣщенъ болгарскій переводъ, буквальный изъ полного списка, со всѣми дополненіями; конецъ хронографа: начало русскихъ лѣтописей. Таковъ составъ списка, находящагося въ моей библиотекѣ. Списокъ Синодального хронографа имѣетъ особенныя дополненія, вѣроятно присоединенныя въ Россіи. Изъ всѣхъ хронографовъ я успѣлъ вывести особенное мнѣніе: ихъ четыре разряда: Греческій, древній Славянскій и два русскихъ. Греческій текстъ содержитъ разныхъ византійцевъ. Тутъ труда много: сличить переводы съ греческими текстами. У Надеждина есть Мол-

*) „Виргалъ и Месодій, славянскіе просвѣтителѣ“. Соч. Филарета, ел. рижскаго. А. Т.

**) „О греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, хранящемся въ Московской Синодальной Библиотекѣ и о Сербскомъ и болгарскомъ переводѣ его хроникѣ“. Соч. кн. Оболенскаго. А. Т.

давскій списокъ хронографа, но, не зная языка, я не могу судить о немъ. Книга Палея не Русская; она занесена въ намъ. Русскіе успѣли только дополнить своими вставками. Первая вставка—повѣсть о крещеніи Руси Владиміромъ, взятая буквально изъ Несторова временника и буквально сходная съ Лаврентьевскимъ спискомъ. Вторая вставка—Іосифа Флавія, о древностяхъ Іудейскихъ. Переводъ древній, принадлежащій Болгарамъ. Теперь еще пока трудно рѣшить: что эта вставка Флавія въ Россіи-ли была присоединена, или принесена съ Аэона? Основная часть Палея въ спискахъ отличается разностями. Въ Академическомъ списокѣ она начинается книгою Руоѣ. Послѣ библейскихъ книгъ начинается: Исторію Римскаго Царства, Житіемъ Александра Македонскаго, основаніемъ Царя-града. Далѣе: Исторія Христіанская и оканчивается книгою о Царяхъ Римскихъ.

Мой списокъ Палея начинается: „Палеологи книга бытійска Бовидца Моусеа. Истинныя сказанія еже како сотворилъ Богъ небо и землю и яже суть въ нихъ“. Послѣ Бытія слѣдуетъ: Исходъ, Левитъ, Числъ, Второзаконія, Иисусъ Навипъ, Судей, Руоѣ, 4 книги Царствъ. Этими статьями оканчивается Палея. Далѣе сочиненія: Іосифа Флавія, Царство Александрово, Повѣсть о Крещеніи Руси. Текстъ этой повѣсти начинается: „Прідоша Болгаре к Володимероу. Вѣры бо хоцещи, гл҃ше“. Конецъ этой статьи: „и живяше Владиміръ по строенію Господню“. Послѣдняя статья апокрифическая—занимающая Эноха, самаго древняго перевода. Я потому подробно пишу вамъ о спискахъ Палея, что князь М. А. Оболенскій упоминаетъ объ нихъ какъ объ источникахъ для изданія Амартола. Вы же собираетесь издавать Амартолъ, такъ вамъ надобно многое имѣть въ виду.

Въ новое время изслѣдователи о Кириллѣ и Меодіи вносятъ, какъ вижу, новыя идеи о Кириллахъ. Одни даже приписываютъ Константину Прологъ. Но этотъ Константинъ, митр. мокіскій. Редакція сего митрополита извѣстна мнѣ по двумъ спискамъ: на хлопчатой бумагѣ, бывшій въ библіотекѣ Норова, а нынѣ Кузмина, XIII в. Другой списокъ есть у меня, буквально сходный съ Норовскимъ, конца XVI в. Объ этомъ Константинѣ упоминается въ предисловіи. Скажу вамъ, что такихъ прологовъ въ Россіи очень много: но по большей части они безъ сего предисловія. Прологовъ у насъ есть три разныя редакціи. Одна изъ нихъ была въ рукахъ составителей Макарьевской Минеи Четьи. Въ прологахъ для насъ важны: Болгарскія и Русскія вставки. И въ прологахъ нужно отличать Болгарскую редакцію отъ Сербской и Русской. Увы! сколько еще русскимъ остается дѣлать! За симъ желаю успѣха въ вашихъ работахъ. Буду ждать благовремени, когда вы

употребите въ дѣло отправленныя къ вамъ отъ меня рукописи. Я было уже снаряжалъ къ вамъ и другія рукописи: но вижу, что надобно удержаться до времени. Вашъ покорнѣйшій слуга Сахаровъ.

Р. С. Я сейчасъ получилъ отъ П. И. Ксапена высланныя книги для меня: № 2 „Чтеній“ и 4 книги Венелина. Записку вашего Актуаріуса, какъ квитанцію, передалъ Ксапену.

Изъ письма Бодянскаго отъ 30 января 1847 г.

Въ статьяхъ Дмитрія митрополита визичьскаго о Яковитахъ и Хапидарахъ, слово послѣднее значить вовсе не Хазары, но... впрочемъ, повремените пѣсколько, все объясню печатно, какъ нельзя больше. Богумилы, Яковиты и прочая братія не дають мнѣ частехонько покоя и ночью. Вы удивляетесь мнѣнью нѣкоторыхъ о Константинѣ, какъ сочинитель пролога. Въ послѣднее засѣданіе г. Ундольскій читалъ очень умную статью о Константинѣ Кириллѣ, Константинѣ Климентѣ и просто Константинѣ, учениѣ Меѳодія Моравскаго, въ которой доказываетъ Филарету Рижскому (своему учителю), что ихъ никакъ не слѣдуетъ смѣшивать. Матеріалъ къ тому доставленъ былъ ему мною въ одномъ Прологѣ Успенскаго Собора, выписанномъ нарочно въ Общество. Радъ отъ души оказывать каждому члену Общества подобныя услуги. Раздѣленіе труда, говорятъ экономисты, основа успѣховъ промышленности и богатства народнаго: тоже и въ области ученой, не правда ли? О. Бодянской.

6.

Письмо Сахарова, Спб., 12 февраля 1847 г.

М. Г. О. М. Благодарю васъ за присылку № 5 „Чтеній“. Радуюсь за васъ и за ваши успѣхи. Одного желаю только, чтобы „Чтенія“ продолжались надолго, чтобы они упрочили самобытность Общества. Безъ „Чтеній“, или чего нибудь другаго, Общество будетъ мертво. Присылка каждаго № Чтеній для меня праздникъ.

Теперь отвѣчаю на ваше письмо:

Вотъ мнѣ извѣстные списки Амартола:

1) Московской Духовной Академіи, Харатейный, № 100.

2) Московской Синодальной, Хлопчато-бумажный, ¹⁴²/₃₃.

3) Толстовской, бумажный, отд. 1, № 89.

4) Волоколамскаго мон., № 417.

5) Супрасльскаго мон., Въ рукахъ Археогр. Ком. Объ немъ см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1839 г., V, отд. III, стр. 62.

6) Румянцевскаго музеума.

7) Чудова мон., № ³/₃₁. Въ рукахъ Археогр. Ком.

8) Костромскаго Богоявленскаго монастыря, № 817—295. Въ рукахъ Археогр. Ком. См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1838 г., № X, стр. 154, и 1839 г. № XX, отд. III, стр. 132.

9) Кирилло-Бѣлозерскаго мон., 637. Въ рукахъ Археогр. Ком. № 3, 0 №№ 5, 7, 8, 9 — см. Сбор. Русск. Лѣт. Изд. Археогр. Ком. т. I, стр. XV и XVI.

10) Шафарика.

11) Погодина.

12) Кошчеева купца, находящійся теперь въ нашихъ рукахъ.

13) Сахарова 1456 г.

14) Въ хронографѣ Сахарова.

15) „ „ Румянцевскаго Музеума.

16) „ „ Синодальномъ, № 280.

Въ нихъ три редакціи: Болгарская, Сербская и Славянскаго Хронографа, принесеннаго изъ Болгарской земли.

2) О Хацицарѣхъ митр. визическаго между вашихъ розысканій. Ищите прежде полнаго списка. Только странное сочиненіе именъ. Я предлагалъ нашимъ оріенталистамъ Савельеву и Григорьеву—и они нашли, что въ Хацицарѣхъ есть именно звукъ Хазаръ и болѣе ничего. Исторія ересей древнихъ еще недовольно объяснена.

3) Не вѣрю вашимъ изслѣдованіямъ о Константинахъ. Я недавно разсматривалъ прологъ хлопчато-бумажный, начала XIV в., Аѳонскаго письма изъ бывшей коллекціи Норова. Въ немъ въ предисловіи означенъ именно Константинъ митр. мокійскій.

У меня есть свой бумажный списокъ пролога XVI в. съ именемъ Константина мокійскаго. Съ этимъ именемъ мнѣ извѣстно до 5 списковъ. Неужели и это Константинъ Кириллъ, или Константинъ Климентъ.

4) Странно, какъ Филаретъ Рижскій забылъ о Богемскомъ собраніи актовъ, гдѣ есть данныя о Меѳодіи Моравскомъ. Вообще его указанія на источники очень сбивчивы. При его умѣнн и знаніяхъ многого можно ожидать.

5) Мнѣ подозрительна отдѣльность сербскаго перевода Амартола. Сербы не всегда переводили съ греческаго. Чаше они осербляли переводы болгарскіе на свой ладъ. Можетъ быть въ этомъ только я ошибаюсь. О другихъ ихъ передѣлкахъ Пролога и мѣсячной Миней имѣю вѣрныя данныя. Предоставляю вамъ судить лучше объ этомъ, какъ знатоку сербской и болгарской литературъ. Не вижу особенной надобности издавать отдѣльно сербскую и болгарскую редакціи въ двухъ отдѣльныхъ книгахъ; ихъ лучше бы соединить въ одной книгѣ,

и для изученія литературъ сербской и болгарской такая бы книга была настольною.

6) Лѣтопись Самовидца *), напечатанная въ „Чтеніяхъ“, хотятъ въ Кіевѣ издавать отдѣльно отъ вашего изданія, зане, говорятъ, у васъ издано не такъ начало текста. По мнѣ печатай хоть десять изданій, только бы наука выигрывала отъ каждаго изданія. У насъ полученъ второй томъ Кіевскихъ актовъ, изданныхъ временною Коммиссіею. Теперь они выпросили 4 т. руб. сер. на изданія актовъ объ Уніи и дипломаріевъ. Имъ и посылають отсюда весь архивъ Уніатской.

7) Я недавно пріобрѣлъ Литовскую лѣтопись. Она сходна въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ изданіемъ Даниловича и имѣеть свои отличія. Въ ней недостаетъ съ начала четырехъ листовъ. Вотъ бы начать разработку съ этихъ лѣтописей. Ник. Ев. Писаревъ сказывалъ мнѣ, что ихъ Кіевская Коммиссія имѣеть нѣсколько списковъ Литовскихъ лѣтописей. Но вотъ бѣда: не будь Писарева и Бибикова въ Кіевѣ—Коммиссія превратится на вѣки. Прощайте до свиданія. Вашъ преданный слуга Сахаровъ.

Изъ письма Бодянскаго отъ 1 марта 1847 г.

...За исчисленіе списковъ Амартола благодарю искренно васъ, хотя только Волоколамскій былъ мнѣ новостью; но за что особенно признателенъ вамъ въ этомъ, такъ это за вѣсть о находженіи Костромскаго и другихъ нѣкоторыхъ списковъ въ Археографической Коммиссіи. Представьте себѣ, что мнѣ отвѣчаютъ хозяева, что такой рукописи у нихъ нѣтъ и никогда не было. Вотъ я и ну ихъ, по вашему указанію, вразумлять, что-де была и тамъ-то можете ее получить. Что-то изъ этого будетъ! Но зачѣмъ Коммиссія держитъ ихъ у себя, когда, напримѣръ, въ Синодальную бібліотеку и еще кой-куда воротила уже? Непонятно! Что до болгарской и сербской редакціи перевода Амартола, то это, вѣдь, не мое мнѣніе, а князя М. А. Оболенскаго на сужденіе коего въ этомъ случаѣ, вы знаете, сколько можно полагаться. Я его мнѣнія, по своимъ срочнымъ работамъ, не могъ по сю пору повѣрить, и не прежде повѣрю, какъ на вакаціи; а до того только собираю къ себѣ списки Амартола. Тогда лишь будетъ конечный судъ и расправа!

Объ изслѣдованіяхъ о Константиѣ прошу поспорить съ самими изслѣдователями: мнѣ теперь не до нихъ. Пускай Кіевъ перепечаты-

*) Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго и междуусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по смерти его, доведена продолжателями до 1734 г. Предисловіе П. Кулѣша и О. Бодянскаго въ „Чтеніяхъ“ за 1846 г. А. Т.

ваетъ не только Лѣтопись Самовидца, но хотъ каждый нашъ № „Чтеній“. Это его занятія подбирать крупнцы, коли нѣтъ ломтей. Доселѣ я былъ противнаго мнѣнія о немъ. Вѣдь списокъ-то, по которому они собираются перепечатать, служилъ и намъ оригиналомъ? Пускай, пускай!... О. Бодянский.

7.

Письмо Сахарова, Спб. 27 апрѣля 1847 г.

Почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ! Благодарю васъ за изданіе Псковской повѣсти *). Лучше, умнѣе, красивѣе и милѣе я бы самъ не издалъ. Да поможетъ вамъ Господь Богъ въ вашихъ быстро летучихъ дѣлахъ.

Кстати: Списокъ со спорнаго пренія Максима Грека съ Даниломъ есть въ библ. Акад. Наукъ; о немъ зрите: Жур. Мин. Нар. Просв. 1835 г., № IX, стр. 117—118. Акты собран. Археогр. Эксп., т. I, прим. 57. Поэтому вы легко въ примѣчаніи къ слѣдующей 8 или 9 книжкѣ „Чтеній“ можете исправить вашу ошибку: списокъ съ суднаго списка одинъ только и есть (стр. VIII). Это для того нужно, что кн. Оболенскій доставилъ копію съ Погодинскаго списка въ Археогр. Коммиссію, гдѣ онъ будетъ напечатанъ. Благодарю васъ за присылку оттисковъ Исторіи Запорожцевъ **). За что толикая благодать отъ вашихъ трудовъ.

Какъ вы скажете: не прислать ли къ вамъ „Соборное дѣланіе“, доселѣ не оглашенное, — на Антонія Поссевина, гдѣ проу ведетъ самъ Грозный Іоаннъ?

Амартола 2 списка снаряжаются къ вамъ и Богомилы ѣдутъ. Я ожидалъ, что Срезневскій изучитъ ихъ и вотъ 2 мѣсяца за недосугами ему некогда. Вотъ наша жизнь: жди и послѣ не выждешь ничего.

Полную и старую болгарскую редакцію Амартола вы найдете въ моемъ только спискѣ, а потому и дождитесь въ копированіи текста.

Прощайте. Благодарю васъ за ваши хлопоты. Сибирская лѣтопись Саввы Есипова *никогда не была издана* ***). Спасскій издалъ

*) Повѣсть о происхожденіи Литовскаго короля Степана на великій градъ Псковъ, съ предисловіемъ О. Бодянскаго; „Чтенія“, кн. 7 (II) 1847 г.

***) Исторія о казакахъ Запорожскихъ, съ предисловіемъ О. Бодянскаго, „Чтенія“, 1847 года, кн. 6.

***) Сибирская лѣтопись Есипова не напечатана и по сіе время. Мы преготовляемъ ее къ печатанію по превосходному списку XVII в., намъ принадлежащему. Рукопись пріобрѣтена нами отъ одного холмогорца и едва ли не принадлежала архіепископу холмогорскому и вожскому Аванасію († 1702 г.).

лѣтопись Сибирскую, только не Саввы. Тутъ уже фантазія Спасскаго. В. покорный слуга Сахаровъ.

—
Изъ письма Бодянскаго отъ 1 мая 1847 г.

...„Преніе Даниіла съ Максимомъ вовсе не одно и то же съ „Соборнымъ опредѣленіемъ на старца Вассіана“, находящимся въ Академіи Наукъ и открытымъ г. Берединокорымъ. Оно теперь у меня въ рукахъ и можетъ быть..., но, зачѣмъ загадывать впередъ? Самы послѣ узнаете въ своемъ промахѣ, когда случите тотъ и другой по типографскому станку...“. О. Бодянской.

8.

Письмо Сахарова отъ 2 ноября 1847. СПб.

Почтеннѣйшій О. М. Рекомендую вамъ Николая Васильевича Закревскаго, родомъ кіевлянина, бывшаго доселѣ учителемъ Ревельской Гимназіи *). Онъ человекъ ученый, нѣсколько лѣтъ занимался для исторіи Кіева. Что вы думаете-ли издавать Святославовъ Синодальный списокъ? Я же теперь списываю Эрмитажный Святославовъ Сборникъ и на дняхъ пришлю къ вамъ пробный печатный листъ. Хочу печатать графически буква въ букву, какъ Остромирово Евангеліе и тѣми же буквами; онъ очень замѣчательнъ и не хуже Остромирова Евангелія. Не знаю, за что его заподозрили старики? Изъ пробнаго листа вы увидите, что онъ много заключаетъ важнаго.

Писанъ онъ по 13 строкъ на страницѣ и состоитъ изъ 3 частей. То, что считали въ немъ подозрительнымъ, именно послѣдній листъ, то онъ возобновленъ орѣшковымъ настоемъ, какъ и многія другія мѣста въ немъ. Пергаменъ такъ сухъ, что листы ломаются при до-трогиваніи. Вотъ вамъ первыя три строки:

Добро ксть братнѣ почкстанъ
къ книжьнокъ пачкѣ всь
комуу хрьстыяноу

Желаю успѣха въ вашихъ работахъ. Вашъ покорный слуга Сахаровъ.

*) Закревскій потомъ напечаталъ въ Чтеніяхъ: а) Лѣтопись и описаніе города Кіева, 1858 г., кн. 2; б) Лампада Царя Бориса Теодоровича Годунова въ Ревелѣ (со снимкомъ), 1861 г. кн. 2; в) Арсеній Мацѣевичъ, бывший митрополитъ ростовскій, 1862 г., кн. 2.

Изъ письма Бодянскаго отъ 14 декабря 1847 г.

„Какъ же вы сомнѣваетесь въ изданіи мной Святославова Изборника (который теперь открывається Симеоновымъ)? Замедлился онъ не по охотѣ моей, но потому что я подбиралъ къ нему необходимыя приложенія, а главное „Греческій текстъ“, съ котораго онъ переведенъ въ Булгаріи и который хранится въ Парижской Королевской Библиотекѣ. Теперь онъ въ моихъ рукахъ, къ тому еще два списка Славянскаго перевода, пергаменный и бумажный, очень важныя. Непремѣнно онъ будетъ издавъ, какъ только Богу угодно благословить, и издавъ въ непродолжительномъ времени. Я не люблю отълаживать въ долгій ящикъ; что сдѣлано, того ужъ не дѣлать, а сдѣлано, какъ лучше знали и смогли на ту пору. Лучшіе лучше сдѣлаютъ: имъ и книги въ руку. Радуюсь отъ всей души предпріятію вашему издать Эрмитажный Святославовъ Изборникъ графически.

Пришлите, пожалуйста, хоть одинъ первый выравочный листъ; я его плохо знаю.

Что же это вы совсѣмъ забыли о Козьмѣ?

О перемѣнахъ по университету нашему вы уже изъ газетъ знаете. Да, переворотъ крутой, и многіе уже пошатнулись, а другіе даже падоша ницъ. Теперь у насъ все кипитъ и бродитъ: что-то будетъ! Общество стоитъ невредимо. О. Бодянскій.

9.

Письмо Сахарова отъ 20 декабря 1847 г. Спб.

Благодарю васъ, почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ, за напечатаніе „Соборовъ“ *). Вы меня несказанно обрадовали. Теперь совѣтую вамъ вытребовать изъ библи. Волоколамскаго монастыря рук. № 404, въ 4, на 120 л.—Соборъ на дьяка Висковатаго, рук. не полная и отъ сырости сгнившая, особенно въ концѣ. Съ тяжелою почтою посылаю вамъ еще „Соборъ на Діонисія“, рук. весьма замѣчат. Печатайте во славу Божію. Теперь поговорю съ вами о сурьезномъ дѣлѣ. Доселѣ вашему Обществу недоставало политической народной стороны. Акад. Наукъ, ничего для Россіи не дѣлающая, взяла надъ всѣмъ верхъ и судить и рядить. Историческому Обществу надобно дать *судъ* и *рядъ*. Эта мысль мучитъ меня долго и наконецъ, по милости Божіей, ладится и идетъ входъ. Я уговорилъ восемь человекъ пожертвовать на *премію*

*) Московскіе Соборы на Еретиковъ XVI вѣка въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго, съ пред. Бодянскаго. Чтенія 3 кн. 1847 г.

деньги въ распоряженіе Общества. Черезъ это Общество взойдетъ во всеобщую извѣстность въ литературѣ. У него будетъ свой судъ и рядъ. Теперь отъ васъ зависитъ осуществить это дѣло. Будь кто другой секретарь—я бы не подумалъ. На васъ вся моя надежда и вамъ ввѣряю свою думу. Люди, жертвующіе деньги на преміи,—купцы. Пускай они мечтають о славѣ. Главное: или нужно получить званіе Члена и дипломъ на Членство имъ дороже всего. Съ другой стороны имѣю въ виду еще важное: купцамъ—входъ въ Общество долженъ быть не за пожертвованіе книгами вздорными безъ начала и конца,—а за существенное и важное капиталное. Люди, представляемые мною съ преміями, да будутъ указателемъ для всѣхъ купцовъ, на что они созданы. У нихъ весьма важно начало. Куда пойдетъ одинъ, туда пойдутъ и всѣ. Пускай начинаютъ Питерскіе, а за ними, Богъ дастъ, пойдутъ и Москвичи. Не думаю, чтобы моя мысль показалась вамъ странною. Въ ней я вижу славу Общества и это меня утѣшаетъ.

Скажу вамъ, что я болѣе мѣсяца возился съ купцами. И изъ чего-же? Кому первому подписать проектъ. У всѣхъ оторопь въ глаза. Потомъ у нихъ другая странность: захочетъ-ли Общество выслушать ихъ и принять къ дѣлу? Наконецъ: одинъ хочетъ взять такой предметъ, другой свой выдумываетъ. Съ этою почтою высылается проектъ купца Яковлева; человекъ богатой и я ему навязываю еще вторую премію. Но онъ дожидается, какъ приметъ Общество его первое предложеніе. Вотъ какіе предметы предлагаются на преміи:

1) *О ученыхъ братствахъ* Литвы, Малороссіи и Москвы. Взялъ Яковлевъ и который посылаетъ вамъ денегъ за премію 500 р. с.

2) *О Макарьевскихъ Миняяхъ Четъихъ*. Денегъ за премію 400 р. с. Это надобно рѣшить Членамъ. Потому что частному человеку негдѣ достать рукописей. Общество можетъ вытребовать рукописи и повѣрить ихъ Члену.

3) *О прологахъ*. Денегъ за премію 400 р. с. и это должно пасть на когонибудь изъ Членовъ, потому что нужны рукописи. Вотъ работа для А. М. Кубарева: выбирай любой.

При этихъ проектахъ я имѣлъ въ виду: А. М. Кубарева, В. М. Ундольскаго, А. В. Горскаго и Казанскаго—изъ Московской Академіи бакалавра.

4) *О патерикахъ* Скитскомъ, Іерусалимскомъ и проч. Премія 400 р. с.

5) *О Степенной Книгѣ*. Премія 400 р. с.

6) *Исторія иконописанія въ Россіи*. Премія 500 р. с.

7) *Обозрѣніе монастырскаго права въ Россіи.* Премія въ 500 р. с. Съ этимъ я мѣтилъ на Калачова. Кажется онъ можетъ это сдѣлать.

8) *Изслѣдованіе русскихъ церковныхъ Соборовъ.* Премія 700 р. с.

О послѣднихъ четырехъ преміяхъ увѣдомлю васъ послѣ, когда кончу переговоры съ ними. Пускай Общество будетъ имѣть въ одинъ годъ 12 премій на 5000 р. с. Это будетъ важнѣе Академическихъ премій.

Теперь прошу васъ въ Обществѣ поддержать меня, не отказать мнѣ въ Членствѣ. Народъ богатый—честолюбивъ, за то только и бросаетъ деньги. Имъ ученость не нужна. Главное—похвальба. Сначала вытасчимъ деньги отъ купцовъ, а потомъ возьмемъ отъ нихъ книги, но уже цѣльныя и стоящія, а не влочки съ толкучаго рынка. Мои купцы—всѣ бібліофилы и нумизматы. Такъ выберемъ отъ нихъ книги и монеты, какихъ въ Обществѣ нѣтъ.

Что касается до меня самого, то я не берусь ни за одну премію. Пускай воспользуются этимъ другіе. Надобно дать всѣмъ просторъ. Съ меня будетъ того, что начато; и счастливъ бы былъ я, еслибъ Господь привелъ кончить свое начатое.

Вы меня удивили, что Святославовъ сборникъ есть *Симеоновскій*. Что это такое? Увѣдомьте поскорѣе.

Посылаю вамъ листокъ пробный моего изданія — Святославова сборника. Эрмитажный сборникъ не весь, много растеряно и спитъ чортъ знаетъ какъ.

Отъ времени многіе листы полиняли и какой то молодецъ вздумалъ ихъ перевозстановить орѣшковымъ настоемъ. Многихъ это навело на сомнѣніе и клеветы. Писанъ по 13 строкъ на страницѣ; цифры на поляхъ указываютъ страницы.

О перемѣнахъ вашихъ въ Университетѣ я зналъ еще въ августѣ и тогда написалъ къ А. М. Кубареву. Не дивитесь быстротѣ, она придумана давно и только вскрылась вдругъ.

Посылаю вамъ и Козьму *); работайте во славу. Срезневскій будетъ еще читать Славянство въ Педагог. Институтѣ. Тамъ же самъ Давыдовъ будетъ читать Русскую Словесность.

Жаль А. М. Кубарева. Что съ нимъ дѣлается. Думаю, что онъ съ горя скучаетъ, ничѣмъ незанятъ. Пускай онъ беретъ на премію работу, да исцѣлится отъ скуки. Увѣдомьте меня, что вы будете ли

*) Козьмы Болгарскаго пресвитера рукопись.

печатать „*Похвальное слово Владимиру и Ольгѣ, соч. Иакова Мниха*“. Изъ отчетовъ Общества видѣлъ, что вамъ прислалъ статью *Погодинъ*, но не знаю: объ одномъ ли Иаковѣ или всѣ его сочиненія: слова Владимиру, Ольгѣ, Борису и Глѣбу? Не люблю сходиться съ людьми въ одномъ и томъ-же дѣлѣ.

За симъ желаю вамъ успѣховъ и славы.

„Чтенія“ васъ поставили высоко и далеко. Дай вамъ Богъ главнаго—здоровья. Повторяю еще: прошу принять препровождаемые проекты подъ свою крѣпкую защиту. Удовлетворите честолюбцевъ Членствомъ. Преданный вамъ слуга Сахаровъ.

—
Письмо Бодянского отъ 30 декабря, 1847 года.

Предложеніе ваше пришло за пять дней до засѣданія въ Обществѣ Исторіи и Древностей; но представить его я не спѣшилъ, не списавшись прежде съ вами. Обсуждая со всѣхъ сторонъ мѣры ваши, которыми вы думаете поднять Общество и доставить ему то мѣсто, какое не по праву занимаетъ теперь Академія въ литературѣ,—я не вижу возможности осуществленія ихъ. Не преміи доставляютъ мѣсто и вѣсъ въ литературѣ, и Академія, хоть и раздастъ ихъ (изъ чужого кармана), однакоже не пользуется, сколько я знаю, никакимъ особеннымъ авторитетомъ у насъ, и сужденія ея не потому не оспариваются, что они академическія, но совсѣмъ по другимъ причинамъ, точно какъ не оспариваются сужденія ея и не по поводу премій. Обществу отъ объявленія этихъ премій столько же прибудетъ, сколько прибыло уже отъ объявленія одной изъ нихъ, годъ тому назадъ, т. е. 1000 р. за написаніе „Исторіи градоуправленія Москвы“ покойнымъ княземъ Д. В. Голицынымъ. Насъ же осмѣяли, если не печатно, такъ устно, всѣ тѣ, кто провидѣлъ немножко въ даль, и чуялъ къ чему всѣ эти шутки ведутъ. Развѣ можно за такую плѣвую награду писать подобныя сочиненія? А Обществу что проба отъ того, что оно объявляетъ несбыточныя преміи, хотѣлъ сказать—задачи, потому что премія ни сотою доли не вознаграждаетъ трудившагося? Изъ чести въ наше время немногіе трудятся, и коли ужъ трудятся, такъ рѣшительно изъ-за одной ея, безъ малѣйшей примѣси матеріализма. И по-дѣломъ! Братъ, такъ братъ по достоинству и дѣяности, а не братъ—нечего и рукъ марать, да и другихъ вводитъ во искушеніе и соблазнъ. Представьте себѣ, что Общество наше приняло ваше предложеніе, задачи объявлены: скажу вамъ впередъ, что всякій, кто сколько нибудь смыслить, расхохочется, слыша, какъ сулятъ награду русскіе миллионщики купцы 700 р. с. за „Исслѣдованіе русскихъ церковныхъ Собо-

ровъ“, или за „Исторію иконописанія въ Россіи“ 500 р. с. и т. п. Есть-ли тутъ какая либо соразмѣрность въ наградѣ и трудѣ? Какой дуракъ рискнетъ трудиться изъ-за такой суммы? Говорю не о двухъ этихъ только задачахъ, но и о всѣхъ 8-ми, предлагаемыхъ вами отъ лица вашихъ Питерскихъ Крезовъ; всѣ они хотятъ получить сочиненія за такія деньги, которыхъ мало не то что для напечатанія, а для переписки сочиненнаго, потому что каждая задача сама по себѣ чрезвычайна обширна и требуетъ огромныхъ розысканій, времени, труда и самага объема.

Я вполне убѣжденъ, что никто изъ нашихъ Членовъ не вызовется писать ни на одну (это я знаю уже изъ разговоровъ съ нѣкоторыми изъ нихъ), предложенную Обществомъ задачу, а не вызвавшись—къ чему, спрошу, намъ деньги за то, что по самой природѣ уже не осуществимо? Къ тому, чтобы они вѣчно, подобно деньгамъ Голицынскимъ, лежали въ ломбардѣ безъ всякаго употребленія, копили бы проценты, а прока Обществу отъ того никогда не дожидаться? Это мертвый капиталъ, это то же, что Общество и не имѣетъ его, этимъ ему никакой нѣтъ ни помощи, ни спорости; напротивъ, оно, объявляя задачи и преміи за нихъ, рискуетъ своимъ, какое оно ни есть теперь, добрымъ именемъ; оно какъ было *ничимъ*, такъ и останется и при этихъ преміяхъ! Единственно въ выигрышѣ тутъ Крезы ваши, которые за пустяки эти получаютъ дипломы. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, не это доставитъ Обществу нашему славу, вѣсь, значеніе и под. тому; не это приурочитъ ему судъ и рядъ въ литературѣ; не этимъ соперничать намъ съ Академіей, и безъ Демидова была Академія и будетъ. Ужъ если на то пошло, если вашимъ богачамъ нужны наши дипломы, такъ будемъ искренни. Имъ деньги ничто, давайте ихъ сюда, но не какія либо 700 р. с. (самая большая сумма въ вашихъ преміяхъ), что для вашихъ Ротшильдовъ то же, что для меня голаго 700 денежекъ; а не угодно ли, если хотятъ и щегольнуть и сдѣлать доброе дѣло, прибавить сюда еще одинъ нуль хоть на ассигнаціи, и тогда каждый изъ нихъ получить титуло *Соревнователя*; а кто пожертвуетъ 3000 р. с. благотворителя; удвоить—выставится въ залѣ за сѣданія Общества и личина его съ приличною подписью. Вотъ такса для вашихъ честолюбцевъ; коли имъ, дѣйствительно, по вашимъ словамъ, дипломъ на членство дороже всего, добро пожаловать съ раскрытою мошной, но меньше—ни гроша, больше—пожалуй: имъ же больше безсмертія, а намъ, т. е. нашему Обществу выгоды. Согласенъ, что входъ въ Общество для подобной братіи долженъ быть только чрезъ подобныя приношенія, а не какія либо лоскутки и об-

рывышы съ толкучаго рынка; потому и уставляется, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ, отнынѣ: для купца, желающаго быть Членомъ Общества, двери въ него откываются только значительнымъ денежнымъ пожертвованіемъ, ни въ какомъ случаѣ не менѣе означенной выше суммы. Дорого? Не набиваемся никому: вольному воля: кто сможетъ, тотъ несетъ. Не будетъ охотниковъ? Имъ же хуже! Общество не ими держалось и держится; а если хотятъ содержать его они, то не преміями и приношеніями, хотя бы и въ 700 р. с. Купцы мнѣ насолили *до еле*: и тутъ думаютъ видѣть своего божка и нельзя ли какъ подешевле... Надобно однажды навсегда имъ показать, что это не рынокъ. Хотятъ? Столько то безъ торгу. Не хотятъ? Туда имъ и дорога! Что прока Обществу, спрошу, отъ тѣхъ изъ нихъ, что попали въ него разными путями? Сидятъ, да чванятся дипломами Соревнователей и Благотворителей, а соревнованія и благотворенія ни на полушку. Давно ужъ я собираюсь привести въ отношеніи къ нимъ одинъ § устава и, дастъ Богъ, приведу: пускай ихъ предають меня анаемѣ и всѣмъ силамъ чернымъ! Скажутъ: да и другіе то члены не лучше купчиковъ. Неправда, какъ сословіе—въ милліонъ разъ лучше. Кѣмъ же Общество и высится и красуется, теперь, какъ не этими членами не-купцами? Правда, и между ними больше недѣятельныхъ; но все же есть и дѣятельные, и эти дѣятельные такъ дѣлають, что и любо глядѣть; а купчики развѣ что дѣлають въ Обществѣ? Не говорю головой: они не на то призваны и требовать отъ нихъ головы было бы смѣшно; но карманомъ, матеріально вообще. Разъ въ жизни сдѣлавъ, при поступленіи, навсегда замолчали. Развѣ это цѣль ихъ избранія въ Члены? Нѣтъ, повторяю, отнынѣ купецъ и подобные ему, коли хотятъ чваниться нашими дипломами, просимъ по такѣ получать ихъ, а не прелазити инуду. Обществу нужны, при теперешнемъ его положеніи, деньги, деньги и деньги: это первое и послѣднее его желаніе и потребность. Оно нынѣ едва, едва сводитъ концы съ концами, и въ долгу, какъ въ шолку, за прошедшіе годы по 1845 г. Такова была экономія въ блаженныя времена Писаревыхъ съ братьей и послѣдователями. Славы для Общества будетъ и той, что нажило себѣ въ свою долговременную жизнь, а что наживется къ тому—ему же въ прокъ. Судьей литературнымъ оно не желаетъ и не смѣетъ быть по своему уставу и, главное, по невозможности, при всѣхъ неимовѣрныхъ напряженіяхъ съ его стороны: это не 20-е годы. Академія ему не образецъ и не соперникъ: тамъ совсѣмъ иная жизнь, цѣль, условія бытія и дѣйствія. Преміи не спасутъ его отъ безславія, коли у него нѣтъ славы и не доставятъ ея, хоть бы удвоены и

утроены были. Премія—роскошь, прихоть богача, а Общество—гулай душа безъ кунтуша! Это нищій, который живетъ благостыней свыше, которой, однако, чуть хватаетъ прикрывать свое грѣшное тѣло. Одѣньте его въ парчу и шелкъ, да тогда, пожалуй, навяжите ему и роль Демидова. О, тогда иное дѣло! Почему же и не поблагодѣтельствовать отъ тука и сотъ нашей братіи, челяди? Впрочемъ, если вамъ непременно хочется, чтобы ваше предложеніе было прочитано въ засѣданіи Общества, — пожалуй; но за успѣхъ его я не ручаюсь, а почему — кажется довольно наговорилъ вамъ доселѣ. Пора уже обратиться къ другому; но о другомъ на другомъ листикѣ. Тутъ прибавлю еще въ заключеніе мое послѣднее слово: купцы ваши честолюбцы, богачи, патріоты, любятъ похвальбу, пусть же докажутъ это теперь на самомъ дѣлѣ, но не пустяками, а чѣмъ нибудь, по вашему выраженію, капитальнымъ; не преміями, которыя слишкомъ ничтожны, дешевле, относительно, грибовъ,—но путемъ, указаннымъ мною выше. Аминь!

Изборникъ Святославовъ потому Симеоновъ, что на экземплярѣ, недавно открытомъ и теперь въ моихъ рукахъ, въ извѣстномъ предисловіи, вмѣсто Святославъ читаемъ „царь Симеонъ“ болгарскій. Русскій переписчикъ измѣнилъ не только слова и выраженія древнеболгарскія, но также и самыя собственныя имена мѣнялъ одни на другія, соображаясь съ обстоятельствами. Отъ того очень неудачно поставленъ имъ Святославъ нашъ, приказавшій списать ему болгарскій Изборникъ, вмѣсто Симеонъ, главный виновникъ перевода этой энциклопедіи того вѣка въ Греціи. Открытіе новаго списка, на бумагахъ, сдѣлано Шевыревымъ, о чемъ вскорѣ сами прочтете либо въ „Чтеніяхъ“, либо въ „Москвитяинѣ“. Вашъ Эрмитажный Сборникъ (Изборникъ!), судя по пробному листику, присланному вами, тоже сокровище, но совсѣмъ въ другомъ родѣ. По языку онъ далеко-далеко ниже Остромирова Евангелія: это памятникъ эпохи переходной. Но во всякомъ случаѣ изданіемъ вы окажете намъ величайшую услугу. За Козьму благодарю отъ души, хотя по сю пору не получилъ еще его. Похвальное слово Владиміру, житіе Бориса и Глѣба и много другаго подобнаго почти совсѣмъ отпечатаны. Послѣдніе по тремъ чудеснѣйшимъ, одинъ другаго лучше, пергаменнымъ спискамъ. Это сокровище изъ сокровищъ, равно какъ и житіе Θεодосія того же разряда. Впрочемъ мы никому не мѣшаемъ своими изданіями; вѣрьте, никакое соперничество въ этомъ случаѣ не убьетъ насъ, напротивъ.... А. М. Кубаревъ оправляется и вланяется вамъ. О. Бодянский.

10.

Письмо Сахарова, Спб. 18 февраля 1848 года.

Почтеннѣйшій Осипъ Максимовичъ!

Болѣзнь моя надолго уложила меня въ постель и долго заставила молчать. Но отвѣчаю на ваше письмо. Купцы не соглашаются иначе поступить и отдають свои деньги въ Географическое Общество. Вотъ все, что могу вамъ отвѣчать. Прошу васъ возвратить мнѣ проектъ и предложеніе мое. Жаль, что дѣло не исполнится, какъ предполагалось. Радуюсь вашимъ предпріятіямъ и желаю имъ скорого конца. У меня два мѣсяца отъ болѣзни пропали ни за что и долженъ былъ отказать даже отъ корректуръ. Приважите прислать мнѣ № 5 „Чтеній“ нынѣшняго года. Я его еще не получилъ. Вашъ покорный Сахаровъ.

Письмо Бодянского, 21 февраля 1848 года.

Туда имъ и дорога, этимъ русскимъ патриотамъ! Въ Географическомъ Обществѣ найдутъ они себѣ больше простора, для своего патриотизма больше цѣнителей. Мы, можетъ быть, слишкомъ строги, или слишкомъ невнимательны. Что дѣлать! Иначе быть не можетъ. О. Бодянскій.

II.

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

С К А З А Н І Е

о

ПОСТРОЕНИИ ОБЫДЕННАГО ХРАМА

ВЪ ВОЛОГДѢ

„ВО ИЗБАВЛЕНІЕ ОТЪ СМЕРТНОСНЫЯ ЯЗВЫ“.

Печатано подъ наблюдениемъ Дѣйствительнаго Члена С. А. Бѣлокурова.

Годъ тому назадъ, когда Москва готовилась къ празднованію пятисотлѣтія со дня кончины преп. Сергія игумена Радонежскаго, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 254, сентября 13 д.) появилась подъ заглавіемъ «Храмъ св. Троицы при Румянцевскомъ Музеѣ» статья, авторъ которой (Сергій ***) предлагалъ возсоздать, въ единеніе съ музейскимъ храмомъ во имя двухъ великихъ чтителей Тріединого Бога свят. Николая чудотворца и преп. Сергія, малый деревянный храмъ св. Троицы, точное по возможности подобіе перваго Сергіева храма Троицы; авторъ высказывалъ при этомъ пожеланіе, чтобы въ постройкѣ храма приняли участіе всѣ своимъ личнымъ трудомъ: священно-служитель—молитвой, ученый зодчій—археологич. трудомъ и строеніемъ, живописецъ—кистью, владѣлецъ лѣса—матеріаломъ, рабочій—своимъ трудомъ, а самый храмъ былъ бы обыденнымъ, былъ бы построенъ въ одинъ день, по примѣру древней Руси.—Мысль эта была весьма сочувственно встрѣчена (см. Московскія Вѣдомости отъ 17 сентября, № 258, ст. «Письмо къ издателю» Владимира *** и Русское Обозрѣніе за 1892 г., августъ, стр. 758) и на постройку храма стали стекаться пожертвованія; но вскорѣ же она встрѣтила и неожиданное препятствіе. «Въ виду того, что вышеозначенная благая мысль еще не получила оффиціального утвержденія, сочтено было долгомъ заявить, что всякія пожертвованія пока преждевременны и не могутъ быть принимаемы ни редакціей газеты, ни управленіемъ Румянцевскаго Музея». (См. тѣ же Вѣдомости отъ 23 сентября, № 264). «Оффиціального утвержденія» и доселѣ еще не послѣдовало и мысль о постройкѣ обыденнаго храма, по образцу Сергіева храма св. Троицы, остается доселѣ, т. е. ко второй по 500-лѣтію годовщинѣ

его памяти, не выполненной... Желаніе напомнить какъ объ этомъ неисполненномъ предположеніи, такъ и вообще о томъ, какъ исполнялось въ древней Руси построеніе обыденныхъ церквей и побудило издать одно изъ доселѣ извѣстныхъ сказаній о постройкѣ обыденныхъ храмовъ, именно сказаніе о постройкѣ храма во имя Всемиловитаго Спаса, въ 1654 году въ Вологдѣ «во избавленіе отъ смертоносныхъ язвы» («моровой чумы»¹⁾). Самому сказанію предпосылается небольшое сообщеніе о томъ: откуда и отъ кого пошелъ этотъ обычай и какое мѣсто занимало построеніе обыденныхъ храмовъ по отношенію къ другимъ благочестивымъ обычаямъ древней Руси, какъ-то частнымъ и общественнымъ моленіямъ или крестнымъ ходамъ.

Данныя прежняго времени приводятъ насъ къ убѣжденію, что юбилейное празднованіе въ видѣ крестнаго хода для своей полноты и для своего же увѣковѣченія должно быть завершаемо построеніемъ обыденнаго храма, если конечно мы хотимъ быть вѣрны преданію, неизмѣнно вѣрны тѣмъ, кого поминаемъ, ибо поминовеніе отъ всей души, всею мыслию и сердцемъ, въ чемъ заключается вѣрность, можетъ проявиться только въ созиданіи храма, въ коемъ соединяется пока все, для чего требуется умъ и искусство человѣческое. Память всероссійскаго чудотворца должна бы быть отпразднована всею Россіею трудомъ построенія храмовъ живоначальной Троицы во всѣхъ городахъ и селахъ, и въ послѣднихъ въ особенности. Эти храмы Пр. Троицы, хотя бы не обыденные, но при *всеобщемъ участіи* созидаемые, будучи такимъ образомъ плодомъ труда, труда умственнаго и физическаго, плодомъ знанія и искусства всей Россіи,—могутъ и должны служить школами, а вмѣстѣ хранилищемъ и старинныхъ иконъ, утвари, вышед-

¹⁾ Содержаніе этого сказанія изложено въ Описаніи Спасообыденной всеградской, что въ Вологдѣ, церкви, сост. Н. Суворовымъ. См. Вологодскія епарх. вѣдомости за 1879 г. № 16 и 17. — Мнѣ извѣстно еще сказаніе о построеніи обыденнаго храма въ Ярославлѣ, напечатанное въ Описаніи Ярославскаго Спасо—Пробойнскаго обыденнаго храма, составленномъ свящ. Іоанномъ Соловьевымъ (Ярославль, 1869 г., стр. 85—86 и 167—183).

шей изъ употребленія, и вообще музеемъ, не пренебрегающимъ, по примѣру древней Руси, и памятниками свѣтскаго происхожденія. При такомъ празднованіи храмы-школы, которые въ настоящее время сооружаются кой-гдѣ²⁾, были бы построены вездѣ, во всей Россіи, благодаря преп. Сергію, что было бы новымъ посмертнымъ его чудомъ.

Чудо не совершилось по нашему невѣрію, или точнѣе по нашей невѣрности, измѣнивъ своимъ предкамъ, притомъ въ дѣлѣ почитанія ихъ памяти. Если бы мы при составленіи программы празднованія юбилея обратились къ исторіи, т. е. спросили своихъ предковъ: какъ нужно праздновать память великихъ подвижниковъ Русской земли, тогда наше празднованіе имѣло бы надлежащую полноту. Оно было бы не трудомъ только хожденія, а и трудомъ построенія, въ которомъ чувства, вынесенныя изъ хода, получили бы вышнее выраженіе, а не исчезли бы безслѣдно; оно было бы дѣломъ созиданія образовательнаго, народообразовательнаго храма и поучительнаго памятника (музея).

Но что не было исполнено въ пятисотлѣтнюю память смерти преп. Сергія, то можетъ быть исполнено въ 500-лѣтнюю годовщину прославленія памяти чудотворца, открытія его мощей, къ 1922 году, если починъ этому будетъ положенъ *теперь же*. День же прославленія важнѣе, священнѣе дня смерти: послѣдній относится къ первому, какъ Суббота къ Воскресенію; къ этому Воскресенію и долженъ быть исполненъ обѣтъ построенія школъ и музеевъ подъ кровомъ храмовъ живоначальной и нераздѣльной Троицы,

²⁾ Въ Старосельѣ (въ Ольжичахъ) въ память 900-лѣтія Черняговской епархіи былъ построенъ храмъ-школа; слѣдовательно празднованіе юбилеевъ построеніемъ храмовъ-школъ не есть новшество, а лишь обобщеніе того, что родилось само собою и не могло даже не родиться, будучи реакціею противъ ложнаго отдѣленія духовнаго отъ свѣтскаго, которое (т. е. отдѣленіе) есть дѣйствительно новшество, т. е. произведеніе новой исторіи, а не нашей, не древней Руси. Въ мысли, требующей соединенія школы и храма, мысли очевидно рожденной свыше, заключается цѣлая система воспитанія и обученія, которая должна замѣнять нынѣшнюю, очевидно, несостоятельную, ничего кромѣ произвола въ себѣ не заключающую.

соединяющей всѣхъ сыновъ у памятника всѣхъ умершихъ отцевъ.

Повсемѣстное же построение ихъ можетъ быть лишь плодомъ примиренія духовнаго и свѣтскаго, церковнаго и земскаго въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія, въ исполненіе обѣта, даннаго при первомъ просвѣщеніи Руси крещеніемъ. Русскій народъ крещенъ былъ, какъ извѣстно, безъ предварительнаго оглашенія или просвѣщенія, т. е. крещеніе народа совершилось на томъ же основаніи, на какомъ крестятъ дѣтей. Князь, дружина и старцы градскіе (земство) были воспріемниками народа отъ общей купели. Въ воспріемничествѣ же заключается долгъ всеобщаго обязательнаго образованія или что тоже построение повсемѣстно храмовъ просвѣщенія, долгъ, неисполненный ни къ 900-лѣтію памяти равноап. Владимира, ни къ 500-лѣтію памяти преп. Сергія, неисполненный не смотря ни на голодъ, ни на язвы, какъ естественныя слѣдствія нашей вины въ недѣятельности и розни въ дѣлѣ просвѣщенія.

Обычай строить по обѣту обыденныя (единодневныя, въ одинъ день) церкви для избавленія города или страны отъ того или другого общественнаго бѣдствія—очень древній. Первый примѣръ обѣтной церкви, а можетъ быть и обыденной³⁾, относится ко времени вел. князя Владимира, къ 996 году⁴⁾. Спасаясь отъ печенѣговъ, преслѣдовавшихъ его, великій князь принужденъ былъ скрыться подъ мостомъ и далъ обѣтъ построить церковь, въ случаѣ избавленія отъ угрожавшей ему опасности. По удаленіи печенѣговъ онъ немедленно исполнилъ свой обѣтъ: «постави церковь и створи праздникъ великій».—Главными причинами построенія обыденныхъ церквей — служили моръ и моровыя повѣтрія. По новгородскимъ лѣтописямъ можно насчитать до 8 случаевъ

³⁾ Такъ какъ обыденныя церкви строились по обѣту, данному цѣлымъ городомъ, то онѣ назывались также обѣтными и завѣтными, но не всѣ обѣтныя церкви были обыденными.

⁴⁾ См. Древности Московскаго Археологич. Общества, т. I, вып. 2-й. М. 1867 г. Археологич. Словарь, стр. 43—47. Статья графа А. С. Уварова.

построенія обыденныхъ церквей за періодъ времени съ 1390—1553 гг. въ Новгородѣ и 5 случаевъ за время съ 1407 по 1552 гг. въ Псковѣ — по случаямъ мора⁵⁾.—Но обыденныя церкви строились не въ двухъ только этихъ городахъ, но повсемѣстно. Обыденная церковь была и въ Московскомъ Кремлѣ. Вел. княгиня Софья Ѳомишишна (жена вел. князя Ивана III) «льстивою хитростью» убѣдила хана Ахмата уступить ей подъ церковь Ордынское подворье, находившееся въ Кремлѣ (противъ нынѣшняго Николаевского дворца). Въмѣсто подворья и была обыденкой построена (около 1480 г.) обѣтная деревянная церковь во имя свят. Николая (впослѣдствіи Николо-Гостунскій соборъ⁶⁾).

Первая мысль о построеніи обѣтной церкви отъ угрожающей опасности возникала или у всѣхъ жителей города или у какого-либо одного лица — духовнаго или свѣтскаго, которое сообщало свою мысль другимъ.—Существовали обыденныя (и посему — деревянныя) церкви различное время: годъ, 23, 25 и 40 лѣтъ, инныя же и болѣе 150 лѣтъ, какъ напр. церковь Происхожденія честныхъ древъ или Спаса Всемилостиваго, построенная въ Новгородѣ ок. 1424 г. и простоявшая до 1592 г., когда она была замѣнена новой — церковью преп. Маріи Египетской. Въ построеніи ихъ участвовало все народонаселеніе города: одни таскали бревна, другіе рубили, инныя исполняли прочія работы. Ночью освящали работы, чтобы не остановить ихъ; а самое освященіе церкви должно было быть совершено въ тѣже сутки. — Посвящались церкви Спасителю или Божіей Матери или святому тому или другому, причемъ не было правиломъ избирать того святого, чья память праздновалась въ самый день построенія церкви.—Иногда по случаю того или другого обще-

⁵⁾ См. *ibid.*, также Новгородскія лѣтописи изд. Археографич. Комиссіею и архим. Макарія, Археологич. описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, ч. I, стр. 16—18.

⁶⁾ См. пресвитера Г. I. Истомина, Ивановская колокольня и церкви при ней. М. 1893 г., стр. 11.

ственного бѣдствія строили сразу нѣсколько обыденныхъ церквей—двѣ, три въ одномъ и томъ же городѣ ⁷⁾).

Въ 1654 году моровая язва, опустошавшая московское государство, достигла и гор. Вологды: ходилъ ли кто или стоялъ или сидѣлъ «и тако забывся вмалѣ вскорѣ умираху»; ложившіеся вечеромъ спать «заутра мертвіи являхуся». Умиравшихъ было такъ много, что священники едва успѣвали погребать ихъ. «На сердце гражданомъ взыде еже создати олтарь имени Господню», создать его днемъ и ночью неотступно, «во еже бы Господь Богъ утолилъ праведный Свой гнѣвъ и помиловалъ люди своя отъ смертоносныя язвы». По назначеніи заранѣе дня и по полученіи благословенія отъ архіеп. вологодскаго Маркелла, 18 октября вечеромъ въ первомъ часу ночи совершена была закладка храма. Въ постройкѣ его приняло участіе «множество народа: ови дровіе унотребляху и назидлаху, инни на основаніе полагаху, а инни изъ разныхъ мѣстъ дровіе везяху: не быше бо тогда на сооруженіе храма въ готовности ничтоже, но все изъ разныхъ мѣстъ приносахуся; а инни мнози ради ноцнаго мрака береста зажигаху и въ рукахъ своихъ на древесѣхъ ношаху». «На утрешній день» храмъ былъ готовъ, «точію стѣнъ не отесаху; послѣди же вскорѣ исправиша и ко уготовленію освященія съ великимъ тѣпаніемъ изготовиша», причемъ образа были взяты изъ другихъ церквей. Тотчасъ же было совершено освященіе храма, и къ вечеру отслужена первая литургія. «И умилостивися благутробный Господь, измѣни смерть на животъ: преста бо отъ того дни въ людехъ смертоносная язва»... Мѣстный лѣтописецъ такъ занесъ о семъ въ свои записи: «лѣта 7163 октября 18 дня, належашу мору, на память св. апостола и евангелиста Луки, поставили единоедневный храмъ во имя Всемилостиваго Спаса Смоленскаго на Вологдѣ, на старой площади, начали рубить противъ 18 числа въ 6 часу ночи, а клали свѣточи и зажигаги скалы на батогахъ, свѣтили

⁷⁾ См. отмѣченную выше статью гр. А. С. Уварова объ обыденныхъ церквяхъ въ Древностяхъ.

свѣтло, а срубили за два часа до дни; а святить начали въ 5 часу дни. И видѣ Господь въру и моленіе рабовъ своихъ и покаяніе слезное о своихъ согрѣшеніяхъ, той великій гнѣвъ Свой на милость преложи и моровую язву утоли: и отъ того дне моръ на Вологдѣ преста». (См. Описаніе Вологодскаго Спасокаменскаго Духова монастыря, сост. П. Савваитовымъ. Спб. 1860 г. стр. 47).

Въ увѣковѣченіе памяти объ этомъ чудесномъ событіи вологжане постановили ежегодно праздновать этотъ день. За недѣлю до 18 октября доселѣ между гражданами соблюдается постъ, а наканунѣ послѣ всенощнаго бдѣнія вся ночь проводится ими безъ сна въ обыденной церкви, въ которой и читается печатаемое вслѣдъ за симъ сказаніе. (См. Москвитянинъ за 1842 г. № 4, стр. 547—554, сообщеніе П. Савваитова).

Списковъ его намъ извѣстно два: одинъ, хранящійся въ библіотекѣ означенной Вологодской обыденной церкви, по которому оно и напечатано здѣсь, и другой—недавно поступившій въ библіотеку Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Первый списокъ—отрывокъ какого-то сборника, въ 4-ку, XIX вѣка (на бумагѣ 1810 годъ), именно листы 41—59. Листъ 41-й содержитъ конецъ чина малаго освященія воды, именно слѣдующія слова молитвы: «...всякаго врага и супостата, умири нашу жизнь, Господи, помилуй насъ и міръ твой и спаси души наша, яко благъ и челоувѣколюбець». Внизу этихъ словъ перомъ нарисована водосвятная чаша, а по бокамъ ея крестъ и евангеліе. Вверху страницъ: «сказаніе о моровой язвѣ». На оборотѣ 59-го листа ничего не написано. Рукопись переплета не имѣетъ, и въ очень недавнее время была оклеена бѣлымъ листомъ писчей бумаги, на которомъ надпись о содержаніи рукописи, подобная находящейся въ самой рукописи.

Другой списокъ — Архивскій, въ 4-ку, на 43 листахъ, конца XVIII в. (на бумагѣ 1790 годъ). Рукопись содержитъ: 1) службу на 18 октября (лл. 1—8); 2) канонъ Всемиловитому Спасу съ акаѳистомъ Иисусу сладчайшему (лл. 8—25);

Х

3) сказаніе (л. 26—42; недостаетъ конца) и 4) молитва ко Господу нашему Іисусу Христу (л. 42—43). Въ молитвѣ возсылаются прошенія объ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ и пр... Находящіеся въ этой рукописи по мѣстамъ разночтенія при изданіи всѣ отмѣчены.

Сентябрь 1893 г.

(Л. 41 об.) Сказаніе о милости Божіи и о созданіи храма во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа во градѣ Вологдѣ во избавленіе ¹⁾ отъ смертоносныхъ язвы.

Всякія нужды человѣческія есть виновно грѣхопаденіе наше. Егда не быше грѣхъ, не родися нужда. Не быше требѣ Адаму орати, сѣяти и жати, донелѣже не преступилъ есть заповѣди Творца своего: сама бо земля угодный плодъ свой во препитанію (л. 42) даеше Адаму; не быше нужда еже пещися о одежди или покровенія ради наготы, и срама плоти, или во украшеніе ея: чужда бо нагость всякія срамоты быше, и красота естественная довольно лѣпотнѣ сіяше, и хладни вѣтры плоти досады не творяху, вся стихія и вся тварь учрежденію ²⁾ человѣческому работаше и ни единого противство содѣлати можаше. А внигда преступити заповѣдь Господню Евы ради Адаму, и нагость срамомъ облечеша, даже требовати ей смоковнаго листвія во покровенію, и красота доброты своя лишися, и земля кромѣ трудовъ не восхотѣ даяти нужнаго препитанія Адаму, и речено бысть ему: *въ потѣ лица своего съмьси хлѣбъ твой*. Аще тако праведно бысть со Адамомъ за единое преступленіе, кольми паче скорбей (л. 42 об.) и бѣдъ и казней мы заслужихомъ безчисленнымъ умноженіемъ прегрѣшеній нашихъ? Откуда родншася въ мірѣ брани, глади и губительства? Ей, мати есть тѣхъ бѣдъ—грѣхопаденіе наше. Согрѣши бо царствующій пророкъ Богу, егда повелѣ сочасляти всего множество Израиля; и се ³⁾ вниде Гадъ к Давиду, пророкъ къ пророку, и исповѣда ему глаголя: *избери самъ себѣ быти, что хочещи: прійдутъ три лѣта гладъ на землю твою, или три мѣсяцы бѣгати предъ враги твоими и будутъ зоняще тя, или три дни смерти въ земли твоей быти. Нынѣ убо разумьн и виждь, что отвѣщаю Пославшему мя*. Разсудивъ же Давидъ, избра себѣ власти въ рудѣ Бога жива и терпѣти смерть во Израили. Но

¹⁾ Слова: „во градѣ Вологдѣ во избавленіе“ приписаны рукою XIX в. между строгъ.—²⁾ угоденію А.—³⁾ вст. абіе А.

воль люта и жестока та бяше смерть, страхъ объемлетъ (л. 43) и воспоманути, ибо отъ утра до часа обѣднаго умроша людей Господнихъ 70 тысящъ ⁴⁾!—Согрѣши Ахавъ царь и весь негли съ нимъ Израиль; и се ревнуя пророкъ Ілія по Бозѣ заключи небо на три лѣта и шесть мѣсяць: не даде росы и дождя ни мало; небо не дождитъ, а земля плодовъ не раститъ; небо затверде яко мѣдь, а земля ожестѣ яко камень; облаки росы не испускають, а злавъ земли изсыхаеть; воздухъ яснымъ ведромъ блистаеть, а нивы отъ сухости чернеють; ведро еже прежде благодать бываше, казнь всѣмъ живущимъ на земли тогда являше; плачутся люди и скоти рыдаютъ, лютая зѣло скудость человѣкомъ, якоже многимъ изчезати отъ глада. — Сія толь великія бѣды грѣхъ ради нашихъ многихъ попущены бывають. Посылаеть Богъ Судія праведный мечъ острый на (л. 43 об.) люди за умноженіе беззаконій. И за что разгнѣвася всея твари Господь—наведе потопъ на вселенную и погуби всяко животно, разве ковчегомъ спасенныхъ? За умноженіе же согрѣшеній рода человѣча, якоже и апостоль глаголетъ: *открывается бо нпвъ Божій съ небесе на всяко нечестіе и неправды человѣческія*; тако же и гласомъ Теремін пророка глаголетъ: *болезнiю и язвою накажешися, Иерусалиме*, и сего ради плачь ⁵⁾ великій излія вопіеть глаголя: *почто еще язвится, прилажающе беззаконія?* Сего ради Богъ гнѣвается и претитъ намъ, понеже презираемъ повеленія его и заповѣданія; и тако прогнѣвахомъ святаго Израилева. Тѣмъ же разумѣемъ, братіе, злобу и плетеніе ⁶⁾, тлю и погубленіе, еже пріяша и пріемлють попущеніемъ Божиимъ грѣхъ ради нашихъ, (л. 44) яко же бысть и въ роды наша.

Въ ⁷⁾ лѣто отъ созданія міра 7163 года при державѣ благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексіа Михайловича всея Россіи самодержца и при святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ московскомъ и при епископѣ ⁸⁾ Маркеллѣ вологодскомъ и великопермскомъ мѣсяца септемвриа съ 1-го числа бысть во градѣ семъ и въ весѣхъ ⁹⁾, прилежащихъ около града, попущеніемъ Божиимъ грѣхъ ради нашихъ ¹⁰⁾, смертоносная язва, еже есть моръ велій, — людіе бо умираху незапноу смертію: ходилъ ли кто, или стоялъ, или сидѣлъ, и тако забывся въ малѣ, вскорѣ умираху; а ивнии съ вечера спати ложахуся, а заутра мертви являхуся. И изо многихъ домовъ маліи и велиции вси изомроша и бяше ¹¹⁾ видѣти во градѣ на путѣхъ и въ домѣхъ мертвыя; и

⁴⁾ См. 2 кн. Царствъ, глава 24, стихи 10—16.—⁵⁾ плача насъ Ілія вопіеть А.—⁶⁾ плѣненіе А.—⁷⁾ На поляхъ: „зри“.—⁸⁾ архіепископѣ А.—⁹⁾ весѣхъ А.—¹⁰⁾ грѣхъ ради нашихъ *итгъ* А.—¹¹⁾ *вст.* вездѣ А.

священницы (л. 44 об.) едва успѣваху мертвыхъ погребати, и ничтоже взимаху: серебро бо, и злато, и драгоценныя ризы ни во чтоже бяху, и никто же бо ихъ желаше, видяху бо вси граждане предъ очима своими смерть. И бяху вси мужи и жены постыщеса, и притекающе къ церквамъ Божиимъ и съ малыми дѣтьми, молящеса Господу Богу со многими слезами о согрѣшеніихъ своихъ, чтобы утолилъ праведный Свой гнѣвъ, и помиловалъ люди Своя, и исповѣдающе грѣхи своя, и причащавшася пречистыхъ Таянъ Христовыхъ, и отходяху въ дома своя и милостыни многія творяху. Не баше бо тогда видѣти, или слышати во градѣ и въ весѣхъ татбы, и разбоя, лжи, и клеветы, гнѣва, и ярости и обиды, и всякія злобы; но баше любовь велія, якоже мощно съ Давидомъ глаголати: *благо мнѣ, яко (л. 45) смирилъ мя еси, да научуся оправданіемъ Твоимъ.* А о житейскомъ ничтоже помышляху, видяху бо вси людіе предъ очима своими смерть. И никто же бо¹²⁾ на купли упражняхуся¹³⁾, торжище бо упразднися, разве потребныхъ нужныхъ, и то малое число. Бысть же сія смертоносная язва мало по-прежде сего тогожде году и въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и во иныхъ градѣхъ, Божиимъ же милосердіемъ утолися.

Привлекаетъ бо насъ Господь нуждею, егда попускаетъ бѣды, скорби, гоненія, гладъ, губительство, огонь, мечь, болѣзни, печали, и тѣмъ¹⁴⁾ подобная, ибо и пастырь непослушливую овцу и лѣнливую бичемъ ударяетъ, тѣмъ же убо и пророкомъ Давидомъ реченное къ Богу: *бродами и уздою челюсти ихъ востыгнеши не прибл.* (л. 45 об.) *жающахся къ Тебѣ.* Сего ради слышаще сія, смиримся уже подъ крѣпкую руку Божию, да не всуе тедемъ, и страхомъ и трепетомъ и слезами и воздыханіи умолимъ милосердаго и долготерпѣливаго Бога. Ни весма бо презрѣти иматъ милосердый надѣющихся на Него, якоже Самъ Той рече пророкомъ: *призови Мя въ день скорби твоея, и избавлю тя, и прославиши Мя.* Не достигаемъ бо призвати Бога, и благій предваряетъ насъ милостію Своею и щедротами, и даетъ молитву молящемуся и облакъ скорби разоряетъ, и утѣшаетъ скорбящія, и падшія возставляетъ Господь. Никтоже себе тако милуетъ, якоже всѣхъ насъ Богъ; точію ожидаетъ всегда показанія нашего, слезъ теплыхъ, поста и молитвы. Токмо три дня оста (л. 46) яху до погубленія нивевідца¹⁵⁾; и показавшеса проповѣдію Іониною людіе: царь и людіе облекопася во вретца, главы своя пепеломъ посыпаху, начаша молитися со слезами, и постъ тридневный всякаго возраста людемъ заповѣдаша, та-

¹²⁾ *вст.* тогда А.—¹³⁾ упражняющеса А.—¹⁴⁾ явѣмъ А.—¹⁵⁾ нивевидца А.

кожде и скоти от яди удержахуся. И Господь удержа гнѣвъ Свой и не сотвори съ ними, якоже прещаше.—На три дни послалъ баше Господь смерть лютую со оружіемъ острымъ во предѣлы Исраилтейскія за грѣхъ Давидовъ; но егда узрѣ Давидъ, яко от утра до часа обѣдняго 70 тысящъ мужей ісраилтелскихъ падоша, теплую молитву со слезами пролія ко Господу и возопи: *азъ есмь согрѣшившій, а не овцы; азъ есмь пастырь зло сотворившій, а сіи овцы (л. 46 об.) что сотвориши? Буди нынѣ рука Твоя на мнѣ и на домъ отца моего.* И абіе всемилостивый Господь, услышавъ вопль его, повелѣ чрезу пророка Гада Давиду олтаре Себѣ создати и принести жертвы; еже сотворшу Давиду кромѣ всякаго медленія, и отгяты Господь язву отъ Израїля.

Такожде же и ¹⁶⁾ сей родъ граждане, видяху на всякъ день износимыхъ множество мертвыхъ людей, начаша со слезами ¹⁷⁾ вопити ко Господу сердцемъ сокрушеннымъ. „Согрѣшихомъ, глаголюще, Владыко, и исповѣдаемъ прегрѣшенія наша; беззаконновахомъ, понеже повеленія Твоя презрѣхомъ, яко милосердіе Твое затворихомъ, яко чловѣколюбіе Твое спрятахомъ беззаконіи и злобами нашими, ими же пожахомъ. Помяни, Господи, многія щедроты Твоя, помяни, Господи ¹⁸⁾, чудеса Твоя, (л. 47) и не помяни нашихъ беззаконій первыхъ; но скоро да предваряты ны щедроты Твоя, Господи, яко умалены насъ сотворилъ еси. Призри съ небесе отъ святаго жилища Твоего, и виждь и посѣти насъ, посѣти виноградъ сей наслѣдіе Твое, и исправи, его же насади десница Твоя, Господи ¹⁹⁾. И тако теплыя молитвы со слезами проліяху ко Господу; а Господь, тую велию пользу чловѣкомъ ²⁰⁾ зная, глаголетъ: *просите, и дастся вамъ; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вамъ.*

Чловѣды убо стуженія ²¹⁾ не терпятъ, и стужающимъ просителемъ съ негодованіемъ просимое отрицають; Господь же во стуженія ²²⁾ благоволитъ, и стужатели любятъ, и просимое милостивно съ приложеніемъ даруетъ, нестужающія же ко стужанію увѣщаетъ: *просите и примете, да радость ваша исполн(л. 47 об.)нена будетъ.* Стужайте тоцію теплою молитвою Господеви, толцуйте во двери милосердія Его поклоненіемъ главъ вашихъ смиренныхъ ²³⁾; не тоцію же за достоинства, но и за стужаніе наше Господь даруетъ что. Сего ради, братіе, предваримъ лице Его исповѣданіемъ; поклонимся и припадемъ Ему, и восплачемся предъ Господемъ, сотворшимъ насъ, яко той есть Богъ нашъ,

¹⁶⁾ и сіи граждане А.—¹⁷⁾ со слезами *нѣтъ* А.—¹⁸⁾ *вст.* многая А.—

¹⁹⁾ чловѣкомъ *нѣтъ* А.—²⁰⁾ стужанія А.—²¹⁾ стужанія А.—²²⁾ смиреннымъ А.

и услышимъ Его глаголюща Исаіевымъ древнимъ гласомъ: *яко егда обращаея воздохнешь, тогда спасешися.* Еда не можетъ рука Господня спасти или замедлить ухо Его не услышати? Но посреде²³⁾ прегрѣшенія наша разлучаютъ²⁴⁾ насъ отъ Бога; и того ради отвратилъ есть лице Свое не помиловати насъ. И паки глаголетъ: *измыйтеся и чисти будете, отъ(з)имите лукавство отъ душъ вашихъ, (л. 48) предъ очима Моима престаните отъ лукавствій вашихъ, научитесь добро творити.* Юлемъ пророкомъ глаголетъ сице: *обратитесь ко Мнѣ отъ всего, сердца вашего пощніемъ, плачемъ, и рыданіемъ; и Азъ, раскаявся о злобахъ вашихъ, глаголетъ Господь, и сотворю по милости съ вами, и помилую васъ.* Якоже и Давидъ глаголетъ: *близъ есть Господь всѣмъ, призывающимъ Его во истиннѣ, ибо волю боящихся Его сотворитъ и молитву ихъ услышитъ и спасетъ ихъ.*

И тако възде на сердце гражданомъ еже создати олтарь имени Господню; и сотвориша въ сердцахъ своихъ обѣщаніе, еже на семь мѣстѣхъ создати Господу Богу славы ради имени Его²⁵⁾, создати Его днемъ и ночью неотступно, во еже бы Господь Богъ утолилъ праведный Свой гнѣвъ и по(л. 48 об.)миловалъ люди Своя отъ смертоносныхъ язвъ. А еже въ сердцахъ своихъ умыслиша, то дѣломъ безъ²⁶⁾ всякаго медленія²⁷⁾ воздвигоша святой храмъ и оставиша день, в онъже бы основаніе его положить; и проповѣдаша во градѣ всѣмъ людемъ за мало дней, чтобы благочестивіи людіе сходилися ко уставленному дни. И извѣстися во градѣ и въ всѣхъ о созданіи храма во имя Господне, и радовахуся вси людіе, ожидающе уреченнаго²⁸⁾ дни. Егда же приде уставленный день в онъже бы основаніе его положить, и абіе стекахуся вси граждане, и из волостей множество народа, ко нареченному мѣсту, ожидающе в онъже часъ основаніе его положить. И по благословенію архіепископа Маркелла вологодскаго и великопермскаго (л. 49) начаша на семь мѣстѣхъ сооружати храмъ древяной того же году мѣсяца октовріа противъ 18 числа на память святаго апостола и евангелиста Луки; и положиша основаніе его въ вечерѣ въ первомъ часу ноци, и²⁹⁾ дѣлающе мужественнѣ и множество народа: овии дровіе употребляху и вазидаху, а иннии на основаніе полагаху, а иннии из разныхъ мѣстѣхъ дровіе везяху: не баше бо тогда на сооруженіе храма въ готовности ничтоже, но все изъ разныхъ мѣстѣхъ приносахуся³⁰⁾; а иннии мнози ради ношнаго мрака береста зажигаху, и въ рукахъ сво-

²³⁾ посреде *итъ* А.—²⁴⁾ посреди насъ и Бога А.—²⁵⁾ и зати А.—

²⁶⁾ безъ *итъ* А.—²⁷⁾ кромѣ начати совѣтъ положиша и уставши день А.—

²⁸⁾ учрежденнаго А.—²⁹⁾ вст. бяху А.—³⁰⁾ приношашеся А.

ихъ на древесѣхъ ношаху. И баше тогда видѣти веліе успѣваніе, пачеже Божіе промышленіе, якоже самая ³¹⁾, истинна Христось глаголаше ³²⁾: *безъ Мене не можете творити ничесоже*. А иннія благочес(л. 49 об.) тивии мнози при создавіи храма и до совершенія безъотступно стояху, и слезы от очію изливаху, яко сподобишася видѣти, яже ни отцы видѣша. Ко уготовленію храма всякое требованіе и древіе граждане сподоблаху, а работающіи народи мзды не взимаху, людей же при созданіи храма ни единого не вредило человекѣа. И совершиша на утрениій день со всякою готовностію, точію стѣнъ не отесаху; послѣди же вскорѣ исправивша, и ко уготовленію освященія съ великимъ тцаніемъ изготовивша ³³⁾. Трапезы же въ то время не дѣлаша ³⁴⁾, образы же собраша от многихъ приходскихъ церквей, яже обрѣтаются и до днесь во храмѣ семъ. И молиша граждане преосвященнаго Маркелла архіепископа (л. 50) пріяти на освященіе ³⁵⁾. Архіепископъ же великими слезами обліявся, слышавъ о совершеніи храма, немедленно въ той часъ подвижеса со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и осватиша олтарь ³⁶⁾ во имя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; въ той же день и литоргію отслуживша къ вечеру, и молиша Господа Бога, чтобы утолялъ праведный Свой гнѣвъ и помиловалъ люди Своя от смертоносныхъ язвы. И тако разыдошася вси кійждо во своя дома, славаще Бога, яко сподобилъ Богъ сооружити и освятити храмъ единѣмъ днемъ и ноцію; и иннія же благочестивии мнози молебствоваху Всемилостивому Спасу ³⁷⁾ всю ночь.—И умилостивися благоутробный Господь, измѣни смерть на животъ, преста бо отъ того дни въ людѣхъ смертоносная язва. Присовокупиша же (л. 50 об.) тогда ³⁸⁾ тому своему возслѣдованію ³⁹⁾, по освященіи оныхъ единодневныхъ Спасовыхъ церквей, по четырьхъ днѣхъ, еже есть октоврія въ 23 день, на память святаго апостола Іакова, брата Господня по плоти, изобразиша изуграфскимъ художествомъ единымъ днемъ на іконѣ образъ всемилостиваго Спаса, еже и нынѣ всѣми видима во славу Его благодавца Бога, и въ воспоминаніе предъявленнаго чудесе и ⁴⁰⁾ о избавленіи от смертоносныхъ язвы. И оттолѣ уставися праздникъ сей праздновати милости Божіи мѣсяца октоврія въ 18-й день, во оный же день и создася, на память святаго апостола и евангелиста Луки; и бываетъ хожденіе ⁴¹⁾ съ честными кресты и свя-

³¹⁾ сама А.—³²⁾ глаголетъ А.—³³⁾ снабдиша А.—³⁴⁾ а святіи иконы собраша отъ приходскихъ А.—³⁵⁾ вст. храма А.—³⁶⁾ храмъ А.—³⁷⁾ вст. черезъ А.—³⁸⁾ вст. граждане А.—³⁹⁾ тому возслѣдованію А.—⁴⁰⁾ и *итѣ* А.—⁴¹⁾ во оный же день и создася *итѣ* А.—⁴²⁾ соборное со кресты А.

тymi іконами со множествомъ народа по вся годы и до днесь не отложено.

Тѣмже, братіе, (л. 51) велію сію радость пріимше, въ сердцахъ нашихъ возвеселимся духовно, и гласъ радости и веселія вещаемъ, яко же церковь мати наша со пророкомъ Давидомъ вопіеть, глаголющи: *воспойте Господеви пѣснь нову, яко дивна сотвори Господь*. И егда случится бездождіе или многодождіе, и о⁴³⁾ всякихъ иныхъ нуждахъ, и тогда бываетъ празднество Всемиловитому Спасу, и крестное соборное хожденіе о милости Божіи прошеніе; и Всемиловитый Господь являетъ милость свою и челоувѣколюбіе на насъ. Тѣмже веліе и преславно есть Владыки нашего челоувѣколюбіе и никто же доволенъ будетъ на благодареніе Его. Не токмо бо пріемлетъ отходящихъ и удаляющихся отъ Него, но паче возвращающихся⁴⁴⁾ великими дары почитаетъ и веселитъ; и не токмо не ищетъ (л. 51 об.) судити имъ, но и благодатемъ сподобляетъ ихъ. Воистину благъ убо есть Богъ ко всѣмъ и челоувѣколюбивъ и долготерпѣливъ; изрядно же свою благость на согрѣшающихъ показуетъ, къ праведнымъ убо вездѣ является яко тяжекъ, грѣшнымъ же скоръ помощникъ есть и милостивъ, и подвизаетъ ихъ благими обѣты. Сія вѣдуще, братіе, никогда же да отчаемся, ниже обѣщанія своя забудемъ, въ злобахъ живуще и въ неправдахъ. Ибо за что пострадала прежде бывшіи насъ людіе, како праведнымъ гнѣвомъ Божіимъ истреблены быша? Воистину за своя согрѣшенія. Тѣмже убо помроша и наши души, слушатели любезніи, помроша грѣхами смертоносными. Восплачемся убо и мы смерти душъ нашихъ, (л. 52) негли умиловитится Христосъ Господь, Ему же свойственно есть миловати. И тако слезами и въздыханіемъ умолимъ благосердаго и долготерпѣливаго Господа⁴⁵⁾ и нравы всякими исправимъ себе; полезно есть намъ и чуждимъ навазатися бѣдствомъ и исправить житіе наше. Претить бо и намъ велика совѣта Ангель смертію на пути жизни сѣя, понеже согрѣшаемъ. И сего ради убоимся прещенія Владычня, и сотворимъ плоды достойны покаянія, что самѣмъ дѣломъ совершается отъ начала вѣка и донныѣ, ибо первозданный всего рода челоувѣча праотець, обратився ко Господу покаяніемъ многослезнымъ, прощеніе получи преступленія своего и вѣчнаго свободися мученія.

Праведный Ной проповѣдале людемъ покаяніе, созидавая ковчегъ спасенія ради (л. 52 об.) животныхъ; самъ убо спасесе, а не покаившійся въ водахъ потопа изчезоша тѣлеснѣ, и въ гееннѣ душевно. Ниневітяны тридневно покаившеса о согрѣшеніихъ своихъ, свободни

⁴³⁾ во А. —⁴⁴⁾ отъ Него, но паче возвращающихся *нѣтъ* А. —⁴⁵⁾ Бога А.

быша отъ погибели Богомъ⁴⁶⁾; а содомляне яко пренебрегоша покаяніе, огнемъ, съ небеси спадшимъ, со всею Пентаполисю созжени, землею поглотишася. Манассія—по множествѣ нечестованія, Давидъ—по скверномъ прелюбодѣянїи и убійствѣ, Петръ святой—по трикратномъ отреченїи, грѣшница евангелская—по блудномъ житїи печестїи, разбойникъ—по всѣмъ вѣдѣ на убійствахъ и беззаконїихъ иждивенїемъ святымъ покаяніемъ духа⁴⁷⁾ благодати получиша, Бога умилостививша и царство небесное получиша⁴⁸⁾. Все сїи вся скверны грѣховъ своихъ источники слезъ покаянїа (л. 53) святаго омыша. Велия убо къ Богу добродѣтель—покаяніе святое, еже и гнѣвъ Божїй прелагаетъ на милость, и мечъ извлеченный во казнь грѣшникомъ в мѣсто его возвращаетъ. Образъ же покаянїа прописанъ⁴⁹⁾ намъ святой Іоаннъ Предтеча, вопїа⁵⁰⁾: *сотворите плоды достойны покаянїа*, еже есть, оставльше грѣхопаденїа богомерская, молитесь сокрушенїемъ сердечнымъ, плачьтеся о нихъ горестными слезами, и благїа плоды добродѣтелей Богу любезныхъ злобамъ вашимъ противныя содѣвайте. Аще кто гордъ бѣше, да смиряется; высокомысленный—да смиренномудрствуетъ; отчаявыйся, да стяжетъ надежду; соблазвивый—да назидаетъ; (л. 53 об.) сребролюбець да щедритъ нищїа; любитель суеты міра сего, да возлюбитъ сущая небесная, скверный чистоту да хранить; пїаница да трезвится; судїа неправедный да дѣетъ судъ истинный; грабитель, чуждая имѣнїа похищающїи, и тати, возвращше чуже⁵¹⁾, протчее да питаются труды своими и нищїа отъ имѣнїи праведныхъ да насыщаютъ; и инии злобницы такожде покаявшеся о грѣсѣхъ своихъ, да творятъ противная злобамъ своимъ добродѣтели, такоже сотворши содѣютъ дѣла покаянїа достойная. Аще бо не покаемся и не отступимъ отъ лукавства нашего и неправды и благихъ не потщимся творити, — погібнути (л. 54.) имамы праведнымъ судомъ и гнѣвомъ Божїимъ. Убоимся уже, братїе, и вострепещемъ, слышасте⁵²⁾ сїа, и потщимся хранити заповѣди Божїа, и о церквахъ Божїихъ⁵³⁾ не нерадимъ. Ноеви корабль повелѣ Господь соорудити спасенїа ради; намъ Самъ Христосъ Господь корабль церкви создалъ есть да въ ней спасенїе получимъ.

По прошествїи же довольныхъ лѣтъ, егда она единопдневная Спасава деревянная церковь обѣтшала, умылиша граждане вмѣсто деревяннаго храма создати каменной, во еже бы толикое Божїе милосердіе вѣчно и незабвенно и въ предидущїа роди⁵⁴⁾. И тогда благослове-

⁴⁶⁾ *вст.* опредѣленной А.—⁴⁷⁾ духъ А.—⁴⁸⁾ велия убо А.—⁴⁹⁾ прописавъ А.—⁵⁰⁾ вопїеть А.—⁵¹⁾ чуждая А.—⁵²⁾ слышавше А.—⁵³⁾ тщанїе возымѣмъ. Ноеви А.—⁵⁴⁾ прїидущїа роды осталось А.

ніемъ преосвященнаго Гавріила архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго начаша на семь мѣстѣ основаніе сея Спасовы⁵⁵⁾ (л. 54 об.) каменная церкви, въ лѣто отъ созданія⁵⁶⁾ 7196 году, иже⁵⁷⁾ съ велимъ усердіемъ положиша начало зданію храма сего святаго, съ равнымъ прилѣжаніемъ совершиша, и дивнымъ тщательствомъ приложиша украсить; послѣди же съ теплымъ рачительствомъ печажуся еже освященну быти. И въ лѣто 7206 мѣсяца февраля въ 4 день 1698 года⁵⁸⁾—освящена бысть сія святая церковь имъ же преосвященнымъ Гавріиломъ архіепископомъ на память преподобнаго Ісідора пѣлусіотскаго, во славу всемогущаго Бога, во еже бы жертвамъ приноситься Ему отъ человекъ, и при нихъ о всячѣй нуждѣ теплымъ изливаться молитвамъ. Глаголетъ бо Господь къ Соломону, создавшему сей⁵⁹⁾ храмъ пречестный сице: *избразъ мѣсто то (л. 55) Мнѣ въ домъ⁶⁰⁾ и жертвъ; аще заключу небо и дождь не изліетъ, и аще пошлю и повелю пруюмъ пожрети землю, и аще пошлю губительства на люди Моя, и аще оскорблены будутъ люди Моя, на нихъ же возвано есть имя Мое, и помолятся и възыщутъ лица Моего, и обратятся отъ путей своихъ строптивыхъ,— и Азъ услышу отъ небесе и милостивъ буду грѣшомъ ихъ, исцѣлю землю ихъ, и нынѣ очи Мои будутъ отверсты, и уши Мои будутъ послушны къ моленію мѣста сего.* Тѣмъже, Боже всещедрый и всемилостивый Господи, любезно пріемый, храмъ Тебѣ созданный⁶¹⁾ образа Твоего царя Соломона, и по освященіи его обѣщавыйся услышати молитвы, во храмѣ томъ къ Тебѣ проливаемыя,—пріими молитвы (л. 55 об.), человекѣлюбче Господи, яко жертву благовонную, и⁶²⁾ сей храмъ святыи, Тебѣ Самому въ честь и славу отъ рабѣвъ Твоихъ сооруженный⁶³⁾, и услыши гласъ моленія рабѣвъ Твоихъ, къ Тебѣ во умиленіи вопіющихъ: какоже во храмѣ Божіемъ достоинъ намъ стояти? Се увѣщаніе имамы сіе: во храмѣ стояще, на небеси стояти мнимся; небо бо есть церковь, завеже имати престолъ Божій; яко убо на небеси, ни кое же есть житейскихъ попеченіе, тако и въ церкви да не будетъ; яко на небеси есть безпрестанное богохваленіе, тако да будетъ и въ церкви; яко на небеси честное мирное и кроткое святыхъ стояніе тако да будетъ и въ церкви. И тако притекайте⁶⁴⁾ ко Господу въ домъ Его молитвенной (л. 56), покланяйтесь Ему со страхомъ, бойтесь Его, и не лишени будите всякихъ благихъ.

⁵⁵⁾ Спасовы *нѣтъ* А.—⁵⁶⁾ *вст.* міра А.—⁵⁷⁾ и А.—⁵⁸⁾ 1698 года *нѣтъ* А.—⁵⁹⁾ сей *нѣтъ* А.—⁶⁰⁾ жертвы А.—⁶¹⁾ отъ царя Твоего А.—⁶²⁾ и въ семь храмѣ святошъ А.—⁶³⁾ сооруженномъ А.—⁶⁴⁾ притекая А.

Во исполненіе же благолѣпія украсися сія святая церковь стѣннымъ изографскимъ писаніа изображеніемъ, лѣта отъ воплощенія Слова Божія 1718 года, при державѣ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексіевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и при благороднѣйшемъ государѣ цесаревиче и великомъ князѣ Петрѣ Петровичѣ, и при внузѣ его государевѣ при благородномъ великомъ князѣ Петрѣ Алексіевичѣ, между патріаршества, благословеніемъ великаго господина преосвященнаго Павла епископа вологодскаго и бѣлоезерскаго, во славу (л. 56 об.) Его всещедрого Бога, дабы во едино множества людей собирающихся, и миромъ Господу молящихся, дѣйственну и непраздну прошенію быти.

Во церкви убо, яко въ свойственномъ Богови дому, въ онѣже мнози собираются людіе: ови нуждвыхъ просити, ови благодарствіе возсылати, ови оставленія согрѣшеній молити, благоволи Богъ жертвѣ безкровнѣй приношеннѣй бывати, да яко о всѣхъ и за вся приносится. Сего ради, братіе, не со тщиа рукама предъ лице Господне приходити достоинѣ, яко Самъ Господь завѣщаетъ, глаголя сице: *да не явишися предо Мною тощъ*. Но всякъ да приходитъ, нося съ собою елику⁶⁵⁾ можетъ жертву—свѣщу, овъ оіміамъ, овъ (л. 57) воскъ, овъ елей, овъ просфоры, овъ віно лозное, или подаваніе нѣкое иво на жертву, на церковь, и на служители ея, всякъ по своей силѣ; а Господь и едину пату, яко отъ вдовицы евангельскія, за великій даръ приметъ. Аще же кто въ сихъ подаваніихъ оскудѣваетъ, отъ таковаго довольна есть жертва Богу духъ сокрушенъ, отъ⁶⁶⁾ таковаго сердца сокрушенна Богъ не увичижитъ. Сицевыми же приходяще жертвами надеждно проливайте молитвы ко Господу, и Онъ, яко обѣщаніе даде услышати неизмѣнно сохранить слово, ибо праведенъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ и преподобенъ во всѣхъ дѣлѣхъ Своихъ, ибо и земля мимо идетъ, слова же (л. 57 об.) Господня не мимо идутъ. Тѣмъ же убо, православнии христіане, любезно и благохотнѣ⁶⁷⁾ назидайте храмы Божія по градомъ и сѣламъ, украшайте велелѣпно, ибо любить Господь любящія благолѣпіе дому Его, и исполнитъ вся прошенія наша, ниспослетъ намъ благодать святаго Духа здѣ, а по временнѣй жизни, егда разрѣшится хранина тѣлесе нашего, дастъ намъ внити въ домъ Свой небесный, и тамо учредитъ ны пищею сею пренебесною, еже есть⁶⁸⁾ вѣчнымъ зрѣніемъ лица Его пресватаго. Тѣмъже

⁶⁵⁾ елику можетъ, овъ оіміамъ А.— ⁶⁶⁾ и А.— ⁶⁷⁾ благохотно А. —

⁶⁸⁾ На этихъ словахъ прерывается сказаніе въ Архивской рукописи.

блажени убо вси любящїи Бога и хранящїи словеса Его, яко васъ ради домъ небесный со всѣми своими уго(л. 58)товася добротами. Блажени вси удове церкви Христовы, яко идѣже есть Христосъ Господь—слава ваша тамо, и вы будете во славу облеченїи о сидевомъ божествѣ. Радуйтеся вси уготовляющїи души и сердца ваша во обитель Богу, яко васъ ради въ дому Отца небеснаго многи обители суть уготованны. Радуйтеся и вы, иже на земли храмъ имени Божїю созидаете, яко ваша имена написана суть на небесѣхъ, не точїю въ книгахъ животныхъ, но и на вратѣхъ домовъ, вамъ из небеснаго злата уготованныхъ, и самое ваше дѣло имать похвалити, и за дѣло дѣломъ возмездїе сотворити, за земныя храмы (л. 58 об.) небесныя обители воздати; поелику вы земныя во славу Его украшаете храмы, потолку вамъ Онъ небесныя въ вѣчную славу вашу благоволятъ украсить паче со презобилиемъ. И создаша храмъ сей рукотворенный на земли во еже бы прїяти вамъ нерукотворенный вѣчный на небеси; создаша Богу истинному обитель, да прїимете едину от многихъ обителей Отца небеснаго; создаша во славу Божїю, да сами от Него славу прїимете на небеси; поставиша трапезу святую, да сами у небесныя посаждени будете; трапезы одѣяша ю и украсиша весь храмъ велелѣпотами, да сами одѣяни бу(л. 59)дете одѣяніемъ брачнымъ, и о небеснѣй лѣпотѣ возвеселитеся, яже вся дастъ вамъ всещедрая десница Божїя. Поучайте подручники ваша еже нелѣбно и благочинно входити во храмы Божїя и въ нихъ, со страхомъ стояще, теплыя къ Богу яко кадило благовонное возсылати; а Господь всеблагодутробный добрѣ стояти во храмѣхъ Его земныхъ навъкшїя введеть во храмъ Свой небесный, еже вѣчно тамъ веселитеся въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

ИСТОРИЯ

КАНОНИЗАЦІИ РУССКИХЪ СВЯТЫХЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Василія Васильева.

Печатано подъ наблюдениемъ В. П. Васильева.

Исторія канонизаціи Русскихъ святыхъ, составляющая предметъ настоящаго изслѣдованія, совсѣмъ еще не разработана въ нашей церковно-исторической наукѣ, въ которой мы не можемъ указать ни одного сочиненія по этому вопросу. Предлагаемое изслѣдованіе представляетъ первый опытъ болѣе или менѣе полнаго изложенія исторіи канонизаціи нашихъ святыхъ. Какъ первый опытъ, оно, конечно, не можетъ претендовать на полное совершенство и не чуждо недостатковъ. Послѣдніе обусловливаются какъ трудностію самаго предмета изслѣдованія, такъ и его неразработанностію въ нашей церковно-исторической наукѣ. Впрочемъ, въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій по Агіологіи, каковы напр.: Полный мѣсяцесловъ Востока преосв. Сергія, Житія святыхъ, какъ историческій источникъ, В. О. Ключевскаго, Источники русской агіографіи Барсукова и друг., въ которыхъ собрано много матеріала и данныхъ, касающихся исторіи канонизаціи Русскихъ святыхъ, и которыми авторъ съ благодарностію пользовался. Кромѣ того, ему пришлось не мало пользоваться и рукописями библіотекъ: Московской Духовной Академіи, Троице-Сергіевой Лавры и Патриаршей. Авторъ приноситъ глубокую благодарность лицамъ, завѣдующимъ этими библіотеками и содѣйствовавшимъ успѣшному ходу его занятій.

Нравственнымъ своимъ долгомъ считаю выразить свою искреннюю и глубокую признательность профессору Евгению Евсигнеевичу Голубинскому за ту помощь и совѣты, которыми я пользовался при составленіи своего изслѣдованія.

В. Васильевъ.

Пенза

17-го мая 1893 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Тайнозритель Нового Завѣта, Іоаннъ Богословъ, вмѣстѣ со Христомъ, сидящимъ на престолѣ одесную Бога Отца и окруженнымъ Ангелами, „видѣлъ великое множество людей въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, которые омыли одежды свои и ублажили ихъ кровью Агнца“ (Апок. 7, 9, 13—15). Въ этихъ словахъ тайнозрителя нельзя не видѣть указанія на первыхъ христіанскихъ мучениковъ, которые пролили свою кровь и пріяли мученическую смерть за Іисуса Христа. Будучи столько прославлены Богомъ на небѣ, они естественно должны стать предметомъ почитанія для своихъ собратій по вѣрѣ и на землѣ. И дѣйствительно, почитаніе мучениковъ въ христіанской церкви восходитъ къ глубокой древности. Уже св. Ап. Павелъ заповѣдуетъ современнымъ ему христіанамъ поминать наставниковъ своихъ, запечатлѣвшихъ вѣру во Христа своей мученическою смертію: *поминайте наставники ваша, иже возложиша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе житіи своего, подражайте вѣрѣ ихъ.* (Евр. 13, 7) ¹⁾. Первенствующіе христіане свято исполняли заповѣдь великаго Апостола. Такъ, уже въ началѣ второго вѣка спутники священномученика Игнатія, епископа Антиохійскаго, пострадавшаго въ Римѣ (около 107 или 116 года), въ заключеніе описанія его мученическихъ подвиговъ говорятъ: „восхвалявъ Бога, подателя благъ и ублаживъ святого, мы замѣтили для себя день и часъ кончины его, дабы, собираясь во время его мученчества, имѣть общеніе съ доблестнымъ страдальцемъ Христовымъ“ ²⁾. Точно также и христіане Смирнскіе, собравъ кости св. Поликарпа, епископа Смирнскаго, и положивъ ихъ, гдѣ слѣдовало, говорятъ далѣе въ повѣствованіи о кончинѣ его, что они будутъ съ

¹⁾ Таковыми мучениками во времени написанія этого посланія были: перво-мученикъ Стефанъ, св. Апостолъ Іаковъ Заведеевъ и Іаковъ, братъ Господень.

²⁾ Ruinart, Acta Martyrum sincera et selecta, t. 1, p. 47—48.

веселиемъ и радостью собираются туда (т. е. къ мѣсту погребенія), чтобы „праздновать день его мученичества какъ въ память совершившаго уже свой подвигъ, такъ и въ поощреніе имѣющихъ совершить“ ³⁾. Въ послѣдующее время гоненій, когда церковь украсилась безчисленнымъ сонмомъ мучениковъ, мы находимъ все болѣе и болѣе извѣстій объ ихъ почитаніи. На мучениковъ, которые небоязненно исповѣдали и засвидѣтельствовали (*μάρτυρ*—свидѣтель) міру истину вѣры христіанской своимъ словомъ, страданіями и смертію, стали смотрѣть, какъ на ратоборцевъ Церкви Христовой, утвердившихъ и возвеличившихъ ея въ мірѣ ⁴⁾. Такой взглядъ имѣетъ свое историческое основаніе. Мужество мучениковъ, ихъ кротость и въ то же время это отсутствіе страха предъ самыми страшными муками и пытками, какія могла только выдумать злоба язычниковъ, производили такое сильное впечатлѣніе на послѣднихъ, что многіе изъ нихъ обращались въ христіанство. Не даромъ Тертуліанъ говорилъ, что кровь христіанская служитъ сѣменемъ и что число христіанъ черезъ смерть мучениковъ вмѣсто того, чтобы уменьшаться, чудесно увеличивается ⁵⁾. Дѣйствуя такъ на язычниковъ, мученики производили на своихъ собратій по вѣрѣ еще болѣе благотворное вліяніе, подавая имъ примѣръ непреклонной твердости и преданности вѣрѣ Христовой. Естественно было Церкви съ благодарностію вспоминать память этихъ своихъ героевъ. „Такая жизнь, говоритъ Евсевій, по всей справедливости оставляетъ по себѣ твердую память и вѣчную славу. Ибо, какъ самая жизнь мученика отличается смиренномудріемъ и памятованіемъ Божіихъ велѣній, такъ и кончина его бываетъ исполнена великодушія и благороднаго мужества. А потому за нею слѣдуютъ гимны, псалмы и славословія; за нее возсылается хвала Сердцевѣдцу всѣхъ и въ память сихъ мужей совершается благодарственная жертва, чистая отъ крови и всякаго насилія, жертва, не требующая ни благоволенія ливана, ни горящихъ костровъ, но довольствующаяся чистымъ свѣтомъ, сколько его нужно для освѣщенія молящихся“ ⁶⁾. И мы дѣйствительно видимъ, что на первыхъ же почти порахъ въ христіанской церкви почитаніе мучениковъ было всеобщимъ. Такъ, въ приведенныхъ словахъ христіанъ Смирнскихъ дается знать, что

³⁾ Ruinart. Acta Martyr. 1, 92—93.

⁴⁾ Дебольскій, Дни богослуженія прав. церкви 1, 523.

⁵⁾ Binghami, Origines sive Antiquitates, vol. 9., cap. 7., p. 141.

⁶⁾ Евсевій, Церк. Исторія, 2 т., гл. 12, стр. 314—315.

древніе, христіане въ дни кончины мучениковъ ежегодно совершали въ честь и память ихъ церковные праздники. Съ сею же цѣлю пред-
стоятели церквей во времена гоненій назначали особенныхъ лицъ изъ
клира, которыя обязаны были вести точныя записи, кто изъ христіанъ
и когда скончался мученическою смертію. „Отмѣчайте дни кончины
ихъ, пишетъ св. Кипріанъ, епископъ Карфагенскій, въ посланіи къ
своему клиру, чтобы ежегодно освящать ихъ общественнымъ богослу-
женіемъ. Пусть Тертуллъ замѣчаетъ, записываетъ и означаетъ для
меня тѣ дни, въ кои блаженные братья наши переходятъ чрезъ смерть
къ славному безсмертію ⁷⁾. А Фабіанъ, папа Римскій, поставилъ
иподіаконовъ, на обязанности которыхъ лежало провѣрять эти за-
писи, составленныя писцами или нотаріями ⁸⁾. Эти дни кончины
мучениковъ, отмѣчавшіеся въ особыхъ записяхъ, и праздновались
Церковію. Тертуллианъ говоритъ: „мы совершаемъ приношенія за
усопшихъ и торжества въ честь святыхъ ⁹⁾. Св. Григорій Неоке-
сарійскій († около 266 г.), по свидѣтельству жизнеописателя его
св. Григорія Нисскаго, совершалъ торжественное богослуженіе во
дни памяти мучениковъ, собирая въ эти дни вѣрующихъ на гробахъ
ихъ. Такимъ образомъ, еще въ первые три вѣка въ каждой перкви
были свои календари или святцы (fasti), въ которыхъ отмѣчены
были, какъ праздники, дни кончины мучениковъ: habes tuos census,
tuos fastos, говоритъ Тертуллианъ ¹⁰⁾. Наравнѣ съ мучениками Цер-
ковь въ это время чтитъ и исповѣдниковъ, какъ это можно видѣть
изъ свидѣтельствъ св. Кипріана. „Должно, пишетъ онъ въ одномъ
изъ своихъ писемъ къ клиру, имѣть заботливость и попеченіе о
тѣлахъ тѣхъ, кои хотя не были замучены въ темницахъ, однако
умерли славною смертію. Ибо и сихъ мужей доблесть и слава столь же
велика, что надлежитъ причислить къ блаженнымъ мученикамъ“ ¹¹⁾.

Съ IV вѣка въ христіанской Церкви начинается почитаніе свя-
тыхъ подвижниковъ, угодившихъ Богу святостію своей жизни. Во вре-
мена языческихъ императоровъ и жестокихъ гоненій на христіанъ
святые подвижники скрывались въ пустыняхъ и жили здѣсь въ не-
извѣстности, работая предъ лицомъ одного Бога. Притомъ же ихъ

⁷⁾ Творенія св. Кипріана, еп. Карфагенскаго (изд. Киев. Д. А. 1891 г.)
ч. I, стр. 158.

⁸⁾ Martigny, Dictionnaire des Antiquités Chrétiennees, p. 454.

⁹⁾ De corona milit. cap. III.

¹⁰⁾ De corona milit. c. XII.

¹¹⁾ Твор. св. Кипріана, еп. Карфагенскаго ч. I, стр. 167.

смиранные подвиги заслоняемы были громкими подвигами святых мучениковъ. Вотъ почему исторія не представляетъ ясныхъ и опредѣленныхъ свидѣтельствъ о почитаніи святыхъ подвижниковъ изъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Только изъ свидѣтельства св. Кириана можно видѣть, что въ его время и св. угодники признавались достойными почитанія наравнѣ съ мучениками. Такъ, въ своемъ трактатѣ „о ревности и зависти“ онъ призываетъ достойными вѣнца и тѣхъ подвижниковъ благочестія, которые совсѣмъ не терпѣли истязаній и мученій отъ гонителей. „У христіанъ, говоритъ онъ, не одинъ только вѣнецъ, который пріобрѣтается во время гоненій. И мирное время имѣетъ свои вѣнцы, которыми увѣнчиваются побѣдители, ниспровергшіе и низложившіе врага въ многообразной и неоднократной битвѣ. Укротившему похоть—побѣдный знакъ воздержанія; ставшему выше гнѣва и обиды—вѣнецъ терпѣнія. Торжество надъ корыстолюбіемъ тому, кто презираетъ деньги“ и проч. ¹²⁾ Но послѣ того какъ христіанская вѣра сдѣлалась господствующею въ греко-римскомъ мірѣ и прекратились гоненія на христіанъ, замѣнъ мученичества выступаетъ монашеское подвижничество, которое для періода вселенскихъ соборовъ сдѣлалось тѣмъ же, чѣмъ было мученичество для Церкви первенствующей. Къ нему стремились всѣ, жаждавшіе высшихъ духовныхъ интересовъ, и аскетическій идеалъ безраздѣльно царилъ въ нравственной жизни греко-восточнаго міра. „Рече авва Аѳанасій, говорится въ одномъ патерикѣ, яко множицею глаголютъ нѣдци отъ васъ, яко гдѣ есть гоненіе и мученичество? Се уже мучимъ буди совѣстію, умри грѣху, умертви уды земныя, и се будеши мученикъ изволеніемъ. Они съ царями и князи боряхуся,—имаши и ты противляющагося діавола — царя грѣху и князи бѣсовы“ и проч. ¹³⁾ Это добровольное мученичество ставилось даже выше подвиговъ св. мучениковъ. „Мученицы бо во единъ часъ времени подвизавшеса скончашася, житіе же чернеческое по вся дни страждущій Христа ради мучень бываетъ, не противъ плоти и крови ополчаяся, но противу владыкамъ и противу властемъ, противу міродержцемъ тмы и противу духовомъ лукавства до послѣдняго издыханія брань имуще, и страждутъ и вѣнчаются, оружіе Божіе имуще за помогающаго намъ и совершающаго ны Христа“ ¹⁴⁾ Соревнунъ древнимъ мученикамъ,

¹²⁾ Творенія св. Кириана еп. Кароаг. ч. II, стр. 322.

¹³⁾ Печати. Прологъ, 8 мая.

¹⁴⁾ Печати. Прологъ, 17 января.

святые подвижники показали чудеса подвижничества, достойныя удивления и недоступныя для подражанія:

Время съ IV вѣка по Рождествѣ Христовомъ представляетъ самый блестящій разцвѣтъ монашества, давшего Церкви много святыхъ угодниковъ, прославленныхъ еще при жизни своей отъ Бога чудесами, и которыхъ она, какъ и мучениковъ, также причисляла къ лику святыхъ. Именно о вѣкѣ Константина Великаго Госпиніанъ говоритъ: „наконецъ входитъ въ обычай, что не только памяти мучениковъ, но и другихъ святыхъ и достохвальныхъ мужей уже во времена Константина В. начинаютъ торжественно праздноваться. Такъ о Палестинскихъ свидѣлствуютъ церковные историки: Созоменъ (кн. 3, гл. 14) и Никифоръ (19, 15), что въ силу этого обычая они публично прославляли памяти Иларія (Hilarius) Аврелія, Алексія — монаховъ, и что въ послѣдующія времена этотъ обычай болѣе и болѣе распространяется“¹⁵⁾.

Во все послѣдующее время постепенно увеличивавшійся сонмъ святыхъ составлялся или изъ лицъ, которыя потерпѣли мученичество за вѣру Христову, или изъ лицъ, которыя прославились своею истинною благочестивою жизнью, проявлявшеюся въ различныхъ формахъ аскетизма, или же, наконецъ, изъ лицъ прославившихъ себя великими заслугами Церкви.

Лица, прославившіяся или своею благочестивою и святою жизнью, или особенно выдающимися заслугами Церкви, обыкновенно еще при жизни своей пользуются глубокимъ уваженіемъ отъ своихъ современниковъ. Въ этомъ случаѣ подобныя лица ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ лицъ, которыхъ гражданская исторія провозглашаетъ героями и великими людьми, такъ что между одними и другими можно провести полную аналогію. Какъ въ гражданской жизни люди, прославившіеся въ той или другой сферѣ своими громкими подвигами и благотворною дѣятельностію, приобретаютъ любовь и уваженіе народа

¹⁵⁾ Hospiniani, De Festis Iudeorum et Ethnicorum et Christian. pars 2, p. 10. — Что касается Западной церкви, то Круль (Christliche Alterthumskunde 6, 2, S. 96) полагаетъ, что такъ почитаніе исповѣдниковъ и святыхъ началось не ранее VI-го вѣка и какъ на первый примѣръ такого празднованія онъ указываетъ на празднованіе памяти св. исповѣдника Мартина Турскаго. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться, потому что въ календарѣ Каролингскомъ, который дѣлается по позднѣе середины V вѣка, перечисляются уже очень много священныхъ, которые не были мучениками и которые жили до Мартина Турскаго. (См.отр. Biedart, t. III, 420).

при своей жизни и благодарную память въ потомствѣ, такъ и люди, прославившіеся своими подвигами благочестія или оказавшіе Церкви свою дѣятельностію большія услуги, или, наконецъ, положившіе животъ свой за вѣру Христову, приобрѣтаютъ уваженіе отъ членовъ Церкви и имена ихъ съ эпитетомъ святого и по смерти ихъ съ благоговѣніемъ вспоминаются потомствомъ. Но судьба тѣхъ и другихъ по смерти бываетъ уже не похожа и въ этомъ случаѣ между ними аналогій быть не можетъ. Святые послѣ своей смерти за святую и благоцѣлительную жизнь становятся „сосудами благодати Божіей“, вслѣдствіе чего и послѣ своей смерти они имѣютъ возможность продолжать свою благотворную дѣятельность на пользу людей, живущихъ въ этомъ мірѣ. Многоцѣлительныя чудеса и исцѣленія, подаваемые святыми, служатъ непрекаемымъ доказательствомъ ихъ связи съ земнымъ міромъ. Это послѣднее обстоятельство въ свою очередь еще болѣе увеличиваетъ то уваженіе и благоговѣніе къ нимъ, которыми они пользовались при своей жизни. Наконецъ, вѣра въ силу ходатайства святыхъ предъ Богомъ, заставляетъ и побуждаетъ христіанъ въ чаяніи ихъ скорого заступничества обращаться къ нимъ съ своими горячими молитвами. Вслѣдствіе этихъ причинъ почитаніе святого начинается тогда, вскорѣ же послѣ его кончины. Вѣрующій народъ толпами стремится на могилу святого, чтобы здѣсь испросить себѣ его ходатайства и помощи. Такого рода почитаніе святого можно назвать почитаніемъ народнымъ; оно почти всегда предшествуетъ канонизаціи церковной и подготавливаетъ её.

Но такого рода народное почитаніе святого, хотя бы оно и выражалось всегда церковнымъ образомъ (служеніемъ панихидъ, молебновъ), выходя исключительно изъ народной инициативы, не составляетъ еще того, что обыкновенно принято разумѣть подъ канонизаціей святыхъ. Здѣсь не достаетъ одного признака только, но тѣмъ не менѣе признака главнаго и существеннаго. Какой же это признакъ? Почитаніе святыхъ, призваніе ихъ въ молитвахъ относится къ числу догматовъ католической Церкви. Отсюда, естественно, что и канонизація святыхъ, какъ имѣющая неразрывную связь съ этими догматами, не можетъ быть дѣломъ народа, а дѣломъ самой Церкви и высшихъ представителей ея власти на землѣ. Съ другой стороны, это почитаніе народное, естественно вытекающее изъ уваженія и благоговѣнія къ памяти почившаго подвижника или вообще святого, чуждо всякаго надъ нимъ контроля. Послѣднее же обстоятельство легко можетъ быть причиною явленій, не желательныхъ въ жизни Церкви. Народъ, слѣдуя своему естественному чувству уваженія къ свя-

тѣмъ, и не умѣя часто отличать истиннаго отъ ложнаго, можетъ впасть въ опасность признать дѣйствія естественныя за сверхъестественныя, чудеса ложныя за истинныя, отсюда признать за святаго такое лицо, которое таковымъ признано быть не можетъ. Послѣ всего сказаннаго для насъ должно быть вполне понятно, что почитаніе народное должно всегда находиться подъ высшею контролемъ. Съ этою цѣлю Церковь установлены разныя правила, которыя въ совокупности своей составили процессъ предварительнаго изслѣдованія, всегда предшествующаго канонизаціи въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ этого слова и имѣющаго своею главною цѣлю провѣрить тѣ данныя, которыя говорятъ въ пользу причисленія того или другаго лица къ лику святыхъ. Такимъ образомъ, канонизація святыхъ должна быть дѣломъ высшей церковной власти; участіе ея въ канонизаціи должно составлять главный и существенный признакъ послѣдней. Отсюда и самую канонизацію святыхъ въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ этого слова можно опредѣлить такимъ образомъ: она есть право, принадлежащее Церкви, въ лицѣ ея высшихъ представителей, причислять лица, извѣстныя ей благочестивою жизнью, особенными заслугами или мученичествомъ за вѣру Христову, къ лику святыхъ. Данное понятіе о канонизаціи, въ существѣ дѣла вѣрное, тѣмъ не менѣе, однако, не можетъ быть признано полнымъ: оно не обнимаетъ еще одного признака, входящаго въ составъ этого понятія. Ибо канонизація всегда выражается въ какихъ-нибудь формахъ; совершеніе ея обуславливается различными правилами и условіями, всегда необходимыми. Поэтому, полнѣе опредѣляя понятіе о канонизаціи, мы должны формулировать это опредѣленіе такимъ образомъ: канонизація святыхъ есть причисленіе высшею властію Церкви, выраженное въ извѣстныхъ установленныхъ ею формахъ, того или другаго лица, извѣстнаго ей благочестивою жизнью, мученичествомъ за вѣру и прославленнаго отъ Бога знаменіями и чудесами, къ лику святыхъ.

Само собою разумѣется, нельзя думать, чтобы канонизація святыхъ съ перваго же раза явилась съ готовыми формами, правилами и правилами своего совершенія, которыя уже нѣкогда постоянно неизмѣнно сохранились и применялись бы въ практикѣ церковной.

¹⁹⁾ Самое слово канонизація, говорятъ Мартинъ (*Dictionnaire des Antiquités Chrétiennes*, 104) и Краусъ (*Real-Encyclop. der Christl. Alterthümer*, выд. 9, 2—97) есть уже позднѣйшаго происхожденія, хотя понятіе, добавляетъ предвѣднѣй, которое соединяется съ этимъ словомъ, такъ же древне, какъ и сама Церковь.

Тѣ формы и приемы, въ какихъ первоначально выражалась канонизация святыхъ, потомъ сообразно съ обстоятельствами и условіями, какия въ разное время переживала Церковь, постепенно развивались и видоизмѣнялись. Трудно, конечно, перечислить здѣсь, въ общихъ свѣдѣніяхъ о канонизации, всѣ эти формы и приемы послѣдней, равно какъ и правила совершенія ея, многія изъ которыхъ уже давно вышли изъ практики церковной и сдѣлались достояніемъ исторіи. Поэтому мы укажемъ здѣсь только тѣ изъ нихъ, которыя сохраняются и до сихъ поръ еще въ нашей Церкви. Къ формамъ, въ которыхъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ и до настоящаго времени, выражалась канонизация святыхъ, принадлежатъ: установленіе празднованія дня памяти святого и внесеніе имени его въ святцы или мѣсяцесловъ. Установленіе праздника въ честь того или другого святого дѣлало необходимымъ составленіе житія и канона ему, которые бы могли читаться и пѣться въ этотъ день въ Церкви.

Установленіе праздника въ честь того или другого святого и внесеніе имени его въ календарь составляютъ главнѣйшія и существеннѣйшія формы, въ которыхъ выражается и которыми сопровождается канонизация святыхъ. Послѣ того какъ установленъ праздникъ въ честь святого и имя его внесено въ календарь, онъ формально причисляется къ лику святыхъ: къ нему обращается Церковь съ молитвами о ходатайствѣ и помощи; съ этого времени во имя его начинаютъ строить храмы. Иконы этого святого и мощи, если онѣ, конечно, были открыты, выставляются для всеобщаго почитанія. При этомъ на иконѣ ликъ святого всегда окружается сіяніемъ (nimbus) или вѣнцомъ, въ знакъ того, что святой сдѣлался участникомъ высшей небесной славы ¹⁷⁾.

¹⁷⁾ Нимбъ (Nimbus) т. е. сіяніе вокругъ головы, употребляемый для выраженія славы и блаженства, заимствованъ въ христіанскую иконографію изъ классическаго искусства. Греческіе и римскіе художники изображали своихъ боговъ и героевъ обыкновенно съ нимбомъ или ореоломъ. Со времени же Александра Македонскаго стали изображать въ лучахъ не только боговъ и героевъ, но и этотъ атрибутъ жителямъ Олимпа, изъ лести начали приписывать и Императорамъ, которымъ стали поклоняться подобно безсмертнымъ. Такъ съ нимбомъ изображались: Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Августъ, Неронъ и другіе Римскіе Императоры. Въ христіанскомъ искусствѣ первыхъ трехъ вѣковъ мы не встрѣчаемъ ни нимба, ни лучистаго вѣнца (Фризенъ, Римскія Ватакомбы 11, 175). Изъ церковной археологіи мы знаемъ, что простой нимбъ (однѣнъ кругъ вокругъ головы) на головѣ Спасителя въ первый разъ появляется на позолоченныхъ

Право совершения канонизации въ различное время принадлежало различнымъ лицамъ, начиная съ епископа мѣстной Церкви, до папы и цѣлыхъ соборовъ. Единообразіе въ этомъ отношеніи установилось уже сравнительно въ позднее время: въ Католической Церкви право совершения канонизации святыхъ перешло исключительно къ папѣ не ранѣе послѣдней четверти XII в., въ Восточной Греческой Церкви право совершения канонизации продолжало принадлежать епископамъ мѣстныхъ Церквей по крайней мѣрѣ до XIV вѣка. Подобно Греческой Церкви и въ Церкви Русской право совершения канонизации святыхъ до XVI вѣка принадлежало епископамъ и только съ этого времени, именно со времени Маварьевскихъ соборовъ, перешло исключительно къ высшей центральной власти нашей Церкви.

Тотъ или другой святой можетъ быть почитаемъ и прославляемъ только въ одной Церкви, каковой-нибудь мѣстной, и въ такомъ случаѣ онъ будетъ только мѣстнымъ угодникомъ; или же можетъ быть почитаемъ во всей Вселенской Церкви и въ этомъ послѣднемъ случаѣ святой становится угодникомъ общимъ или всецерковнымъ. Такъ напр., наши русскіе святые по отношенію къ древнимъ святымъ Греческой

стѣлахъ (*fondi-d'oro*) уже въ концѣ III-го вѣка и на мозаикахъ церковей въ IV вѣкѣ; въ V вѣкѣ онъ дѣлается на мозаикахъ почти неизмѣннымъ атрибутомъ, кромѣ Спасителя, еще и Ангеловъ; въ томъ же вѣкѣ начинаютъ имъ украшать головы Пресв. Дѣвы, верховныхъ апостоловъ и другихъ святыхъ, на головахъ же Спасителя съ того же вѣка обычно, но далеко не всегда—рисуются крещатый нимбъ и иногда пимбъ съ монограммой Спасителя. (А. Розовъ, Христіанская Нубія Труды К. Д. А. 1889 г. 10, 281.). Нимбъ, однажды принятый върущими, какъ способъ выраженія святости и блаженства, никогда уже потомъ не выходилъ изъ употребленія христіанъ востока. До сихъ поръ изображенія Спасителя, апостоловъ, мучениковъ, ангеловъ и святыхъ византійскаго стиля неизменно безъ сіянія или нимба. Впрочемъ, нимбъ и въ христіанской Церкви не всегда прилагался къ однимъ только святымъ. Римскіе императоры, принявшіе христіанство, продолжали, подобно языческимъ предшественникамъ своимъ изображаться съ нимбомъ. Такъ напр. Константинъ В. въ мозаикахъ, на монетахъ и медаляхъ является съ этимъ знакомъ святости даже и послѣ обращенія; также и другіе императоры: Теодосій и сыновья его Гонорій и Аркадій. Въ Россіи государей, не причисленныхъ къ лику святыхъ, начинаютъ изображать съ нимбомъ только послѣ установленія самодержавной власти Московскихъ царей т. е. съ XVI в. (Вѣсти общества древн. русск. искусства, при Моск. публ. Муз., изд. подъ ред. Филимонова 1875 г. 6—10. Иконные портреты русскихъ царей).

Церкви, признаваемымъ всею Вселенскою Церковію, будутъ мѣстными святыми, а послѣдніе вселенскими. На этомъ основывается различіе канонизація святыхъ — мѣстной и всеобщей. Первая даетъ право на почитаніе святого въ какой-нибудь одной Церкви, послѣдняя же даетъ право на почитаніе во всей Вселенской Церкви. Но и въ каждой мѣстной Церкви (Русской, Болгарской и т. д.) могутъ быть и общіе и мѣстные святые. Первыми будутъ тѣ, которые прославляются во всей Церкви, мѣстными будутъ тѣ, которые прославляются только въ одной какой-нибудь части ея (епархіи). Ближайшая причина, отъ которой зависитъ это различіе въ характерѣ канонизаціи, стоитъ въ тѣсной связи и зависимости отъ того, вѣмъ совершается она. Если канонизація того или другого святого совершается мѣстнымъ епископомъ, власть котораго простирается на одну только его епархію, то, очевидно, и святой, канонизованный этимъ епископомъ, преимущественно почитается только въ его епархіи и, слѣдовательно, канонизація должна будетъ носить мѣстный характеръ ¹⁸⁾. Если же канонизація святого совершается высшею властію Церкви, то въ такомъ случаѣ она носитъ уже общій характеръ, и святой прославляется во всей Церкви. Но, кромѣ этой главной причины, которою обусловливается мѣстный характеръ канонизаціи, есть и другія условія и обстоятельства, которыя дѣйствуютъ въ томъ же направленіи. Эти обстоятельства и условія касаются не только церковной жизни, но очень часто и гражданской, политической. Главное изъ этихъ условій, это усиленіе централизаціи церковной власти, ведущее за собою уменьшеніе правъ епископовъ мѣстныхъ Церквей, или же усиленіе централизаціи власти государственной, всегда ведущей за собою объединеніе прежде разрозненныхъ частей, жившихъ особою жизнію, въ одно цѣлое, вслѣдствіе чего и мѣстный характеръ почитанія святыхъ, благодаря этому, постепенно уменьшается, и почитаніе ихъ распространяется на все объединенное цѣлое.

¹⁸⁾ Мѣстное почитаніе, обусловливаемое мѣстнымъ характеромъ канонизаціи, нужно отличать отъ того почитанія, которое мы называемъ мѣстнымъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова или народнымъ. Различіе между тѣмъ и другимъ состоитъ въ томъ, что при послѣднемъ канонизаціи собственно церковной нѣтъ, тогда какъ первое всегда сопровождается ею. Это различіе всегда нужно помнить, когда мы будемъ говорить о мѣстномъ почитаніи того или другого святого.

Приступая къ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ, мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемъ очень много затрудненій. Мало того, что этотъ вопросъ принадлежитъ къ числу вопросовъ, которыхъ еще совершенно не касались въ русской церковно-исторической наукѣ, но и матеріаль, необходимый для его рѣшенія, еще совсѣмъ почти не собранъ и не сгруппированъ. Поэтому намъ приходится и собирать этотъ матеріаль, и дѣлать на основаніи его тѣ или другіе выводы. Но если вообще наша древняя церковная исторія небогата источниками, то относительно вопроса нашего и подавно. Особенно эта бѣдность источниковъ сказывается при обзорѣ исторіи канонизаціи за первый періодъ ея, обнимающій собою время отъ половины 11 вѣка до половины 16 вѣка. Прежде всего этотъ періодъ неособенно богатъ фактами канонизаціи, ибо во все продолженіе его Русская Церковь канонизовала сравнительно съ послѣдующимъ временемъ очень мало святыхъ; затѣмъ,—и это главное—онъ весьма бѣденъ свѣдѣніями объ этихъ фактахъ. Мы не только не находимъ никакихъ извѣстій о томъ, какъ совершалась канонизація, т. е. о ея формѣ, приемахъ и правилахъ, но иногда очень трудно и даже почти невозможно опредѣлить и самое время совершенія ея. Это отсутствіе извѣстій съ перваго взгляда невольно наводитъ на мысль, что канонизаціи, понимаемой въ смыслѣ признанія высшею духовною властію святымъ того или другого почившаго угодника, у насъ во многихъ случаяхъ и не было. Большею частію дѣло представляется такъ. Умираетъ какой-нибудь подвижникъ, извѣстный святостію своей жизни. Послѣ его смерти, спустя долгое или короткое время является житіе его, затѣмъ служба, начинаютъ строить въ честь его храмы и праздновать день смерти; словомъ, начинается почитаніе церковное, что несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ уже, что умершій признанъ за святого или канонизованъ. Но когда эта канонизація совершилась и какъ, т. е. былъ ли признанъ этотъ умершій за святого высшею церковною властію, или это случилось такъ, само собою, постепенно,—обо всемъ этомъ свѣдѣній не сохранилось, потому что не находимъ акта, который бы положительно говорилъ, что такой-то святой и тогда-то признанъ высшею церковною властію за святого. Такихъ актовъ или опредѣленій церковной власти о причисленіи къ лику святыхъ и церковномъ почитаніи того или другого святого мужа, просіявшаго святою жизнію,—опредѣленій, подобныхъ тому, какое объявлено было въ настоящемъ столѣтіи, въ 1831 году, по случаю открытія мощей святителя Митрофана и другого, которое объявлено было въ 1861 г., по случаю канонизаціи св. Тихона,—такихъ актовъ за весь первый періодъ канонизаціи русскихъ святыхъ мы имѣемъ только одинъ, это актъ канон-

низации св. Петра, митрополита Московскаго ¹⁹⁾). Не имѣя же такихъ актовъ, которые были бы для насъ драгоценны какъ для опредѣленія времени канонизации того или другого святого, такъ, главнымъ образомъ, и для знакомства съ формами и приемами ея, мы должны обратиться въ другимъ источникамъ. Къ такого рода источникамъ мы относимъ: а) святцы или мѣсяцесловы, б) житія и службы святымъ и г) лѣтописи. При этомъ нужно замѣтить, что и указанные источники не всѣ могутъ быть полезны для нашей цѣли въ одинаковой мѣрѣ. Чтобы видѣть, насколько каждый изъ этихъ источниковъ намъ можетъ быть полезенъ, мы сдѣлаемъ краткое ихъ обзорѣние.

Свое обзорѣние агиологическихъ источниковъ мы начнемъ съ обзорѣнія святцевъ ²⁰⁾). Съ перваго взгляда кажется, что для опредѣленія

¹⁹⁾ Хотя преосвящ. Филаретъ въ предисловіи къ январской книгѣ „Житій русскихъ святыхъ“ и обѣщався отыскать такіе акты для того, чтобы провѣрить известное „Описаніе о россійскихъ святыхъ, гдѣ и въ которомъ градѣ поживе и чудеса сотвори“, служившее ему руководствомъ къ тому, дабы не поставить въ число святыхъ лица, не признаннаго святымъ со стороны Церкви“, но не выполнилъ своего обѣщанія, какъ можно судить по остальнымъ книжкамъ. Ибо хотя онъ и объявляетъ, что почти „о всѣхъ лицахъ отысканы имъ акты духовнаго управления съ предписаніемъ или извѣстіемъ о ихъ почитаніи церковномъ“, но намъ кажется, что автору слѣдовало бы для полноты и основательности своего ученаго труда не только отыскать акты духовнаго управления съ предписаніемъ или извѣстіемъ о почитаніи нашихъ святыхъ, но и подѣлиться этими актами съ читателями, хотя бы въ примѣчаніяхъ. При отсутствіи же такихъ ссылокъ на „акты духовнаго управления“, у читателя невольно является сомнѣніе въ томъ—дѣйствительно ли они отысканы авторомъ.

²⁰⁾ Преосвященный Сергій, перечисляя различные памятники агиологій, совершенно упустилъ изъ вида синодики и даже не упоминаетъ объ нихъ, очевидно потому, что онъ отрицаетъ всякое значеніе ихъ для агиологій. И. Д. Мансветовъ въ свое время упрекалъ автора Агиологій Востока въ этомъ пробѣлѣ. „Конечно, говорить онъ, отираваясь отъ теперешняго понятія о синодикахъ, какъ поминальныхъ записяхъ, напрасно было бы искать въ нихъ матеріала агиологическаго; но если взять во вниманіе первоначальный типъ этихъ поминниковъ въ видѣ диптиха, тогда дѣло представится въ иномъ видѣ, и синодики получатъ значеніе важнаго агиологическаго документа“. (Мансветовъ. Разборъ сочин. Преосв. Сергія, стр. 43). Придавая важное значеніе синодикамъ для агиологій вообще, И. Д. Мансветовъ признаетъ за ними, въ частности, значеніе и для канонизации нашихъ святыхъ, хотя впрочемъ, подробно и не раскрываетъ этого значенія, а равно и не представляетъ никакихъ доказательствъ своего положенія, кромѣ одного факта внесенія въ синодики имени преп. Феодосія Пе-

времени канонизации того или другого святого святцы или мѣсяцесловы могутъ служить для насъ незамѣнимымъ источникомъ, ибо, поведимому, естественно ожидать, что непосредственно за признаніемъ святости того или другого угодника слѣдовало внесеніе имени его въ мѣсяцесловы. Но исторія не представляетъ достаточныхъ фактовъ для подтвержденія этого положенія, даже, напротивъ, опровергаетъ послѣднее, особенно по отношенію къ первому времени. Присматриваясь къ дошедшимъ до насъ святцамъ изъ древняго періода нашей

черскаго (Ibid. стр. 44). Не отрицая значенія синодиковъ недѣль Православія для агіологіи вообще, мы однако не можемъ согласиться съ положеніемъ И. Д. Мансветова о значеніи ихъ въ вопросѣ о канонизации нашихъ святыхъ. Чтобы это мнѣніе имѣло какое-нибудь научное значеніе, для этого необходимо подтвердить его фактами изъ исторіи канонизации нашихъ святыхъ. И. Д. Мансветовъ это, поведимому, и дѣлаетъ, когда ссылается на внесеніе имени препод. Θεοδοσία въ синодикъ. Но этотъ фактъ едва-ли можетъ служить такимъ основаніемъ, такъ какъ еще составляетъ вопросъ, дѣйствительно-ли канонизация препод. Θεοδοσία Печерскаго состояла только во внесеніи его имени въ синодикъ недѣль Православія. Празднованіе дня памяти его или канонизация его въ собственномъ смыслѣ могла быть совершена и ранѣе, только записи о ней не сохранилось. Что дѣйствительно внесеніе имени святого въ синодикъ не было его канонизацией, на это мы имѣемъ несомнѣнное доказательство, каковымъ можетъ служить фактъ, имѣвшій мѣсто въ концѣ XVI вѣка. Именно, въ 1592 году митрополитъ Казацкій Гермогенъ, собравъ свѣдѣнія о казанскихъ мученикахъ—Іоаннѣ, Стефанѣ и Петрѣ, послалъ изъ патриарху Іову вмѣстѣ съ грамотой, въ которой между прочимъ пишетъ: „в тѣ, государь, святіи и исповѣдницы и до дне сего въ большомъ синодикѣ, иже чтется въ недѣлю Православія, не написаны, и память ихъ вѣчная не поется, и въ синодникахъ литейномъ и повсядневномъ не написаны жъ. И тебѣ бы, государю, о томъ мнѣ богомолцу твоему указъ твой святительскій учинить, какъ ихъ велишь въ синодикѣ писать, и которую имъ повелишь вѣчную память пѣти“. Патриархъ Іовъ въ своей отвѣтной грамотѣ пишетъ митрополиту: „мученики: Іоанну, Стефану и Петру, что пострадали за Христа и за нашу благочестивую христіанскую вѣру, и ты бѣ, сыну, учинилъ имъ панихиду, по своему произволенію, въ которые поры ихъ страданіе было и въ большой синодикъ, что чтется въ недѣлю Православія, и въ литейный и въ повсядневный велѣлъ написать“. И дѣйствительно, по благословенію патриарха Іова этимъ мученикамъ память „учинена Генваря въ 24 день, на память св. Ксенія, также безцереводно, съ соборомъ митрополиту панихида и обѣдня служить самому, также и по всѣмъ церквамъ святымъ и по монастырямъ и по мирскимъ написать и поминати на литіяхъ и на обѣдняхъ. (Любарскій, Сборникъ Древностей Казанской Епархіи, 72—75). Приведенный нами фактъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ мнѣніе И. Д. Мансветова

Дереви, мы видимъ, что хотя послѣднею и были устанавливаемы праздники въ честь русскихъ святыхъ, однако, они не были вносимы въ мѣсяцесловы иногда очень долгое время. Такъ, мы имѣемъ подъ руками святцы изъ XI и XIII вѣвовъ. Въ первыхъ не находится ни одного праздника въ честь русскихъ святыхъ, установленнаго нашею Церковью, хотя тогда они уже и существовали; во вторыхъ же находимъ только праздники въ честь святыхъ Бориса и Глѣба и преподобнаго Θεодосія Печерскаго, хотя исторія несомнѣнно показываетъ, что къ этому времени число праздниковъ, установленныхъ Русскою Церковью, было уже гораздо болѣе ²¹⁾. Точно также это было и въ послѣдующія времена Русской Церкви. Такъ, въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ мѣсяцесловахъ первой половины XV вѣка мы находимъ только слѣдующихъ святыхъ: преподобнаго Θεодосія, перваго начальника общему житію, св. Владимира и св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба ²²⁾. Между тѣмъ, какъ увидимъ ниже, къ XV вѣку святыхъ, прославленныхъ нашею Церковью, было гораздо болѣе. Эти факты нагляднымъ образомъ свидѣтельствуютъ, что прославленіе того или другого святого не всегда сопровождалось внесеніемъ его имени въ святцы или мѣсяцесловы. Кромѣ того, наши святцы такъ же, какъ и въ Греческой Церкви (о чемъ ниже), отъ которой они перешли и къ намъ, стояли внѣ надзора церковнаго. „Несправедливо было бы думать, говорить преосвященный Макарій, будто такое внесеніе святыхъ русскихъ и славянскихъ въ наши тогдашніе святцы было слѣдствіемъ распоряженія высшей духовной власти, митрополита или собора: въ такомъ случаѣ въ святцы извѣстнаго времени были бы внесены одни и тѣ же святые,

о значеніи синодиковъ для канонизаціи нашихъ святыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы внесеніе именъ казанскихъ мучениковъ въ синодикъ было ихъ канонизаціею, то, очевидно, имъ былъ бы тогда же установленъ праздникъ, составлено было бы житіе и служба, а между тѣмъ, какъ это видно изъ словъ патріарха Іова, имъ пѣли еще только панихиду, и ни тогда, ни послѣ не было установлено дня празднованія памяти ихъ, что необходимо предполагается канонизаціею. Да и въ настоящее время въ нашихъ святцахъ нѣтъ именъ этихъ святыхъ. Такимъ образомъ исторія канонизаціи нашихъ святыхъ не только не подтверждаетъ мнѣнія о значеніи синодиковъ при канонизаціи святыхъ, но прямо опровергаетъ его. Вотъ почему и мы при обзорѣнн формъ и приемовъ канонизаціи нашихъ святыхъ не будемъ уже болѣе упоминать о синодикахъ.

²¹⁾ Святцы при Остромировомъ Евангел. 1056 г. (Хр. Чт. 1852 г. 1,486—517) и святцы XIII вѣка 3 т. Ц. Истор. Макарія 279—92.

²²⁾ Описаніе рукоп. Р. Муз. 710—12.

чего однако не видимъ. А, по всей вѣроятности, это зависѣло частію отъ произвола переписчиковъ или лицъ, по волѣ которыхъ они писались, частію же отъ того только, что имена извѣстныхъ святыхъ находились въ рукописяхъ, иногда привезенныхъ изъ Греціи, съ которыхъ у насъ снимались копии²³⁾. Естественнымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей, очевидно, должно было быть разнообразіе святцевъ относительно памятней русскихъ святыхъ. И дѣйствительно, трудно найти двое святцевъ, принадлежащихъ къ одному и тому же времени, которые были бы сходны между собою. Это несходство и разнообразіе должно было еще болѣе увеличиться потому, какъ увидимъ ниже, что за весь первый періодъ канонизаціи русскихъ святыхъ почитаніе ихъ носило главнымъ образомъ мѣстный характеръ; въ силу котораго переписчикамъ святцевъ естественно было вносить въ послѣдніе преимущественно только мѣстныхъ святыхъ и тѣхъ изъ другихъ областей, которыхъ почему-либо переписчики предпочитали другимъ. Если же, съ одной стороны, церковное прославленіе того или другого святого не всегда необходимо вело за собою внесеніе его имени въ церковныя святцы и если, съ другой стороны, святцы, предоставленныя произволу переписчиковъ, стояли внѣ церковнаго надзора, вслѣдствіе чего въ нихъ легко могли быть вносимы лица, только мѣстно чтимыя (въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова), но Церковью формально еще не канонизованныя, то очевидно, что и на свидѣтельство ихъ при опредѣленіи времени совершенія канонизаціи трудно положиться. Впрочемъ, намъ для означенной цѣли придется все-таки иногда обращаться къ послѣднимъ, это главнымъ образомъ тогда, когда нѣтъ прямыхъ и положительныхъ свидѣтельствъ о времени совершенія канонизаціи того или другого святого; ибо присутствіе имени святого въ святцахъ извѣстнаго времени, особенно, если съ этимъ же временемъ совпадаетъ появленіе житія и службы ему, можетъ служить основаніемъ для болѣе или менѣе вѣроятнаго предположенія о времени совершенія канонизаціи святого. А такихъ случаевъ нѣтъ перваго періода, когда для опредѣленія времени канонизаціи святого приходится обращаться къ этимъ второстепеннымъ источникамъ, какъ увидимъ, будетъ немало.

Еще менѣе могутъ быть полезны для нашей цѣли; т. е. для опредѣленія времени совершенія канонизаціи того или другого святого, житія святыхъ, которыя въ большинствѣ случаевъ появлялись задолго

²³⁾ Церк. Ист. Макарія IV т. 260—61.

до церковной канонизации ихъ, служа только подготовительнымъ условіемъ къ этой послѣдней. Впрочемъ, между житіями, по своей формѣ различными, есть одна форма, которая можетъ указывать иногда на время канонизации святого. Это такъ называемая проложная форма. Она всегда помѣщается въ службѣ святому, именно въ канонѣ, и имѣетъ богослужбное значеніе, такъ какъ читалась на утрени послѣ шестой пѣсни канона²⁴⁾). Такимъ образомъ существованіе житія въ послѣдней формѣ можетъ свидѣтельствовать о началѣ церковнаго почитанія того или другого святого. Кроме того, эта послѣдняя форма житія, какъ увидимъ ниже, требовалась и для канонизации святого, вслѣдствіе чего, если такого житія ранѣе послѣдней не появлялось, то оно составлялось всегда послѣ нея и потомъ провѣрялось высшею духовною властію. Въ послѣднемъ случаѣ, очевидно, проложная форма житія можетъ служить уже положительнымъ свидѣтельствомъ о времени совершенія канонизации того или другого святого.

Но если житія святыхъ не всегда могутъ для насъ служить основаніемъ для опредѣленія времени канонизации того или другого святого, то они составляютъ для насъ незамѣнимый источникъ въ другомъ отношеніи. Агіобіографы при составленіи житій главнымъ образомъ имѣли въ виду достиженіе двухъ цѣлей: назиданіе читателей и похвалу святому. Поскольку житія являлись для достиженія цѣлей назиданія, постольку они для насъ безразличны. Чтобы достигнуть второй цѣли, агіобіографъ долженъ былъ излагать исторію прославленія святого, — и въ этомъ послѣднемъ отношеніи житія святыхъ, хотя и не всѣ, даютъ намъ много драгоценныхъ свѣдѣній для составленія представленія о способахъ, приѣмахъ и правилахъ канонизации за тотъ или другой періодъ нашей исторіи, ибо эта намѣченная агіобіографомъ цѣль заставляла его говорить объ открытіи мощей, о чудесахъ, о свидѣтельствovanіи тѣхъ и другихъ высшею духовною властію и проч. А это все такія свѣдѣнія, не имѣя которыхъ, мы не могли бы составить понятія и о формѣ канонизации. Поэтому впослѣдствіи намъ придется весьма часто обращаться къ житіямъ святыхъ и нѣкоторыя главы, какъ увидимъ ниже, придется писать исключительно на основаніи ихъ однихъ.

Болѣе важное значеніе для опредѣленія времени совершенія канонизации могутъ имѣть службы въ честь святыхъ. Канонизация всегда сопровождалась установленіемъ праздника въ честь святого. А установленіе праздника естественно дѣлало необходимымъ составленіе ему

²⁴⁾ Ключевскій: Житія святыхъ, какъ истор. источникъ, стр. 362.

службы. Такимъ образомъ, служба тому или другому святому являлась слѣдствіемъ его канонизаціи. Такъ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ, какъ показываетъ исторія, было и на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе такой тѣсной связи канонизаціи святаго съ службой ему, въ силу которой первая была причиною, а послѣдняя слѣдствіемъ первой, естественно, что время появленія службы можетъ говорить и о времени совершенія канонизаціи. Впрочемъ, въ исторіи мы встрѣчаемъ факты, которые показываютъ, что иногда службы святымъ подобно тому, какъ и житія, появлялись ранѣе ихъ канонизаціи. Случалось, что какой-нибудь грамотей, особенно ревнуя о почитаніи и прославленіи святаго, по своей собственной инициативѣ составлялъ службу ему. Конечно, въ первое время она не имѣла церковнаго значенія, будучи употребляема въ частной, домашней молитвѣ. Но потомъ та же ревность, которая побудила написать службу святому, побуждала составителя ея распространять её въ обществѣ, вслѣдствіе чего кругъ ея читателей расширялся: она уже является во многихъ спискахъ. Таково, напр., происхожденіе службы св. Андрея, князя Смоленскаго. Это видно изъ словъ преп. Данила Переяславскаго, который, ходатайствуя о церковномъ прославленіи этого святаго, между прочимъ говорилъ царю Ивану Васильевичу и митрополиту Іосафу: „мы же не предъ многима лѣты своими очима видѣхомъ память ему творя въ храмѣ, въ немъ же мощи его почиваху и службу ему совершаему и стихеры и канунъ имети его пѣаемы и на иконахъ образъ его нарисуемъ“²⁵⁾. Таково же происхожденіе канона преподобнаго Іосифа Волоцкаго, написаннаго еще до канонизаціи этого святаго Фотіемъ, ученикомъ Кассіана Босаго, для молитвованія по нему въ келліи. Но подобныхъ примѣровъ исторія представляетъ намъ очень немного, такъ что на нихъ можно смотрѣть, какъ на исключеніе изъ общаго правила, по которому служба святому обуславливалась его церковнымъ прославленіемъ. При этомъ служба, явившаяся ранѣе канонизаціи святаго, какъ это видно изъ приведеннаго выше примѣра Іосифа Волоцкаго, имѣетъ только частное, такъ сказать, домашнее употребленіе. Между тѣмъ мы, конечно, для опредѣленія времени канонизаціи, будемъ брать во вниманіе только такія службы, о которыхъ положительно извѣстно, что онѣ имѣли богослужебное значеніе, т. е. пѣлись въ церкви въ празднествѣ святому, о чемъ можно судить уже по тому, что на этихъ службахъ часто мы находимъ помѣтки, что такая-то служба составлена по благословенію такого-то митрополита или епископа.

²⁵⁾ Рукоп. сборн. Тр. С. Л. № 696, л. 225.

Помимо этого значенія службы, составленныя въ честь святыхъ, имѣютъ еще другое, такъ сказать, косвенное значеніе для опредѣленія времени совершенія канонизаціи того или другого святого. Хотя службы святымъ, какъ и житія ихъ, имѣя однѣ и тѣ же цѣли, назиданіе вѣрующихъ и прославленіе угодниковъ,—и мало заключаютъ въ себѣ историческихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе иногда у автора проскальзываютъ намеки на современные факты и событія, по которымъ можно опредѣлить время появленія службы святому и, слѣдовательно, время его прославленія церковнаго. Такъ, напр., службы, составленныя въ періодъ монгольскій, всѣ почти содержатъ въ себѣ указанія на это иго, съ просьбою о ходатайствѣ святаго предъ Богомъ о скоромъ избавленіи отъ поганыхъ. Само собою разумѣется, что указанія эти отличаются общимъ характеромъ. Но иногда и такого рода указанія, какъ увидимъ ниже, могутъ принести пользу, проливая свѣтъ въ непроглядную тьму древности.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ источникъ для насъ необходимый—это лѣтописи. Лѣтописи также имѣютъ въ этомъ отношеніи немаловажное значеніе, заключаая въ себѣ указанія и свѣдѣнія драгоцѣнныя для насъ. Лѣтописцы наши передаютъ не мало фактовъ, касающихся жизни болѣе извѣстныхъ и знаменитыхъ святыхъ и ихъ прославленія послѣ смерти. Они рассказываютъ ихъ житія, повѣствуютъ объ открытіи мощей, иногда даже и объ установленіи праздниковъ въ честь ихъ. Случится ли чудо при гробѣ святаго, лѣтописецъ съ великою радостію вноситъ въ свою лѣтопись иногда простое извѣстіе, что такого года Богъ простилъ у гроба такого-то святаго человѣка; большаго тѣмъ-то,—иногда же цѣлсе пространное сказаніе о чудесіи; построютъ-ли храмъ въ честь святаго, лѣтописецъ не преминетъ занести и это въ свою хронику.

Изъ обозрѣнія источниковъ, которыми мы будемъ пользоваться при составленіи исторіи канонизаціи Русскихъ святыхъ, можно уже видѣть, насколько они недостаточны для этого. Благодаря такому недостатку послѣднихъ, намъ, естественно, пришлось обратиться для рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ исторіи канонизаціи Русскихъ святыхъ къ Церкви Греческой въ той надеждѣ, что знакомство съ способами и приемами канонизаціи послѣдней принесетъ намъ существенную пользу. Отсюда должна быть вполне понятна цѣль нашей первой главы, въ которой мы думаемъ представить краткій очеркъ канонизаціи въ Греческой Церкви.

Въ X вѣкѣ Россія приняла христіанство отъ Восточной Греческой Церкви. вмѣстѣ съ ученіемъ, составляющимъ внутреннее соде -

замѣ христіанства, она заимствовала отъ Церкви Греческой праздники и святцы. Заимствовавъ греческіе святцы, Русская Церковь, слѣдовательно, въ первое время совершала тѣже самые праздники, какіе совершала и Церковь Греческая.

До XI вѣка Русская Церковь не устанавливала своихъ собственныхъ праздниковъ. Но съ первой половины этого вѣка въ прежнимъ, заимствованнымъ ею отъ Греческой Церкви, она стала присоединять праздники въ честь своихъ собственныхъ святыхъ, прославленныхъ среди нея Богомъ. Съ этого времени и начинается исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Естественно думать, что при первомъ представившемся случаѣ канонизаціи наша Церковь за формами и приемами послѣдней обратилась къ Церкви Греческой, отъ которой она заимствовала и праздники въ честь святыхъ. Отсюда и канонизація святыхъ въ первое время существованія Русской Церкви должна быть сходною въ своихъ существенныхъ чертахъ съ канонизаціей въ Греческой Церкви за тотъ же самый періодъ времени.

Присматриваясь къ тому, какъ совершалась канонизація въ Русской Церкви, не трудно замѣтить въ ней два періода, рѣзко отличающіеся другъ отъ друга своими особенностями. Первый періодъ, начавшійся съ XI вѣка и продолжавшійся до половины XVI в., отличается мѣстнымъ характеромъ канонизаціи, причемъ право совершенія послѣдней принадлежало предстоятелямъ мѣстныхъ церквей — епископамъ. Во второмъ періодѣ, начавшемся знаменитыми Макаревскими соборами (1547 и 1549 г. г.), канонизація принимаетъ уже общій характеръ и при томъ болѣе однообразный; при чемъ право канонизаціи исключительно переходитъ къ митрополиту съ соборомъ епископовъ, и затѣмъ къ патріарху, вообще къ высшему органу духовной власти въ Русской Церкви. Порядокъ и правила канонизаціи святыхъ, установленныя у насъ Макаревскими соборами, дѣйствовали почти въ продолженіе всего XVII вѣка, вслѣдствіе чего и въ ходѣ совершенія ея мы не замѣчаемъ во все это время никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ и отличій до самаго учрежденія Св. Синода, когда Русская Церковь стала строже относиться къ канонизаціи святыхъ.

Наша задача и состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ канонизація русскихъ святыхъ, начавшаяся съ первоначально заимствованныхъ изъ Греческой Церкви формъ, потомъ постепенно измѣнялась, пока не приняла постоянныхъ и опредѣленныхъ формъ, существующихъ въ ней и доселѣ,—въ чемъ состояли эти перемѣны и чѣмъ онѣ вызывались и обуславливались.

Намѣченными нами задачами вполнѣ опредѣляется и планъ нашего изслѣдованія. Послѣ введенія, въ которомъ даны были общія свѣдѣнія о канонизаціи, оно будетъ состоять изъ 4 главъ и заключенія. Въ первой главѣ мы дадимъ краткій очеркъ канонизаціи въ Церкви Греческой, до принятія отъ нея христіанства Россією; вторая глава будетъ посвящена исторіи канонизаціи въ нашей Церкви до Макарьевскихъ соборовъ; третья — исторіи канонизаціи на этихъ соборахъ и четвертая, наконецъ, будетъ посвящена изображенію общаго хода и порядка ея со времени послѣднихъ до учрежденія Святѣйшаго Синода. Въ заключеніи мы вкратцѣ изложимъ тѣ перемѣны, какія произошли въ дѣлѣ канонизаціи нашихъ святыхъ со времени учрежденія Святѣйшаго Синода.

ГЛАВА I.

Краткій очеркъ исторіи канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви.

I.

Вопросъ о канонизаціи святыхъ въ древней Церкви принадлежать въ числу очень темныхъ вопросовъ. Онъ не только не разрабатанъ въ русской церковно-исторической наукѣ, въ которой мы не можемъ указать ни одного изслѣдованія о немъ, но и на западѣ очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. Правда, можно указать нѣкоторые ученые (Siegel, Buddei)¹⁾, которые касались и вопроса о канонизаціи святыхъ, но и они своими изысканіями мало помогаютъ дѣлу; ибо, съ одной стороны, одни изъ нихъ, какъ ярые протестанты, смотрятъ на почитаніе святыхъ, какъ на суевѣріе, а на канонизацію ихъ, какъ на апофеозъ, ничѣмъ не отличающійся отъ языческаго апофеоза великихъ людей. Очевидно, что такіе взгляды по своей односторонности не только не могутъ помочь дѣлу, но скорѣе еще болѣе могутъ запутать его. Съ другой стороны и тѣ историческія свѣдѣнія, которыя можно найти въ произведеніяхъ всѣхъ этихъ писателей о канонизаціи, главнымъ образомъ относятся къ практикѣ Западной Церкви и притомъ къ позднѣйшему времени ея существованія (въ концѣ X и XI вѣковъ), такъ что о канонизаціи святыхъ въ древней Церкви можно сказать, что это совершенная terra incognita, если не брать во вниманіе самыхъ общихъ свѣдѣній о ней, которыя можно найти въ любомъ археологическомъ словарѣ. Поэтому въ предлагаемомъ здѣсь очеркѣ мы не думаемъ дать полнаго и всесторонняго изслѣдованія по данному вопросу, каковое при современномъ намъ состояніи агиологіи, при недостаткѣ фактовъ, сюда относящихся, въ настоящее время едва ли еще вѣ-

¹⁾ Buddei, Oratio de orig. ἀποθεώσεως seu canonisat. in ecclesia Romana въ его Miscellanea sacra p. 460—477; Siegel, Handbuch Christ. Kirchl. Alterthum. th. 2, 270.

можно. Мы постараемся собрать только общія свѣдѣнія, необходимыя для нашихъ цѣлей какъ о формахъ, приемахъ, практиковавшихся въ древней Греческой Церкви при совершеніи канонизаціи святыхъ, такъ потомъ о правилахъ и характерѣ ея.

Присматриваясь къ тому, какъ совершалась канонизація святыхъ въ древней Церкви, нетрудно замѣтить, что форма совершенія послѣдней не была постоянно одною и тою-же, но мало по малу видоизмѣнялась и осложнялась. При этомъ трудно точно указать время, когда происходили эти видоизмѣненія формъ ея и переходъ ихъ одна въ другую. Не задаваясь этими весьма трудными вопросами, мы постараемся показать только первоначальныя и потому простѣйшія формы канонизаціи, а затѣмъ позднѣйшія ея формы.

Мученики, какъ мы говорили выше, стали почитаться съ самыхъ первыхъ временъ существованія Церкви христіанской. Это почитаніе выражалось въ слѣдующихъ формахъ. Прежде всего, вѣрующіе употребляли всѣ средства, чтобы добыть и сохранить останки мученика. Съ этою цѣлью они устремлялись на средину амфитеатра, чтобы взять тѣло мученика; иногда же цѣною золота покупали у палачей его останки, дабы похоронить ихъ съ подобающею честью. Гробницы мучениковъ становились святилищами, куда вѣрующій народъ толпами стремился въ день смерти ихъ. Обыкновенно въ день памяти мученика вѣрующіе собирались при его гробницѣ и украшали ее цвѣтами и вѣнкою, ятоби тѣмъ выразить небесную славу мученика. Пруденцій говоритъ объ этомъ общеносеніи:

*Nos tecta fovebimus oza
Violis, et fronde frequenti²⁾.*

Другимъ подобнымъ же по значенію символическимъ дѣйствіемъ было окруженіе гробницы мученика горящими лампами, обычай, служившій у христіанъ символическимъ знакомъ того свѣта, которымъ наслаждается праведный въ царствѣ небесномъ³⁾. Это почитаніе народ-

²⁾ Prudentius hymn. X, vers 169—170.

³⁾ Самыя гробницы мучениковъ отличались отъ другихъ гробницъ особыми символическими знаками. Такимъ знакомъ прежде всего служила палка, символъ побѣды, потому что для христіанъ умереть значило побѣдить: ergo vincimus, cum occidimur. Выраженіе „пальма мученичества“ стало въ Церкви классическимъ. Въ диптихахъ, въ актахъ мученическихъ, въ мартирологахъ постоянно встрѣчаются выраженія: *martyrii palmam accepit, martyrii palma coronatus est,*

ное, естественно вытекавшее из уваженія къ подвигамъ того или другого мученика, служило подготовительнымъ путемъ къ канонизаціи собственно церковной. Церковь въ лицѣ предстоятелей своимъ авторитетомъ санкціонировала это народное почитаніе. Эта санкція выражалась въ томъ, что епископъ той Церкви, гдѣ пострадалъ извѣстный мученикъ, назначалъ день въ году, въ который народъ собирался на могилу мученика для празднованія его памяти ⁴⁾. Такъ, изъ мученическихъ актовъ Св. Игнатія и Поликарпа мы узнаемъ, что епископы объявляли дни, въ которые должна быть празднуема ихъ память ⁵⁾. Точно также Пруденцій въ своемъ XI гимнѣ (*In primis cineres vasitotum Romula in urbe*), изобразивъ страданія св. мученика Ипполита, въ заключеніе убѣждаетъ епископа Валеріана (Сарагосскаго) причислить къ праздничнымъ днямъ и день памяти этого мученика ⁶⁾. Въ назначенный епископомъ день народъ собирался къ гробницѣ мученика и здѣсь совершалась литургія. Гробница мученика, помѣщавшаяся обыкновенно подъ сводомъ *arcosolium*'а ⁷⁾, покрывалась каменной доской, называвшейся *mensa*, какъ свидѣлствуетъ Пруденцій:

*Illa sacramenti donatrix mensa eademque,
Custos fida sui martyris adposita,
Servat ad aeterni spem iudicis ossa sepulcro.
Pascit item sanctis Fibricolas dapibus* ⁸⁾.

На этой-то доскѣ и совершалось таинство Евхаристіи. Такимъ образомъ, канонизація святыхъ на первыхъ порахъ выражалась въ

martyrii palmas meruit obtinere, cursim palmiterum consumavit. Отсюда получило начало обыкновеніе изображать мучениковъ съ пальмовою вѣтвью въ рукѣ. Другимъ знакомъ мученичества былъ масличный вѣнокъ. Въ актахъ Поликарпа Смирнскаго говорится, что онъ былъ увѣнчанъ „неувядаемымъ вѣнкомъ“. Вообще вѣнецъ и мученичество сдѣлались синонимами въ древней Церкви. Пруденцій, составлявъ поэму о мученикахъ, далъ ей заглавіе: *peri stefanonu, de segetis*.—(Пр. Об. 1888, 4, 761—62, — Архангельскій, Древне-христианское общество въ памятникахъ римск. катакомбъ).

⁴⁾ Martigny, Dictionnaire des Antiquités Chr. s. 104,

⁵⁾ Binterim, Die vorzüglichsten Denkwürdigkeiten der Christ. Katolisch. Kirche 5, th. 2, 293.

⁶⁾ Цвѣтковъ. Аврелій Пруденцій. Твор. Св. Отц. 1868, 2, 476.

⁷⁾ *Arcosolium*'омъ у древнихъ христіанъ назывались особаго рода гробницы или саркофаги, сдѣланные въ каменныхъ стѣпахъ катакомбъ и имѣвшіе вверху арку или дугу. (Martigny, Dictionnaire—стр. 51—2).

⁸⁾ Пруденцій, Нум, XI, 171 et seq.

установленіи епископомъ мѣстной Церкви дня памяти святаго и совершенія въ этотъ день Евхаристіи.

Праздники эти, устанавливаемые мѣстными епископами, совершались обыкновенно въ день смерти мучениковъ. Основаніемъ къ празднованію именно этого дня служило то общее всей древней Церкви воззрѣніе, по которому день смерти считался блаженнѣйшимъ, какъ переходъ изъ настоящей временной и бѣдственной жизни къ вѣчной, вслѣдствіе чего и самая смерть иногда называется рожденіемъ для новой жизни. Отсюда и день смерти мучениковъ носилъ названіе *dies natalis* ⁹⁾, а самый праздникъ въ честь ихъ *natalitia*. Такъ, въ повѣствованіи о кончинѣ св. Поликарпа, еп. Смирнскаго, гдѣ говорится о празднованіи дня смерти его, употреблено выраженіе „*dies natalis*“: „въ восторгѣ и радости, если соизволитъ Богъ, празднуйте день мученичества его“ (*diem natalem*). Блаж. Августинъ всегда почти употребляетъ слово *natalitia*, когда говоритъ о праздникѣ того или другого мученика ¹⁰⁾.

Мѣстомъ совершенія праздниковъ въ честь мучениковъ въ первое время обыкновенно были гробницы ихъ, въ которыхъ хранились мощи или останки ихъ; позднѣе же построенныя надъ этими гробницами мучениковъ церкви. Мѣста эти назывались поэтому *martyria*, *coemiteria* (*κοιμητήριον*), *mensae et memoriae martyrum* ¹¹⁾. Сюда-то древніе хрістіане и приходили совершать свои праздники въ честь мучениковъ; „туда (т. е. на мѣсто погребенія священномученика Поликарпа), ишутъ хрістіане Смирнской Церкви, какъ только можно будетъ, мы станемъ собираться съ веселіемъ и радостію и Господь соизволитъ намъ праздновать день рожденія его“ ¹²⁾. Можно бы привести много извѣстій, которыя указываютъ на этотъ обычай; но мы не будемъ приводить ихъ, а уважемъ причины, по которымъ праздники эти совершались на могилахъ мучениковъ. Такихъ причинъ можно указать двѣ. Прежде всего на происхожденіе такого обычая безъ сомнѣнія вліяло положеніе Церкви въ первые три вѣка, когда хрістіанство не было еще религіею дозволенною. Отсюда хрістіане естественно должны были совершать свое богослуженіе тайно, въ

⁹⁾ Впрочемъ, иногда вмѣсто *dies natalis* употребляется выраженіе „*dies passionis*“, какъ напр., у Руфина; но первое выраженіе въ твореніяхъ св. Отцовъ и вообще въ церковномъ языкѣ было употребительнѣе.

¹⁰⁾ Binterim, 5, th. 1, s. 100.

¹¹⁾ Bingham, 9, lib. 20, c. 7, p. 135.

¹²⁾ Ruinart, 1, p. 92.

мѣстахъ скрытыхъ, предпочитая, конечно, тѣ мѣста, въ которыхъ хранились останки того или другого мученика. Съ другой стороны, и самая цѣль праздниковъ могла служить побудительной причиной совершать ихъ именно на мѣстахъ погребенія мучениковъ. Установляя праздникъ въ честь того или другого мученика, Церковь имѣла въ виду не только его прославленіе, но также и назиданіе вѣрующихъ. Сходясь во время праздниковъ на могилы мучениковъ, вѣрующіе видѣли живые примѣры твердости и постоянства въ исповѣданіи вѣры Христовой, которые сильно дѣйствовали на души ихъ, возбуждая въ нихъ такую же твердость и преданность Христу. Поэтому-то св. Іоаннъ Златоустый и говоритъ: „послѣ живаго слова гробы святыхъ занимаютъ ближайшее по силѣ мѣсто для возбужденія ревности къ подражанію святымъ въ сердцахъ вѣрующихъ; ибо видъ гроба, овладѣвая душою, такъ поражаетъ и возбуждаетъ ее и такъ сильно дѣйствуетъ на нее, какъ будто бы самъ лежащій въ немъ вмѣстѣ молился, присутствовалъ и былъ видимъ“²⁵⁾.

Праздникъ обыкновенно начинался наканунѣ того дня, на который падала память того или другого мученика. Наканунѣ, вечеромъ, вѣрующіе собирались на могилу мученика и совершали здѣсь такъ-называемыя всенощныя бдѣнія, *vigilia*²⁶⁾, состоявшія въ чтеніи св. Писанія, пѣніи священныхъ пѣсней и гимновъ, составленныхъ въ честь мученика. Древнѣйшее свидѣтельство о такого рода бдѣніяхъ мы находимъ уже въ посланіи Антиохійскихъ христіанъ къ Церкви Филомелійской о мученической кончинѣ св. Игнатія Богоносца: „мы, видѣвши это, писали спутники и свидѣтели его страданій, всю ночь бодрствовали и много просили Господа съ колѣнопреклоненіемъ и моленіемъ чрезъ случившееся (*quae facta fuerunt*) укрѣпить насъ немощныхъ“²⁷⁾. Иногда, впрочемъ эти собранія въ честь мучениковъ носили характерное названіе *stationis*, названіе, заимствованное изъ военной римской терминологіи²⁸⁾, какъ свидѣтельствуешь Тертуліанъ: „*statio de militari exemplo nomen accepit, nam et militia Dei sumus*“²⁹⁾. Соединяясь вокругъ гробницы мученика и воодушевляясь воспоминаніемъ объ его борьбѣ и страданіяхъ за имя Христово, пер-

²⁵⁾ Творенія св. Іоанна Златоуста, т. 2, стр. 255.

²⁶⁾ Bingham, vol. 5, lib. 13, c. 9, p. 296.

²⁷⁾ Ruinart, t. 1, p. 47.

²⁸⁾ *Statio* на военномъ языкѣ Римлянъ значило стояніе на часахъ; отсюда, вѣроятно, ведутъ начало и наши, такъ-называемыя, „стоянія“.

²⁹⁾ *De coron. milit.*

вые христіане естественно представляли себя воинствомъ Бога, вѣдущимъ неустанную борьбу съ язычествомъ³⁰⁾.

Въ самый день памяти мученика совершалась божественная литургія, о чемъ свидѣтельствуеъ Тертуліанъ и св. Кипріанъ. Таеъ, послѣдній въ извѣстномъ уже намъ посланіи къ елиру говоритъ, что въ день памяти мучениковъ совершалась св. жертва. Но еще болѣе ясное свидѣтельство объ этомъ находимъ въ актахъ мучениковъ Трифона и Респіція. Въ концѣ ихъ говорится, что въ годовой день памяти этихъ мучениковъ вѣрующіе и священники съ веселіемъ собираются, посѣщаютъ со всѣмъ почтеніемъ могилы ихъ и отправляютъ тайну нашего спасенія т. е. совершаютъ Евхаристію³¹⁾.

Послѣ литургіи устраивались таеъ-называемыя агапы или вечера любви³²⁾, которые иногда происходили въ зданіяхъ, построенныхъ при гробницахъ и приспособленныхъ для этой цѣли. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, съ упадкомъ чистоты христіанскихъ нравовъ, этотъ обычай послужилъ поводомъ къ непристойному и соблазнительному невоздержанію, что и послужило причиной прекращенія этого обычая.

Указанные нами обряды и обычаи, имѣвшіе мѣсто при совершеніи праздниковъ въ честь мучениковъ, были тѣ же самыя, какіе существовали и при совершеніи господскихъ праздниковъ. Однако, при совершеніи первыхъ были и особенности, которыми они отличались отъ послѣднихъ. Особенности эти заключались въ томъ, что на праздники въ честь мучениковъ обыкновенно читались ихъ мученическіе акты³³⁾ и произносились похвальные или панегирическія слова и рѣчи въ честь ихъ.

Древніе христіане тщательно замѣчали и записывали все относящееся къ страданіямъ и смерти мучениковъ за вѣру Христову. Нерѣдко цѣною золота покупали они у нотаріевъ³⁴⁾ судебныя протоколы и ими восполняли то, что сами не могли услышать и замѣтить. Иногда же сами мученики, находясь въ заключеніи, описывали все случившееся съ ними во время ихъ суда и эти записи передавали своимъ собра-

³⁰⁾ Въ восточной Церкви эти собранія въ честь мучениковъ носили названіе συνάξις.

³¹⁾ Binterim 5, th. 1, 108.

³²⁾ Bingham 1, p. 143—144.

³³⁾ Ruinart t. 3, p. 10.

³⁴⁾ Нотаріи были скорописцы, писавшіе подобно новѣйшимъ стенографамъ посредствомъ особыхъ знаковъ.

тіямъ по вѣрѣ ³⁵⁾. Съ этою же цѣлью въ Римской Церкви была установлена особая должность нотаріевъ. Учрежденіе ея совпадаетъ со временемъ перваго систематическаго гоненія на христіанъ при Траянѣ. По извѣстію книги папъ Климентъ Римскій раздѣлилъ полицейскія части Рима между нотаріями, изъ которыхъ каждый въ своемъ участкѣ долженъ былъ внимательно слѣдить и записывать все, происходившее съ мучениками ³⁶⁾. Епископы старательно собирали и изслѣдовали записи нотаріевъ, за чтò принимали иногда смерть отъ гонителей. О епископѣ Римскомъ Ансерѣ въ книгѣ папъ говорится: *hic gesta martyrum diligenter a notariis exquisivit et in ecclesia rescandit, propter quod a Maximo praefecto coronatus est.* ³⁷⁾. Въ видахъ этого же изслѣдованія папа Фабианъ поставилъ надъ нотаріями 7 иподіаконовъ, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы просматривать и провѣрять составленные нотаріями акты и потомъ уже представлять послѣдніе папѣ на одобреніе ³⁸⁾. Изслѣдованіе записи нотаріевъ епископомъ послужило сюжетомъ одной фрески въ римской катакомбѣ Каллиста. Епископъ представленъ здѣсь сидящимъ на каедрѣ, около которой стоятъ два діавона, а три нотарія почтительно представляютъ ему свои свитки, положенныя въ *scipium*'ы ³⁹⁾, стоящемъ у подножія каедръ. Какую важность придавали христіане этимъ записямъ, видно изъ того, что ихъ нерѣдко дѣлали на свинцовыхъ пластинкахъ, которыя вляли вмѣстѣ съ тѣломъ мученика въ гробницу, гдѣ ихъ и находили въ послѣдствіи. Свинцовый свитокъ съ написанными на немъ мученическими актами былъ найденъ Больдетти въ одномъ изъ *loculi* катакомбы Киріака; къ несчастію онъ рассыпался, когда его стали развертывать и написанное на немъ сдѣлалось уже невозможнымъ прочесть ⁴⁰⁾.

Изъ этихъ-то наблюденій древнихъ христіанъ, судебныхъ записей и собственныхъ свидѣтельствъ исповѣдниковъ и мучениковъ и соста-

³⁵⁾ *Vainart. t. 1, p. 26.*

³⁶⁾ „*Hic (т. е. Климентъ), читаемъ у Ціаковія въ его Vitae et gesta summorum Pontificum, septem notarios ordinavit, quibus urbis regiones XIV divisit, ut singuli res gestas martyrum sollicitae diligenter per regiones suas conquistatas describerent.*“ (Сіас. р. 35. Цитата заимствована изъ Твор. Св. Отц. 1883 г. III стр. 68, примѣч.).

³⁷⁾ Архангельскій, Древне-христ. общество, Прав. Обзор. 1887 г. III, 497.

³⁸⁾ *Binterim, 5, 1, 77—78.*

³⁹⁾ Такъ назывался ящикъ, въ который вляли свитки.

⁴⁰⁾ Архангельскій, Древне-христ. общество, Прав. Обзор. 1887 г. III, 497—8.

вились мученическіе акты, которые обыкновенно читались въ годовые праздники мучениковъ. Обычай чтенія этихъ актовъ восходитъ къ глубокой древности. Такъ, о чтеніи ихъ упоминается уже въ мученическихъ актахъ св. Перепетуи и Фелицаты (пострадали въ 203 году): „о сихъ примѣрахъ (ихъ страданіяхъ) не менѣе, чѣмъ о древнихъ, нужно читать въ Церкви, чтобы добродѣтели новыхъ подвижницъ свидѣтельствовали, что и доселѣ дѣйствуетъ Единъ и Той же Духъ“ ⁴¹⁾. Соборъ Карфагенскій запретилъ читать при богослуженіи всѣ прочія книги, кромѣ каноническихъ, сдѣлавъ исключеніе однако для актовъ мученическихъ ⁴²⁾. О такого же рода чтенія этихъ актовъ мы находимъ свидѣтельства у многихъ отцовъ Церкви Римской и Африканской, какъ напр. у блаженнаго Августина, Льва В., Геласія и др. ⁴³⁾, и у Василія Великаго относительно Церкви Восточной. Послѣдній указываетъ намъ и цѣль, съ какою читались эти акты при богослуженіи. Она заключалась въ томъ, чтобы этимъ чтеніемъ воспроизвести въ памяти слушателей тѣ прекрасныя и возвышенныя добродѣтели, которыя осуществили въ своей жизни мученики и побудить первыхъ къ подражанію этимъ добродѣтелямъ. Та же самая цѣль преслѣдовалась и похвальными словами, которыя произносились во дни празднованія памятей мучениковъ. Содержаніемъ ихъ обыкновенно служили похвалы добродѣтелямъ мучениковъ, и возбужденіе въ слушателяхъ желанія подражать имъ. Подобныхъ панегирическихъ рѣчей дошло до нашего времени очень много. Видно, что обычай произносить похвальныя слова на праздники въ честь мучениковъ былъ въ общемъ употребленіи въ древне-христіанской Церкви, начиная съ первыхъ временъ ея существованія.

Изъ разсмотрѣнія этихъ особенностей, равно какъ и общихъ съ другими церковными праздниками обычаевъ можно видѣть, что они всѣ направлены были къ прославленію мучениковъ съ одной стороны и къ назиданію вѣрующихъ ихъ примѣрами съ другой.

Съ теченіемъ времени канонизація святыхъ въ древней Церкви осложняется. Прежде всего это осложненіе стало выражаться въ томъ, что имя мученика стало вноситься въ диптихи церковныя. Такимъ образомъ, къ концу второго вѣка и началу третьяго, когда диптихи, по свидѣтельству Тертуліана и св. Кипріяна, вошли во всеобщее употребленіе, канонизація святыхъ выражается не только въ празднова-

⁴¹⁾ Ruinart, t. I, p. 202.

⁴²⁾ Правила св. Помѣстныхъ Соборовъ (изд. Кз. Д. А.) пр. 64 стр. 136.

⁴³⁾ Bingham, 9, p. 137—8.

нѣв дня памяти святаго, но и во внесеніи имени его въ диптихи церковныя.

Чтобы выяснитъ значеніе диптиховъ для канонизаціи святыхъ въ древней Церкви, для этого намъ необходимо изложить исторію ихъ происхожденія и цѣль употребленія въ Церкви. Итакъ, что же такое диптихъ?

Диптихи заимствованы христіанскою Церковію изъ греко-римскаго міра. Слово диптихъ происходитъ отъ *δίς* и *πτυχή*. *Πτυχή* происходитъ отъ глагола *πτύσσω*-складываю и означаетъ одно и то же что *πτύξ* и *πτυξίς* (*plica, plicatura*) т. е. все, что сложено и что складывается. Отсюда *δίπτυχον*,—*bis plicatum*, вдвое сложенное или складень⁴⁴⁾. Простѣйшій примитивный диптихъ состоялъ обыкновенно изъ двухъ сложенныхъ вмѣстѣ дощечекъ или табличекъ, сдѣланныхъ изъ свинца, дерева или слоновой кости и скрѣпленныхъ у конца колычками. Число дощечекъ, впрочемъ, могло увеличиваться, или между ними вкладывались листики пергамента или бумаги и въ такомъ случаѣ формой своей диптихи напоминали уже книжечку, корешокъ которой обыкновенно скрѣплялся колычками или шарниромъ. Отсюда и по своей формѣ диптихи могли быть малые и большіе. Первые состояли только изъ двухъ листовъ или дощечекъ (диптихъ въ собственномъ смыслѣ); вторые же состояли изъ трехъ и болѣе листовъ и потому носили названіе триптиховъ, пентаптиховъ и полиптиховъ⁴⁵⁾. Въ греко-римскомъ мірѣ диптихи обыкновенно употреблялись для письма оффиціальнаго. Въ нихъ вписывались и записывались разнаго рода дѣла гражданскія и судебныя, почему диптихи часто и называются диптихами консульскими и гражданскими. Употребленіе диптиховъ собственно въ христіанской Церкви восходитъ къ глубокой древности. Большинство церковныхъ археологовъ начало такого употребленія возводитъ ко второму вѣку. Ибо Тертуліанъ и св. Кипріанъ, жившіе въ 3-мъ вѣкѣ, свидѣтельствуютъ, что въ ихъ время употребленіе диптиховъ въ христіанской Церкви было всеобщимъ⁴⁶⁾.

Въ христіанской Церкви диптихи имѣли богослужебное значеніе. Въ нихъ вписывались для прочтенія въ церкви имена не только заурядныхъ членовъ церковной общины, но и имена вышедшихъ изъ ея среды мучениковъ, подвижниковъ, исповѣдниковъ и вообще святыхъ. О такомъ богослужебномъ употребленіи диптиховъ въ христіан-

⁴⁴⁾ Gori, *Thesaurus veterum diptichorum* 1, 232.

⁴⁵⁾ Kraus, 4, 364.

⁴⁶⁾ Kraus 4, 366.

ской Церкви мы находимъ свидѣтельства у Тертуліана, св. Кипріяна и Діонисія Ареопагита. Послѣдній между прочимъ говоритъ, что чтеніе священныхъ таблицъ (τῶν ἱερῶν πτυχῶν), совершавшееся послѣ возглашенія мира, провозглашало тѣхъ, которые свято жили ⁴⁷⁾. Большинство западныхъ ученыхъ, къ которымъ принадлежатъ Дю-Банжъ, Алляцій, Ассемани и Бингамъ, дѣлятъ диптихи на три класса: *diptycha sanctorum*, *diptycha fidelium vivorum et diptycha fidelium defunctorum* ⁴⁸⁾.

Чтобы ознакомиться съ кругомъ лицъ, вносившихся въ первый классъ диптиховъ, мы приведемъ нѣсколько ихъ. Въ египетской литургіи въ диптихѣ, читавшемся на ней, воспоминались: св. Стефанъ, Захарія, Іоаннъ Креститель, четыре евангелиста и св. Дѣва Марія; затѣмъ имена 12 апостоловъ, Павелъ, Тимоѳей, Варнава, Титъ, Филмонъ, Климентъ. Особенность разсматриваемаго диптиха, не встрѣчающуюся намъ нигдѣ, составляетъ воспоминаніе за этой литургіей именъ ангеловъ—Михаила, Гавриила, Рафаила и потомъ Уриила. За литургіей въ Римѣ въ древнемъ диптихѣ воспоминались: Пресвятая Дѣва Марія и апостолы, исключая ап. Маттея (вѣроятно потому, что онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ самъ Христосъ избралъ); точно также не доставало евангелистовъ Марка и Луки; далѣе,

⁴⁷⁾ Binghami, *Origines sive Antiquit.*, t. 6, lib. 15, c. 3, p. 342. Впрочемъ, Тертуліанъ и св. Кипріяна говорятъ о диптихахъ подъ другимъ наименованіемъ. Вообще нужно замѣтить, что диптихи на языкѣ церковномъ носятъ различныя названія. Такъ у греческихъ писателей они называются иногда: ἱεραὶ δέλτοι, ἀγία δέλτοι, μυστικά δέλτοι, μυστικά διπτύχα, Ἐκκλησιαστικῆ κατὰλογος (Кларк, *Real Encycl.* вып. 4, 366), а у латинскихъ писателей диптихи носили слѣдующія названія: *libri anniversarii*, *ecclesiae matricula*, *liber viventium sive vitae*. (Martigny, 212).

⁴⁸⁾ Du-Cange, *Glossarium ad scriptores latinis* t. 2, p. 825; Asemani, *Calendaria ecclesiae universae*, t. 1, pars 1, cap. VII, p. 80; Binghami, *Origines* t. 6, lib. 15, cap. 3, pag. 347—8. Того же дѣленія диптиховъ на три класса держатся: Binterim (*Denkwürdigkeiten*, b, 4, th. 2, s. 64); Müller (*Lexicon Kirchenrecht.* b, 2, s. 190—1). Только Салигъ и на основаніи его Гори дѣлятъ диптихи на четыре класса, именно: а) *diptycha baptizatorum ac neochristianorum*, б) *diptycha ecclesiastica, quibus inter ipsi fuerunt vel offerentes, vel benefactores haeque sive mortui, sive vivi, imperatores, et reges vel patriarchae, episcopi, presbyteri*; в) *diptycha sanctorum et* д) *diptycha mortuorum* (Salig, *De diptychis veterum* p. 242; Gori, *Thesaurus veterum diptychorum* 1, p. 20). Мы будемъ держаться дѣленія большинства ученыхъ, тѣмъ болѣе, что и по Салиг'у богослужбное значеніе могли имѣть только послѣдніе три класса.

мы находимъ въ этомъ диптихѣ имена пяти Римскихъ епископовъ мучениковъ: Лина († 79), Клета († 90), Климента († 102), Сивста († 128), Корнилія († 252); затѣмъ еще 7 мучениковъ, именно: Кипріана, еп. Карфагенскаго, Лаврентія, замученнаго въ Римѣ, Хризогона (Chrisogonus), родомъ Римлянина, Іоанна и Павла († 362), Космы и Даміана ⁴⁹⁾ Наконецъ, у Salig'a приведенъ еще одинъ диптихъ, судя по именамъ, Римской же Церкви, только съ сожалѣнію съ большими пропусками. Имена святыхъ въ этомъ диптихѣ расположены въ два столбца въ слѣдующемъ порядкѣ:

Sanctae Mariae virginis.

Petri	Marcelli
Pauli	Petri
Andr.	Iohannis.
Iacobi	Pauli
Ioannis	Sebastiani
Thomae	Gervasii
Philippi	Protasii
Bartolomei	Quintini
Matthaei	...
Simonis
Thadaei	Innocentii vel innocentes
Iacobi	Georgii
Simeonis	Isidori
Clementis	
Alexandri	
.....	
Cornelii	
Cypriani
Silvestri	p.....
Ambrosii
.....	
Gregorii	
Germani	
Remidii	
Merardi	
.....	

⁴⁹⁾ Krüll, Christl. Alterthumskün. II, 269.

.....
 T...mar
 Laurentii⁵⁰⁾.

Такимъ образомъ изъ представленныхъ диптиховъ можно легко опредѣлить лица, которыя въ нихъ вносились и прочитывались за богослуженіемъ. Такими лицами были прежде всего Пресв. Дѣва Марія, потомъ апостолы; за ними уже шли епископы, мученики и другіе святые⁵¹⁾.

Во второй классъ диптиховъ вносились имена живыхъ членовъ общины, ознаменовавшихъ себя тѣми или другими заслугами Церкви

⁵⁰⁾ Salig De diptychis veterum, p. 49; точки означаютъ пропуски.

⁵¹⁾ Въ древности, какъ это можно видѣть изъ диптиха Salig'a, къ именамъ мучениковъ и святыхъ не прилагался эпитетъ *sanctus*, ἅγιος, святой. Тогда писали просто Петръ, Павелъ, Іоаннъ и проч. Въ римскомъ календарѣ, принадлежащемъ IV вѣку, также не встрѣчается ни разу этого эпитета въ приложеніи къ мученикамъ. Правда, въ надписяхъ несомнѣнно древняго происхожденія встрѣчаются названія *sanctus*, *sanctissimus*, напр. *Laurentia sancta ac venerabilis femina*, но нетрудно догадаться, что здѣсь слово *sanctus* употреблено въ смыслѣ „дорогой“, „любезный“ и равносильно по своему значенію такъ часто встрѣчающемуся въ надписяхъ (въ катакомбахъ) названію: *carissimus*, *amantissimus*; слово *sanctus* объ умершемъ встрѣчается даже въ языческихъ надписяхъ. Одна буква S, стоящая иногда предъ собственнымъ именемъ, означаетъ, по мнѣнію Росси, скорѣе *spectabilis*, нежели *sanctus* (Архангельскій, Древне-христ. общество, Прав. Обзор. 1887 г. III, 499). Ранѣе о мученикахъ и вообще святыхъ употреблялся терминъ *Dominus*, *Domina*. Такъ къ Перепетуѣ, находившейся въ темницѣ и уже готовой принять вѣнецъ мученическій, ея братъ обращается въ такихъ выраженіяхъ: *Domina soror, jam in magna dignitate es* (Ruinarth, IV, p. 81). Можно думать, что это названіе, довольно часто встрѣчающееся въ надписяхъ, относится обыкновенно къ мученикамъ. Въ одной надписи родители поручаютъ свое дитя покровительству святой, названной *Domina Bassilia*: *Domina Bassilia commendamus tibi crescentibus et micina filia nostra crescen. vixit etc.* Въ другой надписи читаемъ: *refrigere tibi Dominus Ipolitus*. Но въ большинствѣ молитвенныхъ обращеній къ святымъ, начертанныхъ на гробницахъ и стѣнахъ катокомбъ, не встрѣчается предъ ихъ именами никакого эпитета, который указывалъ бы на ихъ особое положеніе среди другихъ вѣрующихъ, достигшихъ спасенія (*ibid.* стр. 500). Эпитеты *sanctus* и *Dominus* стали прилагаться къ именамъ святыхъ уже въ позднѣйшія сравнительно времена. Приблизительно съ V вѣка между этими названіями начинается устанавливаться своего рода градация, причѣмъ *Dominus* прилагается уже не ко всѣмъ, а только къ нѣкоторымъ святымъ и мученикамъ въ знакъ особеннаго почтенія (*Binterim, Denkwürd.* 5, 559—60).

и благочестивою христіанскою жизнію; здѣсь прежде всего стояли имена патріарховъ, затѣмъ слѣдовали имена епископовъ, священниковъ и прочихъ членовъ клира; во второмъ ряду находились имена императоровъ⁵²⁾, начальниковъ и наконецъ уже мірянъ. Въ послѣдующее время, когда число христіанъ увеличилось, изъ мірянъ вносились въ диптихи имена жертвователей или приносившихъ дары для евхаристіи⁵³⁾. Въ третьемъ классѣ диптиховъ записывались имена умершихъ, скончавшихся въ общеніи съ Церковью и отличавшихся также благочестивою жизнью,—это *diptycha defunctorum*. Относительно именъ, которыя вносились въ послѣдній классъ диптиховъ, вообще можно сказать, что тѣ лица, которыя при своей жизни были внесены въ диптихи живыхъ, по своей смерти вносились и въ диптихи умершихъ; слѣдовательно, въ послѣднихъ имена вѣрующихъ располагались въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и въ диптихахъ живыхъ⁵⁴⁾.

Всѣ эти три класса диптиховъ обыкновенно прочитывались діакономъ за литургіей. Чтеніе это было обще какъ Восточной, такъ и Западной Церкви. Впрочемъ, время чтенія диптиховъ было различно въ обѣихъ церквахъ. Въ Восточной Церкви, какъ и въ настоящее время въ литургіяхъ Василия Великаго и Іоанна Златоустаго, диптихи читались послѣ освященія Св. Даровъ; въ Латинской же Церкви въ этомъ случаѣ не было опредѣленнаго и однообразнаго правила: въ разныхъ Церквахъ чтеніе совершалось въ различное время, смотря по тому, какому обряду слѣдовали онѣ: Латинскому, Галликанскому или Амвросіанскому⁵⁵⁾. Въ настоящее время въ литургіи Римской Церкви уснопіе поминаются послѣ освященія Даровъ, а живые прежде,—въ началѣ канона миссы⁵⁶⁾. Послѣ прочтенія диптиховъ діакономъ, священнодѣйствующій произносилъ молитву, называвшуюся

⁵²⁾ Такъ какъ въ диптихи не могъ быть внесенъ никто изъ иновѣрныхъ, то понятно, что ранѣе IV вѣка изъ императоровъ, которые до сего времени были язычниками, ни одинъ не могъ быть внесенъ въ нихъ; поэтому императоры стали вписываться въ диптихи только со времени Константина В., какъ перваго христіанскаго государя (Binterim, 4, 2, 80).

⁵³⁾ Kirch. Lexic. Wetzer und Welt, t. 3, 2, 174.

⁵⁴⁾ Kraus, 4, 367.

⁵⁵⁾ Müller, t. 2, 122.

⁵⁶⁾ Бобровицкій, о происхожденіи и составѣ Рим.-Кат. литургіи стр. 75; Канонъ миссы въ катол. литургіи называется та часть ея, въ которой совершается освященіе Даровъ и причащеніе; слѣдовательно, канонъ миссы соответствуетъ нашей литургіи вѣрныхъ.

въслѣдствіе этого oratio post nomina или super diptycha и въ которой онъ молился за всѣхъ вѣрующихъ умершихъ, чтобы Богъ душамъ ихъ далъ покой и учинилъ ихъ въ святыхъ своихъ обителяхъ ⁵⁷⁾).

Изъ сейчасъ сказаннаго о диптихахъ и ихъ употребленіи въ древне-христіанской Церкви можно видѣть, что къ канонизаціи святыхъ имѣли отношеніе только диптихи перваго класса, диптихи святыхъ, въ которые вносились исключительно имена святыхъ: Пресв. Дѣвы Маріи, апостоловъ, мучениковъ и исповѣдниковъ и которые по своему агиологическому содержанію близко подходятъ къ календарямъ. Поэтому мы при дальнѣйшемъ обзорѣ канонизаціи святыхъ въ древней Церкви и будемъ имѣть въ виду только диптихи святыхъ.

Познакомившись съ исторіей происхожденія диптиховъ въ древней Церкви и цѣлю ихъ употребленія, мы должны теперь выяснить ихъ отношеніе къ канонизаціи святыхъ. Чтобы достигнуть этого, намъ, очевидно, необходимо рѣшить слѣдующій вопросъ, какія существовали условія, опредѣлявшія это внесеніе именъ въ диптихи? Внимательно присматриваясь къ лицамъ, имена которыхъ вносились въ диптихи древней Церкви, нетрудно видѣть условія, опредѣлявшія это внесеніе. Такими условіями были: мученичество за вѣру Христову, исповѣдничество и святость жизни. Что дѣйствительно такія условія были необходимы для внесенія имени того или другого лица въ диптихи, на это мы имѣемъ очень твердыя основанія. Прежде всего, такимъ основаніемъ могутъ служить приведенные уже нами диптихи, въ которыхъ мы встрѣчаемъ имена апостоловъ, мучениковъ, исповѣдниковъ, святыхъ. Св. Кириллъ Іерусалимскій, въ своемъ 5-мъ огласительномъ поученіи между прочимъ говоря о поминовеніи за Евхаристіей сперва патріарховъ, пророковъ потомъ апостоловъ и мучениковъ, прямо свидѣтельствуешь объ этомъ условіи внесенія именъ въ диптихи. Затѣмъ, епископы и вообще церковные предстоятели, подъ надзоромъ которыхъ, какъ увидимъ ниже, находились диптихи, очень строго слѣдили за тѣмъ, чтобы въ нихъ не были записаны лица сомнительной нравственности. Такъ, св. Кипріанъ имя Геминія Виктора приказалъ исключить изъ числа тѣхъ, которые именуются священникомъ при святой трапезѣ, потому что онъ нарушилъ правила Церкви ⁵⁸⁾). Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что благочестивая жизнь, украшенная высокими добродѣтелями, была необходимымъ условіемъ внесенія въ диптихи святыхъ. На это условіе между прочимъ прямо уже указывается въ

⁵⁷⁾ Bingham, t. 6, lib. 15, p. 347—9; Martig. 211—17; Salig. p. 51.

⁵⁸⁾ Bingham, t. 6, lib. 15, p. 350.

словахъ св. Діонисія Ареопагита: „чтеніе священныхъ таблицъ провозглашало тѣхъ, qui sancte vixerunt, et ad studiosae vitae perfectionem constanter pervenerunt“⁵⁹⁾.

Ознакомившись съ условіями внесенія именъ въ диптихи, мы стараемся теперь выяснитъ значеніе послѣднихъ для канонизаціи святыхъ въ древней Церкви. Очевидно, что въ вопросѣ о канонизаціи святыхъ диптихи должны имѣть важное значеніе. Это значеніе для насъ будетъ яснымъ, если мы узнаемъ ту цѣль, съ какою имена святыхъ вносились въ диптихи и потомъ прочитывались за литургіей. Мученики и святые, по словамъ св. Кирилла Іерусалимскаго, воспоминались за таинствомъ Евхаристіи за тѣмъ, чтобы Богъ молитвами ихъ принималъ молитвы предстоящихъ⁶⁰⁾. Отсюда, каждый святой, каждый мученикъ, какъ скоро имя его вносилось въ диптихи Церкви, считался уже прославленнымъ угодникомъ Божиимъ и къ нему вѣрующіе съ этихъ поръ обращались съ молитвами о помощи и ходатайствѣ. Но, кромѣ того была и другая цѣль поминовенія святыхъ за богослуженіемъ⁶¹⁾. Эта цѣль состояла въ томъ, чтобы вѣра и добродѣтели воспоминаемыхъ святыхъ служили примѣромъ и образцомъ для слушающихъ⁶²⁾. Приводя же мучениковъ и святыхъ во время торжественныхъ собраній на память вѣрующимъ, какъ примѣры и образцы благочестивой жизни, которымъ нужно подражать, Церковь очевидно выдѣляла ихъ изъ числа заурядныхъ членовъ церковной общины и оказывала тѣмъ самымъ имъ извѣстнаго рода чествованіе. Въ этомъ случаѣ вполнѣ справедливы слова Gori, который говоритъ, что „*inscriptio in hisce sacris tabulis* (т. е. въ диптихахъ) *quaedam ipsis species erat apotheoseos*“⁶³⁾. Если же внесеніе имени того или другого святаго или мученика въ диптихи было знакомъ его прославленія и чествованія, то естественно

⁵⁹⁾ Bingham, t. 6, p. 149.

⁶⁰⁾ 5-ое Оглашеніе. поуч. св. Кирилла Іерусал.

⁶¹⁾ Поминовеніе (*μνημονεύειν*, *помянуть*) въ древней Церкви имѣло болѣе широкій смыслъ, чѣмъ въ теперешней практикѣ. Въ настоящее время подъ поминовеніемъ разумѣются обыкновенно молитвы Церкви за умершихъ и живыхъ членовъ своихъ, въ которыхъ она ходатайствуетъ за нихъ предъ Богомъ. Между тѣмъ въ древней Церкви смыслъ этого слова былъ шире и обнималъ собою, какъ это видно изъ словъ св. Кирилла Іерусалимскаго, и молитвенное воспоминаніе святыхъ съ цѣлью испрошенія ихъ ходатайства за вѣрующихъ, живущихъ здѣсь, на землѣ.

⁶²⁾ Gori, t. 3, p. 860.

⁶³⁾ Gori, t. 3 p. 161.

и на самыя диптихи должно смотрѣть, какъ на одну изъ формъ, въ которыхъ выражалась канонизація святыхъ. Такое значеніе ихъ для канонизаціи съ теченіемъ времени становится все яснѣе и яснѣе. Начиная съ IV вѣка, диптихи принимаютъ видъ каталога или реестра святыхъ той или другой Церкви ⁶⁴⁾, причемъ внесеніе въ диптихи съ этого времени сопровождается уже, какъ увидимъ ниже, извѣстными формальностями, цѣль которыхъ была та, чтобы убѣдиться въ святости того лица, имя котораго должно быть внесено въ диптихи. Такимъ образомъ по своему значенію для канонизаціи святыхъ диптихи вполнѣ соотвѣтствуютъ позднѣйшимъ календарямъ или мѣсяцесловамъ и вънесеніе именъ святыхъ въ диптихи нужно смотрѣть именно, какъ на переходъ къ позднѣйшему внесенію именъ святыхъ въ календари и мѣсяцесловы.

Таковы были въ общихъ чертахъ первоначальныя и потому простѣйшія формы канонизаціи святыхъ въ древней Церкви, одинаковыя за это время какъ въ Восточной, такъ и въ Западной Церкви. Но съ теченіемъ времени эти первоначальныя формы и приемы канонизаціи святыхъ, съ одной стороны, стали видоизмѣняться и осложняться; съ другой стороны, начинаютъ рѣзко различаться въ Западной и Восточной Церквахъ. Въ Западной Церкви канонизація святыхъ облекается въ торжественныя формы, принимаетъ болѣе однообразный характеръ и исключительно переходитъ въ вѣдѣніе папы, ставши привилегіей его престола ⁶⁵⁾. Между тѣмъ на Востоку, какъ увидимъ ниже, она продолжаетъ сохранять тотъ же самый характеръ, что и прежде, хотя формы ея и здѣсь съ теченіемъ времени видоизмѣнились. Къ сожалѣнію изъ послѣдующаго времени мы очень мало находимъ свѣдѣній о канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе полное и ясное представленіе объ этихъ видоизмѣненіяхъ. Болѣе ясныя и болѣе полныя свѣдѣнія объ этомъ мы имѣемъ не ранѣе какъ изъ 11-го вѣка, и то не изъ Греческой, а изъ Русской Церкви, принявшей христіанство, а съ нимъ, конечно, и всю

⁶⁴⁾ Такъ Бинтердикъ, говоря, что каждая церковь имѣла особенныя реестры, въ которыхъ и отмѣчала своихъ мучениковъ, приводитъ въ примѣръ этого Африканскія Церкви, которыя, по настоянію св. Кипріяна, составили реестры своихъ мучениковъ (*Denkwürdigkeiten*, t. 5, 1, 142). Объ императорѣ Θεодосіи извѣстно, что онъ въ одномъ торжественномъ собраніи епископовъ хвалилъ Григорія, еп. Бордубскаго, за то, что онъ имена мучениковъ точно отмѣчалъ и на миссѣ ихъ прочитывалъ (*Ibid.* 34).

⁶⁵⁾ Siegel, *Handbuch Christl. Alterthümer*, 270.

обрядность отъ первой. Извѣстiя изъ послѣдующаго времени однако показываютъ намъ нѣкоторыя измѣненiя въ порядкѣ канонизацiи святыхъ въ Восточной Церкви. Какъ и отъ чего они произошли? За нѣмнѣишемъ свидѣтельствъ трудно дать прямой и положительный отвѣтъ на поставленный вопросъ; но на основанiи нѣкоторыхъ косвенныхъ извѣстiй можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенiя, въ подтвержденiе которыхъ можно сослаться на обычаи Западной Церкви, какiе существовали въ ней при канонизацiи святыхъ за это время. Послѣднее тѣмъ болѣе возможно, что до XII вѣка Церкви Восточная и Западная не такъ рѣзко различались между собою въ обрядахъ, какъ въ послѣдующее время; такъ что и по отношенiю къ разсматриваемому вопросу могло быть за это время въ той и другой нѣчто общее.

Чтобы судить о тѣхъ видоизмѣненiяхъ въ порядкѣ канонизацiи за данный перiодъ времени и о той формѣ, какую она, вслѣдствiе этихъ видоизмѣненiй, приняла, намъ нужно прежде всего указать причины, произведшия ихъ. По нашему мнѣнiю, эти измѣненiя въ порядкѣ и формѣ канонизацiи стоятъ въ тѣсной и неразрывной связи съ тѣми перемѣнами, какимъ подвергся съ теченiемъ времени древнiй диптихъ. Въ описанномъ нами видѣ диптики существовали сравнительно недолгое время. Съ теченiемъ времени, сообразно съ обстоятельствами, они постепенно видоизмѣнялись и дали начало новымъ формамъ. Именно, первый классъ диптиховъ,—*diptycha sanctorum*,—далъ начало христiанскимъ календарямъ или мѣсяцесловамъ ⁶⁴⁾.

⁶⁴⁾ Второй и третiй классы—*diptycha vivorum et defunctorum* дали начало нашимъ синодикамъ. Синодикъ (*synodikon*) отъ слова *synodos*—соборъ. Въ церковномъ словоупотребленiи слово синодикъ обозначаетъ запись именъ живыхъ и умершихъ, помимаемыхъ на церковныхъ службахъ. Синодикъ замѣняется словомъ поминникъ. До насъ не дошло синодиковъ Греческой Церкви; но о нихъ можно судить по синодикамъ нашей Церкви, несомнѣнно заимствовавшей ихъ отъ Церкви Греческой. Наши же древнiе синодики представляютъ изъ себя два особые рода: а) болѣе сложный, приравленный къ известному обряду въ недѣлю Православiя и б) простой, съ записью именъ, назначенныхъ для обыкновеннаго поминованiя въ церкви. Послѣднiе синодики носятъ еще названiе поминальных (Манусетовъ, разборъ соч. преев. Сергiя, поминкi мѣсяц. Востока, 45). Что тотъ и другой типъ нашихъ синодиковъ имѣетъ своимъ первообразомъ диптихъ и синодикъ греческiе, это можно, съ одной стороны, подтвердить фактами. Такъ, митрополитъ Биспрiанъ посылаетъ Псковичамъ, вмѣстѣ съ исправленными статьями изъ Требника, и Синодикъ Цареградекiй, который чтутъ въ великой Церкви. (Акты Историч. т. 1, № 8, 17). Изъ южно-славянскихъ синодиковъ такого рода замѣчательны: Болгарскiй временъ царя Бориса, изданный

Слово календарь есть—слово латинское (Calendarium) и само происходит отъ греческаго (καλέω, зову, называю), потому что въ Римѣ особенный чиновникъ, а послѣ великій первосвященникъ въ первый день мѣсяца вызывалъ новолуніе. Отсюда первое число мѣсяца называлось календы (Calendae). Въ языческихъ календаряхъ по мѣсяцамъ и днямъ года означались празднества языческимъ богамъ, дни рожденія императоровъ, дни собранія сената, дни благопріятныя и неблагопріятныя, вѣтры и дожди и т. под. Въ христіанской Церкви подъ именемъ календарей разумѣется краткое перечисленіе праздниковъ и святыхъ по порядку мѣсяцевъ и дней года⁶⁷⁾. Такимъ образомъ какъ самое названіе, такъ и форма календарей Церковью заимствованы изъ языческаго, частію Римскаго, міра.

Винтеримъ⁶⁸⁾ и Мартиньи⁶⁹⁾ начало христіанскихъ календарей видятъ въ диптихахъ. Въ послѣднихъ обозначались имена святыхъ, которыя поминались при богослуженіи. Между тѣмъ съ развитіемъ и устройствомъ христіанскаго богослуженія и культа явилась потребность въ точномъ обозначеніи времени совершенія тѣхъ или другихъ праздниковъ и памятей мучениковъ и святыхъ. Очевидно, что этой послѣдней цѣли не могли удовлетворять диптихи. Отсюда становится

въ 21-й книгѣ Временника по рукописи XIV вѣка и Сопочанскій помянникъ въ XVII т. Записокъ Географическаго Общества (Мансветовъ, разборъ соч. Сергія, стр. 45). Изъ нашихъ рукописныхъ памятниковъ этого рода есть нѣсколько въ Румицескомъ музеѣ. (Востоковъ, Опис. рукоп. Рум. Муз. №№ CCCLXXXII—CCCLXXXVII) и Синодальной бібліотекѣ (№№ 667, 665 и 291-В). Съ другой стороны мысль о гометической связи синодиковъ съ диптихами доказывается и одинаковостію расположенія въ тѣхъ и другихъ поминаемыхъ именъ. Именно согласно съ расположеніемъ древнихъ диптиховъ поминаемыя лица располагались обыкновенно и въ нашихъ синодикахъ по рубрикамъ: сперва идетъ рядъ восточныхъ патріарховъ и митрополитовъ, затѣмъ рядъ митрополитовъ и епископовъ русскихъ по епархіямъ и настоятелей монастырей; за ними идетъ перечень великихъ и удѣльныхъ князей и княгинь, бояръ, служилыхъ людей всякаго званія. (Напр. смотри Синодикъ Синодальной бібліотеки №№ 665 и 667). Изъ этого краткаго описанія синодиковъ можно видѣть уже сходство ихъ съ диптихами, въ силу котораго послѣдніе мы и должны признать первообразами первыхъ.

⁶⁷⁾ Сергіій, Агіологія Востока, 1, 3—4; слово календарь болѣе употребляется у Римлянъ; въ Восточной Церкви слову календарь соответствуетъ мѣнологъ (μηνολόγιον)—мѣсяцесловъ; въ нашей Церкви приняты названія: мѣсяцесловъ (переводъ слова μηνολόγιον) и святцы.

⁶⁸⁾ Binter. t. 5. th. 2, 42.

⁶⁹⁾ Martig s. 213.

понятною причина образованія въ Церкви календарей, которые, по существу, были тѣми же диптихами, только болѣе распространенными, потому что въ нихъ, кромѣ указанія праздниковъ и святыхъ по порядку мѣсяцевъ и дней года, сообщаются еще свѣдѣнія, впрочемъ, весьма краткія о святыхъ для отличія ихъ одного отъ другого, напр. апостоль, мученикъ, преподобный, указывается иногда мѣсто его жизни или кончины, напр. Анкирскій, Кесарійскій ⁷⁰⁾. Впрочемъ относительно этого сходства диптиховъ съ календарями вообще нужно замѣтить, что чѣмъ древнѣе календарь, тѣмъ онъ болѣе по своей формѣ и по своему составу приближается къ древнему диптиху, и наоборотъ, это сходство уменьшается въ очень значительной степени, когда календарь принадлежит по своему происхожденію къ позднѣйшему уже времени. Такъ, самые древнѣйшіе календари IV и V вѣковъ (раннѣйшихъ мы не имѣемъ) Римской и Африканской Церкви весьма близки къ диптиху, заключаая простой перечень именъ святыхъ и бѣдны агіологическими данными ⁷¹⁾. Такъ напр. въ Римскомъ календарѣ мы встрѣчаемъ тѣ же рубрики, что и въ диптихахъ, именно: сперва идутъ епископы подъ рубрикой—*depositio episcoporum*; затѣмъ уже мученики подъ рубрикой—*depositio martyrum*. Число святыхъ, въ этомъ календарѣ заключающихся, очень незначительно, всего около 60. Нѣтъ въ немъ и эпитетовъ святой, епископъ, мученикъ, какъ оныя эпитеты появляются уже въ позднѣйшихъ календаряхъ. Все то, почему этотъ памятникъ можно отнести къ календарямъ, ограничивается только тѣмъ, что здѣсь предъ именемъ каждаго святаго обозначено время, когда совершалось празднованіе памяти его, а равно и мѣсто этого празднованія,—напр. 18 Kal. Octob. Cyprianae Africae; Romae celebratur in Calisti ⁷²⁾.—Напротивъ, календари позднѣйшаго происхожденія VIII или IX вѣковъ уже рѣзко отличаются отъ древняго диптиха. Они прежде всего гораздо богаче агіологическими и топографическими данными о святыхъ и затѣмъ въ нихъ нѣтъ никакихъ рубрикъ, которыя мы встрѣчаемъ въ диптихахъ. Таковы календари у Анжело-Мая — *Calendarium marmoreum IX seculi* ⁷³⁾ и у Морцелли *Calendarium Albani VIII v. et др.* ⁷⁴⁾.

⁷⁰⁾ Сергій, *Agіologia* Вост. 1, 3.

⁷¹⁾ См. эти календари у Buinat'а, *Acta martyrum* t. 3, p. 417 - 423.

⁷²⁾ Angelo Maji, *Veterum Scriptorum nova collectio* t. 5, p. 53.

⁷³⁾ Angelo Maji t. 5, p. 57.

⁷⁴⁾ Morcelli, *Calendarium ecclesiae Konst—nae* p. 8 и слѣд.

Опредѣливши генетическую связь календарей съ древними диптихами, мы должны рѣшить вопросъ о томъ, когда въ практикѣ церковной явились календари? Несомнѣнно, что начало употребленія календарей въ Церкви относится къ глубокой древности. Нѣкоторые указанія, хотя и неособенно ясныя, на существованіе календарей мы находимъ уже въ извѣстномъ намъ посланіи спутниковъ Св. Игнатія, епископа Антиохійскаго: „мы замѣтили, говорятъ они, день и часть кончины его, дабы, собираясь во время его мученичества, имѣть общеніе съ доблестнымъ страдальцемъ Христовымъ“⁷⁵⁾. Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти указанія становятся яснѣе. Тертуллианъ ясно свидѣтельствуетъ, что въ его время существовали календари, которые онъ называетъ фастами (*fasti*)⁷⁶⁾. А св. Киприанъ писалъ своимъ пасомымъ: *dies eorum, (исповѣдниковъ) quibus excedunt, annotate, ut commemoratio-nes eorum inter memorias martyrum celebrare possimus*⁷⁷⁾. Морцелли относитъ происхожденіе календарей къ глубокой древности. „Мы полагаемъ, говоритъ онъ, что священные календари были установлены въ Церкви недолго спустя послѣ перваго вѣка; хотя подлинныя памятники отсутствуютъ, однако мы находимъ частныя указанія на нихъ. Тѣ, которые читаютъ древнѣйшія эпитафіи христіанъ, знаютъ, какъ часто встрѣчается въ нихъ упоминаніе дня, къ которому каждый умеръ или похороненъ. Дѣйствительно, когда послѣ дня и мѣсяца равнымъ образомъ не присоединялась отмѣтка года и въ большей части случаевъ консуловъ, то отсюда можно понять, что древніе христіане въ этихъ указаніяхъ имѣли въ виду не столько воспроизведеніе исторіи, сколько заботились о ежегодномъ прославленіи умершихъ: чтобы именія ихъ, внесенныя въ извѣстные дни календаря, ежегодно въ ряду другихъ поминались“⁷⁸⁾.

Долгое время, по крайней мѣрѣ до IX вѣка, диптихи святыхъ существовали въ практикѣ церковной вмѣстѣ съ календарями, представляя изъ себя каталогъ и реестръ святыхъ той или другой мѣстной Церкви. Но затѣмъ мало по малу этотъ классъ диптиховъ сталъ выходить изъ практики церковной и слился на Западѣ съ календарями и мартирологами, а на Востокѣ съ мѣсяцесловами. Теперь святые вносятся уже не въ диптихи, къ концу IX вѣка совсѣмъ вышедшіе изъ употребленія въ практикѣ церковной, а въ календари или мѣсяцесловы.

⁷⁵⁾ Ruinart. Acta martyr. t. 1, p. 47—48.

⁷⁶⁾ De coron milit. c. XIII.

⁷⁷⁾ Epistol. VI.

⁷⁸⁾ Morcelli, Kalend. Eccles. Konst. p. 4.

Такъ, Константинопольскій патріархъ Іоаннъ IX Іеронимонъ (1111—1134), котораго Низифоръ Каллистъ называетъ Халкидонскимъ, торжественно канонизовалъ Императора Юстиніана, внесъ имя его въ святцы⁷⁹⁾. При этомъ въ календари вносятся не всѣ святые, а только болѣе извѣстные и уважаемые, такъ что внесеніе имени святаго въ нихъ служило выраженіемъ его общецерковнаго прославленія. Что дѣйствительно такое значеніе имѣло внесеніе имени святаго въ календарь, это доказывается уже тѣмъ, что не всѣ святые, находившіеся въ диптихахъ, вносились въ календари, а только сравнительно небольшое число болѣе извѣстныхъ и знаменитыхъ. Такъ, Морчелли, констатируя тотъ фактъ, что не всѣ Константинопольскіе патріархи внесены были въ календарь, говоритъ: „многіе, конечно, отсутствуютъ (въ календаряхъ) и изъ нихъ даже тѣ, кои чужды были ереси, каковы: Евagriй, Флавіанъ, Анатолій, Епифаній и др.; поэтому календарь долженъ быть еще гораздо священнѣе диптиховъ. Ибо хотя въ календари не вносились тѣ, именъ которыхъ не было въ диптихахъ, однако многіе изъ умершихъ патріарховъ читались въ диптихахъ, однако дѣдъ памяти ихъ въ календаряхъ не находимъ. Такъ соборъ Константинопольскій и патріархъ Мина опредѣлили внести въ диптихи Евемія и Македонія; однако, имени Евемія ни въ календарѣ напечмъ, (т. е. календарь Константинопольской Церкви VIII—IX в.), ни въ прочихъ не находимъ⁸⁰⁾).

Этотъ выводъ, сдѣланный Морчелли на основаніи изученія календаря Константинопольской Церкви IX вѣка, можно подтвердить и другими соображеніями. Прежде всего дошедшіе до насъ мѣсяцесловы Греческой Церкви VIII и IX вѣковъ (болѣе ранніе не дошли до насъ) далеко не исчерпываютъ всего количества святыхъ, признанныхъ уже Церковью ко времени происхожденія этихъ календарей. Такъ, мѣсяцесловы — Синодальный № 42 (VIII—IX в.) и Константинопольскій (IX в.), изданный Морчелли, далеко не обнимаютъ всего года; первый содержитъ памятей и праздниковъ на 116 дней, а второй на 143 дня⁸¹⁾. Далѣе, преосвященный Сергій въ своей Агіологии Востока, восстанавливая древнѣйшій богослужебный мѣсяцесловъ Греческой Церкви VI—VIII вв., пришелъ къ тому выводу, что въ это время въ Константинопольской Церкви было около 80 дней по

⁷⁹⁾ Бургановъ, Отнош. госуд. власти къ Церков. въ Византіи, стр. 719—20; ср. Niceph. Callist. LXVII, с. 31.

⁸⁰⁾ Morcelli, t. 1, p. 123.

⁸¹⁾ Сергій, Агіология 1, 72.

преимуществу праздничных. Конечно, говорить онъ, это только приблизительно вѣрно составленный праздничный мѣсяцесловъ VII—VIII вв. Но онъ подтверждается и богослужебными минеями. Если сравнить сей мѣсяцесловъ съ показаніями именъ пѣснописцевъ VII в. и первой половины VIII вѣка въ богослужебныхъ минеяхъ за весь годъ, то оказывается немного святыхъ, во славу которыхъ составлены были пѣснопѣнія этими лицами⁸²⁾. Наконецъ, этотъ выводъ о сравнительной малочисленности памятней въ мѣсяцесловѣ Константинопольской Церкви въ VII—VIII вв. подтверждается и тактикономъ Никона Черногорца, писавшаго въ концѣ XI вѣка и сравнивавшаго разные уставы, особенно списки Студійскаго и Іерусалимскаго уставовъ, въ частности, и по отношенію къ праздникамъ; по его таблицамъ видно, что въ то время въ Восточной Церкви собственно праздничныхъ дней было около 100 — 110, такъ что въ продолженіе 300 лѣтъ прибавилось до 20—30 дней праздничныхъ⁸³⁾. Чѣмъ, спрашивается, объяснить такое явленіе? Очевидно, что на страницы календарей попадали имена только болѣе чтимыхъ святыхъ, которые пользовались всеобщимъ прославленіемъ.

Въ данный же періодъ мы видимъ появленіе въ древней Греческой Церкви новыхъ условій, поведшихъ за собою видоизмѣненіе въ порядкѣ канонизаціи. Такими условіями съ теченіемъ времени стали житія святыхъ и службы въ честь ихъ. Житія святыхъ, подобно мученическимъ актамъ, имѣли богослужебное значеніе, такъ какъ читались во дни празднованія святымъ за богослуженіемъ. Поэтому, какъ скоро устанавливался праздникъ въ честь того или другого святаго, — то это вело за собою и составленіе житія и службы ему, если, конечно, они ранѣе не были составлены. Но, кромѣ этого богослужебнаго значенія, какъ показываетъ практика Западной Церкви, житія святыхъ имѣли еще и другое значеніе при совершеніи канонизаціи святыхъ. Дѣло въ томъ, что для совершенія канонизаціи того или другого святаго, необходимы были свѣдѣнія о немъ, которыя представлялись епископу, имѣющему право причислить его къ лику святыхъ. Эти свѣдѣнія обрабатывались въ формѣ краткой біографіи или житія, которое и представлялось на разсмотрѣніе епископа. Послѣдній предлагалъ его на своемъ мѣстномъ соборѣ или синодѣ для прочтенія съ тою цѣлью, чтобы провѣрить описанную жизнь и чудеса⁸⁴⁾.

⁸²⁾ Сеприѣ, *Agriologia*, I, 73.

⁸³⁾ *Ibid.* 16—20.

⁸⁴⁾ Schröck, *Kirch. Geschichte*, th. 22, s. 301 — 3; *оfr. Pagi, Critica Histor. chronologica* t. IV, p. 63.

Если представленное житіе святаго оказывалось удовлетворительнымъ, тогда епископъ давалъ свое согласіе на причисленіе его къ лику святыхъ. Въ X вѣкѣ въ Западной Церкви существовало уже опредѣленное и ясное правило, которымъ требовалось, чтобы дѣянія жизни и чудеса святаго были тщательно провѣрены⁸⁵⁾. Само собою разумѣется, что то же самое должно было существовать и въ практикѣ Восточной Церкви. Правда, мы не находимъ въ источникахъ ясныхъ указаній на это условіе; но отсутствіе такихъ указаній не можетъ служить поводомъ къ его отрицанію. Что житія святыхъ и тамъ считались необходимыми для канонизаціи святаго, объ этомъ можно заключать изъ того, что и въ Восточной Церкви онѣ читались въ день празднованія памяти святаго, какъ это можно видѣть изъ различныхъ уставовъ, до насъ дошедшихъ⁸⁶⁾. Слѣдовательно, какъ скоро устанавливался праздникъ въ честь того или другого святаго, то это необходимо вело и составленіе житія его. Но можно думать, что житіе, или по крайней мѣрѣ первоначальная краткая записъ о жизни и чудесахъ святаго являлась равнѣ канонизаціи и предупреждала её. Такая записъ была необходима, какъ мы видѣли это изъ практики Церкви Западной, для совершенія самой канонизаціи, для которой требовались свѣдѣнія о жизни и чудесахъ святаго.

Таковы были способы и приемы канонизаціи святыхъ въ древней Церкви. Въ главныхъ и существенныхъ чертахъ своихъ они сохранялись и послѣ долгое время въ Восточной Церкви; между тѣмъ какъ въ Западной Церкви въ этомъ отношеніи мы замѣчаемъ рѣзкую перемену. Уже съ половины XII вѣка канонизація здѣсь выражается въ очень сложныхъ и торжественныхъ церемоніяхъ, которыя съ тѣхъ поръ и доселѣ продолжаютъ составлять необходимую форму ея. Кромѣ того, въ Западной Церкви въ это время получаетъ свое начало совершенно новая форма канонизаціи, которую мы не встрѣчаемъ въ Восточной Церкви: это такъ называемая беатификація (*beatificatio*, о блаженствованіе или причисленіе къ лику блаженныхъ). Послѣднюю нужно отличать отъ канонизаціи. Беатификація совершается прежде канонизаціи и служитъ только подготовительнымъ путемъ къ ней. При этомъ беатификація давала право только на мѣстное почитаніе того или другого святаго⁸⁷⁾.

⁸⁵⁾ Benedicti XIV, De Synodo diocesana (Romae 1735 г.), t. I, 22.

⁸⁶⁾ Мансветовъ, Церк. Уставъ, 153, 101 и проч.

⁸⁷⁾ Müller, Lexic. Kirchenrecht. 4, 686; Siegel, th. 2, s. 271.

II.

Церковь съ самыхъ первыхъ временъ своего существованія принимала извѣстныя мѣры предосторожности къ тому, чтобы не причислить къ лику святыхъ таковаго изъ своихъ членовъ, который недостойнъ этого. Естественно думать при этомъ, что тѣ мѣры предосторожности къ какимъ прибѣгала она въ началѣ, были сравнительно слабѣе послѣдующихъ мѣръ; ибо Церковь въ первое время своего существованія, какъ мы видѣли, почти исключительно прославляла только мучениковъ своихъ, причемъ, очевидно, не требовалось никакихъ особенно сложныхъ мѣръ предосторожности, потому что одного уже факта мученичества за истинную вѣру Христову достаточно было для церковнаго прославленія мученика. И мы дѣйствительно видимъ, что тѣ правила, которыя можно находить въ практикѣ древней Церкви въ первое время при совершеніи канонизаціи, очень несложны и касались только а) диптиховъ и б) мученическихъ актовъ.

Простѣйшею формою канонизаціи, какъ мы видѣли, было внесеніе именъ мучениковъ въ церковныя диптихи. Отсюда правила внесенія въ послѣдніе и были правилами канонизаціи того времени. Эти правила ограничивались однимъ наблюденіемъ надъ диптихами, которое принадлежало епископамъ или вообще предстоятелямъ церквей. Диптихи всегда находились подъ самымъ строгимъ контролемъ епископовъ. Какъ внесеніе имени того или другого святаго въ диптихи, такъ и исключеніе изъ нихъ единственно зависѣло отъ воли послѣднихъ. Внося имена святыхъ въ диптихи, епископы строго наблюдали за тѣмъ, чтобы не внести въ нихъ еретиковъ и вообще заблуждающихся въ истинахъ вѣры ¹⁾, а также и именъ такихъ лицъ, мученичество которыхъ еще не было доказано. Вотъ почему съ IV вѣка Церковь установила постоянное правило, по которому необходимо было, прежде чѣмъ внести имя того или другого святаго въ диптихи, изслѣдовать причину, которая, какъ выражается блаженный Иеронимъ, дѣлала мученика ²⁾, что и повело за собою строгое различіе между мучениками доказанными и мучениками не доказанными (*inter vindictos et non vindictos*). Такъ, Опатъ Милевійскій передаетъ, что нѣкая женщина Луцилла была укоряема архидіакономъ Цециліемъ за то, что совершила публично актъ почитанія (цѣлованіемъ) одного мученика, пока онъ еще не былъ доказанъ ³⁾. То же самое правило

¹⁾ Müller, 2 191; Bingham. 6, c. III, p. 350.

²⁾ Martig. 104.

³⁾ Ibid.

прилагалось и къ исповѣдникамъ, имена которыхъ также вносились въ диптихи; ибо, говорить Краусъ, въ приложеніи въ умершему этотъ титулъ значилъ то же, что „confessor coronatus“, и равнялся торжественному свидѣтельству святости его ⁴⁾. Приложение имени исповѣдника въ послѣднемъ смыслѣ точно также стояло подъ контролемъ епископа ⁵⁾.

Руководствуясь этими правилами, епископы и вносили имена святыхъ въ диптихи и исключали изъ нихъ, если только тотъ или другой мученикъ или исповѣдникъ не подходилъ подъ эти правила. Но такой строгій и бдительный надзоръ надъ диптихами для того, чтобы онъ дѣйствительно достигалъ своей цѣли, необходимо предполагаетъ предварительное изслѣдованіе; ибо въ самомъ дѣлѣ, какъ можно рѣшить вопросъ: принадлежитъ ли извѣстный мученикъ къ доказаннымъ, или нѣтъ, если предварительно не были изслѣдованы всѣ обстоятельства его⁶⁾ мученической кончины. Вотъ почему въ христіанской Церкви съ самаго начала мы видимъ существованіе особаго рода записей, которыя носили названіе мученическихъ актовъ. Эти акты также находились подъ бдительнымъ надзоромъ епископовъ. Причина этого контроля понятна. Въ нихъ всегда заключались болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ минутахъ кончины мученика, на основаніи которыхъ и можно было опредѣлить: принадлежитъ-ли этотъ мученикъ къ доказаннымъ или нѣтъ. Надзоръ этотъ касался, какъ самаго составленія мученическихъ актовъ, такъ и провѣрки содержанія ихъ.

Мы уже выше видѣли, что такого рода акты составлялись иногда изъ записей самихъ мучениковъ объ ихъ страданіяхъ, иногда же писцами, которые исключительно для этой цѣли назначались епископами. Составленные такимъ образомъ акты всегда представлялись на разсмотрѣніе епископа. Находимъ извѣстіе, которое показываетъ, что иногда они подвергались двойной цензурѣ. Такъ, извѣстный уже намъ папа Фабіанъ съ цѣлью надзора за этими писцами поставилъ иподіаконовъ, которые обязаны были провѣрять написанное ими, и потомъ уже представлять на одобреніе папы. Если же акты составлялись лицами, которыя не были для этого назначены епископами, напр. самими мучениками или другими посторонними лицами, то въ такомъ случаѣ

⁴⁾ Краусъ, вып. 4, 97.

⁵⁾ Краусъ, вып. 4, 97.

они всегда представлялись на разсмотрѣніе епископа и только послѣ этой провѣрки послѣднимъ получали богослужебное значеніе ⁶⁾).

Теперь является вопросъ, въ чемъ заключалось это разсмотрѣніе или провѣрка актовъ епископами? Прямыхъ и ясныхъ указаній относительно этого мы не имѣемъ. Но такъ какъ эти акты имѣли своею цѣлю между прочимъ—представить свѣдѣнія, необходимыя для церковнаго прославленія того или другого мученика, то можно предполагать, что такое изслѣдованіе заключалось въ провѣрѣхъ достовѣрности этихъ свѣдѣній. Такъ думать заставляеть насъ то обстоятельство, что для канонизаціи, какъ мы видѣли, необходимы были такія свѣдѣнія, достовѣрность которыхъ была бы внѣ всякаго сомнѣнія; въ противномъ случаѣ за отсутствіемъ данныхъ не было бы никакой возможности опредѣлить различіе между мучениками „доказанными и не доказанными“ (*inter vindicatos et nonvindicatos*). — Вообще Церковь всегда строго относилась къ мученическимъ актамъ. Такъ, въ 494 году, соборъ въ Римѣ при папѣ Геласіи 1-мъ осудилъ ложные акты св. Георгія, написанные Аріанами. Наконецъ, правило VI вселенскаго собора говорить: „повѣсти о мученикахъ, врагами истины лживо составленныя, дабы обезславить Христовыхъ мучениковъ и слышавшихъ привести къ невѣрію, повелѣваемъ не обнародовати въ церквахъ, но предавати огню“. (63). Такимъ образомъ бдительный надзоръ надъ мученическими актами составляетъ второе правило, которое соблюдалось при канонизаціи святыхъ въ древней Церкви ⁷⁾.

Вотъ и всѣ правила совершенія канонизаціи святыхъ за первое время, какія можно указать въ практикѣ древней Церкви. При этомъ большая или меньшая строгость примѣненія ихъ обусловливалась особыми обстоятельствами того или другого времени. Такъ, напр., въ Африканской Церкви, въ періодъ появленія раскола Донатистовъ, по свидѣтельству блаж. Августина, провѣрка мученическихъ актовъ, обыкновенно принадлежавшая епископу мѣстной церкви, совершалась ми-

⁶⁾ Müller, 1, 389; Martig. 104.

⁷⁾ Были случаи, и вѣроятно не малочисленные, когда мученики вовсе не имѣли актовъ. Особенно это случалось въ періодъ сильныхъ гоненій, когда христіане безъ всякаго суда за одно имя христіанства осуждались во множествѣ на смерть. Такъ, хотя во время гоненія Діоклетіана замучено было христіанъ болѣе, чѣмъ во всѣ бывшія до него гоненія (Вершинскаго мѣсяц. стр. 307 и дал.), но мученическихъ актовъ изъ этого времени гораздо менѣе осталось, чѣмъ отъ прежнихъ гоненій (*Ruinart, acta sincera martyrum.*).

трополитомъ съ соборомъ епископовъ ⁸⁾). Именно, епископъ, въ епархіи котораго пострадалъ мученикъ, посылалъ акты объ его мученичествѣ митрополиту. Послѣдній въ присутствіи другихъ епископовъ провинціи тщательно изслѣдовалъ дѣло и только послѣ этого изслѣдованія причислялъ его къ числу мучениковъ, имѣющихъ право на общественное почитаніе ⁹⁾). Причина такой эстренной мѣры заключается въ томъ, что у Донатистовъ явились также свои мученики, о которыхъ они и составляли мученическіе акты. Поэтому, естественно было Африканской Церкви прибѣгнуть въ это время къ болѣе строгимъ мѣрамъ предосторожности, чтобы не принять акты мучениковъ, принадлежавшихъ къ Донатистамъ, за акты мучениковъ православныхъ.

Въ послѣдующее время, съ прекращеніемъ гоненій на христіанъ, когда мученичество прекратилось и на мѣсто мучениковъ явились въ Христіанской Церкви святыя люди, нѣкоторыя правила, необходимыя прежде для совершенія канонизаціи, теперь уже оставляются, какъ излишнія.—Такъ, очевидно, что различіе между мучениками „доказанными и не доказанными“, которое прежде было однимъ изъ правилъ канонизаціи, теперь, съ перемѣною обстоятельствъ, становится, если не совершенно излишнимъ, то, по крайней мѣрѣ, рѣдко и очень мало приложимымъ. Но то предварительное изслѣдованіе, которое вызывалось этимъ правиломъ, теперь должно было еще болѣе увеличиться и осложниться. Чтобы понять и объяснить себѣ, почему процессъ предварительнаго изслѣдованія съ этого времени долженъ былъ осложниться, нужно взять во вниманіе различіе, какое существуетъ между понятіями мученичества и святости. Безъ сомнѣнія, въ самомъ актѣ мученичества заключается уже для Церкви достаточное основаніе для церковнаго прославленія мученика. Поэтому здѣсь достаточно было только повѣрить самый актъ мученичества, чтобы причислить того или другаго мученика къ лику святыхъ. Такъ, въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, и было. Но такого рода предварительное изслѣдованіе совершенно неприменимо было къ канонизаціи святыхъ въ послѣдующее время. Хотя понятіе святость и нельзя назвать относительнымъ, тѣмъ не менѣе трудно установить точный критерій для его опредѣленія. Въ самомъ дѣлѣ, чтó такое святость сама по себѣ? Говоря вообще—это духовно-нравственное совершенство, посредствомъ котораго человѣкъ дѣлается благоугоднымъ Богу. Но установить точно границы

⁸⁾ Martig. 104.

⁹⁾ Ibid.

этого совершенства едва ли возможно. Правда, въ Христіанской Церкви данъ идеаль совершенной святости, но и этотъ идеаль, какъ и вообще всё идеаль, недостижимъ для людей; для нихъ возможны только различныя степени приближенія къ нему, но опять таки опредѣлить эту степень приближенія весьма трудно. Здѣсь всегда поэтому представляется просторъ для субъективнаго пониманія именно потому, что въ самомъ понятіи святости нѣтъ такихъ до очевидности ясныхъ и объективныхъ признаковъ, какіе заключаются въ актѣ мученичества. Тамъ же, гдѣ остается мѣсто для субъективнаго мнѣнія, нужны какіе-нибудь другіе, болѣе объективные признаки, которыми можно было бы провѣрить послѣднее. Вотъ почему мы и видимъ, что въ христіанской Церкви благочестивая жизнь, хотя и составляла одно изъ главныхъ условий для канонизаціи, но одна она не давала, однако, еще права на прославленіе въ Церкви: для послѣдняго требовались болѣе объективные признаки, каковыми и были чудеса. Отсюда и вытекло новое правило, которымъ Церковь руководилась при канонизаціи святыхъ. Суть этого правила заключается въ томъ, что теперь тотъ или другой угодникъ только тогда причислялся къ лику святыхъ, когда при благочестивой жизни, которая подтверждена несомнѣнными свидѣтельствами, совершались имъ послѣ смерти чудеса. Естественно, что это правило должно было повести за собою осложненіе процесса канонизаціи; ибо существованіе ложныхъ чудесъ всегда возможно; поэтому, чтобы чудеса получили несомнѣнную степень достовѣрности, необходимо ихъ провѣрить. Отсюда и вытекло новое правило канонизаціи, которымъ требовалось, чтобы дѣянія жизни и чудеса святаго были тщательно провѣрены¹⁰⁾. Впервые это правило упоминается при канонизаціи Удальрика, епископа Аугсбургскаго, въ 993 году, и потомъ уже оно постоянно практиковалось въ Западной Церкви¹¹⁾. Но что начало его образованія нужно относить къ болѣе раннему времени, это показываетъ уже самая формулировка его ясная и опредѣленная, что само собою можетъ уже свидѣтельствовать о его болѣе раннемъ употребленіи въ практикѣ Западной Церкви: „чтобы считаться святымъ въ Церкви воинствующей, читаемъ мы въ этомъ правилѣ, необходимы два условія: добродѣтель правовъ и истинность чудесъ, достовѣрность которыхъ должна быть засвидѣтельствована епископомъ“¹²⁾.

¹⁰⁾ Benedicti XIV, De Synodo dioces. t. I, p. 22.

¹¹⁾ Pagi critic. Hist. Chronol. t. 4, p. 63—5; Baronii, Annales ecclesiastici, t. XVI, p. 330—32.

¹²⁾ Ibid.

Въ Западной Церкви въ X и XI вв. мы дѣйствительно находимъ эту повѣрку и даже вполне выработанныя формы этой повѣрки или свидѣтельствванія чудесъ. Что же касается Церкви Греческой за то же время, то вопросы о томъ, въ чемъ состояла эта повѣрка чудесъ и какъ она совершалась, за отсутствіемъ данныхъ, должны остаться безъ отвѣта.

Были-ли какія-нибудь другія правила, которыми древняя Церковь руководилась при совершеніи канонизаціи святыхъ, мы не знаемъ. Въ настоящее время, напримѣръ, кромѣ другихъ условій, для совершенія канонизаціи святыхъ требуется еще нетлѣнныя мощи святаго ¹³⁾. Въ древней Церкви особенно въ болѣе раннее время такого условія не было. Правда мы встрѣчаемъ тамъ примѣры, которые показываютъ, что иногда канонизація того или другого святаго вызывалась и обусловливалась открытіемъ его мощей. Такъ напр., св. Амвросій, еп. Медиоланскій, торжественно праздновалъ обрѣтеніе мощей святыхъ мучениковъ Гервасія и Протасія (память ихъ 14 Октября), о которыхъ ему было возвѣщено чудеснымъ образомъ и имена ихъ, дотолѣ неизвѣстныя, были внесены имъ въ церковныя диптихи для ежегоднаго воспо-

¹³⁾ Мощи, латинское—*Reliquiae* останки, какъ самое названіе показываетъ, суть въ христіанской Церкви останки отъ тѣлъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, Почитаніе ихъ восходитъ къ глубокой древности. Но въ древней Церкви подъ мощами разумѣлись не цѣлыя тѣла святыхъ, какъ въ настоящее время, а въ большинствѣ случаевъ только кости ихъ. Такъ напр., Смирнскіе христіане пишутъ о мощахъ св. Поликарпа: „кости священномученика, сокровище драгоценнѣе дорогихъ камней и чище золота“ и т. д. (Ruinart. 1, 92—3). Точно также въ повѣствованіи объ открытіи мощей св. первомученика Стефана между прочимъ говорится, что мощи или останки его состояли изъ костей, тогда какъ тѣло его обратилось въ прахъ. (Сказ. о христ. муч. Изд. Ваз. Д. А. 287—288). Можно бы и еще указать много примѣровъ того, что подъ мощами разумѣли въ древней Церкви преимущественно кости, но и приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно, чтобы убѣдиться въ этомъ. (Смотр., напр., Ц. Истор. Созомена кн. 9, гл. 2). Святныя мощи въ древней Церкви хранились не на вскрытіи, какъ въ настоящее время, а обыкновенно подъ спудомъ т. е. скрытыми въ гробницахъ. Такъ напр., мощи св. первомученика Стефана были положены въ ящикъ и въ немъ хранились. Точно также мощи св. Иоанна Златоустаго хранились въ Константинопольскомъ храмѣ Апостоловъ въ гробницѣ, находящейся подъ поломъ. Наконецъ, еще одинъ примѣръ изъ позднѣйшаго времени, именно XI в. При перенесеніи мощей св. Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ Баръ, рассказывается между прочимъ, что рака угодника Божія хранилась подъ церковнымъ помостомъ (Мар. Ц. Истор. 2, 122; Тр. К. А. 1874 г. № 12, 549).

минанія ¹⁴⁾). Подобнымъ же образомъ были обрѣтены тѣла св. мучениковъ Назарія и Кельсія ¹⁵⁾, память которыхъ также съ этого времени стала торжественно праздноваться Церковью ¹⁶⁾). Св. Григорій Богословъ въ одномъ изъ своихъ словъ относительно этого предмета между прочимъ говоритъ: „малая часть праха, останковъ костей, часть волосъ, отрывки одежды, признакъ каплей крови—иногда достаточны къ чествованію мученика; даже мѣсту мощей дается наименованіе: святыхъ мощи, и оно имѣетъ равную силу какъ бы присутствовалъ самъ мученикъ ¹⁷⁾». Но было-ли это нетлѣніе мощей постояннымъ и всеобщимъ условіемъ при совершеніи канонизаціи, этого приведенные нами факты не говорятъ. На основаніи ихъ можно сдѣлать только тотъ очень вѣроятный выводъ, что открытіе мощей мученика или подвижника, дотолѣ Церковію не прославляемаго, давало поводъ къ установленію праздника въ честь его, или его канонизаціи, что видно изъ примѣра канонизаціи св. Амвросіемъ и словъ Григорія Богослова. Вообще же канонизація въ древней Церкви не соединялась необходимо съ нетлѣніемъ мощей, что уже видно изъ обзорѣнія способовъ и приемовъ ея въ періодъ мученичества, когда тѣла многихъ мучениковъ сожигались, бросались въ море и другими способами истреблялись. Это же видно и изъ примѣра св. Іоанна Златоустаго, канонизація котораго произошла ранѣе открытія его мощей ¹⁸⁾). Въ позднѣйшее время въ Греческой Церкви точно также нетлѣніе мощей не было необходимымъ условіемъ для канонизаціи, такъ какъ Русская Церковь, безъ сомнѣнія, занимавшая способы канонизаціи изъ Греческой, не имѣла такого правила, по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованія.

III.

Намъ остается еще рассмотреть характеръ, какой канонизація святыхъ имѣла въ древней Церкви. Но чтобы судить объ этомъ характерѣ, намъ нужно предварительно рѣшить одинъ вопросъ: кому принадлежало право канонизаціи въ древней Церкви, такъ какъ этимъ вопросомъ, какъ увидимъ ниже, обуславливался между прочимъ и ха-

¹⁴⁾ Paulin in vita S. Ambros. 1, 14; cfr. Ruinart. Calend. Carthag. p. 420.

¹⁵⁾ Память ихъ 14 Октября См. мѣсяцесл. Вертин. 276.

¹⁶⁾ Paulin, in vita Ambros. 32—3.

¹⁷⁾ Слово о цѣломудріи, смиренномудріи и воздержаніи.

¹⁸⁾ Канонизація его совершилась въ 428 году (Ц. Ист. Сокр. кн. 7, гл. 25); а обрѣтеніе мощей его послѣдоваго въ 438 году.

характеръ послѣдней—мѣстный или всеобщій. На основаніи всего сказаннаго о совершеніи канонизаціи святыхъ въ древней Церкви, не трудно рѣшить вопросъ и о томъ, кому принадлежало право совершенія ея, по крайней мѣрѣ, до половины XII столѣтія; ибо мы имѣемъ ясныя и положительныя свидѣтельства о томъ, что какъ въ Западной Церкви, такъ и въ Восточной право совершенія канонизаціи принадлежало въ то время епископамъ тѣхъ церквей, въ которымъ святые или мученики принадлежали ¹⁾). Такъ, мы видѣли, что внесеніе въ диптихи имени того или другого святого или мученика зависѣло отъ епископа мѣстной церкви ²⁾), и что отъ него же зависѣло и исключеніе изъ нихъ ³⁾). Какъ примѣръ и какъ доказательство этого можетъ служить фактъ внесенія въ диптихи Амвросіемъ, еп. Медиоланскимъ, именъ мучениковъ Гервасія и Протасія. Точно также и установленіе праздника въ честь святыхъ принадлежало епископу той или другой Церкви. Каждый епископъ въ своей Церкви могъ установить праздникъ въ честь того или другого святаго или мученика, причемъ празднованіе, какъ увидимъ ниже, и ограничивалось его епархіей, не простираясь на другія. Для доказательства этого положенія мы приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, изъ мученическихъ актовъ св. Игнатія и Поликарпа мы узнаемъ, что епископы объявляли дни, въ которые должны быть празднуемы памяти этихъ мучениковъ ⁴⁾), т. е. другими словами, установили праздникъ въ честь ихъ. О Григоріи Чудотворцѣ, еп. Неовесарійскомъ, извѣстно, что онъ, установивъ дни совершенія памяти мучениковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ праздновать ихъ съ особенною торжественностію ⁵⁾). Въ послѣдующее время гоненій до IV вѣка право учреждать праздники принадлежало также епископамъ. Созоменъ передаетъ, что Палестинскія Церкви (т. е. епископы этихъ Церквей) устанавливали ежегодные праздники въ честь мучениковъ и св. мужей ⁶⁾). Затѣмъ, въ V в. Кириллъ Іерусалимскій въ послѣдніе годы своей жизни, причисливъ Іоанна Златоустаго къ лику святыхъ, установилъ въ своей Церкви праздникъ въ честь его ⁷⁾). Не мало при-

¹⁾ Martig. 104; Siegel, 2, 270; Schröck, 22, 301; Müller, 1, 389.

²⁾ Martig. 104; Müller, 2, 191; Binter. 4, 2, 65.

³⁾ Martig. 104; Binterim, 5, 1, 292.

⁴⁾ Binter. t. 5, 1, 293.

⁵⁾ Григорій Нисск. о жизни св. Григ. Чудотвор. Твор. Гр. Нисск. ч. VIII, стр. 191. Москва 1872.

⁶⁾ Krüll, 2, 96.

⁷⁾ Ц. Ист. Никифора Баллиста кн. 14, гл. 28.

мѣровъ подобнаго рода можно найти и въ Западной Церкви. Начиная со св. Амвросія, еп. Медиоланскаго, установившаго, какъ мы видѣли, праздники въ честь святыхъ мучениковъ Гервасія и Протасія, епископы послѣдующаго за нимъ времени очень часто пользовались правомъ учреждать для своихъ діоцезовъ праздники. Такъ Григорій Турскій указываетъ на учрежденіе епископомъ праздника въ честь св. Перепетуи ⁸⁾. Далѣе, отдѣльные города, мѣстныя Церкви и даже монастыри имѣли своихъ особенныхъ святыхъ и патроновъ, дни памяти которыхъ торжественно праздновали, конечно, съ дозволенія и разрѣшенія мѣстнаго епископа. Такъ, Ричетій (Ricetius) Трирскій очень много перечисляетъ мѣстныхъ праздниковъ въ посланіи къ королевѣ Хлодовиндѣ, въ числѣ которыхъ находимъ праздники въ честь святыхъ: Мартина, Германа, Гилярія, Ремигія, Медора и др. ⁹⁾. А такъ какъ канонизація святыхъ за это время, какъ мы видѣли, совершалась чрезъ внесеніе именъ святыхъ въ диптихи и установленіе празднованія дней памяти ихъ, и такъ какъ то и другое совершалось только съ дозволенія епископа, то мы имѣемъ полное право заключить, что канонизація въ этотъ періодъ совершалась епископомъ. Исключеніе изъ этого общаго правила составляла только Африканская Церковь, которая во времена блаж. Августина лишила епископовъ права канонизаціи и передала его митрополиту съ соборомъ епископовъ ¹⁰⁾. Но это исключеніе вызвано было особными обстоятельствами Церкви Африканской того времени, именно явленіемъ раскола Донатистовъ, среди которыхъ также были свои мученики, что и заставило эту Церковь быть строже въ этомъ отношеніи сравнительно съ другими Церквями.

До XII вѣка право совершенія канонизаціи какъ въ Восточной Церкви, такъ и въ Западной принадлежало епископамъ. Но затѣмъ, въ послѣдующее время между ними въ этомъ отношеніи замѣчается рѣзкое различіе. Въ Западной Церкви съ конца XII вѣка послѣ единичнаго примѣра въ X вѣкѣ ¹¹⁾ право совершенія канонизаціи пере-

⁸⁾ Binter. 5, 1, 249.

⁹⁾ Ibid. 294—5.

¹⁰⁾ Martig. s. 104.

¹¹⁾ Въ 993 году папа Іоаннъ XV канонизовалъ Удалърика, еп. Аугсбургскаго (Baron. Annal. eccles. ad an. 993). Это первый примѣръ торжественной папской канонизаціи. Цѣль, съ которою Ліутульфъ, преемникъ по воеводѣ Удалърика, для канонизаціи послѣдняго обратился къ папѣ, была та, говорить Рагі, чтобы почитаніе этого святаго, которое самъ онъ могъ установить только въ

ходить въ папѣ, сдѣлавшись его привилегіей ¹²⁾). Къ этому времени папа успѣлъ настолько усилиться въ Западномъ мірѣ, что тамъ стали смотрѣть на него, какъ на главу всего западнаго христіанства. Сдѣлавшись такимъ центромъ церковной жизни на Западѣ, папы мало по малу стремились объединить различныя части западнаго міра и всюду вводить обычаи и обряды Западной Церкви. Этимъ усиленіемъ централизаціи въ Западной Церкви и объясняется та перемѣна, которая произошла тамъ относительно права совершенія канонизаціи. Окончательно эта перемѣна была узаконена папою Александромъ III (1159—1181). Послѣдній, видя, что такое высокой важности дѣло оставалось не подчиненнымъ никакому уставу, ограничилъ право канонизаціи исключительно своимъ престоломъ.

Между тѣмъ въ Восточной Церкви, гдѣ не существовало такой централизаціи духовной власти, какую на Западѣ имѣли папы, право совершенія канонизаціи и послѣ XII вѣка принадлежало епископамъ, или вообще предстоятелямъ Церквей. Можетъ быть и здѣсь, если бы были болѣе благоприятныя условія для Константинопольскаго патріарха, послѣдній пріобрѣлъ бы такое же значеніе въ Восточной Церкви, какое имѣлъ папа въ Западной. Но на Востокѣ трудно было Константинопольскому патріарху возвыситься надъ прочими, при существованіи рядомъ грубой силы Византійскаго цезаризма, который тяжелымъ гнетомъ давилъ церковную власть. Высшая іерархія здѣсь была связана по рукамъ и ногамъ въ своемъ самоуправленіи. Императоры считали нужнымъ вмѣшиваться въ такія дѣла духовнаго вѣдомства, которыя не только не имѣли никакого отношенія къ императорской власти, но прямо исключали по самому существу своему вліяніе послѣдней ¹³⁾). Очевидно, что при совмѣстномъ существованіи

своей Церкви, авторитетомъ Римскаго папы распространить и на другіе діоцезы (Pagi, *critic. Histor. Chronol.* 4, 63). Но и послѣ этого епископы еще охраняли за собою право совершенія канонизаціи въ своихъ діоцезахъ. (Siegel, 2, 270; Schröck, 24, 301).

¹²⁾ Siegel, 2, 270; Müller, 1, 388.

¹³⁾ А. П. Лебедевъ, Очерки внутренней исторіи Восточ. церкви въ 9, 10 и 11 вѣкахъ. Чт. Общ. Л. Дух. Пр. 1876, I, 229. — Не указывая много прихвровъ этого рода, мы остановимся на одномъ, который ярко рисуетъ намъ всю беззащитность отношеній государства къ Церкви. Кому можетъ придти на мысль, чтобы государство брало на себя инициативу столь священной вещи, какъ канонизація святыхъ. И однако же государственная власть брала на себя въ разсматриваемое время и подобную задачу. И это тѣмъ замѣчательнѣе, что лица, канонизаціи которыхъ добивались, не имѣли особыхъ заслугъ церковныхъ;

съ такою силою не могло быть и мысли о такомъ же возвышеніи Константинопольскаго патріарха, какова достигъ въ этому времени папа. Отсюда на основаніи этихъ теоретическихъ соображеній уже аргюи можно заключить, что здѣсь не могло произойти за отсутствіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ такой же переменъ и относительно права совершенія канонизаціи, какая произошла къ этому времени на Западѣ. Но весьма трудно подтвердить эти теоретическія соображенія фактами изъ исторіи Греческой Церкви этого времени. За неимѣніемъ послѣднихъ, намъ приходится обращаться къ побочнымъ извѣстіямъ, которыя мы и находимъ въ Русской Церкви, безъ сомнѣнія заимствовавшей формы канонизаціи изъ Греческой. Извѣстно, что Русская Церковь въ первое время своего существованія хотя и зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха, по канонизацію своихъ святыхъ совершала безъ сношенія съ послѣднимъ ¹⁴⁾. Очевидно, что этого не могло

такой канонизаціи просто хотѣлось тому или другому государю по чисто личнымъ интересамъ. Старшій сынъ Василія Македонянина (867 — 886) Константинъ былъ мальчикъ умный, съ раннихъ лѣтъ проявлялъ задатки хорошаго императора, а потому сдѣлался любимцемъ своего отца. Василій сталъ брать его съ собою въ военные походы, но нѣжный возрастъ сына не вынесъ тяжести походнаго времени. Вскорѣ мальчикъ захирѣлъ и къ величайшему прискорбію отца умеръ. Печаль отца была безутѣшною. Подъ влияніемъ своей скорби онъ приходитъ къ мысли причислить своего первенца къ лику святыхъ. Очень прискорбно, что Церковь безпрекословно и, кажется, охотно приняла подобную, ничѣмъ не мотивированную канонизацію принца. (Впрочемъ, канонизація его, кажется, не удержалась въ Церкви; по крайней мѣрѣ имени этого принца нѣтъ ни въ полномъ мѣсяцесловѣ пр. Варшавскаго, ни у преемв. Сергія въ его Агіологіи Востока). Вскорѣ между государями нашлись подражатели подобной легкой канонизаціи. Императоръ Левъ VI (886—912) самовольно канонизуетъ двухъ своихъ женъ Теофанію и Зою; онъ строитъ въ честь ихъ Церковь. То правда, что Теофанія была подлинно святою женщиною. Она бездоотно терпѣла невѣрность своего мужа; среди развратнаго Византійскаго двора она блистала своею скромностію, смиреніемъ и благочестіемъ; милостыня и молитва были постояннымъ ея занятіемъ. Но нельзя сказать того о Зои, и даже наоборотъ. Кажется, впрочемъ, эта канонизація двухъ женъ Львомъ встрѣтила оппозицію въ Церкви; въ житіи Теофаніи повѣствуется, что Церковь, посвящая ея имени Львомъ, потому посвящена была вообще въ честь всѣхъ святыхъ. Впрочемъ, канонизація Теофаніи удержалась въ Церкви, но канонизація Зои нѣтъ. (Ibid. 229—30).

¹⁴⁾ Этому общему положенію повидимому противорѣчитъ фактъ канонизаціи св. Петра, митр. Московскаго, которая совершилась въ 1339 году съ разрѣшенія Константинопольскаго патріарха Іоанна XIV. Но на самомъ дѣлѣ этотъ фактъ

бы быть, если бы право совершенія канонизаціи не продолжало принадлежать и въ это время мѣстнымъ Церквамъ. Основываясь на практикѣ Русской Церкви, можно сдѣлать выводъ, что право совершенія канонизаціи за это время въ Греческой Церкви, какъ и прежде, продолжало принадлежать предстоятелямъ тѣхъ Церквей, гдѣ святыя жили и подвизались.

Изъ всего сказаннаго нами доселѣ о канонизаціи святыхъ въ древней Церкви легко теперь сдѣлать заключеніе и о томъ характерѣ, какой она имѣла за это время. Мы видѣли уже, что право совершенія канонизаціи принадлежало епископамъ или вообще предстоятелямъ Церквей. А такъ какъ власть епископа простиралась только на его епархію или его діоцезъ, то, очевидно, и празднованіе, устанавливаемое епископомъ, должно было простираться только на эту епархію. Отсюда, естественно, канонизаціи святыхъ должна была носить мѣстный характеръ. Мученики и святыя почитались и прославлялись только тамъ, гдѣ они жили, пострадали и окончили свою жизнь. Такъ, праздникъ св. Поликарпа торжественно совершался въ Смирнѣ, а праздникъ св. Кипріяна въ Каррагенѣ,—въ мѣстахъ, въ которыхъ они были епископами и гдѣ они пострадали ¹⁵⁾. Поэтому, каждая Церковь имѣла свои собственные диптихи святыхъ, которые и прочитывались за богослуженіемъ, при чемъ диптихи одной церкви не были похожи на диптихи другой. А въ какомъ ограниченномъ и узкомъ смыслѣ нужно понимать иногда въ этомъ случаѣ церковь, это довольно наглядно

не только не противорѣчить, но напротивъ подтверждаетъ это общее положеніе. Митрополитъ Теофноность могъ смѣть совершить канонизацію св. Петра. Если онъ обратился за разрѣшеніемъ въ Константинопольскому патриарху, то онъ это сдѣлалъ для того, чтобы авторитетомъ послѣдняго сдѣлать почитаніе св. Петра обязательнымъ для всей Русской Церкви, чего онъ самъ, при мѣстномъ почитаніи святыхъ, какое господствовало у насъ въ удаленное время, не могъ достигнуть. Что дѣйствительно митрополитъ Теофноность самъ могъ совершить канонизацію, это видно между прочимъ и изъ отвѣта патриарха. Послѣдній съ удивленіемъ отнесся къ такой просьбѣ митрополита, и въ своемъ отвѣтѣ какъ бы съ изумленіемъ говоритъ: „да и самому тебѣ не безызвѣстно, какого чина и обычая держится въ подобныхъ случаяхъ Церковь Божія“: получивъ твердое и несомнѣнное удостовѣреніе относительно сего (святаго), твое святительство да поступить въ настоящемъ случаѣ по тому же самому уставу Церкви. (У Павлова, въ Памятникахъ канонич. права № 2, 12—13, Русск. Историч. Библиот. т. VI; ср. Ст. кн. 1, 422.

¹⁵⁾ Bingham, 9, cap. 7, p. 136.

характеризуется слѣдующимъ фактомъ, сообщаемымъ церковнымъ историкомъ Созоменомъ. Онъ рассказываетъ о двухъ епархіяхъ—Газской и Маюмской, крошечныхъ по размѣру, которыя, хотя и были близки одна къ другой, но не смотря на это объ онѣ дѣлали особыя собранія въ память мучениковъ и своихъ святыхъ¹⁶⁾. Такимъ образомъ каждая Церковь имѣла своихъ святыхъ, канонизованныхъ ея епископомъ, которымъ она и праздновала. Впрочемъ, нельзя думать, чтобы святые одной Церкви совершенно уже не праздновались въ другой. Конечно, и другія Церкви могли чествовать святыхъ, особенно сосѣднихъ съ ними церквей; но это чествованіе было добровольное и необязательное: имъ могли праздновать, но могли и не праздновать. Въ этомъ отношеніи однако трудно и почти невозможно установить какое-нибудь болѣе или менѣе опредѣленное правило. Можно, впрочемъ, съ болѣею вѣроятностію предполагать, что большее распространеніе почитанія того или другого святого угодника зависѣло отъ степени его заслугъ Церкви и, слѣдовательно, отъ степени его извѣстности въ ней. Поэтому уже а priori можно думать, что дни памятей такихъ великихъ святителей, оказавшихъ важныя заслуги Церкви, каковы были: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, или великіе подвижники египетскихъ пустынь, положившіе начало восточному монашеству—Антоній и Пахомій великіе, почитались и прославлялись въ болѣею количествѣ церквей, чѣмъ другіе, менѣе извѣстные угодники.

Кромѣ этого, такъ сказать, каноническаго основанія мѣстнаго почитанія святыхъ въ древней Церкви, можно указать и другія причины такого явленія, коренящіяся въ склонности народа почитать своихъ мѣстныхъ святыхъ. Поэтому легко себѣ представить, что жители той или другой страны естественнымъ образомъ склонны были почитать тѣхъ, которые или прославились въ ихъ время многими чудесами, либо жили среди нихъ или въ ихъ сосѣдствѣ¹⁷⁾, вслѣдствіе чего каждая провинція, каждая церковь своимъ собственнымъ святымъ давала извѣстное преимущество предъ иноземными¹⁸⁾.

Что дѣйствительно канонизація святыхъ въ древней Церкви имѣла такой мѣстный характеръ, это подтверждается между прочимъ и дошедшими до насъ памятниками агіологіи того времени, которые такъ

¹⁶⁾ Ц. Ист. Созом. кн. 5, гл. 3, стр. 315.

¹⁷⁾ Binter. 5, 1, 395.

¹⁸⁾ Ibid. 23, 4, 1, 253.

же носить всё чистомѣстный характеръ. Возьмемъ для примѣра календари и мѣсяцесловы. Константинопольскіе мѣсяцесловы VIII и IX вв. имѣютъ всё признаки мѣстнаго характера, потому что перечисляютъ такіе только праздники, которые дѣйствительно существовали въ это время въ Константинополѣ. Точно также и другіе календари первоначально носили слѣды мѣстнаго характера. Для примѣра можно указать на *Calendarium Romanum* и *Calendarium Carthaginiense*, помѣщенные у Ruinart'a (t. 3, p. 417—423), причемъ послѣдній уже своимъ заглавіемъ свидѣтельствуетъ о своемъ мѣстномъ характерѣ:— „hic (въ календарѣ) continentur dies natalitiorum martyrum, et depositiones episcoporum, quos ecclesiae Carthaginiensis anniversaria celebrant“.

Такой мѣстный характеръ канонизація святыхъ въ Западной Церкви сохраняла до XII вѣка. Съ этого же времени здѣсь, какъ мы видѣли, право канонизаціи перешло къ папѣ; а такъ какъ власть папы къ этому времени простиралась уже на всю Западную Церковь, то, очевидно, и канонизація должна была измѣнить свой характеръ. И мы дѣйствительно видимъ, что канонизація тамъ съ этого времени принимаетъ характеръ всеобщій ¹⁹⁾. Между тѣмъ въ Восточной Церкви, гдѣ, какъ мы видѣли, право совершенія канонизаціи продолжало сохраняться за предстоятелями мѣстныхъ церквей, и канонизація естественно должна была удержатъ свой мѣстный характеръ.

Если канонизація въ древней Церкви имѣла чисто мѣстный характеръ, то, очевидно, такой же характеръ должно было имѣть и почитаніе святыхъ. Такъ дѣйствительно долгое время и было, какъ сейчасъ мы видѣли. Но съ теченіемъ времени мѣстное почитаніе святыхъ постепенно теряетъ свой прежній характеръ. Это сглаживаніе мѣстнаго характера происходило частію благодаря намѣреннымъ заимствованіямъ святыхъ одною церковью у другой, частію просто само собой. Такъ, Константинопольская церковь часто усвоила себѣ празднованія

¹⁹⁾ Краусъ и Мартини (Краусъ 9, 97; Mart. 104) эту перемену въ характерѣ канонизаціи въ Западной Церкви относятъ къ X вѣку. Но это, какъ мы уже видѣли, несправедливо. Хотя дѣйствительно въ этомъ вѣкѣ и былъ примѣръ папской канонизаціи (въ 993 г. Удальрика), но однакоже и послѣ этого епископы продолжаютъ еще сохранять свое древнее право до папы Александра III, послѣ котораго уже не было ни одного случая епископской канонизаціи (Siegel, 2, 270; Schröck. 28, 301). Поэтому справедливѣе и точнѣе начинать всеобщую канонизацію въ Западной Церкви именно съ послѣдняго папы т. е. со второй половины XII вѣка.

святыхъ другихъ церквей и имена ихъ вносила въ свои календари. О заимствованіи Греческою Церковью изъ Римскихъ календарей Морчелли говоритъ слѣдующее: „и то не новость, что священныя торжества, праздновавшіяся латинянами, принимались и греками. Не говоря уже о знаменитыхъ во всемъ мірѣ мученикахъ, греки усвоили себѣ имена и праздники тѣхъ исповѣдниковъ, кои прославились въ Западной Церкви. Ибо въ Сентябрѣ мѣсяцѣ они чествуютъ Мартина, великаго первосвященника, осудившаго монофелитовъ, и причисляютъ его къ славнымъ исповѣдникамъ; а въ Ноябрьѣ наравнѣ съ латинянами почитаютъ Мартина, еп. Турснаго и Григорія, еп. Агригеттскаго; въ Декабрѣ также въ положенный у насъ день неопустительно почитаютъ великаго Амвросія“²⁰⁾ и проч. Бывало и такъ, что календари Византийскаго происхожденія, распространяясь изъ Византіи по другимъ сосѣднимъ съ нею странамъ, мало по малу теряли свой Византийскій характеръ и осложнялись замѣтками о мѣстныхъ святыхъ сосѣднихъ Церквей. Наконецъ, многіе святые, сначала мѣстно только чтимые; съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ ихъ извѣстности, начинаютъ пользоваться общецерковнымъ прославленіемъ и имена ихъ, до того вносившіяся въ диптихи, начинаютъ уже вноситься въ календари. Что дѣйствительно мѣстные святые съ теченіемъ времени попадали и на страницы календарей, это можно доказать фактически. Такъ, при Феодорѣ Студитѣ († 826) въ Студійскомъ монастырѣ праздновались многіе святые мѣстныя. Къ такимъ святымъ можно отнести: преп. Ѳаддея Студійскаго, блаж. Дометіана, преп. Платона, преп. Пахомія, Михаила Синаидскаго²¹⁾. Всѣ эти памяти уже при Феодорѣ торжественно праздновались въ его монастырѣ. Съ теченіемъ времени нѣкоторыя изъ этихъ памятей перешли и на страницы Синаксарей подъ тѣми числами, когда праздновалась ихъ память въ Студійскомъ монастырѣ. Такія мѣстные памяти, многія изъ которыхъ потомъ переходили на страницы календарей, мы встрѣчаемъ и въ уставахъ Іерусалимскомъ и Великой Церкви. Въ первомъ къ числу такихъ памятей относятся: Павелъ Латрскій, Лазарь Галасійскій, Михаилъ Хоніатъ²²⁾, а во второмъ: Константинопольскій патріархъ Николай Хрисовергъ, Трифонъ, Стефанъ, Сисаній, строители св. Софіи: Юстиніанъ и Теодора²³⁾. Эти заимствованія, равно какъ и другія указанныя причины

²⁰⁾ Труды К. Д. Ав. 1875 г. 2, 313—14.

²¹⁾ Мансветовъ, Ц. Уставъ, 100—102.

²²⁾ Ibid., 183.

²³⁾ Ibid. 228.

уничтоженія мѣстнаго характера календарей въ концѣ концовъ привели къ объединенію ихъ, что естественно въ свою очередь повело за собою то, что святые, дотѣдѣ только мѣстно чтимые, стали прославляться во всей Церкви. Но трудно указать точно время, когда это случилось, особенно въ Восточной Церкви. Обыкновенно въ этомъ случаѣ ссылаются на святцы, по которымъ будто-бы можно опредѣлять, хотя приблизительно, время начала всеобщаго во всей Церкви почитанія святыхъ угодниковъ. Но это очень сомнительно по слѣдующей причинѣ. Святцы только въ такомъ случаѣ могли бы служить средствомъ для опредѣленія времени начала всеобщаго празднованія святымъ, если бы мы знали, что они стояли подѣ строжайшимъ надзоромъ Церкви и ея представителей. Если бы это было такъ, то очевидно, святцы по своему составу и объему должны были быть однородны. Между тѣмъ послѣднiя мы не замѣчаемъ. Сравнивая дошедшіе до нашего времени святцы не только изъ разныхъ вѣковъ, но даже одного вѣка, мы замѣчаемъ полное между ними несходство и разнообразіе. Это послѣднее обстоятельство и показываетъ, что составленіе святцевъ не было дѣломъ Церкви и ея предстоятелей, а было дѣломъ частныхъ лицъ, которые и вносили въ нихъ святыхъ по своему желанію. Переписчики святцевъ, при составленіи ихъ, исключительно руководствовались своимъ благочестивымъ чувствомъ, заставлявшимъ ихъ вносить въ святцы какъ можно большее количество святыхъ. При такомъ же способѣ составленія святцевъ, очевидно, и показаніе и свидѣтельство ихъ не можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для заключенія о началѣ всеобщаго празднованія святымъ.

Богѣ вѣрныя и надежныя данныя для разсматриваемаго нами вопроса даетъ намъ одинъ офиціальный актъ, изъ котораго открывается, когда началось общее празднованіе святителямъ, первымъ въ порядкѣ чиновъ святыхъ послѣ мучениковъ. Актъ этотъ есть указъ императора Льва Мудраго (886—911 гг.), въ которомъ онъ къ празднованію дней памяти апостоловъ и мучениковъ, „своими смертями посрамившихъ нечестіе“, повелѣваетъ присовокупить, чтобы памяти и послѣ нихъ возсіявшихъ въ Церкви богопроповѣдныхъ мужей и на подобіе звѣздъ озарившихъ твердь Церкви дѣлами и ученіями не были оставлены безъ чествованія и празднованія. Посему восполняя недостающее, онъ узаконяетъ праздновать дни кончины слѣдующихъ святителей: Аѳанасія, Василія, Григорія, Григорія, вѣроятно, Нисскаго, Іоанна Златоустаго, Кирилла и Епифанія“²⁴). На этотъ офиціальный

²⁴) Указъ этотъ см. въ прил. къ гл. 5. Ц. Ист. Голубинскаго I, 2, 428—29.

актъ можно смотрѣть, какъ на первую попытку ввести въ число всеобще почитаемыхъ апостоловъ и мучениковъ третій ливъ святыхъ, именно святителей. Какъ шло далѣе это превращеніе святыхъ изъ мѣстно чтимыхъ во вселенскихъ, были ли относительно этого такіе же указы, какъ разсмотрѣнный нами указъ императора Льва, объ этомъ мы за неизмѣнимъ ясныхъ свидѣтельствъ можемъ строить только болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Можно однако думать, что это произошло само собою постепенно, безъ всякаго участія со стороны Церкви или правительства. Извѣстно, что съ V до X вѣка включительно въ Греческой Церкви явилось множество пѣснопѣвцевъ, которые и составляли службы и каноны въ честь святыхъ угодниковъ Божіихъ. Сначала разбѣянные по отдѣльнымъ сборникамъ, они мало по малу стали собираться и сгруппировываться въ однѣ книги, впоследствии получившія названіе минаей. Присматриваясь къ нимъ, мы видимъ, что въ древнѣйшихъ минаехъ были одни каноны и службы, составленные въ честь мучениковъ; послѣ въ нихъ вносились уже службы и житія преподобныхъ и прочихъ святыхъ. А такъ какъ съ теченіемъ времени минаей получали все болѣе и болѣе однообразный видъ, и такъ какъ онѣ были въ общемъ употребленіи, то необходимо думать, что къ тому времени, когда минаей окончательно образовались, а это было не ранѣе XI вѣка, и почитаніе святыхъ, службы и житія которыхъ содержались въ этихъ минаехъ, принимало все болѣе и болѣе общій характеръ. Вообще, окончательное образованіе круга церковно-богослужебныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ службы, житія и каноны святымъ, могло способствовать и болшему однообразію въ празднованіи дней памяти святыхъ во всей христіанской Церкви. Въ этомъ отношеніи долженъ имѣть значеніе и синаксарь или прологъ, изданный спустя 100 лѣтъ послѣ извѣстнаго намъ указа императора Льва, императоромъ Василиемъ Булгаробойцемъ (975—1025). Этотъ прологъ заключаетъ въ себѣ памяти всѣхъ святыхъ, чтившихся тогда всею Восточною Церковью, и краткія сказанія о жизни ихъ, подвигахъ и смерти. И до сего времени, конечно, были подобные же синаксари въ Греческой Церкви, но съ тѣмъ только важнымъ различіемъ, что они были очень не полны, заключаая въ себѣ святыхъ только одной Церкви и извѣстнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ ближайшихъ къ ней Церквей. Отсюда, какъ естественное слѣдствіе таковаго порядка вещей, происходило то, что такихъ прологовъ было очень много и всѣ они были по своему объему и по своему содержанію не похожи одинъ на другой. Совершенно другими чертами отличается синаксарь Василія; онъ уже теряетъ мѣстный Константинопольскій характеръ и принимаетъ

характеръ всеобщій, заключаая въ себѣ не мѣстныхъ только святыхъ Константинопольской Церкви, но святыхъ вообще Греческой Церкви. Очевидно, что этотъ синаксарь, обладаая такимъ всеобщимъ характеромъ, долженъ былъ вытѣснить всѣ остальные, существовавшіе до него прологи и войти во всеобщее употребленіе во всей Греческой Церкви. Отсюда становится вполне понятнымъ и то, какимъ образомъ синаксарь Василия могъ повліять на всеобщее почитаніе святыхъ, достолѣ мѣстно чтимыхъ; ибо, если онъ былъ изданъ для всеобщаго употребленія и нѣтъ сомнѣнія таковое онъ и на самомъ дѣлѣ имѣлъ, то очевидно, что и всѣ святые, заключавшіеся въ немъ, должны были имѣть и на самомъ дѣлѣ имѣли всеобщее почитаніе, сдѣлавшись черезъ него извѣстными всей Восточной Церкви, что произошло, вѣроятно, не ранѣе половины XI вѣка.

Съ этими общими свѣдѣніями о формахъ, правилахъ и характерѣ канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви мы и перейдемъ теперь къ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ. Такъ какъ Русская Церковь при первомъ же случаѣ канонизаціи своихъ святыхъ должна была заимствовать формы и приемы совершенія послѣдней отъ Церкви Греческой, то естественно нужно ожидать, что характеристическія черты канонизаціи святыхъ въ Церкви Греческой отразятся и на характерѣ канонизаціи Церкви Русской. И мы дѣйствительно ниже увидимъ подтвержденіе этого положенія.

Г Л А В А II.

Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ до Макарьевскихъ соборовъ 1547 и 1549 г. г.

Приступая къ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ до Макарьевскихъ соборовъ, мы думаемъ держаться слѣдующаго плана. Прежде всего попытаемся представить исторію канонизаціи каждаго святаго отдѣльно, отмѣчая тѣ особенности, какія можно видѣть въ его канонизаціи. Такой путь, хотя онъ будетъ и очень длиннымъ, мы избираемъ съ тою цѣлью, чтобы потомъ, на основаніи собраннаго матеріала, намъ легче было сдѣлать тѣ или другіе выводы о формахъ, приемахъ, правилахъ и характерѣ канонизаціи святыхъ за этотъ періодъ. Отсюда эта глава нашего изслѣдованія, естественно, распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая будетъ обнимать исторію канонизаціи каждаго святаго отдѣльно, вторая же будетъ заключать въ себѣ выводы о формахъ, правилахъ и характерѣ канонизаціи святыхъ за это время.

Присматриваясь далѣе къ святымъ, которыхъ русская церковь канонизовала въ этотъ періодъ, не трудно замѣтить между ними очень важное различіе. Одни изъ нихъ вскорѣ же послѣ своей смерти были причислены къ лику святыхъ и стали прославляться во всей Русской Церкви; причемъ о канонизаціи большей части этихъ святыхъ всеобщей, а не мѣстной, сохранились положительныя свѣдѣнія. Другіе же святые неопредѣленное время были только мѣстно-чтимыми святыми; всеобщее же почитаніе ихъ въ Русской Церкви началось не ранѣе конца XV вѣка, а нѣкоторыхъ, какъ увидимъ, даже и позднѣе, но все-таки до соборовъ 1547 и 1549 г. г. О мѣстной канонизаціи святыхъ послѣдняго рода, хотя и не всѣхъ, сохранились болѣе или менѣе ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія; между тѣмъ какъ о всеобщей ихъ канонизаціи свѣдѣній никакихъ не сохранилось. Кромѣ этихъ двухъ классовъ святыхъ, формально канонизованныхъ, были въ это

время, равно какъ и въ послѣдующее, святые, настоящимъ образомъ не канонизованные, но которые однако мѣстно чтимы. Въ послѣднѣго рода святымъ можно отнести слѣдующихъ: Мстислава Владимировича, по христіанскому имени Θεодора († 1132), и затѣмъ нѣкоторыхъ подвижниковъ печерскихъ; въ Черниговѣ—князя Игоря Ольговича, убитаго въ 1147 году въ Кіевѣ, и вскорѣ перенесеннаго отсюда въ Черниговъ; въ Смоленскѣ—преп. Авраамія и Меркурія Смоленскихъ; въ Псковѣ—князей Всеволода—Гавриила и Довмонта—Тимофея; во Владимірѣ на Клязьмѣ—Авраамія, мученика Болгарскаго ¹⁾; князя Георгія Владимировича, убитаго татарами въ битвѣ на р. Сити въ 1238 году, февр. 4; въ Ростовѣ—князя Василько Ростовскаго, убитаго въ плѣнъ татарами послѣ сраженія на р. Сити и замученнаго ими; въ Рязани—князя Романа рязанскаго, замученнаго въ Ордѣ въ 1270 году, 11-го Іюля; въ Ярославлѣ—князей Василя и Константина Всеволодовичей; въ Новгородѣ—блаж. князя Владимира Новгородскаго и мать его Анну ²⁾. Это мѣстное почитаніе всѣхъ этихъ святыхъ безъ сомнѣнія служило подготовительнымъ путемъ къ канонизаціи церковной. И дѣйствительно, какъ увидимъ, очень многие изъ этихъ святыхъ, мѣстно чтимыхъ въ этотъ періодъ, въ послѣдующее время одни соборами 1547 и 1549 годовъ, другіе послѣ нихъ формально были канонизованы Церковью. Вотъ почему мы въ настоящемъ случаѣ и не будемъ говорить о всѣхъ этихъ святыхъ, а скажемъ о нихъ тогда, когда будемъ разсматривать слѣдующіе за этимъ періодъ канонизаціи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Къ первому классу мы относимъ слѣдующихъ святыхъ: Бориса и Глѣба, преп. Θεодосія Печерскаго, св. Леонтія, епископа Ростовскаго, св. благовѣрную княгиню Ольгу, св. благовѣрнаго князя Владимира, св. Митрополитовъ Московскихъ—Петра и Алексія, преподобныхъ: Варлаама Хутынскаго, Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго и блаж. князя Θεодора Ярославскаго и Смоленскаго и чадъ его Давида и Константина.

Такъ какъ причисленіе къ лику святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба есть первый случай канонизаціи въ русской церкви, то съ нихъ мы и начнемъ свое изложеніе исторіи канонизаціи каждаго святаго отдѣльно. Для насъ важны вопросы: какъ, когда и кѣмъ со-

¹⁾ Церк. Исторія В. В. Голубинскаго I, 2 стр. 344.

²⁾ Ц. Исторія митр. Макарія IV, стр. 357—8.

вершена эта ихъ канонизація. Поэтому на эти вопросы мы и обратимъ главнымъ образомъ свое вниманіе.

Борисъ и Глѣбъ, въ христіанствѣ Романъ и Давидъ, сыновья св. Владимира Великаго, рожденные имъ отъ Болгарыни и, слѣдовательно, еще въ язычествѣ,—съ юныхъ лѣтъ отличались своимъ умомъ, мужествомъ, благочестіемъ, милосердіемъ къ бѣднымъ: они были, говоритъ Несторъ: „аки двѣ звѣзды свѣтлѣ посредѣ темныхъ“¹⁾. Безъ сомнѣнія эти высокія личныя достоинства доставили имъ любовь ихъ отца и Кіевлянъ. Но послѣднее обстоятельство вооружило противъ нихъ ихъ старшаго брата Святополка, который опасался, что Владимиръ раздѣлитъ всю русскую землю между ними, поставивъ другихъ братьевъ въ подчиненное къ нимъ отношеніе. Чтобы не допустить этого, Святополкъ, желая одинъ владѣть всею русскою землею²⁾; рѣшился послѣ смерти отца своего перебить всѣхъ братьевъ. И дѣйствительно, первыми жертвами этихъ честолюбивыхъ политическихъ замысловъ со стороны Святополка и были св. Борисъ и Глѣбъ, изъ которыхъ первый былъ убитъ 24-го Іюля 1015 года, а второй 5-го Сентября того же года близъ Смоленска³⁾ (при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Смядыни). Тѣло св. Бориса послѣ его насильственной смерти было погребено въ Вышгородѣ у церкви св. Василя⁴⁾, а тѣло св. Глѣба было брошено убійцами „на пуге мѣсте на бреге, межъ двема колодами“⁵⁾, гдѣ оно и лежало очень долгое время⁶⁾, именно до тѣхъ поръ, пока Ярославъ окончательно не побѣдилъ Святополка и не началъ спокойно княжить въ Кіевѣ. Тогда онъ сталъ разузнавать, гдѣ находится тѣло св. Глѣба; нашедши послѣднее, перенесъ его въ Вышгородъ и похоронилъ вмѣстѣ съ братомъ Борисомъ⁷⁾. Время

¹⁾ Несторъ въ повѣсти о житіи и погубленіи блаж. Бориса и Глѣба—Прав. Собесѣдникъ 1858 г. I, стр. 588.

²⁾ Степенная книга I, стр. 186—7.

³⁾ П. С. Р. Д. I, стр. 57—8; 58—9.

⁴⁾ Соф. Временникъ I, 105; Никон. Лѣтопись I, 18; П. С. Р. Д. III, 70 и дал.

⁵⁾ Ibid; Ник. Лѣт. I, 120; 1 Соф. Лѣт. стр. 131.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ Въ Четвѣ-Минеехъ св. Дмитрія Ростовскаго Май подъ 5 числомъ и Прологѣ (1685 г.) мѣс. Іюль подъ 24 числомъ разсказывается между прочимъ, что тѣло св. Глѣба уже ранѣе было перенесено въ Смоленскъ и отсюда уже въ Вышгородъ. Но это, очевидно, неточность, которая произошла отъ сокращенной передачи факта въ 1 Соф. Лѣт., стр. 133 и Соф. Врем. I, 110.

этого событія опредѣляется сопоставленіемъ извѣстія о вступленіи Ярослава на кievскій престоль, что случилось въ 1019 году, со словами Несторова житія Бориса и Глѣба, гдѣ онъ говоритъ: „повелѣжь христоклюбивый князь изыскати тѣло св. Глѣба, его же много искавшѣ и не обрѣтоша; по лѣтѣ жъ единомъ ходяще ловцы обрѣтоша тѣло святаго лежаще цѣло ¹⁰⁾“. Отсюда, слѣдовательно, тѣло Глѣба перенесено было въ Вышгородъ въ 1020 году.

Вскорѣ у могилы св. Бориса и Глѣба стали совершаться чудеса, которыя, когда объ нихъ было донесено великому князю Ярославу, и подали поводъ къ открытію ихъ мощей. Мощи были открыты митрополитомъ Іоанномъ вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ и поставлены въ нарочно устроенной для нихъ часовнѣ, причемъ совершена была торжественная служба. Новыя чудеса, исцѣленіе хромого и слѣпого, совершившіяся при гробѣ св. братьевъ, еще болѣе убѣдили всѣхъ въ прославленіи ихъ отъ Господа. И тогда митрополитъ Іоаннъ подалъ великому князю мысль о построеніи храма въ честь Бориса и Глѣба и объ установленіи праздника въ честь ихъ. Князь съ радостію согласился исполнить мысль митрополита. И вотъ послѣ этого немедленно, въ зимнее время, былъ приготовленъ матеріалъ для будущей церкви, а какъ настало лѣто, она была сооружена надъ тою самою часовнею, гдѣ стояли раки св. мучениковъ. Вновь созданную церковь митрополитъ съ соборомъ торжественно освятилъ 24 Іюля, въ день убіенія св. Бориса, поставилъ въ ней мощи новоявленныхъ чудотворцевъ на правой сторонѣ, и установилъ ежегодно праздновать этотъ день въ память ихъ совокупно. Установленіе праздника послужило поводомъ къ составленію службы св. братьямъ, которая и была или личнымъ трудомъ самого митрополита, или трудомъ неизвѣстнаго, сдѣланнымъ по его распоряженію ¹¹⁾. Житіе св. Бориса и Глѣба явилось гораздо позднѣе; ихъ составлено было два. Первое, принадлежащее мниху Іакову, явилось не позднѣе 1072 года ¹²⁾; второе составлено Несторомъ, не ранѣе 1091 года ¹³⁾.

¹⁰⁾ Церковная Исторія митр. Макарія I, примѣчаніе 160.

¹¹⁾ Церк. Исторія Е. Е. Голубинскаго I, 2, 384.

¹²⁾ Сказаніе Іакова напечатано въ Христ. Чтеніи 1849 г., II, 329—86; сказаніе Іакова, говоритъ Е. Е. Голубинскій, есть именно только повѣсть объ убіеніи св. Бориса и Глѣба и не было настоящимъ дѣмъ житіемъ, и вотъ по этой причинѣ Несторъ и пишетъ новое житіе (Ц. И. I, 1, стр. 620).

¹³⁾ Ц. И. Е. Е. Голубинскаго I, 1, стр. 620.

Такимъ образомъ, на вопросы: вѣмъ и какъ совершена была первая канонизація въ Русской Церкви,—мы находимъ вполнѣ достаточный отвѣтъ. Но трудно точно опредѣлить время ея совершенія, потому что всѣ памятники, сюда относящіеся, не говорятъ прямо и точно объ этомъ. Вообще, по имѣющимся даннымъ можно только опредѣлить время, ранѣе и позднѣе котораго не могла совершиться канонизація св. братьевъ; ибо, съ одной стороны, очевидно, что она не могла быть ранѣе 1020 года, когда послѣдовало перенесеніе тѣла Глѣба въ Вышгородъ. А такъ какъ, съ другой стороны, положительно извѣстно, что открытіе мощей и установленіе праздника въ честь Бориса и Глѣба случилось при митрополитѣ Іоаннѣ, который умеръ когда-то до 1039 г. (ибо подъ этимъ годомъ упоминается уже другой митрополитъ Θεопемптѣ)¹⁴⁾, то очевидно, что канонизація ихъ могла совершиться въ промежутокъ времени между 1020 и 1039 гг.¹⁵⁾

Хотя св. Борисъ и Глѣбъ не были мучениками въ собственномъ смыслѣ, потому что пострадали не за вѣру Христову, а вслѣдствіе политическихъ замысловъ ихъ брата Святополка, тѣмъ не менѣе ихъ истинно-благочестивая жизнь, незаслуженная смерть отъ руки брата и чудеса, совершавшіяся послѣ ихъ смерти, все это было причиною того, что память ихъ праздновалась очень торжественно, и не только мѣстно, но во всей Русской Церкви. Что дѣйствительно память св. Бориса и Глѣба съ первыхъ же поръ праздновалась торжественно во всей Русской Церкви, это видно изъ того, что митрополитъ Георгій въ своихъ правилахъ причисляетъ праздникъ въ честь Бориса и Глѣба къ великимъ праздникамъ Русской земли (правило 9-е). Затѣмъ, въ Новгородѣ уже въ половинѣ XI вѣка строили храмы въ честь св. мучениковъ и, значить, праздновали имъ¹⁶⁾. Наконецъ, въ мѣсяцесловахъ, дошедшихъ до насъ отъ XII и XIII в. в., мы встрѣчаемъ памяти ихъ и притомъ не разъ, а по нѣскольку разъ въ годъ¹⁷⁾. Торжественно праздновался не только день 24 Іюля,

¹⁴⁾ 1. Соф. Лѣт. 187; см. П. С. Р. Л. I, 66; Ник. Лѣт. I, 135.

¹⁵⁾ Не знаемъ, на основаніи какихъ источниковъ преосв. Макарій относитъ смерть митрополита Іоанна къ 1035 году—I, 66.

¹⁶⁾ 2 Новгород. Лѣт. 121; см. Соф. Врем. I, 155.

¹⁷⁾ Праздникъ 24 іюля встрѣчается уже въ мѣсяцесловѣ при Евангеліяхъ 1164 и 1270 г. г. (Описаніе рукописей Румянц. Музея, стр. 171); въ Сербскомъ прологѣ XIII в.—„въ тожде день (24 Іюля) святого мученику руского царю Бориса и Глѣба“ (Ibid. 453). Въ мѣсяцесловѣ при Евангеліи XIII, в. встрѣчаемъ праздникъ 2 мая; въ мѣсяцесловѣ при обиходѣ XIII в. встрѣчаемъ

установленный митрополитомъ Иоанномъ съ в. к. Ярославомъ, но и дни послѣдующихъ перенесеній ихъ мощей изъ ветхихъ церквей въ новоустроенныя, изъ которыхъ одно было при в. князѣ Изяславѣ въ 1072 году, а второе—при Владимирѣ Мономахѣ въ 1115 году. Такъ какъ св. Борисъ и Глѣбъ были первые изъ русскихъ, причисленные къ лику святыхъ, и такъ какъ они не переставали разливать благодѣянія на страждущее отечество, то на нихъ стали смотрѣть, какъ на патроновъ Русской земли, и въ тяжелыя времена народныхъ бѣдствій прибѣгали къ нимъ съ молитвами о ходатайствѣ предъ Богомъ: „вы еста заступника Русскѣй земли, говорить лѣтописецъ, и свѣтильника сияюща и молящася во Владыцѣ о своихъ людехъ“¹⁸⁾.

Преподобный Θεодосій Печерскій, строитель и организаторъ русскаго монашества, за свою истинно-благочестивую жизнь, за свои великіе подвиги еще при жизни сподобившійся благодатныхъ даровъ прозрѣнія и чудотвореній, пользовался великимъ уваженіемъ среди своихъ современниковъ. Онъ скончался 3-го Мая 1074 года. Преподобное уваженіе къ преподобному послѣ его смерти не только не уменьшилось, но еще болѣе увеличилось. Препод. Несторъ, написавшій житіе Θεодосія, называетъ его „вторымъ по преподобномъ и богоносномъ отцѣ нашемъ Антоніи Печерскомъ свѣтиломъ велиемъ россійскаго небесе“. Князья, отправляясь на войну или по другимъ дѣламъ, имѣли обыкновеніе поклоняться гробу Θεодосія¹⁹⁾. Это уваженіе къ преп. Θεодосію было причиною того, что тѣло его, спустя 17 лѣтъ по преставленіи его, изъ пещеръ²⁰⁾, гдѣ оно сперва было погребено, перенесено въ самый монастырь и положено было въ церкви: ибо братія Печерскаго монастыря говорила: „не добро есть лежати отцу нашему

праздники 24 іюля, 5 сентября и 2 мая (Ibid. 404). Въ послѣдующихъ святцахъ кромѣ этихъ дней мы встрѣчаемъ еще памяти ихъ 20 мая, ошибочно вмѣсто 2 мая, 12 августа, ошибочно день убіенія Бориса, 11 августа перенесеніе ветхихъ рэкъ ихъ въ Смоленскій монастырь на Смяднѣ въ 1191 году.— (Полный мѣсяцесловъ Востока арх. Сергія II, 193); въ „книгѣ глаголемой описаніе россійскихъ святыхъ“ (рук. М. Д. А. № 209) встрѣчается еще память ихъ 24 сентября.

¹⁸⁾ Лавр. Лѣт. стр. 59.

¹⁹⁾ Нак. Лѣт. 2, подъ 1106 г.

²⁰⁾ Причина, по которой преп. Θεодосій погребенъ былъ въ пещерахъ, бывшихъ очевидно общими кладбищамъ, состояла въ томъ, что церковь еще не была отстроена ко дню его смерти, и потомъ долго почему-то не была освящаема до самаго 1089 г.

Феодосееви кромѣ монастыря церкви; понеже той есть основатель церквей и черноризцы совокупилъ²¹⁾). Перенесеніе мощей преподобнаго произошло слѣдующимъ образомъ. Почему-то въ началѣ это дѣло велось въ глубокой тайнѣ. Игумень, назначившій для отвѣщиванія гроба преп. Феодосія первоначальнаго нашего лѣтописца, говоритъ ему: „не мози повѣдати никому же отъ братіи, да не вѣсть нието же, но помни его же хочещи, да ти поможетъ“²²⁾). Глубокой ночью, когда уже стали звонить къ заутренѣ нашъ лѣтописецъ съ своимъ помощникомъ докопались наконецъ до гроба преп. Феодосія и увидѣли его: „лежащъ мощьми, но остави не распалися бѣша и власи главніи притяскли бяху“²³⁾). На другой день собравшимися епископами, игуменами другихъ монастырей, при стеченіи множества народа обрѣтенныя мощи торжественно были перенесены на приготовленное для нихъ въ церкви мѣсто 14 Августа 1091 года и „праздноваше тотъ день свѣтло“²⁴⁾), добавляетъ лѣтописецъ. Со времени этого открытія мощей память преп. Феодосія безъ сомнѣнія мѣстно чтилась въ Киевѣ. Всеобщая же канонизація его совершилась въ 1108 г. Въ этомъ году, рассказываетъ лѣтописецъ, „вложи Богъ въ сердце Феоктисту, игумену Печерьскому и нача возвѣщати князю Святополку²⁵⁾), дабы вписалъ Феодосѣя въ сенаникъ; и радъ бывъ, общася и створи, повелѣ митрополиту вписати въ синодикъ, и повелѣ вписывати по всѣмъ епископамъ, и вси же епископи съ радостью вписаша, и поминати ѿ на всѣхъ сборѣхъ“²⁶⁾). Но что разумѣется здѣсь подъ сенаникомъ или синодикомъ и сборами, на которыхъ поминалось имя преп. Феодосія? Сенаникъ или синодикъ историко встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ и понятіе о немъ можетъ дать,

²¹⁾ П. С. Р. Д. I, 89.

²²⁾ Ibid. 90.

²³⁾ П. С. Р. Д. т. I, 90.

²⁴⁾ Ibid. т. V, 140.

²⁵⁾ Страннымъ представляется на первый взглядъ то обстоятельство, что игумень Феоктистъ съ такою просьбою обращается не къ митрополиту, къ которому бы слѣдовало, а къ великому князю. Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ служить то, что митрополиты — греки не всѣ вѣрили въ святость русскихъ угодниковъ даже и послѣ ихъ канонизаціи; подтвержденіемъ этому можетъ служить фактъ невѣрія митрополита Георгія, рассказанный въ лѣтописи подъ 1072 годомъ, и слова Нестора, который говоритъ: „митрополитъ же бѣ невѣрствуя, яко свята блаженная“. Въ силу такого отношенія послѣднихъ къ русскимъ святымъ, Феоктистъ и могъ обратиться къ вел. князю вмѣсто митрополита Никифора-грека.

²⁶⁾ П. С. Р. Д. т. I, 120—1.

напр., слѣдующее извѣстіе, записанное въ первой псковской лѣтописи: „Въ лѣто 6958 пріѣха преосвященный архієпископъ В. Новгорода и Пскова владыка Евѣмій въ домъ св. Троицы и сенодикъ чтоша: злыя прокляша, которыя хотять дому св. Софїи и дому св. Троицѣ и н. Новгороду и Пскову зла, а благовѣрнымъ княземъ, лежащемъ въ дому св. Софїи и св. Троицы, тѣмъ пѣша вѣчную память, такъ же и инѣмъ добрымъ людемъ, которыя положиша главы своя и кровь свою проль- яша за дома Божїя и за православное христіанство“²⁷⁾. Итакъ, подъ синодикомъ, въ который, по распоряженію митрополита и в. кн. Святопольа, по всѣмъ епископіямъ было внесено имя преп. Θεодосїа оче- видно нужно разумѣть тотъ синодикъ, который обыкновенно читается въ недѣлю православїя; а подъ сборами — соборныя совершенїя чина православїя²⁸⁾. Такимъ образомъ, канонизація преп. Θεодосїа, совер- шенная въ 1108 году, состояла въ томъ, что имя его было внесено въ синодикъ недѣли православїя для его возглашенїя вмѣстѣ съ име- нами другихъ защитниковъ и поборниковъ вѣры Христовой. Слѣдова- тельно, и эта канонизація не была канонизаціей въ томъ собственномъ смыслѣ, чтобы въ извѣстный день было постановлено праздновать его память посредствомъ особой службы. Это празднованіе памяти преп. Θεодосїа несомнѣнно началось уже въ періодъ до-монгольскій; но было ли оно введено другою, такъ сказать, настоящею канонизаціею, записи о которой не сохранилось, или ввелось само собой и посте- пенно на основанїи нашей канонизаціи, остается неизвѣстнымъ. Вѣ- роятнѣйшимъ представляется послѣднее: въ нѣкоторыхъ святцахъ до- монгольскаго періода и писанныхъ въ концѣ XII и началѣ XIII в. в.,

²⁷⁾ Ibid. т. IV, 214.

²⁸⁾ Слово „сборъ, сборный“ издревле прилагалось какъ къ церквамъ (въ смыслѣ храмовъ), такъ къ нѣкоторымъ днямъ святыхъ, и ко дню недѣли пра- вославїя. Такъ, съ послѣднимъ значенїемъ это слово мы встрѣчаемъ не разъ и въ нашихъ лѣтописяхъ, напр., въ Новгородской 1-й лѣтописи: „на сборъ свя- тыя Евѣмїи“ (стр. 15 и 22), „по четвѣри недѣли на сборъ“ (стр. 46), или „на сборъ чистой недѣли“ (стр. 52). Въ первомъ значенїи слово „сборный“ есть переводъ греческаго слова „καθολικῆ“ (ἐκκλησία); а „καθολικαὶ ἐκκλησίαι“ на- зывались церкви кафедральныя. Во второмъ случаѣ слово „сборъ“ есть переводъ греческаго слова „συνάξις“—собранїе для молитвы, всякая церковная служба и въ частности литургїя. Этимъ словомъ въ древней Греческой Церкви называли богослужебныя собранїя въ честь мучениковъ и святыхъ, память которыхъ тор- жественно праздновалась. Очевидно, что слово „сборъ“ въ данномъ мѣстѣ нужно разсматривать въ послѣднемъ смыслѣ,—въ смыслѣ собранїя для совершенїя обряда православїя.

въ которыхъ вписаны имена Бориса и Глѣба, нѣтъ имени Θεодосія; если бы оффиціально было установлено празднованіе памяти Θεодосія, то писцы, внося имена Бориса и Глѣба, конечно, не забыли бы вмѣстѣ съ ними и Θεодосія; отсутствіе его имени въ сей часъ указаннаго рода святцахъ даетъ знать, что первоначально то или другое время не вездѣ было ему правднуемо ²⁹⁾.

Исторія прославленія преп. Θεодосія представляетъ намъ ту въ послѣдующее время не встрѣчающуюся уже намъ особенность; что оно совершилось чрезъ внесеніе имени его въ синодикъ. Поэтому, естественно возникаетъ вопросъ: какаѣ цѣль примѣненія ея въ данномъ случаѣ? — То обстоятельство, что преп. Θεодосій былъ внесенъ не только въ синодикъ Кіевской Церкви, но по всѣмъ епархіямъ, можетъ свидѣтельствовать, что этимъ хотѣли придать ему характеръ всероссійскаго святаго и почитаніе его распространить на всю Русскую Церковь. — Мощи преп. Θεодосія Печерскаго при нашествіи Батя въ 1240 г. „были сокрыты братією, и съ тѣхъ поръ уже не являлись“ ³⁰⁾. Въ настоящее время въ соборной или главной церкви Печерскаго монастыря находится только его кенотафъ (одна, ничего не содержащая въ себѣ, рака, составляющая только какъ бы памятникъ) ³¹⁾.

Св. Леонтій, епископъ Ростовскій. Поводомъ къ прославленію св. Леонтія, епископа Ростовскаго, (скончавшагося не позднѣе 1077 года, когда вступилъ на Ростовскую епископію его преемникъ св. Исаія) послужило открытіе мощей его, которое произошло по слѣдующему совершенно случайному поводу. Въ 1161-мъ году въ Ростовѣ сгорѣлъ храмъ. Когда въ 1167 году начали строить новый, то при копаніи рововъ для него обрѣли гробъ, покрытый двумя досками, въ которомъ и лежало тѣло св. Леонтія ³²⁾. Безъ сомнѣнія, это открытіе мощей и послужило первымъ побужденіемъ къ собранію свѣдѣній объ этомъ святителѣ, преданія о которомъ среди Ростовцевъ, несмотря на то, что онъ былъ ихъ просвѣтителемъ, какъ можно судить по первой редакціи житія его, были очень смутны и темны. Это собраніе свѣдѣній о святомъ на первыхъ порахъ и выразилось въ повѣсти объ открытіи мощей его. Прославленіе Леонтія церковнымъ образомъ или установленіе празднованія ему послѣдовало не позднѣе 1190 — 94 года при епи-

²⁹⁾ Ц. И. Е. Е. Голубинскаго т. I, ч. 2, стр. 336—367.

³⁰⁾ Евгеній, митр. Описаніе Кіево-Печерскія Лавры 90—1.

³¹⁾ Ц. И. Е. Голубинскаго т. I, 2, стр. 337.

³²⁾ Житіе св. Леонтія, Прав. Собесѣдникъ 1858 г. ч. I, 308; см. Н. Л. т. II, 191.

скопъ Ростовскомъ Іоаннѣ³³⁾, который и установилъ праздникъ 23 Мая въ честь открытія его мощей. Установленіе праздника, говоритъ В. О. Ключевскій, въ память св. Леонтія въ 1190 году создавало потребность прославленія святаго въ литературномъ произведеніи³⁴⁾. Такимъ образомъ явилось житіе его (первая редакція), происхожденіе котораго относится тѣмъ же авторомъ ко времени 1194—1204 г. г.³⁵⁾. Къ этому же времени есть основанія относить и происхожденіе службы этому святителю. Ибо въ одной псалтири XVI в. мы встрѣчаемъ канонъ съ надписью: „канонъ св. Леонтію Ростовскому—твореніе Іоанна, епископа тоя же богоспасаемаго епископа“³⁶⁾. Такимъ образомъ совершилась канонизація св. Леонтія. Можно думать, что она совершена была еп. Іоанномъ безъ сношенія съ митрополитомъ и потому имѣла мѣстный характеръ. По крайней мѣрѣ, кромѣ Никоновской лѣтописи, которая говоритъ, что еп. Іоаннъ установилъ праздникъ св. Леонтію съ благословенія митрополита (Теодора³⁷⁾), мы нигдѣ еще не находимъ подтвержденія этого извѣстія. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ едва-ли можно полагаться на свидѣтельство Никоновской лѣтописи, какъ явившейся уже тогда, когда у насъ, въ Русской Церкви, право канонизаціи перешло исключительно къ высшей центральной власти. Поэтому, автору этой лѣтописи могло показаться страннымъ и мало вѣроятнымъ то, что канонизація св. Леонтія совершается мѣстнымъ епископомъ, и чтобы сгладить эту странность, онъ и дѣластъ прибавку: „съ благословенія митрополита“, впадая при этомъ въ ошибку относительно имени послѣдняго³⁸⁾. Между тѣмъ отсутствіе извѣстій о какихъ бы то ни было сношеніяхъ по поводу канонизаціи св. Леонтія съ митрополитомъ въ другихъ источникахъ, явившихся гораздо ранѣе Никоновской лѣтописи, практика Греческой Церкви, въ

³³⁾ Ник. Л. т. II, 191; въ рукописи Троице-Сергіевой Лавры № 600, XV—XVI в. в., между прочимъ находимъ такую замѣтку: „установлено блаж. Іоанномъ, еп. Ростовскимъ, праздновати“.

³⁴⁾ Ключевскій, В. О. Житія святыхъ, какъ историч. источникъ, стр. 11.

³⁵⁾ Ibid. стр. 10.

³⁶⁾ Рук. Псалтирь Троице Сергіевой Лавры № 313, л. 407.

³⁷⁾ Ник. Лѣт. II, 191.

³⁸⁾ Н. Л. II, 191. Митрополитъ здѣсь называется Теодоромъ; онъ занималъ катедру въ 1161—63 г. г.; значитъ, имя митрополита названо здѣсь невѣрно; вѣроятнѣе всего, если уже вѣрить въ этомъ случаѣ Ник. Лѣтописи, таинствъ долженъ быть митрополитъ Никифоръ 2-ой, который и былъ современникомъ еп. Іоанну. (Цер. Исторія. Е. Е. Голубинскаго т. I, 1, стр. 787—8).

которой канонизация святыхъ совершалась и мѣстными епископами и, наконецъ, подобныя же примѣры канонизации мѣстными епископами въ послѣдующее время и въ нашей Церкви, — все это дѣлаетъ очень вѣроятнымъ наше предположеніе о канонизации св. Леонтія однимъ только еп. Іоанномъ, безъ сношенія съ митрополитомъ.

Празднованіе св. Леонтію, имѣвшее въ первое время только мѣстное значеніе, потому однако выходитъ за предѣлы Ростовской области и принимаетъ характеръ всеобщій. Можно думать, что эта перемѣна въ празднованіи святителю началась очень рано, именно, не позднѣе второй половины XII в., когда уже можно замѣтить у князей сѣверной Руси тѣ политическія стремленія, которыя въ послѣдующее время послужили причиною отдѣленія Сѣверной Руси отъ южной и которыя могли въ то же время повліять и на эту перемѣну въ характерѣ празднованія. Подобнаго рода стремленія, которыми съ этого времени стали руководиться въ своей дѣятельности князья сѣвера, ясно проглядываютъ въ попыткѣ Андрея Боголюбскаго учредить у себя во Владимірѣ особенную, отдѣльную отъ Кіевской, митрополию. Прославленіе перваго на сѣверѣ святаго, каковымъ является св. Леонтій, давало какъ бы освященіе этимъ политическимъ стремленіямъ. Это ясно высказывается въ тѣхъ словахъ, которыя авторъ житія св. Леонтія влагаетъ въ уста Андрея Боголюбскаго (самаго яркаго представителя этихъ стремленій): „хвалю и славлю тя, Господи Боже мой, яко сподобилъ мя еси сидега соврочица въ области моего царствія видѣти, уже ничимъ же оужденъ есмь“ ³⁹⁾ (предъ другими, разумѣется, князьями, имѣвшими въ своихъ удѣлахъ мощи святыхъ). Трудно допустить, чтобы въ это время не было празднуемо первому святому сѣвера и во всей Владимірской области. Съ теченіемъ времени празднованіе св. Леонтію распространяется и на другія области. Такъ, во второй половинѣ XV вѣка св. Леонтій упоминается въ числѣ великихъ святителей русскихъ и чудотворцевъ самими митрополитами нашими Іоною и Филиппомъ и цѣлымъ соборомъ русскихъ архипастырей ⁴⁰⁾. Въ 1493 году канонъ этому святому пѣли въ Новгородѣ ⁴¹⁾. Вообще св. Леонтій послѣ своей смерти

³⁹⁾ Прав. Собесѣдникъ 1858 г. I, 310—311.

⁴⁰⁾ А. И. I, №№ 43, 51, 282 и 90 Св. Леонтій упоминается подъ 23 числомъ Мая по мѣсяцеслованъ въ рук. Троице Сергіевой Лавры XV в. №№ 314, 761. Службы ему подъ 23 ч. мая въ рукоп. той же Лавры XV в. №№ 313, 558, 617 и 762.

⁴¹⁾ П. С. Р. Д. т. III, 146.

сдѣлался такимъ славнымъ и популярнымъ, что кафедра Ростовская называлась „каедрою Леонтія чудотворца“. Чудеса, которыя стали совершаться при еп. Трифонѣ отъ мощей св. Леонтія, еще болѣе способствовали его прославленію. Съ этого времени Ростовцы стали смотрѣть на него, какъ на своего патрона, и въ общественныхъ бѣдствіяхъ всегда прибѣгали къ нему съ молитвами.

Св. равноапостольная Ольга († 969) со времени своей кончины несомнѣнно пользовалась глубокимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ. Объ этомъ можетъ свидѣтельствовать уже отчасти тотъ восторженный отзывъ, который дѣлаетъ намъ о ней первый лѣтописецъ. Сказавши объ ея смерти, онъ продолжаетъ: „си бысть предтекущія крестьянстѣй земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ, си бо сіяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ челоувѣцѣхъ свѣтащеса... Си перво вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалятъ Русіе сынове, аки начальницу: ибо по смерти моляше Бога за Русь“ ⁴²⁾. Это уваженіе и благоговѣніе къ памяти почившей еще болѣе должно было увеличиться со времени открытія ея мощей и перенесенія ихъ митрополитомъ Леонтіемъ и великимъ княземъ Владимиромъ въ Десятинную церковь. Объ открытіи и перенесеніи мощей главнымъ образомъ повѣствуется въ позднѣйшихъ уже источникахъ, именно въ житіяхъ ея ⁴³⁾. Но подтвержденіе этого мы находимъ и въ древней нашей лѣтописи и у мниха Іакова. Въ первой подъ 969 годомъ между прочимъ говорится: „се бо вси челоувѣцы прославляютъ, видяще лежащая въ тѣлѣ на многія лѣта“ ⁴⁴⁾; у второго читаемъ: „Богъ прослави тѣло своея си Ольги, и есть во гробѣ тѣло ея честное и не разрушимо пребываетъ и до сихъ дней“ ⁴⁵⁾; слѣдовательно, во времени того и другого автора мощи благовѣрной княгини Ольги были уже открыты. Въ другомъ мѣстѣ той же лѣтописи подъ 1007 годомъ мы находимъ извѣстіе: „перенесени святіи въ св. Богородицю“ ⁴⁶⁾. Правда, что послѣднее извѣстіе неопредѣленно, но большинство ученыхъ съ вѣроятностью видятъ въ немъ указаніе на перенесеніе мощей блаженной княгини Ольги. Такимъ образомъ, сопоставляя эти

⁴²⁾ Лавр. Л. I, 29.

⁴³⁾ См. Степенная книга ч. I, 35—55; Прологъ 11 Іюля; житіе св. Ольги въ рукоп. XVI в., помѣщенное въ 153 прииѣчаніи Цер. Исторіи митр. Макарія т. I, стр. 228—30.

⁴⁴⁾ Лавр. Л. I, 29.

⁴⁵⁾ Христ. Чтеніе 1849 г. II, 322

⁴⁶⁾ Лавр. Л. I, 55.

извѣстія нашей лѣтописи и мнѣхъ Іакова, можно утверждать, что открытіе мощей св. Ольги совершенно великимъ княземъ Владиміромъ и, вѣроятно, въ 1007 году ⁴⁷⁾. Съ этого времени, безъ сомнѣнія, и началось мѣстное чествованіе памяти св. Ольги въ нашей Церкви. Но съ какого времени это мѣстное чествованіе перешло во всеобщее и когда совершена была собственно ея церковная канонизація, — на это трудно дать прямой и положительный отвѣтъ. Преосвященные Макарій и Филаретъ черниговскій относятъ начало всеобщаго празднованія или ея канонизацію въ очень раннему времени и приурочиваютъ послѣднюю именно въ открытію ея мощей ⁴⁸⁾. Это мнѣніе, повидимому, подтверждается и Степенной книгой, въ которой между прочимъ говорится, что память св. Ольги, равно какъ св. Владиміра, Бориса и Глѣба „преславно Церкви Божіа праздновати пріяла единаго Іулія мѣсяца, въ немъ же прежде память блаженныя Ольги въ 11 день“ ⁴⁹⁾. Ссылаются еще на службу св. Ольги, какъ на доказательство прославленія ея въ до-монгольскій періодъ, потому что она своимъ содержаніемъ указываетъ какъ будто бы на до-монгольскій періодъ. Но съ указаннымъ нами мнѣніемъ о времени канонизаціи св. Ольги нельзя согласиться. Прежде всего, свидѣтельство Степенной книги едва ли можетъ быть принято за доказательство установленія праздника въ честь св. Ольги при Владимірѣ. Оно только вообще говоритъ, что Церковь пріяла празднованіе; но когда это случилось, оно ничего не говоритъ.

⁴⁷⁾ Нельзя однако съ полною увѣренностью приурочивать открытіе мощей княгини Ольги къ 1007 году, потому что въ Ипатьевской лѣтописи вмѣсто „перенесени“ читается: „принесени“, а въ нѣкоторыхъ другихъ опредѣленно: „принесены святыя иконы“ (Венгсб. Голубинскаго Ц. И. т. I, 1, стр. 72, примѣч. 167, 2).—Мощи благовѣрной княгини Ольги во время нашествія татарскаго на Кіевъ были сокрыты подъ спудомъ, а потомъ, какъ гласитъ преданіе, вновь открыты митрополитомъ Петромъ Могилю, при сооруженіи имъ, на развалинахъ Десятинной, новой церкви, гдѣ и почивали онѣ до начала XVIII в., когда, вслѣдствіе неочастныхъ обстоятельствъ, вновь сокрыты въ неизвѣстномъ мѣстѣ (Макарій, митр. Цер. Исторія т. I, 85, 87).

⁴⁸⁾ Макарій митр. Цер. Исторія, I, 159—162; Филаретъ, Русскіе святыя т. II, 74.

⁴⁹⁾ Степ. книга, 1, 43; ср. новый лѣтописецъ глава II (Врем. № 17), гдѣ еще яснѣе говорится, что „кости же ея (Ольги) въ царство внука ея равноапостольнаго Владиміра и митрополита Леонтія обрѣтошася дѣлы, ихъ же Владиміръ за святыя поднесе и день празднованія ея устави Іулія въ 11 день“. Но очевидно, это извѣстіе основывается на свидѣтельствѣ Степенной книги, о которомъ смотри въ текстѣ.

Авторъ ея, видя въ свое время праздниѣ въ честь св. Ольги, могъ сказать, что Церковь пріяла его „купно съ праздникомъ въ честь Бориса и Глѣба и Владимира“; но изъ этихъ словъ вывода какого-нибудь о времени установленія праздника сдѣлать нельзя. Точно также и указаніе службы св. Ольги имѣетъ въ этомъ отношеніи мало значенія; потому что, говоритъ Е. Е. Голубинскій, гораздо вѣроятнѣе представлять себѣ дѣло такъ, что позднѣйшіе творцы службы переносятся въ обстановку до-монгольскаго періода просто въ своемъ воображеніи для приданія своему представленію большей наглядности и для сего пользуются такъ называемою ораторскою вольностью⁵⁰⁾. Такимъ образомъ, ни свидѣтельство Степенной книги, ни служба не могутъ быть приняты за доказательство установленія праздника въ честь св. Ольги въ до-монгольскій періодъ, а тѣмъ болѣе при Владимирѣ. А между тѣмъ молчаніе нашихъ лѣтописей, а равно и мниха Іакова, у котораго ни слова нѣтъ объ установленіи праздника въ его время въ честь св. Ольги, дѣлаетъ очень вѣроятнымъ то предположеніе, что такого праздника и не было установлено. Отсутствие, далѣе, имени св. Ольги во всѣхъ мѣсяцесловахъ, какіе мы имѣемъ отъ до-монгольскаго періода, еще болѣе подтверждаетъ наше предположеніе, хотя мы имѣемъ такіе мѣсяцесловы, составители которыхъ имѣли очевидное намѣреніе внести именъ Русскихъ святыхъ какъ можно болѣе⁵¹⁾. Такимъ образомъ, установленіе праздника св. Ольгѣ нужно относить къ неизвѣстному дальнѣйшему, послѣ до-монгольскаго періода, времени. По крайней мѣрѣ, начиная въ XIII и XIV в. в. имя св. Ольги уже вносится въ святцы и мѣсяцесловы, что можетъ указывать на ея церковное прославленіе. Такъ, въ Прологѣ XIII—XIV в. в. мы находимъ подъ 11 Іюля: „преставленіе св. царице рутьскіе Ольги, проматерь всѣхъ царей Рутьскихъ⁵²⁾. Къ этому времени и нужно относить начало ея всеобщаго прославленія въ Русской Церкви.

⁵⁰⁾ Е. Е. Голубинскаго I, 2, стр. 339. На основаніи Филарета—Обзоръ Дух. Литературы, 95,—нельзя ли сдѣлать предположеніе, что служба св. Ольги составлена Пахоміемъ Логоветомъ.—Житіе и похвала св. Ольги, по мнѣнію Срезневскаго, написаны около 1078 года (Древніе Памятники русскаго письма и языка), что очень вѣроятно, потому что оба они говорятъ о мощахъ ея, какъ открыто еще почивающихъ въ Десятинной церкви, и видимыхъ всѣми русскими людьми, чего авторъ не могъ бы сказать, если бы онъ жилъ послѣ до-монгольскаго періода, когда мощи ея были скрыты подъ спудомъ.

⁵¹⁾ Таковы, напр., святцы при Обиходникѣ XIII вѣка, напечатанные въ 3 томѣ Ц. И. митр. Магарія примѣч. 179, стр. 270—292.

⁵²⁾ Востоковъ, описаніе рукописей Румянц. Музея 452; св. Церк. Уставъ 1398 г.—Сергіи, Агіологія I, 125.

Святой и равноапостольный князь Владимиръ скончался 15-го Юля 1015 года въ селѣ Берестовѣ, недалеко отъ Кіева. Оплакиваемого народомъ князя положили въ созданномъ имъ же самимъ храмѣ Пресвятыя Богородицы, въ мраморномъ гробѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что память св. Владимира свято чтится народомъ со времени его погребенія. Но церковное прославленіе памяти его или его канонизація совершилась сравнительно уже поздно. Что дѣйствительно Владимиръ не былъ долгое время причтенъ къ лику святыхъ, это ясно видно какъ изъ словъ Іакова мниха, который доказываетъ, что св. Владимиръ, хотя и не творитъ чудесъ, но святъ дѣлами ⁵³⁾ (очевидно, если бы онъ былъ причтенъ, то такое доказательство было бы излишне), такъ еще яснѣе изъ словъ житія его, въ которомъ прямо говорится, что во время составленія житія онъ не былъ еще не только прославленъ, но не молились даже и въ день преставленія его: „да аще быхомъ имѣли потщаніе и молбу приносили Богу зань, въ день преставленія его, видя бы Богъ тѣпаніе наше къ нему прославилъ бы и“ ⁵⁴⁾. Такимъ образомъ, во второй половинѣ XII вѣка, когда появилась похвала, св. Владимиръ не былъ не только прославленъ, но память его и мѣстно церковнымъ образомъ не чтится. Точно также и въ послѣдующее время этого періода мы нигдѣ не находимъ ясныхъ свидѣтельствъ о прославленіи св. Владимира. Въ лѣтописяхъ къ имени Владимира не прилагается даже эпитета святой, а великій ⁵⁵⁾. Наконецъ, и въ святцахъ, дошедшихъ до насъ изъ этого періода и заключающихъ въ себѣ имена Бориса и Глѣба и Θεодосія Печерскаго, мы не находимъ имени св. Владимира. На основаніи всего этого можно утверждать, что прославленіе Владимира совершилось уже въ послѣдующее время. Этому нашему выводу, повидимому, противорѣчатъ слова митрополита Иларіона, который въ своемъ похвальномъ словѣ Владимиру говоритъ, что Богъ удостоилъ просвѣтителемъ земли Русской славы и почестей небесныхъ, называетъ его блаженнымъ, апостоломъ и, наконецъ, обращается къ нему съ молитвою. Мнихъ Іаковъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ Владимиру, какъ уже къ святому; такъ онъ говоритъ: „о блаженный и преблаженный княже Володимире: мзда твоя многа зѣло предъ Богомъ“. Ниже онъ уподобляетъ его святымъ царямъ: Давиду, Езекии, Константину и др. Авторъ

⁵³⁾ Похвала кн. Владимиру. Хр. Чтеніе 1849 г. II, 324.

⁵⁴⁾ Житіе кн. Владимира. Хр. Чтеніе 1849 г. II, 334.

⁵⁵⁾ Напр., Ипатьевск. Лѣт. подъ 1229 голомъ.

„Житія“ къ подобнымъ ублаженіямъ и величаніямъ присоединяетъ и собственную молитву ко Владимиру. Такое, говорятъ, молитвенное обращеніе ко Владимиру естественно предполагаетъ, что святость его была уже тогда признана Церковью ⁵⁶⁾. Но съ послѣднимъ выводомъ, который дѣлаютъ изъ словъ приведенныхъ нами авторовъ, едва ли можно согласиться. Дѣло въ томъ, что въ указанныхъ словахъ выражается личное благоговѣніе авторовъ къ памяти Владимира, личная вѣра ихъ въ него, что онъ за свои дѣла удостоенъ небснаго воздаянія и блаженства. Таковую вѣру съ ними раздѣляли, конечно, и лучшіе изъ современныхъ имъ христіанъ русскихъ. Но все это еще не означаетъ, чтобы память Владимира чествовалась и праздновалась, какъ святаго, внесеннаго въ церковные мѣсяцесловы или святцы, съ приуроченіемъ ея и службы ему къ извѣстному дню, какимъ имѣлъ быть и былъ потомъ день успенія его 15-го Іюля. Выраженія же, подобныя приведеннымъ, довольно обычны въ похвальныхъ словахъ вообще о лицахъ, отличившихся при жизни дѣлами благочестія и заслугами для Церкви, но не стоявшихъ однако и не стоящихъ въ ряду причтенныхъ ко святымъ. То же должно сказать и о самыхъ молитвенныхъ обращеніяхъ ко Владимиру въ Похвалѣ ему и Житіи. Такія обращенія были обычны въ похвальныхъ рѣчахъ о достойныхъ, особенно дорогихъ или почитаемыхъ лицахъ, какъ довольно обычны и теперь въ подобныхъ же рѣчахъ ⁵⁷⁾. Между тѣмъ молчаніе нашего

⁵⁶⁾ Ц. И. митр. Макарія, I, 66, 67.

⁵⁷⁾ Въ доказательство прославленія кн. Владимира въ до-монгольскій періодъ ссылаются еще между прочимъ на извѣстное уже намъ мѣсто изъ Степенной книги, гдѣ говорится, что „памяти св. Ольги, равно какъ и Владимира, Бориса и Глѣба преславно церкви Божіи праздновати приѣла есть единого Іулія мѣсяца“ (Степ. книга I, 49), а также и на службу св. Владимира, въ которой выраженія которой (Кіевъ, напр., называется „великимъ градомъ“, каковымъ онъ пересталъ быть послѣ нашествія Монголовъ; русскіе люди приглашаются въ ней свитися „къ честнѣй церкви Владимира преблаженнаго“, которая послѣ нашествія Монголовъ перестала существовать), даютъ, повидимому, поводъ думать, что она написана до нашествія Монголовъ. Но что свидѣтельство Степенной книги несколько не говоритъ въ пользу существованія праздника св. Владимиру въ до-монгольскій періодъ, подобно тому, какъ оно не служитъ доказательствомъ прославленія и св. Ольги въ тотъ же періодъ, это мы уже выше видѣли, когда излагали исторію канонизаціи этой послѣдней. Что же касается до службы св. Владимиру, то она въ связи съ другими болѣе ясными свидѣтельствами дѣйствительно можетъ служить основаніемъ для заключенія о существованіи праздника св. Владимиру до нашествія Монголовъ, когда Кіевъ еще дѣйствительно былъ „великимъ градомъ“. Но объ этомъ будетъ сказано ниже въ текстѣ.

лѣтописца и монаха Іакова, у которыхъ ни слова нѣтъ объ установленіи праздника въ низъ время, дѣлаютъ волюнѣ вѣроятнѣе то предположеніе, что такого праздника въ періодъ до-монгольской и вовсе не было установлено.

Если же справедливо то положеніе, что св. Владимиръ не былъ формально причисленъ въ лику святыхъ во все продолженіе до-монгольского періода, то естественно рождается вопросъ, когда же это случилось? Ясныхъ и опредѣленныхъ указаній на время совершенія канонизаціи св. Владимира мы не находимъ. Однако, есть нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно, хотя бы и приблизительно, опредѣлить послѣднее. Мы прежде всего укажемъ время, не позже котораго память св. Владимира стала праздноваться въ Русской Церкви, а потомъ уже постараемся высказать свои предположенія и о времени совершенія его канонизаціи. Основанія для приблизительнаго опредѣленія начала празднованія св. Владимиру слѣдующія. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя св. Владимира, какъ уже прославленнаго святаго, подъ 1311 годомъ, въ первой Новгородской Лѣтописи, гдѣ говорится, что епископъ Новгородскій Давидъ „постави церковь камену на воротѣхъ, во имя благовѣрнаго князя Владимира, крестившаго Русскую землю“⁵⁸⁾. Съ этого времени имя св. Владимира стало вноситься и въ богослужебныя книги. Такъ, оно встрѣчается въ минеяхъ и прологахъ конца XIII и XIV в. в. и церковномъ уставѣ 1398 года⁵⁹⁾. Въ XV и XVI вв. память св. Владимира встрѣчается почти во всѣхъ богослужебныхъ книгахъ того времени⁶⁰⁾. Такимъ образомъ, празднованіе св. Владимиру установлено когда-то въ XIII вѣкѣ, именно, какъ мы видѣли, не позднѣе 1311 года.

Постараемся теперь точнѣе, насколько это возможно, опредѣлить время канонизаціи св. Владимира. Прежде всего имѣемъ тотъ несомнѣнный фактъ, что 15-го Іюля 1240 года, когда совершилась Невская побѣда, еще не существовало празднованія Владимиру Святому. Ибо въ первой Новгородской Лѣтописи, писанной въ Новгородѣ и притомъ чуть-ли не современникомъ самой побѣды, мы находимъ только греческія памяти безъ прибавленія имени князя Владимира, именно здѣсь говорится, что эта побѣда была 15-го Іюля „на соборъ св. отецъ 630, иже въ Халкидонѣ, и на память св. мученикъ Кирика и Улиты“.

⁵⁸⁾ Первая Новгород. Лѣт. подъ 1311 годомъ.

⁵⁹⁾ Описаніе рук. Рум. Музея 452.

⁶⁰⁾ Ibid. 455, 453, 710—12.

Трудно допустить, чтобы летописец опустил имя крестителя Руси, который, бывъ причисленъ къ лику святыхъ, считался бы естественно ея покровителемъ. Между тѣмъ, служба, составленная ему, конечно, по установленіи этого празднованія, написана однако тогда, когда Киевъ былъ „велимъ градомъ“, и церковь Десятинная продолжала существовать до 6-го Декабря того же года, когда на Ниволинъ день Киевъ разоренъ былъ Монголами, и Десятинная церковь, подобно другимъ, обращена была въ развалины. Такимъ образомъ, мы имѣемъ два момента, изъ коихъ ранѣе одного и позднѣе другого не могла быть составлена служба; здѣсь между этими двумя моментами и должно искать времени, когда установлено было празднованіе Владимиру, а для празднованія написана была и служба ⁶¹⁾.

Присматриваясь къ обстоятельствамъ, которыя переживала Русская земля въ это время, нетрудно придти къ тому заключенію, что празднованіе св. Владимиру могло быть установлено въ сѣверной Руси и именно въ Новгородѣ, а не въ южной—Киевѣ. Южная Русь въ это время находилась въ самомъ стѣсненномъ положеніи. Отовсюду оруженная Монголами, она дождала свои послѣдніе дни и, наконецъ, въ 1240-мъ году была окончательно покорена ими, причемъ и Киевъ былъ разрушенъ. Не если въ Киевѣ не могло быть установлено такого празднованія Владимиру Святому, то какое побужденіе, какой особенный поводъ въ тому могла найти сѣверная Русь въ моментъ съ 15-го Іюля по 6-е Декабря? И кто бы здѣсь взялъ на себя инициативу такого дѣла? Митрополитъ, каковымъ былъ тогда Іосифъ? Но помимо совершенной невѣдѣнности за нимъ какой-либо дѣятельности, подобное предположеніе исключается уже тѣмъ фактомъ, что митрополиты-греки не были расположены устанавливать праздники русскимъ святымъ. Митрополитъ Георгій „бѣ невѣрствуа“ прославленію св. Бориса и Глѣба даже тогда, когда они уже считались у насъ прославленными. При канонизаціи преп. Θεодосіа Печерскаго Печерскій игуменъ Θεоктистъ обратился по этому дѣлу не къ митрополиту, а къ князю Святополку, чтобы онъ повелѣлъ митрополиту вписать память Θεодосіа въ соборныя синодальныя книги. И въ дѣлѣ канонизаціи св. Владимира починъ имѣлъ принадлежать князю. Но Киевъ въ годъ нашествія Монголовъ оставался уже безъ князя. Что затѣмъ, послѣ Киева, ни въ одномъ изъ стольно-княжескихъ и епископскихъ городовъ главнѣйшихъ тогда об-

⁶¹⁾ Малышевскій. Когда и гдѣ впервые установлено празднованіе памяти св. Владимира 15-го іюля. Труды К. Д. А. 1882 г. I, 54.

ластей Суздальской и Волынско-Галицкой не могло въ данный историческій моментъ совершиться установление праздника, этого и не нужно доказывать. Остается Новгородъ. Онъ одинъ въ данный историческій моментъ былъ въ такомъ положеніи, при которомъ могло совершиться въ немъ подобное дѣло. Онъ не былъ разрушенъ Монголами и не находился подъ угрозой такого разрушенія. Онъ имѣлъ князя и епископа. А главное, въ немъ случилось теперь событіе, которое могло послужить прямымъ побужденіемъ къ установленію празднованія. Это именно Невская побѣда, послѣдовавшая въ день успенія Владимира, 15-го Іюля. Герой побѣднаго дѣла, Александръ Невскій, князь притомъ весьма благочестивый, имѣлъ и побужденіе, и усердіе, и власть, совмѣстно съ архіепископомъ Спиридономъ, установить празднованіе. Въ древней Руси, также и въ Новгородѣ, было въ обычаѣ ознаменовывать память славныхъ побѣдъ дѣлами благочестія, въ частности, дни побѣдъ установленіемъ религиозныхъ торжествъ. А Невская побѣда была одною изъ славнѣйшихъ и сопровождалась сильнымъ религиознымъ воодушевленіемъ. При желаніи ознаменовать день побѣды, само собою представлялось знаменательнымъ то обстоятельство, что побѣда одержана въ день успенія Владимира. День этотъ, какъ мы уже указывали, хотя и не значился въ мѣсяцесловахъ того времени, но такимъ лицамъ, какъ Александръ и архіепископъ, былъ, конечно, извѣстенъ изъ лѣтописей и другихъ сказаній о Владимирѣ, а многимъ могъ быть извѣстенъ изъ поминальныхъ записей или синодиковъ. Очень вѣроятно, что въ день успенія Владимира издавна совершались поминальныя молитвы о немъ, какъ можно заключить изъ словъ упомянутыхъ выше писателей XII вѣка, внушавшихъ русскимъ христіанамъ со тщаніемъ совершать молитвы за Владимира въ день успенія его, чтобы Богъ прославилъ его. Такимъ образомъ, поминальное моленіе о Владимирѣ совершалось въ чяніи прославленія его. Прославленіе имѣло быть свидѣтельствовано какимъ-либо чудомъ или знаменіемъ. Такимъ знаменіемъ и представлялось совпаденіе дня славной побѣды со днемъ успенія и поминовенія Владимира. Александръ Невскій могъ приписать побѣду свою, одержанную въ день поминовенія праотца всѣхъ князей русскихъ (такъ называется онъ въ службѣ), Владимиру, тѣмъ болѣе, что это былъ таковой праотецъ, который крестилъ землю Русскую и былъ въ этому времени блаженнымъ и чаемымъ святымъ. А при такой вѣрѣ въ заступничество и ходатайство Владимира предъ Богомъ значеніе побѣды становилось еще внушительнѣе, какъ знаменіе, указывающее, что день успенія Вла-

дмира, въ какой она одержана, долженъ теперь стать днемъ празднованія памяти его, какъ уже святаго-прославленнаго⁶²⁾.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, мы можемъ сдѣлать заключеніе, что празднованіе святому Владимиру установлено Александромъ Невскимъ въ Новгородѣ когда-то между 15 Іюля 1240 года и 6 Декабря того же года. Можно при этомъ предполагать, что такое празднованіе было установлено Александромъ вскорѣ же послѣ своей знаменитой побѣды. Предположеніе это подкрѣпляется слѣдующими соображеніями. Александръ Невскій оставался въ Новгородѣ недолго послѣ 15 Іюля. Велѣдствіе какихъ-то распрій съ Новгородцами, онъ зимою того же года выѣхалъ изъ Новгорода въ отцу своему и вновь прибылъ туда уже въ слѣдующемъ году и притомъ не ранѣе весны; пробывъ тамъ недолго, онъ тотчасъ долженъ былъ снаряжаться на новую войну противъ Нѣмцевъ. Нельзя шлогать, чтобы празднованіе Владимиру установлено было послѣ этого новаго прибытія Александра и вѣтъ въ время войны, т. е. чтобы оно установлено было лѣтомъ 1241 года; ибо до этой поры въ Новгородѣ не могли уже не знать о полномъ разореніи Кіева, его церквей, въ числѣ ихъ Десятинной, и въ службѣ Владимиру, нанященной одновременно или вслѣдъ за установленіемъ праздника, не могли бы назвать Кіева „великимъ градомъ“. Итакъ, празднованіе св. Владимиру установлено до отъѣзда Александра Невского зимою 1240 года, т. е. до зимы этого года. А это приближаетъ время установленія къ 15 Іюля 1240 года и служить въ подкрѣпленію мысли, что празднованіе установлено въ связи съ событіемъ дня, т. е. съ Невскою побѣдой⁶³⁾.

Страннымъ и удивительнымъ можетъ казаться тотъ фактъ, что Русская Церковь на первыхъ же порахъ не установила празднованія такимъ знаменитымъ своимъ заслугами ей лицамъ, какими несомнѣнно являются Ольга и Владимиръ. Но это странное на первый взглядъ обстоятельство можно, однако, объяснить довольно основательными причинами. Въ числѣ правилъ, которыми наша Церковь постоянно руководилась при канонизаціи своихъ святыхъ, было между прочимъ, какъ увидимъ ниже, требованіе чудесъ отъ мощей святаго. Если мы примемъ теперь во вниманіе это правило, то для насъ будетъ понятна и причина, почему ни Ольга, ни Владимиръ не были прославлены въ до-монгольскій періодъ. Мощи св. Ольги, хотя и были открыты, но за отсутствіемъ извѣстій о чудесахъ въ лѣтописяхъ, можно съ увѣ-

⁶²⁾ Труды К. Д. А. 1882 г. I, 56—58.

⁶³⁾ Труды К. Д. А. 1882 г. I, 58—59.

режностью сказать, что послѣднихъ не было, если не считать за чудо то, что передается о мощахъ св. Ольги въ одномъ житіи ея и у Іакова мниха: „и есть на верху гроба оконце сотворено, и туда видѣти тѣло блаж. Ольги лежаще цѣло, да иже съ вѣрою придетъ, отворится оконце, и видѣть честное тѣло лежаще цѣло... а другимъ, иже не съ вѣрою приходятъ, не отворится оконце гробное, и не видятъ тѣло того честного, но токмо гробъ“ ⁶⁴⁾. Мощи же св. Владимира не были открыты во все продолженіе до-монгольскаго періода ⁶⁵⁾. Что св. Владимиръ по своей смерти не творилъ чудесъ,—это мы положительное знаемъ изъ словъ Іакова мниха, который ясно говоритъ: „не дивимся возлюбленніи, аще чудесъ не творить по смерти: мнозѣ бо святѣи, праведнѣи не сотвориша чудесъ, но святѣи суть“ ⁶⁶⁾, и потомъ приводитъ мѣсто изъ св. Златоуста, доказывающее, что святые познаются не отъ чудесъ, но отъ дѣлъ ⁶⁷⁾. Такимъ образомъ, это отсутствіе чудесъ отчасти можетъ намъ объяснить, почему въ до-монгольскій періодъ не были прославлены ни св. Ольга, ни св. Владимиръ. Кромѣ того, можно указать и еще одну причину, которую не слѣдуетъ упускать изъ вида, когда говорятъ о прославленіи св. Владимира. Такою причиною могли быть тѣ излюбленные пиры Владимира-язычника, память о которыхъ въ былинахъ долго жила въ народѣ. Они-то и могли смущать и затруднять совѣсть народную признать Владимира святымъ, ибо пиры и святость, которая—по позднѣйшимъ, впавшимъ въ односторонность, понятіямъ, стала неперемѣннымъ условіемъ аскетизма,—должны были представляться вещами трудно совмѣстимыми ⁶⁷⁾. Только съ теченіемъ

⁶⁴⁾ Хр. Чтеніе 1849 г. II, 322; житіе св. Ольги у пр. Макарія т. I, прилѣж. 153, стр. 228—30.

⁶⁵⁾ До нашествія монголовъ мощи св. Владимира хранились въ мраморномъ гробѣ, въ Десятинной церкви. Но при нашествіи ихъ гробъ его былъ скрытъ въ землѣ подъ развалинами этой церкви. Затѣмъ онъ открытъ уже былъ Петромъ Могилою, митрополитомъ Киевскимъ, въ 1635 году, при чемъ „митрополитъ взялъ въ воспоминаніе будущимъ родамъ великаго онаго князя только главу, которую сперва положилъ въ церкви Преображенія Господня; потомъ же положилъ въ великой Кіево-Печерской церкви, гдѣ и донныи сіе дражайшее сокровище хранится“. (Евгеній митр., Описаніе Кіево-Печер. Лавры, 113—114). Одна челюсть этой главы хранится въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ,—будучи прислана Петромъ Могилой Алексѣю Михайловичу на благословеніе, а ручная кость—въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (Евгеній, Описаніе Кіево-Соф. Собора, 49).

⁶⁶⁾ Хр. Чтеніе 1849 г. II, 324.

⁶⁷⁾ Ц. И. Голубинскаго I, 160.

времени память объ этихъ пирахъ могла ступеваться, и предъ глазами потомства его заслуги, какъ просвѣтителя своего народа, представлялись во всемъ ихъ величіи. И дѣйствительно мы видимъ, что въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ имя св. Владимира является не иначе, какъ съ приложеніемъ эпитета „новаго Константина великаго Рима“; его прежняя жизнь въ язычествѣ позабывается и онъ является въ памяти потомства такимъ, какимъ онъ сталъ со времени принятія имъ христіанства: „дивно⁶⁸⁾ есть, колико добра сотвори въ Русѣй землѣ, крестивъ ю, и колико ревностью божественною подвизался о вѣрѣ христове; и благими дѣлы просія яко солнце, второй равноапостольный Константинъ явися“⁶⁹⁾. То великое уваженіе и благоговѣніе, которое являлось естественнымъ слѣдствіемъ представленія его великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ Русской землѣ, и заставляло, безъ сомнѣнія, чтить его память.

Св. Петръ, первый митрополитъ Московскій, скончался 21-го Декабра 1326 года и погребенъ былъ въ Успенскомъ соборѣ. Почитаніе его началось непосредственно послѣ его смерти. Ибо св. Петръ такъ прославился своимъ благочестіемъ и своими заслугами Церкви и отечеству, что уже люди, погребавшіе его, считали его святымъ и многіе изъ больныхъ, прибѣгая къ его сильному ходатайству, получали исцѣленія отъ его нетлѣнныхъ мощей. Какимъ уваженіемъ и высокимъ благоговѣніемъ пользовался святитель и въ послѣдующее время, это видно изъ того, что удѣльные и служилые князья при гробѣ его дѣловали крестъ въ вѣрности великому князю Московскому. При гробницѣ св. Петра были избираемы и нарекаемы Русскіе святители.

Это великое уваженіе, бывшее естественнымъ слѣдствіемъ какъ благочестивой жизни усопшаго святителя, такъ и его гражданской и церковной дѣятельности, послужило причиною того, что мѣстное почитаніе его началось въ Москвѣ очень рано. Такъ думать насъ заставляютъ кромѣ того и чудеса, которыя совершались у гроба св. Петра. Еще когда несли его въ Успенскій соборъ для погребенія, одинъ иновѣрецъ, находившійся въ толпѣ и сомнѣвавшійся въ его святости, внезапно пораженъ былъ видѣніемъ, будто святитель воссѣдять на одрѣ живой и на обѣ стороны благословляетъ народъ, его сопровождающій⁷⁰⁾. Затѣмъ спустя 20 дней послѣ его кончины по-

⁶⁸⁾ Ник. Л. I. 114—115.

⁶⁹⁾ Житіе св. Петра, усвояемое Прохору, напечат. въ прилож. къ Дух. Вѣстнику, 1862 г., I, 17—22; Степен. книга I, 420—21.

слѣдовали немалымъ чудеса, которыя и должны были свидѣтельствовать о томъ, что почившій архиепископъ прославляемъ отъ Бога. Такъ, при гробѣ святителя въ это время получили исцѣленія три челоуѣка: одинъ юноша, не владѣющій руками, и потомъ еще глухой и слѣпой ⁷⁰⁾. Великій князь Иванъ Даниловичъ поспѣшилъ записать эти чудеса и передалъ рукопись въ кафедральный Владимирскій соборъ, въ которомъ въ одинъ изъ праздничныхъ дней Ростовскій епископъ Прохоръ и прочиталъ ее съ амвона предъ всею народомъ и въ присутствіи великаго князя ⁷¹⁾. А присутствовавшій тутъ же иноуѣрецъ исповѣдалъ передъ всеми о бывшемъ ему чудесномъ видѣніи ⁷²⁾.

Это записываніе чудесъ и чтеніе списка ихъ въ соборѣ въ присутствіи князя и народа мы встрѣчаемъ впервые въ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ. Какъ, спрашивается, нужно смотрѣть на этотъ фактъ? На основаніи нѣкоторыхъ аналогичныхъ явленій въ исторіи канонизаціи Русской Церкви послѣдующаго времени можно думать, что въ данномъ случаѣ это записываніе чудесъ и ихъ публичное чтеніе было приступомъ въ канонизаціи св. Петра. Пресв. Макарій также говоритъ, что именно съ этого времени, какъ можно думать, начали уже у насъ чтить св. Петра, какъ угодника Божиа, по крайней мѣрѣ, мѣстно ⁷³⁾. Правда, мы не находимъ примыхъ извѣстій, что въ это же время былъ установленъ и праздникъ въ честь св. Петра; тѣмъ не менѣе есть основанія думать, что это празднованіе тогда же было установлено. Подтверженіемъ послѣдней мысли можетъ служить то обстоятельство, что приблизительно въ это же время были составлены тѣмъ же Прохоромъ, еп. Ростовскимъ, служба святителю Петру и житіе его, которое, какъ видно изъ самаго заглавія его: „мѣсяца того же (Декабря) 21 день, преставленіе Петра митрополита всея Руси; а се ему чтеніе, твореніе Прохора“ и проч. имѣло продолженію

⁷⁰⁾ Житіе, Дух. Вѣстн. 1862 г. I, 21; Стенен. кн. I, 421.

⁷¹⁾ Въ нѣкоторыхъ спискахъ житія св. Петра, усвояемаго Прохору, этотъ князь названъ Иваномъ; но эта позднѣйшая поправка и очень неудачная. Нѣсколько строкъ выше говорится, что князь послалъ списокъ чудесъ. Очевидно, если бы князь Иванъ самъ присутствовалъ въ это время, то ему не было бы надобности посылать этотъ списокъ. По другимъ спискамъ читается: „почудився в. кн. Александръ Михайловичъ и весь народъ“. Это послѣднее чтеніе болѣе вѣрное, такъ какъ дѣйствительно въ началѣ 1327 года, когда это происходило, в. княземъ Владимирскимъ былъ Александръ Михайловичъ.

⁷²⁾ Житіе, усвояемое Прохору, 21; Стенен. кн. 421.

⁷³⁾ Церковная Исторія митр. Макарія, IV, 252.

форму и читалось послѣ 6-й цѣсни канона ⁷⁴⁾). Эта служба и житіе не имѣли бы мѣста, если бы не праздновали св. Петру, какъ : прославленному угоднику, по крайней мѣрѣ, мѣстно, въ Москвѣ. Такимъ образомъ можно утверждать, что канонизація св. Петра совершилась вскорѣ послѣ его смерти и совершена Прохоромъ, еп. Ростовскимъ; причеиъ эта канонизація имѣла только мѣстный характеръ.

Слуста 12 лѣтъ, именно въ 1339 году, послѣдовала другая канонизація этого сватителя. Митрополитъ Θεогностъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, увѣрившись въ чудотвореніяхъ своего предшественника, донесъ о нихъ Константинопольскому патріарху. Іоанну XIV, прося его разрѣшенія причислить въ лику святыхъ митрополита Петра. Въ отвѣтной грамотѣ патріарха и собора Θεогносту мы читаемъ: „Мы возмучили писаніе твоего святительства, извѣщающее насъ о бывшемъ прежде тебя архипастырѣ той же святѣйшей Церкви, какъ онъ по смерти прославленъ отъ Бога и содѣлался близкимъ Ему угодникомъ, какъ совершаются отъ него великія чудеса и исцѣляются всякія болѣзни. И мы возрадовались о семъ и возвеселились духомъ и вознесли Богу подобающее славословіе. А какъ твое святительство и отъ насъ исвало наставленія о томъ, что слѣдуетъ учинить съ таковыми святоцами; да и самому тебѣ дебезъмвѣстно, какого чина и общаа держитесь въ подобныхъ случаяхъ Церковъ Божіа: то получивъ твердое и несомнѣвное удостовѣреніе относительно сего (сватоа), твое сватительство да поступи въ настоящемъ случаѣ по тому же, самому уставу Церкви: почти и ублажи угодника Божіа прѣснопѣнныи и священныи славословіи, и предй сіе на будущее время, во хвалу и славу Бога, прославляющаго прославляющихъ Его“ ⁷⁵⁾). Этотъ отвѣтъ патріарха и Константинопольскаго собора Θεогностъ объявилъ великому князю и веимъ, и безъ сомнѣнія тогда же совершилъ открытіе

⁷⁴⁾ Обзоръ Дух. Литер. Филарета § 66, 98; время происхожденія службы и житія св. Петра легко опредѣлить приблизительно. Святитель Петръ скончался 21 декабря 1326 г. А 7-го сентября слѣдующаго 1327 года скончался Прохоръ, значить, то и другое могли явиться когда нибудь не позднѣе сентября 1327 года. В. О. Ключевскій старается еще точнѣе опредѣлить это время происхожденія и утверждаетъ, что житіе написано до окончанія и освященія Успенскаго собора въ Москвѣ (въ августѣ 1327 г.); слѣдовательно, вскорѣ по прочтеніи авторомъ во Владимирскомъ соборѣ свѣтка чудесъ св. Петра (Ключевскій, житія святыхъ, 76—7).

⁷⁵⁾ У Павлова, въ Памятникахъ канонич. права № 2, 12—13, Рус. Ист. Библиот. т. IV; см. Степен. кн. I, 422.

мощей новоявленного угодника и установилъ въ честь его праздникъ (21 Декабря) во всей Русской Церкви.

Но если, какъ мы видѣли, канонизація св. Петра совершена была уже ранѣе, въ 1327 году, то естественно возникаетъ вопросъ: какое же значеніе и какая была цѣль этой второй канонизація?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны взять во вниманіе, съ одной стороны, характеръ прежней канонизаціи, а съ другой—тѣ политическія стремленія, какими съ этого времени задаются Москва и ея дѣятели. Первая канонизація св. Петра, совершонная еп. Прохоромъ, очевидно должна была имѣть только мѣстный характеръ. Между тѣмъ Москва уже съ конца XIII вѣка начинаетъ въ политическомъ отношеніи все болѣе и болѣе возвышаться и усиливаться, подчиняя своему вліянію другія удѣльныя княжества. Ея политическіе дѣятели употребляютъ всѣ средства, чтобы предоставить гегемонію своему княжеству. Перенесеніе туда митрополіи, сдѣлавши ее центромъ всей Россіи въ церковномъ отношеніи, не только, такъ сказать, санкціонировало стремленія этого рода Московскихъ князей, но и способствовало еще болѣе ихъ осуществленію въ дѣйствительности, такъ какъ съ этого времени послѣдніе въ лицѣ митрополитовъ приобрѣли себѣ дѣятельныхъ помощниковъ, которые всегда шли рука объ руку съ князьями въ дѣлѣ возвышенія Москвы. Св. Петръ изъ церковныхъ дѣятелей является первымъ поборникомъ этой идеи. Онъ не только своею дѣятельностью старался осуществить ее, но и умирая благословилъ своего любимаго князя Ивана Даниловича идти въ томъ же направленіи, обѣщая ему и сѣмени его милость и благословеніе отъ Бога до вѣка ⁷⁶⁾. Канонизація св. Петра, какъ поборника такихъ политическихъ стремленій, естественно должна была придать освященіе и этимъ послѣднимъ. Смотра же съ таковой точки зрѣнія на эту канонизацію, мы поймемъ и цѣль, и значеніе ея. До сихъ поръ канонизація св. Петра имѣла только мѣстный характеръ. Послѣдній она долго бы сохраняла; ибо удѣльнымъ князьямъ, желавшимъ во что бы-то ни стало сохранить свою самостоятельность, конечно, не могли нравиться поборники московскихъ идей, шедшихъ въ разрѣзъ со стремленіями этихъ князей. Поэтому вѣтъ ничего удивительнаго, что почитаніе св. Петра такъ и ограничилось бы только Москвой. Но это не было въ видахъ послѣдней. Какже заставить удѣльныхъ князей почитать св. Петра, патрона Москвы, или другими словами, какъ придать канонизаціи его всецерковный характеръ? Хотя митрополитъ и могъ самъ канонизо-

⁷⁶⁾ Степен. кн. I, 420.

вать св. Петра, но онъ не могъ заставитьъ всѣхъ удѣльныхъ князей, при ихъ независимости отъ Москвы, почитать его въ своихъ удѣлахъ. При томъ же митрополита могли заподозрить въ излишней привязанности къ Москвѣ и ея князю, въ ущербъ другимъ князьямъ. Оставалось одно средство, это обратиться къ Константинопольскому патриарху и его авторитетомъ заставитьъ удѣльныхъ князей и въ своихъ удѣлахъ почитать св. Петра, покровителя Москвы. Такимъ образомъ, какъ цѣль канонизаціи св. Петра, такъ и особенность, которую она представляетъ, совершившись черезъ Константинопольскаго патриарха, вполне объясняются тѣми политическими цѣлями, которыя хотѣли достигнуть чрезъ эту канонизацію ⁷⁷⁾.

Св. Алексій, митрополитъ Московскій, скончался 12 февраля 1378 года и погребенъ былъ въ Чудовѣ монастырѣ, имъ основанномъ. Открытіе мощей его произошло по слѣдующему случайному поводу. Однажды во время литургіи куполъ храма св. Архистратига Михаила, въ которомъ погребено было тѣло св. Алексія, обрушился. По повелѣнію Самодержца и Первосвятителя стали строить новую церковь и, при копаніи рововъ для нея, обрѣли „многочудесныя мощи блаж. Алексія митрополита цѣлы и невредимы и ризы его не истлѣвшыя“ ⁷⁸⁾. Вѣроятно съ этого времени и началось мѣстное почи-

⁷⁷⁾ Мощи св. Петра до 1472 года хранились въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ положенъ сначала. Но въ этомъ году, по волѣ великаго князя Іоанна III и по благословенію митрополита Филиппа, съ благоговѣніемъ открыли надгробницу св. Петра и св. мощи его перенесены были въ новосозданный храмъ и положены были тутъ въ новой каменной раѣ (П. С. Р. Д. VIII, 171—173).

По случаю паденія этого храма онъ вторично были перенесены въ 1475 году на время въ церковь Іоанна Дѣевичника, и по совершенномъ сооруженіи Успенскаго собора въ 1479 году перенесены были сюда и положены подъ спудомъ. Послѣ этого перенесенія мощей св. Петра, праздникъ перенесенія ихъ установленъ въ 24 день Августа (VIII, 201—2).

⁷⁸⁾ Степен. кн. I, 470—78. Время открытіе мощей св. Алексія съ точностью трудно опредѣлить. В. О. Ключевскій допускаетъ, что оно произошло въ 1431 году и, слѣдовательно, при митрополитѣ Фотіи (стр. 134). Къ тому же году относитъ это событіе и преосвященный Филаретъ (Русск. Свят. Февр. 116). Между тѣмъ преосвященный Макарій, основываясь на словахъ епископа Питирима: „честныя мощи твои въ шестъдесятое лѣто (т.е. послѣ погребенія св. Алексія) обрѣтошася не тлѣны“, относитъ это событіе къ 1438 году (1878+60=1438) (т. VIII, 36). Которое изъ этихъ мнѣній признать болѣе справедливымъ? Намъ

твие святителя Алексія. Но канонизація собственно церковная или учрежденіе праздника произошло уже позднѣе при митрополитѣ Іоаннѣ, на что мы находимъ указаніе въ одной слѣдованной псалтири XVI вѣка. Въ мѣсяцесловѣ, въ ней находящемся, праздникъ 12 февраля св. Алексія, митрополита Кіевскаго и всея Руси, — сопровождается слѣдующими дополнительными словами: „сѣстави же ся по благословенію господина преосвященнаго архіепископа Святѣйшаго и всея Руси Іоны и прорассужденіемъ еже о немъ честнаго събора святительскаго, волю же христіолюбиваго и вседръжавнаго государя великаго князя Василія Василіевича всея Руси и при благороднѣмъ и благочестивомъ сыну его великомъ князи Іоаннѣ Василіевичи всея Руси“⁷⁹⁾. Въ приведенномъ мѣстѣ мы не находимъ указанія, когда же именно установлено было этотъ праздникъ митрополитомъ Іоанномъ. Для опредѣленія года установленія празднованія св. Алексію намъ помогутъ свѣдѣнія, которыя мы находимъ въ одной изъ редакцій его житія, именно третьей. Здѣсь между прочимъ говорится, что составленная Питиримомъ, ед. Пермскимъ, служба на день открытія мощей св. Алексія принесена была имъ въ митрополиту Іоаннѣ, который до совѣщанія съ соборомъ епископовъ постановилъ праздновать память его 12 февраля и обрѣтеніе мощей — 20 мая⁸⁰⁾. А Питиримъ пріѣзжалъ въ Москву въ 1448 году, чтобы присутствовать на соборѣ для избранія Іоны въ митрополиты⁸¹⁾; слѣдовательно, не позднѣе этого года должна была совершиться и канонизація нашего святителя.

Самый ходъ канонизаціи св. Алексія, на основаніи извѣстій, сохранившихся въ житіяхъ его, можно представить себѣ слѣдующимъ образомъ. Послѣ обрѣтенія нетлѣнныхъ мощей составляются

кажется, что первое. Ибо Питиримъ, опредѣляя время открытія мощей, могъ сказать приблизительно, взявъ круглую цифру 60. Притомъ тотъ же Питиримъ и его современники, рассказами которыхъ пользовался Пахомій, легче могли ошибиться въ числѣ лѣтъ, прошедшихъ со смерти св. Алексія, чѣмъ въ имени митрополита, при которомъ произошло обрѣтеніе, бывшее на ихъ памяти (Ключевскій, 134). А митрополита большинства источниковъ, которые говорятъ объ этомъ событіи, называютъ Фогія (Ср. Степен. кн. I, 479, 73, 74).

⁷⁹⁾ Описаніе слав. рук. М. Снн. Б-ки, III, 1, 442—443. Въ мисси новымъ чудотворцамъ 1494 г., написанной въ Вологдѣ, подъ 12 февр. читаемъ: „Алексіи митрополита Московскаго составишеса волю митрополита Іоны (Описан. рук. Сол. Б-ки, № 616 (518), стр. 358—360).

⁸⁰⁾ Ключевскій 134.

⁸¹⁾ Н. С. Р. Л. VIII, 121—122.

прежде всего служба и житіе св. Алексія. Поводомъ въ составленію ихъ послужило, какъ разсказывается въ третьей редакціи житія, слѣдующее обстоятельство. Спустя много времени по открытіи мощей одинъ чудовскій іеромонахъ разсказалъ, что ему во снѣ явился св. Алексій и повелѣлъ епископу Питириму написать стихиры и канонъ въ память его ⁸²). Дѣйствительно, епископъ Питиримъ „нѣчто мало о святѣмъ списа и канонъ тому въ похвалу изложи, слышавъ извѣстно о его житіи, паче же о самѣхъ чудесѣхъ, бывающихъ отъ раки богоноснаго отца“ ⁸³). Написанная служба, вѣроятно, и житіе представлены были на соборъ 1448 года.

Служба, написанная еп. Питиримомъ, составлена была на день обрѣтенія мощей св. Алексія. Такимъ образомъ не было еще ни службы на 12 Февраля, ни сказанія объ обрѣтеніи мощей, такъ какъ Питиримъ, какъ можно видѣть изъ словъ житія св. Алексія, — „прочая же не поснѣ, времени тако зовуща“ ⁸⁴), — не успѣлъ этого сдѣлать. Между тѣмъ установленіе митрополитомъ Іоною празднованія и 12 Февраля, дня кончины святителя Алексія, вызывало потребность въ составленіи службы и на этотъ день, а равно и сказанія объ обрѣтеніи мощей его. Написать такое сказаніе вмѣстѣ съ службой на 12 Февраля и полнымъ житіемъ и было тогда же поручено соборомъ Пахомію. Но крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ спискахъ службы св. Алексія, написанной Пахоміемъ, мы находимъ замѣтку, что она написана „по благословенію митрополита Іони и собора и по волѣ великаго князя Василія Василіевича“ ⁸⁵). Порученіе относительно житія Пахомій исполнилъ позднѣе, въ 1459 году ⁸⁶), но службу и повѣсть объ обрѣтеніи мощей, какъ болѣе нужныя для Церкви, онъ долженъ былъ написать скорѣе. И дѣйствительно, какъ можно заключать изъ заглавія послѣдней: „по преставленіи св. Алексія минувшимъ лѣтомъ маломѣ семидесятымъ паки (послѣ Питирима) составися повѣсть сія іеромонахомъ Пахоміемъ“, та и другая должны бытъ написаны оwohl 1450 года ⁸⁷).

Преподобнаго Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго и благовѣрнаго князя Феодора Смоленскаго и Ярославскаго и чадъ его,

⁸²) Блжчовскій, 134.

⁸³) Степен. кн. I, 445.

⁸⁴) Степен. кн. I, 445.

⁸⁵) Рук. Трефол. Тр. Л. № 528 и Волок. сб. М. Д. А. № 634.

⁸⁶) По Филарету въ 1460 г. См. Обзоръ Духов. Литер., § 95.

⁸⁷) Блжчовскій, стр. 136.

Давида и Константина мы относимъ точно также въ первый классъ, хотя о канонизаціи всѣхъ этихъ святыхъ всеобщей, а не мѣстной, мы не находимъ ясныхъ свидѣтельствъ. Основаніемъ для насъ въ данномъ случаѣ по отношенію къ преп. Сергію служитъ то соображеніе, что трудно допустить, чтобы послѣднему, такъ почитавшемуся великими князьями Московскими, не было до половины XV вѣка установлено празднество, или другими словами, чтобы онъ до сихъ поръ формально не былъ причтенъ къ лику святыхъ. Что же касается до остальныхъ двухъ святыхъ: Кирилла Бѣловерскаго и благовѣрнаго князя Феодора Смоленскаго и чадъ его, то основанія, по которымъ мы относимъ ихъ въ этотъ классъ, будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Св. Сергій Радонежскій, основавшій Троицкую Сергіеву Лавру, скончался 25 Сентября 1392 года. Прославленіе его началось лѣтъ черезъ 30 послѣ его кончины, именно со времени открытія мощей его. Послѣднее, какъ разсказывается въ житіи преп. Сергія, написанномъ Епифаніемъ, совершилось слѣдующимъ образомъ. Одинъ благочестивый мужъ, имѣя велию вѣру въ почившему угоднику, часто приходилъ молиться къ его гробу. Однажды во время молитвы ему, какъ бы въ тонкомъ снѣ, явился преп. Сергій и сказалъ: „возвѣсти игумену обители сей, вскую мя оставите только время во гробѣ землю покровенна, водѣ утѣсняючи тѣло мое“⁸⁸⁾. Это видѣніе онъ послѣднимъ сообщить ученику преп. Сергія Накону, бывшему тогда игуменомъ. Послѣдній возвѣстилъ объ этомъ всему братству обители и общинѣ, съѣздомъ рѣшили открыть мощи преподобнаго. Открытіе произошло въ присутствіи князя Георгія Дмитріевича и при стеченіи многочисленнаго народа. Когда открыли гробъ, то увидѣли, что „не только честное и св. тѣло цѣло и свѣтло соблюдеся, но и одежда его, въ ней же погребенъ бысть, цѣла быше, всякому тѣлѣнію никакоже сопричастна, и вода отъ обочю страну ковчега стояше видима, тѣлеса же святаго, ни ризы его, никакоже прикасаема“⁸⁹⁾. Сотвориша же празднествъ радостенъ мѣсяца Іюля въ пятый день и въ раку честно положиша со псалмы и пѣснями, идѣже и доннынѣ честныя его и многоцѣлебныя мощи, всѣми видимы, испѣленія небскудно подаваютьъ вѣрою приходящимъ“⁹⁰⁾. Это открытіе мощей совершилось 5-го Іюля 1422 года, чрезъ 30 лѣтъ послѣ кончины преп. Сергія. Съ этого времени, говоритъ преосвященный Макарій, установленъ праздникъ

⁸⁸⁾ Церк. Истор. житр. Макарія, т. IV, прилож. XIX—XX, 355.

⁸⁹⁾ Житіе пр. Сергія—Церк. Истор. житр. Макарія т. IV, 136.

⁹⁰⁾ Ibid.

5-го Юля въ честь преп. Сергія ⁹¹⁾. Но съ такимъ мнѣніемъ о времени канонизаціи преп. Сергія едва ли можно согласиться. Прежде всего мы нигдѣ не находимъ извѣстій, чтобы со времени открытія мощей преп. Сергія установленъ былъ ему всеобщій праздникъ. Правда, есть мѣсто въ приведенномъ выше отрывкѣ житія его, гдѣ, повидимому, говорится о такомъ праздникѣ ⁹²⁾. Но это указаніе нельзя принимать въ смыслѣ установленія праздника въ честь преподобнаго Сергія и на будущее время: оно говоритъ только о томъ, что день открытія мощей сопровождался празднованіемъ. Затѣмъ, долгое время послѣ открытія мощей не было составлено ни службы преп. Сергію, ни житія его, которое могло бы читаться въ церкви послѣ 6-й глѣсны канона ⁹³⁾. Все это, по нашему мнѣнію, можетъ говорить о томъ, что преп. Сергіій не былъ канонизованъ при открытіи его мощей въ томъ собственномъ смыслѣ, чтобы въ память его былъ установленъ всеобщій праздникъ. Можно только думать, что съ этого времени именно началось мѣстное его почитаніе ⁹⁴⁾.

Если же преп. Сергіій не былъ формально причтенъ къ лику святыхъ непосредственно вслѣдъ за открытіемъ его мощей, то, естественно, встаетъ вопросъ, когда же это случилось и какъ? На первую половину вопроса, хотя и предположительно, можно еще отвѣтить; на вторую же половину вопроса,— о томъ, какъ онъ причисленъ: соборомъ ли русскихъ архипастырей, или однимъ только митрополитомъ, за неизвѣніемъ данныхъ, отвѣтить положительно невозможно.

То великое уваженіе, какому преп. Сергіій пользовался при жизни и послѣ своей блаженной кончины, его великое значеніе для сѣвернаго монашества и, наконецъ, чудеса, совершавшіяся отъ его мощей,—все это не позволяетъ намъ слишкомъ далеко относить начало

⁹¹⁾ Церк. Ист. митр. Макарія, т. IV, 254; см. т. VIII, 30, прим. 35.

⁹²⁾ „Сотвориша же правдикъ радостенъ мѣсяца Юля въ пятый день“.

⁹³⁾ Житіе Епифанія, хотя и явилось ранѣе открытія мощей преп. Сергія (спустя 26 лѣтъ послѣ смерти—слѣд. въ 1417—18 г.), но оно неудобно было для чтенія въ церкви: оно было слишкомъ обширно для этого и притомъ ничего не говорило ни объ открытіи мощей святаго, ни о чудесахъ, послѣ того совершившихся.

⁹⁴⁾ Продолженіе сокращенія житія Епифанія, по всей вѣроятности—принадлежащее Пахомію, окладывается въ рукописяхъ припиской: совершается съборъ его (преп. Сергія) въ томъ же монастыри, идѣже положенъ бысть, мѣсяца септемврія 25 (Голубинскій, преп. Сергіій Радонж. 98).

всеобщаго почитанія его. Правда, известно, что празднованіе преп. Сергію въ Новгородѣ началось не ранѣе конца XV в.⁹⁵⁾; но это, какъ увидимъ ниже, обуславливалось особенными причинами, вслѣдствіе которыхъ почитаніе святыхъ за весь этотъ періодъ отличалось преимущественно мѣстнымъ характеромъ. Вообще же начало всеобщаго празднованія преп. Сергію нельзя относить далѣе конца первой половины XV вѣка, когда имя его, какъ святаго и чудотворца, начинается намъ встрѣчаться въ святцахъ, въ официальныхъ явтахъ и другихъ памятникахъ наравнѣ съ ранѣе уже признанными святыми: Петромъ и Алексіемъ, митрополитами Московскими, Леонтіемъ, еп. Ростовскимъ, и др., а главное приблизительно въ это же время явились житіе и служба ему. Въ первый разъ мы встрѣчаемъ имя Сергія, какъ уже прославленнаго святаго, наравнѣ съ митрополитами Московскими Петромъ, Алексіемъ и епископомъ Ростовскимъ Леонтіемъ, въ лѣтописи подъ 6956 (1448) годомъ и въ посланіи митрополита Іоны того же года. Въ лѣтописи подъ этимъ годомъ разсказывается о походѣ в. в. Василія на Шемяку. Послѣдній, убоявшись, сталъ просить у вел. князя мира „и врестъ на томъ цѣловалъ и грамоты проклятія на себя далъ“, въ которыхъ на ряду съ чудотворцами—Петромъ, Алексіемъ и Леонтіемъ—поминаетъ и Сергія, игумена, чудотворца⁹⁶⁾. Митрополитъ Іона въ своемъ посланіи 1448 года причисляетъ преп. Сергія въ число великихъ чудотворцевъ наравнѣ съ преп. Кирилломъ Бѣлозерскимъ⁹⁷⁾. Послѣднее свидѣтельство, принадлежащее митрополиту, главѣ Русской Церкви, для насъ должно быть особенно важно. Время составленія какъ службы, такъ и житія преп. Сергія В. О. Ключевскій относитъ ко времени между 1449—1459 годами, когда Пахомій Логоветъ, авторъ ихъ, жилъ въ Лаврѣ⁹⁸⁾. По своему характеру житіе преп. Сергія, написанное Пахоміемъ, про-

⁹⁵⁾ При архіеп. Іонѣ, впервые построившемъ въ Новгородѣ церковь во имя преп. Сергія около 1460—63 г. (Памяти. Стар. Р. Лит. т. IV, 33; см. 2 Новгород. Лѣт. 141—постави владыка Іона (церковь) св. Сергія въ лѣто 6971 (1463 г.).

⁹⁶⁾ П. С. Р. Л. т. VIII, 121.

⁹⁷⁾ А. И. т. I, № 43, стр. 87.

⁹⁸⁾ Ключевскій, 119. Можно, кажется, точнѣе опредѣлить время составленія этого житія. Въ каноникѣ Тр. С. Л. XVI в. № 264, между прочимъ, говорится въ послѣсловіи къ житію преп. Сергія: „въ лѣто 6900 мѣсяца сентября 25 преставися Сергій чудотворецъ, а жилъ лѣтъ 78. Въ лѣто 6967 (1459) индикта 6 и пр.“. Послѣднее и есть, кажется, точная дата появленія житія.

ложное. Очевидно, что оно писалось для чтенія въ церкви на праздни-
къ памяти святаго. На такой характеръ житія, между прочимъ, ука-
зываетъ и находящееся въ немъ обращеніе къ предстоящей братіи,
призывающее ее достойно праздновать память святаго⁹⁹⁾. Съ другой
стороны, до Пахомія не было составлено службы преп. Сергію; Па-
хомій первый составилъ ему службу, которая встрѣчается уже въ
рукописномъ сборникѣ 1459 года и притомъ на 25 Сентября, день
смерти этого святаго. Составленіе службы и житія можетъ уже гово-
рить о существованіи праздника преп. Сергію и не только 5-го Іюля,
но и 25-го сентября, какъ показываетъ служба Пахомія, написанная
имъ на день преставленія его. Приведенныя нами данныя говорятъ
о томъ, что къ половинѣ XV вѣка, именно въ 1448 году, преп. Сер-
гій былъ уже прославленнымъ нашею Церковью угодникомъ; но когда
это случилось, точной даты мы не находимъ. То обстоятельство, что
имя преп. Сергія, какъ святаго, встрѣчается намъ впервые въ послѣ-
дніи митрополита Іоны, какъ будто говоритъ о томъ, что преп. Сергій
канонизованъ на томъ же самомъ соборѣ 1448 года, на которомъ ка-
нонизованъ и св. Алексій. Такому предположенію не противорѣчатъ
и время появленія службы и житія преп. Сергію. Вѣроятно, митро-
политъ Іона, причисливъ преп. Сергія въ лику святыхъ, потомъ и
далъ Пахомію порученіе составить службу и житіе этого святаго,
которое Пахомій и исполнилъ когда-то между 1449—1459 гг. Нашъ
выводъ о началѣ всеобщаго празднованія преп. Сергію отчасти под-
тверждается и тѣмъ, что съ половины XV вѣка имя преп. Сергія
начинаетъ встрѣчаться въ святцахъ и богослужебныхъ книгахъ. Тамъ,
имя его мы находимъ въ святцахъ 1487 года¹⁰⁰⁾, и въ мѣсяцесловѣ,
находящемся при Слѣдственной Псалтири XV в. ¹⁰¹⁾. Какъ въ тѣхъ,
такъ и въ другомъ подъ 25 Сентября мы читаемъ: „преставленіе преп.
Сергія Радонежскаго“. Затѣмъ имя преп. Сергія мы встрѣчаемъ въ
служебникѣ XV в., въ молитвѣ — егда молвити о здравіи государю,
вмѣстѣ съ именами: Петра, Алексія, митрополитовъ Московскихъ,
Леонтія, еп. Ростовскаго, преп. Кирилла Бѣлоозерскаго и Варлаама

⁹⁹⁾ Въ сборникѣ Тр. С. Л. № 466, 1505 г., л. 270 служба Сергію, со-
ставленная Пахоміемъ, сопровождается припиской: „и на ней чтеніе: приидите,
честное и святое постыжъ сословіе“; этими словами начинается Пахоміево житіе
Сергія; значить, оно читалось въ церкви.

¹⁰⁰⁾ Описан. рукоп. Тр. С. Л. № 761.

¹⁰¹⁾ Описан. рук. Сын. Библ. Ш, I, 418.

Хутынского ¹⁰²⁾. Въ исальти съ возсѣдованіемъ 1474 года, писаномъ въ Кіевѣ, мы находимъ и имя преп. Сергія ¹⁰³⁾; наконецъ, въ мнѣіи 1494 г., писанной въ Вологдѣ, мы находимъ канонъ преп. Сергію, составленный Пахоміемъ ¹⁰⁴⁾.

Преп. Кирилль Бѣлоозерскій, основатель Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, скончался 9-го Іюня 1427 года. Канонизація его совершилась сравнительно очень рано. Такъ уже митрополитъ Іона въ 1448 году въ своемъ посланіи причисляетъ преп. Кирилла Бѣлоозерскаго къ числу великихъ чудотворцевъ, наравнѣ съ преп. Сергіемъ Радонежскимъ ¹⁰⁵⁾. Точной записи однако о времени канонизаціи преп. Кирилла мы не находимъ; но то обстоятельство, что имя его, какъ прославленнаго святаго, встрѣчается намъ впервые въ посланіи митрополита Іоны, какъ будто говорить о томъ, что преп. Кирилль канонизованъ на томъ же соборѣ 1448 года, на которомъ канонизованы св. Алексій и Сергіи Радонежскій. Житіе и служба преп. Кирилла Бѣлоозерскаго явились гораздо позднѣе его канонизаціи, и составлены Пахоміемъ Логоетомъ по порученію высшей власти нашей Церкви. Въ житіи преподобнаго Пахомій пишетъ, что по благословенію митр. Феодосія и повѣлѣнію великаго князя Василія Васильевича онъ отправился въ Кирилловъ монастырь, ятобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія для біографіи святаго ¹⁰⁶⁾. Точнѣе время этой поѣздки можно опредѣлить чрезъ сопоставленіе года набранія Феодосія на митрополию съ годомъ смерти в. к. Василія Васильевича. Первый возведенъ на митрополию въ Маѣ 1461 года, а великій князь Василій умеръ въ Мартѣ 1462 года; значитъ, Пахомій ѣздилъ на Бѣлоозеро въ этотъ промежутокъ времени. Но изъ словъ автора въ предисловіи можно замѣтить, что эта обширная біографія написана уже по смерти Василія и приблизительно, какъ думаетъ Ключевскій, около 1470 года ¹⁰⁷⁾. Служба преп. Ки-

¹⁰²⁾ Описан. рук. М. Д. А. Арх. Леонида № 182; конецъ молитвы: „спаси Господи и помилуй государя нашего благовѣрнаго князя Ивана Васильевича“.

¹⁰³⁾ Описан. рук. М. Д. А. Арх. Леонида № 69.

¹⁰⁴⁾ Описан. рук. Солов. Библ. № 616 (518); кромѣ того, канонъ преп. Сергія мы находимъ въ каноникѣ Тр. С. Д. № 255 XV в. и службу ему въ толковомъ Апостолѣ того же вѣка въ рук. Тр. С. Д. № 116.

¹⁰⁵⁾ А. И. т. I. № 43, 87.

¹⁰⁶⁾ Рукоп. сбор. Тр. С. Д. XV—XVI в. № 764, л. 2.

¹⁰⁷⁾ Ключевскій, 123.

рилу, составленная тѣмъ же Патоліемъ, встрѣчается намъ въ спискахъ конца XV вѣка ¹⁰⁸). Съ вѣроятностью можно думать, что послѣдняя составлена вмѣстѣ съ житіемъ и по тому же благословенію митр. Феодосія и повелѣнію великаго князя Василія Васильевича.

Благовѣрный князь Смоленскій и Ярославскій Феодоръ и чада его—Давидъ и Константинъ, жившіе въ концѣ XIII и началѣ XIV вв. ¹⁰⁹), погребены были вмѣстѣ въ Ярославлѣ, въ монастырѣ св. Спаса. Прославленіе ихъ начинается со времени открытія мощей ихъ, совершившагося въ 1463 году. Самый процессъ открытія по многимъ чертамъ настолько интересенъ и типиченъ, что мы рассмотримъ его подробно. До 1463 года тѣла св. князей покоились въ гробѣ на верху земли. По какой-то неизвѣстной причинѣ въ 1463 году „совѣтъ же сотвори игумень и весь священный соборъ съ благовѣрнымъ великимъ княземъ Александромъ Феодоровичемъ да сошедашася положить мощи ихъ въ землю съ великою частію въ той же церкви св. Спаса, гдѣ оубо и прежде лежали“. Но когда приступили къ исполненію этого намѣренія, то отъ святыхъ мощей совершилось нѣсколько чудесъ, которыя всѣхъ поразили и удивили. Прѣжнее намѣреніе было оставлено: мощи опять оставили лежать поверхъ земли, и надъ ними стали пѣть молебны. Объ этихъ новоявившихся мощахъ донесено было мѣстному епископу Трифону Ростовскому, который отнесся съ недовѣріемъ къ нимъ. Между тѣмъ чудеса отъ святыхъ мощей продолжали совершаться все болѣе и болѣе и, слыша объ нихъ, Трифонъ, наконецъ, вынужденъ былъ послать въ Ярославль Ростовскаго протопопа для обслѣдованія дѣла. Этотъ протопопъ, именемъ Константинъ „уже бѣ мужъ честенъ и сановитъ и божественныхъ писаній рачитель, но естествомъ гордъ бѣ“, отправляется въ Ярославль, чтобы „дозрѣти чудотворцевъ, како будутъ въ тѣлеси лежать, и како исцѣленія многа творятъ, истинна ли то будетъ или лжа на прелесть чловѣкомъ“. Явившись въ храмъ, гдѣ лежали мощи чудотворцевъ и „яряся на игумена, мяя симъ чудотвореніемъ игумень много богатство пріобрѣте, еже приношаху гражане на молебны къ рацѣ ихъ приходяще“, протопопъ съ дерзостью приступилъ къ освидѣтельствуванію мощей, но былъ пораженъ невидимою силой, поверженъ на землю и онѣмѣлъ. Архіепископъ Трифонъ, услышавъ объ

¹⁰⁸) Трѣф. Тр. С. Л. XV в. № 613, л. 764.

¹⁰⁹) Въ лѣтописяхъ кончина князя Феодора записана подъ 1299 годомъ, 19 сентября (IV, 46; V, 203); кончина кн. Давида подъ 1321 годомъ (VII, 198), годъ кончины князя Константина неизвѣстенъ.

этомъ, также за свое невѣріе навазанъ былъ расслабленіемъ всѣхъ своихъ членовъ. Отказавшись отъ архіепископіи, онъ удалился въ монастырь св. Спаса, гдѣ лежатъ мощи чудотворцевъ, чтобы своимъ раскаяніемъ получить себѣ прощеніе отъ Бога ¹¹⁰⁾. Со времени этого открытія мощей, вѣроятно, и началось мѣстное почитаніе Ярославскихъ чудотворцевъ. На это указываетъ уже то, что непосредственно за этимъ открытіемъ, какъ мы видѣли, имъ начали пѣть молебны. Но это мѣстное почитаніе скоро переходитъ во всеобщее. Чудеса, которыя совершались отъ мощей этихъ угодниковъ, затѣмъ извѣстны уже исторія съ еп. Трифономъ, все это не могло не дойти до слуха великаго князя и митрополита и не возбудить въ нихъ вѣры въ новоявившихся чудотворцевъ. И мы дѣйствительно видимъ, что вскорѣ же отъ великаго князя Ивана Васильевича и митрополита Филиппа іеромонаху Спасскаго монастыря Антонію дается порученіе составить житіе благовѣрныхъ князей Θεодора, Давида и Константина ¹¹¹⁾, второе и должно было явиться не позднѣе 1473 года, когда скончался митрополитъ Филиппъ ¹¹²⁾. Можно думать, что около этого же времени появились и службы имъ. Но крайней мѣрѣ уже въ сборникѣ Кирилло-Бѣловерскаго монастыря 1476—1482 гг. находимъ тропари и кондаки какъ на убіеніе князя Θεодора, такъ и на открытіе мощей его ¹¹³⁾, а въ рукописномъ Трефологѣ Тр. С. Л. XV в. мы уже находимъ на 19 Сентября и полную имъ службу ¹¹⁴⁾. А такъ какъ время появленія житія и службы говорить уже о церковномъ

¹¹⁰⁾ Житіе благовѣрныхъ князей Ярославскихъ помѣщено въ Четвѣ-Мясецѣхъ Макарія (изд. Арх. Ком.) Сентябрь подъ 19 ч, л. 1255—1282 г. Степен. кн. I, 392—401; Н. С. Р. Л. VI, 185—187; VIII, 150; Ник. Лѣт. VI, 1—2; Свѣд. Врем. II, 92—93.

¹¹¹⁾ Объ этомъ прямо говорится въ заглавіи житія, составленнаго Антоніемъ; „составлено же бысть сіе житіе и чудеса ермонаха инокомъ Антоніемъ того же монастыря св. Спаса, благолѣпнаго его преображенія; по благословенію господина преосвященнаго митрополита Филиппа, волею же боголюбиваго и вседержавнаго государя, великаго князя Іоанна Васильевича и проч. (Ч. М. Макарія. Сент. 1261).

¹¹²⁾ Преосв. Филаретъ (Обзоръ Дух. Лѣт. 100) относитъ житіе къ 1465 г., но В. О. Ключевскій опредѣляетъ время написанія житія между 1471—1473 гг. на томъ основаніи, что біографъ о князѣ, при которомъ произошло открытіе мощей, говоритъ какъ будто его уже не было на свѣтѣ, а онъ умеръ въ 1471 г.

¹¹³⁾ Митр. Макарій, Церк. Иск. VIII, 39.

¹¹⁴⁾ Арсеній, Описаніе рук. Тр. С. Л. стр. 193.

прославленіи того или другого святаго, то и въ данномъ случаѣ можно думать, что по волѣ того же великаго князя и благословенію митрополита Фѣлиппа, по порученію которыхъ было составлено житіе, установлено было празднованіе Ярославскимъ чудотворцамъ и не только мѣстное, но и по всей Россіи. Такимъ образомъ, канонизація св. князей Θεодора, Давида и Константина, начавшись открытіемъ ихъ мощей, при чемъ мы впервые встрѣчаемся съ фактомъ свидѣтельства ихъ, потомъ совершена была митрополитомъ, установившимъ съ согласія великаго князя всеобщее празднованіе имъ.

Преп. Варлаамъ Хутыискій, основатель Хутынскаго близъ Новгорода монастыря, скончался 6 Ноября 1192 года. Среди Новгородцевъ онъ своимъ благочестіемъ еще при жизни своей приобрѣлъ великое уваженіе и почитаемъ былъ ими за великаго угодника Божія. Обильныя исцѣленія ознаменовали святость его при самомъ погребеніи, и память его болѣе всѣхъ угодниковъ Божіихъ, коими прославился великій Новгородъ, близка была сердцу Новгородцевъ. Въ виду связаннаго естественно предположить, что почитаніе памяти этого святаго должно было бы начаться вскорѣ же послѣ его смерти, по крайней мѣрѣ въ Новгородской землѣ. А между тѣмъ до конца XIII и начала XIV вв. мы не находимъ никакихъ слѣдовъ, даже и мѣстнаго чествованія преп. Варлаама, и только въ это время находимъ нѣкоторыя указанія на то, что память его начинаетъ уже чествоваться церковнымъ образомъ. На чествованіе таковаго рода указываетъ то обстоятельство, что въ XIII вѣкѣ мы находимъ проложное житіе его, встрѣчающееся намъ въ прологахъ XIII и XIV вв.¹¹⁵⁾ Если же существовало житіе, которое, какъ можно заключать по формѣ его, имѣло церковное употребленіе, читаясь въ день памяти святаго, то уже а priori можно полагать, что существовала тогда же и служба святому. И дѣйствительно, въ первой половинѣ XV в., именно въ минеѣ 1438 года мы встрѣчаемъ и житіе и полную службу преп. Варлааму¹¹⁶⁾. Наконецъ, въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ еще одинъ фактъ, который уже несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что преп. Варлаамъ въ началѣ XV в. чтился въ Новгородѣ, какъ прославленный святой. Такъ, въ первой Новгородской Лѣтописи подъ 6918 (1410) годомъ мы читаемъ: „того же лѣта Варлаамъ архимандритъ постави церковь камену въ воротѣхъ монастыря Лиситьскаго, во имя преп. Варлаама,

¹¹⁵⁾ Митр. Макарій, Церк. Истор., т. VIII, 36—7.

¹¹⁶⁾ Изв. Ак. т. VI, 295.

игумена св. Спаса Хутыньскаго¹¹⁷⁾. Но когда совершилась эта мѣстная канонизація этого святаго, за недостаткомъ данныхъ, опредѣлить точно невозможно. Съ теченіемъ времени однако мѣстное почитаніе преп. Варлаама мало по малу распространяется и за предѣлы Новгородской епархіи. На это распространеніе памяти Варлаама можетъ отчасти указывать извѣстный намъ изъ лѣтописи тотъ фактъ, что отрокъ Тумьгень, москвичъ, имѣлъ уже житіе и канонъ этого святаго. Затѣмъ, въ половинѣ XV вѣка мы находимъ нѣкоторые данныя, которыя свидѣтельствуютъ о болшемъ оживленіи въ это время памяти преп. Варлаама какъ въ Новгородѣ, такъ за нимъ и въ другихъ областяхъ Руси, что вполне объясняется цѣлымъ рядомъ чудесъ, совершенныхъ преп. Варлаамомъ въ это время. Въ Новгородѣ это оживленіе памяти святаго выразилось въ томъ, что появляются новыя редакціи его житія и службы. Такъ, когда извѣстный уже намъ составитель канонѣвъ Пахомій Логоетъ прибылъ въ Новгородъ, то владыка Евфимій (раньше Марта 1459 года) поручилъ ему съѣздить въ обитель Варлаама, чтобы собрать свѣдѣнія о чудесахъ его, и написать его житіе¹¹⁸⁾. Послѣднее, равно какъ и канонъ ему¹¹⁹⁾, писанный тѣмъ же Пахоміемъ, по порученію архіепископа Іоны, явились, правда, позднѣе, именно въ 1460 году¹²⁰⁾, тѣмъ не менѣе эти заботы новгородскихъ владыкъ о составленіи житія и службы святому такимъ знаменитымъ творцомъ канонѣвъ, каковымъ считался Пахомій, могутъ свидѣтельствовать и о заботахъ ихъ о болшемъ прославленіи преп. Варлаама. Кромѣ того, сохранилось извѣстіе, впрочемъ въ позднѣйшихъ спискахъ житія Варлаама, что владыка Евфимій думалъ открыть мощи его¹²¹⁾. Не знаемъ, почему эта попытка не осуществилась; но такія заботы, однако, въ концѣ концовъ достигли цѣли. Въ 1460 году пріѣхалъ въ Новгородъ великій князь Василій Васильевичъ. Въ свитѣ его былъ одинъ отрокъ, по имени

¹¹⁷⁾ П. С. Р. Л. т. 3, 104; св. 3 Новгор. Л. 235, 4 Нов. л. 112.

¹¹⁸⁾ Ключевскій, 122.

¹¹⁹⁾ Канонъ преп. Варлаама, сочиненный Пахоміемъ, находится въ слѣдовавшей Псалтири Тр. С. Л. 1462—1490 г. № 308, л. 234. (Описаніе рук. Тр. С. Л. Арсенія, стр. 82).

¹²⁰⁾ Филаретъ, Обзоръ Дух. Литер. 95; Церк. Истор. митропол. Макарія, т. VIII, 54.

¹²¹⁾ Ключевскій, 122; Амвросій, Истор. Россійск. іерархіи т. II, 264; гр. Толстой, Святые и древности Новгорода, 187—88.

Тумьгенъ, котораго преп. Варлаамъ воскресилъ изъ мертвыхъ ¹²²⁾). Это чудо и послужило побужденіемъ въ началу празднованія преп. Варлааму и въ Москвѣ. Подъ 6969 (1461) годомъ, т. е. подъ слѣдующимъ же непосредственно годомъ, когда случилось это чудо, въ лѣтописяхъ мы читаемъ: „того же лѣта поставлена бысть церковь на Москвѣ каменная св. Іоаннъ Предтеча, иже предѣлъ имать св. о. Варлаама Новгородскаго, великимъ княземъ Васиіемъ Васильевичемъ; *Варлаама же оттоль начаша праздновати на Москвѣ*“ ¹²³⁾). Съ этого же времени и начинается всеобщее празднованіе преп. Варлааму во всей Русской Церкви.

¹²²⁾ И. С. Р. Л. т. VI, прибавл. 321—325.

¹²³⁾ И. С. Р. Л. т. VI, стр. 184; Соф. Вр. II, 86.— Мощи преп. Варлаама почиваютъ подъ спудомъ, въ аркѣ между соборною церковью и южнымъ Покровскимъ придѣломъ (Толстой, Святости и древности Новгорода В. 190). Были двѣ попытки къ ихъ открытію. Объ одной, какъ мы видѣли, упоминается въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ житія. Владыка Евфимій, послѣ трехнедѣльнаго поста въ обители и многихъ всенощныхъ бдѣній, виѣстѣ съ игуменомъ Тарасимъ и инокомъ Іоанномъ, приступили къ открытію гроба. Владыка сталъ у главы, а игумень у ногъ раки, и виѣстѣ сняли они каменную доску, прикрывавшую гробъ. Тогда увидѣли честныя мощи, „на верху земли лежаща и ничиже не врежены, не разрушены и весь образъ его, и браду его видѣша, яко же и на иконѣ написанъ, воистину тѣмъ подобіемъ, иже надъ мощми чудотворца образъ“. (Ibid. 188). Кажется, что это открытіе мощей преп. Варлаама владыкою Евфиміемъ было тайное, потому что въ противномъ случаѣ трудно объяснить то обстоятельство, что Навананга (о немъ ниже), у котораго эта попытка должна быть еще на свѣжей памяти, ничего не зналъ о ней. Описаніе другой попытки мы находимъ въ лѣтописяхъ, гдѣ разсказывается, что великій князь Іоаннъ Васильевичъ въ 1471 году, пришедши въ Хутынъ на поклоненіе преподобному, спросилъ игумена Навананга: „для чего не открываютъ гробъ чудотворца, чтобы можно было приложиться къ мощамъ его?“ Игумень смиренно отвѣчалъ, что намъ не вѣдомы мощи чудотворца Варлаама, и какъ положены бысть, на верху земли или въ землѣ, того не вѣшмы; а искони не смѣетъ никто дерзнуть зрѣти мощей чудотворцевыхъ, ни отъ великихъ князей Россійскихъ, ни архіепископы, ни отъ рода боярска, даже и до днесь, доидеже Богъ благоволитъ, или отъ великихъ вѣры кому Богъ извѣститъ и чудотворецъ Варлаамъ“. Тогда князь дерзновенно велѣлъ поднять доску и копать землю, но внезапно поднялся отъ гроба высокій дымъ и затѣмъ пламень. Князь приказалъ „престати копати и съ ужасомъ поиде изъ церкви“ (3 Новгор. Лѣт. 241 — 242), оставивъ тамъ жезлъ, который и доселѣ хранится въ Хутынскомъ монастырѣ.

II.

Ко второму классу святых мы относимъ тѣхъ изъ нихъ, которые долгое время почитались только мѣстно и всеобщее прославленіе которыхъ началось не ранѣе конца XV и начала XVI вѣковъ; при чемъ мы не находимъ никакихъ указаній на то, какимъ образомъ всѣ эти святые изъ мѣстныхъ угодниковъ сдѣлались всецерковными, или другими словами,—не находимъ указанія на ихъ всеобщую канонизацію. Что послужило причиной такой перемѣны въ характерѣ почитанія всѣхъ этихъ святыхъ,—мы увидимъ это впоследствии, когда будемъ говорить о характерѣ канонизаціи за весь этотъ періодъ. А что такая перемѣна совершилась, это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что имена ихъ мы встрѣчаемъ въ концѣ XV и началѣ XVI вв. въ святцахъ и мѣсяцесловахъ, помѣщаемыхъ обыкновенно въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгахъ, наравнѣ со святыми перваго класса; во-вторыхъ, авторъ житія св. Іоны, митрополита Московскаго, перечисляя святыхъ, канонизованныхъ соборами 1547 и 1549 годовъ, дѣлаетъ перечень и тѣхъ святыхъ, которымъ до нихъ праздновалось во всей Русской Церкви. Въ этомъ перечнѣ мы встрѣчаемъ имена всѣхъ святыхъ, которыхъ мы относимъ ко второму классу ¹²⁴⁾.

Къ этому классу мы относимъ слѣдующихъ святыхъ: св. Михаила, князя Черниговскаго и боярина его Θεодора, св. Исаію и Игнатія, епископовъ Ростовскихъ, и преподобныхъ: Дмитрія Прилуцкаго, Никиту Переяславскаго, Авраамія Ростовскаго, Антонія Печерскаго.

При обзорѣ исторіи прославленія всѣхъ этихъ святыхъ Русскою Церковью, мы будемъ сперва указывать время совершенія мѣстной канонизаціи, если, конечно, о ней сохранились извѣстія, а затѣмъ уже—время, не позднѣе котораго началось всеобщее празднованіе въ Русской Церкви памяти того или другого изъ этихъ святыхъ. Начнемъ свое обзорѣніе исторіи канонизаціи этого класса святыхъ съ св. благовѣрнаго князя Черниговскаго Михаила и его боярина Θεодора.

Святый благовѣрный князь Черниговскій Михаилъ и его бояринъ Θεодоръ были убиты въ Ордѣ, по повелѣнію хана Батия 20 Сентября 1245 года за то, что не хотѣли пройти сквозь разложенный предъ ставкою хана священный огонь и поклониться кумирамъ. По убіеніи

¹²⁴⁾ Ключевскій, Житія, прилож. IV, 462.

тѣла ихъ были выброшены на свѣдѣніе псамъ ¹²⁵⁾. Но впродолженіе многихъ дней они сохранялись неповрежденными, причемъ „столпъ огненъ отъ земли до небесе явися надъ тѣлесема ею; сіяюще пресвѣтлыми лучами на утверженъе христьяномъ, и на обличеніе тѣмъ, иже оставиша Бога“ ¹²⁶⁾. Затѣмъ, немного времени спустя послѣ смерти ихъ, мощи перенесены были въ Черниговъ, гдѣ и хранились до 1578 года. Въ этомъ году царь Іоаннъ, „соборне совѣтовавшѣ съ отцомъ своимъ митрополитомъ Антоніемъ и со святители Русскія земли и со всѣмъ освященнымъ соборомъ“, написалъ въ Черниговскимъ угодникамъ посланіе, приглашая ихъ „яко живыхъ“ въ престольный градъ ¹²⁷⁾. Мощи дѣйствительно были перенесены и въ память этого перенесенія былъ установленъ праздникъ 14 Февраля и построена церковь во имя Черниговскихъ чудотворцевъ.

Св. князь Михаилъ и его бояринъ Феодоръ, погибшіе за свою ревность и преданность вѣрѣ Христовой, явились въ нашей Церкви первыми ея мучениками. Поэтому, очень вѣроятно, что память ихъ стала мѣстно чтиться вскорѣ же послѣ ихъ мученической кончины. Такое предположеніе очень вѣроятно, если мы примемъ во вниманіе, что мощи св. мучениковъ вскорѣ же были перенесены въ свой родной городъ, и вскорѣ же явилось житіе ихъ, написанное, какъ думаетъ преосвященный Макарій, очевидцемъ ¹²⁸⁾. Но когда совершилась собственно канонизація ихъ, на это, за неимѣніемъ положительныхъ извѣстій, отвѣтить невозможно; можно только дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія.

До XIV вѣка имя черниговскихъ мучениковъ не встрѣчается намъ ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ агиографіи;

¹²⁵⁾ Житіе князя Черниговскаго Михаила, написанное о. Андреемъ, помѣщено въ Церк. Ист. Митр. Макарія, т. V, прил. 5.

¹²⁶⁾ Ibid.

¹²⁷⁾ Барсуковъ, Источники русской Агиографіи 374. Причиною этого перенесенія мощей могло служить опасеніе, чтобъ онѣ не подверглись поруганію со стороны папистовъ, по переходѣ Чернигова подъ власть польскую. — Въ первое время онѣ были положены подъ спудомъ въ соборной церкви Черниговскихъ чудотворцевъ, находившейся въ Кремлѣ, близъ Тайницкихъ воротъ. Когда же упраздненъ былъ этотъ храмъ для завладки Бремлевекаго дворца, тогда онѣ, повелѣніемъ импер. Екатерины II-ой, торжественно перенесены въ 1770 году августа 25 въ Срѣтенскій соборъ на Сѣняхъ, откуда въ 1774 году перемѣщены въ Архангельскій соборъ, гдѣ и донныя покоятся (Снегиревъ, Памяти. Моск. Древн. XXXIII н 67).

¹²⁸⁾ Церк. Ист. митр. Макарія, т. 5, 140.

не существовало также и службы имъ. Поэтому можно думать, что до сихъ поръ память ихъ чтилась только мѣстно въ той церкви, гдѣ покоились ихъ мощи, т. е. въ Черниговской. Житіе св. князя Михаила и его боярина Θεодора впервые встрѣчается намъ въ прологахъ XIV и XV вв., именно: въ пергаменныхъ прологахъ (подъ 20 сентября) №№ 346, 354 типографской ¹²⁹⁾ и синодальной (№ 248) библиотекъ. Приблизительно съ этого же времени стало вноситься имя Черниговскихъ чудотворцевъ и въ наши богослужебныя книги и сватцы. Такъ, въ службеникѣ XIV вѣка, писанномъ въ Новгородѣ, мы встрѣчаемъ имя Михаила и его боярина Θεодора въ числѣ святыхъ на ряду съ Борисомъ и Глѣбомъ ¹³⁰⁾; а въ церковномъ Уставѣ Тр. Сер. Л., написанномъ въ 1429 году, находится уже имъ тропарь и кондакъ ¹³¹⁾. Точно также въ XV в. мы встрѣчаемъ имена этихъ мучениковъ въ святцахъ и мѣсяцесловахъ. Такъ, въ мѣсяцесловѣ, помѣщенномъ въ сборникѣ Тр. С. Л., писанномъ въ 1487 году въ Ростовѣ при архіепископѣ Іоасафѣ, читаемъ: 20 Сентября убіеніе князя Михаила Черниговскаго и его боярина Θεодора ¹³²⁾. То обстоятельство, что имена Черниговскихъ мучениковъ встрѣчаются намъ въ XIV—XV вв. въ богослужебныхъ книгахъ Новгорода, Ростова и Москвы, можетъ уже свидѣтельствовать о томъ, что первоначальное мѣстное ихъ почитаніе и празднованіе все болѣе и болѣе распространяется и наконецъ получаетъ всеобщій характеръ. Хотя и нельзя указать точно время, когда это случилось, но все-таки приблизительно можно опредѣлить вѣкъ, не позднѣе котораго должно было установиться это общее празднованіе св. Михаилу и его боярину Θεодору. Основаніемъ для такого опредѣленія можетъ служить время появленія службы ¹³³⁾ этимъ угодникамъ, а равно и второй редакціи ихъ житія ¹³⁴⁾. Какъ служба, такъ и житіе своимъ происхожденіемъ обязаны

¹²⁹⁾ Барсуковъ, 375—6.

¹³⁰⁾ Служеб. Соф. В—ви, по описанію Купріянова № LXXVI—въ Извѣст. II отд. И. Акад. Наукъ. VI, 217.

¹³¹⁾ Правосл. Собесѣдн. 1865 г., I, 10, 14.

¹³²⁾ Описан. рукоп. Тр. С. Л. № 761.

¹³³⁾ Службу Черниговскимъ чудотворцамъ мы находимъ въ Трефологахъ Тр. С. Л. 15 в. № 617, 642, 643 и въ рукописи № 466 1505 года, гдѣ она озаглавляется: „святимъ два канона—твореніе таха іеромонаха св. Горы Пахомія.

¹³⁴⁾ Житіе Черниговскимъ чудотворцамъ помѣщено въ Макарьевскихъ Четъ-Минейхъ подъ 20 Сентября (Изд. Арх. ком. стр. 1298—1305) безъ надписанія.

одному и тому же лицу, именно Пахомію Логовету. А извѣстно, что Пахомій писалъ свои сочиненія не по собственной инициативѣ, а по порученію или великаго князя и митрополита (напр. службу св. Алексію), или мѣстныхъ епископовъ (напр. Іоны, еп. Новгородскаго). Поэтому можно думать, что и служба Черниговскимъ чудотворцамъ имѣла такое же оффиціальное происхожденіе. Дѣятельность Пахомія относится къ концу первой и началу второй половины XV вѣка; слѣдовательно, въ это же время должны были появиться служба и житіе Черниговскихъ чудотворцевъ. Существованіе службы и житія въ такой именно формѣ, казую имѣеть житіе написанное Пахоміемъ¹²⁵⁾, несомнѣннымъ образомъ можетъ говорить о празднованіи дня памяти этихъ святыхъ церковнымъ образомъ. Итакъ, начало всеобщаго празднованія дня памяти кн. Михаила и его боярина Θεодора приблизительно можно относить ко времени не позднѣе половины XV вѣка.

Св. Исаія, еп. Ростовскій, преемникъ св. Леонтія въ дѣлѣ апостольства и продолжатель его трудовъ, скончался въ 1089 году¹²⁶⁾. Мощи его были открыты вмѣстѣ съ мощами св. Леонтія въ 1164 году, и съ этого времени, вѣроятно, стали мѣстно чтить его память. Хотя въ житіи св. Θεодосія Печерскаго и говорится, что Ростовъ чтитъ своего епископа Исаію наряду со святыми уже въ началѣ XII в. ¹²⁷⁾, но нигдѣ не видно, чтобы до XV в. установлено было празднованіе памяти его. Пресвященный Филаретъ Черниговскій считаетъ приведенное извѣстіе житія Θεодосія позднѣйшей вставкой на томъ основаніи, что причтеніе Исаіи въ ликъ святыхъ и установленіе празднованія ему послѣдовало, по его мнѣнію, въ 1164 году при обрѣтеніи мощей¹²⁸⁾. Но ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ пресвященнаго Филарета согласиться нельзя. Прежде всего, по нашему мнѣнію, нѣтъ никакой необходимости подозрѣвать подлинность приведеннаго изъ житія св. Θεодосія свидѣтельства о почитаніи Исаіи святымъ въ Ростовѣ; ибо писатель житія, употребляя выраженія „и тако со святыми чтутъ его“, могъ разумѣть не церковное празднованіе ему,

¹²⁵⁾ Форма этого житія проложная. Такого рода житія, какъ увидимъ ниже, имѣли богослужбное употребленіе, читался на утрени послѣ 6-й пѣсни канона. Поэтому установленіе праздника святому всегда дѣлало необходимымъ и явленіе житія въ послѣдней формѣ.

¹²⁶⁾ Церк. Ист. Е. Е. Голуб., I, 1, 175.

¹²⁷⁾ Барсуковъ, 228.

¹²⁸⁾ Р. Святые, Май, 106.

а только его народное почитание; восторжъ, нѣтъ прѣмога извѣстія и о томъ, чтобы празднованіе еп. Исаіи было установлено въ 1164 году. Напротивъ, изъ житія его видно, что до самаго перенесенія его мощей, что уже случилось въ концѣ XV вѣка „гробъ его въ небреженіи бысть, яко николиже въ притворѣ ономъ свѣщѣ горѣти у гроба святаго, священнику приходити съ кадиломъ во гробу“ ¹³⁹). Изъ этихъ словъ ясно видно, что св. Исаія до этого времени не чтился церковнымъ образомъ. То же самое подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что до XV вѣка намъ не встрѣчается ни житія, ни службы этому святому, равно какъ не находится и имени его въ святцахъ за все это время. Не пользуясь почитаніемъ церковнымъ, св. Исаія безъ сомнѣнія уже задолго до XV в. чтился мѣстно. На это могутъ указывать слѣдующія слова его житія: „видѣвъ (архіепископъ Ростовскій) образъ св. Исаіи почитаемъ и поклоняемъ отъ всѣхъ“ ¹⁴⁰).

Страннымъ съ перваго взгляда является то обстоятельство, что св. Исаіи не было установлено празднованія вмѣстѣ съ св. Леонтіемъ, хотя мощи ихъ, какъ мы видѣли, и были открыты въ одно и то же время. Единственнымъ объясненіемъ этого можетъ быть то, что отъ мощей перваго не было чудесъ. И дѣйствительно, тогда какъ отъ св. мощей Леонтія при самомъ открытіи ихъ совершилось много исцѣленій, мощи св. Исаіи, какъ можно думать, не были прославлены чудесами, потому что нигдѣ объ этомъ не говорится, кромѣ, впрочемъ, житія его. Но и въ послѣднемъ говорится объ этомъ глухо, вообще: „многа же и чудеса быша тогда отъ св. тѣла“ ¹⁴¹). Но какія чудеса и сколько,—объ этомъ ни слова, что прямо свидѣтельствуетъ, что это не больше, какъ обычный житійный литературный приемъ, а не историческій фактъ.

Когда установлено официально празднованіе памяти св. Исаіи,—объ этомъ извѣстій не сохранилось. Можно только думать, что такое празднованіе установлено когда-нибудь во второй половинѣ XV вѣка. Ибо съ этого времени имя св. Исаіи мы встрѣчаемъ въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ. Такъ напр., онъ упоминается между святыми въ сборникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря 1476—1482 гг., гдѣ помѣщены ему тропарь и порядокъ всей службы ¹⁴²); точно также въ сборникѣ, писанномъ въ Ростовѣ въ 1487 году при архіепископѣ

¹³⁹) Житіе св. Исаіи, напеч. въ Прав. Собесѣдн. 1858 г. I, 446.

¹⁴⁰) Житіе св. Исаіи—Прав. Собесѣдн. 1858, I, 447.

¹⁴¹) Ibid. 446.

¹⁴²) Церк. Ист. митр. Макарія, VIII, 34.

Иосафѣ, и именно въ мѣсяцесловѣ этого сборника мы встрѣчаемъ подъ 15 Мая и имя Исаи¹⁴³⁾; наконецъ, въ служебникѣ начала XVI вѣка, употреблявшемся въ Троице - Сергіевомъ монастырѣ¹⁴⁴⁾. Къ тому же времени относится и составленіе житія¹⁴⁵⁾ и службы этому святому¹⁴⁶⁾. По времени появленія житія и службы можно уже заключать о началѣ церковнаго прославленія святаго. То же обстоятельство, что имя св. Исаи встрѣчается намъ въ богослужебныхъ книгахъ разныхъ мѣстъ: Ростова, Новгорода и Москвы, можетъ говорить о томъ, что празднованіе ему приняло къ этому времени всеобщій характеръ. Съ большею вѣроятностью можно предполагать, что такое празднованіе этому святому установлено со времени перенесенія мощей его, которое было въ 1474 году при архіепископѣ Ростовскомъ Васіанѣ Рыло (1468 — 1480). Мѣстный архіепископъ, какъ разсказывается въ житіи св. Исаи, видя, что „гробъ же его заключенъ въ велицѣмъ небреженіи пребывающъ“, 15-го Мая созываетъ „священниковъ той св. Церкви и, сотворивъ молитву, касается чудотворнаго гроба святителя, переноситъ его и полагаетъ его съ великою честью въ новомъ гробѣ, на той же сторонѣ, близъ южныхъ дверей, гдѣ и нынѣ онъ подаетъ исцѣленія съ вѣрою приходящихъ къ его гробу¹⁴⁷⁾).

Блаженная кончина св. Игнатія послѣдовала 28 Мая 1288 года. Прославленіе его началось непосредственно послѣ его смерти. Именно—чудеса, совершившіяся при самомъ его погребеніи, побудили клиръ и народъ поставить открыто св. мощи на томъ мѣстѣ, гдѣ и донинѣ онѣ обрѣтаются. Безъ сомнѣнія нужно думать, что съ этого времени и началось мѣстное чествованіе блаж. Игнатія, которое къ концу XIV—началу XV в., мало-по-малу распространяясь за предѣлы Ростовской епархіи, перешло въ Москву и сдѣлалось всецерковнымъ. На такую перемѣну въ характерѣ чествованія св. Игнатія указываетъ то, что имя его, прежде не встрѣчавшееся въ богослужебныхъ книгахъ, съ конца XIV—начала XV в. начинаетъ вноситься въ нихъ.¹⁴⁸⁾

¹⁴³⁾ Сбор. Тр. С. Л. № 761, (Опис. рук. Тр. С. Л. 168).

¹⁴⁴⁾ Описан. Рук. Синод. Б-ки Ш, 1, 50.

¹⁴⁵⁾ Ключевскій, 24.

¹⁴⁶⁾ Служба св. Исаи встрѣчается уже въ богослужебныхъ книгахъ XV в. напр. см. Треф. Тр. С. Л. XV в. № 617 (Опис. рук. Тр. С. Л. 914).

¹⁴⁷⁾ Прав. Собесѣдн. 1858 г., I, 447—448.

¹⁴⁸⁾ Такъ въ церковномъ Уставѣ XIV в. № 383 Синод. Библиотеки подъ 28 Мая значится „Игнатія, еп. Ростовскаго (Опис. рук. Синод. Б-ки, Ш, 1, 279; см. стр. 317, 429). Въ святцахъ Слѣдованной Псалтири Императ. Публ. Библ.

Приблизительно къ этому же времени можно относить и составленіе житія и службы этому святому ¹⁴⁹). Въ 1480 г. архіепископъ Ростовскій Вассіанъ въ посланіи своемъ на Угру къ великому князю Іоанну III молитвенно воспоминаетъ: „да будетъ милость великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, молитвами Пречистыя Его Матери и святыхъ великихъ чудотворецъ Леонтія, Исаи и Игнатія Ростовскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ“ ¹⁵⁰).

Преп. Димитрій Прилуцкій скончался 11-го Февраля 1391 года. Какъ и когда онъ канонизованъ, объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Если же и можно дѣлать относительно этого какія-либо соображенія, то они не идутъ далѣе однихъ предположеній. Несомнѣнно только одно, что съ первой половины XVI вѣка Димитрій Прилуцкій прославлялся уже церковнымъ образомъ. Ибо въ самомъ началѣ XVI вѣка мы находимъ указаніе на существованіе иконы св. Димитрія и, что всего важнѣе, настолько уважаемой, что она берется великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ въ первый его походъ на Казань. По окончаніи похода, украсивши эту икону златомъ и серебромъ, великій князь въ 1503 году, 3-го Іюня возвратилъ ее въ Вологду и она встрѣчена на Прилукахъ еп. Стефаномъ (неизвѣстно какой епархіи) и въ память сего принесенія Вологжане поставили на мѣстѣ встрѣчи церковь и уставили съ тѣхъ поръ ежегодное празднованіе ¹⁵¹). Затѣмъ въ 1542 году въ самой Прилуцкой обители построенъ былъ соборный храмъ съ придѣломъ, посвященнымъ св. Димитрію ¹⁵²), въ которомъ почитаютъ его мощи.

Какъ и вообще большинство нашихъ русскихъ святыхъ, преп. Димитрій, вѣроятно, чтился долгое время только мѣстно. Затѣмъ, по мѣрѣ распространенія славы о немъ, какъ о великомъ чудотворцѣ, почитаніе его, сперва мѣстное, распространялось все далѣе и далѣе. Этому безъ сомнѣнія способствовали какъ чудеса, которыя совершались при гробницѣ св. Димитрія, такъ и его ходатайство и заступни-

in F. № 28, XV в., вмѣстѣ съ Петромъ, митрополитомъ Московскимъ, упоминается и св. Игнатій.

¹⁴⁹) Время составленія житія св. Игнатія В. О. Ключевскій относить во времени не позже половины XIV в. (42); а службу ему мы находимъ въ Трефологѣ Тр. С. Л. нач. XVI в. № 618 подъ 28 мая (см. Арсеній, Опис. рукоп. Тр. С. Л. стр. 914).

¹⁵⁰) П. С. Р. Л. т. VIII, 213; см. V, 201.

¹⁵¹) Амьросій, Ист. Р. іерархіи т. VI, 221—222.

¹⁵²) Истор. Слов. о русск. святыхъ, 75; ср. Ключевскій, 271.

чество во дни общественных бѣдствій и несчастій. Такъ, въ его житіи передается, что во время моровой язвы, свирѣпствовавшей въ Вологдѣ, многіе больные прибѣгали съ молитвами къ мощамъ преподобнаго и получали исцѣленія; затѣмъ, во время нападенія Димитрія Шемяки на Вологду въ 1450 году, помощію св. Димитрія, — о чемъ тогда было видѣніе, — жители Вологды отразили этого врага. Эти чудеса, конечно, не могли не способствовать прославленію св. Димитрія. И мы дѣйствительно видимъ, что уже во второй половинѣ XV в. почитаніе св. Димитрія выходитъ за предѣлы той мѣстности, гдѣ онъ жилъ и подвизался. Такъ, мы видимъ, что съ этого времени имя этого святаго начинаетъ встрѣчаться въ святцахъ. Для примѣра укажемъ святцы при Слѣдованной Псалтири XV в. Императорской Публичной Библиотеки № 89, гдѣ въ числѣ русскихъ святыхъ находится и преп. Димитрій Прилуцкій ¹⁵³). Преосвященный Макарій, опредѣляя точнѣе время, когда мѣстное почитаніе этого святаго превратилось во всецерковное, говоритъ: „очень вѣроятно, что вскорѣ послѣ 1450 года, т. е. послѣ отраженія Шемяки отъ Вологды, установлено было церковное празднованіе Димитрію (11 Февраля) по всей Россіи; такъ какъ въ это же время написано житіе и служба ему однимъ изъ преемниковъ его по управленію обителию игуменомъ Макаріемъ ¹⁵⁴), который при описаніи чудесъ его представляется самовидцемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и рядъ этихъ чудесъ окончилъ именно чудомъ, совершившимся при отраженіи Шемяки отъ Вологды ¹⁵⁵).

О св. Аврааміи, архимандритѣ Ростовскаго Богоявленскаго монастыря, очень мало сохранилось достовѣрныхъ извѣстій. Житія его, которыхъ насчитываютъ до трехъ редакцій, явились не ранѣе XV вѣка, когда жизнь этого святаго успѣла уже принять легендарный характеръ. Въ этихъ легендахъ, которыя въ послѣдующее время соединились съ именемъ преп. Авраамія, при ихъ противорѣчии лѣтописнымъ извѣстіямъ, весьма трудно разобраться. Поэтому даже о времени жизни святаго существуютъ различныя мнѣнія. Одни (и при томъ большинствомъ) относятъ время его жизни къ концу первой и началу второй

¹⁵³) Митр. Макарій, Ц. И. IV, 260; см. Описан. Рук. Син. Библ. III, 1, 50, 317; 428.

¹⁵⁴) Рук. сборникъ Тр. С. Л. № 765 XV—XVI вв. л. 197. — Служба преп. Димитрію Вологодскому съ надписаніемъ: творенія Киръ Макарія, игумена той же обители.

¹⁵⁵) Ц. И. митр. Макарія VIII, 41.

половины XI столѣтія ¹⁵⁶⁾. Другіе же (Е. Е. Голубинскій) относятъ время жизни преп. Авраамія къ очень уже позднему времени, именно: къ концу первой и началу второй половины XIV в. ¹⁵⁷⁾. Какое изъ этихъ мнѣній справедливѣе, за отсутствіемъ ясныхъ и положительныхъ данныхъ, трудно рѣшить. Мы однако будемъ слѣдовать общепринятому первому мнѣнію, потому что со вторымъ мнѣніемъ нельзя примирить извѣстія, по которому мощи этого святаго открыты задолго до того времени, къ которому относятъ оно жизнь св. Авраамія, именно мощи открыты при впускѣ Мономаха, великомъ князѣ Всеволодѣ Георгіевичѣ (1176—1212) ¹⁵⁸⁾. Со времени этого открытія мощей, вѣроятно, и началось мѣстное его почитаніе, которое не ранѣе конца XV вѣка и начала XVI выступаетъ за предѣлы Ростова и принимаетъ характеръ всецерковный. На это, во первыхъ, указываетъ то, что имя преп. Авраамія, не встрѣчавшееся ранѣе въ богослужебныхъ книгахъ, съ этого времени стало вноситься въ нихъ. Такъ, мы находимъ имя этого святаго въ святцахъ при Слѣдованной Псалтири конца XV и начала XVI вв. М. Д. А. № 214 (Волокол.), впрочемъ, не въ текстѣ, а на полѣ; затѣмъ, въ Слѣдованной Псалтири, принадлежавшей митрополиту Давилу (1522—39) о преп. Аврааміи записано подъ 29 Октября: „въ той же день преставленіе преп. Авраамія, игумена бывшаго у св. Богоявленія въ Ростовѣ“ ¹⁵⁹⁾. Во-вторыхъ, на то же можетъ указать и время появленія службы и житія этому святому. Первое встрѣчается въ Трефологѣ Тр. С. Л. XV в. № 617 ¹⁶⁰⁾; а житіе, по мнѣнію Ключевского и Е. Е. Голубинскаго, точно также явилось не ранѣе XV в. (средняя редакція) ¹⁶¹⁾.

Когда и какъ канонизованъ преп. Никита Переяславскій, — извѣстій объ этомъ не сохранилось ¹⁶²⁾. Между тѣмъ имя его встрѣ-

¹⁵⁶⁾ Преосв. Макарій т. I, прим. 331 относятъ смерть преп. Авраамія къ 1045 году; а В. О. Ключевскій жизнь и дѣятельность его въ Ростовѣ относитъ къ промежутку епископства Леонтія и Исаія 1073—1077 гг., когда Ростовская кафедра оставалась незапаятой (37).

¹⁵⁷⁾ Ц. И. Е. Е. Голуб. I, 2, 646.

¹⁵⁸⁾ Амвросій, Истоб. Р. іерархіи 3, 64.

¹⁵⁹⁾ Ц. И. Е. Е. Голуб. I, 2, 647.

¹⁶⁰⁾ Арсеній, Описан. рук. Тр. С. Л., 214.

¹⁶¹⁾ Е. Е. Голубинскій, Ц. И. I, 2, 641—50; Ключевскій, 26—38.

¹⁶²⁾ Время жизни и годъ кончины его опредѣляютъ различно. Преосв. Макарій годомъ кончины его считаетъ 1193, 24 Мая; этотъ же годъ выставленъ и въ одномъ спискѣ житія этого святаго. Но В. О. Ключевскій считаетъ это

чается въ XV—XVI вв. въ богослужебныхъ книгахъ и святцахъ. Поэтому можно думать, что чествованіе преп. Никиты, начавшись его мѣстнымъ прославленіемъ, затѣмъ мало по малу приняло характеръ всецерковнаго. Что дѣйствительно мѣстное почитаніе св. Никиты началось очень рано, это доказывается тѣмъ, что житіе этого святаго, хотя ивилось сравнительно и не скоро послѣ смерти его, однако было очень распространено въ древней русской письменности. Затѣмъ еще до XVI в. надъ его могилою была устроена гробница, на которой былъ уже образъ Столпника ¹⁶³⁾. Первую попытку къ церковному прославленію преп. Никиты мы встрѣчаемъ при митрополитѣ Фотіи, который, какъ рассказываетъ въ описаніи чудесъ этого святаго, думалъ было отарить его мощи. Но эта попытка не удалась. Наконецъ, уже въ началѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ ясное свидѣтельство о томъ, что преп. Никита чтился церковнымъ образомъ и не только въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ и подвизался, но и во всей Русской Церкви. При митрополитѣ Варлаамѣ (1511—1522) впервые является мысль устроить въ монастырѣ, гдѣ подвизался св. Никита, храмъ во имя его, который дѣйствительно тогда же и былъ устроенъ. Созданіе храма во имя Столпника дѣлало необходимымъ ежегодное празднованіе его памяти, что вело за собою необходимость составленія службы и продолжнаго житія съ похвальнымъ словомъ ему. Дѣйствительно, около этого же времени приблизительно являются въ богослужебныхъ книгахъ житіе и служба преп. Никиты. Такъ папр., житіе его мы находимъ въ сборникѣ Тр. С. Л. 1487 года № 761 ¹⁶⁴⁾; а службу — въ рукописномъ Трефологѣ того же XV в. № 617 ¹⁶⁵⁾. Точно также съ этого времени имя преп. Никиты стало вноситься и въ святцы ¹⁶⁶⁾.

Наконецъ, въ этому же времени, въ концѣ XIV и началу XV вв. мы должны отнести и начало церковнаго прославленія преп. Антонія Печерскаго, потому что только съ этого времени имя его стало

мѣсто за позднѣйшую вставку (47). Поэтому Е. Е. Голубинскій относитъ время жизни св. Никиты уже къ Монгольскому періоду (Ц. И. I, 2, 639—640).

¹⁶³⁾ Влочевскій, стр. 49.

¹⁶⁴⁾ Арсеній, описан. рук. Тр. С. Л. 169.

¹⁶⁵⁾ Ibid. 914.

¹⁶⁶⁾ Описаніе рук. Синод. Б-ки. III, I, 428, 438. Въ сборникѣ Кирилло-Владимерской библ. нынѣ Сиб. Дух. Ак. 1476—1482 г. № 1083, л. 195, написано: „мѣсяца Мая 24 святаго Никиты Переяславскаго. Есть ему и стихиры и канонъ гласъ 4, тропарь же общій“. И затѣмъ помѣщены сѣдаленъ и кондакъ преподобному (митр. Макарій, Ц. И. т. VIII, 36, прим. 46).

вносятся въ наши богослужебныя книги. Какъ ни странно, но то составляетъ неопровержимый фактъ, что до XV вѣка мы не встрѣчаемъ ни житія, ни службы этому святому, равно какъ и не находимъ имени его въ святцахъ ранѣе этого времени. Все это ясно показываетъ, что до XV в. преп. Антоній не былъ прославляемъ у насъ церковнымъ образомъ, или другими словами онъ не былъ канонизованъ. Мы даже не находимъ долгое время признаковъ и мѣстнаго его почитанія. Несмотря на то, что преп. Антоній оказалъ важныя заслуги Русской Церкви, какъ первый насадитель монашества на Русской землѣ, несмотря на свою благочестивую жизнь, за которую онъ пользовался великимъ уваженіемъ современниковъ и еще при жизни считался святымъ, несмотря на все это, память о немъ почему-то скоро исчезла. Не было даже написано и житія преп. Антонія, которое сохранило бы намъ свѣдѣнія объ его жизни ¹⁷⁷). Эта странность еще болѣе увеличивается, если мы вспомнимъ, что другой подвижникъ, его современникъ и его помощникъ, преп. Феодосій, вскорѣ же послѣ своей смерти, нашелъ біографа въ лицѣ знаменитаго Нестора, и сравнительно скоро, какъ мы видѣли, былъ причисленъ къ лику святыхъ. Какъ бы, повидимому, при канонизаціи послѣдняго не вспомнить и про св. Антонія и не причислить его вмѣстѣ съ Феодосіемъ къ лику святыхъ. И однако можно положительно утверждать, что св. Антоній до XV в. не былъ причтенъ къ лику святыхъ. Не вдаваясь въ изложеніе причинъ этого страннаго и удивительнаго факта,

¹⁷⁷) Вопросъ о древнемъ житіи преп. Антонія рѣшается различно. Пр. Филаретъ (Обзоръ Дух. Лит., стр. 39) думаетъ, что такое житіе существовало, но оно не дошло до нашего времени. Но существованіе такого житія очень сомнительно. Хотя Симонъ и Поликарпъ въ своихъ повѣствованіяхъ часто указываютъ на какое-то житіе Антонія, но эти ссылки (онѣ собраны у Кубарева въ его статьѣ: „о Патерикѣ Печерскомъ“, — Чт. Общ. Ист. и Древн. 1847 г. (47, 9, 14—15) очень неопредѣленны и часто недостоверны (напр. о посвященіи Антоніемъ Иларіона въ монашество); при томъ же въ концѣ житія Аганита Лѣвца, который былъ самовидцемъ, какъ св. Антоній молитвою исцѣлялъ больныхъ, давая имъ вкушать своей пищи, говорится: „таковыя и болша силъ содѣяшася отъ тѣхъ св. Черноризецъ, ихъ же вспомянувъ добродѣтельное житіе, дивлюся, како премолчана быша великая исправленія св. о. нашего Антонія. Да аще толико свѣтило угасе небреженіемъ нашимъ, то како отъ него лучи возсіяютъ?“ (Ibid. 15). Поэтому Е. Е. Голубинскій, говоря объ этомъ житіи, замѣчаетъ, что существованіе его составляетъ довольно темную загадку (I, 1, 267, пр. 1).

принять, которыя будутъ только произвольными гипотезами, мы прямо укажемъ время, не позднѣе котораго, по нашему мнѣнiю, началось церковное прославленiе преп. Антонiа въ нашей Церкви. Первое важное въ этомъ отношенiи для насъ извѣстiе мы встрѣчаемъ уже въ концѣ XIV в. „Въ 1394 г. Арсенiй, епископъ на Тѣри постави церковь на рѣкѣ на Тмацѣ, во имя св. Феодосiа и Антонiа“ ¹⁶⁸⁾. Такимъ образомъ, къ концу XIV в. преп. Антонiй былъ уже почитаемымъ святымъ и, слѣдовательно, его канонизацiя произошла когда-то ранѣе. Но опредѣлить и указать точно время совершенiя ея нѣтъ возможности. Въ XV вѣкѣ мы находимъ уже болѣе ясныя слѣды церковнаго чествованiя преп. Антонiа. Такъ, въ это время его признавалъ въ числѣ святыхъ, наравнѣ съ преп. Феодосiемъ Печерскимъ, самъ первосвятитель Русской Церкви Фотiй, называя ихъ въ своемъ посланiи въ Кiево-Печерскiй монастырь божественными отцами, великими, предстоящими во славу Владыкѣ—Христу ¹⁶⁹⁾. Затѣмъ, то обстоятельство, что въ началѣ же XV в. мы встрѣчаемъ проложное житiе ¹⁷⁰⁾ Антонiа и службу ему ¹⁷¹⁾, которую находимъ въ служебной Миней за Юль Тр. С. Л. XV в. № 577,—все это можетъ говорить, что въ это время онъ уже чтился въ Русской Церкви, какъ признанный святой. Наконецъ, съ этого же времени имя его начинаетъ намъ встрѣчаться и въ святцахъ ¹⁷²⁾.

Къ этому же классу мы относимъ и тѣхъ святыхъ, которые, хотя и были канонизованы нашею Церковью, но во весь этотъ періодъ пользовались только исключительно мѣстнымъ почитанiемъ; общее же прославленiе ихъ Русскою Церковью, или вѣрнѣе многихъ изъ нихъ, началось уже во второй періодъ канонизацiи нашихъ святыхъ, именно со времени Макарьевскихъ соборовъ 1547 и 1549 гг. Такого рода

¹⁶⁸⁾ Бараманъ, И. Г. Р. т. V, прим. 254, стр. 99.

¹⁶⁹⁾ Дополн. къ М. А., 1, № 180.

¹⁷⁰⁾ Прологъ 1406 г. Москов. Успен. собора (Снегиревъ, Памяти. Москов. Древн. 43).

¹⁷¹⁾ Арсенiй, Опис. рук. Тр. С. Л. 184; см. стр. 914, № 617—Трефологъ русск. святыхъ XV в. л. 148, — служба преп. Антонiю; предъ первымъ канономъ сказано: „аще хочеша увидѣти творца и повелителя, смотри 7 и 9 пѣсни. Начальныя слова тронарей обонхъ каноновъ указаннымъ пѣсней составляютъ слѣдующую рѣчь: „Повелѣнiемъ св. архiев. В. Новгорода владыки Юны благолерно принесеня великому Антонiю Печерскому, рукою многогрѣшнаго Пахомiа. иже отъ св. горы“.

¹⁷²⁾ Опис. рук. Синод. Б. Ш, 1, 317, 437.

святыхъ было очень много. Каждый городъ, особенно удѣльный, каждый почти монастырь болѣе или менѣе значительный и знаменитый имѣли своего собственнаго святаго, почитаніе котораго въ большае стѣ случаевъ и ограничивалось только этимъ городомъ или монастыремъ. Такой святой обыкновенно считался покровителемъ или патрономъ того мѣста, гдѣ онъ жилъ и подвизался, и здѣсь преимущественно память его и праздновалась. Такъ, можно несомнѣнными историческими свидѣтельствами доказать, что почти всѣ святые, канонизованные соборами 1547 и 1549 годовъ, гораздо ранѣе этихъ соборовъ прославлялись уже церковнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они жили и подвизались. Почитаніе всѣхъ этихъ святыхъ совершалось съ разрѣшенія или митрополита, или мѣстныхъ епископовъ. Это разрѣшеніе выражалось обыкновенно въ томъ, что съ благословенія послѣднихъ писались служба и житіе этихъ святыхъ, которыя и отправлялись въ день ихъ празднованія. О нѣкоторыхъ святыхъ находимъ извѣстія, что во имя ихъ строились, конечно, съ разрѣшенія высшей власти, церкви. Что почитаніе этихъ святыхъ было исключительно мѣстнымъ во весь разсматриваемый нами періодъ, объ этомъ можетъ говорить и то обстоятельство что именъ большинства ихъ мы не находимъ въ святцахъ. Къ такого рода святымъ мы относимъ: преп. Никона Радонежскаго, Пафнутія Боровскаго, Іону, митрополита Московскаго, св. Арсенія, епископа Тверскаго, св. бл. князя Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимофея Псковскихъ, св. Феодора, епископа Ростовскаго и св. Стефана, еп. Пермскаго, преп. Савву Вишерскаго, преп. Прокопія Устюжскаго, преп. Зосиму и Савватія Соловецкихъ и св. Евѣмїя, архіепископа Новгородскаго.

Мѣстное почитаніе преп. Никона, игумена Радонежскаго, начинается со второй половины XV вѣка, когда, по благословенію митрополита Іоны, составляется инокомъ Пахоміемъ житіе и служба ему ¹⁷³⁾; затѣмъ, около этого же времени имя его стало вноситься и въ наши богослужебныя книги и мѣсяцесловы. Такъ имя преп. Никона мы встрѣчаемъ въ крюковомъ стихирарѣ М. Д. А. № 231 XV в. (послѣ 1460 г.) рядомъ съ Варлаамомъ Хутынскимъ, Сергіемъ Радонежскимъ и др. ¹⁷⁴⁾. Точно также можно доказать мѣстное церков-

¹⁷³⁾ Обзоръ Дух. Литерат. Филарета, 95; житіе и служба Никона написаны Пахоміемъ между 1440—1459 гг. Служба встрѣчается въ рукоп. М. Д. А. №. 87 (375). Волок. XV в. (см. опис. іер. Іосифа), а также въ рукописяхъ Тр. С. Л. № 268 и церковномъ уставѣ той же Б-ки первой половины XVI в. № 242; житіе—въ Толк. Апостола Тр. С. Л. № 116, XV в.

¹⁷⁴⁾ Описан. рук. М. Д. А. арх. Леониды.

ное почитание и преп., Пафнутия Боровскаго. Въ Служебной Минее Тр. С. Л. XVII в. № 563 мы находимъ службу этому святому съ двумя канонами ему, причеиъ впереди перваго сказано: „канонъ преп. Пафнотію твореніе ученика его Иннокентія, инока тоя же обители, въ державу благовѣрнаго и христіолюбиваго царя прав. великаго князя Василя Ивановича, государя всеа Руси, господиномъ преосвященнымъ архіепископомъ Данииломъ, митрополитомъ всеа Руси, съ всеиъ священнымъ соборомъ благословилъ пѣти канонъ и житіе чести въ л. 7039 (1531 г.) Мая въ 1 день“ ¹⁷⁵). Св. Іона, митрополитъ Московскій, вскорѣ же послѣ своей смерти (1461 г.) чтился уже церковнымъ образомъ. На это, во первыхъ, указываетъ то обстоятельство, что вскорѣ же послѣ смерти этого святителя являются его житіе и канонъ. Біографъ Новгородскаго архіепископа Іоны между прочимъ пишетъ, что сей послѣдній „понуdivше Пахомія, иже отъ св. горы мниха попа, списати послѣдованіе памяти его и службы канонъ свящ. Іонѣ митрополиту, вѣдаще бо его добродѣтели, сего ради и память его каноны почте равно со святыми“ ¹⁷⁶). Въ Москвѣ почитаніе этого святаго началось со времени обрѣтенія его мощей 29-го Мая 1472 г., сопровождавшагося многочисленными чудесами ¹⁷⁷); при этомъ тогда же „и канонъ принесенію мощемъ учинити и слово доспѣти о церковномъ замышленіи и обрѣтеніи Іонинѣ повелѣша Пахомію Сербину, мниху Сергіева монастыря, иже сотвори два канона“ ¹⁷⁸). Св. Арсеній, еп. Тверской, прославлялся церковнымъ образомъ въ Твери уже въ концѣ XV в. Объ этомъ мы узнаемъ изъ одного списка службы св. Арсенію, относящагося ко второй половинѣ XVI в., въ которомъ, эта служба сопровождается, между прочимъ, припиской, содержащей извѣстіе, что канонъ ему и стихиры составлены въ 1483 году въ Желтиковомъ монастырѣ, по благословенію Тверскаго епископа Вассіана, рукою многогрѣшнаго инока Θεодосія ¹⁷⁹). Псковскіе князья: Всеволодъ - Гавріиль и Довмонтъ - Тимоѣей уже въ XIII—XIV вв. чтились въ Псковѣ, какъ прославленные святые. Церковное прославленіе перваго началось, вѣроятно, со времени открытія его мощей,

¹⁷⁵) Рук. Тр. С. Л. № 563 (Арсеній, Опис.).

¹⁷⁶) Памят. Стар. Р. Литер. т. IV, 33.

¹⁷⁷) П. С. Р. Л. VIII, 170—171; VI, 195—196.

¹⁷⁸) Ibid.—Обзоръ Дух. Лит. Филарета—95. Служба св. Іонѣ встрѣчается уже въ Минее 1494 г., писанной въ Вологдѣ,—см. опис. рук. Солов. Б-ки, № 616 (518).

¹⁷⁹) Блочевскій В. О., 181.

которое произошло въ 1192 году ¹⁸⁰⁾. Относительно же церковнаго прославленія второго мы имѣемъ изъ XIV вѣка несомнѣнное свидѣтельство, что онъ въ это время считался уже за прославленнаго святаго, и въ честь его уже строились церкви. Такъ въ 1374 г. Псковитяне строятъ во имя этого князя церковь ¹⁸¹⁾. Далѣе, святые Феодоръ, еп. Ростовскій, и Стефанъ, еп. Пермскій, также въ XV в. прославились уже церковнымъ образомъ. О почитаніи св. Феодора можно заключать какъ потому, что тропарь и кондакъ его помѣщены въ сборникѣ Кирилло - Бѣлоозерскаго монастыря 1476 — 1482 гг. ¹⁸²⁾, такъ и потому, что имя святителя мы встрѣчаемъ въ мѣсяцесловахъ XV в. Такъ, въ святцахъ Слѣдованной Псалтыри Император. Публичной Библиот. № 89 XV в., вмѣстѣ съ Петромъ и Алексіемъ, митрополитами Московскими, упоминается и Феодоръ, архіепископъ Ростовскій ¹⁸³⁾. Въ концѣ же XV вѣка мы находимъ первые слѣды церковнаго прославленія и св. Стефана, еп. Пермскаго. Въ Трефологѣ русскимъ святымъ Тр. С. Л. № 624 XVI — XVII вв. мы встрѣчаемъ службу этому святому, въ которой передъ первымъ канономъ сказано: „господина іеромонаха св. горы“, а начальныя слова, слоги и буквы тропарей, начиная съ седьмой пѣсни, представляютъ слѣдующую рѣчь: „повелѣніемъ владыки Филовія епископа, рукою многогрѣшнаго и цепотребнаго раба Пахомія Сербина“ ¹⁸⁴⁾. Житіе же этого святаго, написанное Епифаніемъ, явилось ранѣе, именно въ первой половинѣ XV вѣка ¹⁸⁵⁾. Кромѣ того, имя Стефана Пермскаго мы встрѣчаемъ и въ мѣсяцесловахъ XV и началѣ XVI в.в. Такъ, въ святцахъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Тр. С. Л., писанномъ въ 1487 году въ Ростовѣ, при архіепископѣ Іоасафѣ, подъ 26 Апрѣля читаемъ: „Стефана Пермскаго“. Далѣе, имя этого святаго находится въ мѣсяцесловахъ, помѣщенныхъ въ рукописномъ требникѣ библиотеки преосв. Макарія начала XVI вѣка № 89-ый и въ Уставѣ той-же библиотеки первой половины XVI вѣка № 88 ¹⁸⁶⁾. Церковное почитаніе преп. Саввы Витерскаго началось вскорѣ же послѣ его смерти (1-го Октября 1460 г.),

¹⁸⁰⁾ Сергій, I, 193; II, 37.

¹⁸¹⁾ Митр. Макарій, Ц. И. IV, 258.

¹⁸²⁾ Ц. И. митр. Макарія, VIII, 48, прим. 63.

¹⁸³⁾ Ibid. т. IV, 260.

¹⁸⁴⁾ Арсеній, Опис. рук. Тр. С. Л. 205; ср. Фигареть, — Обзоръ Дух. Лит. 95 — Филовей былъ епископомъ въ Перми въ 1472 — 1501 г.

¹⁸⁵⁾ Оно помѣщ. въ Ламят. Стар. Рус. Лит. IV, 119—171.

¹⁸⁶⁾ Ц. И. митр. Макарія, VIII, 42, пр. 56.

не позднѣе конца XV вѣка. Ибо въ числѣ житій, которыя владыка Новгородскій Иона поручилъ написать Пахомію, когда послѣдній жилъ у него въ Новгородѣ, мы находимъ житіе и канонъ этого святаго. Самъ Пахомій при томъ замѣчаетъ въ концѣ житія, что написалъ его по порученію Ионы. Между посмертными чудесами преп. Саввы у Пахомія есть разсказъ о пріѣздѣ въ Саввинъ монастырь, Ионы, который повелѣлъ тогда написать образъ преподобнаго, также составить канонъ и прочая въ память его ¹⁸⁷⁾. Церковное прославленіе св. Проконія началось не позднѣе конца XV вѣка, ибо въ 1495 году Устюжане построили во имя его храмъ и, слѣдовательно, въ это время онъ уже официально былъ причтенъ къ лику святыхъ ¹⁸⁸⁾. О церковномъ почитаніи преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ мы находимъ ясныя свидѣтельства изъ первой половины XVI вѣка. Такъ, въ третьей Новгородской Лѣтописи подъ 7048 (1540) годомъ читаемъ, что въ этомъ году посвященъ былъ предѣлъ „святымъ и преподобнымъ отцемъ Зосимѣ и Савватію“ ¹⁸⁹⁾ и, значитъ, они были уже прославленными святыми. Наконецъ, находимъ ясныя указанія въ началѣ XVI вѣка на церковное почитаніе и св. Евѳимія, архіепископа Новгородскаго. Въ Вязицкомъ монастырѣ, гдѣ хранятся мощи этого святаго, уже въ 1500 году во имя его существовалъ храмъ ¹⁹⁰⁾. Житіе св. Евѳимія написано по порученію Новгородскаго архіепископа Ионы Пахоміемъ Логоетомъ около 1460 года ¹⁹¹⁾. Имя этого святаго встрѣчается уже въ Миней, писанной въ 1494 году въ Вологдѣ ¹⁹²⁾.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вторую часть этой главы мы посвятимъ тѣмъ общимъ выводамъ, какіе можно сдѣлать о канонизации святыхъ въ Русской Церкви за этотъ періодъ на основаніи собраннаго нами матеріала. Приступая къ изложенію этихъ выводовъ, мы не можемъ не сказать о трудности придти къ однообразнымъ и точнымъ выводамъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство будетъ уже зависѣть не отъ насъ, а отъ количества и

¹⁸⁷⁾ Ключевскій В. О., 156; см. Памяти. Стар. Рус. Лит. т. IV, 84; Филаретъ, Обзоръ Дух. Лит. § 95.

¹⁸⁸⁾ Рус. святые Филарета, т. II, 57.

¹⁸⁹⁾ 3-я Новгород. Лѣт. л. 244.

¹⁹⁰⁾ Сергій, Агіол. т. II, 63.

¹⁹¹⁾ Обзоръ Дух. Лит., стр. 143.

¹⁹²⁾ Рус. Сол. Библиот. № 616 (518)—Опис. рук. стр. 358—3 0.

качества самого материала, при недостаткѣ котораго вывести что-нибудь общее является дѣломъ не только весьма труднымъ, но и едва ли возможнымъ. Но при этомъ недостаткѣ данныхъ мы встрѣчаемся еще съ неясностью и неопредѣленностью въ формулировкѣ общихъ правилъ, которыми руководились тогда при совершеніи канонизаціи святыхъ. Безъ сомнѣнія, это отсутствіе точно сформулированныхъ правилъ, которыя опредѣляли бы совершеніе канонизаціи, явленіе удивительное, хотя и не совсѣмъ необъяснимое. Чтобы понять и хотя бы немного объяснить себѣ, почему такой высокой важности дѣло, какъ канонизація святыхъ, не было регулировано точными и опредѣленными церковными постановленіями и правилами, нужно припомнить, что и въ Греческой Церкви, отъ которой несомнѣнно заимствовала приемы и способы канонизаціи Церковь Русская, такихъ точно сформулированныхъ правилъ также не существовало. Отсюда и тамъ формы и приемы канонизаціи святыхъ носили такой же неопредѣленный характеръ, какъ это мы увидимъ и въ Русской Церкви. Хотя патріархъ Константинопольскій Іоаннъ XIV и говорить въ своей известной уже намъ отвѣтной грамотѣ митрополиту Теоносту, что въ его время существовалъ „уставъ и чинъ“ прославленія святыхъ угодниковъ, но, по нашему мнѣнію, этотъ уставъ и чинъ опредѣляли только самое празднованіе святому, а не самый порядокъ и ходъ канонизаціи. Если же Русская Церковь не могла взять изъ Греческой Церкви вполнѣ опредѣленныхъ и точно сформулированныхъ правилъ, опредѣляющихъ и регулирующихъ совершеніе канонизаціи святыхъ, то она, очевидно, должна была сама, въ виду того важнаго значенія, какое имѣетъ канонизація святыхъ, выработать эти правила и постановленія. Намъ кажется, что на весь этотъ періодъ и нужно смотрѣть, какъ именно на такое время, когда только еще вырабатывались тѣ правила, которыя окончательно сформулированы митрополитомъ Макаріемъ на его соборахъ 1547—1549 годовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что все сказанное о количествѣ и качествѣ собраннаго матеріала осложняетъ нашу задачу, такъ какъ при недостаткѣ и неопредѣленности данныхъ весьма трудно вывести правила и общія положенія. Однако мы попытаемся достигнуть этой цѣли, насколько, конечно, это можно сдѣлать на основаніи собраннаго матеріала. Мы попытаемся сдѣлать общіе выводы: 1) о способахъ и приемахъ канонизаціи, 2) объ условіяхъ и правилахъ совершенія ея, 3) о лицахъ, совершавшихъ канонизацію святыхъ этого періода и о характерѣ ея.

1) Способы и приемы канонизации.

Прежде чѣмъ приступить къ обзорѣнню тѣхъ способовъ и приемовъ, которые наша Церковь употребляла за этотъ періодъ при канонизации своихъ святыхъ, мы должны указать на самую общую черту прославленія нашихъ святыхъ, которая каждому съ перваго же взгляда бросается въ глаза. Эта черта, замѣчаемая въ исторіи канонизации почти каждаго угодника, есть его мѣстное почитаніе. И дѣйствительно, всѣ наши святые этого періода болѣе или менѣе долгое время сперва прославляются мѣстно, только въ томъ монастырѣ, городѣ или вообще той мѣстности, гдѣ они жили, подвизались, и гдѣ покоились ихъ мощи. Даже такіе святые, какъ Θεодосій Печерскій, св. Алексій, митрополитъ Московскій, Сергій Радонежскій, Кириллъ Бѣлоозерскій, прославлялись то или другое время только мѣстно. При этомъ мѣстное почитаніе нѣкоторыхъ святыхъ, какъ напр., Варлаама Хутынского, Никиты Переяславскаго, Михаила Черниговскаго продолжалось цѣлыя столѣтія.—Такое мѣстное почитаніе являлось естественнымъ слѣдствіемъ уваженія со стороны народа къ жизни подвижника. Это впрочемъ и естественно. Вспомнимъ, что наши святые, подражая въ подвигахъ восточнымъ аскетамъ, нисколько не уступая иногда имъ въ этихъ подвигахъ, однако по своему характеру были далеки отъ той мистико-созерцательной, отрѣшенной отъ всякихъ земныхъ интересовъ жизни, которая составляетъ отличительную черту восточнаго монашества. Наши подвижники вели трудовую, полную тяжелой борьбы съ природою жизнь, которая сильно дѣйствовала на народъ. Они первые заселяли далекія пустыни Сѣвера; они же первые заносили туда сѣмена христіанства и своею высокою жизнью показывали образецъ лучшихъ христіанскихъ нравовъ. Высокая мудрость подвижниковъ, и тотъ авторитетъ, какой они имѣли у властей и у самаго правительства, заставляли окрестныхъ жителей обращаться къ нимъ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ и затрудненіяхъ жизни, искать у нихъ совѣта, благословенія, молитвы, заступленія предъ сильными міра и т. под. Поэтому неудивительно, если еще при жизни подвижника, основателя обители, между нимъ и окрестнымъ населеніемъ завязывались самыя тѣсныя связи, благодаря которымъ послѣднее относилось съ глубокимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ къ первому. Будучи столь близкимъ къ подвижнику при его жизни, народъ не могъ представить, чтобы этотъ добрый, любвеобильный старецъ по смерти прерывалъ съ нимъ свою родственную связь; въ его глазахъ святой и по кончинѣ своей оставался бдительнымъ покровителемъ мѣста своихъ

земных подвигов¹⁹³⁾. Отсюда и почитание святого начиналось обыкновенно вскорѣ послѣ его смерти. Однако трудно прослѣдить отдѣльные моменты этого мѣстнаго чествованія того или другого святого. Первое время, конечно, память его совершалась только въ монастырѣ или городѣ, гдѣ подвижникъ жилъ и подвизался. „Здѣсь въ монастырѣ, въ кругу старцевъ, хранителей преданій, жизнь почившаго подвижника рано получала то благоговѣнно настраивающее гиперболическое освѣщеніе, въ которомъ черты ея, теряя мелкія подробности, сливались въ величественный образъ его, какъ человѣка, весьма высокой, примѣрной нравственности“¹⁹⁴⁾. Но съ теченіемъ времени (иногда вскорѣ же послѣ кончины) почитаніе святого выходитъ за предѣлы монастыря. Слава о почившемъ подвижникѣ распространялась все далѣе и далѣе, и вотъ народъ толпами сибѣннть къ могилѣ его, гдѣ и служить по немъ панихиды. Съ началомъ чудесъ эти панихиды замѣняются молебнами, и чествованіе святого начинаетъ принимать уже церковный характеръ. Съ этого времени появляются тропарь и кондакъ святому; надъ могилой угодника поставляется рака, которая покрывается покровомъ, надъ ракой ставится изображеніе святого или его икона съ неугасимою лампадою передъ ней¹⁹⁵⁾. Мѣстное народное чествованіе и появленіе чудесъ были самыми обыкновенными побужденіями, заставлявшими монастырь дать своимъ воспоминаніямъ о преподобномъ церковно-литературную обработку въ формѣ стихирь, канона и житія. Явленіе житія и службы тому или другому святому можетъ служить яснымъ признакомъ перехода почитанія народнаго къ его почитанію церковному.

То и другое обыкновенно подготавливаетъ канонизацію. Поводомъ къ послѣдней большею частію служили чудеса, совершавшіяся отъ раки святого, и рѣже открытіе мощей. Появленіе чудесъ побуждало высшую церковную власть, митрополита съ соборомъ, если прославленіе святого хотѣли распространить на всю Церковь, или же просто мѣст-

¹⁹³⁾ Яхонтовъ, Житія сѣвер. — русск. подвижниковъ, 265—6.

¹⁹⁴⁾ Блужевскій В. О., Житія, 384.

¹⁹⁵⁾ Мы уже видѣли, что икона св. Исаи, еп. Ростовскаго, послѣ открытія его мощей поставлена была надъ его ракой. Вотрѣчаемъ и еще факты подобнаго рода. Такъ, въ житіи св. Андрея, ип. Смоленскаго, между прочимъ, говорится, что еще задолго до его церковнаго прославленія „на иконахъ образъ его написуемъ“ (былъ). Точно также и въ житіи преп. Саввы Вшперскаго, написанномъ Пахоміемъ Логоветомъ, есть рассказъ о томъ, что Іона, архіепископъ Новгородскій, повелѣлъ написать образъ преподобнаго. (Блужевскій, 156).

наго епископа, если прославление святого хотѣли сдѣлать мѣстнымъ, своимъ авторитетомъ утвердить это народное чествованіе святого. Въ чемъ же и какъ это утверженіе выражалось? Такимъ образомъ мы подошли къ обзорѣннѣю способовъ и пріемовъ канонизаціи въ собственномъ строгомъ смыслѣ этого слова.

Въ древней Греческой Церкви канонизація святыхъ выражалась, какъ мы видѣли, въ установленіи дня празднованія памяти святого. Въ этомъ же установленіи дня празднованія памяти святого, какъ показываютъ собранныя нами данныя, выражалась въ разсматриваемый нами періодъ канонизація святыхъ и въ нашей Церкви. Обыкновенно это учрежденіе празднованія дня памяти того или другого святого при канонизаціи падало на день смерти его. Такъ, напр., установленъ былъ при канонизаціи Бориса и Глѣба праздникъ 24 Іюля, день убіенія перваго, въ честь препод. Θεодосіа 3-го Мая, — день смерти его. Вообще, въ большинствѣ случаевъ, при канонизаціи святого устанавливался праздникъ именно въ день его смерти, что, какъ мы видѣли, было и въ Греческой Церкви, въ которой также праздновали обыкновенно день смерти того или другого мученика или святого. Впрочемъ, иногда, если канонизація святого вызывалась открытіемъ мощей его, то устанавливалось празднованіе дня обрѣтенія мощей. Съ теченіемъ времени, впрочемъ, всегда устанавливалось и празднованіе дня смерти послѣдняго рода святыхъ.

Для рѣшенія вопроса о томъ, кѣмъ устанавливались праздники въ честь святыхъ этого періода, естественнѣе и ближе всего слѣдовало бы обратиться къ актамъ высшей духовной и гражданской власти, которыми узаконялись эти праздники. Но, къ сожалѣнію, за весь этотъ періодъ мы имѣемъ только одинъ подобный актъ, — это именно грамоту Константинопольскаго патріарха Іоанна XIV объ установленіи празднованія св. Петру, митрополиту Московскому. Объ установленіи же праздниковъ въ честь другихъ нашихъ святыхъ такихъ актовъ до насъ не сохранилось.

Но и за неимѣніемъ такихъ актовъ на вопросъ о томъ, — кѣмъ въ настоящій періодъ устанавливались праздники въ честь нашихъ святыхъ, можно отвѣтить въ положительной формѣ, такъ какъ собранный уже выше матеріалъ даетъ намъ для этого достаточныя данныя. На основаніи этихъ данныхъ можно сдѣлать заключеніе, что учрежденіе мѣстныхъ праздниковъ въ честь мѣстно-чтимыхъ святыхъ во весь настоящій періодъ принадлежало мѣстнымъ епископамъ; такъ, напр., Леонтію, еп. Ростовскому, установилъ празднованіе Іоаннъ, еп. Ростовскій. Но въ нашей Церкви наряду съ этими мѣстными праздни-

ками въ честь святыхъ съ самаго же перваго времени появляются праздники всеобщіе т. е. праздники, совершаемые всею Русскою Церковью. Именно таковыми до XV вѣка были праздники: въ честь святыхъ Бориса и Глѣба, преп. Феодосія Печерскаго, митрополитовъ Московскихъ: Петра и Алексія, Сергія Родонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго. Само собою разумѣется, что праздники послѣдняго рода должны быть устанавливаемы высшею властію Русской Церкви. И дѣйствительно, собранные нами выше факты вполне подтверждаютъ это общее положеніе. Какъ въ исторіи канонизаціи святыхъ Бориса и Глѣба, такъ и въ исторіи канонизаціи другихъ святыхъ этого періода: Феодосія Печерскаго, Алексія, митрополита Московскаго, Сергія Родонежскаго, Кирилла Бѣлоозерскаго, мы находимъ свидѣтельства объ установленіи имъ праздниковъ высшею властію Русской Церкви. А такъ какъ такою властію въ этотъ періодъ былъ митрополитъ съ соборомъ своихъ епископовъ, ему подвѣдомыхъ, то ему, очевидно, и должно было принадлежать это право. Что дѣйствительно власть устанавливать всеобщіе праздники принадлежала въ то время митрополиту съ соборомъ епископовъ, это можно видѣть изъ исторіи канонизаціи св. Алексія, митр. Московскаго, праздникъ въ честь котораго „составижеся по благословенію господина преосвященнаго архіепископа святѣйшаго и всея Руси Іоны и прорассужденіемъ еже о немъ честнаго събора святительска, волею же христіюлюбиваго и вседержавнаго государя великаго князя Василія Васильевича всея Руси“ и проч. ¹¹⁶⁾.

Учрежденіе всеобщихъ праздниковъ въ честь нашихъ святыхъ этого періода, какъ мы видѣли, зависѣло не только отъ благословенія митрополита съ соборомъ, но и еще отъ воли великаго князя. Естественно рождается при этомъ вопросъ: въ чемъ состояло это участіе и чѣмъ оно обуславливалось? По нашему мнѣнію, это участіе высшей гражданской власти въ учрежденіи праздниковъ въ честь нашихъ святыхъ не нужно представлять въ очень широкихъ размѣрахъ. Главнымъ образомъ учрежденіе праздниковъ было дѣломъ высшей церковной власти или митрополита съ соборомъ, или мѣстныхъ епископовъ; отъ нихъ часто выходила инициатива установленія этихъ праздниковъ; отъ нихъ же главнымъ образомъ зависѣла и санкція ихъ. На долю же высшей гражданской власти обыкновенно оставалось только дать свое согласіе и утвердить своимъ авторитетомъ то, что уже постановлено высшею духовною властію: отсюда и формула установленія этихъ праздниковъ — „прорассужденіемъ или просто благословеніемъ митро-

¹¹⁶⁾ Описан. рук. Сян. Б-ки, Ш, 442, 443.

полита, волею же великаго князя“. Такимъ образомъ, это участіе гражданской власти является намъ въ томъ же видѣ и въ той же самой почти формѣ, въ какой и въ настоящее время является участіе императора, какъ органа высшей свѣтской правительственной власти въ Россіи, въ дѣятельности Св. Синода, высшаго у насъ духовнаго учрежденія. Такое участіе высшей гражданской власти въ учрежденіи праздниковъ въ честь нашихъ святыхъ вполне объясняется тою тѣсною связью Церкви съ государствомъ, какую мы видимъ у насъ во весь этотъ періодъ.

Праздникъ въ честь того или другого святаго, учреждавшійся при его канонизаціи высшею духовною властью съ участіемъ высшей гражданской, устанавливался въ цѣляхъ прославленія памяти святаго. Эта послѣдняя цѣль достигалась составленіемъ ему службы и житія, необходимыхъ для отправленія богослуженія въ посвященный памяти его день. Подобное же явленіе мы видѣли и въ Церкви Греческой, когда говорили о канонизаціи святыхъ въ позднѣйшее время (съ VI—XII вв.). Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе предположить, что обычай этотъ заимствованъ нами отсюда. Но тамъ не было никакой возможности прослѣдить того отношенія службъ и житій къ праздникамъ, въ какомъ тѣ и другія находились между собою; вслѣдствіе чего и трудно было сказать,—всегда-ли вмѣстѣ съ учрежденіемъ праздника въ честь того или другого святаго являлись и служба ему и житіе его. Между тѣмъ въ исторіи канонизаціи русскихъ святыхъ относительно этого мы находимъ данныя, на основаніи которыхъ можно сдѣлать опредѣленный выводъ¹⁹⁷⁾. При извѣстіи объ учрежденіи праздниковъ святыхъ, исторію канонизаціи которыхъ выше разсмотрѣли, мы въ то же время находимъ извѣстія о составленіи имъ стихирь, каноновъ, вообще службъ и житій. Такъ, непосредственно вслѣдъ за канонизаціей св. Бориса и Глѣба составляется и служба имъ, которая, какъ мы видѣли, и была написана или самимъ митрополитомъ Іоанномъ, канонизовавшимъ ихъ, или кѣмъ-либо другимъ, но только по его непосредственному порученію; точно также непосредственно вслѣдъ за канонизаціей явились службы и житія святыхъ: Леонтія, еп. Ростовскаго, Петра и Алексія, митрополитовъ Московскихъ. Наконецъ, есть всѣ основанія утверждать о совпаденіи времени появленія службъ и житій со временемъ канонизаціи и святыхъ:

¹⁹⁷⁾ Въ данномъ случаѣ мы не будемъ говорить объ отношеніи службъ и житій святыхъ къ ихъ канонизаціи, о чемъ скажемъ нѣсколько ниже, въ главѣ объ условіяхъ и правилахъ канонизаціи за этотъ періодъ.

Кирилла Бѣлозерскаго, Ярославскихъ чудотворцевъ — Теодора, Давида и Константина ¹⁸⁸⁾). Это уже одно совпаденіе времени появленія службъ и житій со временемъ установленія нашимъ святымъ праздниковъ можетъ говорить объ ихъ тѣсной связи между собою, въ силу которой явленіе одного обуславливало собою и вызывало другое. И дѣйствительно, на основаніи собранныхъ нами выше фактовъ можно сдѣлать заключеніе, что учрежденіе праздника въ честь того или другого святаго всегда вело за собою потребность въ его литературно-церковномъ прославленіи, что и выражалось въ составленіи ему службы и житія.

Служба тому или другому святому, явившаяся указаннымъ образомъ, представляла изъ себя нѣчто стройное, сложное, части которой были слѣдующія: канонъ, стихиры, житіе съ похвальнымъ словомъ святому. Обыкновенно въ большинствѣ случаевъ прежде всего появлялся тропарь и кондакъ святому. Тотъ и другой большею частію составлялись при началѣ чудесъ отъ раба святаго. Изъ этихъ первоначальныхъ основныхъ элементовъ постепенно образовывались и слѣдующія части, входящая въ составъ службы. Тропарь, содержащій въ общемъ главныя черты жизни святаго, при дальнѣйшемъ ходѣ прославленія его, обыкновенно ложился въ основаніе житія, которое представляло только болѣе подробное изложеніе тѣхъ же самыхъ общихъ мѣстъ тропаря. Послѣ житія, на основаніи его, составлялись канонъ и стихиры святому. Таковъ въ общихъ чертахъ процессъ образованія службъ нашимъ святымъ.

Содержаніе службы обуславливается цѣлью составленія ея. А цѣль ея та же самая, какую указывали мы выше, когда говорили о житіяхъ и похвальныхъ словахъ въ честь святыхъ и мучениковъ въ Церкви Греческой. Тамъ эта цѣль службы была двойная. Съ одной стороны, она имѣла въ виду прославленіе угодника, памяти котораго была посвящена, съ другой, назиданіе и наставленіе вѣрующихъ. Точ-

¹⁸⁸⁾ Совпадало ли время появленія службъ и житій со временемъ установленія праздниковъ въ честь остальныхъ святыхъ этого періода: св. Миклава, кн. Черниговскаго и его боярина Теодора, преп. Варлаама Хутынскаго, Димитрія Прилуцкаго, Никиты Переяславскаго и св. Исаи и Игнатія Ростовскихъ, — трудно положительно сказать. Но основываясь на томъ, что къ XV и началу XVI в., когда мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе ясныя указанія на существованіе праздниковъ всѣмъ этимъ святымъ, мы въ то же время находимъ въ богослужебныхъ книгахъ этого времени каноны, службы и житія ихъ, можно утверждать, что такое совпаденіе имѣло мѣсто и по отношенію къ этимъ святымъ.

но такія же цѣли имѣлись въ виду и въ нашей Русской Церкви при составленіи службъ и житій нашимъ святымъ угодникамъ. Этими цѣлями опредѣлялось и содержаніе службъ. Присматриваясь къ нимъ, мы видимъ, что всѣ онѣ составлены по одному шаблону, что вполне объясняется одинаковостью ихъ цѣлей. Отсюда происходитъ ихъ единообразіе содержанія, простирающееся иногда до очень большого сходства. Все содержаніе службъ и частей ихъ: службы въ собственномъ смыслѣ, въ которую входятъ—стихиры, канонъ, потомъ житія съ похвальными словами,—все содержаніе ихъ можно раздѣлить на двѣ части. Первая часть обыкновенно посвящается похвалѣ святаго, его подвигамъ и добродѣтелямъ; во второй же части эти подвиги и добродѣтели выставляются образцами и примѣрами, которымъ вѣрующіе должны подражать. При этомъ прославленіе святаго и похвала его добродѣтелямъ преимущественно составляютъ содержаніе канонныхъ и похвальныхъ словъ святымъ, цѣлямъ же назиданія и наученія примѣромъ жизни святаго главнымъ образомъ посвящается житіе, которое въ концѣ этого періода принимаетъ форму проповѣди и ораторскаго слова.

Послѣ установленія дня празднованія памяти святаго и составленія ему службы и житія, вторымъ приемомъ канонизаціи этого періода, повидимому, должны бы служить святцы или мѣсяцесловы, въ которые въ настоящее время, напримѣръ, непосредственно вслѣдъ за канонизаціей вносятся имена святыхъ. Но изъ предварительныхъ свѣдѣній мы уже знаемъ, что наши святцы не стояли подъ контролемъ высшей церковной власти, и внесеніе въ нихъ именъ святыхъ зависѣло отъ произвола переписчиковъ; при томъ за весь этотъ періодъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ указанія на то, чтобы непосредственно вслѣдъ за канонизаціей того или другого святаго имя его вносилось въ мѣсяцесловы. Съ другой стороны, обращая вниманіе на дошедшіе до насъ изъ этого періода святцы, мы видимъ, что содержаніе ихъ далеко не исчерпываетъ всего количества святыхъ этого времени. Такъ, въ святцахъ XIII вѣка¹⁹⁾ мы встрѣчаемъ только имена св. Бориса и Глѣба и преподобнаго Θεодосія Печерскаго, хотя, несомнѣнно, къ XIV вѣку число святыхъ въ нашей Церкви значительно увеличилось. Въ послѣдующее время до самаго XVI вѣка цифра русскихъ святыхъ и праздниковъ въ честь ихъ въ мѣсяцесловахъ этого време-

¹⁹⁾ Мы имѣемъ въ виду здѣсь святцы XIII, в.—Ш, т. Ц. Н. митр. Макарія. стр. 279—92.

ни также очень незначительна и колеблется между шестью и десятью. До послѣдней цифры не достигаетъ, говорятъ И. Д. Мансветовъ, ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ списковъ устава, но мы ставимъ ее предѣльнымъ пунктомъ, до котораго доходить итогъ русскихъ памятей по разнымъ спискамъ этого послѣдняго ²⁰⁰⁾.

Самый полный по количеству славянскихъ памятей мѣсяцесловъ есть уставъ изъ библиотеки Троице-Сергіевой Лавры № 239 XV вѣка, въ которомъ записано восемь славянскихъ памятей; въ Синодальномъ Студійскомъ уставѣ 1389 г. ихъ значится шесть ²⁰¹⁾; въ псалтири митрополита Кипріяна семь южно-славянскихъ святыхъ и между ними одинъ только русскій—Петръ митрополитъ (ср. Агіол. 1, 139—140). Было, конечно, за этотъ періодъ немало мѣстныхъ памятей, но онѣ справлялись въ своихъ областахъ и не заходили на страницы общаго типика ²⁰²⁾. Такимъ образомъ, изъ этого краткаго историческаго обзрѣнія нашихъ святцевъ за этотъ періодъ можно сдѣлать тотъ выводъ, что канонизація святыхъ не сопровождалась внесеніемъ именъ ихъ въ святцы; ибо въ противномъ случаѣ количество русскихъ памятей въ нихъ должно бы быть въ XVI вѣку гораздо болѣе и притомъ въ святцахъ одного и того же времени должно бы быть болѣе или менѣе одинаковымъ, чего мы однако не замѣчаемъ. Если же канонизація святыхъ этого періода не сопровождалась внесеніемъ именъ ихъ въ святцы, то послѣдніе, очевидно, и не могли быть формою или приемомъ ея.

II. Правила совершенія канонизаціи.

Тотъ недостатокъ историческихъ данныхъ, каковой мы видѣли въ исторіи канонизаціи нашихъ святыхъ за данный періодъ и на который мы уже не разъ указывали, нигдѣ такъ не затрудняетъ изслѣдователя, какъ именно по отношенію къ вопросу о правилахъ, которыми у насъ въ это время руководились при совершеніи ея. Но кромѣ этого недостатка матеріала и данныхъ, изслѣдователь встрѣчаетъ не менѣе важное затрудненіе и со стороны самаго качества этого матеріала, который отличается неясностью и неопредѣленностью. Изъ исторіи канонизаціи святыхъ этого періода можно видѣть, что въ одномъ случаѣ примѣнялись одни правила, въ другомъ—совершенно другія,

²⁰⁰⁾ Мансветовъ, Церковный Уставъ, стр. 284—5.

²⁰¹⁾ Ibid.

²⁰²⁾ Мансветовъ, Ц. Уставъ, 284—5.

а въ третьемъ, наконецъ, случаѣ никакихъ указаній на примѣненіе какихъ бы то ни было правилъ мы не находимъ. Такъ напр., при канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго, мы впервые встрѣчаемъ записываніе чудесъ и чтеніе ихъ въ церкви, при чемъ въ послѣдующее время этого періода мы не всегда находимъ указанія на это. При открытіи мощей Ярославскихъ чудотворцевъ, мы впервые встрѣчаемся съ фактомъ свидѣльствованія ихъ, который потомъ уже въ этомъ періодѣ не повторяется. Точно также, наконецъ, встрѣчаемъ примѣръ повѣрѣи высшею властію Церкви житій и канонѡвъ, именно, при канонизаціи св. Алексія, митрополита Московскаго. И записываніе чудесъ, и освидѣльствованіе мощей и эта, наконецъ, повѣрка житій, — все это, безъ сомнѣнія, можно отнести къ правиламъ совершенія канонизаціи. Поэтому, основываясь на вышеприведенныхъ фактахъ, можно бы, кажется, сдѣлать заключеніе, что и на самомъ дѣлѣ это было такъ. Но вѣрность и справедливость такого заключенія будетъ очень сомнительна; потому что по единичнымъ фактамъ примѣненія этихъ правилъ, при совершеніи канонизаціи, дѣлать заключеніе къ ихъ общему и постоянному употребленію въ практикѣ Русской Церкви за все это время, логика намъ не позволяетъ. При такомъ разнообразіи единичныхъ фактовъ, непохожихъ одинъ на другой, изслѣдователь попадаетъ въ очень затруднительное положеніе. Не говоря уже о трудности обобщенія и приведенія ихъ въ одному, такъ сказать, знаменателю, онъ, съ одной стороны, не имѣетъ права обобщить всѣ эти разнообразные факты, а съ другой, — и не можетъ совершенно игнорировать ихъ. Единственно возможный выходъ изъ этого затруднительнаго положенія, это то предположеніе, которое мы выше сдѣлали, что въ этотъ періодъ только еще выработывались тѣ правила совершенія канонизаціи, которыя мы видимъ существующими въ ней въ послѣдующее время.

Самое главное правило, которымъ постоянно наша Церковь въ этотъ періодъ руководилась при совершеніи канонизаціи своихъ святыхъ, состояло въ томъ, чтобы тѣла или мощи ихъ были прославлены чудотвореніями. Чудеса были необходимымъ условіемъ для церковнаго прославленія святаго. Въ древней Руси извѣстно было правило, которое требовало для церковнаго признанія отрывшихся мощей „да сотворять три чуда: глухъ да прослышитъ, нѣмъ проглаголетъ, слѣпъ да прозритъ; и аще сотворять чудеса, то отъ Бога и отъ св. Апостолъ; аще ли не сотворять тѣхъ чудесъ, то не примите ихъ“²⁰³).

²⁰³) Ключевскій. Житія, 423—24. Это правило встрѣчается уже въ сборникѣ XII в. См. Опис. рук. Син. Б-ки, 2, 283.

Примѣненіе этого правила въ практикѣ Русской Церкви мы встрѣчаемъ съ самаго начала исторіи канонизаціи. Уже авторъ житія Владимира и вслѣдъ за нимъ лѣтопись считаютъ чудеса необходимымъ условіемъ для церковнаго прославленія святаго. Первый и за нимъ вторая жалуются, что русскіе люди, обязанные Владимиру такимъ великимъ благомъ, какъ христіанская вѣра, не воздаютъ своему крестителю „почестья противу онаго взданью: да аще быхомъ, говорятъ они, имѣли тщаніе и молбу приносили Богу зань въ день преставленія его, видя бы Богъ тщаніе наше къ нему, прославилъ бы и“²⁰⁴⁾, т. е. чудесами, послѣ чего, разумѣется, послѣдовало бы причисленіе его къ лику святыхъ. И дѣйствительно уже въ періодѣ домонгольскомъ можно прослѣдить слѣдствія примѣненія этого правила. Такъ, одновременно съ Борисомъ и Глѣбомъ потерпѣлъ мученическую смерть отъ руки Святополка третій сынъ Владимира Святославъ; но его тѣло отсутствовало²⁰⁵⁾ и не творило чудесъ, а поэтому онъ вмѣстѣ съ двумя первыми и не причисленъ къ лику святыхъ. Въ Ростовѣ были одновременно открыты мощи Леонтія и Исаія, и однако причисленъ къ лику святыхъ только одинъ первый: необходимо подразумѣвать причиной то, что только при его мощахъ совершались чудотворенія. Въ Смоленскѣ было написано житіе Авраамія, и однако онъ не былъ причисленъ къ лику святыхъ: ясно, что къ свидѣтельству житія не доставало свидѣтельства чудотвореній²⁰⁶⁾.

Въ послѣдующее время монгольскаго и послѣ-монгольскаго періода до самыхъ Макарьевскихъ соборовъ мы точно также видимъ самое строгое и постоянное примѣненіе этого правила при совершеніи канонизаціи святыхъ въ практикѣ Русской Церкви. Множество фактовъ показываетъ намъ, что канонизація того или другого святаго совершалась не прежде того, какъ тѣло его было прославлено отъ Бога знаменіями и чудесами. Всѣ святые этого періода, канонизацію которыхъ мы выше разсмотрѣли и о способѣ канонизаціи которыхъ сохранились свѣдѣнія, по смерти своей прославились многими чудотвореніями, послѣ которыхъ и на основаніи которыхъ они и были канонизованы. Вспомнимъ для примѣра канонизацію св. Петра митрополита Московскаго, чудеса отъ св. тѣла котораго стали совершаться со времени его погребенія, и канонизація котораго совершилась не

²⁰⁴⁾ Христ. Чт. 1849 г., II, 334; П. С. Р. Л. 1, 57.

²⁰⁵⁾ Бѣжавъ отъ Святополка въ Венгрію, онъ убитъ и погребенъ на горѣ Угорской или на Барпатахъ.

²⁰⁶⁾ Е. Е. Голубинскій, Ист. Р. Церкви, I, 2 ч., 341.

равѣ, какъ всѣ увѣрились посредствомъ чудотвореній отъ его мощей въ его прославленіи отъ Бога, на что, между прочимъ, указывается и въ отвѣтной грамотѣ Константинопольскаго патріарха Іоанна XIV къ митрополиту Теоносту: „писаніе пріахомъ твоего святительства, повѣдающе убо и извѣщающее преже бывшаго святителя Петра, како прославленъ бысть и по смерти отъ Бога и ближній его служитель бысть и угодникъ, яко убо и чудесемъ великимъ совершатися отъ него и всякія болѣзни изцѣляти“²⁰⁷⁾; вспомнимъ канонизацію св. Алексія, митрополита Московскаго, которая точно также обусловливалась чудесами, совершавшимися отъ его раки. Нагляднѣе всего это требованіе чудесъ отъ тѣлъ угодниковъ, требованіе, отъ котораго безусловно зависѣла канонизація ихъ, выразилось при открытіи мощей Ярославскихъ чудотворцевъ—князя Теодора и чадъ его, Константина и Давида. Мы видѣли, при разсмотрѣніи исторіи ихъ канонизаціи, что до самаго открытія ихъ мощей, случившагося въ 1463 году, имъ не было даже воздаваемо и мѣстнаго почитанія. Въ этомъ году почему-то игумень съ братією, съ согласія великаго князя Александра Теодоровича, рѣшили положить мощи ихъ, доселѣ лежавшія наверху земли, съ великою честью въ землю въ той же церкви св. Спаса, гдѣ онѣ и прежде лежали. Но когда приступили къ исполненію этого намѣренія, то отъ св. мощей совершилось много чудесъ и исцѣленій. „Игумень же, и священницы, и князь Александръ, и весь народъ видѣша таковыя чудеса и исцѣленія удивившася и прославиша Бога и его угодниковъ и начаша проповѣдати всюду ихъ дивная чудеса. Священницы же молебны пѣвше и воду съ мощей ихъ освятиша и князя и народъ окропиша“²⁰⁸⁾. Эти чудеса, вслѣдствіе которыхъ мощи оставлены были опять поверхъ земли, и повели за собою канонизацію этихъ угодниковъ²⁰⁹⁾. Можно бы привести и еще нѣсколько фактовъ

²⁰⁷⁾ Степен. нн. I, 422.

²⁰⁸⁾ Степен. мн. I, 398.

²⁰⁹⁾ Если нельзя точно провѣрить строго примѣненія правила, по которому отъ открывшихся мощей для признанія ихъ требовалось, чтобы онѣ сотворили три чуда: „глухъ да прослышитъ, нѣмъ проглаголетъ, слѣпъ да прозритъ“, то можно съ несомнѣнностью утверждать, что отъ нихъ, по крайней мѣрѣ, требовалось не одно чудо, а именно, какъ показываетъ настоящій фактъ открытія мощей Ярославскихъ чудотворцевъ, „чудеса и исцѣленія многа“. Во всякомъ случаѣ одного чуда для этого было недостаточно, какъ показываетъ слѣдующій фактъ. Подъ 1474 годомъ второй Соф. Лѣтописи между прочимъ разсказывается о томъ, что въ этомъ году Богъ простилъ у гроба митрополита Теоноста чело-

подобнаго рода, но такъ какъ они у насъ собраны уже выше, то чтобы не повторяться, мы ограничимся только этими фактами.

Что дѣйствительно чудеса были необходимымъ условіемъ канонизаціи того или другаго святаго, это видно изъ сопоставленія съ приведенными уже примѣрами слѣдующихъ фактовъ. Въ этотъ періодъ между прочимъ были открываемы мощи и другихъ святыхъ; но празднованія ихъ памятей не было установлено. Такъ, въ 1472 году, мѣсяца Іюля „обрѣтоша въ церкви св. Спаса княгиню Марію великаго князя Семена Ивановича, нареченную во мнишескомъ чину Фетивію, въ тѣлѣ не врежену ничимъ же, толико риза истлѣ; и посла князь велики по ягуменію Олексѣевскую и повелѣ ея облещи во всѣ новыя ризы мнишескія и облече ея“ ²¹⁰). Въ 1479 году, мѣсяца Іюля въ 27 день, было совершено перенесеніе мощей въ новую церковь пресв. Богородицы изъ церкви Іоанна Лѣствичника, гдѣ онѣ до сихъ поръ временно находились, митрополитовъ: Кипріана, Фотія, Іоны чудотворца, и князя Юрья Даниловича; при этомъ лѣтописецъ рассказываетъ, что „митрополитъ Геронтій съ кадиломъ, и владыка и вси священники съ нимъ, и князь велики съ сыномъ и съ всѣми преждереченными придоша ко гробу пресвященнаго митрополита Филиппа: той бо лежаше посторонѣ новыя церкви на лѣвой сторонѣ, положенъ бѣ въ той церкви, юже самъ заложилъ, и открывша гробъ, и видѣша его лежаща всего цѣла въ тѣлѣ, якоже и преосвященный митрополитъ Іона, и ризы его ни мало не истлѣша, а уже по преставленіи его 6 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ безъ 8 дней“, и далѣе повѣствуется о самомъ перенесеніи этихъ новооткрытыхъ мощей ²¹¹). Почему, спрашивается, всѣмъ этимъ лицамъ, чьи нетлѣнныя мощи были открыты, не было установлено праздниковъ? Единственный вѣроятный отвѣтъ на этотъ вопросъ, который можно дать, состоитъ въ томъ, что къ свидѣтельству нетлѣнныя мощей не доставало еще свидѣтельства чудотвореній. И дѣйствительно,

вѣва глухонѣмаго. Объ этомъ чудѣ было донесено митрополиту Геронтію и великому князю „Онѣ же, говорятся далѣе, невѣріемъ одержими бѣша, не повелѣша звонити всему городу славити его; но послѣди новую церковь сотвориша ту св. Богородицу и задѣлаша мощи его въ землю покопавши, и покрова на гробницу каменной не положиша, и нынѣ въ небреженіи гробъ его“ (стр. 198). Причина этого невѣрія со стороны митрополита и великаго князя вѣроятнѣе всего вызвана была тѣмъ обстоятельствомъ, что болѣе чудесъ отъ гроба не было (П. С. Р. Л. VI, 198).

²¹⁰) П. С. Р. Л. VI, 198.

²¹¹) П. С. Р. Л. т. VIII, 203.

въ лѣтописяхъ, которыя всегда такъ точно отмѣчаютъ подобные факты, мы нигдѣ не находимъ замѣтокъ о томъ, чтобы отъ мощей всѣхъ этихъ лицъ совершались до этого времени чудеса и исцѣленія²¹²⁾. Это именно отсутствіе свидѣтельства чудесъ, хотя мощи и были прославлены уже негдѣніемъ, и было причиною того, что тогда какъ при перенесеніи мощей Петра, митр. Московскаго, бывшемъ 23 Августа 1479 года, ему пѣли молебны, какъ прославленному отъ Бога множествомъ чудотвореній²¹³⁾, при перенесеніи же мощей остальныхъ митрополитовъ, 27 Августа того же года, по нимъ пѣли только еще панихиды—и отпѣвъ вечерняя панихида (повелѣша) пѣти по нимъ²¹⁴⁾, что прямо свидѣтельствуеть о томъ, что они еще не прославлялись церковнымъ образомъ.

Чудеса, совершавшіяся отъ мощей того или другого угодника, служа необходимымъ условіемъ его церковнаго прославленія или его канонизаціи, должны были имѣть поэтому важное значеніе. На нихъ смотрѣли, какъ на самое главное доказательство прославленія угодника отъ Бога. Поэтому въ сохраненію ихъ принимались особенныя мѣры: ихъ записывали, и эти записи, при канонизаціи святаго, представлялись высшей церковной власти для провѣрки. Впрочемъ, въ этотъ періодъ мы встрѣчаемъ очень мало фактовъ и этого записыванія чудесъ и этого ихъ свидѣльствованія или провѣрки высшею властію Церкви. Первые указанія на записываніе чудесъ мы встрѣчаемъ уже сравнительно въ позднее время этого періода, именно въ XIV—XV вѣкахъ. Такъ, въ житіи св. Петра, митрополита Московскаго, усвоеномъ епископу Ростовскому Прохору, мы читаемъ: „да егда благовѣрный князь Иванъ, написавъ та чудеса и посла въ градъ Володимеръ во святому собору, и, ввемъ свитокъ преподобный епископъ Прохоръ, взиде на онболъ и нача чести чудеса, бывшаа въ

²¹²⁾ Впрочемъ, за исключеніемъ мощей митрополита Іоны, отъ которыхъ при самомъ ихъ перенесеніи исцѣлился разслабленный отрокъ (Степен. кн. II, 89), и затѣмъ постоянно время отъ времени совершались чудеса (П. С. Р. Л. VI, 196). Но это исключеніе нисколько не противорѣчатъ и не колеблетъ правильности того положенія, по которому чудеса были необходимы для прославленія того или другого угодника, а напротивъ подтверждаетъ его, такъ какъ и митрополитъ Іона, благодаря этимъ чудесамъ, какъ мы видѣли, въ концѣ XV в. прославлялся уже церковнымъ образомъ.

²¹³⁾ П. С. Р. Л. VIII, 201.

²¹⁴⁾ Ibid.

градѣ Москвѣ отъ гроба святаго митрополита Петра²¹⁵⁾. Другой фактъ подобнаго записыванія мы имѣемъ уже изъ начала второй половины XV вѣка. Именно, въ 1461 году въ Новгородѣ, во время пребыванія тамъ великаго князя Московскаго Василя Васильевича случилось чудо,—препод. Варлаамъ Хутынский воскресилъ отрока Тумгена изъ мертвыхъ. Это чудо было тогда же официально описано, вѣроятно, по порученію великаго князя, Московскимъ митрополичьимъ дьякомъ Родіономъ Кожухомъ²¹⁶⁾. Свѣдѣній о записываніи чудесъ другихъ святыхъ этого времени мы не имѣемъ до самаго XVI вѣка. Впрочемъ, при житіяхъ святыхъ обыкновенно въ концѣ ихъ мы встрѣчаемъ почти всегда болѣе или менѣе полный реестръ ихъ чудесъ. Это явленіе особенно становится замѣтнымъ съ XV вѣка. И дѣйствительно, присматриваясь къ житіямъ, явившимся въ это время, и авторомъ большей части которыхъ былъ Пахомій Логоетъ, мы находимъ въ нихъ всегда приложеніе и этихъ чудесъ. Можно думать, что послѣднія были заимствуемы въ житія изъ монастырскихъ записей чудесъ, которыя велись тамъ, на чтò, повидимому, можетъ указывать и то обстоятельство, что Пахомій Логоетъ нерѣдко для написанія того или другого житія отправлялся въ монастырь, въ которомъ подвизался святой, для собиранія матеріала. Поэтому очень возможно, что въ числѣ послѣдняго были и эти записи чудесъ. Наконецъ, то обстоятельство, что обычай записыванія чудесъ въ XVI вѣкѣ дѣлается уже у насъ постояннымъ, можетъ говорить въ пользу того, что онъ получилъ свое начало ранѣе, именно въ этотъ первый періодъ канонизаціи нашихъ святыхъ. Но примѣнялось ли это записываніе чудесъ по отношенію къ каждому святому въ этомъ періодѣ, на этотъ вопросъ, за недостаткомъ данныхъ, сюда относящихся, трудно дать отвѣтъ. Напротивъ, находимъ извѣстія, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что чудеса святыхъ не всегда старательно записывались. Такъ, въ житіи преп. Кирилла Бѣлозерскаго, авторъ его—Пахомій Логоетъ, сказавъ о погребеніи преподобнаго, продолжаетъ далѣе: „множайша же ина чудеса при животѣ бывшая блаженнаго Кирилла множества ради, паче же и предъ многими лѣты быша, писанію не предашеса“²¹⁷⁾.

Если же на основаніи имѣющихся изъ всего этого періода двухъ фактовъ записыванія чудесъ трудно положительно отвѣтить на вопросъ: прилагался ли этотъ обычай къ каждому святому, то еще труднѣе

²¹⁵⁾ Духовный Вѣстникъ, 1862 года 1, прил. 4, стр. 21.

²¹⁶⁾ П. С. Р. Л. т. VI, стр. 320.

²¹⁷⁾ Рук. Сборн. Тр. С. Л. № 764, л. 2, пис. Памсіемъ Ярославвымъ.

объяснить цѣль, съ какою въ указанннхъ случаяхъ канонизаціи производилась эта запись. То обстоятельство, что какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ это записываніе исходитъ отъ лица высшей власти и, слѣдовательно, имѣетъ оффиціальннй характеръ, равно какъ и чтеніе въ первомъ случаѣ этой записи въ цркви въ присутствіи князя и всего народа, — все это какъ будто даетъ достаточное основаніе заключить намъ объ ихъ близкомъ отношеніи къ канонизаціи того и другого святаго. Это отношеніе подтверждается еще болѣе, если мы припомнимъ, что и на самомъ дѣлѣ это записываніе совпадаетъ со временемъ канонизаціи обонхъ этихъ святыхъ, о записи чудесъ которыхъ мы сейчасъ разсуждаемъ. Такъ, мы выше видѣли, что запись чудесъ св. Петра представлена была во Владимирѣ епископу Прокору, который и совершилъ тогда же канонизацію его (мѣстную); точно также и чудо преп. Варлаама Хутынокаго, записанное дякомъ Редіономъ Кожухомъ, совпадаетъ со временемъ начала его всеобщаго почитанія. Поэтому можно думать, что въ данныхъ случаяхъ это записываніе чудесъ имѣло ближайшее отношеніе къ канонизаціи. Но трудно точнѣе опредѣлить это отношеніе. Можно указать двѣ цѣли, съ какими эти чудеса святыхъ записывались. Во-первыхъ, цѣль оглашенія ихъ въ обществѣ Церкви и во-вторыхъ, возможность провѣрки этихъ чудесъ. Поэтому, если мы докажемъ далѣе, что въ Русской Церкви въ это время существовало это правило провѣрки чудесъ, то тогда легко будетъ и записываніе послѣднихъ объяснить этимъ правиломъ.

Какъ можно уже видѣть изъ представленной исторіи канонизаціи каждаго святаго въ отдѣльности, свидѣній о существованіи правила провѣрки высшею церковною властію чудесъ и о постоянномъ примѣненіи его при совершеніи ея сохранилось очень мало. Въ до-монгольскій періодъ такую провѣрку можно предполагать относительно чудесъ, совершавшихся при мѣстахъ Бориса и Глѣба. Основаніемъ для такого предположенія можетъ служить замѣчаніе лѣтописца, указанное нами уже при изложеніи исторіи канонизаціи преп. Θεодосія Печерскаго, что нѣкоторые митрополиты Греки не вѣрили святости Русскихъ угодниковъ. Такое невѣріе митрополита Грека въ святость нашихъ угодниковъ естественно должно было заставить его съ особенною осторожностью отнестись къ чудесамъ свв. Бориса и Глѣба и провѣрить ихъ. Изъ послѣдующаго времени этого періода мы имѣемъ два факта подобнаго рода провѣрки чудесъ высшею духовною властію. Первый фактъ такой повѣрки чудесъ высшею церковною властію мы встрѣчаемъ въ исторіи канонизаціи Ярославскихъ чудо-

творцевъ. Мы видѣли уже, что когда отъ отерывшихся мощей стали совершаться многія чудеса, то игумень съ братіей сочли нужнымъ донести какъ о мощахъ, такъ и объ этихъ чудесахъ Ростовскому епископу Трифону, въ епархіи котораго принадлежалъ Ярославль. Этотъ епископъ, какъ читаемъ въ Степенной книгѣ и Софійскомъ Временникѣ, „слышавъ, яко многа чудеса и исцѣленія у гроба святыхъ бывають во градѣ Ярославли отъ мощей новоявленныхъ чудотворецъ благовѣрнаго великаго князя Θεодора Ростиславича Смоленскаго и Ярославскаго и сыновъ его Давида и Константина, и бысть невѣріемъ одержимъ о чудесѣхъ святыхъ, и непшевая, яко ложь есть, и посла во градъ Ярославль видѣти и извѣстно испытати Ростовскаго протопопа, Константина именемъ“, чтобы, какъ послѣдній самъ высказалъ игумену цѣль своего прибытія въ монастырь Спаса, „дозрѣти вашихъ чудотворцевъ, како будутъ въ тѣлеси лежать, и како исцѣленія многа творять, истина ли то будетъ или лжа на прелесть челоувѣкомъ“²¹⁸⁾. Другой фактъ, хотя и не такой рѣшительный и ясный, какъ вышеприведенный,—это чтеніе записи чудесъ при канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго²¹⁹⁾.

Само собою разумѣется, что трудно на основаніи двухъ имѣющихся на лицо фактовъ провѣрки чудесъ сдѣлать заключеніе къ существованію общаго правила, которое постоянно практиковалось бы при совершеніи канонизаціи въ это время. Сдѣлать такой выводъ не позволяетъ намъ отсутствіе свидѣтельствъ и указаній на примѣненіе этого правила въ другихъ случаяхъ канонизаціи святыхъ этого времени. Но тѣ же факты, не дозволяя признать этого правила общимъ правиломъ, въ то же время свидѣтельствуютъ о томъ, что оно все-таки существовало въ практикѣ Церкви и иногда примѣнялось. Въ пользу этого положенія можно привести, кромѣ того, и нѣкоторыя другія соображенія. Такъ, мы уже говорили о невѣріи митрополитовъ Грековъ въ святость Русскихъ святыхъ, которое должно было способ-

²¹⁸⁾ Степен. кн. ч. I, 398; Соф. Врем. II, 12—13.

²¹⁹⁾ Впрочемъ иногда запись чудесъ читалась въ церкви предъ народомъ не съ цѣлью провѣрки ихъ (Блочевскій, Житія, 421), а просто съ цѣлью оглашенія ихъ. Поэтому нельзя ли предполагать подобную же цѣль и при чтеніи записи чудесъ митроп. Петра? Но намъ кажется, что въ данномъ случаѣ подобной цѣли нельзя предполагать. Что здѣсь дѣйствительно была повѣрка, на это можетъ указывать свидѣтельство инновѣрца, который своимъ личнымъ показаніемъ снова подтверждаетъ свое видѣніе, безъ сомнѣнія уже внесенное въ общую запись.

ствовать явленію обычая повѣрки чудесъ въ самое же первое время совершенія у насъ канонизаціи нашихъ святыхъ. Съ другой стороны, въ послѣдующее время, какъ можно заключать изъ словъ протопопа Константина, посланнаго свидѣтельствовать новоявленные мощи Ярославскихъ чудотворцевъ, въ церковной жизни того времени были явленія, которыя могли служить достаточнымъ побужденіемъ для примѣненія правила о повѣркѣ чудесъ. Въ лѣтописяхъ между прочимъ разсказывается, что этотъ протопопъ Константинъ, „пришедъ въ церковь, яряся на игумена, мня симъ чудотвореніемъ игумень много богатство приобрѣте, еже приношаху гражане на молебны къ рацѣ ихъ приходяще“²²⁰). Если же въ то время дѣйствительно могли быть такія явленія, на какія намекаетъ протопопъ, то естественно они могли быть сильнымъ побужденіемъ въ приложенію на практикѣ правила повѣрки чудесъ, что мы и видимъ на примѣрѣ Трифона, епископа Ростовскаго, посланнаго съ цѣлью повѣрки чудесъ Ярославскихъ чудотворцевъ своего протопопа. Такимъ образомъ, въ виду указанныхъ нами фактовъ и соображеній мы должны сдѣлать то заключеніе, что правило о повѣркѣ чудесъ въ этотъ періодъ существовало въ нашей Церкви, хотя и не всегда прилагалось при совершеніи канонизаціи, или другими словами, что оно не было общимъ и постояннымъ правиломъ.

Рѣшивъ вопросъ о существованіи въ практикѣ Русской Церкви этого времени при совершеніи ею канонизаціи святыхъ правила повѣрки высшею властію ихъ чудесъ, можно отвѣтить и на вопросъ о существованіи у насъ въ это время правила записыванія послѣднихъ. Это правило стоитъ въ тѣсной и прямой связи съ правиломъ повѣрки чудесъ, потому что для того, чтобы выполнить послѣднее, необходимъ списокъ или запись ихъ. Поэтому, если было у насъ въ это время правило повѣрки чудесъ, то очевидно долженъ былъ быть и обычай ихъ записыванія. Этотъ выводъ подтверждается и указанными выше фактами записыванія чудесъ при канонизаціи св. Петра и Варлаама Хутынскаго, записыванія, которое и было именно сдѣлано въ цѣляхъ повѣрки ихъ. Но такъ какъ общаго и постояннаго правила повѣрки чудесъ во весь періодъ этотъ, какъ мы видѣли, не существовало, то, слѣдовательно, и правило записыванія чудесъ, стоящее въ тѣсной связи съ первымъ, также не было общимъ и постояннымъ. Этимъ и объясняется частію то странное на первый взглядъ обстоя-

²²⁰) Степен. кн. I, 398.

тельство, что такъ мало сохранилось указаній на приложеніе этихъ правилъ при совершеніи канонизаціи святыхъ этого періода. Съ другой стороны, факты канонизаціи, совершавшіеся у насъ въ этотъ періодъ, могли и не требовать приложенія къ себѣ этихъ правилъ. Дѣйствительно, присматриваясь къ нимъ, мы видимъ, что они и сами по себѣ были таковы, что не требовали ни записыванія чудесъ, ни ихъ повѣрки. То и другое имѣло бы мѣсто тогда, еслибы святые, которые были причтены у насъ въ это время къ лику святыхъ, жили бы или задолго до времени совершенія канонизаціи, или бы гдѣ-нибудь вдали отъ центральной духовной власти; очевидно, что при существованіи обонхъ этихъ условій письменныя записи чудесъ святаго, которыя могли бы быть представлены высшей духовной власти при его канонизаціи, дѣйствительно являлись бы необходимыми. Между тѣмъ, многіе святые, канонизованные въ этотъ періодъ, не нуждались въ этихъ предварительныхъ формальностяхъ, такъ какъ канонизація ихъ была совершаема или самими митрополитами, или мѣстными епископами, которые были непосредственными очевидцами чудесъ, совершавшихся святыми и, значить, записыванье ихъ и повѣрка были бы только лишнюю всякаго смысла формальностью. Таковы, наприм., святые: Алексій, митрополитъ Московскій, Леонтій, Исаія и Игнатій, епископы Ростовскіе.

Однако страннымъ можетъ казаться то обстоятельство, что въ послѣдующій періодъ канонизаціи, именно на Макарьевскихъ соборахъ и послѣ нихъ, мы видимъ уже постоянное приложеніе обонхъ этихъ правилъ. Какъ извѣстно, канонизаціи на соборѣ 1549 года предшествовали „обыски о новыхъ чудотворцахъ“, производившіеся епархіальными архіереями, которые, собирая житія, каноны и чудеса мѣстныхъ святыхъ, повѣряли ихъ, руководствуясь при этомъ показаніями мѣстныхъ жителей всякаго званія. Точно также и въ послѣдующее время послѣ этого собора канонизація того или другого святаго всегда сопровождалась, какъ увидимъ ниже, подобнаго же рода „обысками“. Неужели, спрашивается, эти правила явились и выработаны были только на Макарьевскихъ соборахъ, со времени которыхъ начинается ихъ постоянное употребленіе въ практикѣ нашей Церкви? Само собою разумѣется, что на этотъ вопросъ послѣ всего сказаннаго нами о существованіи правилъ записыванія и повѣрки чудесъ въ этотъ періодъ мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Правила эти существовали, какъ мы видѣли, уже задолго до Макарьевскихъ соборовъ въ практикѣ Русской Церкви и, если они въ послѣдней въ это время не всегда прилагались къ канонизаціи святыхъ, такъ это

зависѣло отъ особенныхъ условій времени, а вовсе не отъ того, чтобы ихъ совсѣмъ не было. Между тѣмъ ко времени Макарьевскихъ соборовъ эти особенныя условія, которыя, какъ мы видѣли, дѣлали излишнимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенія канонизаціи примѣненіе этихъ формальностей, совершенно измѣнились. Ко второй половинѣ XVI вѣка у насъ произошли важныя перемѣны какъ въ гражданской жизни, такъ и въ церковной. Въ первой эта перемѣна выразилась усиленіемъ великаго князя Московскаго, что повело за собою объединеніе подъ его высочую и мощную державу всѣхъ дотолѣ разрозненныхъ и обособленныхъ частей Русской земли. Во второй эта перемѣна выразилась въ большемъ подчиненіи мѣстныхъ епископовъ власти Московскаго митрополита, что повело за собою усиленіе централизаціи въ Русской Церкви. Это послѣднее въ частности, въ приложеніи къ канонизаціи святыхъ повело за собою ту перемѣну, что право совершенія ея, какъ увидимъ ниже, съ этихъ поръ перешло къ высшей центральной власти Русской Церкви, какую представлялъ въ своемъ лицѣ митрополитъ со своимъ соборомъ. Эта незначительная, повидимому, перемѣна произвела, однако, весьма важныя послѣдствія. Ибо съ этихъ поръ канонизація, всегда совершаясь митрополитомъ, требовала для своего совершенія исполненія многихъ формальностей, которыя прежде устранялись личнымъ свидѣтельствомъ. Эти формальности болѣе всего касались чудесъ, записи и повѣрка которыхъ сдѣлались необходимымъ условіемъ совершенія канонизаціи того или другого святаго. Практическое примѣненіе этихъ формальностей мы уже встрѣчаемъ въ началѣ XVI вѣка, до соборовъ 1547 и 1549 годовъ. Такъ, въ первой половинѣ этого вѣка мы встрѣчаемъ два факта канонизаціи: Иакова Боровицкаго и Андрея Смоленскаго и при этомъ канонизаціи cadaго изъ нихъ предшествовалъ обыскъ или предварительное изслѣдованіе, при которомъ мы находимъ и записи чудесъ и повѣрку ихъ. Примѣненіе въ данныхъ случаяхъ обонхъ этихъ правилъ вполне объясняется именно тою перемѣною въ жизни Церкви и государства, ближайшимъ послѣдствіемъ которой по отношенію къ канонизаціи святыхъ былъ переходъ права совершенія ея къ центральной власти Церкви.

Къ числу правилъ совершенія канонизаціи того или другого святаго относится свидѣтельствованіе высшею духовною властью житій и службъ святымъ по ихъ написаніи. Существовало-ли такое свидѣтельствованіе во все это время въ нашей Русской Церкви, и въ чемъ оно выражалось? Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нужно выяснитъ отношеніе житій и службъ къ канонизаціи святыхъ вообще.

По этому вопросу въ нашей литературѣ уже высказано опредѣленное мнѣніе и намъ остается его только провѣрить. По этому мнѣнію, „составленіе жизнеописаній нашихъ подвижниковъ стоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о признаніи ихъ святыми, и такое мнѣніе имѣеть извѣстную долю значенія. Дѣйствительно, когда признавали кого-нибудь святымъ и полагали чтить его память, то въ это время особенно заботились о составленіи ему жизнеописанія;—таковъ несомнѣнно былъ вѣкъ Маварія. Но въ этомъ случаѣ нужно строго различать признаніе почитанія мѣстнаго отъ всероссійскаго, потому что признававшіе менѣе заботились о составленіи жизнеописаній святыхъ мѣстно чтимыхъ. Эта литературная дѣятельность въ составленіи жизнеописаній, имѣвшая большую связь съ инициативой сверху, строго должна быть отличена отъ инициативы литературныя дѣла снизу. Инициатива литературнаго дѣла, начинавшаяся сверху, имѣла въ виду искусную редакцію жизнеописанія, такъ что въ вопросѣ о редакціяхъ искусно составленныхъ господствующее мнѣніе можетъ имѣть свое приложеніе“²²¹⁾. Собранные нами факты изъ исторіи канонизаціи этого періода вполне подтверждаютъ это мнѣніе. Прежде всего, на основаніи ихъ мы можемъ сдѣлать то заключеніе, что житія, а равно и службы святымъ составляли необходимое условіе для ихъ церковнаго прославленія. Нѣсколько повднѣе, именно въ концѣ XVI вѣка, епископъ Варлаамъ, въ описаніи чудесъ Евфросиніи Суздальской, объясняя, что подобаеть святымъ, перечисляетъ стихиры, канонъ и житіе²²²⁾. Въ этотъ же періодъ хотя мы и не встрѣчаемъ столь ясно выраженнаго требованія, но тѣмъ не менѣе практика этого времени показываетъ, что послѣднее существовало. Ибо всегда канонизація того или другаго святаго сопровождалась появленіемъ житія его и составленіемъ службы ему. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи собранные нами факты позволяютъ намъ сдѣлать выводъ двойнаго рода. Прежде всего, иногда житіе святаго появлялось задолго до его церковной канонизаціи, какъ напр. преп. Ѳеодосія Печерскаго, Варлаама Хутынскаго, Никиты Переяславскаго, св. Исаи Ростовскаго, св. великаго князя Михаила Черниговскаго, Сергія Радонежскаго (Епифаніевская редакція) и др., и въ этомъ случаѣ оно обыкновенно подготовляло канонизацію и вызывало ее. Иногда же оно являлось уже по поводу совершенія канонизаціи и составлялось послѣ нея; въ этомъ послѣднемъ случаѣ житіе было слѣдствіемъ цер-

²²¹⁾ Некрасовъ, Зарожд. Націон. Литер. 133—134.

²²²⁾ Ключевскій, Житія, 386.

ковной канонизации. Таково, напр., появление житий Леонтия, еп. Ростовскаго, Петра и Алексія, митрополитовъ Московскихъ, препод. Кирилла Бѣлозерскаго. При этомъ не трудно замѣтить, что инициатива первыхъ житий всегда выходила снизу, тогда какъ инициатива составленія вторыхъ принадлежала высшей власти Русской Церкви, епископу или митрополиту съ соборомъ, какъ составлены, напр., всѣ Пахоміевскія житія и житіе Ярославскихъ чудотворцевъ, написанное іеромонахомъ Антоніемъ. Но какъ бы то ни было, житіе святаго, являлось-ли оно до или послѣ канонизации, всегда составляло необходимое условіе ея. Все, что сказано о житіяхъ, вполне приложимо и къ службамъ, которыя, какъ и первыя, являлись иногда до канонизации (и въ этомъ случаѣ онѣ составлялись въ большинствѣ случаевъ безъ вѣдома высшей власти), а иногда послѣ нея (и въ этомъ случаѣ инициатива составленія ихъ принадлежала послѣдней), составляли также необходимое условіе канонизации, подготавливая или сопровождая ее.

Такъ какъ житіе и служба имѣли церковное употребленіе, то само собою разумѣется, что онѣ, прежде чѣмъ получить таковое значеніе, должны были быть, если не просмотрѣны, то, по крайней мѣрѣ, одобрены высшею духовною властью. По нѣкоторымъ фактамъ можно заключать, что таковой надзоръ высшей власти надъ житіями и службами существовалъ въ нашей Церкви и въ это время. Такъ, въ одной изъ редакцій житія св. Алексія, митрополита Московскаго, между прочимъ говорится, что составленная Птиримомъ, епископомъ Пермскимъ, служба въ честь открытія мощей его принесена была имъ къ митрополиту Іонѣ; затѣмъ съ вѣроятностью можно предполагать, что всѣ службы, которыя писались по порученію высшей власти, представлялись ей на разсмотрѣніе и одобреніе. Но какъ производилось это разсмотрѣніе житий и службъ въ данный періодъ и въ чемъ оно состояло,—на этотъ вопросъ, за неимѣніемъ свѣдѣній, трудно сказать что-нибудь положительное. Впрочемъ, относительно второй половины вопроса еще можно сдѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія. Извѣстно, что у насъ для житий и службъ существовала особенная форма или стиль, котораго наши агіобіографы строго всегда и держались. Поэтому можно думать, что „официальный церковный надзоръ бодрствовалъ только надъ установленнымъ стилемъ житія. Простыя біографическія записи не годились для церковной службы и мало распространялись даже въ неофициальной читающей средѣ“²²³). Послѣднее пред-

²²³) В. О. Ключевскій, Житія, 409.

положеніе очень вѣроятно, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что и въ послѣдующее время на Магариевскихъ соборахъ и послѣ нихъ этотъ надзоръ, какъ увидимъ ниже, не шелъ дальше вѣншей стороны житій и службъ или ихъ стила.

Намъ остается еще разсмотрѣть одно правило, которое въ настоящее время составляетъ одно изъ необходимыхъ условій совершенія канонизаціи,—это нетлѣніе мощей. Собранные нами факты даютъ намъ право сдѣлать заключеніе, что какъ въ Греческой Церкви нетлѣніе мощей не было необходимымъ условіемъ для совершенія канонизаціи, такъ и въ Русской такого условія за весь этотъ періодъ не существовало. Въ до-монгольскій періодъ всѣ святые были канонизованы или ранѣ открытія мощей ихъ, или гораздо позднѣе. Такъ, мощи Бориса и Глѣба, бывъ открыты, найдены нетлѣнными, но учредить праздникъ въ честь ихъ или канонизовать ихъ рѣшено было прежде, чѣмъ открыты были мощи. Въ извѣстіи о канонизаціи преп. Θεодосія ничего не говорится о его мощахъ. Св. Леонтій былъ канонизованъ не тотчасъ и не вскорѣ послѣ того, какъ были открыты и найдены нетлѣнными его мощи²²⁴). Хотя открытіе мощей Исаіи, епископа Ростовскаго, и произошло вмѣстѣ съ открытіемъ мощей св. Леонтія, однако, какъ мы видѣли, Исаія и послѣ долгое время не былъ канонизованъ, что несомнѣнно доказываетъ, что фактъ нетлѣнія мощей того или другого святаго не былъ условіемъ для его церковнаго прославленія.

Точно также и въ послѣдующее время въ нашей Церкви канонизація святыхъ, какъ показываютъ собранные нами факты, не обусловливалась нетлѣніемъ ихъ мощей²²⁵). Такъ, присматриваясь къ

²²⁴) Голубинскій Е. Е., Ц. И. I, 2, 341—42.

²²⁵) Какъ въ Греческой Церкви, такъ и въ Русской подъ нетлѣніемъ мощей не разумѣлась непрехнѣнно цѣлость всего тѣла, а только цѣлость костей. Прежде всего, говоритъ Е. Е. Голубинскій, самое слово „мощи“ значить именно кости (отъ глагола „мощи“, мочь т. е. то въ человѣческомъ тѣлѣ, что придаетъ ему силу, крѣпость, каковы кости) и съ совершенною ясностью иногда употребляется въ старомъ языкѣ для обозначенія ихъ однихъ, а не цѣлыхъ тѣлъ: въ 1472 году въ Москвѣ, по случаю перестройки Успенскаго собора, открывали гробы митрополитовъ, и въ одной лѣтописи читаемъ о результатѣ досмотра: „Иону цѣла суца обрѣтоша, Фотія же цѣла суца не всего, елины ноги толмоко въ тѣлѣ, а Кипріяна всего истаѣвша, елины мощи“ (П. С. Р. Л VI, 195). Что касается въ частности и собственно мощей святыхъ, то упомянутый выше лѣтописецъ прямо и ясно высказываетъ, что подъ мощами святыхъ должно разумѣть кости и говорить о простомъ народѣ: „кой толмоко не въ тѣлѣ лежитъ, тотъ у нихъ

ходу канонизации у насъ за это время, мы видимъ, что одни святые, не святъ, а того не помянуть, яко кости наги источаютъ исцѣленія“ (Ibid. 196). Зиновій Отенскій въ своемъ „Истинны показаніи“, писанномъ въ 1566 г., говоритъ: „во святыхъ Господнихъ въ церквахъ положенныхъ, воистинну удивляетъ вся воля Божія: чудо бо преславно воистинну—кости голы сухи на всякія недуги и болѣзни исцѣленія точать и бѣсовъ прогоняють“. Въ грамотѣ Новгородскаго митрополита Питирима отъ 1667 года читаемъ о мощахъ Нила Столбенскаго: „гробъ и тѣло его святое земли предадеса, а мощи святыя его цѣлы всѣ“ (А. И. IV, 207). Если съ сейчасъ приведенными указаніями относительно значенія и употребленія слова мощи мы обратимся къ извѣстіямъ о мощахъ святыхъ періода до-монгольскаго, то увидимъ, что и они въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорятъ о костяхъ, а не о цѣлыхъ тѣлахъ. Первоначальный нашъ лѣтописецъ, бывший монахомъ Печереваго монастыря и самъ отканывавшій, по порученію игумена, мощи преп. Θεодосія, говоритъ: „проконахъ (мѣсто въ пещерѣ, гдѣ положезъ былъ Θεодосій) велики и видѣхомъ (съ товарищемъ) и (Θеодосія) лежащъ мощьми, но состави не распалися бѣша и власи главнии притяскли бяху“; оборотъ „мощьми“ и слово „состави“ при соображеніи указаннаго выше не оставляетъ сомнѣнія, что лѣтописецъ говоритъ объ обнаженныхъ костяхъ, при чемъ вмѣсто не совсемъ опредѣленнаго „не распалися бѣша“ въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ совершенно опредѣленное „не рассыпалися быша“. О мощахъ Бориса и Глѣба, Леонтія и Исаіи сказанія говорятъ какъ о цѣлыхъ тѣлахъ (Голубинскій, Е. Е. Ц. И. I, 2, 342—43).

Если въ до-монгольскій періодъ, какъ думаетъ Е. Е. Голубинскій, мощи святыхъ полагались у насъ не на вскрытіи въ томъ смыслѣ, что оставялася открытою верхняя гробовая доска, а въ наглухо закрытыхъ гробахъ (Ibid. 443), то въ послѣдующее время у насъ, кажется, стали преимущественно полагать мощи святыхъ открытыми. Именно, такъ лежали мощи св. Сергія Радонежскаго, Іоны и Алексія, митрополитовъ Московскихъ, и Игнатія Ростовскаго. На такой именно обычай положенія мощей у насъ въ этотъ періодъ указываетъ самъ князь Иванъ Васильевичъ Ш, свидѣтельство котораго въ этомъ случаѣ имѣетъ особенное значеніе. Послѣдній, пріѣхавши въ Новгородъ, отправился поклониться гробу Варлаама Хутынскаго. Увидѣвши, что мощи преподобнаго лежатъ подъ спудомъ, князь обратился къ игумену монастыря съ вопросомъ: „почто не скрываютъ руки чудотворца Варлаама и къ мощамъ его не прикладываются, яко есть обычай у всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцевъ, къ честнымъ и святымъ ихъ мощемъ прикасаются и цѣлуютъ, яко же на Москвѣ у чудотворцевъ Алексія, Іоны митрополитовъ и у Сергія чудотворца“ (П. С. Р. Л. III, 241—2). Впрочемъ, какъ въ это время мощи нѣкоторыхъ святыхъ, какъ напр. Леонтія, Исаіи, Варлаама Хутынскаго Дмитрія Прилуцкаго, такъ и въ послѣдующее время, полагались подъ спудомъ, т. е. совершенно скрытыми въ землѣ. Почему онѣ не были полагаемы на вскрытіи, — на этотъ вопросъ трудно отвѣтить, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ были свидѣтельствованы и фактъ нетлѣнія ихъ былъ констатированъ, какъ, напр., преп. Варлаама Хутынскаго.

какъ, напр., Петръ, митрополитъ Московскій, преп. Кириллъ Бѣлозерскій, Варлаамъ Хутынскій были канонизованы задолго до открытія ихъ мощей; другіе, напротивъ, какъ напр. св. Игнатій, еп. Ростовскій, преп. Сергій Радонежскій, св. Алексій, митрополитъ Московскій, св. Ѳеодоръ Ярославскій и чада его — Давидъ и Константинъ были канонизованы уже послѣ обрѣтенія мощей ихъ.

Если же открытіе и обрѣтеніе мощей не всегда вело за собою канонизацію святаго, то естественно рождается вопросъ: какаѣ же были цѣль открытій ихъ? Авторы какъ краткихъ житій Леонтія и Исаи, такъ и повѣстей объ открытіи мощей святыхъ, являвшихся у насъ въ послѣдующее время этого періода, какъ, напр., преп. Сергія, Алексія и Ярославскихъ чудотворцевъ, говоря объ открытіи ихъ мощей и обрѣтеніи послѣднихъ нетлѣнными, выражаютъ такую радость, что какъ бы это было уже самымъ прославленіемъ святыхъ. Изъ сего можно заключать, что нетлѣніе мощей, если и не служило условіемъ канонизаціи, то подготовляло её. Что дѣйствительно такое значеніе и на самомъ дѣлѣ имѣло это обрѣтеніе мощей нетлѣнными, это видно изъ нѣкоторыхъ фактовъ этого времени. Такъ, канонизація нѣкоторыхъ святыхъ вызвана была именно обрѣтеніемъ ихъ мощей, о чемъ можно судить по ходу канонизаціи св. Алексія и Ярославскихъ князей, поводомъ и побужденіемъ къ которой именно послужило открытіе мощей этихъ святыхъ. Кромѣ того, открытіе мощей того или другого святаго, не сопровождаясь церковнымъ его прославленіемъ, всегда вело за собою мѣстное почитаніе угодника. Св. Леонтій, Михаилъ Черниговскій и его бояринъ Ѳеодоръ, Сергій Радонежскій, Игнатій Ростовскій, — всѣ эти святые начали уже мѣстно чтиться, какъ мы видѣли, со времени открытія ихъ мощей. Нагляднѣе всего это можно показать на св. Исаи Ростовскомъ, который со времени открытій мощей, хотя не былъ канонизованъ, но мѣстно чтился. Въ житіи его читаемъ, что образъ св. Исаи, стоявшій надъ его гробницею, всѣ почитаютъ и поклоняются ему ²²⁶).

Свидѣтельствованіе мощей, которое въ послѣдующее время всегда предшествовало открытію ихъ, и которое сопровождалось иногда очень сложными формальностями, мы во весь этотъ продолжительный періодъ встрѣчаемъ только однажды, — это при открытіи мощей Ярославскихъ чудотворцевъ, когда Ростовскій епископъ Трифонъ послалъ своего протопопа Константина „дозрѣти чудотворцевъ, како будутъ въ

²²⁶) Прав. Собесѣди. 1858, I, 447.

тѣлеси лежать, и како исцѣленія многа творять“²²⁷). Но этотъ фактъ, однако, не можетъ служить основаніемъ для какихъ бы то ни было выводовъ относительно существованія въ практикѣ нашей Церкви за это время свидѣтельствующихъ о мощей, какъ постояннаго правила совершенія канонизаціи; ибо если послѣдняя совершалась до открытія мощей, то само собою разумѣется, что свидѣтельствующія ихъ и не могло быть. Съ другой стороны, основываясь на молчаніи нашихъ лѣтописей объ этомъ, можно думать, что и вообще свидѣтельствующія о мощей у насъ въ это время не практиковалось; въ противномъ случаѣ, наши лѣтописцы не преминули бы завести такіе важные факты въ свои хроники.

III.

Изъ представленнаго обзорѣнія исторіи канонизаціи нашихъ святыхъ за все это время, мы видимъ прежде всего, что они были канонизованы собственною властью нашей Церкви безъ сношенія съ патріархами Константинопольскими, отъ которыхъ долгое время этого періода она зависѣла. Единственное исключеніе изъ этого общаго правила представляетъ канонизація 1339 года св. Петра, митрополита Московскаго, совершенная по сношенію съ Константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ XIV, которая, какъ вызванная особыми цѣлями, чисто политическими, при сужденіи о томъ, кому принадлежало въ этотъ періодъ право совершенія канонизаціи святыхъ и не можетъ браться въ счетъ. Такимъ образомъ, Русская Церковь, хотя въ большую часть этого періода и стояла въ большей или меньшей зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, но канонизацію своихъ святыхъ совершала собственною своею властью. Такъ это было, какъ мы видѣли, и въ Церкви Греческой, гдѣ канонизація святыхъ точно также принадлежала предстоятелямъ мѣстныхъ Церквей.

Собранные нами факты изъ исторіи канонизаціи святыхъ этого періода позволяютъ намъ сдѣлать по вопросу о томъ, кому принадлежало право канонизаціи въ нашей Церкви за это время, болѣе или менѣе точные выводы. Внимательно присматриваясь ко всѣмъ этимъ фактамъ, не трудно вывести изъ нихъ два общія правила относительно права совершенія канонизаціи. Обращая вниманіе на святыхъ, всеобще чтимыхъ въ это время въ Русской Церкви и о канонизаціи которыхъ сохранились свѣдѣнія, мы видимъ, что всѣ они были канонизованы или митрополитомъ однимъ, или же съ соборомъ епископовъ. Именно,

²²⁷) Степен. кн. I, 399.

такъ канонизованы были: св. Борисъ и Глѣбъ, Θεодосій Печерскій, св. Алексій, митрополитъ Московскій; митрополитъ одинъ или съ соборомъ епископовъ учреждалъ имъ праздники; по порученію его и собора были составляемы житія ихъ и службы. Къ этому же классу можно отнести и слѣдующихъ святыхъ этого періода: преподобныхъ Сергія Радонежскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Θεодора, князя Ярославскаго и чадъ его Давида и Константина, о которыхъ, какъ мы видѣли, сохранились извѣстія, что житія и службы имъ составлены были по порученію митрополита и великаго князя. Присматриваясь же къ канонизаціи остальныхъ святыхъ этого періода, не трудно замѣтить, что канонизація ихъ, сперва мѣстная, совершалась только мѣстнымъ епископомъ, по благословенію котораго устанавливалось празднованіе памяти ихъ, и составлялись службы и житія имъ. Такъ, напр., канонизованы были: св. Леонтій и Исаія, епископы Ростовскіе, Арсеній, еп. Тверской, Стефанъ, еп. Пермскій, преп. Савва Вишерскій и — какъ можно съ вѣроятностію думать — Владимиръ святой, преп. Антоній Печерскій, Михаилъ, князь Черниговскій и его бояринъ Θεодоръ, преп. Авраамій Ростовскій, Игнатій, епископъ Ростовскій и Никита Переяславскій.

Остается при этомъ еще рѣшить одинъ вопросъ: совершалась ли канонизація мѣстныхъ святыхъ съ разрѣшенія высшей духовной власти Русской Церкви, которую въ это время сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ митрополитъ, или же единственно властію одного мѣстнаго епархіальнаго владыки безъ всякаго сношенія и разрѣшенія перваго? Кажется, нужно было бы ожидать, что канонизація святыхъ должна стоять выше компетенціи одного мѣстнаго архіерея, исключительно завися отъ высшей власти въ Церкви. Но практика нашей Русской Церкви разсматриваемаго нами періода не подтверждаетъ этого. Напротивъ, не только, какъ мы видѣли, канонизація святыхъ совершалась мѣстными епископами, но тѣ же извѣстія, которыя говорятъ объ этомъ, совершенно умалчиваютъ о какихъ бы то ни было сношеніяхъ по этому поводу съ митрополитомъ. Такимъ образомъ можно думать, что канонизація мѣстныхъ святыхъ совершалась мѣстными епископами безъ сношенія съ митрополитомъ. Этотъ выводъ приобретаетъ еще бѣльшую вѣроятность, если мы припомнимъ, что и въ Греческой Церкви канонизація святыхъ, очень долго сохранявшая мѣстный характеръ, совершалась мѣстными епископами.

Въ тѣсной связи съ только что разсмотрѣннымъ нами вопросомъ стоитъ и вопросъ о характерѣ канонизаціи и объ условливаемомъ имъ характерѣ почитанія нашихъ святыхъ въ это время. Во весь

этот период весьма продолжительный мы можем указать только не болѣе семи святыхъ, во всей Русской Церкви прославляемыхъ, именно: св. Бориса и Глѣба, Θεодосія Печерскаго, св. равноапостольныхъ Владимира и Ольгу, Петра и Алексія, ~~и~~ строполитовъ Московскихъ. Только эти святые преимущественно во весь этотъ периодъ вносились въ древнѣйшіе харатейные мѣсяцесловы и прологи; по крайней мѣрѣ въ болѣе позднѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ этого рода намъ чаще всего встрѣчаются имена этихъ святыхъ. Точно также и праздники, въ честь ихъ установленные, торжественно совершались во всей Русской Церкви. Между тѣмъ, мы видѣли, что кромѣ этихъ святыхъ въ этотъ периодъ было не мало другихъ подвижниковъ, память которыхъ, прежде чѣмъ сдѣлаться всеобще празднуемою, долгое неопредѣленное время совершалась только мѣстно. Къ числу послѣднего рода святыхъ относятся всѣ прочіе святые, канонизацію которыхъ мы разсматривали въ первой части настоящей главы. Всѣ эти святые вносились долгое время только въ мѣстные святцы и прославлялись церковнымъ образомъ только въ той мѣстности, гдѣ они жили, подвизались и гдѣ покоятся св. мощи ихъ. Отсюда, значить, и канонизація святыхъ у насъ носила, главнымъ образомъ, въ это время мѣстный характеръ. Таковъ, впрочемъ, характеръ канонизаціи у насъ и долженъ былъ быть; ибо въ Греческой Церкви, которой во всемъ подражала Церковь Русская, канонизація святыхъ точно также носила исключительно почти мѣстный характеръ. Послѣдній тамъ обусловливался, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что право совершенія ея принадлежало мѣстному епископу. Точно также и въ Русской Церкви, какъ мы видѣли, право совершенія канонизаціи продолжало оставаться за епархіальными архіереями до самой половины XVI вѣка, когда это право перешло исключительно къ высшей центральной власти Русской Церкви. А такъ какъ власть каждаго епархіальнаго архіерея простирается только на одинъ округъ, составляющій его епархію, то, очевидно, и канонизація того или другого святаго, совершенная имъ, должна была имѣть силу для этой только епархіи. Дѣйствительно мы и видимъ, что святые, канонизованные только властью мѣстнаго епископа, какъ, напр., св. Леонтій и Исаія Ростовскіе, Арсеній Тверской и Стефанъ Пермскій и др., очень долгое время оставались только мѣстно чтимыми святыми.

Если же канонизація нашихъ святыхъ за весь этотъ периодъ преимущественно носила мѣстный характеръ, то естественно ожидать, что такой же характеръ носило и почитаніе святыхъ. Дѣйствительно, присматриваясь къ внутренней жизни Русскаго народа за все это время,

мы видимъ, что почитаніе святыхъ тогда у насъ было исключительно мѣстнымъ. Святой прославлялся только въ своей мѣстности, гдѣ онъ родился, подвизался. Правда, были за этотъ періодъ нѣкоторые святые, прославляемые всею Русскою Церковью; но число ихъ сравнительно съ общимъ количествомъ мѣстно чтимыхъ въ это время угодниковъ очень незначительно. Это теоретическое мнѣніе, выведенное а priori изъ характера за этотъ періодъ канонизаціи нашихъ святыхъ, вполне подтверждается и нѣкоторыми историческими памятниками того времени. Всего лучше и яснѣе этотъ мѣстный взглядъ древне-русскаго человѣка на святыхъ угодниковъ подтверждается важнымъ въ этомъ отношеніи указаніемъ изъ рукописнаго житія св. Проконія Устюжскаго. Вотъ это мѣсто: „великій Новградъ блажить архіепископовъ Іоанна и Евфимія, Никиту и Іону, и преп. Варлаама и Савву, и Михаила Клопскаго. Псковъ же градъ блажить блаженныхъ благовѣрныхъ и великихъ князей Всеволода и Довмонта. Московское же Русское царство блажить и славить преосвященныхъ митрополитовъ Петра и Алексія, и Іону, и блаженныхъ Христа ради Максима и Василія, и иныхъ святыхъ. Ростовъ же блажить и славить епископовъ Леонтія и Исаію, и Игнатія, и Якова, Вассіана и Ефрема, и Авраамія, и Сидора блаженнаго. Смоленскій градъ же и Ярославль блажить и славить великаго князя Θεодора и чадъ его Давида и Константина. Градъ же Вологда блажить и славить пр. Дмитрія Прилуцкаго, и иныхъ же тамо окрестныя веси славятъ преподобныхъ отецъ Корнилія Комельскаго, Павла Обнорскаго и Сергія Нурмельскаго, и Діонисія и Амфилохія Глушицкихъ. Сѣверная же страна по Двинѣ рѣцѣ зовомая рѣка Бага, на пей же грады и веси, и тамо блажатъ и славятъ Георгія, юродиваго Христа ради. Соловецкій же островъ въ понтѣ Окіана моря и вси окрестные жители блажатъ и славятъ преп. о. Зосиму и Савватія. И кааждо убо страна и градъ блажить и славить и похваляетъ своихъ чудотворцевъ. Восточная же страна, въ ней же градъ имянуемый Устюгъ и градъ Выборъ, предѣлъ Соли-вычегодскія, и окрестныя ихъ предѣлы и веси блажатъ и прославляютъ тебе, досточудне и преблаженне Проконіе. Имѣемъ тя вси, яко стража и хранителя, и заступника граду нашему, яко никогда убо ты воздремлещи, ниже опочіеши, но всегда сохраняя отчину свою великій градъ Устюгъ и окрестныя предѣлы, и веси, и вси живущія ту люди“²²⁸⁾). Не менѣе ясно проведенъ этотъ господствующій у насъ тогда мѣстный взглядъ на

²²⁸⁾ Яхонтовъ, 264, примѣч. 1.

святыхъ угодниковъ и въ „повѣсти о Нифонтѣ, еп. Новгородскомъ“, съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ отъ выше приведеннаго уже нами мѣста, что въ этомъ житіи это мѣстное почитаніе ставится въ связь съ такимъ же почитаніемъ святыхъ и въ другихъ христіанскихъ странахъ. Именно, въ „Похвалѣ святителю Христову Нифонту, епископу Новгородскому“, мы читаемъ: „хвалить бо Римъ великій и со окрестными грады Петра и Павла.... А Іоанна Богослова, дѣвственника и наперстника Христова, Ефесъ градъ великій и Потмоскій островъ и вся страна Асійская похвалными пѣснями почитаетъ.... Марка же великая Александрія хвалить.... Также хвалить и Лоуку градъ Ангинохія и со окрестными грады и весми..... Также хвалить и Греческая земля царя Константина съ матерію Еленою, равноапостольское дѣло сотворивша и крестъ Христовъ и копіе и гвоздие обрѣтша. И градъ же Кіевъ и вся Русская земля великаго князя Владимира похваляетъ.... Московская же земля Петра Митрополита, иже въ ученіи превеликаго. Ростовская же святителя своего Леонтія епископа.... Псковская земля оублажаетъ своихъ чудотворцевъ великаго князя Всеволода Мстиславича, нареченнаго во св. крещеніи Гавриила и преп. о. Евросина и спостника его Савоу, Крыпецкія обители начальника.... О пречистѣйшій святителю Христовъ Нифонтѣ! тебе же хвалить Великій Новъградъ и вся земля Новгородская и Псковская, епископа своего нелѣностнаго во оученіихъ и крѣпкаго въ терпѣннѣи, и многи души спасаа добродѣтельнымъ своимъ оученіемъ и ко Христу приведшаго и Церковь Божию просвѣтившаго, и отъ ересей соблюлъ еси непоколебиму и не мятежну“²²⁹⁾. Изъ этихъ двухъ приведенныхъ мѣстъ видно, что большинство нашихъ святыхъ, канонизованныхъ въ этотъ періодъ, были только мѣстно-чтимыми святыми. Ниже мы приведемъ еще нѣсколько фактовъ для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдиться въ этомъ, а теперь обратимся къ разсмотрѣнію причинъ такого усиленнаго развитія у насъ мѣстнаго почитанія святыхъ.

Одну изъ причинъ этого усиленнаго развитія у насъ въ это время мѣстнаго чествованія угодниковъ мы уже знаемъ. Эта причина, которую можно назвать каноническою,—та же самая, какая была и въ Греческой Церкви, именно—мѣстный характеръ канонизаціи святыхъ. Но и помимо этой, такъ сказать, канонической причины были въ жизни Русскаго общества того времени условія, которыя еще болѣе могли усилить дѣйствіе въ этомъ направленіи главной и первой

²²⁹⁾ Памяти. стар.-русс. литер. т. IV, 7—8.

причины. Къ такимъ условіямъ, способствовавшимъ усиленію у насъ мѣстнаго почитанія угодниковъ, доходившаго до исключительности и презрительнаго отношенія, какъ увидимъ ниже, къ святымъ другихъ областей, можно отнести прежде всего и главнѣе всего раздробленіе Русскаго государства на удѣлы и обусловливаемыя послѣднимъ обособленность и разрозненность русскаго народа.

Удѣльный періодъ Русскаго государства совпадаетъ съ усиленнымъ развитіемъ у насъ мѣстнаго почитанія нашихъ святыхъ. Это уже одно совпаденіе много можетъ говорить о тѣсной причинной связи этихъ обоихъ явленій. Дѣйствительно въ Кіевской Руси послѣднее явленіе мало замѣтно. Но когда Русская земля распалась на множество центровъ, изъ которыхъ каждый, имѣя своего отдѣльнаго князя, своего епископа, жилъ совершенно отдѣльною, обособленною жизнью отъ другихъ подобныхъ же центровъ, то тогда на первый планъ выступаетъ мѣстный характеръ почитанія святыхъ, становясь характеристическою чертою удѣльнаго періода жизни Русскаго народа.

Такъ какъ каждый удѣлъ представлялъ изъ себя цѣлую, замкнутую общину, жившую своею особенною, вполне самостоятельною жизнью, то для каждаго удѣла важно было имѣть свою святыню, около которой онъ обыкновенно и сосредоточивался. Если ея не было, то всѣчески старались ее приобрести. Вспомнимъ Андрея Боголюбскаго, который, уѣзжая изъ Кіева, богатаго святынями, въ новый удѣлъ (Суздальскій), гдѣ ихъ не было, не остановился предъ похищеніемъ чудотворной иконы Божіей Матери. Точно также, смотря съ этой точки зрѣнія, для насъ понятна будетъ радость и въ то же время гордость, сквозящая въ словахъ этого же князя, которыя онъ сказалъ при открытіи мощей св. Леонтія, еп. Ростовскаго: „теперь я уже ничѣмъ не охужденъ“, разумѣется, предъ другими князьями, у которыхъ въ удѣлахъ были свои мощи. Такой святыней былъ въ большинствѣ случаевъ какой нибудь подвижникъ, святитель или князь, много поработавшій на благо этого удѣла. По смерти этого подвижника связь его съ своимъ удѣломъ не прекращалась. Переселившись въ другую жизнь, онъ и тамъ продолжалъ свою прежнюю благотѣльную дѣятельность. Но и эта посмертная дѣятельность святаго простирается не на весь Русскій народъ, а только на жителей опредѣленнаго края: святой является по смерти патрономъ именно той мѣстности, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни на землѣ. Отсюда произошло то весьма замѣчательное явленіе въ жизни Русскаго народа, что каждый удѣлъ, каждый почти монастырь наиболѣе старались „поставить на свѣщницѣ“, прославлять и чествовать только своего мѣстнаго святаго. Къ

нему преимущественно обращались съ молитвами о ходатайствѣ предъ Богомъ во время общественныхъ казней нибудь бѣдствій; его имя призывалось въ битвахъ и войнахъ, которыя приходилось вести за свободу своего родного города. Такъ, Псковитяне въ своихъ битвахъ и войнахъ съ Нѣмцами призывали своихъ князей Всеволода-Гавриила и Довмонта-Тимофея, считая ихъ патронами своего города. Обращаясь въ своихъ нуждахъ и во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ къ своему мѣстному, удѣльному святому и получая отъ него помощь, народъ естественно долженъ былъ болѣе прославлять и чествовать своего святаго въ ущербъ святымъ, которые были патронами другихъ удѣловъ. Такъ было и въ дѣйствительности: Ростовъ блажитъ Леонтія, Москва—Петра, Алексія, Іону, Псковъ—Всеволода и Довмонта, словомъ каждый городъ имѣлъ своего святаго, котораго преимущественно прославлялъ предъ другими святыми.

Такой взглядъ на святыхъ, какъ на патроновъ и покровителей одного какаго-нибудь города нагляднѣе всего обнаруживается въ отношеніяхъ къ этимъ святымъ князей и жителей какаго-нибудь другого удѣла, особенно враждебнаго первому. Обыкновенно, удѣль, имѣвшій много святыхъ, тщеславился ими и дерзалъ даже хульно отзываться о святыхъ и подвижникахъ другихъ мѣстностей. Примѣромъ подобныхъ отношеній къ чужимъ святымъ можетъ служить Сергій, москвичъ родомъ, назначенный архіепископомъ въ Новгородъ и назвавшій святаго Новгородскаго архіепископа Моисея „смердомъ“. Князья, извѣстные своею набожностью, не считали грѣхомъ грабить храмы чужихъ областей и награбленными сокровищами украшать храмы и раки святыхъ въ своемъ удѣлѣ. Такъ въ 1066 году Всеславъ Полоцкій взялъ Новгородъ и унесъ изъ его св. Софіи волокола, паникадила, ерусалимъ церковный и сосуды служебные ²²⁰⁾. Въ 1171 г. рать Андрея Боголюбскаго, предводимаго его сыномъ Мстиславомъ, взяла Кіевъ, и—„грабили монастыри и Софью и Десятинную Богородицу: церкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и колоколы изнесоша всѣ, и вся святыни взята бысть ²²¹⁾. Въ 1203 году Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ Кіевъ у своего соперника съ помощію союзниковъ и эти послѣдніе „митрополью св. Софью разграбиша, и Десятинную Св. Богородицу разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы одраша, а иныѣ поимаша, и кресты честныя и ссуды священныя и

²²⁰⁾ Новгород. 1 Лѣт. под. 1066 г. и Ипат. Лѣт. под. 1178 г. 2 изд., стр. 412.

²²¹⁾ Ипат. Лѣтоп. подъ 1171. г.

яниги, то положиша все собѣ въ полонъ ²³²). Въ послѣдующее время удѣльнаго періода можно найти еще болѣе фактовъ безцеремоннаго отношенія къ святынямъ другого удѣла. Стоитъ только вспомнить Московскихъ князей, которіе обыкновенно по присоединеніи того или другого удѣла всѣ святыни послѣдняго свозили къ себѣ на Москву. Благодаря именно такому хищничеству князей, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ очутились: икона Спаса изъ покореннаго Новгорода, изъ Устюга икона Благовѣщенія, предъ которою молился Проконій Устюжскій объ избавленіи города отъ каменной тучи, изъ Владиміра икона Одигитріи, изъ Пскова икона Псково-печерская.

Всѣ эти факты, приведенные нами для иллюстраціи отношеній жителей одного удѣла къ святынямъ другого, безъ сомнѣнія для насъ кажутся въ настоящее время весьма странными. Но если мы станемъ на точку зрѣнія того времени, то всѣ эти факты найдутъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ воззрѣніи, по которому тотъ или другой святой считался исключительно только ходатаемъ за свой городъ. Поэтому князь одного удѣла, грабя святыни и храмы другого и награбленными сокровищами украшая раки своихъ мѣстныхъ чудотворцевъ, оставался вполнѣ вѣрнымъ современному ему воззрѣніямъ; ибо чрезъ это онъ унижалъ святыню другого удѣла и еще болѣе прославлялъ свою. Точно также для насъ, если мы будемъ смотрѣть съ точки зрѣнія этихъ воззрѣній, будетъ понятно и то явленіе, что князья, присоединяя къ своему удѣлу какой нибудь другой, старались перенести въ главный свой городъ и всѣ святыни его: будетъ-ли то чудотворная икона, или даже просто колоколь. Мы уже выше говорили, что каждый удѣлъ сосредоточивался около какой-нибудь святыни. Поэтому послѣдняя служила залогомъ отдѣльности и индивидуальности области. Отсюда какъ скоро тотъ или другой удѣлъ терялъ свою святыню, то вмѣстѣ съ нею терялъ какъ бы и свою самостоятельность, что и выражалось наглядно перемѣщеніемъ святыни изъ покореннаго удѣла въ главный городъ покорившаго. Такова напр. исторія, перенесенія иконы Всемиловитаго Спаса изъ Софійскаго Новгородскаго собора въ Москву въ 1476 году великимъ княземъ Іоанномъ Васильевичемъ, которую онъ взялъ именно какъ священный трофей покоренія Новгорода ²³³), а также и исторія перенесенія иконы Одигитріи

²³²) Лавр. Лѣт. подъ 1203 г.

²³³) Снегиревъ, Памят. Моск. древн., стр. 11.

Смоленскія Божія Матери, которая была взята великимъ княземъ Василиемъ Иоанновичемъ изъ покореннаго имъ Смоленска въ 1514 году ²³⁴⁾

Таковаго рода возрѣнія на святыхъ, какъ на покровителей только извѣстнаго края, извѣстной области, господствовавшія у насъ въ удѣльный періодъ, естественно должны были повести за собою и мѣстное почитаніе ихъ. Святой прославлялся какъ великій чудотворецъ и ходатай только въ той области, въ томъ городѣ, покровителемъ котораго онъ считался. Вслѣдствіе этого происходило то, что, наприм., святые новгородскіе не прославлялись на Москвѣ, и наоборотъ. При той обособленности и разрозненности, при той децентрализаціи, которая необходимо связывалась съ удѣльнымъ порядкомъ вещей, иногда мотивы непочитанія одною областію святаго другой были чисто политическаго характера. Такъ, мы знаемъ уже, что въ Новгородѣ не было чествованія преп. Сергію, особенно почитаемаго въ Москвѣ. Его стали чтить тамъ только уже при Василии Темномъ, въ послѣдніе годы независимости Новгорода. Владыка Іона, отправляясь въ Москву хлопотать за свой городъ предъ суровымъ княземъ, далъ обѣтъ построить въ Новгородѣ первый храмъ св. Сергію ²³⁵⁾. Еще нагляднѣе эти политическіе мотивы проглядываютъ въ исторіи канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго, этого перваго изъ соработниковъ въ собираніи Русской земли. Мы видѣли, что св. Петръ, хотя и былъ ранѣе мѣстно канонизованъ, но въ силу того, что этотъ святой тянулъ всегда на сторону Москвы, почитаніе его оставалось долгое время мѣстнымъ. Другіе удѣлы, враждебно относившіеся къ Москвѣ за ея попытки къ собственному на чужой счетъ возвышенію, никогда не стали бы прославлять этого святаго уже по тому одному, что онъ сталъ покровителемъ враждебной Москвы. Чтобы преодолѣть эти чисто политическіе мотивы, пришлось, какъ мы видѣли, обратиться къ экстреннымъ мѣрамъ, именно прибѣгнуть къ Константинопольскому патріарху и его авторитетомъ заставить другіе удѣлы прославлять покровителя Москвы, св. Петра, какъ святаго и великаго чудотворца. Та же самая политическая рознь и антагонизмъ, существовавшіе между разными областями и служившіе причиною мѣстнаго характера почитанія нашихъ святыхъ, соединенные, конечно, съ низкимъ умственнымъ и религіознымъ развитіемъ, были причиною того, что иногда жители одного удѣла относились съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ къ святынямъ и святымъ

²³⁴⁾ Ibid., стр. 14—15.

²³⁵⁾ Костомаровъ, Сѣверно-русс. народоправства II, 314.

другого удѣла. Особенно такового рода отношенія ярко обрисовываются отношеніями Москвы къ Новгороду, причемъ первая не рѣдко дѣйствительно стремилась какъ будто даже унижить Новгородскую святиню. Существуетъ сказаніе, отчасти уже извѣстное намъ, въ которомъ повѣствуется, что Іоаннъ III пожелалъ видѣть мощи препод. Варлаама Хутынскаго, вѣроятно, не довѣрая ихъ дѣйствительности, но былъ вразумленъ чудеснымъ пламенемъ, вырвавшимся изъ земли, и уразумѣлъ, что святиня завоеванной земли не подлежитъ волѣ завоевателя ²³⁶). Но еще ярче и рельефнѣе проглядываетъ это пренебрежительное и презрительное отношеніе къ святымъ не своей области въ лѣтописномъ разсказѣ о томъ, какъ коренной москвичъ Сергій, назначенный архіепископомъ въ Новгородъ, не хотѣлъ почитать мощей великаго угодника Новгородскаго Моисея. Вотъ самый разсказъ. Во время путешествія въ Новгородъ Сергію пришлось проѣзжать мимо монастыря Архангела Михаила на Сквородкѣ. Зашедши въ этотъ монастырь и поклонившись иконамъ, „молебная совершивъ по обычаю“, онъ пошелъ было изъ церкви, но тутъ на паперти „сказаша ему гробъ строителя монастыря того архіепископа Моисея. Онъ же возрѣвъ на священника (его сопровождавшаго), и повелѣ ему гробъ скрыти архіепископа Моисея; священникъ же, не смѣя дерзнути гроба скрыти святительска, и рече архіепископу Сергію: подобаетъ святителю святителя скрывать; архіепископъ же Сергій рече съ гордостію: кого сего смердовича и смотрити? — и поиде изъ монастыря, и всѣдъ на конь и пріѣде въ Новгородъ“ ²³⁷). Впрочемъ, такое отношеніе къ Новгородской святинѣ Сергію не прошло даромъ. Лѣтописецъ Новгородскій, записавшій этотъ фактъ, продолжаетъ далѣе: „и бысть отъ того времени пріиде на него изумленіе, овогда выдаху его въ Евѡміевской паперти въ одной ряскѣ сѣдяща, овогда же выдаху его въ полдни у св. Софїи сѣдяща въ одной ряскѣ и безъ манатин; и свезопша его болна къ Троицы въ Сергіевъ монастырь“ ²³⁸).

Такимъ образомъ, одною изъ главныхъ причинъ мѣстнаго у насъ въ этотъ періодъ почитанія святыхъ былъ удѣльный складъ нашего общества, который способствовалъ той разобщенности и разрозненности, которыя и обусловливали собою то обстоятельство, что святые, прославляемые въ одной области, не только не прославлялись въ другой, иногда сосѣдней съ первою, но тамъ часто не знали даже и дня

²³⁶) Костомаровъ, Сѣв.-русс. народопр. II, 334.

²³⁷) Пол. Собр. Л. III, 183—4.

²³⁸) Ibid. 184.

памяти ихъ. Что дѣйствительно удѣльный порядокъ, господствовавшій у насъ въ XII—XV в.в., былъ одною изъ главныхъ причинъ мѣстнаго почитанія святыхъ, это уже довольно ясно видно изъ приведеннаго нами выше примѣра канонизаціи св. Петра, митрополита Московскаго. Примѣръ этотъ ясно показываетъ, насколько сильно было дѣйствіе этой причины, если для преодоленія ея приходилось обращаться къ авторитету патріарха, такъ какъ авторитета главы Русской Церкви было недостаточно для этого. Но еще нагляднѣе и яснѣе доказывается эта тѣсная связь и зависимость мѣстнаго почитанія отъ удѣльнаго порядка вещей тѣмъ сразу бросающимся въ глаза явленіемъ, что съ уничтоженіемъ и съ постепеннымъ прекращеніемъ послѣдняго постепенно уменьшалось и первое, и когда къ XVI вѣву уничтожились удѣлы и вполне сформировалось Московское государство, тогда и мѣстное почитаніе святыхъ въ такой узкой, исключительной формѣ, въ какой оно выражалось до этого времени, совершенно уничтожается. Дѣйствительно, внимательнѣе присматриваясь къ исторіи канонизаціи нашихъ святыхъ за это время, не трудно замѣтить странное, повидимому, явленіе: многіе наши святые, какъ напр. св. Леонтій, Исаія и Игнатій, епископы Ростова, Авраамій Ростовскій, Антоній Печерскій, Дмитрій Прилуцкій, Никита Переяславскій, св. бл. князь Михаилъ Черниговскій и его бояринъ Феодоръ и др., бывшіе до половины XV вѣка только мѣстными святыми, вдругъ съ этого времени становятся общероссійскими святыми. Какъ это случилось, спрашивается? Не было ли произведено въ это время когда-нибудь общей канонизаціи всѣхъ этихъ святыхъ, подобной той канонизаціи, какая совершена была на знаменитыхъ соборахъ 1547 и 1549 годовъ? Но исторія намъ не сохранила ни одного даже намека на что-нибудь подобное. Отсюда и предположеніе это не можетъ быть принято. А между тѣмъ, очевидно, что этой метаморфозы не могло случиться, еслибы не были уничтожены причины, которыми обуславливалось мѣстное почитаніе нашихъ святыхъ. Присматриваясь въ порядку вещей въ это время у насъ на Руси, мы дѣйствительно видимъ, что въ XV вѣку прежній удѣльный складъ русскаго общества постепенно уничтожается, поддаваясь мало-по-малу давленію Москвы, стремящейся на развалинахъ стараго строя построить новое государство на началахъ самодержавнаго единодержавія. Задавшись такою идеей, Московскіе князья, благодаря, съ одной стороны, выгодному географическому положенію своего княжества, а съ другой, благодаря своей умной, энергической и упорной дѣятельности, направленной исключительно къ расширенію своихъ предѣловъ на счетъ сосѣднихъ областей, къ XV вѣку на-

столько успѣли осуществить свою идею, что чуть не цѣлая Россія была подѣ ихъ властію и отъ прежняго удѣльнаго строя остались одни обломки. Такое явленіе въ исторической жизни нашего народа несомнѣнно должно было такъ или иначе отразиться на всѣхъ сторонахъ жизни его. Стягиваніе удѣловъ подѣ высую руку Москвы, начавшееся еще съ XIV вѣка, отразилось и на почитаніи святыхъ. Мы выше видѣли, какую важную роль играла мѣстная святыня при удѣльно-вѣчевомъ складѣ Русскаго общества. Знаемъ и то, почему князья, порабощавшіе одинъ удѣлъ, старались перевезти къ себѣ и святыни его. Московскіе князья, присоединявшіе удѣлъ за удѣломъ, слѣдовали точно такой же политикѣ въ этомъ случаѣ. Присоединяя одинъ удѣлъ къ своему княжеству, они къ своимъ Московскимъ святымъ присоединяли и святыхъ покореннаго удѣла. Такимъ образомъ, объединеніе Руси Москвою, начавшееся уничтоженіемъ удѣловъ, вело за собою необходимо и объединеніе всѣхъ святыхъ, начавшееся съ постепеннаго ослабленія мѣстности почитанія ихъ. „До сего времени наши святые, говорятъ Буслаевъ, прославляемые какъ знаменитые дѣятели въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они подвизались, становились героями мѣстными, и въ теченіе вѣковъ память ихъ чтилась, какъ областная или мѣстная святыня. Какъ въ государственномъ дѣлѣ Москвѣ суждено было покорить всѣ областныя силы древней Руси и сосредоточить ихъ въ себѣ, такъ и въ отношеніи мѣстныхъ святыхъ Москва стала центромъ, къ которому собирались всѣ областныя священныя преданія и изъ мѣстныхъ провинціальныхъ стали потомъ все-россійскими. Въ области литературы это совершилось въ XIV вѣкѣ при пособіи образованнаго Новгорода въ Маварьевскихъ Четвѣ - Минеяхъ, въ которыя внесены были многія сказанія о мѣстныхъ русскихъ святыхъ и о мѣстныхъ святыхъ“³³⁹⁾, а въ церковной жизни русскаго народа это выразилось въ превращеніи прежнихъ мѣстно - чтимыхъ святыхъ въ общероссійскихъ.

Кладая общій взглядъ на пройденный нами періодъ канонизаціи русскихъ святыхъ, можно сдѣлать заключеніе, что въ общихъ чертахъ она совершалась точно такимъ же образомъ, какъ и въ Греческой Церкви. Это сходство касается не только общей формы и хода совершенія ея, но простирается еще и далѣе. Мы видѣли, что въ Греческой Церкви отличительною чертою канонизаціи святыхъ былъ мѣстный характеръ ея, что въ свою очередь вело за собою и мѣстное почи-

³³⁹⁾ Буслаевъ, Истор. очерки, т. II, стр. 2, 242.

таніе святыхъ. Другою отличительною чертою канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви была невыработанность и нѣкоторая неопредѣленность правилъ, регулирующихъ ея совершеніе. Тѣ же самыя отличительныя черты мы находимъ и въ Русской Церкви за этотъ періодъ.

Такъ, прежде всего Русская Церковь, хотя въ продолженіе пяти слишкомъ вѣковъ своего существованія, которые обнимаетъ разсмотрѣнный нами періодъ, воспитала весьма много угодниковъ Божіихъ; однако почти всѣ они чествуемы были только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подвизались и покоились по смерти, а не по всей Россіи. Да и эти мѣстныя чествованія, какъ не утвержденныя высшею властью въ Русской Церкви, властью митрополита и собора, не могли имѣть полной обязательности для православныхъ всѣхъ областей. Если же иногда учреждаемы были у насъ церковною властью и общія или повсемѣстныя празднества въ честь того или другого святаго, напр. въ XI вѣкѣ въ честь св. мучениковъ Бориса и Глѣба, въ началѣ XII вѣка—въ честь преп. Θεодосія Печерскаго, въ XIV вѣкѣ—въ честь святаго Петра, въ XV—въ честь св. митрополита Алексія, то подобныя событія были сравнительно рѣдки и совершались отдѣльно одно отъ другого. Отсюда и канонизація всеобщая въ этотъ періодъ является по большей части единичнымъ и случайнымъ актомъ; главный же характеръ ея, какъ и въ Греческой Церкви, во весь этотъ періодъ по преимуществу былъ мѣстный.

Что касается далѣе правилъ, которыми руководились у насъ въ это время при совершеніи канонизаціи святыхъ, то мы видимъ только одно общее и главное правило,—это требованіе чудесъ, при чемъ на освидѣтельствованіе или повѣрку ихъ, кромѣ одного или двухъ случаевъ, мы не находимъ никакихъ указаній. Такое отсутствіе выработанныхъ и точно сформулированныхъ правилъ естественно должно было такъ или иначе отражаться и на характеръ прославленія угодниковъ Божіихъ. Мы уже выше видѣли, что многіе изъ нашихъ святыхъ этого періода долгое время только мѣстно чтимы въ послѣдующее время становятся всероссійскими святыми, при чемъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о какомъ нибудь актѣ высшей духовной власти, изданномъ ею въ этихъ видахъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, общецерковное прославленіе того или другого святаго въ нашей Церкви не всегда являлось слѣдствіемъ утвержденія его высшею духовною властію, но часто предупреждало это утвержденіе, являясь само собою. Точно также встрѣчаемъ факты, показывающіе, что церковный контроль и надзоръ не всегда предупреждалъ и мѣстное почитаніе того или другого угодника; вслѣдствіе чего въ этотъ

періодъ было однимъ изъ обычныхъ то явленіе, по которому святой уже чтился церковнымъ образомъ, т. е. ему составлялось житіе и служба, имя его вносилось въ мѣсяцесловы и проч., хотя официальной канонизаціи его еще и не было. Любопытныя въ этомъ отношеніи извѣстія мы находимъ въ житіи юродиваго Устюжскаго Прокопія. Въ 1458 году пришедшій съ Москвы „нищій человекъ“ Іоаннъ, собравъ рассказы Устюжанъ о Прокопіи, заказалъ написать образъ его и построилъ надъ могилой блаженнаго „часовню малу“, гдѣ поставилъ образъ на поклоненіе приходящимъ, т. е. самовольно установилъ чествованіе святаго, еще не признаннаго Церковью. Соборнымъ іереямъ и діаконамъ „вниде въ сердца лукавый помыслъ“, не захотѣли они творить памяти блаженному, прогнали Іоанна, разорили и разметали его часовню и унесли образъ Прокопія. Но въ 1471 году Устюжскіе ратные люди, воротившись изъ похода въ Нижній, по обѣту построили надъ могилой Прокопія церковь во имя его, сдѣлали гробницу, на которой поставили образъ блаженнаго, „и отъ того времени начаша праздновати честно и торжественно праздникъ блаженнаго Прокопія мѣсяца Іюліа въ 8 день“. Во всемъ этомъ житіе не указываетъ участія церковной власти и только въ 1547 году Московскій церковный соборъ утвердилъ мѣстное празднованіе Прокопію 8-го Іюля ²⁴⁰). Кромѣ этого примѣра можно находить въ этотъ періодъ и другіе въ этомъ же родѣ. Такъ, въ 1539 году Даниилъ Переяславскій, хлопоча объ открытіи мощей св. князя Андрея Смоленскаго „его же никтоже помняше“, представилъ царю и митрополиту древній образъ его, стихиры съ канономъ изъ старыхъ книгъ, свидѣтельствуя при этомъ, что онъ Даниилъ „не предъ многими лѣты своимъ очима видѣ память ему сотворяему во храмѣ, въ немъ же мощи его почиваху, и службу ему совершаему и стихеры и канунъ имени его пѣваемы и на иконахъ образъ его написуемъ; нынѣ не вѣмъ чесо ради и таковъ святъ мужъ ни отъ кого поминаемъ“ ²⁴¹). Между тѣмъ ни митрополитъ Іосафъ, какъ заявили присланные въ Переяславль духовные слѣдователи, чудовскій архимандритъ Іона и Богородскій протопопъ Гурій, и никто изъ высшей іерархіи ничего не знали объ этомъ святомъ ²⁴²).

Подобныя явленія въ прославленіи нашихъ святыхъ, обусловливаемыя, съ одной стороны, недостаточностію контроля высшей цен-

²⁴⁰) Ключевскій, В. О. Житія, 387—8.

²⁴¹) Рук. Тр. С. Л. № 696, л. 223—4.

²⁴²) Ibid. л. 229—31.

тральной власти, съ другой, невыработанностию и проистекающею отсюда неясностию и неопредѣленностию правилъ и основаній, которыя могли бы служить руководствомъ при совершеніи канонизаціи святыхъ въ разсматриваемый нами періодъ, могли служить достаточнымъ побужденіемъ для митрополита Макарія—обратить свое особенное вниманіе на эти слабыя стороны ея и такъ или иначе исправить ихъ. Впрочемъ, сознаніе этихъ, если и не всѣхъ, то нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ, мы находимъ уже ранѣе. Въ XVI вѣкѣ мы не встрѣчаемъ уже ни одного факта совершенія канонизаціи мѣстнымъ епископомъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка мы встрѣчаемъ три факта послѣдней. Это—канонизація Пафнутія Боровскаго, Іакова Боровицкаго и Андрея, князя Смоленскаго. Несмотря на то, что канонизація этихъ святыхъ носитъ мѣстный характеръ, тѣмъ не менѣе совершается она уже митрополитомъ, т. е. высшею властью Русской Церкви. При этомъ въ послѣднихъ двухъ случаяхъ мы встрѣчаемъ уже и примѣненіе тѣхъ правилъ, которыя вошли въ постоянную практику нашей Церкви только не ранѣе второй половины этого вѣка. Но первую попытку къ болѣе однообразному прославленію святыхъ, къ выработкѣ болѣе опредѣленныхъ правилъ для этого предмета и представляютъ изъ себя знаменитые Макарьевскіе соборы 1547 и 49 годовъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы далѣе и перейдемъ.

ГЛАВА III.

Соборы 1547 и 1549 годовъ.

Соборы 1547 и 1549 годовъ, созданные митрополитомъ Макаріемъ для канонизаціи святыхъ, представляютъ явленіе, подобнаго которому мы не находимъ ни ранѣе, ни послѣ и не только въ Русской Церкви, но и въ Церквяхъ Востока и Запада. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не удивительно то обстоятельство, что, повидимому, внезапно возбуждается мысль собрать всѣ памяти святыхъ, которымъ до сего времени „не было соборнаго пѣнія и уставити празднованіе имъ по прежеуложенному уставу св. отецъ“ ¹⁾. Не менѣе удивительно и то обстоятельство, что какъ скоро, повидимому, эта мысль возбуждается, точно такъ же скоро и быстро она и осуществляется. Въ какіе нибудь два три года у насъ въ Русской Церкви канонизуется столько святыхъ, сколько не было канонизовано во всѣ предшествующіе пять вѣковъ, протекшихъ со времени основанія нашей Церкви до этихъ соборовъ. Какъ нова мысль, которая лежитъ въ основаніи этихъ соборовъ, такъ точно новъ и оригиналенъ и способъ осуществленія ея. Одною изъ отличительныхъ чертъ, характеризующихъ совершеніе канонизаціи до соборовъ 1547 и 1549 годовъ, былъ мѣстный характеръ ея. Святой обыкновенно прославлялся преимущественно только въ той мѣстности, гдѣ жилъ, подвизался и гдѣ хранились его мощи. Другою отличительною чертою канонизаціи того времени была невыработанность и простирающаяся отсюда неясность и неопредѣленность правилъ совершенія ея въ нашей Церкви и приложенія ихъ на практикѣ. Правда, встрѣчаются иногда указанія на приложеніе и примѣненіе къ практикѣ ея нѣсколькихъ правилъ, напр.: свидѣтельствванія чудесъ и мощей, провѣрки житій и каноновъ; но эти указанія такъ рѣдкъ и при томъ такъ часто неопредѣленны и неясны, что возводитъ ихъ въ

¹⁾ А. Э. 1, № 213.

общія правила совершенія тогда у насъ канонизаціи святыхъ мы не имѣемъ права. Между тѣмъ на Маварьевскихъ соборахъ мы не видимъ ничего подобнаго; напротивъ, съ перваго взгляда замѣчаемъ шагъ впередъ. Ими формулируются и вводятся въ практику Церкви опредѣленныя правила канонизаціи, которыя потомъ становятся у насъ постояннымъ руководствомъ при совершеніи ея; представляются новыя основанія и условія канонизаціи, при чемъ она принимаетъ характеръ обще-церковный, а не мѣстный, какой преимущественно имѣла до этихъ соборовъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что Маварьевскіе соборы имѣютъ весьма важное значеніе для канонизаціи нашихъ святыхъ, потому что со времени ихъ устанавливается болѣе правильный и постоянный способъ совершенія ея и начинается новый періодъ въ ея исторіи.

Несмотря, однако, на столь важное значеніе этихъ соборовъ въ дѣлѣ канонизаціи нашихъ святыхъ, имъ почему-то не посчастливилось въ нашей церковно-исторической наукѣ. Наши изслѣдователи-историки почему-то проходятъ мимо нихъ, ограничиваясь обыкновенно самыми общими замѣчаніями, а иногда и просто только однимъ констатированіемъ голаго историческаго факта. Даже люди, спеціально писавшіе о митрополитѣ Маваріи, бывшемъ душею этихъ соборовъ, и тѣ не считали нужнымъ много распространяться о нихъ, хотя и нужно было бы ожидать отъ нихъ болѣе или менѣе подробнаго изложенія исторіи этихъ соборовъ, такъ какъ послѣдніе составляютъ одну изъ видныхъ сторонъ церковной дѣятельности этого іерарха ²⁾. Трудно подыскать основательныя причины такого научнаго равнодушія къ этимъ соборамъ, имѣвшимъ такое важное значеніе для канонизаціи нашихъ святыхъ. Былъ-ли причиною послѣдняго недостатокъ матеріала и данныхъ, дѣйствительно, въ очень незначительномъ, какъ увидимъ ниже, количествѣ сохранившихся, или просто отсутствіе всякаго интереса среди нашихъ изслѣдователей къ вопросу о канонизаціи вообще, трудно рѣшить. Единственное, краткое, но имѣющее научный интересъ изслѣдованіе о занимающихъ насъ въ настоящее время соборахъ есть у В. О. Ключевскаго, въ его сочиненіи: „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ ³⁾. Авторъ послѣдняго сочиненія,

²⁾ Мы разумѣемъ здѣсь гг. Н. Лебедева и Защипинскаго. Изслѣдованіе перваго: „Макарій, митрополитъ всероссійскій“, помѣщено въ Чт. Общ. Люб. Дух. Пр. 1887 г., ч. 2, и 1878 г., ч. 1; а изслѣдованіе втораго подъ точно такимъ же заглавіемъ помѣщено въ журн. М. Н. Пр., т. 217 и 218.

³⁾ Ключевскій, Житія, 221—242.

правда, такъ сказать, мимоходомъ касается этихъ соборовъ, именно настолько, насколько они способствовали развитію и оживленію у насъ въ это время агіобіографіи, но тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ высказать много интересныхъ замѣчаній объ этихъ соборахъ.

Приступая къ исторіи самыхъ соборовъ, мы, прежде всего, въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ о нихъ укажемъ цѣль, побужденія и идею, которая легла въ основаніе этихъ соборовъ; затѣмъ, постараемся рѣшить вопросъ о томъ, кому принадлежала инициатива ихъ; наконецъ перейдемъ уже къ исторіи самыхъ соборовъ, сперва, конечно, внѣшней, а потомъ разсмотримъ какъ самый ходъ канонизаціи на этихъ соборахъ, такъ и значеніе ихъ для канонизаціи святыхъ въ послѣдующее время.

I.

Какъ цѣль, такъ и побужденія, послужившія поводомъ къ созванію соборовъ 1547 и 1549 годовъ, довольно ясно указываются самимъ митрополитомъ Макаріемъ и Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Такъ, первая довольно ясно намѣчена въ окружной грамотѣ митрополита Макарія, которую онъ разсылалъ послѣ этихъ соборовъ по церквамъ, въ слѣдующихъ словахъ: „мы же о Святѣмъ Дусѣ съ сынами своими, со архіепископы и епископы и со всѣми священными соборы, уставихомъ на томъ соборѣ праздновати по преуложенному уставу св. отецъ“⁴⁾ и проч. Такимъ образомъ, ближайшею цѣлью этихъ соборовъ было совершеніе канонизаціи святыхъ.

Если же мы, далѣе, обратимъ вниманіе на совершеніе канонизаціи святыхъ до этихъ соборовъ и сравнимъ съ прежнимъ способомъ настоящій способъ совершенія ея, то нетрудно будетъ опредѣлить и тѣ побужденія, которыя послужили поводомъ къ созванію соборовъ 1547 и 1549 годовъ. До XVI вѣка все-церковная канонизація была болѣе чѣмъ рѣдкимъ явленіемъ; въ большинствѣ случаевъ намъ встрѣчается канонизація мѣстная, при томъ какъ та, такъ и другая являлась случайнымъ и единичнымъ фактомъ. Теперь же канонизаціи приданъ собирательный характеръ, сдѣлана попытка ввести въ церковный календарь всѣхъ извѣстныхъ Русскихъ чудотворцевъ и притомъ сдѣлать ихъ достояніемъ всей Русской Церкви; въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія извѣстіе, что соборъ 1549 года „предалъ Божіимъ церквамъ“, для пѣнія и празднованія, всѣ собранныя и свидѣтельствованныя житія и каноны новымъ чудотворцамъ,

⁴⁾ А. Э. 1, № 213, 203.

не раздѣляя послѣднихъ на общихъ и мѣстныхъ, какъ это сдѣлалъ соборъ 1547 года; затѣмъ, церковное признаніе святаго становится дѣломъ общаго центрального собора Русской Церкви, а не епархіальной іерархіи ⁵⁾; наконецъ, на этихъ соборахъ прилагаются новыя правила канонизаціи, которыя уже потомъ постоянно практикуются въ нашей Церкви. Всѣ эти новыя черты канонизаціи святыхъ, появившіяся у насъ со времени только этихъ соборовъ, тѣмъ удивительнѣе, что ранѣе однѣ изъ нихъ совершенно не встрѣчались намъ въ практикѣ нашей Церкви, другія же, если и встрѣчались, то только въ зачаточномъ состояніи. Поэтому невольно является вопросъ, какимъ же образомъ могла произойти у насъ такая рѣзкая перемѣна какъ въ формѣ совершенія канонизаціи, такъ и въ характерѣ ея? Очевидно, были какія нибудь особенныя обстоятельства и причины, которыя, служа побужденіями, и обусловливали собою эту перемѣну. Какія же это могли быть обстоятельства и причины? Прежде всего такимъ побужденіемъ въ перемѣнѣ формы и характера канонизаціи могли служить неясность и неопредѣленность правилъ, а равно и недостаточность контроля высшей центральной власти Русской Церкви, которая замѣчалась въ чествованіи святыхъ до этихъ соборовъ;—все это, естественно, могло возбуждать мысль о ненормальности такого положенія въ умахъ лучшихъ людей того времени и желаніе выйти изъ него посредствомъ тѣхъ или другихъ мѣръ и средствъ. Что дѣйствительно такая мысль и такое желаніе могли имѣть мѣсто, это можно уже видѣть, съ одной стороны, изъ словъ Грознаго, который разумѣетъ именно этотъ недостатокъ контроля высшей церковной власти, когда говоритъ, „что праздновати повсюду симъ великимъ свѣтильникомъ неузаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныя раки со св. мощами бяху, ту и славими быша“ ⁶⁾, а съ другой стороны, изъ того, что въ XVI вѣкѣ намъ уже не встрѣчается случаевъ установленія мѣстнаго празднованія святому мѣстнымъ епископомъ. Даже благословеніе праздновать преп. Пафнутію Боровскому въ его обители, данное въ 1531 году, исходитъ уже отъ митрополита „со всѣмъ священнымъ его соборомъ“. Точно также отъ митрополита же исходитъ повелѣніе ежегодно совершать память св. Іакова Боровцаго, предписанное грамотой 1545 года митр. Макарія ⁷⁾, и св.

⁵⁾ Блючевскій, В. О. Житія, 227.

⁶⁾ Ключевскій, Житія, прил. 4, 461.

⁷⁾ Рук. Тр. С. Л. № 654, л. 74.

Андрея, князя Смоленскаго ⁸⁾). Затѣмъ, съ начала XVI вѣка мы встрѣчаемъ факты свидѣтельствования мощей и чудесъ и притомъ въ такой формѣ, въ какой оно практиковалось у насъ послѣ макарьевскихъ соборовъ, факты, указаніе на которые въ практикѣ раннѣйшихъ временъ мы, несмотря на продолжительность періода, встрѣчаемъ только одинъ разъ,—это при открытіи мощей Ярославскихъ чудотворцевъ, князя Θεодора и чадъ его—Давида и Константина. Да и то это указаніе констатируетъ собственно только самый фактъ свидѣтельствования, но ничего не говоритъ ни о формѣ, ни о способѣ совершенія послѣдняго. Уважемъ эти факты. Въ 1521 году Колязинскій игуменъ послалъ къ князю Георгію „како обрѣтоша тѣло блаж. Маварія цѣло и тлѣнню не причастно, отъ него многа и различна исцѣленія бываху, послажъ имена всѣхъ исцелѣвшихъ на хартіи написавъ; князь же Георгій прочеть написанное возрадоваса“ ⁹⁾). Вслѣдствіе этого донесенія, послѣдній, какъ говорится въ одной сохранившейся, въ высшей степени любопытной запискѣ, имѣющей предметомъ своимъ біографію преп. Маварія Колязинскаго, „лѣта 7032, марта во 2 день пыталъ Стрѣтеньскыя старицы Ефросинія Васильевой жена Кожина, о житіи преподобнаго Маварія чудотворца отъ каковыхъ родителей родися и каково было житіе его“ ¹⁰⁾ и проч. Въ 1544 году архіепископъ Новгородскій Θεодосій, по челобитью Боровицкихъ обывателей, духовенства и мірянъ, послалъ въ Боровичи „игумена Онтонова монастыря Константина, до Софійскаго собора священника Василея, да Софійскаго дьякона Патрикѣя, смотряти мощей Іаковлихъ и о чудесѣхъ его испытати многими людьми и священники“. Освидѣтствовахъ мощи Іакова, посланные „и про жизнь его опрашивали тѣхъ же мѣстныхъ священникъ и старость и волостныхъ людей добрыхъ—скольбо давно туто лежитъ и есть ли на него туто паметуки и знахари“. Ничего не узнавши объ этомъ, слѣдователи собрали показанія о совершавшихся у гроба Іакова чудесахъ и составили имъ опись, къ которой приложили руки всѣ духовныя лица, присутствовавшія при осмотрѣ мощей, и міряне, подтвердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ исцѣленій. Получивъ этотъ обыскъ, архіепископъ послалъ его митрополиту и т. д. ¹¹⁾). Всѣ сейчасъ при-

⁸⁾ Рук. Тр. С. Л. № 696, 225—32.

⁹⁾ Некрасовъ, Зарожд. націон. лит., 46.

¹⁰⁾ Некрасовъ, 47.

¹¹⁾ Рук. Тр. С. Л. № 654, л. 74—88.

веденные нами факты могутъ говорить намъ о сознаніи высшею властію необходимости болѣе строгаго отношенія къ канонизаціи святыхъ. Если же такая мысль разъ явилась, то нужны только благопріятныя обстоятельства для ея осуществленія и проведенія въ жизнь общества. И эти обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятно сложились къ половинѣ XVI вѣка.

Въ половинѣ XV вѣка самостоятельное политическое значеніе Византіи окончилось, а вмѣстѣ съ нимъ упало и значеніе самой Греческой Церкви. Наоборотъ, для Россіи XV—XVI вѣка, бывшіе эпохой постепеннаго возвышенія и усиленія гражданской и церковной власти, ознаменовались подъемомъ собственнаго духа, сознаніемъ національной независимости и преобладающаго значенія Руси въ ряду другихъ православныхъ обществъ. Прежде, въ періодъ существованія Греческой имперіи, послѣдняя считалась главною представительницею и защитницею всего православнаго міра. Теперь, съ паденіемъ Константинополя, она не могла, очевидно, играть такой уже роли. Къ кому же эта роль должна была перейти? Освобожденіе отъ монгольскаго ига, уничтоженіе удѣловъ и объединеніе Руси сдѣлали послѣднюю могущественною и сильною державою, вслѣдствіе чего національное самолюбіе Русскихъ и не замедлило перенести такую роль на самихъ себя. Теперь, по сознанію Русскихъ людей того времени, Русская земля осталась единственною представительницею православія, а ея государь—единственнымъ его защитникомъ. Особенное развитіе эта идея получила именно въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Василя Ивановича, а Іоаннъ Грозный стремился уже осуществить ее въ своей дѣятельности, исполнить тѣ обязанности, которыя налагало на него новое положеніе его въ Русскомъ государствѣ и Церкви,—именно, стремился поставить въ уровень съ этимъ положеніемъ Московское государство и Московскую Церковь. Въ царствованіе Василя Ивановича эта мысль ясно выражена была старцемъ Псковскаго Елизарова монастыря Филоеомъ: „Пресвѣтлѣйшему и высокостольнѣйшему государю..... браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святыхъ вселенскія и апостольскія Церкви Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успенія, иже вмѣсто Римскія и Константинопольскія просіявшу (ей). Церковь древняго Рима, говорится далѣе въ этомъ посланіи, пала, вслѣдствіе принятія Аполлинаріевой ереси. Двери Церкви втораго Рима - Константинополя града разсѣли агаряне. Сія же соборная и апостольская Церковь новаго Рима - державнаго твоего царства - своею христіанскою вѣрою, во всѣхъ концахъ вселенной, во всей поднебесной паче солнца свѣтитя. И да знаетъ твоя держава,

благочестивый царь, что всѣ царства православной христіанской вѣры сошлись въ одномъ твоёмъ царствѣ: единъ ты во всей поднебесной христіанинъ царь" ¹²⁾). Эти воззрѣнія на роль новаго Московскаго государства и его государя въ судьбахъ православія были, кажется, очень распространены въ обществѣ того времени, о чемъ можно судить какъ, съ одной стороны, потому, что тѣ же воззрѣнія проводятся и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ того же вѣка, такъ и потому, что къ тому же времени относятся сказанія о чудесномъ переходѣ святынь изъ Церкви Греческой въ Церковь Русскую, какъ единственное убѣжище теперь православія.

Эти новыя воззрѣнія на Русскую Церковь, какъ на центръ православія, и Русское государство, какъ единственную православную державу, должны были имѣть своимъ естественнымъ слѣдствіемъ стремленіе нашей Церкви возвыситься до уровня, соответствующаго ея новому положенію, показать себя достойною высокаго мѣста, способною выполнить ту великую задачу, которую Промыселъ назначилъ ей выполнить въ исторіи христіанства. Естественнѣе всего и прежде всего такое стремленіе нашей Церкви должно было отразиться на прославленіи нашихъ отечественныхъ святыхъ. Слава Церкви—ея святыне. Угодники Божіи суть ясныя свидѣтели благодати Божіей, почивающей въ Церкви. Отсюда, возвыситъ значеніе отечественной святыни и прославить своихъ отечественныхъ святыхъ было совершенно въ духѣ и потребностяхъ того времени. А для того, чтобы достигнуть послѣдней цѣли, нужно было собрать свѣдѣнія о святыхъ угодникахъ, открыть изъ-подъ спуда и поставить на видъ скрытое доселѣ сокровище. И мы дѣйствительно видимъ, что именно въ это время митрополитъ Макарій большую часть своей дѣятельности посвящаетъ изслѣдованіямъ о жизни Русскихъ святыхъ, образуетъ цѣлую школу писателей житій и производитъ безпримѣрную въ нашихъ лѣтописяхъ канонизацію святыхъ. Что дѣйствительно такого рода воззрѣнія, господствовавшія въ Русскомъ обществѣ половины XVI вѣка относительно своей выдающейся роли во всемъ православномъ мірѣ, частію обуславливали всю церковную дѣятельность этого времени и главнымъ образомъ соборы о новыхъ чудотворцахъ, доказательствомъ тому служить написанное, по порученію митрополита Мазарія, житіе св. Михаила Клопскаго. Писатель этого житія проводитъ ту мысль, что изысканія о жизни и дѣйствіяхъ святыхъ, направленные къ ихъ прославленію, производятся

¹²⁾ Прав. Собесѣдн. 1863 г. I, 344.

съ тою цѣлю, чтобы доказать, что Русская Церковь, хотя она и въ единонадесятый часъ выступила въ исторіи (т. е. основалась послѣ другихъ восточныхъ Церквей), но преуспѣвала усердіемъ дѣлателей отъ перваго часа. Не въ терніи и не на камени падали ея сѣмена, но на доброй тучной землѣ они приносили сторицествующіе плоды. Она столько воспитала святыхъ и великихъ мужей, что вселенная удивляется ихъ добродѣтельному житію. Ихъ прославляютъ не только православные, но и не разумѣющіе Бога, какъ объ этомъ ясно сказано въ житіи чудотворца и святителя Алексія, когда онъ удивилъ безбожныхъ агарянскихъ царей и львообразную ярость ихъ превратилъ въ овчью кротость¹³⁾. Другой біографъ, также стоявшій подъ вліяніемъ Макарія, описываетъ въ яреихъ чертахъ то впечатлѣніе, которое производили соборы о канонизаціи, и тѣмъ указываетъ и мотивы, вызвавшіе ихъ. Біографъ св. Саввы Крыпецкаго, извѣстный авторъ Псковскихъ житій, Василій, упомянувъ о соборномъ установленіи празднованія новымъ чудотворцамъ, замѣчаетъ, что съ того времени церкви Божіи въ Русской землѣ не вдовствуютъ памятими святыхъ и Русская земля сіяетъ православіемъ, вѣрою и ученіемъ, якоже второй Римъ и царствующій градъ: „тамъ бо вѣра православная испроказиса махметовою ересію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же въ рустей землѣ паче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ“¹⁴⁾.

Политическія условія, съ своей стороны, немало содѣйствовали развитію такого направленія и проведенію его въ жизнь. Кіевъ, Псковъ, Новгородъ, Суздаль и другіе центры древне-русской жизни, потерявъ самостоятельность, присоединились къ Москвѣ и подчинились центральной церковной власти. Мѣстные святые древнихъ городовъ Русскихъ, дотолѣ праздновавшіеся у себя дома, теперь являются какъ всероссійскіе святые и памяти ихъ торжественно устанавливаются на этихъ соборахъ.

Итакъ, съ одной стороны, усиленіе центральной власти Русской Церкви, которое необходимо должно было отразиться и на канонизаціи святыхъ, уничтоживъ мѣстность ихъ почитанія, съ другой, эти новыя воззрѣнія на Русскую Церковь, какъ на единственную представительницу теперь православія, которыя побуждали Церковь собирать въ одно цѣлое всѣ мѣстныя преданія о святыхъ и сдѣлать почитаніе ихъ общимъ, чтобы наглядно показать, что наша Церковь по количеству въ ней угодниковъ Божіихъ вполне можетъ соответствовать

¹³⁾ Чт. въ Общ. люб. духовн. проsv., 1878 г., I, 420—421.

¹⁴⁾ Блжечевскій, Житія, 227—228.

своему новому положенію,—все это вполне могло послужить источникомъ идеи, которая лежитъ въ основѣ соборовъ о новыхъ чудотворцахъ. Въ гражданской жизни эти новыя воззрѣнія нашего народа наглядно выразились въ вѣнчаніи Грознаго на царство, благодаря чему прежнее Московское княжество стало государствомъ, въ жизни же Церкви эти новыя воззрѣнія, въ силу того, что послѣдняя должна была соотвѣтствовать величію государства, послужили источникомъ къ прославленію нашихъ святыхъ.

Своего выразителя эта мысль, легшая въ основу соборовъ 1547 и 1549 годовъ, нашла въ лицѣ знаменитаго дѣятеля этой эпохи, митрополита Макарія. Послѣдній скорѣе и лучше, чѣмъ кто другой, могъ выполнить и осуществить это дѣло—произвестъ канонизацію святыхъ, доселѣ мѣстно чтимыхъ, какъ по своему личному характеру, такъ и по обстоятельствамъ жизни, давшей ему средства для осуществленія своихъ плановъ. Дѣятельность митрополита Макарія въ санѣ архіепископа Новгородскаго и затѣмъ митрополита Московскаго даетъ намъ полное право сдѣлать заключеніе о немъ, какъ о человѣкѣ, который цѣлью жизни своей поставилъ исправленіе недостатковъ, вѣками накопившихся въ Русской Церкви, и приведеніе въ болѣе строгій порядокъ того, что „поиспательсь“. Прибывши въ Новгородъ Великій, въ качествѣ его владыки, онъ вводитъ правильное общежитіе въ тамошніе монастыри, строитъ и украшаетъ храмы, поновляетъ обветшавшіе памятники церковной святыни, заботится объ украшеніи города, чтобы, по выраженію современнаго лѣтописца, было „велики лѣпо и чудно видѣти“¹⁵⁾. Благодаря этой своей дѣятельности, обусловленной его личнымъ характеромъ, Макарій достигъ того, что Новгородцы, еще не совсѣмъ привыкшіе къ потерѣ свободы и потому враждебно относившіеся въ Москвѣ и посылаемымъ отсюда въ Новгородъ правительственнымъ лицамъ, такъ были довольны управленіемъ Макарія, что тотъ же лѣтописецъ, характеризуя его дѣятельность, съ восторгомъ замѣчаетъ: „и бысть при семъ владыцѣ во всей его архіепископѣи молитвами его времена тиха и прохладна: коробью убо жыта купили по семи новгородовъ“¹⁶⁾. Сдѣлавшись митрополитомъ всероссійскимъ, Макарій дѣйствуетъ въ томъ же направленіи. Стоглавый соборъ и соборы о новыхъ чудотворцахъ проникнуты тою же руководящею его дѣятельностью идеею поновленія и приведенія въ порядокъ стараго, пришедшаго въ упадокъ. Такая

¹⁵⁾ П. С. Р. Л. VI, 301.

¹⁶⁾ П. С. Р. Л. IV, 282.

господствующая черта дѣятельности этого іерарха для насъ будетъ понятна, если мы хотя немного познакомимся съ его жизнью. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія то обстоятельство, что Макарій вышелъ изъ монастыря Пафнутія Боровскаго, воспитался въ преданіяхъ сферы, изъ которой вышло замѣтно выдѣляющееся направленіе въ средѣ Русскаго монашества XVI вѣка: согласно съ духомъ своего родоначальника, въ которомъ біографъ выставляетъ преобладающей чертой чувство мѣры—„безмѣрія во всемъ убѣгая, егда время бѣ, глаголаше потребная, и егда подобно, молчанію прилежаше, все во время творя“,—эта школа отличалась стремленіемъ къ дисциплинѣ, къ внѣшнему порядку и благолѣпію и сильнымъ практическимъ смысломъ¹⁷⁾.

На основаніи сказаннаго о личномъ характерѣ митрополита Макарія и его дѣятельности, нетрудно теперь для насъ рѣшить и вопросъ о томъ, кому принадлежала самая инициатива этихъ соборовъ. Въ нѣкоторыхъ источникахъ, сохранившихъ до нашего времени свѣдѣнія о соборахъ 1547 и 1549 годовъ, дѣло представляется такъ, что инициатива этихъ соборовъ и произведенной на нихъ канонизаціи принадлежитъ Іоанну IV. Такъ, въ житіи митрополита Іоны, авторъ его, сказавъ, что памяти многихъ святыхъ, прославленныхъ чудесами, „отъ многъ временъ и до нынѣ сокровены и забвенію преданы“, продолжаетъ далѣе: „и сего ради христілюбивый царь и великій князь Иванъ возвѣщаетъ боголюбивѣйшему митрополиту Макарію всея Русіи и совѣта блага просить отъ него, еже отъ многаго благоговѣнія и любви имѣя желаніе въ мысли своей, дабы симъ новѣйшимъ чудотворцемъ уставити праздноство во святыхъ Божіихъ церквахъ повсюду, якоже и прежнимъ, иже въ русской земли провозсѣавшимъ новымъ чудотворцемъ“¹⁸⁾. Та же самая мысль проводится довольно ясно и въ окружной грамотѣ этого митрополита, посланной имъ въ Вологду и на Бѣлоозеро и въ Троицкій Сергіевъ монастырь¹⁹⁾. Но гораздо вѣрнѣе дѣло представляется въ Стоглавѣ. Въ послѣднемъ ничего не говорится о первомъ соборѣ, инициатива же второго собора ясно приписывается митрополиту Макарію и бывшему подъ предсѣдательствомъ его первому собору: „по вашему святительскому соборному благословенію и прощенію и вашихъ ради святыхъ молитвъ

¹⁷⁾ Ключевскій, Житія, 221—222.

¹⁸⁾ Ключевскій, Житія, прилож. 4, 461.

¹⁹⁾ См. первую въ А. Э., 1, № 213; вторую — Чт. Общ. А. Д. Пр. 1878 г. 1, 428—429.

Божіимъ строеніемъ осія благодать Св. Духа и коснуса разуму моему, възде на память мнѣ и вожделѣ душа моя великое и неистоимое богатство отъ многихъ временъ сокровенно и забвенію предаю“²⁰⁾ и проч. Послѣднее представленіе дѣла будетъ вѣриѣ. Ибо трудно представлять, чтобы у семнадцатилѣтнаго царя—юноши, и притомъ юноши невоздержнаго, преданнаго всѣмъ излишствамъ молодости, могла возникнуть идея о канонизаціи святыхъ и при томъ въ такой непримѣрной въ исторіи формѣ, въ какой она была произведена на этотъ разъ. Если же въ житіи Іоны и въ первыхъ двухъ приведенныхъ грамотахъ инициатива дѣла приписывается самому царю, то только или потому, что Іоаннъ, толкнутый Магаріемъ посредствомъ вѣнчанія его на царство на новый жизненный путь, вездѣ и всюду хотѣлъ усвоить себѣ не только первейшую роль, но даже и инициативу, при чемъ, конечно, митрополитъ не могъ препятствовать государю въ этомъ безвредномъ въ существѣ дѣла желаніи его; или потому, что царь дѣйствительно принималъ видное участіе въ этихъ соборахъ, такъ какъ требовалось прежде всего его соизволеніе относительно ихъ, затѣмъ разрѣшеніе на призывъ мѣстныхъ владыкъ и вообще ему могла принадлежать вся внѣшняя административная дѣятельность, направленная на подготовленіе соборовъ; вслѣдствіе всего этого, въ окружныхъ грамотахъ инициатива послѣднихъ и могла быть приписана самому царю, хотя это и несправедливо. Что дѣйствительно инициативу этихъ соборовъ нужно приписывать именно митрополиту Магарію, непререкаемымъ свидѣтельствомъ въ пользу этой мысли можетъ служить и вся дѣятельность его въ Новгородѣ по составленію громаднѣйшаго изъ сборниковъ житій святыхъ и его особенная заботливость о написаніи житій Русскихъ святыхъ. „Магарьевскія Четвы-Миней, говоритъ В. О. Ключевскій, представляютъ такую же попытку централизаціи въ области древне-русской письменности, какой были соборы 1547 и 1549 годовъ въ области Русскихъ церковно-историческихъ воспомнаній“²¹⁾. Задавшись цѣлью собрать „всѣ святыхъ книги, какія обрѣтаются въ Русской землѣ“, Магарій долженъ былъ столкнуться съ тою же мѣстностью сказаній, какою была и въ почитаніи святыхъ. Ибо, говоритъ Бусласвъ, въ древней Руси первоначально не было и не могло быть словесности вообще Русской, а были преданія, сказанія и пѣсни,—кѣвскія, новгородскія, муромскія, рязанскія, ростовскія, смоленскія и т. д. Даже Москва, коренившаяся на

²⁰⁾ Стоглавъ, 43.

²¹⁾ Ключевскій, Житія 229.

преданіяхъ суздальскихъ и владимірскихъ, сначала является въ литературѣ съ своими мѣстными исключительными интересами, и только съ половины XVI вѣка начинаетъ поглощать въ своей энергической дѣятельности мѣстныя особенности старыхъ городовъ²²⁾. Эта мѣстность и разбросанность сказаній, вслѣдствіе чего происходила ихъ недоступность для всего Русскаго общества, естественно, могла навести Макарія на мысль собрать послѣднія всѣ по возможности въ одинъ сборникъ и сдѣлать черезъ это ихъ общедоступными. Къ осуществленію этой мысли Макарій приступилъ, еще будучи архіепископомъ Новгородскимъ, именно въ 1529 году, и надъ исполненіемъ ея работалъ очень долгое время. Эта его дѣятельность по составленію Четьи-Миней, въ которыя онъ старался собрать между прочимъ и житія Русскихъ святыхъ, естественно, могла натолкнуть его на мысль произвести общую канонизацію святыхъ, доселѣ только мѣстно-чтимыхъ, и чрезъ это сдѣлать почитаніе ихъ всецерковнымъ. Такимъ образомъ, въ этой дѣятельности Макарія по составленію Четьи-Миней можно видѣть начало и источникъ самой мысли соборовъ о новыхъ чудотворцахъ.

Какъ соборъ 1547 года, такъ соборъ 1549 г. имѣютъ совершенно одинаковую цѣль и одинъ и тотъ же предметъ; благодаря этому единству цѣлей и предмета ихъ, второй соборъ является естественнымъ продолженіемъ перваго; вслѣдствіе чего оба эти собора можно разсматривать за одинъ соборъ, какъ нѣкоторые дѣйствительно и дѣлаютъ²³⁾. Если же мы не слѣдуемъ этому плану, то единственно только въ видахъ достиженія ясности и болѣе раздѣльности представленія о каждомъ изъ нихъ, чего, конечно, трудно достигнуть при одновременномъ и совмѣстномъ изложеніи исторіи этихъ соборовъ.

II.

С о б о р ъ 1547 г о д а .

Изъ предварительныхъ свѣдѣній объ этихъ соборахъ мы знаемъ, что инициатива ихъ созванія должна быть приписываема митрополиту Макарію. Занимаясь составленіемъ своихъ Четьи-Миней, Макарій естественно могъ натолкнуться на мысль о всецерковномъ прославленіи святыхъ, большинство которыхъ до сихъ поръ только мѣстно

²²⁾ Буслаевъ, Истор. оч. русск. нар. слов. II, 108.

²³⁾ Напр. В. О. Блужевскій.

чилось. Безъ сомнѣнія, эту мысль онъ не замедлилъ сообщить царю Ивану IV. Послѣдній, находясь въ это время подъ благотворнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, самого Макарія, съ другой—Сильвестра и Адашева, переживалъ самые лучшіе годы своего царствованія, когда онъ съ усиленною энергіею заботился о нуждахъ государства и Церкви. Неудивительно поэтому, что молодой царь, только что самъ торжественно вѣнчавшійся на царство, близко къ сердцу принявъ мысль митрополита и постарался употребить всѣ мѣры съ своей стороны къ ея осуществленію. И вотъ, благодаря дружнымъ усилямъ двухъ выдающихся дѣятелей этой эпохи, въ 1547 году 26 Февраля созывается въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, соборъ, на которомъ присутствовали: Алексѣй, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій, Іона, епископъ Суздальскій и Торусскій Іона, епископъ Рязанскій и Муромскій ²⁴⁾, Азавій, епископъ Тверской, Θεодосій, епископъ Коломенскій и Каширскій, Савва, епископъ Сарскій и Подонскій, и Кипріанъ, епископъ Пермскій и Вологодскій, архимандриты и игумены ²⁵⁾.

Списокъ святыхъ, канонизованныхъ на соборахъ 1547 и 1549 годовъ, заключается въ четырехъ извѣстныхъ намъ документахъ и во всѣхъ ихъ въ не полномъ и не точномъ видѣ. Документы эти слѣдующіе: а) перечень святыхъ, напечатанный у Карамзина, взятый имъ изъ рукописи Іосифова Волоколамскаго монастыря № 134 ²⁶⁾; б) грамота митрополита Макарія на Бѣлоозеро ²⁷⁾; в) изложеніе соборное Макарія, посланное имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь ²⁸⁾; г) редакція житія митрополита Іоны ²⁹⁾. Первые три документа содержатъ въ себѣ перечень только тѣхъ святыхъ, которые канонизованы на соборѣ 1547 года. Въ послѣднемъ документѣ перечисляются святые обоихъ соборовъ безъ указанія на то, на какомъ изъ нихъ какой святой былъ канонизованъ. Но такъ какъ имена святыхъ, канонизованныхъ

²⁴⁾ Въ А. Э № 213, 203—Рязанскій епископъ названъ Іосифомъ, — но это невѣрно,—вообще эта грамота съ ошибками писца; поэтому мы будемъ болѣе обращаться къ Карамзину, у котораго въ примѣчаніи 87, 9 т. стр. 26 помѣщена выдержка изъ старой рукописной книги Іосифа Волоколамскаго монастыря объ этихъ соборахъ.

²⁵⁾ Карамзинъ, И. Г. Р. т. IX, прим. 87, 26; А. Э. I, № 213.

²⁶⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., т. IX, прим. 87, 26.

²⁷⁾ А. Э. I. № 213.

²⁸⁾ Чт. общ. люб. д. пр., 1878 г., 1, 428—29.

²⁹⁾ Блжечевскій, Житія, прил. 4, 460—63.

на соборѣ 1547 года, извѣстны изъ первыхъ трехъ документовъ, то, очевидно, сопоставленіе первыхъ трехъ и послѣдняго актовъ даетъ возможность опредѣлить, на какомъ изъ соборовъ каковой святой былъ канонизованъ.

По карамзинскому списку, на соборѣ 1547 года положено праздновать 12 святымъ повсюду и 9 мѣстно; въ граматѣ митрополита на Бѣлоозеро перечислены тѣ же святые, кромѣ св. Александра Невскаго, въ „изложеніи соборномъ“ Макарія митрополита, посланномъ въ Троице-Сергіеву Лавру, напротивъ, въ канонизованнымъ на первомъ соборѣ святымъ причислены еще св. Савва Сторожевскій и Никита, архіепископъ Новгородскій; такъ что по послѣднему акту всѣхъ святыхъ, которымъ установлено этимъ соборомъ повсемѣстное празднованіе, оказывается не 12 и не 11, какъ въ прежде извѣстныхъ актахъ, а 14. Въ житіи митрополита Ионы находятся въ числѣ канонизованныхъ святыхъ и Савва Сторожевскій и Никита, архіепископъ Новгородскій (послѣдній, впрочемъ, вмѣстѣ съ Нифонтомъ, архіепископомъ Новгородскимъ, приписаны на поляхъ, а не въ текстѣ)³⁰⁾.

Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предпочитать одинъ списокъ другому, такъ какъ относительно всѣхъ ихъ можно съ равнымъ правомъ думать, что имена святыхъ въ нихъ могли быть дополняемы писцами, или же послѣдніе могли дѣлать пропуски. Отсюда, конечно, весьма трудно составить совершенно вѣрный списокъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года. Впрочемъ, относительно 12 святыхъ, перечисленныхъ у Карамзина въ спискѣ всеобщихъ святыхъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія и недоразумѣнія, потому что они встрѣчаются во всѣхъ другихъ документахъ почти безъ всякихъ измѣненій. Сомнѣніе можетъ только являться относительно двухъ святыхъ—это Саввы Сторожевскаго и Никиты, архіепископа Новгородскаго, изъ которыхъ первый упоминается и въ житіи Ионы, и въ соборномъ изложеніи митрополита Макарія въ Сергіеву лавру, а второй только въ послѣднемъ, при чемъ оба эти святые въ этомъ уложеніи стоятъ въ спискѣ всеобщихъ святыхъ. Противъ внесенія преп. Саввы Сторожевскаго въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, мы ничего не можемъ сказать; что же касается до св. Никиты, архіепископа Новгородскаго, то есть основанія относить его канонизацію къ позднѣйшему времени, именно къ 1558 году³¹⁾. Поэтому перечень

³⁰⁾ Ключевскій, Житія, 462, примѣч. 2.

³¹⁾ Канонизацію Никиты, архіепископа Новгородскаго, относятъ—одни къ собору 1547 года (г. Лебедевъ), другіе—къ собору 1549 года (Макарій и Сер-

святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, по указаннымъ спискамъ долженъ явиться въ слѣдующемъ видѣ:

На соборѣ 1547 года положено праздновать:

а) *Всюду:*

1) Иоанну, архіепископу Новгородскому, 7 сентября,

Ионѣ, митрополиту всея Руси, 30-го марта,

Пафнутію Боровскому, 1-го мая.

Никону Радонежскому, 17 ноября,

5) Саввѣ Сторожевскому, 3-го декабря,

б) *Мѣстами:*

1) Константину и чадамъ его Михаилу и

Ефодору Муромскимъ, 1-го мая, Петру и

5) Евроніи Муромскимъ, 25 іюня,

Арсенію Тверскому, 2 марта,

Максиму Московскому юродивому, 13 августа,

гій, Агіол. 1, 193). Но намъ кажется, что какъ то, такъ и другое мнѣніе о времени совершенія канонизаціи этого святаго несправедливо. Единственное основаніе, которое можетъ говорить въ пользу канонизаціи св. Никиты на этихъ соборахъ,—это то, что имя его находится въ соборномъ уложеніи Макарія въ Троицкую Лавру. Что же касается до Житія митрополита Іоны, гдѣ имя этого святаго находится на полѣ, а не въ текстѣ, то оно едва-ли можетъ служить основаніемъ; такъ какъ, очевидно, имя его внесено когда-то послѣ. Поэтому вѣрнѣе и послѣдовательнѣе уже будетъ, какъ это и дѣлаетъ г. Лебедевъ, относить канонизацію св. Никиты къ первому собору. Но и съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ трудно согласиться по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего, нѣтъ рѣшительно никакого основанія утверждать, что соборное уложеніе митрополита Макарія въ Троицкую Лавру не могло подвергнуться ошибкамъ и порчѣ со стороны переписчиковъ. Примѣръ такой ошибки писца мы встрѣчаемъ въ подобной же грамотѣ того же митрополита на Бѣлоозеро, въ которой опущено имя св. Александра Невского. Затѣмъ, ниже мы увидимъ, что канонизація того или другого святаго на этихъ соборахъ стояла въ тѣсной зависимости отъ существованія житія и канона святому. Для перваго собора послѣднія были собраны и приготовлены самимъ Макаріемъ; для послѣдняго же собора это было сдѣлано епархіальными обысками. Между тѣмъ ни житія, ни службы св. Никиты мы не находимъ въ это время,—явный признакъ того, что они еще не были составлены. Ибо при существованіи ихъ трудно объяснить, почему митрополитъ Макарій, такъ долго жившій въ Новгородѣ и тамъ составлявшій свои Четьи-Минен, не помѣстилъ ихъ въ послѣднія. Между тѣмъ, какъ ниже увидимъ, есть основанія относить канонизацію св. Никиты къ 1558 году, когда открыты были его мощи и когда составлено было житіе его.

Макарію Колязинскому, 11-го
марта,

Михаилу Клопскому, 11 января,

Зосимъ Соловецкому, 17 апрѣля,

Савватію Соловецкому, по лавр.
17 апрѣля, по Карамзину 27 сен-
тября,

10) Павлу Комельскому, 10-го
января,

Діонисію Глушицкому, 1 Іюня,

Александрѣ Свирскому, 30 ав-
густа,

13) Александрѣ Невскому, 23
ноября.

Проконію и

9) Іоанну Устюжскимъ на Ус-
тюгѣ,

8-го Іюля ³²⁾).

Вотъ и все, что сохранила намъ достовѣрнаго исторія о соборѣ 1547 года. Какъ видимъ, извѣстія очень немногочисленныя. Само собою разумѣется, что при такомъ незначительномъ количествѣ извѣстій трудно воспроизвестъ полную картину этого собора, а тѣмъ болѣе написать исторію его. На многіе вопросы, какъ напр.: были ли какія нибудь подготовительныя работы къ нему, какими основаніями руководствовались отцы собора, канонизуя именно этихъ святыхъ, тогда какъ много было и другихъ, канонизація которыхъ совершена была уже послѣ на второмъ соборѣ 1549 года; какія были основанія, въ силу которыхъ отцы собора однимъ святымъ установили празднованіе всецерковное, а другимъ—только мѣстное,—какъ совершалась, наконецъ, самая канонизація всѣхъ этихъ святыхъ,—на всѣ эти вопросы

³²⁾ Г. Лебедевъ, при составленіи списка святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, слѣдуетъ исключительно, „уложенію соборному“ митрополита Макарія, посланному имъ въ Троице-Сергіевъ монастырь; вслѣдствіе чего у него, вмѣсто 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ повсемѣстныя празднованія, получается 14 (Чтенія Общ. Люб. Д. Пр., 1878 г., 1, 423—24). Но мы уже говорили, что совершенно нѣтъ никакихъ основаній предпочитать одинъ списокъ другому, такъ какъ возможность порчи ихъ переписчиками для всѣхъ ихъ одинакова. Преосв. Сергій (Агіологія I, 15, 193) и Макарій относятъ канонизацію св. Саввы Сторожевскаго и Никиты, архіепископа Новгородскаго, къ собору 1549 года, слѣдуя, очевидно, при составленіи списка святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, Карамзину и Ключевскому (Ц. И. митр. Макарія 8, 44).

въ дошедшихъ до насъ свѣдѣнiяхъ мы не находимъ никакого отвѣта. Причина, почему объ этомъ соборѣ дошло до насъ такъ мало извѣстiй, прежде всего, конечно, заключается въ томъ, что не сохранились самые акты или дѣянiя его ³³⁾. За неимѣнiемъ этихъ актовъ, для того, чтобы изслѣдованiе о соборѣ было болѣе или менѣе полно, приходится руководствоваться незначительными указанiями, разсѣянными въ нѣкоторыхъ житiяхъ святыхъ, написанныхъ во время или немного послѣ этого собора, и на основанiи ихъ давать болѣе или менѣе вѣроятные отвѣты на всѣ вышеуказанные вопросы. Для рѣшенiя же нѣкоторыхъ вопросовъ, безъ которыхъ исторiя его была бы неполною, за недостаткомъ положительныхъ данныхъ, приходится прибѣгать къ предположенiямъ, при чемъ дать послѣднимъ характеръ положительной истины, кажется, нѣтъ возможности. Отсюда и все изслѣдованiе собственно о внутренней сторонѣ этого собора по необходимости должно будетъ принять нежелательный намъ характеръ гипотетическiй. Не имѣя возможности измѣнить этого послѣдняго, мы стараемся сдѣлать одно,—это собрать все, что только можно, объ этихъ соборахъ, воспользоваться самыми незначительными извѣстiями, чтобы наши предположенiя о тѣхъ или другихъ возникающихъ вопросахъ, насколько возможно, ближе подходили къ истинѣ.

Прежде всего стараемся отвѣтить на первый вопросъ: были ли какiя нибудь подготовительныя работы къ этому собору?

Исторiя не сохранила извѣстiй о какихъ либо изысканiяхъ о жизни и чудесахъ святыхъ, специально назначенныхъ для собора 1547 года. Съ большою вѣроятностью можно предполагать, что такихъ спеціальныхъ изысканiй и не было. Ибо такiя предварительныя изысканiя къ собору 1547 года вполне могли замѣнять собою Макарьевскiя Четьи-Минеи. Что, дѣйствительно, послѣдняя мысль имѣетъ основанiе, это можно видѣть уже изъ самаго процесса собиранiя Макариемъ въ Новгородѣ русскихъ сказанiй о святыхъ. Задавшись этою цѣлью, Макарий образовалъ около себя цѣлое литературное общество, члены котораго одни рылись въ монастырскихъ библіотекахъ, стараясь найти

³³⁾ Вообще судьба этихъ соборовъ въ исторiи представляется довольно странною и трудно объяснимою. Изъ приведенныхъ уже нами словъ извѣстнаго агiобиографа макарьевскихъ временъ, Василiя, мы можемъ видѣть, какое сильное впечатлѣнiе производили эти соборы на современниковъ. Но несмотря однако на это, ни въ житiяхъ, въ такомъ множествѣ появившихся у насъ въ то время, ни даже въ лѣтописяхъ мы не находимъ извѣстiй объ этихъ соборахъ, а послѣднiя такъ и совсѣмъ молчатъ о нихъ.

нужный имъ матеріалъ, другіе переписывали разныя редакціи житій, третьи уже составляли новыя житія, или передѣлывали старыя сообразно требованіямъ времени. Самъ Макарій принималъ въ этой общей работѣ самое дѣятельное участіе. Онъ, какъ говоритъ одинъ изъ его помощниковъ, Илія ³⁴⁾, любилъ „день и ночь, яко пчелы сладость отовсюду приносить, поискати святыхъ житія. Мнози отъ святыхъ забвенію предани быша, сихъ убо святитель подъ спудомъ не скрываетъ, но на свѣщницѣ добродѣтели возлагаетъ“. Но кромѣ этого общаго характера дѣятельности этого архіепископа въ Новгородѣ, дѣятельности, направленной на отысканіе житій русскихъ святыхъ и ихъ переработку, при чемъ характеръ послѣдней, какъ ниже увидимъ, ясно показываетъ, что митрополитъ имѣлъ въ виду церковное употребленіе ихъ, есть еще одинъ фактъ, который можетъ говорить въ пользу нашей мысли. Въ 1537 году, по распоряженію Макарія, составлена была Василиемъ Михайловичемъ Тучковымъ новая редакція житія св. Михаила Клопскаго. Характеръ этой новой редакціи житія и тѣ побужденія, которыя ее вызвали, показываютъ, что архіепископъ имѣлъ въ виду будущее церковное употребленіе житія, что въ свою очередь необходимо требовало канонизаціи святаго. Прежняя редакція житія Михаила Клопскаго казалась архіепископу „весьма простою“, т. е. лишенною условнаго риторизма и вообще условныхъ литературныхъ формъ житія, назначеннаго для церковнаго употребленія. Это соображеніе подтверждается и тѣмъ, что, по распоряженію архіепископа Макарія, (слѣдовательно ранѣе собора 1547 года), написанъ былъ тому же преп. Михаилу Клопскому канонъ пресвитеромъ Іліею ³⁵⁾. Это уже прямо говоритъ за намѣреніе Макарія произвести канонизацію этого святаго. Соборъ 1547 года, опредѣляя предметы изысканій для будущаго собора о канонизаціи святыхъ, ясно указываетъ именно на житія, каноны и чудеса.

Въ тѣсной связи съ рассмотрѣннымъ нами вопросомъ стоитъ и слѣдующій за нимъ вопросъ,—почему соборъ 1547 года изъ множества святыхъ выбралъ и канонизовалъ именно только это ограниченное ихъ количество, а не другое? Рѣшивъ такъ или иначе первый вопросъ, мы постараемся дать отвѣтъ и на второй вопросъ, частію

³⁴⁾ Изъ послѣсловія къ житію Георгія, мученика Болгарскаго, авторомъ котораго былъ этотъ Ілія, мы узнаемъ, что онъ былъ іеромонахъ, служившій при домово́й церкви Новгородскаго владыки Макарія (Ключевскій житія, 235 стр.).

³⁵⁾ Чтенія Общ. Люб. Д. Пр., 1878 г. 1, 422.

зависящей отъ рѣшенія перваго. Рѣшеніе послѣдняго откроетъ намъ то основаніе, которымъ соборъ руководился при своей канонизаціи святыхъ. Мы уже знаемъ что Четьи - Миней митрополита Макарія имѣли подготовительное значеніе по отношенію къ собору 1547 года. Именно Преосвященный Макарій, составляя послѣднія, одинъ производилъ тотъ обыскъ о новыхъ чудотворцахъ, который потомъ производили уже епархіальные владыки, подготавливая агіографическій матеріалъ для слѣдующаго собора 1549 года. Эта подготовительная работа Макарія имѣла своимъ результатомъ собраніе житій русскихъ святыхъ, вращавшихся въ тогдашней литературѣ. При этомъ, конечно, нельзя думать, чтобы въ руки его попали всѣ житія святыхъ мѣстно чтимыхъ, а, вѣроятно, только житія болѣе извѣстныхъ и чтимыхъ святыхъ и потому болѣе другихъ распространенныя. Для канонизаціи того или другаго святаго необходимы были служба и житіе его, которыя могли бы пѣться и читаться въ день празднованія памяти его. Поэтому естественно, что когда у Макарія возникла мысль совершить канонизацію святыхъ, то онъ обратилъ прежде всего вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, службы и житія которыхъ имъ были собраны и просмотрѣны. Здѣсь, такимъ образомъ, открывается литературный источникъ канонизаціи 1547 года: установленіе празднованія извѣстному святому условливалось существованіемъ житія и канона, которые можно было бы читать и пѣть въ Церкви въ день его памяти ³⁶⁾. Дѣйствительно, присматриваясь къ списку 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, мы встрѣчаемъ въ немъ все такія имена святыхъ, память которыхъ уже задолго до этого времени чтилась церковнымъ образомъ, на что указываетъ существованіе ихъ житій и канонѣвъ. Но однимъ этимъ источникомъ однакоже нельзя объяснить списокъ именъ святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года. Ибо въ это время были и другіе святые, имѣвшіе службу и житіе, которые, однако, почему-то не попали въ этотъ списокъ 13. Такъ, ни къ общимъ, ни даже къ мѣстнымъ святымъ соборъ не причислилъ ни князя Тверскаго Михаила, ни князей Ярославскихъ Василія и Константина, хотя житія ихъ были давно составлены, а послѣдніе были даже прославлены открытіемъ мощей въ 1501 году. Чѣмъ, спрашивается, объяснить такое явленіе? Очевидно соборъ, если бы онъ руководился исключительно однимъ литературнымъ источникомъ, долженъ былъ бы причислить и этихъ князей къ лику святыхъ. Здѣсь, такимъ образомъ, открывается необходимость предположить другой какою ни-

³⁶⁾ Ключевскій, Житія, 223.

будь источникъ канонизаціи на этомъ соборѣ. Можно думать, что послѣднимъ могло быть повсемѣстно распространенное въ Русскомъ обществѣ почитаніе святаго. Но присматриваясь къ списку 13, которымъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, не трудно видѣть, что только двоимъ изъ всего этого числа, именно: Александру Невскому и митрополиту Іонѣ можно усвоить широкую извѣстность въ Русскомъ церковномъ обществѣ до соборнаго опредѣленія 1547 года; остальные приобрѣли ее вслѣдствіе этого опредѣленія и были прежде святыней мѣстности, гдѣ подвизались и покоились по смерти ³⁷⁾). Немѣя возможности послѣднее признать условіемъ, дѣйствовавшимъ на соборѣ 1547 года, мы должны опять обратить вниманіе на житія и службы и въ степени ихъ распростраенности въ тогдашнемъ церковномъ обществѣ искать объясненія списка святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе. А это послѣднее обстоятельство приводитъ насъ снова въ макарьевскимъ Четви-Минеямъ. Очевидно, что житія святыхъ болѣе распространенныя имѣли больше шансовъ попасть въ послѣднія. Сдѣлавшись же извѣстными Макарію и чрезъ него другимъ членамъ собора, эти святые, слѣдовательно, могли имѣть и больше шансовъ на канонизацію ихъ на этомъ соборѣ. Такимъ образомъ, остается признать, что выборъ опредѣлился двумя условіями: существованіемъ житій и каноновъ этихъ святыхъ и степенью распространенности ихъ въ письменности того времени. Случайность выбора, зависѣвшая отъ этого послѣдняго условія, становится еще замѣтнѣе, при сопоставленіи списка 1547 года съ количествомъ Русскихъ житій, написанныхъ до собора, и съ ихъ сравнительнымъ распространеніемъ въ письменности первой половины XVI вѣка. Почти всѣ имена, занесенныя въ списокъ 13, принадлежать святымъ, житія которыхъ встрѣчаются въ рукописяхъ этого времени гораздо чаще, сравнительно съ житіями другихъ, хотя также давно написанными ³⁸⁾). Послѣ этого легко дать отвѣтъ и на вопросъ, почему другіе святые, напр.: Михайль Тверской и Ярославскіе князья св. Василій и Константинъ и многіе другіе, житія и каноны которыхъ были уже составлены, не были канонизованы на этомъ соборѣ; отвѣтъ этотъ будетъ состоять въ томъ, что, судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ, есть основаніе считать житія названныхъ святыхъ очень мало распространенными въ письменности до половины XVI вѣка и этимъ объяснять ихъ отсутствіе въ минеяхъ Макарія.

³⁷⁾ Ключевскій, Житія, 224.

³⁸⁾ Ключевскій, Житія, 224.

Наконецъ, при сужденіи о томъ, почему соборъ 1547 года установилъ празднованіе именно этимъ святымъ, а не другимъ, нельзя упускать изъ вида и дѣйствіе третьей причины. Мы уже знаемъ, что Макарьевскія Четы-Минеи составлялись въ Новгородѣ. Отсюда новгородскіе святые всего скорѣе могли попасть въ нихъ. А это послѣднее обстоятельство могло, какъ мы видѣли, служить и поводомъ къ ихъ канонизаціи. Къ другимъ же святымъ, канонизованнымъ на этомъ соборѣ, митрополитъ имѣлъ личное усердіе, какъ напр. къ Іонѣ, митрополиту Московскому, Александру Невскому и Пафнутію Боровскому. Поэтому мы не ошибемся, кажется, если предположимъ, что списокъ святыхъ составлялся на соборѣ подъ большимъ вліяніемъ предсѣдателя этого собора, г. е. Макарія. По крайней мѣрѣ, это вліяніе послѣдняго можно видѣть въ томъ, что почти $\frac{2}{3}$ изъ 13 общихъ святыхъ составляютъ, съ одной стороны, святые Новгорода, каковы: Іоаннъ, архіепископъ Новгородскій, преп. Засима и Савватій Соловецкіе, Михаилъ Клопскій и Александръ Свирскій, а съ другой—святые, къ которымъ Макарій питалъ личное усердіе, именно Пафнутіи Боровскій, Александръ Невскій и Іона, митрополитъ Московскій.

Какъ мы уже знаемъ, соборъ 1547 года однимъ святымъ установилъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное. Чѣмъ, спрашивается, руководился онъ, устанавливая такое различіе въ празднованіи памяти канонизованныхъ имъ святыхъ? Присматриваясь къ списку святыхъ всеобщихъ и мѣстныхъ, съ перваго раза можно бы подумать, что въ основѣ такого различія соборъ положилъ тѣ или другія заслуги Церкви и государству извѣстнаго святаго и тогда, значить, это различіе обуславливалось бы степенью ихъ заслугъ. Но такое объясненіе этого различія едва ли можно признать справедливымъ. Просматривая списокъ 13 святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, мы встрѣчаемъ между ними только 2 лица, которыя дѣйствительно подходятъ подъ это условіе,—это св. Александръ Невскій и митрополитъ Московскій Іона; остальнымъ же святымъ, канонизованнымъ этимъ соборомъ, нельзя приписывать особенныхъ заслугъ церковныхъ, тѣмъ болѣе государственныхъ. Всѣ они принадлежатъ къ типу русскихъ отшельниковъ, основателей монастырей и въ качествѣ послѣднихъ обыкновенно чтились только въ монастырѣ и окружающей его мѣстности. Въ этомъ отношеніи всѣ эти святые ничемъ не отличаются отъ другихъ святыхъ, которымъ тотъ же соборъ установилъ мѣстное празднованіе. Не отличаясь въ послѣднемъ случаѣ, всѣ эти святые, однако, различаются въ другомъ отношеніи. Изъ девяти святыхъ,—поименованныхъ въ спискѣ мѣстныхъ,—

только одному епископу Тверскому Арсенію былъ до собора написанъ канонъ съ житіемъ; житія же остальныхъ не были еще написаны, но собору, вѣроятно, сообщили, что мѣстное населеніе воздастъ и этимъ святымъ церковное чествованіе, хотя послѣднее и не было еще утверждено мѣстною епархіальною властью; по крайней мѣрѣ, это достоверно извѣстно о двухъ святыахъ, обозначенныхъ въ спискѣ мѣстныхъ, о Прокопіи и Іоаннѣ Устюжскихъ ³⁹⁾. Между тѣмъ о всѣхъ святыахъ, поименованныхъ въ спискѣ 13, можно съ увѣренностью сказать, что большая часть ихъ уже задолго мѣстно чтилась церковнымъ образомъ съ разрѣшенія мѣстной епархіальной власти, при чемъ это мѣстное чествованіе нѣкоторыхъ иногда принимало очень широкіе размѣры, по крайней мѣрѣ, это можно сказать о такихъ святыахъ, каковы были: св. Александръ Невскій, митрополитъ Іона, пр. Никонъ Радонежскій, Зосима и Савватій Соловецкіе. Основываясь на этомъ различіи, есть основаніе думать, говорить В. О. Ключевскій, что для послѣднихъ соборъ 1547 года расширилъ чествованіе, сдѣлавъ его изъ мѣстнаго всецерковнымъ, а для первыхъ святыахъ, находящихся въ спискѣ 9, подтвердилъ только фактъ, существовавшей и дѣйствовавшей дотолѣ независимо отъ него ⁴⁰⁾. Такимъ образомъ, въ основѣ этого различія между святыми, изъ которыхъ однимъ соборъ установилъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное, лежитъ, собственно говоря, церковно-административный источникъ. При этомъ, при объясненіи мотивовъ, руководствуясь которыми отцы собора установили однимъ изъ канонизованныхъ ими святыахъ всецерковное празднованіе, а другимъ только мѣстное, не нужно, по нашему мнѣнію, упускать изъ вида опять таки личныхъ отношеній самого митрополита и другихъ членовъ собора къ нѣкоторымъ изъ святыахъ. Такъ, на примѣръ, самъ митрополитъ, благодаря своему пребыванію въ Новгородѣ, могъ познакомиться лично съ жизнью, подвигами и чудесами святыахъ Новгорода и возымѣть сильную вѣру къ нимъ. Это подтверждается и тѣмъ, повидимому, незначительнымъ, но въ данномъ случаѣ имѣющимъ нѣкоторое значеніе обстоятельствомъ, что ни одинъ изъ Новгородскихъ святыахъ, число которыхъ, какъ мы видѣли, доходитъ почти до половины всѣхъ, канонизованныхъ на этомъ соборѣ для всеобщаго чествованія, не попалъ въ списокъ девяти мѣстныхъ святыахъ.

³⁹⁾ См. выше, стр. 153.

⁴⁰⁾ Ключевскій, Житія, 226.

Намъ остается, наконецъ, рассмотретьъ послѣдній вопросъ, который естественно возникаетъ, когда говорятъ о канонизаціи святыхъ на соборѣ 1547 года,—это о самомъ ходѣ или процессѣ ея совершенія. Но недостатокъ и отсутствіе подлинныхъ актовъ или дѣяній этого собора чувствуется здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ при рѣшеніи другихъ вопросовъ. Каковой былъ ходъ дѣяній его, были ли какія нибудь разсужденія на немъ, были ли представляемы на него житія и списки чудесъ святыхъ, которыхъ этотъ соборъ думалъ канонизовать, читались ли тѣ и другія во время засѣданій самаго собора—всѣ эти вопросы за отсутствіемъ актовъ являются трудно разрѣшаемыми. Не имѣя поэтому возможности дать положительные отвѣты на нихъ, мы стараемся сдѣлать нѣкоторыя соображенія болѣе или менѣе вѣроятныя относительно послѣднихъ двухъ. Само собою разумѣется, что полной картины засѣданій собора представить теперь нѣтъ возможности. Мы даже не знаемъ, сколько было самыхъ засѣданій соборныхъ.

Разсмотримъ сперва вопросъ—представлялись ли на соборъ житія святыхъ? Прямыхъ и ясныхъ указаній на то, чтобы на соборъ 1547 года, подобно слѣдующему собору, были представлены житія и каноны, и чтобы тѣ и другіе на немъ „свидѣтельствовались“, мы нигдѣ не находимъ. Единственное указаніе, которое еще можетъ говорить объ этомъ, мы находимъ въ одной изъ редакцій житія св. Александра Невскаго, писатель котораго, между прочимъ, говоритъ, что „благочестивый царь Іоаннъ Васильевичъ, поболѣвъ душею о ненаписанныхъ о св. Александрѣ ни отъ кого же, положилъ благъ совѣтъ съ преосвященнымъ митрополитомъ Макаріемъ, яко да подвигшеся извѣстно изыскати о святѣмъ и писанію предати и митрополитъ Макарій цареву желаніе, паче же Божіе изволеніе, тѣсая исполнити, созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ, трудолюбно подвигса по священнымъ правиломъ изыскавъ извѣстно обрѣте“⁴⁾ и проч. Правда, въ приведенныхъ нами словахъ вовсе не говорится о томъ, чтобы на соборъ было представлено житіе св. Александра Невскаго. Но намъ кажется, что послѣднее необходимо нужно предполагать; ибо въ противномъ случаѣ не по чему было бы производить самыя изысканія. Поэтому, на основаніи словъ писателя этого житія, дѣло нужно представлять такимъ образомъ: на соборъ митрополитомъ Макаріемъ были представлены житія и каноны тѣхъ святыхъ, которыхъ онъ думалъ канонизовать: собравшіеся архіереи на основаніи этихъ житій и про-

⁴⁾ Ц. И. митр. Макарія, т. VI, 216, прим. 288.

изводили свои изысканія о нихъ. Что дѣйствительно таковъ въ общихъ чертахъ долженъ былъ быть ходъ канонизаціи святыхъ на этомъ соборѣ и, въ частности, что дѣйствительно были представлены на послѣдній житія и каноны, объ этомъ можно заключать еще изъ слѣдующаго обстоятельства. Мы видѣли, что житія большинства вса-тыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, существовали уже задолго до послѣдняго. Если бы на самомъ соборѣ не было изысканія, то можно бы думать навѣрное, что всѣ эти житія послѣ собора вошли бы въ кругъ церковнаго богослуженія для чтенія ихъ во дни празднованія памятей этихъ святыхъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мы этого не видимъ. Такъ, хотя житія святыхъ: Александра Невскаго, Никона, игумена Сергіевой Лавры, преп. Павла Обнорскаго, митрополита Іоны, и Михаила Клопскаго уже издавна существовали въ агіографической литературѣ, но однако всѣ они послѣ собора появились въ новыхъ редакціяхъ, составленныхъ по порученію Макарія,—что ясно говоритъ, что всѣ эти житія признаны несоотвѣтствующими своей цѣли, т. е. для ихъ церковнаго употребленія. Это же послѣднее обстоятельство можетъ прямо говорить и о томъ, что на соборѣ были представлены житія святыхъ, что они тамъ читались и разсматривались, въ противномъ случаѣ трудно (будетъ объяснить указанный уже нами фактъ, въ силу котораго одни житія признаны соотвѣтствующими для своей цѣли, а другія нѣтъ и должны были быть передѣлываемы. Наконецъ, главнымъ образомъ въ пользу доказываемаго нами положенія можетъ говорить слѣдующее обстоятельство. До Макарьевскихъ соборовъ однимъ изъ необходимыхъ условій для совершенія канонизаціи святыхъ были житія и каноны ихъ. Эта необходимость ихъ, съ одной стороны, обуславливалась тѣмъ, что для канонизаціи того или другаго святаго нужны біографическія данныя о немъ, которыя и заключаются въ житіяхъ; съ другой стороны, житія и каноны необходимы были для совершенія праздника, которымъ сопровождается канонизація святаго. Если же это правило встрѣчается въ практикѣ Русской Церкви до соборовъ 1547 и 1549 годовъ, то, конечно, оно примѣнялось и на этихъ соборахъ тѣмъ болѣе, что необходимость примѣненія этого правила къ совершенію канонизаціи засвидѣтельствовали сами же отцы этого перваго собора; ибо, опредѣляя характеръ и направленіе подготовительныхъ работъ къ слѣдующему собору, они поставляютъ одною изъ главныхъ цѣлей ихъ отысканіе и собраніе житій, канонѡвъ и чудесъ. Изъ исторіи же слѣдующаго собора мы увидимъ, что эти житія, каноны и чудеса, собранные мѣстными архіереями, представлены были на этотъ соборъ

и тамъ свидѣтельствовались. Если же, такимъ образомъ, отцы перваго собора признавали необходимость примѣненія этого условія на второмъ соборѣ, то, очевидно, потому, что сами его примѣняли. Приведенныя нами слова изъ житія св. Александра Невскаго и представленныя нами выше соображенія какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это наше положеніе.

Установивъ тотъ фактъ, что житія святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1547 года, были представлены на него, намъ теперь остается доказать фактъ свидѣтельствованія ихъ и опредѣлить характеръ этого свидѣтельствованія. Что свидѣтельствованіе житій производилось на самомъ соборѣ, указаніе на это можно находить въ извѣстныхъ уже намъ словахъ писателя житія св. Александра Невскаго, что „митрополитъ Макарій созвалъ всеосвященный архіерейскій соборъ, трудолюбно подвигся по священнымъ правиламъ изыскавъ извѣстно обрѣте“ и проч. Но указывая и констатируя самый фактъ изысканій, писатель однако ничего не говоритъ намъ о томъ, въ чемъ послѣднія состояли. Изъ его словъ можно видѣть только результатъ этихъ изысканій. Ибо писатель, сказавъ, что митрополитъ Макарій „изыскавъ извѣстно обрѣте“, продолжаетъ далѣе: „повелѣ мнѣ убогому написати сіе“. Такимъ образомъ, результатомъ соборнаго изысканія явилось порученіе составить новое житіе этого святаго. Послѣднее же обстоятельство даетъ намъ нѣкоторую возможность опредѣлить и самый характеръ этихъ изысканій. Мы уже знаемъ, что нѣкоторыя житія святыхъ, представленныя на соборъ, не были одобрены послѣднимъ и были передѣланы. Обращая вниманіе на житія, которыя были исправлены или передѣланы въ это время, легко замѣтить, что это или краткія житія первоначальной неразвитой конструкціи, какъ напр., первоначальная редакція житія Михаила Клопскаго, или жизнеописанія, отличающіяся характеромъ простой біографіи историческаго лица, какъ напр. древнее житіе св. Александра Невскаго, или же, наконецъ, краткія, проложныя и сухія житія, каковымъ напр. было житіе преп. Никона Радонежскаго, написанное Пахоміемъ Логоветомъ. Всѣ житія такого рода были, очевидно, призваны неудовлетворительными, потому что всѣ они появились потомъ въ новыхъ редакціяхъ. Присматриваясь затѣмъ въ послѣднимъ, не трудно видѣть и тотъ критерій, которымъ руководились тогда у насъ при этомъ свидѣтельствovanіи житій. Такимъ критеріемъ служилъ господствовавшій тогда въ нашей агіобіографической литературѣ взглядъ на житіе, какъ на ораторское произведеніе—похвальное слово, украшенное всѣми цвѣтами риторскаго краснорѣчія, при чемъ собственно біографіи святаго отводилось очень мало

нѣста. Само собою разумѣется, что критерій этотъ касался только внѣшней стороны житія или его формы, не касаясь его содержанія. Отсюда и соборныя изысканія, въ основѣ которыхъ лежалъ этотъ критерій, естественно, не должны были идти далѣе поверхностнаго надзора за установленною формою житій. Последнее обстоятельство можетъ указывать частію и на размѣръ этихъ соборныхъ изысканій, который мы должны представлять себѣ въ ограниченномъ видѣ.

Только что выведенному нами заключенію о свидѣтельствovanіи житій святыхъ на соборѣ 1547 года, повидимому, противорѣчитъ то обстоятельство, что житія святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ только мѣстное празднованіе, остались внѣ цензуры послѣдняго. Присматриваясь къ этимъ житіямъ, мы видимъ, что они ни по своему содержанію, ни по своей формѣ не подходятъ подъ стиль житій, который у насъ установился ко времени митрополита Макарія. Всѣ эти житія отличаются бѣдностью фактическаго содержанія и притомъ составлены мало толково и малограмотно. Такъ, напр., житіе св. Проконія Устюжскаго представляетъ собою не болѣе, какъ сборъ, безъ разбора и провѣрки, разныхъ сказаній о св. юродивомъ XIII вѣка, письменныхъ и устныхъ, носившихся въ народѣ въ теченіе столь долгаго времени, сказаній отрывочныхъ, иногда противорѣчивыхъ между собою, съ прибавленіемъ еще нѣкоторыхъ заимствованій изъ другихъ житій и повѣстей. Подобнымъ же образомъ составлены и житія пѣтерыхъ святыхъ Муромскихъ: житіе св. князя Константина и чадъ его: Михаила и Феодора и житіе св. князя Петра и супруги его Февроніи. Авторъ перваго житія изложилъ въ немъ преимущественно мѣстныя преданія о состояніи Мурома и утверженіи въ немъ христіанства княземъ Константиномъ въ XII или XIII вѣкахъ, преданія, конечно, имѣвшія фактическую основу, но въ подробностяхъ неизбѣжно повредившіяся въ продолженіе вѣковъ въ устахъ народа, и потому заключающія въ себѣ разныя историческія несообразности и противорѣчія ⁴²⁾. Еще неудачнѣе составлено житіе второе. Составитель его, какой-то „господинъ смиренный мнихъ Іеразмъ“ собралъ въ своей повѣсти съ удивительною простотою и довѣрчивостію, не столько извѣстія о христіанскихъ или княжескихъ дѣваніяхъ князя, сколько старинныя легенды, съ незапамятныхъ временъ созданныя фантазіей народа, по древнимъ его вѣрованіямъ и преданіямъ, и только мѣстно примѣненные къ благовѣрному князю и его супругѣ ⁴³⁾.

⁴²⁾ Оно напечатано въ Пам. Стар. Р. л. 1, 229—239.

⁴³⁾ См. это житіе тамъ же 1, 29—48; Хр. Чт. 1873 г., 1, 635—36.

Очевидно, что эти всѣ житія, если бы они были разсмотрѣны на самомъ соборѣ, должны были быть исправлены подобно житіямъ св. Александра Невскаго, Никона Радонежскаго и др., какъ неудовлетворяющія стилю житій. Но этого почему-то не случилось, и это обстоятельство даетъ нѣкоторое основаніе думать, что на соборѣ не всѣ житія канонизованныхъ святыхъ были свидѣтельствованы, и именно не были свидѣльствованы житія святыхъ, которымъ этотъ соборъ установилъ только мѣстное празднованіе. Съ этимъ выводомъ нельзя и не согласиться, потому что, какъ мы выше говорили, житія большинства этихъ святыхъ не были еще написаны и явились уже послѣ собора. Но здѣсь является другой вопросъ. Мы видѣли, что житія и каноны составляли одно изъ необходимыхъ условий для канонизаціи святаго; чѣмъ, спрашивается, руководились отцы собора въ данномъ случаѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что отцы собора, получивъ свѣдѣнія о мѣстномъ почитаніи этихъ святыхъ, имѣли и биографическія свѣдѣнія о нихъ, заключающіяся или въ различныхъ запискахъ, которыя имѣлись обыкновенно въ монастыряхъ объ ихъ мѣстныхъ святыхъ, или въ первоначальныхъ неразвитыхъ редакціяхъ житій. Изъ этого источника отцы собора и почерпали свѣдѣнія какъ о жизни святаго, такъ и объ его чудесахъ. Но такъ какъ житіе необходимо было еще и для чтенія въ Церкви на праздникъ святаго и такъ какъ существовавшія записки не могли удовлетворить этой цѣли, то отцы собора и поручили чрезъ предсѣдателя своего Макарія написать новыя редакціи житій этихъ святыхъ. Составленіе и пересмотръ житій всѣхъ этихъ мѣстныхъ святыхъ, по мнѣнію преосв. Макарія, и былъ предоставленъ самимъ мѣстнымъ Церквамъ и обителямъ, гдѣ покоились эти святые⁴⁴⁾. Итакъ въ виду всего сказаннаго о свидѣльствованіи житій на соборѣ 1547 г., мы должны придти къ слѣдующему выводу. Хотя объ этомъ свидѣльствованіи житій и не сохранилось ясныхъ и опредѣленныхъ извѣстій, однако нужно думать въ силу указанныхъ основаній, что оно было, при чемъ это свидѣльствованіе имѣло мѣсто только по отношенію къ житіямъ святыхъ, канонизованныхъ для всеобщаго чествованія; цензура же и просмотръ житій мѣстныхъ святыхъ предоставлены были мѣстнымъ Церквамъ и обителямъ, гдѣ покоились эти святые. Но сдѣлавъ возможныя соображенія объ этомъ предметѣ, мы не осмѣливаемся подробнѣе опредѣлять степень этого свидѣльствованія и самую форму, въ какой послѣднее производилось, чувствуя недостатокъ вѣрныхъ данныхъ, которыя могли бы са-

⁴⁴⁾ Хр. Чт. 1873 г. 1, 636.

мымъ рѣшительнымъ образомъ дать перевѣсъ тому или другому изъ нашихъ предположеній.

III.

Соборъ 1549 года.

Хотя соборъ 1547 года канонизовалъ и много святыхъ, но дѣло канонизаціи не могло окончиться имъ однимъ. Оставалось еще много святыхъ, которымъ, какъ говоритъ писатель житія митрополита Іоны, „праздновати повсюду не узаконено бысть, но идѣже коегождо ихъ честныа раки со св. мощми бяху, ту и славими быша“⁴⁵⁾. Соборъ 1547 года не могъ установить такого празднованія уже по тому одному, что не имѣлъ данныхъ для этого. Для канонизаціи, какъ мы видѣли, необходимо требовались житія, каноны и чудеса святыхъ. Для перваго собора все это было подготовлено Макаріемъ, при собраніи имъ житій святыхъ для своихъ Четвъ-Миней. Въ другомъ положеніи было дѣло, когда, заходила рѣчь о канонизаціи другихъ святыхъ. Хотя житія и каноны многихъ изъ нихъ уже существовали, но, находясь въ мѣстахъ почитанія святыхъ, они не могли быть извѣстными высшей центральной власти Русской Церкви, задавшей теперь цѣлью утвердить своимъ авторитетомъ это почитаніе. На этотъ именно недостатокъ данныхъ, необходимыхъ для совершенія канонизаціи, указывается и въ словахъ Грознаго, которыя вкладываетъ въ уста его писатель того же житія св. Іоны. Изъ этихъ словъ видно, что о всѣхъ святыхъ, которые канонизованы слѣдующимъ соборомъ, не было еще до сихъ поръ собрано необходимыхъ данныхъ и только теперь явилась мысль „богатство изыскати и собрати, иже отъ многъ временъ и доннѣ сокровенно и забвенію предано, великіа свѣтилники, повѣщія чудотворцы, овѣхъ своима царскима очима видѣвъ, а овѣхъ же отъ многыхъ извѣстныхъ самовидецъ слышавъ“⁴⁶⁾ И вотъ для достиженія этой цѣли, по мысли отцовъ собора и прежде всего, конечно, по мысли и иниціативѣ самого митрополита Макарія, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный обратился въ концѣ перваго собора съ просьбою ко всѣмъ святителямъ Русской земли, чтобы каждый изъ нихъ въ порученныхъ имъ предѣлахъ, въ монастыряхъ, въ пустыняхъ изслѣдовали и изыскивали о великихъ новыхъ чудотворцахъ посредствомъ священныхъ соборовъ, игуменовъ, священниковъ и ино

⁴⁵⁾ Ключевскій, Житія пр. IV, 461.

⁴⁶⁾ Ключевскій, 461.

ковъ, князей, бояръ и богобоязненныхъ людей, гдѣ какіе чудотворцы прославились знаменіями и чудесами, давно ли и въ какое именно время ⁴⁷⁾). И святители, какъ говорится въ житіи митрополита Іоны, сохранившемъ для насъ драгоценныя свѣдѣнія объ этихъ соборахъ, „слышаще такое благое начинаніе и теплѣйшую вѣру Богомъ вѣнчаннаго царя, радостію духовною и желаніемъ сердечнымъ безъ законсѣнія собираютъ люботруднымъ подвигомъ и подобопечальнымъ собраніемъ каноны и житія и чудеса, отъ многихъ временъ чюдодѣйствуемы тѣхъ святыхъ новыхъ чюдотворцевъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей всѣхъ предиреченныхъ чиновъ, и которойждо святитель отъ своихъ предѣль яко многоцѣнный даръ Богу и яко всеплодну жрътву и яко приношеніе пріатно принесоша въ богоспасаемый градъ Москву на боголюбивый соборъ въ благочестивому царю и великому князю Ивану и пресвященному Макарію, митрополиту всея Русіи“ ⁴⁸⁾). Этотъ соборъ состоялся въ 19-ое лѣто возраста Іоанна Васильевича Грознаго ⁴⁹⁾, слѣдовательно, въ 1549 году (родился онъ въ 1530 году). Явившись на этотъ соборъ съ большимъ церковно-историческимъ запасомъ, содержащимъ въ себѣ каноны новымъ чудотворцамъ, житія ихъ и чудеса, отцы собора свидѣтельствовали ихъ и предали Божиимъ Церквямъ для празднованія по нимъ новымъ чудотворцамъ ⁵⁰⁾. Этимъ, собственно говоря, и ограничиваются наши исто-

⁴⁷⁾ Стоглавъ, 43—44.

⁴⁸⁾ Ключевскій прил. IV, 461—2.

⁴⁹⁾ Стоглавъ, 45.

⁵⁰⁾ Стоглавъ, 45. Въ Стоглавѣ, которымъ мы преимущественно руководимся при обзорѣ дѣятельности этого собора, встрѣчается намъ неясность, которая требуетъ поясненія. Дѣло въ томъ, что, какъ мы выше видѣли, Грозный со своею рѣчью объ „обыскѣ новыхъ чюдотворцевъ обратился къ святителямъ всего нашего російскаго царствія“ и, слѣдовательно, можно думать, что такою обыскъ производили всѣ мѣстные архіереи въ своихъ епархіяхъ. А между тѣмъ на самый соборъ, какъ увидимъ ниже, явились они далеко не всѣ. Какимъ образомъ архіереи, не попавшіе на соборъ, переслали на него результаты своихъ изысканій,—объ этомъ въ Стоглавѣ ничего не говорится. Можно думать, что въ большинствѣ случаевъ архіереи, не бывшіе лично на соборѣ, поступали точно такимъ же образомъ, какъ поступилъ игуменъ Ферапонтова монастыря. Последний, какъ разсказывается въ житіи преподобныхъ Мартиніана и Ферапонта Бѣлоозерскихъ, собравши, вѣроятно, по повелѣнію своего мѣстнаго архіерея, всѣ біографическія данныя объ этихъ преподобныхъ, отправился въ Москву и вручилъ все это въ руки самого Макарія (Рук. Троице-Сергіевой Лавры, № 696, л. 46—47).

рическія свидѣнія о соборѣ 1549-го года. Сколько было засѣданій, долго-ли онъ продолжался, какъ велось дѣло канонизаціи, какъ и въ чемъ состояло свидѣтельствованіе каноновъ, житій и чудесъ, — обо всемъ этомъ точныхъ свидѣній не сохранилось. Можно, впрочемъ, только довольно точно указать присутствовавшихъ на соборѣ владыкъ. Конечно, предсѣдателемъ этого, какъ и перваго собора, былъ самъ митрополитъ Макарій. Остальные члены собора, какъ можно заключать по ходу рѣчи царя, которую онъ говорилъ на Стоглавомъ соборѣ, были тѣ же самые, что и на первомъ. Это же самое подтверждается и извѣстіемъ, которое мы находимъ въ житіи преп. Ферапонта и Мартиніана Бѣлозерскихъ чудотворцевъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что, когда игуменъ Ферапонта монастыря привезъ житія этихъ преподобныхъ и вручилъ ихъ митрополиту Макарію, то „сей баше разсмотрѣвъ, повелѣ паки собору быти“, и далѣ перечисляются тѣ же самые епископы, какіе присутствовали и на первомъ соборѣ, именно: „Алексѣй, архіепископъ Ростовскій, Іона, епископъ Суздальскій, Іона же, епископъ Рязанскій ⁵¹⁾, Авакій, епископъ Тверской, Θεодосій, епископъ Коломенскій, Сава, епископъ Сарскій, Кипріанъ, епископъ Пермскій“ ⁵²⁾).

Количество святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ, очевидно, должно было опредѣляться количествомъ собраннаго біографическаго матеріала, на основаніи котораго производилась и самая канонизація ихъ. Часть этого матеріала, провѣренная и свидѣтельствованная соборомъ, вошла въ составъ макарьевскихъ Четьи-Миней. Мы разумѣемъ житія святыхъ: архіепископовъ Новгородскихъ—Евѣимія и Іоны, епископа Пермскаго Стефана, Тверскаго князя Михаила, преподобныхъ: Авраамія Смоленскаго, Саввы Виперскаго, Григорія Пельшемскаго, трехъ мучениковъ Литовскихъ и св. мученика Іоанна Сочавскаго ⁵³⁾. Житія же остальныхъ святыхъ появлялись уже послѣ этого собора, иногда черезъ годъ и даже болѣе, какъ напр., житія: преп. Евѣимія Суздальскаго, Евфрема Перекомскаго и др. Но главнымъ источникомъ, благодаря которому представляется возможность узнать имена и опредѣлить число святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 года, служить житіе митрополита Іоны, въ которомъ мы находимъ общій

⁵¹⁾ Епископомъ Рязанскимъ въ это время долженъ быть уже не Іона, а Михаилъ, который былъ поставленъ на мѣсто перваго Макаріемъ 22 апрѣля 1548 года (см. Никон. Лѣт. 7, 62—63).

⁵²⁾ Рук. Троице-Сергіевой Лавры № 696, л. 47—48.

⁵³⁾ Митр. Макарій, Ц. И. т. VII, 445.

перечень святыхъ, канонизованныхъ обоими соборами, безъ указанія на то, на какомъ изъ нихъ какой святой былъ канонизованъ. Но такъ какъ имена и количество святыхъ, которые были причислены къ лику святыхъ на первомъ соборѣ, извѣстны намъ изъ оффиціаль-ныхъ документовъ, то опредѣлить число святыхъ, канонизованныхъ вторымъ соборомъ, является уже дѣломъ не труднымъ. Руководствуясь этимъ источникомъ, къ числу святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 года, можно отнести слѣдующихъ:

- 1) Новгородскихъ архіепископовъ: Іону и Евѳиміа.
Св. Стефана, епископа Пермскаго.
Св. Іакова, епископа Ростовскаго.
- 5) Благов. князя Всеволода Псковскаго.
Михаила, князя Тверскаго.
Преп. Евѳиміа Суздальскаго.
Преп. Аврааміа Смоленскаго.
Преп. Савву Вишерскаго.
- 10) Преп. Евѳросина Псковскаго.
Преп. Евѳрема Перекомскаго.
Преп. Григорія Пельшемскаго.
Св. Іоанна, }
Антонія, } мучениковъ Литовскихъ.
- 15) Евстафія }
Іоанна, мученика Болгарскаго.
- 17) Арсенія, архіепископа Сербскаго.

Но этотъ перечень святыхъ, канонизованныхъ соборомъ 1549 года, находящійся въ житіи Іоны, митрополита Московскаго, мы должны признать неполнымъ, что могло зависѣть или отъ небрежности переписчиковъ, пропустившихъ имена нѣкоторыхъ святыхъ, или даже и отъ незнанія. Кромѣ этихъ, перечисленныхъ нами святыхъ, есть достаточно вѣскія основанія занести въ этотъ списокъ имена еще нѣкоторыхъ святыхъ. Такія именно основанія мы имѣемъ для внесенія въ него именъ Ферাপонта и Мартиніана Бѣлоозерскихъ чудотворцевъ. Въ житіи этихъ преподобныхъ мы находимъ свѣдѣнія и объ ихъ канонизаціи, свѣдѣнія, которыя ясно приурочиваютъ послѣднюю ко времени собора 1549 ⁵⁴⁾. Писатель этого житія, между прочимъ, пишетъ:

⁵⁴⁾ Кромѣ житія, указаніе на канонизацію Мартиніана при митр. Макаріи мы находимъ еще въ святцахъ Троице-Сергіевой Лавры № 249, въ которыхъ подъ 15 Мая замѣчено: „по уложенію митр. Макарія и прочихъ святителей рос-

„да не соблазняются нѣщны и о семъ глаголюще: почто великій свя-
 тель Макарій, митрополить Русскія земля, не положи въ грамотахъ
 (разумѣется—праздновати этимъ святымъ), иже посла по градомъ и
 великимъ монастыремъ, въ лѣто 7055 (1547) въ преименованіи царя
 и великаго князя Івана Васильевича і всея Русіи. Иже избра и раз-
 суди того же баше собора пѣти и праздновати повеле святыхъ отецъ
 по всѣмъ церквамъ великія Росіи, а сихъ остави“ ⁵⁵). Объясняя да-
 лѣе причину, по которой имена этихъ святыхъ не были внесены въ
 списокъ святыхъ собора 1547 года, онъ пишетъ, что „небреже-
 ніемъ сія сотвори святыи митрополитъ, ниже просто, якоже прилу-
 чися вещь сія“ ⁵⁶). Изъ дальнѣйшаго хода его разсказа, можно ви-
 дѣть, что этою причиною было то обстоятельство, что къ первому
 собору не было еще приготовлено житіе этихъ преподобныхъ. Ибо
 какъ только кончмлся первый соборъ и какъ только, вѣроятно, дошла
 до монастыря вѣсть о царскомъ повелѣніи произвести „обыскъ о но-
 выхъ чудотворцахъ“, то игумень послѣдняго позаботился о составле-
 ніи житія своихъ чудотворцевъ. Написанное житіе „послѣ собора
 того много дней минувшимъ“ было отвезено игуменомъ въ Москву и
 вручено митрополиту. „Великій же (митрополитъ), продолжаетъ писа-
 тель этого житія, повелѣ пави собору быти, и собравшимся къ нему
 всѣмъ святителямъ перваго того собора, — Алексѣю, еп. Рязанскому, и
 проч. и взять книги тѣя, и повелѣ предъ собою прочести житія свя-
 тыхъ и чудеса. И разсудивъ тѣмъ соборомъ, яко не праведно есть
 оставити святыхъ: благослови и повелѣ игумену тоя обители пѣти и
 праздновати святыхъ отецъ и со предреченными святыми, преп. Фе-
 рапонта и Мартиніана, и житія ихъ чести на соборѣ“ ⁵⁷). и проч.
 Этотъ разсказъ даетъ полное право предположить, что оба житія вы-
 званы обысками о мѣстныхъ чудотворцахъ, произведенными по распо-
 ряженію собора 1547 года. Предположеніе это подтверждаетъ и авторъ
 житія этихъ святыхъ, который не разъ намекаетъ, что пишетъ онъ
 по распоряженію высшей власти, а не по собственному произволению ⁵⁸).

сійскихъ, поють съ величаніемъ Еуфросину и Авраамію Смоленскому и Марти-
 ніану Бѣлоозерскому“ (Мѣсяцесловъ св. Тр. Сер. Лавры, изд. 2, 1854 г., 59).

⁵⁵) Рук. Тр.-Сер. Лавры № 696, л. 46.

⁵⁶) Ibid.

⁵⁷) Рук. Тр. Сер. Лавры № 696, л. 47—48.

⁵⁸) Ключевскій, Житія, 273.—Впрочемъ, разсказъ этотъ имѣетъ видъ встав-
 ки и его нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ житія. Но это послѣднее обстоятель-
 ство едва ли можетъ служить основаніемъ къ какому нибудь сомнѣнію относи-

Наконецъ, относятъ еще къ этому собору канонизацію Петра, царевича Ордынскаго, и Нифонта, епископа Новгородскаго. Канонизацію перваго относятъ къ этому собору потому, что въ заглавіи службы ему замѣчено, что она написана въ 7057 году, т. е., въ 1549 году. Поэтому, говоритъ В. О. Ключевскій, можно думать, что послѣдняя явилась, вслѣдствіе начавшагося тогда обыска о новыхъ чудотворцахъ, и представлена была на самый соборъ для свидѣтельствванія ⁵⁹⁾. Канонизацію же втораго относятъ къ собору 1549 года потому, что въ житіи его говорится, между прочимъ: „помоли же ся Христу Богу, священный отче Нифонте, за причестнѣйшаго архіерея Макарія, иже престоль держащаго пречистѣй Богородицы честнаго ея успенія во

тельно достовѣрности самаго факта. Гораздо важнѣе другое возраженіе, которое могутъ сдѣлать противъ приурочиванія канонизаціи этихъ Бѣлозерскихъ угодниковъ къ собору 1549 года. Дѣло въ томъ, что въ житіи нѣтъ точной даты времени собора, на которомъ послѣдніе были канонизованы. Поэтому вполне возможно относить ихъ канонизацію къ какому нибудь другому собору, бывшему во время митрополитства Макарія, что и дѣлаетъ преосв. Макарій (Ц. И. 8, 46). А такіе соборы, дѣйствительно, были въ началѣ второй половины XVI-го столѣтія. Такъ, напр., въ 1554 году былъ созванъ соборъ для канонизаціи преподобнаго Саввы Брыпецкаго; въ 1560 году—для канонизаціи преподобныхъ Григорія и Кассіана Авнежскихъ. Но намъ кажется, что это возраженіе, дѣлаемое противъ приурочиванія времени канонизаціи Ферапонта и Мартиніана, Бѣлозерскихъ чудотворцевъ, къ собору 1549 года, легко можно устранить. Стоитъ только для этого обратить вниманіе на перечень епископовъ, которыхъ призывалъ митрополитъ на этотъ соборъ. Просматривая этотъ перечень, мы видимъ въ немъ имена тѣхъ же владыкъ, какіе были и на первомъ соборѣ. Между тѣмъ, еслибы канонизація этихъ святыхъ совершилась на какомъ нибудь позднѣйшемъ соборѣ, то писатель этого житія не могъ бы уже представить этотъ перечень въ томъ видѣ, въ какомъ мы его сейчасъ читаемъ, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ епископовъ положительно извѣстно, что они уже вскорѣ послѣ втораго собора скончались. Такъ, напр., это извѣстно относительно Іоны, еп. Суздальскаго, на мѣсто котораго уже 10 марта 1549 года поставленъ былъ архимандритъ Симоновскій Трифонъ, Алексія, еп. Ростовскаго, на мѣсто котораго былъ поставленъ игумень Троицкій Никандръ въ томъ же году (Ист. Г. Р. Карамзина, по изд. Смирдина, т. VIII, пр. 211; ср. Н. Я. 7, 64; Стогл. 19). Такимъ образомъ, этотъ перечень епископовъ, присутствовавшихъ при канонизаціи Мартиніана и Ферапонта, тождественный съ перечнемъ епископовъ перваго собора, даетъ намъ право относить канонизацію этихъ святыхъ къ собору 1549 года, на которомъ, какъ можно судить по ходу рѣчи Грознаго на Стоглавомъ соборѣ, присутствовали тѣ же самые епископы, какіе были и на первомъ.

⁵⁹⁾ Ключевскій, Житія, 40.

всей великия Россіи и исправляющаго слово Божіе истинныя вѣры православныя, иже уставльша праздновати соборнѣ память твоего честнаго и святаго преставленія и предавше святымъ Божиимъ церквамъ“⁶⁰). Кромѣ этого, имя св. Нифонта мы находимъ и въ общемъ перечнѣ святыхъ, канонизованныхъ обоими соборами, въ житіи Іоны, только, впрочемъ, не въ текстѣ, а на полѣ. Но основанія, приводимыя въ пользу приурочиванія канонизаціи этихъ святыхъ къ собору 1549 года, по нашему мнѣнію, недостаточны для этого. Что касается, въ частности, Петра, царевича Ордынскаго, то предположеніе объ его канонизаціи на этомъ соборѣ такъ и останется предположеніемъ, которое трудно доказать; а на основаніи одного предположенія, мы и не имѣемъ права внести его въ списокъ святыхъ, канонизованныхъ этимъ соборомъ. Повидимому, болѣе такихъ основаній мы имѣемъ для внесенія въ этотъ списокъ св. Нифонта, епископа Новгородскаго. Ибо изъ житія его мы узнаемъ, что празднованіе ему установлено при митрополитѣ Макаріи, а на основаніи житія Іоны и перечня святыхъ, въ немъ находящагося, можно думать, что послѣднее установлено на которомъ нибудь изъ двухъ соборовъ; ибо въ этомъ перечнѣ, какъ мы видѣли, находится и имя св. Нифонта, рядомъ съ именемъ другаго епископа Новгородскаго Никиты. Но и этихъ данныхъ недостаточно и на основаніи ихъ однихъ нельзя, по нашему мнѣнію, приурочивать канонизацію св. Нифонта къ собору 1549 года, какъ это дѣлаютъ преосвященные Макарій и Сергій (Ц. Н. VIII, 44; Агіологія 1, пр. 15, 193). Ибо мы выше, когда говорили о св. Никитѣ, епископѣ Новгородскомъ, видѣли, что присутствіе именъ этихъ святыхъ въ житіи Іоны, гдѣ они вписаны на полѣ, а не въ текстѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить основаніемъ для предположенія объ ихъ канонизаціи на этихъ соборахъ, такъ какъ можно думать, что имена ихъ приписаны уже послѣ. Что же касается до житія св. Нифонта, гдѣ говорится объ установленіи послѣднему празднованія митрополитомъ Макаріемъ, то это мѣсто такъ обще, что едвали, на основаніи его, можно относить канонизацію этого святаго къ собору 1549 года; ибо это празднованіе могло быть установлено митрополитомъ когда нибудь и послѣ этихъ соборовъ. И дѣйствительно, есть основанія, какъ увидимъ ниже, относить канонизацію св. Нифонта къ 1558 году.

Этимъ, за недостаткомъ свѣдѣній, мы и ограничимъ свое изложеніе вышней исторіи собора 1549 года, и далѣе перейдемъ къ

⁶⁰) См. это житіе въ Пам. Старин. Р. Литер. 4, 1—9.

разсмотрѣнію внутренней стороны дѣятельности его, въ тому, какъ велось на немъ самое дѣло канонизаціи святыхъ. Въ этомъ случаѣ мы встрѣчаемся съ тѣми же самыми вопросами, какіе намъ приходилось рѣшать при изложеніи перваго собора, съ тою, впрочемъ, только разницею, что относительно нѣкоторыхъ вопросовъ мы имѣемъ здѣсь сравнительно болѣе свѣдѣній, чѣмъ прежде; отсюда, слѣдовательно, имѣемъ возможность и рассмотреть ихъ шире и подробнѣе.

Внутреннюю сторону дѣятельности собора 1549 года составляютъ: подготовительныя работы или „обыскъ о новыхъ чудотворцахъ“, и самыя соборныя дѣянія, которыя одинъ изъ памятниконъ характеризуетъ словомъ „свидѣтельствованіе“⁶¹⁾. Рассмотримъ каждую изъ этихъ сторонъ дѣятельности собора 1549 года.

Первая сторона дѣятельности этого собора или обыскъ о новыхъ чудотворцахъ составляетъ подготовительныя работы, имѣвшія своею непосредственною цѣлью собрать тѣ необходимыя агіобіографическія о каждомъ святомъ данныя (житія, каноны и чудеса), которыя составляли непремѣнное условіе канонизаціи. Эти работы начались непосредственно послѣ собора 1547 года и велись въ продолженіе цѣлаго слѣдующаго 1548 года, вплоть до самаго собора. Какъ цѣль, такъ и побужденіе, которыя легли въ основаніе ихъ, довольно ясно высказываются въ извѣстной намъ рѣчи царя Ивана Васильевича Грознаго. Сказавши, что „великое и неистощимое богатство отъ многихъ временъ при прародителяхъ нашихъ сокровено и забвенію предано“—великіе свѣтильники, новые чудотворцы, прославленные многими знаменіями и чудесами, которыхъ мы на помощь призываемъ, царь далѣе говоритъ: „мы же о семъ молимъ святители всего нашего російскаго царствія въ митрополи, въ архіепискупныхъ, епискупныхъ, койждо во всякихъ предѣлахъ порученныхъ имъ во градѣхъ и въ монастыряхъ и въ пустыняхъ и во всѣхъ (всѣхъ) извѣстно пытати и обыскивати о великихъ новыхъ чудотворцехъ священными соборы и игумены и священники и иноки и пустынники и князми и бояры и богобознавими людьми, гдѣ которые чудотворцы прославились великими чудесы и знаменіи отъ коликихъ временъ и въ какovy лѣта“⁶²⁾. Этотъ голосъ, раздавшійся съ высоты трона, съ благословенія митрополита, верховнаго главы Русской Церкви, нашель живой и радостный отвѣкъ въ душахъ всѣхъ мѣстныхъ архіереевъ. „Святители же убо, продолжаетъ царь въ своей рѣчи, отъ радости духовныя, отъ вожде-

⁶¹⁾ Стоглавъ, 45.

⁶²⁾ Стоглавъ, 43—44.

лѣнія сердечнаго и отъ начинанія и повелѣнія нашего моленія вскорѣ собирають каноны и житія и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ, которыйждо святитель отъ своихъ предѣлъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ, гдѣ который святой прославился и просіялъ добрыми дѣлы и чудесы“⁶³⁾. Въ послѣднихъ словахъ рѣчи Грознаго мы находимъ указанія и на то, какъ производился и въ чемъ состоялъ этотъ обыскъ о мѣстныхъ чудотворцахъ, указанія на самыя существенныя вопросы, касающіеся внутренней стороны дѣятельности этого собора. Правда, эти свѣдѣнія очень немногочисленны; они всего заключаются въ нѣсколькихъ строкахъ; но, несмотря на это, они для насъ имѣютъ весьма важное значеніе; ибо, благодаря имъ, можно воспроизвести существенныя черты этого обыска.

Мы уже знаемъ изъ рѣчи Грознаго цѣль и побужденія этого обыска. Намъ теперь слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующіе вопросы: въ чемъ состоялъ послѣдній и какъ онъ производился? Епархіальные обыски состояли въ томъ, что святители въ порученныхъ имъ епархіяхъ „собирали каноны и житія и чудеса“ святыхъ, которыя необходимы были для ихъ канонизаціи. Относительно второго вопроса—какъ производились эти обыски, мы находимъ въ той же рѣчи царя, что мѣстные епископы собирали въ этомъ случаѣ каноны, житія и чудеса „по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и отъ княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ, гдѣ которой святой прославился и просіялъ добрыми дѣлы и чудесы.“ Черты, которыми въ царской рѣчи характеризуются эти обыски, какъ видимъ, выражаются очень общими словами, чтобы по нимъ можно представить полную и оживленную картину этихъ епархіальныхъ обысковъ и выяснитъ ихъ значеніе для канонизаціи. Но, на основаніи нѣкоторыхъ чертъ, которыя даетъ намъ рѣчь Грознаго, все-таки можно сдѣлать заключеніе объ этомъ ихъ значеніи. Прежде всего, на основаніи указанія Стоглава, можно сдѣлать заключеніе, что обыскъ производился въ очень широкихъ размѣрахъ. Къ участію въ немъ были призваны всѣ мѣстные жители, которые могли сообщить тѣ или другія свѣдѣнія о святомъ. Въ своей рѣчи къ архіереямъ перваго собора Грозный прямо говоритъ, чтобы они въ своихъ епархіяхъ собрали свѣдѣнія о святыхъ, подтвержденныя „священными соборы и игумены и священно-инови и

⁶³⁾ Стоглавъ, 44—45.

иноки и пустынники и князми и бояры и богобоязливыми людьми". Затѣмъ, эти обыски не ограничивались только однимъ собираніемъ агіобіографическихъ данныхъ, но все собранное провѣрялось, или, по тогдашнему выраженію, „свидѣтельствовалося". Каждый изъ святителей, говорится далѣе въ рѣчи царя, собиралъ „житія, каноны и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ по свидѣтельству тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и отъ княжеска роду и всѣхъ богобоязливыхъ мужей и женъ ⁶⁴). Въ чемъ же именно состояло это свидѣтельствованіе собраннаго агіобіографическаго матеріала „отъ тамо сущихъ жителей отъ священническаго и иноческаго чину и отъ боярска и княжеска роду", и какъ оно производилось?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, естественнѣе всего мы должны бы обратиться къ актамъ этихъ епархіальныхъ обысковъ; но къ сожалѣнію, эти акты не сохранились до настоящаго времени. А въ обоихъ источникахъ, въ которыхъ находятся извѣстія какъ объ обыскахъ, такъ и о свидѣтельствovanіи собраннаго матеріала, послѣднее характеризуется настолько общими чертами, что трудно, на основаніи только ихъ однихъ, представить полную картину этихъ обысковъ, и тѣмъ, значить, труднѣе отвѣтить на вопросы, поставленные выше. Въ этомъ случаѣ, для достиженія нашей цѣли, намъ приходится обратиться къ практикѣ нашей Церкви предыдущаго времени относительно этого предмета и, на основаніи фактовъ, которые мы тамъ встрѣтимъ, и этихъ чертъ, которыми характеризуются эти обыски въ извѣстныхъ намъ источникахъ, сдѣлать заключеніе, которое и будетъ служить отвѣтомъ на поставленные вопросы.

Изъ первой половины XVI вѣка до насъ сохранилось нѣсколько обыскныхъ актовъ, по которымъ можно въ общихъ чертахъ судить и объ „обыскахъ о новыхъ чудотворцахъ", предшествовавшихъ собору 1549 года. По этимъ сохранившимся до нашего времени обыскнымъ актамъ порядокъ и производство этихъ обысковъ, въ общихъ чертахъ, можно представить слѣдующимъ образомъ. О чудесахъ, совершающихся отъ раки того или другаго святаго, доносится прежде всего мѣстному владѣльцу. Послѣдній входитъ съ отношеніемъ по этому дѣлу къ государю и митрополиту. По повелѣнію государя и благословенію митрополита, мѣстнымъ епископомъ отправляется на мѣсто чудеса комиссія, состоящая обыкновенно изъ близкихъ къ нему

⁶⁴) Стоглавъ, 44 – 45; св. Блужевскій, прилож. IV, 461.

духовныхъ лицъ, которой и поставляется въ обязанность: во-первыхъ, собрать всѣ свѣдѣнія о житіи и чудесахъ того или другого святаго, во-вторыхъ, провѣрить послѣднія, въ-третьихъ, освидѣтельствовать мощи, если онѣ открыты, и въ четвертыхъ, наконецъ, представить на разсмотрѣніе мѣстнаго епископа житіе, канонъ и чудеса этого святаго, если первые (житіе и канонъ) были уже ранѣе составлены. Какъ исполнялась эта программа на мѣстѣ комиссіей, это хорошо можно видѣть изъ сохранившихся обыскныхъ актовъ св. Іакова Боровицкаго и бл. князя Андрея Смоленскаго. Въ 1544 году Новгородскій архіепископъ Θεодосій послалъ въ Боровичи комиссію, состоявшую изъ софійскаго соборнаго протопопа и другихъ лицъ, для собранія свѣдѣній о св. Іаковѣ Боровицкомъ и для свидѣтельствованія его мощей. Эта комиссія, пришедши въ Боровичи, осмотрѣла, прежде всего, мощи преп. Іакова и, затѣмъ, приступила къ собранію свѣдѣній о его жизни: „и про житіе его опрашивали тѣхъ же священникъ и старость и волостныхъ людей добрыхъ—сколько давно туту лежить и есть ли на него туту паметухи и знахари, отколе онъ туту появился и гдѣ онъ жилъ, и каково его было житіе. И онѣ сказываютъ: кое паметуховъ изъ роду въ родъ нѣтъ, только сказываютъ отъ дѣды и пра-дѣды рѣчь ведетца исконно изъ роду въ родъ будто на веснѣ приплылъ на врь (льдинѣ) Мстою рѣвою въ колодѣ высподней, а верхней нѣтъ, на святой недѣлѣ во вторникъ, а колода огорѣла. А имя ему потоку свѣдали, что онъ учаль являтца въ сновидѣнне старымъ людямъ многимъ. А нарекъ имя себѣ: меня зовутъ Іаковомъ—ангелъ мой Іаковъ, братъ Божій по плоти“⁶⁵). Послѣ этого приступлено было къ собранію свѣдѣній о чудесахъ, совершавшихся у раки преподобнаго Іакова, и провѣркѣ ихъ. Это дѣло велось слѣдующимъ образомъ. Комиссія спрашивала не только самихъ исцѣленныхъ отъ того или другого недуга, но и знакомыхъ ихъ или вообще односельчанъ, при чемъ требовалось свидѣтельство отца духовнаго, т. е. мѣстнаго священника. Затѣмъ, была составлена опись этихъ чудесъ, къ которой приложили руки всѣ духовныя лица, присутствовавшія при осмотрѣ мощей, и міране, подтвердившіе своимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность происшедшихъ исцѣленій, скрѣпленная рукою дьяка, писавшаго эту роспись⁶⁶). Въ 1539 году преп. Даниломъ Пере-

⁶⁵) Рук. Тр.-Сер. Лавры № 654, л. 74—85.

⁶⁶) Рук. Тр.-Сер. Лавры № 654, л. 86—87.—Для знакомства съ ходомъ процесса этого свидѣтельствованія, какъ образецъ, мы въ этомъ примѣчаніи

яславскимъ обрѣтены были мощи бл. князя Андрея Смоленскаго, о чемъ онъ успѣшилъ сообщить царю и митрополиту Іоасафу. Царь и митрополитъ „послаша отъ священныхъ избранныхъ мужей чудов-

приведемъ изъ обыскныхъ актовъ преп. Іакова Боровицкаго то мѣсто, гдѣ описывается это свидѣтельствованіе, сдѣлавъ только небольшія въ немъ сокращающія. „А на освященіе церкви, на Сочествіе св. Духа, Богъ простилъ боярыню Ульяну, Рудного жену Талызина главнымъ недугомъ, а сказываютъ дѣтъ 7, какъ тѣмъ недугомъ немощна была, гной изъ ушей шолъ, глава и лицо пухло; да Рудного человека Іосифъ Боротаевъ Гршицу Богъ простилъ падучимъ недугомъ, а то вѣдомо государю его Рудному и его женѣ тотъ недугъ. А сказывалъ онъ, да и мать того малаго священникамъ, что тѣмъ недугомъ онъ немощенъ былъ, а того малаго Богъ простилъ до нашего пріѣзду. Да Богъ простилъ Анну Борисовну, жену Горбатаго очною болѣзнію, а больна была три года, а живетъ въ Боровичахъ. А то вѣдомо сусѣду ихъ У...ву, Михайлову сыну,—а рука его приложена у той памяти вверху. А ту Богъ простилъ до нашего пріѣзду. Да Богъ простилъ на освященіи церкви дѣвицу Василеву—окомъ правымъ не видѣла, Племянникова, крестьянина Жданскаго, изъ деревни съ Подола, а отецъ ей Тимоха сталъ съ нею предъ священника, да сказывалъ, что она тѣмъ недугомъ больна была. Да Богъ простилъ до нашего пріѣзду за полгода Ирину Вершину жену бѣснующимъ недугомъ, а живетъ въ Боровичахъ. И священникъ Иванъ спрашивалъ про нее въ недѣлю всѣхъ святыхъ у Бориса и Глѣба послѣ заутрени, и онѣ сказываютъ—всему ряду вѣдомо, что она тѣмъ недугомъ страдала по Боровичскому ряду ходючи. Да Богъ простилъ Монсееву жену Домну Гаврилову, изъ деревни Новоселиць, бѣснующиися недугомъ, а приходилъ съ нею священникъ Иванъ, сказалъ, что она тѣмъ недугомъ больна была два года. А рука того священника на той памяти назадъ вверху. А всѣ тѣ сказываютъ, кои завѣтны были къ Яковлеву гробу, и новѣ ихъ Богъ простилъ. А сію память писалъ Петровской дьякъ изъ Боровичъ Митька Елизаровъ. Въ дѣто *муж* (1544 г.) іюня во к день, на сочествіе св. Духа, на память же во святыхъ отца нашего Никифора. А у той памяти рука приложена священноинокъ Данила Юрєва монастыря. Да священникъ Василей руку приложилъ, служитель верховныхъ Апостолъ Петра и Павла. Да священникъ Борисоглѣбской Церкви Иванъ руку приложилъ. Да Петровской дьяконъ Перерей руку приложилъ. Да рядовой Боровицкаго ряду Василей Кузьмина сына рука приложена. Да Ушанъ Михаилъ сынъ руку приложилъ, да Матеѣй Ярцовъ руку приложилъ. А тѣ рядовичи руки прикладывали во всѣхъ рядовичъ мѣсто. Боголѣпнаго Преображенія поць Василей, отецъ духовный, руки приложилъ—въ той Анны мѣсто, што не ходила на ногахъ. Да Руднаго жены Ульяны, да дѣтны ихъ Гршицы, да Анны Борисовской жены да Василысы,—въ тѣхъ мѣсто отецъ духовной поць Василей руку приложилъ. А въ тое мѣсто Ирины отецъ духовной Иванъ поць руку приложилъ“ и проч (Рук. Тр.-Серг. Лавры, № 654, л. 80—8).

сваго архимандрита Иону сановита суца, Богородскаго протопопа Гурія, мужа нарочита и благоговѣйна видѣти мощи“. Далѣе разсказывается, что архимандритъ Иона, „яко истязуя, вопрошаше Данила, коея ради вины мощи сія взыскаль еси и отъ кого повелѣніе вземъ“? Даниль же рече: „извѣстихъ сіе благоч. царю и преосв. митрополиту ея же ради вины повелѣно ми бысть отъ нихъ все сіе, явственней же паче благоволи Богъ вашему великому священству своимъ очима видѣти святаго сего, се образъ его зрите на иконе написанъ, также служба ему же, стихеры и канонъ въ старыхъ книгахъ писанъ не отъ мене си изложено, ни мною повелено. Но вельмй прежде мене, и вопрошайте народъ, что видѣша, и недужніи, како исцелѣша и отъ сихъ уразумѣйте... И повелѣша представить исцѣленныхъ и вопрошаше ихъ“⁶⁷⁾; при чемъ самая форма вопроса въ общихъ чертахъ такая же, какую мы видѣли уже при свидѣтельствovanіи чудесъ преп. Іакова Боровицкаго. Такимъ же точно образомъ, какъ можно думать, въ общихъ чертахъ совершались и предварительные обыски къ собору 1549 года. По крайней мѣрѣ, существенными и главными черты ихъ мы находимъ въ рѣчи Грознаго, въ которой представлено общее изображеніе этихъ обысковъ. Такъ, мы находимъ здѣсь указанія на комиссіи—„священными соборы“ и проч. Далѣе, цѣль, которая поставлена для этихъ обысковъ, очень похожа на извѣстную уже намъ программу дѣйствій, съ которою посылались эти комиссіи. Тутъ мы встрѣчаемъ и собраніе біографическихъ свѣдѣній и повѣрку ихъ и свидѣтельствованіе чудесъ, словомъ, все то, что вошло въ постоянную практику нашей Церкви въ подобныхъ случаяхъ въ послѣдующее время.

Собранный и провѣренный агіобиографическій матеріалъ мѣстными владыками представленъ былъ на соборъ 1549 года, на которомъ онъ снова былъ свидѣльствованъ. Въ чемъ заключалось и какъ производилось это свидѣтельствованіе? Въ Стоглавѣ и житіи св. митрополита Іоны мы не находимъ извѣстій ни о характерѣ этого свидѣтельствованія, ни о формѣ его. Въ Стоглавѣ констатируется только самый фактъ свидѣтельствованія всего собраннаго матеріала. „И въ 19 лѣто возраста моего по нашему навазу архіепископы, епископы и честныя архимандриты и игумены собираются въ царствующій сей градъ къ намъ во отцу нашему Маварію, митрополиту всеа Русіи, каноны новыхъ чудотворцевъ и житія ихъ и чудеса на соборъ по-

⁶⁷⁾ Рук. Тр.-Серг. Лавры № 696, л. 225—232.

лагають и свидѣтельствуютъ всѣми священными соборы“⁶⁶⁾. Не имѣя положительныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить себѣ опредѣленное представленіе о характерѣ этого соборнаго свидѣтельствованія, мы попытаемся, однако, хотя бы приблизительно, опредѣлить послѣдній. По мнѣнію В. О. Ключевскаго, соборное свидѣтельствованіе представляется не болѣе какъ опытомъ чисто литературной церковной цензуры; „ввода, говоритъ онъ, труды мѣстныхъ грамотеевъ въ церковное богослуженіе, соборъ, естественно, долженъ былъ разсмотрѣть, соотвѣтствуютъ ли они установленнымъ формамъ церковно - литературныхъ произведеній“⁶⁷⁾. Отсюда можно думать, что это соборное свидѣтельствованіе касалось не столько содержанія житій и канонѡвъ, сколько внѣшней формы ихъ. Такъ можно думать тѣмъ болѣе, что фактическое содержаніе представленнаго на соборъ біографическаго матеріала было уже провѣрено на епархіальныхъ обыскахъ, или, по крайней мѣрѣ, должно было быть провѣрено, потому что, какъ мы видѣли, цѣлью ихъ было не только собраніе біографическихъ свѣдѣній о святыхъ, но и повѣрка ихъ. Такимъ образомъ, соборное свидѣтельствованіе нужно относить собственно къ внѣшней формѣ житій. Отцы собора, просматривая послѣднія, наблюдали, главнымъ и преимущественнымъ образомъ, за тѣмъ, соотвѣтствуетъ ли извѣстное житіе установившемуся тогда у насъ житійному стилю, или нѣтъ? Если соотвѣтствовало, то одобрялось для церковнаго употребленія, если же нѣтъ, то исправлялось, или же было поручаемо написать новое житіе.

Какъ совершалось это свидѣтельствованіе, указаніе относительно этого мы находимъ въ извѣстномъ уже намъ житіи св. Мартиніана и Ферапонта, Бѣлоозерскихъ чудотворцевъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что когда игуменомъ, привезшимъ эти житія въ Москву, послѣднія представлены были на соборъ, то „и взялъ (вѣроятно митрополитъ) книги тѣя, и повелѣ предъ собою прочести житія святыхъ и чудеса“⁷⁰⁾.

Рѣшивъ, по мѣрѣ возможности, эти существенные вопросы изъ исторіи внутренней дѣятельности собора 1549 года, мы для полноты нашего изслѣдованія о немъ должны еще разсмотрѣть нѣсколько вопросовъ. Эти вопросы касаются основаній, которыми соборъ 1549 г. руководился при совершеніи канонизаціи святыхъ, съ одной стороны,

⁶⁶⁾ Стоглавъ, 45.

⁶⁷⁾ Ключевскій, Житія, 223.

⁷⁰⁾ Рук. Тр.-Серг. Лавры № 696, л. 48.

съ другой—вопроса о томъ: сдѣлалъ ли этотъ соборъ такое же разграниченіе между святыми на мѣстныхъ и всероссійскихъ, какое сдѣлалъ соборъ 1547 года? Съ первымъ вопросомъ мы встрѣчались уже, когда налагали исторію перваго собора. Поэтому мы на немъ долго останавливаться не будемъ, тѣмъ болѣе, что и въ извѣстныхъ уже намъ памятникахъ, сохранившихъ намъ свѣдѣнія о соборѣ 1549 г., эти основанія прямо указаны. Именно, въ извѣстной уже намъ рѣчи Грозный обращается ко всѣмъ епископамъ съ просьбой собрать „каноны и житія и чудеса тѣхъ великихъ святыхъ новыхъ чудотворцевъ“⁷¹⁾; епископы, дѣйствительно, исполняютъ просьбу царя, и на соборѣ „полагаютъ и свидѣтельствуютъ всѣми освященными соборы каноны новыхъ чудотворцовъ житія ихъ и чудеса“⁷²⁾, и вслѣдъ затѣмъ непосредственно говорится объ установленіи празднованія всѣмъ тѣмъ святымъ, каноны, житія и чудеса которыхъ, дѣйствительно, представлены были собору и одобрены имъ для церковнаго употребленія. Такимъ образомъ, очевидно, что этими основаніями, которыми соборъ руководился при совершеніи канонизаціи святыхъ, были каноны, житія и чудеса ихъ.

Гораздо труднѣе, повидимому, рѣшить другой вопросъ: сдѣлалъ ли соборъ 1549 года такъ же, какъ и соборъ 1547 года, раздѣленіе канонизованныхъ имъ святыхъ на мѣстныхъ и всероссійскихъ. Ни въ Стоглавѣ, ни въ житіи митрополита Іоны мы не находимъ отвѣта на этотъ вопросъ. Въ первомъ вообще только говорится, что отцы собора 1549 года всѣ свидѣльствованные ими каноны и житія святыхъ „предаютъ церквамъ Божиимъ пѣти и славити и праздновати, якоже и прочимъ святымъ“⁷³⁾, не раздѣляя ихъ на общихъ и мѣстныхъ. На основаніи нѣкоторыхъ фактовъ, дѣйствительно можно думать, что такого раздѣленія на этомъ соборѣ и не было сдѣлано. Первый фактъ мы находимъ въ житіи Ферапонта и Мартиніана, Бѣлоозерскихъ чудотворцевъ. Писатель этого житія, сказавши о повелѣніи Макарія „игумену тоя обители пѣти и праздновати святыхъ отецъ и со предреченными святыми, преп. Ферапонта и Мартиніана и житія ихъ чести на соборѣ, въ славу Отца и Сына и Св. Духа, вседержителя Бога“, говоритъ далѣе: „но и се, яко да не возглаголютъ нѣщии мнѣніемъ реиуще: повелѣлъ естъ святой митрополитъ единой церкви обителя тоя праздновати святыхъ. Смотри и испытай

⁷¹⁾ Стоглавъ, 44.

⁷²⁾ Ibid. 45.

⁷³⁾ Стоглавъ, 45.

извѣстно не бываетъ сичево повелѣніе во святыхъ писаніяхъ неправды взоръ сотвориши и обрящешися ложь предъ Богомъ. Святія книги пишутъ: едино стадо и единъ пастырь Христось; едина Церква, едина вѣра, даль есть единой Церквы, и инымъ вда... Добрѣ святыи митрополитъ сотвори, и зѣло полезно есть, якоже нѣкую утварь царскую Церквы Божіей приложи: святыхъ отецъ праздновати повелѣ и благослови“⁷⁴). Суть всей этой тирады сводится къ тому, какъ кажется, что писатель хочеть показать и доказать, что празднованіе памяти этихъ святыхъ установлено не для одной какой-нибудь мѣстной Церкви, а для Единой, т. е., всей Русской Церкви. Другой же фактъ подобнаго рода мы находимъ въ Стоглавѣ. На этомъ соборѣ, между прочимъ, былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ „праздновать Псковскому чудотворцу Евфросину, да Смоленскому чудотворцу Авраамію“. Соборный отвѣтъ былъ таковъ: „праздновати имъ какъ и прочимъ святымъ преподобнымъ отцемъ, пѣти на вечерне блаженъ мужъ и прочая служба по божественному уставу все сполна“⁷⁵); слѣдовательно, со всеобщимъ бдѣніемъ, какъ и великимъ святымъ, общимъ. Этотъ послѣдній фактъ рѣшительнымъ образомъ доказываетъ, по нашему мнѣнію, ту мысль, что соборъ 1549 года не сдѣлалъ подобнаго первому собору раздѣленія святыхъ на общихъ и мѣстныхъ, а прямо только установилъ празднованіе этимъ святымъ, предоставивъ совершать послѣднее доброй волѣ настоятелей церквей. Ибо, если бы на самомъ дѣлѣ было сдѣлано такое разграниченіе, то трудно объяснить, какимъ образомъ могъ подняться вопросъ объ образѣ празднованія Евфросину Псковскому и Авраамію Смоленскому, когда соборъ прямо отнесъ бы ихъ къ какому-нибудь одному классу мѣстныхъ или общихъ святыхъ, чѣмъ прямо опредѣлялся бы и образъ празднованія имъ.

Канонизація святыхъ, произведенная соборами 1547 и 1549 гг., выражалась, какъ и прежде, въ установленіи въ честь святаго праздника и составленіи житія и канона ему. Но труднымъ для рѣшенія является вопросъ: вносились ли имена святыхъ непосредственно за канонизаціей, по распоряженію соборовъ, въ святцы или мѣсяцесловы? Въ источникахъ, сохранившихъ намъ свѣдѣнія объ этихъ соборахъ, мы не встрѣчаемъ ни одного указанія, которое могло бы для насъ служить основаніемъ для такого или иного рѣшенія этого вопроса. Повидимому, нужно было бы ожидать, что соборы, издавъ повелѣніе

⁷⁴) Рук. Тр.-Серг. Лавры № 696, л. 48—49.

⁷⁵) Стоглавъ, 168.

о празднованіи новымъ чудотворцамъ, вмѣстѣ съ ними издадутъ и повелѣніе о внесеніи послѣднихъ въ святцы и тогда, конечно, въ святцахъ, явившихся непосредственно за этими соборами, мы вправѣ были бы ожидать встрѣтить имена всѣхъ тѣхъ святыхъ, которые канонизованы соборами 1547 и 1549 гг. Но, присматриваясь къ уставамъ, явившимся послѣ этихъ соборовъ, мы должны сказать, говоритъ И. Д. Мансветовъ, что ни одинъ изъ нихъ не исчерпываетъ полного числа русскихъ святыхъ, канонизованныхъ на соборахъ 1547—1549 годовъ. Такъ, синодальный уставъ 1548 года, какъ появившійся чрезъ годъ послѣ перваго Московскаго собора, — уже заключаетъ въ себѣ значительное число памятей, утвержденныхъ на немъ, но, съ другой стороны, и нѣкоторые изъ болѣе позднихъ уставовъ оказываются ниже этого числа и стоятъ, повидимому, внѣ всякаго вліянія Московскихъ соборовъ. Таковъ, напримѣръ, уставъ Синодальной Библіотеки № 389—337, написанный въ 1553 году для Іосифо - Волоколамскаго монастыря и отличающійся въ этомъ отношеніи замѣчательною бѣдностью (Перечисленіе памятей см. въ Опис. рук. Син. б., III, 323).

Къ категоріи болѣе полныхъ записей этого рода могутъ быть отнесены уставы Троице-Сергіевой лавры № 242—244 и Синодальный № 390—334 — всѣ изъ второй половины XVI вѣка и съ подробнымъ перечнемъ Русскихъ праздниковъ, между которыми встрѣчаются даже такія малозвѣстныя памяти, какъ убіеніе Глѣба на Смядынѣ (5 сентября). И все-таки, несмотря на относительную полноту агіологическаго содержанія, эти уставы не имѣютъ многихъ памятей, утвержденныхъ на соборѣ 1549 года. Замѣчательно, что и въ Троицкомъ уставѣ № 241, во главѣ котораго помѣщено постановленіе собора 1547 года, въ видѣ посланія къ игумену троицкому Іонѣ, — и здѣсь изъ общаго перечня канонизованныхъ святыхъ записаны лишь немногіе ⁷⁶⁾).

Если же, какъ можно видѣть изъ этого обзорѣнія, имена святыхъ не всегда вносились въ святцы и уставы, то, очевидно, потому, что не было сдѣлано соборнаго распоряженія. Отсюда, значитъ святцы и не могли быть одною изъ тѣхъ формъ, въ которыхъ выражалась канонизація святыхъ на этихъ соборахъ.

Въ заключеніе исторіи Макарьевскихъ соборовъ, намъ остается разсмотрѣть еще вопросъ о значеніи ихъ въ дѣлѣ канониціи святыхъ

⁷⁶⁾ Мансветовъ, Церковный уставъ 285—86.

для послѣдующаго времени Русской Церкви. Самое важное и самое видное, сразу бросающееся въ глаза, слѣдствіе Макарьевскихъ соборовъ для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени заключается въ томъ, что, начиная съ этихъ соборовъ, право совершенія канонизаціи переходитъ исключительно къ высшей центральной власти Русской Церкви, каковая до конца XVI вѣка сосредоточивалась въ лицѣ митрополита съ соборомъ, а съ конца этого вѣка (1589 года) въ лицѣ патріарха. До Макарьевскихъ соборовъ право совершенія канонизаціи продолжало принадлежать мѣстнымъ епископамъ не только *de jure*, но и *de facto*, что можно видѣть изъ примѣра канонизаціи Леонтія и Исаи, епископовъ Ростовскихъ, канонизованныхъ мѣстными епископами. Между тѣмъ, послѣ соборовъ 1547 и 1549 годовъ, во все продолженіе второй половины XVI и всего XVII вѣка мы уже не встрѣчаемъ ни одного случая совершенія канонизаціи святаго мѣстнымъ епископомъ. Встрѣчаемъ даже примѣры, которые показываютъ, что и частное почитаніе святаго требовало уже позволенія высшей власти Церкви. Такъ, ученикъ Кассіана Босого, Фотій, написавъ для себя канонъ на память Іосифа Волоколамскаго, нашель необходимымъ, однако же, представить этотъ канонъ на разсмотрѣніе митрополиту, чтобы получить отъ послѣдняго благословеніе читать свой трудъ и молитвовать по немъ въ велиіи ⁷⁷⁾). Правда, начало этой перемѣны въ правѣ совершенія канонизаціи восходитъ еще къ началу XVI вѣка; но тогда эта перемѣна не была еще узаконена. Теперь на Макарьевскихъ соборахъ то, что до сего времени было только попыткой подчинить прославленіе святыхъ надзору высшей церковной власти, окончательно принято и съ этого времени вошло въ постоянную практику Русской Церкви при совершеніи канонизаціи.

Чѣмъ вызвано было такое измѣненіе, какими обстоятельствами оно обуславливалось,—на эти вопросы мы старались дать отвѣтъ въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ объ этихъ соборахъ. Поэтому, не останавливаясь на нихъ, мы прямо перейдемъ къ обзорѣнью другихъ слѣдствій ихъ, которыя стоятъ въ тѣсной связи съ первымъ слѣдствіемъ и имъ обуславливаются.

Главное слѣдствіе этого перехода права совершенія канонизаціи къ высшей центральной власти Русской Церкви касается тѣхъ правилъ, которыми начинаютъ у насъ со времени этихъ соборовъ руководиться при совершеніи канонизаціи святыхъ. Макарьевскіе соборы

⁷⁷⁾ Блючевскій, Житія, 392.

имѣютъ въ этомъ отношеніи весьма важное значеніе. Со времени ихъ правила совершенія канонизаціи, которыя примѣнялись на этихъ соборахъ, входятъ уже въ постоянную практику нашей Церкви послѣдующаго времени. Эти правила заключались, главнымъ образомъ, въ „обыскѣ о новыхъ чудотворцахъ“ и свидѣльствованіи житій и каноновъ. Обыскъ состоялъ, какъ мы видѣли, не только въ собраніи житій и каноновъ, но вообще свѣдѣній о святомъ—о его чудесахъ и потомъ провѣркѣ или свидѣльствованіи тѣхъ и другихъ. Этотъ обыскъ и это свидѣльствованіе какъ житій и каноновъ, такъ и чудесъ въ послѣдующее время встрѣчаются уже постоянно въ практикѣ Русской Церкви во всѣхъ случаяхъ канонизаціи. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что эти правила, установленныя Макарьевскими соборами, встрѣчаются намъ не только безъ всякаго измѣненія ихъ сущности, но и самый способъ приложенія ихъ остается тѣмъ же самымъ, какой мы видѣли и на этихъ соборахъ; а это послѣднее прямо можетъ говорить о вліяніи Макарьевскихъ соборовъ на ходъ канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени.

При изложеніи исторіи Макарьевскихъ соборовъ, мы нигдѣ не встрѣчали указанія на то, чтобы на нихъ сдѣлано было постановленіе о постоянномъ употребленіи и приложеніи этихъ правилъ совершенія канонизаціи и въ послѣдующее время. А это послѣднее обстоятельство показываетъ, что вліяніе этихъ соборовъ на ходъ и совершеніе канонизаціи основывается не на какомъ нибудь законодательномъ актѣ, изданномъ съ этою цѣлію, но на тѣхъ обстоятельствахъ, которыми и были вызваны самые соборы о новыхъ чудотворцахъ. Главное изъ этихъ обстоятельствъ—это централизація церковной власти въ лицѣ митрополита, идущая рядомъ съ централизаціей гражданской власти въ лицѣ Московскаго великаго князя. Слѣды вліянія этой централизаціи церковной власти стали уже замѣтны съ начала XVI вѣка; но главнымъ образомъ они проявились на Макарьевскихъ соборахъ, со времени которыхъ право совершенія канонизаціи исключительно стало принадлежать высшей центральной власти Русской Церкви. Этимъ переходомъ права совершенія канонизаціи отъ мѣстныхъ епископовъ къ высшей центральной власти, какъ намъ кажется, и можно объяснить себѣ важное вліяніе Макарьевскихъ соборовъ на ходъ канонизаціи послѣдующаго времени. Высшая церковная власть, всегда пребывавъ въ столицѣ и находясь, такимъ образомъ, вдали отъ мѣста жизни святыхъ, не могла быть очевидцемъ ни чудесъ, ни нелѣвннй мощей. Чтобы убѣдиться въ томъ и другомъ, необходимо было

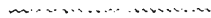
ислѣдовать на мѣстѣ и эти чудеса и это нетлѣніе мощей. А для достиженія этой цѣли, очевидно, правила, установленныя Макарьевскими соборами, и были необходимыми. А эти послѣднія, въ свою очередь, послужили причиной образованія тѣхъ формальностей, совокупность которыхъ и составила предварительный обыскъ о томъ или другомъ святомъ, имѣвшій своею главною цѣлью и задачей какъ собрать необходимыя для его канонизаціи біографическія данныя, такъ и провѣрить ихъ.

Приложеніе и примѣненіе правилъ, установленныхъ Макарьевскими соборами, къ канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени имѣло своимъ естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ болѣе однообразный характеръ совершенія ея. До Макарьевскихъ соборовъ такого однообразія не существовало. Это отсутствіе однообразія въ совершеніи канонизаціи мы объясняли именно тѣмъ, что тогда еще не было установлено опредѣленныхъ правилъ, которыя бы всегда и регулировали совершеніе ея. Теперь же, послѣ Макарьевскихъ соборовъ, установившихъ опредѣленныя и постоянныя правила, эта причина прежняго разнообразія совершенія канонизаціи, очевидно, должна была уничтожиться, и послѣдняя должна была принять болѣе или менѣе однообразный характеръ. И, дѣйствительно, изучая факты канонизаціи нашихъ святыхъ послѣдующаго времени, нетрудно замѣтить, что наша Церковь въ этомъ отношеніи сдѣлала большой шагъ впередъ, такъ какъ каждый отдѣльный фактъ канонизаціи этого времени представляетъ повтореніе прежде него бывшаго.

Кромѣ этого слѣдствія, которымъ сопровождалось для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени введеніе правилъ, установленныхъ на Макарьевскихъ соборахъ, можно еще указать и другое. Именно, со времени ихъ стали у насъ внимательнѣе и строже относиться къ канонизаціи святыхъ, о чемъ можно заключать уже потому, что высшая центральная власть всегда строго требовала приложенія установленныхъ соборами на этотъ предметъ правилъ и исполненія мельчайшихъ формальностей, вызываемыхъ приложеніемъ первыхъ.

Говоря о значеніи Макарьевскихъ соборовъ для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени нашей Церкви, мы, однако, не должны преувеличивать этого значенія. Собственно говоря, этимъ соборамъ принадлежитъ только болѣе точная формулировка и введеніе въ практику Церкви правилъ совершенія канонизаціи, а не выработка ихъ. Они не сдѣлали чего-нибудь новаго, прежде неизвѣстнаго, а только точнѣе формулировали и своимъ авторитетомъ санкціонировали то, что и прежде существовало, хотя и не въ такомъ опредѣ-

ленномъ видѣ. Отсюда, слѣдовательно, дѣятельность Макарьевскихъ соборовъ относительно вопроса о канонизаціи святыхъ въ нашей Церкви можно назвать не творческою, а вѣрнѣе, организаторскою, что будетъ вполне соответствовать и характеру главнаго дѣятеля ихъ, митрополита Макарія, любившаго обветшалое и поиспатавшееся обновлять и приводить въ порядокъ.

ОКОНЧАНИЕ

1861 г. 11
 1862 г. 11
 1863 г. 11
 1864 г. 11
 1865 г. 11
 1866 г. 11
 1867 г. 11
 1868 г. 11
 1869 г. 11
 1870 г. 11
 1871 г. 11
 1872 г. 11
 1873 г. 11
 1874 г. 11
 1875 г. 11
 1876 г. 11
 1877 г. 11
 1878 г. 11
 1879 г. 11
 1880 г. 11
 1881 г. 11
 1882 г. 11
 1883 г. 11
 1884 г. 11
 1885 г. 11
 1886 г. 11
 1887 г. 11
 1888 г. 11
 1889 г. 11
 1890 г. 11
 1891 г. 11
 1892 г. 11
 1893 г. 11
 1894 г. 11
 1895 г. 11
 1896 г. 11
 1897 г. 11
 1898 г. 11
 1899 г. 11
 1900 г. 11
 1901 г. 11
 1902 г. 11
 1903 г. 11
 1904 г. 11
 1905 г. 11
 1906 г. 11
 1907 г. 11
 1908 г. 11
 1909 г. 11
 1910 г. 11
 1911 г. 11
 1912 г. 11
 1913 г. 11
 1914 г. 11
 1915 г. 11
 1916 г. 11
 1917 г. 11
 1918 г. 11
 1919 г. 11
 1920 г. 11
 1921 г. 11
 1922 г. 11
 1923 г. 11
 1924 г. 11
 1925 г. 11
 1926 г. 11
 1927 г. 11
 1928 г. 11
 1929 г. 11
 1930 г. 11
 1931 г. 11
 1932 г. 11
 1933 г. 11
 1934 г. 11
 1935 г. 11
 1936 г. 11
 1937 г. 11
 1938 г. 11
 1939 г. 11
 1940 г. 11
 1941 г. 11
 1942 г. 11
 1943 г. 11
 1944 г. 11
 1945 г. 11
 1946 г. 11
 1947 г. 11
 1948 г. 11
 1949 г. 11
 1950 г. 11
 1951 г. 11
 1952 г. 11
 1953 г. 11
 1954 г. 11
 1955 г. 11
 1956 г. 11
 1957 г. 11
 1958 г. 11
 1959 г. 11
 1960 г. 11
 1961 г. 11
 1962 г. 11
 1963 г. 11
 1964 г. 11
 1965 г. 11
 1966 г. 11
 1967 г. 11
 1968 г. 11
 1969 г. 11
 1970 г. 11
 1971 г. 11
 1972 г. 11
 1973 г. 11
 1974 г. 11
 1975 г. 11
 1976 г. 11
 1977 г. 11
 1978 г. 11
 1979 г. 11
 1980 г. 11
 1981 г. 11
 1982 г. 11
 1983 г. 11
 1984 г. 11
 1985 г. 11
 1986 г. 11
 1987 г. 11
 1988 г. 11
 1989 г. 11
 1990 г. 11
 1991 г. 11
 1992 г. 11
 1993 г. 11
 1994 г. 11
 1995 г. 11
 1996 г. 11
 1997 г. 11
 1998 г. 11
 1999 г. 11
 2000 г. 11
 2001 г. 11
 2002 г. 11
 2003 г. 11
 2004 г. 11
 2005 г. 11
 2006 г. 11
 2007 г. 11
 2008 г. 11
 2009 г. 11
 2010 г. 11
 2011 г. 11
 2012 г. 11
 2013 г. 11
 2014 г. 11
 2015 г. 11
 2016 г. 11
 2017 г. 11
 2018 г. 11
 2019 г. 11
 2020 г. 11
 2021 г. 11
 2022 г. 11
 2023 г. 11
 2024 г. 11
 2025 г. 11
 2026 г. 11
 2027 г. 11
 2028 г. 11
 2029 г. 11
 2030 г. 11
 2031 г. 11
 2032 г. 11
 2033 г. 11
 2034 г. 11
 2035 г. 11
 2036 г. 11
 2037 г. 11
 2038 г. 11
 2039 г. 11
 2040 г. 11
 2041 г. 11
 2042 г. 11
 2043 г. 11
 2044 г. 11
 2045 г. 11
 2046 г. 11
 2047 г. 11
 2048 г. 11
 2049 г. 11
 2050 г. 11
 2051 г. 11
 2052 г. 11
 2053 г. 11
 2054 г. 11
 2055 г. 11
 2056 г. 11
 2057 г. 11
 2058 г. 11
 2059 г. 11
 2060 г. 11
 2061 г. 11
 2062 г. 11
 2063 г. 11
 2064 г. 11
 2065 г. 11
 2066 г. 11
 2067 г. 11
 2068 г. 11
 2069 г. 11
 2070 г. 11
 2071 г. 11
 2072 г. 11
 2073 г. 11
 2074 г. 11
 2075 г. 11
 2076 г. 11
 2077 г. 11
 2078 г. 11
 2079 г. 11
 2080 г. 11
 2081 г. 11
 2082 г. 11
 2083 г. 11
 2084 г. 11
 2085 г. 11
 2086 г. 11
 2087 г. 11
 2088 г. 11
 2089 г. 11
 2090 г. 11
 2091 г. 11
 2092 г. 11
 2093 г. 11
 2094 г. 11
 2095 г. 11
 2096 г. 11
 2097 г. 11
 2098 г. 11
 2099 г. 11
 2100 г. 11

Г Л А В А IV.

Порядокъ и ходъ канонизаціи Русскихъ святыхъ съ половины XVI-го и до XVII вѣка включительно.

Приступая къ обзорѣнію общаго хода и порядка канонизаціи нашихъ святыхъ послѣ Магарьевскихъ соборовъ и до XVII вѣка включительно, мы должны бы, прежде всего, представить исторію канонизаціи каждаго святаго отдѣльно и потомъ уже, на основаніи представленныхъ фактовъ, составить себѣ понятіе о томъ, какъ у насъ совершалась въ это время канонизація святыхъ. Но по нѣкоторымъ причинамъ мы отступаемъ отъ этого плана и избираемъ другой, болѣе короткій путь, по которому мы уже не будемъ излагать канонизацію каждаго святаго отдѣльно, а прямо представимъ только общій ходъ и порядокъ совершенія ея за это время. Безъ сомнѣнія, путь этотъ короче. Вся черновая работа по собиранію матеріала будетъ уже не видна читателю, которому представлены будутъ только одни выводы, — это одна причина. Другая причина заключается въ томъ, что самая канонизація святыхъ у насъ къ этому времени принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ. Ибо тѣ правила, которыя были установлены на Магарьевскихъ соборахъ, какъ мы уже говорили выше, вошли въ постоянную практику нашей Церкви послѣдующаго времени; вслѣдствіе чего каждый фактъ канонизаціи является въ своихъ существенныхъ чертахъ повтореніемъ прежняго.

Не излагая, поэтому, исторіи канонизаціи каждаго изъ святыхъ, канонизованныхъ нашею Церковію въ этотъ періодъ, мы сдѣлаемъ только краткій перечень ихъ съ указаніемъ времени ихъ канонизаціи. Въ этотъ періодъ, обнимающій собою время съ половины XVI и до XVIII вѣка, были канонизованы слѣдующіе святые. При митрополитѣ Макаріи: преп. Савва Крыпецкій, канонизація котораго была вызвана открытіемъ въ 1554 году его мощей ¹⁾; тогда же соборъ опредѣ-

¹⁾ Митр. Макарія Ц. И. VШ, 46.

лил праздновать память его; житіе этого святаго, написанное по просьбѣ братіи Крыпецкаго монастыря Псковскимъ священникомъ Василиемъ, явилось въ слѣдующемъ 1555 году³⁾; Никита, архіепископъ Новгородскій, канонизація котораго совершилась въ 1558 году, когда открыты были мощи его и когда составлено было житіе этого святаго. Впрочемъ, мысль объ открытіи мощей этого святителя явилась нѣсколько ранѣе 1558 года. Въ рукописной повѣсти объ обрѣтеніи мощей его рассказывается, что еще въ 1547 году одному царедворцу, которому былъ поручень надворъ за церковными дѣлами въ Новгородской области, ночью предъ праздникомъ Пасхи въ соборной церкви послышался голосъ, повелѣвающій ему украсить покровомъ гробницу св. Никиты. исполнивъ повелѣнное, онъ сохранилъ въ душѣ особенное благоговѣніе къ св. Никитѣ и, не переставая размышлять о значеніи бывшаго къ нему голоса, наконецъ убѣдился, что скоро должно ожидать прославленія мощей угодника Божія. Спустя нѣсколько лѣтъ царедворецъ рѣшился, выбравъ удобное время, продѣлать скважину въ каменной крышѣ гробницы и, пропустивъ туда зажженную свѣчу, увидѣлъ тѣло святителя Никиты совершенно цѣлымъ и не распавшимся въ составяхъ. Онъ донесъ объ этомъ владыкѣ Пимену, а владыка митрополиту и самодержцу, царю Ивану IV⁴⁾. Эти свѣдѣнія дополняетъ вторая Новгородская лѣтопись, въ которой мы находимъ подъ 1558 годомъ слѣдующее извѣстіе: „въ лѣто 7066... сотворилъ Маркеллъ житіе Никитѣ, епископу Новгородскому и канунъ, да поѣхалъ Маркеллъ изъ Новгорода къ Москвѣ. Да того же лѣта мѣсяца апрѣля въ 30 день обрѣтоша мощи епископа св. Никиты цѣлы и положиша ихъ въ новый ларець и проч.“⁵⁾. Сопоставляя извѣстія повѣсти объ обрѣтеніи мощей съ лѣтописью, можно думать, что когда, благодаря донесенію царедворца, явилась мысль объ открытіи мощей и прославленіи св. Никиты, тогда владыка Пимень позаботился, прежде всего, о составленіи житія и канона ему (какъ необходимыхъ для его канонизаціи), которые, по его порученію, и были написаны бывшимъ игуменомъ Хутынскаго монастыря Маркелломъ въ 1558 году. Затѣмъ владыка послалъ его въ Москву за разрѣшеніемъ митрополита и государя открыть мощи св. Никиты. Это разрѣшеніе и было получено въ 1558 году, когда 30 апрѣля были открыты его мощи, и тогда же, вѣроятно, установленъ былъ праздникъ

³⁾ В. О. Ключевскій, Житія, 251.

⁴⁾ Рук. Тр. Сер. Лавры № 673, л. 371—74.

⁵⁾ П. С. Р. Л. т. 3, стр. 158.

въ честь св. Никиты. Этотъ выводъ о времени канонизаціи св. Никиты подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что имя его, не встрѣчавшееся доселѣ въ святцахъ и мѣсяцесловахъ, съ этого времени начинаетъ вноситься въ нихъ. Такъ, въ святцахъ XVII вѣка имя св. Никиты встрѣчается и подѣ 31 Января—днемъ его кончины, и подѣ 30 Апрѣля — днемъ обрѣтенія его мощей (См. Опис. рукоп. Синод. Библиотеки № 399, стр. 347, 375; сн. 343, 344; святцы въ рукописи М. Д. Ак. №№ 203 и 201). Къ тому же 1558 году можно относить и канонизацію св. Нифонта, епископа Новгородскаго, жившаго въ XII вѣкѣ и скончавшагося въ 1156 году. Изъ житія этого святаго мы узнаемъ, что празднованіе ему установлено митрополитомъ Макаріемъ ⁵⁾; но это указаніе настолько обще, что по нему одному нельзя точно опредѣлить годъ его канонизаціи. Для болѣе же точнаго опредѣленія времени канонизаціи этого святаго можетъ служить, по нашему мнѣнію, время составленія житія ему. Последнее явилось въ 1558 году ⁶⁾ и было составлено священноинокомъ Варлаамомъ, по порученію митрополита Макарія ⁷⁾. Сопоставляя теперь, съ одной стороны, извѣстіе житія св. Нифонта объ установленіи ему митрополитомъ Макаріемъ празднованія со временемъ появленія этого житія, съ другой стороны, принявъ во вниманіе тѣсную связь житій и праздниковъ между собою, въ силу которой первыя всегда почти являлись слѣдствіемъ послѣднихъ, можно думать съ болѣею вѣроятностью, что празднованіе св. Нифонту установлено было митрополитомъ Макаріемъ въ 1558 году. Съ конца этого же вѣка имя св. Нифонта начинаетъ встрѣчаться въ святцахъ и мѣсяцесловахъ нашей Церкви (Опис. рукоп. Моск. Синод. Библ. стр. 375; святцы при рукоп. М. Д. Ак. № 201 и 203).

Въ 1560 году были канонизованы тѣмъ же митрополитомъ Макаріемъ преп. Григорій и Кассіанъ, Авнежскіе чудотворцы. Свѣдѣнія о чудесахъ этихъ святыхъ, собранныя Варлаамомъ, игуменомъ Махрищскаго монастыря, были доставлены митрополиту Макарію. Последній для провѣрки этихъ свѣдѣній, а равно и для свидѣтельствованія мощей посылаетъ въ Авнежскій монастырь игумена Данилова монастыря Іоасафа. Когда доставлены были собранныя игуменомъ Варлаамомъ и провѣренныя игуменомъ Іоасафомъ свѣдѣнія митрополиту, то соборъ на основаніи ихъ установилъ мѣстно праздновать обоимъ

⁵⁾ Памят. Стар.-русс. литер. 4, 8—9.

⁶⁾ Обзоръ Дух. Литер. стр. 209.

⁷⁾ В. О. Ключевскій, Житія, стр. 252.

новоявленнымъ чудотворцамъ и повелѣлъ составить сказаніе о нихъ ⁸⁾. При дѣятельномъ участіи тѣхъ же лицъ совершилась въ томъ же году и канонизація преп. Стефана Махрищскаго. Игуменъ Варлаамъ нашель въ кладовой своей обители краткія харатейныя записки о Стефанѣ современника его, прадѣда своего, священноинокѣ Серапіона; припомнилъ, что слышалъ изъ устъ его о преподобномъ своими ушами во дни своей юности и, будучи самъ свидѣтелемъ чудесъ, совершавшихся у гроба преп. Стефана, написалъ, какъ могъ, сказаніе о немъ и представилъ царю и митрополиту. Они помыслили, что „не подобаесть оставити безъ написанія житіе и чудеса“ такого великаго и святаго мужа и велѣли написать житіе его „да на память его прочитается“, чѣмъ уже предполагается установленіе празднованія памяти этого святаго. Это новое житіе и было составлено, по повелѣнію митрополита, вышеупомянутымъ Іоасафомъ, игуменомъ Данилова монастыря ⁹⁾. Тѣмъ же Іоасафомъ составлена и служба этому святому ¹⁰⁾.

При митрополитѣ Антоніи были канонизованы: преп. Антоній Сійскій, преп. Евфросинія Суздальская и преп. Александръ Ошевенскій. Первый былъ канонизованъ въ 1578 году. Въ этомъ году игуменъ Сійскаго монастыря Питиримъ съ ученикомъ преп. Антонія Филоеємъ поѣхали въ Москву просить царя и митрополита объ установленіи празднованія святому. Въмѣстѣ съ тѣмъ игуменъ съ другимъ Антоніевымъ ученикомъ, Новгородскимъ архіепископомъ Александромъ, упросилъ царевича Іоанна (сына Грознаго) написать житіе Антонія съ похвальнымъ словомъ и службой. „Митрополитъ же, читаемъ въ надписаніи службы, составленной царевичемъ, по повелѣнію царя и великаго князя и по соборномъ изложеніи, уложи праздновати преподобному отцу Антонію ¹¹⁾.“—Точно годъ канонизація преп. Евфросиніи Суздальской неизвѣстенъ. Въ житіи ея, написанномъ Вар-

⁸⁾ Митр. Макарій, Ц. Исторія т. VIII, 46. Повелѣніе собора относительно этого сказанія исполнялъ Іоасафъ (Ключевскій, Жит. 279; см. Оп. рук. Тр.-Сер. Лавры № 635, гдѣ сказаніе это вмѣстѣ такое надписаніе: „списано бысть ермономъ Іоасафомъ, игуменомъ обители Данилова монастыря). Можно думать, что тѣмъ же Іоасафомъ составлена и служба имъ (см. Опис. рук. Тр.-Сер. Лавры №№ 624 и 483, гдѣ въ надписаніи стоитъ имя Іоасафа).

⁹⁾ Митр. Макарій, Ц. И. т. VII, 452; см. Опис. рук. Тр.-Сер. Лавры № 637, гдѣ въ надписаніи житія говорится: „составлено (л. 68) по вогѣ митр. Макарія Іоасафомъ, игуменомъ Данилова монастыря“.

¹⁰⁾ Обз. Дух. Литер. стр. 211.

¹¹⁾ Карамзинъ, Ист. Гос. Россійск., т. IX, прим. 612.

лазномъ, епископомъ Суздальскимъ, говорится только вообще, что еп. Варлаамъ, видя чудеса, совершавшіяся у гроба преподобной, отправляется въ Москву и передаетъ царю объ этихъ чудесахъ, а вмѣстѣ представляетъ ему и написанное имъ житіе этой святой. Царь, прочтя житіе, возвеселился дукомъ и повелѣлъ митр. Антонію собрать „весь освященный соборъ“, на которомъ прочтены были „стихеры и канонъ, житія и чудеса“ и повелѣно праздновать память ея мѣсяца Сентября въ 25 день ¹²⁾. Празднованіе имѣло только мѣстный характеръ. Ко времени же митрополита Антонія относится и канонизація преп. Александра Ошевенскаго, какъ объ этомъ можно судить по времени написанія житія этого святаго. Изъ житія его мы узнаемъ, что оно „списано бысть ермонахомъ Θεодосіемъ, повелѣніемъ благовѣрнаго царя и в. князя Ивана Васильевича, по благословенію митрополита Антонія“ ¹³⁾. Точно годъ написанія житія и совершенія канонизаціи этого святаго неизвѣстенъ ¹⁴⁾. Тѣмъ же іеромонахомъ Θεодосіемъ написана, по мнѣнію преосвщ. Филарета, и служба преп. Александру ¹⁵⁾.

При митрополитѣ Діонисіи (1581—1586) былъ канонизованъ преп. Ефремъ Новоторжскій, которому и было установлено мѣстное празднованіе ¹⁶⁾. Годъ канонизаціи неизвѣстенъ. Ко времени этого же митрополита относятъ и канонизацію преп. Геннадія Костромскаго, въ житіи котораго, написанномъ игуменомъ обители Геннадія Алексѣемъ, послѣдній проситъ братію монастыря, чтобы трудъ его, — житіе и служба св. Геннадію, — былъ отвезенъ на просмотръ къ царю Θεодору Іоанновичу и митрополиту Діонисію ¹⁷⁾. Но ни откуда не видно, чтобы просьба Алексѣя была исполнена, и чтобы тогда же митр. Діонисіемъ установленъ былъ праздникъ преп. Геннадію. Поэтому намъ кажется, что гораздо больше основаній относить время канонизаціи этого святаго къ 1646 году, когда 19 Августа обрѣтены

¹²⁾ Рук. Тр. Серг. Лавры № 664, л. 446.

¹³⁾ Опис. рукоп. 6-ки Хлудова—сост. А. Н. Поповымъ, стр. 428.

¹⁴⁾ Впрочемъ, въ рукоп. Сн. В-ки № 413, л. 130, указывается годъ написанія житія преп. Александра. Именно, тамъ говорится, что оно, списано въ лѣто 7006 (7075 или 1567). Но этотъ годъ не совпадаетъ со временемъ митрополитства Антонія, который былъ на каѳедрѣ съ 1577—1580 г.; отсюда и это указаніе житія на время его составленія нужно признать не вѣрнымъ.

¹⁵⁾ Филаретъ, арх. Обоз. Дух. Литер. стр. 223.

¹⁶⁾ Сергій, Агіологія 1, 194; Барсуковъ, Источники Агіографіи, 195.

¹⁷⁾ Блючевскій, Житія, 303.

были нетлѣвныя мощи его, и когда съ благословенія патріарха Іосифа положено ежегодно праздновать день обрѣтенія мощей Геннадія ¹⁸⁾.

Во время патріаршества Іова (1589—1605) были канонизованы слѣдующіе святые: Василій Блаженный, юродивый Московскій, которому въ 1588 году, по повелѣнію царя Θεодора Іоанновича, установлено было празднованіе памяти ¹⁹⁾; преп. Іосифъ Санинъ или Волоцкій, которому 1-го Іюля 1591 года постановлено было на соборѣ праздновать повсемѣстно 9-е Сентября, при чемъ была свидѣтельствована и исправлена служба ему ²⁰⁾; Гурій и Варсонофій, Казанскіе чудотворцы, которымъ въ 1595 году, при открытіи мощей ихъ, установлено было праздновать этотъ день обрѣтенія ²¹⁾; преп. Антоній Рямлянинъ, поводомъ къ канонизаціи котораго послужило обрѣтеніе мощей его въ 1597 году; тогда же, какъ говорится въ житіи его, поста-

¹⁸⁾ Историч. Словарь о русск. святыхъ, 63.

¹⁹⁾ Никон. Лѣт. т. VIII, 11.

²⁰⁾ Рук. сборникъ М. Д. Ак. № 381, л. 1—2. Мѣстное почитаніе преп. Іосифа Волоцкаго началось съ 1579 года, когда митр. Антоніемъ съ соборомъ Русскихъ іерарховъ узаконено было „праздновати и пѣти въ обители преч. Богородицы начальнику св. обители сея преп. отцу нашему игумену Іосифу отъ нынѣшняго лѣта 7087, доколѣ и монастырь Пречистыя стоитъ“ (Опис. рук. Синод. Б-ки III, 1, 394). Въ другой рукописи, между прочимъ, указывается и причина, почему въ это время преп. Іосифу было установлено только мѣстное празднованіе: „а впредь, читаемъ мы здѣсь, Господь Богъ и Преч. Богородица прославить угодника своего великаго чудотворца Іосифа чудеса, и тогда пѣти и праздновати по всѣмъ святымъ мѣстамъ и по соборнымъ церквамъ“ (Древнехранил. Погодина № 1563, л. 39). — Житіе преп. Іосифа почти въ одно время появилось въ 3-хъ редакціяхъ, именно: а) надгробное слово, написанное ученикомъ и сродникомъ Іосифа Досмеемъ Топорковымъ; б) житіе Іосифа, написанное Саввою Чернымъ, епископомъ Крутицкимъ, по благословенію митрополита Макарія, въ 1546 году и в) житіе, написанное неизвѣстнымъ, явившееся не позднѣе 1540 года. Служба преп. Іосифу, какъ можно заключать изъ того, что она была исправлена патріархомъ Іовомъ на соборѣ 1591 года, написана была ранѣе его всеобщей канонизаціи. И мы дѣйствительно встрѣчаемъ извѣстіе, что Фотій, ученикъ Кассіана Босого, написалъ канонъ преп. Іосифу и представилъ его на разсмотрѣніе митрополита Макарія, прося его разрѣшенія молитвовать по нему въ келліи.

²¹⁾ Свидѣтельствованіе мощей св. Гурія и Варсонофія поручено было царемъ Θεодоромъ Іоанновичемъ Гермогену, митрополиту Казанскому. Имъ же составлено было и житіе этихъ святыхъ. Житіе это напечатано въ сборникѣ древностей Казанской епархіи Любарскаго, стр. 1—32.

новлено „по повелѣнію царя Федора Ивановича и благословенію патриарха въ обители преп. и богоноснаго отца нашего Антонія и въ соборной церкви Премудрости Божіей Софїи и по монастыремъ и храмамъ великаго Новгорода праздновати преп. Антонію“²²⁾; препод. Корнилій Комельскій, которому соборъ 1600 года, разсмотрѣвъ житіе его съ стихирами и канонъ и нашедши, что оно составлено „по образу и по подобію, якоже и прочимъ святымъ“, опредѣлилъ праздновать во всей Русской Церкви²³⁾; и, наконецъ, св. благовѣрный князь Романъ Углицкій, поводомъ къ канонизаціи котораго послужили чудеса, которыя стали совершаться отъ раки этого святаго съ 3-го Февраля 1605 года, какъ говорится въ описаніи чудесъ его²⁴⁾. Объ этихъ чудесахъ донесено было патр. Іову, который и поручилъ вновь какъ освидѣтельствовать мощи этого святаго, такъ провѣрить и чудеса митрополиту Казанскому Гермогену²⁵⁾. Послѣ этого и было установлено мѣстное празднованіе св. кн. Роману Углицкому 3-го Февраля 1605 года. Въ это же время, не позднѣе 10-го Іюня 1605 года, когда патриархъ Іовъ долженъ былъ оставить патриаршій престолъ, должны были явиться житіе и служба этому святому, такъ какъ въ написаніи житія мы читаемъ, что „повѣсть, стихиры и канонъ сотворены по благословенію великаго св. киръ Іова, патриарха Московскаго и всея Россіи, труды и тѣченіемъ Симеона Олферьева, да инока Сергіа честнаго обители Пресв. Троицы Данилова монастыря Переяславля Залѣскаго“²⁶⁾.

²²⁾ Рук. М. Д. Ак. № 96, л. 231—34.

²³⁾ Житіе преп. Корнилія Комельскаго, какъ видно изъ написанія его, написано „въ лѣто 7097 (1689) Мая въ 20 день, при державѣ государя благовѣрнаго царя Федора Ивановича, въ лѣто шестое царства его и при св. патриархѣ Іовѣ, по благословенію отца нашего игумена Лаврентія, рукою многогрѣшнаго и послѣдняго въ иноцѣхъ Наваншпа Корниліевскаго (Опис. рук. Тр. Сер. Лавры № 676, л. 509). Этимъ опровергается жиѣніе пресв. Филарета, который говоритъ, что житіе этого святаго написано было однимъ изъ учениковъ его вскорѣ послѣ его кончины, около 1560 года (Обз. Дух. Литер. стр. 213).

²⁴⁾ В. О. Блючевскій, Житія, стр. 316, примѣч. 2.

²⁵⁾ Ibid.

²⁶⁾ Опис. рук. Тр.-Серг. Лавры № 628, л. 88. Преосв. Макарій канонизацію св. Романа Углицкаго относитъ къ 1595 году (Церк. Исторія X, 65), основываясь, очевидно, на Никоновской лѣтописи (VIII, 32—33) и лѣтописи о мятежахъ (43), въ которыхъ говорится объ обрѣтеніи въ этомъ году мощей его. Между тѣмъ, говоритъ В. О. Блючевскій, извѣстіе этихъ лѣтописей не точно: по житію Памсія Углицкаго, мощи обрѣтены спустя нешного лѣтъ по освященіи

Въ 1606 году былъ канонизованъ св. благовѣрный Димитрій Угличскій. Поводомъ къ его канонизаціи послужило обрѣтеніе и перенесеніе мощей его въ Москву. Царь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, по вступленіи своемъ на престолъ, на соборѣ святителей, сказавъ о томъ, что тѣло невинно убитаго царевича, погребеннаго въ Угличѣ, „много исцѣленія подаеть всякимъ одержимымъ различною болѣзнію, и явно къ болящимъ приходя себя оказуетъ, и многіе про его чудеса свидѣтельствуютъ и на соборѣ намъ про то извѣщали“, предложилъ имъ перенести мощи царевича въ Москву. На соборѣ согласились съ этимъ предложеніемъ и для выполненія его послали въ Угличъ „по мощи царевича Ростовскаго митрополита Филарета, да Астороханскаго епископа Θεодосья, да Спасскаго архимандрита Сергія, да Ондроньевскаго архим. Аврамья, да бояръ князя Ивана Михайловича Воротынскаго, да Петра Никитича Шереметьева, да Григорія Ѳедоровича да Оандрея Александровича Нагихъ“. Посланные въ Угличъ извѣщали отъ 28-го Мая, что они подняли и разсматривали мощи царевича Димитрія и нашли ихъ цѣлыми и неповрежденными, кромѣ немногихъ мѣстъ, и что у гроба царевича какъ въ прежніе годы, такъ и въ нынѣшній совершались чудесныя исцѣленія разныхъ болѣзней, о чемъ исцѣлившіеся и представили письменныя свидѣтельства; а къ 31 Іюня мощи принесены были уже въ Москвѣ, гдѣ ихъ встрѣтили торжественно царь и царица, инокиня Марѳа, съ митрополитами, архіепископами и епископами и безчисленнымъ множествомъ народа. Послѣ этого онѣ были поставлены въ Архангельскомъ соборѣ. А такъ какъ при мощахъ царевича продолжали совершаться чудеса, то святители постановили признать его новоявленнымъ угодникомъ Божиимъ и учредить ему праздникъ въ день его рожденія, кончины и перенесенія мощей ²⁷⁾.

При патріархѣ Филаретѣ были канонизованы: преп. Макарій Унженскій и Желтоводскій и Авраамій Галицкій. Поводомъ къ кано-

ни церкви въ монастырѣ Пансія въ 1482 году и за 120 сличкомъ лѣтъ до разоренія Углича Литвой, слѣдовательно, около 1485 года (Блючевскій, Житія, стр. 316). Отсюда, значить, и поводомъ къ канонизаціи этого святаго послужило не открытіе мощей, какъ думаетъ преосв. Макарій, а тѣ чудеса, которыя стали совершаться отъ нихъ. При этомъ послѣднія стали совершаться не въ 1595 году, какъ можно было бы думать на основаніи Никоновской лѣтописи и лѣтописи о мятежахъ, а въ 1605 году, какъ говорится въ описаніи чудесъ его.

²⁷⁾ Руконись Филарета, 6—10; Собраніе Госуд. грам. II, № 147; А. Э. № 48, 110—111; Дополн. къ Акт. Истор. 1, № 151, 261.

низации первого послужили чудеса, совершавшіяся отъ раки преподобнаго. Для свидѣтельствования ихъ патр. Филаретъ послалъ комиссію, которая вполне подтвердила достовѣрность этихъ чудесъ. Послѣ этого въ 1619 году и было установлено соборомъ празднованіе этому святому ²⁸⁾. Въ 1621 году по такому же точно поводу и такимъ же образомъ совершилась канонизация преп. Авраамія Галицкаго и Чухломскаго, которому соборъ въ этомъ году, на основаніи акта, составленнаго посланною для провѣрки совершившихся отъ раки этого святаго чудесъ комиссіей и засвидѣтельствовавшего достовѣрность ихъ, установилъ и опредѣлилъ праздновать день кончины его 20 Іюля, и совершать службу по церковному чиноположенію ²⁹⁾. Ко времени этого же патріарха относится и канонизация Варлаама Вадескаго, Іоанна и Логгина, Яренгскихъ чудотворцевъ. Канонизация преп. Варлаама Вадескаго совершилась въ 1630 г., когда Новгородскимъ митрополитомъ Кипріаномъ свидѣтельствованы мощи преподобнаго; тогда же сдѣлано было распоряженіе и о празднованіи памяти его (19 Іюня), и въ его имя построенъ былъ придѣльный храмъ ³⁰⁾. Житіе преп. Варлаама, написанное инокомъ Сійскаго монастыря Іоною, явилось въ 1589 году ³¹⁾. Преп. Іоаннъ и Логгинъ, Яренгскіе чудотворцы, были канонизованы при патріархѣ Филаретѣ, хотя точно годъ канонизации ихъ и неизвѣстенъ. Въ 1624 году инокъ Ілія Тѣловъ донесъ патр. Филарету о чудесахъ, совершавшихся при мощахъ праведниковъ. Вслѣдствіе сего Новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ предписано было произвести на мѣстѣ точное изслѣдованіе о чудесахъ св. Іоанна и Логгина. Разысканіе оправдало донесеніе инова Іліи ³²⁾. Послѣ этого, вѣроятно, и было имъ установлено празднованіе.

При патріархѣ Іосифѣ были канонизованы: св. благовѣрный князь Георгій Всеволодовичъ, мощи котораго были открыты въ 1645 году, и тогда же было установлено празднованіе памяти его ³³⁾; преп. Кириллъ Новоезерскій, поводомъ къ канонизации котораго послужило открытіе въ 1648 году мощей его; при чемъ для свидѣтельствования

²⁸⁾ Письма Русск. Госуд. 1, №№ 18 и 19; см. митр. Макарія Ц. И. XI, 62.

²⁹⁾ Ц. И. митр. Макарія XI т., 63.

³⁰⁾ Прав. Обзор. 1887 г. Іюль; въ приложеніи помѣщено житіе эт о го святаго, взятое изъ рук. Тр. Серг. Лавры № 677.

³¹⁾ Ibid. стр. 45—46.

³²⁾ Опис. рук. Баз. Дух. Ак. ч. II, стр. 282—89; Яхонтовъ, Житія съверно-русск. подвижниковъ, 159—60.

³³⁾ Ц. И. митр. Макарія XI, стр. 116.

ихъ посланъ былъ Вологодскій архіепископъ Маркеллъ. Послѣ этого, вѣроятно, и установлено было празднованіе ему во всей Русской Церкви ³⁴). Въ 1652 году были причтены въ лику святыхъ св. Филиппъ II, митрополитъ Московскій, и преп. Даніилъ Переяславскій. Мѣстное празднованіе св. Филиппу, по мнѣнію пресв. Макарія, было установлено еще въ 1591 году, когда мощи этого святаго съ дозволенія государя и благословенія патриарха Іова перенесены были изъ Тверскаго Отроча монастыря къ Соловецкій ³⁵). Но всеобщее празднованіе было установлено ему уже въ половинѣ XVII столѣтія, именно въ 1652 году, когда мощи его митрополитомъ Новгородскимъ Нивомомъ перенесены были изъ Соловецкой обители въ Москву ³⁶). Въ святцахъ рукописныхъ XVII вѣка подъ 23 Декабря мы читаемъ: „иже во святыхъ отца нашего Филиппа, митр. Московскаго“ и далѣе: „изложено празднество ему 7160“ (—1652) ³⁷). Мѣстное почитаніе преп. Даніила Переяславскаго началось очень рано. Уже чрезъ 13 лѣтъ послѣ смерти его, по повелѣнію царя Ивана Васильевича и митроп. Макарія, составляется житіе его ³⁸); точно также до канонизаціи его явилась и служба ему, что можно видѣть изъ отиски патр. Нивону комиссіи, свидѣтельствовавшей мощи этого святаго, гдѣ прямо говорится, что „образъ чудотворцовъ написанъ изстари, якъ анонъ и тропарь и житіе и стихеры“ ³⁹). Но формальная канонизаціи преп. Даніила совершилась уже при открытіи мощей его въ 1652 году ⁴⁰). Ко времени

³⁴) Ibid. 117. Въ рукописномъ житіи этого святаго мы находимъ извѣстіе что свидѣтельствованіе чудесъ, совершавшихся отъ гроба его, было еще при патр. Филаретѣ. Именно въ 1628 году случилось нѣсколько чудесъ отъ гроба преп. Кирилла, о которыхъ и было конесено государю и патриарху. Послѣдній поручилъ Варлааму, митр. Ростовскому, свидѣтельствовать эти чудеса. Митрополитъ съ этою цѣлію послалъ комиссію, состоявшую изъ игуменовъ Филиппа и Нивона. „Во свидѣтельствѣ же, доносивъ послѣднія митрополиту, быша вси граждане и бѣлосзерскаго уѣзда власти; и протопопъ и священники и всякихъ чиновъ люди. Единогласно о сихъ Божіихъ чудесахъ великаго чудотворца Кирилла и о семъ явленіи отъ мала же и до велика свидѣтельствовала и писаніи утвердиша, и не токмо та бывшая чудеса видѣвша и истинно сказаша, но и мнози иши чудеса повѣдаша“.

³⁵) Макарій, митр. Ц. И. X, 66.

³⁶) А. Э. IV, № 329.

³⁷) Рук. М. Д. Ав. № 201, л. 308.

³⁸) Ключевскій, Житія, 282.

³⁹) Ак. Э., IV, № 330.

⁴⁰) Ibid.

этого же патріарха нужно относить и канонизацію св. Артемія Вервольскаго, поводомъ къ которой послужили чудеса, совершавшіяся отъ мощей его. Объ этихъ чудесахъ донесено было митрополиту Новгородскому Кипріану, который „въ 147 (1639) году послалъ изъ Великаго Новагорода свидѣтельствовать и тутошными околными игумены, и попы и дьяконы“. Составленная роспись исцѣленіямъ была доставлена митрополиту, который „послѣ свидѣтельства“ на другой годъ прислалъ „сотворенное празднество св. праведному Артемію полный праздникъ: стихиры, и славяны и литѣю, и стиховну, и тропарь, и кондакъ, и сѣдалны, и богородичны, и канонъ и икосъ, и свѣтиленъ и хвалитны и распѣвъ подъ знаменемъ.“ 13-го Февраля 7153 (1645 г.), по благословенію патр. Іосифа и Новгородскаго митрополита Афеонія освящена была церковь во имя св. Артемія ⁴¹⁾.

Въ 1667 году былъ канонизованъ преп. Нилъ Столбенскій. Въ этомъ году въ Ниловой пустыни стали строить храмъ, и при копаніи ровъ для него были обрѣтены мощи преп. Нила. Объ этомъ донесено было мѣстному владѣльцѣ Питириму, митр. Новгородскому. Послѣдній, конечно, съ разрѣшенія государя и патріарха установилъ „обрѣтеніе мощей преп. Нила чудотворца праздновати мая въ 27 день по вся годы не преложно“ ⁴²⁾.

Въ 1686 году былъ канонизованъ преп. Никандръ Псковскій. Поводомъ къ его канонизаціи послужило открытіе его мощей, для свидѣтельствванія которыхъ была послана особая комиссія. Лица, производившія это свидѣтельствованіе, „сложивше службу и описавше житіе и чудеса“ преподобнаго, препроводили все это въ Москву. Патр. Іоакимъ съ архіереями, случившимися въ Москвѣ, составилъ соборъ, постановилъ праздновать преп. Никандру ⁴³⁾. Въ 1690 году совершилась мѣстная канонизація преп. Германа Соловецкаго, что видно изъ грамоты Холмогорскаго архіепископа Аванасія о разрѣшеніи праздновать въ Соловецкой обители память этого святаго ⁴⁴⁾.

Въ 1702 году произошла канонизація св. благовѣрнаго князя Глѣба Андреевича († 1175), сына Андрея Боголюбскаго. Поводомъ къ ней послужило открытіе мощей его. Въ томъ же году была написана служба этому святому и въ честь его устроенъ въ соборѣ придѣлъ ⁴⁵⁾.

⁴¹⁾ Рук. Сбор. Древнехранил. Погодина № 1554, л. 53.

⁴²⁾ Ак. Э. IV, № 156, 207—8.

⁴³⁾ Ключевскій, Житія, 331, 392—3.

⁴⁴⁾ Опис. рукоп. Баз. Дух. Ак. ч. II, стр. 281.

⁴⁵⁾ Барсуковъ, Источники русск. агиографіи, стр. 135.

Изъ представленнаго краткаго перечня канонизованныхъ у насъ въ это время святыхъ мы видимъ, что всѣ они безъ исключенія были канонизованы высшею центральною властью Русской Церкви, митрополитомъ или патриархомъ съ соборомъ епископовъ. Даже разрѣшеніе праздновать преп. Іосифу Волоцкому въ обители Пречистыя, данное въ 1579 году, исходить отъ митрополита съ соборомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право установить тотъ несомнѣнный фактъ, что право канонизаціи нашихъ святыхъ въ этотъ періодъ исключительно стало принадлежать высшей центральной власти Церкви.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній приступимъ къ обзорѣню самой формы совершенія канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ.

Обыкновенно, какъ скоро начиналось дѣло о прославленіи того или другого святаго, то послѣ предварительныхъ формальностей, которыя, какъ увидимъ ниже, принимаютъ къ этому времени очень сложный характеръ, соборъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, а потомъ съ 1589 года патриарха, устанавливалъ праздники въ честь его. Установленіе послѣдняго дѣлало необходимымъ составленіе службы и житія ему, чтобы онѣ могли читаться и пѣться на богослуженіи дня, посвященнаго памяти святаго.

Въ установленіи праздниковъ въ честь нашихъ святыхъ, въ это время учрежденныхъ, принимала довольно замѣтное участіе и высшая гражданская власть въ лицѣ государя. Впрочемъ, главное участіе принадлежало митрополиту или патриарху съ соборомъ епископовъ; на долю же государя оставалось только дать свое согласіе или повелѣніе. Отсюда, этимъ двойнымъ участіемъ опредѣляется и формула установленія этихъ праздниковъ, о которой мы можемъ судить по сохранившимся до нашего времени соборнымъ актамъ. Такою именно формулою можетъ служить актъ объ установленіи мѣстнаго празднованія преп. Іосифу Волоцкому. Какъ образецъ подобнаго рода актовъ мы и приводимъ его здѣсь: „Въ лѣто 7080, мѣсяца декабря, повелѣніемъ самодержца государя нашего богомудраго царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, и еже тогда святѣйшаго вселенскаго собора преосвященныхъ архіепископовъ, ...епископовъ, ...и архимандритовъ, и игуменовъ, и архіереевъ, и ереевъ, и діаконъ, и всего священническаго и иноческаго чина соборнаго, апостольскія Церкви Русскія митрополія, всего св. собора благословеніемъ и уставомъ уложили праздновати и пѣти“ и проч. ⁴⁶⁾.

⁴⁶⁾ Описан. рукоп. Сян. Б-ли Ш, 1, 394.

Установленіе праздника святому дѣлало необходимымъ составленіе службы и житія его. Отсюда служба и житіе являлись необходимымъ слѣдствіемъ установленія празднованія святому. Впрочемъ, иногда служба и житіе являлись ранѣе церковнаго прославленія святаго, предупреждая послѣднее. Въ этомъ случаѣ нужно обращать вниманіе на то, откуда выходила инициатива прославленія угодника: если она исходила отъ высшей центральной власти, то тогда служба и житіе всегда являлись вмѣстѣ съ установленіемъ праздника святому, т. е. при его канонизаціи. Такъ, служба и житія святыхъ: Саввы Крыпецкаго, Василя Блаженнаго, Гурія и Варсонофія Казанскихъ, препод. Евфросиніи Суздальской, св. кн. Романа Углицкаго и др. явились уже какъ слѣдствіе канонизаціи и написаны по порученію высшей духовной власти. Если же инициатива прославленія святаго выходила снизу, т. е. отъ игумена и братіи того монастыря, гдѣ жилъ и подвижался святой, то, въ такомъ случаѣ, всегда почти служба и житіе предупреждали канонизацію его. Такъ, Питиримъ, игуменъ Сійскаго монастыря, явившись хлопотать въ Москву о прославленіи Антонія, привезъ съ собою готовое уже житіе этого святаго, написанное въ 1577 году инокомъ Іоною ⁴⁷⁾. Чудеса Корнилія Комельскаго подали поводъ игумену монастыря въ 1589 году благословить одного изъ братій на составленіе службы и житія святаго, которыя потомъ были представлены патріарху съ соборомъ ⁴⁸⁾. Навонецъ, иногда случалось, что дѣло прославленія того или другого святаго, начатое снизу, вызвало со стороны епархіальной или центральной церковной власти порученіе написать житіе и службу. Если монастырь того святаго, о которомъ шло дѣло, былъ скуденъ книжными людьми, то это порученіе падало на посторонняго писателя, вовсе не принадлежащаго къ тому монастырю; иногда оно входило въ число задачъ духовной комиссіи, назначавшейся для повѣрки чудесъ, свидѣтельствванія мощей. Такимъ именно образомъ явились житія—Стефана Махрищскаго, Григорія и Кассіана Авнежскихъ. Но какъ бы то ни было, являлось ли житіе и служба святаго до или непосредственно послѣ канонизаціи, они составляли необходимое условіе совершенія послѣдней. Что дѣйствительно это было такъ, на это прямо указываетъ епископъ Варлаамъ, который въ описаніи чудесъ Евфросиніи Суздальской, объясняя, что подобаетъ святымъ, ясно говоритъ: „стихиры, канонъ и житіе“ ⁴⁹⁾.

⁴⁷⁾ Баранзинъ, Ист. Госуд. Россійск., т. IX, прим. 612.

⁴⁸⁾ Ав. Эв. П, № 222.

⁴⁹⁾ Рукоп. Тр. Серг. Лавры № 664, л. 445.

Что же касается внесенія именъ святыхъ въ святцы или мѣсяцесловы, что въ настоящее время практикуется при канонизаціи святыхъ, то относительно этого весьма трудно высказать опредѣленное и положительное мнѣніе. Встрѣчая акты соборные объ установленіи праздниковъ въ честь святыхъ, мы, однако, ни разу не находимъ соборнаго опредѣленія о внесеніи ихъ именъ въ святцы или мѣсяцесловы того времени. Основываясь на этомъ, можемъ думать, что имена святыхъ, если не во весь періодъ, то, по крайней мѣрѣ, очень долгое время его и не вносились въ наши мѣсяцесловы. Такой выводъ, по ридимому, подтверждается и тѣмъ наблюденіемъ, какое можно сдѣлать надъ святцами и мѣсяцесловами этого времени. Присматриваясь къ послѣднимъ, „вообще надобно замѣтить, говорить преосв. Макарій, что внесеніе Русскихъ святыхъ въ церковныя книги и мѣсяцесловы не было подчинено какому-либо правилу“⁵⁰⁾. Мы видимъ въ нихъ не только святыхъ, которыхъ прославляла вся Русская Церковь или извѣстная только область, т. е. общихъ и мѣстныхъ, но и такихъ, которые никогда не были канонизованы въ собственномъ смыслѣ, а только мѣстно благоговѣнно чтились, напр., митрополиты Московскіе: Геронтій, Симонъ, Филиппъ; архіепископы Новгородскіе: Аркадій и др.; князья Московскіе: Дмитрій Ивановичъ Донской, Василій Ивановичъ и Федоръ Ивановичъ и др.⁵¹⁾.

Съ другой стороны, въ этотъ періодъ мы замѣчаемъ большую полноту святцевъ сравнительно съ прежними. До Макарьевскихъ соборовъ въ святцахъ мы часто не находимъ именъ святыхъ, о которыхъ положительно извѣстно, что они формально причтены были къ лику святыхъ. Въ настоящее же время мы встрѣчаемъ уже обратное явленіе: вносятся въ нихъ не только святые послѣ своей канонизаціи, но даже до нея, вслѣдствіе чего святцы принимаютъ теперь очень большіе размѣры. Такъ, изъ XVII столѣтія до насъ дошли особые перечни исключительно Русскихъ святыхъ съ небольшимъ только количествомъ южнославянскихъ. Къ таковой категоріи относятся рукописи Московской Духовной Академіи №№ 209 и 201. Первая—,такъ называемая книга глаголемая описаніе россійскихъ святыхъ“—содержать въ себѣ святыхъ, которые распределены группами по мѣстностямъ, гдѣ они жили и подвизались; вторая — „выписки изъ святцевъ помѣсячно“ относится ко второй половинѣ XVII вѣка; она памятнѣе еще богаче, чѣмъ первая, и составлена въ Троицкой Лав-

⁵⁰⁾ Макарій митр., Ц. И. 8, 42.

⁵¹⁾ См. Святцы въ рук. М. Д. А. №№ 201 и 203.

рѣ⁵²⁾). Эти перечни святыхъ, совпадая съ началомъ патріаршества, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали по своему направленію эпохѣ наибольшаго развитія церковной власти на Руси и сознанія церковной самостоятельности. Въ этомъ духѣ составлено послѣсловіе къ этимъ святцамъ, въ которомъ проводится мысль, что православіе на Востокѣ пало и Византія должна уступить церковное первенство Россіи, что здѣсь сосредоточились послѣ магометанскаго погрома важнѣйшія святѣни христіанства, и притязанія Грековъ на свои старинныя преимущества потеряли всякую силу. На Руси, по волѣ Божіей, явился рядъ столь же великихъ святыхъ, какъ и Греческіе, число ихъ такъ велико, что „не тоьмо изчислити, но и умомъ челоувѣческимъ не возможно постигнути, колико во святѣй Россіи угодниковъ Божіихъ просіаше къ славѣ и похвалѣ Божіей“. Если бы всѣ эти памяти собрать и расположить по днямъ мѣсяца, „возможно было бы, говоря словами нашего памятника, во весь годъ Русскимъ святымъ, праздникомъ Спасовымъ и Богородичнымъ и святымъ чудотворцемъ праздновати“⁵³⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что эта идея и побуждала составителей нашихъ святцевъ вносить въ нихъ какъ можно болѣе святыхъ. Но эта же полнота святцевъ можетъ служить свидѣтельствомъ, что они стояли внѣ надзора высшей церковной власти, будучи предоставлены произволу переписчиковъ или тѣхъ лицъ, по порученію которыхъ они писались. Присутствіе въ нихъ именъ, которыя мы выше указали, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ нашу послѣднюю мысль.

Болѣе строгое и болѣе внимательное отношеніе нашей высшей духовной власти къ святцамъ мы замѣчаемъ уже въ концѣ этого періода. Съ этого времени внесеніе имени того или другаго святаго въ святцы стало не иначе возможно, какъ только съ согласія и утвержденія высшей центральной власти Церкви. Такое болѣе внимательное и строгое отношеніе нашей духовной власти къ святцамъ отчасти объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время у насъ стали печататься богослужебныя книги, а съ ними и святцы. Очевидно, что внесеніе именъ въ печатные святцы не могло теперь уже зависѣть отъ произвола переписчиковъ, а исключительно отъ высшей власти Церкви, съ утвержденія которой они печатались. И дѣйствительно, въ печатныхъ святцахъ, явившихся въ XVII вѣкѣ, мы не

⁵²⁾ Сергіѣ арх., Агиологія 1, 30.

⁵³⁾ Рук. М. Д. А. № 201, л. 338—340.

встрѣчаемъ уже именъ угодниковъ, формально не причисленныхъ Церковію къ лику святыхъ. Съ другой стороны, встрѣчаемъ въ это время факты критическаго отношенія къ нѣкоторымъ святымъ, имена которыхъ уже издавна вносились въ святцы; слѣдствіемъ такого критическаго отношенія къ нашимъ святцамъ было то, что нѣкоторые святыя, имена которыхъ прежде были въ святцахъ, теперь уже перестали вноситься въ нихъ. Такъ, въ концѣ XVII вѣка, при патр. Іоакимѣ и въ послѣдующее время не стали вноситься въ печатные святцы: Теодоръ, архіеп. Ростовскій 28 Ноября, преп. Андроніиъ Московскій 13 Іюня, преп. Александръ Ошевенскій 20 Апрѣля, Никодимъ Кожезерскій 31 Іюля ⁵⁴⁾. Нужно думать, что приблизительно съ этого времени внесеніе имени святаго въ святцы и стало одною изъ формъ, въ которыхъ и до настоящаго времени выражается канонизація святыхъ въ нашей Церкви.

Условія, необходимыя для совершенія канонизаціи, были въ это время тѣ же самыя, что и прежде, именно: житія, каноны и чудеса. Отсюда и правила, которыми наша Церковь руководилась въ этотъ періодъ при совершеніи ея, въ общемъ были тѣ же самыя, какія мы встрѣчали ранѣе на соборахъ 1547 и 1549 годовъ. Какъ тамъ во главѣ этихъ правилъ лежалъ „обыскъ о новыхъ чудотворцахъ“, такъ точно такой же обыскъ, какъ можно видѣть уже изъ представленнаго нами выше краткаго перечня святыхъ, канонизованныхъ въ этотъ періодъ, предшествуетъ канонизаціи каждаго святаго и теперь. И какъ прежде цѣль и значеніе этого обыска заключались въ собраніи агіо-біографическаго матеріала о святомъ и провѣрки его; такъ точно эта цѣль и это значеніе сохраняются за нимъ и теперь. Если и есть разница, какую можно замѣтить въ совершеніи этого обыска въ настоящее время, то она заключается только въ томъ, что онъ теперь очень осложняется, превратившись въ продолжительное, сложное и иногда мелочное слѣдствіе, носящее на себѣ всѣ слѣды канцелярскихъ формальностей, называясь при этомъ часто, подобно другимъ канцелярскимъ дѣламъ, „государевымъ дѣломъ“.

Смотря по тому, что служило поводомъ къ началу дѣла о канонизаціи того или другого святаго — чудеса ли, или открытіе мощей его, сообразно съ этимъ измѣнялись и задачи самаго обыска. Если поводомъ къ канонизаціи служили чудеса святаго, то въ этомъ случаѣ, кромѣ собранія свѣдѣній о святомъ, необходимыхъ для его ка-

⁵⁴⁾ Преосв. Сергій, Агіологія 1, 315.

новизации, главная задача обыска состояла въ провѣрѣ этихъ чудесъ; если же канонизация вызывалась открытiемъ мощей того или другого святаго, то къ прежнимъ задачамъ обыска присоединилось еще свидѣтельствованiе этихъ мощей.

Присматриваясь къ фактамъ канонизации этого времени, нетрудно видѣть, что поводомъ совершенiя ея были чудеса, совершавшiяся отъ раки святаго. Такъ, въ 1588 году отъ гроба Василiя Блаженнаго, юродиваго Московскаго, стали совершаться „чудеса великая, многа множества различными недуги исцѣли“. Вслѣдствiе этихъ чудесъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ „повелѣ сотворити надъ гробомъ его раку серебряну и позлатити... и повелѣ сотворити надъ гробомъ его храмъ каменной и уставися праздноество Августа во 2-ой день“⁵⁵⁾. Если же святой покоялся гдѣ нибудь вдали отъ высшей центральной власти, которой вслѣдствiе этого не могли быть извѣстны чудеса, совершавшiяся отъ гроба этого святаго, то въ такомъ случаѣ, или братiя монастыря, или же жители города или мѣстечка подавали высшей власти „чудесемъ роспись“, т. е. извѣщенiе о совершающихся чудесахъ съ подробнымъ рассказомъ о нихъ, которая обыкновенно и служила побужденiемъ къ началу дѣла о канонизации его. Такъ, епископъ Суздальскiй Варлаамъ, собравши свидѣнiя о чудесахъ, которыя совершались отъ раки преп. Евфросинiи Суздальской вмѣстѣ съ житiемъ ея и канономъ, отвозитъ все это въ Москву: „достигшу ми, говоритъ онъ, богоспасаемаго града Москвы и до самодержца.. Ивана Васильевича, извѣстихъ ему божественныя чудеса, иже содѣяшася у гроба преподобныя Евфросинiи“⁵⁶⁾, что и послужило потомъ поводомъ къ канонизации ея. Точно также игуменъ Корнильева монастыря Юсифъ, желая возбудить дѣло о прославленiи основателя своего монастыря, преп. Корнилия, извѣщаетъ патрiарха Iова, вѣроятно, посредствомъ подачи послѣднему той же „росписи чудесъ“, что отъ преп. Корнилия „проща и исцѣленiе бываетъ во многихъ годѣхъ, слѣпымъ и хромымъ и многими недуги одержимымъ исцѣленiе бываетъ“⁵⁷⁾. Вообще, о большей части святихъ, покоившихся вдали отъ центральной власти, мы находимъ извѣстiя, что дѣло о канонизации ихъ начиналось съ того, что подавалась высшей власти „роспись“ чудесъ.

⁵⁵⁾ Ник. Лѣт. VIII, 8, 11.

⁵⁶⁾ Рук. Тр. Серг. Лавры № 664, л. 447.

⁵⁷⁾ А. Э. т. II, № 222.

Когда эта „роспись о чудесахъ“ попадала въ руки высшей центральной власти, тогда послѣдняя приступала къ предварительному обыску. Съ общимъ порядкомъ и ходомъ церковнаго процесса въ подобныхъ случаяхъ знакомить насъ сказаніе о такомомъ процессѣ, сохранившееся при древнѣйшей редакціи житія Яренгскихъ чудотворцевъ. вмѣстѣ съ извѣстіемъ патриарху о новоавлненныхъ святыхъ въ 1624 году, изъ Яренги была послана „чудесемъ роспись“; патриархъ вступилъ въ сношеніе съ Новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ; послѣдній поручилъ своему боярскому сыну вмѣстѣ съ игуменомъ Никольскаго Корельскаго монастыря провѣрить означенную роспись на мѣстѣ „окольными монастыри и государевыми, черными и монастырскими волостями, и всякими людьми сыскати накрѣпко: сколь давно тутъ чудотворцы у Николы чудотворца въ Яренгѣ принесены и кто ихъ принесъ, и отъ кого тѣхъ чудотворцевъ про имена вѣдомо учинилося, и сколь давно отъ нихъ учали чудеса и проща быти“. Церковное порученіе, возложенное на игумена и боярскаго сына, митрополитъ назвалъ „государевымъ дѣломъ“. Исцѣленныхъ вѣлно было ставить предъ комиссіей, которая разспрашивала каждаго изъ нихъ накрѣпко объ обстоятельствахъ исцѣленія; данную исцѣленными „сказку“ вѣлно было повѣрять ихъ родомъ и племенемъ, а показанія „родимцевъ“— „окольными тутошними всякими людьми“. Слѣдственная комиссія, побывавъ въ Яренгѣ, должна была объѣхать и окрестныя волости, взявши съ собою для разсылки и письма изъ волости въ волость поповъ и дьяконовъ и земскихъ и церковныхъ дьячковъ. Показанія мѣстныхъ жителей, скрѣпленныя руками ихъ „духовныхъ отцевъ“, комиссіи поручалось отправить въ Новгородъ, въ приказъ митрополита.

Изъ сохранившейся копіи съ официальнаго донесенія комиссіи митрополиту видно, что порученіе властей было выполнено въ точности; но самыя показанія, записанныя со словъ допрашиваемыхъ, по большей части отличаются самою сухою краткостью: отвѣты даются прямо на вопросъ и въ строго лаконической формѣ. Вотъ, напр., что говорится отъ лица жителей Нѣнекоцаго усолья: „сколь давно тѣ чудотворцы въ Яренгѣ появились и откуда ихъ мощи съ морскаго берега въ Яренгу принесены, и кто ихъ принесъ и проч... (слѣдуетъ далѣе перечень вопрошенныхъ пунктовъ слѣдственной комиссіи) и мы того не вѣдаемъ и ламетуховъ у насъ нѣтъ, а про чудеса тѣхъ чудотворцевъ, сколь давно отъ нихъ учала проща быти, и мы отъ ста-

рыхъ людей слышали, что лѣтъ съ шестдесятъ и болши чудеса учали быти“ ⁵⁸⁾.

Приведемъ еще одинъ фактъ, который знакомитъ насъ съ формой производства этого обыска или сыска. Въ 1619 году патріархъ Филаретъ получилъ донесеніе отъ посланной имъ комиссіи для свидѣтельствванія чудесъ, совершавшихся отъ раки преп. Макарія Желтоводскаго. Такъ какъ государь въ это время путешествовалъ по сѣвернымъ монастырямъ, то Филаретъ и извѣщаетъ его о результатахъ этого сыска, оговариваясь при этомъ, что „житія Макарія чудотворца и росписи подлинныя къ тебѣ, государю, вынѣ не послалѣ, а писалъ коротка для поспѣшенья, чтобы вамъ, вел. государю, свидѣтельствоваанные чудеса великаго въ чудесѣхъ преп. Макарія извѣстны были“. Какъ можно видѣть изъ послѣднихъ словъ Филарета, онъ приводитъ отношеніе къ нему комиссіи не цѣликомъ, а только выдержки изъ него; однако послѣднія настолько любопытны, что мы приводимъ ихъ сполна: „да по твоему царскому повелѣнію, пишетъ патріархъ Филаретъ къ своему сыну, царю Михаилу Феодоровичу, и совѣту, а по нашему благословенію, которые были посланы для свидѣтельства Макарія Унежскаго чудотворца, и въ ихъ, государь, свидѣтельствѣ и въ сыску написано: которыхъ они всякихъ исцѣлѣвшихъ людей спрашивали и свидѣтелей про нихъ и про ихъ исцѣленье ихъ родимцовъ и отцовъ ихъ духовныхъ ⁵⁹⁾ и иныхъ людей, которые тѣхъ исцѣлѣвшихъ людей знаютъ и про ихъ исцѣленье вѣдаютъ, предъ собой ставили; и по ихъ, государь, сыску и по свидѣтельству тѣхъ исцѣлѣвшихъ всякихъ людей, которые были болны очною болѣзнію и иными всякими различными болѣзнями по тритцати, а иные по дватцати и по двѣнадцати и по десяти.. исцѣлело пятьдесятъ одинъ человекъ. Да исцѣлѣвшіе жъ, государь, люди отъ различныхъ болѣзней у свидѣтельства сами про себя связывали, а свидѣтелей про нихъ для далека не было, и тѣхъ, государь, дватцать три человекъ; а всего, государь, исцѣлѣвшихъ людей семдесятъ четыре человекъ.... И про которыхъ, государь, исцѣлѣвшихъ людей объявилось послѣ, и про тѣхъ, государь, велѣно сыскивать. Да хотябъ, государь, и не было иныхъ прибылыхъ чудесъ, и по тому, государь, свидѣтельству, кото-

⁵⁸⁾ Описан. рук. Каз. Дух. Арх. II, 282—83; см. Яхонтовъ, Житія сѣв.-русск. подвижниковъ 257—8.

⁵⁹⁾ Свидѣтельство духовнаго отца, т. е. мѣстнаго священника, имѣло очень большое значеніе при „обыскѣ“ чудесъ. Подпись его подъ рассказомъ о чудѣ является однимъ изъ главныхъ доказательствъ дѣйствительности чуда.

рое писано выше сего, по нашему общему духовному совѣту о Святѣмъ Дусѣ, проповѣдати дѣла Божія преславно есть, и угоднику его, преп. Макарію, честь воздаяти такожь, якожь и прочимъ святымъ“⁶⁰⁾.

Болѣе такого рода подробныхъ свидѣтельствъ о производствѣ обысковъ мы изъ этого времени не имѣемъ; но и приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы составить себѣ представление о формѣ ихъ совершенія. Впрочемъ, до насъ дошли свѣдѣнія, изъ которыхъ можно видѣть, что такого рода обыски практиковались очень часто въ нашей Церкви при канонизаціи святыхъ этого времени; но только эти свѣдѣнія констатируютъ самый фактъ производства обысковъ, не вдаваясь въ подробности ихъ осуществленія въ дѣйствительности. Такъ, мы имѣемъ свѣдѣнія, что канонизація Авнежскихъ чудотворцевъ предшествовало предварительное изслѣдованіе чудесъ ихъ, для чего пріѣзжалъ въ Авнежскій монастырь Вологодскій епископъ Іоасафъ⁶¹⁾. Послѣдній же производилъ разслѣдованіе о чудесахъ и преп. Стефана Махрицскаго⁶²⁾. Вообще, на основаніи фактовъ канонизаціи этого времени можно признать за общее правило, что чудеса, необходимыя для совершенія ея, свидѣтельствовались; при чемъ форма этого свидѣтельства въ общихъ чертахъ была та самая, какую мы выше изложили. Если и можно указать какую-нибудь разницу въ совершеніи обыска, то она касалась только лицъ, совершавшихъ его. Такъ, мы видимъ, что иногда этотъ обыскъ или свидѣтельство производилось цѣлыми комиссіями (напр. при канонизаціи святыхъ: Авраамія Галицкаго, Макарія Желтоводскаго, Никандра Псковскаго и др.); иногда же оно поручалось только мѣстному владыкѣ (напр. при канонизаціи преп. Евфросиніи Суздальской, Григорія и Кассіана Авнежскихъ, Стефана Махрицскаго, Антонія Римлянина и др.); иногда же, наконецъ, это свидѣтельство чудесъ замѣнялось только простымъ подтвержденіемъ ихъ мѣстнаго владыки, который, какъ очевидецъ этихъ чудесъ, своею совѣстью свидѣтельствовалъ достовѣрность ихъ (такъ было, напр., при канонизаціи преп. Корнилія Комельскаго). Впрочемъ, первая форма свидѣтельства была болѣе употребительною въ этотъ періодъ.

Въ число цѣлей и задачъ предварительнаго обыска входило, какъ мы видѣли, еще свидѣтельство мощей. Но прежде, чѣмъ говорить о послѣднемъ, мы должны рѣшить вопросъ: составляло ли въ этотъ

⁶⁰⁾ Письма русск. государей 1, № 18.

⁶¹⁾ Хр. Чтеніе 1873 г., 1, 646.

⁶²⁾ Ibid.

периодъ нетлѣніе мощей того или другого святаго такое же необходимое условіе для канонизаціи, каковы были чудеса? Факты канонизаціи этого времени позволяютъ намъ дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Что дѣйствительно нетлѣніе мощей не было въ это время условіемъ, необходимымъ для церковнаго прославленія святыхъ, это положеніе легко доказать фактами. Присматриваясь къ послѣднимъ, мы видимъ, что многіе святые этого періода были канонизованы за-долго до открытія ихъ мощей. Таковы, напр., преп. Макарій Желтоводскій ⁶³⁾, преп. Евфросинія Суздальская (мощи ея обрѣтены въ 1698 году); мощи же нѣкоторыхъ святыхъ, какъ, напр., преп. Антонія Сійскаго, Іосифа Волоцкаго и Корнилія Комельскаго и совсѣмъ не были открыты ⁶⁴⁾. Мощи же другихъ святыхъ, хотя и были открыты, но канонизація ихъ послѣдовала много спустя послѣ этого открытія. Такъ, напр., мощи Авнежскихъ чудотворцевъ Григорія и Кассіана были открыты въ 1524 году, но установить праздникъ въ честь ихъ или канонизовать ихъ рѣшено было только въ 1560 году. Кромѣ того, изъ конца этого періода имѣемъ ясное свидѣтельство, которое говоритъ, что нетлѣніе мощей не было въ числѣ условій, необходимыхъ для совершенія канонизаціи. Такъ, соборъ 1678 года, созванный по дѣлу о канонизаціи княгини Башинской Анны, разсуждая объ основаніяхъ для ея канонизаціи, между прочимъ, говоритъ: „понеже житія вел. княгини Анны извѣстнаго отдревле писанаго не обрѣтохомъ и слагати ей тропари и кондаки и канона непочему и того ради и во святыхъ въ церкви поемыхъ вычислити не дерзавомъ, понеже и прежнимъ архіереемъ и великимъ княземъ и княгинямъ и преподобно жившимъ отцемъ *лице и мощи ихъ цѣлы* обаче чрезъ толикая лѣта тропари, кондаки и каноны имъ не составишася, и во имя ихъ церкви не созидахуся, прежнимъ архіерейскимъ соборомъ не дерзавшимъ и не повелѣвавшимъ“ и проч., и дальше перечисляются тѣ святые, чьи нетлѣнныя мощи, хотя и почиваютъ нетлѣнными, но которыми Церковь правдоуваній, однако, не установила. Такъ, напр., „по явленіи и чудодѣяніи вел. кн. Даніила Александровича, повелѣша пѣти по немъ панихиды и лиургія служить, точно также Печерскіе иноки: Даміанъ, Іеремія, Исаакій, Алимшій, Агапитъ, Маркъ, Кукуша, Пименъ, Никола

⁶³⁾ Мощи пр. Макарія Желтоводскаго обрѣтены были 12 Окт. 1677 г.

⁶⁴⁾ Мощи преп. Антонія Сійскаго, Іосифа Волоцкаго, Корнилія Комельскаго, Авраамія Галицкаго находятся подъ спудомъ, при чемъ мы не находимъ извѣстій объ ихъ открытіи. См. о нихъ историч. словарь о русск. святыхъ, стр. 31—32; 125, 139.

Святоша, Нивонъ и проч. и никому же сихъ поются тропари и каноны“⁴⁵⁾). Такимъ образомъ, какъ на основаніи приведенныхъ нами фактовъ канонизаціи святыхъ этого періода, такъ и на основаніи приведеннаго свидѣтельства собора 1678 года, которое должно имѣть въ данномъ случаѣ особенную для насъ силу и значеніе, можно сдѣлать заключеніе, что нетлѣніе мощей не было необходимымъ условіемъ канонизаціи того или другого святаго.

Если же канонизаціи святыхъ этого періода не обусловливалась нетлѣніемъ ихъ мощей, то, встрѣчая, однако, въ это время очень часто факты открытія послѣднихъ, естественно задаться вопросомъ,— какое же значеніе имѣли эти открытія? Присматриваясь къ ходу прославленія тѣхъ святыхъ, мощи которыхъ время отъ времени открывались за этотъ періодъ, нетрудно замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ эти открытія мощей служили поводомъ къ началу дѣла о канонизаціи того или другого святаго. И дѣйствительно, факты канонизаціи святыхъ этого періода вполнѣ подтверждаютъ это положеніе. Канонизаціи очень многихъ изъ нихъ была вызвана именно открытіемъ мощей ихъ. Такъ святые: Антоній Римлянинъ, Гурій и Варсанофій Казанскіе, бл. царевичъ Дмитрій, Романъ Углицкій, Кириллъ Новозерскій, Филиппъ, митр. Московскій, Давидъ Переяславскій, Нилъ Столбенскій и нѣкоторые другіе, — всѣ эти святые были канонизованы непосредственно за открытіемъ ихъ мощей, при чемъ послѣднее и вызывало самую ихъ канонизацію.

Ходъ канонизаціи того или другого святаго, поводомъ къ которой послужило открытіе его мощей, можно представить въ слѣдующихъ чертахъ. Обыкновенно поводъ открытія мощей былъ въ большинствѣ чисто случайный,—копаніе рвовъ для новаго храма или могилы. Исключеніе представляютъ обрѣтенія мощей Никиты, архіеп. Новгородскаго, Антонія Римлянина и св. Дмитрія царевича: мощи перваго были открыты благодаря благочестивой ревности царедворца, мощи второго—благодаря ревности Нифонта, который самъ называетъ себя „желателемъ и повудителемъ преложенія мощей его“, и мощи Дмитрія—благодаря ревности царя Василія Шуйскаго. Но какъ бы то ни было, открываемы ли были мощи случайно, или по заранѣе обдуманному намѣренію, официальное открытіе ихъ совершалось всегда свѣдома высшей центральной власти. Не приводя всѣхъ фак-

⁴⁵⁾ Рук. Синод. Библ. № 684—Собор. дѣяніе о мощахъ Анны Кашинской, л. 391—403.

томъ, подтверждающихъ это положеніе, которыхъ въ этотъ періодъ можно найти немало, мы укажемъ только нѣкоторые, главнѣйшіе изъ нихъ. Такъ, когда Нифонтъ, заботясь объ открытіи мощей преп. Антонія Рямлянина, обратился съ этою цѣлью къ архіепископу Новгородскому Александру, то послѣдній прямо заявилъ: „подобаетъ о такомъ великомъ дѣлѣ повѣдати самодержавному царю, да святѣйшему патріарху, понеже древній чудотворецъ быше; и како повелитъ о семъ самодержавный царь, да святѣйшій патріархъ: *понеже обычаи такоу бысть*, что безъ царева повелѣнія не смѣя таковаго великаго дѣла начати“⁶⁶⁾. Въ этихъ словахъ архіеп. Александра можно видѣть выраженіе общаго правила, по которому официальное открытіе мощей совершалось не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей центральной власти. Позднѣе, именно на соборѣ 1666—67. годовъ было уже постановлено опредѣленное правило, которымъ соборъ строго запрещаетъ: „нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, да не держаете, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, во святія почитати, а кого во святые хотите почитати и о таковыхъ обрѣтающихся тѣлесѣхъ достоинъ всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣтельствами предъ великимъ и священнымъ соборомъ архіерейскимъ“⁶⁷⁾. Находимъ факты изъ этого времени, которые показываютъ, что это правило строго примѣнялось въ дѣйствительности. Такъ, 12 Октября 1671 года открыты были мощи преп. Макарія Желтоводскаго, и съ этого времени стали праздновать въ Унженской обители день этого открытія, хотя не давали знать объ всемъ этомъ ни царю, ни патріарху. Но одинъ изъ иноковъ донесъ на игумена патріарху. Послѣдній донесъ царю. Въ 1675 году по этому дѣлу посланы были на Унжу изъ Маварьево-Желтоводскаго монастыря жившій здѣсь на покой сибирскій архіепископъ Симеонъ съ настоятелемъ монастыря Тихономъ и съ проживающимъ въ томъ же монастырѣ иг. Варлаамомъ. Имъ приказано было отправиться въ Унженскій монастырь, учинить тутъ изслѣдованіе о мощахъ, осмотрѣть ихъ и узнать о мѣстѣ ихъ обрѣтенія, а настоятеля Никиту за самовольство лишить игуменства и послать въ Желтоводскій монастырь „подъ начало въ послушники“. Комиссія исполнила порученіе; открытыя мощи не признала за мощи преп. Макарія; по повелѣнію

⁶⁶⁾ Рук. М. Д. Ак. № 96, л. 214.

⁶⁷⁾ Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола, т. II, стр. 222—23.

патріарха, послѣднія снова были погребены на прежнемъ мѣстѣ; игумена же Никиту разстригли ⁶⁸⁾).

Когда высшая власть получала извѣстіе объ обрѣтеніи мощей того или другого святаго, тогда она приказывала мѣстному владыкѣ или самому, или чрезъ комиссію произвести свидѣтельствованіе мощей. Находимъ извѣстія, что такого рода комиссіи наряжались иногда самою высшею центральною властью, какъ, напр., при открытіи мощей св. благовѣрнаго царевича Дмитрія.

Цѣль этихъ комиссій, которыя наряжаемы были или высшею властію, или мѣстными владыками, но свѣдома послѣдней, заключалась въ томъ, чтобы провѣрить фактъ нетлѣнія мощей, или какъ тогда выражались „свидѣтельствовать ихъ“. Это свидѣтельствованіе было постояннымъ явленіемъ, которое предшествовало открытію мощей святыхъ за этотъ періодъ. Мы не знаемъ ни одного примѣра, когда бы это свидѣтельствованіе не примѣнялось. Отсюда оно должно быть причислено къ числу правилъ этого времени, которыми у насъ руководились при совершеніи канонизаціи, если только послѣдняя вызывалась открытіемъ мощей.

Свидѣтельствованіе мощей входитъ въ программу предварительнаго обыска, который въ главныхъ существенныхъ чертахъ намъ уже извѣстенъ. Поэтому мы далѣе опишемъ, какъ производилось это свидѣтельствованіе мощей.

Прежде всего, для открытія мощей одного факта нетлѣнія ихъ было недостаточно: необходимо было, чтобы отъ нихъ совершались чудеса. Поэтому архіереи, открывавшіе мощи, требовали записи чудесъ, которыя потомъ и провѣряли. Какъ производилась эта провѣрка чудесъ—это мы уже видѣли выше; а что дѣйствительно послѣднія составляли необходимое условіе для признанія мощей, это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Комиссія, посланная для открытія мощей св. Дмитрія царевича, освидѣтельствовавъ мощи послѣдняго, потребовала свѣдѣнія о чудесахъ и ей представлены были люди, получившіе исцѣленіе отъ гроба этого святаго „въ прошлыхъ годѣхъ и въ нынѣшнемъ во 114 году до ихъ пріѣзду и тѣ люди принесли къ намъ писмо, и то писмо, говоритъ царь Василій Ив. Шуйскій въ своей грамотѣ въ Пермь, они къ Москвѣ привезли“ ⁶⁹⁾ и проч. Точно также и Нифонтъ, хлопоча объ открытіи мощей преп. Антонія Римлянина, „написалъ чудеса преподобнаго“.

⁶⁸⁾ Житіе преп. Макарія. М. 1851 г., стр. 60—63.

⁶⁹⁾ А. Э. 2, № 48, стр. 111; Собранія госуд. грам. № 147, стр. 311.

Съ формой свидѣтельствванія мощей могутъ насъ знакомить тѣ доношенія, которыя посылали комиссиі высшей церковной власти. Въ общемъ эта форма свидѣтельствванія мощей была одна и та же какъ въ XVI, такъ и въ XVII вв. Для ознакомленія съ способомъ этого свидѣтельствванія мы приведемъ примѣры изъ обоихъ этихъ столѣтій. Въ 1544 году, „по благословенію преосв. архіепископа Θεодосія В. Новограда и по его приказу смотрѣли умершаго Іакова, и онъ лежитъ въ мощахъ: глава вся цѣла и плоть его присхла въ костемъ, око лѣвое полно, а правое повзлежало, на обоихъ странахъ плоть личная отъ щеки оттанула и яхла, и на главѣ и на лицѣ плоть въ костямъ присхла. Рука лѣвая по локоть съ костью по запясты съ тѣломъ засхла и ногти и персты все цѣло. А правая рука по локоть съ костью, два перста у ней, а инья поотпали. А на персѣхъ (перстахъ) плоть и ногти есть. А по лѣвой сторонѣ ребра засхла съ плотью. А правая сторона ребра распалися, двѣ ребраныхъ кости держаться съ тѣми грудми, а прочіе уды всѣ развалилися, лежатъ кости обнажены“⁷⁰⁾. Изъ отношенія комиссиі, посланной для освидѣтельствванія мощей бл. царевича Димитрія, мы узнаемъ, какъ производилось это свидѣтельствованіе. Василій Шуйскій въ своей грамотѣ, посланной въ Пермь великую, говоритъ между прочимъ, что „мая въ 28 день писали къ намъ съ Углича богомольцы наши Ростовскій митрополитъ Филаретъ и Астороханскій епископъ и архимандриты, и бояре наши, что они мощи благовѣрнаго царевича Димитрія Ивановича всея Русіи подняли и осматривали, и въ ту де пору весь храмъ наполнился многого благоуханія, и мощи благовѣрнаго царевича, князя Димитрія Ивановича цѣлы и ничѣмъ не рушимы, а въ инѣхъ мѣстѣхъ часть земли отдава, а на лицѣ и на главѣ власы чермны, и на костяхъ плоть цѣла, а ожерелейцо низаво жемчужное съ пугвицы все цѣло, и въ лѣвой рукѣ шириночка тафтаная шита золотомъ и серебромъ цѣла жъ, и саванъ на немъ весь цѣлъ, а покрыто кафтаномъ комчатымъ на хрептахъ на бѣлыхъ, нашивка серебрена съ золотомъ, а сапожки на немъ цѣлы жъ, только подошвы у носковъ отстали; да на царевичевыхъ же мощехъ положено орѣховъ съ пригорщи, и сказываютъ, какъ онъ тѣшился и въ тѣ пору орѣшки кушалъ, и какъ его убили и тѣ орѣхи кровью обагрилися, и для того тѣ орѣхи на царевичевыхъ мощахъ цѣлы“⁷¹⁾. Наконецъ, въ доношеніи Гермогена,

⁷⁰⁾ Рук. Тр. Серг. Лавры № 654, л. 83 и дал.

⁷¹⁾ Ак. Э. II, № 48; рук. Филарета, 6—7; Собраніе госуд. гр. II, № 151.

въ послѣдствіи патріарха, объ освидѣтельствovanіи мощей Гурія и Варсонофія Казанскихъ, посланномъ имъ царю Θεодору Ивановичу и патріарху Іову, мы читаемъ: „и] вскрывше гробъ Гурія, архіепископа, и видѣхомъ дивно, его же не надѣахомся, ꙗка бо бѣ святаго полна благоуханна мура, мощи же св. Гурія аки губа ношася, части же ни единой погруженнѣ бывшей: нетлѣніемъ бо одари Богъ честное и многотрудное его тѣло, яко и нынѣ и зрится всѣми, токмо мало верхнія губы тлѣніе коснуса, протчія же уди его цѣлы быше; мнѣ же недостойному многогрѣшною моею рукою св. тѣлеси коснувшася: св. тѣло же его бѣ плаваа: осязахомъ же и погребальныя ризы его, и бяху крѣпка зѣло; покусихомъ же мантия его и прочей погребальной одежды зѣло потягнути, и быша новыхъ крѣпчаѣ. Потомъ же открыхомъ раку преп. Варсонофія и видѣхомъ многимъ нетлѣніемъ почтени отъ Бога мощи св. Варсонофія, къ ногамъ же преподобнаго тлѣніе коснуса, но обаче не токмо кости не разрушены, но и крѣпки бяху зѣло, и никакоже слабости въ составѣхъ имуще, якоже и Гурію святителю, своими бо руками со Арсеніемъ архимандритомъ святыхъ ихъ и чудотворныхъ мощи преложихомъ отъ гробовъ въ ковчеги и погребальныя ризы, такожде яко и Гурію, преп. Варсонофію новыхъ крѣпчаѣ“⁷²⁾.

Можно бы указать и еще нѣсколько примѣровъ подобнаго рода свидѣтельствovanія мощей, но и приведенныхъ вполне достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе какъ о формѣ, такъ и способахъ этого свидѣтельствovanія. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какъ внимательно комиссія относилась къ своему дѣлу, какими мелочными формальностями оно сопровождалось. При этомъ о результатахъ этого свидѣтельствovanія мощей, равно какъ и о чудесахъ отъ нихъ совершающихся, комиссія посылала доношенія высшей центральной власти, и съ разрѣшенія послѣдней, которое слѣдовало за этимъ отношеніемъ, совершалось торжественное открытіе мощей.

Изъ обзора фактовъ канонизаціи этого періода мы видѣли, что предварительный обыскъ въ этотъ періодъ составляетъ постоянное явленіе, предшествующее канонизаціи каждаго святаго, вслѣдствіе чего онъ и можетъ считаться общимъ правиломъ совершенія ея. Если и есть факты, которые не подходятъ подъ это правило, то они очень немногочисленны, и могутъ считаться исключеніями изъ него. Именно

⁷²⁾ Житіе св. Гурія и Варсонофія, написанное Гермогеномъ, — Любарскій, Сборн. древностей Каз. еп., 30—31.

къ таковаго рода исключеніямъ изъ общаго правила, по которому предварительный обыскъ всегда предшествовалъ канонизаціи святаго, относится канонизація святыхъ: Василия юродиваго Московскаго, Іосифа Волоцкаго и Антонія Сійскаго. Въ источникахъ, сохранившихъ намъ свѣдѣнія объ ихъ канонизаціи, мы, дѣйствительно, не находимъ извѣстій о томъ, чтобы при ихъ канонизаціи примѣнялись тѣ правила и формальности, которыя составляютъ предварительный обыскъ. Конечно, можно предполагать, что послѣдній имѣлъ мѣсто и въ данныхъ случаяхъ, только объ этомъ не сохранилось извѣстій. Но не говоря уже о томъ, что такое предположеніе будетъ произвольно и ни на чемъ не основано, есть, кромѣ того, данныя, которыя позволяютъ намъ думать, что при канонизаціи всѣхъ этихъ святыхъ и на самомъ дѣлѣ не примѣнялись эти извѣстныя намъ правила. Какія же это данныя?

Мы видѣли ⁷³⁾, что канонизація Василия Блаженнаго совершилась въ Москвѣ, гдѣ лежали и мощи этого святаго. Чудеса, вызвавшія и самую канонизацію его, совершались, такъ сказать, на глазахъ высшей центральной власти, которая лично могла убѣдиться въ истинности и достовѣрности ихъ. А это послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, дѣлало совершенно излишнимъ примѣненіе въ данномъ случаѣ тѣхъ правилъ и сложныхъ формальностей, которыя необходимо соединялись съ предварительнымъ обыскомъ. Эти правила вполне замѣнялись личнымъ свидѣтельствомъ высшей центральной власти, которая могла сама видѣть все и лично во всемъ увѣриться.

Гораздо труднѣе объяснить, почему при канонизаціи двухъ остальныхъ святыхъ—Іосифа Волоцкаго и Антонія Сійскаго не примѣнялись эти правила. То, что мы сейчасъ только говорили о Василии Блаженномъ, не приложимо къ нимъ. Откуда мы должны представить другія причины для объясненія этого. Главная цѣль предварительнаго обыска состояла въ собраніи агіографическихъ данныхъ о святомъ и провѣркѣ ихъ. Между тѣмъ, какъ житіе, такъ и канонъ преп. Іосифа Волоцкаго существовали уже, и при томъ свѣдома высшей центральной власти, задолго, не только до его всецерковной канонизаціи, но и мѣстной. Что же касается до чудесъ этого святаго, то до 1579 года, когда совершена была его мѣстная канонизація, ихъ, какъ мы выше видѣли ⁷⁴⁾, совсѣмъ не было. Ни откуда не видно, далѣе, чтобы они были и послѣ 1579 года. Отсюда за отсутствіемъ чудесъ и приложеніе предварительнаго обыска къ канонизаціи этого святаго

⁷³⁾ См. выше, стр. 209.

⁷⁴⁾ См. выше, стр. 209, примѣчаніе.

было бы излишне, такъ какъ необходимыя данныя для совершенія послѣдней (житіе и канонъ) были на лицо и всѣмъ извѣстны. То, что здѣсь сказано о преп. Іосифѣ Волоцкомъ, вполне приложимо и къ преп. Антонію Сійскому. Мы видѣли, что игумень Питиримъ явился въ Москву хлопотать о канонизаціи этого святаго съ готовымъ уже его житіемъ, и, слѣдовательно, необходимыя для канонизаціи агіобіографическія данныя уже были готовы. Кромѣ того, извѣстность святаго въ высшихъ сферахъ церковной и гражданской власти, именно извѣстность своею святою и благочестивою жизнію, своею дѣятельностью на благо Церкви, могла служить причиною, вслѣдствіе которой не прилагался предварительный обыскъ во всей его полнотѣ. Это вполне примѣнимо къ преп. Іосифу Волоцкому, который извѣстенъ былъ въ свое время, какъ одинъ изъ выдающихся церковныхъ дѣятелей, котораго за благочестивую жизнь, за общепользную дѣятельность глубоко чтяли и уважали и в. князь Московскій Василій Ивановичъ и митрополитъ Даніилъ. Что, дѣйствительно, послѣднее обстоятельство можетъ имѣть въ этомъ отношеніи значеніе, это доказывается примѣромъ преп. Антонія Сійскаго. Именно на это указываетъ царевичъ Иванъ, когда говоритъ, что „и образъ его (Антонія) изыскавъ отъ тѣхъ самовидцовъ и не ложныхъ свидѣтелей, и еже слышахъ у отца моего о подобіи его и возраста и отъ вельможъ знаемъ баше былъ преподобный всѣми, часто прихожаше во градъ Москву“⁷⁵⁾ и проч. Это близкое знакомство со святымъ при жизни и достовѣрность свидѣтелей, хорошо знавшихъ святаго, и было причиною того, что при канонизаціи обоихъ этихъ святыхъ предварительный обыскъ, имѣвшій своєю главною цѣлію собраніе агіобіографическихъ свѣдѣній о святомъ и ихъ провѣрку, не прилагался.

Намъ остается описать еще одинъ моментъ совершенія канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ, которымъ она и заканчивалась. Такимъ моментомъ былъ въ это время соборъ, на которомъ собственно и совершалось причисленіе того или другого угодника къ лику святыхъ. Все, что мы говорили до сихъ поръ о совершеніи канонизаціи въ этотъ періодъ, все это только подготовляло ее. Именно такое подготовительное значеніе и имѣлъ предварительный обыскъ, который мы только что описали. Онъ, какъ мы видѣли, имѣлъ своею ближайшею цѣлію собрать необходимыя для совершенія канонизаціи агіобіографическія данныя о святомъ, его житіе, канонъ и чудеса. Когда

⁷⁵⁾ Барашкинъ, И. Г. Р., прим. 612, стр. 221—22.

оканчивался обыскъ, тогда комиссія, его производившая, или непосредственно сама, или посредствомъ чрезъ мѣстнаго епископа, результаты своихъ изысканій отсылала къ митрополиту или патриарху и государю. Митрополитъ или патриархъ, по повелѣнію государя, собиралъ соборъ епископовъ, на который и представлялъ добытый комиссіей матеріалъ. Здѣсь онъ снова просматривался и провѣрялся или, по выраженію того времени, „свидѣтельствовался“. И если отцы собора представленныя данныя признавали соответствующими и достаточными для своей цѣли, то давали свое благословеніе праздновать святому „калонъ пѣти и житіе чести“.

Какъ соборная форма совершенія канонизаціи, такъ и повѣрка собраннаго агіобіографическаго матеріала на самомъ соборѣ составляютъ въ этотъ періодъ постоянныя явленія, которыя мы встрѣчаемъ при канонизаціи каждаго святаго. Что дѣйствительно первая была постояннымъ явленіемъ, это можно уже видѣть изъ представленнаго выше перечня канонизованныхъ въ это время святыхъ. Изъ этого перечня мы видимъ, что не только всеобщая, но и мѣстная канонизація святыхъ этого періода, какъ, напр., преп. Евфросиніи Суздальской и др., была совершена митрополитомъ съ соборомъ епископовъ.

Что же касается до повѣрки житій и каноновъ на соборѣ, то факты канонизаціи этого времени позволяютъ намъ сдѣлать заключеніе, что и эта повѣрка была постояннымъ явленіемъ, сопровождавшимъ совершеніе канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ. Дѣйствительно, въ это время мы уже постоянно встрѣчаемъ факты этого свидѣтельства житій и службъ нашихъ святыхъ. Такъ, вскорѣ послѣ соборовъ 1547 и 49 годовъ съ цѣлію канонизаціи святыхъ: Григорія и Кассіана Авнежскихъ и Стефана Махрищскаго при митрополитѣ Макаріи были написаны житія ихъ, и всѣ они были представлены потомъ царю и митрополиту съ соборомъ, безъ сомнѣнія, для свидѣтельства. Точно также и при митрополитахъ Антоніи и Діонисіи, житія канонизованныхъ ими святыхъ: Антонія Сійскаго, Евфросиніи Суздальской, Евфрема Новоторжскаго были рассмотрѣны церковнымъ соборомъ, при установленіи этимъ святымъ праздниковъ. Наконецъ, житія святыхъ, канонизованныхъ патриархомъ Іовомъ, точно также были рассмотрѣны на соборахъ, по этому поводу созванныхъ. Вообще, на основаніи всѣхъ этихъ фактовъ можно сдѣлать выводъ, что повѣрка житій была общимъ правиломъ совершенія канонизаціи въ это время. Правда, есть святые, о повѣркѣ житій которыхъ не находимъ никакихъ извѣстій; но такихъ святыхъ очень немного; при томъ же и отсутствіе извѣстій не можетъ еще служить основаніемъ въ данномъ случаѣ заключать, что такой повѣрки совсѣмъ и не было.

Установивъ фактъ повѣрки житій, какъ постоянного правила, которымъ въ этотъ періодъ руководилась наша Церковь при совершеніи канонизаціи своихъ святыхъ, мы теперь должны обратить вниманіе на то, какъ совершалась эта повѣрка житій и службъ. Съ XVI вѣка, со времени Макарьевскихъ соборовъ, обыкновенно глава іерархіи съ церковнымъ соборомъ „свидѣтельствовалъ представленное ему житіе съ службою и своимъ благословеніемъ пѣти канонъ и житіе чести“ вводилъ послѣдніе въ церковное употребленіе. Довольно полно описанъ этотъ процессъ соборнаго свидѣтельствованія въ повѣсти объ открытіи мощей Никандра, Псковскаго пустынника. Въ 1686 году комиссія, состоявшая изъ Тамбовскаго епископа, архимандрита Хутынскаго монастыря, игумена Лисицаго монастыря и ключара Новгородскаго Софійскаго собора, положивъ обрѣтенныя мощи въ новый гробъ, помѣстила ихъ въ церковной стѣнѣ. Потомъ, сложивъ службу и списавъ житіе съ чудесами, т. е. составивъ новую редакцію біографіи, препроводила оба произведенія въ Москву къ патріарху. Патріархъ съ архіереями, случившимися въ Москвѣ, составивъ соборъ въ церкви Св. Апостоловъ при патріаршемъ домѣ, повелѣлъ справнику печатнаго двора іеродіакону Каріону прочесть вслужь присланныя службу и житіе и, нашедши свидѣтельство достовѣрныхъ мужей истиннымъ, постановилъ праздновать преп. Никандру, а оригиналъ житія переслать въ Никандровъ монастырь „для чтенія и послушанія къ душевной пользѣ братіи и всѣхъ православныхъ христіанъ“ ⁷⁶⁾. Точно также въ житіи преп. Евфросиніи Суздальской мы читаемъ, что митрополитъ Антоній, „слышавъ отъ епископа Суздальскаго Варлаама (который доставилъ ему житіе, канонъ и чудеса этой святой) о преп. Евфросиніи елико Богъ творить чудеса ея ради и собравъ весь освященный соборъ, стихиры и канонъ, житіе и чудеса чести“ (повелѣлъ) ⁷⁷⁾. Изъ этихъ приведенныхъ фактовъ видно, что житія и службы святымъ представлялись на соборъ съ цѣлю ихъ повѣрки. Какъ совершалась эта повѣрка, это видно изъ тѣхъ же фактовъ, которые говорятъ намъ, что какъ житія, такъ каноны и чудеса читались на самомъ соборѣ. Но является еще вопросъ, отвѣта на который не даютъ эти приведенные нами факты, именно: въ чемъ состояла эта повѣрка? Касалась ли она самаго содержанія житій и службъ или только внѣшней стороны и формы ихъ?

⁷⁶⁾ В. О. Блужевскій, Житія 376.

⁷⁷⁾ Рук. Тр.-Серг. Лавры № 664, л. 448.

То обстоятельство, что какъ житія, такъ и службы, представлялись митрополиту съ соборомъ уже вполне готовыми, при чемъ ни митрополитъ, ни соборъ не имѣли возможности провѣрить самые факты біографіи, показываетъ намъ истинный характеръ того свидѣтельства, которому подвергались житія и службы нашихъ святыхъ. Очевидно, что церковный надзоръ бодрствовалъ только надъ установленной формой, и смотрѣлъ только за тѣмъ, чтобы житія и службы были удовлетворительны въ литературномъ отношеніи. Что дѣйствительно свидѣтельство имѣло въ виду только внѣшнюю сторону житій, не касаясь достовѣрности ихъ внутренняго содержанія, на это указываетъ составленіе житія преп. Антонію Сійскому. Житіе этого святаго было равнѣ составлено монахомъ Іоною. Но, очевидно, оно, будучи представлено игуменомъ Питиримомъ въ Москву, призвано было неудовлетворительнымъ, какъ „зѣло убо суще въ легкости написанное“, какъ отозвался о немъ другой біографъ этого святаго царевичъ Иванъ. И вотъ Питиримъ обращается къ послѣднему съ просьбою написать новое житіе Антонія съ похвальнымъ словомъ и службою. Царевичъ исполнилъ эту просьбу. Но, присматриваясь къ произведеніямъ послѣдняго, можно замѣтить, что онъ не прибавилъ ни одной черты къ разсказу Іоны, далеко даже не воспроизвелъ его обильнаго любопытными подробностями содержанія и превзошелъ его развѣ только реторикой, не вездѣ удачной⁷⁸⁾. Эта обработка или новая редакція житія, являющаяся слѣдствіемъ признанія непригодности житія въ литературномъ отношеніи, а равно и то, что послѣдняя, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, поручалась лицу, мало знакомому съ жизнью новаго святаго, вполне подтверждаетъ наше мнѣніе о томъ, что церковныя власти слѣдили только за формой житія, а не за его содержаніемъ. Есть, кромѣ того, и прямые указанія на этотъ характеръ свидѣтельства житій и службъ нашихъ святыхъ этого времени высшею властію. Для установленія всецерковнаго празднованія Корнилію Комельскому въ 1600 году патріархъ съ митрополитами, архіепископами и епископами и прочимъ духовенствомъ соборно слушали стихиры, канонъ и житіе чудотворца, и когда мѣстный архіепископъ засвидѣтельствовалъ, что чудеса писаны не ложно, доложили въ Успенскомъ соборѣ царю, и „извѣщали“, что „стихиры, канонъ и житіе Корнилія писаны по образу и по подобію, якоже и прочимъ святымъ“⁷⁹⁾. А въ чемъ состоялъ этотъ образъ и подобіе, это можно

⁷⁸⁾ В. О. Ключевскій, Житія, 301 — 302.

⁷⁹⁾ Ак. Э. № 222.

видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ уставѣ Московскаго Успенскаго собора № 397 подъ 21 Апрѣля находимъ: „Александру Каргопольскому также и Ошевенскому трезвонъ средній въ Лебедь а пѣти по общей минѣ для того, что слогъ худъ добрѣ да и службу тогда исправить въ словѣ“⁸⁰⁾. Такимъ образомъ, соборный надзоръ имѣлъ чисто формальное значеніе для житій и службъ нашихъ святыхъ: онъ охранялъ ихъ установленный стиль, повѣрялъ вѣрность ихъ церковной литературной нормѣ „образу и подобію, якоже и прочимъ святымъ“.

Изъ представленнаго нами описанія канонизаціи нашихъ святыхъ за это время можно видѣть, что какъ способы и приемы, такъ и правила совершенія ея во весь этотъ періодъ, не смотря на его продолжительность, остаются тѣ же самыя, какіе мы видѣли и на Макарьевскихъ соборахъ. Какъ тамъ канонизація собственно состояла изъ двухъ главныхъ моментовъ: предварительнаго обыска, имѣвшаго только подготовительное значеніе—собрать и провѣрить необходимыя данныя, и потомъ самаго собора, на которомъ, послѣ повѣрки собраннаго матеріала, и совершалось причисленіе того или другаго угодника къ лику святыхъ; точно также и въ настоящій періодъ, какъ мы видѣли, канонизація святыхъ состоитъ изъ тѣхъ же моментовъ. Это сходство совершенія канонизаціи съ формой совершенія ея на соборахъ 1547 и 49 годовъ ясно говоритъ о значеніи этихъ соборовъ и объ ихъ вліяніи на ходъ совершенія канонизаціи послѣдующаго за ними времени. Съ этой стороны настоящій періодъ составляетъ естественное продолженіе Макарьевскихъ соборовъ и вполнѣ примыкаетъ къ нимъ. Это вліяніе соборовъ чувствуется во весь этотъ періодъ и только въ самомъ концѣ XVII вѣка можно замѣтить новое направленіе, представляющее нѣкоторую особенность въ совершеніи канонизаціи сравнительно съ прежнимъ временемъ. Но и эта особенность касается опять-таки не формъ и порядка совершенія канонизаціи, а самаго отношенія нашей Церкви къ этому дѣлу вообще. Именно, наша Церковь стала строже въ это время относиться къ канонизаціи своихъ святыхъ. Такъ, мы видѣли уже выше, что внесеніе имени того или другаго святаго въ святцы, зависѣвшее прежде отъ произвола переписчиковъ и составителей ихъ, въ концѣ этого періода становится исключительно дѣломъ высшей власти. Но еще замѣтнѣе становится это новое направленіе по отношенію къ правиламъ совершенія въ этотъ періодъ канонизаціи, именно: свидѣтельствванія чудесъ и жи-

⁸⁰⁾ Опис. рук. Сян. Б-ки, III, 1, 368.

тій. Мы видѣли, что въ этотъ періодъ канонизаціи каждаго святаго предшествовалъ предварительный обыскъ, направленный къ тому, чтобы собрать и провѣрить необходимыя для канонизаціи данныя. Въ XVII вѣкѣ у насъ стали внимательнѣе относиться и къ открытію мощей и строже провѣрять записи исцѣленій, чтобы устранить „затѣйныя чудеса“, какъ выразился Симонъ Азарыинъ ⁸¹⁾. Такъ, открытіе мощей въ это время могло совершаться не иначе, какъ только съ благословенія высшей центральной власти. Соборъ 1666—1667 г.г. относительно этого постановилъ, чтобы „тѣлесъ нетлѣнныхъ, обрѣтающихся въ нынѣшнія времена, не дерзали скоро, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, во святыхъ почитати. А идѣже обратятся таковая святыхъ тѣлеса и о таковомъ заповѣдаша всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣльствомъ предъ великимъ и совершеннымъ соборомъ архіерейскимъ“. Точно также, не говоря уже о томъ, что чудеса всегда теперь свидѣтельствовались, находимъ, кромѣ того, факты, которые показываютъ, что это свидѣтельствованіе стало производиться гораздо строже и за выдумываніе ложныхъ и „затѣйныхъ“ чудесъ высшая духовная власть строго карала. Такъ, въ 1630 году одному крестьянину явился во снѣ чудотворецъ Даниилъ Переяславскій и велѣлъ ему передать начальнымъ людямъ, чтобы приходили къ его чудотворцеву гробу и къ образу и молебствовали. Крестьянинъ о своемъ снѣ сказалъ воеводѣ, а этотъ донесъ патриарху, который и потребовалъ крестьянина къ себѣ. Неизвѣстно, какъ шло разслѣдованіе этого дѣла, и почему оно возбуждало сомнѣніе; но оно кончилось тѣмъ, что крестьянина велѣно было постричь въ монахи, а стихиры и канонъ, и житіе святаго, написанные изстари, были взяты къ Москвѣ ⁸²⁾. Мысль о необходимости свидѣтельствованія и о строгой повѣркѣ чудесъ начинаетъ проникать въ это время и въ общество. Біографы этого времени часто высказываютъ ту мысль, что нельзя записывать и распространять чудеса, которыя не были надлежащимъ образомъ провѣрены и засвидѣтельствованы: жизнеописатель Іуліанія Лазаревской, упомянувъ о многихъ исцѣленіяхъ по открытіи мощей ея, прибавляетъ: „мы же сего не смѣякомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство“ ⁸³⁾.

Мы приводили уже факты этого свидѣтельствованія. Изъ этихъ фактовъ можно видѣть, какъ сложны были тѣ правила и формально-

⁸¹⁾ В. О. Ключевскій, Житія, 423.

⁸²⁾ А. Э. IV, № 330.

⁸³⁾ В. О. Ключевскій, Житія, 423.

сти, которыми сопровождалось это свидѣтельствоваіе. Всѣ эти формальности направлены были главнымъ образомъ къ тому, чтобы „испытати достовѣрно и извѣстно о чудесѣхъ“ того или другого святаго. Какъ далеко въ этомъ отношеніи простирались заботы высшей церковной власти и какъ эти заботы осуществлялись на самомъ дѣлѣ, со всѣмъ этимъ насъ знакомитъ слѣдующій фактъ. Серапіону, архіепископу Суздальскому и Торусскому, въ 155 (1647) году, прикащикъ Петръ Кругликовъ донесъ, что въ этомъ году въ Суздальскомъ уѣздѣ „объявился образъ пречистые Богородицы Казанскіе и отъ того де образа милость велія, исцѣленія и проща многая“. По этому донесенію Серапіонъ послалъ своего приказнаго человѣка „да соборные церкви влючаря того образа досмотрить и тѣхъ людей допросить, которые отъ того образа милость и исцѣленіе получили“. Результаты этого досмотра Серапіонъ счелъ нужнымъ переслать государю и патриарху. Но ни тотъ, ни другой не удовлетворились этимъ свидѣтельствомъ и поручаютъ самому архіепископу снова „про тотъ чудотворный образъ преч. Богородицы Казанскіе сыскати тутошными и околными многими людьми, версть по пяти, и по шести, и по десяти, и по двадцати, и по тридцати, и болши, архимандриты и игумены, и попы, и дьяконы, и дворяны и дѣтми боярскими, и всякихъ чиновъ людьми, что отъ того чудотворнаго образа преч. Богородицы Казанскіе многимъ людямъ отъ всякихъ различныхъ скорбей исцѣленіе было ли? и будетъ было, и кого именемъ исцѣлила? и тѣмъ людямъ, которыхъ людей преч. Богородица исцѣляла записка есть ли? и будетъ есть и ты бѣ тѣхъ людей, противъ той записки, или по ихъ сказкѣ, велѣлъ поставить предъ собою и ихъ спрашивалъ накрѣпко, что ихъ скорбь была, и какъ исцѣленіе отъ той чудотворной иконы преч. Богородицы Казанскіе получили, и сколько числомъ всякихъ чиновъ людей тутошныхъ и разныхъ городовъ преч. Богородица исцѣлила и какими различными скорбями? да кто что тебѣ, сыну, въ сыску сыскные люди въ свидѣтельствѣ про ту чудотворную икону скажутъ и которыхъ людей исцѣлила, и ты бѣ, сыну, сыскныхъ людей и которыхъ исцѣлила велѣлъ рѣчи ихъ написать на списокъ подлинно, порознь, да тѣ свидѣствованныя рѣчи, за своею рукою и сыскныхъ людей, и которыхъ она своимъ чуднымъ образомъ исцѣлила за ихъ руками и отцевъ ихъ духовныхъ, совершивъ, прислалъ къ намъ въ Москвѣ“ ⁸⁴⁾.

Но какъ ни строги были правила, въ какомъ Церковь прибѣгала для повѣрки чудесъ, однако, они не всегда достаточны были для

⁸⁴⁾ А. Э. IV, № 324.

достиженія желаемой цѣли. Чтобы понять, почему эта повѣрка, несмотря на строгость примѣненія связанныхъ съ нею правилъ, не всегда достигала своей цѣли, нужно обратить вниманіе на способъ ея совершенія. Изъ приведенныхъ нами примѣровъ такого рода слѣдственныхъ процессовъ мы видѣли, что чудеса того или другого святаго свидѣтельствовались по записямъ и росписямъ. Но эти послѣднія составлялись обыкновенно братією со словъ испытанныхъ на себѣ чудо, или же со словъ очевидцевъ. Слушая отъ пришлого человѣка разсказъ о чудѣ или явленіи святаго, братія не имѣла возможности отнестись къ этому разсказу критически и провѣрить его чрезъ свидѣтелей и принимала извѣстіе на вѣру. Такимъ способомъ записыванія чудесъ объясняется трудность и неуловимость ихъ для церковнаго надзора. Впервые сознаніе недостаточности тѣхъ средствъ, которыя Церковь употребляла въ этомъ случаѣ, мы встрѣчаемъ въ концѣ этого періода, именно въ дѣлѣ о канонизаціи Анны, княгини Кашинской. Такъ, отцы собора 1678 года, созваннаго по этому поводу, довольно ясно высказываютъ ту мысль, что чудеса не всегда могутъ служить рѣшительнымъ доказательствомъ святости того или другого угодника. Именно, сказавъ о томъ, чтобы „нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнія времена, не дерзали, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства, во святыхъ почитать“, отцы собора приводятъ далѣе слова Никона, монаха Черныя горы, о томъ, что „не всякимъ чудесамъ подобаеъ внимати..... Достоитъ убо отъ таковыхъ вещей искушати кого аще святъ есть, но отъ плодовъ познавати таковая. Плодъ же истиннаго и духовнаго мужа показа Апостоль: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе и благость“⁸⁵⁾.

Это новое направленіе нашей Церкви по отношенію къ дѣлу канонизаціи отразилось и на характерѣ отношенія ея къ житіямъ въ частности. Какъ мы видѣли, и въ этотъ періодъ до самаго почти конца XVII столѣтія церковный надзоръ надъ житіями и службами носилъ только чисто внѣшній формальный характеръ. Но съ этого времени мы встрѣчаемъ уже факты болѣе внимательнаго отношенія высшей церковной власти къ службамъ и житіямъ нашихъ угодниковъ. Видно, что у представителей власти является сознаніе недостаточности одного формальнаго надъ ними надзора и необходимости примѣненія болѣе лучшихъ и пригодныхъ способовъ для провѣрки самого содержанія ихъ. Первый примѣръ такого внимательнаго отношенія нашей Церкви къ самому содержанію житій мы встрѣчаемъ въ

⁸⁵⁾ Рук. Синод. Библ. № 684, л. 406.

исторіи канонизаціи блаж. княгини Анны Кашинской. При Алексіѣ Михайловичѣ, около 1650 года, были открыты мощи этой княгини. Послѣ этого она была причислена въ лику святыхъ, и опредѣлено было праздновать память ея 2 Октября, въ день ея кончины. Въ 1650 году была составлена и служба ей Епифаніемъ Славинецкымъ ⁶⁾. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1677 году, по повелѣнію царя Ѳеодора Алексѣевича и благословенію патр. Іоакима, посылается новая коммиссія для свидѣтельствванія мощей Анны Кашинской; затѣмъ, въ 1677 г. Февраля 4-го и въ 1678 году Января 29 собираются два собора, на которыхъ вновь пересматривается дѣло о канонизаціи этой княгини и результатомъ этого пересмотра было то, что она исключается изъ числа святыхъ ⁷⁾. Во всемъ этомъ процессѣ для насъ главнымъ образомъ важно отношеніе этихъ соборовъ въ житію этой княгини. Житіе ея было написано въ Соловецкомъ монастырѣ въмъ-

⁶⁾ Служба и житіе Анны Кашинской—Рук. Синод. Б-ки, № 622, л. 77.

⁷⁾ Рук. Синод. Б-ки № 684, л. 381—389.—Что послужило поводомъ, по которому снова было поднято дѣло о канонизаціи Анны Кашинской, трудно сказать. Въ рукописи Синод. Б-ки № 684, содержащей въ себѣ „Соборное дѣяніе о мощахъ Анны Кашинской“, мы не находимъ на это никакого указанія. Можно бы думать, что такіе указанія находятся въ донесеніи собору коммисіи, посланной патріархомъ Іоакимомъ для новаго свидѣтельствванія мощей этой княгини. Но это донесеніе коммисіи, по требованію оберъ-прокурора Свят. Синода Протасова, было взято изъ Синод. Библиотеки въ Архивъ Св. Синода, гдѣ находится и до сихъ поръ. Не указываетъ этого повода и г. Костомаровъ, подробно разбиравшій дѣло о канонизаціи этой княгини (Вѣстникъ Европы 1870 г. № 2, 480—505). Только свещ. П. Колтыпинъ, авторъ „Свѣдѣній о жизни благовѣрной великой княгини Анны“, дѣлаетъ относительно этого слѣдующее вѣроятное предположеніе. Въ 10 § соборнаго дѣянія о мощахъ говорится, что поизъ Василій и старецъ Варлаамъ нашли правую руку преподобной благословляющею. Отцы Собора на этотъ счетъ замѣчаютъ, что все де то ложь, ибо преподобная, будучи женщиной, благословлять не имѣетъ права, и опираются на этотъ аргументъ съ особенною настойчивостью. Но мы знаемъ, что до временъ большого Московскаго Собора (1666 г.) не мало православныхъ христіанъ на Руси крестилось „благословеннымъ крестомъ“, т. е. двуперстіемъ. Самъ патр. Іосифъ такъ крестился. Немудрено поэтому, что и рука благовѣрной княгини Анны была сложена крестомъ двуперстнымъ. Со времени Большаго Собора двуперстіе подверглось самому строгому преслѣдованію, какъ „ересь Богонавѣстная“, и двуперстное перстосложеніе блаж. княгини Анны могло быть для патр. Іоакима, ревностнаго борца противъ раскола, достаточнымъ побужденіемъ подвергнуть строгому изслѣдованію дѣйствительность святости княгини-инокини (стр. 19, примѣч.).

то со словъ Никифора дьяча и по своей формѣ и стилю вполне подходитъ къ прежнимъ житіямъ Маварьевскаго періода агіобіографіи и ничѣмъ отъ нихъ не отличается. Соотвѣтствуя вполне установленной формѣ, это житіе, подобно многимъ другимъ, вошло бы въ кругъ церковно-богослужебныхъ книгъ, не возбуждая ни въ комъ сомнѣнія. Дѣйствительно, въ которое время какъ житіе, такъ канонъ и вся служба были въ церковномъ употребленіи. Но наша высшая духовная власть свое свидѣтельствованіе простирала теперь гораздо далѣе внѣшней стороны житія; она не ограничивается уже только требованіемъ соотвѣтствія житія установленной нормѣ, но стала столько же, если не болѣе, обращать вниманіе и на самое содержаніе. Въ этомъ и заключается вся разгадка, почему житіе и служба блаж. княгини Анны Кашинской, по своей формѣ не отличающіяся отъ прежнихъ, признаны этими соборами лживыми и изъяты изъ церковнаго употребленія.

Такъ какъ это первый опытъ критическаго отношенія нашей церковной власти къ житіямъ и службамъ нашихъ святыхъ, то мы постараемся познакомиться подробнѣе съ тѣми приѣмами и способами, какіе съ этого времени она стала употреблять въ подобныхъ случаяхъ.

Мы выше видѣли, что въ большинствѣ случаевъ инициатива составленія житій выходила не отъ высшей власти, а принадлежала почитателямъ памяти почившаго угодника. Между тѣмъ, въ настоящее время, на соборѣ 1678 года, прямо поставляется въ вину писателю, что житіе блаж. княгини Анны „писано не по благословенію св. патріарха или св. собора, или тамо сущаго мѣста архіерея, но собою дьячекъ здумалъ, или что отъ кого слышалъ въ басняхъ сказывалъ“⁸⁸⁾, чѣмъ ясно дается знать, что житіе того или другого святаго можетъ явиться теперь не иначе, какъ съ благословенія высшей духовной власти. Затѣмъ, самое свидѣтельствованіе житія носить уже совершенно другія черты. Теперь главное вниманіе обращаютъ не на форму, а на содержаніе. А отсюда, конечно, и приемы этого свидѣтельствованія должны были измѣниться и принять другой характеръ. Прежде для этого достаточно было одного поверхностнаго просмотра житія, его чтенія, чтобы видѣть—соотвѣтствуетъ ли оно установленной нормѣ. Теперь же это свидѣтельствованіе простирается уже до критической провѣрки самого содержанія, при чемъ для послѣдней прибѣгаютъ къ

⁸⁸⁾ Рукоп. Син. Б—ки, № 684, л. 410.

другимъ источникамъ письменнымъ, и на основаніи этихъ источниковъ признають содержаніе житія достовѣрнымъ или ложнымъ. Такъ именно велось дѣло на соборѣ 1678 года. Отцы этого собора читали житіе благовѣрной княгини Анны „съ опаснымъ испытаніемъ и лѣтописныя многія и степенныя книги, аще нѣчто возможемъ обрѣсти согласно писанное въ житіи съ лѣтописцы.... прилѣжно на многая времена купно сходящеса разсмотримъ е и ничтоже ино могохомъ обрѣсти, тоцію многая несходства въ житіи съ лѣтописцами и степенными книгами“⁸⁹⁾, и далѣе отцы собора пунктъ за пунктомъ на основаніи „извѣстій лѣтописныхъ и степенныхъ книгъ“ разбирали содержаніе житія. Такихъ пунктовъ, противорѣчащихъ лѣтописямъ, они нашли 13. Пункты эти слѣдующіе. Въ первыхъ 8 пунктахъ выставлены хронологическія и топографическія несогласія житія съ показаніями „лѣтописныхъ и степенныхъ книгъ“; пять остальныхъ пунктовъ касаются прежняго дозора мощей. Такимъ образомъ, въ 1-мъ пунктѣ отцы собора доказываютъ, что великая княгиня Анна была дочь Ростовскаго князя Дмитрія Борисовича, а не славныхъ бояръ г. Кашина; во 2-мъ пунктѣ, что съ св. великимъ княземъ Михаиломъ Тверскимъ былъ въ Ордѣ сынъ Константинъ, а не Дмитрій; въ 3-мъ, что св. великій князь Михаилъ Тверской умерщвленъ ножомъ въ ребра правой стороны, а не мечемъ; въ 4-мъ, что мученическое тѣло св. великаго князя Михаила привезено было изъ Орды не княземъ Дмитріемъ, сыномъ его, а по приказанію великаго князя Юрія Даниловича привезено было въ Москву и положено въ монастырской церкви Преображенія; а потомъ, по просьбѣ великой княгини Анны и сыновей ея, отпущено въ Тверь; въ 5-мъ, что великая княгиня Анна пребывала въ Твери не съ однимъ сыномъ Константиномъ, но съ троими сыновьями: Дмитріемъ, Александромъ и Константиномъ, который, по убіеніи Дмитрія ханомъ въ Ордѣ, и послѣ удаленія Александра въ Псковъ, получилъ великокняжеское достоинство, но долженъ былъ уступить его, когда возвратился Александръ на великое княженіе, которое снова получилъ Константинъ, по убіеніи въ Ордѣ Александра, и что Константинъ скончался на пути въ Орду; въ 6-мъ, сказаніе, что князь Василій звалъ мать изъ Твери въ Кашинъ, опровергается тѣмъ, что князь Василій, по смерти князя Константина, сѣлъ на великокняжескомъ престолѣ въ Твери въ 1350 году, ѣздилъ въ Орду въ 1357 году и возвратился въ 1358 году; въ 7-мъ, сказаніе житія о кончинѣ преподобной великой княгини Анны въ 1338 году опровергается сказаніемъ

⁸⁹⁾ Рукоп. Синод. Б—ки, № 684, л. 390.

лѣтописцевъ, что въ 1359 году была жива княгиня Софія въ Софійскомъ монастырѣ и преставилась въ 1368 г; въ 8-мъ, приводится невѣрное сказаніе житія великой княгини Анны, что прежде кончины ея, 1338 года 2 Октября, скончался князь Василій 27-го Іюля того же года, тогда какъ по Троицкому лѣтописцу князь Василій Михайловичъ преставился 1368 года ⁹⁰⁾; въ 9-мъ пунктѣ излагается, что, по сказанію житія, мощи великой княгини непричастны тлѣнію, а по осмотру Іосифа, митрополита Рязанскаго и Муромскаго, Симеона, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, архимандрита и протопopa,— замѣчено тлѣніе и разрушеніе въ разныхъ мѣстахъ; въ 10-мъ, опровергается сказка попа Василя и отца его, старца Варлаама, что правая рука лежитъ на персяхъ, какъ благословляющая. По досмотру архіерейскому она въ завити погнулася, а длань и персты прямо, а не благословяща; въ 11-мъ излагается, что по допроснымъ рѣчамъ попа Василя Андреевскаго архимандритъ Сильвестръ персты руки разгибалъ и опять сгибалъ, а по словамъ старца Варлаама,—разгибалъ персты, и они сами собою сгибались. Этого свидѣтельства архимандрита и досмотра не сыскано въ Москвѣ. А нынѣшняго года (1677 г.) въ досмотрѣ архіереевъ написано: „согнути длани и перстовъ, или разогнути ни у котораго руки не возможно, для того, что засохли накрѣпко, только кости сухія, да въ нимъ присохла кожа“; въ 12-мъ пунктѣ отвергается сказаніе въ двухъ мѣстахъ житія о томъ, что не только мощи, но и одежды в. княгини не подверглись тлѣнію. По архіерейскому досмотру монашескія одежды и „схима истлѣли, только въ остаткѣ части креста, что былъ вышитъ куколь шелкомъ, да часть плетей схимническихъ, и истлѣло все, лежитъ на персяхъ, только знакъ, а принятыя не мощно. Колиги обѣ на швахъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла“. Въ 13 пунктѣ означено, что в. княгиня, явившись понамарю Герасиму, назвала себя Анною, а не Софією. Тутъ же замѣчено, что и въ чудесахъ нашлись нѣкоторыя несообразности и неприличія. Изъ представленнаго нами краткаго обзорѣнія разбора отцами собора житія Анны Кашинской можно видѣть, съ какою внимательностію и осторожностію они отнеслись къ

⁹⁰⁾ Въ 6, 7 и 8 пунктахъ отцы Собора сами впадаютъ въ ошибку, принимая в. княгиню Анастасію, жену великаго князя Александра Михайловича, въ монашествѣ Софію, за великую княгиню Анну, въ монашествѣ также Софію. В. кн. Анастасія, дѣйствительно, жила въ Твери, въ Софійскомъ монастырѣ и преставилась въ 1368 году; тогда какъ в. кн. Анна жила въ Кашинѣ и скончалась въ 1338 году, 2 Октября.

своему дѣлу. Сличая житіе съ показаніями лѣтописныхъ и степенныхъ книгъ, отцы собора шагъ за шагомъ, пунеть за пунетомъ опровергали содержаніе житія, находя въ немъ противорѣчія и несообразности. Эти противорѣчія и несообразности, найденныя отцами собора, и привели ихъ къ сознанию не историческаго характера всего житія—„въ малѣ не вѣрно, во мнозѣ не вѣрно есть“; вслѣдствіе чего и осудили послѣднее, какъ не достовѣрное и ложное: „въ житіи семъ не мало, но много писано неправды и того ради аще бы отъ части нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаеъ“⁹¹⁾.

Кидая общій взглядъ на совершеніе въ Русской Церкви канонизаціи святыхъ въ разсмотрѣнные нами періоды,—нетрудно замѣтить всѣ главныя и существенныя видоизмѣненія и осложненія, которымъ она подвергалась за это время. Та неопредѣленность, невыработанность формъ и правилъ канонизаціи, мѣстный характеръ почитанія святыхъ, которые характеризуютъ совершеніе ея въ первый періодъ, съ теченіемъ времени мало-по-малу уничтожаются, и канонизація нашихъ святыхъ принимаетъ характеръ болѣе опредѣленный и всеобщій. Въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, особенно важное значеніе имѣли соборы 1547 и 49 гг. Правила, которыя прилагались къ канонизаціи святыхъ на этихъ соборахъ, вошли потомъ, какъ мы видѣли, въ постоянную практику нашей Церкви въ подобныхъ случаяхъ и дѣйствовали въ ней во все продолженіе XVII столѣтія; вслѣдствіе чего и совершеніе канонизаціи принимаетъ однообразный характеръ, составляющій отличительную черту ея за это время. Въ концѣ XVII вѣка замѣчается новое направленіе въ нашей Церкви по отношенію къ канонизаціи святыхъ. Послѣднее вытекаетъ изъ характера самой этой эпохи. Это было время, когда наша высшая духовная власть съ недоувѣріемъ и критикой относилась ко всему старому, изжившему свой вѣкъ; это недоувѣріе и критическое отношеніе, какъ общій духъ времени, должно было такъ или иначе отразиться и на канонизаціи святыхъ. И мы дѣйствительно видимъ, что къ канонизаціи святыхъ наша Церковь начинаетъ относиться гораздо строже и внимательнѣе. Въ это время впервые являются проблески сознанія того, что старыя правила совершенія канонизаціи не всегда могутъ гарантировать отъ ошибокъ, чему примѣромъ служитъ канонизація Анны Кашинской. Яснѣе всего это сознаніе, какъ мы видѣли, выразилось на соборахъ 1677 и 1678 гг., созванныхъ по дѣлу этой княгини. На этихъ соборахъ не только высказывается сознаніе недостаточности прежнихъ правилъ, но

⁹¹⁾ Рук. Синод. Б—ви № 684, л. 413.

предлагаются новыя правила, болѣе рациональныя. Это новое направленіе, появившееся въ нашей Церкви въ концѣ XVII вѣка, и подготовило тѣ перемѣны, какія можно отмѣтить въ слѣдующемъ періодѣ канонизаціи русскихъ святыхъ, начинающемся съ учрежденія у насъ Св. Синода.

Эти перемѣны, впрочемъ, касаются не столько общаго хода и порядка канонизаціи, сколько отношенія нашей Церкви къ дѣлу канонизаціи святыхъ вообще. Именно, наша Церковь съ этого времени стала гораздо строже и внимательнѣе относиться къ этому дѣлу, чѣмъ это было прежде. Общій же ходъ и порядокъ послѣдней въ общихъ чертахъ и въ настоящее время остается тотъ же самый, какой мы видѣли и выше. Если и есть кое какія сравнительно съ прежнимъ разности, то онѣ очень незначительны. Первая разность, каковую можно отмѣтить въ совершеніи канонизаціи нашихъ святыхъ въ данный періодъ, касается лицъ, которымъ принадлежитъ теперь право канонизаціи святыхъ. Со времени учрежденія у насъ въ 1721 году Св. Синода это право переходитъ къ сему послѣднему, какъ высшему органу Русской Церкви. Вторая разность касается формъ, въ которыхъ выражается самая канонизація въ этотъ періодъ. Со времени учрежденія у насъ Св. Синода къ прежнимъ формамъ и приемамъ канонизаціи мы должны отнести и святцы, въ которые стали въ настоящій періодъ вноситься имена канонизируемыхъ нашею Церковью святыхъ. Что дѣйствительно святцы съ этого времени становятся необходимою формою канонизаціи нашихъ святыхъ, это доказывается актами, издаваемыми нашею Церковію по поводу канонизаціи того или другого святаго, въ которыхъ мы всегда находимъ постановленіе Св. Синода о внесеніи имени святаго въ святцы или мѣсяцесловы нашей Церкви.

Правила, которыми наша Церковь руководится въ данный періодъ при совершеніи канонизаціи своихъ святыхъ, въ общихъ чертахъ были тѣ же самыя, что и прежде. Если и можно находить нѣкоторыя особенности, то опять-таки онѣ касаются не столько самыхъ правилъ, сколько ихъ примѣненія и приложенія на практикѣ. Именно, приложеніе этихъ правилъ на практикѣ совершается съ большею сравнительно осторожностью и осмотрительностью, чѣмъ это было прежде. Это болѣе строгое и внимательное отношеніе нашей Церкви замѣтно какъ по отношенію къ житіямъ святыхъ, такъ и по отношенію къ чудесамъ и мощамъ ихъ. Въ настоящій періодъ житія и службы святыхъ, составляя, какъ и прежде, непремѣнное условіе канонизаціи каждаго святаго, являются уже не иначе, какъ свѣдома Святѣйшаго Синода и пишутся всегда почти по порученію послѣдняго. Какъ скоро

является служба канонизируемаго святаго, то она, какъ и прежде, свидѣтельствуется, для чего и представляется въ Св. Синодѣ, и только съ одобренія послѣдняго входитъ въ общее употребленіе. Самое это свидѣтельствованіе въ данный періодъ носить уже инныя черты и иной характеръ, чѣмъ прежде. Теперь обращается главное и преимущественное вниманіе на содержаніе житія и службы, а не на ихъ форму, хотя и эта послѣдняя не упускается совершенно изъ вида. При разсмотрѣніи самого содержанія службъ нашихъ святыхъ въ данный періодъ обращается прежде всего вниманіе, какъ это видно изъ Регламента, на то, „суть ли оная сложенія (т. е. службы) Писанію священному согласная? И не имѣютъ ли нѣчто въ себѣ слову Божию противное, или хотя нѣчто не пристойное и празднословное“⁹²⁾. Во вторыхъ, въ настоящій періодъ обращается строгое вниманіе на историческую достовѣрность содержанія житій, а равно и на ихъ согласіе съ христіанскимъ православнымъ ученіемъ. Отсюда Св. Синодъ предписываетъ строго „смотрѣть исторіи святыхъ, не суть-ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, связующія чего не было, или христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти“⁹³⁾. Всѣ житія подобнаго рода велѣно „обличать и запрещенію предать съ объявленіемъ лжи въ оныхъ обрѣтаемой“⁹⁴⁾.

Чудеса какъ прежде, такъ и въ настоящій періодъ составляютъ одно изъ главныхъ условій для совершенія канонизаціи. Какъ прежде, такъ и теперь, они свидѣствуются, при чемъ открытіе мощей совершается всегда свѣдома и съ утвержденія Св. Синода. „Аще гдѣ появится негдѣнное тѣло, читаемъ мы въ Духовномъ Регламентѣ, или пройдетъ въ слухъ видѣніе чіе или чудотвореніе: коллегіумъ долженствуетъ испытовать тоя истинны, призвавъ къ допросу оныхъ повѣстителей, и прочіихъ, которые о томъ свидѣтельствовать возмогутъ“⁹⁵⁾. Впрочемъ, самый процессъ свидѣтельствованія мощей и чудесъ въ настоящій періодъ тотъ же самый, какой уже нами описанъ выше; только правила этого свидѣтельствованія примѣняются теперь съ большею строгостью, осторожностью и осмотрительностью. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого, а съ другой стороны ознакомиться съ ходомъ свидѣтельствованія мощей въ этотъ періодъ, мы рассмотримъ одинъ фактъ подобнаго рода, изъ ко-

⁹²⁾ Дух. Регламентъ, изд. 1804 г. стр. 21.

⁹³⁾ Регламентъ, стр. 21—22.

⁹⁴⁾ Ibid.

⁹⁵⁾ Ibid., 98 стр.

тораго видно будетъ, какъ внимательно, осмотрительно наша Церковь теперь относится къ этому дѣлу, какъ строго она требуетъ приложенія существующихъ относительно этого правилъ, стараясь не упустить изъ вида ничего, что можетъ только имѣть хоть какое-нибудь значеніе въ этомъ отношеніи. Въ 1800 году Св. Синоду донесено было о найденномъ въ Иркутскомъ Вознесенскомъ монастырѣ нетлѣнномъ тѣлѣ еп. Иннокентія, а равно и о чудесахъ, отъ него совершающихся. 4-го Декабря того же года отпраздненъ въ Иркутскѣ Пермскій епископъ Іустинъ, для надлежащаго осмотрѣнія съ тамошнимъ еп. Веніаминомъ помянутаго нетлѣннаго тѣла, и для обстоятельнаго развѣданія о происшедшихъ отъ него исцѣленіяхъ. Оба епископа рапортомъ отъ 5-го Марта 1801 года донесли Синоду, что „отъ того года Января 29 взяли съ собою протоіерея Иркутскаго Богоявленскаго собора Іоавна и благочиннаго Θεодора, а по прибытіи въ монастырь присоединя и правящаго должность настоятеля іеромонаха Іоасафа, осмотръ нетлѣнному еп. Иннокентія тѣлу произвели съ должнымъ *вниманіемъ и осторожностью*. По которому открылось, что голова, грудь, ребра, спина и ноги—все въ цѣлости и съ плотію, точію присохло, отъ коихъ происходитъ благовонный запахъ, мощамъ свойственный, и многими ощущаемый; одѣяніе, въ которое тѣло святительское облечено, состоящее во власяницѣ, подрясникѣ шелковомъ и архіерейской мантии обьяренной голубаго цвѣта, въ цѣлости и довольно крѣпко, гробъ также, изъ сосноваго дерева, обитый чернымъ бархатомъ, въ совершенной цѣлости и твердости. Послѣ таковаго осмотра тѣлу произвели изслѣдованіе объявленій о чудотвореніяхъ и явленіяхъ, какъ тѣхъ, которыя прежде поданы, такъ и вновь вступившихъ. Въ этомъ изслѣдованіи *осторожность и внимательность*, каковыхъ обстоятельства могли и долженствовали требовать, всегда были употребляемы съ крайнимъ стараніемъ, дабы не упустить ничего, что нужно было для утвержденія оныхъ. Наконецъ, для большей достовѣрности и цѣлости нетлѣннаго тѣла приглашены были Марта 3-го дня бывший Иркутскій гражданскій губернаторъ Д. С. С. Толстой съ прилучившимися нѣкоторыми чиновниками, градскимъ головою купцомъ Авдѣвымъ и со многими изъ почетнаго купечества, съ которыми оное тѣло осматриваемо еще съ благоговѣніемъ и не безъ любопытнаго вниманія“⁹⁶). Обо всемъ этомъ комиссія, производившая изслѣдованіе новоявленныхъ мощей, а равно и чудесъ, отъ нихъ совершавшихся,

⁹⁶) П. С. Р. З. т. 28, стр. 724—5.

подробно рапортомъ донесла Св. Синоду, прося вмѣстѣ съ тѣмъ открыть мощи св. Иннокентія и установить въ честь его празднество. Но однако св. Синодъ не удовлетворился этимъ рапортомъ и въ 1803 году, „для точнѣйшаго удостовѣренія“, Веніамину, еп. Иркутскому, велѣно прислать еще свѣдѣнія: „не было ли въ теченіе сихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ какихъ-либо новыхъ достопамятныхъ происшествій, кои бы могли служить вѣщшимъ подтвержденіемъ прежде представленнымъ? Какое нынѣ тамъ народное мнѣніе о нетлѣнномъ ономъ тѣлѣ, и не примѣчено-ли въ немъ какого измѣненія? Присовокупя и свое о томъ мнѣніе, по долгу Его Архіерейскому и по самой сущей справедливости, дабы можно было судить Синоду съ твердымъ основаніемъ, яко о важнѣйшемъ обстоятельстве“. На сей указъ, отъ него, епископа Иркутскаго, того же 1803 года, Октября 9-го дня Синоду донесено, что исцѣленія и явленія отъ святителя Иннокентія продолжаются; въ нетлѣнномъ тѣлѣ его никакой измѣны не усматривается; усердіе жителей тамошнихъ странъ не только къ нему не ослабѣваетъ, но и болѣе еще увеличивается, чему доказательствомъ есть частое требованіе видѣть его мощи и имъ воздавать поклоненіе, и онъ, епископъ Веніаминъ, совѣстію убѣжденъ, почитаетъ его святительское ходатайство у милосердія Божія уважаемымъ. Какія же въ теченіе времени послѣ свидѣтельства происходили еще отъ него исцѣленія и явленія, о томъ приложилъ выписку за свѣрною Консистоіи, коихъ показано 24 ^{*)}). И только послѣ этого Св. Синодъ рѣшился причислить святителя Иннокентія къ лику святыхъ.

Находимъ въ этотъ періодъ факты, еще рѣзче характеризующіе это строгое отношеніе нашей высшей духовной власти къ прославленію святыхъ. Въ исторіи канонизаціи святыхъ преимущественно въ первый періодъ ея мы видѣли особенное развитіе у насъ мѣстнаго почитанія святыхъ, при чемъ иногда это почитаніе совершалось не только безъ утвержденія высшей власти Церкви, но даже и безъ вѣдома ея. Въ настоящій же періодъ встрѣчаемъ факты уже иного отношенія нашей высшей власти къ почитанію такихъ святыхъ. Такъ, 14 Іюля 1721 года архимандритъ Александро-Свирскаго монастыря Кирилль донесъ преосв. Феодосію, архіеп. Новгородскому, что въ ихъ монастырѣ, въ рошѣ подъ березой, находится малая часовня, гдѣ, по увѣренію окрестныхъ жителей, погребено „въ давнихъ лѣтѣхъ“ тѣло

*) П. С. Р. З. т. 28, 725—6.

монаха Маркелла, почитаемаго ими за святаго; что Маркеллу этому, неизвѣстно кѣмъ, сочиненъ тропарь и кондакъ и написано сказаніе о нѣкоторомъ „въ чудо ему причитаемомъ случаѣ“; что всякаго званія люди, посѣщающіе мѣстность для богомоленія, ходять и въ часовню, въ которой есть и образъ Маркелла, писанный на доскѣ, „творятъ обычное поклоненіе, призываютъ Маркелла въ молитвахъ, какъ прославленнаго святаго, берутъ изъ-подъ березы съ того мѣста, которое считаютъ мѣстомъ его погребенія, песокъ по домамъ своимъ и пьютъ съ него воду. Преосв. Феодосій представилъ доношеніе архимандрита Кирилла Св. Синоду, признавая своимъ архіерейскимъ долгомъ наблюдать въ своей епархіи, чтобы „суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было“ и чтобы невѣдомыхъ и отъ Церкви не свидѣтельствовавшихся гробовъ за святыню не почитали.

Св. Синодъ 19 Іюля опредѣлялъ: тѣло умершаго монаха Маркелла въ Александро-Свирскомъ монастырѣ „освидѣтельствовать того монастыря архимандриту при посланномъ отъ Св. Синода и прочихъ духовныхъ персонахъ, вѣроатія достойныхъ, обыкновенно какъ такіа свидѣтельства отъ св. Церкви бывають, и что по тому свидѣтельству явится обстоятельное извѣстіе, за руками всѣхъ, при томъ свидѣтельствѣ бывшихъ персонъ, предложить въ Св. Синодъ“.

Отъ Синода посланъ былъ для освидѣтельствованія іеромонахъ Александро-Невскаго монастыря Іоасафъ Маевскій. Освидѣтельствованіе происходило при архимандритѣ Кириллѣ и его братіи, при прот. Олонецкаго собора Петрѣ Гавриловѣ и Олонецкомъ духовенствѣ. Взявъ въ церковь стоявшій въ часовнѣ образъ Маркелла и разобравъ часовню, они выкопали землю на двѣ сажени въ длину и ширину и на сажень въ глубину; но ни тѣла монаха Маркелла, ни другихъ погребенныхъ и оставшихся невредимыми тѣлъ не явилось; отрыты были только лежавшіе по разнымъ мѣстамъ три человѣческихъ черепа и кости, но „самыхъ сухихъ“, и очевидно погребенныхъ „издавна“, а тѣла отъ тѣхъ костей встлѣли всѣ безъ остатка.

Получивъ донесеніе отъ іеромонаха Іоасафа о послѣдствіяхъ освидѣтельствованія, Св. Синодъ въ Апрѣлѣ 1722 года опредѣлялъ: „за святаго того Маркелла отнюдь не почитать“ и предписалъ архіепископу Феодосію образъ Маркелла, написанный на доскѣ, равно какъ и другіе тому подобныя образа, гдѣ они явятся, прислать въ Синодъ⁹⁸⁾.

⁹⁸⁾ Опис. документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода т. I-й, 450—51.

За выдумываніе ложныхъ чудесъ и ихъ оглашеніе назначается теперь очень тяжелое наказаніе. „Когда кто велитъ для своего интересу, или суетной ради славы, читаемъ мы въ Духовномъ Регламентѣ, огласить священникамъ какое чудо притворно и хитро чрезъ кликуши, или чрезъ другое что, или подобное тому приважетъ творить суевѣріе, то тому опредѣляется „наказанье и вѣчную ссылку на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей“ *).—Вотъ и всѣ особенности, какія можно указать въ совершеніи канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ.

*) Дух. Регламентъ, 229.

АЛФАВИТНІЙ УКАЗАТЕЛЬ

святыхъ, канонизованныхъ Русскою Церковію до XVII-го вѣка включительно.

- Авраамій Галлицкій, преп. 211—212.
Авраамій Смоленскій, преп. 63, 186.
Авраамій Ростовскій, преп. 107.
Александръ Невскій, свят. благовѣри. князь 171.
Александръ Свирскій, преп. 171.
Александръ Ошевенскій, преп. 208.
Алексій, св. митр. Московскій 87.
Андрей Смоленскій, св. благ. кн. 155.
Анна Башинская, блж. княгиня 239.
Антоній, св. муч. Литовскій 186.
Антоній Печерскій, преп. 109.
Антоній Римлянинъ, преп. 209.
Антоній Сійскій, преп. 207, 212.
Арсеній, св. еп. Тверскій 113, 170.
Артемій Веркольскій, преп. 214.
Борисъ, св. благовѣр. князь 64.
Варлаамъ Важескій, преп. 212.
Варлаамъ Хутынскій, преп. 97.
Варсонофій, св. архіеп. Казанскій 209.
Василій, блж. Московскій 209, 230.
Всеволодъ-Гавріилъ, св. благов. князь Псковскій 63, 113, 186.
Владиміръ Кіевскій, св. благ. кн. 76.
Геннадій Бостромскій, преп. 208.
Георгій Всеволодовичъ, св. благ. князь 212.
Германъ Соловецкій, преп. 214.
Глѣбъ, св. благовѣр. князь 64.
Глѣбъ Андреевичъ, св. благ. кн. 214.
Григорій Авнежскій, преп. 206.
Григорій Пельшемскій, преп. 186.
Гурій, св. архіеп. Казанскій 209.
Даніилъ Переяславскій, преп. 213.
Діонисій Глушицкій, преп. 171.
Димитрій Прилуцкій, преп. 108.
Димитрій Угличскій, св. благов. царевиць 211.
Довмонтъ-Тимовой Псковскій, св. благ. князь 63, 113.
Евстафій, св. муч. Литовскій 186.
Ефремъ Новоторжскій, преп. 208.
Ефремъ Перекомскій, преп. 186.
Евфросинъ Псковскій, преп. 186.
Евфросинія Суздальская, преп. 207.
Евфимій, св. архіеп. Новгородскій 115, 186.
Евфимій Суздальскій, преп. 186.
Зосима Соловецкій, преп. 115, 171.
Исаія, св. еп. Ростовскій 103.
Игнатій, св. еп. Ростовскій 105.
Іаковъ Боровицкій, преп. 155, 193.
Іаковъ, св. еп. Ростовскій 103.
Іоаннъ, св. архіеп. Новгородскій 170.
Іоаннъ, св. юрод. Устюжскій 171.
Іоаннъ, св. муч. Литовскій 186.
Іоаннъ, св. муч. Болгарскій 186.
Іоаннъ Яренгскій, преп. 212.
Іона, св. митр. Московскій 113, 170.
Іона, св. архіеп. Новгородскій 186.

- иосифъ Санинъ или Волоцкій, препод. 209, 230.
 Нассіанъ Авнежскій, преп. 206.
 Кириллъ Бѣлоозерскій, преп. 94.
 Кириллъ Новоезерскій, преп. 212.
 Константинъ, св. благов. князь и чада его Михаилъ и Феодоръ Муромскія 170.
 Корнилій Комельскій, преп. 210.
 Леонтій, св. еп. Ростовскій 70.
 Логгинъ Яренгскій, преп. 212.
 Макарій Желтоводскій, преп. 211.
 Макарій Колязинскій, преп. 171.
 Мартиніанъ Бѣлоозерскій, преп. 186.
 Максимъ, юрод. Московскій, преп. 170.
 Меркурій Смоленскій, преп. 63.
 Михаилъ Клопскій, преп. 171, 173
 Михаилъ Черниговскій, св. благ. князь и его бояринъ Феодоръ 100.
 Михаилъ Тверскій, св. 186.
 Никандръ Псковскій, преп. 214.
 Никита, св. архіеп. Новгородскій 169, 205.
 Никита Переяславскій, преп. 108.
 Никонъ Радонежскій, преп. 112, 170.
 Нилъ Столбенскій, преп. 214.
 Нифонтъ, еп. Новгородскій 188, 206.
 Ольга, св. равноап. княгиня 73.
 Павелъ Комельскій, преп. 171.
 Пафнутій Боровскій, преп. 113, 155, 170.
 Петръ, св. митр. Московскій 83.
 Петръ св. благовѣр. князь и Февронія Муромскіе 170.
 Петръ, св. ц-чъ Ордывскій 188.
 Прокопій, св. юрод. Устюжскій 115, 171.
 Романъ Угличскій, св. благ. кн. 210
 Савва Вишерскій, преп. 114, 186.
 Савва Крыпецкій, преп. 204.
 Савва Сторожевскій, преп. 170.
 Савватій Соловецкій, преп. 115, 171.
 Сергій Радонежскій, преп. 90.
 Стефанъ Махрицскій, преп. 207.
 Стефанъ, преп. еп. Пермскій 114—186.
 Ферапонтъ Бѣлоозерскій, преп. 186.
 Филиппъ, св. митр. Московскій 213.
 Феодоръ, св. еп. Ростовскій 114.
 Феодоръ Смоленскій, св. благов. князь и чада его Давидъ и Константинъ 95.
 Феодосій Печерскій, преп. 67.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

В в е д е н і е.

Стр.

Общія свѣдѣнія о канонизаціи святыхъ.—Понятіе о ней.—Мѣстная и всеобщая канонизація, стр. 1—10.—Обозрѣніе источниковъ: а) Святцы, б) Житія и службы святымъ, в) Лѣтописи.—Планъ изслѣдованія и раздѣленіе его на части..... 10— 20

Г Л А В А I.

Краткій очеркъ исторіи канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви.

I. Форма совершенія канонизаціи святыхъ въ Греческой Церкви: а) установленіе епископомъ дня празднованія памяти святаго. Образъ и мѣсто совершенія праздниковъ. б) Диптихи, понятіе о нихъ; ихъ раздѣленіе и употребленіе въ Церкви; значеніе диптиховъ для канонизаціи святыхъ. в) Календарь; понятіе о нихъ; ихъ происхожденіе и значеніе при канонизаціи святыхъ. г) Житія и службы святыхъ, какъ условіе ихъ канонизаціи..... 21— 43

II. Правила совершенія канонизаціи въ древней Церкви: а) наблюденіе надъ диптихами и б) мученическими актами; в) чудеса и ихъ повѣрка; неглѣніе мощей не было условіемъ канонизаціи въ древней церкви..... 44— 50

III. Кому въ древней Церкви принадлежало право совершенія канонизаціи святыхъ; мѣстный характеръ канонизаціи и обуславливаемое имъ мѣстное почитаніе святыхъ; постепенное уничтоженіе мѣстнаго почитанія святыхъ; причины этого..... 50— 61

Г Л А В А II.

Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской Церкви до Макарьевскихъ соборовъ 1547 и 1549 годовъ.

Часть I. Обзорѣніе канонизаціи святыхъ до Макарьевскихъ соборовъ. Св. Борись и Глѣбъ, препод. Θεодосій Печерскій, Св. Леонтій еп. Ростовскій, Св. равноапостольная Ольга, Св. равноапостольный князь Владимиръ, Св. Петръ митр. Московскій, Св. Алексій

митр. Московскій, препод. Сергій Радонежскій, преп. Бирилъ Бѣло-оверскій, Благовѣрный князь Смоленскій и Ярославскій Теодоръ и чада его Давидъ и Константинъ, препод. Варлаамъ Хутынский, Св. Михаилъ Черниговскій и его бояринъ Теодоръ, Св. Исаія еп. Ростовскій, Св. Игнатій еп. Ростовскій, препод. Дмитрій Прилуцкій, преп. Авраамій Ростовскій, преп. Никита Переяславскій, преп. Антоній Печерскій, преп. Никонъ Радонежскій, препод. Пафнутій Боровскій, Св. Иона митр. Московскій, Св. Арсеній еп. Тверской, Св. князя Всеволодъ-Гаврилъ и Довмонтъ-Тимофей Псковскіе, Св. Теодоръ еп. Ростовскій и Стефанъ еп. Пермскій, преп. Савва Вишерскій, преп. Прокопій Устюжскій, препод. Зосима и Савватій Соловецкіе, Св. Евѣмій архіеп. Новгородскій.

62—115

Часть II. Порядокъ и ходъ канонизаціи святыхъ въ Русской церкви до соборевъ 1547 и 1549 годовъ. Способы и приемы канонизаціи святыхъ: I) установленіе праздниковъ и составленіе службъ и житій святыхъ; II) Правила совершенія канонизаціи: а) чудеса святыхъ, записываніе чудесъ и провѣрка ихъ; б) свидѣтельствованіе службъ и житій святыхъ; в) нетлѣніе мощей.—Кому принадлежало право совершенія канонизаціи въ этотъ періодъ; характеръ канонизаціи.—Характеръ почитанія святыхъ. Причины мѣстнаго почитанія святыхъ. Общія замѣчанія о канонизаціи святыхъ этого періода. . . .

115—155

ГЛАВА III.

Соборы 1547 и 1549 годовъ; порядокъ канонизаціи святыхъ на этихъ соборахъ.

I. Предварительныя свѣдѣнія о нихъ. Цѣль и побужденія, послужившія поводомъ къ созванію ихъ. Идея, легшая въ основу соборовъ 1547 и 1549 г. Кому принадлежала инициатива созванія ихъ. . . .

155—167

II. Соборъ 1547 года. Списокъ святыхъ, канонизованныхъ на этомъ соборѣ; подготовительныя работы къ этому собору; основанія, коими соборъ 1547 г. руководился при канонизаціи святыхъ; почему соборъ однимъ святымъ установилъ всеобщее празднованіе, а другимъ только мѣстное; свидѣтельствованіе житій на соборѣ 1547-го года. . . .

167—183

III. Соборъ 1549 года; списокъ святыхъ, канонизованныхъ на этомъ соборѣ; подготовительныя работы къ нему; обыскъ о новыхъ чудотворцахъ, — въ чемъ онъ состоялъ? Дѣянія соборныя или свидѣтельствованіе собраннаго матеріала отцами собора 1549 г.—Условія канонизаціи святыхъ; рѣшеніе вопроса то оиъ, сдѣлалъ ли соборъ 1549 года такъ же, какъ и соборъ 1547 года, раздѣленіе канонизованныхъ имъ святыхъ на мѣстныхъ и всероссійскихъ? Были ли вне-

сены святыя, канонизованные соборами 1547 и 1549 годовъ въ святцы?.....	183—199
Заключеніе. Значеніе Макарьевскихъ соборовъ для канонизаціи святыхъ послѣдующаго времени Русской Церкви.....	199—203

ГЛАВА IV.

Порядокъ и ходъ канонизаціи Русскихъ святыхъ съ половины XVI вѣка и до XVII вѣка, включительно.

Краткія историческія свѣдѣнія о канонизаціи святыхъ этого періода: Саввы Крыпецкаго, Никиты и Нифонта, архіепископовъ Новгородскихъ, Григорія и Кассіана Авнежскихъ, преп. Стефана Махрищскаго, Антонія Сійскаго, Евфросинія Суздальской, Александра Ошевенскаго, преп. Ефрема Новоторжскаго, Геннадія Костромскаго, Василія Блаженнаго, препод. Іосифа Волоцкаго, св. Гурія и Варсанолія Казанскихъ чудотворцевъ, препод. Антонія Римлянина, Корнилія Комельскаго, Романа Угличскаго, Макарія Унженскаго и Авраамія Галицкаго, св. благовѣрнаго царевича Дмитрія Угличскаго, Варлаама Вадскаго, Іоанна и Логгина Яреинскихъ, св. благовѣрнаго князя Георгія Всеволодовича, препод. Кирилла Новозерскаго, Филиппа митрополита Московскаго, препод. Данила Переяславскаго, св. Артемія Веркольскаго, преп. Нила Столбенскаго, Никандра Псковскаго, Германа Соловецкаго и св. благовѣрнаго Глѣба Андреевича, сына Андрея Боголюбскаго.....	204—214
--	---------

Форма совершенія канонизаціи святыхъ въ этотъ періодъ: установленіе праздника въ честь святаго и составленіе службы и житія его. Внесеніе именъ святыхъ въ святцы. Правила совершенія канонизаціи: предварительный обыскъ, цѣль и задача его: собраніе свѣдѣній о жизни и чудесахъ святаго и повѣрка ихъ комиссиями; свидѣтельствованіе мощей, примѣры такого свидѣтельствованія.—Почему не былъ прилагаемъ предварительный обыскъ при канонизаціи святыхъ: Василія Блаженнаго, Іосифа Волоцкаго и Антонія Сійскаго.—Повѣрка житій и каноновъ и какъ она совершалась.—Болѣе строгое отношеніе Церкви къ свидѣтельствуванію чудесъ и къ свидѣтельствуванію каноновъ и житій въ концѣ этого періода. Примѣръ такого отношенія мы встрѣчаемъ въ исторіи канонизаціи блж. княгини Анны Кашинской. Соборы 1677 и 1678 года, созданные по поводу канонизаціи ея. Свидѣтельствованіе житія княгини Анны на соборѣ 1678 года.....	215—243
---	---------

Заключеніе. Краткія свѣдѣнія о канонизаціи святыхъ со времени учрежденія Св. Синода и до настоящаго времени.....	243—249
--	---------

ЗАМѢЧЕННЫЯ БОЛѢ ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	<i>Напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ читать:</i>
3	примѣч. 2 сн., XII		XIII
6	17 св.	предъ Богомъ,	предъ Богомъ
15	13 сн.	къ послѣднимъ,	къ святцамъ,
19	17 сн.	Макарьевскими.	Макарьевскими
23	10 и 11 св.	sanctorum	sanctorum
—	21 св.	daribus	daribus
28	6 св.	въ Церкви,	въ церкви,
31	6 св.	Даміана	Даміана.
35	4 сн.	ia	in
39	13 сн.	эпитеты	эпитеты
41	17 св.	однако	но
44	5 св.	предосторожности	предосторожности,
48	15 сн.	осложеніе	осложненіе
49	примѣч. 2 св.	Божіихъ,	Божіихъ.
53	8 сн.	патріарху	патріарху
59	12 св.	представителей.	представителей.
—	11 сн.	праздновеніе	празднованіе
63	16 св.	этихъ	означенныхъ
75	17 св.	праздника	праздника
—	примѣч. 1 сн.	Агіологія	Агіологія
87	примѣч. 8 сн.	открытіе	открытія
89	30 св.	должны бытъ	должны быть.
90	4 сн.	мощи,	мощи
91		На первую половину во- проса, хотя и предпо- ложительно, можно еще отвѣтить;	На первую половину вопроса можно еще отвѣтить;
96	примѣч. 6 св.	Антоніемъ;	Антоніемъ:
105	12 сн.	приходящихъ	приходящимъ
115	15 св.	примѣлъ	примѣлъ
123	2 сн.	увеличилась.	увеличилось.
128	1 св.	подобнаго	подобнаго

—	примѣч. 2 св. князю	князю.
136	13 св. литературныя	литературнаго
145	7 св. наперстника	наперстника
148	14 св. этихъ возрѣнїи,	того времени,
149	8 св. о,	то,
152	16 св. мѣстности	мѣстнаго
—	13 св. XIV	XVI
154	6 св. Іосафъ	Іосафъ,
157	5 св. Защицнскаго	Зауцинскаго
161	11 св. Елизарова	Елеазарова
166	6 св. всѣ	всѣмъ
168	13 св. Торусскїй	Торусскїй,
170	10 св. Радонежскому,	Радонежскому,
—	примѣч. 9 св. канона	службы
171	примѣч. 2 св. исключительно,	исключительно
174	22 св. Церкви	церкви
176	15 св. Зосима	Зосима
—	4 св. ничемъ	ничѣмъ
177	примѣч. 1 св., 153	154
186	18 св. Евфремъ	Ефремъ
211	10 св. 31	3
215	8 св. 7080,	7087,

О ЧЕРКЪ III.

Составъ общества въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и должностная дѣятельность сихъ послѣднихъ.

Задачи управленія намѣстниковъ - державцевъ. — Государскіе дворы и дворцы въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и дворныя пашаи и угодыя. — Прохождение этихъ шаженъ и угодій въ связи съ вопросомъ объ отношеніи государственной власти къ землевладѣнію вообще. — Челядь невольная при государственныхъ дворахъ, какъ рабочая сила; ея содержаніе. — Тяглые государскіе крестьяне и ихъ служба; дякло, мезева и другія подати ихъ, какъ дополненія къ тяглой службѣ; осадники изъ тяглыхъ крестьянъ и ихъ повинности. — Крестьяне различныхъ специальныхъ службъ по государственному хозяйству: бѣртники, бобровники, осочиники, ловцы, псарцы, сокольники, свинухи, рыболовы, конюхи, кобыльники, рейтиники, лемти, коновормцы, огородники, сторожа, повозники, кухарь, садовники и др.; ихъ частныя и общія повинности. — Крестьяне, несшіе специальныя службы по государственному хозяйству сообразно съ своими особенными промыслами: ковали, клепаши, рогатники, дойлады, санники, бондари, судники, нравцы, журали, стрихари, меловники, гончары, кожемяки, стрыменники, рыболовы, соляники, рудники, угольники, дегтяри, мыльняры и др.; ихъ частныя и общія повинности (голоба). — Даники; дань грошовая, медовая, бобровая, куничная, бѣлечья, житная, пшеничная и другіе платежи и барщинныя повинности даниковъ; куничники и ясачники. — Количественное преобладаніе даниковъ въ составѣ крестьянскаго населенія Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей. — Слуги; ихъ экономическое и юридическое положеніе въ составѣ сельскаго населенія Литовско-Русскаго государства. Разряды слугъ: путные, нанцерыне, щитные, дослѣшныя, конныя; ихъ частныя и общія повинности, военныя и крестьянскія. — Общія названія для всѣхъ крестьянъ, составлявшихъ государственную волость въ тѣсномъ смыслѣ. — Участіе въ работахъ по государственному хозяйству государственныхъ и владѣльческихъ крестьянъ. — Дѣятельность и отчетность намѣстниковъ-державцевъ по веденію экономіи государственныхъ дворовъ въ Виленскомъ и Троицкомъ повѣтахъ. — Слабое развитіе этой дѣятельности въ другихъ областяхъ великаго княжества въ связи со слабымъ развитіемъ самаго государственнаго хозяйства; причины этого. — Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по обезпеченію

господарскаго хозяйства необходимымъ капиталомъ и крестьянскимъ трудомъ.— Вопросъ о прикрѣпленіи литовско-русскихъ крестьянъ въ литературѣ и неудовлетворительная постановка изслѣдованій. — Непохожіе люди въ господарскихъ волостяхъ; обязательственный характеръ прикрѣпленія.— Мнѣнія по вопросу о происхожденіи этого класса. Значеніе юридическаго принципа давности въ прикрѣпленіи господарскихъ крестьянъ; его историко-экономическія основы и ограниченія; особое положеніе крестьянъ въ Подиѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ.— Личный характеръ прикрѣпленія частновладѣльческихъ крестьянъ; вліяніе нѣмецко-польскаго шляхетскаго права. Принципъ земской давности въ прикрѣпленіи частновладѣльческихъ крестьянъ. — Происхожденіе крестьянскихъ пустошницъ въ господарскихъ волостяхъ; борьба крестьянства съ нуждою въ капиталѣ и ея обычный исходъ. — Правительственная помощь крестьянству въ этой борьбѣ и ея недостаточность; продажа крестьянами своихъ земель и неправильныя сужденія по поводу ея въ литературѣ. — Вольные похожіе крестьяне въ Литовско-Русскомъ государствѣ; происхожденіе этого класса.— Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по осадѣ крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ.— Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организаціи крестьянскихъ службъ; старина крестьянскихъ повинностей, какъ принципъ въ этой дѣятельности.— Тивуны на господарскихъ дворахъ, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ по распорядительной дѣятельности и надзору за работами; ихъ происхожденіе и прототипъ. Тивуны на положеніи намѣстниковъ-державцевъ; ихъ происхожденіе и прототипъ; постепенная замѣна ихъ намѣстниками-державцами и ея причина. Тивуны въ роли блюстителей господарскаго имущества и доходовъ.— Собственныя крестьянскія власти въ различныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства: пристава, сотники, сорочники, десятники, приказники, старцы; ихъ происхожденіе и назначеніе въ ряду другихъ властей, въ частности—при намѣстникахъ-державцахъ.— Крестьянскія земли-единицы обложенія службами и податями; ихъ происхожденіе, составъ, порядокъ владѣнія ими и пользованія.— Дворщица, сельца или селница, жеребья и волоки, какъ единицы обложенія; ихъ территориальное распространеніе.— Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи литовско-русскихъ крестьянъ въ новѣйшей литературѣ; неправильность метода въ его рѣшеніи.— Порядокъ отбыванія въ господарскихъ волостяхъ крестьянскихъ повинностей; волостныя разшеты и порубы; роль крестьянскихъ властей.— Намѣстники-державцы въ роли сборщиковъ податей съ господарскихъ крестьянъ.— Подати татарскаго происхожденія съ господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ: подымщина, воловщина, поголовщина, посощина, серебищина и ордынщина (съ мѣщанъ и крестьянъ); ихъ назначеніе и роль намѣстниковъ-державцевъ въ сборѣ ихъ.— Оброчныя статьи господарскаго хозяйства въ завѣдываньи намѣстниковъ-державцевъ.— Станціи и подводы, какъ общія повинности господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ; изыятія отъ этихъ повинностей; участіе намѣстниковъ-державцевъ въ ихъ сборѣ.— Общественное положеніе господарскихъ мѣщанъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ.— Ихъ барщинныя повинности, натуральныя и денежныя подати; административное участіе намѣстниковъ-державцевъ въ от-

правленіи мѣщанскихъ повинностей.—Торговья пошлныи, промысловые налоги и доходы съ ренталий, собиравшіеся намѣстниками-державцами въ господарскихъ мѣстахъ: мостовое, помѣрное, вага или вѣсече, торговые пенези съ кѣттокъ и оборы съ ятокъ мясныхъ, кашпана, корчонные пенези, доходы съ воскобоенъ и суконныхъ постригаленъ; отдача ихъ на откупъ частнымъ лицамъ и мѣщанскимъ обществамъ при дарованіи магдебургскаго права.—Мыто старое, восковые и соляные пенязи; отдача ихъ къ вѣрной рукѣ или на откупъ.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по заселенію мѣстъ и устройству мѣщанскаго землевладѣнія; правительственное содѣйствіе ихъ военнослужилому классу въ приобрѣтеніи недвижимой собственности въ мѣстахъ.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по устройству и ремонту крѣпостей, мостовъ и военныхъ дорогъ, по организаціи сторожи и погони за непріателемъ; участіе во всемъ этомъ мѣстныхъ обществахъ.—Намѣстники-державцы въ роли начальниковъ мѣстныхъ военныхъ силъ; крестьяне, мѣщане, татары, казаки, бояре, земляне и ихъ почты въ составѣ этихъ силъ; хорунжіе, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ.—Бояре и земляне, какъ общественный классъ; распредѣленіе ихъ по областямъ и происхожденіе; шляхетство.—Порядокъ обложенія военною повинностью въ Литовско-Русскомъ государствѣ; принципъ службы съ земли и его поправки въ изучаемое время.—Типы земельныхъ владѣній, съ которыхъ шла военная служба: вотчины, кушли, выслуги до воли, до живота, до двухъ животовъ и на вѣчность; различія въ правѣ владѣнія ими.—Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по устройству военнослужилаго землевладѣнія.—Обязанность личной военной службы для землевладѣльцевъ и изыатія изъ нея; составъ землевладѣльческихъ почтовъ.—Судебная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ; общественные классы, состоявшіе подъ ихъ присудомъ, и отличіе намѣстниковъ-державцевъ въ этомъ отношеніи отъ тивуновъ.—Ограниченія судебной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ, вытекавшія изъ вотчинной юрисдикціи землевладѣльцевъ, мѣстской юрисдикціи по магдебургскому праву, юрисдикціи земскихъ судовъ.—Кругъ дѣлъ, подлежащій разбирательству намѣстниковъ-державцевъ; особые суды при намѣстникахъ-державцахъ; ихъ происхожденіе и дѣятельность.—Штатъ должностныхъ лицъ, состоявшихъ при намѣстникахъ-державцахъ, и ихъ дѣятельность.—Судебно-административная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по возбужденію отъ центральнаго правительства.—Доходы намѣстниковъ-державцевъ при отправленіи своей должности; доходы по заставнымъ листамъ и особымъ привилеямъ.—Плата господарю, воеводамъ, старостамъ отъ намѣстничества и ея замѣна челобитьемъ.—Сроки держаній и порядокъ ихъ отобранія; ограниченіе возрѣтнія на намѣстничество, какъ на кормленіе.—Общіе выводы.

I.

Въ 1499 году великій князь Александръ, разобравъ недоразумѣнія, возникшія между намѣстникомъ Минскимъ кн. Богданомъ Ивановичемъ Жеславскимъ и мѣщанами Минскими по поводу намѣстничьяго присуда и доходовъ, въ судебномъ мѣстѣ писалъ между прочимъ: „та-

кежь приказали есмо войту, бурмистромъ и радцамъ и всимъ мѣщаномъ, ажбы намѣстника нашего во всемъ послушны были въ нашихъ дѣлѣхъ по тому, какъ и самихъ насъ¹⁾). Такимъ образомъ, изъ устъ самаго правительства мы получаемъ опредѣленіе должности намѣстника-державцы, какъ представителя великаго князя въ данномъ округѣ, агента по его господарскимъ дѣламъ²⁾).

Дѣла эти были довольно разнообразны. Въ каждомъ данномъ округѣ обыкновенно велось собственное хозяйство великаго князя частью рабскимъ трудомъ, но большею частью трудомъ великокняжескихъ крестьянъ или „людей“. Великокняжескіе люди, кромѣ того платили своему господарю различныя подати съ своихъ земель деньгами и натурою и несли различныя повинности. Больше всего дѣлъ у великаго князя въ данномъ повѣтѣ или волости было именно по веденію своего хозяйства и по управленію крестьянскимъ обществомъ, т. е. по устройству крестьянскаго землевладѣнія и служебъ, по сбору податей и взысканію повинностей, по суду надъ крестьянами и т. д. Менѣе дѣлъ было по управленію торгово-промышленныи людьми, жившими въ господарскихъ „мѣстахъ“, потому что эти люди были малочисленнѣе сельскаго земледѣльческаго населенія, и потому что многія „мѣста“ въ изучаемое время получили право самоуправленія. Сравнительно съ крестьянами мало давали правительственной работы и различныя военно-служилые люди, державшіе свои имѣнья „подъ господаремъ“, какъ, напримѣръ, бояре и земляне. Ихъ садихъ было, конечно, гораздо меньше, чѣмъ господарскихъ крестьянъ; повинности и платежи съ нихъ имѣній не были такъ многочисленны и разнообразны, какъ съ крестьянскихъ земель; людьми, жившими на ихъ земляхъ, они преимущественно управляли сами, такъ что приходилось главнымъ образомъ судить и рядить ихъ лично. Еще менѣе приходилось имѣть дѣло съ владѣльцами и населеніемъ такихъ имѣній, которыя были пожалованы великимъ княземъ изъ состава волости или повѣта „со всимъ правомъ и папствомъ и власностью, ничего на себе не оставляючи“, или въ такомъ видѣ унаслѣдованы были частными лицами. Какъ показываетъ самая формула пожалованья, великій князь отрекался отъ всѣхъ своихъ правъ, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которыя онъ имѣлъ на всѣ имѣнья въ государствѣ въ качествѣ представителя верховной политической власти, что иногда и оговаривалось

¹⁾ Лятов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

²⁾ Справ. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № VII

прямо въ жалованной грамотѣ. Такимъ образомъ, напримѣръ, король Сигизмундъ въ 1513 году утвердилъ за паномъ Богумемъ Боговитиновичемъ и его братьею имѣнья ихъ отчинныя, выслуженныя и купленныя, *nihil juris domini et proprietatis in eisdem bonis et hominibus pro nobis et successoribus nostris reservantes in perpetuum, juribus nihilominus nostris ducalibus semper per omnia salvis permanentibus* ³⁾. Владѣльцы такихъ имѣній, бывшіе въ нихъ полными владыками, несли съ нихъ только военную повинность, которую они выполняли своими боярами и слугами, городовую (по постройкѣ укрѣпленій) и дорожную (по устройству большихъ дорогъ), для выполнения которыхъ они выгоняли своихъ крестьянъ; иногда, кромѣ того, должны были давать подводы проезжающему господарю или его посламъ и гонцамъ и т. д. Господарское дѣло по отношенію къ такимъ имѣніямъ состояло главнымъ образомъ въ понужденіи ихъ къ выполненію лежащихъ на нихъ немногихъ государственно-земскихъ повинностей, а также въ обезпеченіи посредствомъ суда личныхъ и имущественныхъ правъ ихъ населенія отъ нарушенія сторонними лицами изъ мѣстнаго общества. Наконецъ, по отношенію къ церковнымъ имѣніямъ, которыя большею частью освобождены были отъ всякихъ повинностей, господарское дѣло состояло главнымъ образомъ въ защитѣ ихъ населенія отъ обидъ и притѣсненій со стороны постороннихъ людей, а также этихъ послѣднихъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны церковныхъ людей, буде церковныя власти не давали надлежащаго удовлетворенія. По всемъ перечисленнымъ дѣламъ намѣстникъ-державца былъ представителемъ и агентомъ великаго князя въ своемъ округѣ или повѣтѣ.

II.

Начнемъ съ собственнаго хозяйства великаго князя. Въ каждомъ округѣ, которымъ управлялъ намѣстникъ-державца или тивунъ, находилось обыкновенно нѣсколько великокняжескихъ дворовъ и дворцовъ. Такъ назывались собственно усадьбы, въ которыхъ находились хоромы и кѣлти для великокняжескихъ урядниковъ и челяди и разныя хозяйственныя постройки для храненія хозяйственныхъ припасовъ, какъ-то: подкѣлти и погреба; свирни (амбары), елунцъ (риги) и гумна, стайни (хлѣва), околы и т. д. Въ нѣкоторыхъ дворахъ, которые находились на пути господарскихъ провадовъ изъ Литвы въ Польшу

³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII л. 570—572.

или въ пути на ловы, находились помѣщенія для великаго князя и его свиты ⁴⁾).

Такія усадьбы были и въ городах великокняжескихъ или замкахъ, и въ мѣстахъ, и въ селахъ, и, наконецъ, въ одиночку, на подобіе нашихъ нынѣшнихъ хуторовъ. Такъ, напр., господарскій дворъ былъ въ замѣ или городѣ Минскомъ. Въ 1499 году сидѣвшій въ этомъ городѣ намѣстникъ князь Богданъ Жеславскій жаловался великому князю, „што жъ мѣщане не хотятъ млына городского справляти и гребли сыпати по давному“, и затѣмъ: „которые злодѣи съ поличнымъ приводятъ до мѣста Мѣнскаго або которые влячи або животина при- блудная, то войтъ все собѣ бираль, а ему, намѣстнику нашему, до двора нашего ничего не даивалъ“ ⁵⁾. Господарскій дворъ былъ и въ замѣ Каменецкомъ, какъ это открывается, напримѣръ, изъ листа, выданнаго въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу на держанье въ „заставѣ“ Каменца со всѣми его доходами ⁶⁾. При замкахъ или городахъ обыкновенно находились и поселенія торговопромышленныхъ людей или мѣста. Но иногда замка или города не было, былъ только господарскій дворъ и при немъ мѣсто. Таковъ былъ, напримѣръ, дворъ Довбги, который держалъ въ „заставѣ“ вмѣстѣ со всѣми доходами панъ Богушъ передъ тѣмъ, какъ получилъ въ „заставу“ Каменецъ ⁷⁾. Господарскіе дворы находились и въ селахъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ пожалованій дворовъ съ „людьми“, при чемъ иногда точно обозначается и количество ихъ. Такимъ образомъ, въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ, напр.: „пани Шедиборовой подлѣ Жирмунъ дворъ пашный а къ тому десеть чоловѣковъ“; или: „у Гомен Гарману Радивоновичу дворъ Халче съ людьми и со всимъ“ ⁸⁾. Такіе дворы, впрочемъ, чаще всего назывались дворцами. Въ записи подтвержденій, сдѣланныхъ великимъ княземъ Казимиромъ въ Мстиславскомъ княжествѣ, которое онъ взялъ на себя послѣ крамолы и бѣгства князя Юрья Лингвьевича, находимъ упоминаніе о селѣ Колодезахъ и Красномъ, а позже съ этими названіями являютя уже дворцы Мстиславскіе ⁹⁾. Акты иногда даютъ и прямыя указанія въ этомъ

⁴⁾ Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. I, № 17.

⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 598; Акты Запад. Рос. II, № 161.

⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 4, 13.

⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23; Акты Зап. Рос. I, № 66, 82.

отношеніи. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ Васку Бубу дворець въ Керновскомъ повѣтѣ, „а повѣдилъ передъ господаремъ, што въ томъ дворци пять чоловѣковъ, а пашня дворная“ ¹⁰⁾. Господарскіе дворцы находились иногда и отдѣльно отъ какаго бы то ни было селенія. Такой дворець находился, напримѣръ, въ Кременецкомъ повѣтѣ, „миля отъ города“, какъ выражается за неизмѣнимъ другихъ обозначеній инвентарь „поданья“ Кременца времени короля Казимира ¹¹⁾.

При каждомъ господарскомъ дворѣ или дворцѣ, гдѣ бы онъ ни былъ выстроенъ, находились обыкновенно *дворныя земли и угодья*, сплутировавшіяся непосредственно на господара. Такимъ образомъ, напримѣръ, пашня дворная находилась при дворѣ Волковійскомъ, который былъ административнымъ центромъ всего повѣта Волковійскаго и находился въ мѣстѣ Волковійскомъ ¹²⁾. Если господарскій дворъ находился въ городѣ или замкѣ, такія земли назывались *нерѣдко замковыми или городскими* ¹³⁾. Пашни и угодья дворныя находились, напримѣръ и при дворѣ Лососиной Слонимскаго повѣта, находившемся въ селѣ, какъ это видно изъ привилея на этотъ дворъ, даннаго въ 1505 году князю Василью Львовичу Глинскому ¹⁴⁾. Подобное же указаніе даетъ и привилей короля Сигизмунда, выданный въ 1516 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Жуково въ Лудкомъ повѣтѣ „съ челядью невольною, съ слугами путными и со всеми людьми данными и тяглыми, и съ конюхи, и со всеми ихъ землями и тежъ *дворными*, пашными и бортными, и зъ боры и зъ лѣсы и зъ дубровами“ и т. д. ¹⁵⁾. Само собою разумѣется, что господарскіе дворы и дворцы, лежавшіе отдѣльно отъ селеній, потому и возникали, что въ данной мѣстности были земли и угодья, эксплуатировавшіяся непосредственно на господара. Помимо этого соображенія и въ подкрѣпленіе ему можно привести и прямое свидѣтельство одного акта. Державца Василяшскій панъ Якубъ Кунцовичъ, получивъ отъ воеводы Троцкаго князя Константина Ивановича Острожскаго приказъ „обыскать“ въ Василяшскомъ повѣтѣ восемь служебъ людей и три земли пустыхъ для дворянина господарскаго Янушка Богдановича Сопѣжича и не

¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 215.

¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 107—108.

¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

¹³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 151; II, № 102, 114.

¹⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 218.

¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592.

розыскавъ одной земли, взаѣмъ ея даль, какъ гласитъ привилей Сигизмунда отъ 8 сентября 1523 года, „поля нашего дворного на сорокъ бочоковъ а сѣножатей на двѣ стърть на рѣцѣ на Невими, отъ двора нашего Василишскаго въ мили, а на томъ дей поли у дворицѣ паробокъ живаль, и воли на томъ поли жыто на насъ сѣвано, оуъ того жыта стерегиваль“¹⁶⁾. Изъ этого видно, что нѣкоторыя господарскія дворныя пашни и угоды иногда переставали эксплуатироваться и въ такомъ случаѣ шли обыкновенно въ раздачу служилымъ людямъ наравнѣ съ другими „пустовскими“ землями. Относительно этого въ свою очередь можно привести еще болѣе опредѣленное указаніе источника. Въ 1511 году дворянинъ Семень Ивановичъ, получивъ отъ короля на вѣчность село Тугановичи въ Новгородскомъ повѣтѣ Цѣринской волости, — „просилъ въ насъ, — читаемъ въ привилей Сигизмунда, — земли наше дворное и сѣножати на имя Церкевишча отъ Сервечи рѣки у верхъ по рѣцѣ Пѣгушовцѣ по Скитертичы, подлѣ тыхъ же своихъ людей, на пашню дворную; и повѣдиль намъ, штожь дей таа земля лежить пуста, а пашни дей дворное окромъ того досыть“¹⁷⁾.

III.

Собственное хозяйство великаго князя заводилось обыкновенно на такихъ земляхъ и угодахъ, которыми никто помимо не владѣлъ и не пользовался. Такія земли и угоды находились обыкновенно всецѣло въ распоряженіи господара великаго князя, и никто не могъ занимать ихъ и пользоваться ими безъ разрѣшенія господара или его урядниковъ. Великіе князья литовскіе со временъ Ягелла и Витовта въ своихъ грамотахъ, данныхъ князьямъ, панамъ, боярамъ, земьянамъ и мѣщанамъ, признавали за ними только отчины ихъ, т. е. имѣнья, которыя они унаслѣдовали отъ предковъ, выслуги и купли, на которыя они имѣли листы или другія достаточныя доказательства, и не признавали права занимать самовольно и эксплуатировать какія либо другія земли и угоды, хотя бы и пустыя, не состоящія ни въ чѣмъ пользованіи¹⁸⁾. Такъ, напр., когда бояринъ Курклевскій Ганусъ „безъ позволенья“ господарскаго распахаль пущу въ Ракишскомъ повѣтѣ

¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 133, 134.

¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 404.

¹⁸⁾ *Dzialynskiego Zbiór praw litewskich*, str. 7—20; Акты Зап. Рос. I, 61; Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 3—9; 12—15; Литовскій статутъ 1529 года, раздѣлъ I, арт. 8.

и посадили за собою государскихъ людей, а также и своихъ собственныхъ, в. князь Александръ отобралъ у него эти роспаши и велѣлъ ему свести оттуда своихъ людей, а обработанные имъ участки вмѣстѣ съ сидѣвшими на нихъ государскими людьми пожаловалъ въ 1499 году пану Григорью Остиковичу ¹⁹⁾. Въ силу этого всѣ земли и угодья, всѣ имѣнья, оставшіяся почему-либо безъ владѣльцевъ, „спали“ на господаря. На господаря спалили земли и угодья его крестьянъ, которые почему-либо покидали ихъ или вымирали, какъ это будетъ видно изъ многочисленныхъ примѣровъ въ послѣдующемъ изложеніи. Впрочемъ, крестьянскія земли и угодья, какъ увидимъ ниже, и безъ того считались государскими и были скорѣе въ пользованіи крестьянъ, чѣмъ во владѣніи. На господаря в. князя спалили и земли государскихъ мѣщанъ, умершихъ безъ наследва. Въ 1500 году 18 декабря великій князь Александръ пожаловалъ, напр., мынцарю своему Индрыху Шлявгирю „зрунты и сѣножати въ Ковенскомъ повѣтѣ въ мѣстскомъ фридѣ и лѣсѣ промежи нивѣ тыхъ и сѣножателей“, которыя спали на отца его короля Казимира, послѣ того какъ мѣщане ковенскіе, „господары тыхъ нивѣ и сѣножателей и людей“, померли, „а наследковъ въ нихъ ничего ся не осталось“ ²⁰⁾. На великаго князя спалили и землянскія имѣнья, какъ это видно, напр., изъ привилея короля Александра отъ 21 января 1506 года, выданнаго дворянину Ивану Хребтовичу на разныя имѣнья, между прочимъ на Портско, которое принадлежало землянину Луцкому Юхну Защитовскому, а по смерти его—брату его Михну: „и какъ тотъ Михно умеръ,—читаемъ въ этомъ привилеѣ,—ино никого ближнихъ Юхновыхъ Защитовского къ тому имѣнью Портску не было, и на насъ, на господаря, то спало“ ²¹⁾. Въ первомъ очеркѣ было указано на нѣсколько случаевъ, когда спалили на господаря крупныя княжескія имѣнья, оставшіяся „безъ наследковъ“, напр., Пинскъ, Кобринъ, Городецъ, Туровъ и др. Въ грамотѣ на права и вольности, выданной князьямъ, панамъ, боярамъ и землянамъ Киевской земли, находимъ на этотъ счетъ и общее опредѣленіе: „а дѣтей не будетъ, ино ближнему; а будетъ пустый человекъ, ни дѣтей, ни племени: ино на насъ (господаря) то имѣнье“ ²²⁾. Такимъ путемъ въ распоряженіе господаря переходили и населенныя земли и угодья, съ которыхъ ему должны были идти разныя службы

¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 145--147.

²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 110.

²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 248.

²²⁾ Литы Зап. Рос. II, № 30.

и доходы, и земли и угодья пустыя, не занятыя и не эксплуатируемыя. Эти послѣднія великій князь раздавалъ на разныхъ условіяхъ разнымъ людямъ или оставлялъ ихъ впускѣ, или же устраивалъ на нихъ собственное хозяйство. Такъ, напр., при великомъ князѣ Александрѣ „справленъ“ былъ дворецъ Кгойдутипки въ Мемижскомъ повѣтѣ на пустовскихъ земляхъ: Ляховой, Селивановой, Лутковой Черневича, Бутковой Кохновича и Гостиловой ²³⁾. Разумѣется, господарскіе дворы и дворцы справлялись иногда и на земляхъ, не тронутыхъ еще культурой, въ такъ называемыхъ „пущахъ“, т. е. глухихъ и дивихъ лѣсныхъ заросляхъ. Исключеніе изъ общаго порядка представляла только Жмудская земля, жители которой въ своихъ интересахъ добились отъ великаго князя (повидимому, Казимира) обѣщанія не расширять своего хозяйства на пустопорожнихъ земляхъ, не строить новыхъ дворовъ, кромѣ тѣхъ, которые существовали уже во времена Витовта ²⁴⁾.

Какъ и когда могло установиться такое право великаго князя на всѣ незанятая земли и угодья, исключившее право самовольнаго занятія ихъ и эксплуатаціи другими лицами? Чтобы могло установиться это право, нужно было: во-первыхъ, чтобы князь въ достаточной мѣрѣ овладѣлъ обществомъ; во-вторыхъ, чтобы обозначились предѣлы государственной территории, которая могла сама въ себѣ заселяться, и въ-третьихъ, чтобы земля получила экономическую цѣнность. Всѣ эти условія стали опредѣляться въ западной Руси и до литовскаго владычества подобно тому, какъ опредѣлились они въ то время и въ сѣверо-восточной Руси. Несомнѣнно, что и князья Рюриковичи въ западной Руси, особливо тамъ, гдѣ они прочно осѣлись, уже успѣли настолько овладѣть мѣстными обществами, чтобы всѣ незанятая еще земли и угодья взять въ свое распоряженіе и располагать ими по своему усмотрѣнію и въ своихъ интересахъ. Несомнѣнно также, что и предѣлы территорій княжествъ установились также до утвержденья литовскаго владычества. И, наконецъ, несомнѣнно также, что земли и угодья приобрѣли уже нѣкоторую экономическую цѣнность съ утвержденьемъ осѣлости, развитіемъ сельскаго хозяйства и ограниченіемъ предѣловъ княжествъ. Указанія на это можно найти и въ Русской Правдѣ, и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ, и въ немногихъ актахъ, уцѣлѣвшихъ отъ этого времени. Однимъ словомъ, уже до литовскаго владычества должна была выработаться и находить себѣ приложение въ жизни во многихъ мѣстностяхъ западной Руси идея, что всѣ незаня-

²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, г. 358

²⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 103.

тыя земли и угодыя въ княжествѣ, никому не принадлежащія, суть княжескія. Такимъ образомъ, литовскіе князья въ данномъ случаѣ вступали только въ права русскихъ князей Рюриковичей и затѣмъ въ свою очередь передали ихъ великому князю, соединившему въ своихъ рукахъ бывшія удѣльные княжества.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что нѣтъ нужды выводить происхожденіе поземельной господарской собственности на Руси Литовской изъ завоеванія, какъ это сдѣлалъ Ярошевичъ и В. Б. Антоновичъ ²⁵⁾. Но съ другой стороны нельзя и отрицать значенія утвержденія литовскаго владычества въ исторіи землевладѣнія на Руси Литовской, какъ это сдѣлалъ г. Владимірскій-Будановъ ²⁶⁾. Съ литовскимъ занятіемъ снова высоко поднялся престижъ княжеской власти въ западной Руси, распатанный и поникшій въ смутную эпоху XIII вѣка. Вмѣстѣ съ этимъ должно было окончательно выясниться и утвердиться право князей на всѣ незанятые земли и угодыя въ предѣлахъ княжествъ, право, которое до этого времени врядъ ли повсюду въ западной Руси достаточно полно опредѣлилось и находило себѣ должное признаніе. Литовскіе князья должны были дорожить землею и угодыями въ большей степени, чѣмъ ихъ предшественники, князья Рюриковичи, въ особенности XI и XII в. в., такъ какъ эти земли и угодыя при подвижности тогдашняго крестьянскаго населенія, сбитаго съ своихъ насиженныхъ мѣстъ, съ полей и промысловыхъ „ухожаевъ“, въ смутную эпоху XIII в., давали возможность князьямъ устанавливать экономическую власть надъ прибывавшимъ крестьянствомъ, давали возможность развивать собственное сельское хозяйство и промыслы и такимъ образомъ эксплуатировать крестьянскій трудъ. Не лишено было при этомъ значенія и то обстоятельство, на которое указываетъ г. Антоновичъ, именно необходимость для литовскихъ князей подъ сильнымъ давленіемъ внѣшнихъ враговъ увеличивать военныя силы путемъ раздачи земельныхъ участковъ разнымъ людямъ съ обязанностью военной службы. Благодаря всему этому всѣ незанятые земли и угодыя очутились въ распоряженіи князей и *de jure* перестали быть объектомъ самовольнаго занятія и эксплуатаціи со стороны частныхъ лицъ. Такимъ образомъ, литовское занятіе западной

²⁵⁾ *Obraz Litwy pod względem jej cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Część I, § 63—66. Wilno 1844; Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи, т. I, стр. 138 и слѣд.*

²⁶⁾ *С. его „Помѣстное право въ древнюю эпоху Литовско-Русскаго государства“ въ III книгѣ Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца стр. 63 и слѣд.*

Руси, если не было источникомъ разсматриваемаго права, то все-таки было условіемъ или причиною, въ ряду другихъ, содѣйствовавшей его закрѣпленію и выясненію.

Есть нѣкоторые признаки, указывающіе на то, что идея княжеской собственности съ утвержденіемъ литовскаго владычества достигла даже большей степени въ своемъ развитіи, что князья считали своими собственными и земли занятыя и населенныя. Многія изъ этихъ земель заняты и населены были съ ихъ соизволенія подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей. Эти земли князья естественно считали своими. Этотъ же взглядъ они переносили и на другія земли, занятыя и населенныя безъ ихъ разрѣшенія, но также обязанныя извѣстными повинностями. Чѣмъ ниже былъ общественный классъ въ соціально-политической іерархіи, тѣмъ болѣе удалось имъ провести въ жизнь этотъ взглядъ.

Если уже въ эпоху Русской Правды смерды, по всѣмъ признакамъ, считались владѣльцами княжескихъ земель ²⁷⁾, то при литовскихъ князьяхъ это опредѣлилось уже вполне. Великому князю Витовту полюбилося одно мѣсто, гдѣ сидѣли люди Городенскаго повѣта Олексичи, „и онъ тыхъ людей своихъ Олексичъ,—какъ показывали в. князю Александру мѣстные старожилы,—съ того села ихъ звелъ и посадилъ ихъ на пуши, на ихъ же отчинъ, за Веретею, гдѣ и теперь они сѣдять, а на ихъ селищахъ *справилъ себѣ дворъ*“ (Жорславку) ²⁸⁾. Великій князь Александръ пожаловалъ на вѣчность своему дворянину Сеньку Жеребятичу земли въ Путивльскомъ повѣтѣ, *купи нѣкоторыхъ „людей“ Путивлянъ: „подъ Богданомъ Милковичемъ дву братьевъ куплю, а отна его Павла и дядка его Максима; а подъ Дробышомъ, Жолвзскимъ сотникомъ, на имя Порозъ куплю; а подъ Олтухомъ—Кгиреевскую куплю; а подъ Ильинскимъ попомъ, што купилъ у Бобловича; а подъ Орскекиничомъ Давыдомъ Городисское волости и тежъ Нехлѣбовскую куплю Жолвзское волости“*; владѣльцы земель вслѣдствіе этого пожалованья, какъ обыкновенно бывало, должны были или служить дворянину Жеребятичу, или идти съ своихъ земель прочь. Они выбрали было другой путь и затѣяли съ дворяниномъ Жеребятичемъ тяжбу предъ великимъ княземъ, жалуясь, штожъ онъ тыхъ ихъ земли отчинные въ насъ (в. князя) выпросилъ“. Великій князь

²⁷⁾ См. В. И. Сергѣевича Русскія юридическія древности, 173—176.

²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 266.

оставилъ ихъ жалобу безъ послѣдствій и написалъ въ новомъ привилеѣ, выданномъ по сему случаю Жеребятичу: *„Ино, хотя быхмо и тыи самыи люди наши данныи ему дали, то естъ въ нашей воли господарской; тыхъ людей жалобы есмо выслухавши, и земель, тыхъ купель, въ Сенка есмо не отняли и еще есмо ему къ тому придали подъ Игнатовою на имя Бородавкою землю, куплю ее, што она мужа своего Игната купила“*²⁹⁾. Въ актахъ изучаемаго времени находимъ множество примѣровъ пожалованій великими князьями земель и угодій подъ своими господарскими „людьми“ или крестьянами. Такъ, напр., въ книгѣ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ слѣдующую запись: „Юрю у Видуляхъ подъ двѣма чоловѣки, подъ Диркседемъ и зъ братомъ, земля, а самыхъ выгнати“; или: „пану Носутѣ селища подъ бобровники, а бобровники согнати“³⁰⁾. Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ писарю Михаилу Васильевичу село Свиныхи съ людьми во Владимирскомъ повѣтѣ и приказалъ мѣстному старостѣ дать ему въ то „увязанье“. Но староста не хотѣлъ этого сдѣлать, потому что люди пожалованнаго села имѣли отъ короля особый листъ, въ которомъ онъ обѣщалъ не отлучать ихъ отъ замка Владимирскаго. Тогда король написалъ старостѣ: „которые въ томъ селѣ слуги путныи, въ которыхъ нашъ листъ будетъ, тыхъ Михаилу не дали есмо: всхотять ли они по своей доброй воли ему служить, и они нехай ему служить; а не всхотять ли ему служить, и они, земли свои оставившы, мають пойти прочь, гдѣ хотячы, а Михайло собѣ тыи земли людьми осаживаетъ прихожими; нежли, которые люди тагылые естъ въ томъ селѣ и листу нашего не мають, тые мають ему служить“³¹⁾. Разумѣется, безъ нужды государь не дѣлалъ практическаго приложенія такого взгляда на крестьянскія земли и угодья, которыя повтому *de facto* находились въ наслѣдственномъ пользованіи крестьянъ, а съ точки зрѣнія поземельныхъ отношеній крестьянъ другъ къ другу и *de jure*. Но отсюда, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, еще далеко до „полнаго права вѣчнаго и потомственнаго владѣнія ихъ землями наравнѣ съ землянами и боярами“, которое признаетъ за ними г. Владимірскій - Будановъ въ своей статьѣ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ го-

²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 43, 67.

³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 551, 552.

сударствѣ XVI вѣка³²⁾. Точно также нельзя согласиться съ нимъ и въ томъ, что конецъ правамъ крестьянъ на землю положила будто бы волочная система: приведенныя указанія источниковъ говорятъ о томъ, что крестьяне не имѣли этого права и до введенія волочной системы.

Есть даже данныя и на то, что идея господарской собственности сдѣлала нѣкоторые успѣхи даже по отношенію къ землямъ и угодьямъ воннослужилаго класса. Въ эпоху Русской Правды землевладѣніе княжеской дружины по всѣмъ признакамъ не было въ такой зависимости, какъ въ XIV вѣкѣ, когда князья властвовали въ поземельныхъ отношеніяхъ боярѣ и слугѣ, регулировали и направляли ихъ по своему и въ своихъ интересахъ, главнымъ образомъ—въ интересахъ военной службы, которая содержалась теперь съ земли. Среди постоянной вербовки служилыхъ людей и раздачи имъ помѣстій изъ княжескихъ земель (терминъ „помѣстье“ по старой памяти употреблялся въ теченіе всего изучаемаго времени³³⁾) затемнилось и отошло на задній планъ представленіе о свободной боярской земельной собственности и выдвинулось впередъ представленіе о землѣ, съ которой идетъ военная боярская служба князю, и которая, поэтому, находится въ распоряженіи князя, есть въ извѣстномъ смыслѣ его господарская земля. Это представленіе не умирало и послѣ того, какъ права литовско-русскихъ боярѣ были обезпечены дарованіемъ имъ извѣстныхъ привилеевъ по образцу польскихъ шляхетскихъ³⁴⁾. Поэтому великіе князья считали себя въ правѣ жаловать князьямъ и панамъ въ составѣ извѣстной волости или крупнаго имѣнья и земли, съ которыхъ шла боярская служба. Такъ, великій князь Александръ, подтвердилъ на вѣчность князю Василию Михайловичу Верейскому замокъ Любечъ и дворы Койдановъ, Рубежевичи, Усу, Старинки, Исlochъ, Воложино и Радшковици съ волостями, данныя ему королемъ Казимиромъ; въ составѣ этихъ имѣній записалъ также и села боярскія со всѣми ихъ

³²⁾ Кіевскій Сборникъ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая, стр. 357-358. Кіевъ 1892.

³³⁾ См. *Владимірскаго-Буданова* „Помѣстное право въ древнюю эпоху литовско-русскаго государства“ въ Чтеніяхъ въ Обществѣ Нестора Литвинца, кн. III, стр. 89; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, 160, 161; XVI, л. 136; о помѣстьяхъ говорить и извѣстная грамота Мендого, коею онъ позволилъ литвинамъ записывать Ордену свои имѣнья отчанныя и ленныя, *si a nobis teneantur in feudo. Jaroszewicza* *Obraz Litwy* I, § 63.

³⁴⁾ См. общеземскіе привилеи 1413, 1457, 1492 гг. и областныя.

землями и угодьями, при чемъ разъяснилъ: „которымъ бояромъ своимъ подавали князь Василей и его княгини и дѣти ихъ, то бояре мають держати, а съ того мають служити князю Василью и его княгини и дѣтемъ ихъ; и тежъ, котормы бояре отчичы тыхъ имѣней, тыи имъ жо мають служити; а пацъ ли бы зъ нихъ котормы ихъ бояре приѣждчи або отчичы тыхъ имѣней не хотѣли имъ служити, а они доброволе со всимъ своимъ мають поити отъ нихъ прочъ, а тыи имѣнья и люди маеть князь Василей и его княгиня и ихъ дѣти держати и на себе взати“³⁵⁾. Подобныя же права давались и панамъ; такъ, напр., король Сигизмундъ утвердилъ за паномъ Яномъ Литаворомъ дворъ Свержно въ Новгородскомъ повѣтѣ со всѣми селами и людьми, въ томъ числѣ и боярами: *et cum omnibus nobilibus ac bojaris, hactenus dictis bojaris Mieszyczy et Liebiedziowicy, qui debent servire servicia nobilium; et si noluerint, extunc relictæ terra pro ipso Johanne Lithawor cum rebus suis mobilibus, quibuscunque poterint, quo voluerint migrare sine quovis aresto*“. Исключеніе изъ такого общаго порядка составляли только такія имѣнія, на которыя боярамъ давались спеціальныя привилегіи, что они никому не будутъ служить съ нихъ, кромѣ господаря³⁶⁾. Служба, лежавшая на боярскихъ земляхъ, несмотря на дарованіе боярамъ привилегій польской шляхты, вообще дѣлала боярское землевладѣніе въ извѣстной степени зависимымъ и условнымъ. Такъ, напр., несмотря на дарованіе права *vendendi, commutandi, alienandi, donandi*, боярамъ можно было продавать по частямъ или цѣликомъ свои имѣнья лишь при томъ условіи, если отъ этого не страдаютъ интересы службы и во всякомъ случаѣ съ разрѣшенія господаря, а не только съ вѣдома его. Такъ, великій князь Александръ въ 1495 году позволилъ служебнику пана Юрья Пацовича Сеньку купить землицу у бояръ Ёйшишскихъ лишь потому, что „тыи бояре опришныя землицы мають, съ чога намъ службу земскую заступати“³⁷⁾. Въ 1499 году тотъ же великій князь Александръ утвердилъ за паномъ Яномъ Литаворомъ Хребтовича дворець, купленный имъ у тивуна Цѣринскаго Яцка по слѣдующему мотиву: „и тотъ Яцко повѣдилъ передъ нами, што жъ скупилъ въ бояръ Цѣринскихъ въ кого нивку, а въ кого сѣножатку, и дворець собѣ тамъ нарядилъ, а намъ съ тыхъ бо-

³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 90. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 222.

³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390; Акты Зап. Рос. I, № 139.

³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 52.

яръ служба сполна идетъ“³⁸⁾. Съ характеромъ болѣе независимой собственности являются только панскія имѣнья и княжескія, уступленныя господаремъ ихъ владѣльцамъ „со всемъ правомъ и панствомъ“. Конечно, и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, бывшая и по отношенію къ нимъ *conditio sine qua non* владѣнія, но, по крайней мѣрѣ, господарь не считалъ эти имѣнья своими и не передавалъ своей верховной власти надъ ними никому, потому что все, что онъ могъ передать изъ своей верховной власти частнымъ лицамъ, въ сущности было уже передано ихъ владѣльцамъ. Въ этомъ отличіе пановъ отъ простыхъ бояръ, отличіе, которое позволяетъ установить точный, юридическій смыслъ соціального термина „панъ“³⁹⁾.

Что касается земель мѣщанъ, то они находились въ одинаковомъ положеніи съ землями военно-служилого класса (земскіе привилеи, начиная съ привилеи Казимира 1457 г., распространялись и на мѣщанъ). Такимъ образомъ, были мѣщанскія земли, съ которыхъ доходы и службу господарь могъ передать частному лицу, и были такія, на которыхъ не распространялось это право. Такъ, король Александръ пожаловалъ дворянину Петрашку Епимаховичу мѣщанъ Полоцкихъ Оксерчинича съ его братьею, Ивана Козича съ братьею, Саву Микитинича съ братьею — Вшачанъ (Ушачанъ), Матоея съ братьею и Исидора съ братьею Телитиничей съ ихъ землями, а король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ „данину“ брата— „тымъ обычаемъ: если они ему всхотятъ служити по своей доброй воли тою службою, которою служили отцу и брату нашему, королемъ ихъ милости, и они нехай служить, а не всхотѣли ль бы ему служити, и они нехай идутъ, куда хотятъ, земли свои оставивши“⁴⁰⁾. Иногда великіе князья жаловали князьямъ и панамъ цѣлыя мѣста, какъ, напр., Сигизмундъ пожаловалъ князю Федору Михайловичу Чорторыйскому мѣсто Литовижъ во Владимирскомъ повѣтѣ или, напр., Яну бискупу Виленскому волость Шовленскую въ Жмудской землѣ „зъ бояры, зъ мѣщаны и со всеми людьми Шовленскими“⁴¹⁾. Но были и такія мѣста и мѣщан-

³⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 160.

³⁹⁾ Срав. противоположное мѣніе у И. Новицкаго въ его „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи“, стр. 15. Кіевъ 1876.

⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 10.

⁴¹⁾ Ibidem, л. 1, 2 кн. Запис. XII, л. 160, 161.

скія земли и угодья, которыя господарь не считалъ себя въ правѣ раздавать во владѣніе частнымъ лицамъ, и которыя въ этомъ отношеніи представляли аналогію панскимъ имѣніямъ. Вышеупомянутые мѣщане Полоцкіе, которые были пожалованы дворянину Петрашку Епимаковичу, откупили у него свои земли за четыреста копѣ грошей и, взявъ съ него листъ, „што жъ вжо ихъ самихъ и ихъ земель не имаетъ поискивать, а ни его жона и ихъ дѣти вѣчно“, били челомъ королю, прося подтвердить этотъ листъ. Король выдалъ имъ особый привилей (2 августа 1511 года), въ которомъ представилъ имъ полное право „тыи земли свои отдати, продати, замѣнити, росшырити, прибавити и еъ своему вжиточному и лѣпшому обернути, какъ сами намлѣпѣй розумѣючи“, прибавивъ съ своей стороны: „а мы вжо не имаемъ ихъ самихъ и ихъ земель никому отдавати, а имаемъ ихъ держати, какъ и имыхъ мѣщанъ Полоцкихъ“ ⁴²⁾. Слѣдовательно, мѣщанъ Полоцкихъ и ихъ земли нельзя было отдавать никому въ частное владѣніе, какъ это и выражено прямо въ пожалованныхъ грамотахъ, данныхъ Полоцкой землѣ и городу Полоцку ⁴³⁾. Подобное же право признано было, какъ извѣстно, и за мѣщанами Витебскими ⁴⁴⁾. Такимъ же правомъ пользовались, повидимому, и мѣщане другихъ крупныхъ мѣстъ въ великомъ княжествѣ, которыя лежали около древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ или замковъ, бывшихъ политическими центрами областей Литовско-Русскаго государства. Такія мѣста во время образованія Литовско-Русскаго государства и долгое время послѣ были видными политическими силами, и потому обезпечили за собою извѣстную самостоятельность и независимость. Эта самостоятельность и независимость при томъ же вполне совпадали съ интересами господаря, которому невыгодно было дариться такими мѣстами.

Какъ бы то ни было, но дворныя господарскія земли и угодья обыкновенно брались изъ числа тѣхъ, которыми никто помимо не владѣлъ и не пользовался. Какъ же онѣ разрабатывались и эксплуатировались на господаря?

IV.

При всякомъ господарскомъ дворѣ была челядь невольная, великокняжескіе паробки съ рабами, которые и составляли прежде всего рабочую силу въ великокняжескомъ хозяйствѣ. Въ „уставѣ“, данной

⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 10.

⁴³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 61, 70.

⁴⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204.

державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ въ 1529 году, на этотъ счетъ находимъ слѣдующее прямое указаніе: „Тежь, абы кождый державца вождого двора, гдѣ есть челядь невольная, быди въ дворѣхъ нашихъ мѣль досыть и овшельи сохи дворныи, абы челядь невольная дворными сохами робыли, къ розмноженью пашни и дворовъ нашихъ“⁴⁵⁾. Работа челяди на дворной пашнѣ не была нововведеніемъ Сигизмундовой „уставы“, но исконнымъ фактомъ великокняжескаго хозяйства, который велъ свое начало отъ временъ русскихъ князей⁴⁶⁾. Кромѣ работъ по воздѣлыванью и уборкѣ пашень, челядь исполняла и разныя другія работы по дому и хозяйству господарскаго двора, напр., стерегла пашню, а женщины пряли ленъ и ткали полотна для господарыни королевы⁴⁷⁾. Жили челядинцы или на господарскомъ дворѣ, или внѣ его, на селѣ и въ своихъ домахъ, имѣя свой хозяйственный обиходъ и свою подвижность—„бонду“, благодаря тому, что у нихъ были свои „приробки“ въ пустыхъ земляхъ⁴⁸⁾. Содержалась челядь невольная „мѣсячиною“, которая отпускалась ей съ господарскаго двора, при чемъ тѣ паробки, которые имѣли свои бонды и свои приробки, получали менѣ сравнительно съ тѣми, у которыхъ ничего не было⁴⁹⁾.

Въ исторической литературѣ была сдѣлана попытка различить паробковъ отъ челяди невольной, принявъ за паробковъ особый классъ невольныхъ людей, который служилъ связующимъ звеномъ между невольниками въ тѣсномъ смыслѣ и отчичами, крѣпостными людьми⁵⁰⁾. Паробки—это будто бы тѣ невольные люди, которые имѣли свои бонды и приробки и вообще пользовались нѣкоторыми гражданскими правами, напр., должны были являться „на сокъ“ (исканье слѣда преступника) вмѣстѣ „съ людьми“. Это де спеціальныя права паробковъ, нигдѣ не относимыя къ челяди, холопамъ, рабамъ (о нихъ прямо даже говорится, что „холопу и рабѣ вѣры не няти“). Но такое различіе паробковъ отъ челяди невольной не имѣетъ подъ собою

⁴⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 31.

⁴⁶⁾ См., напр., *М. Погодина* Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи, т. VII, 49—56.

⁴⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 7.

⁴⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 2; ср. Судебникъ Казимира 1467 о кражѣ паробковъ.

⁴⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 2.

⁵⁰⁾ *И. Новицкаго* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 49, 50.

въ дѣйствительности никакой почвы. Въ уставѣ Сигизмунда, данной державцамъ въ 1529 году, прямо говорится: „абы челяди невольной, которыи мають приробки и бонды свои, по полторы копы жыта на рокъ давано“. Затѣмъ: обязанность паробковъ являться „на советъ“ вмѣстѣ съ людьми могла существовать и при непризнаніи за ними права свидѣтельства, которымъ рѣшалось дѣло. И, наконецъ, недоразумѣніе устраняется прямыми указаніями источниковъ, изъ котораго видно, что слово „паробокъ“ относилось къ мужчинамъ изъ челяди, какъ и слово „холопъ“, а „раба“—къ женщинамъ. Въ „инвентарѣ замку Витебскаго“, составленномъ при Александрѣ, въ описаніи дворца Лужосенскаго читаемъ: „вляча робочая—одна, двѣ коровѣ а теля сеголѣтнее, овецъ трынацать зъ молодыми, козъ—осмъ зъ молодыми, гусей—осмнацать старыхъ и молодыхъ, вепрь—одинъ; а челяди невольное—паробковъ пятнацать, а жонокъ пять, а робятъ малыхъ пятеро“⁵¹). Я не буду распространяться о томъ, откуда бралась эта челядь невольная, такъ какъ этотъ вопросъ достаточно выясненъ въ исторической литературѣ⁵²).

V.

Кромѣ челяди невольной, рабочую силу въ господарскихъ имѣньяхъ составляли господарскіе люди или крестьяне разныхъ наименованій и прежде всего—*тяглые*, иначе (въ Полоцкой землѣ) *пригонные люди*.

Въ „уставѣ“ Сигизмунда для державцевъ дворовъ Виденскаго и Троцкаго повѣта находимъ довольно точное опредѣленіе тяглыхъ людей и ихъ службы: „всеи подданныи наши, которыи суть повинны службу уставичьнѣ служить, то есть, люди тяглыи, тыхъ зоставляемъ для работъ нашихъ дворовъ, яко пашни и подводъ, по старому обычаю“. Итакъ, тяглыми людьми назывались тѣ крестьяне, которые обязаны были работать и ставить подводы на господарскомъ дворѣ или пашнѣ всегда, когда было нужно. Разумѣется, не всѣ они и не постоянно вслѣдствіе этого работали на господаря. На крестьянскомъ участіи, съ котораго шла одна тяглая служба, жилаво обыкновенно по нѣскольку крестьянскихъ семей, имѣвшихъ нѣсколько рабочихъ рукъ и подводъ, изъ

⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261.

⁵²) И. Носицкаго Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 47, 48; В. Б. Антоновича Предисловіе къ II тому VI части Архива Юго-Зап. Рос. стр. 11—13; О. Леонтовича Крестьяне юго-западной Россіи въ Киенскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1863 г., № 10, отд. 2, стр. 16—21.

которыхъ часть всегда могла оставаться на крестьянскомъ хозяйствѣ. Господарское хозяйство не требовало постоянной работы отъ тяглыхъ людей и по тому, что, кромѣ тяглыхъ, въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работъ сгонялись и другіе господарскіе люди, не служившіе тяглою службы, на толоку: „три дни ва паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпомъ жыто жати, а три дни ярыны, а сѣно косити по старому“⁵³⁾. Зимомъ и осенью, когда прекращались полевая работы, тяглымъ людямъ было сравнительно мало дѣла на господарскомъ дворѣ. Вслѣдствіе всего этого экономный Сигизмундъ предписалъ державцамъ своихъ дворовъ „зоставивши людей на дворныи потреби (тыхъ, на што ся вторые потребуютъ,) остатокъ людей тяглыхъ къ пожитку нашему осадити, то есть, або на бочцѣ пшеницы, або вепра будетъ повиненъ подданный нашъ кождый осадного двора нашего къ пожитку нашему дати“⁵⁴⁾.

Кромѣ работъ на господарской пашнѣ и дворѣ, тяглые люди платили господарю такъ называемое *дьякло* и *мезлеву*, — подати натурою со всего, что уродилось и прибыло въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Терминъ „дьякло“ обнималъ собою все, что уродилось и прибыло, за исключеніемъ скота, а „мезлева“ относился исключительно къ скоту. Такимъ образомъ, дьякла были ржанья или житныя, пшеничныя, овсяныя, сѣнныя, пентиничныя(?) и дровныя, а мезлева бралась яловицами, свиньями, баранами, курами и яйцами⁵⁵⁾. О томъ, что тяглые люди платили дьякло и мезлеву, свидѣтельствуетъ, напр., привилей короля Александра, выданный окольнічему Смоленскому Борису Семёновичу на волостку Рокгово, состоящую изъ 35 тяглыхъ человекъ, которыхъ король далъ „и зъ дьякы ржаными и овсяными, и сѣнными, и со всеми платы и доходы, и зъ мезлевою, и съ службами“⁵⁶⁾. Вслѣдствіе этого и люди тяглые назывались иногда дявольными. Такъ, въ 1505 году король Александръ, желая дать имѣніе служилымъ татарамъ Банку и Адеу, писалъ намѣстнику Марковскому: „што бы еси обыскалъ людей нашихъ тяглыхъ дявольныхъ, осмъ служобъ сполна⁴ а три земли пустовскихъ, и имъ бы еси далъ“⁵⁷⁾. Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Немировичу четырехъ чело-

⁵³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 159, арт. 14.

⁵⁴⁾ Ibidem, арт. 13.

⁵⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 9, 10, 11, 12; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 218.

⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

⁵⁷⁾ Ibidem, л. 206.

вѣкъ Ловецкаго десятка въ Новгородскомъ повѣтѣ, при чемъ написать въ привилеѣ: „а повѣдалъ намъ, што то люди дявольные тяглые, а не данные“ ⁵⁸⁾ и т. д. Эти подати перелagались иногда и на деньги, особенно дявла сѣнныя, пентичныя, дровныя и мезлева. Такимъ образомъ, въ записи расходовъ короля Сигизмунда отъ 1509 года читаемъ: „Воеводѣ Киевскому князю Юрью 2 поставы сукна лувьскаго въ Оврама (подскарбія); ему жъ 30 копъ съ сѣнныхъ пенязей Скидельскихъ“ ⁵⁹⁾. О пенязяхъ сѣнныхъ подякольныхъ упоминаетъ и устава короля Сигизмунда данная старостѣ Городенскому пану Юрью Радвильовичу въ 1514 году ⁶⁰⁾. Король Сигизмундъ ввелъ за правило брать деньгами взаменъ дяколъ сѣнныхъ, пентичныхъ и дровныхъ, которыя неудобно было перевозить на мѣста ихъ назначенія (къ городничимъ центральныхъ замковъ) и сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предписанія державцамъ въ 1529 году ⁶¹⁾. Такое же предписаніе сдѣлалъ онъ и относительно мезлевы ⁶²⁾; хотя упоминанія о мезлевщицѣ (мезлева, переложенная на деньги) встрѣчаются и въ болѣе раннихъ актахъ ⁶³⁾.—Тяглые люди иногда платили и другія подати сверхъ дяколъ и мезлевы. Такъ, въ привилеѣ короля Сигизмунда, выданномъ 25 апрѣля 1513 года пану Ивашку Зеновьевичу на пять человекъ тяглыхъ въ Троцкомъ повѣтѣ „у Висмаѣхъ“, читаемъ между прочимъ: „а повѣдалъ намъ, што жъ то люди тяглые, и дякла намъ и тежъ штось меду до ключа Троцкого дають“ ⁶⁴⁾.

Какъ бы то ни было, но дякло было главною податью тяглыхъ людей, взимающеюся едва ли не во всѣхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Кромѣ собственной Литвы мы встрѣчаемъ его, напр., въ землѣ Берестейской: въ 1525 году король Сигизмундъ подтвердилъ пану Андрею Борисовичу Ловеѣ имѣнья Добрынь и Пожежино въ Берестейскомъ повѣтѣ на вѣчность „и съ даными грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ дяклы оржаными и овсяными“ ⁶⁵⁾. Въ той части Берестейской земли, которая удержала названіе Подляшья, мы также встрѣчаемся съ дякломъ: въ 1512 году король

⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 53.

⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 432.

⁶⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

⁶¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 11.

⁶²⁾ Ibidem, арт. 12.

⁶³⁾ См., напр., Акты Зап. Рос. II, № 69.

⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 68.

⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 271, 272.

Сигизмундъ пожаловалъ пану Ивацкѣ Софѣгѣ два двора въ Бѣдскомъ повѣтѣ Кнориды и Березницю со всѣми и между прочимъ сич *datijs alias dziakla*“⁶⁶⁾. Дякло взималось и въ княжествахъ Пинскомъ и Кобринскомъ, какъ это видно изъ многихъ актовъ, относящихся къ изучаемому времени, и помѣщенныхъ въ „Ревизіи, пуцѣ и переходовъ звѣриныхъ въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ“⁶⁷⁾. О взиманіи дякла въ Кіевской землѣ свидѣлствуетъ, напр., привидей пану Альбрехту Гапшольду, въ силу котораго король Сигизмундъ пожаловалъ ему селище Жудило въ Кіевскомъ повѣтѣ съ человѣкомъ, „который на томъ селищи сѣдетъ“, „и зѣ даньми грошювыми, и медовыми, и бобровыми, и купичными, и зѣ дякы оржаными и овсяными“⁶⁸⁾. Съ дяклами жержаными и овсяными утвердилъ король Сигизмундъ 28 іюля 1525 года за княземъ Александромъ Александровичемъ Сангушковичемъ и сыномъ его Федоромъ имѣнья Заледцы и Тяготяны въ землѣ Волицкой⁶⁹⁾. Въ 1526 году тотъ же король утвердилъ за земьянами браславскими Корутаовичами имѣнья ихъ отчизны, дѣдизны и материзны, на которыя у нихъ сгорѣли дисты-твердости во время нападенья на Пододе татаръ,—также съ дяклами ржаными и овсяными⁷⁰⁾. Наконецъ, о дяклахъ мы встрѣчаемъ упоминаніе и въ актѣ, относящемся до Жмудской земли: въ 1526 году 17 іюня король подтвердилъ „земенину земли Жомонтское“ Абраму Богдановичу имѣнья, полученныя имъ за женою, „у Бирженъскомъ тивунствѣ у Вешвеньской волости, — Биржаны и Коляны „со всими“, и между прочимъ съ дяклами ржаными и овсяными⁷¹⁾.

Дякло было податью, взимавшеюся сверхъ тяглой службы, но оно не было главнымъ признакомъ тяглой службы, какъ утверждаетъ г. Бершадскій⁷²⁾. Дякло платили и люди не тяглые или освобожденные отъ тяглой службы. Такъ, напр., въ „реестрѣ двора Волковійского“ находимъ такія заявленія: „Сторожи Рудницкіе Волковійского повѣту, службы тяглые не служатъ, дякла даютъ, сѣно косать, на войну въ державцею ходять... А дяволь даютъ 18, а по чотыре бочки жыта иъ

66) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 560, 561.

67) Стр. 64, 74, 95, 108, 140, 194, 208, 238, 272, 274, 354, 362.

68) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 37.

69) Литов. Метр. кн. Зап. XII, л. 252, 253.

70) Ibidem, л. 313, 314.

71) Ibidem, л. 306, 307.

72) См. его статью „Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ“ въ Кіевской Старинѣ 1888 г., № 10, стр. 96—98.

дьякъ, по четыре овса⁷³⁾, или: „А то бобровники, службы тяглое не служатъ, дякло даютъ, сѣно косать, на толоку ходять“, и вѣдѣтъ: „А то клепаши, службу служатъ клепацкую, дякло даютъ, сѣно косать, на войну съ державцею ходять, а службы тяглое не служатъ“⁷⁴⁾. Ниже будутъ приведены и другіе прихѣры того, что уплата дякла не была главнымъ признакомъ тяглою службы. Здѣсь же достаточно будетъ указать на то, что акты упоминаютъ о людяхъ *тяглыхъ дякольныхъ*, каковая двойная характеристика была бы совершенно лишняя, если бы дякло было действительно главнымъ знакомъ тяглою службы. Въ актахъ мы встрѣчаемъ и просто „тяглыхъ“ людей, безъ добавленія „дякольныхъ“, и просто „дякольныхъ“. Принимая во вниманіе необыкновенное разнообразіе крестьянскихъ повинностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ⁷⁵⁾, сообразовавшееся съ мѣстною производительностью и потребностями господарскаго хозяйства, а также съ различными привилегіями и изъятіями, ведшими свое начало изъ старины, можно думать, что были тяглые люди, не платившіе дякла, и дякольные люди, не несшіе тягла. По крайней мѣрѣ, въ панскихъ имѣньяхъ мы встрѣчаемъ тяглыхъ людей, не платившихъ дякла⁷⁶⁾, и по аналогіи можемъ заключать и о господарскихъ имѣньяхъ. Что касается дякольныхъ людей, не служившихъ тяглою службою, относительно ихъ мы находимъ и прямыя указанія. Мѣщанину Городенскому Миклашу Дерличичу „спустилъ съ права въ пенязѣхъ... землю свою отчинную челоуѣкъ Городенскаго повѣта Миклашъ Довшевичъ передъ намѣстникомъ старосты Городенскаго пана Станислава Петровича Яномъ Фучинскимъ, который выдалъ мѣщанину листъ, „иже маєтъ онъ съ тое земли Мартиновщины службу тяглую служити и дякло давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ служивалъ и дякла даивалъ“. Но Миклашъ Дерличичъ повѣдалъ королю, „што жъ съ тое земли тотъ челоуѣкъ дрова на замокъ возживалъ и дякла даивалъ, а иншихъ некоторыхъ служобъ не служивалъ и подачокъ не даивалъ“. Король своимъ листомъ отъ 22 юли 1511 года утвердилъ за нимъ землю: „и не казали есмо ему съ тое земли службы тяглое служити, нижи онъ маєтъ съ тое земли службу зъ мѣстомъ, служити и дякло сполна намъ давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ даивалъ“⁷⁶⁾. Поэтому и въ тѣхъ случаяхъ, когда акты говорятъ о дякольныхъ людяхъ, о дякольной землѣ,

⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

⁷⁴⁾ Прихѣръ см. въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

⁷⁵⁾ Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII, № 10.

⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Зап. IX, л. 48, 49.

мельзя разумѣть непременно людей тяглыхъ и ихъ земли ⁷⁷⁾). Въ Новгородскомъ повѣтѣ были, напр., крестьяне, платившіе дьякло пшеницею,—tributarii, ad tributum siliginis et avenae alias dziakła obligati,—и называвшіеся поэтому *пшеничниками* ⁷⁸⁾). Но эти пшеничники прямо отличены отъ тяглыхъ людей въ привилеѣ, выданномъ дворянину Федору Колонтаеву въ 1508 году на дворъ Новгородскаго повѣта Полонку съ людьми ⁷⁹⁾). Если нельзя, такимъ образомъ, считать дьякло главнымъ признакомъ тяглоу службы, тѣмъ менѣе можно отождествлять тягло и дьякло, какъ сдѣлалъ это г. Горбачевскій ⁸⁰⁾.

Итакъ, тяглая служба состояла въ обработкѣ и уборкѣ господарской пашни и въ разнообразныхъ работахъ на господарскомъ дворѣ, для которыхъ сговались всегда, когда было нужно, тяглые люди, именовавшіеся поэтому въ Полоцкой землѣ *пригонными* ⁸¹⁾). Что пригонные люди Полоцкой земли—одно и то же съ тяглыми, видно, напр., изъ привилея, выданнаго королемъ Сигизмундомъ полоцкому боярину Яцку Сеньковичу 19 августа 1511 г. на четыре службы путныхъ людей. „Вишь намъ челомъ,—читаемъ здѣсь,—бояринъ полоцкій Яцко Сеньковичъ о томъ, што есмо перво сего дали были ему людей нашихъ пригонныхъ у Полоцкомъ повѣтѣ на имя Лугинцовъ; и твоя милость (воевода Полоцкій панъ Станиславъ Глѣбовичъ) тыхъ людей ему не подалъ для того, ижъ они къ двору нашему Бѣльчицкому пашню пашуть и вси потягли тянуть“ ⁸²⁾). Въ такомъ же смыслѣ опредѣляется тяглая служба и въ судномъ листѣ по дѣлу людей боярина мстиславскаго Клишка Радчича съ ихъ владѣльцемъ—„о выламованьѣ ему зъ держанья“. Дѣло это разбиралось судьями, „высажонными“ отъ великаго князя Александра, при чемъ жена Клишка Радчича, уполномоченная своимъ мужемъ говорила на судѣ людямъ: „свекоръ дей мой радца выслужилъ дѣдовъ и отцовъ вашихъ и братью вашу на князи Юрьи (Лингвевичъ) вѣчно, и свекру есте моему и мужу служили вы сами и отцы ваши, и братья ваши тяглою службою: съ сохою и съ серпомъ, и съ косою, и съ топоромъ,

⁷⁷⁾ См., напр., Литов. Метр. кн. Зап. V, л. 16; VI, л. 155, 219, 245, 246; VIII, л. 207, 208; IX, л. 187, 188 и др.

⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Зап. VIII, л. 137—139; V, л. 301.

⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 218.

⁸⁰⁾ Словарь древняго актовaго языка Сѣверо-Западнаго Брая и Царства Польскаго, стр. 107. Вильна 1874.

⁸¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 61. 147.

⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 99.

и иную тяглы тянули по тому, какъ и иншіе селаве⁸³⁾. Дякло, взимающееся съ тяглыхъ людей, было только дополненіемъ къ ихъ службѣ, какъ служило оно дополненіемъ къ службѣ и повинностямъ другихъ разрядовъ людей.

Подать эта въ томъ видѣ, въ какомъ она взималась при Казимирѣ и его сыновьяхъ, возникла не на литовско-русской почвѣ, а на польской. Это—зер, отсыпной хлѣбъ или *annonа ducalis*, составлявшая принадлежность *jus ducale* по польскому праву и взимавшаяся также рожью и овсомъ; кромѣ того, при ней брались *vassa, voz, porcus* и тому подобное, что обозначалось словомъ *paggaz* (литовская мезлева)⁸⁴⁾. Не нужно при этомъ думать, что дякло и мезлева были кореннымъ нововведеніемъ: подати натурою взимались и ранѣе, и литовское правительство, вводя дякло и мезлеву по польскому образцу, всего вѣроятнѣе только распространяло и приводило къ одному типу и нормѣ натуральныхъ подати, существовавшія и ранѣе въ литовско-русскихъ областяхъ. О существованіи въ древнее время натуральныхъ поборовъ мы находимъ прямыя свидѣтельства. Такъ, одинъ старожилъ Витебской земли панъ Василій Микуличъ далъ такое письменное показаніе предъ королемъ Казимиромъ о людяхъ Групанахъ и ихъ „пошлинахъ“: „я, господарь, Ольбирда не помню, помню князя великого Витовта, дядю твоего, и то, господарю, помню: даывали пятьдесятъ куницъ княгини великой Витовтовой, зъ дыма по куницы, а по три гроши житшины (взамѣнъ жита натурою), а въ кухню по курети и десяти яецъ (то же самое взималось впоследствии и при дяклѣ) и по полгроша“⁸⁵⁾. Въ Задвинскихъ волостяхъ взимались подати, напоминающія мезлевшину, — *яловщина*, или плата за яловицы, и *коневщина*, замѣнившія собою натуральныя подати, очевидно, давняго происхожденія; яловщина взималась также и въ Могилевской волости⁸⁶⁾.

Кромѣ тяглыхъ людей, на господарской пашиѣ и лугахъ работали и другіе разряды крестьянъ, которые тяглою службы не служили,

⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 67.

⁸⁴⁾ *М. Владимірскаго-Буданова* Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ въ Журн. Минист. Народ. Просв. 1868, авг., стр. 477; *Stanistawa Smolki Mieszko Stary i jego wiek*, str. 147. Warszawa 1881. Срав. *Jarozawicssa Obraz Litwy I*. § 89, гдѣ дякло выводится изъ литовскаго *docle*, давль.

⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 33. Срав. *Archivum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I*, № LXXI.

⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281; Акты Зап. Рос. II, № 86.

но обязаны были ходить на толоку, или подмогу: „три дни на паренину орати, три дни на жыто, а три дни серпомъ жыто жати, а три дни арыны, а сѣно косити по старому“. Старина эта была давняя; по крайней мѣрѣ, упомянутый уже панъ Василій Микуличъ, помнившій Витовтово время, показывалъ королю Казимиру о людяхъ Грушанахъ Витебской земли, что они изстари „къ жниву три дни, и на яръ жъ три дни ходять, а сѣна четыре стырты ставятъ, а на Усоючи езь забиваютъ“. Изъ этихъ крестьянъ, которые ходили на толоку и косили сѣно, на первомъ мѣстѣ можно поставить тѣхъ, которые выходили изъ среды тяглыхъ же людей. Бывало иногда, что количество тяглыхъ служебъ превышало потребности господарскаго двора; въ такомъ случаѣ часть крестьянъ освобождалась отъ тяглой службы, взаменъ которой взимались съ нихъ деньги. Король Сигизмундъ еще въ 1514 году относительно этого сдѣлалъ такое распоряженіе намѣстникамъ-державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта: „И ты, вранникъ нашъ, маешь колько розумѣючи людей на пашню отставить, которыми бы еси мѣлъ достаточно пашню нашу запахати, а ившихъ маешь на пѣязехъ осадити, и съ каждого чоловіка по копѣ грошей въ годъ (беручи), и ты бы еси пенязи въ каждый годъ давалъ до скарбу нашего, а дякла до городничого нашего подлугъ давного обычая; ишіи всякіи доходы наши мають намъ тыи люди давати и на толоку зъ волостью, какъ будетъ обычай, ходити“⁸⁷⁾. По инструкціи 1529 года державцы должны были осадить „остатокъ тяглыхъ людсй“ на бочкѣ пшеницы, или же каждый подданный долженъ былъ дать „вепра“ въ пользу господаря. „А то, въ небытности нашей,—продолжаетъ инструкція 1529 года,—державцы продавши, повинни будуть пѣязи до скарбу нашего отдавати“⁸⁸⁾.

VI.

На толоку ходили и сѣно косили на господаря и крестьяне, которые несли свои спеціальныя службы при эксплуатаціи различныхъ угодій на господаря, каковы были: бортники, бобровники, осочники, псарцы, ловцы, сокольники, свинухи, конюхи, кобыльники, ройтиники, лейти и т. д.

⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 33. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

⁸⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 13,

Бортниками назывались крестьяне, которые завѣдывали господарскими бортами и „подлазили“ ихъ на господара. Что специальная бортничья служба состояла именно въ этомъ, можно видѣть изъ акта по раздѣлу имѣній пана Ивана, городничаго Полоцкаго, съ братьями (отъ 7 августа 1593 года), гдѣ читаемъ между прочимъ: „А виды жъ есмо нѣбнѣя промежы собѣ дѣлили, тогда все дерево бортное на себе выгнали и мѣли есмо ни одному челоувѣу своему дерева бортного давати, одно мѣли подлазники и бортники наши дерево бортное завѣдати и на насъ ходитъ“⁸⁹⁾. Бортники отдавали медъ ключникамъ, замѣняя иногда и денежною данью, такъ что въ этомъ отношеніи приближались къ разряду крестьянъ, которыхъ называли данниками⁹⁰⁾. Кромѣ специальной службы, бортники несли и друіи повинности на господарскій дворъ, напр., давали дякло, какъ это видно изъ одного судебного листа великаго князя Александра по дѣлу людей бортевъ Петва Станковича и Петра Вилгуновича съ бортникомъ Яцкомъ Вештортовичемъ о землѣ⁹¹⁾. Впрочемъ, бортники не вездѣ платили дякло. Въ инвентарѣ двора Волковыйскаго о нихъ говорится, что они „службы тяглое не служатъ и дякло не даютъ“. Въ уставѣ 1529 года бортники поставлены въ числѣ тѣхъ крестьянъ, которые обязаны ходить на толку и косить сѣно.

Бобровниками назывались крестьяне, которые гнали бобровъ на господара, какъ это видно изъ привилея, выданнаго князьямъ, панамъ и землянамъ земли Киевской. „А бобровъ,—читаемъ здѣсь,—по церковниіи селамъ и по князовимъ и по панскимъ и по боярскимъ не гонити: гонити нашимъ бобровникомъ по тымъ полосамъ, куда будутъ бобровницы гонивали великаго князя Витовтову, и нашимъ бобровникомъ по тымъ же полосамъ гонити“⁹²⁾. Въ качествѣ господарскихъ охотниковъ они получали кормы отъ мѣстныхъ крестьянъ, которые жили по близости отъ господарскихъ бобровыхъ гоневъ. Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1514 году 31 марта боярамъ витебскимъ Глѣбу и Андрею Шапкамъ двѣ службы людей въ Илемницкой волости Витебскаго повета, оговорилъ въ привилеѣ: „и вжо тыи люди ихъ не мають бобровниковъ кормити и житницы, и конюховыхъ овсовъ, и горного, и

⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 185.

⁹⁰⁾ Археографич. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. I, № 17. Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 36, 37.

⁹²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 55.

воротного давати, нишли тыи люди со всемъ съ тымъ мають имъ служить“⁹³). Вобровники, какъ видно, изъ инвентаря замка Волковйскаго, службы тяглою не служили, давали дякло, косили сѣно и ходили на толоку.

Аналогичную службу несли и *осочники*, которые стерегли господарскія пущи, чтобы никто безъ права и дозволенья не жегъ въ ней зоды и не билъ звѣрей⁹⁴), а главное—выслѣживали или сочили звѣря, вслѣдствіе чего они и называются въ латинскихъ актахъ *inducisitoros feragium*⁹⁵). Земля осочницкая въ актахъ отличается отъ тяглою; такъ, въ 1513 г. пану Якубу Кунцовичу даны двѣ земли въ Дорсунишскомъ повѣтѣ; тяглая на имя Еитеевщина и осочницкая на имя Андреевщина⁹⁶). Изъ этого видно, что осочники тяглою службы не служили, на что, впрочемъ, находится и прямое указаніе въ „уставѣ“ Сигизмунда; изъ нея видно, кромѣ того, что осочники вмѣстѣ съ боярами или слугами путными ходили на войну, косили сѣно и ходили на толоку.

Осочники готовяли работу для господарскихъ *ловцовъ* и вмѣстѣ съ ними участвовали въ охотѣ, которая проивводилась на господаря. Ловцы подобно осочникамъ не были тяглыми людьми; такъ въ 1521 г. февраля 19 король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность панѣ Яновой Якубовича (Щитовича) Софѣ „у Василишкахъ десеть чоловѣковъ ловцовъ нашихъ Василишскихъ и тяглыхъ людей двадцать служобъ“ и земли пустовскія⁹⁷). Чѣмъ специально служили ловцы, это видно изъ привилея, выданнаго въ 1497 году сентября 11-го на села Лапошь, Брачово и Ревны въ Бранскомъ повѣтѣ, гдѣ читаемъ между прочимъ: „а служобъ дей толко одна шесть въ тыхъ Ревнахъ, и теперь тамъ сѣдятъ шесть чоловѣковъ, служба съ тыхъ людей идетъ довецкая, *зѣръ сочати*“⁹⁸). Существовалъ, кромѣ того, особый классъ

⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 237. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 145—147.

⁹⁴) Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 60. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 566.

⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 26, 27.

⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 95. Срав. Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

крестьянъ, которые служили службу *царскую*, т. е. содержали и дрессировали псовъ для господарской охоты и, кромѣ того, повидимому, также сочили звѣря ⁹⁹⁾.

По господарской охотѣ служили свою службу и *сокольники*, не разъ упоминаемые въ актахъ изучаемаго времени ¹⁰⁰⁾, а также, повидимому, *свинники*, специально сочившіе дикихъ свиней и по актамъ встрѣчающіеся въ имѣньяхъ, находившихся въ Полѣсьѣ ¹⁰¹⁾. По аналогіи съ осочниками можно заключить, что и эти разряды господарскихъ людей не служили тяглою службой, а ходили на толоку и косили сѣно, что было общимъ правиломъ для всѣхъ вообще нетяглыхъ людей ¹⁰²⁾.

Если въ господарскихъ пушахъ сочили звѣря на господара, то въ господарскихъ озерахъ волочили невода также на господара, причѣмъ большая часть рыбы продавалась, а деньги вносились въ скарбъ ¹⁰³⁾. Волочили невода разные крестьяне, но были кромѣ того и такіе на которыхъ это возложено было, какъ специальная повинность. Въ запискахъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Пану Ондрею Немировичу... озеро Черешло да семь чоловѣковъ, што къ тому озеру слушаетъ“ ¹⁰⁴⁾, Даже охраненіе озеръ составляло иногда специальную повинность крестьянъ. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Николаю Николаевичу Радвильовича озеро Орне въ повѣтѣ тивунства Виленскаго „и зъ двѣма чоловѣки, сторожи того озера, на имя Николая Войштовтовича а Степана ...видовича, которые дома свои близко того озера мають“ ¹⁰⁵⁾. Были затѣмъ крестьяне, специальная служба которыхъ состояла въ плетеніи неводовъ для господарскаго двора. Въ 1504 году декабря 12 король подтвердилъ вѣзю Василью Львовичу Глинскому людей, кромѣ тѣхъ, „што неводы къ Берштамъ дѣлають“ ¹⁰⁶⁾.

При нѣкоторыхъ господарскихъ дворахъ, гдѣ было изобиліе луговъ и настбницъ, водились большія стада лошадей, уходъ за которыми составлялъ специальную повинность нѣсколькихъ разрядовъ крестьянъ, каковы были: конюхи, кобыльники, ройтнники, конюкориды

⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 287.

¹⁰⁰⁾ См. напр. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 207.

¹⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 292, 298.

¹⁰²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 14.

¹⁰³⁾ Ibidem, арт. 16.

¹⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 49.

¹⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 220.

¹⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 305.

и лошади. О существованіи конныхъ заводовъ и табуновъ при господствѣннхъ дворахъ узнаемъ, напр., въ заставнаго листа, выданнаго 29 декабря 1515 года пану Яну Якубовичу Щитовича на дворъ Васильшнн Троцкого повета, въ которомъ читаемъ между прочимъ: „а стадо сверець нашихъ и воны стадныя въ томъ дворѣ нашемъ маеть ковати опатуре Гераздо, такъ, какъ бы намъ въ томъ шеоды не было“¹⁰⁷⁾. Въ уставѣ 1629 года подобное приказаніе дается вообще державцамъ, „гдѣ бы кольекъ было стадо у дворѣ нашемъ“¹⁰⁸⁾. Что конюхи принадлежали къ составу сельскаго крестьянскаго населенія, это видно изъ множества жалованныхъ грамотъ на конюшны съ ихъ землями и угодьями, на земляхъ пустовскія конюшскія и даже на цѣляхъ села конюшскія. Такъ, король Александръ въ июлѣ 1506 г. пожаловалъ пану Александру Ивановичу Ходковича села въ Жолудеконъ поветѣ Рудовляне, Поплочане и Спудовляне „со всеми тыхъ сель людами... и тежь зъ соланики, и съ конюхи, и съ ковали, которые въ тыхъ же сельхъ межъ тыми жъ людьми живутъ, со всеми тыхъ людей землями“¹⁰⁹⁾. Онъ же пожаловалъ еще въ 1499 г. 22 июля пану Войтеку Кучуковичу восемь пустовщинъ конюшскихъ въ Ейшишскомъ поветѣ „съ нашими землями и зъ гаи, и съ сѣнокатми, и зъ болоти, и со всеми по тому, што давна зъ тымъ земляшъ прислухало“¹¹⁰⁾. Король Сигизмундъ пожаловалъ боярину смоленскому Дробышу сельца „у Смоленскомъ поветѣ у въ Опецкой волости дѣ сарковъ конюшскихъ, на имя Валсовыхъ а Огрицково“¹¹¹⁾. Специальная служба конюховъ была довольно равнообразна, какъ это видно изъ привилей короля Александра, выданнаго въ августѣ 1502 года пану Микитѣ Чилничу на село Радоховку „у Жуповскомъ поветѣ“: „а повѣдилъ передъ нами, — гласить привилей, — што зъ то село есть конюшское; а люди того села передъ тымъ стада нашего стерегивали и иную службу конюшскую служивали“¹¹²⁾. Король Сигизмундъ, отдавая въ 1526 году въ заставу дворъ Васильшнн Троцкого повета пану Яну Ивановичу Веберезинскому, выговорилъ себѣ между прочимъ: „и пры бытности нашей у великомъ князствѣ маеть онъ семь коню-

¹⁰⁷⁾ Латв. Метр. кн. Запис. IX, л. 280, 280.

¹⁰⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, стр. 30.

¹⁰⁹⁾ Латв. Метр. кн. Запис. V, л. 316, 317.

¹¹⁰⁾ Латв. Метр. кн. Запис. VI, л. 140.

¹¹¹⁾ Латв. Метр. кн. Запис. IX, л. 147.

¹¹²⁾ Латв. Метр. кн. Запис. VI, л. 211.

хоть съ того двора нашего посылати къ работѣ коненъ дворянскихъ коней. Изъ этого видно, что служба конюшеская не ограничилась въ уходѣ за мѣстными господарскими конными стадами: конюхова служба шла и въ разнымъ центральнымъ пунктамъ, гдѣ требовалась ихъ служба. И некоторые изъ нихъ специально несли дворянскую конюшескую службу, при самомъ господарѣ и подъ начальствомъ конюшого дворянина, хотя и имѣли свои дома и земли въ волостяхъ, болѣе или менѣе удаленныя отъ обычнаго мѣстопребыванія господаря. Такъ, напр., намѣстникъ Остриновскій панъ Федко Хребтовичъ далъ конюху дворянину Жолнеру съ братьями поле дворянское Хмелнице съ болотомъ Онежинское своимъ въ Остриновской волости „на свидбу“, а король Сигизмундъ 20 сентября 1519 года подтвердилъ ему это ономъ мѣстомъ на вѣчность съ условіемъ: „а намъ съ того конюшескую службу дворянскую служить какъ и передъ тѣми служивали“. Актъ этотъ „правиль“ конюшій дворянскій и Тропцкій, намѣстникъ Волжинскій и Ленинскій панъ Якубъ Кунцовичъ¹¹⁴⁾. Въ той же Остриновской волости король Сигизмундъ въ февралѣ 1529 года далъ конюху дворянину Якубу Барнатовичу Селезню семью Петрашевщину въ придачу къ его отчизнѣ, такъ какъ эта земля была его дядющиною, „а дядюшчю его отчизнѣ умерѣ, и другій сошелъ прощя, а близкихъ къ той земли никого нѣтъ“. Въ заключеніи этого акта, который приказали вписать и вѣсти также конюшій дворянскій, опять встрѣчаемся съ формулою въ родѣ вышупомянутой: „а намъ съ нее службу конюшескую дворянскую служить по тому, якъ инши конюхи ваши дворяне намъ служатъ“¹¹⁵⁾. Изъ этихъ конюховъ, которые ходили за мѣстами и каребѣтани, носили тѣло кобыляничковъ. Такъ, 31 декабря 1515 года король Сигизмундъ приказалъ лошадей „шляотно вроженому“ пану Миколаю Мяхновичу Ричковича село Лихиничи въ Волковскій повѣтъ, „вонюжи и кобылянички семнадцать олушобъ“¹¹⁶⁾. Кромѣ своей специальной службы конюхи носили и другія повинности. Въ 1511 году июля 25 король Сигизмундъ выдалъ боярину воевскому Юргелису Неврашевича дѣсть, вонюжи оны вызволилъ его отъ службы конюшеской: „а даялъ съ земли Лихиничны, полумельной имъ отъ воеволя Александра и вонюжи конюшескую службу“¹¹⁷⁾. Въ этомъ же году августа 7 король Сигизмундъ пожало-

¹¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 86. (Литовскій Метр. кн. Запис. XI, л. 84, 86.)

¹¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 99, 100. (Литовскій Метр. кн. Запис. IX, л. 99, 100.)

¹¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 418. (Литовскій Метр. кн. Запис. XII, л. 418.)

¹¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 155, 156. (Литовскій Метр. кн. Запис. IX, л. 155, 156.)

¹¹⁷⁾ Ibidem, л. 51. (Литовскій Метр. кн. Запис. IX, л. 51.)

валъ дворянину Костѣ Пищикову „жеребей зъ людьми въ Берестейскомъ повѣтѣ у Збировѣхъ, конюховъ... на имя Дровниковъ и зъ нихъ братьею и дѣтми ихъ... и со всеми тыхъ людей службами и податми, и зъ данью грошевою и медовою, и кунничною, и зъ дякы, и со всеми съ тымъ, какъ на насъ держаны“¹¹⁸). Конюшская служба бывала иногда только дополненіемъ въ тяглою, вслѣдствіе чего по актамъ нередко приходится встрѣчаться съ *тяглыми конюхами*. Тяглыхъ конюховъ встрѣчаемъ, напр., въ числѣ крестьянъ, которыхъ король Сигизмундъ утвердилъ на вѣчность въ концѣ мая и въ началѣ іюля 1511 года за паномъ Якубомъ Кунцовичемъ¹¹⁹). Но вообще конюшская служба освобождала отъ тяглою, и конюхи въ актахъ отличаются отъ тяглыхъ людей. Нѣкоторыхъ изъ слонимскихъ конюховъ, предки которыхъ „передъ тымъ служивали службу конюшскую“, волостные люди Дятловскаго десятиа привернули было къ себѣ въ тяглую службу. Но, когда конюхи слонимскіе Брютчане „очивисто“ передъ королемъ ихъ „за ся прискали къ себѣ въ конюшскую службу“, король Сигизмундъ освободилъ ихъ отъ тяглою службы и велѣлъ „служить службу конюшскую“¹²⁰). На этомъ основаніи и конюшская земля отличается отъ тяглей: въ 1508 г. марта 5 король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Иванку Янковичу нѣкоторыхъ людей „въ Городенскомъ повѣтѣ въ Мокреци“, „а въ тому двѣ земли пустовскихъ тамъ же: одну конюшскую, а другую тяглую, на имя Талютевщину а Барсуковщину“¹²¹).

— Рядомъ съ конюхами въ актахъ упоминаются обыкновенно *конокормцы* и *ленти*, которые, повидимому, несли службу также по содержанию и уходу за господарскими военными стадами. Въ 1516 году января 5 король Сигизмундъ „заставилъ“ пану Богущу Боговитиновичу дворъ Троцкаго повѣта Довгги, какъ гласитъ заставной листъ, „зъ мѣстомъ и со всеми людьми нашими Довговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ ленти, и съ конокормцы и со всеми ихъ службами“¹²²). 26 января того же года король заставилъ дворъ Троцкаго повѣта Жолудовъ кн. Василью Андреевичу Полубенскому также со всеми людьми „данними и тяглыми, и съ конюхи, и зъ ленти и со всеми ихъ службами“¹²³). Такіе же перечни мы встрѣчаемъ и въ за-

¹¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 96, 97.

¹¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 486—488; IX, л. 2—4.

¹²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

¹²¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 289.

¹²²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

¹²³) Ibidem, л. 114, 115.

ставныхъ листахъ, выданныхъ: пану Миколаю Ставиславовичу, старостичу Жомойтскому, на дворъ Оникшты 7 января 1516 г.; пану Юрью Григорьевичу Остиковича на тотъ же дворъ Оникшты 10 июля 1520 года ¹²⁴⁾; пану Якубу Кунцовичу на дворы Волвиники и Лепунъ Троцкого повѣта 25 января того же 1516 года ¹²⁵⁾ и т. д. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что конокормцы и ленти по актамъ встрѣчаются только въ предѣлахъ собственной Литовской земли, гдѣ хозяйство великаго князя велось на болѣе широкую ногу, чѣмъ въ другихъ областяхъ. Конокормцы въ актахъ, писанныхъ на латинскомъ языкѣ, напр., въ привилей, выданномъ въ 1510 году пану Яну Литавору Хрестовичу, называются equorum pabulatores ¹²⁶⁾. Если съ этимъ сопоставить привилей короля Сигизмунда отъ 23 июня 1510 года, коимъ онъ утвердилъ на вѣчность за дворяниномъ Иваномъ Михайловичемъ Дубицкимъ людей конокормцевъ Неждунцовъ Опшменскаго повѣта „со всеми ихъ землями пашными и бортными и съ сѣножатями, и съ гаи, и съ хворостники, и съ выгоны и съ паствами, и съ рѣками, и съ млыны, и со всеми ихъ службами и съ податями“, можно придти къ заключенію, что конокормцами назывались крестьяне, владѣвшіе хорошими выгонами и пастбищами и кормившіе на нихъ вмѣстѣ со своими и господарскихъ лошадей. На это послѣднее находимъ и прямое указаніе въ привилей, выданномъ великимъ княземъ Александромъ въ 1494 году татарамъ Тимирчичамъ на землю Трепунскую, съ которой „здавна кормивали три нони: Жбасъ коня кормиваль, а Русилоеъ съ Убочомъ коня кормиваль, а Юватисъ съ братьею воня кормиваль“ ¹²⁷⁾. Это была ихъ специальная служба, замѣнявшая тяглую, вслѣдствіе чего и конокормцы отличаются обыкновенно отъ тяглыхъ людей. Въ 1523 году декабря 24 король пожаловалъ пану Юрью Ивановичу Ильинича четыре человекъ въ Троцкомъ повѣтѣ (волости) Балтроеева десятва и двѣ земли пустовскихъ: „а повѣдалъ намъ,—гласить привилей,—што жъ тыи люди и земля пустовскіи суть тяглыи, не ленти а ни конокормцы“ ¹²⁸⁾. Различеніе лентей отъ тяглыхъ людей также постоянно встрѣчается въ актахъ ¹²⁹⁾.

¹²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156; X, л. 44, 45.

¹²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157, 158.

¹²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 390.

¹²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 44.

¹²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 68.

¹²⁹⁾ Акт. Зап. (Рос. И., № 119; Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 26, 27 и др.

Въ чемъ состояла спеціальная лейтская служба, разъяснить это намъ не удалось на основаніи изученнаго матеріала. Лейты, кромѣ спеціальной службы, платили и *дякло*. Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ нѣкому Янушку пять человекъ лейтевъ и три пустощины въ Опшменскомъ повѣтѣ на вѣчность: „нехай онъ и его справедливыи наслѣдѣи тыи вышеписаныи люди а тыи три земли пустошкии держать со всеми ихъ землями пашными и бортными и сѣножатями и съ службами тѣхъ людей и зъ ихъ дяклы и со всимъ“¹³⁰⁾.

По уходу за господарскими лошадьми несли свою службу и *ройтиники* („кони воживали“), хотя по актамъ не ясно, въ чемъ именно состояла эта служба¹³¹⁾. Но что это была спеціальная служба, видно изъ одной записи земельныхъ раздачъ короля Сигизмунда, дошедшей до насъ отъ первыхъ лѣтъ его княженья: „Бортку а Якубу Ромашковичомъ дана земля пустая въ Епишвахъ на имя Шулповщина въ ихъ отчизнѣ на ройтинницкую службу“¹³²⁾. Земли ройтиниковъ въ актахъ относятся обыкновенно къ числу крестьянскихъ („людей“), изъ чего видно, что и сами ройтиники принадлежали къ составу крестьянскаго общества; такъ, въ числѣ крестьянскихъ пустошскихъ земель, пожалованныхъ королемъ Сигизмундомъ боярину жмудскому Станиславу Михайловичу „въ Жомойтской земли въ Росейнской волости“ упомянуты, между прочимъ: Ендросовщина ройтиникова, Мицковщина ройтиникова“¹³³⁾.

Кромѣ перечисленныхъ, были и другіе разряды крестьянъ, которые исполняли спеціальныя обязанности по хозяйству великаго князя и не служили тяглою службой. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстно, кромѣ того, что они ходили на толоу и косили сѣно. Въ инвентарѣ замка Волковыйскаго читаемъ, напр.: „*Сторожѣи* Рудницкіи Волевоыйскаго повѣту, службы тяглое не служатъ, дякла дають, сѣно косятъ, на войну зъ державцею ходять“¹³⁴⁾. Упоминаются, кромѣ того, *повозники*, по латыни *vestigarii*¹³⁵⁾, спеціальную службу которыхъ, судя по названію, составлялъ „повозъ“—доставка на мѣсто назначенія разныхъ произведеній господарскаго хозяйства. Сюда же можно отнести и *кухарей*, въ составѣ господарскихъ „подданныхъ“ занимав-

¹³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 349, 350.

¹³¹⁾ Н. Горбачевскаго Словарь древняго актовaго языка, стр. 317.

¹³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176.

¹³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567.

¹³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

¹³⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567; VIII, л. 390.

шихъ среднее положенiя между „людьми“ и боярами-шляхтою. Такъ, они сами владѣли иногда людьми: король Александръ пожаловалъ, а Сигизмундъ подтвердилъ 9 мая 1507 года кухарю Манку „землю пустую у Виленскомъ повѣтѣ у Судеревской волости на има Грибовщину и человѣка, который на половицы тое земли сѣдѣлъ, на кухарскую службу“. Но, съ другой стороны, ихъ самихъ съ землями иногда отдавали во владѣнiе частнымъ лицамъ наравнѣ съ другими крестьянами. Такъ, король Сигизмундъ въ 1520 году пожаловалъ князю Михану Козечичу три двораща во Владимирскомъ повѣтѣ „въ Турыйской волости“ и кухарей Пушку съ братомъ и братаничами, которымъ принадлежали эти дворища ¹³⁶⁾. Къ этому же разряду крестьянъ относятся, повидимому, и *садовники*, двѣ службы которыхъ въ селѣ Рудковичахъ Новгородскаго повѣта король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину Василію Богдановичу Чижу въ 1522 году вмѣстѣ съ двумя службами конюховъ ¹³⁷⁾. Сюда же, какъ извѣстно, принадлежали и *огородники*, воздѣлывавшіе дворные огороды и собственные небольшіе участки ¹³⁸⁾.

VII.

На толоку ходили и сѣно косили на господаря и крестьяне, которые несли свои спеціальныя повинности сообразно съ особенными промыслами, которыми они занимались помимо земледѣлія. Таковы были, напр., *ковали*, или *кузнецы*. Въ инвентарѣ двора Волковыйскаго относительно ихъ находимъ такое указаніе: „А то ковали, даютъ норочи къ двору, въ мѣстѣ живутъ, службы тяглое не служатъ и дякла не даютъ, зъ мѣстомъ подачки платять“ ¹³⁹⁾. Такъ бывало не вездѣ, и ковали жилали по селамъ среди крестьянъ, съ которыми и ходили на толоку и сѣнокосъ къ господарскому двору ¹⁴⁰⁾. Но не всѣ ковали несли издѣльную повинность на господарскій дворъ. Король Сигизмундъ въ 1514 г. предписывалъ намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: „А ковалевъ также маєшь съ потребу

¹³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 155; XV, л. 106.

¹³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 84, 85.

¹³⁸⁾ О нихъ см. *Θ. Леонтовича*, „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI столѣтій“ въ Киевск. Университетск. Извѣстіяхъ 1863, № 11, стр. 28, 29. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 315, 316.

¹³⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651.

¹⁴⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, § 14.

на дворъ дашъ отставити, а иныхъ, маешь на воецѣ осадити, и съ нихъ пенязей съ кожного по копѣ грошей беручи, и до скарбу нашо-го давати“¹⁴¹⁾. Однородную службу съ воевалами несли и *клепачи*, про которыхъ въ упомянутомъ уже инвентарѣ замка Волковыйскаго сказано: „А то, клепачи, службу служить клепацкую, дякло даютъ, сѣно косать, на войну зѣ державцею ходять, а службы тяглое не служатъ“. Въ Витебской землѣ были, кромѣ того, еще *рогатинники*, которые „робили на замокъ Витебскій по полтретяцати рогатинъ съ службы“¹⁴²⁾.

Тяглою службы не служили и *дойлиды* (плотники), а именно дойлидскую, какъ это открывается изъ подтвердительнаго привилея, выданнаго въ 1511 году 29 мая царю Якубу Кунцовичу на людей и земли разныхъ наименованій¹⁴³⁾. Дойлиды, кромѣ своей специальной службы, платили дякло и, вѣроятно, ходили на толобу и косили сѣно подобно другимъ нетяглымъ людямъ. Въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ дойлидамъ Троцкимъ Немойку Кгеичвсу и Татарину дѣлницу умершаго брата ихъ съ условіемъ: „нехай они тую землю держать и съ того намъ службу служить и дякло даютъ по тому, какъ и братъ ихъ съ тое земли намъ служивалъ и дякло даивалъ“¹⁴⁴⁾. Близкую къ дойлидской службу несли *санники*, *бондари*, *судники* и т. д. Среди записей земельныхъ раздачъ, произведенныхъ королемъ Сигизмундомъ въ первые годы его правленья, встречаемъ между прочимъ слѣдующую: „санникамъ Городенскимъ Симону Конововичу, а Игнату Васильевичу и Ходюку Нелѣповичу дана земля пустая у-въ Одельску на санницкую службу Степщевщина“¹⁴⁵⁾. Относительно санниковъ въ инвентарѣ замка Волковыйскаго находится и слѣдующее замѣчаніе: „то санники Волковыйскіе, службы тяглое не служатъ, толко толоку служить а сѣно косать а на войну ходять, а дякла не даютъ“. Бондари также не были тяглыми людьми, какъ это открывается изъ привилея, выданнаго 14 января 1517 г. князю Константину Ивановичу Острожскому на село въ Новгородскомъ повѣтѣ Онохово „зѣ людьми данными и тяглыми, зѣ бондари и зѣ ихъ братьею, зѣ землями пашными и бортными и съ пустоштинами того се-

¹⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

¹⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 40, 41.

¹⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 486—488.

¹⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.

¹⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 71.

ла¹⁴⁶⁾. О судниках находимъ упоминаніе въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ сентябрѣ 1510 года пану Юрью Ивановичу Ильинича на людей и земли: „а въ Новгородскомъ повѣтѣ,—читаемъ здѣсь,—дали есмо ему людей Лучавъ судниковъ съ братьею ихъ“¹⁴⁷⁾.

По актамъ мы встрѣчаемъ и много другихъ ремесленныхъ людей, принадлежавшихъ къ крестьянскому сословію, жившихъ въ селахъ и владѣвшихъ земельными надѣлами. Всѣ они несли свою специальную службу господарю сообразно съ своимъ ремесломъ, если только она требовалась. Въ 1524 году сентября 20 король Сигизмундъ подтвердилъ *кравцу* Сеньку Ѳедоровичу боярскую землю, двѣ части которой онъ купилъ у боярина Городенскаго Юхна Семашковича, а третья часть, „дѣлница брата его Богушова, спала на него жъ по жонѣ его Кахнѣ, дочпѣ того Богуша“. Пожалованье мотивировано тѣмъ, „што онъ, будучы пры насъ, уставичне кравецкою службою намъ служить, шаты на насъ и на послы робить, и обставлено затѣмъ слѣдующею льготою: „а на службу нашу на войну, коли мы сами господарь своего парсуною не поѣдемъ, тогда онъ не маеть съ той земли на службу нашу самъ ѣздити, никого тежъ иного посылати..., нижли маеть намъ служить службою кравецкою“¹⁴⁸⁾. Конечно, съ этой земли, какъ съ бывшей боярской, кравецъ Сенько Ѳедоровичъ не долженъ былъ и на толову ходить, и сѣно носить, но это не было общимъ правиломъ, и кравцы, вѣроятно, подобно всѣмъ вообще нетяглымъ людямъ, должны были нести означенныя повинности.—Въ селѣ Волковичахъ Новгородскаго повѣта, которое выпрашивалъ себѣ у короля Сигизмунда въ 1514 году дворянинъ Василій Влоловъ, по его показанію, жили и люди конюхи и *мучники*, и *муралы*, и *садовники*, и *пташеники*¹⁴⁹⁾. „Муралемъ Городенскимъ и *стрихаремъ* и *меловникомъ*“ король Сигизмундъ въ 1516 году 10 февраля пожаловалъ „у мѣстѣ Городенскомъ“ *корчму* вольную и заказалъ старостѣ, „абы канцязны съ нихъ не бралъ: нехай служить тыми службами, какъ и передъ тымъ служивали“¹⁵⁰⁾. Перечисленные ремесленники, повидимому, принадлежали къ составу того городского населенія, которое находилось въ городскомъ правѣ, а не въ мѣстскомъ, т. е. подъ присудомъ старосты. Но изъ вышеприведеннаго показанія

¹⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157.

¹⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, 386, 387.

¹⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 138.

¹⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 88, 89.

¹⁵⁰⁾ Ibidem, л. 13.

дворянина Влодова видно, что такіе же ремесленные люди жили и во селамъ. Повидимому, всѣ вообще городскіе ремесленные люди, состоявшіе въ городскомъ или замковомъ правѣ, потому и находились въ такомъ положеніи, что коренное ихъ мѣстожителство было въ селѣ, а не въ „мѣстскомъ фридѣ“, какъ выражаются акты. — Изъ записей раздачи имѣній короля Казимира узнаемъ о существованіи въ селлахъ *горньчарей, мучниковъ, кожемякъ*. Горньчарь пожалованъ „у Красносельцѣхъ“ Яну Кротевичу ¹⁵¹⁾; Мишку Бородѣ пожаловано село лучниково Олексѣйково ¹⁵²⁾; пану Иваішку Зеновевичу пожалованы пять человекъ Журидовичи, кожемяки ¹⁵³⁾. Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ городничему Смоленскому Федору Полтевичу земли Колупаевщину и Иванову — „*стрыменниковъ* въ Смоленску у - въ Озариничохъ“: „а повѣдалъ намъ, — читаемъ въ привилеѣ, — што жъ толко съ тое земли хоживали намъ по десятеру стрименъ“ ¹⁵⁴⁾. — Въ 1510 году января 8 король Сигизмундъ пожаловалъ дяку Андрею Милошевичу въ Городенскомъ повѣтѣ четыре службы людей *орбниковъ* „со всеми ихъ землями пашными и бортными и сѣножатями, и зъ дякы, и со всеми съ тымъ, какъ тыи люди намъ служили къ замку нашому Городенскому“ ¹⁵⁵⁾.

Такой службы не служили, замѣняя ее спеціальною, и крестьяне, разработывавшіе на себя различныя мѣстныя угоды, свои собственныя и даже господарскія; нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ того, ходили и на толоку на господарскую дворную пашню и носили сѣно на господаря. Таковы были, напр., *рыболовы, соляники, рудники, угольники, дотяри, млынари* (мельники) и т. д. По инвентарю замка Волковѣйскаго рыболовы служили рыбою, дякла не давали; изъ устава, данной въ 1529 году державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, узнаемъ, что они обязаны были, кромѣ того, ходить на толоку и носить сѣно на господаря. Въ чемъ состояла спеціальная служба рыболововъ, это видно, напр., изъ привилея великаго князя Александра, выданнаго въ 1498 году дворянину Бокю на службу рыболововъ Ущитскихъ въ Бранскомъ повѣтѣ: „а повѣдалъ передъ нами, — читаемъ въ этомъ привилеѣ, — што жъ съ нихъ идетъ намъ дани по

¹⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 8.

¹⁵²⁾ Ibidem, л. 19.

¹⁵³⁾ Ibidem, л. 6.

¹⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 56.

¹⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 334. Срав. Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. IV, т. I, № X.

два бобры а кадъ рыбы, а за орѣхи воденни дають намъ сорокъ грошей¹⁵⁶⁾. Соляники въ Волковѣйскомъ повѣтѣ служили солью, а именно — давали по бочкѣ соли съ службы и по тысячѣ головажень бѣлой соли; кроме того, ходили на войну съ державцею, но службы тяглой не служили и даяла не давали. Тамъ, гдѣ соляники были побѣдѣе, съ нихъ шла одна только соляницкая служба. Такъ, короллю Сигизмунду въ 1511 году повѣдалъ соляникъ Городенскій Станько Юрьевичъ съ сыновьями, „што жъ они служили намъ соляницкою службою, а давали въ каждый годъ по бочкѣ соли на замокъ Горденскій“, и билъ челомъ, „абыхмо тое соли на нихъ брати не велѣли и казали имъ служити службою панцерною“¹⁵⁷⁾. Изъ этого видно, что соляники Городенскіе не несли двухъ службъ, какъ Волковѣйскіе. Принадлежность соляниковъ къ составу крестьянскаго общества особенно ясно видна изъ подтвердительнаго привилея короля Сигизмунда, выданнаго въ 1509 году дворянину Ивашку Есмановичу на дворъ Тальковскій въ Слонимскомъ повѣтѣ со всѣми селами этого двора „и людьми данными и тяглыми, и соленики, и съ чеделью неволною“, со всѣми землями и угодьями этихъ людей, „и зъ даными грошовыми и медовыми, и соляными, а бобровыми и вуничными, и зъ даялы оржецами и овсяными, и съ службами тыхъ людей“¹⁵⁸⁾.

Аналогичную службу, по всей вѣроятности, несли и *рудники*, упоминаемые въ инвентарѣ замка Волковѣйскаго. Здѣсь же упоминаются и *угольники*, которые служатъ службу угольницкую, а даяла не даютъ, только даютъ по вепрю со службы. Въ чемъ состояла угольницкая служба, это видно изъ записи о пожалованіи королемъ Сигизмундомъ въ 1509 году пану Юрью Немировичу двухъ службъ людей въ Новгородскомъ повѣтѣ „у въ Углѣхъ“: „а тыи дей люди оиное службы нивоторое не служатъ, только уголье даютъ въ замокъ Новгородскій“¹⁵⁹⁾. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира встрѣчаемъ *дегтарей*, которые, вѣроятно, служили службу дегтарскую и т. д.¹⁶⁰⁾.

Привилегированное положеніе среди крестьянъ этого разряда занимали *млымары*, или мельники, которые, кромѣ своей специальной повинности, обыкновенно не несли никакихъ другихъ. Въ чемъ со-

¹⁵⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76.

¹⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

¹⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 327.

¹⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 239, 240.

¹⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 48.

стояла ихъ специальная служба, это видно прежде всего, напр., изъ суднаго вырока короля Казимира (отъ 28 февраля 1488 года), коимъ онъ присудилъ „млынарское мѣстцо“ на Ожѣ дочери бывшаго млынаря Доротѣ и ея мужу: „а она маєть,—гласить вырокъ, — на томъ мѣстцы живучы зъ мужемъ своимъ, млынъ нашъ оправляти такъ, какъ отецъ ее млынъ нашъ справлялъ“¹⁶¹⁾. Получаемые на мельницѣ „вымелки“ въ количествѣ двухъ третей шли обыкновенно на господаря, а остальная часть въ пользу самого млынаря. Такъ, король Сигизмундъ, утвердивъ въ декабрѣ 1518 г. за служебникомъ Васкомъ Колчовскимъ три млына подлѣ города Владимира, доставшіеся сему послѣднему по женѣ, бывшей въ первый разъ замужемъ за мельникомъ, оговорилъ въ привилеѣ: „а што ся дотычетъ тыхъ мѣрокъ, што предки его съ тыхъ млиновъ давали, тые мѣрки и теперь онъ маєть на замокъ двѣ мѣрки давати, а ему третей мѣрка“. Предки, о которыхъ здѣсь говорится, давали двѣ мѣрки еще князю Свидригеллу, который и пожаловалъ имъ эти млыны¹⁶²⁾. Млынарскія „мѣстца“ состояли обыкновенно изъ усадебной земли и огородной. Въ декабрѣ 1510 года король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Литавору Хребтовича „млынишчо“ Никлевское въ Берестейскомъ повѣтѣ именно съ огородомъ¹⁶³⁾.

VIII.

Отъ только что перечисленныхъ разрядовъ крестьянъ естественный переходъ къ многочисленному классу *данниковъ*, которые производили свои уплаты господарю большею частью также изъ доходовъ, получаемыхъ отъ эксплуатаціи мѣстныхъ угодій. По крайней мѣрѣ это можно сказать относительно дани медовой, бобровой и куничной, платившейся натурою. Самихъ рыболововъ, соляниковъ, угольниковъ, рудниковъ и дегтярей можно назвать своего рода данниками, но ни въ какомъ случаѣ не тяглыми людьми, какъ это дѣлаетъ, г. Бершадскій, придавая слову „тяглый“ не свойственный ему по времени и мѣсту общій смыслъ¹⁶⁴⁾. Если уже обобщать значеніе слова „тяглый“, то сферѣ можно распространить его на тѣ разряды вѣстѣянъ, которые

¹⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 128.

¹⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 22, 3. Срав. уставу на волоки 1557 г. арт. 23.

¹⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 411.

¹⁶⁴⁾ Кіевская Старина 1888, № 10, стр. 96—98. Срав. также И. Новицкаю Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 13.

несли свою службу при эксплуатациі различныхъ угодій на господара
 яковы были: бортники, бобровники, конюхи и т. д. Душе, однако,
 не дѣлать этого и держаться въ предѣлахъ словоупотребленія источ-
 никовъ, чтобы не вносить путаницы въ изображеніе различныхъ раз-
 рядовъ литовско-русскаго крестьянства. Данники не были тяглыми
 людьми, и вездѣ въ актахъ различаются отъ сихъ послѣднихъ. Такъ,
 въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ пану Яну Немировичу
 четырехъ человекъ въ Новгородскомъ повѣтѣ Ловецкаго десятка и
 двѣ земли пустовскихъ согласно его заявленію, подтвержденному и
 воеводою Новгородскимъ, „што жъ то люди дикольные тяглые, а не
 данные, и тыи земли пусты лежать, а наслѣдковъ въ димѣ дивого
 нѣтъ“¹⁶⁵). Тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ были господарскіе дворы и
 дворцы, данники подобно всѣмъ вообще вотяглымъ людямъ обязаны
 были ходить на толоку и косить сѣно на господара, а иногда несли
 и другія повинности. Такъ, король Александръ пожаловалъ въ Овруц-
 комъ повѣтѣ боярину кіевскому Яцку Мезю службу данниковъ, Да-
 ривона и Янка Давыдовичей съ ихъ братьею и братаничами, при
 чемъ Яцко повѣдалъ королю, „што жъ тыи люди служатъ намъ одною
 службою, а даютъ намъ дани тридцать и шесть ведеръ меду, и въ
 замку вашему по три дни орати и жати и жыта возити, и сѣна ко-
 сити и молотити ходять, и ледь кодятъ, и огородъ городать и инья
 службы къ замку вашему служить“¹⁶⁶). Повинности, лежащія на
 данникахъ сверхъ дани, были неодинаковы, варьируясь сообразно съ
 потребностями господарскаго хозяйства, съ мѣстною производитель-
 ностью и съ количествомъ дани. Такъ, великій князь Александръ по-
 жаловалъ князю Дмитрію Путятичу данниковъ, село Подожае въ Лю-
 бошанской волости, о которомъ князь сообщилъ, „што жъ въ томъ
 селѣ толко одно десять человекъ, а служба съ нихъ—толко до
 Троковъ съ восою ходять, а дани дей намъ съ нихъ идетъ полтора
 устава меду прѣсного, а сто грошей, а кунциъ шесть“¹⁶⁷). Въ
 1503 году онъ же пожаловалъ „до воли“ князю Василью Подубенскому
 село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтѣ, „а тыми разы, — гласитъ
 привилей короля,—съ того села дани намъ идетъ семь кунциъ, а семь
 ведеръ меду, а на службу нашу ходять съ серпомъ и восою“¹⁶⁸).

¹⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 53. Срав. Акты Запад. Рос. I, № 218; II, № 69 и др.

¹⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.

¹⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 92.

¹⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 216.

Данники въ Каспльской волости Смоленскаго повѣта, кромѣ дани, тянули еще неводъ на господарскихъ озерахъ ¹⁶⁹⁾ и т. д. Точно такъ же, какъ повинности, варьировались по мѣстностямъ и различные натуральные „платы“, которые шли съ данниковъ, кромѣ дани. Такъ, данники волости Борисовской давали сѣно и овесъ господарскимъ лошадямъ, когда ихъ гнали въ Борисову на покормъ ¹⁷⁰⁾; данникъ Сытичъ въ Брянскомъ повѣтѣ, котораго великій князь Александръ въ 1496 году пожаловалъ кн. Тимоѣю Капустѣ, давалъ дани „кадъ меду а ведро ловчое и соколъ на городъ“ ¹⁷¹⁾; съ данниковъ, которыхъ Александръ пожаловалъ въ декабрѣ 1498 года князьямъ Ивану и Тимоѣю Филипповичамъ Крошинскимъ въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, шла „кадъ меду а пятнадцать грошей, а посошина, а въ двору нашому (господарскому) въ Глушицы мѣра жита а насадка пива“ ¹⁷²⁾; человекъ Кіевскаго повѣта Дитятковичъ, котораго король Казимиръ пожаловалъ пану Роману, а Александръ подтвердилъ его сыну Горностаю въ 1493 году, давалъ господарямъ „дани четыре карамоны меду прѣсного а двѣ ведрѣ а двѣ кузни меду, а три копы грошей, а топоръ, а стого сѣна“ ¹⁷³⁾; въ Мстиславскомъ княжествѣ вмѣстѣ съ медомъ данники давали хмель ¹⁷⁴⁾ и т. д.

Какъ бы то ни было, но платежъ дани составлялъ главную службу этого разряда крестьянъ. Дань крестьяне платили обыкновенно грошовую, или серебряную, медовую, бобровую и куничную. *Грошовая, или серебряная, дань* бралась собственно съ пашныхъ земель, которыми владѣли данники, а натуральныя съ ихъ угодій. Въ 1533 году король Сигизмундъ приказывалъ воеводѣ Виленскому пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую, взимать дань сполна съ тѣхъ людей, которые держатъ земли пустовскія, пашныя и бортныя: „если жъ бы кто зъ нихъ держалъ второе пустовщины борти, а не пахалъ пашни, тогда повиненъ будетъ толко дань медовую платити; если бы кто не держалъ бортей, а держалъ землю пашную, тогда будетъ повиненъ дань грошовую платити и иныи доходы, што за грошовою данью идеть“ ¹⁷⁵⁾. Грошовая, или серебряная, дань ¹⁷⁶⁾

¹⁶⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 23, II.

¹⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 5.

¹⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.

¹⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V л. 78.

¹⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 84, 85.

¹⁷⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 66.

¹⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

¹⁷⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 217.

по актамъ является почти постоянно податью данниковъ, которые по своимъ промысламъ едва ли не болѣе другихъ крестьянъ были въ состояніи ее платить ¹⁷⁷⁾. Впрочемъ, съ пашныхъ земель данники платили иногда, кромѣ того, и житную дань, или дябло ¹⁷⁸⁾. Такъ, въ 1506 году 29 мая король Александръ пожаловалъ князю Петру Михайловичу село Рожанцы въ Берестейскомъ повѣтѣ, два жеребья служебныхъ и два сотныхъ, со всѣми людьми, ихъ землями и угодыми и податями, въ томъ числѣ — „зъ ихъ даними грошовыми и медовыми, и куничными, и зъ житными“ ¹⁷⁹⁾.

Бывало, впрочемъ, что платежи данниковъ ограничивались и одною натурою. Въ книгахъ земельныхъ раздачъ Казимира довольно часто встрѣчаются, напр., такія записи: „Яну Немировичу село Добромысль, што ко Клецку тягло, дани съ него идетъ тринадцать ушатковъ *прѣсною меду*“; или: „Радионовичу Васку 12 данниковъ съ лукномъ уставнымъ меду, на рѣцѣ Узлѣ“; или: „Войтеку Шапцѣ — пять чоловѣковъ Зазеряне, даютъ 20 пудовъ дани меду“; затѣмъ: „каплану Бѣлскому Ерониму два чоловѣки, ... двѣ ведерки меду прѣсного даютъ“; „у Бавштахъ пану Кезьгайлу перво дали 60 чоловѣковъ, а нынѣ придали еще 30; ино то девяносто, даютъ 10 уставовъ дани меду; „Данилю — три чоловѣки, а даютъ дей пудовню меду, будетъ ли подобно“; „пану Нацу, старостѣ Берестейскому, осмнадцать чоловѣвѣковъ, Соховичъ племя да Глѣбовичъ, даютъ дани 2 колодѣ меду“ ¹⁸⁰⁾. Въ приведенныхъ примѣрахъ дань платилась исключительно прѣснымъ медомъ. Къ меду прибавлялись иногда кунницы, лисицы или бобры „шерстью“. Такъ, Казимиръ пожаловалъ въ Смоленскѣ Яну Черному чоловѣка Давыдва Мисанова, „а даетъ дани пять пудовъ меду а кунницу“ ¹⁸¹⁾. Король Александръ, пожаловавъ пану Дмитру Александровичу село Романово въ Житомирскомъ повѣтѣ, состоящее изъ 18 людей данныхъ, тяглыхъ и двухъ поселськихъ слугъ, писалъ въ привилеѣ, согласно его же докладу: „а дани дей намъ съ того села даютъ

¹⁷⁷⁾ См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33; V, л. 78; VI, л. 9, 10, 187, 188; VII, л. 588, 591, 592; VIII, л. 194; X, л. 86—88; Акты Зап. Рос. I, № 39, 72.

¹⁷⁸⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXXI, CII; Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 9.

¹⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11. Срав. *ibidem*, л. 241, 242.

¹⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 1, 8, 10, 12, 16, 65 и др.

¹⁸¹⁾ *Ibidem*, л. 26.

сорокъ ведеръ меду прѣсного а дванадцать лисиць шерстью" ¹⁸²⁾. Данники, котораго пожаловалъ великій князь Александръ дворянину Васку Колонтаеву въ 1498 году, давалъ дани „одну кадъ меду прѣсного и бобра" ¹⁸³⁾. *Бобровая и куничная дань* уплачивалась и отдѣльно отъ медовой; одна или же въ соединеніи съ какими-нибудь другими данями. Такъ, село Свило, которе великій князь пожаловалъ боярамъ Сенковичамъ въ Полоцкомъ повѣтѣ, платило только три кунницы дани ¹⁸⁴⁾; село Туришчевичи Чечерской волости, которе король Сигизмундъ въ 1510 году пожаловалъ дворянину Костѣ Пищикову, платило дани девять кошь грошей и три бобра ¹⁸⁵⁾. Кромѣ бобровъ и кунницъ, въ дань шли, какъ мы уже видѣли, лисицы, а также бѣлки ¹⁸⁶⁾, вслѣдствіе чего въ деталяхъ мы встрѣчаемся даже съ *блочною данью*. Такъ, панъ Семенъ Федоровичъ Полозовича получилъ отъ короля Сигизмунда имѣнья Ботчинъ, Деречинъ тожь, со всѣми его доходами и между прочимъ „съ данми грошовыми и медовыми, и куничными, и бѣлочья" ¹⁸⁷⁾.

Взаимнѣ меда, бобровъ и кунницъ правительство и частныя владѣльцы принимали по уставной цѣнѣ и деньги, а иногда и сами назначали денежную плату. Такъ, князь Михаилъ и Федоръ Мезецкіе и мать ихъ „отписали дани на церкви въ Ворошиловыхъ двѣ кади, а съ Дертны за кадъ меду копа грошей" ¹⁸⁸⁾. Писарь господарскій Ивашко Яцковичъ, выбирая по порученію великаго князя дань съ Задвинскихъ волостей, взялъ „въ Мемежанъ 20 рублей, по двѣ копы (рубль), а полтора рубля яловщины, а 20 бобровъ грошми, по 40 грошей бобръ, — то 18 кошь и 20 грошей, а три бобры шерстью, а оемдесять кунницъ шерстью" ¹⁸⁹⁾ и т. д.

Данники, которе платили свою подать кунницами, носили специальное названіе *куничниковъ*, а земли ихъ назывались куничными. Въ древнѣйшей гюстраціи Киевской земли (конца XV в.) въ описаніи села Терясева на р. Роси читаемъ: „А куничниковъ три, по шести

¹⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 3.

¹⁸³⁾ Ibidem, л. 108.

¹⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2.

¹⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 403.

¹⁸⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 39.

¹⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 292, 293.

¹⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

¹⁸⁹⁾ Ibidem, л. 280, 281.

куницъ дають два ихъ, а третій куничникъ по три куницѣ¹⁹⁰⁾. Въ 1523 году бояринъ кричевскій Василій Кипріяновичъ выпросилъ у короля Сигизмунда три сслища куничныхъ въ Кричевскомъ повѣтѣ Орашково, Чуково, Бабичово¹⁹¹⁾. Но болѣе всего куничниковъ было въ Жмудской землѣ, гдѣ они составляли особый и многочисленный разрядъ крестьянства¹⁹²⁾, который отличался даже и отъ данниковъ въ собственномъ смыслѣ. Такъ, запись о пожалованіи въ 1514 году боярину жмудскому Лаврину Петковичу людей въ Поюрской волости, гласить: „а то люди тяглыи, не данники а ни куничныи“¹⁹³⁾. Куничники во времени изданія перваго Статута платили свою подать уже не куницами „шерстью“, а деньгами, по 16 и затѣмъ по 12 грошей, а хотя не были тяглыми людьми, но обязаны были наравнѣ съ другими крестьянами косить сѣно на господаря¹⁹⁴⁾. Отъ другихъ работъ и „посѣдей“ куничники были вызволены за плату сначала (въ 1527 году) въ 7 $\frac{1}{2}$ грошей съ воловой сохи и въ 3 $\frac{3}{4}$ гроша съ конской, а потомъ (въ 1529 году) въ 30 грошей съ воловой сохи и въ 15 съ конской; вмѣстѣ со всѣми вообще господарскими крестьянами, которыхъ господарь хотѣлъ освободить отъ притѣсненій мѣстныхъ урядниковъ, „для чою жъ многиіи люди наши зъ отчизнѣ своихъ прочъ ся розшили и земль пустыхъ много ся остало“¹⁹⁵⁾. Любопытно, что куницѣ даже и при пожалованіи куничниковъ въ частное владѣніе оставались господаремъ въ свою пользу. Такъ, пожаловавъ въ 1522 году тивуну Ойрагольскому пану Миколаю Володковичу десять человекъ куничныхъ и пять земель пустовскихъ куничныхъ же въ Тондягольской волости Жмудской земли, король написалъ въ своемъ привилеѣ: „А што ся дотычетъ съ тыхъ людей и земль пустыхъ куницѣ, ино тыи вси люди мають намъ въ каждый годъ тыи куницѣ давати по тому, какъ и передъ тымъ съ тыхъ людей и земль куницѣ бывали“¹⁹⁶⁾. Въ томъ же году король Сигизмундъ пожаловалъ тивуну Ретовскому Войтѣху Арвидовичу три службы людей и четыре пустовщины въ Поюрской и Пошильской волостяхъ Жмудской земли: „нижли, тотъ чоловѣкъ, который въ Поюрской волости, на имя Монивидъ зъ братьею и

¹⁹⁰⁾ Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

¹⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 125, 126.

¹⁹²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 149, 160.

¹⁹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 215.

¹⁹⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160.

¹⁹⁵⁾ Ibidem, № 149, 160.

¹⁹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 1.

братаничы маюць намъ куницу давати, а ему службу служыти“¹⁹⁷).— Куничниками назывались, кромѣ того, всѣ люди, которые брали въ аренду земли „съ позему пахати“ и платили въ древнѣйшее время куницы, позднѣе пенязи¹⁹⁸). Быть можетъ даже, что это названіе произошло отъ „кунъ“ въ смыслѣ денегъ.

Къ разряду данниковъ принадлежали, повидимому, и *ясачники* Кіевской земли, по актамъ встрѣчающагося въ южныхъ частяхъ ея¹⁹⁹). Очевидно, что такое названіе идетъ здѣсь со времени татарскаго владычества.

Данники составляли преобладающую массу крестьянства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало или вовсе не развито было собственное господарское хозяйство и гдѣ изстари уже крестьяне были на такомъ положеніи, благодаря прочно установившейся эксплуатаціи лѣсныхъ и рѣчныхъ угодій. Изъ всѣхъ мѣстностей Литовской Руси въ этомъ отношеніи выдѣлялись особенно такъ называемыя Поддѣпрскія и Задвинскія волости: акты говорятъ о крестьянствѣ этихъ волостей такъ, какъ будто бы оно состояло только изъ данниковъ. Благодаря такому составу мѣстнаго крестьянскаго населенія волости эти занимали особое положеніе и въ отношеніи управленія. При Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутовичѣ данники волостей Поддѣпрскихъ и Задвинскихъ, т. е. съ Кричова, Пронойска, Чечерска, Горволя, Рѣчицы, Брягина, Мозыря, Бича, Бобруйска, Свислочи, Любошанъ, Усвята и Озерича сами, чрезъ своихъ старцевъ, собирали дань и относили до скарба. При Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы правленія Сигизмунда въ эти волости посылались, кромѣ того, писари „править недополнковъ“, которымъ волости платили при этомъ ихъ „писарскій доходъ“, и которые также чинили судъ и управу данникамъ въ „ихъ обидныхъ дѣлахъ“²⁰⁰). По жалобѣ на различныя притѣсненія отъ этихъ писарей и ихъ слугъ король Сигизмундъ въ 1511 г. отмѣнилъ обычай посылать въ волости писарей и предоставилъ волостямъ самимъ вносить всю дань сполна въ установленные сроки, подъ угрозой взысканія „недополнковъ“ за дѣцкимъ подскарбія, съ штрафомъ („виною господарскою“) и „дѣцкованьемъ“²⁰¹). Такой порядокъ, однако, оказался неудобнымъ,

¹⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 52.

¹⁹⁸) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. IV, т. I, № 10.

¹⁹⁹) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 147.

²⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329, Писцовыя книги, изд. Имп. Русск. Географ. Обществомъ, ч. II, стр. 433, 434.

²⁰¹) Акты Зап. Рос. П, № 75.

и Сигизмундъ опять возвратился къ посламъ писарей. Въ 1533 году по жалобѣ людей волости Бобруйской Сигизмундъ снова предоставилъ имъ самимъ собирать дань, чрезъ своего старца, при которомъ долженъ былъ находиться вижь отъ замковаго уряда ²⁰²); повидимому, такой же порядокъ былъ введенъ и въ остальныхъ Подиѣпрскихъ волостяхъ. Въ одинаковомъ положеніи съ перечисленными волостями находились волости Дроковская, Олучицкая и Могилевская (въ то время, когда ея владѣлъ непосредственно великій князь), которыя также можно отнести къ числу Подиѣпрскихъ волостей ²⁰³). Къ Задвинскимъ волостямъ, съ которыхъ собирали дань писари, кромѣ упомянутыхъ уже Озеричской и Усвятской, акты доносятъ еще Торопецкія волости: Дубну, Рожну, Биберево, Любуты и Туры, съ которыхъ великій князь Александръ въ 1496 году велѣлъ побрать дань писарю Ивашку, Яцеовичу, а также Витебскія — Жижецкую, Нежедскую, Плавѣцкую и Озерецкую ²⁰⁴); впрочемъ, эти волости оставались въ составѣ Литовско-Русскаго государства только до 1503 года.

IX.

Въ работахъ по господарскому хозяйству участвовали и крестьяне, носившіе названіе *слугъ*, главную повинность которыхъ составляла военная служба и ея снаряженіе. Слуги вербовались обыкновенно изъ зажиточныхъ тяглыхъ или казыхъ-либо другихъ крестьянъ, такъ какъ съ отправленіемъ на войну связаны были расходы не подъ силу обыкновенной крестьянской „службѣ“. Въ 1514 году королю Сигизмунду билъ челомъ слуга съ Кіева Лавринъ Станкевичъ и просилъ короля выволить его отца и братьевъ отъ тяглой службы, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что „они дей люди достаточны, могутъ намъ (т. е. королю) гораздо службу земскую заступовати“. „Ино мы, гласить привилей короля, — на его чоломбитѣ то вчинили, того его отца Станка и его братью Янка а Мартина съ тыхъ трехъ служобъ тяглыхъ выволили и тыи дядка и вси дачки, што намъ и вридникомъ нашимъ даивали, имъ есмо отпустили; а они мають намъ съ того службу земскую заступовати у трехъ зброяхъ, и кони мають мѣти добрые и зброи и брони такъ достаточне, какъ и инымъ подданымъ

²⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

²⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, 277, 278; Археограф. Сбор., изд. въ Вильнѣ, т. III, № 1.

²⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281.

нашимъ — шляхтѣ рассказали есмо къ службѣ нашей достаточне ся мѣти²⁰⁵⁾. Изъ тяглыхъ же зажиточныхъ крестьянъ попали въ слуги (путные) и господарскіе люди Полоцкаго повѣта Куриловляне. Господарь пожаловалъ былъ ихъ боярину полоцкому пану Михаилу, а потомъ кн. Богдану, но они отнялись отъ нихъ, не мало на то выложивши (откупились), и затѣмъ били челомъ господарю: „абы его милость рачилъ насъ съ тяглое службы вызволити, а мы быхмо его милости путною службою служили“, — на что и получили господарскій листъ²⁰⁶⁾. Слуги въ рядахъ крестьянства вообще занимали высшее мѣсто и въ экономическомъ, и въ юридическомъ отношеніяхъ, мѣсто, близкое къ боярству (позже они смѣшались съ низшимъ его слоемъ и стали именоваться боярами, тогда какъ высшіе слои боярства получили названія пановъ и землянъ-шляхты). Не всѣ они сами только, съ братьями, дѣтьми и поплечниками, обрабатывали свои земли, — какъ всѣ вообще крестьяне, — но были между ними и такіе, которые имѣли своихъ крестьянъ и вели барщинное хозяйство. Такъ, въ числѣ владѣльцевъ семи дворищъ, пожалованныхъ великимъ княземъ Александромъ Ивашку Пашкевичу въ селѣ Песочномъ Мельницкой волости Лучагаго повѣта, былъ слуга, который „и люди его на старосту, на замокъ нашъ Лучоскъ, день сѣно кошивали“²⁰⁷⁾. Въ 1525 году июня 27 король Сигизмундъ подтвердилъ пану Яну Юрьевичу Глѣбовича и теткѣ его Маринѣ Войтеховой Яновича имѣнье, которое они купили у слуги путнаго Новгородскаго повѣта Савостыяна Тишковича, — „всю отчизну его въ Городецнѣ зъ домоу и пашней дворною, и зъ сѣножатни, и зъ гаи“ и т. д.²⁰⁸⁾. Дворная пашня предполагаетъ существованіе пашни крестьянской („людей“), съ которой она соотносительное понятіе. Изъ этого въ свою очередь можно заключить, что слуги владѣли и большимъ количествомъ земли сравнительно съ обыкновенными крестьянами.

Профессоръ Бершадскій полагаетъ, что земли, съ которыхъ шла панцирная служба, по крайней мѣрѣ, разъ въ пять превосходили земли, съ которыхъ шла тяглая служба, основываясь на томъ, что по сеймовымъ установленіямъ ратникъ въ полномъ вооруженіи долженъ былъ выставяться минимумъ съ пяти крестьянскихъ служебъ. Актн

²⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 218.

²⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 159.

²⁰⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97.

²⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 244; 245.

не уполномочиваютъ на такое заключеніе. Выше былъ приведенъ примѣръ превращенія трехъ тяглыхъ служебъ прямо въ три панцирные: людямъ, которые служили три тяглыхъ службы, велѣно было служить „у трехъ зброяхъ“, на коняхъ и въ бронѣ „такъ достаточно“, какъ предписано было являться на войну всей шляхтѣ. Еслибы панцирная служба требовала земельного надѣла разъ въ пять минимумъ больше по сравненію съ тяглою службой, врядъ ли бы король заставилъ тяглыхъ людей, несшихъ три службы и сообразно съ тѣмъ владѣвшихъ землею, служить тоже тремя панцирными службами, хотя бы она были и зажиточными людьми. Или вотъ еще примѣръ: соляникъ Городенскій Станко Юрьевичъ, служившій одною соляницею службою и дававшій съ своей земли бочку соли на замокъ, по его просьбѣ переведенъ былъ въ разрядъ панцирныхъ слугъ и долженъ былъ нести одну панцирную службу „по тому, какъ и иные слуги наши (т. е. господарскіе) панцирныи посполъ въ боярами намъ служатъ“²⁰⁹). Нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы считать землю, съ которой шла бочка соли на замокъ, по размѣрамъ своимъ въ пять разъ больше обыкновеннаго участка, съ котораго шла одна тяглая служба, и самъ г. Бершадскій приравниваетъ соляницею службу въ обыкновенной тяглою. Принявъ положеніе г. Бершадскаго мы наталкиваемся еще на слѣдующія затрудненія. Въ числѣ владѣльческихъ крестьянъ были несомнѣнно панцирные слуги, которыхъ господарь нерѣдко жаловалъ панамъ и своимъ дворянамъ. Такъ, напр., въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Быку Александровичу человека Мартинца въ Овруцкомъ повѣтѣ и его двухъ братьевъ, Олешка и Сидора, которые „одну панцирную службу служивали“²¹⁰); въ слѣдующемъ году Александръ пожаловалъ дворянину Митеу Семеновичу сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Еленской волости, въ которомъ жили четыре брата и служили одну панцирную службу²¹¹) и т. д. Еслибы ихъ участки разъ въ пять-восемь превосходили обыкновенные крестьянскіе участки, а служба ихъ равнялась бы пяти-восьми тяглымъ, тогда пришлось бы принять, что владѣльцы на основаніи сеймовыхъ постановленій панцирныхъ слугъ должны были выгонять на войну само собою, да, кромѣ того, съ восьми-пяти тяглыхъ служебъ выставять одного пахолка въ полномъ вооруженіи и на конѣ. Надѣлъ этого не было, и панцирные слуги шли не за себя только, а

²⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

²¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 109.

²¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 81.

и за другихъ крестьянъ владѣльца, при чемъ ихъ службы шли въ общій счетъ крестьянскихъ службъ. Панцирную службу съ своихъ земель несли между прочимъ путные люди или слуги ²¹²). Вотъ что читаемъ о нихъ въ сеймовой „уставѣ“ 21 января 1529 года: „А што ся дотычетъ слугъ путныхъ, и данниковъ, и Подляшскихъ службъ волочныхъ, тыи вси, хто будетъ ихъ колько мѣти, въ тотъ же почетъ, зъ людьми тяглыми восполочъ, мають быти повинни къ службѣ земской, а зровнавшися вси, сполнѣ мають зъ нихъ службу земскую служити, водлугъ уставы земскоѣ“ ²¹³). Да иначе и быть не могло; въ противномъ случаѣ, частнымъ владѣльцамъ не за чѣмъ было бы и держать у себя особый разрядъ крестьянъ на панцирной службѣ. Можно только признать, что крестьяне, или слуги, несшіе панцирную службу, были зажиточнѣе другихъ, могли вытянуть больше обыкновеннаго рядового крестьянина. Вѣроятно, и земель было у нихъ больше, во земель приобрѣтенныхъ не пожалованіемъ на панцирную службу. Въ актахъ, утверждающихъ купли-продажи земель, изъ всѣхъ „людей“ чаще всего фигурируютъ слуги разныхъ наименованій. Но если они вообще были болѣе крупными землевладѣльцами, то этотъ фактъ былъ только послѣдствіемъ, а не первоначальною причиною ихъ зажиточности, былъ причиною, а не слѣдствіемъ ихъ служебнаго положенія. Мало того, у самихъ бояръ-шляхты часто земельные участки были не больше крестьянскихъ, и мѣстные крестьянскія власти, какъ увидимъ ниже, часто мѣшали ихъ съ простыми людьми и наметывали на нихъ разныя крестьянскія повинности или прискивали ихъ къ себѣ въ потягли предъ господаремъ и его намѣстниками.

Что касается правового положенія слугъ, то акты выдѣляютъ ихъ изъ „простыхъ“ и „невольныхъ“ людей. Въ 1511 году королю Сигизмунду били челомъ „люди служебные“ Городенскаго повѣта Сенко Климовичъ и Мицута Ивановичъ, жалуясь на то, что король отдалъ ихъ дворянину Сенку Тверитину „за простыхъ людей“, „не вѣдаючи, што жъ, то люди служебныи наши (т. е. королевскіе), а наболѣй при дворѣ мѣшвають“. Король принялъ во вниманіе ихъ представленіе и приказалъ мѣстному старостѣ привернуть ихъ къ Городну съ ихъ „дѣльницами“ ²¹⁴). Но „люди служебные“, по другимъ актамъ, были никто иные, какъ тѣ же слуги путные ²¹⁵). Эти слуги

²¹²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257.

²¹³) Акты Зап. Рос. II, № 161, арт. 5.

²¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 141, 142.

²¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11; XII, л. 101.

путные были люди вольные, которыхъ лично великій князь не отдавалъ никому во владѣніе. Среди актовъ, внесенныхъ въ книги Литовской Метрики, находится множество привилеій, коими великіе князья жаловали разнымъ лицамъ въ составѣ имѣнья и путныхъ слугъ „на вѣчность“. При внимательномъ разслѣдованіи оказывается, что такія пожалованія надо понимать въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ и пожалованія частнымъ лицамъ бояръ на вѣчность, т. е. что жаловались при этомъ не слуги собственно и бояре лично, а только земли, которыми они владѣли, съ ихъ службами, при чемъ въ волѣ самихъ слугъ и бояръ было оставаться или нѣтъ на своихъ отчинахъ, служить или не служить новому господарю. Акты даютъ нерѣдко и прямые разъясненія въ этомъ смыслѣ. Король Сигизмундъ въ ноябрѣ 1506 года разбиралъ тяжбу боярина полоцкаго Федора Ловейка съ дворяниномъ Петромъ Епимаховичемъ, который хотѣлъ отгагать у него земли съ путными слугами, утверждая, что эти земли и людей пожаловалъ ему король и великій князь на вѣчность за его выслугу. Но оказалось, что Ловейко купилъ земли у путныхъ слугъ ранѣе пожалованія ихъ Петру Епимаховичу и получилъ на нихъ подтвержденіе отъ короля Александра, при чемъ сами путные слуги остались на своихъ земляхъ и служили Федору Ловейку. Вслѣдствіе всего этого королю и панамъ-радѣ „видѣлося: если тые слуги, путные тыми рады сидятъ дома своими на той жь земли за Ловейкомъ, которую жь ему продали, ино и нынѣ Петрашку непадобѣ въ нихъ вступатися: то не слушная рѣчь, абы слуги путные мали кому въ неволю даны быти“. Въ концѣ суднаго листа, утвердившаго имѣніе за Федоромъ Ловейкомъ, снова встрѣчаемъ подтвержденіе вольности путныхъ слугъ: „а тые люди, што на Ловейковой земли сидятъ, всхотятъ ли до своей доброй воли Ловейку и сестренцу его Васку служить, и они нехай имъ служить; а не всхотятъ ли имъ служити, и они мають служити, кому хотячи“²¹⁶⁾. Подобныя же подтвержденія мы встрѣчаемъ очень часто въ привилеяхъ, коими жаловались слуги князьямъ, панамъ или боярамъ. Такъ, напр., въ привилеѣ отъ 16 іюля 1511 года, утвердившемъ дворъ Молодечню „у вотацнву“ за княземъ Михаиломъ Ивановичемъ Мстиславскимъ, читаемъ: „дѣжли, которые люди путные и иные люди вольные тамъ въ Молодечнѣ, тые и теперь вольны: всхотятъ ли ему служити, и они мають ему служити; а не всхотятъ имъ служити, ино имъ пойти добровольно, гдѣ хотячи, землю оставивши“²¹⁷⁾ и т. д. Слуги, такимъ об-

²¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 259, 260.

²¹⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 69.

равомъ, въ правахъ своихъ были близки къ боярамъ и отличались отъ нихъ только тѣмъ, что съ своихъ земель несли многія крестьянскія повинности. Вслѣдствіе этого они и причислялись въ „людымъ“ и назывались перѣдко „людьми“, напр., людьми путными, людьми служебными, вмѣсто слугъ путныхъ ²¹⁸⁾ и т. д.

Въ классѣ слугъ наиболѣе многочисленный разрядъ составляли слуги путные, названные такъ отъ того, что главною повинностью ихъ былъ „путь“, или „листовная служба“. Они ѣздили по разнообразнымъ порученіямъ великокняжескихъ намѣстниковъ - державцевъ, старостъ и воеводъ „до дворовъ, оному владови прилеглихъ, а спенязми платовъ нашихъ (т. е. королевскихъ) до Вильпы до сварбу и за кривдами подданныхъ, колею“ ²¹⁹⁾. Число ихъ съ теченіемъ времени превзошло служебныя потребности господарскихъ судебпо-административныхъ центровъ, и задолго до извѣстной устави Сигизмунда-Августа о волокахъ мы замѣчаемъ выдѣленіе изъ среды путныхъ слугъ особаго разряда людей служебныхъ, несшихъ „службу служебную“. Такъ, напр., отъ 10 марта 1512 года мы имѣемъ листъ короля Сигизмунда до старосты Городенскаго пана Станислава Петровича, содержащій приказъ отдать часть земли Тимошевщины служебнику Городенскаго повѣта Юшву Глѣбовичу къ его землѣ Илковщинѣ: „нехай онъ тую Илковщину и Тимошевщину держить со всимъ, а намъ съ нее службу особую служебную при дворѣ нашемъ служить“ ²²⁰⁾. Выше было говорено о людяхъ служебныхъ Городенскаго повѣта Сенкѣ Климовичѣ и Мицутѣ Ивановичѣ, которые „наболѣй при дворѣ мѣшкають“. Такимъ образомъ, цовидимому, уже ранѣе 1557 года производился тотъ выборъ „служекъ“ изъ всей массы путныхъ слугъ, который по уставѣ 1557 года долженъ былъ производиться королевскими ревизорами. Остававшіяся, такъ сказать, за штатомъ путные слуги не были бесполезными въ господарскомъ обиходѣ. Прежде всего, всѣ путные слуги служили военную службу, какъ объ этомъ прямо говоритъ устава, данная королемъ Сигизмундомъ державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ ²²¹⁾. Это подтверждается и многочисленными указами раннихъ актовъ. Такъ, окружная королевская грамота, разосланная въ 1514 году о снаряженіи на войну и выступленіи въ походъ по случаю занятія Москвою Смоленска, адресована

²¹⁸⁾ Ibidem, № 69, 161. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 101, 196, 197.

²¹⁹⁾ Памятники Бѣвск. Временной Комиссіи т. II, отд. 2, № 1, арт. 1.

²²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60, 61.

²²¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 14.

между прочимъ и въ слугамъ путнымъ ²²²⁾. Въ томъ же году марта 16 король Сигизмундъ пожаловалъ пану Григорью Станиславовичу Оетиковича челоуѣка путнаго въ Мойшикогльскомъ повѣтѣ Миколомъ Милешевича, который, согласно докладу намѣстника, служилъ королю службою панцирною ²²³⁾. Въ 1525 году июня 28 король подтвердилъ дворянину Федору Романовичу Полову земли, купленныя имъ „съ дозволеньемъ воеводы Витебского“ у нѣкоторыхъ слугъ путныхъ Витебскаго повѣта: „а съ тыхъ деиъ земли,—гласить подтвердительный привилей короля,—службы панцирны бывали и дачокъ нѣкоторыхъ не давали“ ²²⁴⁾. Было почти общимъ правиломъ, что путные люди, отправлявшіе панцирную службу, не несли никакихъ другихъ повинностей (кромя, быть можетъ, кошеня сѣна). Въ 1524 году слуги путные Марковского повѣта Гринь Одинцовичъ, Кузьма Вазвовичъ, Борисъ Ходоровичъ жаловались, навъ на „кривды и тяжкости и новны“, на посползовенія Марковского намѣстника брать съ нихъ подводы, посылатъ ихъ на работы съ топоромъ въ лѣсъ, заставлятъ возить навозъ (гнои) на путныхъ коняхъ, между тѣмъ какъ райбе этого они „тыхъ работъ не робивали и подтедь не давали“ и даже не ѣздили съ листами намѣстника. Король уважилъ ихъ жалобу и приказалъ намѣстнику оставить ихъ въ покоѣ: „нехай бы они намъ панцирною жъ службою служили“ ²²⁵⁾. Такимъ образомъ, путные слуги, отправлявшіе панцирную службу, въ сущности переставали уже быть путными (*servitores expeditionarii*, какъ ихъ называютъ латинскія грамоты ²²⁶⁾) и только по простой традиціи удерживали свое прежнее имя.

Панцирная служба, какъ довольно тяжелая, вообще освобождала несшихъ ее лицъ отъ всякихъ другихъ повинностей, хотя были и исключенія ²²⁷⁾. Такъ, напр., люди сельца Скородина въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Катанской волости, кромя панцирной службы, сѣяли мѣру ржи къ двору Глушицѣ и мѣру овса, давали посощину въ назну Смоленскую, давали почлеръ господарскимъ пастухамъ и стадамъ, когда ихъ гнали въ волость Дубровенскаго пута и обратно, и, нако-

²²²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 88.

²²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 149.

²²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 256, 257.

²²⁵⁾ Ibidem, л. 154, 155.

²²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 576, 577.

²²⁷⁾ „Аврамъ Езефовичъ Ребичковичъ“ въ Киев. Стар. 1888, № 10, 96—98.

нецъ, давали насадку пива къ двору Глушицкому ²²⁸). Съ подобными же повинностями мы встрѣчаемся по актамъ, касающимся и путныхъ слугъ, тѣмъ болѣе, что путные слуги не всегда служили именно панцирную службу, а отправляли военную службу и „водѣ возможности своеѣ“. Люди Перелайской волости Троякаго повѣта—Ямонтъ Мостевичъ, Станько Кгирдимонтовичъ, Яцко Беневичъ, Рямкутъ Войнибутовичъ, Талкусъ Ринвгайловичъ при Александрѣ служили путною службою, во время войны ходили только въ заставы, и, сверхъ того, давали съ своихъ земель дякло ²²⁹). Въ 1507 году 2 августа король Сигизмундъ подтвердилъ пану Ивашку Зеновевича различныя имѣнья и въ томъ числѣ „человѣка путного Антона Зеновевича зъ его братьею и съ тою бобровщиною, што они давали“ ²³⁰). Слуги путные Полоцкаго повѣта, сидѣвшіе на землѣ Коховновской, по словамъ королевскаго подтвержденія этой земли землянину Федку Михайловичу Маскевича (отъ 10 мая 1508 года), „даютъ намъ (королю) бобровщину копу грошей, а службу путную служить, а ловчому панскому (воеводи) платятъ, а на рѣцѣ на Лиснѣ езь бьютъ, а шесть корцовъ ржи старое мѣры даютъ еравничому, езь забивши; а волѣ панъ воевода Полоцкій у-въ объѣздъ поѣдетъ, и они людемъ нашимъ (королевскимъ) Клясочомъ у перейму помогаютъ, и сторожевщину два гроша даютъ“ ²³¹). Люди Митрохановы Смоленскаго повѣта Дубровенскаго путя, которыхъ выпросилъ себѣ у короля Александра дворянинъ Михайло Данильевичъ за тяглыхъ людей, заявляли королю Сигизмунду въ бытность его въ Смоленскѣ въ сентябрѣ 1508 года, „што жъ они никогда тяглою службою не служивали, только путною службою служить и данн наше даютъ кадъ меду прѣсного до погреба въ замкъ нашъ (королевскій) Смоленскій а двѣ копѣ грошей“. Такъ какъ ихъ показаніе подтвердили приказаникъ Дубровенскаго путя и всѣ волость Дубровенская, а также тивуачъ Глушицкій, король не велѣлъ дворянину Михайлу Данильевичу вступаться въ этихъ людей, которые по-прежнему должны были служить къ замку Смоленскому ²³²). Люди путные Полоцкаго повѣта села Бриццинячъ Захарья Ивановичъ, Окуда Грядковичъ и Семенъ Гринковичъ давали коня, въ которомъ четвертая часть шла на церковь св. Аѳанасія; люди путные Полоцкаго повѣта

²²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 96.

²²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 75, 76.

²³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 171, 172.

²³¹) Ibidem, л. 209, 210.

²³²) Ibidem, л. 284, 285.

Кублинцы, Вѣтривцы и Сушинцы ходили на господарскіе ловы ²³³). Чаще всего встрѣчаемся по актамъ съ одною повинностью путныхъ людей—кошеньемъ сѣна на господаря, о которомъ говоритъ и устава 1529 года. Такъ, напр., путные слуги Полоцкаго повѣта Лужане, которые продали свои земли пану Ивану Сопѣгѣ въ 1514 году, кошивали сѣномъ „обаполъ“ рѣки Мнютыцы, протекавшей подъ ихъ селомъ, на замокъ Полоцкій ²³⁴). Въ 1516 году 26 января король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность различныя имѣнья, пожалованныя московскому выродку Ивану Тимоѣевичу Плещеева-Юрлова, и въ томъ числѣ „пятнадцать слугъ путныхъ, которые на войну ходятъ и сѣно на дворъ Ясвоинскій косить“ ²³⁵). По уставѣ 1529 года бояре путные обязаны были не только косить сѣно, но и ходить на толоку на господарскія пашни подобно всѣмъ вообще нетяглымъ людямъ.

Въ Полоцкой землѣ существовалъ разрядъ *сельскихъ путниковъ*, которые при ближайшемъ разслѣдованіи оказываются никѣмъ инымъ, какъ тѣми же путными людьми ²³⁶) но не тяглыми или пригонными, какъ утверждаетъ г. Новицкій ²³⁷). Любопытно, что классъ этотъ великимъ княземъ Александромъ былъ подданъ подъ магдебургское право наравнѣ съ мѣщанами. Объясненіе этому распоряженію находится въ томъ обстоятельстве, что большинство класса, служившаго путною службу, состояло изъ мѣщанъ, приобрѣтшихъ имѣнья вѣ „мѣста“ покупкою у бояръ, сельскихъ путниковъ и пригонныхъ людей, и сельскіе путники, повидимому, были только небольшою частью, придаткомъ къ этому классу, его выдѣленіемъ. Сельскіе путники—это частотѣ же мѣщане, которые отбились отъ „мѣста“ и приобрѣли оубдлость въ селѣ. Въ 1500 году великій князь Александръ всѣхъ такихъ мѣщанъ, какъ и коренныхъ сельскихъ путниковъ, вернулъ подъ городской присудѣ намѣстника; только серебщину они должны были платить по давному вмѣстѣ съ мѣстомъ, а также отправлять военную службу и выполнять городовую работу ²³⁸). Военная служба и была тою „путною службою“, которую должны были согласно постановленію

²³³) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 184, 185, 288.

²³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 75.

²³⁵) Ibidem, л. 114, 115.

²³⁶) Акт. Зап. Рос. I, № 175.

²³⁷) Очеркъ исторіи крестьянскаго селовія юго-западной Россіи, стр. 53 пр. 2.

²³⁸) Актъ Зап. Рос. I, № 185.

в. кн. Александра нести всѣ мѣщане, купившіе себѣ земли за мѣстною чертою²³⁹⁾.

Къ тому же разряду путныхъ слугъ, какъ кажется, относились и *слуги поселскіе*, упоминаемые въ актахъ, относящихся до Ріевской земли, Вольни и Полѣсья. Въ книгѣ записей пожалованій Казимира читаемъ между прочимъ: „Слугамъ Пинскимъ поселскимъ усе отпушно, што былъ увель на нихъ князь Иванъ Свяславовичъ, а мѣчаномъ по тому жъ“²⁴⁰⁾. Въ составъ села Романова, пожалованнаго королемъ Александромъ въ 1505 году пану Дмитру Александровичу входило восемнадцать человекъ данныхъ и тяглыхъ и двое слугъ поселскихъ²⁴¹⁾. Слуги поселскіе были въ числѣ „подданныхъ“ пана Щаснаго Якимовича, одного изъ крупныхъ Волынскихъ землевладѣльцевъ, который въ 1529 г. приносилъ жалобу старостѣ Луцкому на различные „квалты“ и „квивды“, подѣланные ему въ имѣніи кн. Дмитриемъ Буремскимъ²⁴²⁾ и т. д.

Путные слуги, какъ мы видѣли, несли иногда панцирную службу, называясь только по старой памяти путными. Въ Смоленской землѣ и Витебской такіе слуги назывались и право *панцирными слугами*, позже—*панцирными боярами*. Въ спискѣ военно-служилыхъ людей Смоленской земли, составленномъ около 1492 года, встрѣчаемъ слугъ панцирныхъ Юрьевского пути, Пацынской волости, Светславскихъ, Мощинскихъ, Молоховскаго пути, Дубровенскаго, Опацкихъ²⁴³⁾ и т. д. Слугъ панцирныхъ Витебскаго повѣта мы находимъ, напр., въ листѣ воеводы Витебскаго пана Яна Юрьевича Глѣбовича, выданномъ 21 октября 1532 года нѣкоторымъ изъ нихъ относительно ихъ повинностей. Изъ этого листа оказывается, что слуги панцирные въ Витебской землѣ никакихъ повинностей не несли, кромѣ военной службы, которую они отправляли „носполъ въ бояры“. Предшественники пана Яна Юрьевича ввели было имъ „новину“, „казали дей имъ дванадцать телекъ въ годъ служить, сѣно косити, на ставы и въ ловы ходити, бобровщину, житьщину, завосное и яловицу давати съ поданными господарскими волости Любашковское“. Но Янъ Юрьевичъ, опросивъ мѣстныхъ бояръ относительно ихъ службы, оставилъ ихъ

²³⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 185. Справ. II, № 61.

²⁴⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 53.

²⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 3.

²⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 96.

²⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—159.

при старинѣ и освободилъ отъ всякихъ повинностей, кромѣ военной службы „конемъ“ ²⁴⁴⁾. Въ Смоленской землѣ панцирные слуги иногда несли и другія повинности. Одинъ примѣръ тому уже приведенъ выше; можно подыскать въ добавленіе къ нему еще и другіе. Въ 1503 году король Александръ пожаловалъ дворянину Михаилу Олтуфьевичу Старому сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ Молоховской волости Ходневыхъ, одну службу панцирную: „а съ того дей села дають намъ коня на третій годъ и дань медовую къ монастыру св. Петра“ ²⁴⁵⁾. Человѣкъ панцирный Иванъ Пьянокъ, продавшій въ 1508 году свою землю слугамъ путнымъ Хролу Сергѣевичу и Максиму Ѳедотовичу, несъ съ нея службу панцирную и давалъ на третій годъ ворабельникъ ²⁴⁶⁾.

Вышеупомянутый списокъ военнослужившихъ людей Смоленскаго повѣта, кромѣ панцирныхъ слугъ, называетъ еще слугъ *щитныхъ и доспѣшныхъ* Радцинскаго пута, Вержавскаго, Светславскихъ, Максимовскаго пута, Дубровенскаго пута, Опацкихъ, Еленскихъ. Съ этими же разрядами слугъ мы встрѣчаемся и по другимъ актамъ. Такъ, въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ боярину смоленскому Тишке Дудину сельцо Кохановское, согласно его показанію, „што жъ тое селцо не тяглое, служба съ того щитная бывала“ ²⁴⁷⁾. Годомъ раньше тотъ же великій князь пожаловалъ Богдану Сопѣвичу человѣка Василья съ братьею Щербиновыхъ въ Еленской волости Смоленскаго повѣта, которые, по показанію намѣстника Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича, „давали въ казну полтину грошей, а посушины шестнадцать грошей, а служба съ нихъ доспѣшная“ ²⁴⁸⁾. Слуги щитные, кромѣ своей специальной службы, иногда такъ же, какъ и доспѣшные, несли и другія повинности. Такъ, служба Козиныхъ въ Молоховскомъ пути платила по золотому на третій годъ; бывало иногда, что слуги щитные давали на третій годъ коня ²⁴⁹⁾ и т. д. Что касается работы на господарскомъ хозяйствѣ, то положительныхъ указаній на это намъ не удалось найти ни относительно щитныхъ, ни относительно доспѣшныхъ слугъ. Можно только предполагать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ и эти слуги исполняли разныя работы на господаря, какъ это бывало съ людьми, несшими панцирную службу.

²⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 69.

²⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 124; Срав. IV, л. 169.

²⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 233, 234.

²⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.

²⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

²⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169; VIII, л. 285, 286.

Кромѣ путныхъ, панцырныхъ, щитныхъ и доспѣшныхъ въ разныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства существовали еще *слуги конные*. Въ составѣ крестьянъ Болваницкой волости, пожалованной кн. Крошчинскому въ 1498 году, были и слуги воиные Куприяновы, которыхъ князь Михайло посадилъ на дворной пашнѣ, и которые подобно другимъ крестьянамъ Болваницкой волости были люди вольные, не платившіе никакихъ „дачей и пошлинъ“²⁵⁰⁾. Но другіе слуги конные въ той же Смоленской землѣ сверхъ конной службы платили и различныя подати. Люди Дубровенскаго пута Холоцко съ братьею Скороходовы жаловались королю Сигизмунду на боярина смоленскаго Ивана Кимбаровъ, что онъ выпросилъ ихъ у короля Александра за тяглыхъ людей, а они служатъ въ дѣйствительности панцырною службою. Но Кимбаровъ представилъ самый листъ короля Александра, въ которомъ выписано, „што жъ служба зъ нихъ воиная бывала, а къ тому давали тыи люди на третій годъ за конь по рублю грошей“. Вслѣдствіе этого Сигизмундъ, подтвердивъ данину брата, отдалъ Кимбарову этихъ людей до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго²⁵¹⁾. Слуги воинные въ Бѣлицкой волости Смоленскаго повѣта вмѣстѣ съ другими вольными людьми этой волости платили „дани грошовое пять копъ а одинадцать грошей, а меду три кади а два пуды“²⁵²⁾.—Слугъ конныхъ встрѣчаемъ и въ Кіевской землѣ. Въ 1507 году декабря 3 Сигизмундъ выдалъ листъ армянину Филиппу на селище пустовское Лисаново „въ Кіевскомъ повѣтѣ Бѣлогородскаго десятку“, съ котораго, по показанію Филиппа, „служба конная бывала“²⁵³⁾. Въ 1522 году король Сигизмундъ подтвердилъ вручанамъ Конону и Каленику Яковлевичамъ листъ Свидригелла, „и жъ предку ихъ Ларивону далъ землю бортную на имя Тенетиловщину и велѣлъ ему съ той земли конемъ служити“²⁵⁴⁾. Въ слѣдующемъ году королю Сигизмунду били челомъ слуги кіевскіе Давидъ и Федько Петровичи, „и жъ они сами и отцы, и дѣды ихъ служивали предкомъ нашимъ (короля) конемъ у зброи, а иныхъ служобъ а ни подачокъ которыхъ не знали; и били намъ (королю) чоломъ, абыхмо казали имъ намъ служити и не отдавали бы ихъ никому“. Король, исполнивъ ихъ желаніе, выдалъ имъ листъ на имя воеводы Кіевскаго, въ кото-

²⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112, 113.

²⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 174, 175.

²⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112, 113.

²⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 125.

²⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 43, 44.

ромъ написалъ: „мають они намъ служити конемъ водлугъ давного обычая“ ²⁵⁵). Къ этому же разряду конныхъ слугъ принадлежали и слуги, упоминаемые въ древнѣйшей люстраціи Кіевской земли. Нѣкоторые изъ нихъ, кромѣ военной службы, давали подымщину на третій годъ, исключая тѣ случаи, когда ходили на войну; другіе, кромѣ того, косили сѣно, ходили на толову и сыпали ставъ (со времени княженя Семена Олельковича); нѣкоторые сверхъ того давали медовую дань, болкувовщину (на приѣздъ в. князя Витовта), ходили въ ловы, робили городъ ²⁵⁶). И позже, при Александрѣ, мы встрѣчаемъ по актамъ въ Кіевской землѣ „служебныхъ людей“, отправлявшихъ разныя повинности сверхъ военной службы. Такъ, люди служебные сельца Трыполя, пожалованнаго въ 1500 году земянину кіевскому Данилу Дѣдкоичу, до этого времени давали воеводѣ Кіевскому по двѣ лисицы и косили сѣно по пяти возовъ ²⁵⁷). Какого либо общаго положенія относительно повинностей конныхъ слугъ въ Кіевской землѣ да, вѣроятно, и въ другихъ, не было, какъ не было такового и относительно повинностей путныхъ и панцyrныхъ слугъ. Все зависѣло отъ величины и производительности земельныхъ участковъ, которыми владѣли конные слуги, отъ мѣстной „старинны“ и разныхъ льготъ и изъятій. Тѣ изъ кіевскихъ слугъ, которые обязаны были ходить съ послами въ орду ²⁵⁸), назывались *ордынцами*. Такихъ слугъ по актамъ мы встрѣчаемъ въ повѣтахъ Путивльскомъ, собственномъ Кіевскомъ, Вруцкомъ, Каневскомъ и Черкасскомъ ²⁵⁹). Конныхъ слугъ встрѣчаемъ и въ землѣ Волынской: въ 1509 году князь Константинъ Ивановичъ Острожскій выпросилъ у короля Сигизмунда село Птичае въ Кременецкомъ повѣтѣ, — „а передъ тымъ съ того села, — гласить привилей короля, — служивано чотыри слуги на коняхъ“ ²⁶⁰). Наконецъ, слугъ конныхъ встрѣчаемъ по актамъ и въ предѣлахъ собственной Литовской земли. Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ дьяку митрополита Кіевскаго Іоны Ваську Петровичу землю пустовскую въ Новгородскомъ повѣтѣ въ Сетевинѣ, которая, по его показанію, была „не даная, служебная конная“ ²⁶¹) и т. д.

²⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 109, 110.

²⁵⁶) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

²⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161.

²⁵⁸) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

²⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 269, 279; Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. IV, т. I, № 1.

²⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

²⁶¹) Ibidem, л. 133.

Въ актахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко и просто слугъ, безъ обозначенія ихъ спеціальной службы, такъ какъ и на дѣлѣ, какъ мы видѣли, спеціализація военной службы не всегда строго проводилась. Такъ, „слуги Деменскіе“ Смоленскаго повѣта Иваанъ Широкій съ дѣтьми въ 1496 году получили отъ великаго князя подтвержденіе на село на Печкахъ, которое имъ пожаловалъ князь Ѳеодоръ и сынъ его Семень Воротынскіе ²⁶²⁾. Въ томъ же году „слуги Пьяновскіе“ Брянскаго повѣта жаловались великому князю на боярина Брянскаго Богдана Григорьевича, которому король Казимиръ пожаловалъ село ихъ Брасовское: „и онъ и самихъ ихъ не хотѣлъ отъ себя отпустить и съ статьи ихъ, и жито собѣ забралъ“. Великій князь, рассмотрѣвъ это дѣло, присудилъ село Брасовское Богдану Григорьевичу, а относительно слугъ постановилъ: „а они мають понти доброволно, куды всхотять, отъ него прочь со всеми своими статей и съ житомъ“ ²⁶³⁾ и т. д.

X.

Всѣ перечисленные разряды крестьянъ, объединенные до извѣстной степени мѣстомъ поселенія, общностью нѣкоторыхъ повинностей и административной организаціи, составляли господарскую *волость въ тѣсномъ смыслѣ* и назывались *волостными людьми* въ отличіе отъ господарскихъ мѣщанъ и бояръ, которые стояли отъ нихъ болѣе или менѣе особнякомъ въ этихъ отношеніяхъ. Отличіе волостныхъ людей отъ мѣщанъ и бояръ находимъ во множествѣ актовъ изучаемаго времени. Въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Каменець, читаемъ между прочимъ: „А въ тому, коли платъ положимъ на все наше панство великое князьство Литовское, тогда съ *волостныхъ* людей маеть намъ серебщину давати, а съ *мѣста* ордынщину, также и серебщину и который кольве платъ положимъ. А онъ маеть тотъ дворъ нашъ держати съ мѣстомъ и съ волостными людьми и съ слугами путными и данными, и бобровники, и съ осочники“ ²⁶⁴⁾... Въ протавоположность мѣщанамъ, состоявшимъ въ магдебургскомъ правѣ, волостные люди называются иногда *городскими*, какъ состоящіе подъ городскимъ, или замковымъ,

²⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58.

²⁶³⁾ Ibidem, л. 54.

²⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593. Срав. Акты Зап. Рос. II,

присудомъ ²⁶⁵⁾). Волостные люди отличаются, кромѣ мѣщанъ, и отъ бояръ, напр., въ арендномъ листѣ на корчмы Полоцкія, выданномъ въ 1503 году дворянину Михайлу Свешневскому, гдѣ читаемъ между прочимъ: „Такжежь которые будутъ владыка Полоцкій и бояре, и мѣщане Полоцкіи и волостныи люди корчмы свои держати, тыи корчмы казали есмо ему на насъ забирати“ ²⁶⁶⁾. Волостные люди въ противоположеніе боярамъ и мѣщанамъ называются перѣдко *мужами* и даже уменьшительно *мужиками*. Такъ, листъ короля Александра отъ 9 августа 1504 года объ отдачѣ Богушу Боговятиновичу корчмы Кричовской на годъ, адресованъ „намѣстнику Кричовскому Петрашку Ецимаховичу и бояромъ Кричовскимъ, и старостѣ мѣста Кричовского и мѣщаномъ, и мужомъ“ ²⁶⁷⁾. Воевода Виленскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, получивъ жалобу отъ „людей волости Борисовской“, что у нихъ пропало трое коней, которыхъ они затѣмъ признали у служебника воеводы Васка Игнатовича и паробка Воложинскаго Станка, писалъ до намѣстника своего Воложинскаго Бальцера: „что бы еси у того Васка и у паробка опыталъ и достаточно се до вѣдалъ, откуль они тыи кони мають и якъ имъ достались, и, того певне по нихъ до вѣдавшися, достаточно до насъ отписалъ, а тыи кади, если будутъ тыхъ мужиковъ, казалъ имъ поворочати“ ²⁶⁸⁾.

Слуги или люди путные обыкновенно обнимаются въ соозначеніи названія людей волостныхъ. Кромѣ приведеннаго уже примѣра въ заставномъ листѣ на замокъ Каменецъ, это можно подтвердить и многими другими. Въ привидѣнъ на замокъ Кобрынь, выданномъ 6 апрѣля 1519 года пану Венцеславу Станиславовичу Костевича, читаемъ, что король пожаловалъ ему замокъ до живота „зъ бояры и мѣщаны Кобрыньскими и со всеми людьми нашими (королевскими) путными и данными, и тяглыми Кобрыньское волости“ ²⁶⁹⁾. Въ томъ же году король выдалъ листъ пану Альбрехту Мартиновичу на держаніе двора Утены въ заставѣ „зъ мѣстомъ и со всеми мѣщаны и зъ людьми всеми Утенское волости путными и данными, и тяглыми, и съ конюди, и съ конокормцы, и зъ лейты, и съ псарцы, и ловцы“ ²⁷⁰⁾. По

²⁶⁵⁾ Акты Зап. Рос, II, № 61.

²⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 259. Срав. *ibidem*, л. 260; Акты Зап. Рос. II, № 86.

²⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 288.

²⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Коронныхъ Переписей XXIV, докум. 33.

²⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 40.

²⁷⁰⁾ *Ibidem*, л. 38.

иногда путные слуги выдѣляются изъ состава волостныхъ людей, какъ люди не простые и притомъ мало связанные съ мѣстнымъ крестьянскимъ обществомъ своими повинностями. Такимъ образомъ, въ привилеѣ на дворъ Молодечно, выданномъ въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому, читаемъ, что король пожаловалъ ему дворъ Молодечно „у вотчину, непоручно на вѣки, съ бояры и съ мѣщаны и съ Татари тыми, которые на мѣстѣ Молодеческомъ живутъ, и съ слугами путными, и со всеми людьми волостными и тяглыми, и данными, и съ конюжи, и съ рыболовы“²⁷¹⁾. Замокъ Бѣльскій выкупили у пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда, по словамъ королевскаго листа, „земане-шляхта и мѣщане и слуги путные и люди волостныи“ повѣта Бѣльскаго²⁷²⁾. Сказанное о путныхъ слугахъ справедливо и относительно слугъ другихъ наименованій.

Волостные люди по старой памяти назывались иногда и *смердами*. Въ 1495 году великій князь Александръ, подтверждая царю Василью Хребтовичу имѣнья Конюжи, Защитовъ и Бѣлое Поле во Владимирскомъ повѣтѣ, писалъ: „Ино, коли оны тое селѣцо купилъ въ земляхъ Володимирскихъ вѣчно, а не въ смердовъ, и мы приволяемъ ему тое селѣцо Конюжи, а Защитовъ а Бѣлое поле купити и подтверждаемъ то ему симъ нашимъ листомъ“²⁷³⁾. Впрочемъ, это названіе, повидимому, прилагалось только къ массѣ рядового тяглаго крестьянства и не простиралось на высшіе разряды „ремесленныхъ“ крестьянъ, людей вольныхъ, служившихъ съ своихъ земель военную службу на ряду съ слугами и юридически имъ равноправныхъ²⁷⁴⁾. — Наконецъ, на Подляшѣ и Подольѣ; а ирѣдѣ и на Волыни волостные люди (кромя слугъ) назывались по польски *хлопами* или *кметями*²⁷⁵⁾.

ХІ.

Мѣщане, несмотря на то, что въ актахъ отличаются отъ волостныхъ людей, на дѣлѣ не вездѣ и не всегда были обособлены отъ нихъ, а таяли вмѣстѣ съ ними въ разныхъ повинностяхъ, въ томъ числѣ и въ работахъ по господарскому хозяйству. Такъ, мѣщане Чудновскіе всѣ ходили на толоку „жита жати и сѣна косити“²⁷⁶⁾. Мѣ-

²⁷¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 69.

²⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 104.

²⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 54.

²⁷⁴⁾ См. XV раздѣлъ Статута 1529, арт. 2.

²⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 37. Акты Зап. Рос. I, № 193.

²⁷⁶⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. VП, т. II, № 1.

щане Кіевскіе косили одинъ день сѣно подъ боркомъ около Кіева, сыпали ставовъ подъ городомъ²⁷⁷⁾. Мѣщане Мянскіе обязаны были „млынъ городскій робити и оправляти и дерево на тотъ млынъ возити и преблю сыпати, подлугъ давного обычая“²⁷⁸⁾. Мѣщане мѣсть Бѣльскаго повѣта съ своихъ земель должны были между прочимъ „одинъ день въ недѣлѣ службу тяглую служить“²⁷⁹⁾. Мѣщане Волковышскіе должны были пашню господарскую толокою „два дни орати и два дни жати“, а также оправлять господарскій ставъ въ мѣстѣ, подъ дворомъ господарскимъ, на рѣкѣ Волковыѣ; до пожалованья же имъ королемъ Александромъ нѣмецкаго права, они, „кромѣ того, ходили на дворную работу съ сѣкирою, косили сѣно, ходили до Горедна на работу „въ вапну“²⁸⁰⁾. Мѣщане Рѣчицкіе вмѣстѣ съ „волощанами“ забивали господарскіе езы на Днѣпрѣ, воели дрова на замокъ, поправляли хоромы въ замкѣ и передъ замкомъ, городили и пахали огороды овощные, строили млынъ на р. Ведричѣ²⁸¹⁾, и т. д. Необходимо замѣтить при этомъ, что всѣ эти издѣльныя повинности мѣщанъ были въ обратномъ отношеніи съ тѣми „платами“, которыя они давали на господаря. Чѣмъ богаче было мѣсто, чѣмъ болѣе платило оно господарю разныхъ податей и налоговъ, тѣмъ менѣе работали и мѣщане на господарскомъ хозяйствѣ. Мѣщане нервовласныхъ мѣсть Литовско-Русскаго государства даже и совсѣмъ не участвовали въ дворныхъ тяглыхъ работахъ на господаря. Больше всѣхъ работали на господарскомъ хозяйствѣ мѣщане мѣсть бѣдныхъ, жившіе не столько промышленностью и торговлею, сколько земледѣіемъ.

Вмѣстѣ съ господарскими людьми на работу въ господарскимъ дворамъ выходили нерѣдко и „подданные“ церковные, княжескіе, панскіе, боярскіе или землянскіе. Жалованными грамотами 1387, 1413 и 1457 гг. князья, паны, бояре и земле-шляхта, а также лица и учрежденія церковныя были освобождены мотъ послыли людей съ своихъ имѣній на господарскія работы. Но при господствѣ въ Литовско-Русскомъ государствѣ системы „привилеевъ“, при преобладаніи частныхъ опредѣленій, льготъ и изъятій надъ общими нормами права, нерѣдко были случаи, когда и „подданные“ князей, пановъ или бояръ-шляхты

²⁷⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 120.

²⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

²⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

²⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13.

²⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67; Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч.

несли повинности на господарскомъ хозяйствѣ. Такъ, несмотря на то, что жалованная грамота 1457 года распространила польскія шляхетскія права на духовныхъ, князей, пановъ, бояръ и землянъ всѣхъ земель великаго княжества Литовскаго, въ Волынской землѣ до самаго 1501 года люди церковные, княжескіе, панскіе и землянскіе ходили на работу въ господарскимъ замкамъ и дворцамъ „орати и жати и сѣно косити“, и только въ этомъ году получили отъ короля Александра освобожденіе отъ этихъ повинностей²⁸³). И въ другихъ областяхъ мы встрѣчаемся по актамъ съ изъятіями изъ общихъ опредѣлений „земскаго права“. Эти изъятія устанавливалъ самъ государь великій князь по тѣмъ или другимъ соображеніямъ при пожалованіи имѣнья въ частныя руки. Такимъ образомъ люди бояръ Котовичей вмѣстѣ съ людьми волости Свислочной обязаны были, какъ это отърывается изъ суднаго листа великаго князя Александра отъ 29 февраля 1499 г., косить сѣно на господаря, возить житницу до замковъ господарскихъ „и всякую тягль мають съ ними тягнуги и ни въ чомъ не мають ихъ выдати“, своимъ панамъ они обязаны были только платить дань²⁸⁴).— Государь нерѣдко жаловалъ частнымъ лицамъ только дань съ своихъ людей (даже на вѣчность), которые всѣми другими повинностями, въ томъ числѣ и работами дворными, тянули къ мѣстному господарскому двору. Такъ, люди грезскіе платили дань панамъ Боговитиновичамъ, но изъ нихъ только двое принадлежали имъ „со всѣми землями ихъ папными и бортными“, были ихъ „подданные“, а остальные были люди господарскіе²⁸⁵). Въ Бобруйской волости король Сигизмундъ подавалъ князьямъ, панамъ, боярамъ и дворянамъ только дань медовую съ нѣкоторыхъ людей, „а дань грошовую и бобры, и куницы,—гласитъ листъ короля отъ 7 марта 1533 года,—и иншіи всякіи повинности велѣли есмо посполъ зъ волостью нашою Бобруйскою имъ на насъ давати“²⁸⁶). Дань чаще всего жаловалась церквамъ или монастырямъ, при чемъ люди, обязанные платить дань, оставались господарскими „подданными“ и даже жаловались государемъ частнымъ лицамъ. Такъ король Александръ пожаловалъ на вѣчность, а Сигизмундъ подтвердилъ въ 1523 году монастырю Св. Троицы въ Смоленскѣ вадъ меду съ людей данниковъ Демида Майковскаго и его братья; въ томъ же 1523 году король Сигизмундъ пожаловалъ Пустынскому

²⁸³) Акты Южн. и Запад. Рос. I № 36.

²⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

²⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 311.

²⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

монастырю въ Мстиславль три рубля грошей дани съ села кричовскаго Лобковичей, которое всѣ другіе „поплатки“ по прежнему должно было платить господарю ²⁸⁶).

ХІІ.

Общее руководство и надзоръ за всѣми работами по господарскому хозяйству принадлежали намѣстникамъ-державцамъ, которые вообще вели экономію господарскихъ дворовъ и отвѣчали за нее, какъ за свою въ собственномъ смыслѣ правительственную дѣятельность. О хозяйственно-административной дѣятельности намѣстниковъ державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ можно составить довольно полное представленіе по тѣмъ инструкціямъ, которыя даны были имъ королемъ Сигизмундомъ въ 1514 и 1529 годахъ и въ которыхъ большею частію была нормирована и упорядочена существовавшая практика ²⁸⁷). Это представленіе въ общемъ будетъ вѣрно и относительно намѣстниковъ-державцевъ (и тивуновъ) Жмудской и русскихъ земель великаго княжества.

По инструкціямъ короля Сигизмунда намѣстникъ-державца, подчитавъ общее количество урожая, прежде всего выдавалъ десятины церковныя, гдѣ онѣ были, затѣмъ откладывалъ „въ копахъ“ такое количество „жита“, которое по его расчету нужно было для посѣва будущаго года, затѣмъ оставлялъ въ зернѣ и снопахъ „мѣсячину“ челяди дворной по расчету на цѣлый годъ; остальное составляло чистый доходъ, въ которомъ третья часть была „къ живности и пожитку“ намѣстника-державцы, а двѣ другія шли въ пользу господарскую. Эти двѣ части должны были лежать „въ копахъ“ до весны, когда съ поднятіемъ цѣны на хлѣбъ державцы должны были продавать ихъ на наличныя деньги или же „на боргъ, за слушнымъ рукоемствомъ заплаты“. При королѣ Казимирѣ, Александрѣ и въ первые годы Сигизмундова панованья эту рожь намѣстники-державцы должны были раздавать нерѣдко по господарскимъ „квитацеямъ“ разнымъ лицамъ взаимнѣн жалованья. Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Юндилу 30 бочокъ ржи у Волковыйску зъ двора; сокольнику Миколаю 20 бочокъ ржи въ тивуна Виленскаго въ Лынгвенѣ“ и т. д. ²⁸⁸). Иногда господарь помѣщалъ въ томъ или другомъ

²⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 237—239.

²⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583; Акты Зап. Рос. II, № 150.

²⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 56, 67.

дворѣ безпомѣстнаго дворянина, назначая ему содержаніе изъ дворныхъ запасовъ, въ томъ числѣ и ржи. Такъ, король Сигизмундъ 28 октября 1510 г. назначилъ нѣкому Тишѣ Радогощанину, пріѣхавшему къ нему въ Краковъ вмѣстѣ съ другими дворянами, которые не имѣли имѣній, „лежанье въ тивунствѣ Виленскомъ, стирта сѣна, 10 бочокъ жита, 10 бочокъ овса, зъ винъ 3 рубли“²⁸⁹). Жито, отложенное на посѣвъ будущаго года, весною должно было, по инструкціи 1529 года, раздаваться „въ отсопъ“ господарскимъ подданнымъ, которые по полученіи новаго урожая за каждую копу жита платили бочку дворную; этимъ новымъ житомъ и засѣвались осенью господарскія пашни. Такимъ же приблизительно образомъ распоряжались намѣстники-державцы и относительно „яринъ“, въ которыхъ имъ до 1529 г. принадлежала также третья часть чистаго дохода, а позже—четвертая. Король Сигизмундъ поставилъ имъ въ обязанность сѣять достатокъ льна съ тѣмъ, чтобы отъ каждой „жонки, которая мѣсячину беретъ“, онъ могъ дать поставъ (холстъ) полотна на каждый годъ. Такъ было уставлено въ 1529 г., а ранѣе, согласно инструкціи 1514 г., намѣстникъ-державца долженъ былъ давать королевѣ скатертей и полотна, сколько „выробять“.

По инструкціи 1529 г. державцы должны были вести точную отчетность по господарскому гумну и предъявлять ее писарямъ, которые для контроля должны были два раза въ годъ, весною и осенью, объѣзжать господарскіе дворы. Этотъ контроль и отчетность существовали и ранѣе, хотя и не были такъ организованы, какъ со времени уставы 1529 года. До насъ дошли инвентари нѣкоторыхъ господарскихъ замковъ и дворовъ отъ времепъ короля Казимира²⁹⁰), Александра²⁹¹) и Сигизмунда до 1529 г.²⁹²), въ которыхъ въ числѣ разной наличности господарскаго замка или двора перечислены скирды ржи или яроваго хлѣба, стога сѣна и т. подоб. Эти инвентари составлялись обыкновенно дворянами, которыхъ государь посылалъ „увязывать“ въ держанье замковъ и дворовъ новыхъ намѣстниковъ²⁹³), вслѣдствіе чего они и назывались „инвентарями“ или „реистрами поданья“. Для центральнаго правительства они служили средствомъ про-

²⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 465.

²⁹⁰) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № 1; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 107, 108.

²⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 261, 279, 280, 282.

²⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648—651; XV, л. 226 и др.

²⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 261.

вѣрки прежнихъ намѣстниковъ-державцевъ и извѣстнымъ основаніемъ для контроля новыхъ. Этотъ контроль производился обыкновенно писарями, которыхъ государь ежегодно посылалъ по своимъ дворамъ и волостямъ ²⁹⁴). Поэтому и инвентари являются иногда вписанными въ книги Метрики, куда великокняжескіе писари кромѣ актовъ, выходящихъ изъ великокняжеской канцеляріи, вносили „на память“ и различные документы и замѣтки о собственной финансово-административной дѣятельности. Кромѣ того, хозяйственные инвентари государскихъ дворовъ держали у себя Виленскій и Троцкій воеводы, которыми, повидимому, также принадлежалъ извѣстный надзоръ и контроль за веденіемъ государскаго хозяйства. Когда передавался государскій дворъ „въ заставу“, воевода обыкновенно посылалъ своего служебника „пописать“ „што будетъ на тотъ часъ въ томъ дворѣ жита, ярого и въ гумнѣ, и на поли посѣяного, и животины и иныхъ рѣчей“, и по этому списку принималъ дворъ, когда кончался срокъ заставы ²⁹⁵). Такіе же инвентари поступали къ воеводѣ, повидимому, въ тѣхъ случаяхъ, когда воеводѣ приходилось „увязывать“ кого-нибудь въ держанье замка или двора его повѣта, такъ какъ не всегда для этого посылался государскій дворянинъ изъ столицы.

Согласно инструкціи 1529 года, державцы, кромѣ того, подлежали контролю конюшихъ дворныхъ: имъ они должны были представлять ежегодно вѣдомости о конскихъ стадахъ каждаго двора, въ которыхъ „каждую свирепу и жеребя мѣти въ регистрѣ на имя, шерстью... и тудѣжъ, што ся которого году примножить“. Державцамъ вѣнено было въ обязанность „въ опатрности мѣти, якобы отъ голоду або зъ зимна жеребята або свирепы не здыхали“, „мѣти пильность о коши стадныи, абы были добрѣ хованы“. За каждую павшую по недосмотру и нерадѣнію скотину державцы должны были платить „водлѣ уставы земское“. Лошади съ государскихъ дворныхъ стадъ шли частью на продажу, составляя одну изъ доходныхъ статей государскаго хозяйства, а частью въ раздачу разнымъ лицамъ взаимѣнъ жалованія, какъ это видно изъ записей пожалованій короля Казимира, Александра и Сигизмунда.

Вѣ контролю и отчетности были только „огородныи реча“, которыя намѣстникамъ-державцамъ предоставлялось „суполно уживати и

²⁹⁴) См. земскій привилей великаго князя Александра 1492, арт. XXXIII, и уставу 1514. Zbiór praw Litewskich, str. 58—67; Литов. Метр. кн. Запис. VII, 582, 583.

²⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110, 113, 114, 156 и др.

къ пожитку своему оборочати“. Только въ случаѣ прїѣздовъ господаря державцы должны были доставлять на его кухню овощей „водлѣ шапунку и уставы вождога двора“.

XIII.

Въ другихъ областяхъ великаго княжества въ изучаемое время не установилось такой строгой отчетности и контроля по гумнамъ и амбарамъ господарскихъ дворовъ, о которой свидѣтельствуя уставы, данныя въ 1514 и 1529 гг. намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ. Собственное хвзяйство великаго князя не получило въ этихъ областяхъ такого широкаго развитія, какъ въ собственной Литвѣ, отчасти по положенію этихъ областей (особенно Волыни, Подолья, Кіевской земли) вдаль отъ центра, въ сосѣдствѣ съ врагами, безпрестанно ихъ разорявшими, отчасти по трудности и даже невыгодности перевода на барщинныя повинности крестьянъ, платившихъ съ давнихъ временъ своимъ господарямъ дань, свыкшихся со своими „пошлинами“ и привязанныхъ къ своей старинѣ (какъ это было особенно въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ). Запаски при господарскихъ дворахъ въ этихъ областяхъ были небольшія, и собираемаго хлѣба большею частію хватало только для прокормленія административнаго и рабочаго персонала, жившаго на господарскихъ дворахъ, а къ господарскому „пожитку“ обыкновенно уже ничего не оставалось, а если что и оставалось, то мѣстные урядники обращали въ свою пользу, за что съ нихъ строго не взыскивалось.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ собственное хозяйство великаго князя не только не развивалось въ изучаемое время, но даже замѣтно падало. Въ 1545 году при замкѣ Владимирскомъ на Волыни оставался только одинъ дворецъ съ пашнею и сѣножатями, на которыхъ работали люди волости Смиденской въ количествѣ ста слишкомъ домовъ. Для такого обширнаго повѣта, какъ Владимирскій, этого было очень мало, и естественно, что королевскій комиссаръ Фальчевскій, производившій тогда ревизію, не нашель въ замкѣ никакихъ хлѣбныхъ запасовъ („наспишованья“) ²⁹⁶⁾. Въ замкѣ Луцкомъ комиссаръ также не нашель „не толко збожа, муки и крупъ, мяса, медовъ прѣсныхъ въ спижарняхъ и въ погребѣхъ, але нигдѣ жадного зернета“. Князь староста при этомъ заявилъ, что онъ „не маєть тежъ не толко зъ чого наспишованья чинити, але самому ку живности не до-

²⁹⁶⁾ Źródła dziejowe, tom. VI, str. 15, 16.

стается". По его словам „одинъ дѣй дворецъ на Красномъ въ замку тягнеть, въ которомъ дворцы пашни што впашеть, то дѣй все на живность выходить и тымъ николи вытрати не можетъ, олижъ дѣй мусить зъ имѣней своихъ всякую живность провадити, а иншые дѣй пожитви и доходы велми малые къ тому староству суть". Въ такомъ же родѣ сдѣлалъ заявленіе и ключникъ Луцкій, по словамъ котораго къ ключу Луцкому тянулъ одинъ только дворецъ на Гнидавѣ ²⁹⁷⁾. Хотя въ этихъ заявленіяхъ было намѣренное преувеличеніе въ цѣляхъ самооправданія, тѣмъ не менѣе картина упадка господарскаго хозяйства выходитъ довольно ярко. Во всемъ Луцкомъ повѣтѣ на господарскомъ хозяйствѣ, да и то съ разными изъятіями и льготами, работало только 124 дворища людей, 11 рыболововъ и 3 огородника, жившіе въ тринадцати селахъ ²⁹⁸⁾.

Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ, добытымъ и сообщеннымъ тѣмъ же комиссаромъ, при Казимирѣ, Александрѣ и Сигизмундѣ въ повѣтахъ Луцкомъ и Владимирскомъ роздано было сто пять селъ, шесть замковъ и четыре двора, двѣ волости, шестнадцать дворищъ и четыре человекъ „окромѣ дворцовъ, што подъ мѣстомъ Луцкимъ и приселковъ, што къ иному замку и дворомъ, колко ихъ прислушаетъ" ²⁹⁹⁾. Такая щедрость, кромѣ другихъ причинъ, объясняется главнымъ образомъ бездоходностью господарскаго хозяйства въ окраинной области, вдали отъ надзора и контроля центра и при частыхъ посѣщеніяхъ татаръ. При замкѣ Кременецкомъ находились два фольварка и одинъ дворъ съ господарскими пашнями и сѣножатями, на которыхъ работало около 250 человекъ съ разными льготами (три дня въ году, орала „вешнины“, три дня „паренины“, сѣяли, жали и свозили на дворъ жатву) и изъятіями,—число, для цѣлаго повѣта не особенно большое и притомъ значительно меньшее по сравненію съ XV в., когда въ волости Кременецкой насчитывалось до 350 человекъ ³⁰⁰⁾.

На Подольѣ господарскаго хозяйства даже совсѣмъ не существовало, если не брать въ расчетъ мельницъ, съ которыхъ вымелки шли на замки. Левъ Потѣй, продолжавшій дѣло Фальчевскаго въ повѣтахъ Браславскомъ и Вѣницкомъ, въ своемъ отчетѣ о состояніи замка Браславскаго, писалъ: „А што ся дотычетъ наспижованья замкового, того жадного зернети нѣтъ ани мають одколь мѣти, бо не толко фол-

²⁹⁷⁾ Źródła dziejowe, tom. VI, str. 47.

²⁹⁸⁾ Ibidem, str. 76—78.

²⁹⁹⁾ Ibidem, str. 87.

³⁰⁰⁾ Ibidem, str. 104; Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 86, 87.

вареу, але и пашни въ замку, ани одного челоуѣка не машь, окромъ млынь на Богу, зъ того толко ровное поживленіе можетъ быть, бо повѣдають, больши стоять, нижели мелеть“. При замкѣ Вѣницкомъ, по его словамъ, также не было ни пашни, ни огородовъ, только два млына, на Бугѣ и въ Межиковѣ, но и тѣ, „коли великая вода, не мелють, а коли вода высохнетъ, тогда тежъ молоти не можетъ; зъ которыхъ дей млыновъ не толко самъ староста и зъ почтомъ своимъ выковатися, але и урядникъ его поживити ся чимъ не маеть“³⁰¹⁾. Потѣй объясняетъ и причину такого плохого состоянія господарскаго хозяйства на Подольѣ: со времени опустошенія Подолья отъ татаръ „не знати гдѣ господарское, а гдѣ землянское есть, вси селища и пожитки за земляны и мѣщаны и за козаки суть, нижели закрыты, и хотябы не вѣмъ какій пожитокъ зъ того собѣ брали, однакоже повѣдають: ничего не маемъ, и повинностей замковыхъ не хочють тягнуги и все въ пустѣ мянуги“. Онъ предлагалъ отстроить вновь замокъ Звенигородскій и содержать въ немъ постоянный гарнизонъ, чтобы опезопасить населеніе отъ нападеній татаръ: тогда „и села замковыи и вси иныи пожитки могутъ знайтися и выисканы были, зъ чого бы вже староста могъ поживленіе мѣти и на томъ бы скарбъ господарскій не шкодовалъ“³⁰²⁾. Кромѣ татарскихъ набѣговъ, немаловажнымъ препятствіемъ къ развитію барщиннаго хозяйства вообще, господарскаго и землянскаго, была близость Подолья, а также и Волини къ польской границѣ. Земляне Вѣницкаго повѣта заявляли Льву Потѣю, что съ ихъ людей службы и пожитковъ мало, „толко въ году три дня служить, а кто не служить, тотъ по шести грошей даетъ, а въ томъ богатшы и пышнѣйшій мужикъ, нижели панъ“. „А то для того ся дѣеть,—объясняли они,—што жъ граница польская не далеко: какъ который челоуѣкъ всочеть, завинить альбо не завинить, такъ и деть прочь, а выданья и справедливости жадное не мають, и еще приходечы одголь злодѣйство и шкodu чинять; за которымъ роспущенствомъ хлопскимъ, ижъ и самъ на себя ани на паза ничего не робить, а на болѣй вѣдаетъ дорогу, куды втекати“³⁰³⁾...

Все сказанное справедливо, хотя и не въ такой степени, относительно Кіевской земли, гдѣ господарское хозяйство въ изучаемое время также не развивалось, а падало. Такъ, въ концѣ XV в. при

³⁰¹⁾ Źródła dziejowe, tom VI, str. 113, 121.

³⁰²⁾ Ibidem, str. 122, 123.

³⁰³⁾ Ibidem, str. 116.

городѣ Житомирѣ было „сѣеное пашни досытъ“, т. е. въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія административнаго и рабочаго персонала при замѣѣ, а также и на случай осады; въ 1545 году, по донесенію Льва Потѣя, „наспишованья жаднаго зернети нѣтъ, а который дворець и паробки на замокъ передъ тымъ бывало, то все сгинуло“³⁰⁴).

Не въ блестящемъ видѣ рисуется господарское хозяйство и въ земляхъ Смоленской и Витебской. Господарскій дворянинъ, составлявшій „на память“ пану Миколаю Ильиничу, назначенному въ 1499 году въ Смоленскъ, „списокъ речей позосталыхъ по пану Юрью Глѣбовичу“, предшественнику Ильинича, ни въ городѣ, ни въ дворцахъ не нашель никакихъ хлѣбныхъ запасовъ „ни у свирнѣхъ, ни у гумнѣхъ“. Количество скота въ этихъ дворцахъ такое, что ихъ можно поставить въ этомъ отношеніи на ряду съ крестьянскими дворами. Такъ, въ дворцѣ Красномъ дворянинъ нашель „4 волы, коровы 2, гусей 11 утичу 30, куровъ старыхъ 10 а молодыхъ 30, свиней 3“; на Глушицѣ—„волы 2, овецъ 4, свиней 16, куровъ 30 зъ молодыми, гусей 17 зъ молодыми, вляча одна“; во дворцѣ Ивановскомъ—„воловъ 8, коровъ, 3, овецъ 22, свиней 10, гусей старыхъ и молодыхъ 20 безъ одное, куровъ 16“ и т. д. Запашка при этихъ дворцахъ была такая: при Красномъ—„жита посѣяно 20 мѣръ, овса 20 мѣръ, пшеницы 5 мѣръ, ярицы 6 мѣръ, гречихи 4 мѣри; на Глушицѣ „жита посѣяно 17 четвертокъ, овса 22 мѣри, пшеницы 4 мѣри, ярицы 4 мѣри, ячменю мѣра, гречихи 3 мѣри“; въ Ивановскомъ—„жита посѣяно 70 мѣръ, ярицы 3 четвертки, пшеницы 8 мѣръ, ячменю 8 мѣръ, гречихи 3 мѣри, овса 41 мѣра, гороху полмѣри“. Эту запашку нельзя считать значительною и тогдашнюю мѣру нельзя отдавать черезчуръ отъ нынѣшней: пашня при Красномъ обрабатывалась исключительно дворными сохами, въ которыя впрягалось 4 вола. Если это такъ, и если при этомъ мы примемъ во вниманіе количество челяди, жившей на вышеупомянутыхъ дворахъ: 29 человекъ мужиковъ и жонковъ на Красномъ, 28 на Глушицѣ, 63 въ Ивановскомъ, — тогда станетъ понятнымъ, почему не найдено было никакихъ хлѣбныхъ запасовъ ни въ свирняхъ, ни въ гумнахъ смоленскихъ дворцовъ. Очевидно, что запасы всѣ расходились на прокормленіе администраціи и челяди дворной, и господарское хозяйство, такимъ образомъ, было въ сущности хозяйствомъ господарскихъ дворцовъ, которое удовлетворяло

³⁰⁴) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № 1; *Źródła dziejowe*, tom VI, str. 138.

ихъ мѣстнымъ потребностямъ, не принося помимо того никакихъ выгодъ господарю. Отсюда—заброшенность этого хозяйства, отсутствие должнаго контроля, что, въ свою очередь, порождало небрежность и хищничество мѣстныхъ правителей. Если не самъ урядникъ, такъ его присные при отъѣздѣ съ уряда спѣшили попользоваться, чѣмъ могли. Въ отчетѣ, представленномъ пану Миколаю Ильиничу въ 1499 г., есть нѣсколько въ этомъ отношеніи характерныхъ обмолвокъ. Такъ, на Глушицѣ „бдучи пани (жена Юрья Глѣбовича) взяла овецъ 4“, а въ Опецкомъ дворцѣ „дѣву пани взяла невольную тыми разы, безъ панскаго вѣдома“³⁰⁵). Получился, такимъ образомъ, своего рода кругъ причинъ и слѣдствій: слабо развившееся по извѣстнымъ географическимъ и историческимъ причинамъ господарское хозяйство не вызвало особенной заботливости о себѣ центральнаго правительства, что, въ свою очередь, обусловливало его застои и даже упадокъ. Въ такомъ же приблизительно видѣ рисуется господарское хозяйство и въ Витебской землѣ по инвентарю замка Витебскаго, „съ чымъ подано пану Ивану Соцѣгъ“³⁰⁶).

Въ Жмудской землѣ господарское хозяйство не развивалось вслѣдствіе особенностей политическаго строя и положенія этой области въ составѣ Литовско-Русскаго государства. Король Казимиръ и его сыновья давали жителямъ Жмудской земли обязательство не строить новыхъ дворовъ въ ихъ землѣ: „одно оныи дворы мають быть направованы тыи, которыи были часу князя Витовта;“ всѣхъ людей, которые не ходили при Витовтѣ на замковыя (дворныя) работы и не косили сѣно, нельзя было, по привилею, заставлять работать. Господарскихъ дворовъ съ пашнями, сколько намъ извѣстно, было въ изучаемое время пять: Вилвея, Велена, Скерстомонь, Ясвойни и Шовли (послѣдній незадолго до 1529 г. былъ пожалованъ Яну, бискупу Виленскому). Въ этихъ дворахъ и сидѣли намѣстники - державцы, получившіе въ 1529 году отъ короля приказъ „въ тыхъ дворѣхъ ядяти и справовати, водаугъ уставы дворовъ нашихъ, которую уставиди есьмо по Виленскому и Троцкому повѣту“³⁰⁷). Большинство же волостей Жмудской земли, въ которыхъ судъ и управу чинили староста и тивуны, назначавшіеся до 1527 года старостами Жмудскими, а съ 1527 года господаремъ³⁰⁸), не имѣли господарскихъ дворовъ съ

³⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 279, 280.

³⁰⁶) Ibidem, л. 261.

³⁰⁷) Акты Зап. Рос. II, № 160. Срав. ibidem № 149, II.

³⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 86.

пашнями, и мѣстные крестьяне работали не на господаря, а на старосту и тивуновъ, отъ чего были вызволены въ 1527 году и были обложены податю въ пользу господаря съ сохъ ³⁰⁹⁾. Въ этихъ волостяхъ за исключеніемъ луговъ, на которыхъ косили сѣно на господаря ³¹⁰⁾, существовали только оброчныя статьи господарскаго хозяйства, а именно: озера и рѣвки съ езами, съ которыхъ платили извѣстный оброкъ „отъ ловенья рыбы“ и обязательную подать въ два гроша съ человѣка (такъ называемые пенязи неводичіе), хмелища, отдававшіяся также на оброкъ (пенязи хмелевые) и пущи, въ которыхъ господарь раздавалъ разнымъ лицамъ право разрабатывать лѣсъ, жечь золу, гнать деготь и смолу на сплавъ за границу и съ платежемъ со всѣхъ этихъ произведеній „мыта“ въ пользу господаря ³¹¹⁾.

Не нужно, конечно, представлять себѣ, чтобы и въ собственной Литовской землѣ великовняжеское хозяйство шло вполне удовлетворительно. Дворянинъ Войтехъ Костибальчичъ, при великомъ князѣ Александрѣ вводившій писаря Богуша въ держанье двора Перелаи, далъ такой, не безъ чувства написанный, отчетъ о состояніи этого двора: „Людей волостныхъ 100 и 60 человѣковъ; у гумнѣ жита а ни овса, ни яринѣ—жадного куса нѣтъ; на поли посѣяно девеносто бочокъ овса, а въ дворѣ ни одного вола, толко одна кляча старая, а въ дворѣ въ свирнѣхъ ничего нѣтъ“ ³¹²⁾. Не одному Костибальчичу приходилось, вѣроятно, писать такіе отчеты о состояніи господарскихъ дворовъ. Король Сигизмундъ въ 1514 году писалъ державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ: „какъ есмы сѣли на отчизнѣ нашей, у великомъ князствѣ Литовскомъ, по тыи лѣта ты и инши вранники наши, которыи отъ насъ дворы держать, никоторыхъ доходовъ а ни пожитковъ съ тыхъ дворовъ нашихъ и до того часу не даютъ; и оборочаете кождый ку своему пожитку, а не къ нашому господарскому“ ³¹³⁾. Изъ этого видно, что въ собственной Литовской землѣ господарское хозяйство страдало главнымъ образомъ отъ недостатка надлежащаго контроля и отчетности, съ установленіемъ которыхъ оно могло давать хорошій доходъ великовняжескому скарбу. Къ установленію надлежащаго контроля и отчетности и направлены

³⁰⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 149, I; 160.

³¹⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 7.

³¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 542, 543; Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 3.

³¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, 261.

³¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

были усилія короля Сигизмунда, а posteriori доказывающія, что господарское хозяйство могло быть здѣсь немаловажною доходною статью. Въ собственной Литовской землѣ, поэтому, должна была получить наивысшее развитіе и хозяйственно-административная дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ, которые являются здѣсь въ большей степени съ характеромъ великокняжескихъ прикащиковъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ, гдѣ эта роль ихъ сравнительно мало замѣтна и почти совсѣмъ закрыта ихъ государственною дѣятельностью. Эти замѣчанія необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія и оцѣнки всего того, что читатель найдетъ въ предлагаемомъ очеркѣ относительно хозяйственно административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ. Очеркъ имѣетъ въ виду преимущественно намѣстниковъ-державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, хозяйственная дѣятельность которыхъ рѣзче, выпуклѣе выступаетъ по актамъ. Въ общемъ онъ будетъ справедливъ и относительно хозяйственно-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ и другихъ областей Литовско-Русскаго государства, хотя только въ общемъ; частности же могутъ встрѣтиться и особенныя, отличныя, но изслѣдованіе ихъ пока не могло еще войти въ задачу настоящаго труда. Итакъ, возвратимся къ хозяйственно административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ.

XIV.

Эта дѣятельность въ идеѣ и до извѣстной степени на практикѣ направлена была къ поддержанію и развитію господарскаго хозяйства въ данномъ повѣтѣ. Интрукція 1529 года предписываетъ, „абы каждый державца дворы наши (т. е. господарскіе) будоваль, оправоваль, огородилъ, ставы и млыны, гдѣ могутъ быти, абы были роблены“. По актамъ мы часто встрѣчаемся съ этою строительною дѣятельностью намѣстниковъ-державцевъ. Такъ намѣстникъ Минскій кн. Богданъ Ивановичъ Жеславскій оправлялъ „городской“ млынъ и сыпаль для него греблю, какъ это открывается изъ жалобы его на мѣщанъ Минскихъ, не хотѣвшихъ участвовать въ этихъ работахъ ³¹⁴⁾. Намѣстнику Торопецкому писалъ великій князь Александръ о томъ, „что старецъ Старцовое волости и мужи мають дворъ тивунскій тыми разы въ городѣ посиоль съ Торопчаны варадити, а потомъ, коли тотъ дворъ любо сгнѣтъ, а любо опадеть, а любо—Боже, того не дай—сгорить,

³¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143. Срав. XII, л. 154, 155.

тогда вже одинъ старецъ зъ мужми тотъ дворъ тивунскій мають радити на вѣщя“. Очевидно, что намѣстникъ распоряжался постройкою и ремонтомъ тивунскаго двора въ Торопцѣ, если великій князь сообщалъ ему, какую долю участія должна принимать въ этихъ работахъ Старцова волость ³¹⁵⁾. Въ Рѣчицкомъ повѣтѣ господарскіе поданные „въ росказаньемъ державцовымъ“ строили хоромы въ замкѣ и передъ замкомъ, мельницу на р. Ведричѣ, городили и пахали огороды овощные, „яко слушать на овощныи рѣчы“, забивали евъ на Диѣпрѣ на замокъ ³¹⁶⁾ и т. д. Поддержаніе земледѣльческаго инвентаря на господарскихъ дворахъ было также на обязанности намѣстниковъ-державцевъ. Король Сигизмундъ предписывалъ имъ: „тежь, абы кождый державца кождога двора, гдѣ есть челядь неволная, быдла въ дворѣхъ нашихъ мѣлъ доесть, и овшельи сохи дворныи, абы челядь неволная дворными сохами робыли въ розмноженью пашни и дворовъ нашихъ“.

Заботясь о поддержаніи движимаго и недвижимаго капитала для сельскаго хозяйства великаго князя, намѣстникъ-державца долженъ былъ заботиться и о томъ, чтобы оно было опезпечено крестьянскимъ трудомъ, чтобы для потребностей его было должное количество крестьянскихъ службъ, тяглыхъ и специальныхъ. Эта забота находила себѣ примѣненіе въ разнообразныхъ случаяхъ. Такъ, пожалованія людей изъ состава волости рѣшались окончательнo обыкновенно по заявленію намѣстника-державцы. Получивъ просьбу о пожалованіи людей съ землями, великій князь спрашивалъ намѣстника - державцу прямо или черезъ воеводу, не будетъ ли это его двору шкодно, и только получивъ отрицательный отвѣтъ, утверждалъ имѣнне за просителемъ, а иногда предоставлялъ самому намѣстнику - державцѣ удовлетворить просьбу. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ, пожаловавъ землянину кievскому Яцку Лозѣ село Теренковичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, писалъ намѣстнику паву Юрью Миколаевичу: „и твоя бы милость ему въ то увязанье даль; пакъ ли бы тое село было замку нашему шкодно, и твоя бы милость, обравши гдѣ въ Мозырской же волости людей пять чоловѣковъ, што бы были замку нашему недалеце шкодно, и ему даль“ ³¹⁷⁾. Намѣстникъ - державца иногда suo motu отиѣнялъ господарское пожалованье на томъ основаніи, что оно будетъ двору

³¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

³¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

³¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 65.

шкодно, и замѣнялъ его другимъ или же дѣлалъ о томъ докладъ господарю. Такъ, напр., намѣстникъ Чечерскій князь Сементъ Чорторыйскій не далъ дворянину Гаврилѣ Тишковичу села Золотаревичъ въ Чечерской волости, пожалованнаго ему королемъ, а далъ ему село Рудно въ той же волости, которое король и утвердилъ за нимъ на вѣчность 12 января 1525 г. Поэтому великій князь очень часто прямо или черезъ воеводу поручалъ намѣстнику державцѣ самому „обьскать“ извѣстное количество людей съ землями для того или другаго лица съ тѣмъ, чтобы это пожалованіе не было двору шкодно. Примѣровъ этого не мало было приведено во второмъ очеркѣ. При переходѣ крестьянскихъ земель въ руки лицъ другихъ сословій также не рѣдко должна была проявляться эта забота о полнотѣ крестьянскихъ служебъ при господарскомъ дворѣ. Такъ, намѣстникъ Довеговскій панъ Юрій Довойновичъ Якубовича не далъ боярину Михаилу Вяжевичу Заневскую землю и Совятишки, пожалованныя ему королемъ Александромъ, на томъ основаніи, „што жъ отчычи по одному чоловѣку къ тѣмъ земляцамъ отозвалися“. Намѣстникъ, такимъ образомъ, боялся потерять изъ состава господарской волости двѣ души, которыя слѣдовали за своими отчинами въ подданство къ боярину Михаилу Вяжевичу ³¹⁸). Въ тѣхъ случаяхъ, когда господарь жаловалъ земли подъ своими „людьми“, намѣстникъ-державца въ тѣхъ же видахъ принискивалъ для нихъ отмѣну въ „пустовскихъ“ земляхъ или „на сыромъ корени“. Такъ, намѣстникъ Олитскій Петръ Олехновичъ въ 1494 году долженъ былъ отвести земли „у Куковѣ островѣ“ господарскимъ людямъ, пашни которыхъ великій князь пожаловалъ тивуну Троцкому Михну Ивановичу „къ пашни его Клейтинишской“ ³¹⁹). Когда господарскіе люди продавали свои отчины, намѣстникъ-державца разрѣшалъ эту продажу только при томъ условіи, если покупатели брали на себя и всѣ обязанности, связанныя съ данною землею. Намѣстникъ старосты Городенскаго Станислава Петровича Янъ Фучинскій дозволилъ „чоловѣку“ Городенскому Мартину Докшевичу „съ права“ спустить свою отчину „въ пенязѣхъ“ мѣщанину Городенскому Миклашу Дерличичу съ условіемъ, „ижь маеть онъ съ тое земли Мартиновщины службу тяглую служити и дякло давати по тому, какъ и тотъ Мартинъ служивалъ и дякло даивалъ“ ³²⁰).

³¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 186.

³¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45.

³²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 48, 49.

Имѣя въ виду интересы господарскаго хозяйства и общую доходность своего держанья, намѣстникъ - державца „осаживалъ“ людьми пустыя крестьянскіе участки. Какъ и въ какомъ направленіи могла развиваться эта послѣдняя дѣятельность намѣстниковъ - державцевъ, станетъ яснымъ только послѣ разсмотрѣнія юридическаго и экономическаго положенія крестьянъ, послѣ рѣшенія вопроса, какъ появлялись пустошныя среди крестьянскихъ земель и откуда брались люди, которыми можно было осаживать эти пустошныя. Для рѣшенія этого вопроса необходимо сдѣлать отступленіе въ настоящемъ изложеніи, которое безъ этого будетъ страдать неясностію и неполнотою.

XV.

Юридическое положеніе литовско-русскихъ крестьянъ въ достаточную эпоху до сихъ поръ не выяснено въ паличпой исторической литературѣ. Исслѣдователи сравнительно мало имѣли подъ руками матеріала, да и изъ того, который былъ въ ихъ распоряженіи, не умѣли выдѣлать юридическаго элемента и принимали за нормы права казусы и факты. Кромѣ того, не мало вредила дѣлу и ненадлежащая постановка изслѣдованій, при которой господарскіе крестьяне не различались отъ частновладѣльческихъ, благодаря чему черты, свойственныя положенію первыхъ, переносились на вторыхъ и обратно. Между тѣмъ положеніе господарскихъ крестьянъ не могло не отличаться отъ положенія частновладѣльческихъ уже по тому одному, что они принадлежали такому крупному вотчиннику, каковымъ былъ великій князь, имѣнія котораго разбросаны были по всему государству, вмѣщая въ себѣ чуть не половину всего литовско-русскаго крестьянства. Съ другой стороны, не могло быть безъ вліянія въ данномъ случаѣ и то обстоятельство, что великій князь былъ не простой панъ для своихъ подданныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государь, котораго они были подданными на ряду съ мѣщанами, боярами, панами и даже князьями; и это вліяніе, можно сказать, было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе будемъ отдаляться во времени назадъ. Хотя съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго права на Литовской Руси, съ отчужденіемъ въ пользу владѣльцевъ разныхъ государственныхъ правъ, великій князь довольно близко подошелъ къ типу пана, но подошелъ все-таки не настолько, чтобы его волости можно было вполнѣ отождествить съ панскими владѣніями. Положеніе крестьянъ въ господарскихъ имѣніяхъ все-таки во многомъ должно было различаться отъ положенія частновладѣльческихъ, и эту разницу, хотя бы *in posse*, полезно было бы

имѣть въ виду изслѣдователямъ, а не сбивать въ кучу всѣ факты, относящіеся до литовско-русскихъ крестьянъ вообще. Все здѣсь сказанное я и постараюсь подтвердить, насколько это будетъ согласоваться съ цѣлями изслѣдованія.

Первый вопросъ, который здѣсь предстоитъ рѣшить, это тотъ, какимъ образомъ являлись пустощины въ господарскихъ волостяхъ. Несомнѣнно, что пустощины являлись не потому только одному, что вымирали владѣвшіе земельными участками крестьяне. Обратившись за разрѣшеніемъ этого вопроса къ существующимъ сочиненіямъ, мы найдемъ въ нихъ указанія на существованіе въ Литовско-Русскомъ государствѣ двухъ разрядовъ крестьянъ: прикрѣпленныхъ къ землѣ или „непохожихъ“ и вольныхъ „похожихъ“³²¹⁾.—Къ первымъ де относились *отчичи* (иногда *отчичи прироженные, дѣдичи*), „зависимость которыхъ обуславливалась обязанностью не сходить съ земли, которою они пользуются и платятъ господину работою и данью“; ко вторымъ *данники*, которые, „платя по условію съ владѣльцемъ извѣстныя дани, были свободны оставить земли, когда хотѣли, и перейти къ другому владѣльцу, предварительно рассчитавшись съ первымъ“³²²⁾. Выходитъ такимъ образомъ, что пустощины должны были являться естественно, разъ существовалъ классъ крестьянъ, пользовавшійся правомъ свободнаго перехода. Но заключеніе на основаніи вышеприведенныхъ положеній разбивается тотчасъ же, какъ скоро выйдемъ за кругъ фактовъ, на которыхъ эти положенія строились. Въ актахъ мы встрѣчаемъ указанія, говорящія противъ того, что данники были свободные люди, имѣвшіе *право* оставить свои земли, когда хотѣли. Въ 1496 году великій князь Александръ пожаловалъ князю Ивану Борисовичу „данника въ Черниговскомъ повѣтѣ, на имя Бутовича и сельцо Смолино; а на томъ дей сельцы князь Александръ посадилъ былъ людъ волный прихожій, на того жъ Бутовича земли“. Изъ этихъ словъ выносятся впечатлѣніе, что данникъ Бутовичъ не былъ вольнымъ человѣкомъ, и это впечатлѣніе усиливается послѣдующею оговоркою: „нижми тыи люди волныи, што князь Александръ посадилъ на той земли, всхотятъ, ему служатъ, а не всхотятъ ему слу-

³²¹⁾ *О. Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI ст.“ въ *Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ* 1863, № 10, отд. 2, стр. 9, 10, 14, 24, 25.

³²²⁾ *В. Б. Антоновича* Предисловіе къ II тому VI части Архива Юго-Западной Россіи, стр. 13—17; *К. Вестужева-Рюмина* Русская Исторія, т. II, стр. 90; *Д. И. Иловайскаго* Исторія Россіи, томъ III, стр. 83.

жить, и онъ маєтъ ихъ отпустить добровольно со всеми ихъ статки²²³⁾. Про данника здѣсь нѣтъ и рѣчи, и не по тому, что его вольность разумѣлась сама собою, а потому, что онъ не имѣлъ права повинуть свою отчину. Въ актахъ мы встрѣчаемъ нерѣдко случаи, когда государь, жалуя пустовщины данниковъ, представлялъ владѣльцу ихъ право отыскать и самихъ данниковъ и водворить ихъ на прежнихъ ихъ земляхъ или даже приказывалъ намѣстнику осаживать насильно данниковъ на ихъ „отчины“. Такъ, великій князь Александръ, подтвердивъ боярину полоцкому Васку Сенковичу съ братьею село Свило, пожалованное ихъ дѣду и отцу королемъ Казимиромъ, — „а тое село давало дей только три куницы *дани* его милости“, — написалъ въ подтвердительномъ привилеѣ: „нехай они тое село и тыи люди вси держать по тому, какъ отецъ нашъ, король его милость, отцу ихъ далъ и какъ въ листѣхъ его милости есть написано; и которые люди будутъ того села, ихъ отчины, отъ нихъ ся прочь розошли, а гдѣ они ихъ найдуть, ажъ бы вездѣ ихъ имъ выдавали со всеми ихъ статки, съ чимъ бы за кого будутъ пришли, а за ними бы не стояли“. — Въ 1533 году воевода Виленскій панъ Албрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ, державшій волость Бобруйскую, состоявшую изъ данниковъ, получилъ отъ короля Сигизмунда приказъ: „которые земли пустовскія лежать впускѣ, а ихъ никто не держыть, на такихъ повинни будете ваша милость, отчичовъ отыскавши, и посадити“²²⁴⁾. Такимъ образомъ, и данниковъ нельзя считать свободными людьми, и слову „отчичи“ придавать тотъ смыслъ, который ему придавъ, ибо и данники являются отчичами²²⁵⁾. Какъ же въ виду всего этого выйти изъ затрудненій и объяснить происхожденіе пустовскихъ земель въ господарскихъ волостяхъ?

XVI.

De jure господарскіе крестьяне - отчичи всѣхъ вообще служебъ, за исключеніемъ слугъ и высшихъ разрядовъ „ремесленныхъ“ людей, отправлявшихъ также военную службу и еще въ Русской Правдѣ отльчаемыхъ отъ смердовъ²²⁶⁾, не могли покидать своихъ отчинъ, потому что

²²³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 133, I.

²²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2; XV, л. 172—174.

²²⁵⁾ Справ. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CII; *И. Новицкая* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 52, прил. 2.

²²⁶⁾ 2 арт. XI, раздѣла Статута 1529 г.; ст. 12 и 13 Русск. Правды по Баранз. списку.

съ этими отчинами переходила на нихъ и обязательная служба господарю. Такъ, когда человекъ тяглый Новгородскаго повѣта Лукьянъ Дороневичъ, „оставивши землю, отчину свою“, зашолъ до мѣста Новгородскаго и сѣлъ на церковной землѣ, намѣстникъ воеводы Новгородскаго Новгородскій (т. е. собственной Новгородской волости) черезъ господарскаго „выводчого“ сталъ сводить его съ церковной земли и только по челобитью нареченнаго митрополита Іосифа и по представленью его, что этотъ человекъ жилъ на церковной землѣ въ покоѣ около 25 лѣтъ, а отчина его уже отдана другому, король Сигизмундъ особымъ листомъ отъ 17 октября 1522 года не велѣлъ выводить его съ церковной земли²²⁷⁾. Въ Полоцкой землѣ былъ пограбленъ „у выводчомъ“ крестьянинъ боярина полоцкаго Андрея Михайловича Климата, по донесенію тивуна Черсвятскаго, „ижь бы онъ былъ человекъ господарскій Черсвятскій Лодошлянинъ“. Климата оправдался предъ воеводою (23 іюня 1533 года) и остался въ „повоѣ“ лишь потому, что доказалъ, что у него нѣтъ подъ господаремъ отчины: „ачкоовекъ есть зъ Ладостна, але отецъ его еще за живота своего землю свою, его отчину, продалъ старцу Лодошненскому Тетери“. При этомъ Тетеря, подтвердивъ это, заявилъ, что онъ съ земли „службу господарю его милости служить, а тотъ Климата иншое земли свое подъ господарю его милости не маеть“²²⁸⁾. Значить, въ противномъ случаѣ Климату не оставили бы въ покоѣ и водворили бы на его отчинѣ. Но изъ приведенныхъ примѣровъ видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что крестьяне-отчичи не безусловно были прикрѣплены къ своимъ землямъ и могли покидать ихъ, если имъ удавалось посадить вмѣсто себя другихъ, соглашавшихся нести ту же службу. Господарю нужны были собственно не люди лично, а та служба, которую они несли, и онъ не могъ ничего имѣть противъ оставленія отчичемъ его участка, если съ него полнилась служба и впредь должна была полниться. Обыкновеннымъ, законнымъ путемъ для отчича оставить свой участокъ была продажа его „съ призоленья“ господаря или его урядника какому нибудь вольному „прихожему“ человеку, который соглашался исполнять лежавшую на участкѣ службу. Въ актахъ мы находимъ немало подтвержденій такого перехода крестьянскихъ участковъ отъ однихъ владѣльцевъ къ другимъ. Обработанная и годная для культуры земля при тогдашнихъ крестьянскихъ повинностяхъ, очевидно, нерѣдко об-

²²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35.

²²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 178.

дадала такую цѣнность, что многіе люди соблазнялись ея покупкою, несмотря на то, что съ этимъ связано было потомственное ограниченіе свободы передвиженія вслѣдствіе потомственного выполненія лежавшихъ на ней повинностей. Но иногда отчичи покидали и незаконнымъ путемъ свои участки, и тѣмъ не менѣе правительство не возвращало ихъ обратно за давностью лѣтъ и вслѣдствіе того, что участки ихъ тѣмъ временемъ успѣли превратиться въ отчины другихъ крестьянъ, которые сѣли на нихъ и несли съ нихъ службу. Таковой примѣръ былъ приведенъ выше. Вообще крестьяне-отчичи прикрѣплены были къ своимъ участкамъ лишь настолько, насколько пребываніемъ своимъ обуславливали исправность и полноту лежавшихъ на ихъ отчинахъ служебъ. Правительство не гонялось за лицомъ, а только за службою, и если эта служба была обезпечена трудомъ, то оно и не возвращало крестьянина на его отчину. Въ 1514 году 12 февраля король Сигизмундъ позволилъ дворянину Костѣ Пищикову принять къ себѣ на пожалованный ему жеребій пустой земли въ Берестейскомъ повѣтѣ въ Помуховскомъ десяткѣ двухъ господарскихъ крестьянъ, которые, „отошедши отъ брата своею, колко лѣтъ ходили по людямъ по наймомъ“; „а тамъ, — мотивовалъ король свое рѣшеніе, — на той земли, гдѣ они передъ тымъ жили, четыре брата ихъ живутъ и службу супольно служатъ“³²⁹).—Такимъ образомъ, прикрѣпленіе къ землѣ отчичей въ господарскихъ имѣніяхъ носило не личный, а обязательственный характеръ: только тѣ изъ отчичей *de iure* не могли сойти съ своихъ участковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ такъ или иначе не сложили съ себя и не переложили на другихъ лежавшія на нихъ обязательства. Поэтому нельзя говорить, что отчичъ ни при какихъ условіяхъ не могъ получить права выхода, какъ утверждаетъ г. Новицкій³³⁰). Это было бы справедливо только при томъ условіи, если бы подъ отчичами разумѣлись не „люди“ господарскіе, а челядь, рабы.

XVII.

Сообразно съ этимъ и происхожденіе отчичей имѣть надобности относить насчетъ челядинцевъ, какъ дѣлаетъ это г. Антоновичъ, толкуя въ пользу этого термина „отчичи прирожденные“. Амплификація въ словоупотребленіи литовско-русскихъ авторовъ — вещь обычная, когда они хотятъ что-нибудь подчеркнуть съ особою силою, на что-нибудь

³²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

³³⁰) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 52.

обратить особое вниманіе, и „отчичи прироженные“ были не кто иные, какъ тѣ же отчичи, т. е. крестьяне, родившіеся и возросшіе на извѣстныхъ земельныхъ участкахъ и получившіе ихъ отъ отца по наслѣдству вмѣстѣ съ обязательствомъ той или другой крестьянской службы. Что касается челядинцевъ, то они обыкновенно потомственно пребывали въ этомъ состояніи, живя при господарскихъ дворахъ и обрабатывая дворныя пашни; они, какъ мы видѣли, оставались въ этомъ званіи даже и тогда, когда имѣли свои „приробки“ въ дворныхъ же земляхъ. По источникамъ мы не замѣчаемъ ни фактовъ перевода челядинцевъ въ разрядъ отчичей, ни даже мотивовъ возможности такихъ фактовъ. Единственное, съ чѣмъ приходится встрѣчаться въ данномъ случаѣ, это выкупъ свободы самими челядинцами и послѣдующій добровольный переходъ ихъ въ разрядъ крестьянъ. Такъ, королева Елена пожаловала, а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ своимъ листомъ боярину Бирштанскаго повѣта Богдану Миколаевичу „четыри чоловѣка у-въ Оніештенскомъ повѣтѣ, которые передъ тымъ были паробки и откупились“, со всѣми ихъ землями пашными и бортными и службами, и дачками³³¹⁾. Производя „отчичей“ отъ челяди невольной, мы должны будемъ признать большинство литовско-русскаго крестьянства рабскимъ по происхожденію, должны будемъ признать непомѣрное развитіе рабства, которое самъ г. Антоновичъ отрицаетъ.

Но если нельзя выводить отчичей отъ челядинцевъ, то нельзя довольствоваться и тѣмъ объясненіемъ, которое предлагаетъ г. Иловайскій. „Первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостного права или къ уравниенію вольныхъ сельскихъ жителей (?) съ невольными,—говоритъ онъ,—былъ земскій привилей 1457 года, по которому Казимиръ IV запрещаетъ переселять поселенцевъ съ частныхъ имѣній на великокняжескія и обратно“³³²⁾. Но если уже существовали невольные люди ранѣе 1457 года, значить и привилей 1457 года не былъ первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостного права, какъ не былъ онъ первымъ шагомъ и къ уравниенію вольныхъ сельскихъ жителей съ невольными, потому что онъ запрещалъ принимать изъ частныхъ имѣній на великокняжескія и обратно только людей невольныхъ и „непохожихъ“, а по другому списку „данныхъ (пожалованныхъ), извѣч-

³³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 72, 73. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 22, III.

³³²⁾ Исторія Россіи, т. III, стр. 84.

ныхъ селянитыхъ (отчичей), невольныхъ“³²³). Такихъ первыхъ шаговъ въ законодательствѣ вообще не дѣлалось, потому что закодательство только утверждало и оформливало уже сложившіяся соціальныя отношенія.

Г. Леонтовичъ выводитъ происхождение класса „непохожихъ людей“ изъ экономическихъ условій, въ какихъ жило литовско-русское крестьянство. „Нуждаясь въ частыхъ пособіяхъ со стороны помѣщика,—говоритъ онъ,—и рѣдко имѣя возможность заплатить ихъ, похожій человѣкъ, долго прожившій на землѣ одного и того же владѣльца по неволѣ дѣлался неоплатнымъ должникомъ, подвергался всѣмъ невыгоднымъ послѣдствіямъ долговой зависимости. Бѣднякъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ жертвовать личною свободою, какъ единственною гарантіею долговыхъ отношеній“.—„Неоплаченные обязательства перваго поселенца—свободнаго человѣка отзывались на зависимости его потомковъ. Ихъ привязывали къ мѣсту поселенія обязательства, сдѣланныя при первомъ поселеніи и обратившіяся при своей неоплатности въ наслѣдственныя. Потомокъ вольнаго поселенца дѣлался такимъ образомъ старожиломъ, незамѣтно входилъ въ число людей отчизныхъ, наслѣдственныхъ. Отсюда само собой образовалось въ жизни и перешло въ положительное законодательство правило, по которому похожіе люди, прожившіе долгое время на владѣльческой землѣ, должны считаться людьми „отчизными, отчичами“. Въ этой хозяйственной зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ нужно искать основную причину или, точнѣе говоря, ту *почву* (sic!), на которой возникло укрѣпленіе сельскихъ жителей какъ въ юго-западной, такъ и въ восточной Руси. Укрѣпленіе вездѣ начиналось только съ классовъ, ставшихъ уже въ большую или меньшую зависимость; укрѣпляя ихъ для своихъ цѣлей, государство только пользовалось готовыми, установившимися отношеніями“³²⁴). Къ этому объясненію отнесся сочувственно и г. Владимірскій-Будановъ, говоря, что „на литовско-русскомъ правѣ всего лучше изучать постепенное бытовое прикрѣпленіе крестьянъ, какъ неизбежное послѣдствіе экономическихъ причинъ“. Но тутъ же онъ сдѣлалъ оговорку, какъ бы чувствуя неудовлетворительность объясненія: „тѣмъ не менѣе несомнѣнно громадное вліяніе нѣмецкаго права въ Литвѣ (а именно волочной системы хозяйства и строгаго отдѣленія городскихъ состояній отъ сельскихъ) на раннее и повсемѣстное прикрѣпленіе, а равно и на внутреннюю строгость этого

³²³) Zbiór praw litewskich, str. 28—35; Акты Зап. Рос. I, № 61.

³²⁴) Кіевскія Университетскія Извѣстія 1863, № 10, отд. 2, стр. 18—21.

права³³⁵⁾. На нашъ взглядъ изъ объясненія г. Леонтовича можно извлечь только одно, что бѣдность вольныхъ „похожихъ“ людей, ихъ задолженность землевладѣльцамъ, вытекавшая изъ необходимости брать „запоможенье“ для перваго обзаведенія, содѣйствовали ихъ закрѣпощенію *въ силу давности*³³⁶⁾. Не говоря уже о томъ, что факты противорѣчатъ этому, что „люди въ пенябѣхъ“, какъ увидимъ ниже, не становились старожилами, сколько бы лѣтъ ни прожили, и что статутъ 1529 года прямо выражаетъ, что „каждая застава (а въ томъ числѣ и личности) давности мети не может“ (арт. 5 десятаго раздѣла и 8 одиннадцатаго), но самое закрѣпощеніе въ силу давности, самый принципъ права объясненіе г. Леонтовича предполагаетъ уже даннымъ. Г. Леонтовичъ говоритъ только, что крестьяне благодаря своей задолженности часто становились старожильцами, людьми отчинными или отчичами, но онъ не объясняетъ, почему они становились людьми непохожими, предполагая это само собою. По настоящему, ему нужно было бы начать съ разъясненія этого послѣдняго положенія и такимъ образомъ вставить рядъ звеньевъ между понятіемъ „старожилость“, „отчинныхъ людей“, „отчичей“ и понятіемъ „непохожихъ“ людей, которыя сами по себѣ еще далеко отстоятъ другъ отъ друга. Правда, что, говоря о давности, какъ источникѣ невольничества, онъ замѣтилъ, что „здѣсь дѣйствовало общее начало средневѣковой жизни, въ силу котораго долговременная жизнь на одномъ мѣстѣ въ качествѣ временно-зависимаго человѣка, становилась для него актомъ укрѣпленія“. Но эта ссылка—не объясненіе, а только суммарное обобщеніе явленій извѣстной исторической эпохи, имѣвшихъ въ каждой странѣ и у каждаго народа свои собственные корни въ данныхъ его политическаго и экономическаго существованія. Эти данныя для Литовско-Русскаго государства и надо было бы выставить на видъ и освѣтить, а не ссылаться только на чужіе примѣры. Въ настоящемъ мѣстѣ мы и постараемся это сдѣлать, на сколько нужно для цѣлей нашего изслѣдованія.

Принципъ давности, старины, глубоко проникалъ во все жизненныя отношенія Литовско-Русскаго государства въ первое время его существованія, находя примѣненіе и въ государственномъ, и въ гражданскомъ его быту. На немъ основывались отношенія великокняжеской власти къ областнымъ общественнымъ группамъ, къ отдѣльнымъ классамъ общества и отдѣльнымъ лицамъ, права и обязанности кото-

³³⁵⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 31, прил. 15, Кіевъ 1880.

³³⁶⁾ Ср. *И. Новицкаю* Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи, стр. 75.

рых опредѣлялись давностью, стариной. Нововведенія проникали въ жизнь и строй Литовско-Русскаго государства на первыхъ порахъ только поверхъ и помимо старины, не трогая и не разрушая ея; и часто были только новой формой стариннаго содержанія. Такое господство принципа старины, давности въ сферѣ государственныхъ отношеній, какъ уже было сказано въ первомъ очеркѣ, имѣло свой корень въ обстоятельствахъ образованія Литовско-Русскаго государства. Изъ области государственныхъ отношеній принципъ этотъ перешелъ и въ область общественныхъ которыя нераздѣльно были связаны съ государственнымъ, именно въ область землевладѣнія; а отсюда уже и въ область отношеній къ крестьянству, къ ихъ труду, который главнымъ образомъ обусловливалъ цѣнность „земскихъ мѣстностей“. Распространеніе и утвержденіе этого принципа въ разнообразныхъ областяхъ жизни должно было совершаться тѣмъ легче, что исторія не дала Литовско-Русскому государству правительства, которое бы мощно и энергично развивало свою дѣятельность по устройству внутреннихъ отношеній изъ центра, не выработала для этого правительства надлежащихъ учрежденій, которыя бы давали ему возможность вѣдать внутреннія отношенія, властвовать въ нихъ и направлять въ своихъ интересахъ, обрекла его на дѣятельность по импульсамъ со стороны мѣстныхъ властей, обществъ и частныхъ лицъ, на утвержденіе и регулированіе отношеній, слагавшихся большею частью помимо его вѣдома и участія.

Ходъ прикрѣпленія крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Образовавшееся великое княжество Литовское захватило на княжескихъ земляхъ и частныхъ имѣньяхъ массу крестьянства (бывшихъ смердовъ), которая жила въ старину на своихъ земельныхъ участкахъ, платя дани и различныя поборы мѣстнымъ государямъ, неся различныя барщинныя повинности и платя поборы мѣстнымъ землевладѣльцамъ. Хозяйства частныхъ имѣній уже въ эпоху Русской Правды не было въ сословіи держаться на одномъ рабскомъ трудѣ, а требовало и наемныхъ рабочихъ. Быть можетъ, уже въ то время начался и переходъ къ веденію его барщиннымъ крестьянскимъ трудомъ, который къ XIII и XIV вв. получилъ всеобщее распространеніе и въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ, и въ собственномъ господарскомъ хозяйствѣ, при тогдашней бѣдности финансовыхъ источниковъ сдѣлавшемся важною доходною статью. При этомъ господарское хозяйство, какъ мы знаемъ, не обходилось только трудомъ крестьянъ, жившихъ на великокняжескихъ земляхъ, но пользовалось рабочими руками и съ частныхъ имѣній. Для правильнаго

веденія этого хозяйства требовалось известное постоянство въ количествѣ рабочей силы, требовалось, чтобы оно было всегда обеспечено крестьянскимъ трудомъ въ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ, не ниже прежняго. По этому литовскіе князья въ своихъ отношеніяхъ въ крестьянамъ стали держаться правила, что крестьяне, прочно осѣвшіе въ известномъ участкѣ или получившіе его по наслѣдству³²⁷⁾, не должны были покидать его, потому что съ уходомъ ихъ могла прекратиться и „служба“ съ этого участка. Конечно, если крестьяне какимъ-нибудь образомъ обеспечивали впредь службу съ даннаго участка, они могли и уходить съ него. Такое уврѣпленіе, долженствовавшее служить для князей нѣкоторою гарантіею не только правильнаго веденія ихъ хозяйства, но и правильнаго поступленія податей и налоговъ, не производило, однако, особенно на первыхъ порахъ, рѣзкой перемѣны въ положеніи крестьянъ и потому легко должно было утвердиться *de jure*. Многіе крестьяне обжились на своихъ „отчинахъ“, хорошо обработали ихъ и сами по себѣ не имѣли никакихъ побужденій оставлять землю, которая пріобрѣла уже рентовую цѣнность и которая могла имѣть уже покупателей. Съ переходомъ на другой участокъ связанъ былъ для нихъ рискъ попасть въ худшія хозяйственныя условія. Кромѣ того, хотя и возникла идея, что всѣ „отчичи“ и „осѣлые“ люди должны быть „непохожими“, на практикѣ она не могла проводиться строго, и ея дѣйствіе подлежало большимъ ограниченіямъ. Административная практика не всегда возвращала крестьянина на его „отчину“, потому что онъ садился нерѣдко на другую господарскую нустовщину, съ которой несъ господарю ту же службу, а иногда и большую. Притомъ же такимъ крупнымъ вотчинникамъ, какъ великій князь Литовскій и удѣльные, даже и невозможно было часто удерживать крестьянъ на ихъ отчинахъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда они разорялись и не могли не только служить свою службу господарю, но даже и прокормить себя. Князья не могли поднимать такихъ крестьянъ, снабжать ихъ земледѣльческимъ инвентаремъ и такимъ образомъ или инымъ пользоваться ихъ трудомъ, потому что слишкомъ велика была княжеская вотчина, слишкомъ много набиралось такихъ крестьянъ. Естественно, слѣдовательно, если такіе люди бросали безпрепятственно свои отчины и шли по людямъ кормиться въ наймы и закупы. Князья должны были мириться съ этимъ въ надеждѣ, что такіе „привбожавшіе“ крестьяне, поправившись на сторонѣ, возвратятся на свои отчины или на другіе земельные участки,

³²⁷⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 22, III.

буде ихъ отчины тѣмъ временемъ удастся „осадить“ прихожими людьми. Въ результатѣ всего этого выходило, что „отчича“, люди „непохожіе“, покинувъ свои отчины, съ теченіемъ времени, какъ увидимъ ниже, дѣлались людьми вольными „похожими“, и таково было положеніе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ въ теченіе всего изучаемаго времени.

Къ этому необходимо прибавить еще нѣсколько словъ относительно самаго характера прикрѣпленія отчичей, чтобы объяснить, какимъ образомъ классъ отчичей, людей „непохожихъ“ отдѣлялъ отъ себя постоянно классъ людей вольныхъ и „похожихъ“. Этотъ характеръ мы лучше всего поймемъ, если уподобимъ литовско-русскую крестьянскую „службу“ московской черной волости, сведенной до предѣловъ большой семьи или равнаго ей крестьянскаго товарищества. Московскій государь обезпечивалъ себѣ исправный взносъ податей и отправленіе повинностей черными крестьянами тѣмъ, что эти подати и повинности налагалъ общемо суммою на черную волость, предоставивъ самимъ крестьянамъ справляться съ ними, какъ хотать и знаютъ, а въ случаѣ неисправности взыскивалъ съ наличныхъ членовъ волости. Но самый подборъ этихъ членовъ производила сама волость, вступавшая въ ряды съ прихожими крестьянами и сажавшая ихъ на пустыхъ участкахъ; государь не заботился ни о числѣ, ни о личности членовъ волости. Но въ Литовско-Русскомъ государствѣ за нѣкоторыми исключеніями не удержался правительственный обычай имѣть дѣло непосредственно только съ волостями и съ волостей требовать извѣстной общей суммы податей и повинностей. Наоборотъ, правительство здѣсь имѣло дѣло большей частью съ каждымъ отдѣльнымъ тягломъ или крестьянскою „службою“, съ которой оно чрезъ своихъ урядниковъ и крестьянскихъ властей и требовало извѣстныхъ податей и повинностей. При такомъ малочисленномъ составѣ отвѣтственнаго юридическаго лица правительство не могло уже не заботиться о личности и числѣ его членовъ, но опять таки заботилось лишь настолько, насколько требовали этого его хозяйственные и финансовыя интересы. Поэтому оно удерживало на данномъ участкѣ извѣстнаго ему „отчича“, являвшагося передъ нимъ представителемъ „службы“, къ которому оно до этого времени предъявляло всѣ свои требованія съ „службы“, удерживало его дѣтей и братью или „потужниковъ“, безъ которыхъ онъ не могъ выполнять своихъ обязательствъ. Но оно не удерживало всѣхъ тѣхъ членовъ крестьянской семьи или товарищества, которые съ теченіемъ времени оказывались лишними безпрепятственно выпускались на сторону со службы своими преж-

ними „потужниками“. Вообще наличное количество членовъ „службы“ могло уменьшаться, если часть ихъ „поднимались“ одни полнить господарскую службу; могло и увеличиться, если они сами или великокняжескій урядникъ присаживали вольныхъ, „похожихъ“, людей въ потужники. Такимъ образомъ классъ „непохожихъ“, „отичей“, постоянно долженъ былъ выдѣлять изъ себя классъ вольныхъ „похожихъ“ людей, которые, садясь на пустовскіихъ земляхъ и засаживая на нихъ давность, переходили въ разрядъ отичей и т. д. Прикрѣпленіе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ, слѣдовательно, не имѣло личнаго характера, а только обязательственный. Поэтому, что касается господарскихъ крестьянъ, нельзя говорить о внутренней строгости этого права, на чемъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаетъ удареніе г. Владимірскій-Будановъ.

Точно также нельзя приписывать вмѣстѣ съ нимъ раннее и повсемѣстное прикрѣпленіе крестьянъ въ Литовской Руси дѣйствию нѣмецкаго права, именно—волочной системѣ и строгому отдѣленію городскихъ состояній отъ сельскихъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ было, вонервыхъ, не повсемѣстное. Въ господарскихъ Подніпрскихъ волостяхъ, напр., которыя платили дань общю суммою, правительство не слѣдило за отдѣльными „службами“, потому что волость платила и за выбылыхъ, и за голтяевъ. Поэтому и „отичи“ тамъ не были „непохожими“ людьми и могли свободно покидать ихъ. Такой порядокъ держался до конца изучаемаго времени, когда онъ долженъ былъ уступить мѣсто порядку, существовавшему въ большей части Литовско - Русскаго государства. Подніпрскія волости, разоряемыя частью войнами, но большею частью „писарскими въѣздами“ за сборомъ дани и притѣсненіями другихъ великокняжескихъ урядниковъ, опустѣли настолько, что оставшіеся данники не могли осилить ни эксплуатаціи всѣхъ пахотныхъ земель и угодій (бортной земли), ни платежа всей дани. Поэтому нѣкоторыя изъ волостей стали бить челомъ объ освобожденіи ихъ отъ платежа дани съ пустощинъ, которыми они не пользуются, и правительство удовлетворяло обыкновенно ихъ просьбамъ. Такъ, напр., въ 1523 году по челобитью старцевъ и всей волости Могилевской король Сигизмундъ пожаловалъ данниковъ этой волости такимъ листомъ: „не мають они съ тыхъ земель, которыи отъ нихъ подалеку и съ которыхъ они пожтвовъ и входовъ своихъ не мають, некоторыхъ даней нашихъ намъ давати ни грошовое, а ни медовое, а ни бобровое, а ни вуничное; низли, которыи земли пустовскіи будутъ поблизь ихъ, которыи они будутъ пахати и вжити съ нихъ мѣти, съ тыхъ они земль

мають намъ давати подлугъ давного обычая“ ³³⁸). Благодаря особенному положенію Поднѣпрскихъ волостей и по мѣрѣ того, 'какъ увеличивались финансовыя тягости ихъ, развивалось среди крестьянства этихъ волостей стремленіе къ избыванію отъ платежа дани и поборовъ. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство въ листѣ короля Сигизмунда, адресованномъ въ 1533 году воеводѣ Виленскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую. „Довѣдали есмы,—гласить этотъ листъ,—иже люди по волостемъ нашимъ таковыи хитрыи обычай взяли, иже, коли часъ приходитъ дани наши выдавати, тогда они опустившы отчизны свои, а черезъ годъ вживавшы, и на тожь часъ отходятъ по инымъ волостемъ нашимъ, князьскимъ и паньскимъ; а какъ тотъ часъ оминетъ, они зася въ своимъ домомъ приходять, а иншии, таи тамъ по инымъ волостемъ мѣшкаячы; а отчизны держуть и земли пашуть, а борти лавать, а даней нашихъ нигдѣ не дають, а въ томъ намъ шкода а тяжкости подданнымъ нашимъ дѣють, иже они за тыхъ сами дань нашу платятъ“. Желая положить этому предѣлъ, король запретилъ мѣстнымъ державцамъ принимать людей въ свою волость изъ другихъ и предписалъ имъ возвращать ушедшихъ изъ волости на ихъ „отчины“. Сосѣди такихъ крестьянъ должны были извѣщать державцу или его урядника объ ихъ уходѣ, въ противномъ случаѣ должны были платитъ за вышедшихъ дань. Этому же наказанію долженъ былъ подвергнуться урядникъ, который не выводилъ такихъ крестьянъ, будучи извѣщенъ объ ихъ уходѣ, а также и тѣ, кто принималъ къ себѣ такихъ крестьянъ и не выдалъ ихъ ³³⁹). Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, и въ Поднѣпрскихъ волостяхъ отчичи должны были сдѣлаться людьми непохожими, какъ повсюду въ Литовско-Русскомъ государствѣ, и въ Поднѣпрскихъ волостяхъ правительство стало имѣть дѣло непосредственно съ крестьянскою „службою“, а не съ волостью только.

Это послѣднее обстоятельство нельзя приписывать вліянію нѣмецкаго права, въ частности волочной системы, потому что эта система, какъ будетъ связано ниже, въ изучаемое время распространилась только на Подляшѣ и немного на Волини. Правительственный обычай—имѣть дѣло непосредственно съ крестьянскою „службою“ выросъ изъ данныхъ мѣстнаго историческаго развитія и привился къ мѣстнымъ потребностямъ. Онъ объясняется, на нашъ взглядъ, раннимъ

³³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 105—106.

³³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

и притомъ широкимъ развитіемъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ дворцоваго хозяйства, которое привлекало къ своимъ работамъ крестьянскія силы не по цѣлымъ волостямъ, а часто по деревнямъ и селамъ, выдѣляло изъ всей массы крестьянства спеціальныя „службы“ для удовлетворенія своихъ особыхъ потребностей или же пользовалось въ этихъ цѣляхъ существовавшими уже въ крестьянствѣ спеціалистами, выдѣляя ихъ опять таки изъ общей массы крестьянства въ особыя „службы“. Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ, какъ было уже сказано, господарское хозяйство не получило большого развитія, а потому тамъ и удержался порядокъ платежа податей цѣлою волостью, и крестьяне не были прикрѣплены къ своимъ отчинамъ. То же самое было, повидимому, и въ нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ Литовской Руси, Витебской и Полоцкой земляхъ, гдѣ въ крестьянскомъ населеніи преобладали данники ³⁴⁰), что и подало поводъ г. Антоновичу неправильно всѣхъ данниковъ признать свободными крестьянами.

XVIII.

Что касается нѣмецко-польскаго права, то и оно имѣло въ изучаемое время значеніе для судьбы крестьянъ, но только не въ господарскихъ волостяхъ, а въ частныхъ имѣніяхъ, и притомъ не тѣми сторонами своими, на которыя указываетъ г. Владимірскій-Будановъ. Вліяніе нѣмецко-польскаго права на положеніе крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ было связано съ распространеніемъ тѣхъ шляхетскихъ правъ и привилегій, которыя г. Владимірскій-Будановъ вывелъ изъ нѣмецкаго „jus ducale“ ³⁴¹). Эти шляхетскія права и привилегіи дѣйствительно сообщали крѣпостному праву „внутреннюю строгость“, какъ выражается г. Владимірскій-Будановъ, иначе говоря, сообщали прикрѣпленію крестьянъ въ частныхъ имѣніяхъ личный характеръ. Конечно, люди отчинные „непохожіе“ въ имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ были и ранѣе распространены шляхетскихъ привилегій. То самое правило, которое дѣйствовало въ отношеніяхъ князей къ своимъ крестьянамъ, должно было одновременно утвердиться и въ отношеніяхъ бояръ къ крестьянамъ, жившимъ въ ихъ имѣніяхъ, потому что владѣніе этими имѣніями носило условный характеръ жалованья за службу. Боярскія имѣнія не противостояли еще рѣзко княжескимъ, господарскимъ, и крестьяне ихъ — крестьянамъ княжескимъ,

³⁴⁰) См., напр., Акты Южн. в Зап. Рос. I, № 73.

³⁴¹) Журналъ Мин. Нар. Просв. 1868, № 8, стр. 473—523.

господарскимъ, съ которыми они сообща несли многія повинности и съ которыми вмѣстѣ находились подъ присудомъ вязыей и ихъ урядниковъ. Однимъ словомъ, были отчинные „непохожіе“ боярскіе люди, но не было еще панскихъ „подданныхъ“. Повинности частновладѣльческихъ крестьянъ были опредѣлены „старинною“, обычаемъ, имѣвшимъ силу закона и дѣйствовавшимъ даже и послѣ, когда распространилось польское шляхетское право, особенно въ боярскихъ имѣньяхъ, которыя принадлежали ихъ владѣльцамъ не съ полнымъ „панствомъ и власностью“³⁴²). Самое прикрѣпленіе крестьянъ въ частныхъ имѣньяхъ въ виду всего этого мы должны представлять себѣ не въ большей степени, чѣмъ это имѣло мѣсто въ волостяхъ господарскихъ, такъ что и отъ отчинныхъ боярскихъ крестьянъ могли выдѣляться вольные похожіе люди. Нѣмецко-польское шляхетское право освободило владѣльческихъ крестьянъ отъ обязанности работать на господарскомъ хозяйствѣ и платить разные дворные поборы въ пользу господара и его урядниковъ,³ освободило ихъ отъ юрисдикціи сихъ послѣднихъ, замѣнивъ ее юрисдикціею владѣльца, и такимъ образомъ превратило ихъ въ „подданныхъ“ пановъ, бояръ-шляхты и другихъ владѣльцевъ. Вмѣстѣ съ этимъ кореннымъ образомъ должно было измѣниться отношеніе къ крестьянской личности. Разъ крестьяне сдѣлались подданными своихъ пановъ, изъ класса „отчичей“ частновладѣльческихъ почти уже не могъ отдѣляться классъ вольныхъ похожихъ людей. Паны имѣли теперь право не выпускать „власныхъ“ крестьянъ, озававшихся лишними на данномъ участкѣ земли: если нельзя было осадить ихъ на другомъ участкѣ въ предѣлахъ даннаго имѣнья, то можно было перевести въ другое имѣнье свое или чужое, взявъ за это деньги или получивъ какую-нибудь другую выгоду. Примѣры всего этого встрѣчаются въ актахъ изучаемаго времени и опровергають утвержденіе г. Антоновича, что „зависимость отчичей отъ находившейся въ ихъ пользованіи земли, а не отъ личности владѣльца, и неотчуждаемость ихъ отъ этой земли доставляли имъ положеніе несравненно выше положенія польскихъ крестьянъ“³⁴³). Такъ, король Александръ въ 1501 году подтвердилъ ключнику Виленскому Станиславу людей и земли, купенныя имъ у боярина Миколая Станковича и между прочимъ „и того мужика на имя Микову землю, котораго жъ онъ перво сего купилъ въ него безъ земли“³⁴⁴). Г. Левтовичъ спра-

³⁴²) См., напр., Археографич. Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. VII, № 4, 6, 7.

³⁴³) Предисловіе къ II тому VI части Архива Юго-Зап. Россіи, стр. 18, 19.

³⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

ведливо указалъ на то, что нѣкоторые выраженія Статута 1529 года указываютъ на право владѣльцевъ продавать своихъ крестьянъ безъ земли и вообще на личный характеръ прикрѣпленія владѣльческихъ отчинныхъ людей ³⁴⁵). Этотъ личный характеръ вообще довольно рѣзко выступаетъ по актамъ XV и начала XVI вѣка, до 1529 года. Въ 1499 году татары Довлетیارъ и Бахтіяръ Сеитовичи сыскали „правомъ“ на панѣ Янѣ Петровичѣ людей своихъ отчинныхъ Скорбеевичей, которыхъ онъ забралъ было къ своему двору Княжичамъ, утверждая, что это его „прадѣдина“. Великій князь не только отдалъ татарамъ Скорбеевичей съ ихъ землями, но также написалъ въ своемъ судовомъ листѣ: „Такжежъ, што который человекъ тыхъ же Скорбеевичовъ сѣдитъ на пана Яновъ земли Княжицкой, и мы и того человека казали съ тое земли звести и подати тымъ Сеитовичомъ“ ³⁴⁶). Очевидно, что панъ Янъ Петровичъ, владѣя Скорбеевичами, взялъ отъ нихъ одного человека и посадилъ его на какой-нибудь пустошинѣ своего имѣнья. Но такъ какъ Скорбеевичи всѣ должны были по суду отойти въ подданство къ татарамъ, то великій князь и велѣлъ его свести съ земли пана Яна Петровича. Въ томъ же году, присудивъ землю Саковскую панамъ Яну и Войтеху Юрьевичамъ Саковича, у которыхъ оттягивалъ ее служебникъ ихъ отца Родивонъ Трепаловичъ, великій князь написалъ въ своемъ судовомъ листѣ въ обезпеченіе правъ сего послѣдняго: „што будетъ тамъ мѣти у томъ своемъ дворцы на той земли людей своихъ непохожихъ и челеди неволное и домовыхъ статковъ, жита на поли сѣяного и яринъ, копей и животины и иныхъ речей, тое все маеть собѣ побрати и выжити“ ³⁴⁷). Тотъ же великій князь Александръ въ 1499 году далъ пану Григорью Остиковичу одинъ дворець, который устроилъ бояринъ Ганусъ Курклевскій на нови въ пущѣ господарской безъ надлежащаго разрѣшенія. Но въ пожалованье пошли при этомъ только люди господарскіе, которыхъ бояринъ осадилъ за собою; „а што его люди были властныи,—писалъ король въ своемъ привилеѣ пану Григорью Остиковичу,—и мы тые люди казали ему съ тое земли прочъ звести“ ³⁴⁸). Личный характеръ прикрѣпленія отчинныхъ людей сказывается и въ томъ, что при мѣнѣ имѣнья паны сводили ихъ съ земель и чере-

³⁴⁵) См. 8 и 15 артикулы I раздѣла, 8 и 14 артикулы V раздѣла, 20 и 21 арт. VIII-го я др.

³⁴⁶) Латв. Метр. кн. Запис. VI, л. 130, 131.

³⁴⁷) Ibidem, л. 134, 135.

³⁴⁸) Ibidem, л. 145-147.

водили въ другое имѣнье. Такъ, въ 1524 году панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ и князь Юрій Ивановичъ Дубровицкій, мѣняясь селами, „змову въ томъ вчнили, ижъ вторыи люди мѣли они на тыхъ селаяхъ своихъ, тыхъ людей своихъ мають они на обѣ сторонѣ съ тыхъ сель звести и каждый у своемъ сель мають ихъ за собою посадити, а тыхъ земель всихъ одинъ другому поступити са“. Любопытно побужденіе, которое заставило мѣнявшихся имѣніями такъ поступить: съ сель князя Юрья шло дани двѣ полумѣрки меду прѣснаго, а съ сель пана Гаштольда три полумѣрки²⁴⁹⁾. Такимъ образомъ, приврѣпленіе крестьянъ приняло личный характеръ въ то самое время, когда повинности ихъ еще продолжали оставаться опредѣленными обычаемъ, стариной. Но когда, вслѣдствіе распространенія нѣмецко-польскаго шляхетскаго права, приврѣпленіе крестьянъ въ частныхъ имѣньяхъ приняло личный характеръ, тогда естественно должно было послѣдовать запрещеніе принимать въ господарскія волости изъ частныхъ имѣній всѣхъ людей „данныхъ, извѣчныхъ, селянитыхъ“, каковое запрещеніе и содержится въ извѣстномъ привилеѣ 1457 года. Но это запрещеніе не было, такимъ образомъ, „первымъ шагомъ“ въ водворенію крѣпостного права, котораго оно не устанавливало, а только законодательнымъ выраженіемъ или санкцію тѣхъ послѣдствій, которыя вытекали сами собою изъ распространенія шляхетскаго права надъ крестьянами.

XIX.

По отношенію къ господарскимъ крестьянамъ это запрещеніе не цѣло и не могло имѣть равной силы, хотя привилеѣ 1457 года и настаиваетъ на томъ, чтобы князья, паны, бояре-шляхта и мѣщане не принимали въ свои имѣнья господарскихъ людей, „котороѣ бы коли плоти были а любо достоинства“. Въ господарскихъ волостяхъ отъ класса „отчичей“ всегда отдѣлялся классъ вольныхъ „похожихъ“ людей, которые садялись свободно въ частныхъ имѣньяхъ, несмотря на запрещеніе 1457 года.

Эти вольные „похожіе“ люди нерѣдко въ силу давности попадали въ разрядъ непохожихъ отчинныхъ людей владѣльцевъ. Объ этомъ можно заключить прежде всего изъ того, что въ силу давности закрѣплялись за частными владѣльцами имѣнья вообще, въ томъ числѣ и крестьяне съ землями. Земская давность, какъ принципъ укрѣпленія, дѣйствовала, вѣроятно, уже съ самаго образованія Литовско-Русскаго

²⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 171.

государства, которое утверждало въ своихъ областяхъ всяческую старину; съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго права дѣйствіе ея несомнѣнно. Она была признана въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года, въ которомъ Ягелло и Витовтъ обѣщали панамъ и боярамъ литовскимъ потомственное владѣніе *отчинными* имѣньями, а также и въ привилеѣ короля Казимира, въ которомъ онъ гарантировалъ высшимъ сословіямъ вѣчное владѣніе имѣньями, принадлежавшими имъ при Витовтѣ и Сигизмундѣ Кейстутевичѣ, буде они докажутъ эту принадлежность или документами, или же просто „достаточнымъ а слухнымъ свидѣтельствомъ“. При Александрѣ принципъ земской давности дѣйствуетъ въ прямомъ своемъ выраженіи. Такъ, когда Волнины искали предъ великимъ княземъ своего села подъ бояриномъ смоленскимъ Андреемъ Сытымъ и хотѣли ему отложить его пенязи (село было у него въ „заставѣ“), а отчину взять себѣ, великій князь не лишилъ боярина права владѣнія „для того, што се то *вдавило*, и много онъ вжо на то село наложилъ“, но утвердилъ за нимъ село на вѣчность ³⁵⁰). Подобно Волнинымъ при великомъ князѣ Александрѣ проигралъ свою тяжбу о половинѣ отчины кн. Семень Александровичъ Чорторыйскій въ пользу родственника своего кн. Ѳедора Михайловича Чорторыйскаго же: отецъ князя Семень и онъ самъ не „впоминали“ объ этой половинѣ, „а то такъ ся *вдавило*“, вслѣдствіе чего великій князь Александръ 8 іюня 1498 года и присудилъ эту половину кн. Ѳедору ³⁵¹). Въ „правахъ“ короля Сигизмунда, изданныхъ имъ при вступленіи на великое княженіе и потомъ подтвержденныхъ въ статутѣ 1529 года, было „выписано“: „хто бы держалъ именье и люди и земли за Казимера Короля во впокои, а о томъ до Короля Олександра будетъ нихто ся не припоминалъ бы и добре таковы листов на то не мѣлъ; тогды то впокои держати мает“. На этомъ основаніи княгиня Марья Ровенская въ началѣ Сигизмундова княженія (11 іюля 1507) выиграла процессъ у землянъ волинскихъ Джусичей „о имѣньяхъ, Квасиловъ а Корнино, а Колодное, а Бержаны, а Басое, а Ставъ, а Сливное, а Ростовъ у Волинской земли“ ³⁵²). На основаніи давности же владѣнья король Сигизмундъ въ 1510 году возвратилъ боярамъ городенскимъ Жадену Олишковичу, Парѣю Жуковичу и Сеньку Про-

³⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 89.

³⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 110.

³⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 275, 276; Статутъ 1529, раздѣлъ I, арт. 15.

коповичу съ братьею землю Икутевшину, которую выпросилъ было себѣ подъ ними „одверный“ Чишъ. Въ листѣ, выданномъ по сему случаю боярамъ, читаемъ: „и мы подлугъ давности, и жъ ихъ предкове за великого князя Витовта и за Жигимонта и они сами за отца и брата нашего и за наше панованье тое земли въ держаньѣ были ажъ и до тыхъ часовъ и тежъ подлугъ того листа князя Александрова судового, ихъ есмо при той земли zostавили: мають они и напотомъ ихъ будучи тую землю Икутевшину и люди, которые на той земли сѣдять, держати вѣчно по тому, каеъ первѣй того предки ихъ и они сами держали“³⁵³). Давность рѣшала дѣло и въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне „выламывались“ отъ службы или подданства своимъ панамъ, Люди Вилькейскаго повѣта Якубъ Кибейковичъ, Матей Торвидовичъ и Будко Кгорбейковичъ съ братьею хотѣли освободиться отъ подданства наслѣдникамъ боярина вилькейскаго Словика, утверждая, что Словикъ „впросилъ ихъ за тяглыхъ людей, а они суть бояре“, въ доказательство чего хотѣли „ся выводить“ ковенскими боярами. Но король съ панами радюю, выслушавъ заявленія вдовы Словика, что этихъ людей дала мужу ея королева Елена въ то время, когда держала Вилькею, постановилъ такую резолюцію: „А таеъ мы, съ паны радами нашими о томъ досмотрѣвши, и видѣло ся намъ: кдыжъ тыи люди *такъ долю*, почоншы отъ данины невѣстки наше, Словику служили ажъ до сихъ часовъ, а того были въ молчаньи и въ томъ ся не выводили, прьсудили есмо тыхъ людей Словиковой и ее дѣтемъ подлѣ данины невѣстки наше, Александровое королевое ее милости, и привилыя нашего“³⁵⁴). Въ 1531 году воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался человекъ Яковъ Кузьминъ на господарыню свою, боярыню Олехновую Поддубенскаго Ульяну: „есми есть чоловѣкъ вольный, и заходши за мужа ея, небожчика Олехна, и жилъ есми за нимъ добровольне, а теперъ она въ неволю мя вернуть и отъ себе мя отпустити не хочетъ, не вѣдаю для чого“. Но боярыня заявила, что еще дѣдъ этого человекъ Яковъ Павловичъ съ сыномъ Кузьмою достались „въ дѣлу“ мужу ея Олехну отъ братьи, въ доказательство чего представила „дѣльчій листъ“, подтвержденный подписями Яцва Сушковича, маршалка прежняго воеводы Витебскаго Ивана Ходкевича, и боярина Ивана Олыфереевича, которые дѣлили ея мужа съ братьями „съ дозволенья ихъ самыхъ“ людьми и землею отчинною. Въ добавленіе къ этому она представила еще „дѣльчій“ листъ своего

³⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 384.

³⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 39, 40

мужа, который при жизни дѣлилъ своихъ дѣтей и жену, при чемъ Якова Кузьмина отписалъ своей женѣ. Въ виду всего этого воевода далъ такую резолюцію: „егда жъ того чоловѣка дѣдъ и отецъ и онъ самъ за Поддубенскимъ мѣшкали ажъ до тыхъ часовъ, а ему въ дѣлу отъ брата досталися и съ того дѣлу отъ него николи ся не вымолвляли, абы не были его отчичами, и вказали есмо его Поддубенской водлѣ тыхъ листовъ дѣльчихъ и тое давности, ижъ тотъ чоловѣкъ маеть за нею жити и ей служыти, яко чоловѣкъ отчизный, а она ему жадное образы и кривды не маеть чинити“³⁵⁵⁾). Такимъ образомъ, крестьянинъ могъ потерять свободу для себя и потомковъ, не заявивъ при переходѣ имѣнья къ наслѣдникамъ, что онъ чоловѣкъ вольный „похожій“. Вообще вольные „похожіе“ люди не должны были засиживаться на земляхъ владѣльца, ибо только „незасѣдѣлые“ могли уйти отъ него, „выходъ“ отдавши³⁵⁶⁾). По статуту 1588 года достаточно было прожить на землѣ владѣльца десять лѣтъ, или земскую давность, чтобы попасть въ разрядъ отчинныхъ „непохожихъ людей“. Это правило, повидимому, дѣйствовало и ранѣе 1588 г.: по статуту 1529 года отчинные люди, бѣжавшіе отъ своего владѣльца къ другому, подлежали выдачѣ лишь въ томъ случаѣ, если не засиживали за новымъ владѣльцемъ десятилѣтней давности³⁵⁷⁾), изъ чего можно заключить, что эта давность имѣла свою силу также и относительно вольныхъ похожихъ людей. Дѣйствовала ли она раньше, въ изучаемое время, на это не встрѣчается прямыхъ указаній въ актахъ, служившихъ матеріаломъ для составленія настоящихъ очерковъ. По всѣмъ признакамъ Статутъ 1529 года формулировалъ лишь только то, что и ранѣе дѣйствовало въ жизни. Разумѣется, земская давность не дѣйствовала въ такихъ случаяхъ, когда при осадѣ крестьянъ на владѣльческую землю составлялось условіе, что они могутъ уйти отъ владѣльца, отдавъ ему „выходъ“³⁵⁸⁾).

Итакъ, въ извѣстномъ смыслѣ справедливо утвержденіе г. Леонтовича, что „сосредоточеніе поземельной собственности въ немногихъ рукахъ и возникшая отсюда хозяйственная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльческихъ классовъ были первымъ и главнымъ основаніемъ укрѣпленія крестьянскаго сословія“ въ Литовско-Русскомъ государствѣ³⁵⁹⁾

³⁵⁵⁾ Литов. Метр. вн. Запис. XVI, л. 31

³⁵⁶⁾ Памятники Временной Кіевской Комиссіи, т. I, отд. 2, стр. 1—7.

³⁵⁷⁾ Раздѣлъ VII, арт. 28.

³⁵⁸⁾ Archiwum ks. Lubarłowiczów-Sanguszków I, № XCII.

³⁵⁹⁾ Кіевскія Университетскія Извѣстія 1863, № 10, стр. 21.

XX.

Послѣ всего сказаннаго о положеніи крестьянъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ можно представить себѣ, какимъ образомъ появлялись крестьянскія пустоши въ господарскихъ волостяхъ, и какимъ людямъ могли осаживать эти пустоши намѣстники-державцы. Пустоши являлись потому, что многіе господарскіе крестьяне, обѣднѣвъ и не будучи въ состояніи служить съ своихъ земель службу господарю и кормить себя, бросали земли и уходили кормиться по людямъ, отдавая себя въ наймиты или закупы или же сядясь на землю къ кому нибудь въ долю или въ „пенязѣхъ“. Хотя они не имѣли права дѣлать этого, тѣмъ не менѣе правительство не возвращало ихъ на свои отчины за невозможностью поднять ихъ экономически и въ надеждѣ, что они сами поправятся и затѣмъ воротятся на свои отчины или сядутъ на другой господарской землѣ. Другими словами, пустоши были результатомъ несоотвѣтствія между количествомъ господарскихъ крестьянъ и количествомъ правительственныхъ средствъ эксплуатировать ихъ трудъ.

Акты изучаемаго времени даютъ намъ множество указаній на происхожденіе пустошинъ такимъ именно путемъ. Такъ, въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Юрью Якубовичу пять земель пустыхъ въ Волковыйскомъ повѣтѣ, относительно которыхъ панъ повѣдалъ королю, „што жъ передъ тымъ съ тыхъ земель бывало пять служобъ, а тыми разы пусты лежать, а отчыи сошли прочъ и, ходячи по людемъ, кормятся“ ²⁶⁰). Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярину слонимскому Давыду Ивановичу Свитича землю Станевщину, относительно которой бояринъ повѣдалъ королю, „што жъ дей отчычъ тое земли Станевщины на имя Ломша тыми разы живъ, а ходитъ по людемъ въ закупѣхъ“. Король выговорилъ о немъ въ привилеѣ: „а естли отчычъ тое земли Станевщины прыйдетъ на тую свою отчынную землю, а всхочеть ему служыти, и онъ нехай ему служыть, а не всхочеть ему служыти, и онъ кому хочеть, тому нехай служыть“ ²⁶¹). Король Сигизмундъ пожаловалъ городничему Виленскому Занку Ивановичу двѣ земли пустыхъ Станилевщину Молдетовича и Петрелевщину Куталанскаго, согласно его показанію,

²⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.

²⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 207, 208.

„што жъ отчичи тыхъ земель позапродавалися въ пенязѣхъ нѣкоторымъ людемъ, а иные не въ пенязѣхъ разошлися въ покормы“. Позже, въ 1511 году, король дозволилъ ему „тыхъ отчичовъ гдѣ знаходши и пенязи за нихъ отложивши, а которыи будутъ ся въ покормы разошли, побравши, и посажати за собою на тыхъ земляхъ, отчизнахъ ихъ“ ³⁶²). Что такое были „люди въ пенязѣхъ“, на это до известной степени указываетъ привилей, выданный въ 1513 году пану Якубу Кунцевичу на двѣ земли пустыхъ въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, Еитеевщину тяглую и Андреевщину осочницкую. „А повѣдалъ,—читаемъ здѣсь,—ижъ давно пусты лежать, а службы нѣтъ, а отчичы дей разошлися и кормятся, а иные въ пенязѣхъ робать, по людемъ“ ³⁶³). Еще болѣе опредѣленныя указанія даетъ актъ мѣны имѣньями между паномъ Иваномъ Андреевичемъ, подскарбіемъ дворнымъ, и дворяниномъ Ленькомъ Ѳедоровичемъ Сасинымъ. Панъ подскарбій, уступая Сасину свое имѣнье Гнойницу, вывелъ съ собою челядь невольную, закуповъ, наймитовъ и двухъ бояръ, оставивъ ихъ земли Сасину, а въ имѣньѣ оставилъ своихъ крестьянъ и „людей въ пенязѣхъ“. „Люди въ пенязѣхъ“, слѣдовательно, не были закупы. Въ актѣ мѣны относительно ихъ условлено: „А которыи люди прыхожіи въ томъ имѣньи были за паномъ Иваномъ у пенязѣхъ, тыи люди мають Ленку служить; а который бы человекъ не хотѣлъ ему служить, и онъ маеть Ленку пенязи отложити подлѣ запису своего и отъ него добровольно поити прочь, а земли ихъ маеть Ленко держати“ ³⁶⁴). Итакъ, люди „въ пенязѣхъ“ были крестьяне, которые садились въ имѣнья къ частнымъ владѣльцамъ на крестьянскихъ участкахъ, взявъ у нихъ ссуду и обязавшись служить крестьянскою службою до уплаты долга. Часто это были задолжавшіе и разорившіеся на своихъ отчинахъ господарскіе крестьяне, которые новымъ займомъ и работою при новыхъ хозяйственныхъ условіяхъ надѣялись поправить свое матеріальное положеніе. Отъ этихъ людей „въ пенязѣхъ“ отличены, какъ мы видѣли, закупы, въ разрядъ которыхъ также могли попадать обѣднѣвшіе господарскіе крестьяне. Закупы работали вмѣстѣ съ челядью невольною на дворѣ владѣльца и его дворной пашнѣ, чѣмъ и погашали свой долгъ ³⁶⁵). Въ виду этого, если отъ фактовъ изучаемаго времени позволительно сдѣлать заключеніе и о прошломъ закупничества, нельзя принять тѣ

³⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 55.

³⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 566.

³⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 184, 185.

³⁶⁵) Статутъ 1529 года, раздѣлъ XI, арт. 8.

объясненія этого института, какія даны у Бѣляева въ его сочиненіи о крестьянахъ древней Руси и у г. Владимірскаго-Буданова въ „Христоматіи по исторіи Русскаго права“, и скорѣе можно согласиться съ мнѣніемъ г. Сергѣевича, считающаго закупу наймитомъ, который погашалъ свой долгъ работою ³⁶⁶). Впрочемъ, наймитомъ его считать вполне нельзя: наймитъ не за долгъ работалъ, а за жалованье, которое ему выдавалось не впередъ, а по мѣрѣ или по окончаніи работы; наймитъ по этому и не былъ такъ связанъ съ господиномъ, какъ закупъ, который обращался въ раба, если уходилъ отъ господина, не заработавъ долга.

Хотя такія выраженія, какъ „позапродавалися въ пеняѣхъ“, „резошлись въ покормы“, сами по себѣ достаточно характерны для объясненія причины появленія пустовщинъ въ господарскихъ волостяхъ, тѣмъ не менѣе можно привести и точныя слова источниковъ, дающія подобное же указаніе. Въ 1511 году королю Сигизмунду билъ челомъ человекъ Городенскаго повѣта Иванъ Оленевичъ съ братьемъ и просилъ земли пустой, дядковщины его, заявляя, „што жъ дей дядковичъ его на имя Олекса Ходычичъ, не могучы зъ отчизны своее службы послужити, и сполъ прочъ, и тыми дей разы тая земля; дядковщина ихъ, лежить пуста“ ³⁶⁷). Такъ юридическое приврѣпленіе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ развивалось факторами экономическими, которые *de facto* дѣлали господарскаго крестьянина свободнымъ и утверждали его таковымъ въ его собственной мысли. О томъ, что господарскіе крестьяне считали себя людьми вольными, мы имѣемъ прямыя свидѣтельства въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, королю Сигизмунду около 1528 года жаловались крестьяне Полоцкаго повѣта Голомышской волости, люди путные, тяглые и слободичи, на пана Миколая Станиславовича о томъ, „што жъ бы люди были вольныи, а онъ ихъ держалъ безъ данины нашео“ (т. е. королевской). По разслѣдованіи оказалось, что волость Голомышская дана была королемъ еще отцу пана Миколая, Станиславу Глѣбовичу, со всеми людьми и со всемъ правомъ и панствомъ, вслѣдствіе чего король далъ такой „вырокъ“; „мають тыи люди вси волости Голомышское путные и служебные, и тяглые, и даниные и съ слободичы ему и его потомкомъ служити подлѣ того привилія нашео, а отъ его и отъ его потомковъ не мають вжо черезъ тое отниматися“ ³⁶⁸). Если, такимъ обра-

³⁶⁶) Русскія юридическія древности, т. I. стр. 176—190.

³⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 167.

³⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 29, 30.

зомъ господарскіе крестьяне склонны были считать себя людьми вольными, то отсюда, въ свою очередь, должны были возникать не мало-важныя послѣдствія въ быту крестьянства, который правительство было не въ состояніи устроить и направлять вполнѣ по своему и въ своихъ интересахъ. Это убѣжденіе могло играть извѣстную роль и въ той рѣшимости, съ какою крестьяне бросали свои земли и уходили искать на сторону счастья. Эти переселенія принимали иногда повальный характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянъ притѣснили великокняжескіе урядники, чина имъ разные „кривды“ и „новины“. Въ 1511 году данники Подъяпрскихъ и Задвинскихъ волостей заявляли правительству, что „съ великого драпейства и грабежу“ писарей, которые вѣзжали въ нимъ править „недополнковъ даней“, много данниковъ разошлось, „а тые, которые ся еще остави, не только сполна дани наше, але и половицы, отъ жольба лѣтъ вжо, въ каждый годъ не могутъ заплатити“ ³⁶⁹). Въ концѣ изучаемаго времени особенно много выселилось крестьянъ изъ Жмудской земли. Въ 1527 году король писалъ тивунамъ Жмудскихъ волостей, что изъ отчета, представленнаго его ревизорами о состояніи Жмудскихъ волостей, онъ уразумѣлъ, „и жъ въ тыхъ волостехъ подданнымъ нашимъ великіи кривды и непомѣрныи тяжести врядники тамошніи чинивали, для чого жъ многіи люди наши зъ отчизнъ своихъ прочъ ся розышли и земель пустыхъ много ся остало“ ³⁷⁰). Въ уставной грамотѣ, данной державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей въ 1529 году, правительство снова указывало на „великое утисненіе и обтяжливость“, которую чинили подданнымъ Жмудской земли староста и тивуны „многими и тяжкими работами и непомѣрными подачки и вѣзды своими, чинячи собѣ на нихъ посѣди: для чого жъ тая земля Жмойтская, подданные наши, велико собѣ стоскнули, и многіе люди зъ мѣстецъ своихъ прочъ ся розошли и земли многіе опустѣли“ ³⁷¹).

Впрочемъ, вообще господарскіе крестьяне неохотно бросали свои отчины, и только крайняя нужда заставляла ихъ покидать насиженные мѣста. Въ актахъ изучаемаго времени сохранились слѣды борьбы ихъ съ этою нуждою и стремленія оставаться на своихъ отчинахъ, въ чемъ имъ оказывало извѣстное содѣйствіе и правительство. Самый уходъ на сторону часто обуславливался этимъ побужденіемъ, и крестьяне нерѣдко возвращались на свои отчины. Фактами этого рода изо-

³⁶⁹) Акты Зап. Рос. II, № 75.

³⁷⁰) Ibidem, № 149, I.

³⁷¹) Ibidem, № 160.

блужают жалованныя грамоты, потому что правительство старалось обыкновенно таких именно крестьянъ, оказавшихся слабосильными и мало полезными господарю, отдавать въ частное владѣніе (такое именно пожалованье было „двору господарскому не шкодно“). Приведемъ нѣкоторые примѣры. Въ 1495 году великій князь Александръ пожаловалъ тивуну Жолудскому Юрью Стирнелю землю съ людьми, относительно которой Стирнель повѣдалъ королю, „што жъ перво сего тая земля лежала пуста, и отчичи тое земли, сынове Билшевы на имя Нарейко и зъ братьею своею, ходили прочъ и теми разы алижъ тое весны пришли къ той земли, отчинѣ своей, а иншые дей братья того Нарейка не пришли и до тыхъ часовъ“ ³⁷²). Тотъ же великій князь Александръ пожаловалъ войту мѣста Витебскаго Оедку Крупичу и брату его Ивашу двѣ земли пустыхъ тяглыхъ двора Лужосенскаго, „на имя Мокеевщину а Шчетинскую“. Послѣ этого пожалованья „тое земли Мокеевщичны отчичи пришли на имя Филипо а Семенъ Мокеевичы“, вслѣдствіе чего Крупичъ билъ вновь челомъ королю Сигизмунду, который и велѣлъ означеннымъ отчичамъ ему служить ³⁷³). Выдавая привилеи на пустошины, правительство почти всегда предполагало, что отчичи могутъ вернуться, и потому дѣлало о нихъ необходимыя оговорки. Такъ, король Сигизмундъ, подтверждая пану Гринку Громыеѣ двѣ земли пустыхъ Кузмянскихъ въ тивунствѣ Виленскомъ, въ подтвердительномъ привилеѣ (отъ 24 іюля 1511 года) оговорилъ: „а если отчичи тыхъ земель выишутся, а всхотятъ ли на отчинахъ своихъ жити, и они мають ему жъ съ тыхъ земель службы“ ³⁷⁴). Подтверждая боярину Оедку Игнатъевичу пустошины въ въ Бирштанскомъ повѣтѣ „водлѣ листу королевое ее милости Алены“, Сигизмундъ написалъ въ привилеѣ (отъ 19 мая 1513 года): „И естли бы знашлись наслѣдчи тыхъ его земель пустыхъ и хотѣли бы тыи земли свои мѣти, тогда мають, на тыхъ земляхъ своихъ сѣдши, ему служити по своей доброй воли“ ³⁷⁵) и т. д.

Крестьяне старались поправить свое матеріальное положеніе и не уходилъ съ своихъ отчинъ. Средствами для этого были долги у зажиточныхъ сосѣдей, долги, которые они погашали доходами своего хозяйства, работами, „заставою“, или „запродажею“, т. е. отдачею въ

³⁷²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 39.

³⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 484, 485.

³⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 140.

³⁷⁵) Ibidem, л. 68, 69.

пользованиe земель и угодий кредиторамъ, и, наконецъ, продажей своихъ угодий или части своей отчины. Въ 1522 году королю Сигизмунду заявляли дворянинъ Павелъ Родивоновичъ Толоковскій съ пасынкомъ Ивахномъ, что человекъ господарскій Самалишеской волости Войтко Олехновичъ „одолжалъ былъ людемъ многимъ пенязми и, не маючи чымъ тыхъ долговъ своихъ заплатить, просилъ ихъ, абы они дали ему осмь копъ грошей; и они тую осмь копъ грошей ему дали, а онъ мѣлъ имъ въ землю свою служить за то до тыхъ часовъ, пока бы онъ тымъ цѣнази заплатилъ“. Эта сдѣлка состоялась съ разрѣшенія воеводы Троцкаго пана Альбрехта Мартяновича Галтольда, который выдалъ Толоковскому особый листъ, подтвержденный затѣмъ (10 ноября 1522 года) и самимъ королемъ³⁷⁶⁾. Аналогичныя сдѣлки совершались иногда и безъ разрѣшенія начальства, если при этомъ несколько не затрогивались интересы господарской службы. Въ 1512 году у короля Сигизмунда просилъ дьякъ Иванко Горностаевичъ земля Яцковщины „въ Берестейскомъ повѣтѣ Бердичевскаго десятку у Сычовщакъ“, при чемъ повѣдалъ о ней, „што жъ дей отчичъ тое земли тотъ Яцко привожаеъ и, недужъ будучи намъ (господарю) съ тое земли службы служить, безъ дозволенья нашего сдать тую землю мѣщанину Берестейскому Кудипатцу, а самъ дей тамъ же, на той землѣ, за тымъ же мѣщаниномъ мѣшкаеъ, а тотъ дей мѣщанинъ, тую землю его папучи, нѣсколько десятъ грошей на замокъ нашъ (господарскій) даеъ“. Король отдалъ землю дьяку, при чемъ оговорилъ: „а естли бы тотъ человекъ Яцко хотѣлъ на той землѣ за нимъ мѣшкати потому, какъ и теперь тамъ мѣшкаеъ, и онъ нехай на той землѣ за нимъ мѣшкаеъ, и ему добровольно служить“³⁷⁷⁾. Въ погашенiе долговъ господарскiе люди отдавали въ пользованiе кредиторамъ свои нивы и сѣножати, но результатомъ этого часто бывало то, что они совсѣмъ разорялись и должны были бросать свои отчины. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ на вѣчность боярамъ витебскимъ Шапкамъ землю Коробейниковщину, „которое жъ дей земли отчичъ у мѣстѣ Витебскомъ живеть, а тую землю повинулъ и иные нивы и сѣножати тое земли позапродавалъ людемъ въ пенязѣхъ“³⁷⁸⁾. Въ 1526 году королю заявлялъ бояринъ Янъ Вербило, „иже люди Пуньское волости на имя Пацели съ товарищами своими заставили ему земли свои на имя Слевовщину а Довшковщину, а инши поля

³⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 41.

³⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 67.

³⁷⁸⁾ Ibidem, л. 237.

и сѣножати тыхъ жо земля заставили были тии люди иншимъ людемъ, и што троха тое земли zostало было въ нихъ, и съ того жадное службы не было къ двору нашому (господарскому) Пуньскому, какъ жо и сами тии люди разошлись прочь, толео быть одинъ Чоловѣкъ zostалъ на той земли на имя Пацелисъ, и съ того тежъ жадное службы къ двору нашому не было³⁷⁹. Въ виду всего этого, по словамъ боярина, князь Павелъ, бискупъ Лудкій и Берестейскій, отдалъ ему Пацелиса съ „незапродаанными“ землями и угодьями „до воли господарское“, а „запродаанныя“ земля дозволилъ ему „выкупить“. Король утвердилъ распоряженіе бискупа и пожаловалъ боярину все это уже „на вѣчность“³⁸⁰). Въ данномъ случаѣ при пожалованіи земли были признаны и права кредиторонъ, ссужавшихъ отчичей земли, изъ чего можно заключить, что сдѣлка между ними состоялась съ вѣдома и разрѣшенья начальства. Въ противномъ случаѣ права кредиторонъ обыкновенно не признавались правительствомъ, которое крестьянскія земли считало господарскими. Въ 1522 году король Сигизмундъ, пожаловавъ боярину Францишку Карсовскому двѣ земли плуотыхъ, Строканишну и Янушишу, и, получивъ отъ него затверженіе, „што жъ дей тамъ обаполны сусѣди, бояре и люди тягли, у вотчичонъ тыхъ земли поля и сѣножати покупили, а иншіи позакупали и розобрали безъ воли наше“ (господарское), пишетъ тивуну Виленскому, въ повѣтѣ котораго лежали земли: „и ты бы тѣмъ приказалъ, ажъ бы они въ тии поля и сѣножати ничимъ ся не вступали, а пенязей своихъ нехай бы на тыхъ исцѣхъ смотрѣли, кому будутъ ихъ давали“³⁸¹). Въ тѣхъ же цѣляхъ—извернуться въ нуждѣ—крестьяне нерѣдко отчуждали по частямъ свои земли или угодья, и эти сдѣлки ихъ разрѣшались мѣстными урядниками и утверждались самимъ господаремъ. Такъ, король Казимиръ позволилъ подданному Виленскому Васку Дорошковичу „въ людей Бѣльскаго повѣта на имя въ Шемотичъ а въ Новоселцовъ, а въ Вервечичъ близко Орлеи прыкупити къ своему имѣнейцу, которое онъ тамъ маєт, въ кого на шесть, а въ иного на десеть бочокъ земли, а цѣлого жеребья и тежъ половины жеребья не дозволилъ его милость ему купити“³⁸²). Король Александръ въ 1505 году подтвердилъ городничему Городенскому Федьку Гавриловичу Мелешковича его отчинныя и благопріобрѣтеныя имѣнья и между прочимъ зем-

³⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.

³⁸⁰) Ibidem, л. 35, 36.

³⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 141.

лицу, которую онъ купилъ у людей тяглыхъ городнянъ, у Олексы Ударича и его сына, третью часть земли Клешовщины, данную ему сторостою въ придачу къ его отчинѣ; „дубровку и два польца“ за селомъ Путрошкями, которыя онъ купилъ „въ Петька и въ его братья, въ Тимона а въ Сенка Оворотвичовъ и въ ихъ жонъ, и въ ихъ дѣтей“; землю на тридцать бочекъ солянокъ подлѣ села Путрошекъ, которую онъ купилъ у людей господарскихъ Дубничанъ и т. д. ²⁸²). Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ боярамъ смоленскимъ Василью Митковичу съ братомъ Васкомъ Быховцемъ выслуженныя и благопріобрѣтенныя ими имѣнья и между прочимъ, „што жъ купили въ людей нашихъ (господарскихъ) тяглыхъ Дорсунишское волости на имя въ Доркужиса Имятовича и въ брата-нича его въ Бортва Николаевича одну часть земли ихъ за Нѣманомъ отчинное, поле и сѣножать, а въ Етка Тарьевича и въ его жоны и въ ихъ дѣтей часть земли ихъ отчинное и сѣножать и приробки ихъ старши и новы“ ²⁸³). Такая продажа по частямъ земель и угодій подчасъ еще болѣе обезсиливала крестьянъ вмѣсто того, чтобы поднять ихъ, и бывала причиною того, что они совѣшъ бросали свои уменьшившіяся отчины.

XXI.

Эта продажа крестьянскихъ земель и угодій, какъ и „запродажа“ ихъ, совершалась съ разрѣшенія начальства, которое въ этомъ случаѣ облегчало владѣльцамъ ихъ усилія выйти изъ затруднительнаго экономическаго положенія, и это разрѣшеніе было безусловно необходимо для законности сдѣлки. Выше владѣльческаго права крестьянъ стояло права господара, какъ дѣйствительнаго собственника крестьянскихъ земель, который не могъ безразлично относиться къ отчужденію угодій или частей крестьянскихъ земель, потому что съ количествомъ земли стояло въ тѣсной связи, юридической и фактической, и количество повинностей, шедшихъ ему съ крестьянской службы. Тѣмъ болѣе правительство не могло допустить свободной продажи цѣлыхъ крестьянскихъ участковъ, безъ своего контроля и разрѣшенія, потому что такая продажа могла бы въ концѣ концовъ вести къ уменьшенію повинностей и доходовъ съ крестьянскихъ земель, даже если бы покупатели и принимали вмѣстѣ съ землею лежавшія на ней обязательства

²⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 245, 246.

²⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 358, 359.

и на первых порахъ выполняли ихъ. Въ актахъ поэтому находимъ не мало случаевъ, когда правительство нарушило сдѣлки на крестьянскія земли, состоявшіяся безъ его разрѣшенія. Такъ, король Казимиръ отнялъ у земляника дорогицкаго Петраша Климичева землю Голеденскую, которую онъ купилъ „безъ приволенія“ королевскаго у людей Дорогицкаго повѣта Андрея Голедня, Люборозы и Щафана ³⁸⁴⁾. Въ 1501 году король Александръ, пожаловавъ на вѣчность городничему Виленскому Занку человекѣ Тѣшила Пуполевича съ братьею и землею, написалъ въ привилей: „Тежъ, што будетъ тотъ Тѣшило и зъ братьею земли свои попродали або заставили кому въ пенязѣхъ а либо кому отдали, и мы и ти ихъ земли дали Занку вѣчно, *заныже людемъ нашимъ нельзе землю продавати ани запродавати безъ нашего приволеня*“ ³⁸⁵⁾. Тотъ же король Александръ въ 1505 году подтвердилъ городничему Городенскому „фольварокъ мѣщанина Городенского на имя Богданцовъ, который же фольварокъ тотъ Богданецъ збудовалъ на нашихъ земляхъ дяволиныхъ, на Лувьяновой а на Яновлевоу Антоновича, а на Семеновича а Филиповыхъ Кожича полѣхъ а на иныхъ нашихъ дяволиныхъ земляхъ, покупивши въ нихъ безъ нашего дозволеня“ ³⁸⁶⁾. Король Сигизмундъ въ своихъ привилеяхъ неоднократно выражалъ: „невозмо въ людей нашихъ земль безъ дозволеня нашего ни кому купити“, подтверждая такимъ образомъ порядокъ, котораго держались и его предшественники ³⁸⁷⁾. Побужденіемъ для правительства разрѣшать покупки у крестьянъ цѣльныхъ земельныхъ участковъ, съ которыхъ шла полная служба, кромѣ благоволенія къ покупателю—„для его выслуги“, бывала обыкновенно и экономическая несостоятельность крестьянъ, ихъ неспособность полнить господарскую службу, такъ что разрѣшеніе въ этомъ случаѣ равнялось пожалованію пустошицы. Въ актахъ нерѣдко можно подмѣтить это побужденіе. Такъ, король Сигизмундъ въ 1510 году 21 іюня уважилъ просьбу боярина смоленскаго Семена Константиновича Жабы, который заявилъ, „што жъ купилъ земли нашии и сѣнжати въ людей на имя бортевъ Верновское волости въ Кельвенахъ на имя у Ворона а въ Мошейна Яновдовичовъ, а въ Дата, а въ Козорѣза, а въ Яна Каткула, а въ Тунчеля, а въ Наца и въ ихъ братьи и въ братаничовъ ихъ“, просилъ короля, „абыхмо останокъ тыхъ бортевъ, земль и ихъ сѣнжхъ отчи-

³⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 330—332.

³⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.

³⁸⁶⁾ Ibidem, л. 245, 246.

³⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 125, 252.

чоловъ, тиньъ : вынописавшихъ людей ему дали“³⁸⁸). Въ 1614 году король Сигизмундъ докладывалъ царю Ивану Сопѣга, „что жь чоловѣкъ : нацѣ (господарскій). Немецкинское волости на имя Юряга зъ братьею и въ дѣлѣхъ своихъ для великихъ долговъ продають ему землю свою отчуждую : тую, на которой сами сидѣли“, и просилъ короля дозволить ему эту покупку и подтвердить своимъ листомъ. Король не только дозволилъ ему, но и написалъ въ припискѣ: „Тежъ, если бы тотъ Юряга въ братьею свою хотѣлъ ему служить, ино мы ему дозволяемъ симъ : выписати : листомъ“³⁸⁹). Разрѣшая отчужденіе крестьянскаго участка цѣликомъ, правительство могло иногда разсчитывать, что эта продажа поправитъ крестьянина, который съ капиталомъ можетъ еѣсть на пустоши и будетъ исправнымъ таглицомъ и плательщикомъ. Продажа крестьянскаго участка, такимъ образомъ, бывала иногда только перенесеніемъ капитала, затраченнаго на данный земельный участокъ, в капитализированной ренты этого участка на обработку другого, лежавшаго впустѣ. Такое перенесеніе мало въ общемъ поправляло крестьянское хозяйство, если только поправляло. Тутъ были нужны другія, болѣе действительныя, мѣры, и правительство въ концѣ изучаемаго времени обратилось къ нимъ. Выше (стр. 361) мы видѣли, что король Сигизмундъ приказалъ намѣстникамъ-державцамъ ссужать крестьянъ именами для посѣва и хлѣбомъ въ долгъ. Такая мѣра при надлежащемъ развитіи и приведеніи ея въ исполненіе могла бы оказать радикальную помощь крестьянскому хозяйству. Здѣсь пока жѣтъ надобности говорить о томъ, въ какой мѣрѣ эта помощь оказалась действительною.

Въ исторической литературѣ на основаніи фактовъ отчужденія крестьянами своихъ земель и угодій не разъ дѣлались заключенія, что землевладѣльческія права ихъ, по крайней мѣрѣ, въ изучаемую эпоху ничѣмъ не различались отъ землевладѣльческихъ правъ боярскихъ и шляхты. Въ недавнее время это мнѣніе было высказано г. Владиміръскимъ Вудановичемъ въ его статьѣ: „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ великорусскомъ государствѣ“, но особенно развито оно было у г. Новицкаго въ его „Очеркѣ исторіи крестьянскаго сословія въ юго-западной Россіи въ XV—XVII вв.“ „Спускаясь еще ниже въ сословной иерархіи, къ сельскому земледѣльческому населенію, — говорить г. Новицкій, — мы не только не находимъ какихъ либо особыхъ ограниченій относительно поземельныхъ правъ этого населенія, но

³⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 359, 360.

³⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 147, 148.

спорѣ имѣемъ основаніе заключать, что права эти ничѣмъ не отличались отъ такихъ же правъ высшихъ сословій". „Новеллы на княжескихъ земляхъ, „люди посподарскіе“, „волостные“ или „длгатае“, воегда не раздѣляемые отъ княжескихъ „служъ“, такъ напримѣръ нутники, владѣли поземельною собственностію тою же обязанностию службы, но только сама служба ихъ обывалась въ иной формѣ“. „Но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользовались и правомъ отчужденія своихъ земель, съ тѣмъ только, чтобы новый владѣлецъ обывалъ ту же, приуроченную къ извѣстному земельному участку повинность личную или пригонную. Равно они могли покупать и землю боярскихъ мѣшчанъ. Отчужденіе земель путевыми жителями происходило на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и у бояръ, т. е. въ разрѣшеніи князя или его намѣстника, и при соблюденіи этого условия признавалось верховною властью вполнѣ законнымъ“. „Особенно интересное заключеніе г. Новицкаго свелось въ тому, „что въ достаточный періодъ землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ никакой привилегіи, что всѣ свободныя сословія, а слѣдовательно и самое многочисленное изъ нихъ, крестьяне, пользовались въ этомъ отношеніи одинаковыми правами“. Онъ укоряетъ г. Леонтовича за то, что тотъ ошибочно распространяетъ положенія Статута и на „болѣе раннее время“, считая землевладѣніе шляхетской привилегіею. „Законодательныя реформы эпохи Сигизмундовъ, выразившіяся въ изданіи „статутовъ“, и отчасти начатыя уже при Александрѣ, составляютъ, по словамъ г. Новицкаго, — не формулировку установившихся общественныхъ отношеній, не кодификацію дѣйствовавшего уже права, а напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть только отдѣльныя факты той жизни, которой подвергалась послѣдніе остатки старины, и попытку организовать дальнейшую историческую жизнь на новыхъ началахъ; несостоятельность которыхъ доказалъ печальный опытъ послѣдующихъ вѣковъ“ (299).

Смыслъ этого заключенія о статутахъ можно поставить въ параллель только съ непродуманностью его, потому что ниже, на 45 стр. своего труда, г. Новицкій толкуетъ уже о томъ, что „первый Литовскій статутъ, изданный Жигимонтомъ въ 1529 году, объединилъ въ систему и формулировалъ сложившійся въ предшествующую эпоху феодальный порядокъ, преимущественно въ отношеніи высшихъ сословій“. Но что такое былъ этотъ „феодальный порядокъ“, о которомъ говоритъ г. Новицкій, какъ не тѣ же „общественныя отношенія“, форми-

299) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія стр. 12, 18, 16, 20.

мулировкой вторыхъ, однако, по его словамъ, не былъ статутъ 1529 года? Вообще, еслибы г. Новицкій въ данномъ случаѣ побольше обратилъ вниманія на тѣ данныя, которыя находятся въ напечатанныхъ литовско-русскихъ актахъ, то и литовскіе статуты не представились бы ему фансиами въ ломѣ старины, а сводомъ уже дѣйствовавшихъ нормъ права и законодательною формулировкой тѣхъ отношеній, которыя сложились въ Литовской Руси подъ дѣйствіемъ польскаго права. Мало того, еслибы его изученіе захватило архивный матеріалъ въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ тотъ, какой представляли издававшіеся подъ его редакцію акты (разумѣется, этого нельзя ставить ему въ вину), то, быть можетъ, онъ пошелъ бы и далѣе въ этомъ направленіи и призналъ, что ломки старины въ жизни Литовско-Русскаго государства собственно и не было, а былъ только мѣстный историческій процессъ, подготовившій такіа общественныя и политическія отношенія, на которыя легко могло наложить свой штемпель, свою форму, польское право. Болѣе внимательное и обширное изученіе источниковъ точно также не даетъ права утверждать и того, что землевладѣльческія права крестьянъ были одинаковы съ правами высшихъ сословій.

Дѣйствительно, и боярское землевладѣніе было въ изучаемое время условнымъ, соединеннымъ съ обязанностью службы государю; справедливо и то, что отчужденіе боярскихъ земель происходило съ „приволенья“ господара или его намѣстника, и только при этомъ условіи признавалось законнымъ. Но на этомъ и кончается сходство крестьянскаго землевладѣнія съ боярскимъ. Могъ ли государь *de jure* лишать пана или боярина-шляхтича его отчины или выслуги? Привилегіи, дававшіеся высшимъ литовско-русскимъ сословіямъ, начиная съ 1387 года, даютъ на это отрицательный отвѣтъ: государь могъ отбирать имѣнія у бояръ - шляхты только за какой-нибудь изъ „выступъ“. Между тѣмъ крестьянина не только *de facto*, но и *de jure* государь могъ лишать его отчины и даже купли, безъ всякой вины съ его стороны, какъ это видно изъ примѣровъ, приведенныхъ въ началѣ очерка. Боярское землевладѣніе, какъ видно изъ многочисленныхъ указавій актовъ изучаемаго времени и затѣмъ изъ постановлений Статута 1529, выразившихъ дѣйствовавшее уже до него право, обставлено было многочисленными правилами, которыми обезпечивались интересы владѣльца, его родныхъ и близкихъ. Относительно же крестьянскаго землевладѣнія такихъ подробныхъ правилъ и установленій не было, кромѣ, развѣ, одного, что крестьянинъ могъ искать передъ государемъ и его намѣстникомъ подъ другими своей отчины.

Въ 1496 году человекъ Вильвейскаго повѣта Явѣписъ Миннигилевичъ хотѣлъ оттягать у боярина вильвейскаго Ксинея землю, доставшуюся ему изъ вторыхъ уже; впрочемъ, рукъ отъ человека вильвейскаго Петра, отчича этой земли. Но бояринъ заявилъ великому князю, что Явѣпису „тая земля есть не отчина, низли ее ищеть по близкости, а свою землю отчинную таки въ себѣ маеть“. Вслѣдствіе этого великій князь положилъ такую революцію: „Ино, коли тая земля ему не отчина, а онъ ее искалъ по близкости, мы въ томъ волни господарь, а человеку тямому близкости никоторое нѣтъ“²²¹⁾. Въ противоположность этому бояринъ, даже если бы у него была своя отчина, имѣлъ полное право отыскивать свою землю „по близкости“, на что можно найти многочисленныя указанія въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напр., въ 1528 году королю Сигизмунду жаловался дворянинъ Янъ Шеметовичъ на князя Андрея Михайловича Санкгушковича, „штожь онъ купилъ имѣнья, близкостя его, у пана Яна Яновича Довойновича два дворища зъ людьми у Деревку а у Иберивичохъ у-въ Изблинскомъ повѣтѣ за сто копъ грошей“, и просилъ, — гласить вирокъ короля, — „абыхмо росказали князю Андрею пенязи въ него взяти, а тыхъ дворищъ ему ся поступити водлѣ его близкостя“. Князь Андрей остался во владѣніи дворищами лишь по тому, что доказалъ, что „панъ Янъ Довойновичъ посполъ зъ женою своею Ганною и зъ дѣтми своими тии дворища ему продали на вѣчностъ первѣй, низли и ними имѣнья свои непродавали, а продаючи мѣли то за третью часть, какъ жо и въ листѣ своемъ купчомъ то ему выписали“²²²⁾.

Боярское имѣнье только тогда спадало на господара и тогда только онъ былъ въ немъ „воленъ“, когда не оставалось никого изъ ближнихъ послѣдняго владѣльца. Такъ, король Казимиръ привернулъ къ двору своему Турійску Владимірскаго повѣта село Сомино лишь послѣ того, какъ умерли владѣльцы его Казаринъ и его племянникъ Тишко „и послѣ нихъ ближнихъ никого ся не остало“²²³⁾. Паны и бояре-шляхта имѣли право записывать на своихъ имѣньяхъ известную сумму денегъ своимъ женамъ „въ вѣнѣ“, и это право было утверждено за ними еще въ Городельскомъ привилеѣ 1413 года. Въ силу этой записи родственники могли только тогда наследовать такое имѣние, когда уплачивали вдовѣ покойнаго записанную ей сумму. Вообще на

²²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 78.

²²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 38. Справ. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XCIV.

²²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93.

дѣльнѣе: бѣгствія падали всякія, помѣщественныя, высканія съ владѣльцевъ; даже и такія, которыя не вытекали вовсе изъ обязательствъ, законченныхъ съ „приводецъ“ господара или его урядниковъ. Такъ, напр., когда бояринъ Вилевскаго повѣта Суринъ обокралъ Станислава Гошеяра, слугу воеводы Виленскаго пана, Миколая Радивиловича, и долженъ былъ заплатить ему, по суду 143 копы грошей, то за неимѣніемъ у него денегъ, великій князь Александръ отдалъ Гошеяру двѣ тыщи его шлодахъ: дворець Суринюмовскій и 15 человекъ пѣлуднъ невольной съ такимъ условіемъ: „А которыя бы того Суринна близкіи хотѣли тотъ дворець въ него выкупити, и они шекай ему тую его шлоду заплатить, сто копъ и сорокъ копъ и три копы грошей, а тотъ дворець собѣ будуть мѣти“³⁹⁴). Подобныя высканія, между тѣмъ, никогда не падали на земли, крестьянъ, какъ не ихъ собственность, а только на движимое имущество и личность присутственныя. Земля же поступала въ полное распоряженіе господара, который отдавалъ ее, кому хотѣлъ. Въ книгѣ земельника равдучъ короля Казимира находится такая записъ: „Тимиръ, писарю татарскому, у Стравиничахъ земля датчаня Тюдова (продана). А гдѣхъ дѣй такъ за тѣбу увать зъ жонюю и зъ дѣтми“ (въ рабство)³⁹⁵) и т. д. Вообще, боярское землевладѣніе является несомнѣнно привилегированнымъ, по крайней мѣрѣ, со времени выдачи известныхъ вѣмскихъ привилеевъ 1387, 1413, 1457 гг. Привилегіи и обещанія, содержащіяся въ этихъ грамотахъ, вошли въ статутъ 1529 г. съ дополненіями и объясненіями, судя по даннымъ разныхъ подтвердительныхъ привилеевъ и судовыхъ писецовъ, внесенныхъ въ книгу Лидовской Метрики, кѣйствовали чуть ли не съ самаго начала XV вѣка. Такимъ образомъ, очевидно, не г. Леонтовичъ, распространяя положенія Статута и на болѣе раннее время, а г. Новицкій, который ставитъ это ему въ вину.

Чтобы подогнать, что землевладѣльческихъ правъ крестьянъ, укажемъ еще на неправильное докованіе г. Новицкимъ 7-ю статью LX раздела Статута 1529 года въ пользу вѣмцевладѣльческихъ правъ владѣльческихъ крестьянъ. Статья эта, какъ разъ говорить противъ утвержденія г. Новицкаго. По его словамъ, „права крестьянъ на находящіяся въ ихъ владѣніи земли—если не въ силу положительнаго закона, то по обычаю—были болѣе или менѣе обезпечены и прочны;

³⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 9.

³⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 17.

такъ арт. 7 разд. IX предусматриваетъ случай отчужденія крестьянами бортовыхъ деревьевъ не только своимъ односельцамъ, но даже жителямъ другого села и другого владѣнiя, путемъ продажи или отдачи въ приданое, и о подобныхъ случаяхъ говорится даже, какъ о весьма нередкихъ³⁹⁶⁾. Между тѣмъ внимательное разсмотрѣнiе этой статьи приводитъ только къ одному заключенiю, что крестьяне могли отчуждать, да и то временно, только пользование своими угодьями. Статья гарантируетъ владѣльца отъ того, чтобы это пользование не переходило во владѣнiе: часто случается между мужиками, говоритъ она, что они заводятъ въ чуждiя руки „борты, або входы“, продаютъ пчелы „для недостатку данн“, либо въ приданое за дочерью отдаютъ дерево съ пчелами зятю въ чужое село, а тѣ ставятъ свои знамена на отихъ деревьяхъ и за этими знаменами начинаютъ имѣть входъ въ пуцу: въ такихъ случаяхъ, если возникаетъ тяжба между владѣльцами, тогда поступать такъ: „чие старшее уродьшое, знамя будет, тому борть и входъ сказати мают, абы ся в дое, не вступалъ“.

Г. Новицкiй указываетъ на то, что „крестьяне, поселенные на земляхъ частныхъ лицъ, имѣли такое же право отчужденiя земли, по разрѣшенiю владѣльца и съ передачею повинностей“, какое имѣли и господарскiе крестьяне³⁹⁷⁾. Но случай, на который онъ указываетъ, имѣлъ мѣсто въ церковныхъ владѣнiяхъ Галицкой Руси, а не Литовской, и притомъ онъ вовсе не указываетъ на какое-нибудь право отчужденiя земли, а на та простой фактъ передачи за деньги пользованiя земельнымъ участкомъ вмѣстѣ съ обязательною службою владѣльцу. На право же, и притомъ не крестьянское, а владѣческое указываютъ, напр., такіе случаи, встрѣчающіеся намъ въ акты Литовской Метрики. Въ 1506 г. король Александръ подтверждаетъ мѣщанину виленскому Богдану Ожковичу, „штожь отецъ его Ошко и онъ съ отца нашего, Казимеръ короля, и за насъ купили за боиры Виленского повѣта на имя у Андрушка а въ Богдана Ганусовины съножиныи людей ихъ на имя Якубинки а Кривинки, а Терешинки, а Пашинки, а Ровяшки“³⁹⁸⁾. Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ пану Войтеху Лновичу между прочимъ человека „отчинброви дѣдича его“, котораго онъ купилъ у боярина Василя Ожковича и брата его Андрея „на имя Илью и зъ его сыножь Савинкомъ и съ жолозыи

³⁹⁶⁾ Очеркъ исторiи крестьянскаго положенiя, стр. 53, 54.

³⁹⁷⁾ Ibidem, стр. 14.

³⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 312.

ною земли, отчины Ильины" ³⁹⁹). Въ 1522 году Сигизмундъ подтвердилъ боярину жмудскому Рымегайлу землицу, „што человекъ его Монько, будучи на землицы своей купленной, лѣсу сырого проробиль" ⁴⁰⁰) и т. д. Владѣльцы въ качествѣ настоящихъ собственниковъ вели искн не только о земляхъ и угодьяхъ своихъ крестьянъ, но даже и объ ихъ „входахъ" въ пущи. Такъ, напр., панъ Янъ Миколаевичъ велъ передъ королемъ Сигизмундомъ тяжбу съ господарскими людьми волости Вщицкой, Хвойничанами, за право своихъ людей Рудобѣлчаць имѣть „вступъ" въ одинъ островъ (лѣсной), гдѣ находились борти съ клеймами его людей. Эти борти составляли источникъ его доходовъ, потому что съ нихъ ему шла дань медовая, бобры и кунницы, вслѣдствіе чего онъ и старался обезпечить ихъ за своими людьми, которые, кромѣ бортей, имѣли тамъ пашни и сѣножати ⁴⁰¹). Конечно, и крестьяне имѣли свои владѣльческія права, но эти права осуществлялись не въ ихъ отношеніи въ господарю или своимъ панамъ, а въ отношеніяхъ другъ къ другу и къ другимъ владѣльцамъ.

XXII.

Перейдемъ теперь въ вопросу, откуда брались вольные „похожіе" люди, которыми намѣстники-державцы могли осаживать пустошины въ господарскихъ волостяхъ, а князья, паны и бояре шляхта въ своихъ имѣньяхъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже подготовленъ во всемъ томъ, что говорилось здѣсь о прикрѣпленіи крестьянъ и о происхожденіи пустощинъ въ господарскихъ волостяхъ.

Вольные „похожіе" люди набирались прежде всего изъ тѣхъ лишнихъ людей, которыхъ выпускала отъ себя крестьянская служба. Какъ уже было сказано, классъ этотъ отдѣлялся отъ господарскихъ крестьянъ-отщепеней, потому что частные владѣльцы всегда имѣли возможность пристроить всѣхъ лишнихъ крестьянъ къ новымъ службамъ или же передать ихъ въ другія руки, а господарь при обширности и разбросанности своей вотчины долженъ былъ предоставить устраиваться крестьянамъ самимъ. Кромѣ того, не могъ не дѣйствовать по традиціи и взглядъ на господарскаго крестьянина, какъ на свободного человека, прикрѣпленнаго къ землѣ обязательствомъ службы, при перенесеніи которой на чужія плечи, родныхъ или потужниковъ,

³⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 187—190.

⁴⁰⁰) Лит. Метр. кн. Запис. XII, л. 14.

⁴⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 10, 11. Срав. кн. Запис. VI, л. 136, 137.

крестьяннѣ могъ сойти съ участка. Въ 1533 году воевода Полоцкій Яць Юрьевичъ Глѣбовича „оправилъ“ людей Пялимона и Кузьму, жившихъ за даномъ Томкомъ Кветолтовичемъ, и брата ихъ, жившаго за пальею Михайловою Сеньковича. Этихъ людей приссвивалъ тивунъ Черевятскій съ псарцами Олешниничами въ потягъ. Но они заявили воеводѣ: „отцы наши, три брата, люди были прихожін, пришли съ Оболецъ на тую землю (у-въ Олешниничохъ), и два брата, дядки наши, сѣли на той земли, а третему брату, отцу нашему, тое земли не достало, и онъ пошелъ прочь и сѣлъ у Величовичохъ за людьми королевскими путными на доли, а мы ся есмо въ тоть часъ ещо были не родили“. Это показаніе было подтверждено другими людьми черевятскими, которые заявили, что „отець ихъ былъ человекъ прихожій и сѣлъ былъ зъ братьею своею на той земли псарецкой у-въ Олешниничохъ, и коли ся сталъ зъ братьею своею дѣлать, и онъ съ тое земли зышолъ прочь ещо за пана Яна Заберезинскаго“ (воеводи Полоцкаго въ 1490—1496 гг.) ⁴⁰³⁾. Впрочемъ, бывали случаи, когда и отъ отчинныхъ частновладѣльческихъ крестьянъ отдѣлялись вольные „похожіе“ люди, и чѣмъ обширнѣе была частная вотчина, тѣмъ чаще возможны были такіе случаи. Такъ, воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича въ 1533 году жаловался человекъ боярыни Полоцкой паньи Михайловой Зеновьевича Ононасъ Семеновичъ, „што яъ за зыводное пограбленъ“ неправильно. Онъ заявилъ воеводѣ, „якъ не естъ человекъ Судиловскій двора господарскаго Черевятскаго, але прихожій, отчизна его за паномъ Иваномъ Глѣбовичемъ, городничимъ господарскимъ Полоцкимъ, у Загаты, нишли, повѣдилъ, якъ matka его, будучи удовою, якъ была за иншого мужа шла до Судиловичъ, тѣлъ его съ собою маленького до Судиловичъ принесла“. Воевода оправилъ Ононаса и велѣлъ оставить его въ покоѣ: „воленъ онъ, кому хотъ, служить“ ⁴⁰⁴⁾. По настоящему, Ононасъ, какъ человекъ отчинный пана Ивана Глѣбовича, долженъ былъ бы служить ему; но за дѣвичествомъ лѣтъ онъ сталъ вольнымъ „похожимъ человекомъ“, при томъ же и отчина его тѣмъ временемъ, вѣроятно, передана была въ другія руки. Такимъ же путемъ появлялись вольные „похожіе“ люди и въ господарскихъ волостяхъ. За невозможностью прокормиться и нести службу господарю на своихъ отчинахъ крестьяне повидали ихъ и „добочились“ по людямъ по наймамъ, въ закупахъ и закладняхъ. Правительство долгое время не съискивало и не возвращало ихъ

⁴⁰³⁾ Литов. Метр. кн., Запис. XVI, л. 177.

⁴⁰⁴⁾ Ibidem, л. 178.

и не передавало никому изъ частныхъ лицъ право на это, и такимъ путемъ крестьяне за давностью лѣтъ становились вольными „похожими“ людьми. Признавая давность, какъ принципъ прикрѣпленія, правительство eo ipso должно было признать давность и какъ принципъ освобожденія: господарскій крестьянинъ, котораго долго не выводили, могъ „засидѣть“ за какимъ-нибудь паномъ, сдѣлаться его „непохожимъ“ человѣкомъ, или же осѣсть гдѣ нибудь въ господарской волости на пустошигѣ или на долѣ съ людьми, а потому вообще по истеченіи извѣстнаго времени не подлежалъ сыску и возвращенію на свою родину въ господарскую волость. Конечно, за это время онъ могъ и не прикрѣпиться нигдѣ, и такимъ образомъ становился вольнымъ „похожимъ“ человѣкомъ.

Въ актахъ находимъ не мало указаній въ этомъ смыслѣ. Въ 1502 году король Александръ пожаловалъ пану Юрью Якубовичу пять земель въ Волковійскомъ повѣтѣ, съ которыхъ, по его повелѣнію, бывало передъ тѣмъ пять служебъ, „а теми рази пусты лежать, а отчычы сошли прочь и, ходячи по людямъ, вормятся“. Относительно отчычей король написалъ въ привилеѣ: „А естли тыи люди, отчычы тыхъ земель, усхотятъ до него прійти, и они съ тыхъ своихъ отчинъ мають ему служити“⁴⁰⁴). Король Сигизмундъ далъ радцѣ мѣста Виленскаго Богдану Онковичу двѣ земли пустыхъ, Юркелевщину и Ондросовщину, взамятъ его земли, которую тивунъ Виленскій панъ Бутримъ привернулъ къ двору Швинтянскому. Послѣ этого обмѣна Богданъ доложилъ королю, „што жъ дей отчычы тыхъ земель Юркелевщичны а Ондросовщичны въ лихолѣтье отходили прочь; а теми дей рази прышли къ нему на тыи земли свои, на имя Евнисъ а Ондраъ съ братомъ, и хотятъ ему служити“, и былъ челомъ королю, чтобы онъ дозволилъ ему принять этихъ людей и держать за собою, а земли подтвердилъ бы ему на вѣчность. Король исполнилъ его просьбу и выдалъ ему листъ (19 Октября 1510 года), въ которомъ написалъ между прочимъ: „и мы ему тыхъ людей, отчычовъ тыхъ земель, дозволили приняти и держати за собою, если всхотятъ ему служити по своей доброй воли“⁴⁰⁵). Въ февралѣ 1511 года король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Андрею Михновичу землю пустую въ Радуньскомъ повѣтѣ Мицутешки и писалъ Радуньскому намѣстнику: „А придуť ли отчычы тое земли, а всхотятъ ли ему служити по своей до-

⁴⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.

⁴⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 404.

брой воли, и они нехай служить, а не всхотятъ ли ему служити, и они мають поити, куда хотячы; а онъ маеть съ тое земли службу земскую заступовати⁴⁰⁶. Во всѣхъ такихъ случаяхъ нельзя разумѣть вольныхъ господарскихъ крестьянъ въ родѣ слугъ путныхъ, а всѣхъ вообще крестьянъ. Въ 1514 году 2 февраля король подтвердилъ служебнику воеводы Виленскаго Миколая Миколаевича Андрею Прокоповичу двѣ земли пустыхъ *тяглыхъ*, данныхъ ему въ Румшишской волости намѣстникомъ Румшишскимъ Аврамомъ Езофовичемъ „до воли господарской“, при чемъ написалъ въ подтвердительномъ привилеѣ: „А естли отчичи тыхъ земель придуть, а всхотятъ ли на тыхъ земляхъ сѣсти за нимъ, и они мають ему служити, а онъ маеть намъ съ того службу земскую заступовати“⁴⁰⁶). Слѣдовательно, и тяглые люди могли дѣлаться вольными „похожими“ людьми. Кромѣ давности, крестьяне могли дѣлаться вольными „похожими“ людьми и въ тѣхъ случаяхъ, когда съ разрѣшенія начальства продавали свои отчины, а сами не шли въ службу къ покупателю. Такими людьми стали, напр., господарскіе крестьяне „Вряславского повѣта Увольское волости“ Михно и Юнчо Палевичи, братаничи ихъ Якубъ, Бартошъ, Юшво и Юрвель съ своими дѣтми, которые въ 1514 году съ разрѣшенія господаря продали на вѣчность пану Ивану Сопѣгѣ „землицу ихъ отчизную, на которой отецъ ихъ и они сѣдѣли и съ прикупниною, што отецъ ихъ и оны сами прикупили въ дядевичовъ своихъ въ Наруша Рямшевича а у Андрушка Етовтовича и въ иныхъ“⁴⁰⁷). Очевидно, что этой „землицы“ было для нихъ недостаточно, не на чемъ было кормиться всѣмъ и не съ чего служить службу господарю, а земля была хорошо воздѣланная или просто удобная для пана Сопѣги, который давалъ за нее хорошія деньги. Поэтому крестьянская служба, состоявшая изъ родныхъ, и рѣшила продать, деньги подѣлить, а самимъ разойтись по людямъ.

Наконецъ, извѣстный процентъ въ разрядъ вольныхъ „похожихъ“ людей долженъ былъ выдѣлять и классъ слугъ, которые сами по себѣ признавались вольными людьми. Въ перечнѣ личнаго состава путныхъ, панцырныхъ, доспѣшныхъ, щитныхъ и конныхъ слугъ Смоленской земли (состав. около 1492), мы довольно часто встрѣчаемъ отмѣтку касательно тѣхъ или другихъ членовъ службъ, что они не живутъ на мѣстѣ, а на сторонѣ „по службамъ“. Напримѣръ, въ числѣ мощинскихъ панцырныхъ слугъ были: „Павель Плюсковъ; дѣти его

⁴⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 471; IX, л. 233.

⁴⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 83.

Ивашко а Гришко тии по службамъ, а третій сынъ его Степанъ съ нимъ живеть, а иные малы, негодны на службы; Янъ Путата Мелековъ, а три сыны его съ нимъ у дому: Глѣбъ а Ивашко, а Яковъ а иные по службамъ: Володко, Борисъ, Ѳедько, Гришко, Ивашко; Заня Сенявичъ служилъ пану Мартину, братъ его Станя служилъ владыцѣ, а отецъ ихъ служилъ королю, а и оный служить королю“⁴⁰²⁾. Конечно, слуги на сторонѣ искали преимущественно такой же службы, которую они вели дома королю, и которая была ихъ главною профессіею, но могло случаться, что они попадали и въ тяглыя крестьяне, тѣмъ болѣе, что и дома они обрабатывали землю сами и были привычны къ этому занятію.

XXIII.

Послѣ всего сказаннаго можно ясно представить себѣ, какъ и въ какомъ направленіи могла развиваться дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по заселенію господарскихъ волостей. Намѣстники-державцы чрезъ господарскихъ „выводчихъ“ сводили съ чужихъ земель господарскихъ крестьянъ, ушедшихъ недавно изъ волости, буди возвращеніе такихъ крестьянъ представляло выгоду и интересъ, да же приглашали крестьянъ разными льготами добровольно вернуться на повинутые ими участки. Особенно эта дѣятельность развивалась въ волостяхъ, опустѣвшихъ или отъ непріятельскаго разоренія, или отъ дурного управленія. Такъ, державца Рѣчицкій панъ Семень Подозовичъ при королѣ Сигизмундѣ собиралъ тамошнихъ господарскихъ подданныхъ, которые „отъ великаго нагабанья непрятелей... Москвичъ, Тотаръ и Турковъ розышлись было розно прочъ“ и осадилъ ими мѣсто и волость Рѣчицкую. Король за эту дѣятельность наградилъ его держаньемъ Рѣчицкимъ „до живота“ на оссыхъ правахъ, въ возмѣщеніе тѣхъ расходовъ, которые онъ понесъ при постройкѣ замка Рѣчицкаго и собираніи волости“⁴⁰³⁾. Державы, гдѣ особенно требовалась эта собирательная дѣятельность, обыкновенно отлавались „въ держанье“ до живота. Такъ, король Сигизмундъ въ декабрѣ 1510 года писалъ „ко всимъ бояромъ и слугамъ путнымъ и мѣшчаномъ и людемъ волостнымъ Дорсуницскаго двора“, что онъ отдалъ этотъ дворъ съ волостью въ держанье пану Венславу Костевичу: „а онъ маеть тотъ дворъ справляти и люди садити, а мы, видячи его таковую послугу, тотъ дворъ Дорсуницкій

⁴⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

⁴⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

ему «сомо дали до его живота» ⁴¹⁰). Намѣстники-державцы раздавали пустошины безземельнымъ людямъ не только по собственной инициативѣ, но и по предписанію господаря. Последнее давалось обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда господарь, пожаловавъ кому-нибудь пустошины, приказывалъ намѣстнику-державцѣ обыскать земли для отчичей пожалованныхъ пустошинъ, буде они воротятся. Такъ, король Сигизмундъ въ 1519 году, пожаловавъ боярину Сопотку Стецковичу землю пустошовую Ромашовщину въ Городенскомъ повѣтѣ, предписалъ старостѣ Городенскому; «а естли бы отчичи тыхъ земель пришли, и тыя бы милость напротиву того ившую пустошину имъ далъ» ⁴¹¹). Въ 1522 году, подтвердивъ боярину Францишку Карсовскому землю Страминщину «въ Ливенское волости» и Янушишку «въ Неменчинскомъ повѣтѣ», данный ему тѣвуномъ Виленскимъ Андреемъ Яновичемъ Завишча, король Сигизмундъ приказалъ послѣднему: «А естли бы тыхъ земель отчичи хотѣли на тьи земли свои прийти, и ты бы, иными земли обыскаши, напротиву ихъ отчичи имъ подавалъ, съ чего бы они мѣли намъ службу служити и дѣчки давати» ⁴¹²) и т. д.

Пустошины раздавались иногда не только безземельнымъ людямъ, но также и такимъ, которые имѣли свои земли и несли съ нихъ службу. Очевидно, что это были или малоземельные крестьяне, размножившіеся на извѣстномъ участкѣ, который для нихъ сталъ малъ и тѣснъ, или же зажиточные крестьяне съ капиталомъ, которые могли осилить не одинъ участокъ и не одну службу. Пустошины раздавались такимъ людямъ обыкновенно «на особную службу». Такъ, намѣстникъ Передомскій Андрей Олехновичъ въ 1494 году далъ господарскимъ подданнымъ Наровичамъ, Мартину съ братьею, «землю пустошовую дяколовую на имя Римтишки Борное волости на особную службу», каковое распоряженіе и было утверждено великимъ княземъ ⁴¹³). Намѣстникъ Кревскій при королѣ Александрѣ Минко Ганусовичъ далъ челоуѣву кревлянину Андрею Пышионтичу землю пустошовую Туровщину, «которую жъ Костюкъ сокольникъ держалъ», «на особную службу» ⁴¹⁴) и т. д. Но иногда намѣстники-державцы должны были придавать пустошины въ отчичь не на особную службу, а на одну и ту же, которая шла и съ отчины. Это былъ одинъ

⁴¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 409.

⁴¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 34.

⁴¹²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 35, 36.

⁴¹³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 16.

⁴¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

изъ способовъ удержать въ волости людей, у которыхъ почему-нибудь отчины были малы. Въ актахъ мы имѣемъ записи о подобныхъ пожалованіяхъ самого господаря, а по аналогіи можешь заключить о такихъ же раздачахъ и намѣстниковъ - державцевъ, тѣмъ болѣе что пожалованья господаря сплошь и рядомъ являются только санкціею распоряженій мѣстныхъ правителей. Такъ, при королѣ Сигизмундѣ въ 1513 году „Бортку а Якубу Ромашновичомъ дана земля пустая въ Епишкахъ на имя Шулповицина въ ихъ отчизнѣ на ройтиницкую службу“ ⁴¹⁵).

Господарскіе крестьяне уходили изъ волостей часто не по малоземелью, а по многоземелью, если такъ можно выразиться, потому что не въ состояніи были по находившемуся въ ихъ распоряженіи капиталу и труду эксплуатировать весь земельный участокъ, съ котораго шла служба, и нести эту службу. Желая остаться на отчинѣ, обыкновенно они сами набирали себѣ вольныхъ похожихъ людей во временные „потужники“, которыхъ сажали на своей отчинѣ „на долѣ“. Такъ, напр., писарь воеводы Виленскаго Миколая Радивиловича Сенько Тереховичъ въ 1497 году показывалъ великому князю Александру о пожалованномъ ему селѣ Золотовичахъ „Дубровенскаго путя“: „А избѣ тыхъ отчиновъ на томъ селци толко пять, а другая пять истобокъ прихожихъ людей, долничковъ ихъ, а живутъ у-въ одномъ мѣстѣ на томъ же селци, а болши того ничого тамъ дымовъ нѣтъ, а служба съ того селца идетъ одна, панцырная“ ⁴¹⁶). Иногда вольные „прихожіе“ люди оставались на крестьянской отчинѣ даже и тогда, когда отчичи вымирали или покидали свою землю. Въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярамъ врудскимъ Ѳедору и Грнню Петрашевичамъ землицу Чегалаевскую въ Оврудскомъ повѣтѣ, относительно которой бояре заявили королю, „што зъ дей наслѣдковъ въ той земли никого не осталось, нижи дей человекъ прихожий на имя Яковъ теми разы тую землю завѣдаетъ“ ⁴¹⁷). Но какъ мы видѣли уже выше, иногда вольныхъ „прихожихъ людей“ къ отчичамъ присаживали и намѣстники-державцы, спасая такимъ образомъ господарскую службу ⁴¹⁸). Въ этомъ случаѣ они дѣйствовали такъ же, какъ и частные владѣльцы, которые присаживали къ своимъ крестьянамъ вольныхъ похожихъ людей. Такъ, напр., панъ Альбрехтъ Мартино-

⁴¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 176.

⁴¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 89.

⁴¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 161.

⁴¹⁸) Акты Зап. Рос. I, № 133, I.

вичъ Гавтольдъ, получивъ отъ короля Сигизмунда два человѣка съ землями, Степана Милевича и Наменка Мартиновича, посадилъ на ихъ земляхъ вольныхъ „похожихъ“ людей: на „Степана Милевича земли—Матей Рудила, а на Номейковичинъ Станька Скуковича зъ братьею, Андрея ковала, Станя Довнаревича, плебаньского человѣка, а Нарутеля Минтодовича“⁴¹⁹).

XXIV.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда количество наличныхъ крестьянскихъ служебъ превышало потребности господарскаго двора, король Сигизмундъ предписывалъ намѣстникамъ-державцамъ лишнихъ людей „на вроцѣ осадити“. Выше было приведено такое распоряженіе относительно тяглыхъ людей, но такъ же намѣстники-державцы должны были поступать и относительно другихъ служебъ. „А колко будетъ соляниковъ въ томъ дворѣ нашомъ,—читаемъ въ уставѣ 1514 года,—и ты маешь колко соляниковъ на дворъ нашъ отставити и соль съ нихъ брати подлѣ обычая, чимъ бы еси мѣлъ въ томъ дворѣ нашомъ на годъ обойтися, а зъ ивншихъ маешь соль пенязми брати и до скарбу нашего давати; а ковалевъ такъ же маешь съ потребу на дворъ нашъ отставити, а ивншихъ маешь на вроцѣ осадити, и съ нихъ пенязей съ каждого по копѣ грошей беручы, и до скарбу нашего давати; и бобровниковъ такъ же, што бы было ихъ назвышь потребы ку службѣ бобровницкой“. Устава 1529 года распространяетъ это распоряженіе и на осочниковъ и рыболововъ; по аналогіи и формѣ самаго распоряженія, въ которомъ осочники рыболовы и ковали взяты только на примѣръ („яко осочниковъ, рыболововъ и ковалевъ“...), можно заключать, что оно относилось и ко всѣмъ крестьянскимъ службамъ вообще. Въ актахъ болѣе ранняго времени намъ не удалось найти указаній на эту ограничительную дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ въ отношеніи издѣльныхъ повинностей и натуральныхъ податей. Во владѣніяхъ удѣльныхъ и служилыхъ князей, спадавшихъ на господаря, мы встрѣчаемъ людей, сидѣвшихъ „на вроцѣ“ и платившихъ съ своей земли опредѣленную подать взаменъ натуральныхъ повинностей, но это установилось, очевидно, по соглашенію съ самими оброчниками, когда они садились на пустошинахъ или на новомъ корню⁴²⁰).

⁴¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 70.

⁴²⁰) Архивъ Юго-Западной Россіи ч. VII, т. II, № I; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

Точно такъ же могли осаживать прихожихъ крестьянъ „на вродѣ“ и намѣстники-державцы господарскихъ замковъ и дворовъ. По крайней мѣрѣ, въ Торонецкомъ повѣтѣ при великомъ князѣ Александрѣ мы встрѣчаемъ особый классъ „оброчниковъ“, который могъ возникнуть такимъ образомъ ⁴²¹⁾. Въ Смоленской же землѣ король Казимиръ пожаловалъ „Родивону Бубнову *вродное серебро* на Минулицѣ, а Зъ коны грошей, полъ съ казны, а полъ зъ винъ, а ему жъ жеребя“ ⁴²²⁾; „Глѣбу Александровичу вродное серебро въ Буйгородку а у Ветличахъ; Роману Охремееву вродное серебро на Катанѣ“. Въ юго-западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства оброчная подать называлась чиншемъ; но о немъ будетъ сказано ниже.

Дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организаціи крестьянскихъ служебъ вообще и въ частности по обезпеченію господарскаго хозяйства рабочими руками совершалась обыкновенно въ предѣлахъ, очерченныхъ фактами прошлаго, и была по большей части рутиной. Являясь въ волость, намѣстникъ-державца находилъ обыкновенно извѣстное число пустовскихъ земель „тяглыхъ“, т. е. такихъ, съ которыхъ шла издавна тяглая служба, „данныхъ“, съ которыхъ шла дань, „осочницкихъ“, съ которыхъ шла осочницкая служба и т. д. Осаживая эти пустовщины людьми, намѣстникъ-державца ео ipso возлагалъ на нихъ и ту самую службу, которая съ нихъ шла. Въ этомъ случаѣ онъ поступалъ, какъ приказчикъ, который старался хозяйничать при данныхъ, уже до него опредѣлившихся, потребностяхъ и порядкахъ господарскаго хозяйства, не внося въ нихъ коренныхъ измѣненій, которыя сопряжены были бы съ хлопотами и отвѣтственностью. Но такъ же часто поступалъ при своихъ пожалованіяхъ земель и самъ государь, уподобляясь хозяину, который ведетъ свое хозяйство заглазно и своими распоряженіями издали стѣсняется разрушать то, что заведено и налажено его приказчиками. Такъ, король Сигизмундъ пожаловалъ ловцу Тумашелису Богдановичу, который былъ челомъ, „што жъ дей отчизну подъ собою малу держить и не маеть, съ чого намъ послужити“, землю Андреевщину, дяковщину его, по его просьбѣ: „а онъ маеть намъ,—писалъ король въ привилеѣ,—съ тое земли службою ловецкою служити, бо дей передъ тымъ съ тое земли тая жъ служба ловецкая бывала“ ⁴²³⁾. Александръ, пожаловавъ боярину коневскому Юргелису Некрашевичу землю конюшскую Яновщину

⁴²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

⁴²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 55, 85.

⁴²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 177.

въ Коневскомъ повѣтѣ, обязалъ его служить съ нею службу конюшескую и давать дякло, и только король Сигизмундъ въ 1511 г. освободилъ его отъ этой службы и дякла и велѣлъ ему служить службою боярскою ⁴²⁴). Въ 1516 году король Сигизмундъ, подтвердивъ за мѣщаниномъ могилевскимъ Емельяномъ Вороновичемъ землю „данную“ Микулинщину въ Могилевской волости, пожалованную ему королевою Еленою, написалъ въ подтвержденъ: „нехай онъ тую землю Микулинщину держать и намъ съ нее службу служить и дань дать по тому, какъ и передъ тымъ съ тое земли хоживало“ ⁴²⁵) и т. д. Извѣстная „старина“ въ данномъ случаѣ должна была утверждаться и сохраняться сама собою и въ интересахъ господарскаго хозяйства, которое при данныхъ потребностяхъ нуждалось въ извѣстной наличности тѣхъ или другихъ крестьянскихъ служебъ, и въ интересахъ самихъ крестьянъ, которые отъ перехода земельныхъ участковъ на другую службу нерѣдко должны были нести болѣе тяжелое бремя. Такимъ образомъ, еслибы, напр., тяглыя пустощины не раздавались на тяглую же службу, въ концѣ концовъ должна была бы сократиться и дворная папня, а для оставшихся тяглыхъ людей служба должна была сдѣлаться тяжелѣе, потому что на нихъ легли бы повинности, которыя прежде разбивались на большее количество рувъ, въ родѣ, напр., ремонта построекъ на господарскомъ дворѣ, возенья дровъ, сторожи и т. под. Еслибы осочницкія или ловецкія пустощины не раздавались на осочницкую или ловецкую службу, въ концѣ концовъ должны были бы произойти упущенія и въ господарскихъ „оступахъ“ и „ловахъ“ вмѣстѣ съ обремененіемъ наличнаго числа осочниковъ и ловцовъ. Но особенно тяжело было бы отъ этого такимъ общинамъ господарскихъ людей, какъ данники Подвѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей, которые платили свою дань сообща въ опредѣленномъ количествѣ ⁴²⁶). Положимъ, что имъ приходилось платить и за „голтневъ“ и за „выбылыхъ“ людей, но за то имъ предоставлено было и право пользоваться ихъ пустошными землями, съ раздачею которыхъ для нихъ исчезалъ этотъ эквивалентъ. Вотъ почему они ревностно прискивали къ себѣ въ „потягли“ всѣхъ тѣхъ, кто получалъ отъ господара или захватывалъ самовольно волостныя земли ⁴²⁷). Здѣсь не осуществлялось какое-либо право волости на землю, какъ утверждаетъ г. Владимірскій-Будановъ,

⁴²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 51.

⁴²⁵) Ibidem, л. 101.

⁴²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329; XII, л. 105, 106; XV, л. 172—174.

⁴²⁷) См. напр. Акты Зап. Рос. I, № 91.

стараясь во что бы то ни стало отстоять излюбленную идею общиннаго владѣнія землею въ древней Руси ⁴²⁸⁾, а право волости брать съ своихъ членовъ подати и повинности въ общую сумму ихъ, положенную на волость. Пустые земельные участки волости эксплуатировались обыкновенно не всею волостью сообща, а отдѣльными членами ея, которые и платили слѣдующую съ нихъ дань ⁴²⁹⁾. Естественно поэтому, что и съ новыхъ владѣльцевъ такихъ участковъ волость требовала дани въ общую сумму, даже и не касаясь самаго вопроса о правѣ ихъ на землю. При такихъ условіяхъ и раздача пустовскіихъ земель на другія службы, какъ и всякія другія измѣненія въ положеніи и бытѣ крестьянъ, совершалась исподволь и по возможности безъ ощутительнаго обремененія наличныхъ крестьянскихъ служебъ. Лежитъ извѣстный земельный участокъ много лѣтъ впустѣ, никто его не беретъ „на особную службу“, крестьяне привыкнувъ смотрѣть на него, какъ на совѣзмъ для нихъ потерянный, свыкнутся съ нѣкоторымъ прибавкомъ для нихъ службы, послѣдовавшимъ за опустѣніемъ участка, и тогда господарь охотно жалуетъ его тому, кто у него просить, хотя бы и на новую службу. Обыкновенный мотивъ пожалованья въ такихъ случаяхъ: „а повѣдалъ намъ, што жъ дей тыи земли давно пусты лежать, а наслѣдковъ къ нимъ никого нѣтъ и служобъ дей съ нихъ не служить“ ⁴³⁰⁾. Эту раздачу земель съ переводомъ ихъ на другую службу производилъ обыкновенно самъ господарь, но готовлялъ часто и намѣстникъ-державца, который ходатайствовалъ за просителя передъ господаремъ или удостовѣрялъ его показаніе относительно извѣстной земли, что она пуста, службы съ нея нѣтъ, а отдать ее двору господарскому не шкодно. Бывало иногда, что намѣстникъ-державца въ такихъ случаяхъ даже давалъ самую землю „до воли и ласки господарской“. Такъ, напр., державца Ейшипскій Андрей Язубовичъ Довойновича дозволилъ боярину смоленскому Яцку Ивановичу Голосовича „дѣвцу поняти зъ землею тяглою, отчыною ее, на имя Станиславовщыною“ и далъ ему особый „дозволенный“ листъ, который король Сигизмундъ и подтвердилъ своимъ листомъ отъ 25 января 1525 года ⁴³¹⁾.

Если при раздачѣ „пустовскихъ“ земель новымъ владѣльцамъ намѣстнику-державцѣ въ большинствѣ случаевъ приходилось руковод-

⁴²⁸⁾ Киевскій Сборникъ 1892 г., стр. 383.

⁴²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

⁴³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 567.

⁴³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 206.

ствоваться только служебною стариною этихъ земель,—тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ руководствоваться этою стариною по отношенію къ повинностямъ наличныхъ крестьянъ, которыя онъ не видоизмѣнялъ и не увеличивалъ, хотя бы это и требовалось по условіямъ господарскаго хозяйства и вообще въ господарскихъ интересахъ. Предписанія Сигизмунда о переводѣ лишнихъ служебъ съ издѣльныхъ повинностей и натуральныхъ податей на денежные было крупнымъ нововведеніемъ въ дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ, которые до этого времени въ отношеніи крестьянскихъ повинностей и податей придерживались и обязаны были придерживаться старины. Крестьянская „старина“ въ XV и началѣ XVI вѣка вообще уважалась литовско-русскимъ правительствомъ, которое не успѣло еще глубоко проникнуться возрѣніемъ на крестьянина, какъ на безправнаго „хлопа“, и ему нерѣдко говорило то же, что и боярину, и мѣщанину: „мы старины не рухаемъ, а новинъ не уводимъ“⁴²²). Договорное начало, на которомъ основывалось и строилось Литовско-Русское государство, глубоко проникло въ его жизнь, касаясь даже народной массы, которая въ изучаемое время имѣла также свои права и вольности, хотя и не писанныя и не такія твердыя и прочныя, какъ у высшихъ классовъ. Достаточно указать, напр., на крестьянское землевладѣніе, въ которомъ на ряду съ ясно выраженнымъ правомъ господара на всѣ крестьянскія земли дѣйствовалъ принципъ наследственности земельныхъ участковъ, уважавшійся господаремъ, совершались торговыя сдѣлки, возможныя только при общей увѣренности въ постоянствѣ владѣнія и сопряженныхъ съ нимъ правъ и обязанностей. Сюда же можно присоединить и неизмѣнность крестьянскихъ повинностей, которыя по актамъ датируются обыкновенно со времени Витовта, утвердившаго и нормировавшаго, въ свою очередь, стародавніе порядки и обычаи⁴²³). На Витовтову старину крестьяне обыкновенно ссылаются, какъ на свое право, которое признается и самимъ правительствомъ. При такихъ условіяхъ намѣстники-державцы не могли переводить крестьянъ съ одной службы на другую, какъ не могли они вообще измѣнять крестьянскихъ повинностей, облегчать однихъ крестьянъ и отягощать другихъ. Въ противномъ случаѣ ихъ прежніе „полечники“ обыкновенно прискивали ихъ къ себѣ въ „супольную“ службу. Такъ, когда

⁴²²) См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130; Акты Зап. Рос. I, № 127.

⁴²³) См., напр., Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 23; Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161 и др.

люди тяглые Литовскаго десятиа Слонимскаго повѣта привернули въ себѣ въ тяглую службу нѣсколькихъ конюховъ, съ соизводенія, конечно, намѣстника-державцы, конюхи слонимскіе Крopotчане дошли до самаго господара и „очивисто“ передъ нимъ пріисвали ихъ къ себѣ въ конюшескую службу, доказавъ, что предки этихъ конюховъ всегда служили службою конюшскою, на что и получили отъ короля Сигизмунда 17 іюля 1511 года „судовый“ листъ ⁴³⁴⁾.

XXV.

Что касается самыхъ работъ по господарскому хозяйству, то непосредственный надзоръ за ихъ правильностью и успѣшностью принадлежалъ съ одной стороны *тивунамъ*, которые были вообще ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ въ ихъ хозяйственно-административной дѣятельности и оберегателями господарскихъ интересовъ, съ другой стороны—*приставамъ, приказникамъ, сотникамъ, сорочникамъ, десятникамъ и старцамъ*, которые выгоняли людей на работу, раскладывали повинности и платежи и вообще слѣдили за тѣмъ, чтобы съ каждаго земельного участка пополнилась возложенная на него служба не мѣнѣе и не болѣе, чѣмъ было должно, дѣйствуя такимъ образомъ не только въ интересахъ господара, но и крестьянъ.

Тивуны, какъ сказано, были ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ по надзору за работами, пацнями и другими господарскими „пожитками“ ⁴³⁵⁾. Они были обыкновенно при всѣхъ дворахъ и дворцахъ, которые находились въ повѣтѣ намѣстника-державцы и при которыхъ существовали господарскія дворныя пашни. Впрочемъ, на главныхъ дворахъ, гдѣ была резиденція самого намѣстника-державцы, въ качествѣ помощниковъ его бывали и не тивуны, а *понамѣстники* изъ слугъ намѣстника-державцы ⁴³⁶⁾. Тивуны по инструкціи 1529 года должны были выбираться державцами изъ мѣстныхъ крестьянъ „лѣвшихъ служебъ“. Но тивуны изъ мѣстныхъ крестьянъ не были нововведеніемъ инструкціи 1529 года и существовали ранѣе, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ нѣкоторыя указанія актовъ изучаемаго времени. Такъ, при дворѣ Грешанахъ въ Киевскомъ повѣтѣ въ XV в. былъ тивунъ Ходыка изъ мѣстныхъ данниковъ, который держалъ землю Лазоревщину и давалъ съ нея дани копу грошей и по-

⁴³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

⁴³⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 34.

⁴³⁶⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21; № 160, арт. 7.

люды двѣ куницы ⁴³⁵). Между сельцами крестьянъ Болваницкой волости Смоленскаго повѣта было „сельцо Ябвлево, што былъ тивуномъ за пана Ивана Вяжевича“ ⁴³⁶). Въ числѣ земель, которыя пожаловалъ король Александръ нѣкоему Ходку Коревичу въ Лидскомъ повѣтѣ, была земля Юшкова, тивуна Лидскаго, и пустая тяглая Довгвоццини (слѣдовательно, первая земля не была тяглая) ⁴³⁷) и т. д. Родоначальниками этихъ тивуновъ, очевидно, были тѣ князіе „сельскіе“ и „ратайные“ тивуны, о которыхъ говоритъ Русская Правда, полагая за нихъ виру выше обыкновенной крестьянской (12 гривенъ вмѣсто 5, платившихся за смерда).

Тивуны при Казимирѣ и Александрѣ назначались иногда и самимъ господаремъ изъ молодыхъ нечиновныхъ дворянъ или пановъ, но эти тивуны были на самостоятельныхъ постахъ, дѣйствовали одни, безъ намѣстниковъ-державцевъ. Но астамъ они обыкновенно выступаютъ въ той же правительственной роли, какъ и намѣстники-державцы, и даже называются иногда намѣстниками, параллельно съ собственнымъ именемъ „тивунъ“ (тивунъ Радунскій Янушъ Костевичъ, Жолудскій Юрій Стирнелъ и др.). Такъ, напримѣръ, тивунъ Кревскій Станько Дукурнъ разбираетъ дѣло о землѣ между боярами Миколаемъ Будковичемъ и его дядьями съ одной стороны и кн. Андреемъ Лукомскимъ съ другой ⁴³⁸); тивунъ Керновскій Водорадскій извѣщается великимъ княземъ Александромъ о пожалованіи въ его повѣтѣ 12 человекъ татарамъ Адиму и Ахметю Вруслановичамъ съ приказомъ дать „уязанье“ въ этихъ людей ⁴³⁹); тивунъ Виленскій Ганусъ при королѣ Казимирѣ даетъ свѣдѣніе объ одной пустой землѣ, которую просилъ мѣдничанинъ Юшко Кгиргидовичъ, въ Немедчинской волости ⁴⁴⁰); тивунъ Перелайскій Михайло Вяжевичъ собираетъ дьякла и „грабитъ“ Кгинцеричей за неуплату его ⁴⁴¹) и т. д. Тивуновъ съ такимъ значеніемъ мы встрѣчаемъ по источникамъ тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе отодвигаемся назадъ въ XV вѣкъ, и еслибы имѣлось побольше источниковъ отъ XIV вѣка, то мы, вѣроятно, насчитали бы ихъ еще больше, чѣмъ въ XV вѣкѣ. Русь, вошедшая въ составъ великаго княжества Ли-

⁴³⁵) Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

⁴³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

⁴³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 235, 236.

⁴³⁸) Лит. Метр. кн. Запис. V, л. 94.

⁴³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. л. 45-46.

⁴⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

⁴⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 55.

товскаго, какъ вѣжеться, тивуна поставила преимущественно предъ другими должностными лицами для суда и управы въ волостяхъ (отсюда для этого и особое слово „тивунити“) ⁴⁴²⁾. Литва заимствовала эту должность у Руси, и первое время по пригородамъ и волостямъ ея сидѣли большею частью также тивуны ⁴⁴³⁾. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ возрастали въ числѣ и политическомъ вліяніи знатные роды бояръ, съ конца XIV вѣка называвшихся панами, великому князю Литовскому пришлось разсаживать по волостямъ все болѣе и болѣе знатныхъ и даже сановныхъ людей, для которыхъ названіе „тивунъ“ было не подходящимъ. Въ этой должности, которая вела свое происхожденіе отъ „тіуна огнищнаго“ Русской Правды, до этого времени служили обыкновенно незнатные дворяне, мелкопомѣстные и дѣлавшіе себѣ карьеру. Что званіе „тивуна“ въ глазахъ высшаго класса не могло быть подходящимъ и приличнымъ, тому доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что ех оффіціо тивунъ не могъ имѣть въ своемъ присудѣ шляхту-бояръ, которая обращалась къ его суду только добровольно, съ обоюднаго согласія сторонъ. Кроме того, быть можетъ, и самый доходъ тивуна былъ меньше по сравненію съ намѣстничьимъ доходомъ, такъ что и съ этой стороны должность тивуна не подходила для литовскаго панства. Вслѣдствіе всего этого мало-по-малу намѣстники замѣняли собой тивуновъ, особенно въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, гдѣ волости должны были раздаваться преимущественно литовскимъ князьямъ и панамъ. Во второмъ очеркѣ было приведено не мало примѣровъ этой замѣны. Здѣсь можно еще присоединить къ нимъ указаніе на то, что тивуны сидѣли раньше намѣстниковъ-державцевъ и по волостямъ Подиѣпрскимъ и Задвинскимъ. О тивунахъ, державцахъ этихъ волостей, мы находимъ прямое упоминаніе въ грамотѣ короля Сигизмунда, данной имъ въ 1511 году на право самимъ собирать и вносить дани въ скарбъ и до ключей ⁴⁴⁴⁾. Тивуны въ качествѣ органовъ общаго суда и управленія сохранились только въ волостяхъ Жмудской земли, гдѣ старина вообще держалась прочнѣе и тверже, чѣмъ въ собственной Литовской землѣ, благодаря ея особному положенію. Въ Жмудской землѣ, кромѣ того, не было важнаго панства, для котораго должность тивуна могла бы быть низкою (за исключеніемъ, быть можетъ, двухъ-трехъ фамилій, изъ которыхъ выходили Жмудскіе старосты). Поэтому старосты Жмуд-

⁴⁴²⁾ Лѣтон. по Ипат. списку, стр. 555.

⁴⁴³⁾ Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, т. VI, № 1.

⁴⁴⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 75.

скіе со времени Казимира и до самаго 1527 года „кому хотѣли съ подданныхъ нашихъ (т. е. королевскихъ), *пановъ* и *бояръ* земли Жо-моитское, тымъ тые тивунства давали“, а послѣ 1527 года тивунства раздавалъ самъ король ⁴⁴⁵⁾.

Впрочемъ, и въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ тивуновъ заступили намѣстники-державцы (напримѣръ, въ Мѣдницкой), мы при этихъ послѣднихъ встрѣчаемъ въ послѣдствіи тивуновъ, какъ и при всѣхъ вообще намѣстникахъ - державцахъ, чинившихъ судъ и управу въ волостяхъ, гдѣ было развито господарское хозяйство ⁴⁴⁶⁾. Но это были уже не тѣ тивуны-правители, которые сидѣли въ волостяхъ раньше, безъ намѣстниковъ. Это были „сельскіе“ и вмѣстѣ „ратайные“ тивуны Русской Правды, помощники намѣстниковъ-державцевъ по хозяйственному управленію и надзору и оберегатели господарскихъ „пожитковъ“ противъ всѣхъ, въ томъ числѣ и самого намѣстника. По инструкціи 1514 года тивуны, состоявшіе при намѣстникахъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, должны были беречь „жита и ярыны, которыи у гумѣ на насъ (т. е. короля) двѣ части поставять, и тежъ вины малыи и великии завѣдати, и какъ писаря нашего пошлемъ, и тивунъ маеть ему то все повѣдити справедливѣ“. Въслѣдствіе этого намѣстникъ при разбирательствѣ важдога дѣла обязательно долженъ былъ имѣть съ собою тивуна ⁴⁴⁷⁾. Инструкція 1529 года не повторяетъ предписанія о присутствіи тивуновъ на судѣ державцевъ, но подтверждаетъ общее положеніе, что тивуны должны стеречь „господарскихъ пожитковъ“. — Впрочемъ, и эти сельскіе тивуны, непосредственно имѣвшіе дѣло съ крестьянами, знавшіе ихъ повинности и наличность ихъ земель и угодій, разбирали поземельныя столкновенія крестьянъ и различныя мелкія ихъ тяжбы. Въ уставѣ 1529 года по этому поводу читаемъ: „Тежъ, кгда подданный нашъ возметъ державцу на спорчизну якую, на судъ, о землю або о сѣножать, тогда поданный нашъ, который виненъ зо-станеть, маеть платити яловицу, або полкопы грошей, а вранниѣ державцынъ выѣдетъ, тогда десять копъ грошей; а коли понамѣстничокъ *або тивунъ* выѣдетъ, тогда пять грошей“ ⁴⁴⁸⁾.

Итакъ, исторія правителей литовско-русской волости свелась въ изучаемое время къ замѣнѣ тивуна (огничнаго Русской Правды) на-

⁴⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 80, 81.

⁴⁴⁶⁾ См., напр., Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LX XVII.

⁴⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

⁴⁴⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.

мѣстникомъ державцею, при которомъ въ качествѣ помощника по хозяйственному управленію состоялъ тивунъ изъ мѣстной челяди дворной (3 арт. XI раздѣла Статута 1529 г.) или крестьянъ (сельскій или ратайный Русской Правды). Исключеніе въ данномъ случаѣ, какъ уже было сказано, представляла Жмудская земля, гдѣ въ качествѣ волостныхъ правителей удержались тивуны.

XXVI.

Собственныя крестьянскія власти, въ Литовско - Русскомъ государствѣ носили разныя названія, смотря по мѣстностямъ. Въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго княжествъ и въ землѣ Жмудской, т. е. въ исконныхъ литовскихъ областяхъ, мы встрѣчаемъ по актамъ *приставовъ*. По инструкціи 1529 года приставовъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, какъ и тивуновъ, должны были „обирать“ изъ крестьянъ „лѣпшихъ служобъ“ державцы; такъ, повидимому, обстояло это дѣло и раньше. Въ Жмудской землѣ приставовъ по волостямъ „годныхъ, съ подданныхъ нашихъ“ (т. е. королевскихъ) назначалъ староста, которому они платили за это его „доходъ“ ⁴⁴⁹⁾. Крестьянскія власти при отправленіи своихъ обязанностей, какъ и урядники собственно дворные, получали извѣстные доходы, напримѣръ, приставы Жмудскихъ волостей получали по 2 пенязя изъ рубля судебныхъ пошлинъ (очевидно, они присутствовали на судѣ державцевъ и тивуновъ, когда разбирались крестьянскія дѣла) и, кромѣ того, разныя другія „подачки“ съ крестьянъ, денежные и натуральныя ⁴⁵⁰⁾. Вотъ почему въ свою очередь они платили „доходы“ назначавшему ихъ на прибыльную должность лицу. Такъ было не въ одной Жмудской землѣ: старосты Городенскіе, напримѣръ, и ихъ урядники брали свои доходы съ сотниковъ, тивуновъ, приставовъ и сорочниковъ ⁴⁵¹⁾; вѣроятно, и намѣстники - державцы Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ брали что-нибудь при назначеніи на должности приставовъ, хотя прямыхъ указаній на это намъ не удалось найти въ актахъ изучаемаго времени.

Пристава были двухъ разрядовъ, волостные и поселскіе, при чемъ вторые были только помощниками первыхъ по отдѣльнымъ селамъ. Въ инвентарѣ двора Бирштанскаго, составленномъ при королѣ Але-

⁴⁴⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 149, I.

⁴⁵⁰⁾ Ibidem, № 160, арт. 1, 9.

⁴⁵¹⁾ Ibidem, № 87.

всадрѣ по случаю отдачи его „до живота“ королевѣ Еленѣ, находимъ слѣдующій перечень крестьянскихъ службъ: „подъ волостнымъ приставомъ Петромъ осмдесятъ службъ, подъ приставомъ *посельскимъ* Мацковомъ девеносто и три службъ, подъ Римовиномъ сто службъ а нутовщикъ тридцать и чотыри..., подъ Свикускижъ приставомъ подъ Мажкомъ тридцать и пять службъ“ ⁴⁵²). Волостной приставъ, такимъ образомъ, какъ и посельскій, завѣдывалъ самъ непосредственно частью крестьянскихъ службъ, но въ то же время онъ былъ и главою другажъ приставомъ волости. На существованіе посельскихъ приставовъ, вромѣ этого, указываетъ дѣленіе волостей на „приставництва“. Такъ, король Сигизмундъ въ 1522 году пожаловалъ тивуну Дирвянскому Венцеславу Бартошевичу три службъ людей въ Ковенскомъ повѣтѣ „у Шилойиѣхъ а въ Довейгойиѣхъ приставництва Юрѣва“ ⁴⁵³). Посельскіе пристава назывались иногда *десятниками*, а ихъ округа „десятишествами“. Такъ, державца Лидскій панъ Юрій Ивановичъ Ильинича въ 1524 году далъ дворянину Федору Лебедевичу Чеху „до воли господарское“ въ повѣтѣ Лидскомъ „полчетверти земли пустыхъ: въ Живелядовѣ *десятникостъ* на имя Кирведешину а Петковщину въ Мацковщиною, а въ Оношскомъ *приставництвѣ* на имя Горноставещину а полземли на имя Милойковщины“ ⁴⁵⁴). Десятниковъ встрѣчаемъ по актамъ и въ волости Ейшишевой, а десятии въ качествѣ волостного подраздѣленія въ волостяхъ Дубицкой (Супонскій), Василишевской (Заболотскій), Троцкой (Балтроеевъ десятокъ) ⁴⁵⁵) и др. „Приставництва“ и „десятии“ назывались или по именамъ приставовъ или десятниковъ, или же по именамъ мѣстностей, гдѣ жили составлявшія ихъ службъ людей; въ послѣднемъ случаѣ названіе ихъ было постояннымъ, тогда какъ въ первомъ — временнымъ и случайнымъ.

Для характеристики дѣятельности приставовъ, кромѣ общаго указанія устава 1529 года, можно подобрать и нѣкоторыя подробности въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напримѣръ, приставъ Жижморскій выговялъ волостныхъ людей въ „заставу“ къ Трокамъ для оберегання господарскаго „скарба“ и на кошенье сѣна, а также собиравалъ съ нихъ дьяла, которыя представлялъ городничему Троцкому; всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не хотѣли выполнять этихъ повинностей

⁴⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217.

⁴⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 61.

⁴⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 182, 183.

⁴⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 56; VII л. 309, 310; л. IX, 217; XII,

подъ тѣмъ предлогомъ, что они съ роду бояре-шляхта, прискивалъ къ волости „въ потягли“ предъ воеводою Троцкимъ ⁴⁵⁶). Приставъ Немонойтскій въ качествѣ представителя волости прискивалъ нѣкоторыхъ бояръ Немонойтскихъ „посполъ зъ собою сѣно востити“ сначала предъ воеводою Троцкимъ Петромъ Яновичемъ, а потомъ, когда воевода рѣшилъ дѣло не въ пользу волости, передъ самимъ великимъ княземъ Александромъ ⁴⁵⁷). Приставъ Перелайскій „правилъ“ на волостныхъ людяхъ „мезлевщины и слижи“ и выгонялъ ихъ возить сѣно къ Трокамъ, изъ-за чего возникло у него цѣлое дѣло съ слугами путными Перелайскаго повѣта, которое разбиралъ сначала воеводою Троцкій панъ Петръ, а потомъ и въ окончательной инстанціи великій князь Александръ ⁴⁵⁸). Завѣдывая ближайшимъ образомъ повинностями волости, пристава точнѣе и лучше, чѣмъ сами намѣстники-державцы и ихъ урядники, знали какъ самый раамѣръ и количество повинностей; лежавшихъ изстари на волости, такъ и то, кто именно изъ волостныхъ людей и какую повинность обяванъ отправлять. И съ этой стороны они оказывали немаловажную помощь намѣстникамъ-державцамъ; которые во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ обращались къ наличнымъ и отставнымъ приставамъ. Такъ, когда дворянинъ Олекно Федоровичъ Кривецъ въ 1525 году сталъ прискивать предъ королемъ Сигизмундомъ въ подданство себѣ нѣкоторыхъ людей Оникштенскаго повѣта, утверждая, что они „братья“ его людей Стерковичей, пожалованныхъ ему королемъ до очищенья его отчины отъ непріятеля, и когда король перенесъ это дѣло къ намѣстнику-державцѣ, послѣдній „опытывалъ о томъ приставовъ и всея волости Оникштеньское“ и, до-вѣдывавшись отъ нихъ, „ижъ тыи люди—братья его людей Стерковичовъ и службу зъ ними передъ тымъ здавна одну служили и даяли посполъ давали“, велѣлъ имъ служить Олекну и быть ему послушными ⁴⁵⁹).

Въ той части собственной Литовской земли, которая не была исконною территоріею Литовскаго племени, и гдѣ населеніе было смѣшанное, т. е. въ такъ называемой Черной Руси, мы встрѣчаемъ въ роли приставовъ—сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ, существовавшихъ тамъ едва ли не ранѣе самого Мендовга, который первый изъ литовскихъ князей, по нашимъ свѣдѣніямъ, имѣлъ всю Черную Русь

⁴⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 26.

⁴⁵⁷) Ibidem. л. 50.

⁴⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 75, 76.

⁴⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 218, 219.

подъ своею властію, и во времени котораго, слѣдовательно, можно было бы относить одинаковыя для всей Черной Руси установленія. Но крайней мѣрѣ, такое же волостное дѣленіе и тѣхъ же самыхъ сотниковъ и десятниковъ мы встрѣчаемъ и въ сосѣдней Берестейской землѣ и въ другихъ русскихъ земляхъ, напр., въ Кіевской, Чернигово-Сѣверской и Полоцкой, изъ чего само собою выходитъ, что это были древнѣйшія русскія установленія (отъ которыхъ происходятъ и соціе съ десятинами сѣверовосточной Руси). Сотниковъ въ Городенскомъ повѣтѣ назначалъ самъ государь „подлѣ давного обычая“ изъ мѣстныхъ крестьянъ, но доходы съ нихъ, равно какъ и съ тивуновъ, приставовъ (десятниковъ) и сорочниковъ шли въ пользу старосты ⁴⁶⁰⁾, который назначалъ этихъ послѣднихъ должностныхъ лицъ также изъ мѣстныхъ крестьянъ. Сотники, сорочники и десятники по актамъ выступаютъ съ совершенно тѣмъ же значеніемъ, какъ и пристава въ Литовской и Жмудской земляхъ. Такъ, напр., сотники и десятники Слонимскіе при королѣ Сигизмундѣ хлопотали о томъ, чтобы вернуть къ себѣ въ тяглую службу нѣкоторыхъ людей, которыхъ конюхи Кропотчане принесли себѣ въ конюшскую службу ⁴⁶¹⁾. Сотникъ и сорочники Городенскіе вмѣстѣ съ посланцами старосты Городенскаго Станислава Петровича отводили вн. Федору Мосальскому людей съ землями и пустошныя, пожалованныя ему королемъ Сигизмундомъ въ Жорославской волости ⁴⁶²⁾. Сорочникъ Жорославскій во главѣ всѣхъ волостныхъ людей давалъ показаніе великому князю Александру о томъ, кто до него владѣлъ дворомъ Жорославскою ⁴⁶³⁾. Сорочники Своротской волости, Невдевской и Цѣринской Новгородскаго повѣта должны были при судебномъ разбирательствѣ тяжбы о землѣ Жуковщинѣ показывать, „штожь тотъ Жуеъ звѣчный былъ человекъ городскій (т. е. господарскій) и воротъ въ городѣ стерегивалъ“ ⁴⁶⁴⁾. Сорочникъ Цѣринскій въ качествѣ представителя волости тягался съ мѣщанами Новгородскими два раза предъ намѣстниками Новгородскими Николаемъ Радивиловичемъ и Яномъ Юрьевичемъ, а въ третій разъ предъ самимъ государемъ Александромъ въ 1499 году, желая освободиться отъ обязанности „стеречь недѣли съ подводами въ Новѣгородку“ (на случай приѣзда господарскихъ пословъ или говцовъ). Такъ какъ ве-

⁴⁶⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

⁴⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

⁴⁶²⁾ Ibidem, л. 93, 94.

⁴⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 266.

⁴⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 73.

великій князь согласно съ своими наместниками оправилъ мѣщанъ и велѣлъ Цѣриндамъ стеречь надѣли вмѣстѣ съ мѣщанами, „какъ бывало за великаго князя Витовта и Жигимонта и за отца нашего, короля его милости“, то и сорочники Цѣринскій долженъ былъ выгонять подводы къ Новгородку. „А которые будутъ Цѣринцы *болжались*, — гласить судовой листъ великаго князя, — тыхъ мають къ собѣ вринскивати“, т. е. одять же сорочники въ качествѣ представителя волюсти ⁴⁶⁵⁾.

Изъ приведенныхъ подробностей имѣетъ съ тѣмъ видно, что сотники были главами крестьянства всего повѣта, сорочники — отдѣльныхъ волостей, входившихъ въ составъ повѣта (Новгородскій, Слонимскій, Волковскій и Городенскій повѣты, составлявшіе Черную Русь, какъ мы видѣли во второмъ очеркѣ, содержали въ своемъ составѣ цѣ нѣсколькую волостей), а десятники — отдѣльныхъ селъ, подобно приставамъ поселскимъ. Десятники такъ прямо и называются иногда приставами. Мы выше видѣли, что въ Городенскомъ повѣтѣ нише сотниковъ и сорочниковъ не было десятниковъ, а были приставы. Въ инвентарѣ двора Волковскаго послѣ перечня тяглыхъ службъ Иванова десятка, въ числѣ которыхъ упомянуть самъ *десятникъ* Иванъ, подведенъ такой общій итогъ: „Того Иванова десятка тридцать службъ и 3 службы и съ текунды и съ *приставомъ*“ ⁴⁶⁶⁾. Возникновеніе такой лѣстницы крестьянскихъ властей, вромѣ группировки крестьянской осѣдлости, имѣетъ свое начало въ томъ, что крестьяне въ которыхъ своими повинностями тянули къ центральному двору волости, въ которой они жили, а другими къ центральному двору повѣта и въ составѣ всѣхъ его волостей. Для отдѣльнаго села или группы близкихъ деревень требовался десятникъ или приставъ, для цѣлой волости сорочникъ, а для всѣхъ волостей сотникъ, который долженъ былъ слѣдить за исправностью и полнотою службы всѣхъ волостей и при случаѣ защищать и оберегать ихъ общіе интересы. Вотъ почему мы и не встрѣчаемъ сотни въ качествѣ подраздѣленія повѣтовъ Черной Руси, а только *строка* и *десятки*. Такъ, въ Новгородскомъ повѣтѣ акты называютъ *Осоцкій сорокъ*, въ которомъ великій князь Александръ пожаловалъ пану Мартину Хребтовнику четыре пустошцины ⁴⁶⁷⁾. Изъ десятковъ въ Новгородскомъ повѣтѣ упоминаются: *Осоцкій*, въ которомъ великій князь Александръ въ 1497 году пожаловалъ тому же

⁴⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 161.

⁴⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 648-651.

⁴⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 69.

пану Мартину Хребтовичу двухъ человекъ съ ихъ женами и дѣтьми, съ ихъ землями и сѣножатями и со всѣми ихъ „дачками“ ⁴⁶⁸⁾; *Ловенскій*, въ которомъ король Сигизмундъ въ 1507 году пожаловалъ дьяку Ѳеодору Михайловичу Светошѣ пять служебъ людей Возневичей „со всимъ съ тымъ, што къ тому селу здавна слухало“ ⁴⁶⁹⁾; *Своротскій* (по р. Своротѣ), въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Новгородскому Радку Яцковичу пустошцину Сиропа товщину ⁴⁷⁰⁾ и др. Въ Слонимскомъ повѣтѣ чаще всего встрѣчаемъ по актамъ десятокъ *Литовскій*, о которомъ была рѣчь въ первомъ очеркѣ; въ Волковысскомъ повѣтѣ: *Креманичскій* (по р. Креманичѣ), въ которомъ король Александръ пожаловалъ пану Миколаю Юндловичу людей и земли ⁴⁷¹⁾; *Лысковскій*, *Жомитскій* и *Лопеничскій* (по р. Лопеничѣ), въ которыхъ тотъ же король пожаловалъ людей и земли пану Войтеху Яновичу ⁴⁷²⁾, и др.; въ Городенскомъ повѣтѣ, гдѣ вмѣсто десятниковъ были пристава, мы не встрѣчаемъ по актамъ и десятковъ.

Подобную же организацію мы видимъ въ Берестейской и другихъ русскихъ земляхъ. Берестейскій повѣтъ также дѣлится на десятины, изъ которыхъ акты упоминаютъ, напр.: десятокъ *Подляисскій*, людей котораго великій князь Александръ въ 1495 году освободилъ отъ обязанности пасти скотъ дворца его Кіевецкаго ⁴⁷³⁾; *Поболотскій*, въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1522 г. дворянину Лукашу Свиришину два жеребья пустыхъ, Равцовскій и Беляжинскій ⁴⁷⁴⁾; *Бердичевскій*, въ которомъ тотъ же король пожаловалъ въ 1512 году дьяку Ивашку Горностаеву землю Яцковщину „у Сычовцахъ“ ⁴⁷⁵⁾; *Помуховскій* (по Мухавцу), въ которомъ король Сигизмундъ въ 1511 году пожаловалъ дворянину Костѣ Пищикову жеребій пустой „въ Старомъ селѣ въ Помуховскомъ десяткѣ“, а нѣсколько позже, въ 1515 году, и двухъ отчичей этого жеребья, которые пожелали воротиться на свое старое кенелище ⁴⁷⁶⁾, и др. Въ повѣтѣ Каменецкомъ мы встрѣчаемъ

⁴⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 94.

⁴⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 153.

⁴⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113.

⁴⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 120, 121.

⁴⁷²⁾ Ibidem, л. 806, 807.

⁴⁷³⁾ Ibidem, л. 29.

⁴⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. УІІІ, л. 412.

⁴⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. ІХ, л. 61.

⁴⁷⁶⁾ Ibidem, л. 96, 97, 233.

по актамъ *десятокъ Шостаковскій*, въ которомъ король Сигизмундъ въ 1512 году пожаловалъ жеребей Коленковскій сельца Войскаго и два жеребья пустыхъ, Русиловскій и Туровскій, кн. Тимоѣю Ивановичу Капустѣ ⁴⁷⁷⁾. Десятки предполагають существованіе десятниковъ, а такъ какъ повѣты Берестейскій и Каменецкій заключали въ своемъ составѣ по нѣскольку господарскихъ волостей, то естественно предположить и существованіе въ нихъ сотниковъ. Въ 1506 году король Александръ пожаловалъ князю Петру Михайловичу село Рожанци въ Берестейскомъ повѣтѣ, которое состояло изъ двухъ жеребьевъ служебныхъ и четырехъ *сотныхъ*. Что такое сотные жеребьи, это явствуетъ изъ контекста жалованной грамоты: „со всеми того села людьми путными и данными и тяглыми, и зъ ихъ землями папными и бортными и со всеми тыхъ людей входы“ ⁴⁷⁸⁾. Сотные жеребьи, такимъ образомъ, — тѣ, которые заняты данниками и тяглыми людьми, а названы они такъ, очевидно, потому, что эти люди съ ихъ землями и повинностями были въ вѣдѣніи сотниковъ Берестейскихъ.

Въ той части бывшей Берестейской земли, которая въ изучаемое время удержала названіе Подляшья, и въ которой скорѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, привилось польское право и учрежденія, крестьянскія власти древне-русскаго происхожденія въ изучаемое время, одновременно съ помѣромъ земель на волоки и введеніемъ нѣмецкаго сельскаго устройства, вытѣснялись войтами нѣмецко-польскаго типа. Такъ, король Казимиръ далъ землянну мельницкому Петру Кунацкому войтовство въ селѣ Головчицахъ Мельницкаго повѣта „до его живота“ и тамъ же три волоки, а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ ему это войтовство на вѣчность ⁴⁷⁹⁾. Король Александръ далъ писарю воеводы Троцкаго Еску Ивановичу войтовство на вѣчность въ Бѣльскомъ повѣтѣ на четырехъ жеребьяхъ Кошелевскихъ, на двухъ жеребьяхъ Вербичскихъ и на дѣсѣ Топчиальскомъ. Еско долженъ былъ раздѣрить эти жеребьи на волоки, осадить ихъ вольными прихожими людьми, которые должны были господарю „службу служити и дачки давати по тому, какъ и по инымъ мѣстамъ тамошнимъ люди зъ волокъ службу служить и подати даютъ“. Этихъ людей судомъ и управою долженъ былъ вѣдать войтъ, которому жаловались каждая десятая волока изъ вымѣренныхъ имъ, третій грошъ съ судебныхъ штрафовъ (винъ) и мельницы. Войтъ вла-

⁴⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 39.

⁴⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 10, 11.

⁴⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

дѣль всѣмъ этимъ на правѣ земской собственности, которое онъ могъ передавать по наследству и отчуждать по доброй волѣ, и, какъ съ вѣйской собственности, долженъ былъ нести земскую службу „поспогы съ иными земаны Бѣльскими водлѣ вставы и вхвалы земское“. Державцы Бѣльскіе, согласно выданному ему привилею, не должны были вступаться въ подначальныхъ ему людей, въ ихъ земли „и ни въ которы платы и пожитки“, за правильнымъ поступленіемъ которыхъ господарю слѣдилъ и отвѣчалъ войтъ, замѣнившій собою, такимъ образомъ, не только сотниковъ и десятниковъ, но отчасти и самого державцу ⁴⁸⁰⁾. На такихъ же приблизительно условіяхъ пожаловалъ король Сигизмундъ въ 1525 году земянину мельницеому Томку Хибовскому войтовство въ селѣ Шпавахъ Мельницкаго повѣта, въ 1528 году землянину Бѣльскому войтовство въ Крабовѣ Бѣльскаго повѣта ⁴⁸¹⁾ и т. д.

Сотниковъ и десятниковъ мы встрѣчаемъ по актамъ и въ земляхъ Киевской, Чернигово-Сѣверской, частью въ Смоленской, а десятниковъ, кромѣ того, въ Польскѣ и въ Полоцкой земляхъ. Въ Киевской землѣ въ качествѣ дѣленія Киевскаго повѣта находимъ десятокъ Бѣлгородскій, въ которомъ король Сигизмундъ пожаловалъ въ 1507 году сѣлице пустое Лисаново армянину Филиппу ⁴⁸²⁾. Десятокъ предполагаетъ существованіе и десятника. Сотниковъ и притомъ въ качествѣ представителей отдѣльныхъ волостей мы встрѣчаемъ въ той частѣ Киевской земли, которая нѣкогда входила въ составъ Сѣверской, а именно, въ повѣтѣ Путивльскомъ ⁴⁸³⁾. Эти сотники были изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ это отсрывается изъ привилея, выданнаго въ 1499 году дворянину Сеньку Жеребитичу на нѣкоторыя земли въ Путивльскомъ повѣтѣ, которыя великій князь взялъ подъ свои люди, въ томъ числѣ подъ Дробышемъ, Жолвазскимъ сотникомъ ⁴⁸⁴⁾. Въ южныхъ окраинныхъ волостяхъ Киевской земли, какъ и въ сосѣдней Подольской, въ качествѣ крестьянскихъ властей выступаютъ *атаманы*, установленные здѣсь еще татарами для завѣдыванія доходами ⁴⁸⁵⁾. По древнѣйшей люстраціи Киевской земли атаманы были по селамъ изъ мѣстныхъ слугъ, которые на войну и въ ловы хоживали, но, кромѣ того, платили и подымщину, а со временъ князя Семена Олельковича

⁴⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

⁴⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236, 402, 403.

⁴⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 125.

⁴⁸³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 178.

⁴⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

⁴⁸⁵⁾ К. *Stadnickiego Synowie Gedymina I, str. 121, nota 2.*

ходили на толпу, носили сѣно и несли разныя другія повинности ⁴⁸⁶⁾. Позднѣе, при королѣ Сигизмундѣ, атамановъ встрѣчаемъ въ Черкасахъ въ качествѣ представителей не только крестьянъ, но и мѣщанъ, которые въ Черкасахъ несли многія повинности сообща съ волостными людьми ⁴⁸⁷⁾; атаманы были крестьянскими волостями и въ селахъ сѣверныхъ волостей Кіевской земли, напр., въ селѣ Шепеличахъ на р. Припяти ⁴⁸⁸⁾.

Кромѣ Путивльскаго, и другіе повѣты бывшей Чернигово-Сѣверской земли имѣли сотниковъ въ качествѣ крестьянскихъ властей и представителей. Отъ 1499 года сохранился судебный листъ великаго князя Александра по дѣлу *сотниковъ Брянскихъ* съ намѣстникомъ, княземъ Федоромъ Ивановичемъ Жеславскимъ „о кривды и повинны“. Сотники, очевидно, отъ лица волостей жаловались на князя: „когда ѣздитъ со Бранска на нашу (господарскую) службу або на свои потребы до своихъ имѣній, и беретъ дей въ насъ подводм и велитъ намъ на себе станы справляти и стацями поднимати, а здавна дей мы намѣстникомъ Брянскимъ подводъ не давали и становъ на нихъ не справлявали и стацями ихъ не поднимывали“. На судѣ, который производилъ по комиссiи отъ великаго князя канцлеръ панъ Миволой Радивиловичъ, все это подтвердилось показаніями брянскихъ бояръ, и великій князь оправилъ сотниковъ: „бо мы никому повинны не вводимъ, а старины не рушаемъ“ ⁴⁸⁹⁾. Сотники были также и въ повѣтѣ Любуцкомъ: въ числѣ пустыхъ земель, родаяныхъ здѣсь Казимиромъ, было и селище Михнево сотниково, которое пожаловано Бугаю калужанину и зѣ бортною землею ⁴⁹⁰⁾. По отдѣльнымъ селамъ Чернигово-Сѣверской, какъ и Кіевской земли, существовали десятины; по крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ Стародубской волости были Крюковъ десятокъ и Масловъ, а, слѣдовательно, и десятники ⁴⁹¹⁾.

Въ Торонецкомъ повѣтѣ мы встрѣчаемъ содѣжъ, которые заставляли повинностями крестьянъ собственной Торонецкой волости ⁴⁹²⁾, а по селамъ въ собственномъ Смоленскомъ повѣтѣ десятниковъ изъ селъ щитныхъ (напр., Ермола въ Вержавскомъ пути и Степанно Мо-

⁴⁸⁶⁾ Архивъ Юго-Западной Россiи, ч. VII, т. II, № 1.

⁴⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 86.

⁴⁸⁸⁾ Архивъ Юго-Западной Россiи, ч. I, т. VI, № V.

⁴⁸⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130.

⁴⁹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.

⁴⁹¹⁾ Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ. XXXV, 709.

⁴⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

лоховской ⁴⁹³⁾ и другихъ крестьянъ. Въ качествѣ же волостныхъ начальниковъ и представителей въ собственномъ Смоленскомъ повѣтѣ являются *приказники* изъ мѣстныхъ слугъ (напр., Филимонъ, слуга и приказникъ Рославскій) или вольныхъ крестьянъ (напр., приказникъ въ Бѣлицкой волости Ананка), а иногда и изъ бояръ ⁴⁹⁴⁾. Роль приказниковъ по актамъ обрисовывается въ томъ же видѣ, какъ приставовъ, сотниковъ, и десятниковъ. Въ 1495 году великій князь Александръ, пожаловавъ писарю Ивашку Софѣвичу Дмитровъ въ держанье до живота, писалъ приказнику Дмитровскому и всѣмъ людямъ Дмитровцамъ: „и вы бы его во всемъ были послушны по тому, какъ и первыхъ намѣстниковъ нашихъ. А што тамъ въ васъ дани наше идеть намъ, тую дань казали есмо ему, збираючи на васъ, и слати до скарбу нашего“ ⁴⁹⁵⁾. Приказники, которымъ ближайшимъ образомъ адресованъ былъ этотъ листъ великаго князя, должны были заботиться о выполнении крестьянами ихъ волости всѣхъ повинностей и быть въ этомъ отношеніи помощниками намѣстника, посредниками между нимъ и крестьянами. Они должны были точно знать всѣ владѣнія и повинности крестьянъ, вслѣдствіе чего къ нимъ обращалось и центральное правительство и мѣстные урядники за справками. Такъ, напр., когда бояринъ смоленскій Тишко Дудинъ просилъ у намѣстника Смоленскаго Юрья Глѣбовича сельца пустого Кохановскаго въ Еленской волости на особную службу, при чемъ заявилъ „штожь тое сельцо не тяглое, служба съ того щитная бывала, а давно лежитъ пусто, а наслѣдѣа къ нему никого нѣтъ“, намѣстникъ „опытывалъ“ о томъ приказника Еленскаго и мужей, и только послѣ подтвержденія ими заявленія боярина выдалъ ему на сельцо листъ, который великій князь Александръ и подтвердилъ своимъ листомъ ⁴⁹⁶⁾. Когда люди Дубровенскаго путя Митрохановы подали жалобу королю Сигизмунду на дворянина Михаила Данильевича въ томъ, что онъ выпросилъ ихъ у покойнаго короля Александра за тяглыхъ людей, а они издавна люди путные, то за разрѣшеніемъ этого дѣла обратились къ тивуну Глушицкому, который вѣдалъ дворную пашню и потому зналъ всѣхъ работавшихъ на ней людей, и къ приказнику и людямъ волости Дубровенской, которые и показали, „ижъ тые люди николи тяглою службою не служи-

⁴⁹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

⁴⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 112.

⁴⁹⁵⁾ Ibidem., л. 62.

⁴⁹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 17.

вали, только путною службою служить и дань нашу (господарскую), кадь меда прѣсного, дають до погреба нашего въ замокъ Смоленскій а двѣ копѣ грошей⁴⁹⁷. Согласно этому заявленію король Сигизмундъ и оправилъ людей Митрохановыхъ, приказавъ имъ служить путною службою, а Михаилу не велѣлъ въ нихъ вступаться⁴⁹⁸). Любопытно, что приказникъ въ данномъ случаѣ явился на судъ по приглашенію людей Митрохановыхъ, очевидно, радѣя объ интересахъ всей волости, на которую ложились лишніи тяжести вслѣдствіе отхода ея членовъ въ подданство князей, пановъ или бояръ. Въ такихъ случаяхъ приказникъ съ мужами своей волости выступалъ иногда по собственной инициативѣ и въ качествѣ истца. Такъ, напр., приказникъ Рославскій съ мужами жаловался въ 1495 году великому князю Александру на Бориса Семеновича (окольникъ Смоленскаго), „рекомо бы онъ забралъ за себе семь селъ ихъ волости безъ данины предковъ нашихъ (господарскихъ) и отна нашего“ и „отнялъ въ нихъ дуброву, выгонъ Г'ородецкій“. Хотя это заявленіе не подтвердилось, такъ какъ Борисъ Семеновичъ представилъ на все нужные документы, тѣмъ не менѣе, самый искъ очень характеренъ для приказниковъ и ихъ дѣятельности по обереганію крестьянскихъ интересовъ. Приказники тѣхъ волостей, которые назывались путями, носили названіе путниковъ⁴⁹⁹). Въ этой должности мы видимъ изрѣдка и бояръ (напр., Семена Федькова Кудина въ Вержавскомъ пути, Михалицу—въ Радцинскомъ), такъ какъ въ Смоленской землѣ бояре нѣкоторыми повинностями примывали къ волостнымъ людямъ, и слугъ панцерныхъ (напр., Овдюха въ Молоховскомъ пути, Глѣба—въ Дубровенскомъ), которые еще болѣе, чѣмъ бояре связаны были съ волостями⁵⁰⁰). Путники въ Смоленской землѣ вовсе не были „приказчики изъ княжескихъ дворовыхъ (?), управляшіе княжескими имуществами или получившіе помѣстье за исправленіе извѣстныхъ обязанностей (почтовой гоньбы и т. п.)“, какъ утверждаетъ г. Владимірскій-Будановъ, жѣшая въ одно и приказчиковъ великокняжескихъ (которыми были только намѣстники и тивуны), и путныхъ слугъ, которые никогда не имѣли такого значенія⁵⁰¹). Судя по названію приказники въ Смоленской землѣ также назначались господаремъ или его намѣстникомъ, какъ и пристава, сотники, десятники, въ другихъ областяхъ. Волостные люди, если и принимали

⁴⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 284, 285.

⁴⁹⁸) Акты Зап. Рос. I, № 55.

⁴⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

⁵⁰⁰) Христоматія по исторіи русскаго права, вын. II, стр. 21, прил. 5.

здѣсь какое-нибудь участіе, такъ развѣ только указывали, рекомендовали, кого имъ желательнѣе было имѣть на этой должности ⁵⁰¹).

О десятникахъ, какъ о крестьянскихъ властяхъ, упоминаютъ и акты, относящіеся къ Полѣсью ⁵⁰²) и къ Полоцкой землѣ. Полоцкіе десятники вѣдали части волостей, которыя назывались здѣсь *станами*. Такъ, воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался десятникъ Кушликовскій Иванъ Лопунъ „и въ иными людьми господарскими, поплечники своими, стану Кушликовского“ на людей монастыря Мошонскаго, которые должны были тянуть вмѣстѣ съ Кушликовцами на станъ и давать стаціи на господаря и воеводу Полоцкихъ, но этого не исполняли ⁵⁰³). Что станы были частями волостей Полоцкихъ, на это не мало указаній можно найти въ актахъ изучаемаго времени. Такъ, напр., въ 1525 году 12 іюля король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Федору Путятѣ земля, которая онъ купилъ у слугъ путныхъ Червчатской волости Суйскаго стану ⁵⁰⁴). На станы дѣлились и тѣ волости Полоцкой земли, которыя въ изучаемое время отошли отъ нея и принадлежали къ Виленскому повѣту. Въ 1522 году Сигизмундъ подтвердилъ боярину Богдану Ивановичу Толоконскому двѣ земли пустыя „въ волости Бряславской въ Добельскомъ стану“, Миниутевичю и Жвирблевичю, которыя далъ ему державца Бряславскаго повѣта Павелъ Ивановичъ Сопѣга ⁵⁰⁵). Изъ этого видно, что дѣленіе па станы въ Полоцкой землѣ было очень давняго происхожденія, возникло еще до утвержденія въ ней литовскаго владѣчества, которое здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, не измѣнило старины.

Въ такъ называемыхъ Поддѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, которыя вносили свою дань прямо въ скарбъ и до ключей Виленскаго и Троцкаго, эту дань, какъ и другіе платежи и повинности, размѣтывали по людямъ и собирали *старцы* этихъ волостей ⁵⁰⁶). По инструкціи, данной въ 1523 году державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ, старцевъ, какъ и другихъ крестьянскихъ властей, должны были опредѣлять державцы. Но въ Поддѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ старцы въ изучаемое время назначались самимъ го-

⁵⁰¹) Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 73.

⁵⁰²) Ревизія нущъ и переходовъ звѣринныхъ, стр. 279.

⁵⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 227, 228.

⁵⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 249, 250.

⁵⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 67.

⁵⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

сподаремъ, которому они платили отъ своего „старченья“, бывшего для нихъ доходною должностію. Такъ, въ 1482 году 30 ноября въ Трокахъ старченье Рѣчицкое взялъ Комаръ и далъ за него королю два корабельника (за намѣстничество Рѣчицкое король въ то же время получилъ восемь корабельниковъ); отъ Могилевскаго серебрянаго старченья король въ то же время получилъ 13 копѣ, а отъ медоваго Андрейко далъ 4 копы грошей (въ Могилевской волости данники также преобладали надъ другими разрядами крестьянъ)⁵⁰⁷). Въ волости Олуцицкой передъ 1529 годомъ находился старецъ волостной, собиравшій дань, которому старченство далъ самъ государь. Объ этомъ заявлялъ старецъ и люди Олуцицкой волости, жаловавшіеся королю Сигизмунду на намѣстника Олуцицкаго Никифора Бобоѣдова, который подѣлялъ имъ „кривды и драпежства великіи“, а вышеупомянутаго старца велѣлъ „кромѣ жадное причыны“ повѣсить⁵⁰⁸). Дѣятельность и значеніе старцевъ по актамъ обрисовываются въ такомъ же приблизительно видѣ, какъ дѣятельность и значеніе перечисленныхъ выше крестьянскихъ властей. Такъ, старцы въ Бобруйской волости собирали дань грошовую, медовую, бобровую и зуничную и отвозили до скарбу и ключа⁵⁰⁹). Они же „меты метывали“ на волость, т. е. раскладывали и собирали деньги „на ихъ волостную потребу“. Но такъ какъ здѣсь обнаружались злоупотребленія съ ихъ стороны, то король Сигизмундъ въ 1533 году предписалъ, чтобы они собирали дань подѣ надзоромъ и „свѣдомомъ“ вижа мѣстнаго державцы, который долженъ былъ надзирать за раскладкою и другихъ платежей, или „розметовъ“⁵¹⁰). Старцы Задвинскихъ волостей Озерицской и Усвятской вѣдали и другія повинности волостныхъ крестьянъ, кромѣ даней и денежныхъ разметовъ, напр., выгоняли ихъ волочить на господаря озеро Вымно, строить тивунскій дворъ⁵¹¹), и т. д. Какъ представители волостей, старцы отъ лица ихъ вели искъ противъ намѣстниковъ-державцевъ и другихъ должностныхъ лицъ по поводу ихъ кривды и новинъ и т. д. Кромѣ Подиѣвскихъ и Задвинскихъ волостей старцевъ мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ волостяхъ, сосѣднихъ съ ними, но обыкновенно не при-

⁵⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 87.

⁵⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531, 532.

⁵⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329; XV, л. 172—174; Акты Зап. Рос. II, № 75.

⁵¹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

⁵¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64.

числявшихся къ нимъ, напр., въ Борисовской ⁵¹²), Могилевской и Олучицкой, въ Завской волости Кіевскаго повѣта, съ которой шла дань до ключа Кіевскаго ⁵¹³), въ Марьевской и Куренской волостяхъ ⁵¹⁴), въ княжествѣ Мстиславскомъ ⁵¹⁵) и, наконецъ, въ волостяхъ Полоцкихъ ⁵¹⁶). Это наводитъ на мысль, что старцы въ этой мѣстности въ качествѣ должностныхъ лицъ старѣе литовскаго владычества, что эта мѣстность издавна представляла особый экономическій и общественно-бытовой районъ. На это, впрочемъ, имѣются и прямыя указанія источниковъ, которые характеризуютъ этотъ районъ какъ область осѣдлости крестьянъ-данниковъ, платившихъ съ своихъ промысловъ гроши, медь, бобры и вуницы ⁵¹⁷).

Такимъ образомъ, г. Владимірскій-Будановъ совершенно правъ, считая старцевъ туземными русскими властями, но онъ не совсѣмъ правъ, утверждая существованіе старцевъ во всей Руси, бывшей подъ властью Литвы. Въ южныхъ и частью въ западныхъ областяхъ ея мы встрѣчаемъ крестьянскія власти по большей части съ другими названіями (сотники, сорочники, десятники), хотя также древнерусскихъ. Точно также и дѣленіе на сотни, сорока и десятки нельзя распространять на всю Литовскую Русь, какъ дѣлаетъ г. Владимірскій-Будановъ, ибо эти дѣленія были только тамъ, гдѣ были сотники, сорочники, десятники. Одинаково неправильно описалъ крестьянскія власти и г. Леонтовичъ, не различивъ тивуновъ отъ крестьянскихъ властей въ собственномъ смыслѣ (тивуновъ можно уподобить старостамъ въ помѣщичьихъ имѣньяхъ, помощникамъ привязчиковъ; только въ Полоцкихъ волостяхъ, гдѣ были господарскіе дворы, на Полѣсьѣ и Вольтыни, тивуны, повидимому, совмѣщали это значеніе съ значеніемъ крестьянскихъ властей), а этихъ послѣднихъ по мѣстностямъ ⁵¹⁸).

⁵¹²) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 73.

⁵¹³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 11.

⁵¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 38, 39.

⁵¹⁵) Акты Зап. Рос. I, № 82, 217.

⁵¹⁶) Ibidem, I, № 174.

⁵¹⁷) Акты Зап. Рос. III, № 19, § 33.

⁵¹⁸) См. *Владимірско-Буданова*. „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI в.“ въ Кіевскомъ сборникѣ 1892 г., стр. 380, 371; *Θ. Леонтовича* „Крестьяне юго-западной Россіи“ въ Кіевск. Университ. Извѣст. 1883, № 11, 18—22.

Крестьянскія власти имѣли отношеніе въ такимъ повинностямъ, которыя были болѣе или менѣе общими для всего крестьянскаго населенія волости, въ родѣ, напр., работъ на господарской пашиѣ, лугахъ, на рѣвахъ и озерахъ, въ лѣсу и на дворѣ; то же самое и въ отношеніи натуральныхъ и денежныхъ податей, въ родѣ, напр., дѣла и дани. Но они мало или даже вовсе не касались разныхъ специальныхъ повинностей нѣкоторыхъ крестьянъ своей волости, въ родѣ, напр., осочницкой, ловецкой, псарецкой, конюшской, дойлидской, ковальской, клепацкой, рогатинницкой и другихъ служебъ, за отправленіемъ которыхъ слѣдили главнымъ образомъ дворные урядники. Впрочемъ, гдѣ населеніе села или волости состояло изъ крестьянъ одной специальной службы, тамъ и крестьянскія власти вѣдали эту службу. Въ Городенскомъ повѣтѣ, напр., встрѣчаемъ сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ разныхъ специальныхъ служебъ ⁵¹⁹⁾. Для того, чтобы представить яснѣе дѣятельность крестьянскихъ властей и дворныхъ урядниковъ по взысканію съ крестьянъ лежавшихъ на нихъ податей и повинностей, необходимо изобразить тѣ условія, среди которыхъ она могла развиваться, т. е. дѣйствовавшую въ Литовско-Русскомъ государствѣ систему обложенія податями и повинностями и въ связи съ этимъ устройство крестьянскаго землевладѣнія.

XXVII.

Литовско-Русское государство для цѣлей обложенія воспользовалось тѣми земельными единицами, которыя въ теченіе времени даны были естественнымъ развитіемъ семейно-родовой кооперации и совладѣнія крестьянъ ⁵²⁰⁾. Понятное дѣло, что эти земельныя единицы не могли быть равными ни по размѣрамъ своимъ, ни по доходности. Сообразно съ этимъ и повинности пали на нихъ неодинаковыя. Не нужно только представлять себѣ, чтобы онѣ чрезвычайно разнообразились по своимъ размѣрамъ и доходности: существовала извѣстная средняя величина ихъ, къ которой онѣ болѣе или менѣе приближались, и которая вытекала изъ самаго происхожденія ихъ. Поэтому и

⁵¹⁹⁾ Акты Вилен. Археогр. Комиссіи, т. XVII.

⁵²⁰⁾ Какъ долго просуществовали въ крестьянскомъ быту Малороссіи родовая кооперация и совладѣніе землею, объ этомъ см., напр., въ статьѣ *И. В. Лучицкаго* „Сябы и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи“. Сѣверный Вѣстникъ 1889, № 1, стр. 76.

въ наложеніи повинностей оказалось возможнымъ соблюсти известное равенство и, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи издѣльныхъ повинностей сдѣлать эти земельные участки единицами обложенія, т. е. требовать съ нихъ по одному ратнику на войну или по одному работнику для господарскаго хозяйства. Отсюда явилась и возможность параллельно съ числомъ крестьянскихъ участковъ вести счетъ и числу тѣхъ или другихъ „служебъ“, которыя шли съ этихъ участковъ. Неравенство земельныхъ участковъ уравнивалось обыкновенно тѣмъ, что крестьяне, владѣвшіе большими участками, чѣмъ другіе, несли одну и ту же службу, въ добавленіе къ этой службѣ платили еще что-нибудь съ своей земли деньгами или натурою. Выше, при перерасчетѣ разныхъ разрядовъ крестьянъ и ихъ повинностей, было приведено не мало указаній на это. Такъ, напр., тяглые люди сверхъ издѣльныхъ повинностей, дьяла и мезлевы давали иногда „питось меду“ до ключей; бортники сверхъ своихъ издѣльныхъ повинностей и даней медовой платили иногда дьякло; конюхи сверхъ своей спеціальной службы давали иногда дьякло, иногда еще дань грошовую, медовую и куничную, а иногда служили и тяглую службу; слуги панцирные сверхъ своей службы платили иногда и дань медовую и т. д. Бывали случаи и обратные, когда крестьяне, несли известную службу, отправляли ее не сполна, такъ какъ ихъ участки были меньше другихъ и по размѣрамъ, и по доходности, напр., не на всѣ толбы выходили не давали дьякла, которое вообще бралось съ этой службы, и т. д. Г. Бершадскій до известной степени правъ, говоря, что „подъ именемъ службы разумѣлась въ Литвѣ совокупность самыхъ разнообразныхъ по мѣсту и времени обязанностей, лежавшихъ на томъ или иномъ участкѣ земли“ ⁵²¹⁾. Не нужно только было сразу начинать съ этого опредѣленія и опускать совсѣмъ изъ вниманія той средней нормы, къ которой приближались крестьянскія повинности, и которая называлась въ собственномъ смыслѣ „службою“.

Крестьянскіе земельные участки, бывшіе единицами обложенія, въ большей части областей Литовско-Русскаго государства не имѣли никакихъ спеціальныхъ названій, а назывались просто „землями“ съ прибавленіемъ имени крестьянъ, бывшихъ владѣльцами или представителями службы въ данное или прежнее время, или же какого-нибудь другого, уже чисто географическаго прозвища. Въ записной книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Римгайлу

⁵²¹⁾ Киевская Старина 1888, № 10, стр. 98.

земля пустая у Сомидишской волости, наследова вѣтъ, не конокормская; служить ему опришною службою, какъ и первые служивали“⁵²²). Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ людямъ Переломской волости Наровичамъ „землю пустовскую дяколную на имя *Ридтишки* Бортной волости на особную службу“, которую имъ далъ намѣстникъ Переломскій⁵²³). Король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ челоуѣву крелвянину Пышвонтичу „землю пустовскую на имя *Туровщину*, которую жъ Костюкъ соколникъ держалъ, на особную службу“⁵²⁴). Въ 1511 году тотъ же король подтвердилъ челоуѣву Остринской волости Богдану Сѣрвичу землю *Зубейковщину* въ Городенскомъ повѣтѣ, которую далъ отцу его Сѣрку панъ Янъ Насута по привазаанью короля Казимира „на особную службу и дякло“⁵²⁵). Въ актахъ мы находимъ упоминаніе о доляхъ земель, изъ чего слѣдуетъ, что „землями“ въ этихъ случаяхъ назывались земельные участки, бывшіе единицами обложенія службою. Въ 1494 году великому князю Александру заявилъ писарь воеводы Виленскаго Миколай Радивиловича Сенько Тереховичъ, „штожъ купилъ (съ дозволенья в. князя) въ мѣщанина смоленскаго въ Артема Клекота землю пашную и бортную и сѣножать, куплю его въ Дубровенскомъ пути, двѣ доли, на имя *Тугощичи*“; къ этому онъ добавилъ, „што жъ на третей части тое жъ земли Тугощичкое сѣдить... чолоуѣкъ на имя *Михаилъ* и зъ дѣтми и зъ братаничи своими“, и просилъ великаго князя пожаловать ему на вѣчность „чолоуѣка того зъ дѣтми и въ братаничи и зъ данью и зъ берегомъ бобровымъ“. Великій князь уважилъ его просьбу и выдалъ ему на то особый листъ⁵²⁶). Въ 1524 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Федору Лебедевичу полчетверты земли пустыи въ Лидскомъ повѣтѣ: „въ *Жывоглядовѣ* десятицствѣ на имя *Кирвелевичину* а *Петковщину* въ *Мацковщину*, а въ *Онюшскомъ* приставничствѣ на имя *Горностаевичину* а *полземли* *Милойковщины*“⁵²⁷).

„Земля“ въ смыслѣ единицы обложенія состояла изъ нахотной земли и различныхъ угодій, относительно которыхъ акты изучаемаго времени даютъ множество указаній. Такъ, въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Федку Копылу земля а бе-

⁵²²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 5.

⁵²³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 16.

⁵²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 92.

⁵²⁵) Ibidem, л. 42.

⁵²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 86.

⁵²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 182, 183.

режонъ въ той же земли, а чоловѣкъ Павоновичъ“⁵²⁸⁾. Ясно, что бережокъ принадлежалъ къ крестьянской землѣ, что подтверждается, впрочемъ, и прямымъ указаніемъ, приведеннымъ выше относительно Тугощицвой земли. Въ 1504 году король Александръ подтвердилъ дворянину своему Оотьяну Шембелю „*gai сосновый* и съ полемъ, што около того гаю“, который онъ купилъ у людей господарскихъ городианъ Оедца Кричевича, братанича его Гринца Есиповича, ихъ жонъ и дѣтей“⁵²⁹⁾. Въ 1499 году Александръ пожаловалъ пану Войтеху Кучуковичу въ Ейшишскомъ повѣтѣ восемь пустощинъ конюшскихъ: Сойдутиньки, Мустовтиньки, Биликишки и т. д. „съ пашными землями и зъ гаи, и съ *сножатми*, и зъ болоты и со всемъ по тому, што здавна къ тымъ землямъ прислухало“⁵³⁰⁾. Въ 1506 году король Александръ подтвердилъ дворянину Ивашку Богдановичу Гостьскому въ Овруцкомъ повѣтѣ чоловѣка Мартинца съ братьею „и зъ землею пашною и бортною и съ сѣножатями и со всемъ съ тымъ, што тыи люди здавна завѣдывали и въ держаньи были“⁵³¹⁾. Король Сигизмундъ въ 1526 году подтвердилъ на вѣчность боярину Яну Вербилу двѣ земли пустыхъ, Слековщину и Довешовщину, „съ полми оремными и сѣножатями, зъ гаи и зъ *лсы*, и зъ *ртками*, съ *кустовъ-емъ* и со всемъ съ тымъ, какъ ся тыи двѣ пустощины въ себѣ мѣли“⁵³²⁾. Къ „землямъ“, съ которыхъ полнились крестьянскія службы, „прислухали“ и бортныя деревья, которыя „подлазили“ крестьяне въ господарскихъ пуцахъ, при чемъ права крестьянъ оставались ненарушенными даже и тогда, когда эти пущи переходили во владѣнье къ частнымъ лицамъ. Такъ, подтвердивъ въ 1513 году пану Богушу Боговитиновичу имѣнья Топчивалы и Кошели въ Бѣльскомъ повѣтѣ, король Сигизмундъ написалъ въ своемъ привилеѣ: „А которыхъ людей нашихъ и людей боярскихъ въ той его границы дерево бортное звѣчное, то мають люди наши и боярскіи, кромѣ иншихъ пожитеовъ, завѣдати по давному“⁵³³⁾. Крестьяне около этихъ бортныхъ деревьевъ иногда разрабатывали нивы и сѣножати, на которыя обыкновенно также признавалось ихъ право, сохранявшееся за ними и при переходѣ дѣса въ частное владѣнье. Въ 1516 году король Сигизмундъ

⁵²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 36.

⁵²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 244.

⁵³⁰⁾ Ibidem, л. 140.

⁵³¹⁾ Ibidem, л. 252.

⁵³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.

⁵³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 573—575.

далъ писарю Коптю Васильевичу въ обмѣнъ на его имѣнье Гоцовой имѣнье Вейсен съ прибавкою двадцати служебъ людей въ Переломскомъ повѣтѣ „зъ данью медовою и зъ свуничною и бобровою и жыною, со всеми тыхъ людей цынши, съ поборы, съ службами, зъ роботами и зъ ихъ уходомъ, и зъ землями бчелными въ нашихъ лѣсахъ и пановъ и бояръ нашихъ, въ которыхъ здавна уходы суть“⁵²⁴). И наоборотъ: крестьяне, становясь частновладѣльческими, продолжали сохранять свои права на бортныя деревья и земли въ господарскихъ пуцахъ или островахъ (лѣсныхъ) наряду съ господарскими⁵²⁵). Въ концѣ концовъ выходило иногда и такъ, что крестьяне одного владѣльца имѣли „бортныя ухажан“ въ лѣсахъ другого, какъ, напри- мѣръ, упомянутого выше пана Богуша Боговитиновича⁵²⁶). Кромѣ бортныхъ деревьевъ, нивъ и сѣножатей, крестьяне имѣли иногда и другіе „ухажан“ въ господарскихъ лѣсахъ, которые съ теченіемъ времени признавались за неотъемлемую принадлежность земель, съ которыхъ они служили свою службу, и не отходили отъ этихъ земель въ случаѣ пожалованій лѣса въ частное владѣніе. Такъ, людямъ господарскимъ Вязовчанамъ и людямъ пана Олехна Сирутевича (очевидно, бывшимъ нѣкогда господарскими) вольно было въ ловахъ имѣнья пана Яцыннича Яворска „дрова и лыса брати и бѣлки ловити послѣ ловенья звѣрю Яцыннича по тую границу, по которую они дерево свое бортное мають“; ихъ старыя нивы и сѣножати оставались неприкосновенными въ этихъ ловахъ послѣ пожалованья ихъ Яцынничу, только больше они не имѣли права припахивать⁵²⁷). Господарь вообще дозволялъ крестьянамъ и даже боярамъ эксплуатировать богатства своихъ лѣсныхъ пуцъ, имѣя въ виду и собственные финансовыя и военно-служебныя интересы. Постоянная эксплуатация и давность ея порождали известное право лицъ, которое связывалось нераздѣльно съ землею, съ которой они служили, и оставалось нетронутымъ, когда и эта земля и господарская пуца переходили въ частныя руки, въ руки новыхъ владѣльцевъ. Такъ создались тѣ запутанныя отношенія по владѣнію и эксплуатациі угодій, которыя подавали поводъ къ постояннымъ тяжбамъ и регулировать которыя пытался девятый раздѣлъ Статута 1529 года. Кромѣ лѣса, права эксплуатациі утверждались и по отношенію къ водамъ, рѣкамъ и озерамъ. Такъ, въ 1522 году 1 октя-

⁵²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 628.

⁵²⁵) Литов. Метр. кн., Запис. XV, л. 10, 11.

⁵²⁶) Ibidem, л. 12.

⁵²⁷) Ibidem, л. 60.

бря король Сигизмундъ по жалобѣ тивуновъ и бояръ шляхты Жмудской земли писалъ старостѣ Жмудскому: „ажбы твоя милость въ пушчахъ и озерахъ и рѣкахъ входовъ и пожитковъ ихъ звѣчныхъ мѣти не заборонялъ, нижи бы твоя милость казалъ лововъ нашихъ боронити, гдѣ ловилвалъ великій князь Витовтъ и инши предкове наши“⁵³⁸). Въ господарскія рѣки и озера несомнѣнно имѣли „вступъ“ и крестьяне, которые платили дань господарю рыбою и носили специальное названіе рыболововъ.

„Земли“ въ смыслѣ единицы обложенія не только въ древнее, но и въ изучаемое время находились большею частью во владѣніи крестьянскихъ семей или родовъ, которые только въ случаѣ своей малочисленности принимали къ себѣ въ „потужниѣ“ стороннихъ людей и сообща съ ними отпращивали возложенную на нихъ службу. Семейно-родовая кооперація и совладѣніе не только дали Литовско-Русскому земельныя единицы для обложенія, но и продолжали быть живыми силами, которыя выполняли требованія государственнаго обложенія. Указаній на это въ актахъ безчисленное множество. Король Александръ въ 1505 году подтвердилъ пану Федку Гавриловичу Мелешевича между прочимъ „одну службу въ Слонимскомъ повѣтѣ на имя Игната и его братью Матвеея и Заня Махновичовъ“⁵³⁹). Король Сигизмундъ въ 1507 году пожаловалъ Спасскому монастырю въ Смоленскѣ двѣ службы людей въ Каспльской волости „на имя Павла съ братьею Кастрмычинныхъ, а Зенова съ братьею Малетинныхъ“⁵⁴⁰). Въ 1516 году онъ подтвердилъ подскарбію дворному пану Ивану Андреевичу купленнаго имъ у боярина сомилишскаго Якуба Довеговича „чоловѣка его отчизного на имя Кгопя и съ его братьею съ Ромашкомъ а съ Бурдемъ, а съ Явубомъ, а съ Мицомъ, одну службу, со всею землею тыхъ людей“⁵⁴¹). Тотъ же король пожаловалъ дворянину Олехну Федоровичу Кривцу людей Стерковичей въ Оникштенскомъ повѣтѣ. Но братья этихъ людей Дань Войшвилловичъ, Буйегвилъ Кгомоновичъ, Романъ Данкушовичъ, Мартинъ Малжучевичъ и Бутко Держевичъ не хотѣли было ему служить и быть послушными. Тогда, по приказанью короля, державца Оникштенскій панъ Юрій Григорьевичъ опытывалъ о томъ приставовъ и волость Оникштенскую, которые и показали, „ижъ тые люди—братья его людей Стерковичовъ и службу

⁵³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 82—84.

⁵³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 245, 246.

⁵⁴⁰) Акты Зап. Рос. II, № 23, II.

⁵⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 187.

въ ними передъ тѣмъ издавна одну служили и дѣла посполъ давали“, въ чемъ сознались и сами виновники опроса. Панъ Юрій „водлугъ свѣдѣства волостного и ихъ сознанья“, велѣлъ имъ служить Кривцу, а король своимъ листомъ отъ 4 апрѣля 1525 года подтвердилъ это распоряженіе ⁵⁴²). Въ данномъ случаѣ землю владѣла и служила съ нея одну „супольную“ службу разросшаяся крестьянская семья, или родъ. Но въ актахъ попадаются случаи, когда землю на особную службу беретъ одинъ крестьянинъ, очевидно, капиталистъ или же имѣющій много сыновей. Такъ, въ маѣ того же 1525 года король подтвердилъ конюху дворному Остринской волости Михну Нарупевичу „землю пустовскую конюшскую на имя Игунекелевщину“, которую ему далъ мѣстный державца „на особную службу“ ⁵⁴³).

На ряду съ этимъ и гораздо чаще мы встрѣчаемъ случаи, когда семья или родъ не справляются съ службой и принимаютъ къ себѣ стороннихъ людей въ „потужники“. Такъ, въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ Никольскому на р. Словишнѣ монастырю (въ Мозырскомъ повѣтѣ) „человѣка на имя Малєя и зъ его потужникомъ со Опонасомъ и съ Кондратомъ — одну службу“ ⁵⁴⁴). Намѣстникъ Аляскій панъ Яцео Ратомскій по приказанью короля обыскалъ боярину смоленскому Ивану Ѳедоровичу Казарину „на хлѣбкормленье“ три службы людей: „Александра съ дѣтми у Кошчычахъ, а въ Кошелевичахъ Паявка Моисеевича *зъ братьєю и съ потужники его*, а Микитыну Карловича“ ⁵⁴⁵). Въ 1532 году король Сигизмундъ разрѣшилъ дворянину Петру Гриньковичу купить и держать до воли господарской дворець въ Городенскомъ повѣтѣ на Зиновщинѣ, который держалъ „зъ данины“ господарской городничій и хоружій Витебскій Романъ Гарасимовичъ. Дворецъ этотъ заключалъ въ себѣ четыре службы „на имя: Васцовичы зъ дѣтми и зъ дядевичы; а Тимошину зъ братомъ Василевичы; а Опанасовичы и Нежковича *и зъ дѣтми ихъ и ихъ потужники Нецуквичы*, съ Омельяновыми пасынки; а Ондрейца Моисеевича зъ дѣтми и зъ дядевичы, Гриньцомъ Ивановичомъ а съ Яцною Богдановичомъ“ ⁵⁴⁶). Потужники вообще постоянно отличаются отъ „братья“ въ широкое смѣслѣ (родственниковъ).

⁵⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 218, 219.

⁵⁴³) Ibidem, л. 229.

⁵⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 145.

⁵⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 178, 179.

⁵⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 101.

изъ чего слѣдуетъ, что подъ этимъ именемъ разумѣются сторонніе люди, принятыя въ товарищество по владѣнію землею и несенію съ нея повинностей. Такъ, король Александръ пожаловалъ пану Бойтеху Яновичу въ 1504 году нѣсколько людей въ Волковыйскомъ повѣтѣ „и съ ихъ братьею и съ потужники ихъ, съ суполными службами тыхъ людей“⁵⁴⁷⁾. Король Сигизмундъ въ 1523 году подтвердилъ на вѣчность дворянину Янушку Богдановичу Сопѣжича восемь служебъ людей въ Василишскомъ повѣтѣ: „въ Бакштахъ Явова Прокориловича, Ивашка Говеновича, Пацка Корейвича а Радка Риморовича, а въ Заболотыя люди—Сенка Кудиновича, Хилимона Купигоровича, Яца Старчевича, Давыда Кубельника и съ братьею и съ потужники ихъ, которыми они тую осмъ служебъ здавна служывали и дяколь тежъ осмъ Троцкихъ, какъ передъ тымъ даивали, такъ и теперъ даютъ, по полторы бочки жыта а по полторы овса“⁵⁴⁸⁾. Положеніе потужниковъ разъясняетъ одно судебное дѣло, разбиравшееся въ Полоцкой землѣ въ 1533 году. Воеводѣ Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался человекъ господарскій полоцкій изъ Сомина, Горасимко Ходотовичъ, на человека господарскаго Саву Денисовича, „што жъ онъ держитъ землю мою отчызную, а мнѣ ее поступитися не хочетъ“. Саву по этому поводу далъ такое объясненіе: „То земля не твоя отчызная, але зъ вѣковъ моя отчызна, нижли предки мои припустили въ той земли отца и дядка твоего Отрохима, ажбы имъ у службѣ помогали. Ино отецъ твой Ходоть умеръ, а дядко твой Отрохимъ часу валечного съ тое земли пошолъ прочь, и што онъ, на той земли живучы, земли розробылъ и дерева придѣлалъ, и я ему за то и посилье его, полтину грошей заплатилъ, и тую землю, отчызну мою, держу и службу съ нею суполную службу и поплаты плачу, якъ и передъ тымъ съ тое земли бывало“. На это объясненіе Горасимко возражалъ: „я того не вѣдаю, естли предки твои отца моего припустили въ той земли, одно я вѣдаю, што на той земли отецъ мой до живота своего жылъ, а я ее за отчызну ищу“. Но воевода однако оправилъ Саву Денисовича, показаніе котораго было подтверждено „мужами тамошними“, при чемъ въ мотивировкѣ своей резолюціи поставилъ особенное удареніе на томъ, что „предки того Савы добровольне были въ той земли отца его припустили для помоганья собѣ службы, и якъ дядко его съ тое земли

⁵⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V. л. 306 308.

⁵⁴⁸⁾ Лит. Метр. кн. Запис. XII, л. 133, 134. Срав. И. В. Дучицкаго „Займанщина и формы земновладѣнія въ Малороссіи“ въ Юридическомъ Вѣстникѣ, 1890, т. I, стр. 398, 399.

толь, и онъ и посилье его ему заплатилъ, а съ тое земли службу супольную служить и поplatки платить“ ⁵⁴⁹⁾). Значить, въ томъ случаѣ, когда потужниковъ присаживало къ отчичамъ начальство для подмоги, когда безъ нихъ служба не могла полниться, и они долгое время, отцы и дѣти, засиживались на доли съ отчичами, то въ такихъ случаяхъ и потужники дѣлались совладѣльцами кореннымъ отчичамъ и сами становились отчичами. Вотъ почему нерѣдко жаловались они вмѣстѣ съ отчичами на вѣчность частнымъ лицамъ, какъ необходимая принадлежность той земли, на которой они осѣли. Кромѣ того, потужники могли дѣлаться владѣльцами и въ тѣхъ случаяхъ, когда покупали у отчичей часть земли, съ которой шла одна служба, и въ силу этой покупки становилась потужниками. Но, какъ мы видѣли, потужники могли и не быть владѣльцами той земли, которую обрабатывали, а только пользователями ея въ известной долѣ. Не при такой ли крестьянской ассоціаціи и возникъ классъ крестьянъ-*господарей* въ Малороссіи ⁵⁵⁰⁾?

Приведенное судебное дѣло важно и въ томъ отношеніи, что даетъ намъ ключъ къ уразумѣнію того, какимъ образомъ происходило иногда, что съ одной „земли“ шла не одна, а нѣсколько службъ. Такъ, королева Елена пожаловала боярину Яну Вербилу семь службъ людей въ Езненской волости „и съ тыми землями, на которыхъ ты люди сидятъ, на имя Котишки а Талейкишки“ ⁵⁵¹⁾). Здѣсь на одну землю приходится среднимъ числомъ по три съ половиною службы. Очевидно,—судя по названію,—эти двѣ земли находились нѣкогда во владѣніи двухъ крестьянскихъ семей, которыя служили съ нихъ двѣ службы. Увеличиваясь численно естественнымъ путемъ или принимая къ себѣ потужниковъ, эти семьи все болѣе и болѣе разрабатывали пустой господарской земли, расширяя такимъ образомъ свои отчины. Правительство въ цѣляхъ поощренія земледѣльческой культуры долгое время не прибавляло имъ службы, подобно тому какъ давало оно „слободы“ всѣмъ вообще крестьянамъ, разработывавшимъ пущи и заводившимъ пашни на сыромъ корню. Когда же прошло достаточно времени, хозяйство на расширенныхъ крестьянскихъ участкахъ установилось прочно и вмѣстѣ съ тѣмъ наличное количество рабочихъ рукъ стало многочисленнымъ, правительство, не разбивая

⁵⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 214, 215.

⁵⁵⁰⁾ *О. Леонтовича*, „Крестьяне юго-западной Россіи“ въ Киевск. Университетск. Извѣстіяхъ 1863, № 10, стр. 27, 28.

⁵⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 317, 318.

самихъ участвова на болѣе мелкіе и принимая ихъ по прежнему за двѣ „земли“, наложило на нихъ болѣе служебъ, вмѣсто двухъ—семь. Въ актахъ, впрочемъ, встрѣчаемъ случаи и распаденія такихъ земель на самостоятельныя единицы обложенія. Такъ, въ записной книгѣ земельныхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Яцку Викгайловичу призволилъ (великій князь Казимиръ) земли половицу купити у Тричелевичохъ, а Тричелевичи и съ половины тави имають намъ служити у Вилькійской волости, а Яцко и съ купли, и съ тое половицы, тавезъ имаеть намъ служити опришнюю службою, какъ и Тричелевичи“ ⁵⁵²). Такимъ образомъ, земля разбилась здѣсь на двѣ самостоятельныхъ участка, съ которыхъ вмѣсто одной пошли двѣ службы. Такимъ же путемъ дробились на отдѣльныя службы крестьянскіе роды и семьи и въ частныхъ имѣньяхъ. Въ 1516 году королю Сигизмунду заявлялъ панъ Богущъ Боговитиновичъ, что онъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ держалъ своихъ людей, пожалованныхъ ему королемъ Александромъ, такъ, какъ они въ Пунямъ служили; но такъ какъ эти люди, „служаши ему лѣсу его зъ его дозволеньемъ не мало розробили“, то онъ, „хотачи собѣ съ того пожитокъ учинити и расширити подлѣ привилія короля Александра“, приказалъ, — „гдѣ воле въ которой службѣ будетъ колько братаничовъ або братовъ, або сыновъ жонатыхъ, и онъ казалъ тымъ подѣлится, на особныя службы казалъ поити“. Панъ на всякій случай, — еслибы люди захотѣли выламываться изъ его подданства, просилъ короля вписать ихъ имена въ подтвердительный листъ, который король и выдалъ ему ⁵⁵³). Расширеніемъ отчины путемъ разработки прилегающей пустопорожней земли можно объяснить и тѣ случаи, когда крестьянская семья или родъ служить не одну, а нѣсколько служебъ. Такъ, король Александръ пожаловалъ „до своее воли“, а король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ „въ отчину“ дворянамъ Василью и Ивану Глѣбовичамъ-Корсаковичамъ съ братьею „люди въ Полоцкомъ повѣтѣ на Горяхъ на имя Селивестра съ тремя сынами и пята братаничи его, съ которыхъ же людей итеть четыре службы“ ⁵⁵⁴). Впрочемъ, это могло происходить и отъ того, что сильная экономически крестьянская семья или родъ сверхъ своей отчины брали на „особную“ службу и другіе земельные участки, которые пустѣли по сосѣдству.

⁵⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 5.

⁵⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 122.

⁵⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 203.

Что касается самой формы владѣнія и пользованія крестьянскими участками, съ которых шли „службы“ господарю, то она была различна. Крестьянскіе роды владѣли и пользовались своими пашнями и угодьями нерѣдко сообща. Въ 1513 году король Сигизмундъ пожаловал пану Ивану Зеновьевичу двухъ людей тяглыхъ „у Лепуньскомъ повѣтѣ у Прибанѣхъ“, Сенька Довшевевича съ братьею и Монка Бакшиловича съ братьею. „А повѣдиль намъ, — гласить привилей короля, — што жъ тыи люди зъ братьею своею *недѣльны* и двѣ службы намъ служить и дѣла намъ и тежъ штось троха меду дають“ ⁵⁵⁵). Въ 1516 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность тивуну Тондягольскому Миколаю Володкевичу, „што купилъ у слугъ путныхъ Тондягольскихъ на имя у Войдата Судимонтовича и въ его братаничовъ, у Папка а въ Миклоша Юрьевичовъ, у въ Юрца Стеввиловича, а въ Наца Стевговича, землю отчизную *сумьсную*“ ⁵⁵⁶). Въ 1523 году король пожаловалъ тивуну Дирванскому Венцлаву Бартошевичу четыре службы людей тяглыхъ „у Жомонтской земли Телешовской волости у Неворонахъ на имя Мицца Дыркгайловича а Дровгейтиса, а Петра Рогкотойтиса, а Кгендра *и зъ ихъ братьею недѣльною* и зъ сынами“ ⁵⁵⁷). Въ томъ же году бояринъ Ейшипскаго повѣта Янъ Миколаевичъ выпросилъ у короля землю пустовскую Невѣровщину въ томъ же повѣтѣ, исторія которой, по словамъ королевской грамоты, была такова: „а одну службу намъ съ нее служыли, а были дей между собою *недѣльны*, а потомъ дей они змерли, а тая дей земляца отъ колкось десять лѣтъ пуста лежитъ, а службы дей съ нее и дачки никоторое нѣтъ“ ⁵⁵⁸). Общее владѣніе и пользованіе землею не разрушалось иногда и въ томъ случаѣ, если крестьянская семья или родъ принимали въ свою среду стороннихъ людей, которые въ этомъ случаѣ назывались *сябрами*, какъ и другіе совладѣльцы-родственники. Что у крестьянъ бывали также сябры, какъ и у бояръ и у мѣщанъ, объ этомъ узнаемъ, напр., изъ подтверждательнаго привилея великаго князя Александра, выданнаго пану Юрью Зеновьевичу на землю Щолвенскую, которую онъ купилъ у людей Полоцкаго повѣта „въ Харпныхъ дѣтей на имя въ Зенова и въ братьи его, у Василя а въ Янова—обель вѣчно“: „такежъ въ той его земли купленои Щолвенской,

⁵⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 68.

⁵⁵⁶) Ibidem, л. 189.

⁵⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 89.

⁵⁵⁸) Ibidem, л. 123.

—гласить листъ великаго князя,—сѣдять сябры тыхъ людей, што ему тая земля продали, на имя Тречевичи: Бгреити зъ братомъ Матеемъ, а Дожути, а Петръ, а Евнойко“. Любопытно, что великій князь подтвердилъ пану Юрью не только купленную имъ у Харпиныхъ дѣтей землю, но и „сябры тыхъ людей Тречевичовъ“ ⁵⁵⁹). Доли сябровъ, умершихъ безъ наслѣдниковъ, какъ и доли родичей, переходили къ тѣмъ людямъ, съ которыми они были совладѣльцами. Въ 1495 году намѣстнику Витебскому князю Михаилу Ивановичу донесли на гостмирцовъ Ивана, Еска и Ивана, „што жъ они держать за собою служебную землю на имя Грицевщину oprичъ своее отчивное земли“. Намѣстникъ послалъ боярина витебскаго Илью Мостычина разслѣдовать дѣло на мѣстѣ. Гостмирцы заявили этому посланному: „нѣтъ, господине, подъ нами служебное земли, отчизну свою держимъ, а тотъ, господине, Гриць сябрь былъ отца нашего, на нашей отчизной земли жилъ“. „Свѣтчи“, представленные гостмирцами, повѣдали боярину также согласно съ этимъ заявленіемъ: „мы, господине, за Койцовича (намѣстникъ Витебскій въ пятидесятихъ годахъ XV столѣтія) помнимъ, а службы есмо не видали а ни слышали съ тое земли“. Наконецъ, тивунъ старый Яковъ, котораго бояринъ также допрашивалъ по этому дѣлу, сказалъ: „я, господине, держалъ въ Любашковѣ тивунство съ шестьдесятъ лѣтъ, а съ тое Грицевщины не вѣдалъ есми на службу ходечы“. Въ виду такихъ показаній намѣстникъ оправилъ Гостмирцовъ, взялъ у нихъ пересудъ и землю имъ подаль „тую Грицевщину, ихъ отчизну“ ⁵⁶⁰). Такимъ образомъ, г. Лучицкій совершенно правъ, выводя институтъ сябровства изъ родоваго или, какъ онъ выражается, семейно-общиннаго землевладѣнія и приравнивая его сему послѣднему ⁵⁶¹). Крестьянскіе сябры по актамъ встрѣчались намъ въ Витебской и Полоцкой земляхъ; г. Лучицкій доказалъ существованіе ихъ въ Чернигово-Сѣверской землѣ, такъ что можно предполагать существованіе ихъ и въ другихъ областяхъ великаго княжества.

Крестьянскіе семьи и роды владѣли своими отчинами иногда и раздѣльно и только сообща служили съ нихъ службу. Въ 1522 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярину Ковенскаго повѣта Миколаю Бгинейтовичу землю пустовскую въ Ковенскомъ повѣтѣ Довятковщину: „а съ тое дей земли—читаемъ въ привилеѣ короля,—одна служба и

⁵⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 153.

⁵⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 66.

⁵⁶¹) См. его статью „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи“ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ 1889, № 1 и 2.

дьякло бывало, нижели дей чотыры брата, отчыч тое земли, подѣлили были на четверь тую землю и однавъ таки съ тое земли одну службу служыли и дякло одно даивали“⁵⁶²). Иногда такая подѣленная земля снова объединялась въ однихъ рукахъ, когда вымирали или отходили прочь съ своихъ дѣльницъ отчичи ея. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ тавуну Троцкому Михну Ивановичу землю пустовскую Волчовщину, исторія которой была такова: „Волчво мѣлъ чотыры сыны на имя Кгойлюша а Вешва, а Нацуса, а Петкуса; ине дей тые сынове его по животѣ отца своего роздѣлили были тую землю на четверо, а потомъ дей тры брата тыхъ змерли, Вешкусъ а Нацусъ и Петъкусъ, а тотъ дей четвертый братъ ихъ Кгойлюшъ одинъ тави тую землю держалъ, и затымъ и тотъ Кгойлюшъ змеръ“⁵⁶³). Въ 1512 году королю Сигизмунду билъ челомъ служебникъ Городецкаго повѣта Юшко Глѣбовичъ, которому король ранѣе того далъ землю пустовскую Илковщину, и повѣдалъ, „ижь дей дядею того Илка на имя Тимошъ сѣдѣлъ на нѣкоторое части тое земли и вжо дей тотъ Тимошъ давно умеръ, а дѣти дей его съ тое земли пошли прочь и тая дей земля тыми разы пуста лежитъ, а службы намъ съ нее нѣтъ“; вслѣдствіе этого Юшко просилъ короля дать ему землю Тимошевищину въ той его землѣ Илковщинѣ „на особную службу“, потому что это была прежде одна земля. Король уважилъ его просьбу, и такимъ образомъ раздѣленная земля снова объединилась во владѣніи одного хозяина⁵⁶⁴). Но слѣды дѣленія переживали иногда самую раздѣльность владѣнія, сохраняясь въ названіяхъ отдѣльныхъ частей крестьянскаго участка. Въ 1511 году король Сигизмундъ подтвердилъ боярину жолудскому Гринку „землю пустовскую въ Жолудскомъ повѣтѣ на имя Ганцевщину а Миковщину“, данную ему до господарской воли намѣстникомъ Жолудскимъ: „а повѣдалъ намъ“,—гласить привилей королевскій,—што жъ то земля одна, нижели дей на ней два брата сидѣли и одну службу служили, а тую землю мѣли *недѣльму*“⁵⁶⁵). Сплонъ и рядомъ, однако, дѣленіе устанавливалось прочно; хотя служба продолжала числиться и отправляться со всей земли сообща. Для такихъ частей земель существовало и особое названіе—*сплонъ*. Въ 1475 году король Казимиръ пожаловалъ пану Михаилу Кезкайловичу землю подъ Андрейвомъ, Наумовымъ братомъ, въ Новгородскомъ повѣтѣ, которую далъ этому

⁵⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 34.

⁵⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 180.

⁵⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 60, 61.

⁵⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 144, Срав. кн. Запис. XVI, л. 54—56.

Андрейку панъ Юшко Кгойцевичъ безъ воли господара. „А передъ тымъ таа земля,—читаемо въ записи пожалованья,—одна была, а нинѣ подѣлена на пять слѣдовъ: подъ тымъ Андрейкомъ три слѣды а подъ Демяномъ и подъ Онципоромъ два слѣды“. Въ то же время король пожаловалъ пану Михаилу „путного челоувѣа на имя Тереню зъ двѣма слѣды, а тме два слѣды далъ Терени великій князь Витовтъ противъ око отчины“ ⁵⁶⁶). Въ 1524 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность пану Шямку Мацковичу земли пустовскія въ Остринскомъ поветѣ, которыя ему даны были уже раньше, а въ которыя увязалъ его панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича, державца Остринскій, при чемъ въ подтвердительномъ привилеѣ помѣтилъ: а што ся дотычетъ тое земли Пацковщины, панъ Александръ тое Пацковщину и Головицкую землю ему за одну землю далъ, для того, штожь дей то были два слѣды, а служба одна“ ⁵⁶⁷). Владѣльцы слѣдовъ, такимъ образомъ, несли не цѣлую службу, а только часть ея, помогали другимъ владѣльцамъ слѣдовъ той же земли нести лежавшую на всей землѣ службу. Въ 1534 году воеводѣ Полоцкому жаловался челоувѣкъ господарскій Корнило Якубовъ на Максима, попа церкви дворной въ Полоцкѣ св. Троицы, „имъ онъ слѣдъ Онаньинъ, который же есть близъ Костынапа, держать, а въ службѣ намъ, которая съ тое земли бывала, помогати не хочеть“. Попъ заявилъ, что слѣдовъ этотъ пожалованъ на церковь еще королемъ Александромъ „на противку огорода тоежь церкви святое Троицы, который принятъ на вѣшторъ святого Бернадина“, и съ тѣхъ поръ съ этого слѣда никакой службы не бывало, въ доказательство чего представилъ и листъ короля Александра. Но воевода, однако, не учинилъ вонца дѣла, а отложилъ его до господара: „маемо его милости пытати,—написалъ онъ въ судебномъ протколѣ: которые земли предки его милости и тежь его милость на церкви подавали, съ которыхъ передъ тымъ которые службы бывали, если и теперь съ тыхъ земля тежь службы по старому мають быти або ни“ ⁵⁶⁸). Воевода былъ, очевидно, въ недоумѣннн въ виду двѣстующаго права относительно слѣдовъ и королевскаго пожалованья. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что слѣды въ известномъ отношенн становились земельными единицами, удерживая постоянное названн и поступая даже въ раздачу стороннимъ владѣльцамъ. Крестьяне въ актахъ являются также нерѣдко со слѣдами,

⁵⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 30.

⁵⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 145.

⁵⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 287.

а не съ землями—службами. Такъ, отъ 1495 г. имѣемъ листъ великаго князя Александра, воимъ онъ утвердилъ за писаремъ своимъ Ивашкомъ Сопѣжичемъ имѣнье, полученное имъ въ обмѣнъ отъ Васка Сопѣжича,—половину Опакова „со всемъ съ тѣмъ, што ся ему въ дѣлу достало, коли дѣлился съ братьею своею людьми и данники, съ данми медовыми и грошовыми, и вуничными, и слободичи, и съ посажаны, и литву, съ ихъ землями пашинными и бортными и съ сѣножатми и со всеми ихъ *слоды* и входы и пожитки и платы, и съ торгомъ и съ мытомъ Опаковскимъ“⁵⁶⁹). Изъ этого отрывка подтверждающей грамоты видно вмѣстѣ съ тѣмъ, что раздѣлу подлежали и угоды, которыя и соозначаются въ понятіи слѣда. На это, впрочемъ, можно найти и прямыя указанія: при Казимирѣ бояринъ Опменской волости Якубъ Милошевичъ продалъ Вежегайлу Ивановичу „слѣдъ челоуѣка своего отчинного на рѣцѣ на Или, нивы и сѣножати и часчи, бобровые гоны по рѣцѣ по Или и рыба ловити“⁵⁷⁰). Конечно, нѣкоторыя угоды не могли въ собственномъ смыслѣ дѣлиться, и вмѣстѣ съ слѣдомъ передавалось только право на извѣстную долю шедшихъ съ нихъ „пожитковъ“, на участіе въ ихъ эксплуатаціи.

Г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Помѣстья Литовскаго государства“ объяснилъ „слѣдъ“ такимъ образомъ: „Слѣдомъ называется участокъ, обрабатываемый силами одного челоуѣка; самое наименованіе происходитъ отъ обработки, составляющей признакъ (слѣдъ) присутствія и культурной дѣятельности челоуѣка“; „слѣдъ есть всегда участокъ одного челоуѣка“⁵⁷¹). Приведенныя выдержки источниковъ относительно слѣдовъ показываютъ, какъ мало подходитъ къ дѣйствительности такое опредѣленіе. Слѣдъ могъ быть участкомъ и не одного челоуѣка (разумѣя его даже въ смыслѣ семьи), а нѣсколькихъ, равно какъ и одинъ челоуѣкъ могъ владѣть нѣсколькими слѣдами. Это не постоянная какая-нибудь величина, а мѣняющаяся сообразно съ тѣмъ, на сколько отдѣльныхъ частей распалась земля, съ которой шла одна служба. Самое этимологическое объясненіе названія „слѣдъ“ слишкомъ искусственно у г. Владимірскаго-Буданова. Гораздо проще вывести это названіе изъ самаго процесса дѣлеза общей пашни или сѣновоса, какъ онъ происходитъ у крестьянъ и по сіе время; крестьяне или проводятъ бороуду, или же простой слѣдъ (на лугахъ) но

⁵⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 24.

⁵⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 74.

⁵⁷¹) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтомисца, кн. III, стр. 67, 68.

намѣченной глазомъ линіи. Что слово „слѣдъ“ указываетъ на дѣлежъ земли, объ этомъ можно заключить и по тому, что слово „слѣдъ“ употребляется иногда вмѣстѣ слова „дѣльница“⁵⁷²⁾.

Въ Смоленской землѣ части „земель“ назывались *отыями*. Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1510 году монастырю св. Троицы въ Смоленскѣ землю пашную и бортную, бобровые гоны и сѣножати, записанные монастырю однимъ изъ его старцевъ, Варсонофіемъ Гольцовымъ, а имъ въ свою очередь купленные „съ дозволеньемъ господарскимъ“ у одной мѣщанки смоленской, прибавилъ къ подтвержденью: „и што тежъ зъ ившихъ вытняковъ, которые жъ люди зъ ними тую землю мѣли и по той земли посполу бобровые гоны гонивали и давали до казны по дванадцати грошей, и то есмо имъ на церковь Божью къ тому жъ монастырю Святой Троицы пожаловали“⁵⁷³⁾.

Въ Волинской землѣ и Турово-Пинскихъ княжествахъ земельныя участки, бывшіе единицами обложенія, назывались *дворищами*, указывая тѣмъ прямо на свое происхожденіе отъ той совокупности земель и угодій, которая эксплуатировалась крестьянскою семьей или родомъ, жившимъ на одномъ дворѣ. О такомъ значеніи дворищъ, объ ихъ составѣ и формѣ владѣнія ими написана въ недавнее время обстоятельная статья г. Владимірскимъ-Будановымъ, помѣщенная въ „Кіевскомъ Сборникѣ въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая“. Изъ этой статьи, къ которой мы и отсылаемъ читателя, съ полной ясностью можно убѣдиться въ томъ, что дворище представляетъ во всемъ аналогію съ описанною въ настоящемъ очеркѣ „землею“, какъ единицею обложенія. Типъ земельныхъ участковъ, служившихъ единицами обложенія, былъ во всѣхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства болѣе или менѣе одинаковъ, различаясь только особою терминологіею, смотря но мѣстностямъ. Въ Волинской землѣ и Турово-Пинскомъ Полѣсьѣ земельныя участки крестьянскихъ семей и родовъ назывались дворищами. Такъ какъ г. Владимірскій-Будановъ привелъ въ своемъ изслѣдованіи факты, относящіеся преимущественно къ Полѣсью, то въ настоящемъ очеркѣ можно будетъ ограничиться свидѣтельствами источниковъ, показывающими, что дворища были единицами обложенія и въ Волинской землѣ. Въ 1495 году великій князь Александръ далъ дьяку Манцу Калусовскому три дворища „села Вербична у Володимирскомъ повѣтѣ въ Туриску“ съ людьми и со всѣми ихъ землями и угодьями, со всѣми ихъ повинностями и платежами, вмѣстѣ той земли, которая взята была у

⁵⁷²⁾ Археографическій Сборникъ, изд. въ Вильнѣ, т. II, № I.

⁵⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 336—338.

него подѣ мѣсто Высокое въ Дорогицкомъ повѣтѣ и размѣрена на волоки ⁵⁷⁴). Въ 1498 году Александръ далъ землянину волынскому Олизару Петрашковичу Трескѣ „двѣ дворища въ Луцкомъ повѣтѣ въ Городени на имя Кракосовское а Лашовское вѣчно ему самому и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будущимъ ихъ счадкомъ со всимъ по тому, што здавна къ тымъ дворищомъ слушало“ ⁵⁷⁵). Въ томъ же году пожаловано было дворянину Ивашку Пышневичу пять дворищъ въ Песочномъ въ Мельницкой волости Луцкаго повѣта: „а повѣдалъ намъ,—гласить привилей в. князя,—што жъ ты дворища суть данныи, а даивали намъ чотыри ведра меду прѣсного, а съ того пятого дворища служба путная служивана“ ⁵⁷⁶). Въ 1512 году король Сигизмундъ подтвердилъ князю Константину Ивановичу Острожскому „два дворища служебныхъ у Кремяницкомъ повѣтѣ на имя Мокрое а Костенець“, данныхъ ему королемъ Александромъ ⁵⁷⁷). Въ 1524 году тотъ же король пожаловалъ дворянину Василью Семеновичу Нечаю чотыре дворища пустыхъ въ Супуновѣ въ Кременецкомъ повѣтѣ ⁵⁷⁸). Въ 1532 году Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность князю Михаилу Федоровичу Ковечичу имѣнье Мокрець въ Турійской волости Владимирскаго повѣта, въ которомъ было пять дворищъ съ людьми, а шестое пустое, „на имя: Бѣликское, Ходоровское, Кошелевское, Дегтеревское, Михновское, Корчмишское“, и кромѣ того придалъ ему два дворища бобровниковъ, „Васила а Игната, а Ивана зъ братьею ихъ и зъ ихъ службами и зъ землями“ тамъ же, въ Мокрець. Привилей подробно описываетъ и самый составъ дворищъ: „а дали есьмо ему тые вси вышеписанныи дворища въ Мокрецы зъ людьми и зъ ихъ землями пашными и борными и сѣножатями, и зъ лѣсы: съ боры, зъ дубровами, зъ гаи, зъ дубники, зъ лядищи, зъ паствами и выгоны, зъ ловы звѣрыгными и съ пташными, а съ соколы гнѣзды, и зъ ловищы, и зъ рѣвами и зъ рѣчвами, съ потоки, ставы, ставищы, зъ млыны и ихъ вымелки, зъ бобровыми гоны и береги и зъ зеремены, зъ данными грошовыми и медовыми, и куничными, бобровыми, съ цывшы, платы, повозы и подводы и со всеми иными доходы и поплаты, которыи и зъ стародавна съ тыхъ вышеписанныхъ дворищъ и людей и земль ихъ на насъ и на предковъ нашихъ шл“ ⁵⁷⁹).

⁵⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 55.

⁵⁷⁵) Ibidem, л. 105.

⁵⁷⁶) Ibidem, л. 109.

⁵⁷⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 40.

⁵⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 149.

⁵⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 105, 106.

Терминъ „дворище“ употреблялся и въ другихъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства, но не въ томъ значеніи, какъ въ Волинской землѣ и Полѣсьѣ, а въ значеніи усадебной земли. Такъ, въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Юрью Зеновьевичу дворище и огородъ въ мѣстѣ Браславскомъ ⁵⁸⁰). Въ 1520 году, когда король Сигизмундъ пожаловалъ дворянину Ѳедору Багѣ сельцо Ясеневичое—двѣнадцать служебъ людей, войтъ, бурмистры и радцы мѣста Волковыйскаго заявили ему, „штожь дей нѣкоторые люди того сельца дома и дворища свои звѣчные въ мѣстѣ нашомъ (господарскомъ) Волковыйскомъ мають, а такъ дей въ селѣ земли собѣ позакупали“ ⁵⁸¹). Изрѣдка, впрочемъ, слово „дворище“ въ томъ же значеніи, какое оно имѣло на Волини и Полѣсьѣ, попадаетъ въ актахъ, относящихся къ сосѣдней съ Полѣсьемъ области Черной Руси, т. е. къ повѣтамъ Новгородскому и Городенскому. Въ 1515 году королю Сигизмунду билъ челомъ князь Ѳедоръ Михайловичъ Чорторыйскій и просилъ у него „людей и дворищъ въ Новгородскомъ повѣтѣ, слугъ путныхъ на имя: Миленевича а Михальевича, а Малышевича, а Ходоровича, а Горбачевича; а въ Кореличахъ Новгородского же *стѣчи* шести служебъ дворищъ татарскихъ: Юхна Москревича а Болота Кожича, а Разлуковичовъ, а Тулатовичовъ, а Великовичовъ, а Шиломановичовъ; а трехъ дворищъ Садовницкихъ зъ людьми: Тереховичовъ а Кокаречичовъ, а Медвѣдичовъ“. Король пожаловалъ ему всѣ эти дворища, выговоривъ только для татаръ право служить ему по доброй волѣ: „а всхотятъ ли съ тыхъ земель сойти прочъ, тогда онъ маеть ихъ съ тыхъ земель спустити, не гамуючы“ ⁵⁸²).

Въ Смоленской землѣ въ такомъ же значеніи, какъ дворище въ Волинской, выступаетъ по актамъ *сельцо* и *селище*. Очевидно, что населеніе разбросано было здѣсь преимущественно мелкими поселками въ два, три, пять, много десять дворовъ, въ которыхъ жили родственники или потужники, несшіе одну службу, вслѣдствіе чего и „сельцо“ является здѣсь равнозначущимъ „службѣ“, „землѣ“ и „дворищу“. Съ такимъ значеніемъ намѣчается сельцо даже по краткимъ запискамъ пожалованій короля Казимира. Такъ, въ 1452 году въ Смоленской землѣ дано было Ивашку Юрову „сельцо Мордвиново на Вехрѣ; пусто дей, а онъ отчины не держитъ своее; ино, будетъ-ли пусто, а не

⁵⁸⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 77.

⁵⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 84. Срав. кн. Запис. XVI, л. 175, 176.

⁵⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 200. Срав. кн. Запис. X, л. 85.

данное" ⁵⁸³). Въ 1494 году писарь воеводы Вилнскаго Сенько Тереховичъ выпросилъ у короля сельцо Золотовичи въ Дубровенскомъ пути, въ которомъ жили люди господарскіе Гридко Мартиновичъ и Жданецъ Антоновичъ съ братьею. Всего было въ сельцѣ десять избъ, изъ которыхъ пять принадлежали отчичамъ, а пять людямъ приходящимъ, дольничкамъ ихъ, и со всѣхъ нихъ шла одна панцырная служба ⁵⁸⁴). Въ 1495 году великій князь пожаловалъ боярину смоленскому Ивану Ѳедоровичу Плюскову два сельца въ Смоленскомъ повѣтѣ „зъ двѣма службами“—Опяковыхъ и Скубятинныхъ ⁵⁸⁵). Въ томъ же году великій князь пожаловалъ дворянина Васка Согъжича „селцомъ въ Моцини на имя Дубровки съ однимъ человекомъ на имя Павелцомъ Кулаковымъ и зъ землею пашною и бортною“ ⁵⁸⁶). Ему же великій князь пожаловалъ до очищенья отчины его отъ неприятеля Московскаго два сельца въ Дубровенскомъ пути, Хоминичи и Шишолово: „а повѣдалъ намъ,—гласить листъ великаго князя,—што жъ дей ты люди двѣма службами намъ служить, а дани намъ даютъ одну кадь меду“ ⁵⁸⁷). Въ 1495 году великій князь пожаловалъ городничему Смоленскому Ѳедору Полтевичу сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ Максимовской волости съ людьми и ихъ потужниками, съ которыхъ „одна служба идетъ бережная“ ⁵⁸⁸). Король Сигизмундъ пожаловалъ боярину смоленскому Дробышу „сельца у Смоленскомъ повѣтѣ у-въ Опецкой волости—двѣ службы конюшскихъ, на имя Залѣсовыхъ и Огризково, а третью землю путную Терешкову“ на вѣчность ему самому, женѣ и дѣтямъ и будущимъ потомкамъ, а „особо“ одному Дробышу пожаловалъ землю пустую конюшскую Куприяновскую; въ 1514 году король пожаловалъ всѣ эти *сельца* дворянину Петру Стецковичу Хлюпича, который женился на вдовѣ Дробыша ⁵⁸⁹) и т. д. Подобное же значеніе „сельцо“ имело и въ княжествѣ Мстиславскомъ, составлявшемъ нѣкогда часть Смоленской земли, и даже и въ сосѣднихъ волостяхъ Черниговской земли ⁵⁹⁰). Послѣдній изъ приведенныхъ здѣсь примѣровъ показываетъ, что сельца пустая въ Смоленской зем-

⁵⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 30.

⁵⁸⁴) Ibidem., л. 86, 89.

⁵⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 22.

⁵⁸⁶) Ibidem, л. 23.

⁵⁸⁷) Ibidem, л. 104.

⁵⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 57.

⁵⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 147.

⁵⁹⁰) Акты Зап. Рос. I, № 65, 133.

гѣ назывались просто „землями“ съ прибавленіемъ имени владѣльца. Но иногда удерживалось и названіе „сельцо пустое“ въ смыслѣ земельной единицы обложенія. Такъ, въ книгѣ пожалованій короля Казимира находимъ между прочимъ слѣдующую записъ: „Семену Климбарову—три человекѣ у Илнѣ, а сельцо пустое Хотово,—коживало поклада меду,—да березокъ“⁵⁹¹⁾. Еще чаще въ такихъ случаяхъ употреблялось слово „селище“. Въ 1508 году королю Сигизмунду былъ челомъ дворянинъ кн. Василій Уваровичъ и просилъ „дву селець въ людми у Смоленскомъ повѣтѣ у Буйгородской волости, Воротишкина а Дементьева, а селища пустаго Хотынничъ, а у Вержавскомъ повѣтѣ другого селища пустаго зъ Коровчина“. Король исполнилъ его просьбу и пожаловалъ ему сельца и селища „въ людми и въ бобровыми гонн, и въ данью, и съ посощиною, и съ поплатаи гроновыми“⁵⁹²⁾.

Селище въ значеніи земли, какъ единицы обложенія⁵⁹³⁾, употреблялось и въ другихъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства, гдѣ господствовали мелкодворныя поселенія. Съ селищами въ такомъ значеніи мы встрѣчаемся по актамъ въ княжествѣ Мстиславскомъ⁵⁹⁴⁾ и въ повѣтахъ Брянскомъ, Мценскомъ и Любутскомъ⁵⁹⁵⁾, которые въ изучаемое время тѣсно примыкали къ Смоленской землѣ; въ повѣтѣ Брычевскомъ, входившемъ иногда въ составъ Смоленской земли⁵⁹⁶⁾. Изрѣдка встрѣчаемъ „селище“ въ значеніи отдѣльнаго крестьянскаго участка и въ актахъ, относящихся къ землямъ Кіевской и Витебской. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ землинну кіевскому Васку Жеребятину „въ Кіевскомъ повѣтѣ въ Милославичохъ селище на имя Чотаново на одну соху“⁵⁹⁷⁾. Въ 1522 году Сигизмундъ пожаловалъ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду „селище въ Кіевскомъ повѣтѣ на имя Жукиво и съ человекомъ, который на томъ селищи сѣдитъ“, на вѣчность⁵⁹⁸⁾. Король Казимиръ далъ Богдану Соппѣичу „человѣка тяглого у Витебскомъ повѣтѣ на имя Ходотка Терешкова и въ землю, а селища три пустыи на имя Давыдцова, а Рад-

⁵⁹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 38.

⁵⁹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 181.

⁵⁹³⁾ Для Смоленской земли см. особенно записъ о Смоленской посощицѣ. Акты Зап. Рос. I, № 55.

⁵⁹⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 82.

⁵⁹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 26, 27, 32.

⁵⁹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 125, 126.

⁵⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 132. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 158.

⁵⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 87.

цено, а Лопатино“; Богданъ представилъ великому князю Александру въ 1494 году и листъ короля, „што ему того одного человека его милость далъ и тые три земли пустовскіе“, и великій князь подтвердилъ ему ихъ своимъ листомъ отъ 6 апрѣля того же года⁵⁹⁹). Въ 1533 году воеводѣ Витебскому жаловался тивунъ княгини Жилинской Ганны Борисовны Туловскій по имени Артемъ на людей господарскихъ Витебскаго повѣта, на Костька и на Степана Павлова, Ивана и Богдана Петрова Стугревъ, „што жъ они пашуть селище на имѣ Отрохимовщину Туловскаго двора, и яезъ ся тотъ человекъ Отрохимъ звелъ, и они съ того селища князю его милости долю давали, а теперчи воторый годъ тое селище пашуть, а доли съ того не даютъ“. Судебное разслѣдованіе показало, что это дѣйствительно земля двора Туловскаго, а не людей Стугревъ, которые говорили: „слыхали есмо отъ предковъ своихъ, ижъ на томъ мѣстѣ передъ тымъ жилъ дядко нашъ Малышко и тую землю дядка нашего за одну отчину держали“. Вслѣдствіе этого воевода „всказалъ“ землю княгинѣ Жилинской⁶⁰⁰). Слово „селище“ нерѣдко замѣняетъ собой въ актахъ „дворичце“. Въ 1499 году великій князь Александръ подтвердилъ Ивану Пашкевичу семь дворичъ въ Луцкомъ повѣтѣ въ Мельницкой волости со всѣмъ, ничего на себя не оставляя, „зъ людьми и зъ ихъ землями пашными и зъ борными и зъ сѣножатями, и зъ данью грошевою и медовою и съ тою пошлиною, што на замовъ... Лучоскъ, старостѣ на полюдь, на годъ даютъ по копѣ грошей, и зъ сторожевиною, и што за дрова даютъ на городъ по дванадцати грошей, и жито, и оцесъ, и сѣно даютъ; тажежъ съ тыхъ *селницъ* слуга и люди его на старосту на замовъ... Лучоскъ день сѣна кошивали“⁶⁰¹). Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ землянамъ вѣнницкимъ—Левону Берендею, Антону, Ювладу, Вакулѣ, Павлу „селище пустое“ въ Кременецкомъ повѣтѣ на рѣкѣ Случи и на Борчаевѣ—Кузмино, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „А што будетъ первѣй сего братъ нашъ Александръ вѣроль его милость альбо мы вжо того жъ *дворичца* Кузмина кому дали, тые нехай теперъ тое держать подлѣ первого данья“⁶⁰²).

Подобно „дворичцу“ слово „селище“ обозначаетъ нерѣдко и простое мѣсто бывшаго поселка, усадебную и огородную землю. Въ 1495

⁵⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 12.

⁶⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 64, 65.

⁶⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97.

⁶⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 185.

году великому князю Александру жаловался панъ Войтехъ Яновичъ на бояръ волковскихъ Пашковичей: „тыя Пашковичи держать подъ собою селища мои, поля и сѣножати земли моея Малковщины, што дана милость; господарю нашъ, мене пожаловали землею Малковщиною“ ⁶⁰³). Въ 1503 году король Александръ подтвердилъ пану Миводаю Юндилевичу въ Волковийскомъ повѣтѣ Креманицкаго десятка „селища и поле подъ Дубою Челевичовъ надъ рѣкою Креманицою, гдѣ они сами сидѣли, на имя Иваново, а Полуяново, и Тишово, а Демьяново, а Лаврово, а Андреево Дмитровичовъ,— всѣхъ тыхъ селищъ и съ тымъ полемъ надъ Дубою на полтретьяцать бочекъ ратушницыхъ и сѣножати тыхъ же Дмитровичовъ, што ниже его пруда“ ⁶⁰⁴), и т. д.

Въ частяхъ бывшей Берестейской земли, т.-е. въ повѣтахъ Берестейскомъ, Каменецкомъ, Кобринскомъ, Бѣльскомъ, Мельницкомъ и Дорогицкомъ, для обозначенія крестьянскихъ земельныхъ участковъ установилось слово „жеребій“. Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ, напр.: „У Берестыи Левону Шоломичу два жеребьи пустыхъ, а на третемъ два чоловѣка, дають сорокъ грошей а три рубли меду; а жеребьемъ имя: Вороновъ, Быковъ, Блювиничи“ ⁶⁰⁵). Панъ Ходковичъ Александръ съ дозволенья короля Казимира далъ брату своему Тишву выслугу свою въ Каменецкомъ повѣтѣ, что выслужилъ на в. кн. Сигизмундѣ „четыри чоловѣки на имя Григорьевичи а Мишулячичи, а три жеребьи пустыхъ: Дремлевскій а Бразковскій, а Левовский“ ⁶⁰⁶). Въ 1510 году у короля Сигизмунда просилъ дворянинъ Щастный Ощеричъ „жеребья въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Долгой на рѣцѣ на Лѣснѣ на имя Постолювскаго“.—„А повѣдалъ намъ,—гласить жривилей короля,—што жъ дей тотъ жеребей тыми равы пустъ, а не данный, нишли дей только идетъ съ него по шести грошей на годъ“ ⁶⁰⁷). О жеребьяхъ, какъ земельныхъ единицахъ обложенія въ Кобринскомъ повѣтѣ, упоминаетъ инвентарь Кобринскаго монастыря св. Спаса, выдержки изъ котораго напечаталъ г. Владимірскаго-Будановъ въ своей статьѣ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ литовско-русскомъ государствѣ XVI вѣка“ ⁶⁰⁸). Въ 1514 году у короля Си-

⁶⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 60, 61.

⁶⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 120, 121.

⁶⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.

⁶⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 638; VI, л. 140, 141.

⁶⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 372.

⁶⁰⁸) Киевскій Сборникъ, стр. 370, 371. Срав. Акты Вилен. Археограф.

гизмунда просилъ дворянинъ Мислацъ Плонскій „земль пустовскихъ, чотырехъ жеребьевъ у Бѣльскомъ повѣтѣ на имя Кудовщины а Жолутевщины, а Чирщины, а Вареничинщины“. „И повѣдиль передъ нами, — гласитъ жалованная грамота короля, — што жъ дей тыи жеребьи адавно лежать пусты, а службѣ намъ съ нихъ нивоторое нѣтъ, нижи дей одинъ жеребій Скудовщинный имя Варуйтехъ держитъ съ дозволеньемъ старость Бѣльскихъ, а другій дей жеребій Чирщину держитъ Мислацъ Боровый, а съ того дей жеребья бочку соли дастъ на замоу нашъ“⁶⁰⁹). Въ томъ же году король подтвердилъ бобровничему Подляшскому Павлу Сквирминовичу „жеребей въ Дорогицкомъ повѣтѣ въ Буцахъ на имя Козловскій“⁶¹⁰). Въ 1525 году король Сигизмундъ пожаловалъ вупцу Федору Данильевичу два жеребья въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Шумви и Гаврильчичи: „и повѣдалъ намъ, — читаемъ въ принялей короля, — што жъ на тыхъ двухъ жеребьяхъ по два чого вѣи: на Гаврильцкомъ — Иванъ Рунца а братъ его Федко, а на Шумвовскомъ Еремей а Андрей Чупорновичи; а съ нихъ двѣ службы тглыхъ съ вѣковъ до замку нашего бывало, а тыи двѣ жеребьи *сестъ широкы*“⁶¹¹). Последняя фраза характерна въ томъ отношеши, что указываетъ на неодинаковую величину жеребьевъ и на ихъ естественное происхожденіе, такое же, какъ „земель“, „двориць“ и „селницъ“, вопреки утверженію г. Владимірскаго-Буданова⁶¹²). Въ дополненіе къ этому указанію можно привести еще слѣдующее. Намѣстникъ Мельницкій Немира Григаличъ раздѣрилъ на волоки три жеребья въ селѣ Шпакахъ Мельницкаго повѣта и вымѣрилъ изъ нихъ цѣлыхъ пятьдесятъ волокъ. Чтобы судить о размѣрахъ этихъ жеребьевъ, даже не переводя ихъ на современныя земельныя мѣры (всего около 950 десятинъ), нужно принять во вниманіе, что крестьяне, которые пожелали бы сѣсть на этихъ волокахъ должны были платить „по полукоцью (30) грошей циншу, кромѣ овсовъ, куръ и нишихъ рѣчей“ съ каждой волоки⁶¹³). Между тѣмъ бывало иногда, какъ мы видѣли, что съ цѣлаго жеребья платилось только по сорока грошей и даже по шести. Неравенство жеребьевъ въ Берестейской землѣ выступаетъ даже гораздо рѣзче, тѣмъ неравенство „земель“ и „двориць“. Нѣкоторые жеребьи были совершенно подъ силу одной крестьянской

⁶⁰⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 173.

⁶¹⁰) Ibidem, л. 232.

⁶¹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 231.

⁶¹²) Бісвекій Сборникъ, стр. 369.

⁶¹³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236.

семь. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Мартину Заранковичу „въ Берестейскомъ повѣтѣ жеребій пустоветскій у Воини на имя Боратинскій, на которомъ же жеребьи сѣдѣлъ чолвѣкъ нашъ (господарскій) Ильяшъ“⁶¹⁴). Но на ряду съ этимъ бывали такіе жеребьи, какъ, напр., жеребей конюховъ Дрездиновъ въ селѣ Збирозахъ того же Берестейскаго повѣта, на которомъ жили: Василій, Евфимъ и Левонъ Дробышевичи, Омель, Павель и Евфимъ Хоцковичи, Осташко Онисеевичъ, Петрашъ и Некрашъ Папковичъ съ сыномъ Прокопомъ, Колюхъ Пилиповичъ съ сыномъ Костенемъ, Омель Байковичъ съ братаничемъ Маркомъ, Андрей, Оверко, Трупъ, Лавринецъ и Хильць Осподаркевичи, Лащъ и Мацко Лучкевичи съ братаничами Паршемъ и Вацкомъ Коховичами, Свиридь съ братаничемъ Жукомъ—всего 25 взрослыхъ и, вѣроятно, женатыхъ мужчинъ⁶¹⁵). Сообразно съ этимъ и количество службы, податей и повинностей, было неодинаково, и жеребьи еще меньше были опредѣленными и равными единицами обложенія, чѣмъ „земли“ и „дворища“. Въ 1509 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Степану Андреевичу „въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Триняницкой волости на рѣцѣ на Лсьнѣ село на имя Демьяновичи, а въ томъ же селѣ чотыри жеребьи: Носковскій а Чеберекоскій, а Поддубовскій, а Лосковскій, а на тыхъ же чотырохъ жеребѣхъ людей семь служобъ на имя: Богданъ Кадолъ съ сынами своими а Ондрей Чеберековичъ, а братъ его Жукъ Чеберековичъ съ братомъ, а Демидь съ братомъ же, а Левко Чеберековичъ, а Андрей Носковичъ, а братъ его Кузма Носовичъ“⁶¹⁶). Такимъ образомъ, на каждый жеребій въ данномъ случаѣ приходилось почти по двѣ службы; болѣе всего служебъ, очевидно, лежало здѣсь на Чеберекоскомъ жеребѣ.

Послѣ всего сказаннаго нельзя говорить объ „искусственномъ“ происхожденіи берестейско-подляпскаго жеребья. Очевидно, что это земельная единица такого же происхожденія, какъ и перечисленныя выше, данная естественнымъ развитіемъ семейно-родовой крестьянской кооперации и совладѣнія. Государство взяло ее за единицу обложенія въ той величинѣ ея, которая чаще всего встрѣчалась, а тѣ жеребьи, которые по своей величинѣ рѣзко отклонялись отъ другихъ, обложило двойною, тройною и вообще большею службою. Жеребій вообще представляетъ полную аналогію „землѣ“ и „дворищу“ не только

⁶¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 168.

⁶¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 96, 97.

⁶¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 468; VII, л. 566, 567.

по значенію своему, но и по составу и формѣ владѣнія имѣ. Въ составѣ жеребья входили не только пахотныя земли, но и угодыя. Такъ, король Александръ въ 1506 году пожаловалъ дворянину Павлу Рачковичу въ уплату долга въ 400 золотыхъ людей Митковичей въ Мельницкомъ повѣтѣ, сидѣвшихъ на двухъ жеребьяхъ, „зѣ ихъ платы грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зѣ ихъ службами, и зѣ дѣялы, и зѣ землями пашными и бортными, и зѣ ихъ входы и зѣ лѣсы, и зѣ сѣножатями, и зѣ ловы, и зѣ ловища звѣринными и пташными, и съ ставы, и съ ставищи, и зѣ млыны и зѣ ихъ вымерками“ ⁶¹⁷). Всѣми этими землями и угодыями крестьянскія семьи или роды владѣли и пользовались или сообща, или раздѣльно; послѣднее чаще всего встрѣчалось на большихъ жеребьяхъ, гдѣ сидѣли разросшіеся крестьянскіе роды или принявшіе къ себѣ потужниковъ. Отдѣльныя части жеребьевъ нерѣдко усвоивали особыя названія. Такъ, въ 1506 году королю Александру билъ челомъ дьякъ писаря Богуша Боговитиновича Михайловичъ и просилъ „жеребья одного нустовского въ Каменецкомъ повѣтѣ въ Городищи на имя Кобылщинского а Вахновского, а Мординского; а повѣдалъ намъ, „што жѣ тотъ жеребей пустъ, а службы намъ съ него нѣтъ“ ⁶¹⁸). Въ 1516 году король Сигизмундъ подтвердилъ пану Юрью Ивановичу Ильинича „половицу жеребья въ Каменецкомъ повѣтѣ Рыжковщину и люди, которми на той половици жеребья сидѣли, на имя Дениса а Артема, а Яца Пелищовичовъ“ ⁶¹⁹). Тотъ же король Сигизмундъ пожаловалъ землянамъ Бѣльскимъ Андрею Брезньскому и Войтеу Петровичу „осмъ земель у Броньской волости на имя Лудевщину а Левенщину, а Коштюновщину, а Мѣндюковщину, а Мишковщину, а Сеневщину, а Юрковщину, а Соповщину, а тыхъ земель осми только два жеребья“ ⁶²⁰) и т. д.

Въ Берестейско-Подляшской землѣ дѣленіе на жеребья все болѣе и болѣе вытѣснялось въ изучаемое время искусственнымъ дѣленіемъ на равныя земельныя единицы—волоки. Земельныя единицы, данныя естественнымъ развитіемъ крестьянской семейно-родовой кооперации и совладѣнія въ такой странѣ, какъ Подляшье, гдѣ было множество пустыхъ земель, дикихъ зарослей и болотъ, слишкомъ разнообразились по своей величинѣ и потому не могли служить удобными объектами обложения. Вслѣдствіе этого, а также благодаря географической близости

⁶¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 249; срав. л. 207.

⁶¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 253.

⁶¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 115, 116.

⁶²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 113, 114.

и этнографическому сродству этой области съ Польшею сюда рано проникла дѣйствовавшая въ Польшѣ волоочная система вмѣстѣ съ нѣмецко-польскимъ крестьянскимъ устройствомъ и стала вводиться исподоволь въ частныхъ имѣньяхъ, а также и въ господарскихъ волостяхъ. Въ послѣднихъ вводилъ уже ее великій князь Витовтъ, когда созывалъ и осаживалъ „кметей“ на пустыхъ земляхъ: „теды 14 дни презъ еденъ рокъ вшелкій емѣть въ волоки робилъ въ повѣтѣ“⁶²¹). При королѣ Казимирѣ, когда садили мѣсто Высокое въ Дорогичномъ повѣтѣ, то между прочимъ „поиѣрили на волови“ землю дьява Манца Балусовскаго, которую онъ вушилъ въ Лутовѣ, и взаменъ которой великій князь Александръ пожаловалъ ему въ 1495 году три дворища села Вербична въ Турійской волости Владимирскаго повѣта⁶²²). Король Александръ пожаловалъ Есѣу Ивановичу, писарю воеводы Троцкаго Николаю Миволаевича, „войтовство въ Бѣльскомъ повѣтѣ на чотырехъ жеребѣхъ Кошелевскихъ, а на другихъ двухъ жеребѣхъ земли Вервечичскихъ, а на дѣсѣ Топчивальскомъ, которые жъ земли ꙗ дѣсѣ онъ поднялся его милости на волоки розмѣрати и мѣсто людьми осадити прихожими вольными“. Эти люди, высидѣвшие волю „подлѣ обычая тамошнего“ должны были „давати плату съ вождое волови на годъ по золотому а по два ворцы овса, а по гусяти, а по двою буровъ, а по тридцати яиць, а одинъ день въ недѣлю службу тяглую служити“, платить и служить такъ, какъ платили и служили съ воловъ ꙗ по инымъ мѣстамъ тамошнимъ. Войтъ получилъ право выдѣлить себѣ изъ всѣхъ воловъ десятую къ одной сторонѣ и брать въ свою пользу „третій пенязъ съ присуда“ и вымелки съ мельницы, за что въ свою очередь, кромѣ управленія всѣми крестьянами, посаженными на вымѣренныхъ имъ волокахъ, долженъ былъ „службу земскую заступовати по тому, какъ иные войтове мѣсть нашихъ (господарскихъ) тамошнего края службу земскую заступуютъ“⁶²³). Въ 1514 году король Сигизмундъ приказалъ старостѣ Бѣльскому пану Альбрехту Мартинювичу Гаштольду мѣсто „новосадити“ на рѣкѣ Нарвѣ, для котораго велѣлъ отиѣрити триста воловъ. Выданный по сему случаю привилей короля гласитъ: „Нехай они, мѣсто наше, на тыхъ волокахъ сидати и ихъ папуть и вживають. А не мають они нивоторыхъ служобъ служити а ни подводъ давати подъ насъ, господара, и подъ послы и гонцы чужоземцы, вторыми къ намъ будуть ѣздити, и подъ наши, а

⁶²¹) Акты Зап. Рос. I, № 189.

⁶²²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 55.

⁶²³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

нѣкоторые податокъ и стацей и иныхъ давати: только мають они въ каждый годъ на рожь, на день святаго Мартина, давати намъ съ каждое вѣрчмы по золотому черленому капцины, а циншу врочистого зъ волоки по полукошью грошей литовское монеты а по двое куровъ, по двѣ бочцѣ овса, а по вову сѣна; и коли приѣдемъ до того мѣста нашего, тогда маеть насъ тымъ быти поднимано, а кромѣ того не мають жадныхъ стацей намъ а никому давати. И мають ся справовати и ридети во всехъ члонкахъ такъ звычайне и достаточне, какъ у мѣстѣ нашомъ коруны Польское у Хелмѣ справують“⁶²⁴). Размѣреніе на волоки производилось и для мѣста Милейчицкаго, которое король Сигизмундъ приказалъ садить въ 1516 году въ Берестейскомъ повѣтѣ⁶²⁵), и для мѣстечка Воиня въ томъ же повѣтѣ въ 1519 году⁶²⁶). Около 1525 года староста Мельницкій Немира Грималитъ размѣрилъ на волоки три жеребья въ селѣ Шпакахъ Мельницкаго повѣта и, сдѣлавъ войтомъ на этихъ жеребьяхъ земанина мельникаго Томка Хибовскаго, велѣлъ ему „люди осаживати на циншу“, „по полукошью грошей“ съ волоки, кромѣ овса, куръ и другихъ платежей; „и къ тому войтовству прѣдалъ ему три волоки въ каждомъ поли и ставокъ зъ млыномъ и третій грошъ съ каждое вини“, за что онъ долженъ былъ служить службу земскую „на нони съ щитомъ“⁶²⁷). Въ 1528 году король Сигизмундъ велѣлъ „волю новую садити“ въ повѣтѣ Бѣльскомъ „зъ лѣсѣ на имя у Крабовѣ“ и быти войтомъ земанину Марку Залѣсскому, которому онъ пожаловалъ десятую волоку, третій пенязъ съ каждой вини, корчму вольную „и инни вси доходи войтовскіи“⁶²⁸) и т. д. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что волочное измѣреніе въ Берестейско-Подляшской землѣ вводилось постепенно на сыромъ корню или же на опустѣвшихъ жеребьяхъ, и что на ряду съ нимъ существовало и было въ силѣ старинное дѣленіе на жеребьи. Послѣ этого нельзя говорить о раннемъ распространеніи волочной системы „въ Бѣлоруссіи и Полѣсьѣ“, какъ дѣлаетъ это г. Иловайскій, слѣдуя въ этомъ отношеніи г. Владимірскому-Буданову (въ послѣднее время, впрочемъ, значительно измѣнившему свой взглядъ на этотъ предметъ)⁶²⁹).

⁶²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 85.

⁶²⁵) Ibidem, л. 124, 125.

⁶²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17. Срав. XI, л. 62; XIII, л. 1—7.

⁶²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 236.

⁶²⁸) Ibidem, л. 629.

⁶²⁹) Исторія Россіи, т. III, стр. 85; Виенскій Сборникъ, стр. 858.

XXVIII.

„Вслѣдствіе этой (волючей) системы, — говоритъ г. Иловайскій, — тамъ (въ Бѣлорусіи и Полѣсь) рано разрушилось общинное крестьянское землевладѣніе, и образовалась чрезвычайная дробность поселеній, такъ что село состояло иногда изъ двухъ или трехъ дворовъ“. Изъ приведенныхъ въ настоящемъ очеркѣ фактовъ, относящихся до крестьянскаго землевладѣнія XV и начала XVI вѣка, видно, что волючная система нисколько не новинна въ томъ, въ чемъ обвиняетъ ее г. Иловайскій. Раздѣльное владѣніе землею и дробность поселеній (напр., въ Смоленской землѣ, гдѣ крестьянскіе участки назывались „дѣльщиками“) вытекаютъ изъ мѣстныхъ данныхъ историческаго развитія, а не были дѣломъ навикъ нибудь правительственныхъ заимствованій со стороны. Съ другой стороны и объ общинномъ землевладѣніи, какъ о дѣйствительномъ факторѣ экономической и общественной жизни литовско-русскаго крестьянства, можно говорить, только принимая его въ предѣлахъ крестьянской семьи, рода или товарищества, выполнявшаго одну „службу“ господарю. Но такое общинное землевладѣніе существовало въ изучаемую эпоху на ряду съ раздѣльнымъ, иногда уступая мѣсто этому послѣднему, а иногда замѣняя его. При этомъ, какъ увидимъ ниже, оно вовсе не составляло спеціальной особенности крестьянскаго быта, но въ равной мѣрѣ имѣло мѣсто и въ быту военнослужилкаго класса. Исследователи, впрочемъ, и не разумѣютъ это общинное землевладѣніе. „Земли всего села, говоритъ г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія, — нѣкогда состояли въ распоряженіи цѣлаго села, которое уже потомъ дѣлится на дворнища, а нѣкоторыя оставляетъ въ общемъ владѣніи, и что эта послѣдняя (?) можетъ состоять не только въ угодьяхъ (лѣсныхъ входахъ, бортахъ, правѣ охоты и др.), но и въ обработанныхъ участкахъ; обработка ея совершается сообща“⁶³⁹⁾. Но тѣ данныя источниковъ, на которыхъ онъ опирается въ этомъ утверженіи, на первый взглядъ вовсе не говорятъ въ его пользу. Справедливо, что село, заключающее въ себѣ одно дворнище или развѣвшееся изъ одного дворнища, могло владѣть и обрабатывать нѣкогда землю сообща, и до этихъ поръ можно слѣдовать за г. Владимірскимъ-Будановымъ. Но у словъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ данныхъ для утвержденія, что село,

⁶³⁹⁾ Владимірскій-Будановъ, стр. 377.

состоявшее изъ многихъ, чуждыхъ другъ другу, семей или родовъ и захватившее своєю культурою большое пространство земли, нѣкогда владѣло и разрабатывало его сообща. Г. Владимірскій-Будановъ указываетъ на то, что „повсюду въ селахъ (въ дѣльной полосѣ особенно часто) остается земля, не подѣленная на дворнища и составляющая общую собственность села“. Но такія земли могли возникнуть и при частномъ владѣніи землею и не быть остаткомъ общиннаго владѣнія. Ходъ дѣла можно представить себѣ такимъ образомъ. Поселившіеся въ извѣстномъ мѣстѣ и образовавъ село, крестьянская семья принималась за разработку нови подъ пашню. Земля, разработанная каждою семьею, лугъ, священннй ею, разъ на всегда дѣлялся ея достоинствомъ, входилъ въ составъ его дворнища или жеребья; въ составъ послѣдняго входили также бортины и другіе „ухован“ въ сосѣдней дѣсной пушчѣ или степи. Съ увеличеніемъ количества членовъ села расширялось и пространство, захваченное ихъ культурою, пока оно не доходило до предѣловъ, до которыхъ доходила сежа и топоръ сосѣдняго села, или до такихъ мѣстъ, которыя недоступны были для культуры. Такъ опредѣлялась граница села, т. е. всѣхъ земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ крестьянскимъ семьямъ или родамъ, пушчѣ и степныхъ пространствъ, въ которыхъ они имѣли свои входы и которыми въ извѣстномъ смыслѣ пользовались сообща. Въ этой границѣ могли находиться и различныя пустопорожниа земли, которыя были обойдены по своему плохому качеству при первомъ насажденіи культуры. Съ опредѣленіемъ пространственныхъ границъ экономической культуры села само собой должно было установиться общее владѣніе и пользованіе всѣми землями и угодьями, которыхъ еще не коснулся частный трудъ крестьянской семьи или рода. Частному лицу нельзя было теперь захватывать эти земли и угодья, не становясь въ привилегированное положеніе по отношенію къ своимъ односельчанамъ и не нанося имъ извѣстнаго имущественнаго ущерба, если не въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Конечно, на первыхъ порахъ, когда въ предѣлахъ экономической культуры села оставалось еще много незанятыхъ земель и угодій, нѣкоторое время могла свободно еще продолжаться разработка ихъ и захватъ отдѣльными лицами. Но здѣсь вопросъ только во времени: рано или поздно, но должно было утвердиться право всего села на незанятые въ его чертѣ земли и угодья ⁶²¹⁾. Здѣсь въ мнѣнѣтюрѣ долженъ былъ совершаться

⁶²¹⁾ См. факты, приведенные г. Лучицкимъ въ его статьѣ „Займанщина и формы замочнаго владѣнія въ Малороссіи“ въ Юридическомъ Вѣстникѣ 1890, т. I, стр. 395—397, 400, 401, 408—413.

тотъ же процессъ, который совершался en grand въ цѣломъ государствѣ и приводилъ къ появленію въ чертѣ государства особыхъ „государственныхъ“ земель.

Г. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что права сельской общины сохранялись даже и на тѣ земли и угодья, которые находились въ частномъ владѣніи дворищъ. Въ доказательство онъ указываетъ на то, что сельчане сообща жаловались въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь занималъ крестьянскій участокъ безъ пожалованья князя, или когда крестьяне сосѣдняго села захватывали ихъ земли. Все это, по его мнѣнію, „лишь слабые остатки той тѣсной солидарности сельъ, имущественной и личной, какая господствовала раньше“. Но на ряду съ этимъ онъ утверждаетъ, что „общинныя права цѣлаго села на земли, занятія дворищами и частными лицами (?) тѣсно связаны съ повинностями крестьянъ къ князю“. „Какое основаніе для жалобы ихъ?“ спрашиваетъ г. Владимірскій-Будановъ по поводу крестьянскихъ процессовъ отъ имени всего села. „Очевидно, что члены сельской общины заинтересованы въ томъ, чтобы каждый членъ общины занималъ землю на опредѣленныхъ правахъ, чтобы потомъ не возникло недоразумѣній при общемъ отправленіи повинностей. Отсюда права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ“⁶³²). Последнія объясненія на нашъ взглядъ ближе къ истинѣ, хотя и не подходятъ въ ней совсѣмъ, потому что въ нихъ опять таки замѣщены общинныя права села на земли отдѣльныхъ крестьянскихъ семей. Крестьяне могли вести процессы о захватѣ пустыхъ земель „безъ господарской данины“, вовсе и не касаясь вопроса о правѣ своемъ на захваченную землю, но только приписывая себѣ въ тягло новаго владѣльца. Выше было указано, что выходъ изъ состава крестьянскихъ земель извѣстнаго участка могъ отразиться обремененіемъ крестьянъ лишнимъ тягломъ, въ особенности въ издѣльныхъ повинностяхъ, а тамъ, гдѣ существовало общее обложеніе волости, и въ денежныхъ и натуральныхъ податяхъ. Крестьяне вели процессъ не за землю, а за право свое требовать съ даннаго участка извѣстнаго количества повинностей и податей въ общую сумму, приходившуюся съ нихъ. О землѣ дѣло шло тогда, когда захвачена была стороннимъ лицомъ или сосѣднимъ селомъ общая земля всего села. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда одиосельчане хлониали за одного изъ своихъ сочленовъ, у котораго захвачена была земля, сказывалось не право

⁶³²) Кіевскій Сборникъ, стр. 379.

ихъ на захваченную землю, а простая сосѣдская и повинностная солидарность. Цѣлымъ селомъ легче было отстоять на судѣ права крестьянина, чѣмъ ему одному лично, а отстоять было необходимо, потому что съ отходомъ земли отъ села труднѣе стало бы служить службу господарю. Что касается права сельскихъ общинъ участвовать въ раздачѣ свободныхъ участковъ, то г. Владимірскій-Будановъ не приводитъ для этого утверждения данныхъ источниковъ. Въ актахъ, служившихъ матеріаломъ для составленія настоящаго очерка, намъ не попадалось ни малѣйшихъ признаковъ этого участія. Пустовскимъ земли раздавать обыкновенно намѣстники-державцы или тивунъ волостей; а утверждаетъ на вѣчность часто самъ господарь великій князь; даже во временное пользованіе на годъ, на два или на нѣсколько лѣтъ раздають земли великокняжескіе урядники. Единственно, что можно допустить въ данномъ случаѣ, это право волостей, платившихъ дань общемою суммою (Поднѣпрскихъ и Збидинскихъ) раздавать пустовщину во временное пользованіе съ условіемъ платить лежавшія на нихъ дани и отбывать повинности. Но и тутъ дѣятельную роль играли мѣстные намѣстники-державцы, какъ это видно изъ листа короля Сигизмунда къ пану Альбрехту Маргиновичу Гапгольду, державшему волость Бобруйскую⁴³³).

Г. Владимірскій-Будановъ не ограничивается констатированіемъ права общиннаго землевладѣнія сель, но утверждаетъ таковое и для волостей, въ составъ которыхъ входило по нѣскольку сель. Аргументація его въ данномъ случаѣ отчасти такая же, какъ и въ предыдущемъ: солидарность волости въ отношеніи повинностей будто бы есть „слѣдъ общеволостныхъ правъ въ отношеніяхъ имущественныхъ“, какъ будто бы эта солидарность не могла установиться и при господствѣ частнаго землевладѣнія. Но особенно сильнымъ орудіемъ въ рукахъ г. Владимірскаго-Буданова являются порядки, существовавшіе на окраинахъ государства. „На окраинныхъ государствахъ;—говоритъ онъ,—и именно южныхъ, общинное владѣніе землею цѣлыхъ волостей съ центральнымъ городомъ во главѣ уцѣлѣло до половины XVI столѣтія почти во всей своей первобытной непосредственности, основанной на томъ, что частная собственность на землю здѣсь является еще и необходимою, и даже невозможною (въ виду постоянныхъ опасностей отъ татаръ). Тамъ „дашутъ (черкашане) мѣщане и бояре въ поле, гдѣ хотятъ“; земля (въ Каневскомъ повѣтѣ) не только издавна была свободна, пока вн. Путивльскій не ввелъ десятины; тамъ (въ Барѣ) „поля

⁴³³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

повуцать не нужно, но кто имѣеть плугъ и воловъ, можетъ ороть, сколько хочетъ". Жители тамошнихъ волостей говорили: „своего не имеемъ, одно Божіе, да господарское“⁶²⁴). Спрашивается, гдѣ тутъ какое-либо *ладънѣе*, хотя бы и общинное? Самъ г. Владимірскій-Будановъ понимаетъ, что тутъ владѣнія въ собственномъ смыслѣ нѣтъ: „Хотя такое общее пользованіе первоначально возникаетъ не изъ принадлежности правъ какой-либо группѣ населенія (*sic*), а изъ отсутствія чьихъ-либо правъ; хотя пустыня разсматривается, какъ *res nullius*, или по древне-русскому воззрѣнію, какъ земля Божья да государева, но, въ концѣ концовъ, такой порядокъ проникается уже юридическимъ сознаниемъ: члены общины, мѣщане и бояре, защищаютъ его судомъ противъ своихъ старостъ“. Что защищаютъ мѣщане и бояре противъ старостъ? Вѣдь не исключительное свое право пахать и сѣять на земляхъ, которыя были *res nullius*, пустынею, съ исключеніемъ отсюда старостъ? Я думаю, что г. Владимірскій-Будановъ не рѣшится утверждать этого, и не это онъ, повидимому, хотѣлъ сказать, хотя логически выходитъ изъ его утвержденія именно это заключеніе. Мѣщане и бояре защищаютъ свои права только на ту землю, которая для нихъ ограничилась или естественнымъ путемъ, или въ силу пожалованія, какъ это видно изъ тѣхъ фактовъ, которые приводитъ самъ же г. Владимірскій-Будановъ (на 384 стр.). Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта ограниченная земля вся находилась въ общемъ владѣніи и пользованіи волости. Для этого г. Владимірекому-Буданову нужно было бы доказать, что въ чертѣ ея не было участіевъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, переходившихъ по наслѣдству, покупавшихъ, или, по крайней мѣрѣ, что выше частнаго права надъ участками стояло право общины. Но онъ не только не доказываетъ этого, а утверждаетъ какъ разъ противное. „Владѣя огромными пространствами свободной земли, община-волость нисколько не заинтересована ограниченіемъ правъ на имущество тѣхъ лицъ, которыя своею личною предприимчивостью образуютъ экономическіе культурные оазисы среди лѣсовъ и степей, заводятъ пасѣвныя хутора и проч. Наоборотъ, община скорѣе заинтересована въ пользу этихъ частныхъ предпріятій, которыя въ цѣломъ даютъ ей большую экономическую силу. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда подобная частная окупація идетъ во вредъ цѣлой общины или другихъ частныхъ лицъ, наступаетъ необходимость ограниченій. Словомъ, подъ обширною сферою цѣлой волости свободно

⁶²⁴) Кіевскій Сборникъ, стр. 383.

въ 1590 году писалъ въ Поддѣврскія волости: „А вторые будутъ у васъ земли пустошскіе або люди голтыиные, абы те по себѣ *розметнули* на большого болшей, а на меншого меншей, *какъ здавна бывало*, абы ни одинъ грѣшъ дажи малое на васъ не осталъ“⁶³⁶). Въ Поддѣврскихъ волостяхъ, такимъ образомъ, дѣло крестьянскихъ властей усложнилось „розметаніемъ“, которые они налагали на членовъ волости для покрытія недоимокъ. Они плохо справлялись съ этою задачею, и правительство ежегодно посылало къ нимъ писарей своихъ „править недоимкою“, которые своими „въздами“ еще болѣе увеличили недоимки волостей. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, не безупречна была и дѣятельность самихъ крестьянскихъ властей. Королю Сигизмунду жаловались всѣ люди Вобруйскіе, „якъ старцы частыи меты мечуть на волость, а тыи пенязи беручы на свои потребности оборочають“. Вслѣдствіе этого король предписалъ мѣстному державцѣ: „старцы тыкъ розметовъ сами вшо не мають на волости метати; нижли, воли на ихъ потребу волостную пенязей потреба вважеть, тогда они мають, зволившыся вся волость и весположъ съ старцы, объявити то враднику твоей милости, а врадникъ маєть имъ прядати вижа, передъ которымъ они вижомъ мають на всю волость розметъ винути таъ, якъ бы сума не превышала, одно толко, колко бы имъ на тую потребу пенязей ввазывало“⁶³⁷).

Разметы приходилось дѣлать, какъ видно изъ приведенной выдержки листа короля Сигизмунда, не только для пополненія недоимковъ дани, но и на разныя другія „волостныя потребности“. Такъ, освобождая Старцеву волость отъ обязанности сообщать съ Торопецкою волостью „поднимать“ стаціями (вормами) и подводами писаря, въѣзжавшаго за сборомъ дани, великій князь Александръ писалъ въ своемъ листѣ: „мають они особно свои стаціи и проторы въ свою волость сами розметывати“⁶³⁸). Разметы приходилось дѣлать крестьянскимъ властямъ вообще при отправленіи экстраординарныхъ повинностей, ложившихся цѣликомъ на всю волость, въ родѣ, напр., подводной или городской работы. Король Сигизмундъ въ 1511 году подтвердилъ замянину бѣльскому Николаю Петрыковскому двѣ земли пустошскихъ въ Бѣльскомъ повѣтѣ, Пухмовщину и Гриневщину, данныхъ ему до воли господарской намѣстникомъ Бѣльскимъ Николаемъ Миколаевичемъ Радивиловичемъ еще при королѣ Александрѣ, съ такими

⁶³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 329.

⁶³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 172—174.

⁶³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107; Акты Зап. Рес. I, № 146.

условіями: „а съ того маєть *порубы* до гасвнива давати и буницу, и дань медовую, и обѣдъ нашъ зъ иншими людьми поднимати, а службы тяглое и дякла, и *порубовъ* подводныхъ, и иныхъ тяглыхъ поачоуе не надобно ему съ тое земли платити подлугъ листу пана Миколая“⁶³⁹). Люди господарскіе волости Непоротовской, Осташко со своими поплечниками, жаловались въ 1533 году воеводѣ Полоцкому на людей полоцкой боярыни Ульяны Михайловой Сеньковича Войлю и его товарищей Могильнянъ: „которая городня (стѣна въ замѣ Полоцкомъ) положона на насъ робити, и мы есмо межи собою для наймованія плотниковъ ку работѣ тое городни *пометъ* положили, а они того помету не хотять намъ помочи платити, а намъ однимъ самымъ съ тяжкостью его заплатити“⁶⁴⁰) и т. д. Впрочемъ, и отправленіе экстраординарныхъ повинностей во многихъ волостяхъ было до извѣстной степени опредѣлено и упорядочено, такъ что крестьянскимъ властямъ и тутъ приходилось дѣйствовать въ установленныхъ рамкахъ и границахъ. Такъ, напр., въ отношеніи подводной повинности волость дѣлилась на „недѣли“, и каждая такая часть должна была ставить въ извѣстномъ пунктѣ и держать на готовѣ подводы въ ожиданіи господаря или его пословъ и гонцовъ. Такъ, напр., королю Сигизмунду въ 1528 году повѣдалъ князь Юрій Ивановичъ Гольшанскій, „иже мы, — гласить привилей короля, — первѣй сего дали ему село въ Бобруйской волости на имя Балашевичи; лечъ тыхъ двухъ сель, *што въ той же недѣли Балашовской, Приваличи и Ивановичи*, ему есмо не дали“; князь просилъ короля подтвердить ему село на вѣчность и вызволить его „отъ работъ замковыхъ, то есть Кіевского и Бобруйского и иныхъ замковъ нашихъ (господарскихъ), и отъ *недѣли* Бобруйское, и отъ подниманья стацей пословъ и гонцовъ, и отъ всякихъ иныхъ служобъ и полатковъ нашихъ (господарскихъ) и тежъ врадниковъ нашихъ“, — что и было исполнено королемъ⁶⁴¹). Въ поясненіе къ тому, что значило освободить отъ недѣли Бобруйской, можно привести жалобу старца и всѣхъ людей Бобруйской волости Виленской половины, принесенной въ 1529 году на людей пана Венцлава Костевича Зубаревичей и Колчичанъ. „Здавна, за отца нашего Казимира короля его милости, — гласить судебный листъ Сигизмунда, — *недѣли подвоудъ по слову зъ ними стерживали*, и города и мосты робливали, и въ

⁶³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 44. Срав. Ревизію пущъ и переходовъ авѣршинныхъ, стр. 272, 335, 343, 344, 352, 353.

⁶⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 125, 126.

⁶⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 393.

подачкахъ и во всякихъ розметѣхъ имѣ помогивали, а теперъ имѣ въ томъ ни въ чомъ помогати не хотять“⁶⁴²).

XXX.

Крестьянскія власти помогали намѣстникамъ - державцамъ не только въ надзорѣ и распоряженіяхъ по дворнымъ работамъ, но и по сбору съ господарскихъ крестьянъ разныхъ натуральныхъ и денежныхъ податей и платежей, которые намѣстники - державцы передавали въ скарбъ великаго князя или въ центральный городъ области. Одною изъ самыхъ распространенныхъ натуральныхъ податей было, какъ мы уже видѣли выше, *дьякло*, взимавшееся рожью (иногда пшеницею), овсомъ, сѣномъ и дровами съ прибавкою куръ и яицъ, и *мезлева*, взимавшаяся живностью: яловицами, баранами, свиньями, курами и яйцами. Относительно дьяволъ король Сигизмундъ въ инструкціи 1529 года предписывалъ державцамъ жито и овесъ собирать натурою „о светомъ Симонѣ Іудѣ“ и „суполно“ отдавать городничимъ; „которое жыто и овесъ городничіи наши, въ каждомъ повѣтѣ кожного году мають водлѣ торгу продавати, а пѣнязи до скарбу нашего отдавати“. Куръ и яйца король оставлялъ для кухни своей, а въ небытности его державцы должны были брать за курицу и десять яицъ грошъ и отдавать деньги въ скарбъ⁶⁴³). Что касается сѣна, дровъ и пентиниковъ (?), то державцы, по инструкціи 1529 года, должны были собирать ихъ „пѣнязьми“ и по старому отдавать „на врьдѣ замковый“, т. е. городничему. *Городничіе* существовали въ центральныхъ замкахъ областей, бывшихъ главными базисами ихъ обороны. Должность ихъ состояла въ надзорѣ за исправностью укрѣпленій, въ снабженіи ихъ всѣхъ необходимымъ, въ надзорѣ и руководствѣ постройкою и починкою укрѣпленій. Хлѣбъ и овесъ, который они собирали, предназначался собственно на содержаніе „залогѣ“, или гарнизона, и продавался ими только въ тѣ годы, когда не было надобности содержать гарнизоны въ крѣпостяхъ. По актамъ городничіе въ предѣлахъ собственной Литовской земли являются въ Вильнѣ, Трокахъ, Новгородеѣ, Городнѣ и Ковнѣ; на такъ называемой Руса литовской—въ Минсѣ⁶⁴⁴); на Подляшѣ — въ Берестѣ и Каменцѣ⁶⁴⁵); затѣмъ — въ

⁶⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 22.

⁶⁴³) Арт. 9 и 10 уставы 1529 года.

⁶⁴⁴) Лит. Метр. кн. Запис. VIII, л. 115.

⁶⁴⁵) *Bonieskiego* Poczec rodów. Spis urzędników i dygnitarzy, str. IX.

Полоцкѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, Киевѣ, Луцкѣ ⁶⁴⁶⁾, Владимирѣ ⁶⁴⁷⁾ и Кременцѣ ⁶⁴⁸⁾. Намѣстники - державцы по общему правилу должны были доставлять дьяла городничимъ тѣхъ замковъ, въ которыхъ ихъ волости вообще танули судомъ и управою. Но за дальностью разстоянья бывали и исключенія; такъ, напр., державца Волковыйскій отдавалъ дьяла и колодину городничему Городенскому, а не Троцкому ⁶⁴⁹⁾. Точно такъ-же и въ военное время направленіе дьявольнаго хлѣба мѣнялось по распоряженію центральной власти. Такъ, въ 1535 году долженъ былъ идти дьявольный хлѣбъ въ Киевъ: 500 бочекъ съ Городна, съ Мельника 100 бочекъ, съ Каменца тоже 100, съ Слонима 200 ⁶⁵⁰⁾. Намѣстники - державцы и до 1529 года собирали дьяла и, какъ это видно изъ записной книги пожалованій короля Казимира, даже расходовали его по господарскимъ „звитацеямъ“, или ассигновкамъ, до сдачи городничему ⁶⁵¹⁾. вмѣстѣ съ дьяломъ городничему шла и *колодина*, о которой упоминаютъ многочисленныя заставныя листы короля Сигизмунда ⁶⁵²⁾. Судя по названію, колодиною называлась повинность представлять для замковыхъ укрѣпленій колоды или же платить за нихъ деньгами. Иногда вмѣстѣ съ дьяломъ шли и *глинные пенязи*, какъ напр. съ Перелайской волости собиралось „жито дьявольное и овесъ и сѣно подьявольное, а полтина глинная“ ⁶⁵³⁾. Глинные пенязи брались, очевидно, взамѣнъ обязанности доставлять глину на постройку укрѣпленія. — Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ и Задвинскихъ, состоявшихъ изъ данниковъ, дьялу соотвѣтствовала *житищина*, взимавшаяся и деньгами, и натурою. Относительно Задвинскихъ волостей приведено было свидѣтельство источниковъ въ началѣ очерка, а относительно Поднѣпрскихъ волостей такое же свидѣтельство находимъ въ судномъ листѣ великаго князя Александра по дѣлу волости Свислоцкой съ людьми бояръ Котовичей о воженьѣ житищины до замковъ господарскихъ ⁶⁵⁴⁾.

⁶⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 31.

⁶⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 220.

⁶⁴⁸⁾ *Wojenskiego* Roczet godów, str. IX.

⁶⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

⁶⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 202—206; 235.

⁶⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 49, 82, 83.

⁶⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110, 113, 114, 156, 280, 231; X, л. 13, 14, 16, 17, 23, 24, 47, 48.

⁶⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 63. Срав. X, л. 31.

⁶⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

Что касается *мезеловы*, то инструкция 1529 года предписывает собирать ее деньгами: за яловицу тридцать грошей, за курицу и десять яиц один грош. Ранѣе *мезелева* взималась намѣстниками-державцами натурою. Въ 1516 году король Сигизмундъ, заставивъ дворъ Довеги пану Богушу Боговитиновичу въ 600 копахъ грошей, выговорилъ себѣ: „маеть онъ съ того двора нашего въ каждый годъ намъ давати по шестидесять бочокъ жита а по шестидесять бочокъ овса, а по шестидесять возъ сѣна (слѣдовательно, это было дякло), а *мезелева* сполна, *яловицы* и *вепри* и *иные речи*, маеть съ тоей волости намъ давана быти каждый годъ подлугъ давного обычая“⁶⁵⁵). Подобное же условіе встрѣчаемъ въ заставномъ листѣ, выданномъ въ томъ же году кн. Василью Андреевичу Полубенскому на дворъ Жолудокъ⁶⁵⁶). Въ заставномъ листѣ на дворъ Ониешты, выданномъ въ томъ же году пану Миколаю, старостичу Жомойтскому, находимъ и объясненіе этой натуральной подати. „Маеть онъ,—читаемъ здѣсь,—съ того двора нашего въ каждый годъ намъ давати по сту бочокъ жита и по сту бочокъ овса, а *спижю великоденную* и *колядную*, *яловицы* и *бораны* и *ишіи речи* мають съ того двора на насъ даваны быти въ каждый годъ по давному“⁶⁵⁷). Итакъ, *мезелева* — своего рода праздничное приношеніе, которымъ обязаны были крестьяне по отношенію къ своему государю. *Мезелева*, впрочемъ, не всегда при „заставахъ“ дворовъ шла господарю, а часто и его кредитору. Въ 1517 году король заставилъ пану Якубу Кунцевичу въ 400 копахъ грошей дворы Троцкого повѣта Волканики и Лепунъ съ ихъ волостями, при чемъ въ условіяхъ заставы между прочимъ поставилъ: „и коли прѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ тогда маеть онъ насъ стаціями поднимати и *мезелевою*, бо есмо тую *мезелеву* дали ву его рукамъ для того: коли мѣшкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ току *мезелевою* поднималъ“⁶⁵⁸). Приведенныя выдержки заставныхъ листовъ косвеннымъ образомъ указываютъ и на то, что дякла и *мезелева* собирались намѣстниками - державцами, которые были, такъ сказать, передаточными инстанціями для этихъ податей между крестьянскими властями съ одной стороны, городничимъ и самимъ господаремъ съ другой. Терминъ „*мезелщина*“, встрѣчающійся въ жалованной грамотѣ, выданной въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому на

⁶⁵⁵) Литов. Метр. кн. Занис. IX, л. 110.

⁶⁵⁶) Ibidem., л. 113, 114.

⁶⁵⁷) Ibidem., л. 156.

⁶⁵⁸) Ibidem., л. 158.

дворъ Молодечно съ волостью, указываетъ, повидимому, на то, что въ отдаленныхъ отъ центра волостяхъ государства мезлева, кажется уже ранѣе 1529 года взималась деньгами, а не натурой. Впрочемъ, это пока одна только догадка. Особую, сходную съ мезлевою, подать, именно *яловищину*, плату за яловицы, вносили деньгами водости Витебской земли ⁶⁵⁹⁾, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ эту подать собиралъ намѣстникъ - державца ⁶⁶⁰⁾. Нѣкоторые изъ Витебскихъ водостей вмѣсто яловищины платили *коневщину*, т. е. плату за коней, которыхъ они въ былое время давали господарю ⁶⁶¹⁾.

Къ натуральнымъ податямъ, которыя собирали намѣстники-державцы и тивуны, относились и дани: медовая, бобровая, вуничная и др. Въ 1495 г. великій князь Александръ, ивѣщая приказника и мужей волости Дмитровской въ Смоленскомъ повѣтѣ объ отдачѣ ея „въ держанье до живота“ писарю Ивашу Сопѣжичу, писалъ между прочимъ: „А што тамъ въ васъ дани наше идетъ намъ, грошей и меду, и бобровъ, и кунницъ, тую дань казали есмо ему, збираючи на васъ, и слати до скарбу нашего“ ⁶⁶²⁾. Меду данные, бобры и кунницы и въ уставѣ 1529 года являются въ числѣ тѣхъ дворныхъ доходовъ, которые должны были собирать державцы, и въ которыхъ они обязаны были давать отчетъ предъ господарскими писарями-ревизорами два раза въ годъ, весной и осенью ⁶⁶³⁾; то же самое и въ уставѣ, данной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ водостей ⁶⁶⁴⁾. Исключеніе въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, составляли только волости Поднѣпрскія и Задвинскія, которыя сами отправляли дань до скарба и ключей Виленскаго и Троцкаго, а „недоимковъ править“ приказали въ нихъ писари. Впрочемъ, бывали случаи, когда сборъ дани и въ этихъ волостяхъ поручался мѣстнымъ державцамъ. Въ 1529 году король Сигизмундъ взялъ изъ рукъ дворянина Никифора Бобовдова волость Олучицкую за то, что онъ въ ней „нерядне ся справовалъ“, велѣлъ „кромъ жадное прычины“ повѣситъ старца волостного, которому далъ старчење самъ король, а волости подѣлалъ „крьвды и драпежства великій“. Вмѣстѣ съ тѣмъ король написалъ державцѣ Кричевскому кн. Василью Семеновичу Жилинскому, „ижъ бы онъ

⁶⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 12; VI, л. 280, 281.

⁶⁶⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 86

⁶⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 280, 281.

⁶⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Зап. VI, л. 62.

⁶⁶³⁾ Арт. 26, 32.

⁶⁶⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 2, 3, 12.

тую волость въ замѣу нашему Крычовскому держаль и тую дань, тридцать копѣ грошей, всю сполна въ каждый голъ выбравшы, до скарбу нашего отсылалъ“ ⁶⁶⁵). Въ данномъ случаѣ державца собиралъ дань денежную, которую только и платила волость; но есть примѣры участія намѣстниковъ-державцевъ въ сборѣ и натуральной подати съ Подиѣвскихъ волостей. Въ 1533 году король Сигизмундъ, освободивъ волость Бобруйскую отъ вѣзда писарей за собираніемъ дани, писалъ мѣстному державцѣ: „старцы сами посполъ въ вижомъ врадника твоей милости, подѣ свѣдомомъ его, мають сполна вси дани наши, яѣз гроши, таѣз и медѣ и бобры и кунницы, vybrати и меду посполъ съ тымъ вижомъ отвовити до ключа нашего на рокъ, на Божье Нарожене, а пенязи на запусы великии до скарбу нашего“ ⁶⁶⁶). Изъ приведенныхъ примѣровъ видно также, что и денежная дань въ большинствѣ случаевъ собиралась намѣстниками-державцами.

Кромѣ дани и дяела, бывшаго своего рода данью, намѣстники-державцы собирали съ крестьянъ и разные другіе платежи натурою, какъ напр., солью (съ соляниковъ), рыбою (съ рыболововъ), углемъ (съ угольниковъ), рудою (съ рудниковъ), льномъ, хмелемъ (въ Жмудской землѣ шли пенязи льняные и хмелевые) ⁶⁶⁷), санями, рогатинами и т. д., смотря по специальнымъ службамъ крестьянъ, описаннымъ въ началѣ настоящаго очерка.

Намѣстники-державцы, по инструкціямъ 1514 и 1529 годовъ, собирали съ крестьянъ и *осадное*, т. е. тѣ денежные оброки, которыми замѣнялись издѣльные повинности крестьянъ по распоряженію самихъ намѣстниковъ-державцевъ или по распоряженію высшей власти ⁶⁶⁸). Къ этому разряду можно отнести и *подать съ сохъ*, которую установилъ король Сигизмундъ въ Жмудской землѣ въ 1527 году. Видя разореніе крестьянъ отъ дѣйствовавшей въ этой землѣ системы податей и повинностей, король вызволилъ ихъ „отъ всѣхъ посадей и платовъ и доходовъ“ господарскихъ и предписалъ: „мають они намъ давати съ сохи воловоѣ по пятнадцати грошей, а съ конскоѣ сохи по поль-осма гроша; а кто не маеть воловъ а ни влячи, ино отъ земли пять грошей; а куничники мають намъ давати кунцы водлѣ давного обычая, а отъ сохъ ихъ воловыхъ по поль-осма гроша, а отъ конь-

⁶⁶⁵) Лит. Метр. кн. Зап. VII, л. 531, 532.

⁶⁶⁶) Лит. Метр. кн. Зап. XV, л. 172—174.

⁶⁶⁷) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 3.

⁶⁶⁸) Лит. Метр. кн. Зап. XII, л. 142.

скихъ по половицы того“ ⁶⁶⁹). Въ 1529 году эта подать была увеличена вдвое, но за то куничникамъ была дана льгота—вмѣсто 16 грошей вносить за кунцу 12 грошей и 3 пенязя державцамъ и тивунамъ, „кто будетъ выбирати куничные пѣнязи“ ⁶⁷⁰). Платы съ сохъ выбирали также державцы и тивуны, которымъ король, посылая въ 1530 году ревизора въ Жмудскую землю, писалъ: „А кто будетъ зъ васъ платъ нашъ пѣняжный, отъ сохъ и за инны пожитыи уставленный, того году до сварбу нашего не отдашь, того всего казали есмы ему достаточнѣ доведатися“ ⁶⁷¹). Къ „платамъ вровичнымъ“, которые собирали намѣстники-державцы, относился и *чиншъ*, который давали господарскіе подданные съ волокъ чрезъ своихъ войтовъ ⁶⁷²). Чиншъ въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства брался не только съ волокъ, а и съ земель неразвѣренныхъ, соотвѣтствуя „врову“ или „оброку“ въ восточныхъ областяхъ. Такъ, въ 1505 году король Александръ подтвердилъ пану Мивитѣ Чапличу село Радоховку въ Жуковской волости Луцкаго повѣта между прочимъ „съ цыншы“ ⁶⁷³). Король Сигизмундъ въ 1508 году, заставивъ пану Федору Янушевичу замокъ Владимиръ со всеми его дворами, фольварками и волостями, въ числѣ доходныхъ его статей обозначилъ и „цинши“ ⁶⁷⁴). Въ 1511 году онъ подтвердилъ пану Григорью Станиславовичу Остиковича дворъ Кгекужинъ въ Троцкомъ повѣтѣ съ дворцами, при чемъ въ числѣ доходныхъ статей этого имѣнья опять-таки обозначены „цинши“ ⁶⁷⁵). Въ инструкціи, данной державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта, поэтому въ числѣ доходовъ, которые должны были собирать державцы, являются и „пенязи чиншевыи“ (арт. 37).

Взамѣнъ издѣльныхъ повинностей брались и разныя другія подати, мелкія, соотвѣтствовавшія той или другой повинности въ частности, въ собираніи которыхъ намѣстники-державцы также принимали извѣстное участіе. Такъ, въ 1499 году великій князь Александръ подтвердилъ Ивашку Пашкевичу семь дворищъ въ Мельницеой волости Луцкаго повѣта „зъ данью грошевою и медовою, и съ тою пошлиною, што на замокъ нашъ Лучоскъ, старостѣ на полюдьє, на годъ дають

⁶⁶⁹) Акты Зап. Рос. II, № 149, 1.

⁶⁷⁰) Ibidem, № 160, арт. 2, 4.

⁶⁷¹) Ibidem, № 149, II.

⁶⁷²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

⁶⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 238.

⁶⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 199.

⁶⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 549, 550.

по копѣ грошей, и *зъ сторожовщиною*, и што за дрова даютъ на горѣдь по дванадцати грошей, и жито и овесъ и сѣно даютъ ⁶⁷⁶⁾. Сторожовщина бралась и по волостямъ Полоцкой земли на содержанье перевоза на Двинѣ близъ города Полоцка ⁶⁷⁷⁾ и вообще на содержанье городскихъ сторожей ⁶⁷⁸⁾. Въ Поднѣпрскихъ волостяхъ взималась *дубасчина* или *дубасное*, суда по названію, — взаменъ обязанности ставить барьи, или дубасы, на Днѣпрѣ для казенныхъ надобностей ⁶⁷⁹⁾.

XXXI.

По отдѣльнымъ мѣстностямъ намѣстникамъ - державцамъ приходилось собирать и разныя другія подати и налоги съ крестьянъ. Такъ, въ землѣ Киевской и Подольской они собирали *подымщину* (обыкновенно на третій годъ черезъ два) съ крестьянъ не только государскихъ, но и владѣльческихъ, пока государь не предоставилъ права владѣльцамъ собирать подымщину съ своихъ крестьянъ въ свою пользу. Распоряженіе это въ Киевской землѣ состоялось въ 1529 году, а въ Подольской еще въ 1507 г. ⁶⁸⁰⁾.

Въ землѣ Волинской намѣстники собирали съ государскихъ и владѣльческихъ крестьянъ *волощину*, пока владѣльцы не получили ее въ свою пользу ⁶⁸¹⁾. Волощину собирали намѣстники - державцы также и въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Киевской земли, а именно: въ Звягольскомъ, Житомирскомъ, Чудновскомъ и Мозырскомъ, а также и въ повѣтѣ Свислоцкомъ, который нѣкогда входилъ въ составъ Киевской земли. Въ книгѣ денежныхъ и хлѣбныхъ раздачъ короля Казимира находится между прочимъ слѣдующая записъ: „пану Сенюше Романовичу (намѣстнику—Житомирскому) и бояромъ житомирскимъ 100 копѣ и полъ 65 копѣ *волощинныхъ*“ ⁶⁸²⁾. Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ дворянину Счастному Полозовичу село Жаховичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, съ котораго шло на короля: дани шесть копѣ грошей, три полуболодки и ведро меду, четыре бобра и двѣ ку-

⁶⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 97. Срав. *Źródła dziejowe*, tom. VI, str. 100.

⁶⁷⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 175; Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 209, 210.

⁶⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 219, 220.

⁶⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83; XV, л. 18, 65—67.

⁶⁸⁰⁾ Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VII, т. II, № 1; Акты Зап. Рос. II, № 26, 30, 164.

⁶⁸¹⁾ Акты Запад. Рос. I, № 201; Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36.

⁶⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 27.

ницы; воловщины — тринадцать грошей, помѣрнаго — два гроша, доводничаго, тивунщины и данничаго полтретья ведра меду и двадцать грошей⁶⁸³). Въ 1506 году король Сигизмундъ выдалъ князю Константину Ивановичу Острожскому слѣдующій привилей: „которые люди его и тежь люди бояръ его у-въ Острожъ и въ Полономъ, и въ Дубнѣ, и въ *Этлм*, и въ *Чудновъ*, и въ *Туровъ*, и въ Здѣтелѣ, въ тыкъ его замкохъ и въ иныхъ его дворѣхъ, которые онъ гдѣ маєтъ у отчинѣ пашой, великомъ князествѣ Литовскомъ, вавжды, за предковъ нашихъ, *воловоцину* даивали, мы зъ особливое ласки наше и тежь для его службы *воловоцину* людемъ его и тежь людемъ бояръ его отпустили; вждо отъ тыхъ часовъ люди его и тежь люди бояръ его воловщины не маюць давать намъ и нашимъ наслѣдомъ вѣчно“⁶⁸⁴). Изъ этого видно, что до 1508 года воловщину съ Звягля и Чуднова собиралъ и отдавалъ великому князю кн. Острожскій; но Звягль и Чудновъ были вѣогда великокняжескими волостями, и въ это — то время воловщину собирали съ нихъ великокняжескіе намѣстники. Король Сигизмундъ отпустилъ людемъ князей Вишневскихъ и пановъ Коговичей въ Свислоскомъ повѣтѣ, „старыи пошпины: дубасчыну, *воловоцину*, сѣнничое, што тые люди ихъ хожидали въ Рудоминѣ сѣна косити“⁶⁸⁵) и т. д.

Въ Брянскомъ повѣтѣ аналогичная съ подымщиною и воловщиною подать называлась *поголовщиною* (объектомъ обложенія былъ здѣсь рабочій человекъ). Въ книгѣ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Князю Дмитрею Путятичу на вождный годъ по двадцати копъ грошей зъ мыта Браньского и съ ворчомъ, поки Браньскъ держитъ, а ему жъ по тринадцати кадей меду прѣсного зъ дани на вождный жо годъ, а по двадцати копъ грошей съ поголовщины на кождный жо годъ, поки Браньскъ держитъ“⁶⁸⁶). Въ 1496 году великій князь Александръ, пожаловавъ князю Тимошею Капустѣ дворъ Лопашъ въ Брянскомъ повѣтѣ съ четырьма людьми и одного человекъ данника по имени Сытича, написалъ въ привилей: „а поголовщину съ тыхъ людей отпустили есмо ему“⁶⁸⁷). Ясно, такимъ образомъ, что поголовщина была прямая подать въ Брянскомъ повѣтѣ, собиравшаяся съ крестьянъ намѣстниками въ пользу господаря.

⁶⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 4.

⁶⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 319—321.

⁶⁸⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 18.

⁶⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26.

⁶⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.

Къ числу такихъ же податей принадлежала и смоленская *посощина*, взимавшаяся со всѣхъ тѣхъ селищъ, съ которыхъ не шла боярская служба⁶⁸⁾. Военная служба слугъ не освобождала отъ посощины. Такъ, великій князь Александръ въ 1493 году пожаловалъ Богдану Сопѣжичу „дву чоловѣковъ у Смоленскомъ повѣтѣ у Еленской, волости на имя Гридка бортника зъ братьею Нефедковичовъ а Василя зъ братьею Щербиновыхъ“, при чемъ намѣстникъ Смоленскій писалъ о нихъ: „тотъ Гридко зъ братьею данный человекъ, давалъ намъ кады меду прѣстного, а тотъ Василь зъ братьею давали въ казну нашу (господарскую) полтину грошей, а посощины шестьнадцать грошей, а служба съ нихъ доспѣшная“⁶⁹⁾. Посощина въ Смоленской землѣ взималась съ крестьянъ не только господарскихъ, но и владѣльческихъ, и шла въ смоленскую казну, пока владѣльцы по земскому привилею 1457 года не получили ея въ свою пользу. По крайней мѣрѣ, при Александрѣ и Сигизмундѣ владѣльцы крестьянъ собираютъ ее уже въ свою пользу. Въ 1602 году король Александръ подтвердилъ князьямъ Ивану и Тимоѳею Филипповичамъ Крошинскимъ имѣнья ихъ отчинныя въ Смоленской землѣ со всѣми людьми—данниками, слободичами и куничниками, со всѣми ихъ землями и угодьями „и зъ данными грошовыми и медовыми, и куничными, и бобровыми, и *посощинами*, и съ серебряными, и всякими иными поplatки и податями“⁷⁰⁾. Посощина въ Смоленской землѣ древнѣе литовскаго владычества: она существовала и въ тѣхъ частяхъ, которыя отторгнуты были отъ нея ранѣе окончательнаго утвержденія литовскаго господства, напр., въ княжествѣ Мстиславскомъ⁷¹⁾.

Всѣ эти подати, повидимому, унаслѣдованы Литвою отъ временъ татарскаго ига, и различныя названія обозначаютъ различныя стадіи въ процессѣ обложенія татарскою данью. Въ Брянскомъ повѣтѣ, отъ котораго неподалеку имѣли свое мѣстопребываніе татарскіе баскаки, сохранился чисто татарскій способъ обложенія — поголовщина; въ Кіевской землѣ и на Подольѣ, гдѣ татары нѣкогда жили въ перемежку съ русскимъ населеніемъ, но гдѣ дань на татаръ собирали русскіе атаманы, установлена была подать, болѣе соотвѣтствовавшая платежнымъ силамъ населенія, но съ сохраненіемъ любимаго татарами числа—подымщина; въ Волынской землѣ и Смоленской подать эта, собирав-

⁶⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 55.

⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 77.

⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208.

⁷¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 27.

няая мѣстными князьями, еще болѣе приближалась въ дѣйствительнымъ платажнымъ силамъ населенія, будучи взимаема съ воловьего плуга или конской сохи, но опять таки съ сохраненіемъ числа. Объекты обложенія, впрочемъ, и въ одной мѣстности бывали различныя: такъ что на ряду съ посощиною или воловщиною существовала и подымщина; такая варіація была естественна при разнообразіи занятій и имущественной наличности. Такимъ образомъ, напр., въ княжествѣ Мстиславскомъ крестьяне платили посощину и подымщину, и какою-то тамщину (ямщину?) ⁶⁹²⁾, на Волини воловщину и подымщину ⁶⁹³⁾, въ Кіевской землѣ, какъ мы видѣли выше, подымщину и воловщину. Подымное или подымщина взималась также и въ Берестейско-Подляшской землѣ какъ съ мѣщанъ, такъ и съ волостныхъ людей ⁶⁹⁴⁾, между тѣмъ съ Подѣсья, примыкавшаго цѣлкомъ также къ Волини, взималась, какъ мы видѣли выше, воловщина.

Всѣ эти унаслѣдованныя отъ временъ татарскаго ига подати, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ предназначались на военныя издержки, на оборону отъ татаръ. Освободивъ въ 1509 г. князей, пановъ и землянъ Волинской земли отъ уплаты съ своихъ крестьянъ воловщины, король Сигизмундъ вписалъ въ привилей Волинской земли слѣдующее обязательство: „нижъли, коли панове рада наша великого князства Литовскаго для котороу великою потреби земскоу зволать который платъ съ своихъ людей дати; тогда князи и панове и вся шляхта Волинскоу земли мають намъ такоужъ тотъ платъ съ своихъ людей дати“ ⁶⁹⁵⁾. Посощина въ Смоленской землѣ вносилась въ мѣстную казну, которая расходовалась областнымъ начальствомъ также на военныя издержки, пушварямъ и другимъ служилымъ людямъ.

Въ самой Литовской землѣ, на Руси, въ землѣ Жмудской, Витебской и Полоцкой правительство для военныхъ цѣлей собирало подать со всѣхъ крестьянъ и мѣщанъ, которая называлась *серебщиною*; съ откѣною воловщины и подымщины подать эта стала собираться и въ Кіевской землѣ, и на Волини. Серебщина въ Литовско-Русскомъ государствѣ до половины XV вѣка была постоянною или, по крайней мѣрѣ, періодическою податью, которая взималась не только съ господскихъ крестьянъ и мѣщанъ, но и съ княжескихъ, панскихъ и боярскихъ „подданныхъ“. Очевидно, это была та самая подать (*tributum*),

⁶⁹²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 82; II, № 27.

⁶⁹³⁾ Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № CXLVI.

⁶⁹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 387—390, 448; XI, л. 31, 32.

⁶⁹⁵⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54.

платить которую обязаны были по Городельскому привилею 1413 года паны и бояре на ряду съ другими военными повинностями, постройкою и починкою замковъ, мостовъ и дорогъ. На военное назначеніе этой подати указываетъ латинское названіе ея въ земскомъ привилеѣ 1457 года—*contributio*. Едва ли она и не произошла отъ татарскаго *серебра*, которое взымалось съ русскихъ областей въ XIV вѣкѣ⁶⁹⁶): Литва, найдя эту подать въ русскихъ областяхъ и взявъ ее въ свое распоряженіе, распространила ее и на тѣ земли, которыя не уплачивали дани татарамъ, въ цѣляхъ общей борьбы съ татарами и другими врагами Литвы и Руси. На такое происхожденіе серебрины намекаетъ и то обстоятельство, что въ Смоленской землѣ и оторванномъ отъ нея Мстиславскомъ княжествѣ слово „серебщина“ было именемъ нарицательнымъ, замѣнявшимъ собою и подымницу, и посощину⁶⁹⁷). По земскому привилею 1457 года князья, паны, бояре и мѣщане были освобождены „отъ вытѣгненія серебщины“ постоянной, и то же самое было подтверждено земскимъ привилеемъ 1492 г.⁶⁹⁸). Но тѣмъ не менѣе государь по совѣту и согласію пановъ рады, на „валныхъ соймахъ“, на которые съѣзжалась военнотруженица знать государства, опредѣлялъ сборъ *серебщины* „для великое земское потребы“ со всѣхъ имѣній: государскихъ, духовныхъ, княжескихъ, панскихъ, боярскихъ,—съ мѣсть и волостей. Особенно часто серебщина стала назначаться въ эпоху напряженной борьбы, которая велась съ Московскимъ государствомъ въ первые годы Сигизмундова княженія и потребовала большихъ издержекъ отъ правительства. Серебщина, такимъ образомъ, превратилась во временную подать, которая собиралась во время приготовленій къ войнѣ или въ теченіе самой войны, и при томъ въ количествѣ, требовавшемся войною, а не въ определенной нормѣ. Такъ, напр., въ 1507 году князь-бискупъ, паны-рада, воеводы, князья, земляне, вдовы и вся вообще шляхта, бывшіе на сеймѣ въ Вильнѣ,—„зволили его милости господарю зъ людей своихъ на тотъ годъ серебщину дати съ воловоѣ сохи по шести грошей, а съ коньскоѣ сохи по три грошы; а хто землю держитъ подъ собою, а воловъ и клячь не маєтъ, а зъ земли пожыву маєтъ, тотъ однакъ три грошы маєтъ дати“⁶⁹⁹). Такъ было постановлено въ февралѣ 1507 г., но уже въ мартѣ того же года король, будучи на сеймѣ въ Городнѣ

⁶⁹⁶) Акты Зап. Рос. I, № 4.

⁶⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 208; Акты Зап. Рос. I, № 43, 82.

⁶⁹⁸) Акты Зап. Рос. I, № 61; *Zbiór praw litewskich*, str. 58—67.

⁶⁹⁹) Акты Зап. Рос. II, № 12.

съ цанами-радою, духовными и свѣтскими, и со всеми землями, (одни срой и всею великой нужды положили на всю отчину свою; великое княжество Литовское и даже на украинные города серебницу чьт такымъ размѣрѣ: „отъ воловъ сохи воловоѣ по пятнадцати грошей, а отъ коньскоѣ по полъосма гроша, а отъ челоуѣка, который соху не маеть, отъ земли по шести грошей, а отъ огороднива по три гроши.“⁷⁰⁰). Въ 1555 году серебница собиралась въ размѣрѣ 12 грошей съ воловой сохи, шесть съ коньскою и т. д.⁷⁰¹). Въ виду этого довольно странно читать у г. Исинскаго въ его примѣчаніяхъ въ сводному тексту уставныхъ грамотъ Литовско-Русскаго государства, что де „не дасть эта въ различное время взималась въ размѣрѣ 3 или 5 грошей“⁷⁰²).

На мѣста подать эта налагалась господаремъ съ „порадою“ на новъ-рады общию суммою. Такъ, король Казимиръ, подтвердивъ Константину греку купечное имѣ въ Новгородскомъ мѣстѣ „мѣстце“, съ котораго „не было никоторое погалия зъ мѣстомъ“, написалъ въ своемъ подтвердительномъ листѣ отъ 12 мая 1483 года: „И мы ему отпустили въ мѣстомъ никоторое погалия не тягунт и слышбы не слыжити; и подводѣ не давати, и серебницы малое и великое не платити ему и его дѣтемъ и ихъ щаткомъ“⁷⁰³). Великій князь Александръ, отнявъ въ 1493 году землю подъ мѣстомъ и въ мѣстѣ Смоленскомъ для владыки съ правомъ имѣть тамъ опредѣленное количество дворовъ, писалъ въ своемъ листѣ: „а тыхъ его людей на пому намѣстнику Смоленскому, а ни овольничамъ не судити, а ни радити, а никоторыхъ пошливъ съ нихъ на брани на себе: *николи, коли положимъ серебницку на все мѣсто, тогда посполу въ мѣстомъ макты ты его люди намъ давати доборъ и яные подачки, по тому, какъ пераѣ всего, издавна люди владычные, которые есмо взяли на насъ, давали намъ“*⁷⁰⁴). Въ волостяхъ Подиѣрскихъ и Задвинскихъ серебницу собица съ мѣстами платили и люди волостные, господарскіе и частновладѣльческіе, при чемъ серебница взималась здѣсь черезъ два года на третій, приближаясь такимъ образомъ въ постоянной подати, хотя размѣръ ея определялся по усмотрѣнію центрального правительства. Въ уставной

⁷⁰⁰) Акты Зап. Рос. II, № 17.

⁷⁰¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 200.

⁷⁰²) Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, I, стр. 138, пр. 167. Бѣвъ 1889.

⁷⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 114.

⁷⁰⁴) Акты Зап. Рос. I, № 144; I. Справ. *ibidem*, № 185; II, № 13, 70.

грамотѣ, данной около 1498 года Старцевой волости Торопецкаго повѣта, читаемъ между прочимъ: „А Торопчаномъ и соцкимъ Торонецкимъ не надобѣ въ нихъ вступатися, завѣдати ихъ старцу, и дань, и *серебщину*, и тивунщину збирати самимъ, опрочъ Торончанъ“ ⁷⁰⁵). Изъ этого видно, что въ собственной Торопецкой волости Торопчане, т. е. мѣщане, собирали серебщину сообща съ соцкими волостныхъ крестьянъ. Въ волости Могилевской бояре, мѣщане и люди данники давали сообща серебщину „завжды на третій годъ, колько мы господарь на нихъ положимъ“, какъ выражается уставная грамота короля Сигизмунда отъ 1514 года ⁷⁰⁶). То же было, напр., и въ волости Бобруйской, какъ это видно изъ заявленія людей этой волости обѣихъ половинъ, Виленской и Трощкой, поданнаго королю Сигизмунду въ 1583 г. ⁷⁰⁷).

Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда серебщина платилась сообща мѣстнымъ обществомъ, намѣстникамъ-державцамъ было мало дѣла по сбору ея: нужно было только побуждать мѣщанскія и крестьянскія власти къ собиранію ея и доставленію въ срокъ и въ полномъ количествѣ. Дѣло ихъ значительно усложнялось тамъ, гдѣ серебщина собиралась по сохамъ или земельнымъ участкамъ, и гдѣ имъ приходилось имѣть дѣло не съ цѣлымъ обществомъ, а съ частями его и даже съ отдѣльными плательщиками. Въ 1507 году, напр., король съ панами-радою „росказали тую серебщизну брати, тымъ обычаемъ: державци наши мають тую серебщизну выбирать, безъ всякого умѣнканья, кождый у своемъ повѣтѣ, зъ нашихъ людей; а хоружій кождый у своемъ повѣтѣ маєть выбирать зъ людей боярскихъ и дворянскихъ и вдовѣхъ и татарскихъ подѣ свѣдомомъ кождого державци нашего; а князей и пановъ радъ нашихъ зъ ихъ имѣней намѣстники ихъ мають обирати и до скарбу нашего отдавати и присѣгу чинити, потому жъ, какъ и наши владники, передъ подскарбимъ земскимъ, што справедливе, выбирали, ни одной сохи и ни одного гроша не втаили и до скарба нашего сполна отдали“ ⁷⁰⁸). При такомъ условіи намѣстники-державцы должны были принимать дѣятельное участіе въ сборѣ серебщины и контролировать ея взиманіе даже съ отдѣльных плательщиковъ.

⁷⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

⁷⁰⁶) Акты Зап. Рос. II, № 86.

⁷⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

⁷⁰⁸) Акты Зап. Рос. II, № 17.

Однородною съ серебряною была подать, известная подъ именемъ *ордынщины* и взимавшаяся едва ли не на уплату номинировъ Крымскому хану. Кромѣ названія, на это указываетъ и то обстоятельство, что подать эта взималась большею частью натурою, соболями и сукнами ⁷⁰⁹⁾. Подать эта раскладывалась общемою суммою по мѣстамъ ⁷¹⁰⁾ и по волостямъ Подиѣвскимъ, которыя платили ее сообща съ мѣстами, какъ и серебряную. Такъ, великій князь Александръ въ 1499 г. постановилъ такую резолюцію по дѣлу волости Свислочьской съ людьми бояръ Котовичей: „тыя люди Котовичовъ Горане а Бродчане, а Максимовичы съ людьми нашими Свислочьское волости мають всякую тягль тянути: и города рубити, и ордынщину давати, и дубащину платити, и пословъ и гонцовъ поднимати, и недѣли стеречи съ доводами у Свислочи на городищы и на рѣцѣхъ на Березыни и на броду, и мосты мають съ ними мостити, и въ Рудникохъ сѣно косити, и жатщину до замковъ нашихъ возити, и всякую тягль мають съ ними тянути, и ни въ чомъ не мають ихъ выдати“ ⁷¹¹⁾. Изъ инструкціи, данной въ 1533 г. пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольду, державшему волость Бобруйскую, узнаемъ, что Подиѣвскія волости въ тѣ годы, когда платили ордынщину, не платили серебряныя. „А шчо ся тычеть серебряныи и ордынщынны,—писалъ король,—мы до подскарбего земского пана Горносталя писали, естли будетъ сего року ордынщина съ якимъ выбрана, абы серебряныи съ нихъ брати не велѣлъ и казалъ имъ дѣломъ дати покой“. Изъ этой инструкціи видно также, что и въ Бобруйской волости въ платежѣ ордынщины участвовали частновладельческіе крестьяне, которые обязаны были платить своимъ панамъ только дань, а во всемъ остальномъ тянуть вмѣстѣ съ волостью ⁷¹²⁾. Кромѣ волостей Подиѣвскихъ, мы нигдѣ еще не встрѣчаемъ примѣровъ совмѣстнаго платежа ордынщины мѣстомъ и волостью, и утверждение г. Леонтовича, что ордынщина платилась городами съ повѣтами является, такимъ образомъ, слишкомъ широкимъ обобщеніемъ ⁷¹³⁾.

Такъ какъ ордынщина платилась сообща, общемою суммою, то и сборъ ея составлялъ внутреннее дѣло мѣщанскихъ обществъ, которыя уплачивали ее нерѣдко изъ своихъ общественныхъ доходовъ. Намѣстники - державцы были только передаточною инстанціей между

⁷⁰⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 193.

⁷¹⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 18, 61, 70, 168.

⁷¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

⁷¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 102, 103.

⁷¹³⁾ Киевскія Университет. Извѣстія 1863 г. № 11, стр. 33 и слѣд.

плательщиками и скарбомъ. Какъ бы то ни было, но ближайшимъ образомъ деспотарь возлагалъ обязанность сбора и ответственность за за него на намістниковъ - державцевъ. Въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1518 году королемъ Сигизмундомъ пану Бапушу Боговитновичу на замокъ Каменецъ съ повѣтомъ читаемъ: „доли платъ положимъ на все панство великое княжество Литовское, тогда съ волостныхъ людей масть намъ серебищну давати, а съ мѣста ордынщину, также и серебищну и который солье платъ положимъ“⁷¹⁴⁾.

XXXII.

Кромѣ податей натуральныхъ и денежныхъ, получившихъ въ изучаемое время (за исключеніемъ серебищны и ордынщны) значеніе помѣщичьихъ доходовъ, благодаря тому, что частнымъ владѣльцамъ предоставлено было право взимать ихъ съ крестьянъ въ свою пользу, — намістники - державцы собирали господарскіе доходы и съ разныхъ хозяйственныхъ оброчныхъ статей. Здѣсь на первомъ планѣ можно поставить земли пустовскія, которыя по инструкціи 1529 года державцы должны были „наймовати на пѣнзаци або на меду“, т. е. сдавать ихъ въ аренду. Примеры этой сдачи встрѣчаются и ранѣе 1529 года; такъ что инструкція подтверждаетъ то, что уже было и не только въ господарскихъ, но и въ княжескихъ и боярскихъ имѣньяхъ. Такъ, уже въ инвентарѣ двора Грезанъ, составленномъ въ моментъ перехода Киевской земли подъ управленіе великокняжескихъ намістниковъ, читаемъ: „Левонъ держать землю Ратовищину, а с тое земли хоживало семь ведеръ меду, а полюдья ведро меду, а две кунити; а ловчому чотыри гроши; бобровнику три гроши; ино тая земля мною лѣтъ залегла пуста, ничего с нее не хоживало; въ сий же годъ Левону дали изъ трестину дань давати, што бы тая земля пуста не лежала“⁷¹⁵⁾ и т. д. Князя Одоевскіе въ Бѣлицкой волости Смоленской земли продали боярину Мартину Болваницкому землю данную съ бобровыми гонами въ селѣ Чепиничахъ, а бояринъ отдалъ ее „изъ трети“⁷¹⁶⁾ челоуѣку Онофрейцу, который и сталъ ему давать дань вадъ меду и двадцать грошей⁷¹⁷⁾. Въ княжествѣ Мстиславскомъ пустыя селища отдавали крестьянамъ пахать „съ посемя“, за опредѣ-

⁷¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593; XI, л. 7.

⁷¹⁵⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи ч. VII, т. II, № 1.

⁷¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 57.

ленное количество грошей⁷¹⁷⁾. „Съ позему“ брали пахать пустошщины и въ господарскихъ волостяхъ Витебской земли, какъ это видно изъ одного заявленья намѣстника Лужосенскаго Молодена воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича, при чемъ такой порядокъ существовалъ, по словамъ листа воеводы, „за отца нашего (былъ намѣстникомъ въ Витебскѣ въ 1503—1508 г. г.) и за первыхъ воеводъ“⁷¹⁸⁾. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пустошщинъ было мало, земля была хорошая, намѣстникамъ - державцамъ удавалось иногда раздавать пустошщины во временное пользованіе съ тѣмъ, чтобы съ нихъ шла полная служба. Такъ, напр., въ Бѣльскомъ повѣтѣ землю Бакуновичину въ 1511 году держалъ одинъ крестьянинъ, служилъ съ нея службу и платилъ всѣ подати, имѣя въ то же время подъ собою свою отчину⁷¹⁹⁾. Но зато бывало иногда, что намѣстники - державцы раздавали крестьянамъ пустошщины за подарки, „съ поклона“, не требуя съ нихъ ничего въ пользу господарскую. Въ 1513 году у короля Сигизмунда просилъ землицы Берестейскій Сидоръ Ѳедоровичъ жеребей Говеновскій въ Берестейскомъ повѣтѣ: „а повѣдилъ передъ нами, — читаемъ въ жалованной грамотѣ Сигизмунда, — што жъ дей тотъ жеребей пусть, а отчича въ нему нѣтъ, ижели дей тыми разы нѣкоторые люди наши Берестейское жъ волости тотъ жеребей памуть безъ данины нашею, съ поклоновъ, а службы намъ съ него нѣтъ“⁷²⁰⁾. Земли, раздававшіяся съ поклоновъ, такъ и назывались *поклонными*. Такъ, намѣстникъ Кричевскій князь Василій Семеновичъ Жилинскій далъ, а король Сигизмундъ подтвердилъ въ 1523 году своимъ листомъ, боярину кричевскому Василію Кипріяновичу съ братьичами два селища пустыихъ, одно куничное Случаковское, а другое поклонное Васильевское⁷²¹⁾. Точно такъ же и въ Жмудской землѣ „отмети“ съ пустыихъ земель державцы и тивуны брали въ свою пользу, и только въ 1529 году король запретилъ имъ пользоваться этимъ доходомъ: „тежь отмети, которые бирали державцы и тивуны съ пустыихъ земель, того яко тивуны не мають на себе брати: то привлащамъ на насъ, абы тымъ рыхлѣй тые земли людьми были осажены“⁷²²⁾. Въ 1530 году, посылая въ Жмудскую землю писаря Андрея Мацковича, король пору-

717) Акты Зап. Рос. I, № 82.

718) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 48, 49.

719) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 13.

720) Ibidem, л. 212.

721) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 126.

722) Акты Запис. Рос. II, № 160, арт. 2.

чить ему между прочимъ раздавать пустошщины и выбирать съ нихъ „мѣдницы медовъ прѣсныхъ“ ⁷²³⁾.

За пользованіе лѣсными господарскими или крестьянскими пустошскими угодьями (бортями и ловами) намѣстники - державцы собирали „пенязи куничные и поборные“ ⁷²⁴⁾. Что эти деньги взимались за пользованіе лѣсными угодьями, на это намекаетъ то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ обширныхъ повѣтахъ деньги эти собирались гаевникомъ. Въ 1612 году король писалъ старостѣ Берестейскому пану Юрью Ивановичу Ильича: „мовили намъ подскарбіи наши, штожъ дей гаевникъ Берестейскій Оедько—пьяница и того враду не пилентъ, и которые дей пенязи поборные на людехъ побралъ, тые дей пенязи попропивалъ: и они на тотъ врадъ гаевництво обрали дворянина нашего Черневского“ ⁷²⁵⁾. Куничные и поборные пенязи упоминаются и въ заставномъ листѣ, выданномъ въ 1518 году пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Каменецъ, на ряду „съ гаевництвомъ“, „бобровничтвомъ“ и „лѣсничимъ“ ⁷²⁶⁾. — Не маловажную статью господарскихъ доходовъ составляли „буды“ или „купы“ въ пуцахъ. Устава 1529 года гласитъ о нихъ: „Тезъ при которомъ - больвевъ дворѣ нашомъ суть пожити съ куповъ въ лѣсѣ, то есть смолы, ванчосъ, клеши, попель, тое суполно на насъ заставуемъ“. Обыкновенно эта хозяйственная статья сдавалась въ аренду — на откупъ, — такъ что намѣстники-державцы, кромѣ надзора за правильностью ея эксплуатаціи, не имѣли въ ней никакого отношенія. Такъ, напр., въ 1515 году король Сигизмундъ отдалъ на откупъ нѣмцу Ганусу Вѣлому четыре буды въ Пуньской, Дорсунишской, Бириштанской и Вильвейской пуцахъ съ такимъ условіемъ: „маеть отъ тамъ дерево на вантусъ и клеши робити и попель жечи, а намъ маеть отъ того давати двѣстѣ пошь грошей на годъ,... а мыто намъ маеть платити по тому, какъ и ныи платять“. ⁷²⁷⁾ Примѣровъ непосредственной эксплуатаціи будъ, чрезъ господарскихъ крестьянъ, намъ не встрѣчалось въ актахъ изучаемаго времени, если только на такую эксплуатацію не указываютъ господарскіе дегтари, упоминавшіеся выше.

Наконецъ, намѣстники-державцы и тивуны должны были распоряжаться ловлею рыбы въ господарскихъ рѣкахъ и озерахъ, при чемъ

⁷²³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

⁷²⁴⁾ Арт. 37 устава 1529 года.

⁷²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 35.

⁷²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 598; XI, л. 7.

⁷²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 219.

двѣ части улова должны были продавать, а деньги отдавать въ скарбъ, а третью брали себѣ ⁷²⁸⁾; ранѣ этого намѣстники - державцы брали рыбы, сколько имъ было „на пожитокъ слупного“ ⁷²⁹⁾. Въ нѣкоторыхъ областяхъ господарскія рыбныя ловли отдавались на откупъ за деньги, какъ напр., въ Жмудской землѣ ⁷³⁰⁾.

XXXIII.

Намѣстники - державцы въ качествѣ главныхъ приказчиковъ въ господарскихъ имѣньяхъ не только должны были заботиться о поддержаніи и развитіи господарскаго хозяйства, о сборѣ и доставленіи доходовъ съ него господарю, но и обязаны были принимать и кормить господара съ его свитою въ случаѣ пріѣзда ихъ въ данное имѣнье, а равно господарскихъ пословъ и гонцовъ, поднимать ихъ „стаціями“, какъ говорилось въ то время, и доставлять имъ подводы для переѣзда до слѣдующаго имѣнья. Въ 1529 году король Сигизмундъ, отправляя послами къ великому князю Московскому пановъ Матея Войтеховича и Василя Богдановича Чижа съ дьякомъ Андреемъ Мацкевичемъ, писалъ державцамъ дворовъ, которые находились на пути въ Москву: Мѣдницкому, Опименскому, Кревскому, Красносельскому, Мѣнскому, Борисовскому и Рошскому: „И вы бы пану Матею и слугамъ его давали на каждомъ стану яловицу а десятеро куръ; въ постныи дни рыбъ и хлѣба и иныхъ стравныхъ речей съ потребу, а вшатокъ меду, а бочку пива въ три вшатки; а на кони его сѣна съ потребу и овса пять бочокъ, а къ тому паству на кони; тежъ давали бы есте ему жъ дванадцать подводъ зъ возы и съ проводники вездѣ по дорожѣ, починши отъ насъ тою дорогою по тымъ дворомъ вышписаннымъ и до границы Московской, и оттолъ зася до насъ тою жъ дорогою, ни гдѣ ничымъ не мѣшая“ ⁷³¹⁾. Относительно стацій самому господарю въ уставѣ 1514 года находимъ слѣдующее предписаніе, обращенное къ намѣстникамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта: „маешь насъ всякими стацеями поднимати, какъ было за отца и брата нашего, королевъ ихъ милости; а коли быхмо казали тобѣ стацею давати намъ до Вильни або гдѣ индѣ, або на войну за нами везти, тогда ты, врадникъ нашъ, маешь тую стацею до насъ проводить безъ замѣ-

⁷²⁸⁾ Арт. 16 ustawy 1529 года.

⁷²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

⁷³⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160. арт. 3.

⁷³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 495.

шканья по тому, по чому будетъ и передъ тымъ здавна за предковъ нашихъ тое стаціи даввано, и какъ со всихъ людей нашихъ у волости.... будетъ" ⁷²²). Стаціи и подводмы намѣстники-державцы должны были давать господарю даже и тогда, когда дворы у нихъ были „въ заставѣ“. Такъ, король Сигизмундъ, заставивъ въ 1516 году дворъ Олившты пану Миколаю, старостичу Жмудскому, обязалъ его между прочимъ: „какъ прїѣдемъ до Олившты онъ маеть насъ стацеями поднимати и подводмы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати подлугъ давного обычая“ ⁷²³). Въ 1520 году король отдалъ пану Яну Яновичу Заберезенскому на четыре года дворъ Меречь на выбиратье пеньазей его, 1000 копъ грошей; панъ Заберезенскій долженъ былъ собирать въ свою пользу все доходы съ двора Мереча и пользоваться всеъмъ, „пизли,—гласить выданный ему листъ короля,—коли мы будемъ тамъ у Меречи, тогда онъ маеть насъ стацеями и иными речьми поднимати подлѣ давного обычая“ ⁷²⁴). Стаціи державцы давали не изъ своихъ доходовъ, а собирали ихъ съ тѣхъ же волостныхъ людей, какъ это видно изъ только что приведенныхъ выдержекъ актовъ; въ дополненіе къ нимъ можно указать на уставу, данную въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ земель, гдѣ читаемъ: „кды ся кольвекъ намъ пригодить тамъ до которого двора, або до земли Жомойтскоѣ прїѣхати, тогда отъ кожного человекъа намъ повинни будутъ давати вси стацею, яво: яловиць, воловъ, гусей, куровъ, барановъ, вепровъ, овса и сѣна, меду и пива; а того на иншіи часть повинни будутъ давати, одно, коли быхмо сами персуною своею тамъ прїѣхали“ ⁷²⁵). О томъ, что подводную повинность отправляли господарскіе волостные люди, было говорено выше.

Въ стаціяхъ и подводкахъ господарскимъ крестьянамъ помогали мѣщане, какъ увидимъ ниже, и крестьяне частныхъ владѣльцевъ, если не были освобождены отъ того специальными привилеями. Земскій привилей 1457 года оставилъ стаціи на всехъ вообще частныхъ имѣньяхъ; земскій привилей, данный великимъ княземъ Александромъ при вступленіи на престоль, подтвердилъ эту обязанность владѣльцевъ. Что касается подводной повинности, то земскій привилей короля Сигизмунда отъ 1506 года даетъ относительно этого такое разъясненіе: *Et licet kmethones ipsorum Baronum et Nobilium a dandis*

⁷²²) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583.

⁷²³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 156.

⁷²⁴) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 29.

⁷²⁵) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 6.

podwodys nobis, et successoribus nostris liberavimus, nihilominus tamen pro Oratoriis nunciisque et Cursoribus tam nostris quam etiam ad nos, et undecunque venientes debent Podwodae ipsi dari et custodiri cum solito numero equorum in locis solitis et consuetis⁷³⁶). Акты изучаемаго времени еще болѣе разъясняютъ дѣло о подводной повинности владѣльческихъ крестьянъ, въ томъ именно смыслѣ, что владѣльческіе крестьяне не обязаны были доставлять подводы только для хозяйственной надобности господарскихъ дворовъ, но должны были поднимать какъ стаціями, такъ и подводами проезжающаго господаря со свитою, пословъ и гонцовъ. Такъ, напр., въ 1499 году великій князь Александръ пожаловалъ дворянину Богдану Колонтаеву даппика Олейка съ братьею и съ землею въ Пьяновѣ Брянскаго повѣта, при чемъ написалъ въ своемъ привилеѣ: „въ того его чоловѣка сотникомъ не надо ся вступати и ни розметовъ на нихъ метати; вижли, боли мы сами господарь будемъ во Брянску або послове наши, тогда и на того его чоловѣка мають розметы повладати такъ, какъ и на иныхъ нашихъ людей“⁷³⁷). Въ Волынской землѣ мѣстныя князья и паны давали подводы подъ господарскихъ пословъ и гонцовъ, какъ это видно изъ судебного дѣла между княземъ Иваномъ Корецкимъ и паномъ Богданомъ Гостьскимъ „о неотмѣниванъ подвождъ Корецкихъ въ Гоца“, разбираваемаго великимъ княземъ Александромъ⁷³⁸). Въ Киевской землѣ, какъ это видно изъ ея привилея, люди княжескіе, панскіе и боярскіе стерегли недѣли въ Чернобыли⁷³⁹). Для Виленскаго повѣта можно указать на примѣръ двора и волости Молодеченской, пожалованной въ 1511 году князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому со всѣмъ правомъ и панствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ такою обязанностью: „вижли, боли мы сами господарь прїѣдемъ до того двора Молодечна, тогда мають насъ стадею поднимати, какъ здавна бывало, тежъ пословъ нашихъ великихъ; а подводы подъ послы и гонци наши мають давати по давному“⁷⁴⁰). То же было и въ землѣ Полоцкой, какъ это видно изъ жалобы пана Путаты Оедковича, предъявленной въ 1532 году воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича на городничаго Полоцкаго Ивана Глѣбовича, „ижь передъ

⁷³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XXV, л. 12—15; Zbiór praw litewskich, str. 95—99.

⁷³⁷) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82.

⁷³⁸) Ibidem, л. 1, 2.

⁷³⁹) Акты Зап. Рос. II, № 30.

⁷⁴⁰) Ibidem, № 69.

тѣмъ съ стародавна люди его съ Усомья да зъ Ромья на стану Суйскомъ господара короля его милости и пановъ воеводъ Полоцкихъ посполъ зъ людьми его поднимывали, а теперь поднимаи и въ томъ имъ помочни быти не хотять“. Городничій выигралъ дѣло, потому что представилъ привилей короля, которымъ „речилъ его милость тыхъ людей его отъ того стану вызволити“⁷⁴¹⁾. Дѣйствіе системы частныхъ изъятій при общихъ нормахъ права проявлялось и здѣсь съ полною силою. Такъ, великій князь Александръ въ 1493 году освободилъ людей волости Кремляной и Буйгородцевъ (одну службу) Смоленскаго повѣта, принадлежавшихъ князю Константину Крошинскому „отъ даванья стацыи и отъ чиненья становъ“ на самого господара и его пословъ, мотивировавъ это пожалованье такъ: „бо то есмо ему давали за его службу“⁷⁴²⁾. Въ 1508 году король Сигизмундъ пожаловалъ на вѣчность пану Богдану Семеновичу Содѣгѣ волость Ельную въ Смоленскомъ повѣтѣ „во всимъ на все на вѣчность“, при чемъ оговорилъ: „а подводъ намъ и вранникомъ нашимъ тыи люди его съ тое волости не мають давати; и тежь стацыи на вранники наши Смоленскіи не мають готовити и давати, нижи, коли мы сами господарь будемъ у Смоленску, тогда они мають намъ на нащъ прѣзда стацею давати по давному, какъ и чередъ тымъ даивали; а подводъ какъ намъ, такъ и вранникомъ нашимъ Смоленскимъ, не мають давати“⁷⁴³⁾. Въ 1510 году король Сигизмундъ пожаловалъ дьяку село Тулеговичи въ Мозырскомъ повѣтѣ, при чемъ оговорилъ: „и не мають тыи люди его въ Мозыры службъ некоторыхъ на насъ служити, недѣли не мають стеречи и подводы и стацей на вранника нашего Мозырского и на пословъ и гонцовъ не мають давати“⁷⁴⁴⁾. Чаше всего владѣльческіе крестьяне освобождались отъ стацій и подводъ на пословъ и гонцовъ, но обязаны были поднимать всѣмъ этимъ господаря въ случаѣ прѣзда его въ мѣстность. Такъ, въ 1506 г. король Александръ пожаловалъ князю Ивану Ѳедоровичу Полубенскому путныхъ и таглыхъ людей въ Полоцкомъ повѣтѣ Ловожскаго стана съ тѣмъ условіемъ: „А што перво сего тые люди его воеводъ Полоцкихъ и пословъ и гонцовъ нашихъ на томъ стану Ловожскомъ стаціями и подводами поднимывали, того вжо тымъ людемъ его ничего не надобѣ знати; нижи, коли мы сами господарь тою дорогою

⁷⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 168.

⁷⁴²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 90,

⁷⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 296, 297.

⁷⁴⁴⁾ Ibidem, л. 409, 410.

поѣдемъ, тогда они насъ мають поднимати подлѣ давнего обычая, какъ передъ тымъ бывало, а большей того не мають никому стацей и подводъ давати" ⁷⁴⁵). Въ 1516 году король пожаловалъ дворянину Матеею Заморену село Коптевичи въ Бчицкой волости Мовырсаго повѣта между прочимъ съ такимъ правомъ: „а подводами тыи люди его пословъ и гонцовъ нашихъ не мають поднимати и стацей давати" ⁷⁴⁶). Въ 1529 году это право распространено было на всѣхъ землевладѣльцевъ Киевской земли. Въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ этомъ году Киевской землѣ, читаемъ: „А што люди церковныи, и князьскіи и паньскіи и боярскіи стерегивали недѣли въ въ Чернобыли, и подводы даивали воеводамъ и посломъ и гоньцомъ нашимъ и Татарскимъ: мы имъ и людемъ ихъ, въ ласки наше, то вѣчно отпустили" ⁷⁴⁷). Принимали-ли намѣстники-державцы административное участіе въ сборѣ стацій и подводъ съ владѣльческихъ крестьянъ (разумѣется, тѣхъ имѣній, которыя находились въ ихъ повѣтахъ), на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, хотя такое участіе болѣе, чѣмъ вѣроятно.

Терминъ „стація“ заимствованъ отъ Польши ⁷⁴⁸), во повинность, обозначаемая этимъ терминомъ, по всѣмъ признакамъ, происхожденія русскаго: давать стаціи и подводы значило *рядити ставъ* на господара, воеводу, пословъ и гонцовъ ⁷⁴⁹). На югѣ, въ Киевской землѣ, стація въ актахъ XV вѣка обозначается особымъ именемъ, не встрѣчающимся въ актахъ, относящихся до другихъ земель, — „болеуновщина“, которая давалась на приѣздъ Витовта ⁷⁵⁰).

XXXIV.

Резюмируя все, что сказано было до сихъ поръ о дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, ихъ можно назвать главными приказчиками въ господарскихъ имѣньяхъ и сборщиками податей и разныхъ господарскихъ доходовъ въ своихъ округахъ, короче—хозяй-

⁷⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 315.

⁷⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 120, 121.

⁷⁴⁷) Акты Зап. Рос. II, № 164.

⁷⁴⁸) *Ж. Владимірскаго-Буданова* „Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ“ въ Журн. М. Н. Просв. 1868 г., августъ, стр. 477.

⁷⁴⁹) Акты Зап. Рос. II, № 164.

⁷⁵⁰) Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

ствеино-финансовыми агентами великаго князя. Это заключеніе составляетъ на основаніи дѣятельности намѣстниковъ - державцевъ и тивуновъ въ обществахъ господарскихъ крестьянъ, или волостныхъ людей; но оно остается въ силѣ и послѣ разсмотрѣнія дѣятельности ихъ въ мѣстахъ, среди мѣщанъ. Да и иначе быть не могло, если мы примемъ во вниманіе, что такое были мѣста вообще въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ частности мѣста въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ.

„Мѣстами“ въ Литовско-Русскомъ государствѣ по польскому примѣру стали называться поселенія, гдѣ установился торгъ, существовали товарные склады и лавки, винныя, пивныя и медовыя корчмы и другія торговныя и промышленныя учрежденія. Этимъ именемъ обозначались, такимъ образомъ, и большіе старинныя русскіе и литовскіе города, и промышленныя села, которыя издавна были судебно-административными центрами волостей и резиденціями волостныхъ правителей⁷⁵¹⁾. Поэтому и классъ мѣщанъ состоялъ изъ довольно разнообразныхъ общественныхъ элементовъ. Въ составѣ его были люди, исключительно занимавшіеся торговлею (иногда крупною, вѣшнею и внутреннею) или разными ремеслами, какъ это было большею частью въ старинныхъ литовско-русскихъ городахъ, и люди, занимавшіеся торговлею и ремеслами только въ придачу къ земледѣлію, какъ это было большею частью въ торгово-промышленныхъ поселеніяхъ, группировавшихся вожругъ господарскихъ дворовъ, гдѣ жили намѣстники-державцы и тивуны великаго князя. Какъ на типъ такихъ торгово-промышленныхъ селъ можно указать, наир., на мѣстечко Перемиль, находившееся при замкѣ Перемильскомъ, гдѣ до 1511 года сидѣлъ особый намѣстникъ великаго князя. Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ это мѣстечко князьямъ Вишневскимъ Федору и Ивану Михайловичамъ за ихъ службу на вѣчность „съ торгомъ и съ ярморкомъ, съ мыты старыми грѣшовыми и соляными и съ промытою, и съ правомъ майтбарскимъ, которое жъ право тое мѣстечко съ стародавна имеетъ, и съ войтовствомъ Перемильскимъ, и со всеми людьми и платы мѣстскими, и съ корчмами и съ капщинами, и чинши, и доходы и вжитки, и съ городищемъ (замокъ, очевидно былъ въ разрушеніи), и съ землями церковными, которыя земли прислухаютъ здавна къ костелу нашего римского закону,—и на тыхъ земляхъ костелъ мають

⁷⁵¹⁾ Намекъ на это уже даютъ 27 и 29 статьи Русской Правды (по Крайзискому списку).

збудовати и камяна съ свое руки тамъ мѣти, — съ фолварки и зъ землями мѣстскими папшныи и бортными, съ пасѣвами и съ огороды, и съ хмѣльниками⁷⁵²). Сособразно съ этимъ мѣщане разныхъ мѣсть занимали неодинаковое положеніе въ социальнo-политической іерархіи Литовско-Русскаго государства. Въ то время, какъ мѣщане старинныхъ большихъ городовъ, какъ напр., Полоцка, Витебска, Кіева, Вильны, Третья и др., рѣзко обособились отъ волостныхъ людей и стояли на положеніи, которое дѣлало ихъ своего рода высшимъ сословіемъ въ государствѣ, мѣщане по небольшимъ мѣстечкамъ едва отдѣлились отъ волостныхъ крестьянъ, съ которыми они сообща работали на господарскомъ хозяйствѣ, сообща несли разныя повинности и платили подати. Затѣмъ: въ то время, какъ мѣщане такихъ городовъ, какъ Полоцкъ и Витебскъ, были обезпечены политически настолько, насколько князья и паны, т. е. не могли быть отданы господаремъ въ подданство частнымъ лицамъ, мѣщане незначительныхъ городовъ и селеній считались только поселенцами въ господарскихъ имѣньяхъ и жаловались нерѣдко вмѣстѣ съ этими имѣньями частнымъ лицамъ на ряду съ крестьянами. Намѣстникамъ-державцамъ приходилось по большей части имѣть дѣло съ такими именно мѣщанами. Въ чемъ же состояло это дѣло?

XXXV.

Мѣщане нѣкоторыхъ мѣсть, какъ выше было указано, помогали крестьянамъ въ различныхъ работахъ по господарскому хозяйству, въ которыхъ инициатива, общій надзоръ и руководство принадлежали намѣстникамъ-державцамъ. Значить, то дѣло, которое выполнялъ намѣстникъ-державца или тивунъ по отношенію къ крестьянамъ, выполнялъ онъ и по отношенію къ мѣщанамъ, и даже едва-ли не въ большей степени, потому что мѣщане, жившіе въ самой резиденціи волостнаго правителя, были, такъ сказать, всегда подъ его глазомъ. Во многихъ мѣстечкахъ мы не замѣчаемъ даже никакихъ особыхъ мѣстскихъ властей, которыя въ данномъ случаѣ были бы посредниками между великокняжескимъ урядникомъ и мѣщанами, изъ чего можемъ заключить, что великокняжескій урядникъ непосредственно или чрезъ своихъ слугъ вѣдалъ мѣщанъ въ ихъ повинностяхъ. Впрочемъ, въ русскихъ земляхъ сплошь и рядомъ одни и тѣже власти были и у крестьянъ, и у мѣщанъ. Такъ, напр., атаманы въ Кіевской землѣ, какъ уже выше было указано, вѣдали повинности и были представителями

⁷⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, т. 45, 46.

не только крестьянъ, но и мѣщанъ; содѣе въ Торопцѣ вѣдали не только волостныхъ людей, но и мѣщанъ Торопецкихъ, которые сообщаясь волостными людьми строили и поправляли тивунскій дворъ, поднимали подводами и стаціями писаря, который прѣималъ править недоходковъ даной, платилъ серебницу и поднимали стаціями и подводами сборщиковъ серебницы⁷⁵³⁾ и т. д.; старцы въ волостяхъ Подлѣпскихъ, гдѣ мѣщане сообщаясь волостными людьми платили серебницу и ордынницу и отправляли повинности, повидяному, также были не только крестьянскими, но и мѣщанскими властями. Исключеніе представляла волость Кричевская, отторгнутая отъ Смоленской земли и имѣвшая особаго старосту мѣста Кричевскаго на подобіе того, который былъ и въ самомъ Смоленскѣ⁷⁵⁴⁾. Кромѣ того, мѣста съ маддебургскимъ правомъ имѣли свое особое мадальство, которое и отъ вѣчала передъ намѣстникомъ - державцею, за исправность мѣста въ отправленіи повинностей, въ томъ числѣ и работъ по господарскому хозяйству, буде мѣсто было къ этому обязано. Такими селами-мѣстами какъ извѣстно, завѣдывали *воиты*⁷⁵⁵⁾.

Къ числу мѣщанскихъ повинностей принадлежали и поремельныя подати, которыя въ разныхъ мѣстностяхъ носили различныя названія, и которыя шли къ господарю опять-таки черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ, мѣщане чудновскіе, которые пахали землю, платили (около 1471 года) по 20 грошей съ человека⁷⁵⁶⁾. „Платъ“ этотъ былъ то же самое, что и дань или ясакъ; поэтому и въ средѣ мѣщанъ Киевской земли были ясачные люди⁷⁵⁷⁾. Въ предѣлахъ собственной Литовской земли мѣщане платили со всѣхъ земель дякла и пенязи, которые за дякломъ идутъ⁷⁵⁸⁾. Въ землѣ Берестейско-Подляшской мѣщане платили подымное. Въ записяхъ пожалованій короля Сигизмунда, сдѣланныхъ имъ въ началѣ его княженія, читаемъ между прочимъ: „Олещи Животову 6 локоть суена лунского зъ восковъ Берестейскихъ; ему жъ 6 вопъ въ Тункеля зъ подымныхъ“⁷⁵⁹⁾; въ 1518 году Сигизмундъ заставилъ пану Яну Миколаевичу Радивиловича замокъ Дорогичинъ „зъ мѣстомъ и зо всеми людьми повѣту Дорогицего,

⁷⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

⁷⁵⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 288.

⁷⁵⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165, 166.

⁷⁵⁶⁾ Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. II, № 1.

⁷⁵⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 120.

⁷⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13.

⁷⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 448.

ѣ съ корочными пенями, и съ *подымщиною*, и зъ мытомъ Дорогичъ камъ, и со всеми доходами и зъ винами“; суди по контексту вѣствованнаго листа, *подымщина* вѣзмалась именно съ мѣщанъ ⁷⁶⁰⁾. Мѣщане Берестейско-подляшскихъ мѣстъ, владѣвшіе размѣренными на волоки участками, платили съ нихъ опредѣленный чинить деньгами и чинурою. Такъ, мѣщане мѣстъ Бѣльскаго повѣта давали „плату съ вождое волоки на годъ по золотому а по два корцы овса, а по гусей, а по двою куравъ, а по тридцати яицъ“ и одинъ день въ недѣлю службу тяглую служили. На такихъ условіяхъ король Свигисмундъ приѣзжалъ въ 1507 году писарю воеводы Трѣцкаго Еску Ивановичу садить мѣсто въ Бѣльскомъ повѣтѣ на четырехъ жеребьяхъ Кошелевскихъ и на двухъ Вервечскихъ, которые онъ долженъ былъ равнѣрить на волоки, при чемъ относительно мѣщанъ прибавилъ, что они, вѣсидѣвши волю, должны были „съ каждое волоки службу служити и дачки давати по тому, какъ и по инымъ мѣстамъ нашимъ тамошнимъ люди зъ волокъ службу служить и подати дають“ ⁷⁶¹⁾. Мѣщане Нарескаго мѣста, которое поручено было садить старостѣ Бѣльскому Альбрехту Мартиноричу Даштольду въ 1514 году, должны были давать ежегодно „ципу вричистого зъ волоки по полукопью (30) грошей литовское: монаты; а по две куровъ, по двѣ бочкы овса а по возу сѣна“ ⁷⁶²⁾. Мѣщане Блещаласкіе Бѣльскаго повѣта давали съ каждой волоки по полукопью грошей литовской монеты (по 10 пенязей въ грошѣ) и по бочкѣ солиныи овса трысецала ⁷⁶³⁾. Мѣщане мѣста Милейчицкаго въ Берестейскомъ повѣтѣ, пользовавшіеся разными льготами и изъятіями, должны платить ежегодно: „зъ волоки—по золотому черленому; а кто маєт волю, тотъ маєт давати по подзолотому; а кто третъ волоки, тотъ третъ золотого; а кто не маєт волоки, только одне дворницо, тотъ маєт давати только шесть грошей“ (это, очевидно, вышеупомянутая *подымщина*). Кроме того, король постановилъ: „а коли мы сами персонаю нашою панскою приѣдемъ до Милейчицъ, тогда мають они на нашь приѣздъ давати зъ дому по полчетверти овса а по курати, а по смолу вси кошу гусей а четыре камени люю на свѣчи; а котораго року мы у Милейчицахъ не будемъ, ино имъ того овса и куровъ, и гусей, и люю не надобѣ давати, а некоторыхъ инихъ дачокъ оброчѣ того не

⁷⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 31, 32; кн. Запис. VIII, л. 387—390.

⁷⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 165—166.

⁷⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 85.

⁷⁶³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 123.

мають давати и служобъ ниваанихъ не служити и подводъ не давати“ ⁷⁶⁴). Въ 1519 году король Сигизмундъ установилъ съ мѣщанъ Воинскихъ Берестейскаго повѣта слѣдующій платъ: „мають намъ давати съ тыхъ трехъ волокъ на годъ по золотому черленому або по полувопью и по шести грошей плоскихъ, а по корцу овса, а по куряти, а по десети яецъ; а въ кого будетъ двѣ волоки, тотъ маеть дати на годъ по двѣ доли золотого а тыхъ речей; а который одну волоку будетъ мѣтъ, тотъ маеть на годъ давати золотого и тыхъ речей третью часть; а зъ двора и зъ огорода вердунокъ на годъ; а къ тому со всего мѣста мають намъ въ каждый годъ давати вону гусей а два камени: лою съ броваровъ мѣстскихъ, и съ сохачокъ платъ маеть тежъ въ каждый годъ на дворъ нашъ даванъ быти;... заси плебану Воинскому мають въ волоки давати на годъ по копѣ жита а по два гроша коледы“ ⁷⁶⁵). Въ 1531 году чиншъ Воинскихъ мѣщанъ былъ измѣненъ сообразно съ нѣкоторыми новыми льготами, которые имъ были даны: мѣщане съ каждыхъ трехъ полуволочковъ должны были давати „по двадцати грошей а по курети, а по десети яицъ, а по полкорци овса; а зъ дву полуволочковъ чотырнадцатъ грошей; а въ одного полуволочка семь грошей; а кто полуволочковъ не маеть, леть на самыхъ огородѣхъ мѣшкаеть, съ таковыхъ домовъ по шести гроши, а большей того ничего не мають давати“ ⁷⁶⁶).—Поземельныя подати вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими „податками“ и повинностями при пожалованіи магдебурскаго права замѣнялись нерѣдко общемою суммою, которую должно было уплачивать мѣсто. Такъ, очевидно, бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда поземельныя платежи мѣщанъ не составляли важной статьи господарскихъ доходовъ съ мѣста. Мѣщане Волковыйскіе, напр., при пожалованіи имъ магдебурскаго права вызволены были отъ платежа дяколь и пенязей, которые за дякломъ идутъ, отъ подводъ на урядника Волковыйскаго и его слугъ, отъ сторожи на дворѣ, исключая случай приѣзда въ Волковыйскъ самого господаря, отъ хожденья на работу съ топоромъ, отъ кошенья сѣна, отъ хожденья на работу до Городна „къ валну“; но за то они обяваны были давати ежегодно по 30 золотыхъ всѣ вмѣстѣ ⁷⁶⁷). Мѣщане Новгородскіе „для добровольства“, которое имъ дано было вмѣстѣ съ пожалованьемъ магдебурскаго права, должны были платитъ ежегодно въ скарбъ господарскій по пя-

⁷⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX л. 124, 125.

⁷⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17, 18; XIII, л. 1—3.

⁷⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XIII, л. 3—4.

⁷⁶⁷) Акты Зап. Рос. II, № 13.

тюдесять золотыхъ угорскихъ ⁷⁶⁸⁾ и т. д. Поземельный платъ съ волокъ, какъ мы уже знаемъ, шелъ въ скарбъ чрезъ руки мѣстныхъ великокняжескихъ урядниковъ, напр., съ мѣщанъ Лосицкихъ собиралъ его намѣстникъ Мельничкій и Лосицкій Немира-Прималичъ ⁷⁶⁹⁾; вѣроятно, и другіе поземельныя подати мѣщанъ уплачивались также чрезъ намѣстниковъ-державцевъ подобно всѣмъ другимъ платамъ. ⁷⁷⁰⁾

Кромѣ поземельной подати, на всѣхъ мѣщанъ, какъ было уже выше сказано, налагались чрезвычайныя подати въ видѣ *серебщины* и *ордынщины*, которыя шли, какъ мы видѣли, также чрезъ руки намѣстниковъ-державцевъ. Серебщина въ Поддѣпрскихъ волостяхъ налагалась на мѣщанъ и волостныхъ людехъ періодически, чрезъ два года на третій, а въ остальныхъ мѣстахъ безъ срока, по мѣрѣ надобности, какъ это видно изъ грамоты короля Сигизмунда, выданной въ 1511 году мѣщанамъ Новгородскимъ на магдебургское право ⁷⁷¹⁾. Система частныхъ изъятій и привилегій дѣйствовала и въ данномъ случаѣ, и въ актахъ мы находимъ не мало примѣровъ освобожденія отъ платежа серебщины и ордынщины отдѣльныхъ мѣстъ и даже отдѣльныхъ мѣщанъ. Такъ, въ 1524 году королю Сигизмунду били челомъ мѣщане Троцкіе и повѣдали, „што жъ отъ частыхъ серебщинъ и отъ ордынщинъ и отъ иныхъ платовъ нашихъ зъубожали велики, а иные деи многіе мѣщане наши прочъ ся для того розошли“; вслѣдствіе этого мѣщане просили короля дать имъ „на колко лѣтъ волю“ отъ платежа всѣхъ податей и налоговъ. Король далъ имъ волю на три года, исключивъ только жидовъ, а тѣмъ, которые бы пожелали вновь поселиться въ мѣстѣ, далъ волю на шесть лѣтъ отъ всѣхъ платовъ, кромѣ корчомныхъ пенязей ⁷⁷²⁾. Въ слѣдующемъ году дана была такая же льгота на десять лѣтъ мѣщанамъ Берестейскимъ по случаю опустошительнаго пожара, уничтожившаго „домы ихъ вси со всеми статки и куплями ихъ на корень“ ⁷⁷³⁾. Король Александръ освободилъ отъ платежа серебщины домъ Ивашковой Булгаковича и ея сына Ивана, а король Сигизмундъ въ 1514 году подтвердилъ эту привилегію ⁷⁷⁴⁾.

⁷⁶⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 71.

⁷⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

⁷⁷⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 71.

⁷⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 190.

⁷⁷²⁾ Ibidem, л. 225, 226.

⁷⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

XXXVI.

Черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ шли и разныя косвенныя налоги, собиравшіеся на господаря въ мѣстахъ въ видѣ торговыхъ пошлинъ и промысловыхъ налоговъ. Изъ инструкцій, данныхъ въ 1529 году державцамъ Виленскаго и Троцкаго поѣздовъ, державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, можно заключить, что намѣстники-державцы и тивуны собирали мыта рѣчныя, перевозъ, канциды, кунциное отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варятъ, пенязи торговые, помѣрные и поборные и т. д. ⁷⁸⁴⁾ Это заключеніе подтверждается и частными свидѣтельствами актовъ изучаемаго времени, изъ которыхъ видно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не исключительно намѣстники-державцы и тивуны собирали косвенныя налоги въ мѣстахъ, и что существовавшая относительно этого практика была довольно разнообразная.

Въ 1486 году король „продать“ на два года за 140 золотыхъ *мостовое* Городенское и *бочечное помѣрное* Мерецкое жидамъ городенскимъ Ецьку Ицковичу съ сыновьями. Согласно арендному листу доходы эти должны были уже собирать жидъ Ецько и сыновья его Ицхакъ и Мошка. Но раньше этого *мостовое* Городенское и *бочечное помѣрное* Мерецкое собирались тамошними намѣстниками черезъ ихъ слугъ. Одновременно съ извѣщеніемъ объ отдачѣ въ аренду *мостового* въ Городицѣ и *бочечнаго помѣрнаго* въ Мереци король писалъ намѣстникамъ Городенскому и Мерецкому: „А што вы собрали отъ того року до тыхъ часовъ отъ *мостового* Городенскаго а отъ *бочечнаго* Мерецкаго, и ты, княже (Александръ Юрьевичъ, намѣстникъ Городенскій), прислать къ намъ Туньведемъ корожъ грошей безъ дву грошей, и ты, пане Михайдо (намѣстникъ Мерецкій), дажь намъ двѣ копѣ грошей безъ осми грошей, ино те насъ дошло, а остадохъ тыхъ грошей, што есте потомъ собрали до тыхъ часовъ, рожь есте то намъ отдали“ ⁷⁸⁵⁾. И впоследствии мы встречаемся по актамъ съ отдачею въ аренду „мыта *мостового*“ Городенскаго, при чемъ намѣстнику наказывается отъ великаго князя не вступаться ничѣмъ въ это мыто и защищать откупщика отъ обидъ ⁷⁸⁶⁾.— Впрочемъ, „*мостовое*“ и *перевозъ*“ были собственно платежами за пользованіе мостомъ и перевозомъ, вмѣстѣ съ которыми взималось и мыто въ собственномъ смыслѣ.

⁷⁸⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 25, 27, 37; № 160, арт. 3.

⁷⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

⁷⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 165.

Что это было даже, не это указывается, напр. привилей, выданный въ 1514 году жиду барестейскому Михаилу Езофовичу, (Король Сигизмундъ дозволялъ ему пострѣить „за его цѣнази“ мостъ на р. Бугѣ въ Дорогичинѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ перевозъ, и предоставилъ ему право „на томъ мѣсту, хто черезъ мостъ поѣдетъ, мостовою брати отъ купецкого возу по полугрошу, а отъ животнымъ продажное по два пенязи для поправленья мостового, или его вода сквизитъ“). „А окромъ купцовъ, — гласитъ королевскій листъ, выданный Михаилу Езофовичу, — не маеть онъ ни въ кого, хто вошье черезъ мостъ тотъ поѣдетъ, мостового ничего, брати, нижи, котори люди наши и землицѣи Дорогичинскаго повѣта здавна давали на перевозъ ебожа, илѣ мѣшцы ему потому жъ на томъ мосту давати. Также, котори купци будутъ лѣтъ у бродъ, а земѣ на ледѣ ѣздити, а не на мостъ, ти не мають ему того мостового давати. А мѣшцани Дорогичин мають въ каждый годъ, давши ему съ каждого дому по грошу, добровольне и ни по силѣ которого мостового не даючи, черезъ тотъ мостъ по сѣвомерници своимъ, которые въ нихъ мѣшчанье въ домѣхъ наймуть, ѣздити, илѣ естли будутъ передъ тымъ на перевозъ за дому по прошеню давали. А на которое мыто задана на насъ тамъ збожскаго возу по грошу, то е и нынѣ мають намъ къ мыту нашему зъ возе давати“⁷⁸⁷). По этому и мостовое Городенское, хотя и называется иногда мытою, отличается отъ мыта въ собственномъ смыслѣ. Въ 1504 году король Александръ продалъ войту Троцкому Николу мыто и мостовое Городенское на годъ за сто золотыхъ⁷⁸⁸). Такимъ образомъ, мостовое и перевозъ не были торговыми повинностями въ настоящемъ смыслѣ, хотя такъ какъ они собирались съ купеческихъ возовъ въ количествѣ неодинаковомъ сравнительно съ другими повинностями, то до известной степени приближались къ торговымъ повинностямъ и имѣли значеніе косвенныхъ налоговъ.

Такое же значеніе имѣло и бочечное помѣрное, ввѣнвшееся на торгу при церемѣрѣ, продававшагося зѣрна. „Каждый человекъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Рѣчицы, — гласитъ устава, данная въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому Семену Полозовичу, — маеть збожье всякое продавати и купити въ бочку мѣры Мозырское и Бобруйское и иныхъ замковъ нашихъ тамошнихъ, и помѣрнаго мають давати до два пенязи“⁷⁸⁹). Помѣрное при пожалованіи мадебургскаго права отъста-

⁷⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 78, 79.

⁷⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 269.

⁷⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

лось обыкновенно „на потребности мѣстныя“ вмѣстѣ съ другими великокняжескими доходами въ мѣстахъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1507 году „для дѣйствительнаго подтвержденія и помноженія мѣста Волковийскаго и мѣщанъ всихъ, далъ и даровалъ пререченному мѣсту вси клятвы и ясныя клятвы, которые нынѣ суть и напотомъ могутъ причинены быти, въ подѣищенію мѣстскому, со всеми пожитки и доходы, и воскобойню на забиванье воску, и вагу, и помѣрное, и тежъ пострыганье суконъ, сколько ихъ можетъ быти въ мѣстѣ; тежъ зложенье и шинкованье пива и меду и вина, которое жъ Нѣмецкимъ языкомъ зовется протарство, и помѣрное медовое, што зовется ведро, чимъ медъ мѣрять подлѣ обычая тамошняго, и шинкованье вина горѣлого“⁷⁹⁰). Тѣже доходы великокняжескіе были уступлены и мѣсту Кіевскому при пожалованіи ему магдебургскаго права⁷⁹¹), а равно и мѣсту Полоцкому, Брестскому⁷⁹²) и др., и въ числѣ ихъ *помѣръ мѣстскій*⁷⁹³). Отъ платежа помѣрнаго иногда освобождались люди княжескіе и панскіе, напр., въ Луцкѣ, гдѣ эта пошлина взималась въ пользу мѣста только съ мѣщанъ и гостей⁷⁹⁴).

Одинаковое съ „помѣромъ“ значеніе имѣла и *вага* или *важое* (*важое*), отличающаясь отъ него только объектомъ обложенія. Вага также обыкновенно собиралась намѣстниками-державцами въ пользу господара. Въ уставѣ, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому Семену Полозовичу, читаемъ между прочимъ: „а вага тежъ маєт быти въ тежѣ мѣстѣ нашомъ, въ которую медъ и воскъ важити, а важого ему отъ намѣши меду и воску по два пенязи“⁷⁹⁵). При пожалованіи мѣстамъ магдебургскаго права вага отдавалась обыкновенно „на мѣстныя потребности“, какъ это мы видѣли на примѣрѣ мѣста Волковийскаго⁷⁹⁶); впрочемъ, бывали случаи, какъ, напр., въ Кіевѣ, когда вага шла на господара и при дѣйствіи магдебургскаго права⁷⁹⁷). Вага отдавалась иногда и въ аренду подобно другимъ доходнымъ статьямъ и вмѣстѣ съ ними; такъ въ 1486 году король Казимиръ продалъ жидажъ Кіевскимъ Мордечѣ Годаевичу и Перку Юдиничу „мыто и подужное Бранъ-

⁷⁹⁰) Акты Зап. Рос. II, № 13.

⁷⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

⁷⁹²) Акты Зап. Рос. II, № 61, 73 и др.

⁷⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 229.

⁷⁹⁴) Акты Зап. Рос. II, № 54.

⁷⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁷⁹⁶) Срав. Акты Зап. Рос. II, № 71 и др.

⁷⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

ское, и корчму, и перевозъ, и вазочье“ на три года за 360 копъ грошей ⁷⁹⁸). Великий князь Александръ въ 1498 году продалъ кракованину Лерину Геришу мыто Луцкое и вагу на три года за 500 копъ грошей ⁷⁹⁹). Что касается подужнаго или *подужчины* то она взиалась и въ Рѣчицѣ мѣстнымъ державцею на господаря вмѣстѣ съ мытомъ и, вѣроятно, также и въ другихъ мѣстахъ. Повидимому, это была пошлина, взиавшаяся съ пустыхъ подводъ, ѣхавшихъ на торгъ за мехупвами ⁸⁰⁰).

По инструкціямъ 1529 года намѣстники-державцы должны были собирать въ пользу господаря *торговые пенязи* въ мѣстахъ. Торговые пенязи взиались съ лавокъ или „кѣттокъ“; „а торговлю кто-коль-векъ чымъ торгуеть,—читаемъ въ привилеѣ мѣстечку Клещелязамъ на магдебургское право,—хлѣбомъ, солью, лосемъ, або иными рѣчьми, маеть давати по грошу; а зъ ятокъ мясныхъ маеть давати вождый рѣзникъ и кожного торгу по плечу мяса бараньего на дворъ нашъ“ ⁸⁰¹). Кѣтки и ятки мясные, какъ мы видѣли выше, уступались иногда „на мѣстскіе потребности“ при пожалованіи магдебургскаго права. Съ ятокъ мясныхъ бралась иногда и другая плата взаимѣнъ мяса натурою, которое, очевидно, потреблялось административнымъ персоналомъ господарскихъ дворовъ. Такъ, въ мѣстѣ Высовомъ мѣщане съ ятокъ должны были платить госнодарю „по каменю лою (сала) а по полуфунту перцу“ ⁸⁰²).

Кромѣ перечисленныхъ доходовъ, при пожалованіи магдебургскаго права „на потребности мѣстскіе“ уступался нерѣдко и тотъ великокняжескій доходъ, который въ инструкціи 1529 года названъ „буничнымъ отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варять“, и который собирався также намѣстниками-державцами; кромѣ того, уступался и плата съ пивкованья вина горѣлаго ⁸⁰³), что все называлось однимъ именемъ *кашны* ⁸⁰⁴). Эта уступка не была общимъ правиломъ, и въ мѣстахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, эти налоги шли сплошь и рядомъ въ пользу господаря. Такъ, въ грамотѣ на магдебургское право,

⁷⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

⁷⁹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 326.

⁸⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸⁰¹) Акты Зап. Рос. II, № 123.

⁸⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 218.

⁸⁰³) Акты Зап. Рос. II, № 13, 73; Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78; XII, л. 96 и др.

⁸⁰⁴) Акты Зап. Рос. II, № 73.

данной Новгородку Литовскому въ 1511 году, читаемъ: „тежъ зъ вина горѣлого платъ даемъ на замокъ нашъ, подлѣ давного обычая“⁸⁰⁵); мѣщане Клеццелязскіе, получившіе хелмское право, должны были платить господарю между прочимъ „капцизны, хто пиво варить, полкопы грошей, а хто медъ сытитъ, полкопы жъ грошей... а хто кольвекъ будетъ виномъ шинковати, тотъ маєть отъ вина дати по десети грошей“⁸⁰⁶); въ мѣстечкѣ Воини, получившемъ въ 1522 году нѣмецкое право, платъ „зъ броваровъ мѣстскихъ“ долженъ былъ идти на дворъ господарскій, въ количествѣ трехъ грошей отъ четырехъ солянокъ (бочекъ) солоду⁸⁰⁷) и т. д.

Пиво и медъ подлежали обыкновенно одному обложенію—капцинѣ и при производствѣ, и при торговлѣ ими, такъ какъ оба эти занятія по большей части сосредоточивались въ однихъ рукахъ⁸⁰⁸). Поэтому, напр., въ жалованной грамотѣ на хелмское право, данной мѣщанамъ Клеццелязскимъ въ 1523 году читаемъ между прочимъ: „А што ся дотычетъ тыхъ людей которые хотѣли бы сѣсти на волокахъ проробленныхъ, тымъ тежъ далъ его милость (воли на два годы отъ цыншу, а высѣдѣвши два годы, такожъ мають цыннгъ давати: але, если бы хто корчму мѣлъ пивную або медовую, або торгу вживалъ, таковой передъ ся маєть давати платъ водлѣ уставы вышеписаноѣ“⁸⁰⁹). Эта вышеписанная устава состояла въ томъ, что всякій, кто варилъ пиво или сытилъ медъ, долженъ былъ платить полкопы грошей⁸¹⁰). Но иногда торговля ими подлежала особому обложенію, а торговля виномъ горѣлымъ почти всегда. Такъ, король Сигизмундъ, пожаловавъ мѣсту Волковыйскому „зложеніе и шинкованіе пива и меду и вина, которое жъ нѣмецкимъ языкомъ зовется шротарство“,—„платъ корчомный велѣлъ его милость имъ давати въ каждый годъ, водлѣ давного обычая“⁸¹¹).

Корчомные пенязи, по инструкціямъ 1529 года и по другимъ актамъ изучаемаго времени, шли въ господарскій скарбъ черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Такъ, въ записяхъ денежныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „пану Солтану Але-

⁸⁰⁵) Акты Зап. Рос. II, № 71.

⁸⁰⁶) Ibidem, № 123.

⁸⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 17, 18.; XIII, л. 1—4.

⁸⁰⁸) См. Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 155.

⁸⁰⁹) Акты Зап. Рос. II, № 123.

⁸¹⁰) Срав. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 124, 125 и др.

⁸¹¹) Акты Зап. Рос. II, № 13.

ксандровичу 20 кошь грошей съ корчомъ Слонимскихъ и Молчадскихъ въ него жъ“⁸¹³). Въ уставѣ, данной въ 1529 году пану Семену Полозовичу по случаю отдачи ему въ держаніе до живота волости Рѣчицею, читаемъ между прочимъ: „а корчмы въ томъ нашомъ мѣстѣ Рѣчицы медовыи и пивныи и винныи державца нашъ маеть на замокъ нашъ держати“⁸¹³). Иногда „выбирать“ корчомные пенязи господарь посылалъ особыхъ дворянъ. Великій князь Александръ, позволивъ въ 1499 году пану Ивашку Сопѣгѣ завести корчму въ домѣ, который онъ купилъ въ мѣстѣ Браславскомъ, съ тѣмъ, чтобы вся капщина медовая и пивная шла съ нея на Иваженскую церковь св. Духа, написалъ въ выданномъ по сему случаѣ привилеѣ: „А наши намѣстники Браславскіе я тежъ дворяне наши тыи, которыхъ посылаемъ поплатъ корчомный выбирати до Браслава, съ того дому зъ его корчмита не мають некоторое капщины брати“⁸¹⁴). Такимъ образомъ, дворяне въ данномъ случаѣ были помощниками намѣстниковъ-державцевъ. Такой способъ сбора корчомныхъ пенязей практиковался и при Сигизмундѣ, какъ это видно изъ привилея, выданнаго въ 1518 году пану Юрью Глѣбовичу на держанье двора Волковыйскаго съ его волостями до живота, при чемъ Юрій Глѣбовичъ получилъ въ свою пользу и нѣкоторые великокняжескіе доходы: „и тежъ дворяне наши,—читаемъ здѣсь,—которые коли будутъ корчомныи пенези правити, въ тые корчомные пенези и въ свои доходы не мають ни во што вступати“⁸¹⁵). Сборъ корчомныхъ пенязей намѣстниками-державцами, тивунами и господарскими дворянами предполагаетъ существованіе частныхъ корчомъ, которыя устраивались и содержались частными лицами на свои средства подъ условіемъ платежа въ пользу великаго князя известной суммы, взимаемой за цѣлый годъ. Но иногда свобода частныхъ лицъ ограничивалась въ данномъ случаѣ тѣмъ, что господарь предоставлялъ кому-нибудь за деньги исключительное право держать корчмы въ данномъ мѣстѣ или, какъ говорилось въ то время, продавалъ корчмы. Такъ, въ 1487 году король Казимиръ продалъ корчмы Вруцкія мѣстнымъ мѣщанамъ за 36 кошь и 40 грошей въ годъ съ условіемъ: „а мають толко жъ корчомъ мѣти, колко передъ тымъ было, а большей имъ корчомъ не мѣти“. Въ 1489 году король возобновилъ контрактъ, при чемъ, извѣщая объ этомъ намѣстника Вруцкаго пана Горностая Ро-

⁸¹³) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 75.

⁸¹³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸¹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 131, 132.

⁸¹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

мановича, наказывалъ ему: „прото жъ, што бы еси ихъ отъ кривды боронилъ и не далъ бы еси тамъ иному никому корчмы варити“⁸¹⁶⁾. Въ 1488 году король продалъ жидамъ луцкимъ Израилю, Еску и Юдцѣ мыто и корчму Звягольскую на три года за 15 копь, при чемъ писалъ намѣстнику Звягольскому: „и корчмы бы еси своей не держалъ въ мѣстѣ и заповѣдалъ бы еси слугамъ своимъ и мѣщанамъ, што бы корчмы въ мѣстѣ не варили и по селомъ, нижили бы нехай только мѣли два разы або три въ году склады, а и складовъ большей того не казалъ бы еси варити въ мѣстѣ и по селомъ“⁸¹⁷⁾. Подъ складами разумѣются здѣсь пиво и медъ, которые варились въ складчину передъ большими праздниками, и которые могли, слѣдовательно, наносить ущербъ торговлѣ корчмы. Доходы съ корчомъ были регалиею, которою частныя лица пользовались временно или потомственно только по спеціальному привилею, полученному отъ великаго князя. Отсюда и могли возникать такія распоряженія, какія мы находимъ въ арендномъ листѣ великаго князя Александра на корчму Вруцкую отъ 18 августа 1501 года. „А мѣти имъ (откупщикамъ),—писалъ великій князь,—тую корчму только въ дву домѣхъ, а въ тыи три годы не надобѣ тамъ никому корчомъ держати: княземъ и паномъ, и бояромъ, и дворяномъ нашимъ; а если бы хто хотѣлъ тамъ опричь ихъ корчмы держати, въ томъ закладаемъ на пасъ вины наше сто рублей грошей“⁸¹⁸⁾. Въ томъ же году великій князь, продавъ корчму Бобруйскую на годъ за 40 копь грошей, писалъ намѣстникамъ обѣихъ половинъ Бобруйской волости, Виленской и Троцкой: „а въ тотъ годъ не надобѣ тамъ въ Бобруйску никому корчомъ держати: княземъ и паномъ, и бояромъ, и писаромъ, и дворяномъ нашимъ, которыхъ коли племъ до Бобруйска для нашихъ потребъ а тежь для ихъ доходовъ“⁸¹⁹⁾. Писари и дворяне, посылавшіеся съ правительственными порученіями въ волости, проживая въ нихъ подолгу, старались извлечь для себя побольше выгодъ изъ своего пребыванія въ мѣстности и заводили у себя корчмы, разсчитывая на всѣхъ тѣхъ, кто пріѣзжалъ или приходилъ къ нимъ по дѣламъ. Повидимому, это было злоупотребленіе, вопедшее въ обычай, съ которымъ мирилось правительство.

Впрочемъ, это могло быть со стороны правительства своего рода жалованьемъ на службу. Въ 1503 году король Александръ, уступивъ

⁸¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 21, 25.

⁸¹⁷⁾ Ibidem, л. 23.

⁸¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 179.

⁸¹⁹⁾ Ibidem, л. 181.

Ивану Новокрещеному корчму Минскую въ пожизненную аренду съ платою по 200 копъ грошей въ годъ, писалъ намѣстнику Минскому: „А хотя бы которые князи и панове, и бояре, и дворяне наши, и мѣщане листы наши теми разы на корчмы волныи мѣли, и ты бы листы въ нихъ отнималъ и корчомъ имъ не казалъ держати. Тавезъ, естли быхмо и напотомъ кому, запаметавши того, корчму волную дали, ино ты ни кто тамъ у мѣстѣ Мѣнскомъ корчомъ своихъ не мають мѣти, ни жили толко одно его корчмы тамъ мають быти“⁸²⁰). Въ актахъ находимъ и еще болѣе прямыя указанія на то, что корчмы давались великимъ княземъ въ видѣ жалованья за службу. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ писалъ Смоленскимъ правителямъ: „Приняли есмо пупкаря на замокъ нашъ Смоленскъ Саву и зъ братьею его, Остаповыхъ дѣтей, а на поживенье дали есмо имъ корчму волную тамъ мѣти. И вы бы въ тую ихъ корчму не казали никому вступатися: нехай они тамъ корчму держать и поживенье собѣ съ нее мають дотолѣ, пока они на томъ замку напомъ будутъ намъ служитя“⁸²¹). Въ 1516 году король пожаловалъ мураламъ Городенскимъ, стрижарамъ и меловникамъ корчму вольную въ мѣстѣ Городенскомъ и приказалъ мѣстному старостѣ не брать съ нихъ капщины: „нехай служатъ теми службами, какъ и передъ тымъ служивали“⁸²²). Корчмы вольныя жаловались иногда господаремъ, какъ и имѣнья, на поправленіе отъ неурядельскаго разоренія. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Семену Ямонтовичу Подберезскому корчму Борисовскую на годъ „для его службы и великого виаду, который же стался ему въ имѣніяхъ его отъ поганства татаръ“⁸²³). Въ 1511 году пожалована была городничему Минскому Волчку Шепелевичу корчма вольная въ мѣстѣ Минскомъ на годъ и въ одномъ домѣ — „мѣстскіи корчмы особно, а его особно одна“, — по просьбѣ его, мотивированной тѣмъ, что онъ „зъ Божьего допущенья отъ поганства татаръ у шеоды великіе попалъ и не маеть ся теми разы чимъ поживити“⁸²⁴). Убытки, понесенные на войнѣ, также вознаграждались иногда пожалованіемъ корчмы вольной. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году пожаловалъ корчму Рошскую „для поживенья“ князю Федору Андреевичу Прихабскому, кото-

⁸²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 224, 225.

⁸²¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.

⁸²²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 113.

⁸²³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 170.

⁸²⁴) Ibidem, л. 115.

рый на службѣ господарской имѣлъ тридцать коней „и тамъ въ шкюды великіе попалъ“ ⁸²⁵).

Но наряду съ этимъ при Сигизмундѣ, какъ и при его предшественникахъ, практиковалась отдача корчмъ въ аренду, часто вмѣстѣ съ другими регаліями. Такъ, въ 1523 году король продалъ мытнику Берестейскому Михелю Езофовичу на три года „корчмы Могилевскіи медовыи и пивныи, и винныи, и зъ воскобойнею, и зъ вѣсовымъ, и со всимъ съ тымъ, што къ тому вѣсовому прислухало“, за 1000 копъ грошей. Въ эти три года никто не имѣлъ права сытить медъ, варить пиво и держать горѣлое вино; въ противномъ случаѣ все это конфисковалось, и половина шла на господаря, а половина на откупщика. Исключеніе составили только праздничные склады: „а складовъ тамъ у кождый годъ по праздникомъ маеть сычено быти дванадцать, а кождый складъ маеть купити меду за рубль грошей, а сытити передъ его (откупщика) слугой и важыть“ ⁸²⁶). Часто корчмы отдавались господаремъ своимъ кредиторамъ на извѣстное число лѣтъ „для выбиранья пенязей ихъ“, которое, такимъ образомъ, связывалось для нихъ съ извѣстнымъ рискомъ въ случаѣ недобора. Такъ, въ 1508 году Сигизмундъ отдалъ рядцѣ Смоленскому Богдану Онковичу корчмы Бобруйскую и Свислоцкую на девять лѣтъ за долгъ въ 472 копы грошей, которыя задолжалъ еще отцу его король Александръ. Въ арендномъ листѣ король оговорилъ однако: „а естли бы хто хотѣлъ намъ повышити плату нашего за тые корчмы, ино тотъ маеть за всю тую деветь лѣтъ пенези его ему заплатити, а корчмы тые къ своей рудѣ мѣти“ ⁸²⁷). Изъ этого видно, что аренда погашала весь долгъ господарскій, такъ что кредиторъ бралъ ее на свой рискъ и страхъ. Въ 1511 году Сигизмундъ отдалъ на шесть лѣтъ корчму Рошскую медовую, пивную и винную поляку Явубу Боболецкому, которому король Александръ остался долженъ за его службу 347 копъ грошей. „А онъ маеть, — писалъ король въ арендномъ листѣ, — въ тую шесть годовъ тые пенези свои триста копъ и сорокъ копъ и семь копъ грошей съ тое корчмы собѣ заплатити“ ⁸²⁸) и т. д. — Съ отдачею корчмъ въ аренду всѣ лица, имѣвшія или производившія хмельные напитки, должны были продавать ихъ откупщикамъ. „А хто бы зъ ишого города

⁸²⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 101.

⁸²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 85, 86.

⁸²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 100.

⁸²⁸) Ibidem, л. 115; IX, л. 12.

албо мѣста,—читаемъ въ арендномъ листѣ великаго князя Александра на корчмы Смоленскія,—вино горѣлое до Смоленска привезъ, тотъ маєть вздоймомъ тое вино продати тымъ же корчмитомъ нашимъ; а иному никому не маєть его продавати мимо нихъ, а ни шинковати имъ на-розно“⁸²⁹). Что касается платежа арендной суммы, то она обыкновенно вносилаь самими откупщиками въ скарбъ великокняжескій сполна или только въ остаткѣ, который получался по уплатѣ денегъ по господарскимъ „вѣтацеямъ“, или ассигновкамъ. Откупщики, впрочемъ, не любили этихъ ассигновокъ, которыя падали на нихъ часто не во время и вносили путаницу въ ихъ расчетъ со скарбомъ, а потому иногда выпрашивали себѣ право вносить деньги въ скарбъ полною суммою сразу или въ опредѣленные сроки. Въ 1498 году великій князь Александръ, продавъ корчмы Вруцкія на годъ мѣстнымъ мѣщанамъ, написалъ поэтому въ арендномъ листѣ: „а мають пенези сами отдати, а въ нихъ господаръ не маєть давати никому“⁸³⁰). Передавали ли откупщики корчомъ деньги въ скарбъ черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, на это намъ не удалось найти указаній въ источникахъ, хотя такіе случаи были возможны.

При пожалованіи магдебурскаго права въ пользу мѣщанскихъ обществъ господаръ уступалъ обыкновенно *воскобойню и суконную постригальню*, которыя также были его доходными статьями въ мѣстахъ. Такъ, въ 1507 году король Сигизмундъ пожаловалъ мѣщанамъ Волковыйскимъ „воскобойню на забиваніе воску“ и „постриганье суконъ, сколько ихъ можетъ быти въ мѣстѣ“, „для лѣпшого подтверженья и помноженья мѣста Волковыйского и мѣщанъ всяхъ“⁸³¹). Мѣсту Новгородскому въ 1511 году король пожаловалъ также воскобойню: „и воски топленны мають печатью своею мѣстскою знаменовати, а съ того пожитки къ посполитому доброму мѣстскому мають заховати“⁸³²). Общественныя воскобойни возникли въ Литовской Руси по требованіямъ фиска и вмѣстѣ съ тѣмъ торговаго интереса, такъ какъ онѣ гарантировали и должный вѣсъ, и чистоту „каменей“ воска, бывшаго одною изъ главныхъ статей внутренней и вѣшной отпускной торговли. Мѣсту Берестейскому при пожалованіи магдебурскаго права также даны были „постригальня и забой восковый“⁸³³). Мѣсту Киев-

⁸²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171, 172.

⁸³⁰) Ibidem, л. 174. Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 443 и др.

⁸³¹) Акты Зап. Рос. II, № 13.

⁸³²) Ibidem, № 71.

⁸³³) Ibidem, № 173.

скому также предоставлено было право „постригочевъ мѣти, колюмо можетъ быти“ и воскобойню „на забиванье воску“ „со всѣми пожития и доходы“⁸³⁴⁾. Какимъ образомъ собирались эти доходы на господаря, на это намъ не пришлось найти указаній въ актахъ изучаемаго времени, но по аналогіи съ корчмами можно предположить, что право сбивать воскъ и стричь сукна предоставлялось частнымъ лицамъ за плату, которая, какъ и корчомные пенязи, шла въ скарбъ черезъ руки мѣстныхъ правителей.

XXXVII.

Изъ торговыхъ пошлинъ *мыто* въ собственномъ смыслѣ, которому подлежали товары привозимые и продаваемые въ мѣстахъ или только провозимые, не собиралось намѣстниками-державцами и тивунами. Литовско-Русское государство держалось въ данномъ случаѣ порядка, который установился издавна въ западной Руси, гдѣ по источникамъ еще въ XI и XII вв. встрѣчаемъ особыхъ *мытниківъ*⁸³⁵⁾. Да иначе и быть не могло, такъ какъ хлопотливыя обязанности сборщика мыта требовали для выполненія своего спеціальныхъ должностныхъ лицъ. Конечно, намѣстники-державцы и тивуны могли отряжать для этого своихъ слугъ, но такой способъ сбора мало обезпечивалъ господарскій интересъ. Поэтому великіе князья Литовскіе подобно русскимъ своимъ предшественникамъ поручали сборъ мыта особымъ лицамъ „въ вѣрной рудѣ“. Такъ, великій князь Александръ въ 1496 году въ бытность свою въ Берестѣй разсчитывался съ ключникомъ Берестейскимъ Левкомъ Боговитиновичемъ и Немирою, „што держали отъ его милости мыто Берестейское въ вѣрной рудѣ“⁸³⁶⁾. Отъ 1499 года въ записяхъ Литовской Метрики дошла до насъ „звитація зъ учиненя личбы“, выданная ключнику Киевскому Сеньку Полозовичу и мытникамъ Киевскимъ Сеньку и Михаилу Цыбулѣ, которые держали мыто Киевское отъ великаго князя „въ вѣрной рудѣ“⁸³⁷⁾. Впрочемъ, иногда мыто отдавалось „къ вѣрной рудѣ“ и мѣстному державцѣ, какъ, напр., это было въ Рѣчицѣ въ 1529 году. Отдавая замокъ Рѣчицкій съ водостью въ пожизненное держаніе пану Семену Полозовичу, король

⁸³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 77, 78.

⁸³⁵⁾ Н. Аристова Промышленность древней Руси, стр. 221, 222. С.-Петербургъ 1866.

⁸³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 171.

⁸³⁷⁾ Ibidem, л. 275.

Сигизмундъ написалъ въ грамотѣ, выданной ему по сему случаю: „А што съ дотычетъ мыта Рѣчыцкаго сухимъ путемъ и водою и подужчыны, тое мыто и подужчыну маеть онъ на замокъ нашъ брати по тому, какъ у первомъ привиліи нашомъ ему выписано: а хто купить воня або вола, або корову, або овцу и козу, мають мыто давати отъ коня по чотыры грошы, а отъ вола по два гроши, а отъ коровы по грошу, а отъ овцы и козы по полугрошью“⁸³⁸) и т. д. Мытники за свой трудъ получали „доходець“, который назывался „обѣствою“, „узвѣствою“ и „обѣсчимъ“, такъ какъ взимался съ купцовъ при объявленіи ими своихъ товаровъ⁸³⁹).

Но большею частью мыто отдавалось на откупъ частнымъ лицамъ, и эта практика была господствующею въ теченіе изучаемаго времени. Такъ, въ записяхъ пожалованій короля Казимира отъ первыхъ лѣтъ его княженія читаемъ: „Берестейское мыто Бенку Шаневичу вѣчно на вождый годъ по триста копъ грошей, а коли мыто полѣпшится, ему повышати, а подъ нимъ никому не подкупати“⁸⁴⁰). Въ 1486 году король Казимиръ продалъ мыто Путивльское на три года за тысячу сто копъ грошей жидамъ Рабею, Симшину сыну, и ихъ товарищамъ⁸⁴¹). Въ 1495 году великій князь Александръ продалъ мыто Минское на три года мѣстнымъ мѣщанамъ за 120 копъ грошей въ годъ, при чемъ запретилъ намѣстнику Минскому вмѣшиваться въ мыто и промыту, судить и рядить откупщиковъ и давати на нихъ дѣцкихъ: „кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межи нихъ смотрѣти въ тотъ часъ, пока выдержати мыто наше“⁸⁴²). Тогда же сдано было на откупъ и мыто Кричевское на три года съ платою по 35 копъ грошей въ годъ, а въ 1499 году этотъ контрактъ былъ возобновленъ, при чемъ великій князь наказывалъ намѣстнику, старцу и всѣмъ мужамъ: „што бы есте ихъ въ мытныхъ речахъ не судили, ни радили и дѣцкихъ своихъ не давали“⁸⁴³). Мѣстнымъ правителямъ поручалось только оборонять мытниковъ отъ обидъ и притѣсненій со стороны. Въ 1495 году великій князь Александръ, сдавъ на откупъ мыто и корчму Путивльскія на три года за 800 копъ грошей, писалъ своему намѣстнику въ Путивль: „кому воли въ нихъ подаемъ пенязи на квитаци-

⁸³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸³⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 98, 99.

⁸⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 63.

⁸⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 21, 22.

⁸⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 166.

⁸⁴³) Ibidem, л. 177.

яхъ зъ мыта нашего, и ты бы нехай року ждали, а до року бы ихъ не габали и силою квитацей на нихъ не наметывали и мощно певичей въ нихъ не брали“; намѣстникъ долженъ былъ оберегать откупщиковъ отъ всѣхъ этихъ насилій и самъ не вступаться въ мыто и промыту, не судить ихъ и не рядить ⁸⁴⁴⁾). Кромѣ того, мѣстные правители должны были оказывать мытникамъ содѣйствіе и помощь противъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы уклоняться отъ платежа мыта. Въ арендномъ листѣ на мыто Луцкое, выданномъ въ 1505 году королемъ Александромъ, читаемъ между прочимъ: „Если бы хто хотѣлъ тое мыто наше объѣзжати иными дорогами, мыта намъ не заплативши, для того они мають слугъ своихъ положить по тымъ мѣстомъ, гдѣ первыхъ мытниковъ слуги то стерегивали: и которые купцы будутъ тое мыто проѣзжати иными дорогами, мыта нашего не заплативши, въ тыхъ мають они товаръ ихъ на насъ забирати. И ты бы (староста Луцкій и Каменецкій кн. Семень Юрьевичъ) имъ не таковыхъ помощенъ былъ“ ⁸⁴⁵⁾. вмѣстѣ съ мытомъ отдавались на откупъ иногда и другія пошлины, которыя брались одновременно съ мытомъ. Такъ, въ 1486 году король Казимиръ продалъ жидамъ вѣевскимъ Мордечѣ Годяевичу и Перку Юдиловичу мыто и подужное Брянское, и перевозъ, и важочье, и корчму на три года за 360 копъ грошей широкихъ, при чемъ наказалъ своему намѣстнику Брянскому оборонять ихъ отъ притѣспеній, не позволять купцамъ новыми дорогами объѣзжать мыто Брянское, а также наметывать на нихъ до срока расплаты „квитацей“ ⁸⁴⁶⁾. Въ 1494 году великій князь Александръ сдалъ жидамъ берестейскимъ на три года за 700 копъ грошей „мыто Берестейское и Дорогицкое, и Городенское, и Бѣльское „съ перевозки и зъ вагами и со всеми доходы“ ⁸⁴⁷⁾. Въ 1498 году онъ сдалъ на три года мыто и вагу Луцкія за 500 копъ грошей въ годъ ⁸⁴⁸⁾; въ 1504 году король сдалъ войту Троцкому Нивелю мыто и мостовое Городенское на годъ за сто золотыхъ: „нехай онъ тое мыто и мостовое и промыту завѣдаеть по давному, какъ первыи мытники завѣдывала“ ⁸⁴⁹⁾ и т. д. Кромѣ того, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ мытомъ отдавались на откупъ и другія доходныя статьи, какъ, напр., корчмы и др.

⁸⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 168.

⁸⁴⁵⁾ Ibidem, л. 259, 260.

⁸⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 19, 20.

⁸⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, 165.

⁸⁴⁸⁾ Ibidem, л. 174.

⁸⁴⁹⁾ Ibidem, л. 263.

Особую доходную статью составляло мыто, которое бралось съ воска и соли—*восковые и соляные пенязи*, которые въ актахъ обыкновенно отличаются отъ „мыта“. Купцы, привозившіе воскъ и соль, предъявляли ихъ въ особыя „коморы“, гдѣ и взималась съ нихъ пошлина деньгами или натурою (солью). Вслѣдствіе этого и самыя мыта восковое и соляное назывались *коморами восковыми и соляными*. Въ 1518 году король Сигизмундъ сдалъ на восемь лѣтъ пану Авраму Бзофовичу „мыто Берестейское со всеми мыты старыми, какъ было за отца нашего Казимира короля его милости, зъ Городенскимъ а Дорогицкимъ, зъ Бѣльскимъ, съ Каменецкимъ, зъ Мелницкимъ, што по дорогамъ и на перевозѣхъ суть, которые передъ тымъ здавна, за отца нашего къ тому мыту Берестейскому прислухали и тежъ комору Берестейскую восковую и соляную“⁸⁵⁰). Что коморы восковыя и соляныя были не что иное, какъ мѣста сбора мыта съ воска и соли, на это указаніе получаемъ въ арендномъ листѣ короля Сигизмунда, выданномъ въ 1529 году жидамъ на тѣ же мыта и коморы „и съ коморами Лудцкими, Володымирскими восковыми и соляными и со всеми мыты по дорогамъ и по перевозомъ сухимъ путемъ и водою“. „А естли бы хто,—читаемъ здѣсь,—которые хотѣли *мыта* наши старыи и новыи, восковыи и соленыи, проѣждчати безъ цеховъ и безъ ввѣтъ ихъ съ товары або зъ воски и съ солью, мыта або восковничого и соленичого имъ не заплативши, и они мають таковыхъ въ промытъ забирать, и половина промыты маеть быти на насъ, а не на старость нашихъ, а на нихъ половина“⁸⁵¹). Воскъ былъ едва ли не главнымъ предметомъ вывоза за границу, а соль—главнымъ предметомъ ввоза изъ за границы⁸⁵²), такъ что восковые и соленые пенязи были пошлиною и вывозною и ввозною. Съ камня ($\frac{1}{4}$ пуда) воску въ изучаемое время взималось обыкновенно по шести грошей, а съ мѣха соли 4 гроша или: отъ лашта (15 бочекъ) по 45 грошей, отъ бочки по 3 гроша. Такъ, въ первый годъ княженья Сигизмунда всего воску было пропущено за границу черезъ Полоцкъ 14411 каменей, а пенязей взято еъ него 1441 копа и 6 грошей; на другой годъ воску было пропущено 4812 каменей, а пенязей взято было 481 копа и 12 грошей. Соли черезъ Полоцкъ было пропущено 19375 мѣховъ, а пенязей взято 1291 копа 40 грошей, а на другой годъ 10850 мѣховъ, а пенязей было

⁸⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 28.

⁸⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 163—165.

⁸⁵²) Акты Зап. Рос. II, № 149, II.

взято 723 копы и 20 грошей ⁸⁵³). Въ 1522 году Ганусъ Судорманъ чинилъ „личбу“ съ коморъ восковыхъ и соляныхъ Виленской, Ковенской, Техоновской и Тыботинской за три года, при чемъ показавъ: чрезъ коморы Ковенскую, Техновскую и Тыкотинскую прошло сол^н 12454 лашта и 14 бочекъ, а мыта собрано 9301 копа и 12 грошей, по 45 грошей отъ лашту; чрезъ Виленскую комору прошло 15387 камней, а приходу отъ воску 6538 копъ и 42 гроша, „отъ каменя по шести грошей“ ⁸⁵⁴). Такъ какъ все это были мыта старья, которыя Сигизмундъ сдавалъ на откупъ, „какъ бывало здавна, за отца нашего Казимира и брата нашего Александра, королей и великихъ князей ихъ милости“, то отсюда можно заключить, что вышеуказанная норма восковой и соляной пошлыны оставались неизмѣнною въ теченіе изучаемаго времени.

Восковые и соляные пенязи собирались „къ вѣрной руцѣ“ особыми должностными лицами (обыкновенно изъ торговаго класса), которые назывались *восковничими* и *соленичими*. Такъ, король Сигизмундъ въ 1507 году поручилъ завѣдать воски „къ вѣрной руцѣ“ въ мѣстѣ Городенскомъ бурмистру Оедку, мѣщанамъ Андреяну и Станку Бутевичу, писарю мѣстскому Ганусу и двумъ жидамъ городенскимъ, Игудѣ и Лазарю: они должны были брать отъ каждаго камня воску по шести грошей и, кромѣ того, себѣ „за працу“ по грошу съ каждаго шести каменей ⁸⁵⁵). Иногда должности восковничаго и соленичаго соединялись въ однихъ рукахъ, иногда были въ различныхъ; между восковничими и соленичими разныхъ мѣстъ устанавливались нерѣдко іерархическія отношенія. Такъ, король Сигизмундъ въ 1509 году далъ право восковничему и соленичему Берестейскому Михаилу Ребичковичу (брату извѣстнаго пана Аврама Езофовича) „брать личбу и пенязи“ у восковничихъ и соленичихъ Луцкихъ, Владимирскихъ, Дорогичскихъ и Бѣльскихъ. „А Михель вжо,—гласить при этомъ королевскій листъ,—масть тыми пенязьми отбывати князей и пановъ и дворянъ нашихъ тыхъ, кому будемъ въ него давати жалованья нашего на кви-тацяхъ“. Михелю дана была и половина „обѣстки“, которая взи-малась восковничими и соленичими отъ воска и соли въ свою пользу (очевидно, это и была вышеупомянутая плата „за працу“), но Михель за то долженъ былъ отъ себя посылать и ѣздить самъ въ господарю по надобностямъ своей должности, избавляя отъ этого подчиненныхъ

⁸⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 105.

⁸⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XI л. 88—90. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 149, II

⁸⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 95.

восковничихъ и соленичихъ ⁸⁵⁶). Въ данномъ случаѣ существовала полная аналогія съ мытниками, между которыми также существовали иногда іерархическія отношенія, такъ какъ мыта извѣстныхъ мѣстъ „прислухали“ въ одному „головному“ мыту, напр., мыто Дорогичское „прислухало“ въ мыту Берестейскому ⁸⁵⁷). Но, вромѣ сбора „въ вѣрной рудѣ“, коморы восковая и соляная отдавались иногда и на откупъ, хотя и рѣже, чѣмъ другія доходныя статьи великокняжескаго скарба, такъ какъ самый предметъ обложенія облегчалъ правительству учетъ лицъ, собиравшихъ эти пошлыны „къ вѣрной рудѣ“ Такъ, въ 1531 году король сдалъ комору восковую и соляную Полоцкую за 300 копѣ грошей ⁸⁵⁸); выше былъ приведенъ случай сдачи въ аренду коморъ восковыхъ и соляныхъ въ землѣ Берестейско - Подляшской и Волынской и т. д. Коморы восковая и соляная сдавались иногда господаремъ своимъ кредиторамъ „до выбиранія пенязей“ ихъ. Это бывало обыкновенно тогда, когда мытники по господарскимъ ассигновкамъ переплачивали болѣе, чѣмъ собирали съ восковъ и соли. Такъ, въ 1509 году король Сигизмундъ, рассчитавшись съ Аврамомъ Езофовичемъ и оставшись у него въ долгу въ 5630 копахъ грошей, отдалъ ему комору соляную въ Ковнѣ, восковую и соляную въ Полоцкѣ „къ вѣрной рудѣ“ до тѣхъ поръ, пока онъ выберетъ весь свой долгъ ⁸⁵⁹). Что касается намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, то они не участвовали въ сборѣ восковыхъ и соляныхъ пенязей, какъ и старыхъ мытъ, такъ какъ эти пошлыны собирались въ большихъ городахъ, бывшихъ обыкновенно резиденціями воеводъ и старостъ, или изъ этихъ городовъ—мытниками, восковничими и соленичими или откупщиками.

Въ Кіевѣ собиралось отдѣльно, вромѣ того, *мыто оргишное* (съ скота, пригонавшася изъ степей?). Это оргишное мыто въ 1508 году король Сигизмундъ отдалъ „къ вѣрной рудѣ“ мытнику Кіевскому Шамаку, при чемъ половина сбора должна была идти въ скарбъ, а половина мытнику въ уплату 660 копѣ грошей, которые ему задолжалъ король. Мыто должно было собираться такимъ образомъ: какъ придетъ оргишь до Кіева, Шамакъ обязанъ былъ извѣстить короля и не брать мыта до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ отъ короля дьякъ и не переписегъ вмѣстѣ съ Шамакомъ оргишь ⁸⁶⁰).

⁸⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 109.

⁸⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118 и др.

⁸⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 167.

⁸⁵⁹) *Ibidem*, л. 108.

⁸⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 101. Срав. XV, л. 65—67.

Мыта, восковые и соленые пенязи расходовались, какъ мы видѣли, подобно другимъ господарскимъ доходамъ на мѣстѣ, по ассигновкамъ, или „квитациямъ“, которыя налагались на сборъ или на откупную сумму; въ скарбъ вносился только излишекъ, если только онъ получался. Кромѣ денегъ, съ мыта, восковъ и соли жаловались сукна, шубы, соль, шелковыя матеріи и т. д., изъ чего можно заключить, что пошлины уплачивались нерѣдко самими товарами. Особенно много такихъ пожалованій встрѣчаемъ въ записяхъ Казимирова княженя. Это наводитъ на мысль, что система сбора торговыхъ пошлинъ натурою въ XV вѣкѣ дѣйствовала полнѣе, чѣмъ въ XVI-мъ, а въ XIV, быть можетъ, полнѣе, чѣмъ въ XV в.

Необходимо въ заключеніе указать на то, что торговая пошлина и сборы Литовско-Русское государство унаслѣдовало отъ древнихъ русскихъ княжествъ, вошедшихъ въ его составъ. Лѣтописи и немногіе дошедшіе до насъ акты XII и XIII в. говорятъ о сборѣ мыта въ западной Руси, перевоза, мостовщины, помѣрнаго, вѣсчаго, вощанаго вѣса, пошрины отъ соли и т. д. ⁸⁶¹⁾

Въ пользу господара вимались по отдѣльнымъ мѣстамъ налоги и подѣ другими названіями, напр., *верховщинные пенязи* во Владимірѣ, *чижовое* въ Ковнѣ и т. д. Въ записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Старостѣ Луцкому пану Петру Яповичу 20 копъ зъ мыта Луцкого, ему жъ двадцать копъ зъ мыта Берестейского, ему жъ 10 копъ *верховщинныхъ* у Володимири“ ⁸⁶²⁾. Въ 1498 году передъ великимъ княземъ Александромъ Оедько писарь положилъ „на личбѣ“ между прочимъ „Володимирскихъ вапныхъ пенязей и *верховщины* а циншовыхъ Литовижскихъ пятьдесятъ копъ и четыре копы и полтретьяцать грошей“ ⁸⁶³⁾. Въ 1495 году дьякъ Зенько положилъ „на личбѣ“ передъ господаремъ въ Вильнѣ 291½ копу, 140 золотыхъ и одинъ „золотой корабельникъ“; тогда же и Аврамъ, городничій Ковенскій, далъ „чижового“ 47 копъ (Зенько давалъ отчетъ по прошлымъ сборамъ ⁸⁶⁴⁾). Какое значеніе имѣли эти налоги, и въ какомъ отношеніи они находились къ перечисленнымъ выше, на это намъ не удалось найти соответствующихъ указаній въ источникахъ, равно какъ и на то, кто собиралъ эти налоги.

⁸⁶¹⁾ Н. Аристова Промышленность древней Россіи, стр. 220—228.

⁸⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28.

⁸⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 173.

⁸⁶⁴⁾ Ibidem, л. 165.

XXXVIII.

Итакъ, намѣстники-державцы и тивуны въ мѣстахъ были сборщиками государскихъ доходовъ и финансовыми агентами великаго князя, хотя здѣсь, какъ мы видѣли, они должны были раздѣлять это значеніе съ разными другими должностными лицами. Какъ и въ селахъ намѣстники-державцы должны были вмѣстѣ съ тѣмъ заботиться и о возможной полнотѣ платежныхъ силъ, принимать мѣры къ устройству мѣстъ и замѣщенію пустыхъ мѣщанскихъ участковъ прибылыми людьми. Если въ селахъ, гдѣ жили государскіе непохожіе люди, часто появлялись пустовщины, тѣмъ болѣе должны были онѣ появляться въ мѣстахъ, гдѣ населеніе по свойству своихъ занятій было болѣе подвижное, чѣмъ въ селахъ, и de jure не было прикрѣплено къ мѣсту поселенія. По отношенію къ мѣщанамъ большихъ и старинныхъ городовъ, какъ Витебскъ и Подолецъ, объ этомъ имѣются прямыя свѣдѣтельства актовъ ⁸⁶⁵⁾. Но то же самое по нѣкоторымъ выраженіямъ и указаніямъ актовъ мы можемъ заключать и о мѣщанахъ небольшихъ мѣстъ. Такъ, король Александръ, получивъ отъ войта Порозовскаго Давида Турчина увѣдомленіе, „што жъ многіе мѣщане Порозовскіе разошлесе съ Порозова прочь“, приказалъ ему „тыхъ мѣщанъ и иныхъ зъзывать“ (не „выводити“) и осаживать ими мѣсто, давая имъ волю, „а волю высѣдѣвши, и они мають намъ и поплатки мѣстскіи, какъ передъ тымъ съ тыхъ мѣстецъ поплатки мѣстскіи даиваны“ ⁸⁶⁶⁾. Въ 1525 году король Сигизмундъ по случаю большого пожара, истребившаго замокъ и мѣсто Берестейское, „не хотячи, — какъ гласить его листъ, — ижбы тыи мѣщане наши для таковое пригоды и впаду своего отъ насъ господаря зъ мѣста нашего Берестейского розышлесе“, освободилъ ихъ отъ всякихъ платежей на десять лѣтъ ⁸⁶⁷⁾. Мѣщане великаго княжества Литовскаго въ отношеніи своихъ „земскихъ“ правъ были сравнены съ высшими сословіями, князьями, панами и боярами-шляктою ⁸⁶⁸⁾, а, слѣдовательно, подобно имъ имѣли и право свободнаго передвиженія, не ограниченнаго въ финансовыхъ и повинностныхъ

⁸⁶⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204, II, № 70.

⁸⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 301, 302.

⁸⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 225, 226. Срав. Акты Зап. Рос. II, № 123.

⁸⁶⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 61; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 61; XVI, л. 276, 277.

интересахъ господаря. Господарь поэтому льготами старался удержать населеніе своихъ мѣсть, которое почему либо стремилось покидать ихъ. „Осаживать“ мѣсто поручалось обыкновенно „мѣстскому“ начальству, буде мѣсто пользовалось магдебургскимъ правомъ. Выше былъ приведенъ примѣръ такого порученія, даннаго войту Порозовскому. Въ добавленіе къ этому можно привести еще свидѣтельство источникъ относительно мѣста Волковыйскаго. Въ 1523 году королю Сигизмунду повѣдалъ старый бурмистръ мѣста Волковыйскаго Олишко Черневичъ, „ижь войтъ Волковыйскій и бурмистръ дали ему двѣ полоски земли мѣстское пустовское Опимаховцины къ его землицы отчизной для того, што жъ въ него землица отчизная мала и не мѣлъ съ чого службы наше служити и дачоѣ мѣстскихъ давати“,—и билъ челомъ, чтобы король подтвердилъ ему землю своимъ листомъ ⁸⁶⁹⁾. Такимъ образомъ, войтъ и бурмистръ, раздавая земли въ мѣстахъ, дѣйствовали только, какъ агенты господарскіе. Всѣ вообще пустыя земля, въ томъ числѣ и мѣстскія, считались господарскимъ достояніемъ, во владѣніе которымъ можно было вступить только съ утвержденія господаря. На этомъ основаніи и всѣ выморочныя недвижимыя имущества мѣщанъ спадали на господаря; примѣръ тому приведенъ былъ въ началѣ настоящаго очерка. Въ мѣстахъ безъ магдебурскаго устройства пустыя „мѣстца“ раздавали обыкновенно намѣстники-державцы и тивуны. Такъ, державца Рѣчицкій панъ Семень Полозовичъ при королѣ Сигизмундѣ осаживалъ не только волость, но и мѣсто Рѣчицкое ⁸⁷⁰⁾. Въ 1510 году король приказалъ намѣстнику Слонимскому Яну Николаевичу „уязвять“ дворянина Федора Волопина въ дворъ Рабтовскій въ мѣстѣ Слонимскомъ, который спалъ на господаря, и въ которому не было никакого близкихъ, „нижли дей тотъ дворъ держити мѣщанинъ слонимскій безъ данины наше, але зъ дозволеньемъ намѣстника твоего Слонимского“ ⁸⁷¹⁾. Даже мѣста съ магдебургскимъ правомъ господарь поручалъ иногда осаживать намѣстникамъ-державцамъ, особенно вновь. Такъ, король Сигизмундъ поручилъ державцѣ Волковыйскому пану Матею Войтеховичу садить мѣсто въ Волковыйскомъ повѣтѣ на Сви-слочи на магдебурскомъ правѣ ⁸⁷²⁾ и т. д.

⁸⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 71.

⁸⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 382.

⁸⁷²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 134, 135. Срав. Акты Зап. Рос. Ц,

Намѣстники-державцы, кромѣ того, регулировали поземельныя отношенія мѣщанъ, разрѣшали судебныя тяжбы о землѣ, утверждали купчи-продажи, дарственныя акты и духовныя завѣщанія на тѣхъ основаніяхъ, какъ и по отношенію къ шляхетскому землевладѣнію, съ которыми мѣщанское землевладѣніе представляло полную аналогію. Устраивая осѣдлость въ мѣстахъ, они дѣйствовали, какъ представители господаря, на которомъ лежала обязанность охранять интересы мѣстнаго населенія, и у котораго связанъ былъ съ этимъ собственный фискальный интересъ. Осѣдлость въ мѣстахъ, околю и внутри городскихъ стѣнъ, устраивалась, кромѣ того, и въ цѣляхъ военныхъ, для осаднаго сидѣнья на случай нападенія непріятеля. Князья, паны и бояре-шляхта, имѣвшіе свои усадьбы или „дворы“ въ селахъ, обыкновенно выпрашивали себѣ у господаря пустыя усадьбы въ городахъ и мѣстахъ, гдѣ и устраивали себѣ осадные дворы, или покупали таковыя у мѣщанъ, испрашивая себѣ освобожденіе отъ мѣстскихъ „смузобъ и дачокъ“. Такъ, дворянинъ Сурина Пуцятичъ выпросилъ себѣ у короля Александра „мѣстечко въ мѣстѣ Киевскомъ въ Сколинохъ домахъ собѣ варадити для пригоды отъ поганства татарь“. Но такъ какъ по случаю смерти воеводы кн. Дмитрія Пуцятича ему не было дано „уязванье“, то Сигизмундъ приказалъ преемнику кн. Пуцятича, пану Юрью Мехайловичу Монтовтовича, дать ему это „уязванье“⁸⁷³⁾. Въ мѣстѣ Полоцкомъ также были такіе дворы князей, пановъ и бояръ, какъ это видно изъ подтвердительнаго привилея, даннаго Полоцкой землѣ королемъ Сигизмундомъ въ 1511 году⁸⁷⁴⁾. Дворы эти были необходимою принадлежностью княжескихъ, панскихъ и боярскихъ имѣній и разсматривались, какъ ихъ составныя части. Панья Федора, дочь Пашка Дохновича, записала по смерти своей мужу своему Василью Хребтовичу „имѣнье свое отчизное, на имя Яблонное, а дворъ свой у замку у-въ окольнемъ Луцку“, а панъ Василій Хребтовичъ въ свою очередь отписалъ все это зятю своему князю Андрею Михайловичу Санкгушковича⁸⁷⁵⁾. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Федору Федоровичу Четвертинскому имѣнья во Владимирскомъ повѣтѣ Уйму и Цевеличи „со всеми людьми и зъ дворомъ городскимъ и мѣстцкимъ у Володимири, *которымъ къ тымъ имѣньямъ прислухаютъ*“⁸⁷⁶⁾ и т. д. Если у князя, пана или боярина не было дома въ

⁸⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 155. Сравни. Акты Зап. Рос. II, № 164.

⁸⁷⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 70.

⁸⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 175.

⁸⁷⁶⁾ Ibidem, л. 214.

городѣ, онъ старался часто приобрести его пашувою или въ приданое за женою. Такъ, землянинъ браславскій Ивашко Краскосельскій купилъ подворье въ мѣстѣ Луцкомъ „для убѣжища поганства татаръ“; король Сигизмундъ утвердилъ за нимъ эту покупку и отпустилъ ему съ этого подворья „службу и дачки мѣстскіи вся“⁸⁷⁷). Болринъ Городенскаго повѣта Петръ Гриньковичъ приобрѣлъ за женою домъ въ мѣстѣ Берестейскомъ недалеко отъ рынка и билъ челомъ королю выволить этотъ домъ „отъ службы и отъ подводъ и отъ всякихъ поплавокъ, мѣстскихъ и отъ присуду мѣтского“. Король исполнялъ его просьбу и 11 октября 1528 года выдалъ ему на то особый листъ, въ которомъ между прочимъ написалъ: „а который подворникъ отъ него будетъ въ томъ дому мѣшати, маєть его староста Берестейскій судити“⁸⁷⁸). Князья, паны и бояре держали въ городахъ и мѣстахъ свои дома не для одного осаднаго сидѣнья, а и на случай прїѣздовъ и жительства въ городѣ по дѣламъ, какъ это должно было часто бывать въ центральныхъ городахъ областей. По нѣкоторымъ признакамъ, высшіе классы военнослужаго сословія Литовско-Русскаго государства причастны были и въ торговому обороту, совершавшемуся въ мѣстахъ. По крайней мѣрѣ, съ увѣренностью можно утверждать это о боярствѣ земель Полоцкой и Витебской⁸⁷⁹). Хозяйственные интересы, такимъ образомъ, также побуждали служилыхъ людей приобретать недвижимыя имущества въ мѣстахъ. Служилые люди, если не сами торговали въ мѣстахъ, держали на своихъ подворьяхъ слугъ и людей, которые „ся обходили купецтвомъ або ремесломъ“ и платили своимъ господамъ „поземъ“⁸⁸⁰). Въ приобретеніи недвижимой собственности въ городахъ и мѣстахъ служилые люди несомнѣнно пользовались правительственнымъ посредничествомъ намѣстниковъ - державцевъ и тивуновъ, подобно тому, какъ пользовались они имъ въ приобретеніи своихъ земскихъ имѣній вообще.

XXXIX.

До сихъ поръ мы видѣли намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ въ роли приващиковъ въ господарскихъ имѣньяхъ и сборщиковъ податей, налоговъ и разныхъ господарскихъ доходовъ съ крестьянъ господарскихъ и владѣльческихъ и мѣщанъ. Этимъ, однако, не ограни-

⁸⁷⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 71.

⁸⁷⁸) Ibidem, 118.

⁸⁷⁹) Акты Зап. Рос. II, № 61, 70.

⁸⁸⁰) Ibidem, № 70, 164.

чивалось правительственное значеніе намѣстниковъ - державцевъ по отношенію къ поименованнымъ классамъ общества. Намѣстники-державцы были вмѣстѣ съ тѣмъ и комендантами мѣстныхъ вѣрностей, которые ихъ строили и снабжали провіантомъ и, наконецъ, возначальниками, которые выводили вооруженныя силы на ратное поле. Въ этомъ направленіи также развивалась ихъ дѣятельность по отношенію къ названнымъ классамъ общества. Начнемъ съ постройки и ремонта укрѣпленій, военныхъ дорогъ и мостовъ.

Эта постройка и ремонтъ входили въ число обычныхъ обязанностей намѣстниковъ - державцевъ (замки были, впрочемъ, далеко не во всѣхъ резиденціяхъ намѣстниковъ - державцевъ). Поэтому король Сигизмундъ, заставивъ въ 1518 году пану Богуну Боговитновичу дворецъ Каменецъ, написалъ въ заставномъ листѣ: „А што онъ, будучи тамъ замокъ нашъ, пенязей своихъ наложить, то маемъ ему заплатить“ ⁸⁸¹). Объ этой дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ встрѣчаемъ и другія извѣстія въ источникахъ изучаемаго времени. Такъ, король Сигизмундъ въ началѣ своего княженія ассигновалъ пану Дмитру Александровичу, намѣстнику Житомирскому, „на opravу“ замка Житомирскаго сто копъ грошей съ недопознковъ дани волостей Подѣбрскихъ ⁸⁸²), изъ чего видно, что содержаніе этого замка въ боевой готовности и исправности было на обязанности мѣстнаго намѣстника. Державца Рѣчицкій панъ Семень Полозовичъ, по слову королевскаго листа, выданнаго ему на держанье замка Рѣчицкаго „до живота“, „на пустомъ мѣстѣ на насъ господаря замокъ вбудовалъ и оборонами всякими за свои властныи пенязи тотъ замокъ нашъ воспомогъ“ ⁸⁸³) Впрочемъ, господарь и намѣстники-державцы своими пенязями только помогали строить и ремонтировать замки, такъ какъ это лежало собственно на обязанности мѣстнаго населенія. Относительно этого и въ памятникахъ общаго законодательства, и въ частныхъ привилеяхъ находимъ множество указаній и подробностей. Такъ, Ягелло освобождая въ 1387 году литовскихъ бояръ отъ всѣхъ работъ на господаря, оговорилъ въ своемъ привилеѣ: nisi dum ad castrum novi constructionem tota terra Lithuanica vocaretur; extunc quivis ad faciendum laborem pro constructione aut reformatione castrum antiqui sit astrictus ⁸⁸⁴). Въ 1413 году Ягелло и Витовтъ, пожаловавъ ли-

⁸⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 591, 592.

⁸⁸²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 449.

⁸⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

⁸⁸⁴) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

товскимъ князьмъ, панамъ и боярамъ права и вольности польской шляхты, опять оговорили, что паны по старому обычаю должны будутъ строить (своими людьми) замки и военныя дороги (vias expeditionales) ⁸⁸⁵). По земскому привилею 1457 года, подданные князей, пановъ, бояръ - шляхты и мѣщанъ также освобождались отъ всѣхъ работъ на господаря, „выимуючи роботы на будованье городовъ нашихъ новыхъ потребныхъ а старыхъ поправленіа“, а также „мостовъ новыхъ чиненіа, старыхъ поправленіа“. ⁸⁸⁶). То же самое подтверждено въ земскихъ привилеяхъ в. князя Александра 1492 года и короля Сигизмунда 1506 ⁸⁸⁷), а также и въ первомъ Литовскомъ Статутѣ 1529 года ⁸⁸⁸). Въ привилеяхъ, выданныхъ отдѣльнымъ областямъ великаго княжества, также встрѣчаемся съ обязанностью людей церковныхъ, княжескихъ, панскихъ и боярскихъ строить укрѣпленія. Такъ, въ привилеѣ Кіевской земли читаемъ: „А городки Кіевскіе по старому: дѣлати города каждому надобѣ“ ⁸⁸⁹). То же самое находимъ и въ грамотахъ, выданныхъ частнымъ лицамъ. Въ 1499 году великій князь Александръ по жалобѣ бояръ полоцкихъ, Богдана и Глѣба Остафьевичей, Михайла и Ивашка Зеновьевичей, на намѣстника Полоцкаго, который ввелъ имя „новину“, именно заставилъ ихъ рубить восемь городенъ въ замкѣ Полоцкомъ вмѣсто двухъ, писалъ намѣстнику Полоцкому: „мають они тыи свои двѣ городни робити по старому подлугъ давного обычая; а тобѣ, намѣстнику нашему, и городничему Полоцкому посовершаны зъ ихъ людей не надобѣ брати“ ⁸⁹⁰). Въ томъ же году великій князь Александръ выдалъ „выровъ“ по дѣлу людей Свислочькой волости съ людьми бояръ Котовичей, конемъ онъ присудилъ послѣднимъ „всякую тягль тянута“ съ людьми Свислочькой волости и между прочимъ „города рубити“ ⁸⁹¹). Панскіе люди Бобруйскаго повѣта, какъ это видно изъ заявленія, поданнаго королю Сигизмунду въ 1529 году старцемъ и людьми волости Бобруйской, „недѣли подводъ посполу зъ ними стерегивали и города и мосты робливали, и въ подачкахъ городовыхъ, и во всякихъ розметѣхъ имъ помогивали“ ⁸⁹²).

⁸⁸⁵) Zbiór praw litewskich, str. 7—20.

⁸⁸⁶) Акты Зап. Рос. I, № 61.

⁸⁸⁷) Zbiór praw litewskich, str. 58—67; 95—99.

⁸⁸⁸) Раздѣлъ I, арт. 22.

⁸⁸⁹) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

⁸⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

⁸⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82, 83.

⁸⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 22.

Въ 1528 году іюня 10 король присудилъ людямъ князей Вишневецкихъ и пановъ Котовичей „города наши Свислочь и Кіевъ и иныи, которыхъ будетъ потребъ, посполъ зъ нашими людьми Свислоччанами рубити и мосты мостити по тому, какъ передъ тымъ бывало“⁸⁹²). Подъ людьми Свислоччанами здѣсь разумѣются и мѣщане, которые со-обща вели процессъ противъ людей кн. Вишневецкихъ и пановъ Котовичей. Объ участіи мѣщанъ въ постройкѣ городскихъ укрѣпленій говорить и листъ великаго князя Александра по дѣлу мѣщанъ и мужей Торопецкихъ съ людьми волости Старцовой, въ которомъ читаемъ между прочимъ: „а городъ имъ съ Торопчаны рубити и сторожу давати на городъ по давному“⁸⁹³). Итакъ, замки и дороги строили и ремонтировали мѣщане и люди волостные господарскіе, княжескіе, панскіе и боярскіе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда князьямъ, панамъ и боярамъ шляхтѣ было недостаточно помощи господарскихъ подданныхъ, правительство отпускало известную сумму денегъ на нанимъ вольныхъ рабочихъ руть. Такъ, король Александръ ассигновалъ селянамъ Вѣницкимъ 30 копъ грошей „на оправленіе города“⁸⁹⁴). Общій надзоръ и руководство при работахъ принадлежали намѣстникамъ-державцамъ, которымъ въ этомъ помогали *городничіе*, существовавшіе въ значительныхъ замкахъ, бывшихъ въ державѣ намѣстниковъ-державцевъ, какъ, напр., въ Минскѣ, Каменцѣ, Кременцѣ⁸⁹⁵).

Кромѣ постройки и починки укрѣпленій, намѣстники-державцы принимали и другія мѣры по организаціи мѣстной обороны. Въ окраинныхъ замкахъ, напр., подъ ихъ „осмотрѣніемъ“ снаряжалась мѣщанами и волостными людьми „полная сторожа“. Такъ, въ инструкціи, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому пану Семѣну Полозовичу, король писалъ: „што съ дотычетъ сторожи полное ото всякихъ непрятелей нашихъ, яко отъ Москвитъ, такъ и отъ Татаръ и отъ Турковъ, мають вси подданныи наши тамошни Рѣчицкіи и зъ мѣста, и зъ волости, и тежъ князьскіи и паньскіи, и боярскіи люди, тую сторожу полную тымъ обычаемъ заступовати: они вси Рѣчицчане мають выправляти на тую сторожу полную два чоловѣки добрыхъ а годныхъ на добрыхъ конѣхъ подъ осмотрѣніемъ державцы нашего, а держав-

⁸⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 13.

⁸⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

⁸⁹⁴) Ibidem, 277, 278 и т. д.

⁸⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 115; *Donickiego Poczet rodów. Spis dŕgnitarzy i urzédników*, str. IX.

ца нашъ Рѣчмцкій панъ Семенъ маєть на тую сторожу полную посполь зъ ними своими пенязми третего челоуѣка выправляти⁸⁹⁷⁾. Въ случаѣ вторженія татарскихъ загоновъ или другихъ непріятельскихъ шаекъ державцы собирали мѣстныхъ жителей и вели ихъ въ погоню. Это была всеобщая повинность, лежавшая на всѣхъ классахъ общества, какъ и полная сторожа; ею обязаны были не только бояре, но всѣ мужчины, способные носить оружіе. Объ этомъ узнаемъ изъ привилея 1387 года, который говоритъ о погонѣ, какъ о старинной всеобщей повинности. То же самое подтверждаетъ, напр., и привилей короля Сигизмунда, выданный въ 1514 году Кіевскимъ мѣщанамъ. „Тежъ мають они, — читаемъ здѣсь, — сторожу мѣти въ поли отъ татаръ кожного часу подлѣ давного обычая тамъ, гдѣ передъ тымъ стерегивали; и тежъ, коли бы было потребъ, колеко разовъ до року зъ нами або зъ нашими поддаными потягнуги въ поговню за татары, они мають конне а збройде, кождый своєю головою подлѣ своего статку, такъ, какъ на войну слушать, безъ кожного умѣшканья и ослушанья, какъ мы имъ або владннѣкъ нашѣхъ роскажетъ тягнуги“⁸⁹⁸⁾.

XI.

Если къ погоню по горячимъ слѣдамъ непріятеля намѣстники державцы выводили всѣхъ способныхъ носить оружіе, поголовно, то на театръ военныхъ дѣйствій или въ сборный пунктъ войска они выводили изъ своихъ повѣтовъ только военнообязанныхъ. Эгими военнообязанными были прежде всего, какъ мы видѣли выше, многіе крестьяне, напр., соленики, угольники, санники, клепахи, садовники, кухаря, кравцы, сторожа, сокольники, осочники⁸⁹⁹⁾, а въ особенности — многочисленный разрядъ слугъ разныхъ наименованій. Военнообязанные крестьяне выправляли съ намѣстниками-державцами ратника съ каждой службы. Мѣщане также принадлежали къ этимъ военнообязаннымъ, но отправляли службу со всего мѣста „водлѣ уставы“. „А мѣщаномъ Волковыйскимъ, — читаемъ въ подтвердительномъ привилей короля Сигизмунда, данномъ въ 1507 году мѣсту Волковыйскому на магдебургское право, — велѣлъ его милость на службу свою, на войну, ходити, водлѣ уставы, какъ и изъ иныхъ мѣсть“⁹⁰⁰⁾.

⁸⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67. Срав. Акты Зап. Рос. I, № 210.

⁸⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 78, 79.

⁸⁹⁹⁾ См. Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I.

⁹⁰⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 13.

Кромѣ того, мѣщане часто владѣли земскими имѣньями не въ мѣстскомъ „фрйдѣ“, съ которыхъ они должны были нести „опришнюю“ военную службу.

Въ актахъ мы находимъ множество примѣровъ такого владѣнія. Такъ, великій князь Витовтъ далъ мѣщанину полоцкому Федору Свещову „село въ Полоцкомъ повѣтѣ въ Скморешевичохъ на Коржавинѣ“, потомки его получили земли „на Суши и на Ульвищи“ у своей братьи мѣщанъ, у бояръ и людей господирскихъ Полоцкаго повѣта въ равныхъ мѣстахъ, а король Александръ въ 1502 году подтвердилъ все это за ними своимъ листомъ⁹⁰¹⁾. Въ записяхъ „земельныхъ радъ“ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Есму, мѣстичу смоленскому, земля Онтипина а съ нее четыре пуды меду“⁹⁰²⁾. Есму пожалована была земля и вѣсть съ тѣмъ дань съ нея, которая, очевидно, была замѣнена военною службою. Въ 1487 году король Казимиръ пожаловалъ мѣщанину виленскому Степану Ршанину двухъ конюховъ въ Виленскомъ повѣтѣ, Демковыхъ сыновей, со всею ихъ землею отчиною „вѣчно ему и его жонѣ и его дѣтемъ“⁹⁰³⁾. Онъ же дозволилъ писарю Федку Григорьевичу купить село Всаю у мѣщанина челоцкаго Куницы Евлашиковича Колжича⁹⁰⁴⁾. Великій князь Александръ пожаловалъ мѣщанину виленскому Бордану Онковичу челоука въ Неменчинской волости Юргела Римшевича съ его землею⁹⁰⁵⁾. Въ 1497 году тотъ же великій князь дозволилъ писарю воеводы Виленскаго и канцлера пана Миколая Миколаевича Радивиловича Сеньбу Тереховичу купить два села въ Смоленскомъ повѣтѣ, Рѣпинское и Шустово, у мѣщанина смоленскаго Васька Лещива⁹⁰⁶⁾. Онъ же пожаловалъ мѣщанину виленскому Андрею Миколаевичу четыре службы людей въ Рудоинской волости Виленскаго повѣта; король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ ему данину предшественника своимъ листомъ⁹⁰⁷⁾. Въ 1510 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность мѣщанину мерецкому Григорью Андрушковичу имѣнья, купленные имъ у бояръ мерецкихъ, съ условіемъ: „а намъ платъ съ того службу земскую заступать“⁹⁰⁸⁾. Въ 1522 бурмистръ мѣста Виленскаго Ер-

⁹⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 109, 110.

⁹⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 36.

⁹⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 128.

⁹⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 150.

⁹⁰⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 312.

⁹⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 88.

⁹⁰⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 126.

⁹⁰⁸⁾ Ibidem, л. 405.

мола: Олговичъ получилъ отъ короля Сигизмунда челоуѣка тѣлаго въ Виленскомъ повѣтѣ въ Роконтишевой волости Юрда Юхновича съ братьею, съ которыхъ шла одна служба; въ слѣдующемъ году онъ получалъ землю въ Ловарившвахъ Андрушовищину, „а у Мемѣжской волости въ Дилусахъ землю Ющковщину а челоуѣка Юшмеля, конюха съ братьею и съ землею възъ“ и, кромѣ того, землю пустовскую Якову Войдидовича, „а въ Немецкннской волости Жинняншского повѣту двухъ братовъ рождныхъ землю, Михайловщину а Станкевичщину“⁹⁹⁾. Въ 1522 году король подтвердилъ вѣждкоушему Виленскому Шамку Мацковичу куплю его у свирнаго Виленскаго Станка Ивашковича, „дворецъ, его выслугу, на рѣцѣ на Рѣши съ напшею дворною и съ сѣножатни, и зъ гац, и зъ дубровами, и съ коромами, и съ челоуѣкомъ купленнымъ, на имя Ласельмъ Ждановичемъ, и его званою и зиданомъ, которото челоуѣка купилъ онъ у мѣщанина Виленскаго Яна въ Янчулевича, и зъ другия челоуѣкомъ воляныи, на имя зъ Ксирдѣмъ, и его коромами“¹⁰⁰⁾ и т. д. Развитие мѣщанскаго землевладѣнн въ мѣстской чертѣ и на „земскомъ правѣ“ можно констатировать и не одними частными примѣрами, а и нѣкоторыми общими указами автора. Нѣкоторый намекъ на это даетъ уже земскій привилей 1457 года, который предполагаетъ для мѣщанъ владѣнне крестьянами¹⁰¹⁾. Но это владѣнне можно еще приурочивать къ фольварочному хозяйству, въ хуторахъ, которые находились по близости отъ мѣста и на мѣстской землѣ. Воолнѣ опредѣленное и точное указанне на мѣщанское землевладѣнне внѣ мѣстской черты даетъ грамота, выданная въ 1510 году мѣщанамъ Полоцкимъ, въ которой читаемъ между прочимъ: „Такожь, што мѣщане покупили земли у бояръ Полоцкихъ, або въ сельскихъ путниковъ, або въ данныхъ, або въ пригонныхъ людей: ино тми мѣщане мають съ тыхъ земель служити намъ военною службою“¹⁰²⁾. Привилей, подтвержденный Полоцкой землѣ Сигизмундомъ въ 1511 г., приравниваетъ мѣщанъ въ правахъ землевладѣнны боярамъ¹⁰³⁾. Въ листѣ короля Сигизмунда, посланномъ въ 1528 году державцамъ и тивунамъ Жмудской земли по поводу переписи крестьянъ въ имѣннхъ для опредѣленн военной повинности съ нихъ, читаемъ между прочимъ: „писали есмо о томъ до старосты Жмоитского

⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 66. 73.

¹⁰⁰⁾ Ibidem, л. 58.

¹⁰¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 61.

¹⁰²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 61.

¹⁰³⁾ Ibidem, № 70.

пана Станислава Станиславовича Яновича, абы его милость вамъ всимъ, тивуномъ нашимъ, росказалъ и обралъ у кождомъ тивунствѣ по два землянины, годныхъ вѣры, и до васъ и тыхъ землянъ прыставилъ дьяка своего и казатъ всихъ бояръ нашихъ шляхту, дѣльныхъ братью и недѣльныхъ, и ихъ имѣнья и люди службами, колко въ которой службѣ домовъ, тежъ люди плебаньскіе и мѣщанскіе, имѣнья земскіе, фольварки отчизныи и выслуженыи и купленыи, и колко въ которого человекъ сохъ воловыхъ и коней, и маетность всю кождого человекъ пописать; а землянинъ кождый и мѣщанинъ, пописавши имѣнья свои—и люди, и сохи ихъ, мають передъ вами, тивуны нашими, и передъ теми двѣма земляныи нашими обранныи и дьякомъ пана старостиннымъ присягу вдѣлати на томъ, ижъ вѣрне а справедливе все пописали, а ничего не втаили отъ васъ, а плебани мають то передъ вами повѣдати подъ духовенствомъ своимъ²¹⁴⁾. Итакъ, въ Жмудской землѣ мѣщане являютя землевладѣльцами въ селахъ на ряду съ боярами шляхтою, съ которыми вмѣстѣ и отправляютъ военную службу. Подобное же указанье, наконецъ, находимъ мы и въ самомъ Статутѣ 1529 г.²¹⁵⁾.

Въ числѣ военнотруженихъ землевладѣльцевъ, которыхъ выправляли на войну намѣстники - державцы, были и *татары*. Извѣстно, что Витовтъ по возвращеніи изъ похода на Донъ въ 1397—1398 г. поселилъ множество плѣнныхъ татаръ по Вилии, Вагѣ и Лососнѣ въ Троцкомъ, Лидскомъ, Опшмянскомъ, Новгородскомъ, Каменецкомъ и Брестскомъ повѣтахъ, обязавъ ихъ нести одну только военную службу. Кромѣ плѣнныхъ, не мало прибыло въ Литву и добровольныхъ выходцевъ изъ татаръ, особенно вслѣдствіе домашнихъ распрей и междоусобій²¹⁶⁾. Первые извѣстія о литовскихъ татарахъ вполне подтверждаются свидѣтельствами актовъ изучаемаго времени. Наиболѣе полныя извѣстія о татарахъ получаемъ изъ „пописа“ военнотружениаго класса и его службы, составленнаго въ 1528 году. Татары по этому „попису“ являютя испомѣщенными преимущественно въ разныхъ мѣстахъ Троцкаго воеводства (между прочимъ на Вагѣ и на Лососнѣ), также и въ Новгородскомъ повѣтѣ. Многіе изъ нихъ владѣльцы крестьянъ, вслѣдствіе чего ѣздятъ на войну самъ-другъ, самъ-третей, самъ-шесть и т. д.; но многіе „казаки, што людей не мають“, а нѣкоторые

²¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23—25.

²¹⁵⁾ 22 арт. I разд.; 1 арт. II разд.; 7 арт. III разд. и др.

²¹⁶⁾ *Jaroszewicza* *Obraz Litwy* II, § 49; *А. Барбацеева* Витовтъ и его полѣтѣна до Грюнвальденской битвы, стр. 95, прим. 67. С.-Петербургъ 1885.

даже „на огородѣхъ сѣдять, пашни не мають“. Татары дѣлятся на стяги, которыми командуютъ хоружіе тоже изъ татаръ, а казаки ставятся подъ начальство хоружихъ своими атаманами ⁹¹⁷⁾). Въ актахъ находимъ множество и частныхъ указаній въ такомъ родѣ. Такъ, великій князь Александръ въ 1496 году присудилъ татаркѣ Бактышѣ имѣнье Гяѣдовичи, которое хотѣли у ней оттягать ея тетви; при этомъ великій князь мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что „князь Исупъ, отецъ ихъ, даючи ихъ замужь, подавалъ имъ люди ихъ, съ того имѣнья вывѣновалъ“ ⁹¹⁸⁾). Въ 1498 году Александръ присудилъ татарамъ Сеитовичамъ, Довлихтіару и Бахтіару, людей Скорбеевичей, которыхъ отнялъ было у нихъ панъ Янъ Петровичъ, воеводичъ Троцкій,—присудилъ на томъ основаніи, что это—люди ихъ отчинные, выслуга отца ихъ на королѣ Казимирѣ ⁹¹⁹⁾). Онъ же въ 1494 году пожаловалъ татарамъ Алыму и Ахметю Вруслановичамъ 12 человекъ Бридянцевъ въ Керновскомъ повѣтѣ ⁹²⁰⁾). Въ 1502 году Александръ пожаловалъ писарю татарскому Абрагиму Тимирчичу пять службъ людей и три пустощины въ Роготной въ Бѣлицкомъ повѣтѣ; татарамъ Исаку и Легимбердею—девять службъ людей и три пустощины въ Красносельскомъ повѣтѣ; Банку и Аду—восемь службъ людей и три пустощины въ Марковскомъ повѣтѣ ⁹²¹⁾) и т. д. Татары-землевладѣльцы состояли при тѣхъ-же самыхъ правахъ, какъ и бояре-шляхта. Такимъ образомъ, напр., великій князь жаловалъ ихъ вмѣстѣ съ имѣньями въ частное подданство, оставляя неприкосновенною ихъ личную свободу. Такъ, король Сигизмундъ въ 1515 году пожаловалъ князю Ѳедору Михайловичу Чорторыйскому въ Новгородскомъ повѣтѣ людей и земли, между ними шесть службъ дворницъ татарскихъ: Юхна Мосыревича, Болота Кожича, Разлуковичей, Тулатовичей, Велиновичей, Шиломоновичей, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „которые татарове на тыхъ дворницахъ сидятъ, если бы они хотѣли, на тыхъ земляхъ своихъ будучи, ему служити, и они нехай князю Ѳедору служить; а всхотятъ-ли съ тыхъ земель сойти прочь, тогда онъ маеть ихъ съ тыхъ земель спустити, не гомуючи ничимъ“ ⁹²²⁾). Въ распоряженіяхъ своими имѣньями татары подчинялись

⁹¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Публичн. Дѣль I, л. 108 117.

⁹¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58.

⁹¹⁹⁾ Ibidem, л. 70.

⁹²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 45, 46.

⁹²¹⁾ Ibidem, л. 205, 206.

⁹²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 200.

общимъ установленіямъ земскаго или шляхетскаго права. Такимъ образомъ, напр., татаринъ Муратъ Мамтизовичъ умирая отписалъ племяннику своему Сеину Айдаровичу третью часть отчины своей въ Кричинѣ, „а двѣ части тое жъ земли, отчизны своее, отписалъ инымъ близкимъ своимъ“²²³). Въ 1525 году дворянинъ Василій Вколовъ, купивъ у татарина Майка Богдановича Таутовича службу людей отчинныхъ въ селѣ Бронницахъ, взялъ съ его родственниковъ листъ „выреченный, изъ близкіи того Майка Васко а Легушъ Собачковичи тое близкости своее, которую тотъ Майко ему продалъ, выречлиса“²²⁴) и т. д.

Хотя татарскіе стаги выводили на войну татарскіе хоружіе, но они, какъ и всѣ хоружіе вообще, были въ данномъ случаѣ только помощниками намѣстниковъ - державцевъ, дѣйствовали подъ ихъ надзоромъ и отвѣтственностью. При томъ же во многихъ повѣтахъ татары были въ незначительномъ числѣ, не составляли цѣлаго стага и выправлялись на войну вмѣстѣ съ другими военнослужилыми землевладѣльцами намѣстниками - державцами. Кромѣ Троцкаго и Виленскаго воеводства, татары по актамъ встрѣчаются и въ другихъ областяхъ великаго княжества въ качествѣ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ. Князья Кіевскіе Оледько и Семень, напр., роздали села и селища, тянущія къ Остру, боярамъ, слугамъ, сокольникамъ и *татарамъ кіевскимъ*²²⁵).

Въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли въ составѣ мѣстнаго военного люда мы встрѣчаемъ, кромѣ того, *русскихъ казаковъ*, — классъ, который возникъ и развился по всѣмъ признакамъ едва-ли не изъ татарскаго ядра. По всей вѣроятности, казаками первоначально въ Черкасскомъ повѣтѣ назывались испомѣщенные татары, мелкіе землевладѣльцы, не имѣвшіе крестьянъ, сами обрабатывавшіе свои поля и вѣдавшіеся въ отношеніи повинностей своими атаманами. Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, являются передъ нами по описи 1528 года казаки Новгородскіе. Казаки Новгородскіе частью обрусѣли, какъ это видно изъ перечня ихъ именъ; по всей вѣроятности, то же самое случилось и съ Черкасскими казаками. Съ теченіемъ времени, въ ихъ составѣ стали входить и русскіе, которымъ правительство давало земли на военную службу. Это были тѣ же самые люди, которые въ другихъ повѣтахъ назывались слугами (въ Кіевской землѣ они являются

²²³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209.

²²⁴) Ibidem, л. 223.

²²⁵) Акты Зап. Рос. I, № 77.

подъ начальствомъ атамановъ); но въ Черкасскомъ повѣтѣ они применили къ готовому уже татарскому контингенту казаковъ и усвоили названіе казаковъ. На это намекаетъ и одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ о черкасскихъ казакахъ, именно—„списанье речей, у казаковъ Черкасскихъ отобранныхъ черезъ Сенька Полозовича“. Казаки дѣлятся; по этому документу, на роты, при чемъ начальникомъ одной изъ ротъ является какой-то князь Дмитрій; они имѣютъ своихъ *бурмиковъ*, стало быть, владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность ²²⁶). Г. Антоновичъ въ предисловіи къ 1 тому III части Архива Юго-Западной Россіи (стр. XXVI) принимаетъ упоминаемаго здѣсь князя Дмитрія за вн. Дмитрія Вишневецкаго. Но это врядъ ли такъ: князь Вишневецкій дѣйствовалъ въ качествѣ казацкаго предводителя позже Евстафія Дашкевича, старосты Черкаскаго и Каневскаго, въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія; упоминаемый въ „списаньѣ речей“ (около 1503 г.) князь Дмитрій является не казацкимъ предводителемъ вообще, а начальникомъ роты казацкой. Скорѣе всего, это былъ крещенный татарскій князекъ на подобіе тѣхъ, которые держали татарскія хоругви по описи 1528 г.; самыя имена казаковъ—Душбекеничь, Мандрика намекаютъ на нерусское происхожденіе ихъ, хотя на ряду съ ними стоятъ и чисто русскія имена.—Черкасскіе казаки являются землевладѣльцами на ряду съ боярами и мѣщанами и по королевской грамотѣ 1528 года, выданной Пустыньскому монастырю на уходы данные, бобровые гоны, ставленье сѣтокъ, рыбныя ловли по озерамъ ²²⁷). Съ такимъ же значеніемъ встрѣчаются по актамъ и казаки въ землѣ Полоцкой: въ 1522 году Сигизмундъ пожаловалъ „до воли“ казаку полоцкому Артему Яковлевичу землю пустовскую въ Полоцкомъ повѣтѣ—Ситны, съ которой давно не было никакихъ службъ и дачекъ ²²⁸). Въ грамотѣ нѣтъ обычнаго прибавленія, что владѣлецъ долженъ служить съ земли прежнюю службу; слѣдовательно, земля давалась на службу казацкую, т. е. военную.

Но основной контингентъ ополченія, которое выходило изъ повѣтовъ на мѣстниковъ - державцевъ, составляли бояре, земяне и слуги. Поэтому бояре (и земяне) и слуги обыкновенно и фигурируютъ въ актахъ, гдѣ говорится объ отправленіи военной службы. Такъ, въ окружномъ королевскомъ посланьѣ, адресованномъ къ державцамъ

²²⁶) Архивъ Юго-Запад. Рос., ч. III, т. I, № 1.

²²⁷) Акты Зап. Рос. II, № 153.

²²⁸) Литов. Мстр. вн. Запис. XII, л. 21.

относительно сбора земскаго ополченья къ Минску, читаемъ: „Прото жъ приказуемъ тобѣ, ажбы еси со всеми своими бояри и со всеми слугами конне а збройне подлѣ уставы и ухвалы земское ѣхалъ на службу нашу до Мѣнска и на тотъ ровъ положенный тамъ бы есте воеводѣ Троцкому, гетману нашему навшшому, князю Костентину его милости на тотъ ровъ у Мѣнску ся овазали и въ реестра се его милости написали“²²⁹⁾.

Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что ополченье бояръ и землянъ не смѣшивалось съ крестьянскимъ и выправлялось подъ начальствомъ своихъ *хоружихъ*, которые соответствовали польскимъ каштелянамъ²³⁰⁾. Чинъ хоружаго является на Литовской Руси одновременно съ польскою идеею шляхетства, которая обособила боярина или землянина отъ „простаго“ челоуѣка. Даты его восходятъ поэтому до княженья Витовта. Въ 1527 году королю Сигизмунду билъ челоуѣкъ бояринъ дорсунишскій Андрей Моисеевичъ и повѣдалъ, „што жъ дей ещо прадѣдъ и дѣдъ, и отецъ его, почонъ отъ дяди нашего великаго князя Витовта и за отца и брата нашего, славное памяти королей ихъ милости, и зъ данины ихъ милости хоружое Дорсунишское (держали), и николи дей зъ домовъ ихъ тотъ врадъ не выхоживалъ“; бояринъ поэтому просилъ короля утвердить его въ этой должности, что и было исполнено²³¹⁾. Въ актахъ изучаемаго времени находимъ множество упоминаній о хоружихъ, при чемъ они являются какъ въ повѣтахъ державцевъ, такъ и въ повѣтахъ старостъ и даже воеводъ. Такимъ образомъ, встрѣчаемъ, напр., хоружаго Сомилишскаго²³²⁾, Живморскаго²³³⁾, Остринскаго²³⁴⁾, Керновскаго²³⁵⁾ и др.; хоружаго Луцкаго и Владимирскаго²³⁶⁾, Городенскаго²³⁷⁾, Берестейскаго, Дорогичаго²³⁸⁾ и др.; хоружаго Полоцкаго, Новгородскаго, Троцкаго²³⁹⁾ и др. Хоружіе

²²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 76.

²³⁰⁾ 2 и 10 арт. II разд. Статута 1529 г.

²³¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 341, 342.

²³²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 235.

²³³⁾ Ibidem, л. 113; XV, л. 97, 98.

²³⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 43.

²³⁵⁾ Ibidem, л. 335.

²³⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 62, 76; Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LXV, CXCXVII.

²³⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 236.

²³⁸⁾ *Bonicckiego* Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników, str. IV.

²³⁹⁾ Ibidem, str. V, VI; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 114, 115.

дѣйствовали подъ надзоромъ и руководствомъ намѣстниковъ - державцевъ и были только ихъ помощниками. Намѣстники-державцы за неисправное исполненіе обязанностей отставляли ихъ отъ должности и замѣняли другими лицами „до воли господарской“. Король Сигизмундъ далъ хоружое Лидское боярину Богдану. Но мѣстный державца панъ Юрій Ивановичъ Ильинича, „бачачи того Богдана, иже онъ неслухне а нерадне ся справуетъ“, отнялъ у него должность и отдалъ Мицку Нарковичу, написавъ въ то же время королю, „иже тотъ Мицко есть годнѣйшій, нижи тотъ Богданъ“. Король своимъ листомъ отъ 12 февраля 1524 года утвердилъ распоряженіе державцы³⁴⁰). Хоружіе помогали намѣстникамъ - державцамъ главнымъ образомъ въ томъ, что слѣдили за полнотою и исправностью отбыванія военной службы боярами и земянами, чтобы никто не оставался дома и служилъ сообразно величинѣ своего имѣнія съ даннымъ числомъ людей, „абы тыи почты водаѣ попису ку службѣ были выправованы и што бы ни въ чомъ оный почетъ людей не былъ уменьшенъ“³⁴¹). Кроме того, хоружіе „подъ свѣдомомъ“ державцевъ выбирали серебдину съ людей боярскихъ, дворянскихъ, вдовьихъ и татарскихъ³⁴²). Вслѣдствіе этого и отвѣтственность возлагалась не на хоружихъ только, а и на державцевъ. Вышеупомянутая окружная грамота короля Сигизмунда грозитъ конфискаціею имѣній за утайку земянъ по домамъ державцамъ и хоружимъ совместно³⁴³).

XLI.

Ополченье бояръ выправлялось изъ большинства повѣтовъ Литовско-Русскаго государства. Что касается *земянъ*, то они выправлялись изъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ Польшею областей, гдѣ они занимали то же общественное положеніе, какъ и бояре-шляхта въ другихъ областяхъ великаго княжества. „Попись“ 1528 года помѣщаетъ бояръ въ предѣлахъ собственной Литвы, Жмуди и въ русскихъ областяхъ, за исключеніемъ Берестейско-Подляшской земли и Волынской³⁴⁴). Это общее указанье подтверждается и дополняется многочисленными частными указаніями актовъ изучаемаго времени. Не касаясь свидѣтельствъ

³⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 137.

³⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 202—206.

³⁴²) Акты Зап. Рос. II, № 17, 161.

³⁴³) Справ. 10 арт. II разд. Статута 1529 года.

³⁴⁴) Литов. Метр. кн. Публич. дѣлъ I, л. 100, 101; 117—201.

о боярахъ, которые попадаются на каждомъ шагѣ, приведемъ нѣкоторыя свидѣтельства о землянахъ.

Въ записяхъ о денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ раздачахъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „землянамъ берестейскимъ Гриньку и Пацку 10 копъ грошей зъ мыта Берестейскаго“⁹⁴⁵). Земляне Берестейскіе коллективно въ 1499 били челомъ великому князю Александру о томъ, чтобы онъ по старинѣ раздавалъ имъ волости Берестейскія въ держанье по очереди, по годамъ „волею“⁹⁴⁶). *Землиныи каменецкій* Дорошей Макаровичъ въ 1514 году продалъ пану Юрью Ивановичу Ильинича дворець свой Макаровщину на р. Лсьнѣ въ Каменецкомъ повѣтѣ⁹⁴⁷). *Земляне дорожичкіе* Нагорна и Шпица въ 1489 году отвѣчали передъ королемъ по жалобѣ на нихъ пана Литавора Хребтовича, будто бы они забрали земли его имѣній „и дворы собѣ порадили и пашни роспахали“⁹⁴⁸). Въ „вырокѣ“ великаго князя Александра (отъ 24 іюня 1495 года) по дѣлу землянъ дорожичевыхъ Водынскихъ съ землянами Погорѣльскими „о кгрунты и границы“ упоминаются въ качествѣ „свѣтловъ“ тяжущихся „люди добрые земляне Ляхове и Русь“⁹⁴⁹). Король Казимиръ пожаловалъ *землянину мельничному* Петру Крнацкому войтовство въ селѣ Головчичахъ и три волки земли⁹⁵⁰).—*Землянамъ Бѣльскимъ* великій князь Александръ въ 1501 году пожаловалъ гдѣ же права, какія даны были уже землѣ Дорожичкой⁹⁵¹). Въ жалованной грамотѣ, выданной въ 1507 году королевѣ Еленѣ на замокъ Бѣльскъ съ его повѣтомъ, вмѣсто землянъ являются уже бояре Бѣльскіе⁹⁵²), что служить указаньемъ на тождество этихъ общественныхъ классовъ. Относительно этого можно привести и еще болѣе прямое свидѣтельство. Въ 1528 году король Сигизмундъ подтвердилъ землянину бѣльскому Григорью Тимофеевичу землю Рѣчковщину, которую ему далъ староста Бѣльскій панъ Альбрехтъ Мартиновичъ Гаштольдъ съ условіемъ служить съ этой землей службу „по тому, какъ и иншіе бояре Бѣльскіе служатъ“⁹⁵³).

⁹⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 61.

⁹⁴⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 140.

⁹⁴⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 42.

⁹⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 134.

⁹⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 37, 38.

⁹⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

⁹⁵¹) Акты Зап. Рос. I, № 189.

⁹⁵²) Акты Зап. Рос. II, № 8.

⁹⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 393.

О землянахъ въ землѣ Волынской мы встрѣчаемъ первыя опредѣленные свидѣтельства уже въ актахъ Свидригелла. Въ 1445 году Свидригелло пожаловалъ шляхетнымъ Ѳеодору Жуку и Ходору имѣнье Рычеговъ, при чемъ написалъ въ привилеѣ: „а съ того намъ имають служить и нашимъ намѣстникомъ двумя стрѣльцема на заволаную войну, яко инѣи земляне служатъ“⁵⁵⁴). Ранѣе того и въ землѣ Волынской, какъ и въ другихъ областяхъ великаго княжества, военнотружильные землевладѣльцы назывались боярами. Въ 1392 году король Ягелло пожаловалъ права земли Львовской *bagonibus, militibus, bojarinis, pobililus et clientibus* земли Луцкой⁵⁵⁵). Даже въ записяхъ Казимира княженя упоминаются бояре въ землѣ Волынской: „Олешку, боярину володимирскому, — читаемъ въ нихъ, — село Олизарово Шиловича Горюховъ у Луцку до воли“⁵⁵⁶). При Казимирѣ, впрочемъ, чаще всего встрѣчаемся по актамъ съ землянами Волынскими. *Земляниномъ* лудскимъ названъ, напр., панъ Олизаръ Шиловичъ, которому король Казимиръ въ 1450 году пожаловалъ имѣнья въ Луцкомъ повѣтѣ⁵⁵⁷). Въ 1488 году король позволилъ войту Владимирскому Ѳеоду Иванову съ войтовства Владимирскаго и Литовижеваго „на войну не ходити до его живота ни съ однимъ старостою Луцкимъ, а ни зъ маршалкомъ Волынской земли, а ни зъ намѣстникомъ Володимирскимъ, а ни зъ земляны Волынской и Володимирской земли“⁵⁵⁸). Земляне слѣдуютъ послѣ князей и пановъ и въ привилеяхъ, коими великіе князья Александръ и Сигизмундъ подтверждали права, данныя Волынской землѣ королемъ Казимиромъ⁵⁵⁹).

Кромѣ Луцкаго, Владимирскаго и Кременецкаго повѣтовъ Волынской земли⁵⁶⁰), земляны мы встрѣчаемъ по актамъ въ Браславскомъ и Вѣницкомъ повѣтахъ литовскаго Подолья и въ сосѣднихъ съ Волынью повѣтахъ Кіевской земли. Въ записяхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Ѳеодку Дашковичу, землянину браславскому, 10 копѣ зъ жыта Кіевского“; „на Вѣницу дано 100 бочекъ жыта въ ключника Луцкаго а 60 копѣ

⁵⁵⁴) Акты Зап. Рос. I, № 45.

⁵⁵⁵) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № XIII.

⁵⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запас. III, л 65.

⁵⁵⁷) Акты Зап. Рос. I, № 53. Справ. Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № LII.

⁵⁵⁸) Акты Зап. Рос. I, № 92.

⁵⁵⁹) Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36; Акты Зап. Рос. II, № 54.

⁵⁶⁰) Акты Зап. Рос. I, № 321.

грошей зъ скарбу, 30—намістнику пану Кмитѣ а 30 копъ *земляномъ*⁹⁶¹⁾ Въ 1505 году король Александръ подтвердилъ землянину браславскому Федьку Дашковичу различныя имѣнья, на которыя у него пропали листы твердости: „а то дей звѣдомо *земляномъ Браславскимъ осимъ*, што жъ тые имѣнья и селища—его дѣдина и отчина“⁹⁶²⁾. Въ 1507 году король Сигизмундъ не велѣлъ намѣстнику Браславскому кн. Михаилу Васильевичу Збаражскому брать подымщину съ людей землянь Браславскихъ⁹⁶³⁾ и т. д. Землянъ встрѣчаемъ въ Житомирскомъ и Вруцкомъ повѣтахъ Кіевской земли наряду съ боярами, при чемъ акты употребляютъ иногда одно названіе вмѣсто другого. Въ записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „*землянину житомирскому Пирхалу* 5 копъ зъ мыта Володымирского; сму жъ 7 копъ зъ мыта Кіевского“. Нѣсколько ниже тотъ же Пирхало по случаю пожалованья ему волости Олевской въ держанье называется бояриномъ кіевскимъ⁹⁶⁴⁾. Въ 1499 году великій князь Александръ, отдавъ на откупъ корчму Врудкую мѣстнымъ мѣщанамъ, приказалъ намѣстнику Вруцкому князю Григорью Борисовичу Глинскому оборонять ихъ „отъ *землянъ Вруцкихъ*“⁹⁶⁵⁾. Въ „вырокѣ“ короля Сигизмунда отъ 18 августа 1510 г. по дѣлу бояръ Вруцкаго повѣта Вилавскихъ съ дворяниномъ Суринымъ, который выпросилъ было ихъ себѣ у короля за простыхъ людей, читаемъ между прочимъ: „а они повѣдали передъ нами, што жъ они звѣчныи бояре Вилавскіи, и сослался о томъ на *осихъ бояръ Врудкихъ*; ино панъ Яцко Мезъ и Костюшко Митковичъ и иншіи *земляне* и мѣщане Вруцкіи писали къ намъ, повѣдаючи, што жъ они *бояре* звѣчныи, а служатъ намъ посполъ зъ *ившими земляны Вруцкими*“⁹⁶⁶⁾. Встрѣчаемъ землянь и въ собственномъ Кіевскомъ повѣтѣ. Въ 1496 году великій князь Александръ освободилъ людей *землянина кіевскаго* Андрея Пряжовскаго Шершневичей въ Завской волости отъ платежа ведра меду до ключа Кіевского⁹⁶⁷⁾. Король Сигизмундъ въ 1507 году далъ землянину кіевскому Васку Жеребятичу селище Чоботово въ Милославичахъ въ Кіевскомъ повѣтѣ⁹⁶⁸⁾. Въ 1524 тотъ же король подтвердилъ землянину кіевскому

⁹⁶¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28, 80.

⁹⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 5.

⁹⁶³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 26.

⁹⁶⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 28, 36.

⁹⁶⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 178.

⁹⁶⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 379.

⁹⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 77.

⁹⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 132.

Тишку Проскурѣ въ Кіевскомъ повѣтѣ село Колдыревичи, землю пустую Пасынковщину на Тетеревѣ, а другую Серновщину въ Завской волости ⁹⁶⁹⁾. Земляне кіевскій и *путимельскій* написаны въ числѣ свѣдѣтелей въ грамотѣ на село Гатное съ угодьями, выданной кн. Борисомъ Феодоровичемъ Глинскимъ Николо-Пустыньскому монастырю въ 1500 г. ⁹⁷⁰⁾. Поэтому и при перечисленіи военнослужившихъ землевладѣльцевъ Кіевской земли упоминаются обыкновенно и земляне. Такъ, король Казимиръ пожаловалъ въ 1489 г. 150 копѣ гр., на подѣлъ „паномъ и княземъ, и бояромъ, и земляномъ всямъ Кіевскимъ“ ⁹⁷¹⁾. Король Сигизмундъ подтвердилъ въ 1507 году „право добровольное хрестіанское“ князьямъ, панамъ, боярамъ и землянамъ—всей шляхтѣ Кіевской ⁹⁷²⁾.

Спорадически земляне встрѣчаются и въ другихъ повѣтахъ Литовско-Русскаго государства, куда они проникли, по всей вѣроятности, изъ западныхъ областей. Такъ, въ 1495 году великій князь Александръ разбиралъ тяжбу писаря Федка Любича съ *земьянами* *клецкими* Федкомъ и Васкомъ Олизаровичами объ имѣннѣ Грицевичахъ „на рѣцѣ на Ланѣ у Клецкомъ повѣтѣ“ ⁹⁷³⁾. Въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ 1510 году пану Войтеху Яновичу на его имѣнья, читаемъ между прочимъ „а *земьянинъ* *волковийскій* Андрей, Пашковъ сынъ Опшенцовича, продалъ ему два челоуѣва своихъ отчинныхъ и дѣдинныхъ въ Дор гичанѣхъ“ ⁹⁷⁴⁾ и т. д. Въ 1514 году король Сигизмундъ пожаловалъ землянину василишскому Юхну Яновичу Богоматичу двѣ земли пустыхъ, Конютишки и Можирншки, въ Бйшишскомъ повѣтѣ ⁹⁷⁵⁾ и т. д. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ названіе „земьянинъ“ могло просто замѣнять собою названіе „бояринъ“. Чѣмъ ближе ко времени изданія Статута 1529 года, тѣмъ чаще встрѣчаемся съ подобною замѣною, а въ Статутѣ 1529 года названіе „бояринъ“ уже совершенно вытѣснено названіемъ „земьянинъ“, хотя въ другихъ современныхъ и позднѣйшихъ актахъ онъ еще въ полномъ употребленіи и землянами называются только военнослуживые люди

⁹⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 141.

⁹⁷⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 178.

⁹⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 80.

⁹⁷²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30. Сравн. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. I т. VI, № IX.

⁹⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 285.

⁹⁷⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 187, 190.

⁹⁷⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 213.

перечисленныхъ выше западныхъ областей Литовско-Русскаго государства. Впрочемъ, даже и здѣсь, напр., въ Подольѣ названіе „бояре“ по старой памяти употреблялись иногда вмѣсто названія „земьяне“⁹⁷⁶).

Г. Антоновичъ въ своей статьѣ о Кіевской землѣ съ XIV по XVI столѣтіе различаетъ землянь и бояръ не географически, а по общественному положенію и ставитъ бояръ ниже землянь, считая бояръ классомъ переходнымъ отъ землянь къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому. „Они отличались отъ землянь тѣмъ, — говоритъ онъ, — что служба ихъ, гораздо болѣе тяжелая, не находилась въ зависимости отъ количества земли, бывшей въ ихъ пользованіи, но возлагалась на нихъ въ силу того, что они принадлежали къ боярскому сословію“⁹⁷⁷). Ниже будутъ приведены доказательства того, что это послѣднее утвержденіе г. Антоновича для даннаго времени не имѣетъ подъ собою никакихъ основаній. Да и вообще все его различеніе землянь и бояръ не что иное, какъ перенесеніе фактовъ и отношеній позднѣйшаго времени, когда названіе „землянинъ“, какъ *болѣе опредѣленный* социальный терминъ, замѣнило собою названіе „бояринъ“, оставшееся за низшимъ разрядомъ военнослужаго класса, называвшагося въ изучаемое время боярствомъ. Бояръ въ изучаемое время нельзя строго различать отъ землянь: тѣ люди, которые въ западныхъ областяхъ великаго княжества назывались землянами, въ другихъ областяхъ назывались боярами-шляхтою, и оба эти названія нерѣдко взаимно замѣняютъ другъ друга. Исторически извѣстно, кромѣ того, что названіе „землянинъ“ замѣнило собою названіе „бояринъ“ въ западныхъ областяхъ. Какая-же была тому, однако, причина? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ возможность видѣть, что землянь можно отдѣлять до извѣстной степени отъ бояръ и въ изучаемое время, но не въ томъ смыслѣ, какъ это сдѣлано у г. Антоновича.

Въ то время, когда Литовско-Русское государство завязало тѣсныя сношенія съ Польшею и стало подвергаться воздѣйствію ея гражданственности, боярство этого государства представляло уже классъ довольно сложнаго общественнаго происхожденія и состава. Въ составѣ его были прежде всего крупные землевладѣльцы, составлявшіе правительственный классъ удѣльныхъ княжествъ и стоявшіе на общественной лѣстницѣ выше рядовыхъ военнослужившихъ землевладѣльцевъ.

⁹⁷⁶) Źródła dziejowe, tom VI, str. 125.

⁹⁷⁷) Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи, томъ I, стр. 249, 250. Срав. *Владимірскаго-Буданова* Христоматію по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 24, прим. 3.

Этихъ послѣднихъ удѣльные князья въ своихъ грамотахъ на вѣрность королю, примѣняясь къ польскимъ фактамъ и отношеніямъ, называютъ нерѣдко *земьями* въ параллель польскимъ *земнямъ*; бояре въ такихъ случаяхъ стоятъ выше *земянъ*. Такимъ образомъ, напр., въ присяжной записи кн. Дмитрія-Корибута Новгородъ-Сѣверскаго, выданной въ 1388 г. на вѣрность королю, королевѣ и коронѣ Польской, читаемъ, что онъ выдалъ эту запись „доброю радою нашихъ бояръ и всѣхъ *землянъ* и нашу добрую волю“⁹⁷⁸). Въ 1448 году кн. Ѳеодоръ Львовичъ Воротынской, получивъ въ державнѣ отъ короля Козельскъ, въ своей присяжной записи, выданной по сему случаю королю, написалъ между прочимъ: „А бояромъ Козельскимъ и *земномъ*, и мѣстичомъ, и всимъ Козличомъ вѣдяти къ господарю нашему Казимиру, королю Польскому и великому князю Литовскому, о чомъ имъ будетъ надобѣ“⁹⁷⁹). Съ другой стороны, въ предѣлахъ собственной Литовской земли, въ Жмудской и другихъ областяхъ великаго княжества боярами называются не только высшій правительственный классъ⁹⁸⁰), но и простые военнотружильные землевладѣльцы. Въ привилеѣ Ягелла, выданномъ Литовскому боярству въ 1386 году, слово „*боаринъ*“ переводится просто латинскимъ *arctiger*⁹⁸¹). Въ Городельскомъ же привилеѣ 1413 г. высшій правительственный классъ отдѣляется отъ боярства особыми именами: *bagones, nobiles, pioseres*; то же самое и въ земскомъ привилеѣ короля Казимира 1457 года⁹⁸²). Этотъ военнотружильный классъ, по всей вѣроятности, отложился при высшемъ правительственномъ классѣ бояръ подобно тому, какъ въ княжествахъ сѣверо-восточной Руси отложился классъ дѣтей боярскихъ. Но уже въ то время классъ этотъ былъ наполненъ различными элементами изъ простонародья. Цанъ Юрій Миколаевичъ Радивиловича, получивъ отъ короля Сигизмунда дворъ Жорославку Городенскаго повѣта, хотѣлъ было привернуть къ волости Жорославской Жадина Олишевича съ братаничами, Сеньва Проклоповича, Васка Пароеновича, Шулгу Андреевича и Радка Мацковича съ братьемъ. Но лица эти были челомъ королю „што жъ они съ давнихъ часовъ..... служатъ службою боярскою посполъ зъ бояры Городенскими“. Въ доказательство они представили разные документы, свидѣтельствовавшіе объ

⁹⁷⁸) Archiwum ks. Lubartowiczów-Sanguszków I, № X.

⁹⁷⁹) Акты Зап. Рос. I, № 48.

⁹⁸⁰) Codex epistolaris Vitoldi, № CLXXIX.

⁹⁸¹) Zbiór praw litewskich, str. 1, 2.

⁹⁸²) Ibidem, str. 7—20; 28—35.

этой службѣ ихъ самихъ и предковъ ихъ при Александрѣ и Казимирѣ, и, вромѣ того, листъ Витовта, „што жъ великій князь Витовтъ еще дѣдовъ ихъ отъ тяглое службы вызволилъ а казалъ имъ служить службою военною“³⁸³). Бояринъ опшменскій Михайло Рымковичъ прибилъ Янъ Ганцевича и присужденъ былъ въ уплатѣ ему шляхетскаго безчестья, т. е. 12 рублей грошей. Но онъ не хотѣлъ платить этихъ денегъ, утверждая, что Янъ Ганцевичъ не шляхтичъ. Янъ Ганцевичъ представилъ въ опроверженіе этого показанья листъ пана Станька Нарушевича, въ которомъ было написано, „што жъ, коли великій князь Жыггимонтъ ко Брансву тягнулъ, тогда съ тяглое службы предка его вызволилъ, а велѣлъ ему боярскою службою служить“³⁸⁴). Въ 1443 году князь Александръ Владимировичъ Кіевскій пожаловалъ слугу своего Ларіова Валевскаго, — не велѣлъ ему съ слугами служить службу, платить подати и пошлыны и стеречь педѣли въ Чернобыли, но велѣлъ служить съ боярами³⁸⁵). Это наполненіе боярскаго класса людьми изъ престоляродья, которые переводились на боярскую службу, продолжало совершаться и въ изучаемое время, какъ тому были приведены примѣры выше³⁸⁶). Въ концѣ изучаемаго времени боярами стали называться даже слуги путные, какъ это видно, напр., изъ уставы короля Сигизмунда, данной въ 1529 году державцамъ дворомъ Виленскаго и Троицаго повѣтовъ.

Наполненіе боярскаго класса элементами изъ престоляродья имѣло своимъ послѣдст іемъ то, что при уравниеніи литовско-русскаго военнослужагаго класса въ правахъ съ польскою шляхтою не всѣ бояре были признаны въ достоинствѣ этой шляхты, а только бояре доказавшаго благороднаго происхожденія, — которые и стали называться поэтому боярами-шляхтою. Правда, что въ актахъ изучаемаго времени попадаются случаи признанія шляхетскаго достоинства за лицами, которыя сами и ихъ предки служили боярскою службою³⁸⁷). Но на ряду съ тѣмъ мы встрѣчаемъ и категорическое заявленіе со стороны правительства, что боярская служба сама по себѣ еще не даетъ шляхетства, — такъ что должны признать, что и въ первыхъ случаяхъ доказательства шляхетства обставлялись какиминибудь другими подробностями. Вышеупомянутый Янъ Ганцевичъ не получилъ

³⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 209.

³⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

³⁸⁵) Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. IV, т. I, № 1.

³⁸⁶) См. еще, напр., *ibidem*, № II, X.

³⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 73, 74, 82; XII, л. 209, 210.

съ Михайла Рымовича шляхетскаго безчестья и не признанъ былъ королемъ Сигизмундомъ шляхтичемъ, на томъ основаніи, что, хотя великій князь Сигизмундъ и велѣлъ его предку служить боярскою службою, но „шляхетства не далъ“. Король присудилъ Махаила Рымовича въ уплатѣ Яну Ганцевичу, „какъ которому путному слугѣ“, безчестья въ рубль грошей ⁹⁸⁸). Въ Жмудской землѣ образовался даже цѣлый классъ бояръ *посѣднихъ*, служившихъ боярскую службу, но не признававшихся шляхтою. Грамота короля Сигизмунда, посланная въ 1528 году въ державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей о народной переписи, отдѣляетъ бояръ *посѣднихъ* отъ шляхты Жмудской и ставить ихъ на ряду съ крестьянами. Шляхту, ея имѣнья и людей, а также людей плебанскихъ и мѣщанскихъ должны были по этой грамотѣ „пописать“ тивуны вмѣстѣ съ дьякомъ пана старосты и съ двумя выборными землянами. „А што ся дотычетъ,—гласить королевская грамота,—во всихъ тивунствахъ нашихъ бояръ *посѣднихъ* и слугъ *путныхъ*, и мѣщанъ по мѣстомъ, и людей *тяглыхъ* всихъ, и *куничныхъ*, мы тыхъ бояръ *посѣднихъ* и слугъ *путныхъ*, и мѣщанъ, и всихъ людей нашихъ службами, и волю въ которой службѣ дымовъ, и ихъ сохи воловыи, и вони, и маемость вождога человека, и земли *пустосвія*.... рассказали есмы секретарю нашему пану Скопу и дворянину нашему Яну Овирдовичу пописать“ ⁹⁸⁹). Къ крестьянамъ приближаетъ названныхъ бояръ и самое названіе ихъ *посѣдными*, ибо *посяди невольные* были повинности крестьянскаго населенія въ Жмудской землѣ ⁹⁹⁰).— Съ теченіемъ времени установилось правиломъ признавать шляхетство только за тѣми людьми, служившими боярскую службу, которые могли подтвердить его *клейнотами*, т. е. какими либо документами или свидѣтельствами объ ихъ благородномъ происхожденіи. Бояре доказывали свое шляхетство, напр., документами, свидѣтельствовавшими, что предки ихъ волости держивали. Въ 1509 году бояре смоленскіе Досуговы, которыхъ у короля Александра выпросилъ было за *читныхъ* людей бояринъ смоленскій Федко Мирославичъ, выводили свое шляхетство листами великаго князя Сигизмунда и пана Ивана Гаштольдвича, изъ которыхъ видно было, что предки ихъ въ Смоленской землѣ волости держивали. Кромѣ того, окольнічіе Смоленскіе показали о Досуговыхъ, „ижъ они люди добрыи, бояре“ ⁹⁹¹). Доказательствомъ

⁹⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 4, 5.

⁹⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 23—25.

⁹⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 174; Акты Зап. Рос. II, № 149.

⁹⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 285, 286.

шляхетства служило и находенье „братъ“, т. е. родни въ числѣ бояръ-шляхты. Такъ, когда при великомъ князѣ Александрѣ приставъ и волость Немонойтская прискивали нѣкоторыхъ бояръ „посполь съ собою сѣна косити“, послѣдніе представили листъ воеводы Троцкаго пана Петра Яновича, который судилъ уже ихъ по поводу этого и на-шелъ правыми. Но, когда великій князь, не удовольствовавшись этимъ, спросилъ у нихъ клейноты, — „ижь бы есте зъ вѣка были бояре“, — бояре указали, какъ на свою братью, на бояръ ейшишскихъ Новкуновцевъ. Великій князь поручалъ намѣстнику Ейшишскому спросить Новкунов-цовъ, дѣйствительно ли эти бояре имъ братья, и имѣются ли у нихъ самихъ клейноты на шляхетство. Новкуновцы подтвердили показанье бояръ и представили о своемъ шляхетствѣ судовой листъ пана Радивила, въ которомъ прямо было сказано, „што жъ они зъ вѣка бояре шляхта суть“. На основаніи всего этого великій князь выдалъ такой вырокъ: „не надобѣ имъ сѣна зъ волостью косити и иныхъ служобъ служити, нехай они службу намъ служатъ боярскую, какъ иншіи ко-тории бояре - шляхта“⁹⁹²). Дѣло о шляхетствѣ рѣшалось иногда и простымъ показаніемъ бояръ одноповѣтниковъ. Такъ, когда дворянинъ Суринъ выпросилъ у короля Сигизмунда бояръ Вруцкаго повѣта Ви-лавскихъ за простыхъ людей, тѣ сослались на всѣхъ бояръ Вруц-кихъ, которые вмѣстѣ съ намѣстникомъ Вруцкимъ Яковомъ Меземъ и мѣщанами Вруцкими подтвердили королю, „штожь они бояре звѣч-ные, а служатъ намъ посполь зъ ившими землями Вруцкими“. Ко-роль Сигизмундъ въ такомъ смыслѣ выдалъ имъ свой листъ 18 августа 1510 года, и этотъ листъ сталъ ихъ клейнотомъ⁹⁹³).

Если такъ, то понятнымъ становится, почему названіе „земля-нинъ“ замѣнило собою въ западныхъ областяхъ названіе „бояринъ“, стало на его мѣсто. Въ среду боярства въ этихъ областяхъ былъ не-сомнѣнный приливъ польскихъ земель⁹⁹⁴). Эти земли въ виду шат-каго, не вполне опредѣленнаго, социальна - политическаго смысла на-званія „бояринъ“ удерживали свое названіе „землянинъ“, которое было для нихъ гарантіею противъ того, чтобы ихъ считали за простыхъ людей. Мало по малу и туземные военнотружильцы землевладѣльцы, претендовавшіе на благородство своего происхожденія и приравни-вавшіе себя къ землянамъ, принимали это названіе, которое въ Поль-

⁹⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. V л. 50.

⁹⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 379.

⁹⁹⁴) Относительно Волыни см. Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № 1.

шѣ обозначало шляхту и, слѣдовательно, должно было отдѣлѣть ихъ отъ простыхъ людей, несшихъ одинаковую съ ними службу. Такъ было несомнѣнно въ Берестейско-Подляшской области и въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли; такъ было, по всей вѣроятности, на Волини и Подольѣ. На Волини само правительство пошло на встрѣчу этому стремленію военнотруженикаго класса, вызванному наплывомъ въ него землянъ изъ польскихъ областей. Извѣстно, что Ягелло въ 1432 году даровалъ Волинскому боярству права львовскихъ землянъ; Свидригелло, княжившій на Волини въ качествѣ польскаго ленника и во всемъ подражавшій Польшѣ, такъ прямо и называлъ волинскихъ бояръ панами и землянами. Но несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ онъ шелъ за теченіемъ, выходившимъ изъ среды самого общественнаго класса, который даже въ этимологической конструкціи своихъ фамилій сталъ подражать полякамъ⁹⁹⁵). Итакъ, землянами въ западныхъ областяхъ назывался тотъ классъ, который въ другихъ областяхъ великаго княжества назывался *боярами-шляхтою*.

XVII.

Каждый бояринъ и землянинъ съ даннаго земельного участка, съ котораго установилась одна боярская служба, долженъ былъ лично и на свой счетъ выѣзжать на войну. То же самое правило дѣйствовало и относительно другихъ военнотруженикаго землевладѣльцевъ: слугъ, мѣщанъ, татаръ и т. д. Размѣръ такихъ земельныхъ участковъ, съ которыхъ ѣхалъ ратникъ на войну, не былъ строго опредѣленнымъ, какъ и размѣръ земельныхъ участковъ, съ которыхъ полнились крестьянскія службы. Все зависѣло здѣсь отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершалось пожалованье и принятіе земли, и отъ повинностей, которыя оставались на данномъ участкѣ помимо военной службы, отъ зажиточности лица, принимавшаго землю на военную службу и т. д. Въ актахъ мы часто встрѣчаемъ случаи пожалованья и принятія обыкновенныхъ крестьянскихъ участковъ на боярскую службу. Такъ, великій князь Казимиръ пожаловалъ Юшеву Кгирвидовичу на боярскую службу землю Дробовищину въ Неменчинской волости, которая была прежде ловецкою землею⁹⁹⁶). Король Александръ въ 1506 г., по челобитью дьяка пана Богуша Боговитиновича—Михайловича Каменецкаго, пожаловалъ ему въ Городищѣ въ Каменецкомъ повѣтѣ же-

⁹⁹⁵) *Źródła dziejowe*, tom. VI, str. LVIII, LXXI.

⁹⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 10.

ребій пустой, съ котораго прежде шло плату шесть грошей,—на земскую службу⁹⁹⁷⁾. Король Сигизмундъ въ 1511 г., по просьбѣ боярина коневского Юргелиса Неврашевича, вызволялъ его отъ конюшеской службы и давалъ съ земли конюшеской Яновщины, которую онъ получилъ отъ короля Александра на конюшескую службу,—велѣлъ ему служить съ нею боярскую службу, „на войну ѣхати посполъ зъ бояры Коневскими“⁹⁹⁸⁾. Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ боярамъ ейшишскимъ Станку Ондровичу и брату его Матею землю пустую тяглую Равлевщину „на особную службу боярскую“⁹⁹⁹⁾. Въ 1525 году король разрѣшилъ боярину смоленскому Яцву Ивановичу Голосовича „у Ейшишскомъ повѣтѣ дѣвку поняти зъ землею тяглою, отчизною ея, на имя Станиславовщиною“, съ условіемъ служить съ этой земли службу земскую, т. е. боярскую¹⁰⁰⁰⁾. Но на ряду съ этимъ мы встрѣчаемъ случаи пожалованья на боярскую службу земель въ размѣрѣ большемъ сравнительно съ однимъ крестьянскимъ участкомъ. Такъ, великій князь Александръ въ 1494 году пожаловалъ дворянину своему Сенку Пльшвину *три селца*, т. е. крестьянскихъ участка, въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Дубровенскомъ пути, Шевнинское, Радивоновское и Селивестровское, съ такимъ условіемъ: „не надобѣ ему и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и ихъ щадкомъ съ тыхъ селецъ дани давати и служобъ тяглыхъ служити; нижи маеть намъ оиъ съ тыхъ селецъ боярскую службу служити, какъ инши бояре Смоленскіе“¹⁰⁰¹⁾. Тотъ же великій князь Александръ пожаловалъ боярину смоленскому Занву Ивановичу Шеневича „сельцо въ Смоленскомъ повѣтѣ на Вхни на имя Евановское“; король Сигизмундъ придалъ ему „землю пустовскую тяглую въ Катаньской волости въ Тюрковѣ на имя Евановскую“ и написалъ въ привилеѣ, выданномъ боярину 7 августа 1511 года: „а намъ съ того сельца Евановского, што на Иванѣ - водѣ, и зъ земли Евановское пустое службу земскую заступаеть“¹⁰⁰²⁾. Вообще въ размѣрахъ земель, съ которыхъ шли боярскія службы, по всѣмъ признакамъ, было еще больше разнообразія, чѣмъ въ размѣрахъ земель, съ которыхъ шли крестьянскія службы. Эти послѣднія тяготѣли въ нѣкоторой средней нормѣ, опре-

⁹⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 253.

⁹⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 51.

⁹⁹⁹⁾ Ibidem, л. 86.

¹⁰⁰⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 206...

¹⁰⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 43.

¹⁰⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 11.

дѣлявшейся возможностью эксплуатаціи для большой крестьянской семьи. Боярскіе же участки создавались болѣе искусственно: иногда бояринъ получалъ землю, равнявшуюся по размѣрамъ нѣсколькимъ крестьянскимъ участкамъ, въ видѣ особой милости или по соображенію, что боярская служба по тяжести далеко превосходитъ крестьянскія службы; иногда зажиточный бояринъ вырешивалъ одну крестьянскую землю на особную боярскую службу, находя это выгоднымъ для себя и надѣясь вытянуть съ нея военную службу съ лихвою для себя и своей семьи; наконецъ, бывало иногда, что разбогатѣвшій мужикъ, желавшій выйти изъ „простыхъ“ людей, билъ челомъ господарю на панцырную службу съ своего земельного участка. Такъ крестьяне, служившіе службу конною и збройно вмѣстѣ съ боярами, съ теченіемъ времени попадали въ бояре, но большею частію въ слуги разныхъ наименованій: панцырные, конные, путные и т. д. Такіе бояре, мелкіе землевладѣльцы, не всегда имѣли крестьянъ и часто сами, своими семейными силами, обрабатывали свои земли. Въ „пописѣ“ коней, т. е. конныхъ ратниковъ, которыхъ должны были выставлять военнотружильные землевладѣльцы согласно сеймовому постановленію 1528 года, часто попадаются такіа означенія: „То—бояре, которые людей своихъ не мають, только сами головами своими повинни на службу ѣхати“¹⁰⁰³). Въ сеймовой „ухвалѣ“ 1529 года относительно этихъ бояръ-землевладѣльцевъ находимъ такое постановленіе: „А што ся дотычетъ убогоѣ шляхты, господарскихъ подданныхъ тыхъ, которые ся убого мають въ домвахъ своихъ, а ни одного человека своего не мають: съ тыхъ вождній маєтъ служити и ѣхати самъ, водѣѣ возможности своеѣ“, т. е. на конѣ и въ вооруженіи по средствамъ своимъ, а не по сеймовой „уставѣ“¹⁰⁰⁴).

Бояре, земляне, татары, мѣщане получали отъ господаря и такіе земельные участки, съ которыхъ они должны были не только сами ѣхать на войну, но и выводить съ собою опредѣленное количество вооруженныхъ слугъ. Свидѣтельства объ этомъ встрѣчаются въ актахъ еще углѣльной эпохи. Такъ Свидригелло Ольгердовичъ въ 1445 году „съ вроевльскимъ приказаньемъ“ далъ имѣнье Рычеговъ шляхетникамъ Федору, Жуку и Ходору съ братомъ Игнаткомъ на вѣчность, при чемъ оговорилъ: „а съ того намъ имають служити и нашимъ намѣстникомъ двумя стрѣльцема на заволаную войну, яко иніи земляне слу-

¹⁰⁰³) Литов. Метр. кн. Публич. дѣль I, л. 11—19 и др. Срав. 1 арт. II раздѣла Статута 1529 г.

¹⁰⁰⁴) Акты Зап. Рос. II, № 161.

жать“ ¹⁰⁰⁵). Казимиръ въ 1446 году (индикта 9) подтвердилъ нѣвоему Пузу дѣльницу брата его съ условіемъ „двѣ службы ему служить“ ¹⁰⁰⁶). Количество служебъ, возложенное на имѣнье при пожалованіи его, оставалось обыкновенно безъ измѣненія и при увеличеніи числа владѣльцевъ. Въ спискѣ бояръ и слугъ Смоленской земли, составленномъ въ самомъ концѣ княженія Кизимира, часто встрѣчаются примѣры отправленія двухъ служебъ тремя, напр. братьями, у которыхъ имѣются взрослые дѣти. Вотъ наиболѣе характерный въ этомъ отношеніи примѣръ, касающійся бояръ Радщинскаго пута: „Матвѣй Шестаковъ, въ него сыновъ осмь, одинъ сынъ у роздѣлѣ; Данила Шестаковъ, братъ его, въ него сыновъ шесть; пять съ нимъ живутъ, одинъ у службѣ, а три малыхъ; Рыба Шестаковъ, братъ ихъ, въ него сыновъ семь, три по службамъ, три малыхъ; Иванъ Шестаковъ, братъ же ихъ, въ него сыновъ шесть, два по службамъ, а чотыри малыхъ; Милешъ Шестаковъ, братъ же ихъ, въ него три сыны—два молодца, а третій малъ; Олизарова жена Богдана, брата ихъ удова, въ нее сыновъ чотыри а вси малы;—*а оси тымъ Шестаковы дѣтма службами служатъ*“ ¹⁰⁰⁷). Указанье на отправленье военной службы въ опредѣленномъ количествѣ съ земли встрѣчаемъ и въ актахъ княженія Александра и Сигизмунда. Такъ, въ 1495 году великій князь Александръ отдалъ въ опеку дочерей пана Яна Мишковича Яковича женихамъ ихъ Яну Котовичу и Миколаю Завишичу съ имѣньемъ, которое онѣ унаслѣдовали отъ отца, при чемъ оговорилъ: „а они мають намъ съ тыхъ имѣней службу земскую заступати по осми коней у зброяхъ; а коли ся они съ тыми дѣвками поймутъ, и они тогда тме имѣнья межи собою подѣлятъ“ ¹⁰⁰⁸). Въ 1523 году королю Сигизмунду били челомъ бояре пинскіе Анцупко, Сенько, Василевскій и Богдановичъ и заявили, „што жъ дей братьи ихъ чотыри, а имѣньцо мають вельми убогое и тыми дей разы то имѣньцо на чотыри части роздѣлили и не мають съ чого вси чотыри братья службы земское послужити, гдѣ жъ дей передъ тымъ толео два брата на службу земскую ѣзчывали; нишли дей небощыкъ князь Федоръ Ерославича придалъ имъ къ тому имѣньцо чотыри дворища зъ людми, а три земли пустовскихъ, они дей съ того приданья третего коня у зброи на службу... выправляють“. Бояре просили, чтобы имъ дозволено было

¹⁰⁰⁵) Акты Зап. Рос. I, № 45.

¹⁰⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 29.

¹⁰⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 155—169.

¹⁰⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 53.

„по два брата на перемѣну зъ отчины ихъ на службу нашу (т. е. господарскую) и земскую ѳздити, а съ тыхъ земель, што имъ князь Ѳеодоръ Ярославовича придалъ, третего коня мѣти“; въ этомъ смыслѣ они и получили отъ короля листъ ¹⁰⁰⁹⁾. Въ данномъ случаѣ особымъ королевскимъ листомъ на землѣ оставлялось то же количество службы, которое было и ранѣе, изъ чего можно заключить, что при раздѣлахъ боярскихъ имѣній и вообще при переходахъ къ новымъ владѣльцамъ количество службъ могло и измѣняться.

Это обстоятельство на ряду съ другими соображеніями экономическаго характера и родственными чувствами заставляло бояръ-шляхту и землянъ очень часто владѣть имѣніями безъ раздѣла. Въ актахъ встрѣчается такъ много примѣровъ совмѣстнаго владѣнія родственниковъ-бояръ и землянъ, что приводитъ ихъ нѣтъ никакой надобности; на нихъ можно натолкнуться чуть-ли не въ любомъ сборникѣ актовъ. Статутъ 1529 года, считаясь съ распространеннымъ среди шляхты фактомъ совмѣстнаго землевладѣнія, постановлялъ между прочимъ: „А коли бы было колко братье неделное тогда с нихъ годиѣшний зымена ихъ сумесного одинъ межи ними маєт войну служити тымже обычаемъ какъ выше поставлено“ ¹⁰¹⁰⁾. Имѣніями могли владѣть совмѣстно даже лица, не состоявшія между собою въ отношеніяхъ родства, какъ это видно изъ 32 артикула VI раздѣла того же Статута; они называются здѣсь *собрами*. Бояре-шляхта и земляне, сообща отправлявшіе военную службу, назывались обыкновенно *бурскими* ¹⁰¹¹⁾. Такимъ образомъ, военная служба и боярское землевладѣніе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ имѣли много сходства съ службами и землевладѣніемъ крестьянъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Этимъ положеніемъ ограничивается и доля истины, содержащейся въ приведенныхъ выше утвержденіяхъ нѣкоторыхъ изслѣдователей о полной будто бы аналогіи врестыанскаго и боярскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ изучаемое время. Нѣкоторые добавленія къ этому замѣчанію читатели найдутъ ниже въ предлагаемомъ очеркѣ.

Съ начала XVI вѣка, когда борьба Литовско-Русскаго государства съ сосѣдями сдѣлалась особенно напряженною, правительства, оставляя въ силѣ старинную организацію отправленія военной службы съ земли, внесло въ нее нѣкоторыя поправки и улучшенія въ цѣляхъ большей боеспособности своего войска и болѣе равномернаго распре-

¹⁰⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 90.

¹⁰¹⁰⁾ 1 арт. II раздѣла.

¹⁰¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 77.

дѣленія тягостей военной службы. На „валныхъ сеймахъ“, собиравшихся довольно часто, постановлялось обыкновенно, чтобы землевладельцы съ даннаго числа крестьянскихъ служебъ выставляли ратника въ вооруженіи и на конѣ „водлугъ вставы и ухвалы сейма“. Вслѣдствіе этого, напр., въ 1507 году на Виленскомъ сеймѣ было постановлено, чтобы паны, князата, земляне, вдовы и вся шляхта подъ присягою переписали своихъ людей и списки подали господарю. „А то для тоѣ причины тымъ обычаемъ уставлено, — гласить сеймовое постановленье, — абы господарь его милость вѣдалъ, какъ кто его милости зъ имѣнья служить будетъ, подлѣ списковъ тыхъ, на которыхъ будутъ люди всехъ его милости подданныхъ пописаны; албо тежъ, што ся будетъ господарю его милости въ томъ видѣти, его милость роскажетъ, кто какъ маеть съ своего имѣнья служить“ ¹⁰¹²). Въ настоящемъ случаѣ распределеніе военной службы принадлежало пока еще самому господарю, но позднѣе мы встрѣчаемъ уже прямыя постановленія сеймовъ относительно этого. Такъ Виленскій сеймъ въ 1528 г. мая 1-го постановилъ, „иъ кто-вольвеъ маеть людей своихъ въ имѣньяхъ своихъ, тотъ повиненъ съ вождыхъ осми служебъ людей ставити пахолка, на добромъ кони, во зброи, зъ древомъ, съ прапоромъ, на которомъ бы былъ панцеръ, прылбица, мечъ або кордъ, сувня цвѣтная, павеза и остроги двѣ“ ¹⁰¹³). Въ сеймовомъ постановленіи 21 января 1529 года находимъ разъясненье, что самъ владѣлецъ имѣнья шель въ счетъ „пахолковъ добрыхъ“, которые выставлялись съ каждыхъ восьми служебъ, и, кромѣ того, слѣдующую статью: „А хто бы зъ шляхты не мѣлъ осми служебъ суполныхъ, а мѣлъ бы людей своихъ шесть або пять служебъ, або мнѣй; однако жъ и тотъ повиненъ самъ ѣхати къ службѣ земской, на таковомъ кони и въ таковой зброи, не водлугъ уставы, але водлѣ можности своее“ ¹⁰¹⁴). Отъ военной службы не избавлялись, какъ выше было сказано, и убогіе шляхтичи, не имѣвшіе совсѣмъ крестьянъ. Изъ актовъ и 2 статьи II раздѣла Статута 1529 года видно, что количество крестьянскихъ служебъ, съ которыхъ долженъ былъ выправляться на войну „добрый пахолкъ“, не было постояннымъ и не предназначалось въ намѣреніяхъ правительства таковымъ, но — „якъ на тот часъ будетъ потреба указывати“, такъ и долженъ былъ установить сеймъ. Сеймовыя постановленія, слѣдовательно, не разрушали старинной органи-

¹⁰¹²) Акты Зап. Рос. II, № 12.

¹⁰¹³) Ibidem, № 152.

¹⁰¹⁴) Ibidem, № 161, арт. 4.

заціи въ отправленіи военной службы съ земли, а имѣли въ виду въ массѣ войска держать отборный контингентъ, измѣняя его количество сообразно съ потребностями времени и экономическими силами военно-служилого сословія.

XLIII.

По Статуту 1529 года военнотружильные землевладѣльцы должны были отправлять свою службу съ имѣній какъ отчинныхъ, такъ и купленныхъ и выслуженныхъ. Эти три рода владѣній выступаютъ во многихъ артикулахъ Статута 1529 года, и при томъ каждый съ особенными, ему только свойственными, чертами. Различаются они и въ актахъ, изданныхъ ранѣе Статута, съ самаго конца XIV вѣка. Въ чемъ же состоятъ ихъ различія?

Подъ именемъ *отчинъ* разумѣются имѣнія, переходившія по наслѣдству отъ отца къ дѣтямъ; если это наслѣдство шло отъ дѣда, имѣнія назывались *дѣдинами* ¹⁰¹⁵⁾ и даже *прадѣдинами* ¹⁰¹⁶⁾, а владѣтели ихъ отчичами и дѣдичами. Этотъ типъ земельныхъ владѣній несомнѣнно существовалъ въ западной Руси еще до утвержденія въ ней литовскаго владычества ¹⁰¹⁷⁾. По всей вѣроятности, и въ предѣлахъ собственной Литвы онъ возникъ еще прежде, чѣмъ стало образовываться Литовско-Русское государство. По крайней мѣрѣ, у Прусскихъ *nobiles*, по свидѣтельству нѣмецкихъ лѣтописцевъ XIII в., была *hereditas paterna* — замки или укрѣпленныя усадьбы, гдѣ у нихъ было много рабовъ, коней, охотничьихъ собакъ и птицъ, разной домашней утвари и одежды ¹⁰¹⁸⁾; даже крестьяне были наслѣдственными владѣльцами своихъ участковъ ¹⁰¹⁹⁾. Извѣстная грамота Мендовга 1259 года, кою онъ уступилъ ордену Жмудъ и призналъ право рыцарей владѣть имѣніями на Литвѣ, полученными по завѣщанію, предполагаетъ существованіе въ предѣлахъ Литовской земли двухъ родовъ земельныхъ имѣній, отчинныхъ и полученныхъ на ленномъ правѣ, *jure rheodali* ¹⁰²⁰⁾. Существованіе отчинныхъ имѣній предполагается и

¹⁰¹⁵⁾ Акты Зап. Рос. I, № 84, II. Такъ же и въ Польшѣ; см. *R. Hube* *Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, str. 123. Warszawa 1881.

¹⁰¹⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130.

¹⁰¹⁷⁾ См. напр., Лѣтопись по Ипат. списку, стр. 485, 493.

¹⁰¹⁸⁾ *Н. Дашкевича* Замѣтки по исторіи Литовско-Русскаго государства, стр. 17, пр. 3.

¹⁰¹⁹⁾ *Ibidem*, стр. 24, 25 пр. 1.

¹⁰²⁰⁾ *Scarbiec dyplomatów I*, № 181.

въ извѣстномъ привилеѣ, выданномъ литовскому боярству Владиславомъ Ягелломъ въ 1387 году и въ позднѣйшихъ земскихъ привилеяхъ ¹⁰²¹⁾.

Въ этихъ земскихъ привилеяхъ великіе князья обѣщали князьямъ, панамъ и боярамъ не отнимать у нихъ отчины; то же самое обѣщали они и въ привилеяхъ, данныхъ различнымъ землямъ отдѣльно ¹⁰²²⁾. Изъ этого, по справедливому замѣчанію г. Владимірскаго-Буданова, нельзя дѣлать вывода, что ранѣе 1387 года не существовало права наслѣдства, и всѣ имѣнья по смерти ихъ владѣльцевъ спадали на господаря, изъ рукъ котораго и получали ихъ наслѣдники ¹⁰²³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и ограничиться утвержденіемъ, что земскіе привилеи „подтверждаютъ существовавшіе извѣка обычаи, предупреждая отрицательною формою своихъ постановленій ихъ нарушеніе“. Право наслѣдства несомнѣнно существовало, но оно дѣйствовало при такихъ условіяхъ и такъ часто нарушалось, что торжественныя подтвержденія его въ земскихъ привилеяхъ были далеко не простою формальностью. Значить, весь вопросъ сводится въ настоящемъ случаѣ къ тому, почему и какъ могли отходить у военно-служилого класса отчины. Въ актахъ изучаемаго времени можно получить относительно этого не мало указаній, ибо, не смотря на дарованіе военнослужилому классу привилегій польской шляхты и въ томъ числѣ права неотъемлемаго владѣнія отчинами, отчины нерѣдко отбирались, въ особенности у бояръ „посполитыхъ“ ¹⁰²⁴⁾, мѣщанъ, татаръ и имъ под. служилыхъ людей.

Выше было уже указано на то, что великіе князья до извѣстной степени считали себя собственниками земель, съ которыхъ шла военная боярская служба, и жаловали боярскимъ отчины князьямъ и панамъ, предоставляя владѣльцамъ или служить князю или пану, или уйти съ земли. Такъ было въ то время, когда литовско-русскому боярству даны были привилегіи польской шляхты. Въ XIII и XIV вѣкахъ князья, вѣроятно, еще менѣе церемонились съ боярскими отчинами и въ случаѣ надобности прямо отбирали ихъ у владѣльцевъ, въ особенности, если это были мелкіе рядовые бояре. Примѣры такой

¹⁰²¹⁾ Срав. Записъ о Смоленской пещищѣ, которая говоритъ о боярскихъ отчинахъ до Витовта. Акты Зап. Рос. I, № 55.

¹⁰²²⁾ *М. Ясинскаго* Уставныя грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 160—162. Кіевъ 1889.

¹⁰²³⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 28, прил. 11, Кіевъ 1880.

¹⁰²⁴⁾ Выраженіе Статута 1529 г.

правительственной практики встрѣчаются даже и въ изучаемое время. Въ 1508 году королю Сигизмунду заявляли земьяне вѣнцкіе Тарасовичи, Берендей съ братьею, „што жъ дей.... Александръ король его милость отнялъ въ нихъ имѣнье ихъ отчинное у Вѣнцкомъ повѣтъ на имя Воначыно, а далъ Остафью Дашковичу“; они просили короля воротить имъ отчину, что и было исполнено ¹⁰²⁵⁾. Впрочемъ, простой произволъ въ такихъ случаяхъ едва ли имѣлъ много мѣста. Отчины отнимались скорѣе всего потому, что правительство смѣшивало ихъ съ имѣньями, которыя отдавались только во временное владѣніе, и скорѣе всего съ тѣми, которыя давались „до воли господарской“.

Обычай раздавать имѣнья во временное владѣніе, „до воли господарской“, существовалъ едва ли не съ самаго образованія Литовско-Русскаго государства. Въ теченіе изучаемаго времени онъ былъ въ полной силѣ, и въ актахъ мы находимъ множество примѣровъ пожалованій имѣній „до воли господарской“. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ Казимира читаемъ между прочимъ: „пану Дякгирду *чоловѣкъ* Нетишка до воли;.... у Красноселцѣхъ Яну Кротевичу *землица* Лойпуновая пустая, безъ наслѣдка, до воли;.... у Любошавѣхъ Андрею Немировичу село Молодиловичи и зъ данью до воли;.... князю Митку Всеволодичю Онтоново Косого селцо да Кулибакино селцо, да Мицнево село до воли;.... Жаву конюху *земля* у Новѣгородку Охремцова до воли“ ¹⁰²⁶⁾. Подобные же случаи встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ при чтеніи актовъ княженія Александра и Сигизмунда. Такъ, великій князь Александръ въ 1498 году пожаловалъ кн. Федору Федоровичу Мезецкому волость Городечну „до воли“, а еще ранѣе того, въ 1496 году, кн. Семену Ивановичу Можайскому Карачевъ ¹⁰²⁷⁾. Въ 1496 году онъ пожаловалъ до воли пану Василью Хребтовичу имѣнье Горухово во Владимирскомъ повѣтъ; въ 1499 году кн. Богдану Федоровичу даника въ Кіевскомъ повѣтъ въ Завской волости; въ 1503 году князю Василью Полубенскому село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтъ ¹⁰²⁸⁾ и т. д. Король Сигизмундъ въ 1509 году пожаловалъ толмачу Рамадану людей въ Радуньской волости и двѣ пустощины „до воли“; въ томъ же году онъ пожаловалъ старостѣ мѣста Смоленскаго пану Авраму Езофовичу челоуѣка Сомилишской волости Некраша Бутевича и

¹⁰²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 225.

¹⁰²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 2, 8, 9, 21, 51.

¹⁰²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76; Акты Зап. Рос. I, № 129.

¹⁰²⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 68, 164, 216 и др.

землиду пустовскую Петрашовщину, принадлежавшую прежде брату Некраша: „нехай онъ того чоловѣка и пустовщину держитъ до наше воли“¹⁰²⁹). Въ 1527 году Сигизмундъ подтвердилъ бурмистру мѣста Виденскаго Ермоль Слотовичу землю пустовскую Юрковщину въ Мемижской волости до воли¹⁰³⁰) и т. д. Имѣнья, данныя до воли, иногда отбирались у ихъ владѣльцевъ и отдавались другимъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году далъ пану Юрью Глѣбовичу имѣнье Клеваницу, которое онъ передъ тѣмъ пожаловалъ было до воли своей дворянину Федору Колонтаеву¹⁰³¹). Въ 1511 году король Сигизмундъ пожаловалъ князю Константину Ивановичу Острожскому замокъ Степанъ съ мѣстомъ и съ волостями „и тую третюю часть замку Степана и мѣста, и всихъ волостей Степаньскихъ, которая жъ спала была на дѣлу на князя Юрья Ивановича Дубровицкаго“. При этомъ король мотивировалъ такимъ образомъ свое пожалованье: „бо тое имѣнье Степанъ далъ былъ отецъ нашъ король и великій князь Казимиръ князю Юрью Ивановичу до свое воли; а што колье отецъ нашъ король Казимиръ кому далъ до его милости воли, то есть въ нашей воли; егдажъ тотъ замокъ Степанъ есть въ нашей воли, мы возьмемъ его въ нашей руцѣ, зъ особливое ласки наше дали есмо и вѣчне даровали, записуемъ и вѣчне записали есмъ нашимъ привилеемъ князю Костянтину Ивановичу Острожскому“¹⁰³²) и т. д. Но вѣботѣ съ тѣмъ бывало иногда, что имѣнья, данныя до воли господара, переходили къ наследникамъ первыхъ владѣльцевъ и отбирались уже у нихъ. Такъ, великій князь Александръ, утверждая въ 1501 году три дворища съ людьми „Жуковскаго повѣта у Клевани“ за княземъ Федоромъ Михайловичемъ Чорторыйскимъ, написалъ въ привилеѣ: „дали были есмо ты дворища первѣй сего воеводѣ Троцкому, небожчику пану Петру Яновичу, и послѣ пана Петра сынъ его панъ Янъ тыи дворища держалъ, а листы нашими того есмо имъ были не подтвердили на вѣчность“¹⁰³³). Король Сигизмундъ далъ путивльскимъ боярамъ Пашѣ и Якиму людей въ Ейшишскомъ повѣтѣ „не на вѣчность“. По смерти Якима Паша одинъ держалъ этихъ людей и умирая оставилъ на своемъ имѣнѣ жену съ сыномъ; жену поналъ за себя го-

¹⁰²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 305—307.

¹⁰³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 135.

¹⁰³¹) Акты Зап. Рос. II, № 40.

¹⁰³²) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 500, 501.

¹⁰³³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 194.

сподарскій дворянинъ Михайло Овцынъ и часть Якимову держалъ безъ господарской данины. Въ 1522 году Сигизмундъ распорядился съ этимъ имѣньемъ такимъ образомъ: „коли жь тыи люди даны были тымъ путивльцомъ двумъ братомъ не на вѣчность, а тотъ Паша часть брата своего безъ данины нашео держалъ, а тыми разы по нихъ наслѣдокъ одинъ ся осталъ, а тотъ тежь Михайло тыи вси люди держалъ безъ данины нашео, мы зъ ласки нашео половицу тыхъ людей дали дворянину нашему Василью Тишковичу, а пры другой половицы тыхъ людей zostавили есмо сына того Пашы путивльцова“¹⁰³⁴). Косвеннымъ указаніемъ на то, что имѣнья, данныя до воли господарской, переходили нерѣдко въ дѣтямъ и родственникамъ лицъ, получавшихъ ихъ, служатъ тотъ артикулъ земскаго привилея в. князя Александра, которымъ имѣлось въ виду предохранять эти имѣнья отъ превращенія въ частныя вотчины. *Item donationes et concessionones olim genitoris nostri,—читаемъ здѣсь,—quas alicui donavit aut providit, et cum hoc literis suis confirmavit, perpetue tenebimus; sed cui idem genitor noster dedit aliquid ad arbitrium et voluntatem suam, illud et nos pro arbitrio et voluntate nostra et dominorum consilii nostri reservamus; nostras etiam donatioes faciemus et dabimus ad arbitrium nostrum. Et si alicui voluerimus confirmare ad perpetuitatem, istud etiam est in voluntate nostra*¹⁰³⁵).

При такомъ потомственномъ владѣніи помѣстьями и при тогдашнемъ состояніи государственной регистратуры, естественно, должны были случаться довольно часто отобранія отчинъ у наслѣдниковъ. Акты изучаемаго времени, особенно записи пожалованій короля Казимира, переполнены примѣрами подтвержденій разнымъ лицамъ отчинъ, при чемъ нерѣдко эти подтвержденья прямо обозначаются, какъ возвращенія отчинъ; напримѣръ: „у Дорогичинѣ Миколайку... вернулъ отчину его Купатинъ, што Несвѣдскій держалъ“; или: „у Луцку Сачку лучанину село Свищовъ да Лычино и што къ тому селу слушаетъ, какъ за Бѣлякомъ было: занюжь за нимъ были села Несвидскихъ, и то опять отчиномъ вернули,—противъ того“¹⁰³⁶). Въ 1496 году великій князь Александръ по суду вернулъ околыничему Смоленскому Ивашку Кривцу, Яну, Павлу и Михаилу Басичамъ и Андрею Свиридову имѣнье Погоновичи, которое онъ далъ было пану Богдану Сопѣгѣ, не зная

¹⁰³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 3.

¹⁰³⁵) Zbiór praw litewskich, str. 58—64.

¹⁰³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34, 64.

что оно отчина Басичей, перешло къ нимъ отъ отца ихъ Басы, которому пожаловалъ король Казимиръ на вѣчность¹⁰²⁷⁾. Очевидно, слѣдовательно, отобранія отчинъ были нерѣдки, и обѣщанія не отнимать имѣній, если они окажутся отчинными (такой смыслъ по концепту земскихъ привилеевъ имѣютъ обѣщанія не отнимать отчинъ), были вовсе не простою формальностью, а имѣли реальное, жизненное значеніе, возвѣщали, если не новое право, то новую политику, и съ полнымъ правомъ могли быть вставлены въ число привилеевъ.

Великіе князья старались обставлять свои обѣщанія нѣкоторыми указаніями на то, какія имѣнія они будутъ признавать отчинными. Самое опредѣленное указаніе на этотъ счетъ дано въ земскомъ привилеевѣ короля Сигизмунда отъ 1506 года: *Quicunque subditorum nostrorum in praedictis terris Magni Ducatus Lithuaniae similiter suis bonis immobilibus haereditariis, litteras aut immunitates non habent sufficientes, tum fidedignorum testimonio probaverint, bona hujusmodi tempore Magnorum Ducum Lithuaniae Withowdi vel Sigismundi aut divi Casimiri, parentis nostri, si vel suos legitimos parentes, aut praedecessores pacifice possedisse*¹⁰²⁸⁾. Подобныя же указанія находимъ и въ Статутѣ 1529 года: „кто бы держалъ имѣнье и люди и земли за Казимера короля во впокои, а о томъ до короля Олександра будетъ ни кто ся не привпоминалъ бы и добре таковы листовъ на то не меля; тогда то во впокои держати мает и водвую мощь маетъ имѣнья своего третью частъ продати даровати и в пожитки добровольные привести“¹⁰²⁹⁾. Итакъ, имѣнье считалось отчиною, если оно находилось въ рукахъ давняго владѣльца и его предковъ, по крайней мѣрѣ, при двухъ послѣднихъ господаряхъ. Принципъ десятилѣтней земской давности, опредѣлявшій права владѣнія въ тяжбахъ между собою частныхъ лицъ, не дѣйствовалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мстцомъ являлось правительство.

Хотя отчинность владѣнья можно было доказывать свидѣтельскими показаніями, но землевладѣльцы, естественно, предпочитали документы и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ старались выхлопывать у господаря подтвержденія на отчины. Такихъ подтвержденій, какъ уже сказано, встрѣчается множество въ актахъ изучаемаго времени. Эта заботливость объ укрѣпленіи отчинныхъ владѣній служитъ косвеннымъ указаніемъ на постоянныя опасности для этихъ владѣній, на легкую

¹⁰²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 58.

¹⁰²⁸⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 95—99.

¹⁰²⁹⁾ Раздѣлъ I, арт. 15. Справ. арт. 19.

возможность ихъ утраты. Приведемъ нѣкоторые характерные примѣры подтвержденій отчинъ. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Хребтовичомъ всимъ дано ихъ *отчизму* и со всимъ по тому, какъ отецъ ихъ держалъ, и по тому, какъ небожикъ панъ Олехно Довойновичъ держалъ“ ¹⁰⁴⁰). Хребтовичи хлопотали себѣ подтвержденье, очевидно, потому, что отчина ихъ была недавняго происхожденія и могла попасть въ разрядъ помѣстій, которыя давались „до живота“ или „до воли господарской“. Подтвержденья на отчины обыкновенно давались и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ увеличивались новыми пожалованьями или куплями. Въ тѣхъ же записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ: „Михайлу Ромболтовичу семь человекъ у Вилкомири, его жъ отчина; а къ тому придалъ ему три человекъ княжихъ людей у Вилькомири“ ¹⁰⁴¹). Иногда подтвержденье выдавалось наслѣдникамъ лица, отчина котораго увеличивалась пожалованьемъ. Такъ, въ 1499 году великому князю Александру была челомъ вдова пана Миколая Шеметовича съ сыновьями своими Яномъ и Станиславомъ „о мужа своего небожчика пана Миколаевы имѣнья отчинны, што въ Жомойти дворъ на имя Шовкьяны и тежъ въ томъ дворъ въ Шовеянѣхъ, што дали есмо были небожчику пану ее торгъ мѣти и двѣ корчмы, и другіи дворы—Лидовяны и Коркляны въ Жемойти жъ, и Гибъная и Нетеча въ Троцкомъ повѣтѣ“; великій князь исполнилъ ея просьбу и выдалъ ей свой листъ ¹⁰⁴²). Въ 1511 году король Сигизмундъ подтвердилъ земанину Вѣницкому Ивашку Супруновичу „имѣнейца отчинны у Вѣницкомъ повѣтѣ на рѣцѣ на Згари Микулинцы а Почапинцы и половину Мезекова“ и, кромѣ того, селще Супруново, данное ему по его челобитью и по ходатайству кн. Константина Ивановича Острожскаго ¹⁰⁴³). Чаще всего подтвержденья на отчины съ выслугами и куплями брались у новыхъ господарей. Хотя новые господа обѣщали обыкновенно не отнимать отчинъ и выслугъ, но служилые люди предпочитали этимъ обѣщаньямъ подтвердительные частные привилеи на имѣнья. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій короля Казимира находимъ много подтвержденій отчинъ въ княжествѣ Мстиславскомъ, когда оно отнято было у кн. Юрья Ливгеньевича, въ землѣ Волинской, когда она спала на великаго князя

¹⁰⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 51.

¹⁰⁴¹) Ibidem, л. 72.

¹⁰⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 151.

¹⁰⁴³) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 5.

по смерти Свидригелла ¹⁰⁴⁴); точно такъ же много подтвержденій на отчины встрѣчаемъ и въ тѣхъ книгахъ Литовской Метрики, которыя составлялись въ первые годы Сигизмундова княженія. Желаніе документомъ закрѣпить владѣніе отчиною иногда прямо выражалось въ челобитныхъ просителей. Такъ, въ 1498 году у великаго князя Александра просилъ подтвержденія на отчину Рутчичи „въ Ятвезкомъ“ бояринъ Тихно Ясенскій, выставляя мотивомъ просьбы неимѣнье документовъ на отчину ¹⁰⁴⁵).

Закрѣпляя документами владѣніе отчинами, служилые люди имѣли, впрочемъ, въ виду не столько правительство, сколько свою же братью—князей, пановъ и бояръ, которые могли подпросить подъ ними отчинныя имѣнія. Правительство по собственной инициативѣ, вѣроятно, рѣдко отнимало у кого отчины. Если же это бывало, то обыкновенно по вѣнѣ разныхъ челобитчиковъ, которые выпрашивали себѣ имѣнія, „не повѣдаючи отчиновъ“, какъ пустыя, оставшіяся „безъ наслѣдковъ“, или какъ имѣнія, данныя настоящимъ владѣльцамъ ихъ „до воли господарской“. Неудовлетворительное состояніе государственной регистрауры благопріятствовало этому, такъ какъ правительство не имѣло подъ руками такихъ списковъ и описей, которыя бы давали ему возможность быть въ курсѣ и легко ориентироваться въ фактахъ и отношеніяхъ военнослужаго землевладѣнія. Правда, что уже въ изучаемое время велись книги великокняжеской канцеляріи и по главнымъ городамъ книги городскія или замковыя, но составъ ихъ былъ случайный: въ нихъ попадали только разные привилеи и подтвержденія на имѣнія, а также судовыя листы, содержащія рѣшенія великаго князя или его урядниковъ по тяжбамъ объ имѣніяхъ. Здѣсь не было систематическихъ и полныхъ списковъ даже на подобіе тѣхъ, которые стали составляться уже при Сигизмундѣ Августѣ, и образцомъ которыхъ можетъ служить, напр., сборникъ документовъ на владѣнія пинскихъ землевладѣльцевъ, составленный въ 1551 году, а также ревизія пущъ и переходовъ звѣриныхъ, составленная въ 1559 году. Литовско-Русское государство, внутренняя политика котораго съ самаго образованія его глубоко была пронизана индифферентнымъ консерватизмомъ, не выработало ни въ своей столицѣ, ни въ областныхъ центрахъ учреждений, которыя бы энергически и suo motu развивали свою дѣятельность по устройству общественныхъ отношеній. Общественныя отношенія складывались большею частью сами собою, и

¹⁰⁴⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23, 24, 55, 56.

¹⁰⁴⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 68.

учрежденія дѣйствовали преимущественно по возбужденію отъ частныхъ лицъ и общественныхъ группъ.—Такъ было и въ дѣлѣ устройства военно-служилого землевладѣнія. Правительство сплошь и рядомъ жаловало имѣнья на основаніи показанія челобитчиковъ, не провѣряя ихъ и только въ жалованныхъ грамотахъ огобаривая: „если будетъ такъ, какъ повѣдали“. Предварительныя справки объ имѣньяхъ у мѣстныхъ урядниковъ наводились обыкновенно только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти имѣнья принадлежали къ составу господарской волости въ тѣсномъ смыслѣ. Если же это были имѣнья, находившіяся въ частномъ владѣніи, правительство легко поступалось ими и отдавало приказъ мѣстнымъ урядникамъ ввести во владѣніе или дать „увязанье“, оговаривая только: „ажъ не будетъ наслѣдковъ, ажъ будетъ пусто“ и т. д. Такихъ условныхъ пожалованій находимъ множество въ актахъ изучаемаго времени. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ, напр.: „князю Сонегушевичу двѣ селци у Бересты, Романово Горбачевича да Ивашково Буктино, ажъ будетъ подобно, ажъ се будетъ годити, не будетъ ли наслѣдковъ; Кузмѣ Волошину земля пустая у Кремянецкомъ повѣтѣ на имя Берегъ: а наслѣдка не будетъ, ино ему, съ рѣкою и зъ бобровыми гоны; волошину Андрею Борздому сельцо Дрибово, ажъ будетъ пусто, а наслѣдка не будетъ“¹⁰⁴⁶⁾. Въ 1498 году великій князь Александръ пожаловалъ Васку Колонтаеву землю Звонкову боярскую „у Пьяновѣ“ въ Брянскомъ повѣтѣ, если окажется справедливимъ показаніе Колонтаева, „што жъ тая земля давно лежить пуста, а наслѣдка въ нее никого нѣтъ.“¹⁰⁴⁷⁾. Но мѣстные урядники не всегда имѣли охоту и даже возможность провѣрять показанія челобитчиковъ и давали имъ прямо „увязанье“, предоставляя наслѣдникамъ, буде таковые оказались бы, доходить своей отчины или близкости „правомъ“. Понятно, слѣдовательно, что служилые люди стремились обставить по возможности большимъ количествомъ „листовъ-твердостей“ свои владѣнья.

Отчины отбирались и передавались во владѣніе постороннимъ лицамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы ихъ не служили съ нихъ и не могли исправно служить военную службу. Такъ, великій князь Александръ въ 1498 году отдалъ татарину князю Майку Асанчуковичу „семь служебъ зъ людьми Кумеляны а землицу боярскую Богдана Некрашевича въ Кревскомъ повѣтѣ вѣчностью“; при этомъ свое пожалованіе онъ мотивировалъ такимъ образомъ: „тотъ Богданъ

¹⁰⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 1, 32.

¹⁰⁴⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 108.

отчину свою всю распродалъ, а самъ въ си жъ годъ не былъ съ нами на службѣ нашей“ ¹⁰⁴⁸). Служилые люди, бывшіе не въ состояніи отправлять съ своихъ имѣній военную службу, нерѣдко и сами бросали свои отчины. Эти отчины иногда возвращались ихъ наслѣдникамъ, но не какъ отчины, а какъ данины, что и выражалось прямо въ грамотахъ. Такъ въ листѣ короля Казимира, писанномъ 12 марта 1467 года намѣстнику Смоленскому, Любуцкому и Мценскому пану Миколаю Немировичу, читаемъ: „Билъ намъ чоломъ Ярмо Шиловичъ о свою дѣдину и отчизну Олотова, а повѣдалъ намъ, што жъ дей ни за кимъ, не отдали есмо никому. И мы ему дали дѣдину его отчину со всемъ, какъ отецъ и дѣдъ его держалъ, а онъ намъ маеть съ того службу служить“ ¹⁰⁴⁹). Очевидно, что отецъ Ярма Шиловича покинулъ свою отчину, не будучи почему-нибудь въ состояніи служить съ нея, и она спала на короля, который въ видѣ милости и пожалованья воротилъ ее Ярму. Въ такомъ же смыслѣ надо понимать и слѣдующую запись отъ времени княженья того же Казимира: „Ивашку Ортюшковичу стародубцю земляца бортная Коренщина, отчизна его, а повѣдалъ: пусто, а не королева, а не данная“ ¹⁰⁵⁰). Близкій къ этимъ случаямъ представляетъ и слѣдующее возвращеніе отчины: „Грималовичомъ король вернулъ отчину ихъ, што былъ испросилъ Несвѣдскій, коли отчимъ ихъ къ Ляхомъ вовилъ, бояся Болшковны“ ¹⁰⁵¹). Очевидно, что отчина Грималовичей спала на короля, какъ скоро они позинули ее и перестали служить съ нея, чѣмъ и воспользовался для себя Несвѣдскій.

Приведемъ въ параллель къ этому слѣдующіе случаи. Въ 1451 году король Казимиръ пожаловалъ княгинѣ Михайловой съ сыномъ Юшвомъ „село подъ Игнатомъ Юряжичомъ Меньшее на Цепрѣ, занюжъ вже Игнатъ не можетъ служить; а Игнату далъ былъ король же“ ¹⁰⁵²). Среди записей пожалованій того же короля Казимира находятся и слѣдующія: „Мунчи на отчѣну подъ Мивиткою Досуговичомъ боярское помѣстье, ажъ будетъ изгожо, ино дати“ ¹⁰⁵³). Въ 1496 году великій князь Александръ пожаловалъ „вѣчно и непорушно“ писарю Ивашку Сопѣгѣ сельцо Смолинъ Конецъ въ Болваницкой волости

¹⁰⁴⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 113.

¹⁰⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 35.

¹⁰⁵⁰) Ibidem, л. 31.

¹⁰⁵¹) Ibidem, л. 39.

¹⁰⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 33.

¹⁰⁵³) Ibidem, л. 39.

Смоленскаго повѣта, которое выслужилъ на королѣ Казимирѣ бояринъ болваницей Мартинъ, и землю данную съ бобровыми гонами, которую тотъ же бояринъ Мартинъ купилъ у князей Одоевскихъ въ Челиничаяхъ Бѣлицкой волости. „И тотъ Мартинъ,—читаемъ въ листѣ в. князя Александра,—тое село и зъ людьми зъ сема службами и съ тою бѣлицкою Челиницкою землею держалъ и до сихъ часовъ, а вжо при старости, а жены и дѣтей не маєтъ“¹⁰⁵⁴). Очевидно, что вмѣстѣ съ тѣмъ и служба перестала идти исправно съ этого имѣнья, если господарь счелъ себя въ правѣ отобрать его у владѣльца и отдать другому лицу. Дворянинъ Сенько Володковичъ выслужилъ на королѣ Казимирѣ имѣнье Гостомль въ Кіевскомъ повѣтѣ и владѣлъ имъ нѣсколько лѣтъ, но потомъ отѣхалъ въ Мстиславль „мѣшкати“. Тогда князь Иванъ Дашковичъ, приѣхавъ къ великому князю Александру, донесъ, „што жъ онъ мѣшкаетъ во Мстиславли, а съ того имѣнья зъ бояры Кіевскими службы... не служить“, и выпросилъ имѣнье для себя. Сенько началъ было съ нимъ тяжбу, но рѣшеніемъ великаго князя 24 іюля 1496 года имѣнье было утверждено за Дашковичемъ¹⁰⁵⁵). Мѣщанинъ дорогицкій Пидайко, держа въ заставѣ въ 100 копахъ грошей имѣнье Милковичи въ Дорогицкомъ повѣтѣ, „близость“ земянъ Горбовскихъ, не выѣхалъ съ него на службу господарскую. По донесенію гетмана, король Сигизмундъ 31 августа 1522 года отобралъ у него имѣнье и отдалъ Станиславу Горбовскому, который долженъ былъ внести 100 копъ въ скарбъ, а не Пидайку, такъ какъ король „за выступъ“ Пидайка взялъ эти деньги къ своимъ рукамъ¹⁰⁵⁶).

Изъ всего этого видно, что съ точки зрѣнія службы отчины не отличались отъ другихъ родовъ земельныхъ владѣній и одинаково обставлены были ею, какъ необходимымъ условіемъ владѣнія. Эта обусловленность отчиннаго владѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ стѣсняла и право отчужденія отчины. Известно, что для отчужденія отчинъ требовалось „призволенье“ господаря или его урядниковъ, какъ требовалось оно и для отчужденія имѣній, купленныхъ и выслуженныхъ¹⁰⁵⁷). По отношенію къ имѣньяма крупныхъ землевладѣльцевъ, князей и пановъ, это „призволенье“ было только необходимою формальностью для

¹⁰⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 57.

¹⁰⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 81.

¹⁰⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 21.

¹⁰⁵⁷) См. земскіе привилеи 1413, 1457, 1492, 1506 и 15 арт. I раздѣла Статута 1529 года.

уцѣпленія имѣнья за новымъ владѣльцемъ и для врученія правительству свидѣній, съ коими требоватъ въпредъ военной службы съ даныхъ имѣній. Иное дѣло по отношенію къ мелкимъ землевладѣльцамъ, боярамъ, землянамъ, мѣщанамъ, татарамъ, которые считались, какъ было уже сказано, потомственными владѣльцами государскихъ земель на условіи военной службы. Для нихъ „приволье“ на отчужденіе отчины дѣлалось или по частямъ могло быть и не пустою формальностью, въ виду того, что это отчужденіе тѣсно сопряжено было съ вопросомъ объ исправности военной службы. И тѣ, кто отчуждали отчины (въ особенности по частямъ), и тѣ, кто приобрѣтали, не были относительно этого внѣ сомнѣній, и потому „приволье“ правительства было въ такихъ случаяхъ настоящимъ разрѣшеніемъ, которое иногда могло быть и не дано.—По крайней мѣрѣ, въ актахъ изучаемаго времени попадаются намеки на это, въ родѣ, напримѣръ, тѣхъ, которые приведены на стр. 311 и 312 настоящаго очерка.

Г. Владимірскій-Будановъ считаетъ проявленіемъ обусловленности отчиннаго владѣнія и ограниченіе въ правѣ отчужденія отчины, которое въ изучаемое время дозволялось только въ размѣрѣ третьей части ихъ. „Типъ полнаго вотчиннаго права,—говоритъ онъ,—значительно понижъ передъ неполнымъ въ эпоху литовскаго владѣчества (XIV—XV вв.); даже послѣ привлеженія Казимира, въ 1-мъ Статутѣ (Р. I, арт. 15 и 16), позволяется отчуждать только 3-ю часть имѣнья; 2-й Ст. въ Р. III, арт. 38-мъ уничтожилъ это ограниченіе; но относительно выслуженныхъ имѣній—„выслуги“ постановлено, что они могутъ быть отчуждаемы только съ согласія государя; эти жалованныя земли дается или „леннымъ правомъ або до жмотельмъ або до воли и ласки нашео господарское (см. арт. 34)“. Однако и полное вотчинное право никогда не исчезало вполне¹⁰⁵⁸⁾. Едва ли, однако, можно согласиться съ тѣмъ смысломъ, который придать въ этомъ объясненіи ограниченію владѣльца въ правѣ распоряжаться своими отчинами. Это ограниченіе, какъ увидимъ ниже, не было безусловнымъ, и отчинники могли въ известныхъ случаяхъ и цѣлкомъ отчуждать свои отчины. Эти случаи какъ нельзя ясно показываютъ, что въ ограниченіи права отчужденія отчины на вѣчность проявлялось не право великаго князя на отчины воинопослужившаго класса, дѣлавшее отчинное право неполнымъ, а право семьи и рода. Можно развѣ одно только удержать изъ объясненія п. Владимірскаго-Буданова—именно,

¹⁰⁵⁸⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 28, примѣч. 10.

что ограниченіе въ правѣ распоряженія отчинами въ интересахъ семьи и рода оказывалось и въ интересахъ господаря, когда семьи и рода не было, и когда ихъ мѣсто заступалъ господарь.

Изъ памятниковъ общаго законодательства объ этомъ ограниченіи впервые говорить болѣе или менѣе опредѣленно Статутъ 1529 года. Шестнадцатый артикулъ его перваго раздѣла гласитъ: „Тежъ дозволили есмо третью часть имени (по контексту съ 15 арт., отчиннаго) продати на вѣчность. А впажже если бѣ была потреба на службу нашу земскую пенезем тогда можеть и тые две части заставити въ толву, за штобы тые части стояли одножъ надъ вышѣ того не маеть брати ани тежъ вечно отъ ближнихъ можеть отдалити“. Латинскій текстъ поясняетъ, почему нельзя было брать и давать въ долгъ въ такихъ случаяхъ больше стоимости двухъ третей имѣнья: *nam propinqui ejus redimendo non tenebuntur solvere plus, nisi quantum valeant*. Итакъ, категорическія заявленія Статута ясно говорятъ, кого имѣло въ виду ограниченіе права отчужденія отчинъ третьею частью ихъ. „Ближніе“, а не государь, являются заинтересованною стороною и во всѣхъ актахъ изучаемаго времени, гдѣ говорится объ отчужденіи отчинъ.— Необходимо при этомъ замѣтить, что правило объ отчужденіи только трети отчинныхъ имѣній является дѣйствующимъ уже по актамъ Казимира княженя, между тѣмъ какъ въ памятникахъ общаго законодательства оно выступаетъ ясно впервые только въ статутѣ. Правда, что земскій привилей 1492 года говоритъ о правѣ выкупа родственниками отчины, но на ряду съ этимъ ничего не говоритъ о томъ, что можно было отчуждать совсѣмъ третью часть отчины¹⁰⁵⁹⁾. Между тѣмъ въ жизни это правило было уже въ полной силѣ.—Отъ 1484 года дошелъ до насъ декретъ короля Казимира по дѣлу дочерей Олехна Андроновича Алжбеты и Олены съ дядею своимъ Сенкомъ Андроновичемъ „о имѣнья и статкѣ дядка ихъ небожчика Товтка Андроновича“. Сенко положилъ передъ королемъ тестаментъ брата своего Товтка Андроновича, „ижъ ему отписалъ въ тастаментѣ третью часть имѣнья своего, а тые двѣ доли имѣнья и челяди и статковъ своихъ отписалъ ему жѣ, а съ того ему жѣ велѣлъ долги свои полатити и душу свою поминать“. Но король рѣшилъ „подѣлѣ права земского, какъ уставено“: „што записалъ Сенку братъ его Товтко третью часть имѣнья своего и челяди и статковъ, то онъ маеть держать подѣлѣ права; а тые двѣ дольницы имѣнья и челяди и статковъ присудили есмо Сенку и зѣ братаннами его зѣ Алжбетою и зѣ Оленою на поли

¹⁰⁵⁹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

подѣлити; а братанни его мають ему третью долю тыхъ долговъ заплатить, што онъ платилъ за своего брата, а за ихъ дядка за Товтка¹⁰⁶⁰⁾. Итакъ, даже брату можно было завѣщать только третью долю отчиннаго имѣнья, если были на лицо другіе братья или ихъ прямые наследники. Точно такъ же ранѣе 1492 года дѣйствовало и право выкупа отчины. Въ 1487 году королю Казимиру жаловался земанинъ Луцкій Оношко на зятя своего Ивашка и его братью Семашковичей, „што жъ купилъ имѣнье въ Луцкомъ повѣтѣ въ отца ихъ Зденижъ вѣчне, а Семашковичи въ тое имѣнье увезалися моцью, а его съ того имѣнья вонъ выгнали“. При разслѣдованіи оказалось, что имѣнье—отчина Семашковичей, вслѣдствіе чего и староста Луцкій, ранѣе разбиравшій это дѣло, „тое имѣнье, отчину ихъ, имъ присудилъ и далъ имъ въ тое имѣнье узаванье и казалъ имъ дать Оношку тридцать копъ грошей“. Король утвердилъ судъ пана старосты и только обязалъ Семашковичей уплатить Оношку еще шесть копъ „за его накладн“ на имѣнье¹⁰⁶¹⁾. Въ данномъ случаѣ король разсматривалъ продажу отчиннаго имѣнья, какъ заставу, а потому и обязалъ наследниковъ заплатить покупателю его деньги. Впрочемъ, Оношко, еслибы захотѣлъ, могъ удержать третью часть имѣнья Зденижа, такъ какъ отчичъ могъ свободно продать третью часть отчины отъ ближнихъ, а родственники имѣли право на выкупъ только двухъ третей имѣнья. Въ 1494 году великому князю Александру жаловался земанинъ кievскій Кузьма Григорьевичъ на намѣстника Звягольскаго Яцка Мезинца, „рекомо бы онъ держитъ островъ дядка его Ивашковъ Ковылинскаго, на имя Коначій“. Яцко заявилъ, что этотъ островъ онъ купилъ у Ивашка Ковылинскаго за шесть копъ грошей. Вслѣдствіе этого великій князь присудилъ островъ Яцку Мезинцу: „бо дядко можетъ отъ братанчиковъ своихъ и отъ сестренцовъ третью часть имѣнья своего продати, кому бы хотѣлъ, а то еще меншій, нишли третья часть, какъ же и самъ Кузьма тотъ передъ нами вызналъ“¹⁰⁶²⁾. Въ томъ же году великому князю жаловался судья Мельницкій съ братомъ Миколоемъ Сернацкимъ на землянъ дорогичскихъ Свяшка и Мартина Абрамовичей, „што жъ предокъ того Мацка а Миколоя запродавъ ихъ предку землю свою отчинную у пенязѣхъ, на имя Горбачовскую“; эту землю они де хотѣли у нихъ выкупить, но земляне денегъ не брали. Абрамовичи за-

¹⁰⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 119.

¹⁰⁶¹⁾ Ibidem, л. 129, 130.

¹⁰⁶²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 11, 12.

явили, „што жъ предокъ ихъ тую землю, въ ихъ предка купилъ еще за великаго князя Жигимонта, а они передъ тымъ о тую землю выдмананы некоторого не мѣли“. Великій князь присудилъ Серняцкимъ только двѣ трети земли Горбачовской, не входя даже въ рассмотрение того, была ли земля продана въ действительности или только задорована, а третью часть присудилъ Абрамовичамъ „подлугъ купленныи предка ихъ“¹⁰⁶³). Примеровъ въ такомъ родѣ можно сколько угодно набрать въ актахъ изучаемаго времени; приведемъ еще нѣкоторые изъ наиболѣе характерныхъ. Князь Андрей Семеновичъ Мосальскій, умирая бездѣтнымъ, взялъ себѣ племянника своего кн. Федора Ивановича Мосальскаго „за сына мѣсто на вѣдь свою“ (sic) и записалъ ему имѣнья свои; „а мѣлъ онъ мѣшкати на его имѣньяхъ съ княгинею своею, дядиною своею, до живота ее“. Князь Федоръ хотѣлъ было одинъ держать имѣнья дяди и не давалъ въ нихъ дѣльничъ братьямъ своимъ Дмитрію и Семену. Но великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло 11 апрѣля 1496 года, рѣшилъ такимъ образомъ: „нелзѣ было дядку его князю Андрею одному тыхъ имѣней своихъ отписывать, иное братю его отъ того отдаючи; нилзи такъ право вказуетъ: можетъ третью часть имѣней своихъ отписать, кому бы хотѣлъ по своее доброе воли“. Вслѣдствіе этого в. князь допустилъ кн. Федора на тыхъ имѣньяхъ дядка своего мѣшкати съ дядиною его, княгинею Андреевою, до живота ее; послѣ же онъ долженъ былъ „тymi всеми имѣньи дядка его съ братею своею подѣлитися и поровнати“¹⁰⁶⁴). Въ 1497 году великій князь утвердилъ за даномъ Миколаемъ Радивиловичемъ треть имѣній боярина Богдана Рачвицкаго, которую тотъ, умирая бездѣтнымъ, записалъ ему „подлѣ обычая прата земскаго отъ ближнихъ своихъ“¹⁰⁶⁵). Князь Василій Львовичъ Глинскій купилъ у боярина Божана Дашковича имѣнье Забодотье въ третьей части“. Но племянники Божана Заранко и Сидоръ по смерти дяди начали искъ передъ королемъ Сигизмундомъ о свою дяковщину, утверждая, что дядя ихъ Божанъ уже ранѣе продажи Забодотья не распродалъ третью часть своихъ имѣній или даже болѣе. Король, разбиравшій это дѣло 5 января 1507 года, далъ имъ дѣльчихъ, которые должны были выѣхать на мѣсто и довѣдаться, действительно ли Божанъ продалъ третью часть имѣній своихъ въ Водковнѣскомъ повѣтѣ. Если это оказалось бы справедливымъ, „тогда, — постановлялъ

¹⁰⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 21.

¹⁰⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 74.

¹⁰⁶⁵) Ibidem, л. 84.

король, — князь Василий масть того имения въ Заболотьи поступить, а пенязи свои тридцать рублей грошей, што дядну ихъ Божану даль и тежь на што доводъ слышный князь Василей вчинить, волко будеть на тое имение наложилъ, кромъ тыхъ тридцати рублей грошей, то Дашковичи тежь мають платити; а пакы будеть ниже третее части тамъ у Волковыяску продано, тогда тая третья часть масть быти наполнена зъ Заболотья и на томъ, чымъ оная первая продажа будеть наполнена, князь Василей остати масть, а остатокъ того имения Заболотья же Дашковичи къ своей рудъ будутъ мѣти¹⁶⁶⁰⁾. Въ 1524 году король подтвердилъ пану Ивану Андреевичу Сопѣгѣ, што жъ жова его, дочка князя Федора Михайловича Четвергеньского, пани Богдана, записала ему на вѣчностъ третью часть во всихъ именияхъ своихъ отчичныхъ: у Винковѣ, въ Лукомѣ, у Четвертни, у Навозѣ, у Годомичохъ, у Ропилкахъ, у Суску, у Славожичохъ, у Пасачевичохъ, у въ Олишновичохъ, и къ тому вси речы свои рухомны и статокъ домовныи чесь, отдаючи отъ того всю братью свою и сестры и вси ближнии свои¹⁶⁶⁷⁾ и т. д.

Примечаніе: Божаные наследники могли и потерять правѣ выкупа своей отчичны или близкосты. Въ 1498 году великому князю Александру жалованъ Левъ Шудовичъ на Богдана Бараксича, что онъ продалъ селцо на Петени, принадлежавшее его дядѣ Григорью Симоновичу, инсарю воеводи Виленскаго Сенюу Тереховичу, насъ не обсмляючи, а мы естъ въ тому близше. Богданъ заявилъ великому князю: тое селцо на Петени дядно мой Сенко Дичко, еще будуча ключникомъ Троцкимъ, купилъ въ Григорья Симоновича за отца моего влостные пенязи и тое селцо дядко мой Сенко Дичко за отца моего влостные пенязи мѣвъ спустилъ обьявъ вѣчно. А коли дядко мой Сенко Дичко тое селцо у Григорья Симоновича купилъ, тогда Григорій Симоновичъ, дядко ихъ, усихъ тыхъ ближнихъ своихъ обсмляю, абы они тое селцо окупили, не хотачи мимо ближнихъ своихъ иному никому продати, а они не хотѣли у него того селца окупити. Это показанье подтвердилъ и Федко Ромашковичъ, старшій племянникъ Григорья Симоновича, добавивъ съ своей стороны: „и мы не мѣли пенязей, чимъ тое селцо откупити, и дядно нашъ Григорій зъ нашачъ призволевьемъ, усихъ насъ, тое селцо продалъ Сенуу Дичку обьявъ вѣчно“. Великій князь спросилъ Льва Шудовича: „было ль пакъ тоѣ которое упоминае Сенуу Дичку, ижъ бы онъ того селца иному никому не про-

¹⁶⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 264.

¹⁶⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 189.

давалъ мимо вась ближнихъ за отца нашего, короля его милости?¹⁰⁶⁸⁾ Такъ какъ Левъ на то доводу никакого не далъ, великій князь оправилъ Богдана и присудилъ сельцо на Петеша писарю Сеньку Тереховичу¹⁰⁶⁹⁾. Бояринъ смоленскій Андрей Сытый отказалъ Пречистой Богоматери Смоленской село Волниныхъ въ Смоленскомъ цовѣтѣ. Волнины стали искать подъ намъ это село, отчину ихъ, и хотѣли ему отложить его пенязи (село было имъ, стало быть, куплено), а отчину себѣ взять. Но великій князь Александръ, разбравшій это дѣло 29 марта 1499 года, отказалъ въ искѣ Волнинымъ „для того, што се то вдавнило“¹⁰⁶⁹⁾. При королѣ Сигизмундѣ по тому же самому потеряли право выкупить свою отчину бояре опшменскіе Михайло и Янъ Милошевичи и Матей Юшковичъ. Вдова пана Станка Довкшевича, которая продала ихъ отчину служебнику пана Григорья Станиславовича Остиковича Сеньку Звягъ, заявила на судѣ, „ижь панъ ее тыи люди и земли купилъ тежъ вѣчне и держалъ дей то во впокон ажъ до смерти своее отъ тридцати лѣтъ або и далѣй; и вмираючи то мнѣ отписалъ, а и я дей тежъ то держала послѣ пана своего во впокон до тыхъ лѣтъ, цоки есми Сеньку Звягъ то продала, а впоминаныя дей есми о томъ жадного ни отъ кого не мѣла“. Король вслѣдствіе этого не велѣлъ означеннымъ боярамъ вступаться въ свою отчину¹⁰⁷⁰⁾. Статутъ 1529 года постановилъ, что всякій, кто не бралъ „приупоминанья“, т. е. не вчинялъ иска о движимомъ и недвижимомъ имуществѣ въ теченіе десяти лѣтъ, тратилъ его и долженъ былъ вѣчно молчать¹⁰⁷¹⁾. Эта „устава давности земское“ имѣла силу и относительно отчинъ¹⁰⁷²⁾.

Съ согласія родныхъ владѣлецъ могъ продѣть на вѣчность болѣе трети своей отчины и даже всю, и докупатель въ такомъ случаѣ былъ гарантированъ отъ выкупа имѣній. Король Александръ въ 1501 году подтвердилъ влючнику Виленскому Станиславу имѣнье въ Добучовѣ, которое онъ купилъ у боярина Виленскаго повѣта Мидолая Станковича, „дѣлницу отчины его, отъ дву братьевъ третью часть, съ призволениемъ братьи его и ближнихъ его“¹⁰⁷³⁾. Въ 1507 году король Сигизмундъ подтвердилъ дворянину Юрью Юрьевичу Немирѣвичу, „што жъ купилъ въ боярина новгородскаго въ Гриня Петрушковича Шубича

¹⁰⁶⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 88.

¹⁰⁶⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 69.

¹⁰⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 381, 382.

¹⁰⁷¹⁾ 27 арт. I раздѣла.

¹⁰⁷²⁾ 12 арт. V раздѣла.

¹⁰⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 199.

и въ ого жоны и въ ихъ дѣтей дворъ отчинный того Гриня въ Купицку... со всеми съ тымъ, съ чымъ ему на дѣлу достался тотъ дворъ отъ брата его, Ѳедкова сына Шубича, на имя отъ Ѳедка“. Въ купчемъ листѣ, который представилъ Юрій Юрьевичъ Немировича, было выписано, „што жъ тотъ Гринь Шубичъ, который ему тотъ вышписанный дворъ продалъ передъ теми людьми добрыми, которые жъ въ томъ листѣ купчомъ выписаны, опытывалъ дядиное свое Ѳедковое Шубича и ее сына Ѳедка, того вышереченого брата своего, естли бы они хотѣли за тотъ дворъ тыи пенязи отложить, за которые онъ тотъ дворъ продалъ; и они ся съ того вырекли тымъ обычаемъ, ижъ пенязей не мають, чымъ того двора окупити, и вѣчно его отступился“ ¹⁰⁷⁴). Въ 1526 году король подтвердилъ дворянину Ивану Богусевичу Боговитиновича, „што жъ братъ его стрячный Боговитинъ Львовичъ далъ и даровалъ и доброволне ему записалъ имѣнье свое на имя Вортоль со всеми, ничего на себе и на братью и ближнихъ своихъ не оставляючи, какъ жо и братья его рожоная, пана Львовы сыны Иванъ а Богданъ, съ того имѣнья Вортоля выреклися“. Иванъ Богусевичъ представлялъ королю „и того выреченья ихъ листы вызнаны и тежъ листъ записный того самого Боговитина“ ¹⁰⁷⁵). Въ 1529 году король подтвердилъ на вѣчность пану Шимзу Мацкевичу дворець Кгервидане въ Виленскомъ повѣтѣ, куплю его у бояръ Буйковичей. Въ подтвердительномъ листѣ король писалъ: „Бояры наши Юрій а Станиславъ Буйковичи, будучы у молодости своей и не доросши лѣтъ своихъ, и пославючи съ того имѣнейца своего на службу нашу земскую и платячи долги отца своего, впали въ накладъ и долгъ великій и въ головщины, и не могучы съ того имѣнья елужбы земское заступевати и видячи то, ижъ тыи, которымъ они винни въ долзѣхъ, ихъ за шью водать, и для того хотячи тое имѣнье свое за большую суму на вѣчность продати, обсылали всехъ ближнихъ своихъ, абы кто зъ нихъ тотъ дворець за большую суму, нижъ въ чомъ заставенъ былъ, на вѣчность купилъ. Ино никто зъ ближнихъ въ нихъ того дворца купити не хотѣлъ; гдѣжъ тыи бояре наши Буйковичи, пришедши обличне передъ насъ господара, то оповѣдили и били намъ чоломъ, абыхмо дозволили имъ тотъ дворець отъ ихъ близкихъ кому иному продати“ ¹⁰⁷⁶).

¹⁰⁷⁴) Литов. Метр. кн. Записк. VIII, л. 168, 169.

¹⁰⁷⁵) Литов. Метр. кн. Записк. XII, л. 311.

¹⁰⁷⁶) Ibidem, л. 422, 423.

Итакъ, ограніченіе въ правѣ отчужденія отчины имѣло въ виду интересы семьи и рода и не можетъ быть признано проявленіемъ обусловленности отчиннаго владѣнія со стороны государственнаго права. Съ согласія родственниковъ владѣлецъ могъ дѣльникомъ продать свою отчину на вѣщность; даже и не прибѣгая въ консультацію съ родными онъ могъ „заставить“ ее безъ намѣренія выкупа въ суммѣ ея стоимости, и родственники могли осуществлять свое право на отчину или близкостъ лишь настолько, насколько имѣли въ рукахъ матеріальныхъ средствъ для выкупа.

Обычай, предоставлявшій кровнымъ и близкимъ преимущественное право покупки отчиннаго имѣнія, а въ случаѣ отчужденія его въ чужой родъ — право выкупа, едва ли вершались на Литовскую Русь только вмѣстѣ съ польскимъ шляхетскимъ правомъ¹⁰⁷⁷⁾. По нѣкоторымъ признакамъ, онъ существовалъ и на Русѣ, не бывшей подъ властью Литвы¹⁰⁷⁸⁾, такъ что и корни его надо искать въ отдаленныхъ историческаго развитія именно русской общественной жизни. Очевидно, этотъ обычай выросъ на почвѣ, гдѣ господствовало родовое совладѣніе землею, и былъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ и воззрѣній, которыя были порождены этимъ родовымъ совладѣніемъ, и которыя обыкновенно его переживали. Въ западной Русѣ, какъ мы видѣли выше, родовое совладѣніе господствовало издавна въ крестьянскомъ быту, господствовало оно и въ быту военно-служилыхъ классовъ, которые были выдѣленіемъ отъ народной, крестьянской массы. Б. Лучицкій въ своей статьѣ „Сябри и сябринаго землевладѣніе въ Малороссіи“ собралъ данныя, указывающія на живучесть этой формы землевладѣнія даже въ XVIII вѣкѣ. Но еще болѣе живучимъ, чѣмъ тамъ эта форма, какъ оказывается изъ этихъ же данныхъ, былъ вышеупомянутый обычай, въ силу котораго родня и близкіе имѣли преимущественное передъ чужеродцами право покупки отчиннаго имѣнія и даже выкупа, обычай, крѣпко державшійся даже безъ законодательной поддержки¹⁰⁷⁹⁾. Въ изучаемое время онъ нашлъ себѣ поддержку и въ судебной практикѣ, и въ заводательствѣ, которыя принявъ за правило, что отчинникъ безъ согласія родныхъ можетъ отчуждать только третью часть отчины, а остальные двѣ трети кровные и близкіе могутъ выкупить. Это правило является дѣйствующимъ въ послѣдніе годы правленія на Русѣ Литовской Казимира.

¹⁰⁷⁷⁾ *R. Hube Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, str. 124, 125, 194.

¹⁰⁷⁸⁾ *К. А. Неволіна* Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 159—161; V, 60—75.

¹⁰⁷⁹⁾ Сѣверный Вѣстникъ, 1889, № 1, стр. 78—88.

И въ порядкѣ наслѣдованія отчинъ проявлялась та же тенденція въ удержанію ихъ въ данномъ родѣ, какъ это было и въ Польшѣ. Возьмемъ сначала тотъ случай, когда отчинникъ умиралъ безъ дѣтей. Въ такомъ случаѣ его жена могла оставаться на имѣннѣ мужа „до живота своего“ или до тѣхъ поръ, пока сидѣла на вдовьемъ столцѣ, т. е. до выхода за мужъ, послѣ чего имѣнье переходило къ близкимъ мужа. Такъ опредѣлено въ земскихъ привилеяхъ 1387, 1457, 1495 и 1506 года ¹⁰⁸⁰⁾. Статутъ 1529 года измѣнилъ положеніе бездѣтныхъ вдовъ, принимая во вниманіе „иже которые вдовы пусты сядуть на вдовемъ столцы, много ся от нихъ шкоды делаетъ речи посполитой, а то тымъ, иже не бывають службы служоны такъ якъ бы мели быти, и тежъ ближнихъ много имене утрачаютъ“. Вслѣдствіе этого было постановлено, что бездѣтная вдова должна „только на вене осести“, т. е. на той части имѣнья, которую записалъ ей мужъ въ вѣнѣ, „совито“, т. е. вдвойнѣ, противъ ея „внесенья“ въ домъ, и держать эту часть до живота или до выхода замужъ, а остальные части должны были „на ближние спасти“; еслибы мужъ не записалъ ей ничего въ вѣнѣ, тогда она должна была осѣсть на третьей части и держать ее пожизненно, „до живота“, или до выхода замужъ, послѣ чего и эта часть спадала на ближнихъ ¹⁰⁸¹⁾. Мужъ имѣлъ право записать женѣ въ вѣнѣ не болѣе третьей части имѣнья своего отчиннаго, и то не на вѣчность, а „въ сумѣ пенязей“. Такое правило установилось, повидимому, не задолго до изданія Статута. Въ 1507 году бояринъ Сомилипскаго повѣта Станко Довкгаловичъ, взявъ за женою 30 копъ грошей „въ монетѣ великаго князства Литовскаго и хотячи ей за то досыть вчинити“, записалъ ей шестьдесятъ копъ грошей на *половинѣ* имѣнья своего отчиннаго, „на дворцу и селѣ, которое лежить подлѣ озера Олеса“ ¹⁰⁸²⁾. Въ уставной грамотѣ, данной Кіевской землѣ, говорится только о томъ, что мужъ долженъ записать вѣно женѣ не на всемъ имѣннѣ, а на одной „подобной“ части ¹⁰⁸³⁾. Но уже въ 1526 году князь Александръ Федоровичъ Збаражскій, получивъ по женѣ „посагу зъ выправою и со всимъ триста гривень грошей“, „и противку того вѣневалъ ей на *третьей части* имѣней своихъ отчизныхъ, на имя на Среднемъ Порыцку, а на другомъ на Гривковичахъ со всеми доходы, какъ ся тыи двѣ имѣнья здавна въ собѣ мають, шестьсотъ гривень

¹⁰⁸⁰⁾ Срав. *R. Hube Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, str. 110, 118, 121.

¹⁰⁸¹⁾ 3 арт. IV раздѣла.

¹⁰⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 181.

¹⁰⁸³⁾ Срав. *R. Hube Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, str. 115, 188.

грошей" ¹⁰⁸⁴). Вѣно, записанное покойнымъ мужемъ, ближніе должны были непременно уплатить вдовѣ при выходѣ ея замужъ, если желали получить сполна всю близкостъ свою, въ томъ числѣ и ту часть, на которой было записано вѣно ¹⁰⁸⁵). Такъ, панъ Станиславъ Кондратовичъ, отписавъ около 1506 года своей женѣ Маринѣ дворъ Дявилтово до живота ея, „если бы она сидѣла на вдовьемъ столцѣ“, оговорилъ въ записи: „а пошла ль бы за мужъ, тогда ближніи мають отложить ей полтора ста копь грошей широкихъ, а тотъ дворъ Дявилтово къ своей рудѣ взята" ¹⁰⁸⁶). Князь Александръ Федоровичъ Збаражскій, предоставивъ женѣ держать записанныя ей въ вѣнѣ имѣнья до живота, также оговорилъ: „а если бы она похотѣла по его смерти замужъ пойти, тогда братья его мають шестьсотъ гривенъ грошей вѣна ей отложить, а тыи двѣ имѣнья къ своимъ рукамъ взяти“. Вдова могла отписать свое вѣно кому хотѣла, и ближніе мужа должны были разсчитаться съ указаннымъ въ завѣщаніи вдовы лицомъ, какъ съ нею самою. Панъ Андрей Волотовичъ, умирая бездѣтнымъ, записалъ своей женѣ на отчинномъ имѣньѣ Звинячей вѣна 600 копь грошей. Казимиръ, на котораго спала Звинячая, пожаловалъ ее на вѣчностъ князю Александру Савкушковичу, женившемуся, на вдовѣ Волотовича. По смерти кн. Александра вдова его записала триста копь грошей вѣна, полученнаго отъ перваго мужа, пасынку своему князю Андрею Александровичу; а другія триста копь сестричнѣ своей, женѣ князя Юрья Четвертенскаго. Великій князь Александръ, подтвердивъ Звинячую князю Андрею, обязалъ его заплатить княгинѣ Четвертенской триста копь ¹⁰⁸⁷). Король Сигизмундъ, подтвердивъ въ 1524 году вѣновную записъ кн. Семена Чорторыйскаго, выданную имъ женѣ Ульянѣ на имѣнье Спорово, написалъ въ своемъ листѣ: „А если бы она за другою мужа пошла, а похотятъ ли дѣти або близкіи князя Семеновы тое имѣнье Спорово къ своей рудѣ мѣти, и они мають первѣй тую суму шесть сотъ копь грошей княгини Ульянѣ або тому, кому она по животѣ своемъ то отписать, отложить, тажъ мають тое имѣнье зъ ихъ mocy вынати" ¹⁰⁸⁸).—Такъ было до Статута 1529 года; Статутъ, со своей стороны, постановилъ, что если вдова просидѣла „до

¹⁰⁸⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 312.

¹⁰⁸⁵) См. земскіе привилеи 1457, 1492 и 1506 гг. и уставную грамоту Полоцкой земли 1511 года въ Актахъ Зап. Рос. II, № 70.

¹⁰⁸⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 319, 320.

¹⁰⁸⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 162, 163.

¹⁰⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 152.

живота“ своего на имѣннѣ, записанномъ ей въ вѣнѣ, она не имѣетъ права завѣщать свое вѣно кому-либо полностью, т. е. свое внесеніе и „привѣнокъ“, или „оправу“ мужа. Вдова въ такомъ случаѣ могла отказывать только „внесеніе“ свое, т. е. ту сумму денегъ, которую она внесла въ домъ мужа въ видѣ приданого. Уплата этого „внесенія“ для ближнихъ мужа была *conditiosine qua non* входа во владѣніе его имѣніемъ ¹⁰⁸⁹⁾.

Возьмемъ затѣмъ тотъ случай, когда по смерти отчинника оставалась жена съ сыновьями. По Статуту 1529 года, если умершій поручилъ опеку надъ дѣтьми и имѣніями кому-нибудь изъ пріятелей своихъ, хотя бы и чужому, жена его должна была оставаться на вѣнѣ своемъ, точнѣе—на той части, которая записана ей въ вѣнѣ. Еслибы она пошла замужъ, тогда опекунъ не долженъ былъ выкупать у нея эту часть, а только сыновья его, когда „доростутъ лѣтъ своихъ“. Сыновья должны были сами рѣшить, выкупать ли имъ часть отчины, записанную въ вѣнѣ матери, или взять ее безъ выкупа со смертью матери. Если умершій отчинникъ не поручилъ никому опеки, тогда жена должна была беречь дѣтей и сидѣть на вдовьемъ столцѣ во всемъ имѣніи мужа до тѣхъ поръ, пока не вырастутъ сыновья. Когда сыновья доросли до своихъ лѣтъ, тогда вдова должна была „осести только на вене своемъ“, а сыновья должны были вступить во владѣніе всѣми имѣніями и скарбами отцовскими и служить съ нѣхъ службу земскую. Если жена не имѣла отъ мужа вѣновной записи, тогда она получала во всемъ равную съ сыновьями часть, „у скарбахъ и у имѣннѣхъ ружомыхъ и лежачихъ“, и должна была владѣть ею пожизненно, а по смерти ее эта часть шла „въ дѣлъ“ сыновьямъ; еслибы вдова захотѣла пойти замужъ, эта часть спадала на сыновей, которые не обязаны были дать ей вѣнца (*agnile*), развѣ отецъ ничего не записалъ ей въ вѣнѣ. Когда по смерти отчинника оставался только одинъ сынъ, невѣнованная жена получала третью часть до живота, а двѣ трети получалъ сынъ, доросшій до своихъ лѣтъ ¹⁰⁹⁰⁾. Эти опредѣленія Статута, если не во всѣхъ подробностяхъ, то въ главныхъ основаніяхъ своихъ были нечѣмъ инымъ, какъ формулировкой порядка, дѣйствовавшего издавна на Руси и въ Польшѣ ¹⁰⁹¹⁾.

¹⁰⁸⁹⁾ 1 арт. IV раздѣла.

¹⁰⁹⁰⁾ 2, 4, и 7 арт. IV раздѣла.

¹⁰⁹¹⁾ См. 106 и 111 ст. Русской Правды по Карамзинскому списку. Срав. *R. Hube* *Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, str. 121.

Теперь возьмемъ тотъ случай, когда по смерти отчинника оставались одни сыновья безъ матери и сестеръ. Если они были малолѣтніе, тогда ими опекались или лица, назначенныя отцомъ, или „стрыве або ближніе“, при неимѣніи которыхъ господарь или пань-рада поставляли опекуномъ „кого обчого доброго чловѣка“ ¹⁰⁹²⁾. Всѣ предписанія Статута относительно опекуновъ, конечно, направлены къ тому, чтобы обезпечить за малолѣтними ихъ имѣнья, и отчины въ особенности. Когда сыновья подрастали, они вступали во владѣніе своею отчиною и держали ее или „сполне“ или „въ дѣлу“, который производился между ними на основаніи равенства ¹⁰⁹³⁾. Если одинъ изъ братьевъ умиралъ бездѣтнымъ, то оставшіеся въ живыхъ дѣлили между собой также поровну его дѣльницу ¹⁰⁹⁴⁾. Умирающій братъ могъ отписать свою дѣльницу одному изъ братьевъ, но съ правомъ для другихъ выкупить свои части въ этой дѣльницѣ, точно такъ же, какъ могъ записать онъ „въ пенязѣхъ“ свою „дѣльницу“ и всякому постороннему чловѣку. Панъ Богданъ Андреевичъ Сологубовича записалъ свою часть въ отчинныхъ имѣньяхъ: Ивенцѣ, Кіевцѣ, Косичахъ, Гребени, Кобыличахъ, Теляковѣ и Повидишегахъ, своему брату Юрью, „будучи въ Божьяго допущенія у хоробѣ и по тыи лѣта видечи отъ него ласку и прязнь и наклады его ву собѣ и почестность тую, которую въ той его немоцы онъ еъ нему мѣлъ и данину пенязми и иными речми и тежъ службы земскіи, которыи жъ за него онъ своими наклады чотыри вротъ заступоваль“. В. князь Александръ въ 1500 году утвердилъ эту запись съ слѣдующею оговоркою: „а естли бы нѣбако братъ его панъ Миколай Андреевичъ хотѣлъ дѣльницу мѣти въ части пана Богдановы у-въ отчинѣ, и онъ маеть брату своему пану Юрью за вси тыи вышейписаные наклады, за давину и за истраву и тежъ, што чотыри кротъ за него службу земскую намъ заступоваль, пенязи отложить подлѣ признанья и привилія брата ихъ пана Богданова“ ¹⁰⁹⁵⁾.

Въ томъ случаѣ, когда по смерти отчинника оставались сыновья и дочери, сыновья обязаны были выдать своихъ сестеръ замужъ и дать за ними приданое, „посагъ“ или „выправу“. „Посагомъ“ въ Польшѣ назывались наличныя деньги („готововизна“) или недвижимыя имущества, которыя давались въ приданое за дѣвницами и служили для

¹⁰⁹²⁾ 7 арт. IV раздѣла.

¹⁰⁹³⁾ 24 арт. VIII раздѣла.

¹⁰⁹⁴⁾ См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 121, 122.

¹⁰⁹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 100.

нихъ, такъ сказать, основнымъ капиталомъ, постояннымъ обезпеченіемъ ихъ имущественной самостоятельности въ новой семейной ассоціаціи; при „посагѣ“ давалась и „выправа“ изъ одеждъ, драгоценностей и денегъ на расходы ¹⁰⁹⁶⁾. Впрочемъ, понятіе „посага“ обнимало иногда и то, что называлось собственно „выправою“, такъ что для обозначенія приданого употреблялось и одно слово „посагъ“ ¹⁰⁹⁷⁾. Въ литовско-русскихъ актахъ ивучаемаго времени, какъ мы видѣли выше, также различаются посагъ и выправа, хотя также не всегда. Статутъ 1529 года говоритъ о „внесельѣ“ жены, о „выправѣ“ дочерей, о „посагѣ“, употребляя послѣдній терминъ въ общій смыслъ приданого (*dos*). Но онъ строго различаетъ отъ этихъ понятій „вѣно“, которое слагалось изъ „посага“, или „внесенья“, жены въ домъ мужа и „оправы“, или „привѣнка“ (*dotulitium*), записаннаго противъ этого внесенья мужемъ на своемъ имѣніи. Въ актахъ, впрочемъ, вѣномъ называется иногда и посагъ или выправа ¹⁰⁹⁸⁾, а вмѣсто глагола „выправить“, дати „посагъ“, употребляется; „вывѣновать“ ¹⁰⁹⁹⁾. Размѣръ „посага“ или „выправы“ опредѣлялся или родительскою волею, или закономъ. Братья должны были выдать своихъ сестеръ такъ, „якъ отецъ або matka записали“. Если родители не сдѣлали относительно этого никакого распоряженія, тогда братья должны были дать сестрамъ, по скольку отецъ съ матерью дали дочерямъ, уже выданнымъ замужъ. Наконецъ, если бы братьямъ пришлось впервые выдавать сестеръ замужъ, или если бы они не въ состояніи были выдать ихъ такъ, какъ отецъ съ матерью выдали первыхъ дочерей, тогда судьи должны были оцѣнить все имѣніе ихъ, „и за што,—гласитъ статутъ 1529 года,—станетъ четвертая часть, хотя много сыновъ, а одна дочка, тогда маетъ дати тое выправы, чого четвертая частъ имени стоитъ, а хотя тежъ одинъ сынъ а много сестеръ, тогда тежъ на вси сестры четвертая часть шацунку розделити, и каждой выправу ровную с тое четвертое части маеть дати“ ¹¹⁰⁰⁾. Впрочемъ, эта „дѣвичья четвертка“ едва ли не впервые установлена Статутомъ 1529 года, потому что и въ Польшѣ *quartalitio puellaris* только около того же времени входитъ къ обычай, а въ законодательство даже и позже ¹¹⁰¹⁾. До этого же времени на Литвѣ, какъ и

¹⁰⁹⁶⁾ *R. Hube* *Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego*, str. 114—117.

¹⁰⁹⁷⁾ *Ibidem*, str. 190, 191.

¹⁰⁹⁸⁾ См., напр., *Акты Зап. Рос.* I, № 189.

¹⁰⁹⁹⁾ См. выше, стр. 530.

¹¹⁰⁰⁾ 8 арт. IV раздѣла.

¹¹⁰¹⁾ *Tadeusza Czackiego* *O litewskich i polskich prawach*, tom II, str. 7.

въ Польшѣ дѣйствовало право, въ силу котораго братья должны дать сестрамъ надлежащее приданое — *partem competentem*, какъ выражаются польскіе статуты ¹¹⁰²⁾, „посагъ слушннй“, какъ выражаются дѣла литовско-русскіе. Размѣръ этого приданого опредѣлялся обычаемъ. Король Казимиръ присудилъ боярину слонимскому Талку Некрацевичу по смерти двухъ братьевъ его всю отчину его съ такимъ условіемъ: „масть мацоху свою въ той чести держати, какъ при отцы его была и домоу володѣла; а невѣсткамъ своимъ масть дать за вѣна одной тридцать гривенъ, а другой сорокъ гривенъ, а заплативши имъ тые пенязи, масть имѣнье взять все въ своей рудѣ, отчину свою;... а будетъ ли сестрамъ его посагъ не добре данъ и не гораздо будетъ ихъ замужь выправено, не такъ, какъ на нихъ слушить, и онъ масть имъ еще што придать, какъ на нихъ слушить подлѣ обычая, какъ есть обычай писанъ“ ¹¹⁰³⁾. Въ Польшѣ этотъ писанный обычай опредѣлялъ, чтобы за дочерью воеводъ давалось посагу 100 гривенъ (*centum marcas*), за дочерью простыхъ шляхтичей 40; если же братья наслѣдники не въ состоянн были дать такой посагъ, тогда имѣнье оцѣнивалось, и изъ него выдавалась достаточная часть (*pars contingens*) ¹¹⁰⁴⁾. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ изучаемое время мы встрѣчаемся по большей части съ приданнымъ въ 300 гривенъ для дочерей знатныхъ пановъ; бояре и земяне-шляхта даютъ посагу за дочерями 20, 30 и 40 гривенъ.

Въ качествѣ посага на Литвѣ, какъ и въ Польшѣ ¹¹⁰⁵⁾, давалась иногда и часть отчиннаго недвижимаго имѣнья, которая переходила къ дѣтямъ получившей, а при неимѣнн таковыхъ возвращалась въ родъ. Въ 1496 году великому князю Александру жаловались земяне Владимирскіе Андрей Тириковичъ и сестренцы его Богданъ и Кондрать Гринковичи (Андрей былъ, повидимому, ихъ опекуномъ) на земзянина Богданца, „што жъ дали ему были по сестрѣ своей дворище на имя Давыдовское,—ино тая сестра ихъ, за нимъ будучы, вмерла, а дѣтей съ нимъ не мѣла, и онъ имъ и того дворища не хотѣлъ попустити“. Богданецъ оправдывался тѣмъ, что жена его записала ему дворецъ въ 14 копахъ грошей, и представилъ листъ намѣстника Владимирскаго пана Василья Хребтовича, которымъ дворище присуждалось ему. Но великій князь рѣшилъ: „коли тая сестра ихъ, за нимъ

¹¹⁰²⁾ *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 190, 191, XLIII.

¹¹⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 129.

¹¹⁰⁴⁾ *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str XLIII.

¹¹⁰⁵⁾ *Ibidem*, str. 115.

будучи, а дѣтей не имѣла, не могла отчины ихъ мужу своему записывать отъ нихъ отъ ближнихъ" ¹¹⁰⁶). Посагъ, полученный женщиною въ видѣ части отчиннаго недвижимаго имущества, рассматривался, какъ ея отчинная дѣльница, и въ распоряженіи имъ она должна была подчиняться общему правилу объ отчужденіи отчинъ. Въ 1503 году король Александръ присудилъ пану Альбрехту Мартиновичу Гаштольдъ имѣнья и скарбы, посагъ сестры его, бывшей замужемъ за паномъ Яномъ Радзивилловичемъ, которому она отписала было ихъ, умирая бездѣтною „не подлугъ того, какъ же есть обычай у правѣхъ христіанскихъ“. Король „зламалъ“ ея тестаментъ на томъ основаніи, что не только въ великомъ княжествѣ, но и въ коронѣ Польской—таковъ обычай: „коли дѣвка будетъ выдана замужъ, а вмреть, дѣтей не маючи, тогда тотъ посагъ, который будетъ за нею данъ, маеть зася отданъ быти въ тотъ же домъ, съ котораго дому таа дѣвка будетъ выдана" ¹¹⁰⁷). Любопытно, что представленіе о посагѣ, какъ объ отчинной дѣльницѣ, переносилось иногда и на посагъ, полученный женщиною деньгами и разною движимостью. Кромѣ только что приведеннаго случая, можно указать на постановленіе привилея, выданнаго Бѣльскаго землѣ въ 1501 году. Здѣсь, впрочемъ, вдовѣ предоставляется на добрую волю возвратить или не отдавать посагъ обратно въ домъ отцовскій: въ послѣднемъ случаѣ она теряетъ „право близости и тежъ часть отцовску“, еслибы она ей приходилась ¹¹⁰⁸). Возрѣніе на посагъ, какъ на дѣльницу отчины, проявлялось, однако, лишь въ томъ случаѣ, если получившая посагъ женщина умирала бездѣтною; въ противномъ случаѣ дѣти ея дѣлили свою материзну поровну, сыновья и дочери. Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что посагъ въ видѣ части общаго недвижимаго имущества братья не обязаны были выдавать сестрѣ: съ отчиннаго имѣнья она имѣла право получить только деньги „годовизною“, одежды и украшенія, однимъ словомъ—„выправу“, кнѣзь выражается Статутъ 1529 года ¹¹⁰⁹); если же посагъ давался частью отчины, то на то была добрая воля родителей или братьевъ. Основная тенденція земскаго права въ данномъ случаѣ была та же, что и въ предыдущихъ, т. е. сохраненіе отчины въ родѣ. Эта тенденція не была навѣяна извнѣ, а велась изстари: „аже будетъ сестра

¹¹⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 59.

¹¹⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 225, 226.

¹¹⁰⁸) Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹¹⁰⁹) 3 арт. IV раздѣла.

въ домоу, — гласить Русская Правда, — то тои задницы не имати, не отдадять ю братіа за мужь, како си могоуть“.

Какъ поступалось въ томъ случаѣ, когда по смерти отца не было сыновей, а только донери?—

Великопольскій статутъ, составленный при Казимирѣ Великому, исключаетъ въ этомъ случаѣ дочерей изъ наслѣдованія отчины: стрыечные братья (*fratres patruales*) вступаютъ во владѣніе своею близостью и обязуются выдать своихъ двоюродныхъ сестеръ замужъ съ обычною „выправкою“¹¹¹⁰⁾. И только король, принаравливая великопольское узаконеніе къ Вислицкому Статуту, приписалъ артикуль, въ силу коего стрыечные братья, если хотѣли имѣть близость свою, въ теченіе года должны были выплатить наслѣдницамъ за имѣнья деньги по оцѣнѣ стороннихъ людей, въ противномъ случаѣ имѣнья удерживали дочери-наслѣдницы¹¹¹¹⁾. Возрѣніе, что дочь не наслѣдница отчины, иногда проявляется и въ судебно-административной практикѣ литовско-русскаго правительства. Король Казимиръ въ 1489 году позволилъ боярину брянскому Ивану Евлахову понять за себя жену покойнаго Ивашка Курова съ его имѣньями—Городкомъ, Олешною и Молвотиномъ и съ обязанностью выдать съ этихъ имѣній замужъ двухъ дочерей Курова, „какъ они лѣтъ своихъ достуютъ“¹¹¹²⁾. Дочерямъ, такимъ образомъ, предоставлено было въ данномъ случаѣ то, на что онѣ могли рассчитывать при братьяхъ. Но въ большинствѣ случаевъ по литовско-русскимъ актамъ мы встрѣчаемся съ наслѣдованіемъ дочерью отцовскихъ имѣній при неимѣніи сыновей. Бояринъ путивльскій Сенько Жеребятичъ, женившись на вдовѣ Ивашка Разчищича, у котораго осталось двѣ дочери, Опроня и Ульяна, хотѣлъ было присвоить себѣ его имѣнья Везень и Бѣловѣжки „съ селищи и съ пащными землями и съ бортиными“ и озеро Любимино и Опронско, и всѣ „входы и приходы“, и купли. По жалобѣ Ивана Новокрещеннаго, женаатаго на Опронѣ, великій князь Александръ 28 апрѣля 1498 года далъ такой „вырокъ“: „тые имѣнья Ивановой женѣ Опронѣ а свети его Ульянѣ отчина, а Сеньку ничимъ ани женѣ его не прійдутъ“¹¹¹³⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ случай какъ разъ обратный тому, который приведенъ выше. Въ актахъ мы находимъ множество „призволеній“ господарскихъ „понять“ дѣвку съ имѣньемъ, ея

¹¹¹⁰⁾ *R. Hube* Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego, str. 191, XLIII.

¹¹¹¹⁾ *Ibidem*, str. 193, LIII.

¹¹¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 131, 132.

¹¹¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

отчиною. Такъ король Казимиръ въ 1484 году позволилъ Юхну Зеновевичу взять замужъ дочь Андрея Денисовича съ имѣньемъ Вельгоромъ, котораго она была единственной наслѣдницей. вмѣстѣ съ этимъ король сдѣлалъ распоряженіе, чтобы опекуны дѣвицы, ея дѣдъ Ивашко Бабинскій и дядя Сенко Денисовичъ, „поступили ся“ своей опеки, и послалъ дворянина Сенька Полозовича ввести Юхна во владѣніе имѣньемъ¹¹¹⁴⁾. Иногда подобное распоряженіе дѣлалось въ пользу жениховъ, присватавшихся къ несовершеннолѣтнимъ наслѣдницамъ. Въ 1495 году великому князю Александру заявили Янъ Котовичъ и Миколай Завишичъ, „што жъ змовили за себе дочки пана Яновы Мишковича Явовича, старшую змовилъ Миколай Завишичъ, а меньшую змовилъ Янъ Котовичъ, нижли дей ещо тые дѣвки лѣтъ не доросли, а имѣнья ихъ опекается дядко ихъ Станько Юрьевичъ“. Паны просили великаго князя дать имъ въ опеку эти имѣнья „до тыхъ мѣсть, пока ся они съ тыми дѣвками поймутъ“. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу съ условіемъ: „а они мають намъ съ тыхъ имѣней службу земскую заступати по осми коней у зброяхъ“; въ заключеніе своего дозволенья прибавилъ: „а коля ся они съ тыми дѣвками поймутъ, и они тогды тые имѣнья межи собою подѣлятъ“¹¹¹⁵⁾. Благодаря тому, что дочери наслѣдовали отчинныя имѣнья, великіе князья принимали участіе въ устройствѣ ихъ замужества въ интересахъ правильнаго отбыванія военной службы. Это участіе переходило нерѣдко въ принужденіе, особенно въ XIV и первой половинѣ XV вѣка, такъ что и тѣ статьи земскихъ привилеевъ, гдѣ говорится о правѣ свободной выдачи дочерей и родственницъ замужъ, можно разсматривать, какъ дѣйствительную привилегію. Въ этихъ статьяхъ гарантируется право родителей, родныхъ, опекуновъ устраивать бракъ; 18 артикулъ IV раздѣла Статута 1529 года гарантируетъ уже прямо право женщины, вступающей въ бракъ: „маемъ мы самы и потомки наши княгинь и паней и вдовъ и княженъ и паненъ и девокъ заховати при волностяхъ ихъ, а квалтомъ ни за кого ихъ не маемъ давати безъ ихъ воли, нижли каждой з нихъ с пороадою приятелей ихъ, за кого хотя, за того волно пойти“. Такое обезпеченіе, равно какъ и самое вмѣшательство великихъ князей, объясняется именно тѣмъ, что женщины наслѣдовали недвижимыя имущества, съ которыхъ шла военная служба государю. Но несмотря на предоставленіе права родителямъ и роднымъ выдачи

¹¹¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 120.

¹¹¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 53.

замужъ дѣвицъ *juxta beneplacitum eorum, principe irrequisito*, въ актахъ изучаемаго времени мы постоянно встрѣчаемся съ призоленьями великаго князя, которое брали даже сами родители на право принять зятя къ дочери въ имѣнье, котораго она единственная наслѣдница. Такое призоленье занесено, на примѣръ, въ записи земельныхъ раздачъ Казимира въ такой формѣ: „Дровмутисъ принялъ Пузоса за сына мѣсто къ дочцѣ, а по Дровмутевѣ животѣ ино Пузосу тое, што онъ держалъ, а ему служити, какъ Дровмутисъ служилъ“ ¹¹¹⁶). Если оставались двѣ дочери, имѣніе могло перейти къ той, которая первая выходила замужъ, при чемъ ея сестрѣ должно было выдать только выправу съ отчины. У стараго татарина Исупа умеръ его единственный сынъ наслѣдникъ, оставивъ жену и двухъ дочерей. Король Казимиръ разрѣшилъ Исупу выдать внуку за сына татарина Сеитя и далъ Сеитю такой листъ: „Ино, воли вжо тотъ Исупъ старъ, а дѣтей въ него ничего нѣтъ, только двѣ внуки а невѣстка вдова, и мы ему дозволили одну внуку его за сына своего поняти и имѣнье тое Тупалы а Гнѣдковичи сыну его тому дали на особную службу, которій внуку его пойметъ, а другую внуку его казали есмо ему выправити замужъ, какъ есть обычай; а тотъ Исупъ и его невѣстка маеть въ томъ имѣнни жити до своее смерти; а естли тая невѣстка его всхоchetъ замужъ пойти, ино ему ее выправити подлѣ обычая“ ¹¹¹⁷). — Такія распоряженія дѣлались правительствомъ преимущественно относительно мелкихъ имѣній, отъ дробленія которыхъ могла пострадать господарская служба; крупныя же панскія и княжескія имѣнья обыкновенно дѣлились между сестрами, какъ видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ. — При неимѣнни сыновей отчины переходили даже къ замужнимъ дочерямъ, получившимъ уже свою выправку. Великій князь Казимиръ утвердилъ за нѣвѣимъ Петромъ Малеву гору въ Берестейскомъ повѣтѣ „по женѣ“ ¹¹¹⁸). Великій князь Александръ по жалобѣ боярыни Бирштанскаго повѣта Ивашковой на зятя своего Яцка Тамутевича, „што жъ ее выгоняеть зъ имѣнья мужа ее“, урядилъ такимъ образомъ: „маеть она въ томъ имѣнни мѣшкати до смерти своее, на чомъ же мужъ ее оставилъ, а по его жывотѣ тогда мають тые зятеве ее тое имѣнье собѣ взять по жонахъ своихъ“ ¹¹¹⁹).

¹¹¹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 60.

¹¹¹⁷) Литов. Метр. кн. Запис IV, л. 70.

¹¹¹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 63.

¹¹¹⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 18.

Зятя брали по жонамъ своимъ имѣнья не въ собственность себѣ, а только въ фактическое пользованіе. Настоящими владѣльцами считались ихъ жены и дѣти, которыя въ распоряженіи такими имѣнья должны были соблюдать общія правила, касающіяся отчинныхъ имѣній. Сообразно съ этимъ въ 1481 году жена пана Ивана Ильинича Анна Довгирдовна записала мужу своему „имѣней своихъ, отчины своее, третью долю“, дворъ Лынтупы съ людьми и съ землями „и съ всимъ, што къ тому двору слушаетъ издавна“, дворець Едупи съ землею и съ людьми, земли слугъ своихъ: Станькову, Мацкову, Жеребилову, Богданову Колотовтовича, Николаеву и Маркову, съ людьми и съ землями „и со всимъ по тому, какъ они держали“. „А повѣдала намъ,—гласить подтвердительный привилей короля,—же то есть третина отчины ее во всемъ имѣньи, въ земляхъ и въ людѣхъ и во всемъ“¹¹²⁰). Подобную же запись сдѣлала въ 1528 году землянка Софья Александровна въ пользу своего мужа Николая Мировскаго, „отдаляючи отъ тое третее части всихъ близкихъ своихъ“¹¹²¹). Если такой записи не было, мужъ совершенно исключался изъ наслѣдованія, и имѣнье поступало въ равный дѣлъ между сыновьями и дочерьми владѣльницы. Въ 1484 году король Казимиръ, выслушавъ жалобу пана Михна Доркевича на пана Яна Довойновича, который женился на матерѣ Михна и по смерти ея хотѣлъ было завладѣть ея отчиною, постановилъ такое рѣшеніе: „И досмотрѣвши есмо о томъ, и присудили тыи имѣнья ее Ольбязя и Любешова и Бискупичи и Росное и иншія села, што къ тому слушаютъ, Михну и сестрѣ его Кахнѣ, а пана Яновымъ дѣтемъ Андрею а Яну, а сестрамъ ихъ Альжбетѣ а Ядвизѣ, а Ганнѣ а Малгоретѣ—всимъ имъ по дѣльницамъ тые имѣнья роздѣлити на осмеро, какъ жо право земское уставено“¹¹²²). „Материзна“ вообще дѣлилась поровну между всѣми дѣтьми обоого пола. Въ 1503 году жена пана Олехна Малышковича Настасья жаловалась королю Александру на своихъ родныхъ братьевъ князей Михаила, Андрея и Александра Петьковичовъ и на сестеръ: Ядвигу, жену пана Некрапа Володковича, Александру, жену пана Григорья Станковича, Людмилу, жену пана Юрья Сологубовича, Авдотью, жену пана Немира, и Софью, жену пана Кезкгайла Яновича, „што жъ они не хотятъ ей, сестрѣ своей дѣлу дати въ имѣньяхъ материзныхъ на имя у Свиранѣхъ, а у Ворнянѣхъ, а у Строяной, а у Ясени, а у Трокиникохъ,

¹¹²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 113, 114.

¹¹²¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 383, 384.

¹¹²²) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 118.

а у Бесѣдахъ“. Браты и сестры „отбывали“ ее заявленіемъ, „што жъ matka ихъ, отходя съ сего свѣта, отписала имъ, сыномъ и дочкамъ своимъ, тыи имѣнья свои по дѣльницамъ роздѣлити, а ей, сестрѣ ихъ паней Настасьи, не казала въ тыхъ своихъ имѣньяхъ дѣльницы дати. нижли казала имъ всимъ съ тыхъ имѣней дати ей сто копъ грошей“. Но король, разсмотрѣвъ это дѣло съ панами - радою, нашель, „ниже тотъ тестаментъ наряднымъ а неслушнымъ обычаемъ matka ихъ писала“, и присудилъ „тыи имѣнья, материзну ихъ, вси на мѣсто змѣшавши, имѣнья бояръ ихъ и людей боярскихъ, то mezi ними подѣлити и поровняти по дѣльницамъ, какъ одному брату, такъ и другому, а сестрамъ всимъ потому жъ дѣльницы таковыи жъ ровно зъ братьсю мають быти“¹¹²³⁾. Статутъ 1529 года, формулируя дѣйствовавшее уже до него право, постановилъ: „А естли бы имене пришло которымъ колвек спадком материстое; тогда сестра промежи брати ровную дѣльницу того имене маеть мети, а зъ отчизного выправа“¹¹²⁴⁾. Въ этомъ случаѣ литовско-русское право, повидимому, значительно уже отклонилось отъ стариннаго русскаго права, нашедшаго себѣ выраженіе въ Русской Правдѣ. Русская Правда гласить: „А матерня часть дѣтемъ не надобѣ но кому мати въскощеть, тому дать: дать ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять; безъ язъка ли оумреть, то оу кого ли боудеть на дворѣ была и мертва и кто ю кормилъ, тому взяти“¹¹²⁵⁾. Въ изучаемое время мать могла свободно распорядиться только движимымъ имуществомъ, а недвижимымъ въ томъ только случаѣ, если это не была ея отчина; изъ отчины же могла отписать, кому угодно, только третью часть. Въ 1499 году князя Одинцевичи Дмитрій, Богданъ и Григорій, искали „правомъ“ на братѣ своемъ Иванѣ скарба матери своей. Князь Иванъ повѣдалъ предъ великимъ княземъ Александромъ, „што жъ matka ихъ вси скарбы свои и челядь отписала дочцѣ своей, а сестрѣ ихъ, княжнѣ Марѣ; и тая сестра ихъ мѣшкала въ брата своего въ князя Ивана ажъ и до смерти своее и вмираючи тыи вси скарбы и челядь, материзну свою, отписала князю Ивасу, брату своему, въ духовници“. Великій князь рѣшилъ дѣло въ пользу князя Ивана“¹¹²⁶⁾. Тотъ же великій князь 29 марта 1495 года подтвердилъ княгинѣ Михайловой Васильевича Татьянѣ имѣнье, записанное ей мужемъ, исторія котораго была такова: „свекрови ее виегини Васильевой Аннѣ дѣти ее

¹¹²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 222, 223.

¹¹²⁴⁾ 13 арт. VI раздѣла.

¹¹²⁵⁾ Ст. 114 по Карамзинскому списку.

¹¹²⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 133.

князь Семенъ а Михайло, а Федоръ Васильевичи, вынемшы со все отчины своее, дали и записали ей вѣчно село Посконъ а Гребино зъ Якимкомъ данникомъ... и дозволили ей листомъ своимъ по ее животѣ все тое кому хотя отдать и записать; ино дей свекровь ее, княгиня Василевая, отходячи сего свѣта, тое село со всемъ отписала въ духовницы сыну своему, мужу ее князю Михаилу, кромѣ иныхъ дѣтей¹¹²⁷⁾. Но отчинными имѣньями, какъ мы уже видѣли, женщина не могла такъ произвольно распоряжаться.—Наслѣдники, получившіе материзну, въ распоряженіи ею должны были слѣдовать тѣмъ же предписаніямъ земскаго права, какія имѣли силу относительно отчинъ¹¹²⁸⁾.

При неимѣннн прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола женщины получали не только отчину, но и „близкость“. Въ 1495 году великій князь Александръ утвердилъ за женою землянина волынскаго Богдана Холоневскаго „половицу имѣнья Варковичъ, близость ее“, по смерти брата ея Олехна, у котораго изъ близкихъ болѣе никого не осталось¹¹²⁹⁾. Тотъ же великій князь въ 1494 году присудилъ имѣнье умершаго боярина Минскаго повѣта Миклаша малолѣтней дочери его, также покойнаго, брата Петраша: жена Петраша, мать наслѣдницы, должна была только уплатить съ имѣнья вѣно, записанное Миклашомъ своей женѣ Ганѣ¹¹³⁰⁾ и т. д. Такимъ образомъ литовско-русское право въ отношеніи наслѣдованія женщинъ держалось старинной традиціи русскаго права, согласовавшейся и съ малопольскимъ правомъ, въ силу коей при неимѣннн братьевъ наслѣдовали сестры¹¹³¹⁾.

Если у умершаго отчинника не оставалось ни дѣтей, ни родственниковъ, въ такомъ случаѣ имѣнье спадало на господаря, который вступалъ въ право и обязанности рода и могъ въ свою очередь передать эти права и обязанности частнымъ лицамъ. Такимъ образомъ напр., если у покойнаго оставалась вдова, господарь давалъ ей прожитокъ, кормилъ ее на имѣньѣ покойнаго ея мужа или же возлагалъ эту обязанность на того, кому жаловалъ имѣнье. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „Федку Вязевичу село Дмитреево Непролеево на Словажи, а жона Дмитреева кормити ему до смерти а дер-

¹¹²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29.

¹¹²⁸⁾ См., напр., 17 артикулъ V раздѣла и др.

¹¹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 21, 22.

¹¹³⁰⁾ Ibidem, л. 20.

¹¹³¹⁾ См. 104 Русской Правды по Карамзинскому списку.

жати за матку“ ¹¹³²). Въ 1500 году великій князь Александръ пожаловалъ князю Василью Мосальскому имѣнья въ Смоленскомъ повѣтѣ въ Пацынской волости—Жолтоносовичи, Колыхалово, Жуково и Настаганцы за Днѣпромъ съ обязанностью кормить до живота вдову Ивана Протасьева, которому принадлежали эти имѣнья ¹¹³³). Если умершій отчинникъ отписалъ женѣ на имѣньѣ пенязи, эти пенязи должепъ былъ выплатить ей тотъ, кому доставалось имѣнье по господарскому данью. Точно такъ же господарь или тотъ, кому онъ жаловалъ имѣнье, должепъ былъ уплатить долги, лежавшіе на имѣньѣ ¹¹³⁴). Сплошь и рядомъ переходъ такихъ имѣній къ частнымъ лицамъ совершался посредствомъ браковъ ихъ съ вдовами, оставшихся на имѣньяхъ. Эти браки въ изучаемое время заключались съ „призволенья“ господаря, который особымъ листомъ утверждалъ за женихомъ имѣнье, на общемъ основаніи всѣхъ пожалованій. Въ 1483 году королю Казимиру докладывалъ конюшій Новгородскій, тивунъ Воложинскій, Зенько Евлапковичъ о томъ, „што хочеть за него поити Ивашкова жона Ольгишевича Овдотья“, „и просилъ насъ, — гласить листъ короля, -- абыхмо призволили ее понять ему съ тымъ имѣньемъ на има Тихинцы, што дали были есмо небожчику Ольгишу, свекру ее“. Король призволилъ Зеньку этотъ бракъ и утвердилъ за нимъ имѣнье со всѣмъ, „какъ держалъ Ольгишъ а сынъ его Ивашко“, для котораго оно было отчиною ¹¹³⁵). „Неякій Микита“ въ 1495 году „понялъ вдову съ имѣньемъ (въ Черкасскомъ повѣтѣ) на има Ѡедковую Рачковича, а къ тому дей имѣнью ближнихъ никого нѣтъ“, и просилъ великаго князя Александра дозволить ему держать имѣнье и нести съ него службу. Великій князь дозволилъ и выдалъ ему надлежащій листъ ¹¹³⁶) и т. д. Всѣ подобныя дозволенья нельзя разсматривать, какъ простыя подтвержденья мужнихъ отчинъ жонамъ, — а какъ пожалованья господаремъ имѣній, спадавшихъ на него, новымъ мужьямъ этихъ жонъ. Жоны не были наслѣдницами мужнихъ отчинъ даже при неимѣніи дѣтей и близкихъ у ихъ мужей; единственно, на что онѣ имѣли право, это на пожизненное пользованіе отчинами мужей. Относительно этого прямое указаніе даетъ привилей Кіевской земли ¹¹³⁷); о томъ же сви-

¹¹³²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 23.

¹¹³³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 99.

¹¹³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 248, 249.

¹¹³⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 114, 115.

¹¹³⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 51.

¹¹³⁷) Акты Зап. Рос. II, № 30, 164.

дѣтельствуютъ и частные акты изучаемаго времени. Жена пана Станислава Вештортовича Софья „зостала на вдовьемъ столцу на тыхъ имѣньяхъ, которые предки мужа ее на Казимери короли его милости выслужили“. Король Сигизмундъ выдалъ ей листъ, „яжъ она на тыхъ имѣньяхъ маеть быти до живота своего, а по смерти ее тые имѣнья мають на насъ прійти“. Въ 1521 году она заявила королю, — „што жъ ей, будучы на вдовьемъ столцы въ тыхъ имѣньяхъ, кривды и втиски великіе дѣють, а она, будучы вдовою, не можетъ отъ тыхъ кривдъ оборонити“, и била челомъ, чтобы король позволилъ ей замужь пойти, „за кого будетъ ей воля“ и не „рушалъ“ ее съ имѣній до ея живота. Король далъ свое согласіе и въ этомъ смыслѣ выдалъ ей привилей¹¹²⁹⁾. Со стороны короля въ данномъ случаѣ была особая милость, такъ какъ обыкновенно отчины мужей отбирались у ихъ жонъ, какъ скоро онѣ переставали сидѣть на вдовьихъ столахъ.

Право господаря заступать мѣсто родныхъ въ наслѣдованіи отчинъ простиралось до того, что умиравшій безъ дѣтей и близкихъ отчинникъ не могъ завѣщать свое имѣнье или продать его цѣликомъ въ чужія руки подобно тому, какъ не могъ онъ этого сдѣлать и при имѣніи дѣтей или близкихъ. Великій князь Александръ пожаловалъ Скиндирю имѣнья пана Миколая Жигимонтовича. Но оказалось, что покойный отписалъ одно имѣнье, именно Олъжово, на церковь и, кромѣ того, пану Андрею Сирутевичу третью часть „со всехъ имѣній своихъ“. Тогда в. князь съ панами - радою урядилъ такъ: „што онъ небожчикъ отписалъ имѣнье на церковь и пану Андрею Сирутевичу, то одна маеть быти третья часть“¹¹³⁰⁾. Такая строгость въ ограниченіи права распоряженія отчинами едва ли была наслѣдіемъ отъ древней Руси и, по всѣмъ признакамъ, установилась только въ изучаемую эпоху. Акты изучаемаго времени сохранили не мало слѣдовъ борьбы, которая велась противъ правительственнаго воззрѣнія на право распоряженія отчинами, не мало фактовъ распоряженія отчинами вопреки этому воззрѣнію, изъ чего можно заключить, что воззрѣніе это не было исконнымъ на Руси Литовской. Косвеннымъ указаніемъ на это служатъ и обѣщанія великихъ князей не отдавать боярскихъ жонъ силою замужь: очевидно, что имѣнья мужей первоначально не отбирались у ихъ вдовъ, но князья въ интересахъ военной службы понуждали вдовъ къ вторичному замужеству. Самъ господарь дѣлалъ часто уступку старинному воззрѣнію и позволялъ бездѣтнымъ отчинникамъ

¹¹²⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 69.

¹¹³⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 71.

брать постороннихъ людей „за сына (или дочь) мѣсто“ и отписывать имъ имѣнья на вѣчность. Въ 1493 году в. князю Александру близъ челомъ воевода Виленскій панъ Миколай Радивилловичъ и просилъ имѣнья Судереви близъ Вильны, которое держалъ Войтко Шедиборовичъ Швенторогъ. Воевода представилъ и листъ Войтка, „которымъ ему, отходя сего свѣта, тое имѣнье записалъ вѣчно не маючи никого ближнихъ роду своего“.—„Ино тое имѣнье,—гласить подтвердительный листъ в. князя,—мяло было на насъ на господаря спасти, коли ближнихъ къ тому нѣтъ: протю мы зъ ласки наше тое имѣнье выше писаное дали пану Миколаю *подля запису отица того импня*; а дали есмо вѣчно ему и его жонѣ и ихъ дѣтемъ и потомъ будучимъ ихъ счадкомъ“¹¹⁴⁰). Подобныхъ подтвержденій встрѣчается множество въ актахъ изучаемаго времени, изъ чего слѣдуетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простыми казусами, а съ нѣкотораго рода порядкомъ, обычаемъ, который ограничивалъ дѣйствующее право. Отступленія отъ предписаній этого права разрѣшались особенно охотно въ пользу родныхъ, которые не были наслѣдниками. Король Казимиръ и его преемникъ в. князь Александръ подтвердилъ князю Петру Михайловичу Мосальскому имѣнья въ Черниговскомъ повѣтѣ: Новую Слободку, Шереповъ, Зарудье и сельцо на Боловѣсѣ, которыя достались ему такимъ образомъ: „Тетка его, матки его сестра рожоная, была за Ивашкомъ Григорьевичомъ, бояриномъ черниговскимъ, и плоду съ нимъ дѣтей не мѣла, и по смерти мужа взяла его собѣ за сына мѣсто и записала ему имѣнья мужа своего“¹¹⁴¹). Въ 1495 году великій князь Александръ подтвердилъ Микулѣ Радичу имѣнье Нѣмковичи, которое досталось ему такимъ образомъ: „отецъ нашъ вороль Казимиръ его милость, призволилъ дядиной его Гринковой Микулича Сонцѣ его за сына мѣсто взяти, а велѣлъ ему опекатися ею въ томъ имѣнни въ Нѣмковичохъ до ее живота,... а по дядиной его животѣ отецъ нашъ король тое имѣнье Нѣмковичи далъ ему у вотчину со всямъ съ тымъ, што къ тому имѣнню слушало“¹¹⁴²).—Господарь, раздававшій панамъ, боярамъ и мѣщанамъ собственныя дворныя земли съ людьми на военную службу, тѣмъ охотнѣе поступался такими имѣннями, которыя спадали на него за неимѣниемъ кровныхъ и близкихъ умершаго владѣльца. Въ 1499 году в. князь Александръ подтвердилъ боярину брянскому Семену Колонтаеву имѣнье Стрышевичи въ Брянскомъ повѣтѣ,

¹¹⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 78.

¹¹⁴¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 61, 62.

¹¹⁴²) Ibidem, л. 50.

которое ему и дѣтямъ его записалъ отчимъ жены его за немѣняемъ дѣтей и близкихъ ¹¹⁴³⁾ и т. д.

Ни въ чемъ такъ рѣзко не проявлялось различіе купленныхъ имѣній отъ отчинъ, какъ въ правѣ свободного распоряженія ими: „куплю“ можно было отдать въ приданое за дочьку, продать или отказать кому угодно цѣликомъ, не спрашиваясь родныхъ, которые не имѣли на нее никакого права. „Купля“ приравнивалась въ этомъ отношеніи движимому имуществу, деньгамъ, которыя она собою замѣнила ¹¹⁴⁴⁾. Въ данномъ случаѣ литовско-русское право вполне сходилось съ польскимъ, которое держалось такого же принципа въ отношеніи къ купленнымъ имѣніямъ ¹¹⁴⁵⁾. Хотя изъ памятниковъ законодательства впервые только Статутъ 1529 года ясно говоритъ о купленныхъ имѣніяхъ, но изъ частныхъ актовъ изучаемаго времени видно, что Статутъ формулировалъ только дѣйствовавшее право ¹¹⁴⁶⁾. Полная свобода въ правѣ распоряженія купленными имѣніями была старинною традиціею русскаго права, которая держалась и на Руси сѣверо-восточной ¹¹⁴⁷⁾. Имѣнья, купленные безъ явки государю или его уряднику не считались законною собственностью пріобрѣтшихъ ихъ лицъ. Правительство обусловило куплю-продажу имѣній, равно какъ мѣну ими и дареніе, своимъ „дозволеньемъ“: *postro tamen consensu ad hoc specialiter accedente*, — гласитъ Городельскій привилей 1413 года. Это „дозволенье“ давало возможность правительству слѣдить за передвиженіемъ земельной собственности и отчасти регулировать его какъ въ интересахъ военной службы, такъ и въ интересахъ частныхъ лицъ, права которыхъ оно должно было защищать. Кромѣ того, оно было источникомъ дохода для государя и его урядниковъ, которые брали за „листы дозволенные“ пошлины (по Статуту 1529 года „отъ чловѣка по два гроши, а отъ десети воз сеножати по грошу“ ¹¹⁴⁸⁾). Сдѣлки, состоявшіяся безъ „дозволенья“ правительства, могли быть разрушены по почину или самого правительства, или частныхъ лицъ. Великому князю Александрѣ жаловались мѣщане новгородскіе Маць и Иванъ Носовичи на татарина Богдана Собачку, который выпросилъ у в. князя землю Чигиревщину, между тѣмъ какъ эта земля куплена ими на

¹¹⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 82.

¹¹⁴⁴⁾ См. 18 арт. V разд. Статута 1529 г.

¹¹⁴⁵⁾ *R. Nube Ustawodawstwo kazimiezza Wielkiego*, str. 190, XLIII.

¹¹⁴⁶⁾ См., напр., Акты Зап. Рос. II, № 107.

¹¹⁴⁷⁾ *К. А. Неволгина* Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 171, 172,

¹¹⁴⁸⁾ 15 арт. I раздѣла.

вѣчность у татарина Чигиря. В. князь приказалъ имъ положить предъ нимъ „листы дозволены“ короля Казимира, „призволилъ ли его милость тую землю имъ купити“. Такъ какъ мѣщане не представили этихъ листовъ, в. князь присудилъ землю татарину Собачкѣ и написалъ въ своемъ „вырокѣ“: „завѣже не могутъ татарове земель своихъ продавати вѣчно безъ призволенья отца нашего“; мѣщанамъ онъ предоставилъ: „тыхъ пенязей своихъ они не замай смотреть на томъ, кому будутъ давали“¹¹⁴⁹). Впрочемъ, какъ было уже сказано, правительственное „дозволенье“ далеко не для всѣхъ имѣло одинаковое значеніе: для низшихъ разрядовъ военнослужилаго класса оно было часто настоящимъ разрѣшеньемъ, тогда какъ для высшихъ только необходимою формальностью, актомъ укрѣпленья. Сдѣлка купли - продажи часто совершалась и безъ предварительнаго разрѣшенья господара или его урядниковъ. Покупатель представлялъ купчій листъ господарю и выхлопывалъ отъ него подтвержденье, которое имѣло такимъ образомъ значеніе „дозволенья“, выданнаго, такъ сказать, заднимъ числомъ. Такихъ подтвержденій купленныхъ имѣній находится безчисленное множество въ актахъ изучаемаго времени, хотя на раду съ ними попадаются и въ собственномъ смыслѣ „дозволены листы“ какъ самого господара, такъ и его урядниковъ. Оба эти типа документовъ существовали несомнѣнно уже при королѣ Казимирѣ, какъ это видно изъ записей его земельныхъ пожалованій, вкратцѣ передающихъ содержаніе выданныхъ имъ листовъ. Здѣсь читаемъ между прочимъ: „У Новѣгородцѣ пану Михаилу, воеводѣ Виленскому, призволилъ король купити имѣнище у Янка Билейковича обель у вотчину“; „Левону Поломичу призволили есмо Невѣрово село держати, што у Невѣра купилъ за сто копъ, а съ того села служити ему, какъ и Невѣръ намъ служилъ“¹¹⁵⁰). В. князь Александръ въ 1498 году подтвердилъ князю Константину Ивановичу Острожскому имѣнье Шепле, купленное имъ у землянъ волынскихъ Миколая Бернатовича и брата его Юхна“¹¹⁵¹). Въ слѣдующемъ году тотъ же великій князь выдалъ подтвержденье боярину смоленскому Василю Мирославичу, который представлялъ ему купчій листъ на двѣ сѣножати по рѣкѣ Нерадѣ: „и вина въ томъ на насъ на господара выписана, — гласить подтвержденье в. князя, — естли бы Василій Данильевичъ а любо братъ его Федоръ, а любо жоны

¹¹⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 43.

¹¹⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31, 33.

¹¹⁵¹) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

ихъ, або дѣти ихъ тыхъ сѣножатей на Васильи Мирославичи и на его дѣтѣхъ поискивали“ ¹¹⁵²). Значить, сдѣлка состоялась ранѣе „дозволенья“ великаго князя, который утверждалъ ее, а не разрѣшалъ. Впрочемъ, какого либо различія по сущности дѣла здѣсь не было, и подтвержденіе рассматривалось, какъ „дозволеніе“, и наоборотъ. Владыка Смоленскій Іосифъ купилъ у Ѳедка Шостова имѣніе Ярковичи въ Смоленскомъ повѣтѣ; тѣмъ не менѣе онъ просилъ в. князя Александра, „абыхмо призволили ему тое имѣніе у Ѳедка купити и подтвердили ему то нашимъ листомъ“. Этотъ листъ, выданный великимъ княземъ 6 октября 1498 года, былъ такимъ образомъ въ одно и то же и дозволеніемъ и подтвержденіемъ ¹¹⁵³). Иногда, впрочемъ, подтвержденіе давалось особо и послѣ дозволенія на покупку имѣнія. Королю Сигизмунду въ 1510 году билъ челомъ дворянинъ Андрей Лозка, прося подтвердить ему особымъ листомъ на вѣчность имѣніе, которое онъ „въ дозволеніемъ“ короля купилъ у нѣмца Гануса Гейниша въ Берестейскомъ повѣтѣ въ Милейчичахъ, жеребій Казивайловскій, „которую жъ землю... Александръ король его милость тому нѣмцу далъ и привиліемъ своимъ подтвердилъ“. Лозка выхлопатывалъ себѣ сначала дозволеніе на покупку, а потомъ подтвержденіе, очевидно, на всякій случай, чтобы, такъ сказать, прочтѣе закрѣпить за собою имѣніе, которое по происхожденію своему было господарскою даниною и могло дать поводъ къ претензіямъ на него со стороны правительства или частныхъ лицъ.

Перейдемъ теперь къ выслуженнымъ имѣніямъ. Имѣнія эти жаловались господаремъ или во временное владѣніе съ обязательствомъ нести съ нихъ военную службу, или „обель вѣчно“, „у вотчину“, и также, разумѣется, съ обязанностью нести съ нихъ военную службу. Для обозначенія перваго рода имѣній акты употребляютъ иногда слово „помѣстье“, которое въ XIV вѣкѣ едва ли не было обычнымъ названіемъ для имѣній, жаловавшихся во временное владѣніе. — Въ записяхъ пожалованій короля Казимира читаемъ между прочимъ: „Мунчи на отмѣну подъ Микиткою Досуговичомъ боярское помѣстье, ажъ будетъ изгожо, ино дати“; „Тишку Ревятичу помѣстье, што Сава держалъ“ ¹¹⁵³). Изъ этихъ записей видно, что помѣстьемъ называлось имѣніе, данное во временное владѣніе, и при томъ на неопредѣлен-

¹¹⁵²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 119.

¹¹⁵³) Акты Зап. Рос. I, № 160.—Срав. Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 533, 534; IX, л. 70, 71; 95, 96; 227.

¹¹⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 39, 53.

ный сровъ, „до воли господарской“. — Съ такимъ же характеромъ выступаетъ помѣстье и въ актахъ Сигизмундова княженя. Въ 1507 году король Сигизмундъ, извѣщая намѣстника Вруцкаго пана Сенъва Романовича о томъ, что бояре вруцкіе Ѳедоръ и Гринъ Петрашевичи просили у него землю пустую Чегалаевскую въ Овруцкомъ повѣтѣ, написалъ ему: „И самъ писалъ еси о томъ къ намъ, повѣдаючи, ижъ они намъ слуги добрые, абыхмо ихъ *помѣстьемъ* какимъ осмотрѣли. Ино, будетъ ли къ той землицѣ наслѣдка никого не остало, а челоувѣкъ прихожій ее завѣдаетъ, и мы имъ тую землицу дали со всимъ съ тымъ, што здавна къ той землицы прислухало, а они мають намъ съ тое земли земскую службу заступовати“¹¹⁵⁴). Въ этомъ листѣ нѣтъ ни слова о томъ, что земля дается боярамъ до живота или на вѣчность, изъ чего слѣдуетъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой пожалованье „до воли господарской“. Изъ другихъ актовъ изучаемаго времени мы знаемъ, что какъ скоро въ грамотѣ нѣтъ упоминанья о пожалованьѣ имѣнья до живота или на вѣчность, такое пожалованье надо разсматривать, какъ данину до воли господарской¹¹⁵⁵). На такое значеніе „помѣстья“ намекаетъ и то, что терминъ этотъ какъ и тотъ, отъ котораго онъ былъ произведенъ, именно „мѣсто“, употреблялся въ актахъ иногда въ приложеніи къ крестьянскимъ участкамъ, которые *de jure* были своего рода даньемъ до воли господарской или панской ихъ владѣльцамъ. Въ 1533 году воевода Полоцкій Янъ Юрьевичъ Глѣбовича производилъ судебное слѣдствіе по поводу того, что нѣкій Охрмей, очевидно, бояринъ, осадилъ за собою бѣглеца изъ зарубежья, не объявивши о томъ предварительно „въ городѣ“, „якъ есть обычай“ (относительно всякой находки). „А Ѳедоръ Полоцкій,—читаемъ въ актѣ слѣдствія,—слуга Охромеевъ, повѣдилъ: тогда былъ у-въ имѣнья пана своего, якъ тые люди зъ заграничья къ нему пришли, ижъ имъ въ дворѣ пана своего далъ ѣсти и пити и животину побормити, и до пана своего сына того челоувѣка Исая на имя Ѳедька послалъ черезъ слугу Охромеевого жъ Семена, абы панъ его тыхъ людей за собою осадилъ и имъ *помѣстье* далъ, а до замку ихъ обявитися первѣй не послалъ“¹¹⁵⁶). Такимъ образомъ, помѣстьями назывались и крестьянскіе участки, и боярскіе. Въ обоихъ случаяхъ употребляется и первообразное „мѣсто“. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій Казимира читаемъ: „У Смоленску Семену Кимбарову *мѣсто*

¹¹⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л.

¹¹⁵⁵) Акты Зап. Рос. I, № 133, 139.

¹¹⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 136.

на имя Хотеево да человекъ Мерзлякъ“; „Ивану Рудаку за Мезоцкомъ мѣсто пустое Збуново“; „у Клецку Петришу въ братомъ Мирашово мѣсто да людци Легоновичи до воли“; „Рачку Строчевичу Грицево мѣсто у Радуні: а Вештортолисъ держаль половину тое земли, ино то ему жъ, а къ тому индѣ обыскати“; „пани Кезьгайловой земля конюхова и брата его у Керновской волости, а тому конюху у Ясванской волости конюское мѣсто, а тому конюху индѣ обыскати“; „Пашку Войниловичу Хядисово мѣсто а Плетушно, а къ тому три человекѣ“; „Роману Семеново мѣсто а пашня а человекѣ Войшвиловича“¹¹⁵⁷⁾ и т. д. „Мѣстцами“ называются крестьянскіе участки и въ уставной грамотѣ, выданной въ 1529 году державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей¹¹⁵⁸⁾.

Изъ всего этого позволительно сдѣлать слѣдующее заключеніе. Мѣстами и помѣстьями на Руси, вошедшей въ составъ великаго княжества Литовскаго, назывались первоначально участки княжескихъ (или владѣльческихъ) земель, на которыхъ осаживались крестьяне, и которыми они владѣли до тѣхъ поръ, пока угодно было князю (или частному владѣльцу). Въ эпоху напряженной военной дѣятельности, какая развивалась въ XIII и XIV вв., множество крестьянъ переводилось съ крестьянскихъ повинностей на военную службу, поступало въ разрядъ слугъ разныхъ наименованій, при чемъ правовое основаніе ихъ землевладѣнія оставалось безъ измѣненія. Такъ возникъ типъ владѣній, которыя находились въ частныхъ рукахъ до воли господарской и съ условіемъ военной службы. Послѣ этого правительство стало уже вновь осаживать вольныхъ людей на своихъ земляхъ на такихъ условіяхъ, и термины „мѣсто“ и „помѣстье“ перешли изъ сферы крестьянскаго землевладѣнія въ сферу военнослужилаго, хотя, какъ видно, изъ вышеприведенныхъ примѣровъ они удержались и въ сферѣ крестьянскаго землевладѣнія.

Если такъ, то повятно, почему терминъ „помѣстье“ съ теченіемъ времени долженъ былъ исчезнуть изъ официальнаго языка Литовской Руси въ приложеніи къ военнослужилому землевладѣнію и замѣниться описательнымъ наименованіемъ „данины“ или „выслуги до воли господарской“. Какъ слово, обозначающее собственно крестьянскую, мужицкую землю, терминъ этотъ былъ неудобенъ для военнослужилаго класса, начинавшаго все болѣе и болѣе проникаться гоноромъ и амбиціею польской шляхты. Еще въ приложеніи къ боярскимъ

¹¹⁵⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 22, 26, 33, 40, 46, 60.

¹¹⁵⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160.

землямъ слово „помѣстье“ изрѣдка попадаетъ въ актахъ изучаемаго времени, но мы ни разу не встрѣтили его въ приложеніи къ землямъ, пожалованнымъ князьямъ и панамъ. Между тѣмъ и князья и паны подобно простымъ боярамъ сплошь и рядомъ получали отъ господаря имѣнья до воли его. Примѣровъ тому сколько угодно можно подыскать въ актахъ изучаемаго времени. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „Пану Рагозѣ Якшичу десеть челоувѣковъ,—луэно меду дають,—до воли“; „князю Митѣку Всеволодичю Онтоново Косого селцо да Кулибакино селцо да Мицнево село до воли“; „у Черниговѣ князю Борису Глинскому дворѣ Домыслинѣ до воли“; пану Яну Немировичу 8 челоувѣкъ коноворитцевъ на Городишчи до воли“¹¹⁵⁹). Великій князь Александръ въ 1492 году пожаловалъ пану Григорью Остиковича до воли „людей Дуриничовъ, што тамъ посполъ зъ его людьми, трехъ челоувѣковъ, на имя Чупріяна а Ивана, а Андреа“, „со всимъ по тому, какъ намъ (господарю) служили и дань даивали“¹¹⁶⁰). Въ 1498 году Александръ пожаловалъ до воли цѣлую волость Городечню въ Смоленскомъ повѣтѣ кн. Ѳедору Ѳедоровичу Мезецкому¹¹⁶¹). Онъ же пожаловалъ пану Василью Хребтовичу имѣнье Горухово во Владимирскомъ повѣтѣ до воли¹¹⁶²); князю Василью Андреевичу Полубенскому село Полюбичи въ Берестейскомъ повѣтѣ также „до воли“¹¹⁶³) и т. д. Король Сигизмундъ въ 1519 году пожаловалъ до воли пану Николаю Николаевичу Радивиловича дворець Городенскаго повѣта Молавицу¹¹⁶⁴); въ 1524 году подтвердилъ также до воли бурмистру мѣста Виленскаго Ермолѣ Слотовичу землю пустошевскую Юрковщину въ Мемижской волости, данную ему воеводою Виленскимъ¹¹⁶⁵) и т. д.

Примѣровъ пожалованій на неопредѣленное время, „до воли господарской“, находится великое множество въ актахъ изучаемаго времени, гораздо больше, чѣмъ примѣровъ пожалованій „до живота“, „до дву животовъ“ или до какого-нибудь другого срока. Это служитъ указаніемъ на то, что форма пожалованья „до воли“ была, такъ сказать, болѣе живленною, чѣмъ другія, и болѣе древнею. Повидимому, и из-

¹¹⁵⁹) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 9, 21, 28, 50.

¹¹⁶⁰) Ibidem, л. 76.

¹¹⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 76.

¹¹⁶²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 68.

¹¹⁶³) Ibidem, л. 216.

¹¹⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 29, 30.

¹¹⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 135.

вѣстная грамота Мендовга подъ именемъ ленныхъ владѣній обозначаетъ имѣнья, данныя до воли господарской, помѣстья. Хотя де *jure* между литовско-русскимъ помѣстьемъ и феодальнымъ леномъ была большая разница, но на дѣлѣ она уменьшалась. Выше было указано на то, что множество имѣній, данныхъ господаремъ „до воли“ переходило по наслѣдству. Въ добавленіе къ этому можно указать на то, что такія имѣнья даже подлежали иногда куплѣ-продажѣ: такъ велика была увѣренность въ обладаніи ими. Городничій и хоружій Витебскій Романъ Гарасимовичъ имѣлъ „зъ данины господарской“ дворець въ Городенскомъ повѣтѣ на Зиновщинѣ, „посполите“ съ имѣніемъ дворянина Петра Гринковича. Живя въ сосѣдствѣ, оба владѣльца „шкоды и наклады, межы собою са справуючы, великіи на обѣ стороны приняли“. Романъ Гарасимовичъ, не хотя быть въ такомъ „сусѣдствѣ“, хотѣлъ было „спустить дворець и людей сусѣдомъ“. Но Петръ Гринковичъ, опасаясь еще большихъ „шкодъ и накладовъ“, купилъ у него дворець и „втекъ“ до господаря, прося его допустить въ куплѣ. Король Сигизмундъ 15 декабря 1532 года далъ ему дозволеніе и подтвердилъ куплю „до воли наше господарское“ ¹¹⁶⁶).

Имѣнья жаловались и на опредѣленное время, хотя срокъ владѣнія и ни рассчитывался заранѣе.

Къ такимъ пожалованьямъ нужно отнести прежде всего имѣнья, отдавшіяся частнымъ лицамъ въ пожизненное владѣніе, „до живота“. Въ 1501 году король Александръ пожаловалъ боярину кievскому Яцку Мезю одну службу людей въ Овруцкомъ повѣтѣ, Ларивова и Янеа Давыдовичей съ братією и братаничами, „до живота его“ ¹¹⁶⁷). Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ дворъ Трыстяницу пану Андрею Александровичу, намѣстнику Лидскому, „до его живота“ ¹¹⁶⁸). Въ 1523 году онъ пожаловалъ боярину Шимву Митковичу десять службъ людей вуничниковъ „въ земли Жомоитской у Веленьскомъ повѣтѣ у Жосецкой волости“ и четыре земли пустовскихъ „межы тими жъ людьми“ ¹¹⁶⁹). Иногда „до живота“ жаловались или подтверждались имѣнья, данныя прежде „до воли господарской“. Въ 1522 году королю Сигизмунду билъ челомъ дворянинъ панъ Дмитрій Богдановичъ Остафевича „и повѣдилъ передъ нами,—гласить листъ короля,—ижъ мы первѣй сего дали ему осмъ службъ людей въ Полоцкомъ повѣтѣ,

¹¹⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 103, 105.

¹¹⁶⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 196.

¹¹⁶⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 154.

¹¹⁶⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 73.

сельцо на имя Полошовичы, съ людьми Угольнацего стану, а у Кривицахъ семь земель пустовскихъ и человекъ Мартинка Рыбку, и на то онъ листъ, давину нашу первую, съ подписью руки нашею и тежъ листъ увязчій всеводы Полоцего, старосты Дорогицкого, пана Петровъ Станиславовича передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему на то дали нашъ листъ¹¹⁷⁰. Король пожаловалъ все это ему до живота его: „а по его животѣ ты земли верхуменены мають зася въ наши руки господарскіи прыти; и воленъ онъ тамъ прибавити и росширити и къ своему лѣпшому и вжиточному обернути, какъ самъ найлѣпшій розумѣючы“¹¹⁷⁰). Акты даютъ намъ примѣры пожалованій „до дву животовъ“, т. е. отцу и сыну въ пожизненное владѣніе. Тотъ же король Сигизмундъ въ 1522 году пожаловалъ князю Константину Ивановичу Острожскому дворъ Смолняны „до дву животовъ, его милости до живота и сыну его милости князю Ильи тежъ до живота“¹¹⁷¹). Въ 1523 году онъ пожаловалъ пану Юрью Миколаевичу Радивиловича „остатокъ людей всихъ и земель пустовскихъ“ двора Городенскаго повѣта Жорославки, не розданныхъ еще въ частное владѣніе, „до дву животовъ, его милости до живота и сыну его милости пану Миколаю до живота“¹¹⁷²) и т. д.

Къ этому же типу владѣній подходятъ имѣнья, которыя господаръ жаловалъ „на поживетѣ“ или „у глыбокормленіе“ подданнымъ своимъ, которые лишились своихъ отчинъ вслѣдствіе непріятельскаго захвата. Имѣнья эти давались господаремъ „до очищенья отчинъ“ этихъ подданныхъ. Такихъ пожалованій особенно много дошло до насъ отъ конца XV и начала XVI вв., эпохи крупныхъ территоріальныхъ уступокъ, сдѣланныхъ литовско-русскимъ правительствомъ въ пользу Москвы. Большинство военно-служилыхъ землевладѣльцевъ въ уступленныхъ областяхъ перешло на службу къ Московскому государю, но нѣкоторые нашли болѣе выгоднымъ для себя остаться на службѣ у прежняго государя, который, цѣня ихъ вѣрность, обыкновенно вознаграждалъ ихъ потери пожалованіемъ имѣній. Но такъ какъ территоріальныя уступки, сдѣланныя Москвѣ, считались временными, и правительство надѣялось воротить утраченныя на востокъ области, то и имѣнья оно жаловало служилымъ людямъ изъ этихъ областей только „до очищенья ихъ отчинъ“. Въ 1500 году в. князь Александръ пожаловалъ дворянину Василью Семеновичу Сопѣжичу два сельца въ

¹¹⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 29.

¹¹⁷¹) Акты Зап. Рос. II, № 118.

¹¹⁷²) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 76.

Дубровенскомъ пути Смоленскаго повѣта, Хоминичи и Шишолово, до очищенья отчины его отъ непріятеля Московскаго ¹¹⁷³). Въ томъ же году Александръ пожаловалъ окольнічому Смоленскому, намѣстнику Молодеченскому, Ивану Кошкѣ, дворець Годутишскій Виленскаго повѣта въ Мемижской волости „до тыхъ часовъ,—гласить листъ великаго князя,—поки отчину его одышчемъ отъ непріятеля нашего великаго князя Московскаго“ ¹¹⁷⁴). Казначей Смоленскій князь Константинъ Брошинскій по случаю занятія его отчины Москвою получилъ сначала „на хлѣбкормленіе“ дворъ Побоево Волвовыйскаго повѣта. Въ 1503 году онъ билъ челомъ королю о томъ, что „не маеть ся гдѣ съ жонкою и зъ дѣтми своими подѣтца“, такъ какъ на дворѣ Побоевѣ „не маеть чимъ поживить“, и просилъ короля осмотрѣть его какимъ-нибудь инымъ „хлѣбкормленьемъ“. Король пожаловалъ ему дворъ Дубно въ Городенскомъ повѣтѣ „до тыхъ часовъ, поки отчизну ихъ очистимъ“ ¹¹⁷⁵). Дворъ Побоево король пожаловалъ въ томъ же году князю Ивану Семеновичу Глянскому, который также лишился своей отчины, въ хлѣбкормленіе ¹¹⁷⁶). Въ томъ же году королю билъ челомъ и князь Мстиславскій о томъ, „штожь тотъ замокъ его Мстиславль скажонъ отъ Москвичъ и отъ Татаръ; а съ чого передъ тымъ собѣ поживенье мѣлъ, съ другого замку своего со Мглина, ино тотъ замокъ осѣлъ непріятель нашъ великій князь Московскій“; князь просилъ короля, „абыхмо его пожаловали имѣньицомъ, съ чого бы собѣ поживенье мѣлъ“, и получилъ волостку Сперяны Кревскаго повѣта. Жалованная грамота, выданная королемъ князю Мстиславскому 14 окт., гласить: „Маеть онъ тую волостку держати со всимъ, по тому какъ на насъ держана до тыхъ часовъ, поки, дастъ Богъ, тотъ его замокъ Мглинъ зъ рукъ непріятельскихъ вземши и ему подадимъ; а естли надъ княземъ Михайломъ Божья ся воля станеть, Богъ душу его съ того свѣта возьметь: ино мы не маемъ вьнегини его и дѣтей ихъ съ тоѣ волости рушити, до тыхъ же часовъ, поки тотъ замокъ Мглинъ зъ рукъ непріятельскихъ вземши и имъ подадимъ“ ¹¹⁷⁷). Въ 1506 году король Александръ далъ „на поживенье“ Михаилу Гагину „въ Жолудеу дворець Можейковскій съ челядью и зъ животиною и зъ людьми“ ¹¹⁷⁸);

¹¹⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 104.

¹¹⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 155.

¹¹⁷⁵) Акты Зап. Рос. I, № 202.

¹¹⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 228.

¹¹⁷⁷) Акты Зап. Рос. I, № 205.

¹¹⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 252.

король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ ему это имѣнье съ дворцомъ Бинкушскимъ „до очищенья его имѣній въ Кіевѣ и въ Путивлѣ“¹¹⁷⁹⁾. Тотъ же король пожаловалъ боярину смоленскому Нагишкѣ пять служебъ людей и двѣ пустощины „у Бряславскомъ повѣтѣ у-въ Укольской волости“ на хлѣбкормленіе, такъ какъ отчину его забралъ великій князь Московскій; въ 1523 году онъ подтвердилъ его сыну Богдану свою данину „до тыхъ часовъ, пока отчизну его очистимъ“¹¹⁸⁰⁾. Въ изучаемое время великому князю Литовскому не удалось отвоевать земли, забранныя Москвою, такъ что и пожалованныя имъ „до очищенья отчинъ“ имѣнья переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну и т. д. По актамъ, впрочемъ, можно встрѣтить примѣры отобранія имѣній данныхъ „до очищенья отчины“. Такъ, въ 1509 году король Сигизмундъ отобралъ у вышеупомянутаго окольничаго Смоленскаго Ивана Копки дворъ Гойдутишки на томъ основаніи, что „тymi дей разы вжо тыи имѣнья его вси въ нашей сторонѣ“, и пожаловалъ князю Василью Семеновичу Жилинскому за его службу „и тежь за его отчину, которую жъ онъ мѣлъ у Вязмѣ“¹¹⁸¹⁾. Необходимо замѣтить, кромѣ того, что выраженіе „на хлѣбкормленіе“ не имѣло спеціальнаго значенія, и по актамъ мы встрѣчаемъ пожалованья „у хлѣбкормленіе“ и „до воли господарской“, и до „живота“, а не только „до очищенья отчины“. Въ записяхъ пожалованій Казимира читаемъ: „князю Юрью Пронскому дано село Комоности, што панъ Римовидъ держалъ, у хлѣбкормленье; а просили князь бискупъ и вся рада панове“¹¹⁸²⁾. Въ 1512 году король Сигизмундъ пожаловалъ землянину Андрею Мицковичу, писарю старосты Жомойтскаго, десять человекъ и четыре пустощины въ Жмудской землѣ „на поживенье“¹¹⁸³⁾. Тотъ же король далъ окольничему Смоленскому Михаилу Басѣ дворъ Перелаю „на кормленье“ и выдалъ ему листъ, „иже онъ тотъ дворъ нашъ Перелаю маеть держати со всимъ до своего живота; а по животѣ его, естли бы намъ господарю потреба всказывала тотъ дворъ къ нашей руцѣ мѣти, тогда, не давши жонѣ и дѣтемъ его имѣнья до очищенья отчизны ихъ, не мѣли есьмо того двора зъ руцъ ихъ выймовати“¹¹⁸⁴⁾ и т. д. Такимъ образомъ, имѣнья у „хлѣбкормленье“

¹¹⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 133.

¹¹⁸⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 81.

¹¹⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VШ, л. 307.

¹¹⁸²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 12.

¹¹⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 36.

¹¹⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 529, 530.

давались вовсе не однимъ князьямъ, какъ предполагаетъ г. Владимірскій-Будановъ на основаніи двухъ-трехъ примѣровъ, взятыхъ изъ записей пожалованій Казимира. Точно такъ же совершенно нельзя согласиться съ нимъ, что хлѣбкормленіе давалось въ вознагражденіе за личную обязанность служить военную службу, такъ какъ на отчинахъ будто бы „не лежало прямой обязанности службы“¹¹⁸⁵⁾. Выше мы видѣли, какъ мало такое утвержденіе приложимо къ дѣйствительности изучаемаго времени.

Имѣняя, данныя до воли господарской „на хлѣбкормленіе“ или „на поживенье“, а равно такъ же и въ пожизненное владѣніе, подтверждались часто въ вѣчное и потомственное владѣніе, „у-въ отчину“. Такъ, король Казимиръ далъ „до свое воли“ волость Ужицу боярамъ смоленскимъ Борису, Никифору, Андрею и Митку Семеновичамъ, а великій князь Александръ подтвердилъ имъ на вѣчность. „И мы тыхъ листовъ, — гласитъ привилей, выданный в. княземъ въ 1492 году, — гораздо осмотрѣли и тую волость Ужицу Борису Семеновичу и его братья за ихъ службу зъ ласки наше даемъ и подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно и непоручно, имъ самимъ и ихъ жонамъ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будущимъ ихъ счадомъ, со всимъ по тому, какъ и отецъ ихъ держалъ“¹¹⁸⁶⁾. Въ 1496 году великій князь Александръ подтвердилъ на вѣчность князю Ивану Путятичу два дворца Мосори въ Мельницкомъ повѣтѣ, данныхъ ему прежде „до воли господарской“¹¹⁸⁷⁾. Въ 1509 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность, въ потомственное владѣніе, пану Авраму Езофовичу дворець Гринковскій и двѣ пустощины, Костеневскую и Бутевщину, данныя ему прежде въ пожизненное владѣніе, „до живота его“¹¹⁸⁸⁾. Въ томъ же году король далъ „у отчину“ дворянамъ Василью и Ивахну Глѣбовичамъ Корсаковичамъ, „што жъ его милость братъ нашъ (король Александръ) далъ отцу ихъ Глѣбу Остафьевичу люди въ Полоцкомъ повѣтѣ на Горкахъ, на имя Селивестра съ тремя сынами а пята братаничы его, до свое воли“¹¹⁸⁹⁾. Въ томъ же году онъ пожаловалъ на вѣчность дворянину Тризнѣ съ братьею Карповичамъ двѣ части двора Полонки Волковыйскаго повѣта, данныхъ королемъ Александромъ „противъ ихъ отчины, до тыхъ часовъ, пока бы отчину ихъ всю сполна

¹¹⁸⁵⁾ Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, кн. III, стр. 88.

¹¹⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 64.

¹¹⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 87.

¹¹⁸⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 303, 304.

¹¹⁸⁹⁾ Ibidem, л. 203.

очистилъ, которую жъ ихъ отчynu непріятель нашъ великій князь Московскій забралъ и посѣлъ у-во Брянску“ ¹¹⁹⁰). Въ 1516 году Сягизмундъ пожаловалъ на вѣчность пану Ивану Тимоѣевичу Плещеева Юрлову, московскому выходцу, шестьдесятъ человекъ въ Дорсунишскомъ повѣтѣ, данныхъ ему первоначально „на хлѣбокормлене“ ¹¹⁹¹). Въ слѣдующемъ году онъ подтвердилъ на вѣчность боярину Якову Кузмину село Борюхъ въ Луцкомъ повѣтѣ и дворще пустое Черниковское въ селѣ Колѣѣ, пожалованныя ему прежде только „на поживенъе“ ¹¹⁹²) и т. д.

Имѣнья жаловались часто во временное владѣніе лишь потому, что правительство не имѣло относительно нихъ точныхъ свѣдѣній и не могло сразу рѣшить, будетъ ли пожалованье ихъ въ вотчину „не шкодно“. Такія пожалованья въ актахъ обозначаются, какъ данины „до осмотра“ господарскаго, иногда „до лѣпшого осмотра“. Выше уже было указано на то, какъ мало литовско - русское правительство находилось въ курсѣ внутреннихъ отношеній областей, какъ мало сравнительно знало оно наличность и состояніе какъ государственныхъ, такъ и частныхъ имѣній. Въ своихъ пожалованьяхъ имѣній оно, какъ мы видѣли, часто руководилось показаніями просителей, предоставляя своимъ мѣстнымъ органамъ провѣрять эти показанія и чинить исполненія по его распоряженіямъ лишь въ томъ случаѣ, буде это будетъ „двору господарскому не шкодно“. Другою гарантіею противъ убыточности пожалованій была отдача просимыхъ имѣній предварительно только во временное владѣніе. Королю Казимиру въ 1487 году билъ челомъ дворянинъ Ѳедько Колонтаевъ, прося пожаловать ему селище Митковщину „во Браньску“, при чемъ повѣдалъ, „што жъ дей тое селище пусто, а наслѣдѣа къ нему нѣтъ, а здавна дей тое село боярское, а не данное, а ни тяглое, а городу не шкодно“. Хотя все это подтвердилъ своимъ письмомъ къ королю намѣстникъ Брянскій вв. Дмитрій Путятичъ, тѣмъ не менѣе король пожаловалъ селище до своего „осмотра“ ¹¹⁹³). Великому князю Александру билъ челомъ дворянинъ Васко Сопѣжичъ и просилъ сельцо Стригиныхъ въ Смоленскомъ повѣтѣ. Великій князь написалъ намѣстнику пану Юрью Глѣбовичу, чтобы онъ гораздо довѣдался, не будетъ ли это замѣу Смоленскому шкодно. Намѣстникъ отписалъ великому князю, „што жъ

¹¹⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 215.

¹¹⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 114, 115, 158.

¹¹⁹²) Ibidem, л. 158.

¹¹⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 127.

тое сельцо слушаетъ въ двору нашему (господарскому) Ивановскому, а коли быхмо то ему отдали, тогда бы двору нашему шкодно было“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ дать Васку Сопѣжичу сельцѣ въ Мощини Дубровки съ однимъ челоуѣкомъ, которое держалъ бояринъ князя Семена Воротынскаго Семень Капуста. „И мы ему тое сельцо,—писалъ в. князь намѣстнику,—дали до нашего осмотра, до тыхъ часовъ, пока въ насъ самъ будешь и о томъ намъ достаточно повѣдишь“ ¹¹⁹⁴). Въ 1494 году великій князь Александръ пожаловалъ пану Ѳедеу Богдановичу Хребтовича имѣнье Сѣнно въ Новгородскомъ повѣтѣ „до воли, до дѣлшого довѣданья“ ¹¹⁹⁵). Въ 1508 году король Сигизмундъ изъ Кракова писалъ панамъ—радѣ о пожалованѣ дворянину Ѳедору Колонтаеву двора Клевицы, что князь Василій Глинскій держалъ, „до нашего дѣлшого осмотра“ ¹¹⁹⁶) и т. д.

Такой порядокъ, конечно, не всегда соблюдался при пожалованіи имѣній, и иногда государь жаловалъ съ перваго же раза имѣнье на вѣчность въ потомственное владѣніе, или въ вотчину. Такъ было во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правительство хорошо знало имѣнье и увѣрено было въ пользѣ и выгодѣ пожалованья. Поэтому наряду съ подтвержденіями имѣній въ вотчину мы имѣемъ и прямыя пожалованья въ вѣчное, потомственное владѣніе. Великій князь Казимиръ пожаловалъ пану Довегирду дворъ княжій Ловаринки „во вотчину“; пану Петрашу Сенежичи „у вотчину“; князю Ѳедору Воротынскому въ 1447 году пожаловалъ „три волости: Городечна съ Калуговичи, што было дано Ходыцѣ Басичу, што Павелъ Полтевъ держалъ, а Ковылна а Демана съ Снопотцомъ, што Гринко Мишковичъ держалъ, у вотчину“; Ванку Ситковичу король далъ Луганъ „у отчину“ (въ Смоленской землѣ); „пану Кгастовту, воеводѣ Троцкому, у Луцку Полона, што Окува держалъ, у вотчину“ ¹¹⁹⁷) и т. д. Великій князь Александръ въ 1495 году пожаловалъ „у вотчину“ Зенку Евлашковичу, намѣстнику Торопецкому, „два братеника въ Новгородскомъ повѣтѣ у Полужки, людей Любецкихъ“. „А повѣдалъ намъ,—читаемъ въ листѣ великаго князя до намѣстника Новгородскаго,—што жъ съ нихъ одна служба и дякло одно, а и ты о томъ самъ передъ нами повѣдилъ, што жъ съ нихъ служба и дякло одно“ ¹¹⁹⁸). Ясно, такимъ образомъ,

¹¹⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 23.

¹¹⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 47.

¹¹⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 206.

¹¹⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 3, 11, 26, 36, 64.

¹¹⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 48.

что эти крестьяне непосредственно передъ пожалованіемъ ихъ Зевку Евлашковичу находились въ господарскомъ владѣніи.

Но было бы ошибочно думать, что имѣнье, пожалованное въ отчину, сразу приобретаело всѣ свойства отчины. Для перваго владѣльца оно было выслугою, въ распоряженіи которою онъ не былъ подчиненъ тѣмъ стѣсненіямъ, какъ въ отношеніи къ отчинѣ. Панъ Оедко Чапличъ умирая бездѣтнымъ, записалъ своимъ братаничамъ Микитѣ и Ивашку имѣнье Глупонинъ, которое онъ выслужилъ на великомъ князѣ Свидригеллѣ, „тежъ и другое имѣнье на имя Русивль, отчинное, свою дѣльницу, записалъ имъ вѣчно“. По смерти его земля Ивашко Охремовичъ и Михно Омельянской, женатые на племянницахъ его, стали искать на Микитѣ и Ивашкѣ Чапличахъ „дядеовщину“ жонъ своихъ. Великій князь Александръ, разбиравшій это дѣло, 20 марта 1494 года выдалъ такой „выркъ“: „мають они тое имѣнье отчинное на имя Русивль съ сестрами своими зъ Ивашковою жоною Охремовича а зъ Омельянского на полы дѣлити по близкости послѣ дядиное свое Оедковое живота (бо не могъ онъ того вчинити, ихъ, братаненъ своихъ, отъ того отдалити); а тое имѣнье Глупонинъ, выслугу дядка ихъ, мають они таки держати вѣчно подлугъ запису дядка своего Оедка Чаплича, какъ имъ то записалъ“¹¹⁹⁹). Великій князь, издавая эту резолюцію, стоялъ, очевидно, на той точкѣ зрѣнія, что жены истцовъ должны были имѣть посагъ съ своей близкости, какъ и съ отчины; Глупонинъ, какъ выслуга ихъ дяди, не былъ для нихъ близкостью, а потому онъ и оставленъ былъ за племянниками, согласно волѣ завѣщателя. Король Александръ далъ нѣкоему Ходку (Коревичу) землю Юшковщину въ Лидскомъ повѣтѣ, которая принадлежала тивуну Лидскому, и землю пустую тяглую Довкговскую тамъ же и подтвердилъ ему своимъ листомъ „на вѣчность“. „И тотъ Ходко, умираючи, тия земли вышейписаны а къ тому землицу Сенковщину, што держалъ тотъ же Юшко, со всеми землями купленными и мѣновными и закупленными записалъ жонѣ своей Алзбетѣ Богдановнѣ, отдаливши всихъ ближнихъ своихъ“. Алзбета вышла въ третій разъ замужь за дворянина короля Сигизмунда Павла Довкгирдовича и записала ему свои имѣнья, полученные отъ Ходка, „отдаливши дочку свою первого мужа Венславу“¹²⁰⁰). Привилей, выданный Киевской землѣ, относительно права свободнаго распоряженія выслугами гласитъ: „А князи и панове, которые выслуги держать, а кому подтвердимъ листы нашими, въ

¹¹⁹⁹) Литв. Метр. кн. Запис. V, л. 4.

¹²⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 235, 236.

томъ волни, по души въ церкви дати, замѣнѣти и продати, и отдати, зъ нашимъ призволеньемъ" ¹²⁰¹). Выслуга пріобрѣтала всѣ свойства отчины съ того момента, когда она обычнымъ путемъ, не по завѣщанію, переходила къ законнымъ наслѣдникамъ, и съ того момента она и называлась отчиною. Въ записяхъ земельныхъ пожалованій Казимира читаемъ: „У Жомойти у Росейняхъ Довьяліюсь мѣнилъ и зъ бискупомъ Жомойтскимъ на его куплю а *своею отчиною, што отецъ его выслужилъ на Витовтъ*: потому имъ и держати, какъ мѣнили" ¹²⁰²). Въ 1498 году в. князь Александръ подтвердилъ татарамъ Довлихтіяру и Бахтіяру Сеитовичамъ, имѣнье, которое отнялъ было у нихъ воеводичъ Троцкій панъ Янъ Петровичъ, „люди ихъ *отчинными* Скорбеевичи, *выслугу отца ихъ*, которыхъ жо отецъ ихъ выслужилъ" на королѣ Казимирѣ ¹²⁰³) и т. д. Здѣсь дѣйствовало то же правило, какое дѣйствовало и относительно купленныхъ имѣній, которыя также становилось отчинами, какъ скоро по закону переходили къ наслѣдникамъ купившихъ ихъ лицъ ¹²⁰⁴).

Г. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ „Помѣстья литовско-русскаго государства" толкуетъ пожалованья „на вѣчность", какъ пожалованья до живота. Это толкованіе онъ основываетъ на слѣдующихъ записяхъ пожалованій Казимира: „Берестейское мыто Бенку Шаневичу вѣчно на каждый годъ по триста копъ грошей, а коли мыто поленшится, ему повышати, а подъ нимъ никому не подкупати" ¹²⁰⁵); „што Микита на насъ выслужилъ и на што листы наши маеть, тое бы таки писарь нашъ Микита держалъ вѣчно до своего живота". Это послѣднее выраженіе: „вѣчно до своего живота, — говорить г. Владимірскій-Будановъ, — уясняетъ намъ, что значила „вѣчность" въ официальномъ языкѣ грамотъ; она обозначаетъ вѣкъ — жизнь человѣка, какъ и въ приведенномъ выше случаѣ пожалованія Шаневичу Берестейскаго мыта „вѣчно" ¹²⁰⁶). На нашъ взглядъ слово „вѣчно" въ обоихъ случаяхъ употреблено въ цѣлью выразить постоянство, неизмѣнность факта, — есть простой отгѣноекъ въ выраженіи мысли, а не самое выраженіе ея, которое заключено въ словахъ: „а подъ нимъ никому не подкупати", „до живота". Поэтому и въ актахъ оно часто

¹²⁰¹) Акты Зап. Рос. II, № 30.

¹²⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 29.

¹²⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 70.

¹²⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 78, 79.

¹²⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 63.

¹²⁰⁶) Читенія въ Историч. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. III, стр. 91.

соединяется съ словомъ „непорушно“, которое есть его синонимъ, и эта амплификація, очевидно, рассчитана на то, чтобы яснѣе, точнѣе формулировать характеръ пожалованья. И въ настоящее время слово, „вѣчно“ употребляется иногда, какъ синонимъ выраженіемъ: постоянно, неизмѣнно, всегда, очень часто. На такое толкованіе, какое дано у г. Владимірскаго-Буданова, не уполномочиваютъ другія указанія, которыя можно найти въ актахъ изучаемаго времени. Въ нихъ вездѣ пожалованья на вѣчность сопровождаются перечисленіемъ: „ему самому и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и напотомъ будущимъ ихъ счадкомъ“, и замѣчаніемъ: „воленъ онъ и его справедливые наслѣдки то продати, замѣннити, по души дати и къ своему пожиточному а лѣпшому обернуши, какъ самъ наилѣпѣй розумѣючи“. Если такъ, то сами собой падаютъ и тѣ разсужденія, которыя г. Владимірскій - Будановъ ведетъ касательно значенія пожалованій „у вотчину“, отправляясь отъ недоказаннаго положенія, что слово „вѣчно“ означаетъ въ литовско-русскихъ актахъ „до живота“. Пожалованье въ отчину означало пожалованье въ потомственное владѣніе, съ правомъ передать имѣнье не только дѣтямъ, но и дальнѣйшимъ нисходящимъ; пожалованье же съ правомъ передачи только дѣтямъ называлось пожалованьемъ „до дву животовъ“.

Намъ поневолѣ пришлось, быть можетъ, дольше, чѣмъ слѣдуетъ, остановиться на различныхъ видахъ землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ отчасти именно въ виду статьи г. Владимірскаго-Буданова „Помѣстья литовско-русскаго государства“. Статья эта, интересная по темѣ, написанная по неизданному архивному матеріалу, уже успѣла произвести извѣстное впечатлѣніе, успѣла повліять на взгляды ученыхъ въ своемъ направленіи. Между тѣмъ ея научная цѣнность не находится въ уровнѣ ни съ этимъ впечатлѣніемъ, ни съ ея вліаніемъ. Г. Владимірскій - Будановъ взялъ только одну книгу записей (и при томъ сокращенныхъ) Литовской Метрики, относящихся ко времени Казимирава правленья, произвелъ анализъ и толкованіе этихъ записей, уединивъ ихъ отъ актовъ не только позднѣйшихъ, но и современныхъ, изданныхъ уже въ разныхъ сборникахъ, и построилъ на основаніи всего этого рядъ выводовъ. Благодаря этому ему не удалось ни толкованія, ни выводы въ той мѣрѣ, какая требовалась важностью и интересомъ затронутаго вопроса, и статья его, такимъ образомъ, оказалась съ характеромъ произведенія, преждевременно попавшаго изъ ученаго портфеля въ печать.—Въ виду этого авторъ настоящихъ очерковъ, нисколько не претендуя на то, чтобы исчерпать вопросъ, который ждетъ еще будущихъ изслѣдованій, счелъ нужнымъ внести

необходимы поправки въ статьѣ г. Владимірскаго - Буданова, единственной въ своемъ родѣ и потому могущей оказывать ненадлежащее вліяніе на ходъ и направленіе научныхъ работъ въ данной области, особенно по напечатаннымъ источникамъ. Для цѣлей настоящаго изслѣдованія изображеніе основныхъ чертъ военно-служилаго землевладѣнія на Руси Литовской, какъ онѣ сложились въ силу мѣстныхъ историческихъ условій и факторовъ и подъ дѣйствіемъ польскаго „земскаго права“, имѣетъ значеніе и какъ фактическая иллюстрація основнаго положенія, его проникающаго, какъ доказательство, что мѣстный историческій процессъ на Руси Литовской подготовлялъ тѣ гражданскія и государственныя отношенія, на которыя налагала свои формы польская гражданственность.

XLIV.

Въ устройствѣ военно - служилаго землевладѣнія намѣстникамъ-державцамъ до 1529 года принадлежала дѣятельная роль. Акты сохранили множество указаній на раздачу намѣстниками - державцами имѣній разнымъ лицамъ съ обязанностью военной службы „до воли господарской“. Врядъ ли эта раздача обусловливалась только личными отношеніями мѣстныхъ правителей къ этимъ лицамъ, „поклонами“ этихъ послѣднихъ; по всѣмъ признакамъ, она вызывалась заботою о пополненіи военно-служилаго контингента даннаго повѣта или воеводства и объ исправности военной службы. Къ такому заключенію приводятъ постоянныя подтвержденія, которыя выдавало центральное правительство лицамъ, получившимъ имѣнья отъ мѣстнаго правителя „до воли господарской“. Приведемъ нѣкоторые примѣры. Великій князь Александръ въ 1499 году подтвердилъ пану Ивашку Сопѣжичу землю пустую въ повѣтѣ Браслава Литовскаго, при чемъ написалъ въ подтвердительномъ привилеѣ: „вдалъ передъ нами листъ намѣстника Браславскаго пана Юрья Зеновьевича, што жъ онъ далъ ему пустовщину у Браславскомъ повѣтѣ близко озера Иважна на имя Земцову“¹²⁰⁷). Въ 1506 году тому же Александру билъ челомъ земанинъ кременецкій Олекса Сквородка и повѣдалъ, „што жъ намѣстники Кременецкіи, князь Андрей Александровичъ далъ ему селище пустое на имя Кобыльню, а панъ Юрьи Монтовтовичъ далъ ему село пустое въ Кузминскомъ повѣтѣ на имя Лановцы, и тежъ придалъ ему, въ его отчинѣ Вязовцомъ, рогъ Кузминскаго лѣсу“; Олекса положилъ предъ

¹²⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 130, 131.

королемъ и листы этихъ намѣстниковъ и просилъ пожаловать его „тыми селищи и рогомъ“, что король и исполнилъ ¹²⁰⁸⁾). Въ 1508 году королю Сигизмунду билъ челомъ о подтвержденіи пяти пустощинъ въ селѣ Путрошичахъ конюшіи Городенскій Богданъ Гринкевичъ; „а повѣдилъ намъ, — гласитъ подтвердительный листъ короля, — што жъ дей вжо тыи земли держыть съ призволеньемъ маршалка нашего, намѣстника Волковыскаго, пана Яна Яновича Заберезенскаго“. Король подтвердилъ земли съ условіемъ: „а намъ съ того службу земскую заступаеть“ ¹²⁰⁹⁾). Очевидно, что съ этимъ условіемъ далъ пустощинны и намѣстникъ Волковыскій. Въ 1514 году король писалъ намѣстнику Жолудскому: „Билъ намъ чоломъ подкониушій Виленскій Шимзо Мацковичъ и повѣдилъ передъ нами, што жъ дей ловчій нашъ, намѣстникъ Ожскій и Переломскій, панъ Миколай Юрьевичъ Пацевичъ, какъ отъ насъ Жолудовъ держаль, далъ ему землю пустоцкую лейтскую въ Жолудскомъ повѣтѣ на имя Можейковщину до наше воли, а онъ дей тое земли въ держаніи ажъ и до тыхъ часовъ; ино и самъ панъ Миколай передъ нами повѣдилъ, ижъ тую землю ему далъ держати до наше воли; и онъ билъ намъ чоломъ, абымо ему на то нашъ листъ дали. И мы ему на то сесь листъ нашъ дали: нехай онъ тую землю Можейковщину держитъ со всимъ съ тымъ, што къ ней здавна прислухало, а намъ съ того службу земскую заступаеть; а хотя бы отчичи тое земли выискалися, и мы ему дозволили тыхъ отчичовъ на тую землю принять“ ¹²¹⁰⁾). Здѣсь, такимъ образомъ, мы имѣемъ опять случай отдачи пустощины на земскую службу. По формѣ жалованной грамоты не видно, чтобы земля подтверждена была королемъ на вѣчность. Но бывали и такіе случаи. Въ томъ же году король подтвердилъ на вѣчность дворянину Михну Ивановичу двѣ земли пустоцскихъ въ Лидскомъ повѣтѣ, Караковщину и Семеновщину, которыя далъ ему до господарской воли намѣстникъ Лидскій панъ Юрій Ивановичъ Ильинича ¹²¹¹⁾). Въ томъ же году королю заявилъ служебникъ воеводы Виленскаго, канцлера пана Миколая Миколаевича Радзивиловича, Андрей Прокоповичъ, что подскарбій земскій, намѣстникъ Румшишскій, панъ Аврамъ Езофовичъ далъ ему двѣ земли пустоцскихъ тяглыхъ въ Румшишской волости, Нарейковщину и Мицовщину, до господарской воли. Андрей представилъ и листъ намѣстника и билъ

¹²⁰⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 221.

¹²⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 232, 233.

¹²¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 93, 94.

¹²¹¹⁾ Ibidem, л. 146.

челомъ королю, „абыхмо его съ того не рушили“. Король выдалъ ему въ этомъ смыслѣ свой листъ, добавивъ: „А естли отчичи тыхъ земля придуть, а всхотятъ ли на тыхъ земляхъ сѣсти за нимъ, и они мають ему служить, а онъ маеть намъ съ того службу земскую заступовати“¹²¹²). Въ 1522 году король подтвердилъ боярину Бирштанскаго повѣта Өедьку Игнатъевичу, „што жъ державца Бирштанскій князь Матөей Микитиничъ далъ ему чотыры земли пустыхъ у Бирштанскомъ повѣтѣ, на имя Петковщину а Мацовщину, а Кивинощину, а Якубовщину до воли“¹²¹³). Въ 1523 году королю били челомъ служебные Матөей Рымковичъ и Шимко Юшковичъ „и повѣдили передъ нами, — гласить листъ короля, — што жъ конюшій нашъ дворный и Троцкій, державца Василюшскій, Лепунскій, Волкинищкій и Стоклишскій, панъ Якубъ Кунцовичъ далъ отцомъ ихъ землю у Лепунскомъ повѣтѣ, на имя Михнову Өедевича, къ ихъ землищѣ Кгинейтовщинѣ для того, ижъ они отчизну свою мѣли малу и не мѣли намъ съ чого послужити, и базалъ имъ съ тыхъ обѣюхъ земля одну службу намъ служить; и били намъ челомъ, абыхмо имъ на то дали нашъ листъ“. Король исполнилъ ихъ просьбу¹²¹⁴). Приведенная выдержка изъ королевскаго листа ясно указываетъ на то, что, раздавая пустыя земли, намѣстники-державцы руководились интересами господарской службы. Разумѣется, здѣсь было много мѣста злоупотребленіямъ съ ихъ стороны, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они придавали пустыя земли къ отчинамъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ подъ тѣмъ предлогомъ, что отчины эти малы, не съ чего служить ихъ владѣльцамъ. Этимъ объясняется распоряженіе короля Сигизмунда, внесенное въ уставу, данную державцамъ дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣта въ 1529 году: „Тежъ уставляемъ и грозно приказуемъ, абы паны воеводове, такъ тежъ старосты и вси державцы наши, черезъ то, никому, какого будь стану, не смѣли земля пустовскихъ давати, яко въ воеводствахъ, такъ и въ староствахъ, такъ тежъ и во всихъ дворѣхъ нашихъ, до наше воли господарскоѣ. А хто бы за таковою даниною отъ пановъ и за листомъ ихъ которыи земли наши пустовскіи держалъ, рассказали есмо тымъ писаремъ нашимъ, у таковыхъ тыи земли гаши отбирати и зася къ тому двору нашему привлащати, въ которомъ дворѣ тыи земли будутъ знайдены“¹²¹⁵).

¹²¹²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

¹²¹³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 88.

¹²¹⁴) Ibidem, л. 70, 71.

¹²¹⁵) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 36.

Несмотря на это грозное приказанье, намѣстники державцы продолжали раздавать имѣнья „до воли и ласки господарское“, и правительство было настолько непослѣдовательно, что признавало и подтверждало ихъ распоряженія. Въ книги Литовской Метрики записанъ листъ, выданный державцею Бирштанскимъ 1 мая 1532 года, въ которомъ читаемъ: „Билъ мнѣ чоломъ боярынъ господарскій Михайло Ѳедоровичъ Семичовъ и просилъ въ мене людей въ повѣтъ Бирштанскомъ, на имя Довьята Ѳедевича и зъ братьею и зъ братаничомъ, а Якуба Ивашковича и зъ братьею, а Богдана Димъятовича зъ братьею, а Янеля Викговича, которые жъ люди суть вбоги, службы супольной здавна не могутъ супольно послужити господарю, а пустовщынъ собѣ на пашню дворную на имя... И я на его чоломбитѣ вчывилъ и далъ есьмо тыи люди ему чотыры службы... а пустовщины, якъ ся тыи люди и земли въ собѣ мѣли и какъ на господара держано, до воли и ласки господарское“¹²¹⁶⁾.

Но и вромѣ такой раздачи имѣній, намѣстники-державцы должны были принимать участіе въ устройствѣ военнотружлага землевладѣнія и другими способами, частью по возбужденію отъ центрального правительства, которое требовало отъ нихъ справокъ о жалуемыхъ имѣньяхъ и утверждало ихъ за просителями только по полученіи этихъ справокъ, поручало имъ „обыскивать“ земли для просителей, давать имъ „увазанье“ въ нихъ и т. д.; частью по возбужденію отъ самихъ военнотружлыхъ землевладѣльцевъ, которые черезъ нихъ выпрашивали себѣ имѣнья у господара, обращались къ нимъ за разрѣшеніемъ продать-купить имѣнье, записать кому-нибудь, помѣняться и т. д.

Выше (на стр. 371, 372) было приведено нѣсколько примѣровъ обращенія центрального правительства къ намѣстникамъ-державцамъ за справками относительно жалуемыхъ имѣній и съ порученіемъ прискаты людей и земли для пожалованья разнымъ лицамъ. Приведемъ въ добавленіе къ нимъ еще нѣсколько примѣровъ того и другого рода. Бояринъ брянскій Иванъ Васильевичъ выслужилъ на великомъ князѣ Сигизмундѣ имѣнье Жирятинъ въ Брянскомъ повѣтѣ. По смерти его князь Иванъ Андреевичъ, державшій Брянскъ изъ рукъ короля Казимира, отнялъ у брата покойнаго боярина, Карпа, Жирятинъ. Сынъ этого Карпа Еня билъ челомъ великому князю Александру „о свою близскость“. Тогда великій князь поручилъ намѣстнику Брянскому вк. Ѳедору Ивановичу Жеславскому „опытатъ“ мѣстныхъ бояръ, дѣй-

¹²¹⁶⁾ Литов. Метр. вк. Запис. XV, л. 104, 105.

ствительно ли имѣнье Жирятинт дядковщина Ени Карповича, и, когда получилъ отъ намѣстника утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему дать Енѣ „увязанье“: „нехай онъ тое имѣнье самъ держать, а намъ съ того службу служить“ ¹²¹⁷⁾. Король Сигизмундъ, у котораго воевода Троцкій панъ Григорій Станиславовичъ Остиковича просилъ въ Мойшакгольскомъ повѣтѣ человѣка путнаго Миколая Милошевича съ его братаничами и двухъ земель пустовскихъ, Кганусишевъ и Кгинтишекъ, писалъ о томъ намѣстнику Мойшакгольскому, приказывая довѣдаться, „какій то есть человѣкъ, а што за служба съ него, и земли тыи пусты аль не пусты“. Получивъ отвѣтъ, согласный съ показаніемъ просителя, король пожаловалъ ему людей и земли на вѣчность и приказалъ намѣстнику: „и ты бы его милости у нихъ увязанье далъ“ ¹²¹⁸⁾. Въ 1522 году, извѣщая державцу Волковыйскаго пана Юрья Глѣбовича о пожалованіи дворянину Фодору Бакѣ двѣнадцати служебъ людей въ селѣ Ясеновичахъ, король писалъ ему: „нижли здѣся войтъ мѣста Волковыйскаго и бурмистры и радцы повѣдили передъ нами, што жъ дей нѣкоторые люди того сельца дома и дворища свои звѣчные въ мѣстѣ нашомъ Волковыйскомъ мають, а таки дей въ селѣ земли собѣ позакупали въ людей нашихъ: прото жъ, што бы еси о томъ ся довѣдалъ, если то суть люди мѣщане Волковыйскіе, а тамъ земли собѣ позакупали и тыхъ имена ажбы еси къ намъ отписалъ“ ¹²¹⁹⁾ и т. д. Въ 1514 году король Сигизмундъ писалъ державцѣ Бряславскому пану Ивану Семеновичу Солѣгѣ, „абы, обыскавши у Бряславскомъ повѣтѣ чотыри человѣки а двѣ земли пустовскихъ, и ему (боярину Кветовту Калениковичу) далъ“. Державца исполнилъ приказъ короля, который и утвердилъ людей и земли за бояриномъ на вѣчность ¹²²⁰⁾.—Намѣстники-державцы по просьбѣ разныхъ лицъ ходатайствовали предъ господаремъ о пожалованіи имъ имѣнья. Такъ, намѣстникъ Вруцкій панъ Сенько Романовичъ ходатайствовалъ предъ королемъ Сигизмундомъ за бояръ Фодора и Гриня Петрашевичей и писалъ королю, по словамъ жалованной грамоты, „ижь они намъ слуги добрые, абыхмо ихъ помѣстьемъ какимъ осмотрѣли“ ¹²²¹⁾. Съ вѣдома и разрѣшенья намѣстниковъ державцевъ происходили и различныя сдѣлки и пере-

¹²¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 19.

¹²¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 149.

¹²¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 34.

¹²²⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 117, 118.

¹²²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 160, 161.

мѣны въ сферѣ какъ военнoслужилaгo, такъ и крестьянскагo землевладѣнiя. Въ подтвердительномъ привилеѣ, выданномъ въ 1506 году боярину Митку Ѳедоровичу на людей и земли въ Браславскомъ повѣтѣ, читаемъ между прочимъ: „повѣдилъ передъ нами, што жъ купилъ двѣ землицы въ Браславскомъ повѣтѣ, на имя Девкутевшину а Кубовщину, зъ дозволеньемъ пана Юрья Зеновьевича въ тотъ часъ, какъ онъ отъ насъ Браславль держалъ“ ¹²²²). Королю Сигизмунду билъ челомъ бояринъ Слонимскаго повѣта Давыдъ Сытичъ „и повѣдалъ передъ нами,—гласить королевскій листъ,—ижъ онъ мѣнялъ огороды и селищи зъ людьми нашими Слонимское волости зъ Богданомъ а зъ Мартиномъ Пацевичи,... какъ же и маршалокъ земскій, державца Слонимскій, небощыкъ панъ Янъ Миколаевичъ о томъ ся довѣдывалъ, ижъ то есть безъ шкоднаго нашего господарского, и дозволилъ ему съ тыми людьми нашими тыми огороды и селищи мѣняти и листъ свой дозволенный на то ему далъ;.. и тотъ онъ листъ небощыка пана Яновъ дозволенный и тежъ листъ мѣновный тыхъ людей нашихъ на тую мѣну свою передъ нами вказывалъ и билъ намъ чоломъ, абыхмо ему на то дали нашъ листъ“,—что король и исполнилъ ¹²²³) и т. д. Такимъ образомъ, предписанiе земскихъ привилеевъ 1457, 1492, 1506 г.г. продавать, мѣнять, отчуждать и дарить имѣнiя передъ господаремъ или передъ намѣстниками (по другому списку „врадники“, лат. officiales) имѣло въ виду не однихъ только намѣстниковъ главныхъ городовъ областей, но и второстепенныхъ. Статутъ 1529 года предоставилъ князьямъ, панамъ и землянамъ-шляхтѣ „продати и променяти и отдати и записати“ „приходши обличне передъ насъ господаря, а безъ бытности нашего панов воевод и маршалковъ нашихъ земского и дворного и старостъ нашихъ, въ которомъ повѣтѣ хто зъ нихъ бутеть“ ¹²²⁴). Повидимому, число правительственныхъ мѣстъ, гдѣ можно было получить дозволенiе на отчужденiе или приобрѣтенiе имѣнiя, здѣсь ограничено было столицею и главными городами областей. Но принимая во вниманiе, что ко времени изданiя Статута 1529 г. терминъ „староста“ сталъ прилагаться нерѣдко къ мѣстнымъ правителямъ, имѣвшимъ свою резиденцию въ пригородахъ областей, нельзя допустить такое ограничениe, а пропускъ державцевъ нужно отнести къ простой редакционной неисправности закона.

¹²²²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 311.

¹²²³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 222.

¹²²⁴) 15 арт. I раздѣла.

XLV.

Въ частныхъ случаяхъ люди, владѣвшіе земскими маестностями и не принадлежавшіе къ крестьянскому сословію, освобождались иногда отъ обязанности военной службы. Такъ, великій князь пожаловалъ какому-то Васку смолянину привилей — „войну не ходити а ни подводъ давати, зъ городомъ не тягнути“¹²²⁵). Онъ же продалъ нѣкому Ивану Луду войтовство Владимирское и Литовижское „вѣчно ему и дѣтемъ его, и потомъ будучимъ шадкомъ ихъ, зъ землями пашными и съ сѣножатями, и зъ озера, и зъ млыны, и со всеми платы и вжити, которые здавна къ тымъ войтовствамъ Володимерскому а Литовижскому слушають“. Войты съ своихъ имѣній по общему порядку должны были отбывать земскую службу, но Казимиръ Ивана Луда особымъ листомъ „вызволилъ съ тыхъ обѣихъ войтовствъ на войну не ходити до его живота зъ старостою Луцкимъ и зъ намѣстникомъ Володимерскимъ, и зъ маршалкомъ Волынскоѣ земли, и съ князи и съ паны Волынское земли“. Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ сыну Оедку „тме войтовства и на войну нехоженья“¹²²⁶). Въ 1498 году онъ пожаловалъ ему дворище Зчарки близъ Литовижа и отпустилъ „ему и его жонѣ, и ихъ дѣтамъ, и потомъ будучимъ ихъ шадкомъ съ того дворища на войну не ходити, ни иное некоторое службы не служити“¹²²⁷). Но подобныя изъятія были сравнительно рѣдки, и всѣ владѣльцы земскихъ имѣній должны были нести съ нихъ военную службу, выставлять известное количество конныхъ ратниковъ.

Въ числѣ этихъ ратниковъ должны были быть непременно сами землевладѣльцы своею „парсуною“. Отъ этой обязанности они освобождались только за старостью или болѣзнью (форобою*) и въ такомъ случаѣ должны были выставить за себя родственника или слугу. Въ 1523 году королю Сигизмунду билъ челомъ тивунъ Поюрскій, „што жъ онъ самъ старъ и недужъ на службу нашу на войну ѣздити для старости своей, а сына дей въ собѣ одного маеть“, и просилъ короля освободить его отъ службы „парсуною“. Король исполнилъ его просьбу и выдалъ ему листъ до гетмана наивысшаго кн. Константина Ивановича Острожскаго, въ которомъ писалъ: „маеть онъ сына своего и съ своими слугами на службу нашу на войну посылати; а

¹²²⁵) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 21.

¹²²⁶) Ibidem, л. 83. Справ. Акты Зап. Рос. I, № 92, 121.

¹²²⁷) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 103.

если бы сына его при немъ не было, и онъ маеть котораго добраго челоуѣка на свое мѣсто посылати водлѣ ухвалы земское“¹²²⁸). По Статуту 1529 года даже и здоровый челоуѣкъ, имѣвшій годнаго въ военной службѣ сына, могъ замѣниться имъ. Для этого онъ долженъ былъ представиться съ нимъ гетману и получить отъ него разрѣшеніе¹²²⁹). Старые бездѣтные землевладѣльцы, которыхъ некому было замѣнить, чтобы не оказаться неисправными въ господарской службѣ, принимали въ себѣ родственниковъ или чужихъ „за сына мѣсто“ и записывали имъ свои имѣнья съ „призволенья“ великаго князя. Такихъ записей и господарскихъ подтвержденій находится множество въ записяхъ Литовской Метрики. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ записей, въ которыхъ ясно выражены мотивы принятія „за сына мѣсто“. Въ 1501 году великому князю Александру билъ челомъ дворянинъ Олехно Васильевичъ Хребтовича и повѣдалъ, „што жъ бояринъ слонимскій Сенько Толтигиновичъ, будучи при старости *для нашего* (господарское) *службы* взялъ его собѣ за сына мѣсть и записалъ ему дворець, выслугу свою, на Грывдѣ и землю пустовскую на имя Пилиповщину, со всею землею пашною и дворною и зъ людьми, какъ самъ держалъ“; Олехно просилъ великаго князя утвердить все это за нимъ на вѣчность, что и было исполнено¹²³⁰). Въ 1522 году королю Сигизмунду билъ челомъ свирный Станько Ивашковичъ и повѣдалъ, „иъ бояринъ Виленского повѣту Войтко Петковичъ Жудвей и зъ жоною своею Доротою, будучи при старости, а дѣтей въ себѣ не маючы, и *не могучы службы наше и земское заслуговати*, взяли его за сына мѣсть и имѣнейцо свое у Рубнѣ ему записали“; свирный просилъ короля дать ему на это имѣнье листъ, который и былъ выданъ 3 октября¹²³¹) и т. д. Чаще всего бездѣтные военнослужащие землевладѣльцы записывали свои имѣнья (разумеется, съ соблюденіемъ закона, дѣйствовавшаго относительно отчинъ) своимъ ближнимъ или дальнимъ родственникамъ, которые обязывались держать ихъ въ чести, беречь въ покоѣ и заступать за нихъ земскую службу. Въ 1495 году, напр., великому князю Александру билъ челомъ бояринъ минскій Дашко Сенковичъ и, доложивъ, „што жъ вжо самъ старъ, дѣтей не маеть“, просилъ дозволить ему „тотъ его дворець и того челоуѣка на имя Ермака Хомича записати по своемъ животѣ сестрен-

¹²²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 118.

¹²²⁹) 2 арт. II раздѣла.

¹²³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 202.

¹²³¹) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 30

цомъ его, Яну Корейвичу и его братьи“. Великій князь дозволилъ и выдалъ листъ, въ которомъ написалъ: „и имъ то подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ вѣчно подлугъ листу отца нашего и его милости данины (имѣнье было выслужено Дашкомъ на королѣ Базимирѣ): не хай они тотъ дворець и того челоуѣка держать, а намъ съ того службу служить по тому, какъ и первѣй того служба наша шла, а того дядва своего мають они до смерти ховати и въ чьсти его держати“¹²³²). Бояринъ Опменскаго повѣта Петръ Матьясовичъ повѣдалъ королю Сигизмунду, „ижъ дядко его Адамъ Петрашовичъ весполовъ въ жоною, будучи при старости и не маючи дѣтей въ себе, а видячы, ижъ онъ вже недужъ службы наше (господарское) и земское служить, и для тое причины взяли его собѣ, яко то близскаго, за сына мѣсто и записали ему третюю часть имѣнья своего отчизного..... и ву тому купленину свою и што тежъ позакупалъ, на имя Тамашовщину, и иншии земли,..... а рукомыхъ речей: коней, быдла и челяди невольное, што маеть у дому своемъ, то павъ же все ему записалъ, а онъ до смерти его маеть за него службу нашу земскую ваступовати; а тотъ Адамъ съ того имѣнья своего на службу нашу какъ конми, такъ и зброями и всякими речми, што на то прислуша, маеть выправовати; и того имѣнья мають они оба вживати ажъ до своего живота; а по животѣ того Адама тотъ Петръ маеть третюю часть имѣнья его, купленину и што тежъ тотъ Адамъ позакупалъ, ото всихъ близскихъ держати“; Петръ Матьясовичъ представилъ королю и листъ записной дяди „подъ печатми людей добрыхъ“ и просилъ подтвердить ему все это на вѣчность, что король и исполнилъ. Изъ условія этой записи и принятыя „за сына мѣсто“ ясно видно, что въ подобныхъ случаяхъ имѣлось въ виду избавиться отъ личной службы, замѣнить свою „парсуну“ приемнымъ сыномъ. Впрочемъ, Петръ Матьясовичъ выхлопоталъ себѣ у короля льготу. „И еъ тому повѣдилъ передъ нами,—читаемъ въ подтвердительномъ листѣ короля отъ 17 февраля 1527 года,—ижъ онъ мѣшкаеть у мѣстѣ нашомъ Виленскомъ и торгомъ ся обыходитъ для пожитку своего, и если бы воли для оmeshканья не поспѣлъ на службу нашу съ того имѣнья ѣхати, абыхмо дозволили ему на свое мѣстцо такъ добраго, яко онъ, на службу нашу послати“. Король далъ ему разрѣшеніе: „не маеть онъ самъ съ того имѣнья на службу нашу и земскую ѣздити, нижли маеть челоуѣка добраго съ того имѣнья на службу нашу и земскую послати,

¹²³²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 28.

какъ онъ самъ, съ тѣмъ почтомъ людей, который тотъ Адамъ съ того имѣнья служилъ" ¹²³³). Но если бы это разрѣшеніе не было дано, Петръ Матвѣевичъ непремѣнно долженъ былъ бы лично выѣзжать на войну, по смыслу того обязательства, которое онъ принялъ на себя предъ дядею своимъ Адамомъ Петрашовичемъ.

Отъ личной службы не освобождались и бояре, въ имѣньяхъ которыхъ не жило такого количества крестьянъ, съ какаго, по сеймовымъ „ухваламъ“, выставлялся ратникъ въ полной амуниціи; не освобождались даже и тѣ, которые не имѣли ни одного человѣка и сами падали свою землю ¹²³⁴). Вслѣдствіе этого и въ упоминавшемся уже не разъ „пописѣ шляхты и ихъ людей“ 1528 г. часто находимъ такіа оглавленія: „То—бояре, которые людей своихъ не мають, только сами головами своими повинни на службу ѣхати“ ¹²³⁵). Но такіа бояре выѣзжали на войну на конѣ и въ амуниціи „не водлугъ уставы, але водлѣ возможности своео“ ¹²³⁶). Въ тѣхъ случаяхъ, когда военнотружильный человѣкъ владѣлъ нѣсколькими имѣньями въ разныхъ повѣтахъ, онъ долженъ былъ лично выѣзжать на войну съ своего отчиннаго „го ловнаго“ имѣнья. Такъ постановлено въ Статутѣ 1529 года ¹²³⁷); но это, по всѣмъ даннымъ, давній порядокъ, существованіе котораго подтверждаютъ самыя исключенія изъ него. Такъ, напр., въ 1507 году король Сигизмундъ выдалъ привилей боярину кievскому Ивашку Полозовичу: „самъ онъ головою своею маеть службу нашу и земскую зъ имѣней Пинскихъ заступовати, а съ Кіевскихъ имѣней казали есмо ему слугами своими службу служити подлугъ нынѣшнее ухвалы земское.....; а по его животѣ дѣти его сами головами своими мають съ Кіевскихъ имѣней службу нашу заступовати“ ¹²³⁸). Правило относительно личной службы землевладѣльцевъ, которые держатъ имѣнья свои подъ господаремъ, проведено въ Статутѣ 1529 года съ полною строгостью. „Хочемъ теж и приказуем грозно,—гласить 2 арт. II раздѣла,—абы вси подданные наши военную службу повинни не инде бы ся пиховали ани ся инде становили парсонами своими толко под

¹²³³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 342—344.

¹²³⁴) Акты Зап. Рос. II, № 161.

¹²³⁵) Литов. Метр. кн. Публич. Дѣль I, л. 11—19 и др. Срав. 1 арт. II раздѣла Статута 1529 года.

¹²³⁶) Акты Зап. Рос. II, № 161; 1 арт. II раздѣла Статута 1529 г.

¹²³⁷) 2 арт. II раздѣла.

¹²³⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 290, 291.

хоругвою своею поветовою, в котором повете сут осели, кроме особнаго рассказанья гетманскаго. А естли бы который с нихъ службу мел въ нѣкоторого пана рад нашихъ або вранниковъ або тежъ въ кого иного, тотъ будетъ повиненъ местце свое подле пана своего, которому прислухает, бим инымъ войны неповиннымъ осадити, а местца своего хоругвоннаго яко пованнейшого жадною мерою опустити и омешпати не смелъ подъ страченемъ имени своего..... И тежъ которые слуги князские и панские маючи подъ князми и паны имени, а другіе именья подъ Господаремъ покупили, тогда в часъ потреби оставивши пана своего маютъ ся подле хоругве становити для тыхъ именей своихъ, которы подъ Королемъ покупили“.

По Статуту 1529 года военную службу должны были отправлять и „вдова также и кождый сирота, лета суполные маючы або не маючы, и всякій оный человекъ, именье маючы“. Статутъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, лишь подтверждаетъ то, что уже и ранѣ имѣло силу закона. Въ земскомъ привилеѣ короля Александра 1492 года находимъ, напр., таковой артикулъ: *Item, viduae quae germaniserint in bonis haereditariis post mortem maritorum, ad servitia terrestria et bellicas expeditiones juxta facultatem possessionum obligabuntur* ¹²³⁹⁾. Разумѣется, женщины и малолѣтніе избавлены были отъ личной обязанности являться въ войско и должны были высылать только свои „почты“ подъ начальствомъ „добрыхъ“ слугъ. Но отвѣтственность ихъ за исправность военной службы была такая же, какъ и совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Это заставляло многихъ женщинъ даже на старости лѣтъ выходить замужъ, чтобы имѣть во главѣ своихъ „почтовъ“ надежныхъ людей, которые могутъ довести эти почты въ сборный пунктъ и держать ихъ въ войскѣ въ полномъ составѣ. Многія женщины съ этою цѣлью записывали имѣнья родственникамъ или чужимъ или продавали ихъ, предпочитая жить съ движимаго капитала, чѣмъ съ имѣній, которыя за неисправность военной службы отбирались. Бывали даже случаи, когда женщины бросали имѣнья за невозможностью нести исправно съ нихъ военную службу. Такъ, въ 1529 году король Сигизмундъ подтвердилъ на вѣчность землянину Бѣльскаго повѣта Григорью Тимоѣевичу землю Рѣчковщину, исторія которой, по словамъ королевскаго листа, была такова: „которое жъ земли отчича Корицій забилъ, и только на той земли вдова сидѣла, а дѣтей не мѣла, а намъ отъ нея службы никоторое не было; и при-

¹²³⁹⁾ Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

шодны передъ его милость (старосту Бѣльскаго пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда) самодобровольно тую землю спустила (Григорью Тимооеевичу), на што жъ его милость и листъ ему свой далъ,.... въ которомъ же листѣ стоитъ выписано, вѣтъ росказалъ его милость ему съ тое земли намъ службу служить по тому, какъ и иншіи бояре Бѣльскіе служатъ“ ¹²⁴⁰). За исправностью военной службы съ имѣній несовершеннолѣтнихъ владѣльцевъ слѣдили опекуны, которые и отвѣчали предъ владѣльцами, если тратили ихъ имѣнья по случаю несправности въ отбываніи военной службы ¹²⁴¹).

Военная служба шла и съ тѣхъ имѣній, которыя принадлежали духовнымъ лицамъ и церковнымъ учрежденіямъ. Въ ряды духовенства вступали иногда люди, владѣвшіе земскими маестностями, съ которыхъ они по прежнему должны были нести военную службу, такъ какъ эти имѣнья составляли ихъ личную собственность. Статутъ 1529 г., подтверждая уже дѣйствовавшее право, категорически говорить о томъ, что съ имѣній землевладѣльцевъ, вступившихъ въ духовное званіе, должна была идти военная служба, а ихъ „парсоны“ были „въ ласцѣ господарской“, т. е. отъ воли господара зависѣло вызвать ихъ лично на войну или дозволить имъ поставить на свое мѣсто „добраго слугу“. Но еслибы духовное лицо приняло въ залогъ имѣнье, съ такого „закупного“ имѣнья оно обязано было непременно лично выѣзжать на войну“ ¹²⁴²). Санъ не препятствовалъ литовско - русскому духовенству даже приобрѣтать земскія имѣнья въ личную собственность, вслѣдствіе чего, естественно, должна была падать на него и обязанность военной службы. Въ 1498 году владыка Смоленскій Іосифъ купилъ у дворянина Оедка Шостова имѣнье Ярвовичи въ Смоленскомъ повѣтѣ. Великій князь подтвердилъ это имѣнье владыкѣ *въчю*: „нижьли, не маєтъ того имѣнья владыка въ церкви привлащати, а ни записати, а маєтъ намъ съ того имѣнья земскую службу отправляти, такую, какъ и передъ тымъ съ того имѣнья служба бывала“ ¹²⁴³). Изъ этого видно, что собственныя церковныя имѣнья, принадлежавшія церкви, какъ учрежденію не несли военной службы. Изъ другихъ актовъ изучаемаго времени видно, что и собственныя церковныя имѣнія далеко не всѣ освобождены были отъ обязанности военной службы. Извѣстная налич-

¹²⁴⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 393.

¹²⁴¹) 1 и 8 арт. V раздѣла Статута 1529 года.

¹²⁴²) 2 и 3 арт. II раздѣла Статута 1528 г.

¹²⁴³) Акты Зап. Рос. I, № 160. Срав. Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 74. Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 154.

ность такихъ имѣній несомнѣнно была, именно—имѣнія, пожалованныя церкви великимъ и удѣльными князьями литовскими, прибрѣтенныя церковью въ давнія времена и освобожденные князьями отъ военной службы (сюда могли принадлежать и имѣнья, прибрѣтенныя церковью еще въ тѣ времена, когда военная служба не связана была тѣсно съ землевладѣніемъ). Извѣстно, напр., что Ягелло въ 1387 году выдалъ католическому духовенству на Литвѣ привилей, коимъ онъ освободилъ его имѣнья отъ всякихъ повинностей ¹²⁴⁴). Удѣльные князья съ своей стороны, жалуя церквамъ и монастырямъ имѣнья, освобождали ихъ отъ всякихъ повинностей ¹²⁴⁵). То же дѣлали съ дозволенья господара и князья служилые, паны, бояре и другіе землевладѣльцы ¹²⁴⁶). Но на ряду съ этими имѣнья съ теченіемъ времени церкви стали принадлежать и земельныя имущества, съ которыхъ она должна была нести военную службу. Князья, паны, бояре-шляхта и мѣщане, получивъ право записывать и продавать церкви свои имѣнья, не получили вмѣстѣ съ тѣмъ права очищать эти имѣнья отъ военной и другихъ государственныхъ повинностей, которыя и падали часто на церковь вмѣстѣ съ имѣньями. Въ 1508 году, напр., королю Сигизмунду повѣдалъ владка Луцкій Кирилъ, „што жъ маршалокъ... староста Володимерскій панъ Ѳедоръ Янушевичъ, съ волею панеѣ своеѣ пани Ѳенны, посполитою рукою дали и записали къ церкви Божьей къ Святому Іоанну Богослову, въ Луцку, имѣнья свои отчизные, въ Луцкомъ повѣтѣ, на имя Колодези а Жабче,.... на память души своеѣ и предковъ своихъ“,—и просилъ подтвердить особымъ листомъ. Король исполнилъ эту просьбу и написалъ въ своемъ листѣ: „а владка Кирилъ и по немъ будучи епископи мають съ тыхъ имѣней людей своихъ на службу земскую посылати, посполу съ князи и паны и земляны, противъ всякого неприятели нашего, подлугъ уставы и ухвалы земли Волыньскоѣ“ ¹²⁴⁷). Службу земскую съ своихъ имѣній несли и монастыри, напр., Кіево-Печерскій монастырь при Сигизмундѣ выставялъ десять человекъ „на конѣхъ у зброяхъ“ ¹²⁴⁸). Разумѣется, господарь, подтверждая церкви записанныя имѣнья, могъ освобождать ихъ отъ военной повинности. Статутъ 1529 года сдѣлалъ общимъ прави-

¹²⁴⁴) Scarbiec dyplomatów I, № 540.

¹²⁴⁵) См., напр., Акты Зап. Рос. I, № 43, 82, 177.

¹²⁴⁶) См., напр., Археографическій сборникъ, изданный въ Вильнѣ т. I, № 10 и 11.

¹²⁴⁷) Акты Зап. Рос. II, № 82.

¹²⁴⁸) Ibidem, № 112.

ломъ, чтобы съ имѣній, записанныхъ на церковь православными и католиками, отправлялась военная служба. „Что бы хотелъ куплю на церковь записать, — гласить 18 артикулъ V раздѣла, — маєт записатьъ тымъ обычаемъ, который колѣе духовны тое имене будетъ держати, толео маєт с того именя службу земскую конно а збройно служити водле уставы и уфалы земское, юж от чого часу уставуемъ. Иж кто бы записалъ имене на костел, тогда с того именя также маєт служба быти яко и первой была“. Конечно, съ такихъ имѣній духовные должны были не лично отправлять военную службу, а только посылать добрыхъ слугъ съ „почтами“.

Изъ кого же состояли эти „почты“, которые выводили на войну военнослужилые землевладѣльцы? Князья и паны, получившіе по наслѣдству или отъ господара цѣлыя волости и вообще крупныя имѣнья, имѣли въ составѣ ихъ своихъ бояръ и землянь, которыми и „заступовали“ земскую службу. Эти бояре и земляне находились на такомъ же положеніи, какъ бояре и земляне, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ. Они могли владѣть своими земельными участками вѣчно и непорушно, но съ непремѣнною обязанностью служить владѣльцу имѣнья, въ составу котораго принадлежали ихъ имѣнья. Такъ, княгиня Марья, жена кн. Василья Михайловича Верейскаго, пожаловала „боярина своего Мицка Коробку землю на имя Вязевщиною вѣчно и нерухомо ему и его дѣтемъ, помы онъ самъ служить моимъ дѣтемъ, и дѣти его внучатомъ моимъ, и со всемъ съ тымъ, што в той земли потягло изъ старины“¹²⁴⁹⁾. Владѣльцы не могли согнать своихъ бояръ съ имѣній, если это были отчины ихъ или выслуги на вѣчность, подобно тому, какъ самъ господарь не могъ по закону отбирать у своихъ бояръ отчинъ ихъ и выслугъ на вѣчность. Въ 1499 году великому князю Александру жаловалась боярыня мстиславская Кахна, вдова Ивашка Ольгишевича, на князя Михаила Ивановича, что онъ, пріѣхавъ до Мстиславля, отнялъ у нея имѣнье Хвостово съ приселками, которое пожаловалъ свекру ея Василью Ольгишевичу покойный князь Юрій Лингвеневиць „вѣчно“. Боярыня представила и привилей князя Юрья, послѣ чего великій князь съ панами радю присудилъ возвратити ей имѣнье и ея ребенку, съ которымъ она осталась по смерти мужа: „нижли она и дитя ее мають съ того имѣнья служити князю Михаилу Мстиславскому“¹²⁵⁰⁾. Но если владѣльцы не могли произвольно ли-

¹²⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Борон. Переп. XXIV, док. 28.

¹²⁵⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 156.

шать своих бояръ и землянъ земель, тѣмъ не менѣ эти имѣнья признавались неотъемлемою принадлежностью, составными частями княжескихъ и панскихъ волостей и раздѣляли вмѣстѣ съ ними ихъ судьбу. Такъ, въ томъ же 1499 году великій князь Александръ, присудивъ Слуцкѣ и Копыль князю Семену Михайловичу, подтвердилъ ему ихъ на вѣчность „со всеми князи и бояры..... и зъ ихъ имѣнья“¹²⁵¹⁾. Поэтому, когда въ 1528 году боярыня Матруна, владѣвшая въ княжествѣ Слуцкомъ имѣньемъ Скепьевомъ, стала было выламываться изъ подданства князю Юрью Семеновичу, король Сигизмундъ присудилъ ея имѣнье къ Слуцку. Боярыня указывала на то, что Скепьево и дворецъ Ходковский въ Турцѣ пожаловалъ предку ея мужа Митку Гуцѣ кн. Александръ Владимировичъ на вѣчность, съ правомъ „тыи имѣнья отдати и продати и замѣнити и къ своему лѣпшому и жыточному обернути“, въ доказательство чего представила и самый привилей кн. Олелька. Но князь Юрій Семеновичъ заявилъ королю, „ижь предокъ его князь Александро тыи имѣнья Митку Гуцѣ далъ, але отъ себе ихъ не вызволилъ, же бы маятъ съ тыми имѣньи кому иному добровольне служыти“; вромѣ того, король Александръ присудилъ отцу его кн. Семену Слуцкѣ и Копыль съ дворами и волостями, въ томъ числѣ и Скепьевомъ, „и отъ тыхъ часовъ отецъ и матка его и онъ самъ держали то во вповои и съ того дворца Ходковского тотъ истый Василій Скепьевскій и по немъ тая жона его Матруна были слугами предкамъ его и ему самому, а о томъ припоминанья жадного отъ нихъ не было ажъ и до тыхъ часовъ“¹²⁵²⁾. Лично бояре и земляне, какъ и въ господарскихъ имѣньяхъ, были, конечно, свободны и при желаніи могли оставить свои земли и служить, кому хотѣли. Такъ, король Сигизмундъ, подѣливъ отчинными и материнскими имѣньями вдову пана Яна Николаевича и брата ея пана Петра Станиславовича, написалъ въ „дѣльчемъ листѣ“: „а бояре съ obu сторонѣ, земли оставивши, кому хотать, тому мають служыти, а одинъ въ другому маеть ихъ пустити со всеми ихъ статьи домовыми, а съ челядью купленою, и со всеми рухомыми речыи, и зъ жытомъ и яринами, што у гумнѣ, и што въ земляхъ посѣяно, а ничимъ не мають гамованы бѣти“¹²⁵³⁾. Въ 1528 году тотъ же король писалъ князю Михаилу Ивановичу Мстиславскому: „што есьмо смотрѣли тебе съ бояры тетериньскими Ивановомъ Борисовичемъ а съ Ѳедкомъ Нестеровичомъ, которые имѣнья

¹²⁵¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 163.

¹²⁵²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51, 52.

¹²⁵³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 86—8.

держали въ Тетеринскомъ повѣтѣ Костюбовичы а Ногоевичы, мы тыи имѣнья присудили тобѣ къ Тетерыну; а што ся дотычеть статковъ ихъ, пенязей и коней, быдла и збожья, и сѣна и рухомыхъ иныхъ речей, и ихъ накладовъ, съ тымъ со всимъ казали есьмо имъ съ тыхъ имѣнней *новыпровадитись*, а тобѣ есьмо очевисте рассказали добровольне ихъ отголь со всимъ выпустити“ ¹²⁵⁴). Бояре и земляне частно-владѣльческіе лишъ въ томъ случаѣ могли перейти на службу къ другому лицу съ имѣньемъ, если оно записано было имъ съ правомъ служить, кому хотятъ. О такихъ записяхъ довольно часто упоминають акты изучаемаго времени, большею частью подтвержденья господарскія этихъ записей. Такъ, напр., панъ Миколай Живгимонтовичъ при Казимирѣ или въ началѣ княженья Александра записалъ слугѣ своему Шимку Яновичу людей и земли „тымъ обычаемъ, што жъ онъ то воленъ отдать и продати *и съ тымъ служити, кому бы хотѣлъ*“ ¹²⁵⁵). Панъ Александръ Ивановичъ Ходкевича пожаловалъ Степану Чаплину, „вбачивши его вѣрную а пильную службу, которую жъ онъ съ дѣтства его до услованья лѣтъ его“, „дворецъ свой отчинный въ Берестовицкомъ повѣтѣ на имя Павляшки, который жо держалъ боярынь его Богданъ Старышчинъ, и съ людьми, и съ челядью невольною, и съ статьи домовыми, и съ землями пашными и бортными“ и, кромѣ того, нѣкоторыя другія имѣнья; при этомъ онъ выдалъ Степану, его женѣ и дѣтамъ привилей: „мають со всею его тою даниною по своей доброй воли служити намъ (королю) або кому похотятъ“. Король Сигизмундъ въ 1508 году подтвердилъ всѣ эти имѣнья Степану Чаплину въ потомственное вѣчное владѣніе ¹²⁵⁶). Панъ Янъ Станиславовичъ Глѣбовича записалъ, а король Сигизмундъ въ 1518 году подтвердилъ дворянину Яну Стецковичу Ростросовича имѣнье Дудичи на Исколти; „а въ томъ листѣ пана Яновомъ стоять, ижъ онъ воленъ съ тымъ имѣньемъ служити намъ господару або кому будетъ его добрая воля“ ¹²⁵⁷). Въ 1523 году королю Сигизмунду билъ челомъ боярынь Матей и повѣдалъ, „ижъ князь Янъ Талимонтовичъ далъ ему и его жонѣ и ихъ дѣтемъ за его службу челоуѣка своего на имя Федеа Кгладышовича и съ его сынами въ Бартошомъ и Стецомъ и Матейцомъ, и съ землею ихъ, и со всимъ съ тымъ, каеъ ся тотъ чолоуѣкъ

¹²⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 33.

¹²⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 144.

¹²⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 219, 220.

¹²⁵⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 15.

здавна въ собѣ маеть, и казалъ ему по своему животѣ и по животѣ жоны своее съ тымъ чоловѣкомъ служыти кому его воля“. Бояринъ представилъ королю и листъ — данину князя Яна и просилъ подтвердить на вѣчность, что король и исполнилъ ¹²⁵⁸⁾). Въ 1529 году королю билъ челомъ бояринъ Сенько Михайловичъ и повѣдалъ, „што жъ державца Бирштанскій князь Матеей Микитиничъ, узнавши его къ собѣ вѣрную службу, и зъ ласки своее далъ ему сельцо имѣнья своего Головчынского на имя Овсековское Иванковичовъ, въ которомъ жо сельцы передъ тымъ три чоловѣки, а на тотъ часъ одинъ чоловѣкъ, на имя Никифоръ, въ томъ сельцы остался, а два сошли прочъ,— и къ тому сельцу далъ ему три земли пустовскихъ и его жонѣ, и ихъ дѣтемъ, и на потомъ будучымъ ихъ щадкомъ вѣчно и на вѣки непо- рупно,.... ничого на себе и на дѣти, и потомки, и на ближніи свои не оставляючи, и дозволилъ ему съ тымъ имѣнейпомъ пры своемъ животѣ и по смерти своей кому хотя служыти и то отдати, про- дати и замѣнити и къ своему лѣпшому и жыточному обернути, какъ самъ наилѣпшій разумѣючи“ ¹²⁵⁹⁾). По просьбѣ его король под- твердилъ ему сельцо и земли, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Такія имѣнья выходили уже совершенно изъ состава даннаго княжескаго или панскаго владѣнія, становились такою же свободною собствен- ностью, какъ и то цѣлое, часть котораго они прежде составляли, и которымъ владѣльцы пользовались „съ полнымъ правомъ и панствомъ“. Разумѣется, и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, какъ вообще съ княжескихъ и панскихъ, но эти имѣнья не считались „подъ господаремъ“, и господарь не могъ *de jure* отдать ихъ вла- дѣльцевъ снова въ частное подданство. Бояре съ такими имѣннями иногда били челомъ на службу господарю, который, такимъ образомъ, приобрѣталъ на эти имѣнья тѣ же права, какія имѣлъ на имѣнья своихъ собственныхъ бояръ. Князь Семень Романовичъ Кобринскій пожаловалъ своему боярину Данилу Кгирдеевичу село Пришихвосты „вѣчно ему и его жонѣ, и дѣтемъ ихъ, и на потомъ будучымъ ихъ щад- комъ“; сынъ его, князь Иванъ Семеновичъ, съ матерью „тое село Пришихвосты и жеребей въ Городци Киршовскій и въ Ходлинѣ зе- ремя подтвердили ему своимъ листомъ“. Въ 1509 году сынъ Данила Кгирдеевича Еско билъ челомъ королю Сигизмунду, „хотячы намъ съ тымъ имѣньемъ служыти“, какъ гласитъ листъ короля Сигизмунда,—

¹²⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 70.

¹²⁵⁹⁾ Ibidem, л. 420, 421.

на то король изъявилъ свое согласіе и далъ ему особый листъ ¹²⁶⁰). Иногда такіе землевладѣльцы записывались съ имѣньями на службу къ князьямъ, панамъ и другимъ землевладѣльцамъ, и въ такомъ случаѣ ихъ имѣнья входили въ составъ владѣній этихъ послѣднихъ. Но тѣ военнoслужилые землевладѣльцы, которые имѣли свои имѣнья подъ господаремъ, не могли записываться съ ними на службу къ частнымъ лицамъ. Они могли, конечно, передать ихъ въ другія руки, но тотъ, кто принималъ эти имѣнья, принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лежавшія на нихъ обязательства служить съ нихъ непосредственно господарю. Служба, которую несъ бояринъ непосредственно господарю, какъ увидимъ ниже, не отождествлялась и не приравливалась службѣ, которую могъ нести тотъ же бояринъ въ „почтѣ“ князя или пана. Поэтому господарь уничтожалъ записи своихъ бояръ и земянь, по которымъ они обязывались кому-нибудь служить съ своими имѣньями. Въ 1522 году королю Сигизмунду жаловался земянинъ Янъ Славскій съ сыномъ своимъ Станиславомъ на вдову пана Миколая Миколаевича Алжбету и ея сыновей Яна и Станислава: „отнялъ дей у мене отецъ ихъ, небожчыкъ панъ воевода Виленскій, имѣнья моего властного Микитинского землю“. Паны воеводичи отвѣчали: „отецъ дей нашъ тое земли въ него не отнималъ, нижли онъ самъ съ тымъ имѣньемъ своимъ отцу нашему на вѣчность службы поддался и привилей свой, который на тое имѣнье въ собѣ мѣлъ, отцу нашему отдалъ и отецъ нашъ къ тому имѣнью придалъ ему земли иншого имѣнья своего и свой привилей ему на тыи земли далъ“. Славскій возразилъ на это: „тыи дей земли, которыи мнѣ отецъ ихъ, небожчыкъ панъ воеводи, далъ, суть здавна моего жъ имѣнья земли Микитинскіи, и хочу дей то перевести людьми добрыми“. Судя по всему этому, покойный воевода захватилъ эти земли у мелкопомѣстнаго сосѣда, постоянно притѣснялъ его и довелъ его до того, что онъ счелъ за лучшее, чтобы избавиться отъ этихъ притѣсненій и воротить свои земли, поддаться на службу всемогущему пану. По смерти его Славскій, опираясь на то, что онъ не имѣлъ въ сущности права записываться съ имѣньемъ на службу къ пану, и подалъ вышеприведенную жалобу королю. Послѣдній, отложивъ рѣшеніе о земляхъ, приданныхъ покойнымъ воеводою Славскому, до судебного разбирательства на мѣстѣ, велѣлъ воеводичамъ вернуть Славскому его привилей на имѣнье ¹²⁶¹). Значить, въ тѣхъ случаяхъ, когда бояре и слуги записывались съ имѣнья-

¹²⁶⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 315, 316.

¹²⁶¹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 65—63.

ми на службу къ князьямъ или панамъ, и господарь не нарушалъ ихъ записей,—имѣнья ихъ были свободною маетностью, которую они не держали подъ господаремъ. Эти имѣнья могли приобрѣтаться не только по дарственной записи, но и покупкою отъ князей, пановъ и другихъ владѣльцевъ, державшихъ ихъ съ полнымъ правомъ и панствомъ. Такъ, въ 1541 году служебникъ вдовы пана Альбрехта Мартиновича Гаштольда Ѳедоръ Петеля, получивъ отъ нея три службы людей въ Койдановѣ, записался ей на службу со своими людьми купленными. „А такъ я тежъ,—читаемъ въ его записи,—што маю въ себе куплѣнныхъ людей, што отецъ мой небожчикъ купилъ въ Станислава а въ Мартина Шимковичовъ Сбиндеровичовъ людей и землю ихъ за пятьдесятъ копъ грошей, а въ Яна Андреевича Скиндиревича жъ также людей и землю ихъ за тридцать копъ грошей—именя ихъ Суетицкого, которыхъ людей осмъ служебъ,—а такъ и съ теми людьми моими купленными маю ей милости, папеей моею милостивою, я самъ и потомъѣи мои службу военную конно а збройно служити, такъ, якъ и иныши бояре ея милости шляхта,—ей милости и потомкомъ ея милости на вѣчность“¹²⁶²). Изъ приведенной записи видно, что побужденіемъ бояръ и земянъ записываться съ своими имѣньями на службу господарю, князьямъ и панамъ было желаніе увеличить свои имѣнья придачею со стороны тѣхъ, къ кому они записывались на службу. Кромѣ того, къ этому могли склонять и притѣсненія, чинившіяся имъ могущественными сосѣдами, какъ было, напр., въ вышеприведенномъ случаѣ съ земяниномъ Славскимъ. Корни разсматриваемаго явленія на Руси Литовской, слѣдовательно, были тѣ же, что и корни коммѣдаціи въ западно-европейскихъ государствахъ въ эпоху возникновенія феодальныхъ отношеній.

Точно такъ же и система частнаго подданства была на Руси Литовской сложная, какъ и въ западно-европейскихъ государствахъ. Бояре частныхъ владѣльцевъ могли получать отъ своихъ пановъ также крупныя имѣнья, съ которыхъ они должны были не лично только, но съ известнымъ числомъ вооруженныхъ слугъ выѣзжать на войну. Такъ, панъ Войтехъ Монивидовичъ, подстолій великаго княжества и намѣстникъ Новгородскій (въ 1471—1475 гг.), далъ слугъ своему Пашку Кошеевичу землю, „брата его дѣльницу Мишкову, и съ сѣножатъми, со всимъ, што братъ его Мишко держаль“, и сверхъ того человека Грица Нефедцевича съ братьею и ихъ землею: „а Пашко маетъ со всего того,—писаль

¹²⁶²) Литов. Метр. кн. Корон. Перенис. XXIV, док. 41.

онъ въ своей жалованной грамотѣ, — служить ми (двѣ) ма служба-ми“ ¹²⁶³). Панъ Григорій Григорьевичъ Остиковича далъ вѣкоему Миколаю Войтеховичу имѣнье въ Мусникахъ „и мѣлъ ему тое имѣнье въ цѣлости заховати, на што жъ и прывидей свой подъ завѣскытymi печатями на парегаменѣ далъ, а службу съ него пану своему на трехъ конѣхъ служить конно и збруйно мѣлъ“ ¹²⁶⁴). Про бояръ господарскихъ и говорить нечего: они сплошь и рядомъ владѣли такими имѣньями, съ которыхъ должны были выѣзжать на войну самъ-другъ, самъ-третей и т. д., какъ это видно изъ „пописа“ ихъ, произведеннаго въ 1528 году. Списокъ господарскихъ бояръ Смоленской земли конца XV вѣка показываетъ, что въ такихъ случаяхъ бояре выѣзжали на войну съ взрослыми сыновьями, племянниками и другими родственниками; по аналогіи можно предполагать то же самое и относительно княжескихъ и панскихъ бояръ. Но могли быть случаи, когда господарскіе и частновладѣльческіе бояре въ этихъ случаяхъ отправляли военную службу съ своими боярами. Относительно господарскихъ бояръ существуютъ прямыя и опредѣленныя указанія въ источникахъ изучаемаго времени. Господарскій бояринъ Малхеръ Яновичъ Войтковича записалъ женѣ своей Ганнѣ по своему животѣ третью часть имѣній отчинныхъ „зъ бояры, съ слугами путными, зъ людьми тяглыми и челядью невольною, и зъ землями пашными и бортными, и сѣножатми, зъ гаи и лѣсы“ и т. д.; король Сигизмундъ въ 1524 году подтвердилъ Ганнѣ и ея второму мужу, дворянину Миколаю Андреевичу, записанныя имѣнья на вѣчность ¹²⁶⁵). Бояре господарскіе могли получать въ подданство бояръ вмѣстѣ съ имѣньями, которыя имъ доставались какимъ нибудь путемъ. Такъ, бояринъ господарскій Мита Ивановичъ помѣнялся съ паномъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ имѣньями: ему далъ имѣнье Сырчинъ, выслуженное у королевы Елены, а отъ него получилъ Пузыришки „со всеми бояры того имѣнья и слугами путными и зъ людьми данными и тяглыми и зъ ихъ землями“ ¹²⁶⁶). Эти боярскіе бояре состояли въ такомъ же отношеніи подданства къ своимъ „господарямъ“, или „панамъ“, въ какомъ эти послѣдніе находились въ отношеніи къ господарю великому князю или къ князьямъ и панамъ. Въ 1542 году воеводѣ Виленскому жаловалась боярыня Виленскаго повѣта Дороменова Милохна на боярыня

¹²⁶³) Литов. Метр. кн. Борон. Перепис. XXIV, док. 29.

¹²⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 126, 127.

¹²⁶⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XII л. 187, 188.

¹²⁶⁶) Ibidem, л. 84.

того же повѣта Ивана Савича: „*бояринъ его*, на имя Мисюта, перехо-вывалъ баробка моего, который въ мене втекъ, черезъ заказъ, а онъ ми справедливости вчинити не хотѣлъ“. Воевода постановилъ „о паробка маеть въ него на того боярына права просити; а естли бы права не даль, повинень будетъ его передъ нами поставити“ ¹²⁶⁷). Итакъ, бояре могли даже судить своихъ бояръ, какъ и другихъ подданныхъ.

Кромѣ князей, пановъ и крупныхъ землевладѣльцевъ изъ бояръ-пшляхты, бояре были и у духовныхъ лицъ и учреждений, напр., у владыки Смоленскаго ¹²⁶⁸), у Кіево-Печерскаго монастыря ¹²⁶⁹) и т. д.

Въ составѣ землевладѣльческихъ „почтовъ“, кромѣ бояръ, выходили на войну такъ же, какъ и изъ господарскихъ волостей, слуги разныхъ наименованій, а за недостаткомъ ихъ крестьяне другихъ наименованій. О существованіи слугъ въ имѣньяхъ князей, пановъ и другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ приведено не мало свидѣтельствъ на предшествующихъ страницахъ настоящихъ очерковъ. Эти свидѣтельства, можно сказать, попадаютъ на каждомъ шагу при чтеніи актовъ изучаемаго времени, и потому нѣтъ никакой надобности останавливаться на нихъ въ настоящемъ мѣстѣ. Приведемъ только нѣсколько фактовъ, касающихся слугъ бояръ и вообще мелкихъ землевладѣльцевъ. Такіе слуги часто жаловались имъ господаремъ, при чемъ владѣльцы не имѣли права требовать съ нихъ другой службы, кромѣ той, которую они служили и господарю. Въ 1506 году король Александръ пожаловалъ дворянину Стефану людей путныхъ въ Полоцкомъ повѣтѣ Шоловиничей съ такимъ условіемъ: „а мають тые люди ему служити не мнѣй, нишли тою службою, какъ и намъ самому господарю служили; а всхотятъ ли отъ него прочъ поити для нѣкоторое его палогі, и они мають со всеми своими статки поити отъ него прочъ доброволно гдѣ хотя, нишли Стефанъ и его жона и ихъ дѣти мають землю ихъ держати вѣчно со всимъ, какъ тая земля ихъ здавна въ своихъ границахъ маеть са“ ¹²⁷⁰). Король Сигизмундъ въ 1511 году пожаловалъ боярамъ невелискимъ Полоцкой земли Михаилу и Ивану людей путныхъ въ Кубличахъ „на имя: Ивана Матеева, Охрема, Ермола, Давида, Рыся, Фодота, Макара, Ивана Ермоловича, Оеопаса, Нефедья, Матшаба“, и написалъ въ своемъ привилеѣ: „нехай они служатъ имъ

¹²⁶⁷) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 42.

¹²⁶⁸) Акты Зап. Рос. I, № 148.

¹²⁶⁹) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I, т. VI, № VII.

¹²⁷⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 313, 314.

потому, какъ на насъ служили были“ ¹²⁷¹⁾ и т. д. Наконецъ, известная запись о Смоленской посадици прямо говоритъ о томъ, что бояре въ своихъ имѣніяхъ осаживали перѣдко на земляхъ слугъ ¹²⁷²⁾.

Откуда набирались бояре и слуги частновладѣльческіе? По всѣмъ даннымъ, классъ этотъ того же происхожденія, что классъ бояръ и слугъ государскихъ. Литовская Русь получила по наслѣдству отъ древней Руси классъ бояръ и слугъ, военнотружениковъ землевладѣльцевъ, лично свободныхъ, которые при нежеланіи нести службу своему государю могли покидать его и переходить къ другому. Этотъ классъ литовско-русскіе князья пополняли элементами изъ простонародья и пришлыми. Пока существовала на Руси Литовской удѣльная система, бояре и слуги переходили отъ одного князя къ другому. Удѣльныхъ князей смѣнили крупные землевладѣльцы, князья и паны, получившіе свои имѣнья частью отъ государя съ княжескими правами и властью надъ обществомъ, жившимъ въ ихъ имѣніяхъ, обязанные предъ государемъ правительственнымъ сотрудничествомъ („радою“), военною службою и нѣкоторыми другими повинностями, связанными съ обязанностью защищать страну отъ непріятелей. На это же положеніе перешли и удѣльные князья, удѣльціе при утвержденіи единодержавія, и перешли, надо сказать, легко, такъ какъ и удѣльный строй Литовской Руси не много разнился отъ того, который его замѣнилъ. Самъ государь съ своими имѣніями запялъ среди этихъ землевладѣльцевъ, положеніе самаго крупнаго и вліятельнаго собственника, пожалованью котораго обязаны были своимъ происхожденіемъ многія имѣнья этихъ землевладѣльцевъ. Теперь понятно, какимъ образомъ могли появиться частновладѣльческіе бояре и слуги. Многіе изъ нихъ достались по наслѣдству, — именно бояре и слуги князей; многіе перешли въ частное подданство влѣдствіе пожалованія государскаго; князья, паны и другіе крупные землевладѣльцы могли пополнить ихъ контингентъ переводомъ въ бояре и слуги крестьянъ различныхъ службъ. И, наконецъ, бояре и слуги, въ теченіе всего изучаемаго времени не терявшіе личной свободы, доставшейся имъ по наслѣдству отъ древней Руси, могли поступать на службу къ частнымъ владѣльцамъ, уходя отъ государя. Между государемъ съ одной стороны, князьями, панами и другими крупными землевладѣльцами — съ другой, въ настоящемъ случаѣ дѣйствовалъ тотъ же уговоръ, хотя и не писанный, ка-

¹²⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 168.

¹²⁷²⁾ Акты Запад. Рос. I, № 69.

вой заключали между собой князья сѣверо-восточной Руси въ XIV и XV в.: „а бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля“. Въ актахъ изучаемаго времени сохранились указанія на переходъ государскихъ бояръ на службу къ частнымъ владѣльцамъ. Такъ, напр., при Казимирѣ пѣвкй Андрей Пыруленовъ, получивъ „мѣсто у Смоленску у Валѣхъ“, нѣкоторое время служилъ господарю, а потомъ перешелъ на службу къ владыѣ Смоленскому Михаилу ¹²⁷³). Извѣстный уже списокъ государскихъ бояръ и слугъ Смоленской земли, перечисляя всѣхъ членовъ ихъ семей, сплошь и рядомъ ставитъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ отмѣтку: „по службамъ“. Разросшіяся семьи и роды бояръ и слугъ обыкновенно отпускали лишнихъ членовъ на сторону, такъ какъ всѣмъ на отчипѣ часто не съ чего было и не было надобности служить. Упешіе поступали на службу къ частнымъ владѣльцамъ и служили имъ либо „съ сувна“, либо съ имѣній, которыя получали отъ нихъ во временное, пожизненное или потомственное владѣніе. Часто они даже и не бросали своихъ имѣній подъ господаремъ, являясь подданными и военнообязанными слугами двухъ владѣльцевъ. Съ другой стороны, частновладѣльческіе бояре и слуги пріобрѣтали нерѣдко имѣнья подъ господаремъ. Въ записяхъ земельныхъ раздачъ короля Казимира читаемъ: „У Смоленску сельцо Антипино Устейского—слугѣ пана Контолтову Миколаю, што держалъ Еско, и того дей Есва въ животѣ не стало, а съ того дей селца намъ службы нѣтъ; ино, будетъ ли такъ, какъ онъ намъ повѣдалъ, —и мы ему дали, а ему намъ особная служба служить“ ¹²⁷⁴). Король Александръ далъ, а Сигизмундъ подтвердилъ своимъ листомъ въ 1507 году боярину пана Александра Ивановича Ходковича „два чоловѣки Волковыйского повѣта, на имя Шовяла а Мивулу, и зъ ихъ землею отчинною Козловщиною вѣчно ему, его жонѣ и ихъ дѣтемъ“ ¹²⁷⁵). Въ 1514 году король подтвердилъ служебнику воеводы Виленскаго пана Миколая Николаевича Андрею Прокоповичу двѣ земли пустовскихъ, Нарейковщину и Мицовщину, которыя ему далъ намѣстникъ Румшишскій панъ Аврамъ Езофовичъ до господарской воли: „а онъ маєт,—писалъ король,—намъ съ того службу земскую заступовати“ ¹²⁷⁶). Такъ создавались довольно запутанныя отношенія по службѣ, которыя Статутъ 1529 года разрѣшалъ такимъ образомъ: всѣ должны становиться „парсонами своими толко под

¹²⁷³) Литов. Метр. кн. Запис. IV л. 129.

¹²⁷⁴) Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 34.

¹²⁷⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 144.

¹²⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 233.

хоругвою своею повѣтовою, в которомъ повете сѹт осели“. „А естли бы который с нихъ службу мел в некоторого пана рад нашихъ або вранниковъ або тежъ в кого иного, тотъ будетъ повиненъ местце свое подле пана своего, которому прислушает, ким инымъ войны не повиннымъ осадити, а местца своего хоругвоного яко повиннейшого жадною мерою опустити и ошепкати не смелъ подѣ страченемъ имения своего“. „И тежъ которые слуги князевие и панские маючи под князми и паны имения, а другіе имения подѣ Господаремъ покупали, тогда в часъ потреби оставившы пана своего маютъ ся подле хоругове становити для тыхъ именией своихъ, которы подѣ Королемъ покупали. А естли бы хто таковой подѣ хоруговью подѣ которою имене купилъ стати не хотелъ, тогда тотъ именье на Господара тратитъ“¹²⁷⁷⁾.

Что бы покончить съ вопросомъ о военной службѣ, укажемъ въ заключеніе на то, что всѣ военнослужилые землевладѣльцы должны были на свой счетъ отправлять военную службу, „своими наклады“. Объ этомъ уже говорить привилей, выданный Ягелломъ литовско-русскому боярству въ 1387 году. *Ad expeditionem autem, dum incubuerit,—читаемъ здѣсь,—juxta vetustam consuetudinem transitum teneantur facere damnis propriis et expensis.* Господарь давалъ только иногда „вспоможенье“ деньгами или натурою (панцырями, сукнами, конями, провіантомъ), какъ это видно изъ прихода-расходныхъ записей¹²⁷⁸⁾. Но эти раздачи не были введены въ систему, и постояннымъ жалованьемъ пользовались только дворяне, которые не имѣли подѣ собою имѣній; вообще же чаще всего получали жалованье лица, близко стоявшія въ двору. Литовско-русское правительство мало заботилось объ облегченіи тягостей военной службы для среднихъ и мелкихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, и это обстоятельство въ ряду другихъ подготовляло почву, на которой выросли и крѣпили симпатіи этого класса къ политическому строю Польши, его стремленья къ участію въ управленіи государствомъ,—стремленья, ясно обнаружившіяся съ первыхъ же лѣтъ правленья Сигизмунда-Августа.

XLVI.

Намѣстники-державцы были не только управителями господарскихъ имѣній, сборщиками податей и налоговъ, комендантами крѣпостей и начальниками мѣстныхъ военныхъ силъ, но и главными судьями надъ господарскими подданными, которые имѣли земли въ ихъ повѣ-

¹²⁷⁷⁾ 2 арт. II раздѣла.

¹²⁷⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 1—85; VIII, л. 413—466.

тахъ. Судъ былъ одною изъ главныхъ связей, которыя соединяли людей, жившихъ въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, и дѣлали изъ этихъ повѣтовъ областныя подраздѣленія, мелкія областныя единицы. Кто же подлежалъ юрисдикціи намѣстниковъ-державцевъ?

Въ 1516 году король Сигизмундъ, отдавъ въ заставу пану Богушу Боговитиновичу дворъ Довеги съ волостью, данный ему прежде въ держанье, написалъ въ заставномъ листѣ: „А што ся дотычетъ бояръ повѣта Довеговскаго, онъ маеть ихъ судити *по давному*“; что касается людей, т. е. крестьянъ Довеговскаго повѣта, то они всецѣло были поставлены подъ юрисдикцію пана Богуша, и воеводѣ Троцкому запрещено было всылать дѣвцехъ въ волость и судить волостныхъ людей¹²⁷⁹). Подобное же указаніе мы встрѣчаемъ и въ другихъ заставныхъ листахъ короля Сигизмунда, напр., въ листѣ, выданномъ въ томъ же году пану Якубу Кунцевичу на дворы Волкиничи и Лепунь, данные ему прежде также въ держанье. „А бояръ нашихъ повѣту Лепуньскаго и Волкиницкаго маеть онъ судити, какъ и *передъ тымъ*“, читаемъ въ этомъ листѣ¹²⁸⁰). По заставному листу, выданному въ 1518 году тому же Якубу Кунцевичу на дворъ Васишичи съ волостью, король предоставлялъ ему: „А бояръ и осочниковъ Васишичскихъ маеть онъ судити и рядити по тому, какъ и первые враничи наши“¹²⁸¹). Такое же право предоставлялъ онъ ему и по заставному листу на дворъ Стоклишичи, выданному въ 1521 году: „А бояръ и осочниковъ Стоклишскихъ маеть онъ судити и рядити по тому, какъ и первые намѣстники суживали и ряживали“¹²⁸²).—Итакъ, намѣстники-державцы судили не только мѣстныхъ господарскихъ крестьянъ, но и бояръ-шляхту. Заставной листъ, выданный въ 1519 году князю Василью Семеновичу Жилинскому, присоединяетъ сюда и мѣщанъ. Ему былъ заставленъ „замокъ Крычовъ зъ мѣстомъ и зъ мѣщчаны мѣста Крычовскаго, и зъ мѣщчаны посельскими, и тежъ со всеми людьми волости Крычовское, и зъ ихъ службами, и зъ мытомъ, и съ ворчмами, и съ *присудомъ* и зъ винами, и со всеми иными доходы, которыи здавна на намѣстниковъ Крычовскихъ хоживали“¹²⁸³). Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, въ мѣстахъ съ магдебургскимъ устройствомъ мѣщчане имѣли свой особый судъ, а намѣстники-державцы судили ихъ въ рѣд-

¹²⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

¹²⁸⁰) Ibidem, л. 157—158.

¹²⁸¹) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.

¹²⁸²) Ibidem, л. 41—42.

¹²⁸³) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 44.

нихъ и исключительныхъ случаяхъ. „А которые князи и панове, и земляне, и духовные, — читаемъ въ заставномъ листѣ короля Сигизмунда на замокъ Каменецъ, — имѣнья свои мають въ Каменецкомъ повѣтѣ, тыхъ онъ маеть судити и радити подлугъ того, какъ первшии державцы Каменецкіи“¹²⁸⁴⁾. Итакъ, намѣстники-державцы, судили князей, пановъ и духовныхъ, владѣвшихъ имѣньями въ ихъ повѣтахъ.

Въ актахъ изучаемаго времени можно найти не мало и частныхъ указаній относительно присуда намѣстниковъ - державцевъ, которыя подтверждаютъ только что приведенныя. Такъ, панъ Оедво Хребтовичъ въ бытность свою намѣстникомъ въ Бѣлицѣ судилъ панью Николаеву Шеметовича съ княземъ Иваномъ Львовичемъ Глинскимъ „о землю Марковщину и о Петрашовщину, которіи земли держать люди ее, и тежъ о сѣножати, и о половину лѣса и пропаши, и о поле конюха Бѣлицкого Павла Нарейковича“. Онъ „тамъ на тии земли выѣзидилъ и того смотрѣль и водлѣ свѣдоцтва стороннихъ свѣтковъ панее Николаевое людемъ тии земли и сѣножати и половину лѣса и пропашей и поле того конюха присудилъ“. Король Александръ, которому князь Глинскій жаловался на вдову Миколая Шеметовича, оправилъ ее и предоставилъ князю „тамъ судьи вести“ и того всего на пану Оедву правомъ искати“¹²⁸⁵⁾. Панъ Мартинъ Хребтовичъ въ бытность намѣстникомъ Жолудскимъ судилъ Мацеа Андрушовича, которому великій князь Александръ пожаловалъ землю Трещевщину, съ братаничами Треща—Терехомъ, Жиловою и Хомою и присудилъ землю Мадву¹²⁸⁶⁾. Державца Переломскій и Радунскій п. Янушъ Костевичъ судилъ бортина Переломской волости Янушка Мелковича и его братью Петра и Петрашка съ конюхами Радунской волости Матеемъ Роматовичемъ и его братьею Михайломъ и Петкомъ Якубовичами и Стецкомъ Довгяловичемъ „о землю дядковщину ихъ, на имя Мейровщину, и того Янушка и зъ его братьею въ томъ панъ Янушъ правыхъ знацолъ и тую землю Мейровщину имъ присудилъ, и листъ свой судовый на то имъ далъ“. Король Сигизмундъ 19 ноября 1518 года подтвердилъ этотъ судъ пана Костевича своимъ листомъ¹²⁸⁷⁾ и т. д.

Въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ не было намѣстниковъ - державцевъ, и мѣсто ихъ заступали тивуны, судъ находился въ рукахъ этихъ послѣднихъ. Въ числѣ пожалованій короля Казимира встрѣчаются и ассигновки на полученіе денегъ съ винъ, т. е. судебныхъ пеней, у

¹²⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

¹²⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 9.

¹²⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 297, 298.

¹²⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 19.

того или другого тивуна. Такъ, дана была Михаилу Бѣлоусовичу „полтина грошей зъ вины въ тивуна Немононтского и Олитского у Олехна Нетевича; Оедьку — три рубли у тивуна Виленского зъ винъ“¹²⁸⁸) и т. д. Судебные пени находились въ рукахъ тивуновъ именно потому, что они творили судъ¹²⁸⁹). Такъ, тивунъ Кревсвій Станько Дукурнѣ судилъ князя Андрея Лукомскаго съ бояриномъ Миволяемъ Будковичемъ и его дядьями о землю пашную и бортную на Жеренѣ и о „квалты“, которые онъ имъ подѣлалъ, и присудилъ на немъ за эти квалты въ пользу Будковича и его дядей 40 копей грошей¹²⁹⁰). Тивуны въ Жмудской землѣ, какъ видно изъ уставы, данной имъ въ 1529 году, „всякие sprawy и суды“ отправляли¹²⁹¹) и т. д. Ко времени изданія Статута 1529 г., какъ уже сказано было выше, тивуны большею частью переименованы были въ державцевъ, но эти державцы не имѣли права привлекать къ суду „шляхту и бояръ“, которые могли передъ ними становиться только добровольно: ихъ имѣли право судить воеводы, маршалки дворные и старосты. Такъ какъ это ограниченіе касалось только „новыхъ державцевъ“, то отсюда само собою слѣдуетъ, что старые державцы, давно носившіе это имя и переименованные изъ намѣстниковъ, имѣли право привлекать къ своему суду и шляхту-бояръ, и что тивуны такого права не имѣли.

XLVII.

Однако, старинное начало подсудности въ судоустройствѣ Литовско-Русскаго государства изучаемаго времени подверглось уже значительнымъ ограниченіямъ и сильно видоизмѣнилось. Прежде всего подвергся ограниченіямъ принципъ територіальности. Отдѣльныя лица часто получали изыятія отъ суда намѣстниковъ - державцевъ и право судиться только господаремъ. Такъ, великій князь Александръ, пожаловавъ князю Тимошею Капустѣ сельца въ Брянскомъ повѣтѣ Лопонь, Брачово и Ревны, освободилъ его отъ суда намѣстниковъ Брянскихъ: „его самого и его людей не мають судити; кому будетъ до него або до людей его которое дѣло, ино мы господарь маемъ сами судити або нашимъ вранникомъ прыкажемъ, а и дѣцкимъ намѣстникомъ Брянскимъ на его людей не потреба давати“¹²⁹²). Чаще всего освобожда-

¹²⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 17, 58.

¹²⁸⁹) Судебникъ Базимира 1467 года въ Актахъ Зап. Рос. I, № 67.

¹²⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 94.

¹²⁹¹) Акты Зап. Рос. II, № 160.

¹²⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 93—94. Срав. 8 арт. VI раздѣла Статута

лись отъ суда намѣстниковъ-державцевъ откупщики мытъ, ворчомъ и другихъ господарскихъ доходныхъ статей съ тою цѣлью, чтобы поставить ихъ въ независимое положеніе по отношенію къ мѣстнымъ правителямъ и избавить отъ притѣсненій какъ самихъ откупщиковъ со стороны мѣстныхъ урядниковъ, такъ и жителей со стороны мѣстныхъ откупщиковъ. Великій князь Александръ, напр., отдавъ въ 1495 году на откупъ мыто въ Минскѣ мѣстнымъ мѣщанамъ, писалъ намѣстнику своему: „и што бы еси ихъ не судилъ, а ни радилъ, и дѣцехъ бы еси своихъ на нихъ не давалъ, а и намѣстникъ бы твой тежъ на нихъ дѣцехъ своихъ не давалъ: кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межѣ ними смотрѣти въ тотъ часъ, пока выдержать мыто наше“¹²⁹³). Въ 1501 году тотъ же великій князь по случаю отдачи въ аренду мыта и корчмы Мозырской нѣкоторымъ мѣщанамъ писалъ намѣстнику Мозырскому и старцу, и мѣщанамъ мѣста Мозырскаго, и всѣмъ мужамъ волости Мозырской: „а ихъ бы есте не судили, а ни радили и во всемъ имъ дали впокой: кому будетъ до нихъ которое дѣло, ино мы сами господарь о томъ ихъ маемъ смотрѣти“¹²⁹⁴). Въ 1511 году король Сигизмундъ, отдавъ корчму медовую, пивную и винную въ Оршѣ поляку Язубу Боболецкому на шесть лѣтъ въ уплату 346 копъ грошей, которыя задолжалъ ему еще покойный король Александръ, писалъ своему намѣстнику Рохскому князю Федору Ивановичу Жеславскому: „Тежъ бы еси его и тыхъ людей его, которымъ онъ тую корчму отъ себе полецилъ завѣдати, ни судилъ, ни радилъ и дѣцехъ своихъ не давалъ: кому до него дѣло будетъ, тотъ нехай намъ на него жалуетъ; ино мы сами господарь въ въ томъ ему съ ними справедливость вчинимъ“¹²⁹⁵) и т. д.

Но, кромѣ случайныхъ изъятій изъ намѣстничьяго присуда, были постоянныя изъятія нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ, для которыхъ въ мѣстности появился свой собственный судъ. Начало подсудности такимъ образомъ, оставаясь по прежнему территоріальнымъ, одновременно съ тѣмъ приобрѣло сословный характеръ. Юрисдикція намѣстниковъ-державцевъ ограничилась прежде всего правомъ суда, которое получили землевладѣльцы надъ людьми, жившими въ ихъ имѣньяхъ. Это право ранѣе другихъ, даже ранѣе литовскаго владѣчества, приобрѣла православная церковь. Литовскіе же князья какъ

¹²⁹³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 166.

¹²⁹⁴) Ibidem, л. 179.

¹²⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 12.

въ своихъ общихъ грамотахъ, которыми они подтверждали права православнаго духовенства ¹²⁹⁶), такъ и въ частныхъ жалованныхъ грамотахъ постоянно признавали за духовенствомъ право суда надъ церковными людьми. Такъ, напр., князь Юрій Лингвеневичь Мстиславскій, пожаловавъ въ 1443 году Онуфріевскому монастырю село Головчино и Колесниковское, написалъ въ жалованной грамотѣ: „и тыхъ людей монастырскихъ нашимъ намѣстникомъ и тивуномъ и всимъ нашимъ заказникомъ не судить, а ни рядить“ ¹²⁹⁷). Князь Михаилъ Ивановичъ Мстиславскій, предостаивъ въ 1500 году Пустынскому монастырю Пречистой Богоматери садить людей на новѣ на церковной землѣ, счелъ нужнымъ прибавить въ своемъ листѣ: „А кого коли они за себе людей призовутъ и на ново за собою посадятъ, ино нашимъ намѣстникомъ и тивуномъ и инымъ нашимъ урядникомъ не надобѣ у тыхъ ихъ людей вступать, судити, ни рядити и некоторыхъ пошлнѣ намъ на тыхъ людехъ не брати, ни службы имъ нашей некоторой не знати“ ¹²⁹⁸). Супруга князя Михаила, княгиня Ульяна, пожаловавъ въ 1537 году храму св. Троицы въ Мстиславлѣ человекъ тятлаго съ его землею и угодыми, написала въ жалованной грамотѣ: „маеть тотъ человекъ верхуписанный тымъ священникомъ служить и податки вси давати, какъ намъ служывалъ и подачки даывалъ. А намъ самымъ и потомкамъ нашимъ, и нашимъ намѣстникомъ, ни нашимъ врадникомъ ни во што того человекъ не вступатися, ни судити, а ни радити и детскихъ не посылати“ ¹²⁹⁹). Въ 1522 году король Сигизмундъ по просьбѣ священника церкви св. Іоанна Богослова въ Витебскѣ пожаловалъ ему землю подлѣ церкви, „гдѣ жъ бы собѣ мѣлъ священникъ сколко человекъ посадить для церкви Божей, ижъ тая церковь Божая на поли стоитъ за мѣстомъ, а велми зъубожена отъ неприятелей“. При этомъ въ жалованной грамотѣ король оговорилъ: „А кому будетъ дѣло до тыхъ людей церковныхъ, ино священники мають сами тии свои люди и рядити и ими справовати водлугъ данины наше господарское“ ¹³⁰⁰). Вообще юрисдикція православнаго духовенства надъ людьми, жившими въ его имѣньяхъ, въ изучаемое время была уже общераспространеннымъ фактомъ ¹³⁰¹). По привилею

¹²⁹⁶) Акты Зап. Рос. II, № 65.

¹²⁹⁷) Акты Зап. Рос. I, № 43.

¹²⁹⁸) Археографич. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. II, № 3.

¹²⁹⁹) Ibidem, № 14.

¹³⁰⁰) Археографич. Сборн., изд. въ Вильнѣ, т. I, № 11.

¹³⁰¹) Акты Зап. Рос. I, № 118, 144, 145, 174, 209; II, № 30; Литов. Метр. ии. Запис. IX, л. 112 и др.

Ягелла отъ 22 февраля 1387 года освобождены были отъ суда и винъ урядниковъ великокняжескихъ всѣ люди, жившіе въ имѣньяхъ католическаго духовенства¹³⁰²⁾. Что касается частныхъ владѣльцевъ, то до сближенія съ Польшею, если и давалась кому нибудь право суда, то только въ отдѣльности, по особымъ грамотамъ, какъ это было на Руси сѣверо-восточной¹³⁰³⁾. Послѣ сближенія съ Польшею, открывшаго широкой путь вліянію нѣмецко-польскаго права, право вотчиннаго суда мало по малу распространилось на всѣхъ землевладѣльцевъ свободныхъ состояній. Такъ, по Городельскому привилею 1413 года право вотчиннаго суда дано было панамъ и благороднымъ боярамъ, принявшимъ католицизмъ, такъ какъ права ихъ всецѣло было сравнены съ правами польской шляхты, которая въ то время пользовалась уже правомъ вотчинной юрисдикціи. Привилею 1457 года распространилъ это право на всѣхъ вообще князей, пановъ, бояръ - шляхту и мѣщанъ.

По поводу привилея 1457 года г. Новицкій утверждаетъ, „что изъятіе отъ подсудности княжескимъ судамъ и отъ требованія къ суду чрезъ дѣтскихъ здѣсь еще не безусловно, а грамотою только опредѣляется, что ему должно предшествовать требованіе отъ владѣльца удовлетворенія путемъ представленія виновнаго въ судъ“. „Такимъ образомъ, — заключаетъ г. Новицкій, — привилегію землевладѣльца составляло пока только перенесеніе на его лицо правительственной судебной функціи дѣцкаго, представлявшее финансовую выгоду, каковою была также и передача владѣльцу права на полученіе гражданскаго взыскація; во самая юрисдикція, опредѣленіе вины, оставлена пока за судомъ“. По мнѣнію г. Новицкаго, о вотчинномъ судѣ въ собственномъ смыслѣ говорятъ только Судебникъ 1468 года¹³⁰⁴⁾. Но если такъ, то какъ же можно говорить о томъ, что уже Городельскій привилей 1413 года далъ право вотчиннаго суда всѣмъ землевладѣльцамъ-католикамъ? А между тѣмъ г. Новицкій утверждаетъ и этотъ фактъ¹³⁰⁵⁾. Или, быть можетъ, привилей 1457 года относился только къ православнымъ землевладѣльцамъ? Этого, конечно; г. Новицкій утверждать не будетъ. Въ своемъ толкованіи онъ ссылается на русскій текстъ грамоты 1457 года и на уставную грамоту, выданную въ 1507 г. Кіевской землѣ. Русскій текстъ грамоты 1457 года содержитъ обща-

¹³⁰²⁾ Scarbiec dyplomatów I, № 540.

¹³⁰³⁾ В. И. Сергѣевича Русскія юридическія древности, стр. 328—333.

¹³⁰⁴⁾ Очеркъ исторіи крестьянскаго оседловія юго-запад. Россіи, стр. 19.

¹³⁰⁵⁾ Ibidem, стр. 18.

ніе великаго князя не давати дѣцяхъ на подданныхъ „князятъ, рытеревъ, шляхтичовъ, бояръ, мѣстичовъ“: „оли жъ бы первѣй отъ пана, которому жъ тотъ подданъ, который кривду вчинилъ, *правда пожадана была*; ачъ бы онъ на рокъ не хотѣлъ къ праву поставити, тогда нашъ дѣцей, а любо нашихъ заказниковъ имать быти посланъ; а виноватый, который вину заслужилъ, пану своему, а не иному, будетъ обязанъ заплатити“. То же самое приблизительно говорить и уставная грамота, выданная въ 1507 году жителямъ Кіевской земли: „А на церковные люди и на князскіе и на боярскіе дѣцехъ не давати, первѣй обослати листомъ, што бы къ праву сталъ, а любо челоуѣка поставилъ; а не станеть, а любо челоуѣка не поставитъ, до кого дѣло будетъ: ино тогда дѣцего дати, а вину государю осуженую заплатити, чый будетъ челоуѣкъ“¹³⁰⁶⁾. Но такъ ли нужно понимать эти мѣста грамотъ, какъ понимаетъ г. Новицкій? Обращаясь къ латинскому тексту грамоты 1457 года, мы находимъ категорическое утверждение вотчиннаго суда: *Item non debemus concedere ministeriales alias Dzieckie super subditos praedictorum ducum, baronum, nobiliumque, donec fuerit prius apud dominum cujus subditus injuriam fecerit justicia postulata. Et si ipsi (e), in certo termino justiciam non fecerit, tunc ministerialis noster aut officialium nostrorum mitti debet, ut reus qui mulctandus fuerit, hujusmodi mulctam domino suo et non alteri luere tenebitur*¹³⁰⁷⁾. Что касается Кіевской земли, то подтвердительная грамота, выданная въ 1529 году, заключая въ себѣ вышеприведенное постановленіе, на ряду съ этимъ говорить: „А людей ихъ (церковныхъ, княжескихъ, панскихъ и боярскихъ), которые въ мѣстѣ напомъ мѣшкають, не мають они (мѣщанскія власти) судити, а ни рядити: судити тыхъ людей *господаремъ ихъ*, хто кому служитъ“¹³⁰⁸⁾. Такимъ образомъ, вышеприведенныя мѣста общеземскаго привилея 1457 года и Кіевской уставной грамоты 1507 года нельзя понимать въ томъ смыслѣ, въ какомъ понялъ ихъ г. Новицкій, не сопоставивъ ихъ съ указаніями другихъ источниковъ.

Ключъ къ ихъ разумѣнію даетъ Судебникъ Казимира, на который ссылается г. Новицкій, отчасти грамота великаго князя Александра, адресованная въ 1495 году къ намѣстнику Черкасскому Кмитѣ Александровичу, и, наконецъ, Статутъ 1529 года. По Судебнику господарскіе люди и частновладѣльческіе должны были исвать на людяхъ

¹³⁰⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 61; II, № 30.

¹³⁰⁷⁾ Zbiór praw litewskich, str. 28—35.

¹³⁰⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 164.

княжескихъ, панскихъ и боярскихъ предъ ихъ господарями, которыхъ господарскіе намѣстники или тивуны должны были въ такихъ случаяхъ обсылать. Если владѣлецъ станетъ отводить и не дастъ суда, тогда можно было брать на него дѣцваго у господаря или у воеводы. Если же владѣлецъ своимъ судомъ не удовлетворялъ истца, тогда назначался „общій“ судъ. Такъ поступалось и въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжба шла между людьми разныхъ владѣльцевъ: „а не удѣлаеть ли права ино общій судъ, рокъ положивъ со обу сторонъ“. Но и помимо этого интересы истца обезпечивались до известной степени присутвіемъ на судѣ представителя его пана. Грамота, писанная великимъ княземъ Александромъ къ намѣстнику Черкасскому въ 1495 г., говоря о тяжбахъ между господарскими и частновладѣльческими поданными, даетъ слѣдующее предписаніе: когда княжескіе, панскіе или боярскіе люди искали на господарскихъ, судъ долженъ былъ чинить намѣстникъ *съ судьбою* владѣльца; *vice versa* отсюда можно заключать, что въ случаѣ иска господарскихъ людей къ частновладѣльческимъ, судилъ владѣлецъ съ представителемъ намѣстника. „Мы на то вамъ право нашо дали,— гласить эта грамота,— всей земли Кіевской, што вранникъ нашъ не маеть слугъ и людей князьскихъ, паньскихъ и боярьскихъ ни судити, ни рядити, а ни винъ и ни пересудовъ на нихъ брати; нижли коли *зъ нашимъ челоукомъ* пригодиться князьскому або паньскому чолоуѣку, а любо боярьскому право мѣтъ, ино тогда враннику нашому судити его чолоуѣка *зъ его судьбою*: а коли будетъ нашъ чолоуѣкъ виненъ, ино зъ него намъ вина; а коли князьскій або паньскій чолоуѣкъ, а любо боярьскій чолоуѣкъ будетъ виненъ, ино вина тому чій чолоуѣкъ“¹³⁰⁹). Статутъ 1529 года дѣлаеть къ этому еще слѣдующія дополненія, которыя окончателно разъясняютъ дѣло: „Теж естли бы была кривда которому подданому нашему землянину або чловеку от слуг албо от людей князьскихъ албо панскихъ, *кромѣ квалту або наезды домовое*, а о иншые вси жалобы ни мы ани воеводы наши по люди князьские або панские не маемъ дѣцвехъ давати, олижъ первой обослати того пана чие люди сут, приказуючы ему абы учинилъ справедливость *передъ виожомъ нашимъ або передъ врановымъ*. А естли оный разы два на обсылане справедливости вчинити не хотел; тогда въ чиемъ повете оного пана тотъ подданный сидитъ, то воземшы децкого от воеводы або от старосты, и тамже въ томъ повете передъ правомъ поставити маеть; а оный маеть тамъ права доводити передъ повѣтовымъ

¹³⁰⁹) Акты Зап. Рос. 1, № 130.

судью. Если ж оны подданный панскій останется вишен оному, кто на нем ищетъ; тогда иного ни чего не маєт платити толко тое, в чомъ останется вишен, а тому дещому, который по него ездить, ден-кованое. А што ся дотычетъ вины хотя бы онъ вину прометную або бы заданная вина на немъ была; тогда не маєт его никто тою виною карати толко его власный пань. А што ся дотычетъ земли; тогда не маєтъ позывати на слуги ани человека только самого пана¹²¹⁰⁾. Такимъ образомъ, и вышеприведенныя мѣста земскаго привилея 1457 года и Киевской уставной грамоты 1507 года надо монтировать, какъ процессуальныя подробности, касающіяся гдѣхъ только случаевъ, когда стороннимъ лицамъ приходилось бязесекныхъ, панскихъ и боярскихъ подданныхъ или ихъ владѣльцевъ вызывать на судъ господарскихъ урядниковъ. Это бывало тогда, когда владѣльцы отказывали въ судѣ. Кромѣ того, какъ видно изъ уставной грамоты, данной землѣ Волинской, прямо передъ мѣстнымъ господарскимъ урядомъ вчинались иски противъ частновладѣльческихъ подданныхъ по дѣламъ о разбоѣ съ подличнымъ (приличнымъ), егвалтѣ, шлхетской ранѣ, поджогѣ, „аби ся влодѣйство не множило“¹²¹¹⁾. На Подляшѣ, гдѣ дѣйствовало польское право, разбой или грабежъ на большой дорогѣ, нападеніе на домъ, изнасилованіе женщины и поджогъ были также старостинскими артикулами¹²¹²⁾. Статутъ 1529 года „егвалтѣ“ и „наваду“ домовую также ставитъ на разборъ мѣстныхъ урядниковъ, и при томъ въ видѣ правила, общаго для всего государства. — Извѣтія изъ вотчинной юрисдикціи уголовныхъ дѣлъ первостепенной общественной важности подставлялось самою жизнью и, конечно, не можетъ быть всецѣло отнесено на счетъ вліянія Польши. Извѣстно, что и въ Руси сѣверо-восточной судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ не отдавался въ руки вотчинниковъ. Польское право вліяло въ данномъ случаѣ на подробности, на опредѣленіе круга дѣлъ, изъятыхъ изъ вотчинной юрисдикціи, такъ какъ самая вотчинная юрисдикція въ своихъ положительныхъ чертахъ, въ качествѣ и количества, установилась подъ его вліяніемъ.

Итакъ, вотчинный судъ несомнѣнно существовалъ уже въ 1457 году. Изъ его подробностейъ нужно отмѣтить прежде всего, что господарскіе люди подавали жалобу обыкновенно своему начальству, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ и тивунамъ, которые обемкали

¹²¹⁰⁾ 10 арт. VI раздѣла.

¹²¹¹⁾ Акты Южн. и Зап. Рос. I, № 36; Акты Зап. Рос. II, № 54.

¹²¹²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189; II, № 64.

уже отъ себя владѣльца и посылали своего судью или вижа для присутствованья на судѣ владѣльца. Указанія памятниковъ общаго заводательства подтверждаются и частными свидѣтельствами актовъ. Въ 1531 году мѣщанинъ господарскій витебскій Микула Опоначовъ жаловался воеводѣ Витебскому Яну Юрьевичу Глѣбовича на одного изъ бояръ князя Дмитрія Романовича Сѣнскаго на Васка Ходанова сына „о томъ, што жъ въ него на добровольной дорожѣ, не доѣзжаячи села въ дву верстѣхъ, на Сувремнѣ, отналъ полтретяцать копѣ грошей широкое личбы и сорокъ кунницъ, а пятсотъ бѣлки доброе, а триста локоть сукна бѣлого, а тридцать шапокъ хвольдровыхъ, а пять литръ шолку“.—И князь Дмитрей,—гласить запись, внесенная въ воеводскую замковую книгу,—самъ положилъ ему рокъ въ пятницу предъ масленицою запустъ русскихъ, на который же рокъ маеть ему безъ кождое отволоки на того боярына своего право дати“¹³³). Итакъ, господарскіе подданные подавали жалобу мѣстному господарскому уряду, который отъ себя ужъ обращался къ владѣльцу съ требованіемъ дати ихъ суда и управы. До Статута эта обсылка совершалась одинъ разъ, и если владѣлецъ не давалъ суда, тогда можно было брать на него дѣцкаго отъ господара или пановъ-рады. Статутъ постановилъ, что господарскій урядникъ долженъ былъ обсылать владѣльца два раза, и вотъ примѣръ такой вторичной обсылки. Боярыня господарская Дороменовая Милохна жаловалась въ 1542 году воеводѣ Виленскому на боярына Виленскаго повѣта Ивана Савича: „бояринъ его на имя Мисюта переховывалъ баробца моего, который отъ мене втекъ, черезъ заказъ, онъ ми справедливости вчинити не хотѣлъ“. Воевода постановилъ: „а о паробца маеть въ него на того боярына права просити; а естли бы права не далъ, повиненъ будетъ его передъ нами поставити“¹³⁴). Изъ этого видно также, что владѣльцы судили и свободныхъ людей, находившихся у нихъ на службѣ, бояръ-шляхту, а не однихъ только брестьянъ и паробцовъ. Владѣльцы судили и своихъ урядниковъ, или намѣстниковъ, по жалобамъ на нихъ постороннихъ людей. Панъ Мартинъ Шеметь съ матерью заявлялъ въ томъ же году воеводѣ Виленскому въ тяжбѣ съ сыновьями пана Миколая Будила Юрьемъ и Станиславомъ: „Отецъ ихъ, небожчикъ панъ Миколай Будило, за листы и за вижомъ небожчика пана Олбрахта Мартиновича выдалъ мнѣ паробца моего Матейца Дѣдечка, а потомъ зъ имѣнья

¹³³) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 41.

¹³⁴) Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ XI, л. 48.

моего съ онымъ паробкомъ семеро челяди, пять паробковъ, а двѣ жонки, выведено; въ тотъ часъ стало ми ся шведы о полтретъядцать копъ грошей. Я того паробка засталъ на имѣньи отца ихъ Свирскому и намѣстнику отца ихъ Свирскому, на имя Боарину, приручилъ въ жоню и въ дѣтми самого шестого. Сынъ буди въ отвѣтъ на это заявили: „тотъ намѣстникъ намъ служить; если ему кривда дѣтается отъ него, мы въ нимъ на имѣньи вчинимъ справедливость“¹³¹¹⁾. Князскіе, панскіе и боярскіе подданные въ свою очередь, когда имъ приходилось вести тяжбу съ людьми господарскими, обращались къ своимъ панамъ, которые и искали для нихъ права у господарскихъ урядниковъ и сплошь и рядомъ отъ лица ихъ вели самый процессъ. Такъ, напр., бояринъ Виленскаго повѣта Миколай Богдевичъ предъ воеводою Виленскимъ Альбрехтомъ Мартиновичемъ Гаштольдомъ не жалъ на бояринѣ Янѣ Кулуку „за квалтъ и бой“ своихъ людей и за голову жонки 40 копъ грошей. Кулуку, „подлѣ суда пана воеводина“, „переседналъ“ своего противника восьмью вонами грошей¹³¹²⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда начиналась тяжба между подданными равныхъ владѣльцевъ, князей, пановъ и бояръ, судъ чинилъ также панъ или господарь отвѣтчика; если же онъ „отводилъ“ судъ, тогда можно было брать на него дѣцкаго у господаря или воеводъ (пановъ-радо), и онъ долженъ былъ, заплативъ дѣцкованье, или лично явиться въ судъ, или поставить своихъ людей. Этотъ судъ по Статуту долженъ былъ производиться на первомъ „сойме“, назначенномъ господаремъ или панами-радою для всей земли. Еслибы позванный не явился и на этотъ судъ, тогда онъ долженъ былъ стать предъ панами-радою „на тие роки, которые есмо паномъ радомъ вождото року положили збиратися до Вилни: будутъ вси дѣла тие судити и итъ до смт чинити нерозежчаючися“¹³¹³⁾. Гдѣ производился этотъ судъ до 1529 года, на это намъ не удалось найти прямыхъ указаній въ актахъ. Всего вѣроятнѣе, предъ мѣстными господарскими урядниками, въ прасудѣ которыхъ были князья, паны и бояре лично, или же предъ господаремъ и панами радою¹³¹⁴⁾.

Кромѣ подданныхъ князей, пановъ, бояръ и другихъ землевладѣльцевъ, намѣстники-державцы не судили господарскихъ мѣщанъ, состоявшихъ въ магдебургскомъ правѣ, и крестьянъ, сядившихся на во-

¹³¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Судн. дѣлъ, л. 59, 60.

¹³¹²⁾ Ibidem, л. 22, 23.

¹³¹³⁾ 6 и 10 арт. VI раздѣла.

¹³¹⁴⁾ Сравни. Акты Зап. Рос. I, № 145.

лицы ли ессозвѣщихъ вѣдь присудомъ своего войты. Такъ, король Александръ, пожаловавъ мѣсту Волковыйскому магдебургское право, далъ право мѣщанамъ во дѣлахъ великихъ и малыхъ, о злодѣяство и о разливанъ крови, мужобойства, отнятыя членовъ и о иныхъ всякъ преступлахъ“ отвѣчать только передъ своимъ войтомъ „А въ дѣлахъ и въ всякъ виновныхъ далъ его милость войту суполную мѣцу судити и осудити, нарѣти, и стинати, и на кола бити, потонляти, а яко то право Нѣмецкое Магдебурское во всякъ своихъ роздѣлахъ и членкахъ держити и шадити“. „А зъ мѣци и судовъ владива Волковыйского яко его милость вызволялъ: ни жили, што ся домычетъ и гвалту, повожи, розбою, всякства, то его милость на себе взять и на владива свои“. Такимъ образомъ, и въ собственной Литовской землѣ за намѣстничими при извѣтияхъ изъ ихъ присуда оставлялись нѣкоторые уголовныя дѣла, обыкновенно тѣ же, какия въ Польшѣ составляли „старостинскіе артикулы“. Въ случаяхъ жалбы мѣщанъ съ господскими волостными людьми, равно также и съ боярами, устанавливался смѣанный судъ: „А которому мѣщанину дѣло будетъ до волостного человека, яко масть державца Волковыйскій, або намѣстничь его, въ вѣномъ дворѣ зъ войтомъ судити, а которому человеку волостному дѣло будетъ до мѣщанина, ино войтъ масть зъ намѣстничомъ на ратуши судити подлѣ ихъ права“¹³¹⁹). Таково было общее правило; но бывали и исключенія, въ силу которыхъ войтъ не могъ судить ни одного дѣла не въ присутствіи намѣстника или его представителя. Такъ, напр., великій князь Александръ, пожаловавъ мѣсту Мазырому магдебургское право, два грѣша съ вины, которые по общему порядку, наблюдавшемуся въ такихъ случаяхъ, должны были идти за расподара, предоставилъ собирать въ свою пользу намѣстнику Минскому св. Боддану Ивановичу Жеславскому и написалъ въ своей грамотѣ: „войту намѣстника его при собѣ и вѣти при малыхъ судѣхъ и при великихъ, а безъ него не мають каждого дѣла судити; зъ великое вины мають намѣстнику вѣному давати два грѣши, а войту третій грошъ, а зъ малое вины намѣстнику два пенязя, а войту третій пенязъ“¹³²⁰). Конечно, участіе на войтовскомъ судѣ намѣстника или его представителя было здѣсь чисто пассивное: намѣстничь съотрѣль здѣсь только за своимъ приобщеніемъ. Войты въ селахъ, сдѣвшихся на нѣмецкомъ правѣ, также имѣли юрисдикцію, которая ограничивала юрисдикцію господарскихъ намѣстниковъ. Вообще же было

¹³¹⁹) Акты Зап. Рос. II, № 13.

¹³²⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

равницы между этими селами и мѣстами, находившимися около резиденціи господарскихъ намѣстниковъ низшаго ранга ¹³²¹⁾.

На Подляшья судебная дѣятельность воѣкъ вообще господарскихъ намѣстниковъ въ изучаемое время ограничивалась со стороны земскихъ шляхетскихъ судовъ, которые составлялись изъ судьи, подсудка и писаря, избираемыхъ землянами-шляхтою. О введеніи этихъ судовъ было уже сообщено выше, на стр. 19 и 20 перваго очерка. Дѣятельность ихъ распространялась на князей, пановъ и землянъ-шляхту цѣлыхъ „земель“, изъ которыхъ состояло Подляшье, т. е. повѣтовъ Бѣльскаго, Дорогицкаго и Мельницкаго. Но каждая изъ этихъ земель, какъ мы видѣли во второмъ очеркѣ, подраздѣлялась на нѣсколько малыхъ судебно-административныхъ округовъ, или волостей. Часть этихъ волостей находилась въ державѣ особыхъ намѣстниковъ-державцевъ, такъ что предѣлы дѣйствія земскихъ судовъ были гораздо шире судебныхъ округовъ намѣстниковъ-державцевъ. Земскіе судьи на Подляшья судили шляхту по воѣмъ дѣламъ, кромѣ старостинскихъ споровъ ¹³²²⁾. Кромѣ того, всё тяжбы о землѣ разбирались господарскими намѣстниками-старостами сообща съ судьей и подсудкомъ. „А што си дотычетъ на землю выѣзжанья для границъ,—читаемъ въ наказѣ короля Сигизмунда отъ 2 іюля 1511 года,—тамъ маєть выѣзжана староста съ судьей и съ подсудкомъ, а свѣтки маєть пописовати и листы судовые давати писарь старостинъ“ ¹³²³⁾. По частнымъ свѣдѣтельствамъ актовъ, земельныя тяжбы также разбираются такимъ именно общимъ судомъ. Такъ, при королѣ Казимирѣ намѣстникъ Дорогицкій панъ Якубъ Довойновичъ съ судьей, подсудкомъ и землянами Дорогицкими разбиралъ тяжбу землянина Людвика Яновича съ Петромъ, Яномъ и Мислодемъ Немириничами о землю „Нѣмын“ и лѣсъ, присудивъ все это Людвигу „и въ книги земскіе то ввели и листъ судовой ему на то далъ“ ¹³²⁴⁾. При Александрѣ намѣстникъ Бѣльскій панъ Миколай Миколаевичъ Радивилевича съ подсудкомъ Бѣльскимъ Лубою разбиралъ тяжбу о землю землянъ Брезинскихъ съ Брозками и Пашковичемъ ¹³²⁵⁾ и т. д. Судья, подсудокъ и писарь въ земельныхъ дѣлахъ дѣйствовали безъ старосты лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось нотаріальнымъ порядкомъ заверяять имѣнья

¹³²¹⁾ См., напр., Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 402, 403.

¹³²²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189, арт. 7, 8; II № 64.

¹³²³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 64.

¹³²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 6.

¹³²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 106, 107.

до окончательнаго утвержденія ихъ со стороны господара. Тамъ, напр., панъ Станиславъ Соколовскій, не имѣя наслѣдниковъ и близкихъ къ своимъ имѣніямъ „въ ласки братерское“, записалъ ихъ на вѣчность пану Станиславу Петровичу предъ судьей Дорогицкимъ и подсудкомъ, оставивъ „про живность свою“ въ пожизненномъ владѣніи имѣнія Соколово и Купятино. Въ своемъ листѣ, который былъ вписанъ въ книги земскія Дорогицкія, онъ „вырекъ ся, изъ и тѣхъ имѣній Соколова а Купятина не маеть ни въ чомъ вщербляти а никому даровати, ани записывати, але во всемъ ихъ маеть въ цѣлости закавати до своего живота“. Король Сигизмундъ своимъ листомъ отъ 4 февраля 1508 г. утвердилъ эту запись пана Соколовскаго, „бачаче; изъ тые имѣнія панъ Станиславъ Соколовскій ему слушнымъ а раднымъ обычаемъ записалъ, и тежъ маючи взгляды на высокую пораду и пыльную знаменитую, наглядную а вѣрную службу вельможного пана Станислава Петровича“¹²²⁶). Въ томъ же году королю заявилъ панъ Янъ Стецковичъ, „што жъ земянинъ дорогицкій Станиславъ Соколовскій нивимъ не принузонъ а ни отъ кого не намовенъ, летъ самъ свою доброю волею, съ порадомъ добрыхъ пріятелей своихъ, продалъ и записалъ ему имѣнье свое въ Дорогицкомъ повѣтѣ на имя Рогово со всимъ по тому, какъ самъ держалъ, и пришедши передъ судью и подсудка Дорогицкого остаточне на вѣчность резыгировалъ и въ книги земскія увелъ“. Панъ Янъ представилъ и „выписъ съ книгъ подъ печатями судьи и подсудка Дорогицкого“ и билъ челомъ королю подтвердить ему имѣнье своимъ листомъ, что и было исполнено¹²²⁷). Въ 1524 году король подтвердилъ земянину дорогицкому пану Григорью Дмитровичу Лазовскому вымѣненные имъ селища и огороды и половину имѣнія Лазовскаго, куплю его, мотивируя свое подтвержденіе такимъ образомъ: „и на тую онъ мѣну и на куплю свою выписъ съ книгъ земскихъ Дорогицкихъ подъ печатью судьи Дорогицкого и подсудка передъ нами вказывалъ и билъ намъ челомъ, абыхмо на то дали ему нашъ листъ“¹²²⁸).

XLVIII.

Въ предѣлахъ, ограниченныхъ перечисленными изъятіями, намѣстники-державцы чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, и компетенція ихъ въ этомъ отношеніи

¹²²⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 204.

¹²²⁷) Ibidem, л. 205.

¹²²⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 168.

закономъ почти не была ограничена. Правда, что Судебникъ Казимира дѣла о насильственномъ захватѣ земель и наѣздахъ на имѣнья переносить на судъ господара. „А которые бы сами собою,—гласить онъ,—порубы дѣлали а любо наѣзды чинили: ино кому сталася кривда, тотъ имать ся намъ жаловати; а пагъ ли не пригодится насъ у великомъ князствѣ Литовскомъ, и онъ имаеть паномъ радѣ нашей жаловати; и паномъ воеводамъ нашимъ по того посылати и велѣти предъ собою мощно поставити, а и досмотрѣти, будетъ ли то такъ чинилъ, а всадити его у казнь и держати до нашего щасного приѣханья: бо тотъ изъ права земского выступилъ а надъ право сягнулъ, какъ у верху писано. Мы пагъ, снемся съ паны радою нашою великого князства Литовскаго, осмотримъ того, какою казньо казнити“¹³²⁹⁾. Но, сопоставляя это законоположеніе съ указаніями другихъ источниковъ, мы придемъ къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ ограниченіемъ судебной компетенціи мѣстныхъ правителей, но съ предоставленіемъ потерпѣвшимъ жаловаться въ такихъ случаяхъ прямо господарю и панамъ-радѣ, минуя мѣстныхъ правителей. Но, если потерпѣвшіе обращались къ мѣстнымъ правителямъ, послѣдніе судили дѣла и о насильственныхъ захватахъ земель, и о нападеніяхъ на имѣнья (угвалтъ), равно какъ и другія важныя уголовныя дѣла. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ земляхъ они не могли приводить въ исполненіе своихъ рѣшеній по этимъ и другимъ важнымъ уголовнымъ дѣламъ, касавшимся шляхты, до указа господара. „А воли проступитъ бояринъ,— читаемъ въ уставной грамотѣ Кіевской земли,—ино намѣстнику нашоу осудивъ и за поруку давши до насъ отложити; мы пагъ воли будемъ въ той винѣ, ваяти и отпустити“¹³³⁰⁾. Въ уставной грамотѣ Волынской земли читаемъ: „А князей и пановъ и землянь, старостѣ нашоу злыми словы не соремотити, у казнь и у вѣжу ихъ не сажати; а естли бы который ся провинилъ въ чомъ, князь, або панъ, або земанинъ, ино старостѣ насъ обослати: какъ мы его научимъ нашимъ листомъ, або посломъ нашимъ, шго бы мѣлъ съ тымъ вчинити, ино ему подѣ науки нашою то вчинити“¹³³¹⁾. Изъ другихъ, почти одновременныхъ Судебнику, источниковъ узнаемъ, что въ важныхъ дѣлахъ предоставлялось отъ суда мѣстныхъ правителей прямо до господара. Вотъ почему и князь Федоръ Львовичъ Воротынской, получивъ въ 1448 году „въ намѣстничество“ городъ

¹³²⁹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 67.

¹³³⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30.

¹³³¹⁾ Ibidem. № 54.

Козельскъ, писалъ въ своей присяжной записи: „А бояромъ Козельскимъ, и земляномъ, и мѣстичомъ, и всимъ Козельчомъ: вѣдати къ господару нашему Казимиру, королю Польскому и великому князю Литовскому, о чѣмъ имъ будетъ надобъ“¹³³²⁾. Въ 1496 году великій князь Александръ по случаю жалобъ бояръ Ясвинскихъ на Мартина, бискупа Жмудскаго и намѣстника Ясвинскаго, писалъ ему: „Такожь, коли о которомъ великомъ дѣлѣ они отвоятся до насъ до господаря, и ты бо имъ того не заборонялъ; а о посполитныхъ дѣлѣхъ можешъ и самъ десмотрати межн ними и справедливость чинити“¹³³³⁾. Такимъ образомъ, судебная компетенція намѣстниковъ-державцевъ ограничивалась главнымъ образомъ фактически, желаніемъ тяжущихся, которые въ великихъ дѣлахъ отывались отъ суда мѣстныхъ правителей до господаря. Намѣстники-державцы, какъ и другіе правители, не имѣли права ставить такіа рѣшенія, коими рѣшался вопросъ о чѣмъ либо шляхетствѣ, такъ какъ мобилитация была исключительнымъ правомъ господаря. Но самыя дѣла, вносившія этотъ вопросъ, могли возбуждаться передъ ними, разбираться и даже рѣшаться, если не было никакихъ сомнѣній въ шляхетствѣ; въ противномъ случаѣ намѣстники переносили дѣло на судъ въ господарю. Поэтому и общеземскій привилей великаго князя Александра, говоря о дѣлахъ, кои приходится рѣшать господарю, упоминаетъ и дѣла о шляхетствѣ; кромѣ того, къ числу дѣлъ, восходящихъ на судъ въ господарю, онъ присоединяетъ также объ отчинныхъ имѣньяхъ. *Item si quando aliquorum causas graves, — гласитъ онъ, — super bonis hereditariis, vel fama seu honoris derogatione, coram nostram serenitatem venerint, omnibus justiciam facere debemus.* Привилей устанавливалъ четыре „рока“ въ годъ для разбирательства такихъ дѣлъ на тотъ случай, если господарь будетъ занятъ спѣшными неотложными дѣлами (*negotiiis arduis*) и обѣщалъ на послѣднемъ давать рѣшеніе немедленно, безъ отсрочки¹³³⁴⁾. Статутъ 1529 года, оставляя въ силѣ эту статью касательно дѣлъ о шляхетской чести, всѣ остальные дѣла перенесъ на судъ пановъ радныхъ, которыми король опредѣлилъ съ этой цѣлью съѣзжаться два раза въ годъ въ Вильнѣ. „Теж уставуемъ для кривдъ шляхты, которые си от пановъ дѣють або урядниковъ нашихъ и панскихъ *въ земляхъ въ грабешохъ у мѣст-*

¹³³²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 48.

¹³³³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 78.

¹³³⁴⁾ Zbiór praw litewskich, str. 58—67.

*тех и головицнах, або теж и межи паны самими и их подданными; для чого ж уставуем на зъехане таковых делъ два роки на годъ на которые панове повинни будутъ зъезчатися на местце положенное до Вилни, а жаден ся не мает ничимъ вымовляти кром одной хоробы, о семей суботе а о светом покрове на которых же речах (рокахъ?) яко на завитых кождый панъ одинъ одному мает быти правъ; и теж кому дадутъ вину иж бы был сужон не водлуг прав, маеть каждому отказывати, и на тых же речах (рокахъ) мает быти прав. Вшакже тые суды нигде инде мает сужоны быти одно на палацу нашем господарском у Вилни“¹³³⁵). Такимъ образомъ, къ важнѣйшимъ дѣламъ, въ которыхъ можно было жаловаться прямо господарю, кромѣ вышеупомянутыхъ, принадлежали безправный „грабежъ“ и убійство (головщины). До установленія судныхъ комиссій изъ пановъ-радныхъ дѣла эти рѣшались господаремъ съ панами-радою. Когда учреждены были эти комиссії, они получили значеніе господарскаго суда. „Естли бы кто,—гласить 8 артикулъ VI раздѣла Статута,—мел листы наши таковые, абы его нихто не судил кромѣ насъ господара; тогда таковы не маеться перед правомъ тыми листы нашими закривати и до насъ отзывать, але мает перед паны радами нашими права достояти на том земском року, бо мы з *рамени нашего господарского оставляемъ комисарми панов рад вашихъ, абы справедливост подданным нашим чинили*“. Необходимо, кромѣ того, замѣтить, что до господара можно было отзывать отъ суда мѣстныхъ правителей не только низшаго ранга, но и отъ намѣстниковъ главныхъ городовъ земель, отъ воеводъ и старостъ. Въ привилеѣ, выданномъ Кіевской землѣ королемъ Сигизмундомъ, читаемъ: „А хто бы не вступая у право, передъ нашимъ воеводою отозвался на насъ на господара, того пустити передъ насъ, а призвавши ихъ, обоихъ сутяжцовъ, передъ собою дати имъ рокъ подобный передъ нами имъ стати: а который бы зъ нихъ па тотъ рокъ передъ нами къ праву не сталъ, вымѣняя службы наше, або (боже ухойай!) немоцы, а отволокая правомъ; тогда воевода нашъ маеть мощно передъ собою его къ праву поставити, безъ каждого отзываваъя передъ насъ, и справедливостъ тому вчинити на обѣ стороны“¹³³⁶). Въ привилеѣ великаго князя Александра, данномъ землѣ Волынской, было выписано: „который князь, або панъ, або землявинъ, стоячи у правѣ передъ старостою, або передъ намѣстники отзовется до насъ господара на вышное право: ино старостѣ и на-*

¹³³⁵) 5 арт. VI, раздѣла Статутъ 1529 г.

¹³³⁶) Акты Зап. Рос. II, № 30.

мѣстникомъ нашимъ того имъ не забороняти и къ намъ ихъ пускати, рокъ положивши, коли мають передъ нами стати“ ¹³³⁷⁾.

Г. Ясинскій въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ сводному тексту уставныхъ грамотъ Литовско-Русскаго государства утверждаетъ, что будто бы переносъ дѣла на судъ господарскій возможенъ былъ только въ гражданскихъ искахъ, а по дѣламъ уголовнымъ судъ долженъ былъ производиться въ предѣлахъ земли. Въ доказательство своего утвержденія онъ ссылается на извѣстныя статьи Витебской и Полоцкой уставныхъ грамотъ: „Такожь, который ся отъ насилья жаловати будетъ намъ Витблянинъ на Витблянина жъ, пріѣхавъ въ Литву: и безъ истца намъ на него дѣцкаго зъ Литвы не слати, давати ему нашъ листъ къ нашому воеводѣ, *хотя бы о смертной винѣ*“ ¹³³⁸⁾. Но развѣ эта статья говоритъ о томъ, что судъ по уголовнымъ дѣламъ могъ производиться только въ предѣлахъ земли? Статья устанавливаетъ только порядокъ судопроизводства во избѣжаніе волокиты и лишнихъ расходовъ отвѣтчика, говоритъ о томъ, что господарь не будетъ вызывать чрезъ дѣцкаго къ своему суду отвѣтчика по жалобѣ, поданной прямо ему, помимо воеводы, даже еслибы дѣло шло о смертной винѣ, и будетъ судить лишь тогда, когда истецъ самъ представитъ отвѣтчика. Самъ г. Ясинскій долженъ былъ признать это и согласиться, что и уголовныя дѣла въ такихъ случаяхъ могли разбираться господаремъ внѣ предѣловъ земель ¹³³⁹⁾. Съ другой стороны, даже и въ такомъ видѣ правило это едва ли можетъ быть признано общимъ для всего государства, а только мѣстною привилегіею земель Витебской, Полоцкой и Жмудской, которыя вообще удержали изъ своей политической старины больше, чѣмъ другія земли. Приведенныя выше статьи Судебника, уставныхъ грамотъ Кіевской и Волынской земель прямо говорятъ о томъ, что дѣла могли восходить на судъ господаря и разбираться имъ по желанію одной стороны. Что это не были гражданскія только дѣла, на это выше также приведены были достаточныя свидѣтельства.

Стороны могли отзывать до господаря, „не вступуя въ право“, въ противномъ же случаѣ должны были отказывать одна другой „и права достояти аже до конца“, „абы въ томъ волокиты не было“ ¹³⁴⁰⁾.

¹³³⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54.

¹³³⁸⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 70.

¹³³⁹⁾ Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 121, прилѣч. 79.

¹³⁴⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 30; 2 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.

Выраженіе „не вступая въ право“ не надо понимать въ томъ смыслѣ, что отзываться до господаря можно было только до начала судебного состязанія. Какъ видно изъ частныхъ свидѣтельствъ актовъ, стороны отзывались до господаря и во время самаго судоворенія. Судопроизводство на Руси Литовской въ изучаемое время носило строго-формальный характеръ, и дѣла рѣшались не убѣжденіемъ судей, а чисто внѣшними средствами, которыми располагали стороны, въ родѣ, напр., письменныхъ документовъ, показаній „свѣтковь“ и т. д. Стороны могли отзываться отъ судей до господаря, не принимая отъ противника послѣдняго доказательства, которое должно было рѣшить дѣло. Великому князю Александру жаловались земляне дорогицкіе Погорѣльскіе на землянина Водынскаго „о землю ихъ властную“. Великій князь выслалъ на мѣсто „тамъ того межы ними смогрѣти“ намѣстника Лидскаго папа Станислава Петровича и намѣстника Дорогицкаго папа Якуба Довойновича. „И они,—гласить судебный листъ в. князя,—тамъ выѣздили и того межы ними смотрѣли. Погорѣльскіе дали пятьдесятъ свѣтковь, землянь дорогицкихъ и людей нашихъ Дорогицкаго повѣту; и Водынской тымъ свѣтвомъ не хотѣлъ вѣрвати и о то позвался передъ насъ. И мы того сами межы ними смотрѣли и росказали есмо Водынскому съ тыхъ свѣтвомъ осмондцать человекомъ выбрать, кого бы онъ межы ними хотѣлъ, а тыи мѣли свѣтки присягнувши свѣтчити. И тамъ казали есмо на тое дѣло выѣхати намѣстнику Дорогицкому пану Якубу Довойновичу и намѣстнику Мелницкому, судьи Бѣлскому, пану Рачку Пучицкому слушати присяги тыхъ свѣтвомъ и конецъ тому промежу нихъ вчинити, и на чомъ бы тыи свѣтки присягнули, то мѣли и завести и потолѣ имъ границы положить“¹³⁴¹⁾.

При строго-формальномъ характерѣ судопроизводства судъ господарскихъ урядниковъ былъ обыкновенно окончательнымъ. Поэтому, если недовольная сторона послѣ суда возбуждала вновь дѣло предъ господаремъ, противной сторонѣ обыкновенно достаточно было сослаться на бывшій уже судъ, чтобы выиграть тяжбу. Господарь въ такихъ случаяхъ предоставлялъ недовольной сторонѣ вѣдаться съ судькою и на немъ искать своихъ убытковъ. Такъ, напр., въ вышеприведенной тяжбѣ землянь Погорѣльскихъ съ Водынскимъ господарь, рѣшивъ дѣло въ пользу Погорѣльскихъ, написалъ въ судовомъ листѣ: „нехай они тую землю держать по тому, какъ имъ панъ Якубъ а панъ Рачко ограничили, а Водынскому если будетъ о томъ которое дѣло, и онъ

¹³⁴¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 38.

того нехай на судьяхъ нашихъ ищеть, а не на нихъ, коли они его будутъ негораздо судили“. При королѣ Сигизмундѣ панъ Левъ Боговитиновичъ искалъ имѣнья Вртоля на панѣ Юрьѣ Ивановичѣ Ильинича. Высланные королемъ на мѣсто судьи присудили имѣнье пану Юрью Ивановичу, и король съ панами радоу на великомъ сеймѣ въ Берестѣѣ, выслушавъ судъ этихъ судей, утвердилъ имѣнье на вѣчность за паномъ Юріемъ Ивановичемъ. „И потомъ панъ Левъ Боговитиновичъ,—гласить позднѣйшій судебный листъ короля,—въ тотъ же часъ по сказаньи нашомъ, опустившы пана Юрья Ильинича, искалъ на тыхъ судьяхъ передъ нами того имѣнья, ижъ они тое имѣнье въ него отсудили безъ присяги свѣтковъ, не водлугъ обычая права земского“. Король приказалъ судьямъ собрать вновь свѣтковъ, чтобы они вторично обвели границы имѣній тяжущихся и дали присягу, и послалъ на мѣсто отбирать ихъ показанія и присягу пановъ Ивана Семеновича Сопѣгу и Немиру Грималича. „И тые свѣтки передъ ними по тымъ же границамъ земли завели и чотыры ихъ присагнули, а тры присагати не хотѣли“. По докладу объ этомъ, король „за тое имѣнье за Вртоль, которое судьи ихъ отъ пана Льва отсудили, на всихъ тыхъ судьяхъ, которые тамъ межы ними съ obu сторонъ были, толко жъ земли *з ихъ имѣній*“ пану Льву присудилъ. Но судъ ихъ король оставилъ въ полной силѣ и выдалъ вторично пану Юрью Ивановичу подтвержденье на имѣнье Вртоль. Когда сыновья пана Льва Боговитиновича хотѣли было вернуть Вртоль и снова возбудили о немъ дѣло предъ королемъ, Сигизмундъ выдалъ такой „вырокъ“, помѣченный 3 августа 1522 года: „Ино мы, выслушавши суда и привилья пана Юрья Ивановича Ильинича, и не видѣлося намъ того нашего суда и привилья пану Юрью ломати,—оставили есмо пана Юрья Ильинича при томъ имѣнии Вртоли водлѣ привилья нашего первого“¹³⁴²). Таковъ былъ старинный порядокъ, державшійся и въ изучаемое время. Необходимо, однако, замѣтить, что онъ все болѣе и болѣе подвергался ограниченіямъ и вырождался въ порядокъ апелляціонно-кассационный. Онъ уже не удовлетворялъ юридическаго сознанія ни общества, ни правительства, вслѣдствіе чего и частныя лица обращались къ суду господарскому съ исками противъ лицъ, уже оправленныхъ судомъ мѣстныхъ господарскихъ урядниковъ, а господарь не всегда довольствовался этимъ судомъ, но считалъ нужнымъ произвести новыя разслѣдованія, а въ судѣ дѣлалъ измѣненія и дополненія. Такъ, напр., королю Ка-

¹³⁴²) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 77, 78.

змиру въ 1487 году жаловался землянинъ Луцкій Оношко на зятя своего Ивашка и его братьевъ Семашковичей, „што жъ купилъ имѣнье въ Луцкомъ повѣтѣ въ отца ихъ Зденижъ вѣчне, а Семашковичи въ тое имѣнье увезалися мощно, а его съ того имѣнья вонъ выгнали“. Жалоба эта подана была королю, не смотря на то, что объ этомъ Оношка съ Семашковичами уже судилъ староста Луцкій, при чемъ присудилъ имѣнье Семашковичамъ съ обязанностью уплатить тридцать копъ грошей Оношку „за его наклады“. Король, выслушавъ судъ пана старосты, описанный въ его судовомъ листѣ, представленномъ Семашковичами, хотя не нарушилъ суда старосты, но велѣлъ Семашковичамъ приплатить еще десять копъ грошей ¹³⁴³⁾. Такимъ образомъ, король въ данномъ случаѣ исправлялъ судъ своего урядника, не дѣлая его, однако, отвѣтственнымъ за нѣкоторый убытокъ, нанесенный Оношку. Въ 1496 году предъ великимъ княземъ Александромъ приставъ Немонйтскій и волость пришивали бояръ Юрья Динкгайлловича, Юшка Миколаевича, Нада Айнарловича, Мацва Бутримовича и Радивила Немировича „посполъ зъ собою сѣна косити“. Не смотря на заявленье бояръ, „што жъ ихъ о томъ смотрѣлъ воевода Троцкій, маршалокъ земскій, панъ Петръ Яшовичъ и въ томъ ихъ правыхъ нашолъ и листъ свой судебный имъ на то далъ“,—заявленье, подтвержденное представленіемъ самого судебного листа, великій князь „надто“ спросилъ бояръ: „маете ль вы клейноты свои, ижъ бы есте зъ вѣка были бояре“? „И они,—гласить далѣе господарскій судебный листъ,—повѣдили братью свою бояръ у Ейшишскомъ повѣтѣ на имя Новкуновцовъ. И мы писали до подкоморего нашего, намѣстника Ейшишского, пана Петрашка Радивиловича, ажъ бы тыхъ Новкуновцовъ ошталъ, братья ли имъ есть они, тежъ бы ся и того довѣдалъ тыхъ Новкуновцовъ, зъ роду бояре ль суть.... И того всего довѣдавшы, панъ Петрашко и къ намъ отписалъ, и мы подлугъ листа пана воеводина и его суда и подлугъ тыхъ Новкуновцовъ свѣдоцтва, тыхъ бояръ Немонйтскихъ въ томъ есмо правыхъ нашли: не надобѣ имъ сѣна зъ волостью косити и иныхъ служобъ служити, нехай они службу намъ служатъ боярскую, какъ и иншіи которые бояре-шляхта“ ¹³⁴⁴⁾. Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ мы опять имѣемъ вторичный искъ передъ господаремъ противъ оправленныхъ судомъ мѣстнаго правителя лицъ и дополнительное разслѣдованье со стороны господара. Приведенное дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что старинный порядокъ, предписывавшій искать

¹³⁴³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 129, 130.

¹³⁴⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 50.

предъ высшимъ судомъ убытковъ не на противной сторонѣ, а на судѣ, не могъ во многихъ случаяхъ имѣть даже приложенія, какъ, напр., въ тяжбахъ объ отравленіи государственныхъ повинностей, тѣсно связанныхъ съ сословнымъ положеніемъ тяжущихся. Тотъ же великій князь разсматривалъ тяжбу князя Ивана Корецкаго съ паномъ Богданомъ Сенковичемъ Гостьскимъ, который не хотѣлъ обмѣнивать въ Гошцѣ подводъ Корецкихъ, „гдѣ жъ здавна мѣниваны были“. Не смотря на то, что объ этомъ ихъ судилъ уже по порученію короля Казимира панъ Петръ Яновичъ въ бытность своего старостою Луцкимъ „и въ томъ князя Ивана оправилъ и листъ ему на то судовой далъ“, великій князь счелъ нужнымъ съ своей стороны довѣдаться достаточно и только тогда „оправилъ“ князя Корецкаго ¹³⁴⁵⁾. Сами урядники господарскіе позволяли иногда тяжущимся отвываться до господара уже послѣ своего суда и назначали обѣимъ сторонамъ срокъ для явки на судъ господара. Такъ, поступилъ, напр., староста Луцкій князь Семень Юрьевичъ. Землянинъ Кирдѣй хотѣлъ было вывести съ мѣста Луцкаго нѣкоего Луку съ братомъ, какъ своихъ отчинныхъ людей. Но Лука и братъ его подали жалобу старостѣ Луцкому князю Семену Юрьевичу, утверждая: „отецъ дей нашъ служилъ его отцу пану Ванку по доброй воли, и послѣ отца нашего мы, ему челомъ вдаривши, и пошли до мѣста Луцкого и тамъ есмо мешкали....., а панъ Ванко, отецъ его, и онъ не габали насъ ничимъ“. Такъ какъ это послѣднее показанье подтвердили всѣ мѣщане Луцкіе, староста оправилъ Луку съ братомъ. „И Кирдей дей,—гласитъ судовой листъ в. князя Александра,—былъ о томъ отозвался до насъ, и рокъ имъ староста положилъ, што жъ мѣли стати передъ нами о Покровѣ Пречистое и листъ о томъ до насъ писалъ“. Итакъ, дѣло и послѣ суда старосты вторично должно было разбираться господаремъ. Такъ какъ Кирдей въ назначенный срокъ не сталъ предъ господаремъ, послѣдній оправилъ Луку съ братомъ и написалъ старостѣ, чтобы онъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не выдавалъ Кирдею: „мають они вже отъ Кирдея во всемъ въ покои быти, не маеть ихъ ничимъ габати“ ¹³⁴⁶⁾. Статутъ 1529 года остался на старинной точкѣ зрѣнія только касательно тѣхъ случаевъ, когда судьи судили „не подле права писаного“, т. е. не по Статуту. „А естля бы ся видело,—гласитъ 2 арт. VI раздѣла,—подле всказаня которой сторонѣ кривда, а бачила бы сторона ижъ ей не подле права писаного сказывано; тогда маеть листа просити в судей сказаня своего, которымъ

¹³⁴⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 1.

¹³⁴⁶⁾ Ibidem, л. 92.

обычаемъ wskazали на немъ, а суди повинни будутъ ему листъ дати под печатю своею, а онъ маетъ зъ оними судьями передъ нами або передъ паны радами нашими на первомъ соймѣ говорити и листъ тыхъ судей wskazати“. „А естли бы оногo судью узнано,—гласить 1 арт. того же раздѣла,—ижъ не подле права писаного wskazалъ маетъ ему шкоды и накладъ оправити а тотъ судъ ни во што обернути; а кому будетъ судъ присудилъ або на комъ што узато, то маеть ему вернути безъ доводу, а што бы шкодовалъ въ накладехъ и у стравахъ, на што доводъ слушный учинитъ або присягнетъ, то маетъ ему судья заплатити“. Порядокъ иска на судьяхъ Статутъ опредѣляетъ такимъ образомъ: „А вшакже который бы зъ державецъ нашихъ таковою речью былъ обвиненъ, таковой каждый маетъ припозванъ быти передъ воеводу повету своего, и будетъ повиненъ судъ свой оказывати. А естли бы кто съ пановъ радъ нашихъ воеводъ и старостъ, которые не сунтъ въ поветехъ, также обвиненъ мелъ быти, тогда такъ же маетъ на первомъ сойме то отказывати або на року земскомъ“. Здѣсь нѣтъ пока еще въ собственномъ смыслѣ апелляціи отъ низшаго суда къ высшему, но практика, какъ можно видѣть изъ вышеприведенныхъ случаевъ, шла впереди закона. Поэтому и установленіе апелляціи по Статуту 1566 ¹³⁴⁷⁾ не было нововведеніемъ, а только законодательною формулировкою того, что дѣйствовало уже въ жизни.

Дѣла, восходившія на разбирательство къ самому господарю, иногда возвращались обратно въ мѣстность къ намѣстникамъ-державцамъ, которымъ господарь поручалъ собрать всѣ данныя, касающіяся дѣла на мѣстѣ. Король Александръ взялъ у подьячяго Виленскаго Богдана Павловича людей и землю въ Русотинѣ и далъ пану Станиславу Петровичу, а Богдану Павловичу взамѣнъ далъ сельцо въ Марковскомъ повѣтѣ на Узлѣ. Но люди этого сельца—Крюкъ, братаничъ его Степанъ, Воронъ, Сенько, жаловались королю Сигизмунду на Богдана Павловича, будто бы онъ забралъ ихъ безъ листовъ и данины короля Александра. „И мы,—гласить привилей короля Сигизмунда, выданный Богдану Павловичу 9 ноября 1507 года,—писали до намѣстника Марковского до Мордаса Мишкевича, абы ся о томъ достаточне довѣдалъ и къ намъ отписалъ. И панъ Мордасъ, довѣдавши ся того достаточне, писалъ къ намъ, повѣдаючи, ижъ Богданъ Павловичъ гораздо тые люди держитъ подлѣ данины брата нашего Александра короля его милости“ ¹³⁴⁸⁾. Въ данномъ случаѣ король напра-

¹³⁴⁷⁾ 61 арт. IV раздѣла.

¹³⁴⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 183, 184.

виль слѣдствіе къ намѣстнику потому, что одною изъ сторонъ были господарскіе люди, и намѣстникъ легко могъ узнать все, что до нихъ касается. Но обыкновенно данна по земельнымъ тяжбамъ собирали на мѣстѣ *ѣздоки*, которыхъ тажущіеся брали у господара „съ своею руку“. Судебникъ Казимира по поводу этого предписываетъ: „А такожь кому будетъ до кого какое дѣло, будетъ земное дѣло, ино ѣздоки по-брати; а будутъ иныи которыхи дѣла, ино судьи брати, и искати правомъ“. Впрочемъ, ѣздоки посылались иногда, повидимому, и господаремъ, независимо отъ желанія сторонъ. Воевода Троицкій, маршалокъ земскій, панъ Янъ Юрьевичъ отнялъ у писаря Громьки Исаевича имѣніицо отчинное подлѣ Минска, сельца—Онцыпоровское, Гридковское и Брачину Ораньковщину, на томъ основаніи, „ижь бы тое имѣнейцо его звѣчное было Волменское“. „И мы,—гласить судебный листъ короля Александра,—перво сего посылали тамъ писаря нашего небощыка пана Фодка Грыгорьевича а пана Богдана Корейвича а Каспора Гармановича и казали имъ достаточне о томъ довѣдатися и тамошнихъ бояръ и людей околичныхъ опытати, куда здавна тое имѣнейцо прислухало. И они, тамъ выѣздивши и тамошнихъ бояръ и людей околичныхъ опытавши и достаточне о томъ довѣдавши, намъ отказали, што жъ тое имѣнейцо отчына и дѣдина его, а здавна къ Мѣнску прислухаетъ“¹³⁴⁹). Въ данномъ случаѣ ѣздоки посылались по выбору господара, чтобы вѣрнѣе обезпечить правосудіе въ тяжбѣ писаря съ вліятельнымъ паномъ. Отсюда видно, кромѣ того, что ѣздоки посылались собственно для собранія на мѣстѣ данныхъ, на основаніи которыхъ господарь долженъ былъ постановить свое рѣшеніе. Въ 1496 году іюля 25 въ Вильнѣ панъ Янъ Заберезинскій „розмовлялъ передъ господаремъ его милостью съ паномъ старостою Жомитскимъ о сѣножатѣхъ на прудѣхъ: панъ Янъ рекъ, ажъ бы панъ староста звѣчными сѣножати Каменецкіи покосилъ, а панъ староста мовилъ, абы то были сѣножати звѣчными Навбоцкіи“. Оба пана „ся слали на околичныхъ бояръ и людей со ста рублевъ грошей“, т. е. бились объ закладъ въ пользу господара. Дѣло это могло быть рѣшено, конечно, только путемъ опроса мѣстныхъ бояръ и людей, вслѣдствіе чего господарь великій князь постановилъ: „мають собѣ на тое дѣло ѣздоки взяти“¹³⁵⁰). Но особенно хорошо значеніе ѣздоковъ выясняется изъ дѣла, рассказаннаго въ судебномъ листѣ воеводы Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича отъ 26 ноября 1533 года. Воеводѣ

¹³⁴⁹) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 119.

¹³⁵⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 384.

жаловался бояринъ Семень Ваньковичъ изъ Освея на господарскаго челоуѣка Полоцкаго повѣта Лисненской волости Захарью: „которую землю Городиловскую Оношкову панъ мой мнѣ далъ, ино онъ тое земли сѣножать мою, которая жъ есть межи озера Лисна и рѣки Нечеряцы того лѣта повосилъ“. Захарья на это возразилъ: „то сѣножать мнѣ съ нимъ цотовая, тое сѣножати ему прійдется половина, а мнѣ другая“. Но Семень настаивалъ, „ижъ въ тую сѣножать нѣтъ ему жадного вступу“. Оба они просили воеводу дать имъ „тому праву рокъ“ и ѣздоковъ на сѣножать. Воевода выслалъ на „рокъ“ ѣздоковъ со стороны Захарьи боярина полоцкаго Клима Ловейковича и служебника своего Ленарта, а съ Семеновою стороны выѣхалъ намѣстникъ Освейскій пана Цетра Станиславовича Волкъ, „и тамъ передъ ними о тую сѣножать съ obu сторонъ доводъ чинили и свѣтки ставили“. Ѣздоки, выслушавъ ихъ „и каждого свѣтка свѣдоцтво на реиструъ выписавши, къ намъ принесли подъ печатью дворянина господарскаго Васка Чержаса, который тамъ при нихъ былъ, яко сторона, и тую речъ до насъ имъ на нашъ (воеводинъ) розсудокъ дали“¹³⁵¹⁾. Итакъ, дѣло ѣздоковъ состояло въ отобраніи показаній тяжущихся и ихъ свидѣтелей, въ составленіи протокола своего слѣдствія и сообщеніи его господарю или судѣ для постановленія окончательнаго рѣшенія.

Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло исключительно о землѣ и могло быть рѣшено издали на основаніи документовъ на владѣніе и протоколовъ опроса мѣстныхъ жителей. Но земельныя тяжбы часто осложнялись взаимными исками, которые возникали на мѣстѣ, во время судебного слѣдствія, „о бояхъ, наѣздахъ, вгвалтахъ, татьбахъ“ со стороны тяжущихся землевладѣльцевъ и ихъ подданныхъ. Для такихъ дѣлъ, требовавшихъ присутствія на мѣстѣ слѣдствія самого судьи, либо господарь посмалъ отъ себя судей съ полномочіемъ изречь „вырокъ“, либо тяжущіеся брали у него судей „съ своею руки“. Въ 1475 году 8 мая король Казимиръ изъ Трокъ писалъ пану Михаилу Кезкайловичу, воеводѣ Виленскому, пану Ивану Ходковичу, намѣстнику Витебскому, и пану Яну Кучуку, намѣстнику Лидскому: „жаловала намъ княгини Семенова Трабская, што жъ дей князь Иванъ Юрьевичъ и зъ братьею кривду ей чинять у земли и у иныхъ речѣхъ. Прото жъ, што бы есте имъ рокъ подобный положили и, на тотъ рокъ выѣхавши, о томъ досмотрѣйте и справедливо то учините,

¹³⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 225, 226.

какъ бы имъ о томъ кривды не было. А до князя Ивана и до братьи его писали жъ есмо, што бы передъ вами конечно к праву стали и права бы были послушны¹³⁵²). Король Александръ пожаловалъ пану Михну Ивановичу, тивуну Троцкому и Езненскому, островъ въ Олитскомъ повѣтѣ на имя Куковъ. „И въ томъ островѣ въ Куковѣ, — гласить королевское подтвержденье, выданное пану Михну 11 сентября 1504 г., — почалъ былъ ему кривды дѣлати плебанъ Пунскій князь Явъ въ земли и сѣножатѣхъ, и въ рѣки того острова, на имя въ Петруну а въ Воду, вступался и езы на нихъ билъ. Ино зъ *росказанья нашего* смотрѣли межи ними намѣстникъ Пунскій панъ Александръ Ходковичъ а конюшій нашъ дворный, намѣстникъ Жолудскій, панъ Мартинъ Хребтовичъ, а намѣстникъ Волкиницкій и Лепунскій панъ Якубъ Кунцевичъ и въ томъ во всемъ пана Михна правого знашли, а тыи земли и сѣножати въ томъ островѣ въ Куковѣ ему отѣхали и ограничили¹³⁵³) и т. д. Гораздо чаще по актамъ въ таevихъ случаяхъ мы встрѣчаемъ судей, взятыхъ „зъ рамена господарского“ тяжущимися, каждымъ „съ своее руки“, судей „полюбовныхъ“, „прошонныхъ“. Въ 1499 году великому князю Александру жаловался владыка Смоленскій Иосифъ на князей Горскихъ: „што жъ дей они ему великіи кривды подѣлали въ имѣнью его въ церковномъ въ Чуриловичохъ на Горахъ, въ земли, черезъ судъ пана Якуба Раловича, што перво сего отецъ нашъ, король его милость, казалъ того ему досмотрѣти съ предкомъ его, съ владыкою Смоленсеимъ Мисаиломъ; и тогда панъ Якубъ того межи ними смотрѣлъ, и во всемъ нашолъ владыку правого, въ земли и въ ловѣхъ, и листъ ему свой судовый далъ; и они хотѣли тотъ судъ пана Якубовъ ни за што мѣти, для того, ижъ послѣ того ся на владыку жаловали королю его милости“. Великій князь въ принципѣ рѣшилъ дѣло въ пользу владыки и урядилъ между ними такъ, „што жъ они мають держатися суда пана Якубова, подлѣ листа его судового“. Но при этомъ приказалъ имъ „судьи побрати, што бы они тамъ выѣхали и то поправили, хто будетъ черезъ тыи грани переступилъ, и о *иныхъ дѣла*, о которыи жъ жаловалъ намъ владыка, казали есмо имъ всего того межи ними накопецъ досмотрѣти“. Князя взяли у господара „съ своее руки судьями“ намѣстника Смоленскаго пана Юрья Глѣбовича и князей Дмитрія и Богдана Одинцевичей, а владыка „съ своее руки“ взялъ пана Доброгоста Нарбутовича, окольничаго Смоленскаго князя Олехна Глазынича, казначея Смоленскаго

¹³⁵²) Литов. Метр. кн. Корон. Перепис. XXVII, л. 7.

¹³⁵³) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 243, 244.

князя Константина Крошинскаго и конюшаго Смоленскаго Василья Полтева. „И они на тотъ рокъ тамъ выѣхали и того межи ними смотрѣли, што ся дотыкало суда пана Якубова и иныхъ дѣлъ, и въ томъ во всемъ нашли владыку правого и листъ свой судовой на то ему дали“. Судьи произвели и самое разграниченье, „имъ грани повѣдали и тесьни потесали“, и господарь приказалъ князьямъ чрезъ эти грани ни во што ся вступати. Князья Горскіе не хотѣли было судиться передъ этими судьями съ владыкою, „што они ему иныи кривды тамъ же починили, опрочъ суда пана Якубова, у говѣхъ бобровыхъ и въ земляхъ и въ иныхъ дѣлахъ“. Тогда судьи, сообразно съ инструкціею великаго князя, дали владыкѣ увязанье въ бобровые гоны и въ земли. Но владыка затѣмъ жаловался великому князю, что князья отняли у него эти гоны и земли „мощно“. Князья отвѣчали предъ великимъ княземъ: „мы ся теперь въ тое не вступуемъ, нижьли о томъ намъ суда не было съ нимъ, а ни съ предки его“. Тогда великій князь урядилъ между ними такимъ образомъ: „если будетъ княземъ того жаль, и они владыкѣ мають заплатити тыи шкоды, што ему на томъ розвѣздѣ сталися, и тамъ судьи повести“¹³⁵⁴⁾.

Иногда полюбовные судьи брались и не у господаря, но приводились тяжущимися сторонами на „рокъ“ по уговору, и судъ ихъ имѣлъ такую же обязательную силу, какъ и судъ судей, взятыхъ „зъ рамена господарскаго“. Князь Федоръ Михайловичъ уговорился съ княземъ Юрьемъ Ивановичемъ Дубровицкимъ „справедливость вчинити“ о кривдахъ, которыя подѣланы были имъ и его подданными князю Дубровицкому и его подданнымъ, и „о показеньѣ границъ“ между имѣніями Дубровицкими и Чорторыйскими. Князья „и судей на то зъ обусторонъ межи собою взяли, ижъ мѣли ихъ тамъ на рокъ вывести“, при чемъ князь Чорторыйскій далъ князю Дубровицкому на себя листъ, въ которомъ написалъ: „если бы онъ самъ не сталъ и судей своихъ на тотъ рокъ тамъ не вывелъ або тыхъ людей своихъ, до которыхъ будетъ дѣло....., не поставилъ, тогда тыи права свои тратить“ и кромѣ того платитъ вины господарю 500 копъ грошей и князю Дубровицкому столько же; „а тые судьи, которое бы стороны тамъ выѣхали, мѣли предъ ся судити и всказъ учинити“. Князь Дубровицкій на „рокъ“ выѣхалъ съ своими судьями и подданными, но князь Чорторыйскій не явился. Тогда судьи князя Дубровицкаго, выслушавъ показанья его свѣтковъ, „усказъ вчинили и границы показоны поправили, и шкоды

¹³⁵⁴⁾ Акты Зап. Рос. I, № 145.

подданнымъ его, на што они доводъ слушныи передъ ними учинили, на его людѣхъ указали“. Когда князь Чорторыйскій „подлѣ умовы и запису своего досыть чинити“ не хотѣлъ, князь Дубровицкій пожаловался королю Сигизмунду. Только извиненіе „форобою“ спасло князя Чорторыйскаго отъ проигрыша дѣла. Король 20 декабря 1528 года постановилъ, чтобы они снова вывели судей „на рокъ подлѣ страченьемъ права у трехъ недѣляхъ по семей субботѣ“. Князь Дубровицкій взял у короля судьями „съ своею руки“ старосту Пинскаго пана Ивана Михайловича, чапника пана Миколая Андришковича и городничаго Городенскаго пана Мартина Мелепиковича, а князь Чорторыйскій кн. Семена Одинцевича и кн. Ивана Андреевича Полубенскаго. Король присоединилъ къ свосму приговору еще слѣдующую статью: „Што ся дотычетъ тыхъ шкодъ князя Юрьевыхъ, которые онъ на тую копу въ стравныхъ речахъ наложилъ, князь Чорторыйскій маеть ему то напервѣй права заплатити, на чомъ на тыхъ стравныхъ речахъ врядники его присягу вчиняеть, а што будетъ тымъ судьямъ або свѣткомъ своимъ пенезми и ипшими речьми даль, того ему не повиненъ платити“¹³⁵⁵). Такъ какъ при разбирательствѣ земельныхъ тяжбъ и различныхъ столкновеній приходилось „вести копу“, т. е. вызывать къ опросу мѣстныхъ жителей, бояръ и людей, то и суды эти назывались обыкповенно *копными*. Возникновеніе такого названія объясняется тѣмъ, что судебное слѣдствіе въ то время не раздѣлялось строго отъ суда, считалось самымъ судомъ, такъ какъ въ сущности рѣшало дѣло. Что названіе копнаго суда прилагалось къ судамъ, производившимся на мѣстѣ судьями, которыхъ стороны брали „съ своею руки“, на это прямое указаніе можно получить, напр., „въ выровѣ“ по дѣлу князя Андрея Лукомскаго съ паномъ Ѳеодоромъ Боглановичемъ Сопѣжича. „И Ѳеодоръ Сопѣжичъ повѣдилъ передъ нами,—читаемъ здѣсь,—ижь онъ тыхъ слугъ своихъ на его имѣнье не насылалъ, ижъли дей *судыи полюбовныи* присудили людемъ моимъ на его людѣхъ нѣкоторыи шкоды за пчолы. Ино люди мои неоднократно о томъ князю Андрею жаловали, абы то казалъ людемъ своимъ *подлѣ суда копнаго* платити. И онъ тыхъ сужоныхъ речей людемъ моимъ заплатити не казалъ, и люди мои сами за тыи свои присужоныи шкоды намѣстничка его на дорозѣ поимали и ко мнѣ привели, и я его въ томъ обсылалъ, абы его на рукоемство взялъ, и онъ его взяти не хотѣлъ, и тыхъ его людей слуги мои не имали, а шкодъ не дѣлали“¹³⁵⁶).

¹³⁵⁵) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 51.

¹³⁵⁶) Ibidem, л. 26, 27.

Приведемъ еще нѣкоторыя данныя изъ актовъ, характеризующія дѣятельность судей, взятыхъ сторонами „съ своею руки“. Писарь земскій Дорогицкій Янъ Обкарка, задолжавъ воеводуиъ Троицкой, женѣ пана Григорья Станиславовича, „початокъ заплата тымъ пеняземъ ей учинилъ, а о бранье достоянн ихъ у право городовое Дорогицкое ее позывалъ“. Но она не явилась и заочно взяла „увязанье“ въ его имѣнье. По жалобѣ писаря, король Сигизмундъ 20 марта 1531 года писалъ старостѣ Дорогицкому, судѣ и подсудку: „Мы казали съ'обу сторонъ комисарей, прятелей своихъ обравши, на то посадити, которыя жъ комисары мають межы ними яко о тыхъ пенязѣхъ, такъ и о всихъ шводахъ слушное *розознанье* и вонецъ вчинити. Естли жъ тии ихъ прятатели высажонныи межы ними въ томъ наконецъ справедливости вчинити не могли, и вы бы казали имъ передъ собою стати и въ томъ имъ розсудкомъ своимъ сказанье вчинили водлѣ Статуту права вашего земли Дорогицкое; пакъ ли жъ бы и передъ вами конечная справедливость имъ не могла ся сточити, и вы бы ихъ отослали зася до насъ господаря: мы сами хочемъ о томъ межы ними досмотрѣти и справедливость тому вырокомъ нашимъ наконецъ вчинити“¹³⁵⁷). Изъ этого видно, что и отъ суда „прятелей“ дѣла могли отходить къ суду мѣстныхъ правителей, какъ и отъ послѣдняго къ суду господаря либо по желанію тяжущихся, либо по желанію судей; затруднявшихся найти и приложить законъ къ данному случаю. Плебанъ Крошинскій князь Войтехъ жаловался панамъ-радѣ на дворянина господарсваго Алексѣя Овсяника, „ижъ бы ему отъ него кривды великіи ся стали въ земляхъ, въ вгвалтѣхъ, въ грабежѣхъ, въ наѣздахъ и въ иныхъ речѣхъ“. Паны-рада велѣли имъ взять судей на мѣсто. Но судья Овсяника съ судьями плебанскими споръ учинили, „хотачы Овсянику на плебанѣ вгвалтъ присудити за то жъ, ижъ плебанъ мутвицу Овсяникову съ своею греблю зметать“. Тогда судья плебана обратились въ панамъ-радѣ за разрѣшеніемъ спора, и паны дали имъ науку: „кто бы въ земли былъ правъ, тотъ и въ вгвалтѣхъ“. Но судья Овсяника съ „права“ събкали и конца дѣлу не учинили. Не обращая на это вниманія судья плебана „подлѣ росказанья пановъ-радѣ“ „такъ сказали: на чомъ плебанъ и люди присягнуть, то Овсяникъ масть платити“: Но Овсяникъ, очевидно, и не думалъ платить, потому что плебанъ долженъ былъ жаловаться на него самому господарю. Господарь привазалъ „о томъ межы ними досмотрѣти и справедливость

¹³⁵⁷) Литов. Метр. кн. Занис. XV, л. 77.

тому вчинити⁶ судьямъ дворнымъ: маршалку князю Андрею Михайловичу Саньгушковичу, маршалку и державцѣ Волковнйскому пану Матею Войтеховичу, тивуну и подковюшему Виленскому пану Шимку Мацковичу и дворянину пану Богдану Довьгирдовичу. Но судьи, выслушавъ судебный листъ судей плебана затруднились въ рѣшеніи этого довольно сложнаго дѣла и „отказали“ то господарю и панамъ-радѣ и „самихъ ихъ очивисто ставили“. Господарь съ панамъ-радою, одобритъ въ принципѣ судъ плебанскихъ судей, приказалъ плебану присягнуть на третій день въ своихъ „шкодахъ“, что и было исполнено. „Водзѣ присяги“ плебана господарь приказалъ судьямъ дворнымъ „тую сто копъ грошей на Овсянику сказати и роки трои заплатѣ положить по двадцати дней отъ дня святого Августына“. Господарь, кромѣ того, постановилъ: „чого судьи не судили, мы казали имъ съ obu сторонъ знову тамъ судьи вывести и о томъ межѣ собою расправитися; а што ся дотычетъ боевъ и грабежовъ и шкодъ людей плебанскихъ, то есьмо тежъ людемъ его дали на прысягу и рокъ есьмо той прысезѣ положили на светого Августына за чотыры недѣли: на чомъ тыи люди плебанскіи передъ дворяниномъ нашимъ Иваномъ Мостыкою у церкви въ Крошиѣ у своей пароеи прысягу вчинять, то Овсяникъ маеть имъ платити“¹³⁵⁸). Приведенное дѣло характерно въ томъ отношеніи, что указываетъ на участіе высшаго суда въ дѣятельности низшихъ судовъ въ теченіе самого процесса, на слияніе низшихъ судовъ съ высшимъ въ одномъ судопроизводствѣ. Въ этомъ отношеніи характерно также и слѣдующее дѣло. Панья Алжбета, жена воеводы Виленскаго и канцлера пана Миколая Миколаевича, жаловалась панамъ - радѣ на судовомъ „рокѣ“ на вдову князя Михаила Ивановича Мстиславскаго, „же бы князь Михайла небощыкъ Мстиславскій, а по смерти его она, всю пушу ее спустошили и звѣрь побили а грабежи невшыовиши имѣнью ее милости Селищамъ, Груздову, Маньковскому, Смыцкому подѣлали“, и на то представила „реистръ шкодъ своихъ“. Княгиня Мстиславская съ своей стороны жаловалась на панью, „якобы ее милость пушу властяную Молодеченьскую отнимала и грабежи имѣнью ее Молодечыну а Ожуничомъ подѣлала“, и также представила „реистръ шкодъ своихъ“. Паны, выслушавъ эти реистры, „взяли то, ижъ ростырки и грабежи межѣ ихъ милостью ни съ чого ся иного не стали, толко о пушу, и на томъ то зоставили, же ихъ милость ~~вздоковъ~~ мають вести, и рокъ ~~копъ~~ завитый положили“. Панья взяла „съ своео .руки

¹³⁵⁸) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 30, 31.

судьями“ князей Василья и Ивана Андреевичей Полубенскихъ и паны Станислава Довжирда, а княгиня—пановъ Шимка Мацковича и Кмиту Кунцевича и князя Тимофея Ивановича Пузыну. Паны-рада, извѣстивъ объ этомъ выпрошенныхъ судей и приказывая имъ выѣхать на „рокъ“ на мѣсто, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили имъ и свое рѣшеніе, къ которому они пришли въ принципѣ по этому дѣлу: „кто въ пуцы будетъ виновенъ, тотъ и въ грабежохъ“. Этими „вырокомъ“, присланнымъ подъ печатью пановъ, судьи должны были руководиться и ни въ чемъ отъ него не отступать въ дѣлѣ о пуцѣ, которое они должны были разсмотрѣть сначала, прежде другихъ дѣлъ, „кому бы межы подданныхъ ихъ милости до кого дѣло было“. Панья и княгиня съ своими судьями пріѣхали въ назначенный день на мѣсто, куда съѣхались господарскій дворянинъ и „не мало землянъ“. Судьи нашли, что княгиня первая должна вести границу своихъ владѣній. Княгиня стала вести, но „песлушне“,—„все по чужой земли великою дорогою Полоцкою вела, а границы ни одной а нивоторого знаку ку граниченью не вказала и еще за великій логъ перешла, чого жъ ся сама передъ паны ихъ милостью вырекла“. Панья послѣ этого просила судей, „абы сказанье вычинили и пры властности, отчизнѣ и дѣдизнѣ ее, пры пуцы зоставили“. Но судьи княгини съ судьями паньи „въ томъ ся не згожали“, на томъ основаніи, что „въ статутахъ правъ писанныхъ того артыкула нѣтъ, яко бы то мяло сужено быти, хто по чужымъ землямъ ведеть, а границъ не вказуетъ и свою помененую границу переходить“. Судьи разѣхались, не учинивъ конца дѣлу, и отослали тяжущихся къ панамъ-радѣ. „Ваша милость,—писали они 15 ноября 1531 года,—вѣдаете, которымъ обычаемъ межы ихъ милостью розсудокъ вашей милости господарскій вычинити“¹³⁵⁹⁾). Благодаря такому слянію высшаго суда съ низшимъ, благодаря неопредѣленности компетенціи судей, чинившихъ судъ на мѣстѣ, не всегда можно различить ѣздоковъ отъ судей, и въ актахъ они иногда смѣшиваются. Судьи по настоящему дѣлу называются то ѣздоками, то судьями; не всегда различаются они и въ Статутѣ 1529 года.

Судьи для производства суда на мѣстѣ брались тяжущимися не только отъ господара, но и отъ воеводъ. Въ 1534 году воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловался дворянинъ господарскій Иванъ Служичъ на мѣщанина полоцкаго Грыдка Буцьковича, что онъ „въ нѣскольку мѣсцохъ границы его властныи звѣчистыи повазилъ и модью вгвалтомъ, перешодши границу земли его, полахалъ“.

¹³⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 94, 95.

Воевода приказалъ „на то собѣ съ obu сторонѣ судей побрати“. „Панъ Иванъ, — гласить судовой листъ воеводы, — взялъ въ насъ съ своееруки судьями князя Андрея Андрѣевича Лукѣмского и намѣстника нашего Черсватского Яна Лося, а Будько взялъ съ своееруки судьями боярина господарского Полоцкого Андрея Михайловича, и рокъ собѣ съ obu сторонѣ тому праву передъ нами очивисто приняли подъ страченьемъ права, окромѣ форобы а службы господарское“. Судьи выѣхали на мѣсто и произвели оирось „свѣтвмъ“, выставленнымъ тою и другою стороною; въ числѣ этихъ „свѣтвовъ“ были слуги и крестьяне самихъ тяжущихся и подданные сосѣднихъ землевладѣльцевъ князя Ильи Константиновича Острожскаго, паньи воеводиной Виленской и т. д.; но не учинивъ конца дѣлу, предоставили его на рѣшеніе воеводѣ вмѣстѣ со списвомъ показаній „свѣтвовъ“¹³⁶⁰⁾. Не иногда „копа“ рѣшала дѣло, и воеводѣ приходилось только привести въ исполненіе ея рѣшеніе. Тотъ же воевода посылалъ, напр., коморника своего Иванка Волинца дѣцкимъ „справить“ на людяхъ игуменьи Полоцкой. Упачаяхъ полторы копы грошей для князя Богдана Глинскаго, „што на нихъ копа присудила“¹³⁶¹⁾. — Брались ли судьи тяжущимися отъ намѣстниковъ-державцевъ? И на этотъ вопросъ придается отвѣчать утвердительно. Господарскіе крестьяне въ тяжбахъ между собою о землю, сѣнжати и т. под. брали обыкновенно или „врядника“ намѣстника-державцы, или „понамѣстничка“, или тивуна¹³⁶²⁾. Ихъ „спорчизны“ разрѣшались обыкновенно „копнымъ правомъ“ предъ этими лицами. Король Сигизмундъ по жалобѣ людей Куренской волости Марковокаго повѣта писалъ державцѣ Марвовскому: „и вжо черезъ то намѣстникъ твой на волость къ нимъ уѣзжати и слугъ своихъ услати и стацен на нихъ правити не маеть; еромѣ того, естли который мужъ на кому намѣстника твоего подойметъ, и тежъ еромѣ дѣцвихъ, естли вто на кого дѣцкога озметъ, тогда намѣстникъ твой маеть на копу фздити и дѣцвихъ давати, кому будетъ потреба“¹³⁶³⁾. Бояре и другіе привилегированные землевладѣльцы брали, вѣроятно, судей „съ своееруки“ у намѣстника-державцы и также вель копу. Впрочемъ, такихъ случаевъ, вѣроятно, было сравнительно мало, потому что привилегированные землевладѣльцы въ земельныхъ тяжбахъ и взаимныхъ обидахъ, которыми онѣ осложнялись, обычно-

¹³⁶⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 234.

¹³⁶¹⁾ Ibidem, л. 171, 172.

¹³⁶²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159. арт. 21.

¹³⁶³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6.

венно обращались къ суду господаря, а съ другой стороны и сами памѣстники-державцы при незначительности разстояній въ тавихъ случаяхъ нерѣдко выѣзжали лично на мѣсто и чинили судъ.

Обращеніе къ полюбовному третейскому суду было очень обычно на Руси Литовской въ изучаемое время и должно было въ значительной степени уменьшать судебную дѣятельность господарскихъ урядниковъ. Это обращеніе часто совершалось даже безъ ихъ посредничества, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе недовольства рѣшеніемъ вотчиннаго суда устанавливался „общій“ судъ, рекомендовавшійся, какъ мы выше видѣли, самимъ закономъ. Этотъ „общій“ судъ отправляли судьи полюбовные, которые выбирались сторонами, и рѣшеніе ихъ имѣло такую же силу, какъ и рѣшеніе господарскихъ урядниковъ. Въ 1534 году 1 марта на судѣ воеводы Полоцкаго княгиня Феда Ротницкая на жалобу князя Яна Вяземскаго, будто бы она приказала повѣсить его человѣка „нѣтъ вѣдома для чего“, чинила такой отказъ: „мнѣ на томъ человѣку судьи полюбовные князь Андрей Мелешковскій и зъ иными судьями двадцать копъ грошей присудили за шкоды мои и роки были ему ку заплатѣ мнѣ отъ него тыхъ пенезей положили, а князь Янъ его мнѣ въ тыхъ пенязѣхъ выдалъ, а тые роки какъ вжо минули, а мнѣ тое заплаты водлѣ суда тыхъ судей тотъ злодѣй а ни князь Янъ за него платити не хотѣлъ, и я, стерегучися того, абы ми ся отъ того злодѣя большая шкода не стала, естли быхъ его выпустила, и казаламъ его обѣснѣ“. Князь Янъ сталъ было утверждать, что она повѣсила его, „того року, отъ тыхъ судей ку заплатѣ положоного, не дождавши“, но не могъ доказать этого, и воевода оправилъ княгиню Ротницкую ¹³⁶⁴).

Судебная дѣятельность господарскихъ урядниковъ уменьшалась и со стороны копныхъ судовъ, отправлявшихся безъ ихъ участія въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшіе отъ преступленія собирали околныхъ жителей искать преступника, „на совъ“. Отказаться отъ этого нельзя было подъ страхомъ быть обвиненнымъ копою. Когда владыка Смоленскій Іосифъ пожаловался в. князю Александру на князей Горскихъ, „што жъ которы ся татбы становятъ отъ людей ихъ, и они (люди владыки) на совъ людей ихъ зовуть и они не ходатъ“, великій князь урядилъ между ними, „што жъ мають съ обу сторонъ на совъ людей своихъ и паробовъ посылати тамъ, гдѣ ся шкода станеть, а хто не выидеть, тотъ безъ суда виноватъ“ ¹³⁶⁵). Вотъ образчикъ та-

¹³⁶⁴) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 247, 248.

¹³⁶⁵) Акты Зап. Рос. I, № 145.

кого копнаго суда, описанный въ судебномъ „вырокѣ“ воеводы Полоцкаго Яна Юрьевича Глѣбовича: „которая шкода сталася была людемъ пана Троцкого, старосты Жомойтскаго, пана Петра его милости Станиславовича Селедцовскимъ, и они дей о томъ копу збирали, и съ копы тые вси шкоды присудили на человѣцѣ пана Глѣба Есмановича на имя на Павлѣ на Купріанову для того, ижѣ дей тое ночи, которое ся тая шкода стала, ночоваль въ него въ дому тогѣ чоловѣкъ нашѣ дубровенскій Ятѣо, ижѣ онѣ того Ятѣа на копѣ не поставилъ“¹³⁶⁶). Копы собирались потерпѣвшими и въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ было на кого пибудь подозрѣніе. Если подозрѣваемый не явился на копу, его обвиняли безъ суда. Воеводѣ Полоцкому 17 іюля 1535 года жаловался городничій Полоцкій Иванъ Глѣбовичъ съ Грицкомъ Юрьевскимъ на Стася, слугу господарскаго подданнаго Полоцкаго Васка Ракусы, по поводу того: „што жѣ въ людей пана городничого у Ходора Трыбуха а у Курыла Быстры украденъ конь и свирѣпа, а въ чоловѣка Грыдкова у Петра также конь; ино дей тые люди ихъ для того копу збирали, и копнымъ дей обычаемъ за тые два кони и за третего—свирѣпу присужоно тымъ людемъ ихъ на томъ служѣ Ракусыномъ Стасю за кождого коня по рублю грошей на узкую личбу“, но Стась денегъ не заплатилъ. Вызванный на судъ въ воеводѣ господинъ Стась Ракуса заявилъ „ижѣ того слугу своего на копѣ ставилъ, нижли дей отъ того права отозвался до насъ (воеводы)“. „И мы,—писать воевода въ судовомъ листѣ,—казали пану городничому и Юрьевскому съ тыхъ копниковъ сколько старшихъ мужей передъ нами поставити *ку отказу того суда* и положили есмо имъ рокъ *ку постановенью* тыхъ копниковъ передъ нами въ пятницу по святой Малкгоретѣ“. Ракуса ни самъ не сталъ въ назначенный день, ни слугу своего не поставилъ, между тѣмъ какъ городничій и Юрьевскій поставили предъ воеводою пять чоловѣкъ: Тараса, чоловѣка пана Ивана Зеновьевича, Ходора съ Болотницы, чоловѣка жены пана Ивана Зеновьевича, Нестѣра Луковку, чоловѣка пана Глѣба Зеновьевича, и людей Грицка Юрьевскаго Андрея Сосну и Самсона Мальцевича. Копники показали: „трыкротъ для тое шкоды копу збирали, и Ракуса на тые роки на оную копу самъ не становился а ни того слуги своего не ставилъ, и для того дей есмо тую шкоду на томъ служѣ его Стасю тымъ людемъ пана городничого и Юрьевского присудили, и въ той шкодѣ взялъ дей его Ракуса на свои руки“. „И мы,—гласить вырокъ

¹³⁶⁶) Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 224.

воеводы,—водлѣ отказу суда тыхъ копниковъ тую шкочу полтретья рубля грошей тымъ людемъ пана городничого и Юрьевского казали на томъ слузѣ Ракусиномъ отправить“.¹³⁶⁷⁾ Если власти приводили въ исполненіе рѣшенія копныхъ судовъ, то съ другой стороны и мужи копники были отвѣтственны за неправый судъ, какъ и другіе судьи. Передъ воеводою Полоцкимъ Яномъ Юрьевичемъ Глѣбовича жаловался дворянинъ Тиша Быковскій на князя Богдана Глинскаго: „ты у пана его милости взялъ на люди игуменины Вчавовцы, которые сѣ въ мене у-въ опецѣ дѣцкаго, и люди мои въ томъ не мало шкочуютъ, а тобѣ ничего винни не были“. Князь Богданъ отвѣчалъ: „мнѣ копа указала на людѣхъ твоихъ полторы копы грошей“, и представилъ воеводѣ листъ, „въ которомъ копа описуетъ, што тые люди игуменины Вчавовцы не вышли на копу, и они присудили на нихъ ему полторы копы грошей: за яловицу полкопы грошей, а за двои пчолы копу грошей“. Тиша возразилъ: „тые люди не ходять на тую сторону рѣки на копу, а съ тое стороны тажежъ не ходять люди на сю сторону рѣки, нишли обсылають на обѣ стороны, ажбы промежи себе винного искали, коли на которой сторонѣ которая ся шкоча станеть“. Воевода остановился на томъ: „маеть князь Богданъ тую свою копу предъ нами постановити отъ сего дня, которая суббота есть, на завтра Матки Божее Внебовзятя за двѣ недѣли, и кгда тую копу поставитъ, и если тая копа узмовитъ, мы тую полтора копы грошей князю на нихъ присудили, яко въ листѣ копномъ описано, тогда онъ маеть быти въ томъ правъ, а люди пана Тишины мають собѣ съ копою говорить; пакъ ли жъ оная копа къ тому листу ся знати не будетъ а узмовитъ: мы князю Богдану тое полторы копы грошей на нихъ не присудили, тогда князь маеть быти въ томъ виновать и будетъ повиненъ оные шкочы оправляти, ижъ неслушяе бралъ дѣцкаго, а съ копою маеть о томъ мовити; а естли бы тежъ на тотъ рокъ копы не поставилъ, тогда предъ ся маеть въ томъ виненъ быти“¹³⁶⁸⁾.

Копные суды въ этомъ видѣ были не чѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ той дѣятельности, которая въ эпоху Русской Правды совершалась въ такъ называемыхъ „вервахъ“. Извѣстно, что въ то время искали по верви разбойника, поджигателя, коневаго татя, клѣтнаго (домоваго), кто кралъ чужихъ бобровъ, пчелъ и т. д. Точно такъ же и въ изучаемое время копа собиралась тогда,

¹³⁶⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 264, 265.

¹³⁶⁸⁾ Ibidem, л. 188, 189.

когда нужно было въ мѣстности разыскать преступника, разбойника, поджигателя, тата, похравшаго лошадей, сѣно или хлѣбъ съ гумна, бобровъ и птицъ изъ чужихъ ловушекъ и сѣтей, медь изъ борти и т. д. Этотъ розыскъ естественно долженъ былъ превратиться въ судъ, такъ какъ въ древнее время представленіе доказательствъ, находженіе преступника, уже рѣшало дѣло, и „вырокъ“ судьи былъ уже простою формальностью, а съ другой стороны, при отысканіи преступника, копѣ приходилось оцѣнивать доказательства виновности и невиновности. Даже въ частностяхъ можно видѣть сходство копнаго процесса съ тѣмъ, что дѣлалось въ старину въ верви. Такъ, напр., если слѣдъ тата приводилъ разыскивающихъ къ селу, село должно было или найти тата въ себѣ, или платить за воровство, если не удавалось отвести, „отсчитать“ отъ себя этотъ слѣдъ ¹³⁶⁹⁾). Итакъ, копный судъ возникъ на почвѣ круговой отвѣтственности мѣстныхъ обществъ за своихъ членовъ и вытекавшей отсюда власти ихъ надъ ними. Эта круговая отвѣтственность и власть, ведшія свое начало изъ незапамятной старины, оказались наиболѣе крѣпкими связями, которыя продолжали соединять жителей въ мѣстныхъ общества въ то время, когда другія связи были между ними уже порваны, когда они считались даже подданными разныхъ „господарей“, когда по управленію и суду вступили въ новыя сообщничества. Даже въ 1588 году правительство предписывало: „на руси и инѣде где здавна копы бывали тамъ мають быти и теперъ копы отправованы на старыхъ коповицахъ тымъ обычаемъ яко первой того бывало“. Мало того, оно распространяло это жизненное учрежденіе даже и по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ его не было, и предписывало: „а естли бы укривжоный злодействомъ хотель шкоды своее доходити копою, тогда вси въ той околицы въ околь на милю со всихъ чотырехъ сторонъ мають казати подьданнымъ своимъ на копу сходитися, а то ся маеть розумети в передъ на тые местца гдѣ до сихъ местъ копы не бывали, которые коповица каждый подькоморий въ повете своемъ назначити и села тыхъ хто ся тамъ становити будеть описати маеть“ ¹³⁷⁰⁾). Предѣлы этихъ копныхъ „околицъ“, такимъ образомъ, устанавливались чисто искусственнымъ путемъ, по соображенію условій сосѣдства. Готовыя, установившіяся уже дѣленія на волости и ихъ подраздѣленія, не принимались въ расчетъ. Отсюда позволительно сдѣлать заключеніе, что и границы копныхъ околицъ,

¹³⁶⁹⁾ См. 88 Русской Правды по Карамз. списку; 6 арт. XIV раздѣла Статута 1566 и 9 арт. XIV раздѣла Статута 1588.

¹³⁷⁰⁾ 9 арт. XIV раздѣла Статута 1588.

установившіяся естественнымъ путемъ, не совпадали съ предѣлами волостей и извѣстныхъ намъ подраздѣленій ихъ или, по крайней мѣрѣ, не всегда совпадали. Судя по тому, что и названіе „вервь“ имѣетъ чисто спеціальное и узкое значеніе и не употребляется для обозначенія мѣстныхъ обществъ въ широкомъ смыслѣ подобно названію „волость“, можно думать, что и верви Русской Правды были дѣленіемъ, не совпадавшимъ съ волостнымъ. Верви, повидимому, были первымъ общественнымъ сдѣпленіемъ, которое вышло изъ узкихъ рамокъ кровнаго союза. Послѣ нихъ образовывались болѣе крупныя общественныя союзы—волости, княженія и земли, поглощавшія въ себѣ по нѣскольку вервей, но жизнь въ этихъ послѣднихъ не прекращалась совершенно. Онѣ остались въ качествѣ мѣстныхъ обществъ, обязанныхъ круговою отвѣтственностью за преступленіе, совершенное въ ихъ предѣлахъ, съ властью разыскивать преступника и произносить приговоръ о виновности своего сочлена. На сѣверовостокѣ Руси верви исчезли, и съ значеніемъ ихъ позднѣе являются волости. Но дѣло въ томъ, что самыя волости на сѣверовостокѣ Руси, повидимому, не были дальнѣйшимъ шагомъ въ группировкѣ мѣстныхъ обществъ, не пошли въ своемъ объемѣ далѣе того, что обнимали верви.

Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда приходилось искать преступника, копы собирались и производили судъ по нѣкоторымъ гражданскимъ правонарушеніямъ, которыя случались между сосѣдями. Но такія копы были особымъ видомъ полюбовныхъ разбирательствъ, признаннымъ, впрочемъ, обязательнымъ. Такъ, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда у кого нибудь совершалась потрава, потерпѣвшій собиралъ околныхъ людей, свидѣтельствовалъ ее и затѣмъ вызывалъ владѣльца скота на копу: во что оцѣнивала копа потраву, то владѣлецъ скота и долженъ былъ выплатить ¹³⁷¹⁾). По составу своему такія копы, вѣроятно, были однородны съ тѣми, которыя собирались тяжущимися, когда разбирали ихъ споръ полюбовныя судьи, т. е. состояли изъ однихъ околныхъ жителей, бывшихъ свидѣтелями потравы.

Не смотря на то, что благодаря обращенію тяжущихся въ суду господарскому, суду полюбовныхъ судей и копному, масса дѣлъ отвлекалась отъ разбирательства намѣстниковъ-державцевъ, послѣдніе не справлялись со всею правительственною работою, которую задавала имъ ихъ судебная обязанность. Паны, державшіе волости, отвлекались постоянно какъ своими собственными дѣлами, по имѣньямъ, въ которыхъ они были господарями, такъ и „справами господарскими и зем-

¹³⁷¹⁾ 2 арт. XII раздѣла Статута 1529 года.

скими⁴, потому что они были обыкновенно придворными сановниками, членами рады великаго княжества и, кромѣ того, часто господарскими намѣстниками въ другихъ волостяхъ (знатные паны постоянно держали по нѣскольку господарскихъ дворовъ съ волостями). Обыкновенно они поручали вести все управленіе, чинить судъ и управу въ волостяхъ, своимъ слугамъ, которые назывались ихъ *намѣстниками*. Но такой порядокъ съ теченіемъ времени въ примѣненіи къ шляхтѣ, которая все болѣе и болѣе росла какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ правительства, долженъ былъ оказаться неподходящимъ. Поэтому и король Сигизмундъ въ Статутѣ 1529 года постановилъ: „воеводы и старосты и державцы наши маюг кожды у своемъ повете обрати двохъ земляниновъ людей добрыхъ а годныхъ веры и ку присязе привести, а встановити тымъ обычаемъ: коли панъ воевода и староста и державца нашъ коли за некоторыми справками нашими або земскими не поспешны будутъ которыхъ правъ судити; тогда тые два землянины весполокъ зъ намѣстники и маршалки тыхъ пановъ вранниковъ нашихъ маюг того смотрети и то справовати водле тыхъ писаныхъ правъ, которыхъ есмо усей земли дали; и писари присяжные тыхъ пановъ воевод и старост и державецъ нашихъ маюг также при нихъ быти и то все пописывати и къ тому винъ нашихъ и тежъ винъ и иныхъ доходовъ пановъ своихъ смотрети; а безъ тыхъ пановъ землянь присяжныхъ, естли бы обоюхъ не было, тогда не маюг намѣстникове ани маршалкове судити, нежли бы одинъ съ тыхъ землянинъ вставичне при нихъ мелъ быти“¹³⁷²⁾. Эти судьи, впрочемъ, по всѣмъ даннымъ, не участвовали въ разбирательствѣ дѣлъ, касающихся исключительно крестьянъ, такъ что и учрежденіе ихъ можно разсматривать, какъ прелюдію ко введенію шляхетскихъ земскихъ судовъ. Генеалогію же ихъ надо выводить отъ тѣхъ ассистентовъ, которыхъ господарскіе намѣстники обязательно должны были имѣть при себѣ во время разбирательства дѣлъ, касающихся князей, пановъ, бояръ и землянь шляхты. Въ уставной грамотѣ Волинской земли по поводу этого читаемъ: „а князя и пана и землянина старостѣ и *намѣстникомъ* нашимъ одному ихъ не судити: маеть при собѣ посадити князей и пановъ и землянь, тежъ маеть его судити“¹³⁷³⁾. Впрочемъ, такой сословный характеръ судебныхъ присутствій въ свою очередь былъ производнымъ, возникъ подъ дѣйствіемъ польской шляхетской идеи, на Волини проявившимся равнѣ

¹³⁷²⁾ 3 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.

¹³⁷³⁾ Акты Зап. Рос. II, № 54.

и сильнѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ (за исключеніемъ, конечно, Подляшья). Первоначальныя же судебныя присутствія при литовско-русскихъ намѣстникахъ, данныя собственно русскою исторіею, не имѣли такого сословнаго характера. Выше было упомянуто, что великій князь Александръ, освобождая откупщиковъ мыта и корчмы въ Мозырѣ отъ намѣстничьяго суда, писалъ о томъ не только намѣстнику, но и старцу Мозырскому, мѣщанамъ и всѣмъ людямъ волости Мозырской. Такая форма обращенія объясняется не тѣмъ только, что великій князь доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія объ увольненіи откупщиковъ отъ мѣстнаго суда и о подачѣ впредь жалобъ на нихъ самому господарю, но и тѣмъ, что старецъ и отдѣльныя лица изъ мѣщанъ и волостныхъ людей присутствовали на судѣ намѣстника и имѣли въ немъ извѣстную долю участія: „а ихъ бы есте не судили, а ни рядили“,—обращается къ нимъ господарь въ своей грамотѣ. Даже на судѣ намѣстниковъ, сидѣвшихъ въ центральныхъ городахъ областей и имѣвшихъ при себѣ бояръ и должностныхъ лицъ по наслѣдству отъ удѣльныхъ князей, встрѣчаемъ мѣщанъ. „А ему (воеводѣ), — читаемъ въ уставной грамотѣ Витебской земли,—судити по цѣлованью, нашимъ судомъ, *досмотрѣвши права* съ князи и зъ бояры, и зъ мѣщаны, и осудивши его казнити у Витебску по ихъ праву“ ¹²⁷⁴). Въ уставной грамотѣ Полоцкой земли находимъ то-же самое: „А воеводѣ нашему Полоцкому мѣщанъ одному не судити, судити его съ бояры и мѣщаны; а осудивши его, въ Полоцку жъ казнити виноватого, по ихъ праву, съ Полочаны по испросу“ ¹²⁷⁵). Впрочемъ, объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

XLIX.

Намѣстники-державцы и бывшіе на ихъ положеніи тивуны пріѣзжали въ свои резиденціи съ своими слугами, которые помогали имъ въ управленіи. Изъ среды этихъ слугъ выходили разныя должностныя лица, и прежде всего *намѣстники* намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Эти намѣстники были такими же уполномоченными, какъ сами намѣстники-державцы и тивуны были уполномоченными господарскими. Великій князь Александръ, славъ въ 1494 году на откупъ корчмы въ Минскѣ, писалъ намѣстнику Минскому пану Миволоау Ильиничу: „што бы еси самъ и намѣстнику своему приказаль, ажбы

¹²⁷⁴) Акты Запад. Рос, I, № 204.

¹²⁷⁵) Акты Зап. Рос. II. № 70.

еси въ мѣстѣ нашомъ Мѣнскомъ никто ворчомъ не мѣль, выменя тыхъ, которымъ есмо продали“. Въ слѣдующемъ году в. князь, отдавъ на откупъ на три года мыто Минское, вмѣстѣ съ запрещеніемъ вступаться въ мыто и промыту писалъ намѣстнику: „и што бы ижъ не судилъ а ни радилъ, а дѣцкихъ бы еси своихъ на нихъ не давалъ, а и намѣстникъ бы твой тежъ на нихъ дѣцкихъ не давалъ: кому бы до нихъ было дѣло, ино мы маемъ о томъ межи ними смотрѣти въ тотъ часъ, пока выдержать мыто нашо“¹³⁷⁶). Въ 1501 году великій князь, утверждая старину Пинскихъ мѣщанъ относительно подводной повинности, писалъ: „и великій князь Жигимонтъ и отецъ нашъ, король его милость, писали до нихъ, штожъ имъ только давати намѣстникомъ Пинскимъ гребцовъ по двенадцати, до первого села, до обмѣны, коли поѣдетъ до Кнубова, або до Нобля рѣвою; а намѣстникомъ ихъ, коли поѣдутъ дворовъ Пинскихъ осматривати, по чотыри гребцы, а служъ его по два гребцы, а вышей того имъ не казано давати“¹³⁷⁷). Въ привилеѣ, выданномъ тѣмъ же господаремъ кравцу Давиду Турчину на войтовство въ Пороховѣ, читаемъ между прочимъ: „а державцамъ нашимъ Волковѣйскимъ, нынѣшнему а потомъ будущому, и ихъ намѣстникомъ не надобѣ въ тое войтовство и въ ставокъ и млынъ и суды и пересуды и во вси его суды и доходы войтовскіе вступати се“¹³⁷⁸). Король Сигизмундъ, получивъ жалобу отъ конюховъ слонимскихъ на сотника и десятниковъ Слонимскихъ, которые стали привертывать ихъ въ себѣ въ тяглую службу, вопреки суду господарскому, и даже по этому поводу ихъ „разграбили“, писалъ (17 іюля 1511 года) намѣстнику Слонимскому пану Яну Николаевичу, „а не будетъ его самого на тотъ часъ, ино его намѣстнику“: „приказуемъ тобѣ, абы еси сотнику и десятникомъ приказалъ подъ виною нашою, абы имъ въ томъ дали впокой: нехай они служатъ намъ съ тыми конюхи нашими съ Кропотчаны конюшскую службу подлѣ суда нашого“¹³⁷⁹). Изъ этого листа видно, что намѣстники намѣстниковъ-державцевъ замѣняли ихъ на время отсутствія. Но даже и тогда, когда намѣстники-державцы присутствовали въ волостяхъ, лица, замѣнявшія ихъ, находились при нихъ и помогали имъ въ управленіи повѣтомъ. Какъ пужна была помощь намѣстникамъ-державцамъ, на это указываетъ между прочимъ фактъ существованія при нихъ „пона-

¹³⁷⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 163, 166.

¹³⁷⁷) Акты Зап. Рос. I, № 190.

¹³⁷⁸) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 302, 303.

¹³⁷⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 91.

мѣстничковъ“, которые выѣзжали, напр., разбирать тяжбы между крестьянами о землѣ ¹³⁸⁰⁾, несмотря на то, что при нихъ были, какъ выше было сказано, тивуны и даже *подтивуны* ¹³⁸¹⁾. Кроме того, подобно господарю, они держали иногда въ своихъ резиденціяхъ маршалковъ, которые по ихъ порученію чинили судъ по отдѣльнымъ дѣламъ.

Слуги намѣстниковъ-державцевъ ѣздили отъ нихъ *отъими*, когда когонибудь приводомъ нужно было представить на судъ намѣстника-державцы или его намѣстника, когда, затѣмъ нужно было произвести полицейскимъ порядкомъ имущественное взысканіе (движимостью) по суду ¹³⁸²⁾. Они получали за свой трудъ „дѣцкованье“, которымъ, впрочемъ, дѣлились съ своимъ паномъ. Изъ среды нихъ выходили и *отъими* намѣстниковъ-державцевъ, на обязанности которыхъ лежало официальное засвидѣтельствованіе различныхъ правонарушеній и удовлетвореній по нимъ и вообще обезпеченіе частныхъ лицъ „урядовымъ“ свидѣтельствомъ въ дѣлахъ полученія правосудія ¹³⁸³⁾. Посылка вижей давала возможность мѣстнымъ правителямъ, не выѣзжая изъ своей резиденціи, чинить правосудіе по дѣламъ, требовавшимъ знакомства съ правонарушеніемъ на мѣстѣ. Воеводѣ Полоцкому Яну Юрьевичу Глѣбовича жаловались опекунъ игуменьи Полоцкой Тиша Быковскій и бояринъ полоцкій Томко Кветодовичъ на бояръ полоцкихъ Путату и Семена Оедьковичей, „што жъ дей они зъ имѣнья своего Ульскаго церковные звѣчистые земли вгвалтомъ моцью, на имя Яновскую а Василевскую, пашные и бортные, и сѣножатн за себе позабирали и на деревѣ бортномъ клейна свои поклади и новые грани въ тыхъ же земляхъ собѣ почивили,... и въ тыхъ дей земляхъ церковныхъ борть пана Томкову забрали“. Они „подняли“ на разбирательство этого дѣла самого воеводу, который выѣзжалъ на мѣсто и разбиралъ дѣло о земляхъ. „А што ся твнеть дерева бортного скажонного, — гласить вырокъ воеводы, — на то дали есмо тымъ людямъ церковнымъ и пану Томку вижомъ служебника нашего Сироту, который маеть того дерева кажного осмотрѣти и переписать, а якъ переписи-

¹³⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.; № 160, арт. I.

¹³⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 222.

¹³⁸²⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204; II, № 70, 159, 160; 34 и 36 арт. VI раздѣла Статута 1529 г.; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 171, 172.

¹³⁸³⁾ 8 арт. V разд., 10, 31, 34, 36. арт. VI разд., 2, 13, 15, 19 арт. XII разд. Статута 1529 г.; Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 207 — 210, 253—254.

шесть, такъ маемъ на томъ съ паны бояры земли Полоцкое сѣсти и того съ obu сторонъ межи ними досмотрѣти и конецъ тому вчинити“¹³⁸⁴⁾. Воевода Виленскій разбиралъ въ 1542 году сентября 22 жалобу пана Августина Фурса на боярыню Виленскаго повѣта Олену, вдову Михна Рекутевича, „о потравенъе збожъя и побранъе быдла и починенъе многихъ шкодъ на земляхъ имѣнья Городилова“. Фурсъ представилъ воеводѣ и документъ въ доказательство своего иска, по поводу котораго объяснилъ: „што жъ обводилъ вижомъ, въ двора Марковского взятымъ, Юхномъ Олехновичомъ,—тотъ вижъ зъ людьми сторонними, ошадовавши шкodu мою на тыхъ поляхъ, на реєстръ подъ печатью своею мнѣ далъ“¹³⁸⁵⁾. Вижамъ, которыхъ частныя лица брали отъ господарскихъ урядниковъ, платилось *вижовое* сообразно съ рангомъ мѣстныхъ правителей¹³⁸⁶⁾; повидимому, они не сполна пользовались имъ, какъ и дѣцкіе дѣцванъемъ. Дѣятельность вижей давала возможность обходиться во многихъ случаяхъ безъ послыки судей на мѣсто и, такимъ образомъ, уменьшала и ограничивала дѣятельность копныхъ судовъ, совершавшихся на мѣстѣ, при участіи судей, посланныхъ отъ господара или уряда, или взятыхъ сторонами „съ своею рукою“. Но по отношенію къ копнымъ судамъ, отправлявшимся безъ участія этихъ судей, учрежденіе вижей было однимъ изъ благопріятныхъ условій. Приглашеніе вижей въ качествѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, третьей стороны, сообщало большую силу и законность ихъ рѣшеніямъ¹³⁸⁷⁾, а, слѣдовательно, и располагало частныхъ лицъ доходить своего копнымъ правомъ. Необходимо замѣтить, кромѣ того, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ приглашеніе вижей давало возможность произвести имущественное взысканіе безъ посредства дѣцкихъ, такъ что вижи отчасти замѣняли собою дѣцкихъ. „Теж естли бы што кому судьи обчы присудили,—гласять 31 арт. VI раздѣла Статута 1529 года,—и рокъ заплатѣ положили, а оный бы на тые роки того платити не хотель; тогда тые судьи мають взяти вижа у дворе нашом, который колвекъ наближе будетъ, и при ономъ вижи мають того пограбити, и тотъ грабежъ дати тому, кому што присудять, и рокъ виноватому положить подъ утраченъемъ того грабежу, иж бы тотъ грабежъ выкупилъ“. Это постановленъе Статута 1529 года, очевидно, имѣетъ

¹³⁸⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 253, 254.

¹³⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Судн. Дѣлъ XI, л. 43—45.

¹³⁸⁶⁾ 34 арт. VI раздѣла Статута 1529 года.

¹³⁸⁷⁾ 35 арт. VI раздѣла Статута 1529.

въ виду сокращеніе волокиты. Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда не производился платежъ по судебному рѣшенію (какихъ судей—все равно), брался дѣцвій у господаря или мѣстныхъ правителей. Статутъ предоставилъ взысканіе самимъ судьямъ, которые должны были производить его предъ вижемъ урядовымъ ¹³⁸⁸). Но еще болѣе, чѣмъ въ дѣцкому, приближался вижъ къ *уязчему*, который вводилъ во владѣнне имѣнными, присужденными кому нибудь по суду „за долгъ або за которую колвекъ иншую причину“ ¹³⁸⁹).

Дѣцвями, вижами и уязчыми посылались, по всѣмъ признакамъ, не одни и тѣ же лица, которымъ это належало по должности, но разныя, такъ что отправленіе этихъ обязанностей носило характеръ исполненія отдѣльныхъ порученій. Въ противоположность этому *писарями и дьяками* при мѣстныхъ правителяхъ были постоянно извѣстныя лица, специалисты своего дѣла, которыхъ привозили и увозили съ собою ихъ паны. При намѣстникахъ-державцахъ по актамъ встрѣчаемъ обыкновенно дьяковъ. Такъ, король Сигизмундъ въ 1508 году пожаловалъ Алексѣю Левоничу, дьяку намѣстника Слонимскаго пана Яна Николаевича, трехъ человекъ въ селѣ Мелкіяновичахъ въ Литовскомъ десяткѣ Слонимскаго повѣта ¹³⁹⁰). При воеводахъ и старостахъ, кромѣ дьяковъ, встрѣчаемъ и писарей въ качествѣ начальниковъ надъ дьяками, такъ какъ и канцелярское дѣлопроизводство при воеводахъ и старостахъ было болѣе обширнымъ и сложнымъ, чѣмъ при намѣстникахъ-державцахъ, но объ этомъ еще будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ

Намѣстники-державцы поручали иногда своимъ слугамъ и отдѣльныя отрасли управленія. Такъ, напр., державца Марковскій панъ Янъ Николаевичъ при королѣ Сигизмундѣ установилъ своихъ лѣсничихъ для господарской пущи, находившейся въ его повѣтѣ ¹³⁹¹) и т. д. Но кромѣ должностныхъ лицъ, выходившихъ изъ среды слугъ намѣстниковъ-державцевъ, при нихъ находились и нѣкоторыя должностныя лица, назначавшіяся изъ мѣстнаго общества, главнымъ образомъ изъ среды военнослужаго класса. Таковыми были, кромѣ упоминавшихся уже *хоружихъ, городничіе*, которые назначались господаремъ для важнѣйшихъ замковъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые были въ державнѣхъ намѣстниковъ-державцевъ. Ихъ обязанности были изложены выше (на

¹³⁸⁸) Срав. арт. 36 арт. VI раздѣла.

¹³⁸⁹) 17 арт. VIII раздѣла Статута 1529 г.

¹³⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 280.

¹³⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6.

стр. 474, 475); здѣсь умѣстно будетъ прибавить, что они распоряжались подъ вѣдѣніемъ и руководствомъ намѣстниковъ-державцевъ, были ихъ помощниками въ своемъ дѣлѣ, а не самостоятельными должностными лицами. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать по аналогіи съ тѣмъ положеніемъ, которое они занимали при намѣстникахъ главныхъ городовъ земель. Великому князю Александру жаловались бояре полоцкіе Богданъ и Глѣбъ Остафьевичи, Михаилъ и Ивашко Зеновьевичи на то, что намѣстникъ Полоцкій ввелъ имъ новину, обязавъ ихъ рубить 8 городень, тогда какъ они рубили обыкновенно двѣ городни. Великій князь „вдѣлалъ по старому: мають они тыи свои двѣ городни робити по старому, подлугъ давного обычая; а тобѣ, намѣстнику нашему, и городничому Полоцкому пособирцины зъ ихъ людей не надобѣ брати“¹³⁹²). Должность эта унаслѣдована Литовско-Русскимъ государствомъ отъ древней Руси, которая имѣла, какъ извѣстно, городниковъ, получавшихъ свои „оуроци“¹³⁹³). Была ли это въ древнее время постоянная должность, или же она замѣщалась лишь только тогда, когда было нужно, сказать трудно по недостатку данныхъ. Должность городничаго въ изучаемое время на Руси Литовской была постоянною, хотя существовала и не во всѣхъ городахъ, а только въ наиболѣе важныхъ. Впрочемъ, и тутъ бывали исключенія. Король Казимиръ въ 1460 году писалъ намѣстнику Полоцкому пану Олехну Судимонтовичу: „говорили намъ бояре Полоцкіе и мѣщане и все посполство, што жъ дей городничого въ нихъ здавна не бывало у Полоцку, а коли дей надобѣ городъ Полтескъ робити, намѣстникъ нашъ, который городъ Полтескъ отъ насъ держитъ, тотъ дѣло городовое рассказываетъ дѣлати нашимъ людемъ, которые наши люди зъ волостей нашихъ Задвинскихъ Полтескъ рубливали издавна, и пригономъ Полоцкимъ и инымъ волостемъ, которые издавна городъ Полтескъ рубливали. И били намъ чоломъ, абыхмо вчинили по старому, приказали быхмо тобѣ, абы ты рассказывалъ городъ Полтескъ рубити, коли будетъ его надобѣ рубити. И мы ихъ пожаловали, *городничого не надобѣ намъ имъ давати*: коли ся пригодить дѣло городовое, ино ты, намѣстникъ нашъ, а любонный, который потомъ будетъ отъ насъ городъ Полтескъ держати, маеть привазывати а роздавати дѣло волостемъ Задвинскимъ и Полоцкимъ пригономъ и инымъ волостемъ, которые будутъ издавна городъ Полтескъ рубливали; недей будетъ такъ, какъ и будетъ издавна, при

¹³⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 152.

¹³⁹³) Ст. 108 Русской Правды по Барамз. списку.

дади напомъ при великомъ князѣ Витовтѣ и Жиггимонтѣ¹³⁹⁴). Но уже при великомъ князѣ Александрѣ мы снова по актамъ встрѣчаемъ городничихъ въ Полоцкѣ. Изъ замковъ, дававшихся въ держанье намѣстникамъ-державцамъ, городничихъ, какъ было уже сказано выше, имѣли, напр., Минскъ, Каменецъ.

Въ Браславлѣ Литовскомъ встрѣчаемъ *подкомюшало* Васка, у котораго панъ Ивашко Сопѣга купилъ домъ въ мѣстѣ Браславскомъ, въ которомъ онъ съ дозволенія великаго князя Александра устроилъ ворчму пивную и медовую съ тѣмъ, чтобы доходъ съ нея шелъ на церковь Св. Духа на Иважнѣ¹³⁹⁵). Не былъ-ли Браславль когда-нибудь стольнымъ городомъ, такъ какъ конюшихъ и подкомюшихъ мы встрѣчаемъ по актамъ въ такихъ именно городахъ?

При нѣкоторыхъ намѣстникахъ-державцахъ, въ повѣтахъ которыхъ находилось много лѣсовъ съ господарскими бортными деревьями и звѣринными гонами, встрѣчаемъ особыхъ должностныхъ лицъ, которые завѣдывали эксплуатаціею лѣсныхъ пущъ, именно: гаевниковъ, лѣсничихъ, бобровничихъ. Король Сигизмундъ въ 1518 году заставилъ пану Богушу Боговитиновичу замокъ Каменецъ „зъ мѣстомъ и зъ волостными людьми, и съ слугами путными и давными, и бобровники, и зъ осочники, и зъ гаевничствомъ и бобровничствомъ, и зъ лѣсничымъ, и зъ дякы оржаными и овсяными, и съ пашнею, и съ куничными пенязми и поборными и съ иными всякими платы и доходы, которыи передъ тымъ на насъ на господаря и на врадниковъ нашихъ хоживали“. Должности гаевника, бобровничаго и лѣсничаго выясняются изъ дальнѣйшаго текста заставнаго листа. „А што передъ тымъ,—читаемъ здѣсь,—на нашъ приѣздъ гаевникъ Каменецкій давалъ кони, того вже онъ не маеть давати. А зъ дани медовое маеть брати собѣ третью часть, а намъ маеть давати двѣ части. А бобровныи гоны вси мають на насъ быти. А пуцу нашу Каменецкую всю маеть завѣдати и сторожу добрую мѣти, абы звѣру нашому шкоды не было; а отъ всего бы намъ шкода была, того намъ маеть объявити; а самъ звѣру нашего въ той пуцы ловити не маеть, нижли маеть ловити по тымъ мѣстомъ, гдѣ первыи намѣстники Каменецкіи ловливали, и то кромѣ зубровъ“¹³⁹⁶). Итакъ, гаевникъ завѣдывалъ въ господарскихъ пущахъ бортными деревьями, которыя крестьяне „подлазили“ или на господаря, или на себя подъ условіемъ платежа опредѣленной дани медомъ; бо-

¹³⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. Ш, л. 14.

¹³⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 131, 132.

¹³⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис VII, л. 592, 593.

бровничай завѣдывалъ бобрими гонами, надзиралъ и руководилъ битьемъ бобровъ на господаря, а лѣсничай оберегалъ господарскія пущи отъ браконьеровъ. Эти должностныя лица по своимъ вѣдомствамъ были, однако, только помощниками намѣстниковъ - державцевъ. Косвеннымъ указаніемъ на это служитъ самый фактъ отдачи гаевничества, бобровничаго и лѣсничаго пану Богушу Боговитиновичу вмѣстѣ съ намѣстничествомъ въ Каменцѣ. Очевидно, что должностная дѣятельность гаевника, бобровничаго и лѣсничаго находилась въ зависимости отъ руководства и надзора державцы, была только дополненіемъ къ его собственной дѣятельности. Для болѣе успѣшнаго обереганія своихъ „пожитковъ“ и для предоставленія дохода большому числу лицъ, господарь назначалъ особыхъ гаевниковъ, бобровничихъ и лѣсничихъ, не слагая, однако, при этомъ, заботы о своихъ пуцахъ и доходахъ съ нихъ съ намѣстника - державцы, старосты или воеводы, въ чьемъ повѣтѣ находились пущи. Поэтому, и распоряженія, касающіяся до пущъ и доходовъ съ нихъ, обыкновенно адресовались не только гаевникамъ, бобровничимъ и лѣсничимъ, но и намѣстникамъ. Такъ, напр., въ 1493 году великій князь Александръ, пожаловавъ плебану Дорогицкому „шесть ручокъ меду прѣсного“ изъ дани своей „до воли“, писалъ объ этомъ намѣстнику Дорогицкому пану Якубу Довойновичу и гаевнику Дорогицкому¹²⁹⁷⁾. Намѣстники въ силу этого съ своей стороны часто дѣлали распоряженія, касающіяся вѣдомства гаевниковъ, бобровничихъ и лѣсничихъ. Такъ, напр., панъ Миколай Миколаевичъ Радивиловича въ бытность свою намѣстникомъ въ Бѣльскѣ далъ землянину Миколаю Петрыковскому двѣ земли пустовскихъ, Пухмовщину и Гриневащину, „и казалъ ему съ тое земли порубы и куницу и дань медовую *до гаевника давати*, а обѣдъ нашъ (господарскій) посполу зъ иными людьми поднимати“¹²⁹⁸⁾. Очевидно, что и земли тѣхъ людей, которые „подлазили“ бортныя деревья въ господарскихъ пуцахъ, были въ вѣдѣніи гаевниковъ. Панъ Миколай Юрьевичъ въ бытность намѣстникомъ въ Дорогичинѣ отвелъ землянину Михаилу Косенскому двѣ земли, въ Сморглевичахъ Моршковскую и въ Чорной Куновскую, согласно пожалованью короля, и написалъ въ листѣ „увязчемъ“, что это замку господарскому будетъ не шкодно. „И вжо тыми разы, — гласитъ королевское подтвержденье, — казали есмо о томъ достаточне са довѣдати воеводѣ Новгородскому, маршалку нашему, старостѣ До-

¹²⁹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 2, 3.

¹²⁹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 94.

рогицкому пану Яну Яновичу Заберезенскому, естли бы то было такъ подлѣ листу увязчого пана Миколая. И панъ Янъ, опытавши писаря и гаевника *Дорогицкого*, намъ отказалъ, ижъ то замку нашему не шкодно и листь свой на то ему даль¹³⁹⁹⁾. Подчиненное положеніе гаевника по отношенію къ старостѣ Дорогицкому проявляется и въ томъ, что судъ гаевника былъ низшею инстанціею по отношенію къ суду старосты. „А што ся тычетъ того, — читаемъ въ наказѣ короля Сигизмунда, — коли ся шкода станетъ дереву нашему бортному, тогда на тое дѣло мають выѣхати гаевникъ, а вижъ городскій, а два коморники, судьянъ и подсудковъ, а писаръ городскій, и мають тую рѣчь судити и конецъ вчинити; а естли бы они не могли тому конца вчинити, абы бы кому видѣла ся кривда: тогда они мають то отвѣзати передъ старостою и судьею и подсудкомъ, и они мають тому конецъ вчинити“¹⁴⁰⁰⁾. Итакъ, гаевникъ является правительственнымъ сотрудникомъ старосты Дорогицкаго; по аналогіи можно заключить то же самое и о гаевникахъ, находившихся при намѣстникахъ-державцахъ. Такое же положеніе, по всѣмъ даннымъ, занимали и бобровничіе съ лѣсничими. Необходимо замѣтить, что эти должности не всегда сосуществовали, такъ что и гаевниковъ мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ повѣтахъ безъ лѣсничихъ и бобровничихъ, и послѣднихъ безъ гаевниковъ и порознь другъ отъ друга. Какого либо однообразія въ данномъ случаѣ не было, и должности учреждались сообразно мѣстнымъ особенностямъ въ господарскомъ хозяйствѣ и мѣстнымъ потребностямъ въ управленіи. Такимъ образомъ, въ Саражской волости Бѣльскаго повѣта встрѣчаемъ гаевника и не встрѣчаемъ лѣсничаго и бобровничаго¹⁴⁰¹⁾; въ Бирштанскомъ и Дорсунишскомъ повѣтахъ встрѣчаемъ гаевниковъ и т. д. Въ 1518 году король Сигизмундъ заставилъ князю Матѳею Милитивичу, намѣстнику Бирштанскому, дворъ Бирштаны Троцкаго повѣта „зъ бояры и зъ мѣстомъ, и со всеми людьми того двора нашего путными и данными, и тяглыми, и съ конюхи, и конокормцы, и зъ лейти, и зъ ловцы, и псарцы и зъ ихъ всякими службами, и зъ данymi грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и зъ пенязми корчомными, и зъ дякы оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подявольнымъ, и зъ лѣсничымъ *Бирштанскимъ*, и со всемъ тымъ, какъ тотъ дворъ на насъ держанъ былъ; и тежъ дозволили есмы въ ~~каждый~~ ^{каждый} годъ въ пуци нашей Бирштаньской звѣру

¹³⁹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 170.

¹⁴⁰⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 64.

¹⁴⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 144.

на себе бити по чотыры олени, а по чотыры вепры, а сернь што потреба“¹⁴⁰²). Въ 1524 году король пожаловалъ воеводѣ Виленскому, канцлеру, старостѣ Бѣльскому и Мозырскому Альбрехту Мартиновичу Гаштольду дворъ Дорсунишки въ держанье до живота „зъ лѣсничимъ и зъ мытомъ, и зъ езомъ, и съ перевозомъ Дорсунишскимъ“¹⁴⁰³). При иныхъ намѣстникахъ-державцахъ вовсе не встрѣчаемъ этихъ должностныхъ лицъ, и пушами господарскими они завѣдуютъ сами. Такъ, въ заставномъ листѣ короля Сигизмунда, выданномъ въ 1516 году намѣстнику Волыницкому и Лепунскому пану Якубу Кунцовичу на дворы, находившіеся въ его держаньѣ, читаемъ: „а пушу нашу Волыницкую и Лепунскую маеть панъ Якубъ отъ насъ завѣдати, какъ и передъ тымъ“¹⁴⁰⁴). Но съ другой стороны, встрѣчаемъ гаевника, лѣсничаго и бобровничаго въ округѣ, который по значенію своему равнялся части повѣта, какимъ завѣдывалъ намѣстникъ-державца. Какъ было уже сказано въ первомъ очеркѣ, въ Берестейскомъ повѣтѣ существовалъ десятокъ Подляшскій, люди котораго пасли животину въ Берестейскомъ дворцѣ Кіевцѣ¹⁴⁰⁵). Изъ другихъ указаній источниковъ узнаемъ о существованіи пущи въ мѣстности, гдѣ былъ этотъ десятокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ гаевника, лѣсничаго и бобровничаго Подляшскихъ. Въ 1511 году король Сигизмундъ писалъ старостѣ Берестейскому пану Юрью Ивановича: „Дали есмо гаевнитство Подляшское земаничу Берестейскому Яну Копытовскому со всемъ по тому, какъ и первыи гаевники держивали, и ты бы ему въ то увязанье далъ“¹⁴⁰⁶). *Лѣсничій Подляшскій* панъ Андрей Борисовичъ Лозка является въ числѣ судей, которые выѣзжали на мѣсто разбирать тяжбу пана Льва Боговитиновича съ старостою Берестейскимъ паномъ Юрьемъ Ивановичемъ Ильинича объ имѣннѣ Вортолѣ¹⁴⁰⁷). Въ 1514 году Сигизмундъ подтвердилъ бобровничему Подляшскому Павлу Скирминвичу жеребій Козловскій въ селѣ Буацахъ Дорогицкаго повѣта¹⁴⁰⁸) и т. д.

Въ Каменецкомъ повѣтѣ, какъ и въ другихъ округахъ Берестейско-Подляшской земли встрѣчаемъ по актамъ *подкоморихъ*, учрежденныхъ по польскому образцу для разграниченья земель и разбиратель-

¹⁴⁰²) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 6, 7.

¹⁴⁰³) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 133.

¹⁴⁰⁴) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 157, 158.

¹⁴⁰⁵) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 29.

¹⁴⁰⁶) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 6.

¹⁴⁰⁷) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 77, 78.

¹⁴⁰⁸) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 232.

ства земельных тяжбъ на мѣстѣ ¹⁴⁰⁹⁾, затѣмъ, въ Берестейско-Подляшской землѣ и въ Городенскомъ повѣтѣ—*wojskiem*, установленныхъ также по примѣру Польши ¹⁴¹⁰⁾; въ чемъ состояла эта должность, намъ не удалось найти указаній. Болѣе подробныя разысканія откроютъ, быть можетъ, существованіе по разнымъ мѣстностямъ и другихъ должностныхъ лицъ при намѣстникахъ-державцахъ.

I.

Несмотря на существованіе особыхъ должностныхъ лицъ для завѣдыванья отдѣльными отраслями управленья, намѣстники-державцы были органами общаго управленья въ своихъ повѣтахъ, такъ какъ и дѣятельность этихъ особыхъ должностныхъ лицъ совершалась не безъ ихъ участія, общаго руководства и надзора. Къ такому же заключенію приводитъ и разсмотрѣніе судебной-административной дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ по возбужденію отъ центрального правительства. Имъ приходилось исполнять разнообразныя правительственныя порученья, которыя не ограничивались какимъ либо однимъ родомъ дѣлъ и не касались какихъ либо отдѣльныхъ классовъ. По требованію центрального правительства намѣстникъ-державца наводилъ, напр., справку о той или другой землѣ, объ имѣніи, на которое являлись просители у господаря, и отсылалъ эту справку по назначенію. Примѣры тому были приведены выше, когда шла рѣчь объ условіяхъ пожалованья пустыхъ и населенныхъ земель (стр. 371—372). Иногда господарь поручалъ наведеніе справокъ дворянину, котораго посылалъ къ намѣстнику-державцѣ, а послѣднему приказывалъ не препятствовать ему. Такъ, напр., король Сигизмундъ въ 1522 году, извѣщая державцу Ожскаго и Переломскаго пана Януша Ставиславовича о томъ, что панъ Иванъ Сопѣга просилъ тридцать службъ людей въ Переломскомъ повѣтѣ въ своему имѣнію Лепунамъ, писалъ ему: „Ино мы для того послали тамъ дворянина нашего и казали ему тыхъ людей доведатися и пописать, колько съ тыхъ людей дачоужь и служобъ, а которые службы и дачки намъ съ нихъ идутъ, и намъ отказать. И твоя бы милость тому дворянину нашему тыхъ людей попи-

¹⁴⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 296; *Bonieckiego Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników*, str. XXI.

¹⁴¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 37; IX, л. 209; XII, л. 271, 272 XV, л. 131, 134 *Bonieckiego Poczet rodów. Spis dygnitarzy i urzędników*, str. XLVIII, XLIX.

совати не заборонялъ“ ¹⁴¹¹⁾). Въ случаѣ пожалованья кому либо людей и земель намѣстникъ-державца, по порученью центрального правительства, вводилъ во владѣніе или давалъ „увязанье“. Въ 1442 году великій князь Казимиръ королевичъ писалъ намѣстнику Клецкому пану Ивашку Рогатинскому: „Просилъ въ насъ панъ Ѡедво Немировичъ данниковъ у Клецкой волости на имя Огаревичи. И мы ему дали тые люди противъ тыхъ сель Туровскихъ, и ты бы его увезалъ въ тые люди и у село у Огаревичи“ ¹⁴¹²⁾). Въ 1473 году, извѣщая намѣстника Минскаго о пожалованьѣ писарю Васку Любичу села въ Минскомъ повѣтѣ и двухъ человекъ, Климовичей и Чолятичей, король писалъ ему: „и ты бы его *велѣлъ* во все тое увязати“ ¹⁴¹³⁾). Въ 1484 году Казимиръ, пожаловавъ сокольнику Заньку землю въ Лидскомъ повѣтѣ по женѣ, дочери сокольника же Гридя, извѣщалъ объ этомъ для соответствующихъ распоряженій намѣстника Лидскаго и писалъ: „нехай онъ тую землю держитъ по тому, какъ и тотъ Гридя держалъ, а намъ съ тое земли службу служить, какъ и первѣй того намъ съ тое земли служба пла“ ¹⁴¹⁴⁾). Намѣстники-державцы вводили во владѣніе имѣньями не только пожалованными, но и вупленными и вымѣненными. Тотъ же король Казимиръ писалъ намѣстнику Каменецкому пану Ивашку Рогатинскому: „Просилъ у насъ Александро Ходкевичъ и братъ его Тишко, што жъ быхмо призолили Александру продать Тишку брату своему чотыре человекъ на имя Грыгорьевичи а Микульчычи и тры жеребьи пустыи: Дремлевскій, а Бряковскій, а Невовскій, противъ данья великого князя Жикгимонта, дяди нашего. И ты бы тымъ людемъ велѣлъ слухати Тишка потому жъ, какъ слухали брата его Александра“ ¹⁴¹⁵⁾). Великій князь Александръ въ 1486 году приказалъ намѣстнику Вруцкому князю Григорью Борисовичу Глинскому отобрать у землянки Ленковой монастырь св. Праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны и дать въ него „увязанье“ княгинѣ Дашковой ¹⁴¹⁶⁾). Король Сигизмундъ въ 1507 году, пожаловавъ дворянину Иванку Мотову дворъ въ мѣстѣ Мозырскомъ, велѣлъ „увязать“ его намѣстнику Мозырскому пану Якубу Ивашенцовичу ¹⁴¹⁷⁾). Въ томъ же

¹⁴¹¹⁾ Литов. Метр. кн. запис. X, л. 70, 71.

¹⁴¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. III, л. 31.

¹⁴¹³⁾ *Ibidem*, л. 47.

¹⁴¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 120.

¹⁴¹⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 633.

¹⁴¹⁶⁾ Акты Зап. Рос. I, № 140.

¹⁴¹⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 131.

году, извѣщая намѣстника Опменскаго о пожаловани конюху дворному Петру Войтовичу пустой земли тяглою Совкиновщины, король писалъ: „а онъ маеть намъ съ тое земли службу служить конюшскую при дворѣ нашомъ; а ты бы ему въ то увязанье далъ“¹⁴¹⁸⁾. Въ 1514 году король писалъ намѣстнику Мозырскому пану Юрью Николаевичу Радивиловича: „Билъ намъ чоломъ писарь нашъ, намѣстникъ Перевальскій, панъ Ѳедко Михайловичъ Светоша и вбазывалъ передъ нами листъ сестренца своего, дворянина нашего небожчика Ивана Булатова, што жъ онъ осталъ ему виненъ нѣкоторою сумою пенязей и, отходячи того свѣта, отписалъ ему имѣнейцо свое, што на насъ былъ выслужилъ въ Мозырскомъ повѣтѣ, село на имя Новоселки, и поручилъ ему душею своею опекасти. И билъ намъ чоломъ писарь нашъ Ѳедко Светоша, абыхмо того отъ него имѣнейца не отдавали, а тымъ быхмо таки его пожаловали.—И твоя бы милость въ то ему увязанье далъ и не казалъ былъ твоя милость иному никому въ тое село уступатись, и стацей и подводъ, и розметовъ недѣльныхъ и иныхъ всякихъ податей съ тыхъ людей его не казалъ бы твоя милость брати, и казалъ бы твоя милость имъ во всимъ дати впокой“¹⁴¹⁹⁾. Изъ этого видно, что самыя порученія, которыя возлагало центральное правительство на намѣстниковъ-державцевъ по вводу во владѣніе, обусловливались значеніемъ ихъ, какъ органовъ общаго управленія которые вѣдали государственныя повинности и гражданскія отношенія людей, жившихъ въ ихъ повѣтахъ. Иногда намѣстникамъ-державцамъ поручалось не только ввести кого либо во владѣніе, но и ограничить пожалованное имѣніе. Въ томъ же 1514 году скорбному Троцкому Вацлаву Сенковичу выданъ листъ до намѣстника Стовлишскаго Кгетовта, содержаніе котораго запись Литовской Метрики передаетъ такимъ образомъ: „Дано сѣножать на имя Докнишки на рѣцѣ на Виркии напротивку его сѣножати; казано, абы отиѣрилъ тое сѣножати толко, колко и его было, и ему увязанье далъ“¹⁴²⁰⁾. Въ 1522 году король приказалъ намѣстнику Чернобыльскому пану Михаилу Павигѣ „подать“ челоуѣва путнаго въ Чернобыльскомъ повѣтѣ въ Вѣлгородской волости Мартина Зеньковича дворянину Матеею Заморенку „и въ землю Кривскою, на которой тотъ чолоуѣкъ сѣдять“¹⁴²¹⁾ и т. д.

¹⁴¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 176.

¹⁴¹⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 232, 233.

¹⁴²⁰⁾ Ibidem, л. 233.

¹⁴²¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 44.

Такъ какъ „уязычіе“ получали доходъ за свою „працу“, то господарь посылалъ часто вводить во владѣніе кого-нибудь изъ своихъ дворянъ. Доходы отъ „уязычаній“ въ имѣнья не были непременною принадлежностью намѣстниковъ-державцевъ, и если они пользовались ими, то единственно въ силу отдѣльныхъ распоряженій господара. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда пріѣзжалъ дворянинъ изъ столицы „уязычивать“ въ имѣнье, намѣстникъ-державца долженъ былъ иногда ex officio принимать нѣкоторое участіе въ актѣ ввода во владѣніе. Такъ бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда вводъ во владѣніе совершался по суду. Намѣстникъ Дорогицкій панъ Якубъ Довойновичъ, разобравъ на мѣстѣ по порученію великаго князя Александра, тяжбу между земанами дорогицкими Станиславомъ Патрикозскимъ и Максимомъ Колоцкимъ о третьей части имѣнья Патрикозъ, присудилъ ее Колоцкому. Но Патрикозскій послѣ суда выгналъ Колоцкаго изъ имѣнья, „люди ему перебилъ и пограбилъ“. Колоцкій пожаловался великому князю, и послѣдній, утвердивъ за нимъ имѣнье, кромѣ того, присудилъ ему на Патрикозскомъ „вгвалту“ 12 рублей грошей, столько же „вины“ въ свой скарбъ, а „шкоды и грабежи“ Колоцкому. Все это великій князь велѣлъ „мощно справити“ дворянину своему Михаилу Падейковичу, а намѣстнику Дорогицкому приказалъ, если понадобится, дать дворянину помочь, „съ кимъ бы онъ то на немъ справилъ“¹⁴²²⁾ и т. д.

По порученью изъ центра намѣстникъ-державца пріискивалъ людей и земли для пожалованья разнымъ лицамъ. Въ 1502 году король Александръ, пожаловавъ татарамъ Исаку и Легимбердею Кенковичамъ девять служебъ людей и три пустощины въ Красносельскомъ повѣтѣ, писалъ намѣстнику Красносельскому пану Ивашку Зеновьевичу: „И ты бы обыскалъ имъ три земли пустовскихъ и въ тыи люди и въ земли пустовскіи имъ бы еси уязанье далъ: нехай они на томъ собѣ домки збудуютъ, а намъ съ того служить“¹⁴²³⁾. Король Сигизмундъ, по просьбѣ боярина Кгетовта Калениковича, писалъ державцѣ Браславскому пану Ивану Семеновичу Сопѣгѣ, „абы, обыскавши у Браславскомъ повѣтѣ чотыри чоловѣки а двѣ земли пустовскихъ, и ему далъ“. „И панъ Сопѣга,—гласить подтвержденье короля отъ 26 октября 1514 года,—подлугъ писанья листу нашего чотыри человѣки а двѣ земли пустовскихъ намѣрилъ и ему далъ на имя“¹⁴²⁴⁾ и т. д.

¹⁴²²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 42.

¹⁴²³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. 17 л. 205.

¹⁴²⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 217, 218.

Выше было указано, что намѣстники-державцы по порученію отъ господара производили судебныя слѣдствія на мѣстѣ. Иногда имъ давались даже такія порученія, какъ постройкѣ костела. „Маршалокъ и писарь нашъ,—читаемъ въ одномъ листѣ короля Сигизмунда отъ 3 августа 1511 года,—намѣстникъ Довеговскій панъ Богушъ Боговитиновичъ, какъ отъ насъ Жижморя держалъ, поставилъ костель въ Жижморахъ нашего Римскаго закона святаго Жнегимонта зъ нашего розказанья“¹⁴²⁵⁾ и т. д. Можно въ актахъ понабратъ и еще много другихъ примѣровъ разнообразныхъ правительственныхъ порученій, дававшихся намѣстникамъ-державцамъ, но и приведенныхъ достаточно для характеристики ихъ значенія, какъ органовъ общаго управленія.

LI.

При отправленіи своей должности намѣстники-державцы получали разные доходы, которые разсматривались, какъ жалованье за ихъ службу господарю вообще, а не только за ту, которую они выполняли въ качествѣ мѣстныхъ правителей. Намѣстничества разсматривались, какъ кормленья, какъ одно изъ средствъ содержанія высшаго слоя военнослужаго класса, и такой взглядъ былъ не только у господара, но и въ самомъ этомъ слѣѣ, такъ что намѣстничества сдѣлались своего рода общимъ достояніемъ этого высшаго общественнаго слоя, источникомъ его доходовъ, который долженъ былъ обязательно ему принадлежать. Какъ мы уже выше видѣли, великіе князья въ своихъ грамотахъ, выданныхъ русскимъ областямъ, постоянно подтверждали, что города и волости они будутъ раздавать въ держанье мѣстнымъ боярамъ (въ томъ числѣ, конечно, и князьямъ). Того же правила, какъ это достаточно можно видѣть изъ фактовъ, собранныхъ во второмъ очеркѣ, они держались и въ отношеніи намѣстничествъ и тивунствъ въ собственной Литовской землѣ и Жмудской, раздавая ихъ мѣстнымъ служилымъ князьямъ и панамъ (знатымъ и родовитымъ боярамъ). Побужденіемъ, которымъ они руководились въ отдѣльныхъ случаяхъ при раздачѣ держаній, были заслуги и исполнительность того или другого лица; судебно-административныя способности стояли на второмъ планѣ. *Item morte obeunte tenutario, aut villico quocunque*,—гласить общеземскій привилей великаго князя Александра,—*in viltensi, aut trocensi districtibus, viltensis et trocensis palatini in suis districtibus tenutas a nobis secundum exigentiam*

¹⁴²⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 50.

meritorum, vel obsequiorum, et qui etiam videbuntur nobis idonei, illis petant, seu impetrent Et eodem modo fiat in omnibus alis districtibus ¹⁴²⁶⁾). Мало того, намѣстничества раздавались иногда прямо на пропитаніе, когда служилый человекъ почему-нибудь терялъ свое „поживленье“. Такъ, король Сигизмундъ по челобитью князя Михаила Осовицкаго о томъ, „ижь отчизна его вся отошла въ сторону непріателя Московскаго, даль ему „въ держанье“ дворъ Ясвойни до тѣхъ поръ, пока отчина его не будетъ очищена. Паны-рада просили короля взять у него дворъ Ясвойни и дать Ивану Тимофеевичу Юрлову, который повѣдалъ, „ижь имѣнье бы лѣпшее князь Михайло Микулино зъ стороны непріателя нашего къ его рукамъ пришло, а къ тому князя Богдана Путивльскаго имѣнья, онъ у своей моцы держитъ“. Король отобралъ было у князя Осовицкаго дворъ Ясвойни и отдалъ Юрлову, но князь Осовицкій представилъ королю листъ его, въ которомъ онъ писалъ, „ижь, не очистивши отчины его, не маемъ его съ того двора нашего Ясвойни рушати“, и, кромѣ того, относительно Микулина и имѣній князя Богдана заявилъ, „ижь съ того не масть се чимъ поживити и на чомъ мешвати, бо Микулинъ—волоства мала, а отъ непріателя нашего Московскаго скажона, а тыи имѣнья князя Богдановы у Кіевскомъ повѣтѣ отъ поганства татаръ спустошоны“. Вслѣдствіе этого король выдалъ ему 10 ноября 1526 года новый листъ на держанье двора Ясвойни, въ которомъ написалъ: „Ино, ачкolveкъ были есмо Ивану Юрлову тотъ дворъ нашъ подъ нимъ дали, однако жъ, паметуючи на вѣрныи заслуги его, ижь онъ, оставивши отчизну свою, замки и волость у непріателя нашего Московскаго, а самъ приѣхалъ къ намъ господару своему прирожоному, а *злаща не масть ся на чомъ теперь поживити, а намъ безъ причины слушное не годится листовъ нашихъ никому ломати, на его чолобитье то вчинили есмо, тотъ дворъ нашъ Ясвойни ему есмо заса держати дали, со осимъ съ тымъ, што здавна на державецъ нашихъ прихожизало, и какъ передъ тымъ онъ отъ насъ самъ держалъ, и не маемъ его съ того двора нашего рушати а ни подъ нимъ кому давати, а ни заставляти до его живота*“ ¹⁴²⁷⁾). Возрѣніе на „держанія“, какъ на кормленья, приводило иногда къ тому, что лица, державшія замки и волости, передавали ихъ съ согласья великаго князя своимъ роднымъ и близкимъ людямъ. Такъ, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, получивъ отъ великаго князя Александра за свою служ-

¹⁴²⁶⁾ Zbiór praw litewkich, str. 58—67.

¹⁴²⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 338.

бу замки Браславъ, Вѣницу и Звенигородъ „до живота“, въ 1517 году при личномъ свиданіи съ королемъ Сигизмундомъ повѣдалъ ему, „иже имеетъ волю тыи замки наши (т. е. господарскіе) спустити сестренцу своему князю Роману Андреевичу Александровича Сенегушковича“, и просилъ короля о дозволеніи это сдѣлать. „Ино мы, — гласитъ королевскій листъ, — зъ ласки нашее на жаданье его милости, для службы князя Романа, и тыи замки наши Браславль и Вѣницу и тежь Звенигородъ князю Роману дали отъ насъ держати до его живота со всемъ по тому, какъ князь Костентинъ его милость держалъ. А естли бы ся намъ его на тыхъ замкохъ нашихъ мѣти не видѣло, мы тыи замки наши маемъ, въ него вземли, никому иному не маемъ ихъ отдавати, нижели маемъ ихъ зася дати князю Костентину его милости“¹⁴²⁹). Взглядъ на „державны“, какъ на кормленья, ясно обнаруживается и въ обычаѣ давать по нѣскольку державій въ разныхъ мѣстахъ государства, вслѣдствіе чего мѣстные правители должны были поручать вести управленье за себя своимъ слугамъ. — Какіе же доходы получали намѣстники державцы?

Здѣсь было большое разнообразіе по отдѣльнымъ областямъ и даже повѣтамъ отчасти вслѣдствіе разнообразія доходовъ самого господара, которые шли черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ, отчасти въ силу установившихся мѣстныхъ обычаевъ и, наконецъ, въ силу особыхъ привилеевъ и „уставъ“, которыя давались намѣстникамъ-державцамъ и съ теченіемъ времени пріобрѣтали значеніе прецедента, обычая. Нѣкоторыя статьи были, впрочемъ, болѣе или менѣе общими для всѣхъ намѣстниковъ-державцевъ.

Выше было указано на то, что собственное хозяйство великаго князя достигло наибольшаго развитія въ собственной Литовской землѣ, и что намѣстники-державцы здѣсь рѣзче всего выступаютъ съ характеромъ великокняжескихъ приказчиковъ. Этимъ приказчикамъ въ видѣ жалованья господарь уступалъ часть урожая, и намѣстники-державцы, какъ было уже выше сказано, получали третью часть съ жита и яринь, а съ 1529 года съ яринъ только четвертую. „Огородныи речи“ имъ предоставлено было „суполно уживати и къ пожитку свосему оборочати“, за исключеніемъ случаевъ пріѣзда господаря, когда намѣстники-державцы должны были доставлять овощей „водлѣ шапунку и уставы кожного двора“. Въ тѣхъ повѣтахъ, гдѣ производился ловъ рыбы на господаря, намѣстникамъ-державцамъ предоставлено

¹⁴²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 158, 159.

было брать третью часть улова въ свою пользу. На такомъ же положеніи были и намѣстники-державцы въ дворахъ Жмудской земли Вилькеѣ, Веленѣ, Сверстомони и Ясвойни ¹⁴²⁸). Доходами съ разныхъ статей господарскаго хозяйства намѣстники-державцы пользовались и въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства. Такъ, напр., въ Каменецкомъ повѣтѣ, входившемъ нѣкогда въ составъ Подляшья и лежавшемъ въ лѣсной области, по сосѣдству съ Бѣловѣжскою пушею, намѣстники-державцы могли ловить на себя по извѣстнымъ мѣстамъ звѣрей ¹⁴²⁹). Въ Рѣчицкомъ повѣтѣ державцѣ волжно было бить звѣрей въ пушахъ господарскихъ людей и высылать съ этою цѣлью стрѣльцовъ. Городовымъ рыболовамъ волжно было всегда ловить рыбу въ Днѣпрѣ на державцу; мѣщане и волостные люди должны были забивать одинъ езь на Днѣпрѣ „на замокъ“, и, кромѣ того, тѣ изъ нихъ, которые имѣли свои езы на Днѣпрѣ и на другихъ господарскихъ рѣкахъ, рѣчкахъ и озерахъ, должны были отдавать на замокъ державцѣ десятую рыбу. Державца пользовался огородами, и мѣщане съ волостными людьми должны были эти огороды „городити и пахати такъ, яко слушитъ на овощовы речы“ ¹⁴³⁰). Что касается господарскаго хлѣбопашества и скотоводства внѣ предѣловъ собственной Литвы, то эти статьи, какъ уже сказано было, существовали почти исключительно для прокормленья мѣстнаго административнаго и рабочаго персонала, и часть ихъ продуктовъ шла несомнѣнно въ пользу намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ. Въ волостяхъ Жмудской земли, которыя находились въ державѣ старосты и тивуновъ, господарскія пахатныя земли эксплуатировались даже всецѣло въ пользу старосты, считались принадлежностью ихъ урядовъ, такъ что господарскихъ дворовъ въ собственномъ смыслѣ не было, а были дворы старостинъ и тивунскіе. Мѣстные крестьяне работали на нихъ; но такъ какъ староста и тивуны стали черезчуръ обременять и угнетать ихъ этими работами, чѣмъ вызвали усиленную эмиграцію изъ Жмудской земли, то король Сигизмундъ въ 1527 году освободилъ Жмудскихъ крестьянъ отъ барщинныхъ повинностей и платежей въ пользу старосты и тивуновъ и замѣнилъ все это податью съ сохъ и кормили ¹⁴³¹). Устава 1529 года, данная державцамъ и тивунамъ Жмудскихъ волостей, начинается съ подтвержденья этого освобожденья: „На-

¹⁴²⁸) Акты Зап. Росс. II, № 160, арт. 13.

¹⁴²⁹) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 592, 593.

¹⁴³⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

¹⁴³¹) Акты Зап. Рос. II, № 149.

первѣй, вси роботы, которые подданные наши чинили *въ дворянхъ и въ пашняхъ* небожчику пану *старость и тивуномъ* и доходы ему и всимъ тивуномъ, и намѣстникомъ ихъ давали, и посѣди чинили: то людемъ нашимъ все отпускаемъ“ ¹⁴³³).

Продукты, которые намѣстники - державцы получали для своего прокормленья съ господарскаго сельскаго хозяйства, имѣли значеніе и отчасти замѣнили собою тѣ кормы, которые шли намѣстнику въ старину отъ мѣстныхъ непривилегированныхъ жителей. Эти кормы удержались только тамъ, гдѣ не было дворянскихъ господарскихъ пашень и гдѣ намѣстники-державцы даже иногда и не жили постоянно, а только въѣзжали „на полюдь“. Въ составъ повѣтовъ, въ которыхъ чинили судъ и управу намѣстники-державцы, входило иногда по нѣскольку волостей, при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ волостей не имѣли совершенно господарскихъ дворовъ. Намѣстники-державцы въѣзжали въ эти волости для суда и управы въ извѣстное время, и мѣстные жители должны были давать имъ при этомъ вмѣстѣ съ „полюдьемъ“ и кормы. Въ 1509 году королю Сигизмунду били челомъ старецъ и вся волость Бчицкая о томъ, „што жъ имъ намѣстники Мозырскіи кривды почали дѣлати и новины уводити: въ той волости Бчицкой намѣстника своего держать, а они дей того намѣстника его поднимають стацеею и иными речьми, а въ томъ дей имъ кривда и тяжкость великая ся дѣть, а здавна дей намѣстники Мозырскіи въ той волости Бчицкой намѣстниковъ своихъ не держивали, нишли дей, коли бывало намѣстникъ Мозырскій приѣдетъ въ году по полюдье свое, и они на него сычивали носатку меду, а по лисицѣ давали съ каждого дыму“. Король подтвердилъ старину волости Бчицкой и приказалъ намѣстнику Мозырскому не нарушать ее ни въ чемъ ¹⁴³⁴). Волость Бчицкая, какъ извѣстно, состояла изъ данниковъ, господарскаго двора съ пашнею не имѣла, и потому старина въ отношеніи къ ней должна была прочнѣе удержаться. Кормы мы встрѣчаемъ и въ другихъ Поднѣпрскихъ и сосѣднихъ съ ними волостяхъ, состоявшихъ изъ данниковъ. Въ 1526 году король Сигизмундъ по жалобѣ волости Кричевской писалъ державцѣ Кричевскому князю Василью Семеновичу Жилинскому, чтобы онъ не бралъ съ мѣщанъ и людей волостныхъ „стацію“ всю сполна по прежней „уставѣ“, а только половину, какъ о томъ ему было приказано ранѣе. „А то тымъ обычаемъ,—разъяснялъ король въ своемъ

¹⁴³³) Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. I.

¹⁴³⁴) Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 324.

листь,—ижь они теперь мають намѣстникомъ Крычовскимъ въ кож-
дый годъ за страву давати пенези по петинадцать копъ грошей узскихъ
а по пети яловиць, а за яловицу по полукопью грошей узскихъ, а
по пети полтей мяса, а полоть по десети грошей узскихъ; а пяде-
сать бочокъ жыта солянокъ, а пядесять бочокъ овса солянокъ же,
а полтретья ста возовъ сѣна, а за возомъ сѣна пенязей некоторыхъ
не давати; а дровъ на недѣлю лѣтъ по пяти возовъ, а зимѣ по де-
сети возъ“¹⁴³⁷⁾. Вообще изъ всѣхъ областей Литовско-Русскаго госу-
дарства такъ называемая Русь едва ли не болѣе другихъ сохранила
старинные порядки и установленья относительно намѣстниковъ-дер-
жавцевъ, часто даже въ формѣ переживанья. Такимъ образомъ, напр.,
державца Могилевскій панъ Юрій Зеновьевичъ, несмотря на то, что
получилъ Могилевъ въ держанье не на одинъ годъ, по „уставѣ“, дан-
ной ему королемъ Сигизмундомъ, долженъ былъ получать доходы, ко-
торые прежде шли годовымъ намѣстникамъ. „А державца нашъ панъ
Юрьи,—читаемъ въ этой „уставѣ“,—маеть съ нихъ брати въ каждый
годъ: *узъяду* своего пядесять копъ грошей, а полюдованья, коли у
волость не поѣдетъ, пядесять же копъ грошей“¹⁴³⁸⁾ и т. д. Въ концѣ
изучаемаго времени кормы были установлены для державцевъ и ти-
вуновъ Жмудской земли. „А што ся дотычетъ на выхованье держав-
цовъ и тивуновъ,—читаемъ въ уставѣ 1529 года,—тые рѣчи такъ уста-
вуемъ: каждому державцу и тивуну отъ каждоѣ службы людей на-
шихъ маеть дано быти пядь грошей, каждого году, а въ дву служобъ
одна бочка овса, або за тую бочку два грошы, а зъ дву служобъ
одинъ возъ сѣна, або за возъ сѣна грошь, а по двоѣ куръ, або за
нихъ грошь; а съ чотырехъ служобъ одна бочка пива, которая жъ
вышей не маеть быти шацована пѣнязьми, одно за пядь грошей, въ
тотъ обычай: если бы которые не дали бочки пива, тогда мають дати
грошей пядь, або мнѣй, яко могутъ упросити заплатити, што ся имъ
въ томъ лѣпѣй видѣти будетъ; а съ одноѣ службы маеть дати каждый
по одному бохону хлѣба таковому, яко бы бохонъ стоялъ за полгро-
ша“¹⁴³⁹⁾. Установленье кормовъ послѣдовало въ Жмудской землѣ послѣ
освобожденья господарскихъ крестьянъ отъ барщинныхъ работъ на
старосту и тивуновъ, изъ чего слѣдуетъ, что и этими барщинными
работами выполнялась прежде обязанность крестьянъ кормить госпо-

¹⁴³⁷⁾ Литов. Метр. кн Запис. VII, л. 530, 531.

¹⁴³⁸⁾ Акты Зап. Рос. II, № 87.

¹⁴³⁹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 11.

дарскихъ урядниковъ. Отсюда прямой выводъ, что часть продуктовъ, которую получали съ господарскаго хозяйства въ свою пользу намѣстники-державцы въ другихъ областяхъ, и которая получалась также барщиннымъ трудомъ мѣстныхъ крестьянъ, а иногда и мѣщанъ, имѣла значеніе кормовъ, выдаваемыхъ имъ со стороны мѣстнаго населенія. Нѣкоторые разряды мѣстнаго населенія и при этомъ давали кормы намѣстникамъ-державцамъ натурою. Такъ, напр., мясники давали имъ часть мяса съ своихъ „ятовъ“. Но это „мясное“, впрочемъ, имѣло значеніе торговой пошлины и замѣняло собою торговые и поборные пепязи, которые платили другіе торговцы намѣстникамъ-державцамъ. При томъ же намѣстники-державцы не всегда пользовались этими доходами, какъ объ этомъ было уже сказано на стр. 505 настоящаго очерка. Такое же значеніе, повидимому, имѣли и *сохачки*, платившіяся господарскимъ урядникамъ каждую субботу въ мѣстахъ Берестейскаго повѣта торговыми людьми ¹⁴⁴⁰).

Установленіе такого порядка, при которомъ намѣстники-державцы получали свои кормы изъ продуктовъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, было вполне естественно. Выше было уже указано на то, что намѣстники-державцы по большей части замѣнили собою тивуновъ въ господарскихъ дворахъ съ правительственными полномочіями, прототипомъ которыхъ были еще тивуны огнищные Русской Правды. Должность эта была очень распространена въ Западной Руси и на Литвѣ въ XIII и XIV вв., такъ какъ соотвѣтствовала правительственнымъ требованіямъ, вызваннымъ широкимъ развитіемъ дворцоваго княжескаго хозяйства. Тивуны, принадлежа къ числу дворныхъ княжескихъ слугъ, или дворянъ, а иногда даже къ числу челяди, естественно, должны были получать содержаніе изъ княжескаго же двора, изъ продуктовъ княжескаго хозяйства. На такое же положеніе стали и намѣстники-державцы, которыхъ государь сталъ назначать хозяйничать, чинить судъ и управу въ своихъ дворахъ вмѣсто тивуновъ. Кормы съ мѣстнаго непривилегированнаго населенія въ ихъ пользу стало неумѣстно собирать и потому, что это населеніе теперь работало на пашняхъ и угодьяхъ господарскаго двора и давало такимъ образомъ содержаніе всѣмъ, кто жилъ на этомъ дворѣ. Но какъ скоро населеніе переставало почему-нибудь такимъ путемъ давать содержаніе мѣстнымъ правителямъ, такъ возстановлялись и древніе кормы, какъ мы видѣли на примѣрѣ Жмудской земли. Любопытно, что вмѣстѣ съ установленіемъ кормовъ въ Жмудской землѣ было отмѣнено и постоянное пребываніе

¹⁴⁴⁰) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 29; Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67; IX, л. 124, 125.

на волостяхъ ея тивуновъ, которые въ старину жилали обыкновенно постоянно въ мѣстности; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ тивуны вступили въ то положеніе, въ которомъ мы видимъ нѣкоторыхъ намѣстниковъ въ русскихъ волостяхъ, напр., въ Бчицкой, Куренской и др. По уставѣ 1529 года имъ предоставлено было выѣзжать въ свои волости только два раза въ годъ,—первый разъ на свято Божьего Нароженья, а другій о послѣдней Матцѣ Божьей*,—и оставаться каждый разъ не болѣе трехъ недѣль, а въ общей сложности не болѣе шести недѣль. Въ теченіе этого времени они должны были собирать господарскіе и свои собственные доходы „и всякіе sprawy и суды справовати“, а намѣстниковъ и слугъ послѣ себя не имѣли права оставлять. Такимъ образомъ, реформа мѣстнаго управленія Жмудской земли въ извѣстномъ смыслѣ была возстановленьемъ древне-русской старины на новой почвѣ.

Кромѣ продуетовъ съ господарскаго хозяйства и равныхъ имъ по значенію кормовъ съ мѣстныхъ жителей, намѣстники - державцы получали разнообразныя доходы при отправленіи своей судебно-административной дѣятельности. Здѣсь на первомъ планѣ надо поставить судебныя пошлины и другіе доходы, шедшіе имъ, какъ судьямъ. Въ пользу ихъ шелъ *пересудъ*, который взимался въ гражданскихъ искахъ съ истцовъ, выигравшихъ дѣло въ извѣстномъ процентѣ съ суммы иска ¹⁴⁴²⁾. Пересудъ едва ли не былъ дальнѣйшимъ развитіемъ и видоизмѣненіемъ *помочнаго*, которое по Русской Правдѣ платилось оправданнымъ отвѣтчикомъ. Въ изучаемое время „помочнее“ платилось въ Бѣльскаго землѣ на Подляшѣ судѣ и подсудку въ количествѣ пяти грошей оправданнымъ отвѣтчикомъ ¹⁴⁴³⁾. До 1509 года и пересудъ въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства платился оправданнымъ отвѣтчикомъ, и только послѣ изданной на этотъ счетъ „уставы“ 1509 г. пересудъ сталъ взиматься единственно съ истца, доискавшаго своего ¹⁴⁴⁴⁾.—Намѣстники-державцы и тивуны получали въ свою пользу и *повинное*, т. е. извѣстный процентъ съ „винъ“ или штрафовъ, которые шли въ пользу господаря ¹⁴⁴⁵⁾. Изъ „винъ“ только

¹⁴⁴¹⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 12.

¹⁴⁴²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 52, 86; 159, арт. 22; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 530, 531; Статутъ 1529 г., раздѣлъ VI, арт. 11.

¹⁴⁴³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹⁴⁴⁴⁾ Акты Зап. Рос. II, № 52.

¹⁴⁴⁵⁾ Ibidem, № 86, 160, арт. 9; Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 536.

малыя шли въ пользу намѣстниковъ - державцевъ въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ Въ 1514 году Сигизмундъ взялъ на себя всякія вины, малыя и великія; но въ 1529 году вины не свыше 50 грошей были отданы въ пользу намѣстниковъ-державцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ повинное было отмѣнено ¹⁴⁴⁶⁾. Въ Жмудской землѣ наоборотъ: *полтина повинная* (вины въ 50 грошей?) была отмѣнена, и тивуны взамѣнъ ся должны были получать повинное въ видѣ 10%, съ господарскихъ винъ ¹⁴⁴⁷⁾. Вмѣстѣ съ повиннымъ акты называютъ обыкновенно еще *выметное*, которое шло въ пользу мѣстныхъ правителей-судей, въ томъ числѣ и намѣстниковъ-державцевъ ¹⁴⁴⁸⁾. Выметное платилось намѣстнику-державцѣ тогда, когда „кто ся на него чимъ выкинетъ“. Чтò означало „выкинутъся“ на кого-нибудь, это ясно видно изъ слѣдующей записи одного судебного дѣла, разбиравагося при великомъ князѣ Александрѣ въ 1495 г. „Панъ Литаворъ маршалокъ, — читаемъ въ этой записи, — а панъ Юрьи Ильиничъ передъ великимъ княземъ его милостью у стола выкинулся его милости со ста рублевъ на томъ, што жъ взяли собѣ ѣдочковъ съ obu сторонъ о сѣножати и о землю бортную, што на Миранцѣ рѣцѣ отъ Свержня. Панъ Юрьи рекъ: естли я не доишуса съ obu сторонъ Мири рѣки сѣножатеи а борти судеревное отъ Свержня, и я дамъ великому князю сто рублевъ грошей, а тымъ доводомъ, што жъ предки дей мои къ Мири за великого князя Витовта а Жиегимонта тые сѣножати съ obu сторонъ тое рѣки Мири держали, а борть за рѣчкою отъ Свержня судеревъ. А панъ Литаворъ рекъ: естли дей я на то доводу не вчиню, што жъ отъ Свержня на Мири сѣножати здава звѣчныи Сверженскіи, ино дей я дамъ его милости сто рублевъ грошей“ ¹⁴⁴⁹⁾. Итакъ, „выкинутъся“ на кого-нибудь значило побиться объ закладъ въ пользу третьяго, обыкновенно господаря, воеводу или намѣстника-державцу. Символическимъ выраженіемъ этого дѣйствія было приставленіе шапокъ тяжущихся (предполагалось, что въ шапкахъ находится сумма заклада, который и долженъ быть взятъ изъ шапки проигравшаго дѣла), такъ что вмѣсто выражений: „выкинутъся“, „выдаться“ со столько то рублей ¹⁴⁵⁰⁾ употреблялось иногда „ставить шапку“. Упомянутые панъ Литаворъ и панъ Юрій Ильиничъ въ январѣ 1498 года тягались предъ

¹⁴⁴⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 582, 583; Акты Зап. Рос. II, № 159.

¹⁴⁴⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 9.

¹⁴⁴⁸⁾ Ibidem, № 86, 87.

¹⁴⁴⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 51.

¹⁴⁵⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 148.

великимъ княземъ въ Городнѣ „о ловы межи Мирянки и Ивицы“. „И панъ Литаворъ,—читаемъ въ судовомъ листѣ великаго князя Александра,—давалъ доводы и шапку ставилъ, што предкове его тыхъ лововъ въ держаньи были и онъ самъ. И панъ Юрей Ильиничъ на свѣтки ся не слалъ а шапки не приставилъ. И мы приказали пану Литавору тые ловы держати межи Мирянки и Ивицы, а панъ Юрій Ильиничъ нехай собѣ права ищеть“¹⁴⁵¹⁾). Если такъ, то и выраженіе „вергнуть шапку“, которое встрѣчается въ другихъ актахъ, не надо понимать въ смыслѣ бросанья шапокъ вверхъ, какъ толкуеть г. Владимірскій-Будановъ и по его слѣдамъ г. Ясинскій¹⁴⁵²⁾, а въ смыслѣ бросанья шапокъ на столъ предъ судьей (отсюда выраженіе „выкинутыя у стола“). Ставленье шапокъ происходило при особыхъ обстоятельствахъ, когда тяжущіеся „посваряться“, и потому естественно превращалось въ бросанье ихъ на столъ. „Выметное“ платилось, конечно, въ томъ случаѣ, когда пари принимали обѣ стороны; въ противномъ случаѣ, непринявшая пари сторона проигрывала искъ, но не платила „выметнаго“. „А коли о чемъ посваряться,—читаемъ въ уставной грамотѣ Витебской земли,—и выдадутся въ колпѣ оба, то вина на насъ; а выдасться одинъ, а другій не выдасть ся, за то ихъ намъ не казнити“. Уставная грамота Смоленской земли выражается относительно „выдавки“ еще опредѣленнѣе: „што одинъ выдасть ся, тутъ вины нѣтъ; а коли оба выдадутъ ся, ино судомъ дошодъ, на виноватомъ вина взяти“¹⁴⁵³⁾). Выметное платилось обыкновенно господарю; но отъ воли тяжущихся зависѣло „выкинутыя“ и на мѣстнаго господарскаго урядника, вслѣдствіе чего въ числѣ доходовъ намѣстниковъ-державцевъ обозначается обыкновенно и ихъ „выметное“. О „выметномъ“ въ пользу намѣстниковъ-державцевъ говорить, напр., устава, разосланная намѣстникамъ-державцамъ Виленскаго и Троцеаго повѣтовъ въ 1514 году.—Въ пользу намѣстниковъ-державцевъ могли поступать и въкоторыя *заклады или заруки*, которые большею частью шли, однако, въ пользу господаря. Что такое заклады или заруки, и откуда вытекалъ этотъ источникъ доходовъ для господаря и мѣстныхъ правителей, ясно можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ фактовъ, записанныхъ въ книгахъ Литовской Метрики. „Што ся правовали,—читаемъ

¹⁴⁵¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 70.

¹⁴⁵²⁾ Христоматія по исторіи русскаго права, выпускъ II, стр. 49, прил. 10; Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 189, пр. 375.

¹⁴⁵³⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204, 213. М. Ясинскаго Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, стр. 189.

въ записяхъ княженя Александра,—предъ великимъ княземъ его милостью панъ Станиславъ Бартошевичъ съ тивуномъ Троцкимъ Жданомъ о тыхъ земляхъ и о людѣхъ, што въ Жомойти имъ господарь король его милость далъ и тежъ великій князь, ино его милость вазаль межи ними досмотрѣти пану старостѣ Жомойтскому, а дотолѣ никто бы зъ нихъ не сгнулъ ни на чіего чоловѣка *подъ закладомъ его милости подъ сту рублій*“¹⁴⁵⁴). Или: „Жаловали великому князю земляне дорогицкіи Жадло Глуховскій а Станиславъ братъ его зъ Глуховичъ же на пана Станислава Корчевского, што жъ имъ кривды великіи и грабежы подѣлалъ и имъ на горло отповѣдаеть. *Заручылъ* его милость господарь великій князь Станиславу Корчевскому *подъ виною своею двѣсти рублевъ грошей*, ажбы имъ не отповѣдалъ, и о томъ до него имъ листъ свой его милость далъ, подъ тою жъ своею виною ему заручаючи“¹⁴⁵⁵). Итакъ, закладомъ или зарукою на господаря называется штрафъ, которымъ господарь послѣ принятія жалобы угрожалъ одной изъ тяжущихся сторонъ или обѣимъ съ цѣлю пріостановить до окончателнаго разбирательства дальнѣйшія обиды и правонарушеня. „Вину“ на господаря залагалъ иногда мѣстный судья съ цѣлю остановить дальнѣйшія правонарушеня послѣ своего разбирательства. Такъ, намѣстникъ Ковенскій Станько Костевичъ, разобравъ тяжбу тивуна Кгекгужинскаго Михна Ивановича и бояръ Леницкихъ съ людьми Курмекгольцами по поводу перевоза и признавъ неосновательною претензію послѣднихъ на сборъ мыта съ гостей, по словамъ листа великаго князя Александра, постановилъ: „а естли бы они хотѣли черезъ то перевозъ мѣти подъ своимъ селомъ, и онъ на насъ заложилъ вины дванадцать рублевъ грошей“¹⁴⁵⁶). Но иногда сами частныя лица, уладивъ взаимныя недоразумѣнія и помирившись, скрѣпляли свое „еднанье“ зарукою или закладомъ на господаря. Князья Горскіе, на которыхъ владыка Смоленскій Іосифъ собирался бить челомъ великому князю Александру, пріѣхавшему въ 1497 году въ Смоленскъ, не допуская его до великаго князя, „перееднали“, „и такъ съ нимъ вмовили: што забороняли ему двора собѣ ставити въ Чуриловичохъ на Горахъ, ино вжо маеть владыка тамъ собѣ дворъ ставити, на своей земли, гдѣ всочеть, и люди маеть садити, а имъ лововъ своихъ не мѣти во владычней земли..., а и шкюдъ некоторыхъ двору и людемъ его не мають чинити; и запись свой на то владыцѣ

¹⁴⁵⁴) Литов. Метр. кн. Запис. V, л. 28.

¹⁴⁵⁵) Ibidem, л. 36.

¹⁴⁵⁶) Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 102.

дали, штожь вжо имъ съ того вряду своего не выступити подъ завладомъ нашимъ (господарскимъ) сто рублевъ грошей“¹⁴⁵⁷⁾. Закладъ или зарука устанавливались и въ пользу мѣстныхъ господарскихъ урядниковъ. Бояриня Васишскаго повѣта Васко Михайловичъ, занявъ деньги у Игвата, писаря короля Александра, далъ ему на себя запись, „ижь мѣлъ ему тыи его пенязи и золотыи на рокъ заплатити своими властными пенязми и золотыми; а естли бы на рокъ ему тыхъ его пенязей и золотыхъ не заплатилъ, тогда мѣлъ его дѣльницу Игнать на вѣчность мѣти“. „И вину на насъ на господаря,—гласить листъ короля Александра отъ 13 іюля 1503 года,—и на врядника нашего Васишского тотъ Васко и съ сынами своими въ томъ своемъ листѣ записалъ, ижь не мѣлъ того дѣла взрушавати“¹⁴⁵⁸⁾. Панъ Индрихъ съ дозволенья воеводы Полоцкаго пана Станислава Глѣбовича купилъ у своей жены и ея дѣтей отъ перваго мужа Андрея и Ивана уголь земли и взялъ съ нея запись, въ которой она обязалась за себя, своихъ сыновей и потомковъ не подыскивать подъ нпмъ земли: „а если бы кто изъ нихъ мѣлъ тое земли подъ нимъ поискивати, описала въ томъ же листѣ, ижь тотъ маеть на городъ воеводѣ Полоцкому гривну золота заплатити“¹⁴⁵⁹⁾.—По уставѣ 1529 года въ пользу намѣстниковъ-державцевъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ должна была идти въ количествѣ двѣнадцати грошей и мировая пошлина, которая въ земляхъ Витебской и Полоцкой называется *змирщиною*. Змирщина въ Витебской и Полоцкой земляхъ шла въ пользу господаря. Уставныя грамоты этихъ земель гласятъ: Тежь, которши Витбляне межи собою побьются, а за дѣцкимъ поеднаются, ино намъ куница шерстью змирщины“; а которые Полочане межъ собою побьются, а за дѣцкимъ простятыся, ино намъ куница шерстью змирщины“¹⁴⁶⁰⁾. Но на Подляшьѣ эта пошлина въ количествѣ пяти грошей шла въ пользу судьи и подсудка¹⁴⁶¹⁾. Въ собственной Литовской землѣ она была предоставлена въ пользу намѣстниковъ-державцевъ, какъ сказано, по уставѣ 1529 г., но при томъ только съ однихъ крестьянъ, „мужнкъ съ мужикомъ вгды ся побьеть“¹⁴⁶²⁾.—Намѣстники-державцы брали въ свою пользу *поколодное* или *повежное* съ тѣхъ, кого сажали въ

¹⁴⁵⁷⁾ Акты Зап. Рос. I, № 146, I.

¹⁴⁵⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 233.

¹⁴⁵⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XVI, л. 250, 251.

¹⁴⁶⁰⁾ Акты Зап. Рос. I, № 204, II, № 70.

¹⁴⁶¹⁾ Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹⁴⁶²⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 24.

володу или въ вежу. Король Сигизмундъ, по жалобѣ людей Куренской волости Марковского повѣта на „кривды“ и „новины“ со стороны державцы пана Яна Николаевича, писалъ ему между прочимъ: „а коли дей которого челоуѣка хотя не за вину вранникъ твой у володу усадить, и онъ дей беретъ на нихъ *поколодного* по дванадцати грошей, а передъ тымъ дей *поколодного* они давали по грошу“ ¹⁴⁶³). Въ уставѣ, данной державцѣ Рѣчицкому пану Семену Полозовичу въ 1529 году, читаемъ: „а который бы чолоуѣкъ былъ *осажонъ* въ казнь нашу замковую, маеть давано бити державцы *повежного* по чотыри грошы“ ¹⁴⁶⁴). На Подляшѣ *повежное* платилось „сторожовѣ вежи, вежнему“, по два гроша, исключая тѣ случаи, когда кто-нибудь посаженъ былъ въ тюрьму по старостинскимъ артикуламъ: тогда всѣ „вины“ шли на старосту ¹⁴⁶⁵).

Тамъ же платилось *ротное* судѣ и подсудку, когда они снимали съ кого-нибудь присягу. Платилось ли *ротное* въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, на это намъ не удалось найти указавій; быть можетъ, *взамѣнъ* его платилось *вижовое*, когда отъ мѣстнаго господарскаго уряда посылался *вижъ* для слушанья присяги. За выѣздъ на землю для разбирательства возникшей изъ-за нея тяжбы *намѣстники-державцы* получали известную плату съ проигравшаго дѣла; устава, данная державцамъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ въ 1529 году, опредѣляетъ за этотъ трудъ въ пользу державцы яловицу или 30 грошей ¹⁴⁶⁶).

Впрочемъ, такія пошлины, какъ *поколодное*, *повежное*, *ротное* нельзя назвать судебными въ собственномъ смыслѣ. Онѣ представляютъ переходный типъ по сравненію съ пошлинами судебными въ собственномъ смыслѣ и доходами отъ административной дѣятельности. Дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи являются *вижовое*, *дницкованье* и *увязчье*, и въ особенности послѣднее, которое платилось иногда за трудъ ввода во владѣнье и не по суду, а въ силу пожалованья господаря. Хотя эти доходы платились слугамъ мѣстныхъ правителей, но несомнѣнно вмѣстѣ съ тѣмъ, что и паны ихъ получали часть изъ этихъ доходовъ. Къ такому заключенію относительно *намѣстниковъ-державцевъ* Виленскаго и Троцкаго повѣта приводитъ слѣдующій артикулъ данной имъ въ 1529 году уставы: „Такъ же

¹⁴⁶³) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 5, 6.

¹⁴⁶⁴) Ibidem. 65—67.

¹⁴⁶⁵) Акты Зап. Рос. I, № 189.

¹⁴⁶⁶) Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 21.

дѣйствованье, тое маеть быти держано черезъ державецъ нашихъ во-длѣ Статуту земского, то есть, помилное¹⁴⁶⁷⁾. Что касается увязчаго, то вѣроятность пользованія имъ со стороны намѣстниковъ-державцевъ вытекаетъ изъ того, что „увязывать“ господарь поручалъ собственно намѣстникамъ-державцамъ, а тѣ посылали уже отъ себя слугъ или дворянъ, жившихъ при нихъ. Естественно, что и доходъ шелъ въ пользу намѣстниковъ-державцевъ, а слуги получали часть уже изъ ихъ рукъ.

Доходы, получавшіеся намѣстниками-державцами при отправленіи ихъ административной дѣятельности, сильно разнообразились по отдѣльнымъ мѣстностямъ, сообразно съ особенностями въ экономической производительности отдѣльныхъ мѣстностей, общественномъ составѣ и тѣхъ задачахъ, которыя въ силу всего этого падали на мѣстное управленіе. Такимъ образомъ, въ собственной Литовской землѣ, гдѣ господарское дворцовое хозяйство достигло наибольшаго развитія, и гдѣ намѣстники-державцы болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ являются съ характеромъ господарскихъ приказчиковъ, вѣкоторые доходы шли имъ именно, какъ дворцовымъ приказчикамъ. Они получали, напр., *поклоны* при раздачѣ мѣстнымъ крестьянамъ зерна изъ господарскихъ житницъ „въ отсопъ“ или „на пенязи“, при раздачѣ пустовщинъ во временное пользованіе (въ Жмудской землѣ этотъ послѣдній доходъ назывался *отмстями*) и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ выступаютъ на видъ по актамъ другіе доходы, какъ напр., *обвѣстки*, которыя платились въ Могилевѣ купцами, уѣзжавшими торговать на сторону¹⁴⁶⁸⁾ и т. д. Вообще въ Литовско-Русскомъ государствѣ, какъ и въ древней Руси, чуть ли не каждая отрасль административной дѣятельности вызывала особые сборы въ пользу административнаго персонала. Крестьяне платили, напр., *выгонное* тѣмъ лицамъ, которыя выгоняли ихъ къ главнымъ замкамъ областей для починки или постройки вновь укрѣпленій, *посъкерщину* тѣмъ, кто надзиралъ за работами¹⁴⁶⁹⁾ и т. д. Намѣстникамъ - державцамъ, какъ органамъ общаго управленія, приходилось выполнять разнообразную административную дѣятельность, а, слѣдовательно, получать и разнообразные доходы. Болѣе или менѣе общими были доходы съ крестьянскихъ властей при назначеніи ихъ или утвержденіи (гдѣ эти власти выбирались во-

¹⁴⁶⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 159, арт. 23.

¹⁴⁶⁸⁾ Ibidem, № 86, 147.

¹⁴⁶⁹⁾ Лятов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 451; XV, л. 102, 103.

лостью) и *выводныя кунницы*, которыя брались съ жениховъ, выводившихъ невѣсть изъ мѣста или волости на сторону ¹⁴⁷⁰⁾.

Кромѣ собственно намѣстничьихъ или волостельскихъ доходовъ, намѣстники - державцы по особому пожалованью отъ господара получали иногда разные сборы, которые въ старину шли особымъ должностнымъ лицамъ, а въ изучаемое время большею частью господарю. Эти сборы обыкновенно переживали самыя должности, къ которымъ они были прежде приурочены, и собирались господаремъ на себя или же раздавались имъ, какъ „волости“ разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ. Такимъ образомъ въ записяхъ денежныхъ и разныхъ другихъ раздачъ короля Казимира читаемъ: „Хоружому Луцкому Даману 15 копъ зъ мыта въ Луцку, ему жъ *данничое* въ Мозыри на годъ послѣ первыхъ; Лазору — *тивунцизна малая* въ Мозыри на годъ послѣ первыхъ“ ¹⁴⁷¹⁾. Немного ниже въ той же книгѣ находимъ слѣдующія записи: „Волинцомъ въ Люблинѣ: Михаилу Маскевичу *тивунцизна великая* Мозырская на годъ послѣ Киселя; Өедьку Линевскому *тивунцизна малая* на годъ послѣ Порицкого; Роману Михайловичу *бобровцизна* на годъ послѣ Олехна Охромовича; Михаилу Головничу *ловчое* на годъ послѣ Өедьва Шелововского“; писарю Өедьку Гавриловичу Казимиръ пожаловалъ въ 1489 году *тивунцизна* Брагнскую на годъ послѣ первыхъ ¹⁴⁷²⁾. Всѣ эти пожалованья имѣютъ характеръ простыхъ ассигновокъ на получение жалованья и не связаны съ отправленьемъ соотвѣтствующей должности. Вышеупомянутые сборы вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими того же типа чаще всего встрѣчаемъ по актамъ въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, при чемъ они являются положенными въ опредѣленномъ количествѣ на крестьянскіе участки, собираются крестьянскими властями на ряду съ данью и передаются вмѣстѣ съ нею въ скарбъ непосредственно или же черезъ руки мѣстныхъ урядниковъ, а также писарей, которые приѣзжаютъ править недополнковъ. Слѣдовательно, тѣ, кто получали эти сборы въ свою пользу, получали ихъ въ изучаемое время не за отправленье соотвѣтствующей должности. Эти сборы до такой степени сроднились съ обыкновенною данью, что при пожалованьѣ сель передавались вмѣстѣ съ нею въ пользу частныхъ лицъ. Въ подтвержденье всему этому можно привести слѣдующія данныя источниковъ. „А Торопчаномъ и содемъ Торопец-

¹⁴⁷⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 217, 218.

¹⁴⁷¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 64.

¹⁴⁷²⁾ Ibidem, 79, 80.

кимъ, — читаемъ въ приговорѣ в. князя Александра мужамъ Старцовой волости, — не надобѣ въ нихъ вступати ся; завѣдати ихъ старцу и дань, и серебрину и тивунцину збирати самимъ, опрочъ Торопчанъ“¹⁴⁷³⁾. Писарь Ивашко Якубовичъ, получивъ приказанье отъ в. князя Александра собрать дань на людяхъ волостей Задвинскихъ, писалъ въ своемъ отчетѣ отъ 21 марта 1496 года: „Въ Дубничъ взялъ есми дани 15 рублевъ, а рубль по двѣ копѣ, а 100 грошей коневщины, а тивунцины 2 рубли, отослалъ до подскарбега;... въ Туранъ 7 рублевъ по двѣ копы, а яловщины копу, тивунцины рубль“ и т. д. И затѣмъ: „До Вильни Зенько прислалъ индикъ 14 мѣсяца іюля 16 день 4 ста копъ безъ рубля грошей съ шести волостей: съ Торопецкое а зъ Бибереvское, съ Озерецкое, съ Нежелъское, съ Озерицское а Усватицкое; а куничныхъ грошей прислалъ 7 копъ, а шерстью кунницъ 9; а тивунцины Жижецкое 2 рубли грошей, а яловщины 20 копъ и полкопы грошей; а отъ намѣстництва (Торопецкаго?) князю великому двѣ копѣ, а воеводѣ копу, а писаремъ копу“¹⁴⁷⁴⁾. Въ 1505 году король Александръ пожаловалъ дворянину Счасному Полозовичу село Жуховичи въ Мозырскомъ повѣтѣ съ людьми и со всѣми доходами съ нихъ, которые шли прежде на господаря: „а повѣдалъ намъ, — читаемъ въ привилеѣ короля, — што жъ дей съ того дани на насъ идетъ шесть копъ грошей а три полуколады меду и ведро меду, а чотыры бобры, а двѣ кунци, а тринадцать грошей воловщины, а два гроша намѣрного, а доводничого и тивунцины и данничого подтретья ведра меду а двадцать грошей“¹⁴⁷⁵⁾. Король Сигизмундъ въ 1507 году подтвердилъ ему село „и зъ даньми грошовыми и медовыми, и бобровыми, и куничными, и съ тивунциною и зъ данничимъ, и съ сокольничимъ, и съ доводництвомъ, и со всеми иными поплатами и податями, которымъ колве именовъ могутъ названы або менены быти“¹⁴⁷⁶⁾. Король Сигизмундъ подобно своимъ предшественникамъ, отцу и брату, раздавалъ эти сборы въ видѣ жалованья, и въ записяхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другихъ пожалованій его читаемъ между прочимъ: „Князю Ивану Путятичу а Петрушку Мушатичу тивунщина Мозырская на два года, всихъ отодвинувши подлугъ первыхъ листовъ его милости;... Остафью Дашковичу тивунщина Рѣчицкая и Чечерская и Горвольская на сую осень; земенину кievскому Михайлу Павшы тивунщина

¹⁴⁷³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

¹⁴⁷⁴⁾ Ibidem, 280, 281.

¹⁴⁷⁵⁾ Ibidem, л. 4.

¹⁴⁷⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 178, 179.

Бобруйская послѣ князя Ивана Сенского; князю Володку Ивановичу тивунщины Любошанская на годъ послѣ первыхъ¹⁴⁷⁷⁾ и т. д. Всѣ эти сборы жалуются господаремъ на ряду съ другими доходами, и тутъ же встрѣчаемъ, напр., такія записи: „Писару Ѳедку Святоши на 8 копь грошей (выдана квитанція) съ недополнковъ дани въ Громыки, за шубу лисью отмѣна; Тороччаномъ двадцать корцовъ жита въ намѣстника Витебского; Мьялушу Чеху, пушкарю, 10 копь грошей зъ восковыхъ пенязей Полоцкихъ; князю Василью Полубенскому 50 копь грошей у мѣщчанъ Дорогидкихъ, што мѣли чоломбитья дати“¹⁴⁷⁸⁾ и т. д. На то, что пожалованье тивунщины, данничаго, доводничаго, сокольничаго и бобровщины въ Подиѣрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ было простымъ жалованьемъ дохода, прямое указанье даетъ заставной листъ короля Сигизмунда, выданный 20 марта 1519 года пану Альбрехту Мартыновичу Гаштольду на замокъ Мозырь. Король отдалъ ему до уплаты долга въ 1500 копь грошей замокъ Мозырь „зъ мѣстомъ и зъ волостью Мозырскою и Пчыцкою, и со всеми даньми грошовыми и бобровыми, и куничными, и съ корчомными пенязями (медовая дань по прежнему должна была идти до ключа), и зъ мѣстомъ, и зъ рѣчкою Туромъ и съ платомъ, который съ тое рѣчки на насъ хоживалъ, и съ езы на рѣцѣ на Прыпяти и на Пчычы, и тежъ съ тивунщиною, и зъ данничымъ, и иными доходы, што коли зъ даними нашею бояре або дворяне наши бирали, и со всеми иными платы и доходы“¹⁴⁷⁹⁾. Но иногда эти доходы отдавались намѣстникамъ-державцамъ; такъ, напр., державца Могилевскій по уставѣ, данной ему королемъ Сигизмундомъ, получалъ половину тивунщины, а другая половина въ количествѣ 40 копь грошей шла въ скарбъ¹⁴⁸⁰⁾. Въ виду этого и названіе тивунъ, которое прилагается иногда къ лицамъ, собиравшимъ тивунщину, имѣетъ переносный, а не прямой и буквальный смыслъ. Въ 1499 году великій князь Александръ, отдавъ на откупъ корчму въ Чечерскѣ мѣстному мѣщанину,—написалъ въ своемъ листѣ: „А и тивуномъ нашимъ, которыми будутъ въ Чичерску тивунщину брати, мимо нашу корчму не надобѣ иныхъ корчомъ сытити“¹⁴⁸¹⁾. Тивуномъ здѣсь названъ, очевидно, тотъ, кому пожалована тивунщина, а не какой либо дѣйствительный тивунъ. Дѣйстви-

¹⁴⁷⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 426, 431, 444, и др.

¹⁴⁷⁸⁾ Ibidem, л. 426, 427.

¹⁴⁷⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 37.

¹⁴⁸⁰⁾ Акты Зап. Рос. II, № 86.

¹⁴⁸¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 270.

тельные тивуны, равно какъ и данничіе, ловчіе, сокольничіе, доводничіе отправляли свою должность и собирали доходы въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ въ старину ¹⁴⁸²⁾, а въ изучаемое остались только одни сборы ихъ. Такія же переживанья попадаютъ и въ другихъ повѣтахъ русскихъ областей. Король Казимиръ пожаловалъ *данничое* въ Каменцѣ Василью Малышевичу; Сигизмундъ пожаловалъ пану Сенку Полозовичу замокъ Вручій „зъ мѣстомъ и зъ людми, и съ *тивунствомъ* Вруцкимъ держати по тому, какъ первыи владники наши держивали до его живота“ ¹⁴⁸³⁾.

Намѣстники - державцы по особому пожалованью или особой „уставѣ“, которая съ теченіемъ времени получала значеніе прецедента или обычая, получали въ свою пользу и часть собственныхъ господарскихъ доходовъ. Господарь въ такихъ случаяхъ руководился или тѣмъ, что намѣстничьи доходы въ данномъ повѣтѣ были очень малы, или заслугами лицъ, или же, наконецъ, тѣмъ, что намѣстники-державцы принимали на себя нѣкоторыя лишнія обязательства, которыя не связаны были съ ихъ должностью. Такимъ образомъ, напр., въ городѣ Вѣницѣ при Казимирѣ намѣстнику шелъ корчомный платъ съ 15 корчомъ, по 15 грошей съ корчмы ¹⁴⁸⁴⁾. Въ 1486 году тотъ же король Казимиръ пожаловалъ князю Дмитрію Путятичу „на каждый годъ по двадцати копъ грошей зъ мыта Браньского и съ корчомъ, пока Браньскъ держить“ ¹⁴⁸⁵⁾ Великій князь Александръ, пожаловалъ мѣщанамъ Минскимъ магдебургское право, взялъ на себя два пенязя (двѣ части) „зъ вишь мѣстскихъ“ и отдалъ ихъ намѣстнику Минскому князю Богдану Ивановичу Жеславскому ¹⁴⁸⁶⁾ Король Сигизмундъ при отдачѣ замка Вручаго въ держанье пану Сенку Полозовичу въ 1507 г. пожаловалъ ему и корчмы Вруцкія: „а онъ намъ подвезался съ тыхъ корчомъ сторожу въ поли отъ поганства татаръ завжды держати и тежъ пушкара на замку вапомъ Вруцкомъ свопомъ накладомъ ховати“ ¹⁴⁸⁷⁾. Въ 1518 году король отдалъ пану Юрью Глѣбовичу дворъ свой Волковийскъ въ держанье „до живота“ „съ пенезми корчомными и зъ дякы оржаными и овсяными, и съ сѣномъ подякольнымъ, и во-

¹⁴⁸²⁾ Срав. Акты Зап. Рос. I, № 39.

¹⁴⁸³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 79; VIII, л. 406, 407.

¹⁴⁸⁴⁾ Архивъ Юго-Зап. Рос., ч. VII, т. II, № 1.

¹⁴⁸⁵⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 26.

¹⁴⁸⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 143.

¹⁴⁸⁷⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 406, 407.

лодиноку, и съ всеми доходами владниковъ и дворянъ... съ мѣстъ и съ волостей Волковыйское и Порозовское и Новодворское". Такое пожалованье объясняется тѣмъ, что король вынужденъ былъ взять у него дворъ Меречь, отданный ему въ держанье до живота съ обѣщаніемъ не отнимать его, и, кромѣ того,—гласить королевскій листъ, —„паметуючи на его вѣрную службу во отцу и брату нашему, королемъ ихъ милости, и къ намъ, и тежъ для сказы импня его на его чоломбитѣ то вчинила“ ¹⁴⁸⁸). Въ томъ же году король отдалъ князю Семену Чорторыйскому волости Чечерскъ и Пропойскъ со всѣми данями и господарскими доходами. „А онъ слюбилъ намъ,—гласить привилей короля,— у Пропойску замокъ тамошними людьми нашими Пропойчичаны и Чычеряны а къ тому своимъ накладомъ збудовати“ ¹⁴⁸⁹). При отдачѣ волости Олучицкой въ держанье дворянину Никифору Бобоѣдову Сигизмундъ далъ людямъ этой волости „уставу“, „ижь мѣли они въ кождый годъ до скарбу нашего по двадцати копь грошей дани давати, а тому державцы ихъ Бобоѣдову по десати копь грошей“; но когда король отнялъ у Бобоѣдова Олучицкую волость (въ 1529 г.), то написалъ державцѣ Кричевскому князю Василью Семеновичу Жилинскому, „ижь бы онъ тую волость къ замку нашему Крычовскому держалъ и тую дань, трыдцать копь грошей, всю сполна въ кождый годъ выбравшы, до скарбу нашего отсылалъ“ ¹⁴⁹⁰). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ намѣстники-державцы получали часть господарскихъ доходовъ въ свою пользу уже по обычаю. „А штось дотычетъ дани наше, грошовое и медовое и тивунщины,—читаемъ въ уставѣ короля Сигизмунда, данной въ 1529 году державцѣ Рѣчицкому,—то они мають давати на замокъ нашъ державцы нашему *подль стародавного обычая*“ ¹⁴⁹¹).

Наконецъ, намѣстники-державцы получали всѣ или большую часть господарскихъ доходовъ съ своихъ повѣтовъ въ силу обязательствъ, данныхъ со стороны господаря. Таковы были прежде всего такъ называемыя „заставы въ сумѣ пенязей“, т. е. отдача господарскихъ доходовъ въ видѣ процентовъ на занятую господаремъ сумму и до уплаты этой суммы, и пожалованья господарскихъ доходовъ на известное число лѣтъ „для выбиранья пенязей“, взятыхъ въ долгъ господаремъ. Отдача замковъ и дворовъ съ волостями въ заставу

¹⁴⁸⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 23, 24.

¹⁴⁸⁹) Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 33.

¹⁴⁹⁰) Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 532, 532.

¹⁴⁹¹) Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 65—67.

„въ сумѣ пенязей“ или „на выбиравье пенязей“ особенно часто стали практиковаться королемъ Сигизмундомъ, который въ этомъ нашелъ одно изъ средствъ для покрытiя текущихъ расходовъ, превышавшихъ доходы. Литовско-Русское государство уже съ конца XV в., съ начала напряженной борьбы съ Москвою, жило въ кредитъ своихъ подданныхъ, откупщиковъ мытъ и корчомъ, выходявшихъ по большей части изъ евреевъ, и богатыхъ пановъ, которые, ссужая правительство деньгами, получали замки, дворы и мѣста съ волостями съ правомъ для покрытiя процентовъ по ссудѣ, а иногда и долга, получать въ свою пользу не только намѣстничьи, но и великокняжескіе доходы цѣликомъ или частью. Чаше всего замки, дворы и мѣста съ волостями получали на этихъ условiяхъ князья и паны, уже державшіе ихъ въ качествѣ намѣстниковъ-державцевъ. Король Сигизмундъ далъ пану Богушу Боговитиновичу дворъ Довеги „у держанье“ и далъ ему листъ, въ которомъ обѣщалъ не рупать его съ того двора до живота. „Нижли тыми разы,—писалъ король 5 января 1516 года,—будучи намъ съ паны радами нашими на соймѣ Берестейскомъ, взяли есмо въ него шестьсотъ копъ грошей, которыми жъ пенязми служебнымъ платили есмо имъ за ихъ службу, и въ тыхъ пенязѣхъ заставили есмо ему тотъ же дворъ нашъ Троцкого повѣту Довеги зъ мѣстомъ и со всеми людьми нашими Довеговскими данными и тяглыми, и съ конюхи, и зъ лейти, и съ конокормцы, и со всеми ихъ службами, и зъ даными грошовыми и медовыми, и съ корчомными пенязми, и зъ дяклы съ оржаными и овсяными, и зъ сѣномъ подякольнымъ, и съ пентиниби, и съ колодиною, и ставы и зъ млыны, и съ озеры, и со всеми иными poplatки и пожитки, которые зъ мѣста и зъ волости Довеговское на насъ хоживали“. Король выговорилъ только въ свою пользу слѣдующее: „нижли маеть онъ съ того двора нашего въ кождый годъ намъ давати по шестидесять бочокъ жита а по шестидесять бочокъ овса, а по шестидесять возъ сѣва, а мезлева сполна — яловицы, вепры и ивыи речи—маеть съ тоей волости намъ давана быти кождый годъ подлуги давного обычая; а воли приѣдемъ до Довеговъ, онъ маеть насъ поднимати стацями подлѣ давности и подводы подъ насъ зъ мѣста и зъ волости давати по давному“. Панъ Богушъ Боговитиновичъ долженъ былъ держать на этихъ условiяхъ дворъ Довеги до уплаты ему занятыхъ подаремъ 600 копъ грошей, при чемъ и послѣ того господарь обѣщалъ не рупать его съ того двора до живота, согласно первому привилею. „Нижли по той заплатѣ нашой,—писалъ король,—маеть онъ тотъ дворъ нашъ отъ насъ къ нашой руцѣ держати по тому, какъ и первѣй сего, а тыи платы и доходы верхуписаные вжо

мають на насъ быти. А естли Божья воля станетъ надъ нимъ, а мы ему тыхъ пенязей не заплатимъ, ино жона и дѣти его мають тотъ дворъ держати дотолѣ, нови тежъ тыи пенязи мы имъ заплатимъ; а не отдавши тыхъ пенязей, не маемъ въ нихъ того двора нашего зъ рукъ выимати“ ¹⁴⁹²). Итакъ, часть господарскихъ доходовъ съ мѣста и волости Довкговской, отданная по заставному листу пану Богушу Боговитиновичу, имѣла значеніе процентовъ, которые господарь уплачивалъ ему по своему долгу. Эта часть разнообразилась, смотря по величинѣ долга и доходности заставленныхъ дворовъ. Въ слѣдующемъ году король отдалъ „въ заставѣ“, до уплаты 400 копъ грошей, конюшему дворному и Троцкому, намѣстнику Волкиницкому и Лепульскому, лѣсническому Городенскому, пану Якубу Кунцовичу дворы Волкиники и Лепунь со всѣми доходами, выговоривъ для себя только стацію: „и коли прїѣдемъ до тыхъ дворовъ нашихъ, тогда маеть онъ насъ стаціями поднимати и мезлевою, бо есмо тую мезлеву дали ку его рукамъ для того: коли мешкаемъ въ тыхъ дворѣхъ нашихъ для лововъ, абы онъ насъ тою мезлевою поднималъ“ ¹⁴⁹³). Тотъ же панъ Якубъ Кунцовичъ получилъ въ 1518 г. новый заставной листъ на дворъ Василишки, въ которомъ король писалъ: „А што онъ мѣлъ съ того двора нашего стацей давати по сту бочокъ жыта а по сту возъ сѣна, тое стацей вжо не маеть онъ намъ давати“ ¹⁴⁹⁴). Въ 1518 году король отдалъ пану Богушу Боговитиновичу замокъ Каменецъ со всѣми доходами до уплаты взятыхъ у него 1000 копъ грошей, а въ свою пользу выговорилъ слѣдующее: „А съ Каменца доходовъ и платовъ выняли есмо на насъ на господаря съ тое заставы корчомныи пенязи а двѣ доли дани медовое, а бобровыи гоны вси. А коли мы господарь сами прїѣдемъ до Каменца, тогда онъ маеть насъ одинъ день стацыею поднимати. А къ тому, коли платъ положимъ на все наше панство, великое князьство Литовское, тогда зъ волостныхъ людей маеть намъ серебщину давати, а зъ мѣста ордынщину, также и серебщину и который кольве платъ положимъ“ и т. д. ¹⁴⁹⁵).

Наряду съ заставами, какъ сказано, праятивалась отдача замковъ и дворовъ со всѣми или частью доходовъ съ нихъ на известное число лѣтъ „на выбиранье сумы пенязей“. Въ 1520 году король Сигизмундъ отдалъ на такомъ основаніи князю Василью Ивано-

¹⁴⁹²) Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 110.

¹⁴⁹³) Ibidem, л. 157, 158.

¹⁴⁹⁴) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 19.

¹⁴⁹⁵) Литов. Метр. кн. Запис. VII л. 592, 593.

вичу Соломерецкому замокъ Могилевъ съ волостью на три года со всѣми доходами. „Нижли одно дань медовую на насъ выймуемъ,— писалъ король въ своемъ листѣ: а какъ тая три годы выйдеть, и мы зъ ласки наше тогъ замокъ нашъ Могилевъ даемъ ему отъ насъ въ держанье, а дани и доходы вси мають зася на насъ быти по тому, какъ и передъ тымъ бывало“¹⁴⁹⁶). Отдача замковъ и дворовъ со всѣми доходами „на выбиратье пенязей“ въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ имѣла значеніе отдачи на откупъ господарскихъ доходовъ и, повидямому, сопряжена была для покупателейъ съ извѣстнымъ рискомъ. Однако, на дѣлѣ такая операція часто оказывалась прибыльною, и мы нерѣдко встрѣчаемъ по актамъ случаи принятія извѣстнаго замка или двора, заставленныхъ „въ сумѣ пенязей“, „на выбиратье“ этихъ пенязей въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ. Въ этомъ же 1520 году король позволилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому отложить 1000 копѣ грошей наслѣдникамъ пана Станислава Григорьевича и взять изъ ихъ рукъ дворъ Меречь, заставленный въ этой суммѣ, а затѣмъ въ теченіе четырехъ лѣтъ выбирать свои пенязи изъ доходовъ этого двора, послѣ чего держать его „въ держаньѣ до живота“. Король выговорилъ себѣ только право пользоваться стаціей съ этого двора во время пребыванья своего въ великомъ княжествѣ Литовскомъ и, кромѣ того, въ пользу людей своихъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: „А маеть онъ зъ людей нашихъ службы и платы мѣти, которіе передъ тымъ на насъ бывали, а вышей того служобъ и платовъ некоторыхъ не маеть онъ на людѣхъ нашихъ собѣ примышляти“¹⁴⁹⁷). Изъ привилея, выданнаго въ слѣдующемъ году пану Юрью Миколаевичу на тотъ же дворъ Меречь, ясно видно, что въ такихъ случаяхъ прельщало покупателейъ: прельщала не надежда выбрать дѣйствительно свои пенязи въ урочные года съ лихвою, а право держать потомъ „въ держаньѣ до живота“ замокъ или дворъ, которое могло съ избыткомъ возмѣститъ всякіе убытки. Панъ Юрій Миколаевичъ выпросилъ у короля позволенье отложить Яну Яновичу Заберезинскому 1000 копѣ грошей за дворъ Меречь, спустилъ королю и даровалъ еще 1000 копѣ съ дворовъ Городенскихъ, бывшихъ у него въ заставѣ, и взаменъ всего этого взялъ у него дворъ Меречь „въ держанье до живота“. Въ привилеѣ, выданномъ ему на дворъ Меречь, король написалъ: „А платы и доходы наши, которіе передъ тымъ зъ мѣста и зъ волости Мерецкое на насъ хоживали, тые платы

¹⁴⁹⁶) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 27, 28.

¹⁴⁹⁷) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 39.

и доходы вси мають намъ даваны быти подлѣ давного обычая; а овѣ тыи доходы маеть на себе брати, которіе передѣ тымъ на вранниковъ нашихъ хоживали. И ачбы была котоя великая потреба наша и земская тотъ дворъ нашъ въ которой сумѣ заставити, однакожь мы не маемъ того двора нашего никому въ заставу въ держанье давати а ни его съ того двора рушати до его живота“ ¹⁴⁹⁸). Итакъ, отпуская господарю долгъ или принимая замокъ или дворъ со всѣми доходами „на выбранье пенязей“ въ теченіе извѣстнаго количества лѣтъ, его кредиторы въ большинствѣ случаевъ совершали замаскированную сдѣлку покупки пожизненнаго прибыльнаго намѣстничества, иначе говоря, давали господарю отъ этого намѣстничества „чоломбитье“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отдача замка или двора, или мѣста съ волостью „на выбранье пенязей“ не соединена была съ дальнѣйшимъ „держаньемъ до живота“, и условія „выбранья пенязей“ были далеко не тѣ, что въ первомъ случаѣ. Въ 1522 году король Сигизмундъ позволилъ пану Григорью Григорьевичу Остиковича выкупить дворъ Бирштаны у князя Матея Микитинича и затѣмъ „до выбранья суммы своею держати, вытручаячи по сту копѣ на рубль“ ¹⁴⁹⁹). Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ дворъ Бирштаны былъ отданъ въ аренду за 100 копѣ грошей въ годъ—плюсъ тѣ проценты, которые должны были идти на внесенную паномъ Григорьемъ Остиковичемъ выкупную сумму.

Кредитныя сдѣлки, объектомъ которыхъ служило держанье господарскихъ замковъ, дворовъ и мѣстъ съ волостями и со всѣми доходами, господарскими и намѣстничьими, служатъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій преобладающаго возрѣнія на правительственныхъ должности, какъ на источникъ доходовъ господара и его урядниковъ. Эти сдѣлки заключались не только между господаремъ и панами, но и между панами, которые передавали другъ другу взятые отъ господара „въ заставу“ замки и дворы съ волостями. Такъ, напр., въ 1522 году король дозволилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому „спустить“ своему братаничу пану Николаю дворъ Ошмену, который онъ держалъ въ 700 копахъ грошей, послѣ чего вошелъ въ новыя условія съ паномъ Николаемъ: послѣдній „спустилъ“ ему 400 копѣ грошей, а король въ своей стороны отдавалъ ему дворъ Ошмену по уплатѣ оставшихся 300 копѣ грошей въ держанье „до живота“ ¹⁵⁰⁰). Иногда паны перекупали другъ у друга „заставы“, и господарь разрѣшалъ тому

¹⁴⁹⁸) Литов. Метр. кн. Запис. X, л. 40, 41.

¹⁴⁹⁹) Ibidem, л. 31.

¹⁵⁰⁰) Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 64, 65.

или другому лицу выкупить дворъ у того, кто его держалъ въ заставѣ, хотя бы этотъ послѣдній самъ и не желалъ отступить отъ своей „заставы“.

Въ заключеніе о заставахъ и объ отдачѣ замковъ и дворовъ „на выбранье пенязей“ необходимо прибавить, что отдавались не только господарскіе доходы, но и доходы другихъ урядниковъ, буде таковые собирались съ волости. Такимъ образомъ, и въ заставномъ листѣ, выданномъ пану Богушу Боговитиновичу на дворъ Довьги, читаемъ: „а панъ воевода Троцкій не маєт въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати, а ни тежъ тое волости повѣта Довьговского людей не маєт судити; и вжо врадники наши Троцкіе: городничій, тивунъ и ключникъ, не мають ни по што у волость того двора нашего всылати и доходовъ нашихъ и своихъ тежъ не мають правити“. То же самое находимъ и въ заставныхъ листахъ, выданныхъ пану Якубу Кунцовичу на дворы Волкиники и Лепунъ и позже на дворъ Василишки. Панъ Богушъ Боговитиновичъ получилъ замокъ Каменецъ въ заставу между прочимъ „зъ гаевництвомъ и бобровничествомъ, и зъ лѣсничимъ“ Каменецкимъ. „На выбранье пенязей“ замки и дворы обыкновенно отдавались также съ доходами всѣхъ господарскихъ урядниковъ. Въ листѣ, выданномъ пану Яну Яновичу Заберезинскому „на выбранье пенязей“ съ двора Мереча въ теченіе четырехъ лѣтъ, читаемъ: „И въ тую чотыри годы не маєт панъ воевода Троцкій въ тую волость дѣцкихъ своихъ всылати и людемъ судити и рядити; также врадники наши Троцкіе: городничій, лѣсничій, тивунъ, конюшій, ключникъ, подключій, не мають въ тую волость сами вѣждчати и слугъ своихъ всылати и доходовъ нашихъ и своихъ некоторыхъ не мають правити“. То же самое находимъ и въ листѣ, выданномъ пану Григорью Григорьевичу Остивовича на держанье двора Бириштанъ съ условіемъ ежегоднаго погашенія 100 копъ грошей изъ суммы, которую ему задолжалъ король.

Застава замка, двора и мѣста съ волостью и отдача ихъ „на выбранье пенязей“ обыкновенно соединялись съ отдачею ихъ въ держанье или намѣстничество. Но такъ бывало не всегда, и господарь иногда отдавалъ „на выбранье пенязей“ одни свои доходы, а намѣстничество само собою и отдѣльно. Король Сигизмундъ заставилъ пану Яну Яновичу Заберезинскому замокъ Дорогицинъ съ мѣстомъ а со всѣми доходами до уплаты ему 900 копъ грошей. „Ино,—гласитъ королевскій листъ отъ 4 марта 1516 года,—судья Дорогицкій Николай Водынский со всеми земьями Дорогицкими били намъ чоломъ, абыхмо дозволили имъ и тые пенязи девять сотъ копъ грошей пану

Яну отложить, а имъ быхмо дали на пять годъ тыи пенязи выбирати съ платовъ *нашихъ* Дорогицкихъ, съ которыми были есмо пану Яну тотъ замокъ нашъ заставили, а какъ тая пять годовъ выйдеть, тогда тыи вси платы зася до скарбу нашего мають браны быти по тому, какъ передъ тымъ бираны были“. Король согласился на это предложеніе и выдалъ землянамъ Дорогицкимъ соотвѣтствующій листъ ¹⁵⁰¹⁾. Но намѣстникомъ, или старостою, Дорогицкимъ по прежнему остался, конечно, панъ Янъ Яновичъ, и тѣ доходы, которые шли на его „врядъ“, онъ по прежнему собиралъ въ свою пользу.

III.

Мы уже видѣли, что господарскіе кредиторы часто поступались своими деньгами въ пользу господаря, лишь бы получить отъ него замокъ или дворъ съ волостью въ держанье до живота. Эта уступка, какъ уже было сказано, имѣла характеръ челобитья, которое въ изучаемое время платилось господарю отъ намѣстничества и другихъ урядовъ. Въ записяхъ приходовъ короля Казимира (1482 г.) читаемъ между прочимъ: „Рѣчицкое намѣстнитство взялъ Ивачъ, королю отъ того далъ 8 корабельниковъ; а старченье Рѣчицкое взялъ Комаръ, королю далъ два корабельника. У Вилни дано намѣстництво Могилевское Митку Стародубцу, королю далъ шестьдесятъ золотыхъ вгорскиххъ; отъ серебряного старченья Могилевского Юрко далъ 13 копъ; отъ медового старченья Андрейко далъ 4 копы; отъ Велижского намѣстництва Ходоръ далъ три копы; отъ Озерецкого намѣстництва Гриша далъ три корабельники“ ¹⁵⁰²⁾. Намѣстничества и другіе уряды въ XV вѣкѣ, повидимому, прямо иногда продавались господаремъ тѣмъ, кто больше дастъ, при чемъ не всегда господарь обращалъ вниманье на принадлежность лица къ правящему классу. Намекъ на это даютъ безвѣстныя имена лицъ, которыя получили въ 1482 году намѣстничества; едва ли они не были изъ среды мѣстныхъ мѣщанъ или волостныхъ людей. Что такіе случаи были возможны, на это прямое указаніе находимъ въ „выровѣ“ великаго князя Александра въ тяжбѣ Старцовой волости съ Торопецкою. „А коли дамо отъ насъ Торопець держати,—читаемъ здѣсь,—тамошнему ихъ *мщанину* або *волостному чоловнику Торопецкому*, тому ихъ не надобѣ судити ни радити: маеть ихъ судити и радити ихъ старецъ“ ¹⁵⁰³⁾. Впрочемъ, это

¹⁵⁰¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IX, л. 118.

¹⁵⁰²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. IV, л. 87.

¹⁵⁰³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 107.

едва ли не простой отголосокъ старины, не примѣнявшейся уже на дѣлѣ. Подобный порядокъ вещей не могъ быть пріятенъ тому классу, который считалъ намѣстничества и уряды своимъ достоинствомъ. Въ угоду ему и, быть можетъ, уступая даже его настояніямъ, великій князь Александръ въ общеземскомъ привилеѣ 1492 года обѣщалъ не требовать ничего съ назначенія на должности, развѣ только кто что дастъ по доброй волѣ и по чести; того же правила должны держаться воеводы и старосты, по представленію которыхъ государь раздавалъ державы. *A provisione autem ac donatione seu collatione, — гласятъ общеземскій привилеѣ 1492 года, — spiritualium et secularium dignitatum, tenutarum et officiorum quorumcunque, nihil debemus postulare, neque etiam domini palatini et capitanei, ab officialibus et tenutariis, quicquid recipere, aut exigere debent, solum quod per aliquem nobis, vel ipsis, pro honestate sua, libere condonatum fuerit.* Разу-мѣется, такое обѣщаніе по существу дѣла мало къ чему обязывало, и государь могъ по прежнему продавать намѣстничества, если не перевѣшивали другія соображенія, напр., желанье пожаловать кого-либо за службу державою или дать кормленье.

Во всякомъ случаѣ и при Александрѣ, и при Сигизмундѣ мы встрѣчаемся по актамъ съ *челобитьемъ*, которое давали государю намѣстники-державцы при полученьѣ своего уряда. Среди записей различныхъ листовъ короля Александра послѣ привилея, выданнаго въ 1495 году писарю Ивашку Сопѣжичу на держанье Дмитрова въ Смоленскомъ повѣтѣ, находимъ слѣдующую замѣтку: „А далъ его милость на прозбу пана воеводы Виленского тотъ Дмитровъ Ивашку Сопѣзѣ до его живота, а отъ того въ него взялъ пятьдесятъ золотыхъ“¹⁵⁰⁴⁾. Въ записяхъ приходовъ великаго князя Александра читаемъ между прочимъ: „Намѣстникъ Дроковскій далъ отъ намѣстничества 4 копы грошей; намѣстникъ Брягинскій — 2 копѣ грошей; намѣстникъ Мозырскій далъ 12 копѣ грошей великому князю; старецъ Мозырскій далъ 4 копы грошей“ и т. д.¹⁵⁰⁵⁾. Король Сигизмундъ, пожаловавъ въ 1510 году пану Юрью Ивановичу Ильинича староство Берестейское съ ключомъ послѣ того, какъ умереть князь Александръ Юрьевичъ, державшій тогда Берестье, взялъ отъ него авансомъ и челобитье, въ чемъ и росписался въ выданномъ на староство листѣ: „а онъ вжо намъ отъ того чолобитья далъ сто золотыхъ“¹⁵⁰⁶⁾. Не-

¹⁵⁰⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VI, л. 62.

¹⁵⁰⁵⁾ Ibidem, л. 277, 278.

¹⁵⁰⁶⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 346.

обходимо замѣтить, что „чоломбитѣ“ платилось господарю а при пожалованьѣ имѣній ¹⁵⁰⁷⁾, и иногда большое. Панъ Костевичъ, напр., за пожалованье ему замка Кабрина до живота далъ королю „чолобитѣ“ 1000 копь грошей ¹⁵⁰⁸⁾. Самъ господарь въ своихъ привилеяхъ на имѣнья свидѣтельствуеть, что ему платилось не малое челобитѣ. Король Сигизмундъ пожаловалъ было служебнику пана Станислава Яновича, старосты Жмудсваго, Шимку Митковичу десять службъ людей и четыре земли пустовскихъ въ Жосецкой волости Веленскаго повѣта. Но получивъ донесеніе отъ державцы Веленскаго, что это будетъ двору господарскому шkodно, онъ взялъ назадъ свое пожалованье и написалъ старостѣ: „Ино мы, въ ласки наше на его чоломбитѣ а къ тому обачывшы, ижъ онъ намъ отъ того перво сего не малое чоломбитѣ далъ, дали есьмо напротивъ тыхъ людей и земель иныхъ десять служобъ людей тяглыхъ а ни вуничныхъ, а чотыры земли пустовскихъ“ и т. д. ¹⁵⁰⁹⁾.

ЛІІІ.

Сроки, на которые въ изучаемое время раздавались волости „въ держанье“, были различны. Изъ фактовъ, сгруппированныхъ во второмъ очеркѣ, видно, что въ русскихъ областяхъ великаго княжества, именно въ земляхъ Киевской, Смоленской, Витебской и Полоцкой, держался еще старинный обычай раздавать намѣстничества мѣстнымъ боярамъ на годъ, хотя дѣйствіе этого обычая было уже ограничено немногими волостями. Кромѣ того, и соблюдался онъ не строго, такъ что вмѣсто одного года волости давались на два, на три года и болѣе. Въ листѣ короля Сигизмунда, данномъ пану Ивану Полозу 31 марта 1527 года, читаемъ: „дали есьмо имъ, всимъ бояромъ Киевскимъ, у жалованье Чернобыль заробити и по годомъ держати для успоможенья ихъ, съ чого бы они мѣли намъ службу служити; якожъ вже тотъ замокъ нашъ Чернобыль держали напервѣй Павша небожцыкъ а Крыштофъ, а Дмитръ Ивашенцовичъ по два годы, а теперь дали есьмо тотъ замокъ нашъ на два жъ годы держати дворанину нашому Заморенку; для чого жъ онъ билъ намъ чоломъ, абыхмо ему по выдержаньи Заморенковѣ тотъ замокъ нашъ Чернобыль дали на два годы держати“ ¹⁵¹⁰⁾. „Билъ намъ чоломъ дворанинъ нашъ Грышко

¹⁵⁰⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 28, 112.

¹⁵⁰⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XI, л. 40.

¹⁵⁰⁹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 111, 112.

¹⁵¹⁰⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XV, л. 77, 78.

Ивановичъ,—читаемъ въ другомъ листѣ того же короля Сигизмунда (отъ 10 августа 1508 года),—и просилъ насъ, абыхмо дали ему волость нашу Велижскую держати отъ насъ на колько годовъ. И мы ему тую волость нашу дали отъ насъ держати въ держанье на три годы и на то есмо дали ему сесь нашъ листъ и зъ нашу печатью“¹⁵¹¹⁾. Чаше волости давались на неопредѣленное время, „до воли господарской“, и еще чаше „до живота“; послѣднее, впрочемъ, иногда и нарушалось, но не во вредъ намѣстниковъ-державцевъ, которыхъ господарь жаловалъ болѣе выгоднымъ „врядомъ“ или „державою“ и во всякомъ случаѣ равнымъ¹⁵¹²⁾. Какъ уже было сказано выше, князья и паны, державшіе господарскіе замки и дворы съ волостями, старались укрѣпить за собою держанья пожизненно, и этому стремленью, какъ можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, не противорѣчил и господарскій интересъ. „Билъ намъ чоломъ,—читаемъ, напр., въ листѣ короля Сигизмунда отъ 12 декабря 1523 года,—подчашый нашъ, державца Василишскій и Марковскій, панъ Янъ Миколаевичъ Радивиловича о томъ, што есмо перво сего дали ему дворъ нашъ Марково въ держанье,—ино онъ повѣдалъ передъ нами, што жъ тотъ дворъ нашъ былъ спустошонъ, и пашня наша за первыихъ вранниковъ нашихъ залегла была, и онъ, хотячы ся намъ пану своему въ томъ заховати, и за своего держанья пашни наше болше прибавилъ, и дворъ нашъ своимъ накладомъ и ставы, и сажавки на насъ справуетъ, и выстерегаючыся того, абыхмо того двора нашего подъ нимъ кому иному не дали або его у пенязѣхъ не заставили, билъ намъ чоломъ, абыхмо тотъ дворъ нашъ Марково въ держанье ему дали до его живота“¹⁵¹³⁾. Король въ виду собственной пользы, конечно, удовлетворилъ просьбу челобитчика. Выше было упомянуто о пожалованьѣ князю Семену Александровичу Чечерска и Пропойска, которые были уже у него въ держаньѣ, въ держанье до живота вслѣдствіе того, что онъ обѣщалъ королю отстроить замокъ Пропойскъ. Привилеевъ на держанья до живота находится множество въ актахъ изучаемаго времени, хотя на ряду съ ними попадаются и такіе, въ которыхъ срокъ не обозначенъ, напр., привилеи, выданные въ 1527 году: князю Петру Тимошеевичу Масальскому—на держанье волости Любошанской „по животѣ пана Юрья Немировича, державцы Любошаньского“, князю Ивану Михайловичу Вишневецкому—на дер-

¹⁵¹¹⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 230.

¹⁵¹²⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VIII, л. 371.

¹⁵¹³⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 128, 129.

жанье замка Рѣчицкаго „по животѣ пана Семена Полозовича, державцы Рѣчицкого“, пану Яну Аврамовичу—на держанье двора Утены¹⁵¹⁴⁾ и т. д. Въ пожизненное держанье раздавались преимущественно волости, гдѣ велось собственное хозяйство великаго князя, гдѣ намѣстники-державцы дѣйствовали на правахъ господарскихъ приказчиковъ, получая въ пользу часть доходовъ съ этого хозяйства. Энергичное и заботливое веденіе этого хозяйства со стороны господарскихъ урядниковъ, конечно, возможно было только при увѣренности, что имъ долго придется пользоваться своимъ процентомъ изъ его доходовъ. Краткіе сроки держаній въ данномъ случаѣ могли повести только къ хищничеству съ ихъ стороны, на что нѣкоторыя указанія были приведены выше. Такимъ образомъ, и собственный интересъ господаря, и интересъ мѣстныхъ правителей приводилъ къ установленію обычая раздавать волости съ господарскими дворами и дворцами въ держанье „до живота“. На неопредѣленный же срокъ, до воли господарской, раздавались преимущественно такія волости, гдѣ не было или гдѣ было слабо развито собственное господарское хозяйство; таковы же были и волости, раздававшіяся на года.

Въ связи съ возникновеніемъ правительственнаго обычая раздачи урядовъ и державъ „до живота“ стоитъ, очевидно, и возникновение особаго закона, который предусматривалъ, за что и какимъ порядкомъ могли отбираться уряды и державы у должностныхъ лицъ. Общеземскій привилей великаго князя Александра на этотъ счетъ опредѣлялъ, что всякій, кто окажется расточителемъ и „шкодникомъ“ господарскихъ „добръ“, лишается своей державы; отобраніе державы производится по совѣту господаря съ панами-радою и по выслушаніи обѣихъ сторонъ, обвинителя и отвѣтчика. *Officia vero omnia,—читаемъ здѣсь,—et tenutae, sine consilio nostrorum consiliariorum, per nos, non debent cuique auferri. Si quis autem officialium tamquam dissipator, et damnificator nostrorum bonorum apud nos delatus fuerit, utraque pars coram nobis debet personaliter constitui, auditaque causa reus secundum demerita puniendus erit: sed absque culpa officia auferre non debemus*¹⁵¹⁵⁾. Статутъ 1529 года почти буквально повторяетъ этотъ артикулъ общеземскаго привилея 1492 г.: „Теж державцы дворовъ нашихъ и тивунове на причины заочныя черезъ насъ не маюутъ быти никому отниманы. Але коли бы который з урядниковъ, яко роспрошитель а шкодникъ двора нашего в насъ

¹⁵¹⁴⁾ Литов. Метр. кн. Запис. XII, л. 347—349, 357.

¹⁵¹⁵⁾ *Zbiór praw litewskich*, str. 58—67.

быд обвиненъ; обоя сторона маеть перед нами очевисто стати, а выслушавши тую речъ винный подле заслуги маеть каранъ быти, але без вины держане отнимати не будем¹⁵¹⁶⁾. Устава, данная въ томъ же году державцамъ и тивунамъ Жмудской земли, расширяеть понятие вины, за которую господарь могъ отнять держанье, и выдвигаетъ на видъ не только хозяйственный интересъ господаря, но и общественный. „Тежъ тивуновъ,—читаемъ здѣсь,—не отдаемъ отъ ихъ держаней, выимуючы, за слушною причиною и за кривдою подданныхъ нашихъ; а если быхмо которого собѣ съ нихъ въ томъ непожиточного дознали, тогда такового тогожъ часу въ уряду отдалимъ и иншому вѣрнѣйшому его отдадимъ, кому будетъ наша воля господарская“¹⁵¹⁷⁾. Интересъ общественный долженъ былъ выступить въ данномъ случаѣ по тѣсной связи его съ господарскимъ, такъ какъ отъ обидъ и притѣсненій управителей пустѣли господарскія волости. На это обыкновенно ссылаются и мѣстные жители въ своихъ жалобахъ на господарскихъ урядниковъ, указывая, что не они только страдаютъ, но и самъ господарь. Такъ въ 1529 году королю Сигизмунду жаловались на намѣстника Олучицкаго Никифора Бобоѣдова старецъ и вся волость Олучицкая, что онъ „кромъ жадное прычины“ приказалъ повѣситъ старца волостного, „имъ самымъ кривды и драпежства великии подѣлалъ, для которыхъ же дей драпежствъ многи люди наши (т. е. господарскіе) съ тое волости прочъ разошлися“, и просили короля взять ихъ изъ рукъ Бобоѣдовыхъ и привернуть къ замку Кричевскому. Король исполнилъ ихъ просьбу¹⁵¹⁸⁾. Такимъ образомъ, грубая идея „кормленья“ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и дѣйстви въ жизни должна была найти себѣ предѣлы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвать въ правительственномъ сознаниі противоположную идею государственной должности, хотя пока въ смутномъ и неясномъ очертаніи.

LIV.

Резюмируя все сказанное въ настоящемъ очеркѣ и сопоставляя отчасти съ тѣмъ, что содержится въ первыхъ двухъ, приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Въ большинствѣ повѣтовъ, въ которыхъ судъ и управу чинили намѣстники-державцы, велось собственное господарское хозяйство,

¹⁵¹⁶⁾ 5 арт. III раздѣла.

¹⁵¹⁷⁾ Акты Зап. Рос. II, № 160, арт. 19.

¹⁵¹⁸⁾ Литов. Метр. кн. Запис. VII, л. 531, 532.

разрабатывались на господаря пахатныя земли и эксплуатировались различныя угодыя.

2. Но особенно развито было господарское хозяйство въ собственной Литовской землѣ; здѣсь было наибольшее количество господарскихъ дворовъ и дворцовъ съ дворными пашнями и угодыями.

3. Повидимому, уже отъ удѣльной эпохи этихъ дворовъ и дворцовъ съ пашнями и угодыями господарь получилъ въ собственной Литовской землѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ.

4. На это предположеніе наводитъ тотъ фактъ, что въ собственной Литовской землѣ господарь замѣнилъ собою болѣе многочисленныхъ, но болѣе мелкихъ князей, чѣмъ въ другихъ областяхъ, князей, для которыхъ собственное хозяйство было однимъ изъ главныхъ средствъ содержанія.

5. Первоначальное возникновеніе княжескаго дворцоваго хозяйства въ собственной Литовской землѣ, какъ и въ русскихъ земляхъ, стоитъ въ связи съ развитіемъ рабства и захватомъ князьями пустыхъ земель и угодій въ свое распоряженіе: дворцовое хозяйство явилось первоначально средствомъ эксплуатаціи рабскаго труда въ приложеніи къ этимъ землямъ и угодыямъ.

6. Въ дальнѣйшемъ развитіи дворцовое княжеское и потомъ господарское хозяйство сдѣлалось однимъ изъ средствъ эксплуатаціи труда крестьянскаго населенія Литовской земли. Это населеніе въ теченіе XIII и XIV вѣковъ увеличилось выходцами изъ Пруссіи, Жмуди и Руси, такъ что въ XV и началѣ XVI вѣка собственная Литовская земля была самою населенною областью великаго княжества. Обиліе рабочихъ рукъ при сравнительной густотѣ населенія дало возможность примѣнить ихъ къ разнообразнымъ потребностямъ дворцоваго хозяйства, расширить само это хозяйство и вмѣстѣ съ тѣмъ взять съ крестьянъ барщиннымъ трудомъ то, что не всегда можно было получить деньгами или натурою.

7. Въ изучаемое время господарь съ семьєю, съ своими придворными сановниками и урядниками и со всею прислугою проживалъ обыкновенно въ собственной Литовской землѣ; здѣсь же онъ часто проѣзжалъ во время своихъ переѣздовъ въ Польшу и обратно въ великое княжество, здѣсь же и охотился. Естественно, слѣдовательно, что и дворцовое хозяйство, имѣвшее цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей господаря натурою, должно было подерживаться и вестись болѣе всего именно въ Литовской землѣ.

8. Послѣ уніи съ Польшею и разгрома силъ Ордена въ Грюнвальденской битвѣ собственная земля Литовская оказалась въ луч-

шихъ условіяхъ, чѣмъ другія области, относительно внѣшней безопасности, что также было благопріятнымъ условіемъ для поддержанія и развитія господарскаго хозяйства преимущественно на Литвѣ.

9. Наконецъ, въ собственной Литовской землѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ, возможенъ былъ надзоръ и контроль по веденію господарскаго хозяйства.

10. Въ русскихъ областяхъ великаго княжества дворцовое княжеское хозяйство возникло еще ранѣе литовскаго владычества, какъ средство эксплуатаціи рабскаго труда.

11. При литовскихъ князьяхъ оно велось уже не только рабскимъ трудомъ, но и барщиннымъ трудомъ крестьянскаго населенія; но переходъ къ этому начался едва ли не ранѣе литовскаго владычества.

12. Въ изучаемое время господарское хозяйство въ русскихъ областяхъ великаго княжества не только не шло далѣе того, чего достигло въ удѣльное время, но замѣтно падало.

13. Причины тому—отчасти положеніе этихъ областей въ объединенномъ Литовско-Русскомъ государствѣ, затруднявшее контроль и надзоръ изъ центра, отчасти разоренія и опустошенія со стороны внѣшнихъ враговъ, при которыхъ поддержка и веденіе хозяйства становились часто не подъ силу даже собственной энергіи и заботливости частныхъ владѣльцевъ, а тѣмъ болѣе господарю, который велъ хозяйство заглазно и издалека, черезъ своихъ приказчиковъ (намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ).

14. Наименьшаго развитія господарское хозяйство достигло въ такъ называемыхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ и нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ ними, крестьянство (и мѣщанство) которыхъ состояло изъ данниковъ.

15. Благодаря промысловому приволью, которое представляли для здѣшняго, сравнительно немногочисленнаго населенія лѣса, рѣки и озера, крестьяне (и мѣщане) этихъ волостей долгое время оказывались въ состояніи уплачивать дань общему суммою, положенною на ихъ волости, и для господаря не было расчета переводить ихъ на барщинныя повинности, заводить собственное хозяйство, тѣмъ болѣе, что и окраинное положеніе этихъ волостей не благопріятствовало этому.

16. Въ Жмудской землѣ господарское хозяйство не дѣлало успѣховъ по сравненію съ удѣльною эпохою вслѣдствіе особаго политическаго положенія этой области: привилей Жмудской земли гарантировалъ ее отъ приумноженія господарскихъ дворовъ и дворцовъ и

оставилъ господаря только при тѣхъ дворахъ и дворцахъ, которые существовали при Витовтѣ.

17. Господарское хозяйство полностью велось только въ четырехъ или пяти волостяхъ Жмудской земли; въ остальныхъ дворянскихъ господарскихъ пашняхъ сдѣлались достояніемъ старосты и тивуновъ, которые до 1527 года разрабатывали ихъ въ свою пользу барщиннымъ трудомъ мѣстныхъ господарскихъ крестьянъ, а за господаремъ оставались только сѣнокосы и оброчныя статьи: рѣки, озера, хмелища, пуши и т. д. Въ 1527 году барщинныя повинности Жмудскихъ крестьянъ въ пользу старосты и тивуновъ были отменены и заменены податью съ сохъ въ пользу господаря и кормами въ пользу мѣстныхъ правителей.

18. Рабочую силу въ господарскомъ хозяйствѣ въ изучаемое время, какъ и въ предшествующее, составляла прежде всего господарская челядь невольная, паробки и жонки.

19. Челядь невольная получала свое содержаніе съ господарскаго двора въ видѣ такъ называемой мѣсячины; тѣ паробки, которые имѣли свои домки и „бонду“, а въ поляхъ „приробки“ получали и мѣсячины меньше.

20. Юридическое положеніе обоихъ разрядовъ дворной челяди было одинаковое, вопреки утвержденью г. Новицкаго.

21. Кромѣ челяди невольной, на господарской пашнѣ и дворѣ работали всегда, когда было нужно, господарскіе тяглые люди, называвшіеся въ Полоцкой землѣ пригонными.

22. Этотъ барщинный трудъ составлялъ главное содержаніе и признакъ тяглой службы, но не уплата дьякла, какъ думаетъ г. Бершадскій.

23. Дьякло платили и не тяглые крестьяне, и наоборотъ: тяглые люди не всегда платили дьякло.

24. Дьякло и мезлева въ томъ видѣ, въ какомъ они взимались при Казимирѣ и его сыновьяхъ, сильно напоминаютъ аналогичныя подати польскихъ крестьянъ и едва ли не были заимствованы литовскимъ правительствомъ у Польши.

25. Натуральные поборы, изъ которыхъ слагались дьякло и мезлева, по нѣкоторымъ признакамъ, существовали въ западной Руси и ранѣе сближенія съ Польшею; литовское правительство, вводя дьякло и мезлево по польскому примѣру, всего вѣроятнѣе, только распространяло и приводило къ одному типу и нормѣ уже существовавшія натуральныя подати.

26. На подмогу челяди дворной и тяглымъ людямъ въ разгаръ сельскохозяйственныхъ работъ, т. е. во время пахоты, косьбы сѣна и жнитва выходили и другіе господарскіе крестьяне и даже мѣщане небольшихъ мѣсть.

27. Эта повинность, называвшаяся толокою, варьировалась по мѣстностямъ и сообразно съ количествомъ другихъ повинностей, лежавшихъ на господарскихъ крестьянахъ и мѣщанахъ; чаще всего толока брала у крестьянской службы двѣнадцать дней въ году на пахоту и жнитво, не включая сюда сѣнокосъ, на который крестьяне и мѣщане также обязаны были ходить.

28. Кромѣ толоки, нетяглые господарскіе крестьяне и мѣщане въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, выполняли и разныя другія экстренныя работы по господарскому хозяйству.

29. По отдѣльнымъ мѣстностямъ и въ силу изыятій изъ общаго правила на толоку и на нѣкоторыя экстренныя работы по господарскому хозяйству выходили и частновладѣльческіе крестьяне, вообще отъ всего этого освобожденные.

30. При эксплуатаціи различныхъ угодій господарское хозяйство пользовалось трудомъ особыхъ разрядовъ крестьянъ, которые появились вмѣстѣ съ развитіемъ этой эксплуатаціи и по большей части занимали отдѣльное отъ тяглыхъ людей положеніе.

31. Эксплуатація лѣсныхъ угодій на господаря создала особые разряды господарскихъ бортниковъ, бобровниковъ, осочниковъ, ловцовъ, псарцовъ, сокольниковъ и т. д.

32. Эксплуатація пастбищъ вызвала къ жизни копюховъ, кобыльниковъ, ройтниковъ, коновормцевъ и лейтей.

33. Были особые разряды крестьянъ, которые несли свою службу по эксплуатаціи рѣкъ и озеръ на господаря.

34. Различныя спеціальныя потребности господарскаго хозяйства вызвали къ жизни и другія крестьянскія службы, какъ напр., сторожей, кухарей, садовниковъ, огородниковъ и т. д.

35. Всѣ эти разряды господарскихъ крестьянъ, несшіе свою службу по спеціальнымъ потребностямъ господарскаго хозяйства, имѣли свои земли и угоды, которыя разрабатывали въ свою пользу.

36. Кромѣ спеціальныхъ повинностей, всѣ они обыкновенно ходили на толоку, въ отдѣльныхъ случаяхъ и на другія работы по господарскому хозяйству, платили затѣмъ дякло, дань грошовую, медовую, бобровую, куничную, хотя общаго правила въ данномъ отношеніи не было.

37. Повинности и подати, составлявшія прибавленье къ главной и спеціальной службѣ этихъ крестьянъ, сильно разнообразились сообразно съ тяжестью главной и спеціальной службы, съ величиною крестьянскихъ участковъ и мѣстною производительностью.

38. То же самое справедливо и въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ другихъ наименованій и службъ.

39. Нѣкоторые изъ разрядовъ господарскихъ крестьянъ, несшихъ спеціальную службу по эксплуатаціи угодій на господаря, занимали по сравненію съ тяглыми людьми высшее положеніе и экономическое, и юридическое. Это видно, напр., изъ того, что они обязаны были ходить на войну и оплачивались болѣе высокою головщиною. Таковы были, напр., осочники, псарцы, совольники и т. д.

40. Для своихъ потребностей господарское хозяйство пользовалось, кромѣ того, спеціалистами и ремесленниками, существовавшими среди крестьянъ и мѣщанъ независимо отъ этихъ потребностей; таковы были, напр., ковали, влечачи, рогатинники, дойлиды, саяники, бондари, судники, кравцы, муралы, стрихари, меловники, гончары, кожемяки, лучники, стряменники и т. д.

41. Эти спеціалисты и ремесленные люди платили господарю или трудомъ по своей спеціальности, или же издѣліями (напр., рогатинники и стряменники); кромѣ того, они ходили на толову и несли, какъ уже сказано, и другія повинности, а также и подати.

42. Экономическое и юридическое положеніе „ремесныхъ“ людей было высшее по сравненію съ положеніемъ тяглыхъ людей, такъ какъ они обыкновенно подлежали военной повинности, и головщина ихъ была выше головщины простыхъ мужиковъ, или тяглыхъ людей.

43. Такое положеніе ихъ обозначилось уже ранѣе литовскаго владычества, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Русская Правда.

44. Изъ этого слѣдуетъ, что тяглые люди вели свое происхождение по прямой линіи отъ того класса сельскаго населенія, который обозначенъ въ Русской Правдѣ подъ именемъ смердовъ и отъ котораго также отличены „ремесльняники“.

45. Кромѣ тяглыхъ людей, отъ „смердовъ“ вели, по всѣмъ даннымъ, свое происхождение данники, которые въ актахъ изучаемаго времени отличаются обыкновенно отъ тяглыхъ людей.

46. Этимъ именемъ обозначаются обыкновенно крестьяне, платившіе дань грошовую или серебряную, медовую, бобровую и куничную натурою или деньгами.

47. Данники называются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ куничниками, а въ южныхъ повѣтахъ Кіевской земли ясачниками.

48. Къ этому же разряду близко подходят, хотя и не называются именовъ данниковъ, люди дьявольные, пшеничники, рыболовы, соляники, угольники, дегтари и млынари, платившіе подати произведеніями своего хозяйства и промысловъ.

49. Господарскіе данники и другіе близко стоящіе къ нимъ разряды крестьянъ, кромѣ даней и другихъ податей, обыкновенно ходили на толоку, косили сѣно на господара и исправляли нѣкоторыя другія работы по господарскому хозяйству, хотя не всѣ и не во всѣхъ мѣстностяхъ Литовско-Русскаго государства.

50. На толоку ходили и сѣно косили на господара даже и господарскіе слуги разныхъ наименованій, отправлявшіе военную службу и вербовавшіеся изъ зажиточнаго крестьянства.

51. По своему экономическому и юридическому положенію слуги представляли влассъ переходный между крестьянами и боярами. Хотя они были сами землевладѣльцами, но часто владѣли такими имѣньями, которыя давали имъ возможность имѣть челядь и крестьянъ; лично они были всегда свободны и могли, когда хотѣли, сойти съ своихъ земель, не были, слѣдовательно, „невольными селянитыми людьми“ или, какъ иначе выражаются акты, „непохожими“.

52. Хотя имѣнья слугъ обыкновенно превышали своими размѣрами участки тяглыхъ и другихъ крестьянъ, но въ данномъ случаѣ не было какого либо общаго правила, въ силу котораго слуги обязательно имѣли земли, въ нѣсколько разъ превышавшія участки обыкновенныхъ, рядовыхъ крестьянъ, вопреки утверженію г. Бершадскаго.

53. Въ слуги попадали люди тяглые и крестьяне другихъ служебъ, отличавшіеся зажиточностью; если слуги бывали болѣе крупными землевладѣльцами, то этотъ фактъ, очевидно, былъ послѣдствіемъ, а не первоначальной причиною ихъ зажиточности, причиною, а не слѣдствіемъ ихъ служебнаго положенія.

54. Наиболѣе многочисленный разрядъ слугъ составляли слуги или люди путные, спеціальною новинностью которыхъ былъ „путь“ или „листовная служба“, т. е. разъѣзды по разнообразнымъ порученіямъ мѣстнаго удяднига.

55. Число ихъ въ изучаемое время превышало служебныя потребности господарскихъ судебно-административныхъ центровъ, и изъ нихъ стали выдѣляться особый разрядъ людей „служебныхъ“, а за остальными названіе путныхъ слугъ удерживалось по простой традиціи.

56. Главная повинность путныхъ слугъ въ изучаемое время, можно сказать, была военная.

57. Путные слуги въ Полоцкой землѣ назывались сельскими путниками; повидимому, и слуги посельскіе, встрѣчающіеся по актамъ въ Подлѣсьѣ, Волыни и Киевской землѣ были то же, что и путные слуги.

58. Кромѣ путныхъ слугъ, по разнымъ мѣстностямъ Литовско-Русскаго государства существовали слуги господарскіе панцырные, щитные, доспѣшные и коиные.

59. Эти названія, указывающія на родъ вооруженія и снаряженія на войну, удерживались часто по простой традиціи, а на дѣлѣ специализація военной службы проводилась не строго.

60. Всѣ перечисленные разряды господарскихъ крестьянъ составляли обыкновенно господарскую волость въ тѣсномъ смыслѣ и называются въ актахъ людьми волостными въ противоположность мѣщанамъ и боярамъ, мужами и мужиками.

61. Слуги, впрочемъ, иногда не входятъ въ соозначеніе волостныхъ людей и отличаются отъ нихъ, такъ какъ и своими повинностями они не всегда были связаны съ волостью (когда служили одну военную службу).

62. Въ Полоцкой землѣ въ разряду путныхъ слугъ близко подходили мѣщане, купившіе земли у бояръ, сельскихъ путниковъ, данниковъ и пригонныхъ людей: они должны были служить съ этихъ земель путную, или военную, службу.

63. Въ другихъ областяхъ великаго княжества съ земель, приобрѣтенныхъ за мѣстскою чертою, мѣщане обязывались служить ту же службу, какая и прежде шла съ этихъ земель; однако, какъ зажиточные люди, мѣщане часто переводились съ крестьянскихъ службъ на военную.

64. Объектами обложенія барщиннымъ трудомъ, военною повинностью и податями въ Литовско-Русскомъ государствѣ служили тѣ земельныя единицы, которыя даны были въ теченіи времени естественнымъ развитіемъ семейно-родовой коопераціи и совладѣнія крестьянъ.

65. Эти земельныя единицы состояли изъ пахотныхъ земель, сѣножатей и различныхъ угодій; съ ними неразрывно связаны были различныя „ухожан“, „входы“ или „вступы“ въ общественныхъ крестьянскихъ, господарскихъ и частновладѣльческихъ лѣсахъ, рѣкахъ и озерахъ.

66. Въ собственной Литовской землѣ, въ Жмуди, въ земляхъ Полоцкой и Витебской эти земельныя единицы по актамъ называются обыкновенно просто „землями“ съ прозвищемъ, произведеннымъ отъ

имени владѣльца, или же съ прибавленіемъ собственнаго имени географическаго урочища.

67. Въ Волинской землѣ и Полѣсьѣ эти земельныя единицы назывались „дворищами“; въ Смоленской землѣ и въ повѣтахъ ея пригородовъ, а также въ повѣтахъ, входившихъ въ составъ Смоленской земли ранѣе литовскаго владычества,—„сельцами“ и „селищами“; въ Берестейско-Подляшской области—„жеребьями“. Селищами въ актахъ называются иногда крестьянскія земельныя единицы также и въ земляхъ Витебской и Кіевской; названіе „селище“ замѣняетъ собою иногда въ актахъ терминъ „дворище“.

68. Названіе „дворище“ указываетъ на то, что эта земельная единица дана была коопераціею и совладѣніемъ крестьянской семьи или рода, жившаго на одномъ дворѣ.

69. Названіе „селище“ указываетъ на разбросанность и дробность поселеній крестьянскихъ семей или родовъ, жившихъ другъ отъ друга особнякомъ и составлявшихъ особья сельца.

70. Такимъ образомъ, разбросанность и дробность поселеній, которую можно замѣтить въ нѣкоторыхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства въ изучаемое время, не были послѣдствіемъ введенія волочной системы, вопреки утвержденью г. Иловайскаго.

71. Волочная система въ изучаемое время вводилась исподоволь на Подляшѣ, преимущественно на опустѣвшихъ земляхъ или же на новѣ, и пока еще не вытѣснила стариннаго дѣленія крестьянскихъ земель на жеребья.

72. Названіе „жеребей“ указываетъ на первоначальный дѣлежъ земли, производившійся между крестьянскими семьями или родами, селившимися вмѣстѣ; но получавшіеся при первоначальномъ дѣлежѣ удобной земли участки съ теченіемъ времени увеличивались нивами, которыя разрабатывали крестьянскія семьи въ сосѣдней пущѣ, и различными „входами“, которые онѣ также пріобрѣтали по сосѣдству на незанятыхъ угодьяхъ, и жеребья становились разнообразными и по размѣрамъ, и по доходности.

73. За исключеніемъ волокъ, и всѣ остальные крестьянскія земельныя единицы не были равны ни по своимъ размѣрамъ, ни по доходности, такъ какъ онѣ не были результатомъ искусственной разверстки земель а результатомъ первоначальнаго захвата или дѣлежа и дальнѣйшихъ разработокъ и пріобрѣтеній со стороны крестьянскихъ семей или родовъ.

74. Впрочемъ, по отдѣльнымъ районамъ существовала извѣстная средняя величина, къ которой вышеуказанныя земельныя единицы бо-

лѣе или менѣе приближались, что и дало возможность сдѣлать ихъ единицами обложенія барщиннымъ трудомъ и военною повинностью.

75. Эта средняя величина вытекла также изъ самаго происхожденія этихъ земельныхъ единицъ, обусловилась тѣмъ среднимъ количествомъ членовъ, которыхъ могла содержать въ себѣ при тогдашнихъ условіяхъ хозяйственная, семейно-родовая ассоціація крестьянъ.

76. Неравенство тягостей, которое возникало при обложеніи крестьянъ, владѣвшихъ не вполне равными участками, барщиннымъ трудомъ и военною повинностью, уравнивалось тѣмъ, что одни крестьяне платили лишнія подати, а другіе — наоборотъ: не доплачивали вполне того, что полагалось платить ихъ разряду, или же не несли нѣкоторыхъ барщинныхъ повинностей.

77. Подати, которыя шли съ крестьянскихъ земельныхъ единицъ, опредѣлены были стариною, обычаемъ, и еще болѣе разнообразились въ своихъ размѣрахъ, чѣмъ барщинныя и разныя другія повинности, хотя и тутъ по отдѣльнымъ районамъ можно подмѣтить извѣстную среднюю величину ихъ для болѣе или менѣе значительнаго количества крестьянскихъ единицъ.

78. Семейно-родовая кооперація и совладѣніе крестьянъ не только дали Литовско-Русскому государству земельныя единицы для тягло-податнаго и военнаго обложенія, но продолжали быть живыми силами, которыя въ изучаемое время выполняли требованія этого обложенія: вышеуказанныя земельныя единицы находились по большей части во владѣніи и пользованіи крестьянскихъ семей и родовъ, которые и несли съ нихъ сообща разнообразныя службы господарю (или пану).

79. Крестьянскія семьи и роды владѣли и пользовались землями и угодьями или сообща, или раздѣльно, но службу служили сообща; общее владѣніе и раздѣльное существовали рядомъ и часто заступали одно другое.

80. Части подѣленныхъ земельныхъ единицъ со всѣми ихъ угодьями и „ухожаями“ назывались „слѣдами“, а въ Смоленской землѣ „вытями“.

81. Крестьянскія семьи или роды въ тѣхъ случаяхъ, когда были не въ состояніи осилить эксплуатаціи всей земли и угодій и служить съ нихъ полностью службу, принимали къ себѣ въ долю постороннихъ людей, которые пользовались извѣстною частью земли и угодій и соотвѣтственно съ тѣмъ помогали имъ въ службѣ, были ихъ „потужниками“.

82. Посторонніе люди, которыхъ крестьянскія семьи или роды добровольно принимали къ себѣ въ долю, не были владѣльцами въ этой долѣ.

83. Потужники становились владѣльцами въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ присаживало къ крестьянскимъ семьямъ и родамъ правительство, или когда ихъ доли были слѣды, приобретенныя ими покупкою у крестьянъ „отчичей“.

84. Потужники могли становиться и „сябрами“ крестьянъ отчичей, когда приобретали не выдѣленные части земель и угодій, а право общаго пользованія въ известной долѣ: посторонніе люди въ такихъ случаяхъ становились членами товарищества, сообща владѣвшаго и пользовавшагося землею и угодьями.

85. Паи сябровъ въ общемъ пользованіи не были равны, такъ какъ опредѣлялись числомъ преемниковъ у каждаго изъ сябровъ предшественниковъ.

86. Такимъ образомъ, и сябринное владѣніе нельзя назвать общиннымъ въ собственномъ смыслѣ.

87. Крестьянскія семьи и роды, и замѣнявшія ихъ товарищества, составлявшія село, владѣли нѣкоторыми землями и угодьями сообща и сообща пользовались ими.

88. Нѣкоторыя угодья сдѣлались общинимъ достояніемъ села въ силу своей естественной недѣлимости. Таковы выгонъ около села, озеро, рѣка, лѣсъ съ бортными деревьями.

89. Общественныя пашни и сѣножати возникли или въ лѣсахъ, бывшихъ общинимъ достояніемъ, или въ мѣстахъ, обойденныхъ при первомъ насажденіи культуры, при захватѣ и разработкѣ земель и угодій отдѣльными семьями или родами.

90. Появленіе ихъ относится къ тому моменту, когда опредѣлялась пространственная граница экономической культуры села, и когда для отдѣльныхъ семей и родовъ являлась надобность обратиться къ разработкѣ незапашенныхъ земель и угодій внутри этой границы.

91. Такой процессъ совершался не только въ давнопрошедшія времена, но и въ изучаемое время, потому что экономическая культура и въ изучаемое время не переставала расширяться, не переставала захватывать дѣйствительныя пущи и степи.

92. Такимъ образомъ, и общинное владѣніе сель нѣкоторыми семьями и угодьями не было остаткомъ общиннаго владѣнія всѣми землями и угодьями, существовавшаго будто бы въ отдаленныя времена, но простымъ результатомъ развитія экономической культуры и тягло-подавннй исторіи сель.

93. Такимъ же образомъ могли возникнуть общественныя земли и угоды цѣлыхъ волостей.

94. Солидарность крестьянъ волости въ отношеніи повинностей могла установиться и при частномъ крестьянскомъ землевладѣніи и не есть слѣдъ общеволостныхъ правъ въ отношеніяхъ имущественныхъ, вопреки утвержденью г. Владимірскаго-Буданова.

95. По крайней мѣрѣ, въ изучаемое время въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, платившихъ дань общемою суммою, по раскладѣ на наличныхъ членовъ волости всей дани, приходившейся съ выбылыхъ и голтыевъ, господствовало частное землевладѣніе крестьянскихъ семей, родовъ и товариществъ.

96. Солидарность крестьянъ волости въ отношеніи повинностей, по всѣмъ даннымъ, есть результатъ политической исторіи крестьянства, а не исторіи землевладѣнія.

97. Эта солидарность въ изучаемое время сохранялась всего болѣе въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, гдѣ мало развито было дворцовое хозяйство.

98. Крестьянство (и мѣщанство) этихъ волостей тяготилось, однако, солидарностью въ платежѣ дани, и правительство сдѣлало ему облегченіе, освободивъ отъ платежа дани съ пустовщинъ, лежавшихъ далеко отъ селеній и мало разбиравшихся въ пользованіе.

99. Въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, гдѣ развилось дворцовое княжеское и потомъ господарское хозяйство, и гдѣ по волостямъ постоянно находились дворцовые урядники, крестьяне сообщая, по раскладкѣ на наличныхъ членовъ волости, несли много повинностей. Таковы были подводная повинность, стація господарю, его посламъ и гонцамъ, городовыя и мостовыя работы и нѣкоторыя другія повинности.

100. Въмѣстѣ съ дворцовымъ княжескимъ и потомъ господарскимъ хозяйствомъ долженъ былъ вырости правительственный обычай имѣть дѣло не съ волостью, а съ отдѣльными крестьянскими службами, или тяглами: дворцовое хозяйство привлекало къ своимъ работамъ крестьянскія силы не по цѣлымъ волостямъ, а по селамъ и деревнямъ, выдѣляло изъ массы крестьянства многочисленныя спеціальныя службы для удовлетворенія своихъ особыхъ потребностей или же пользовалось въ этихъ цѣляхъ существовавшими уже въ крестьянствѣ ремесленными людьми, выдѣляя ихъ опять таки изъ общей массы крестьянства въ особыя службы.

101. Такое же дѣйствіе оказывала и развивавшаяся параллельно съ тѣмъ раздача земель съ жившими на нихъ крестьянами, съ ихъ службами и податями, во владѣніе частнымъ лицамъ.

102. Съ утвержденіемъ правительственнаго обычая имѣть дѣло не съ цѣлыми волостями, а съ отдѣльными службами, или тягами, возникло и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

103. Это прикрѣпленіе не воснулось, однако, высшаго слоя земледѣльческаго населенія—„слугъ“ и нѣкоторыхъ разрядовъ „ремесленныхъ“ людей, отправлявшихъ военную службу и представлявшихъ классъ полугородской и полусельскій.

104. Въ отношеніи ихъ и въ изучаемое время сохранялась старинная традиція, разсматривавшая ихъ, какъ людей „вольныхъ похожихъ“.

105. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ въ господарскихъ волостяхъ не было, однако, безусловнымъ, а носило обязательственный характеръ: крестьяне были прикрѣплены къ землѣ настолько, насколько пребываніемъ своимъ обусловливали исправность лежавшей на землѣ службы.

106. Вслѣдствіе этого отъ класса людей „непохожихъ“ отдѣлились постоянно люди „вольные похожіе“. Это были крестьяне, продавшіе свои земли съ разрѣшенія господара другимъ, которые принимали на себя и ихъ обязательства, или выпущенные на волю своими родичами и потужниками, которые брались полнить за нихъ службу.

107. Обработанная и годная для культуры земля съ угодами обладала въ то время такую цѣнность, что такіе случаи были возможны, какъ о томъ свидѣлствуютъ и акты изучаемаго времени.

108. Но и помимо этого, въ силу экономическихъ причинъ, прикрѣпленіе крестьянъ въ господарскихъ волостяхъ, не могло быть строгимъ.

109. Прикрѣпленные *de jure* къ землѣ крестьяне, обдѣивъ и не будучи въ состояніи служить службу господарю, покидали свои отчины, расходились по людямъ кормиться или отработывать свой долгъ, или же присаживаться къ кому-нибудь въ долю.

110. Таковы были наймиты, закупы, люди въ пенязѣхъ, дольнички и потужники.

111. Правительство рѣдко возвращало ушедшихъ крестьянъ на ихъ отчины въ надеждѣ, что они со временемъ вернутся на покинутыя земли, и за невозможностью поднимать ихъ экономически.

112. Такая политика находила себѣ поддержку и въ стремленіяхъ самого крестьянства возвращаться на покинутыя отчины и вообще удерживать ихъ въ своемъ владѣніи.

113. Средствомъ для этого была также продажа и запродажа (сдача на аренду) крестьянами своихъ земель и угодій по частямъ.

114. Правительство разрѣшало эти сдѣлки въ надеждѣ, что они помогутъ крестьянамъ вывернуться изъ нужды и исправно отбывать свою службу.

115. Объединившіе и обезсилившіе крестьяне съ разрѣшенія правительства продавали и цѣликомъ свои отчины.

116. Продажа и запродажа крестьянами земель и угодій не можетъ служить доказательствомъ, что землевладѣльческое право крестьянъ было то же, что у другихъ сословій, что утверждаетъ г. Новицкій.

117. Эта продажа и запродажа совершалась подъ контролемъ и разрѣшеніемъ правительства и столько же въ интересахъ послѣдняго, сколько въ интересахъ самихъ продавцовъ.

118. Крестьянское землевладѣніе не было обставлено такими гарантіями, какъ шляхетское-боярское и мѣщанское, и господарь могъ отбирать земли у крестьянъ, когда ему было угодно, чего не могъ онъ дѣлать въ отношеніи бояръ-шляхты и мѣщанъ.

119. Землевладѣльческія права крестьянъ существовали не въ ихъ отношеніи къ господарю, а въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ землевладѣльцамъ другихъ сословій.

120. Крестьяне, долгое время не возвращавшіеся на свои отчины, въ силу давности и вслѣдствіе того, что отчины ихъ тѣмъ временемъ могли быть осажены прихожими людьми, становились вольными похожими.

121. Обязательственный характеръ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ въ господарскихъ волостяхъ, стремленіе крестьянства къ удержавію своихъ отчинъ, сильныя ограниченія прикрѣпленія со стороны экономическихъ факторовъ даютъ право предполагать, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ *de jure* должно было легко и незамѣтно установиться, на почвѣ административной практики, ибо это прикрѣпленіе не производило, въ особенности на первыхъ порахъ, рѣзкихъ измѣненій въ быту и положеніи крестьянства.

122. Сообразно съ этимъ, и общеземскій привилей 1457 года не былъ первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостнаго права на Руси Литовской,—вопреки утвержденію г. Иловайскаго,—ибо онъ предполагаетъ уже существованіе людей извѣстныхъ селянитыхъ, или непохожихъ.

123. За вышеупомянутыми исключеніями, непохожими людьми стали признаваться всѣ крестьяне „отчины“, т. е. получившіе землю по наслѣдству отъ отцовъ, и люди „засѣдѣлые“, пробывшіе на сво-

ихъ земляхъ долгое время (по нѣкоторымъ даннымъ, свыше десяти лѣтъ).

124. Такое утвержденіе права на крестьянскій трудъ въ силу давности не было единичнымъ фактомъ, но однимъ изъ частныхъ проявленій общаго принципа литовско-русскаго права, въ силу котораго давность, старина была источникомъ права.

125. Задолженность крестьянства не способствовала прикрѣпленію его въ силу давности, вопреки утвержденію г. Леонтовича: она создавала такія формы зависимыхъ отношеній крестьянъ (закупы, люди въ пѣнзѣхъ), которые исключали дѣйствіе принципа давности.

126. Сообразно съ тѣмъ характеромъ, который имѣло прикрѣпленіе къ землѣ крестьянъ-отчичей, ихъ происхожденіе нельзя относить вмѣстѣ съ г. Антоновичемъ насчетъ челядинцевъ.

127. Для такого предположенія, кромѣ того, нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній въ источникахъ.

128. Точно также нельзя съ г. Антоновичемъ противопоставлять отчичей данникамъ, ибо и данники были отчичами и людьми непохожими.

129. Съ другой стороны, въ Подлянскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, платившихъ дань общемою суммою, отчичи, которые были данниками, не были людьми непохожими.

130. Такъ продолжалось въ теченіе изучаемаго времени; вскорѣ послѣ изданія Статута 1529 года и данники Подлянскихъ волостей стали людьми непохожими, такъ какъ правительство вслѣдствіе разныхъ причинъ и здѣсь принуждено было имѣть дѣло съ отдѣльными крестьянскими службами.

131. Вышеприведенными положеніями опровергается также и утвержденіе г. Владимірскаго-Буданова, что будто бы „несомнѣнно громадное вліяніе нѣмецкаго права въ Литвѣ (а именно волочной системы хозяйства и строгаго отдѣленія городскихъ состояній отъ сельскихъ) на раннее и повсемѣстное прикрѣпленіе, а равно и на внутреннюю строгость этого права“. Волочная система хозяйства, какъ выше было указано, распространялась въ изучаемое время исподоволь только на Подляшье, прикрѣпленіе крестьянъ было не повсемѣстное, а о внутренней строгости права въ отношеніи къ господарскимъ крестьянамъ не можетъ быть пока и рѣчи.

132. Нѣмецко-польское право имѣло вліяніе на судьбу крестьянъ и въ изучаемое время, но только не господарскихъ, а частновладѣльческихъ, и притомъ не тѣми сторонами, на которыя указываетъ г. Владимірскій-Будановъ.

133. Его вліяніе тѣсно связано съ распространеніемъ тѣхъ шляхетскихъ правъ и привилегій, которыя г. Владимірскій-Будановъ вывелъ изъ нѣмецкаго *jus ducale*.

134. Эти права и привилегіи и сообщили прикрѣпленію частновладѣльческихъ крестьянъ „внутреннюю строгость“, иначе говоря — личный характеръ, такъ какъ почти совершенно порвали связь частновладѣльческихъ крестьянъ съ господаремъ.

135. Обязательства частновладѣльческихъ крестьянъ по отношенію къ господарю состояли въ подводной повинности и стаціяхъ на господаря, пословъ и гонцовъ, въ городской и мостовой работѣ и, наконецъ, въ платежѣ серебщины и другихъ, равныхъ съ нею по значенію, податей на военныя издержки; но по отношенію ко всѣмъ этимъ повинностямъ господарь имѣлъ дѣло не съ крестьянами частновладѣльческими непосредственно, а съ ихъ владѣльцами.

136. Въ силу изъятій изъ общаго правила частновладѣльческіе крестьяне освобождались даже и отъ этихъ повинностей; впрочемъ, въ видѣ исключеній изъ общаго правила, они несли по отдѣльнымъ мѣстностямъ и разныя другія повинности въ пользу господаря, между прочимъ и по господарскому хозяйству.

137. На Руси, вошедшей въ составъ великаго княжества Литовскаго, для управленія дворцовымъ княжескимъ хозяйствомъ, для суда и управы и для сбора различныхъ княжескихъ доходовъ назначались по волостямъ большею частью „тивуны“.

138. Прототипомъ ихъ были тивуны огнищные Русской Правды.

139. Литва заимствовала эту должность у Руси, и первое время послѣ соединенія съ Русью по пригородамъ и волостямъ ея также сидѣли большею частью тивуны изъ молодыхъ и незначительныхъ княжескихъ дворянъ.

140. Но съ теченіемъ времени, когда возрасли въ числѣ и политическомъ вліяніи знатные бояре, съ конца XIV вѣка именовавшіеся панами, понадобилось сажать на мѣста тивуновъ знатныхъ лицъ, для которыхъ названіе „тивунъ“ было неподходящимъ, и которые стали именоваться намѣстниками, позже державцами.

141. Однако, въ центрахъ волостей, гдѣ было развито господарское хозяйство, и послѣ того встрѣчаемъ тивуновъ. Но это были уже тивуны, назначавшіеся намѣстниками-державцами изъ челяди дворной или мѣстныхъ крестьянъ для надзора за барщинными работами и для обереганія господарскаго добра; такіе тивуны были и въ другихъ дворахъ и дворцахъ, существовавшихъ въ данной волости или повѣтѣ.

142. Прототипомъ ихъ были тивуны сельскіе или ратайныя Русской Правды.

143. Къ концу изучаемаго времени тивуны въ качествѣ самостоятельныхъ волостныхъ правителей остались только въ Жмудской землѣ.

144. Намѣстники - державцы, заступавшіе собою волостныхъ тивуновъ тамъ, гдѣ было развито господарское хозяйство, тѣмъ самымъ дѣлались главными дворцовыми приказчиками.

145. Разъ созданъ такой типъ намѣстника, онъ легко могъ распространяться всюду, гдѣ существовало господарское хозяйство, и значеніе дворцовыхъ приказчиковъ могли получать и намѣстники, не имѣвшіе въ качествѣ предшественниковъ тивуновъ.

146. Древній типъ намѣстника лучше всего сохранился въ волостяхъ, гдѣ не было господарскаго хозяйства, и крестьянское населеніе состояло изъ данниковъ.

147. Таковы были волости, раздававшіяся въ русскихъ земляхъ мѣстнымъ боярамъ въ держанье по годамъ.

148. Въ большинствѣ же волостей намѣстники вышеуказаннымъ путемъ получили значеніе дворцовыхъ приказчиковъ и близко подошли въ этомъ къ польскимъ старостамъ.

149. Такое сближеніе было, слѣдовательно, результатомъ мѣстнаго историческаго процесса и не вызвано было вліяніемъ идей польскаго устройства мѣстнаго управленія.

150. Значеніе намѣстниковъ-державцевъ, какъ дворцовыхъ приказчиковъ, всего рѣзче выступаетъ по актамъ, въ собственной Литовской землѣ.

151. Въ качествѣ дворцовыхъ приказчиковъ намѣстники-державцы вели экономію и отчетность по гумнамъ и житницамъ господарскихъ дворовъ и дворцовъ.

152. Учитывать намѣстниковъ-державцевъ на мѣстѣ посылались два раза въ годъ писари; общій учетъ писарямъ и намѣстникамъ-державцамъ по Виленскому и Троцкому повѣтамъ производили воеводы Виленскій и Троцкій съ подскарбіемъ земскимъ и маршалкомъ дворнымъ.

153. Извѣстный надзоръ и контроль по господарскому хозяйству въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ принадлежалъ и воеводамъ.

154. Средствомъ для контроля служили между прочимъ инвентари, составлявшіеся при отдачѣ господарскаго двора съ волостью въ держанье или „въ заставу“.

155. По содержанію господарскихъ конныхъ заводовъ и табуновъ намѣстники - державцы Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ поставлены были подъ контроль конюшихъ дворныхъ.

156. Хозяйственные постройки и ремонтъ на господарскихъ дворахъ и дворцахъ производились по распоряженіямъ и подъ главнымъ надзоромъ намѣстниковъ-державцевъ.

157. На ихъ же обязанности было и поддержаніе земледѣльческаго и всякаго другого инвентаря на господарскихъ дворахъ.

158. Кромѣ того, на ихъ заботѣ лежало и обезпеченіе господарскаго хозяйства необходимымъ крестьянскимъ трудомъ въ формѣ тяглыхъ и спеціальныхъ служебъ.

159. Поэтому пожалованья крестьянъ изъ состава господарской волости рѣшались окончательно по заявленью намѣстниковъ - державцевъ, что пожалованье двору господарскому „не шкодно“.

160. Поэтому же намѣстники-державцы отиѣняли иногда пожалованья господаря и замѣняли ихъ другими или же дѣлали докладъ господарю о томъ, что пожалованье двору господарскому шкодно.

161. При пожалованьѣ земель и угодій подъ господарскими крестьянами намѣстники - державцы давали оставшимся безъ земель крестьянамъ пустощины въ предѣлахъ своего повѣта.

162. Крестьянамъ, у которыхъ отчины были почему-нибудь малы, намѣстники-державцы придавали земель и угодій либо изъ пустощинъ, либо изъ пуцъ, чтобы они исправно могли служить свою службу господарю.

163. Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не могли справиться со всею своею землею и служить съ нея полностью службу господарю, намѣстники-державцы присаживали къ нимъ въ „дольнички“ вольныхъ похожихъ людей, становившихся ихъ „потужниками“.

164. Въ интересахъ господарскаго хозяйства и вообще полученія наибольшаго количества доходовъ намѣстники - державцы осаживали пустощины вольными похожими людьми или же раздавали ихъ крестьянамъ, уже имѣвшимъ отчины, на особную службу.

165. Эти крестьяне большею частью принимали на себя и тѣ обязательства, которыя прежде лежали на землѣ.

166. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ или другія издѣльные повинности не требовались по условіямъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, крестьяне принимали землю на оброкъ или „на вроцѣ“.

167. Этотъ оброкъ въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства назывался чиншемъ.

168. Иногда, по требованіямъ господарскаго хозяйства или же по другимъ соображеніямъ, намѣстники-державцы раздавали пустощины и на новую службу, не ту, которая шла прежде съ этихъ земель.

169. Но большею частью дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по организаціи крестьянскихъ службъ при раздачѣ пустошчинъ совершалась въ предѣлахъ, очерченныхъ фактами прошлаго.

170. Извѣстная „старина“ въ данномъ случаѣ должна была утверждаться и сохраняться сама собою какъ въ интересахъ мѣстнаго господарскаго хозяйства, требовавшаго извѣстнаго постоянства повинностей съ волости, такъ и въ интересахъ самихъ крестьянъ, на которыхъ вслѣдствіе раздачи пустошчинъ на новыя службы могли падать лишнія тягости.

171. Крестьянская „старина“ въ XV и началѣ XVI вѣка уважалась литовско-русскимъ правительствомъ, которое не успѣло еще проникнуться глубоко воззрѣніемъ на крестьянина, какъ на безправнаго хлопа.

172. Намѣстники - державцы не могли измѣнять крестьянскихъ повинностей, облегчать однихъ крестьянъ и отягощать другихъ, и этимъ они должны были руководствоваться и при раздачѣ пустошчинъ.

173. Распоряженія Сигизмунда I о переводѣ на оброкъ крестьянъ тяглыхъ и специальныхъ службъ, оказавшихся лишними для мѣстнаго господарскаго хозяйства, были крупною новостью въ политикѣ литовскаго правительства въ отношеніи въ крестьянству, такъ какъ ранѣе всѣ измѣненія въ сферѣ крестьянскихъ повинностей производились исподоволь и путемъ частныхъ мѣропріятій.

174. Распоряженія Сигизмунда вызваны были, вѣроятно, увеличеніемъ расходовъ скарба, которое стояло въ связи съ войнами и которое заставляло какъ можно болѣе брать съ крестьянъ и трудомъ, и податьми.

175. Быть можетъ, оказалось при этомъ нѣкоторое несоотвѣтствіе между наличнымъ количествомъ тяглыхъ и специальныхъ крестьянскихъ службъ и дѣйствительными потребностями господарскаго хозяйства, происшедшее отъ сокращенія сего послѣдняго или несоразмѣрнаго съ его расширеніемъ приращенія тяглыхъ и специальныхъ крестьянскихъ службъ.

176. Во всякомъ случаѣ, приведеніе ихъ въ исполненіе должно было увеличить тяжесть крестьянскихъ службъ, не переведенныхъ на оброкъ, а, быть можетъ, и переведенныхъ.

177. Въ интересахъ господарскаго хозяйства и доходовъ намѣстники-державцы сводили съ частныхъ имѣній и возвращали на отчины господарскихъ непохожихъ людей.

178. По изложеннымъ выше причинамъ эта дѣятельность ихъ, однако, не получила большого развитія.

179. Гораздо большіе успѣхи имѣла дѣятельность намѣстниковъ-державцевъ по возвращенію крестьянъ на отчины разными льготами.

180. По работамъ, которыя производились на господарскомъ хозяйствѣ, намѣстникамъ-державцамъ принадлежало только общее руководство и надзоръ.

181. Непосредственное руководство и надзоръ принадлежали тивунамъ, которые назначались намѣстниками-державцами изъ челяди дворной или крестьянъ лучшихъ служебъ и находились по всѣмъ дворамъ и дворцамъ даннаго повѣта.

182. Эти тивуны были ближайшими помощниками намѣстниковъ-державцевъ по хозяйственно-административной дѣятельности и оберегателями господарскаго двора отъ покушеній на него всѣхъ, въ томъ числѣ и самого намѣстника-державцы.

183. Вслѣдствіе этого они обязаны были вѣдать всю наличность господарскихъ дворовъ и количество судебныхъ пошлинъ, и ихъ показанія были средствомъ для контроля самихъ намѣстниковъ-державцевъ.

184. Въ нѣкоторыхъ дворахъ помощниками намѣстниковъ-державцевъ были „понамѣстники“, стоявшіе выше тивуновъ, въ другихъ „подтивуны“, стоявшіе ниже.

185. На работы выгоняли крестьянъ собственныя крестьянскія власти, носившія по разнымъ мѣстностямъ Литовско-Русскаго государства разныя названія.

186. Въ собственной Литовской землѣ и Жмудской эти власти являются подъ именемъ „приставовъ волостныхъ и посельскихъ“; посельскіе пристава называются въ актахъ и „десятниками“.

187. Существованіе разныхъ степеней крестьянскихъ властей, кромѣ группировки крестьянской осѣдлости, объясняется тѣмъ, что повинностями крестьяне тянули и къ центральному двору волости или повѣта и къ мѣстнымъ дворамъ и дворцамъ.

188. Въ повѣтахъ такъ называемой Черной Руси, слившейся въ изучаемое время съ собственной Литовскою, землею крестьянскія власти являются подъ именемъ „сотниковъ, сорочниковъ и десятниковъ“.

189. Сотники вѣдали крестьянъ всего повѣта, сорочники отдѣльныхъ волостей, десятники — подраздѣленій волостей, называвшихся „десятками“; въ Городенскомъ повѣтѣ вмѣсто десятниковъ по актамъ являются пристава.

190. Подобныя же крестьянскія власти существовали и въ Берестейско-Подляшской области; въ собственномъ Подляшѣ въ изучаемое время они замѣнялись войтами нѣмецко-польскаго типа.

191. Сотники и десятники существовали и въ земляхъ Кіевской и Чернигово-Сѣверской; въ нѣкоторыхъ повѣтахъ Кіевской земли со времени татарскаго владычества въ качествѣ крестьянскихъ властей существовали „атаманы“.

192. Въ Смоленской землѣ волостные крестьянскіе старшины назывались „приказниками“ и „путниками“ (въ волостяхъ, называвшихся „путями“), а частями волостей завѣдывали десятники; въ Торопецкомъ повѣтѣ въ качествѣ волостныхъ властей были и „соцкіе“, и „старецъ“.

193. Въ волостяхъ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ, состоявшихъ изъ данниковъ, волостныя власти назывались „старцами“.

194. Въ качествѣ низшихъ крестьянскихъ властей по волостямъ Полоцкимъ и на Полѣсѣ встрѣчаются десятники; въ качествѣ высшихъ, повидимому, тивуны, которые здѣсь совмѣщали значеніе низшихъ великокняжескихъ привазчиковъ и крестьянскихъ старшинъ; такъ же было, кажется, и на Волыни.

195. Крестьянскія власти въ изучаемое время назначались или самимъ господаремъ, какъ, напр., сотники въ Городенскомъ повѣтѣ, старцы въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, или главнымъ правителемъ въ области, какъ, напр., пристава по волостямъ Жмудскимъ, назначавшіеся старостою, или же намѣстниками-державцами, какъ, напр., пристава въ волостяхъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ.

196. Крестьянскія власти при отправленіи своей должности получали различныя доходы, вслѣдствіе чего подобно другимъ должностнымъ лицамъ платили тому, кто ихъ назначалъ, „челобитье“.

197. Сами крестьяне не выбирали своихъ должностныхъ лицъ; единственно, что можно утверждать, это—рекомендацію со стороны крестьянъ господарю или его урядникамъ, которые назначали излюбленныхъ крестьянами лицъ.

198. Тѣмъ не менѣе, крестьянскія власти выступали передъ господаремъ или его урядниками представителями крестьянъ и поборниками ихъ интересовъ всякій разъ, когда эти интересы такъ или иначе нарушались, напр., когда мѣстные урядники вводили крестьянамъ различныя „новины“ и дѣлали различныя „кривды“, когда отъ крестьянъ „отнимались“ тѣмъ или другимъ путемъ ихъ „попечники“, несшіе одинаковыя съ ними повинности, вслѣдствіе чего остававшимся тяжелѣе было служить службу господарю и т. д.

199. Специализація крестьянскихъ службъ повела въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и къ специализаціи крестьянскихъ властей, которыя имѣли подъ собою крестьянъ только одной данной службы; таковы были, напр.,

сотники, сорочники и десятники въ повѣтахъ такъ называемой Черной Руси.

200. Но вообще крестьянскія власти имѣли подъ собою крестьянъ всѣхъ или нѣсколькихъ разрядовъ, существовавшихъ въ данномъ повѣтѣ или волости.

201. Впрочемъ, они вѣдали ихъ преимущественно въ отношеніи повинностей, бывшихъ болѣе или менѣе общими и мало, а быть можетъ, и вовсе не касались нѣкоторыхъ спеціальныхъ повинностей, которыми завѣдывали особые дворцовые урядники, напр., подконюшіе, гаевники, лѣсничіе, бобровничіе, сокольничіе, ловчіе, несшіе свои обязанности по эксплуатаціи угодій на господаря, или же слуги намѣстника-державцы, или же самъ онъ непосредственно.

202. Кромѣ выгона крестьянъ на работы, крестьянскія власти помогали намѣстникамъ державцамъ и въ сборѣ въ пользу господаря натуральныхъ и денжныхъ податей съ крестьянъ волости.

203. Эта обязанность легла на намѣстниковъ-державцевъ именно въ силу того, что въ этой должности слился древнерусскій намѣстникъ съ тивуномъ.

204. Одною изъ самыхъ распространенныхъ натуральныхъ податей было дякло, взимавшееся рожью (иногда пшеницей), овсомъ, сѣномъ, дровами и пентиниками (?) съ прибавкой куръ и яицъ; въ изучаемое время уже начался переводъ послѣднихъ статей (сѣна, дровъ, пентиниковъ, куръ и яицъ) на деньги.

205. Въ сборѣ дякла намѣстники-державцы были передаточною инстанціею между крестьянскими властями и городничимъ центральнаго замка области, куда поступало дякло на содержаніе „залога“, или гарнизона.

206. Въ военное время дякло направлялось и въ замки другихъ областей; если же не было надобности содержать въ замкахъ залого, дякольная рожь и овесъ продавались городничими, и деньги отсылались въ сварбъ.

207. Разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, когда резиденціею самого намѣстника-державцы былъ значительный замокъ, дякло не вывозилось изъ предѣловъ его повѣта.

208. Намѣстники-державцы до сдачи дякла городничему и сами городничіе расходовали дякольный хлѣбъ по господарскимъ ассигновкамъ.

209. Выѣстъ съ дякломъ городничіе получали съ нѣкоторыхъ волостей еще „колодину“ и „глинныя пенязи“.

210. На ряду съ дьякомъ намѣстники-державцы собирали и отсылали до господара мезлеву яловицами, баранами, свиньями, бурами и яйцами; въ отдѣльныхъ случаяхъ мезлева взималась и деньгами, а въ силу устава 1529 года это сдѣлалось общимъ правиломъ.

211. Въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ взимались взаимѣнъ дьяла и мезлевы житщина и яловщина; аналогичною податью была и коневщина.

212. Къ числу натуральныхъ податей, собиравшихся намѣстниками-державцами въ пользу господара принадлежали и дань медовая, которую они отправляли до ключей центральныхъ городовъ областей, бобровая, куничная и бѣлочья, которую они отправляли въ скарбъ, поборы солью, рыбою, углемъ, рудою, льномъ, хмелемъ, санями, рогатинами и т. д., что по большей части шло на удовлетвореніе нуждъ мѣстнаго господарскаго хозяйства; взаимѣнъ природы взимались и деньги по уставной цѣнѣ.

213. Намѣстники-державцы собирали и дань денежную для отсылки прямо въ скарбъ или же главному правителю области—воеводѣ.

214. Исключеніе представляли въ данномъ случаѣ только волости Поднѣпрскія, Задвинскія и нѣкоторыя другія, состоявшія изъ данниковъ.

215. За сборомъ дани въ эти и другія волости, гдѣ не было дворцоваго княжескаго хозяйства, въ старину вѣзѣжали данниче.

216. При Витовтѣ Поднѣпрскимъ и Задвинскимъ волостямъ предоставлено было собирать дань чрезъ своихъ старцевъ и отсылать медовую дань до влючей центральныхъ городовъ Литовской земли (Витебской и Смоленской?), а остальную въ скарбъ.

217. Впослѣдствіи въ Поднѣпрскія и Задвинскія волости стали посылаться для взысканія недоимокъ писари.

218. Съ освобожденіемъ Поднѣпрскихъ волостей отъ вѣзда писарей намѣстникамъ-державцамъ вмѣнены въ обязанность надзоръ и контроль по сбору дани крестьянскими властями.

219. Намѣстники-державцы собирали въ пользу господара и оброки, которые установлены были взаимѣнъ разныхъ издѣльныхъ повинностей: осадное въ Виленскомъ и Троцкомъ повѣтахъ, платъ съ сохъ въ Жмудской землѣ, чиншъ въ западныхъ областяхъ, „врокъ“ или оброкъ“ въ восточныхъ, „сторожовщину“ и др.

220. Всѣ перечисленные подати взимались большею частью въ опредѣленномъ, хотя и неравномъ количествѣ съ каждаго крестьянскаго участка, съ котораго шла служба господарю.

221. Исключеніе представляли волости Подиѣпрскія и Задвинскія, съ которыхъ дань шла общемою суммою, и въ которыхъ на наличныхъ плательщиковъ раскладывались всѣ недоимки съ отдѣльныхъ крестьянскихъ участковъ.

222. Такимъ образомъ, и дѣло крестьянскихъ властей усложнялось здѣсь „разметами“ этихъ недоимокъ по наличнымъ крестьянскимъ службамъ.

223. Натурою или деньгами собирали намѣстники-державцы и доходы съ различныхъ оброчныхъ статей господарскаго хозяйства: пенязи или медь съ крестьянскихъ пустошинъ, разбиравшихся въ пользованіе различными лицами „съ позему“ (въ Жмудской землѣ эти пенязи и меды назывались „отметями“), „куницы“, собиравшіяся за то же самое, „пенязи куничные и поборные“, собиравшіяся за пользованіе господарскими лѣсными угодьями (въ нѣкоторыхъ повѣтахъ эти пенязи собирались особыми должностными лицами—гаевниками и лѣсничими), пенязи отъ ловленья рыбы въ господарскихъ рѣкахъ и озерахъ и т. д.

224. Такъ какъ оброчныя статьи господарскаго хозяйства сдавались въ аренду разнымъ лицамъ безъ различія сословій, то и крестьянскія власти едва ли помогали намѣстникамъ-державцамъ въ сборѣ этихъ доходовъ.

225. При помощи крестьянскихъ властей намѣстники-державцы собирали съ господарскихъ людей подати на военныя нужды.

226. Въ землѣ Кіевской и Подольской подать эта называлась „подымщиною“, въ землѣ Волынской, Полѣсьѣ и въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли „воловщиною“, въ Брянскомъ повѣтѣ „поголовщиною“, въ Смоленской землѣ „посоциною“.

227. Эти названія заимствованы отъ различныхъ объектов первоначальнаго обложенія; при разнообразіи занятій и имущественной наличности и въ одной и той же области объекты первоначальнаго обложенія были различны, такъ что на ряду съ посоциною встрѣчаемъ, напр., подымщину (въ княжествѣ Мстиславскомъ), на ряду съ подымщиной—воловщину (на Волыни, въ Кіевской землѣ, въ Берестейско-Подляшской области).

228. Съ теченіемъ времени, однако, эти подати, какъ и всѣ другія, ложились на землю, такъ что по актамъ изучаемаго времени мы встрѣчаемъ воловщину, посоцину и подымщину шедшими съ крестьянскихъ земель въ опредѣленномъ количествѣ.

229. Подымщина, воловщина и посоцина были постоянными

податями и взымались сначала не только съ господарскихъ, но и частновладѣльческихъ крестьянъ.

230. Частные владѣльцы получили эти подати въ свою пользу сначала въ силу привилеевъ, дававшихся отдѣльнымъ лицамъ, а потомъ въ силу привилеевъ общихъ.

231. Въ Смоленской землѣ частные владѣльцы освобождены были отъ платежа господарю посощины съ своихъ крестьянъ въ силу земскаго привилея 1457 г., въ Подольѣ—отъ платежа подымщины въ 1507 г., въ Волынской землѣ—отъ платежа воловщины въ 1509 г., въ Кіевской землѣ—отъ платежа подымщины въ 1529 году.

232. Подати эти, по всѣмъ признакамъ, унаслѣдованы были Литовско-Русскимъ государствомъ отъ временъ подчиненія вышеупомянутыхъ областей татарамъ.

233. Въ другихъ русскихъ областяхъ Литва также, повидимому, нашла дань, платившуюся татарамъ, или серебро, а затѣмъ, взявъ эту дань въ свое распоряженіе, распространила ее подъ именемъ серебщины и на собственную Литовскую землю, и на Жмудскую.

234. Подать эта расходовалась на оборону отъ татаръ и на другія военныя издержки, равно какъ и вышеупомянутыя равнозначительныя ей подати.

235. Со времени изданія общеземскаго привилея 1457 года серебрящина изъ постоянной подати превратилась во временную, которая собиралась во время войнъ съ господарскихъ и частновладѣльческихъ крестьянъ по рѣшенію государя съ панами - радою на „валныхъ соймахъ“.

236. Количество ея опредѣлялось всякій разъ сообразно съ нуждами по особой „уставѣ“.

237. Объектами обложенія были сохи воловыя и конскія; съ людей, не имѣвшихъ сохъ, но пользовавшихся землею или огородами, серебрящина взымалась въ размѣрѣ меньшемъ, чѣмъ съ сохъ.

238. Изъ этого видно, что серебрящина въ сущности была то же, что и воловщина, посощина, подымщина и поголовщина.

239. Поэтому та же переменна, которая произошла съ 1457 года въ областяхъ, платившихъ серебрящину, произошла нѣсколько позднѣе и въ другихъ областяхъ: хотя государь освободилъ частныхъ владѣльцевъ отъ платежа посощины, подымщины, воловщины, но за то они обязаны были платить теперь серебрящину во время войнъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и владѣльцы въ областяхъ, издавна платившихъ серебрящину.

240. Въ сборѣ серебщины съ частновладѣльческихъ крестьянъ намѣстникамъ-державцамъ помогали хоружіе; князья и паны, не служившіе военную службу подъ хоруговою повѣтовою, представляли серебщину въ скарбъ чрезъ своихъ намѣстниковъ.

241. На мѣста серебщина налагалась общею суммою, по совѣту пановъ-рады.

242. Общею суммою платили серебщину и крестьяне господарскіе и частновладѣльческіе въ Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостяхъ, сообща съ мѣщанами, и при томъ періодически на третій годъ.

243. На мѣста общею суммою налагалась и „ордынщина“, взимаемая едва ли не на уплату поминковъ Крымскому хану.

244. Господарскіе и частновладѣльческіе крестьяне Поднѣпрскихъ волостей платили ордынщину сообща съ мѣщанами въ тѣ года, когда не платили серебщины.

245. Намѣстники-державцы были передаточными инстанціями между мѣщанскими и крестьянскими властями и скарбомъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда серебщина и ордынщина взимались общею суммою, и принимали извѣстное участіе въ сборѣ этихъ податей.

246. Кромѣ серебщины и равнозначительныхъ ей податей, частновладѣльческіе крестьяне на ряду, а иногда и сообща съ господарскими, давали „стаціи“ и подводы господарю, посламъ и гонцамъ.

247. Освобождались они отъ этихъ повинностей только въ силу частныхъ привилеевъ, пожалованныхъ господаремъ тому или другому владѣльцу.

248. Доставлять стаціи и подводы господарю, посламъ и гонцамъ было на обязанности намѣстниковъ-державцевъ.

249. Но собирались стаціи съ крестьянъ ихъ властями, которыя разметывали ихъ по волости, такъ какъ стаціи падали на волость общею суммою.

250. Эти разметы падали иногда и на крестьянъ частновладѣльческихъ, которые обязаны были помогать въ этомъ крестьянамъ господарскимъ; въ сборѣ стацій съ нихъ намѣстники-державцы, вѣроятно, должны были принимать большее участіе, чѣмъ въ сборѣ съ крестьянъ господарскихъ.

251. Отправление подводной повинности также вызывало „порубы“ и „пометы“, но большею частью не по всей волости, а только по частямъ ея, которыя держали подводы на готовѣ въ опредѣленныхъ пунктахъ по недѣлямъ.

252. Поэтому и для обозначенья подводной повинности употре-

блялось выраженіе „стеречь недѣли“, и самыя части волости, сообща отправлявшія подводную повинность, назывались „недѣлями“.

253. Это дѣленіе обнимало и частновладѣльческихъ крестьянъ.

254. Черезъ руки намѣстниковъ-державцевъ шли господарю и поземельныя подати, собиравшіяся съ мѣщанъ ихъ мѣстскими властями или непосредственно самими намѣстниками-державцами.

255. Исключеніе представляли мѣщане Поднѣпрскихъ и Задвинскихъ волостей, платившіе дань сообща съ волостными людьми: эту дань собирали съ нихъ общія власти мѣщанъ и крестьянъ—старцы (въ Торопецкомъ повѣтѣ соцкіе), которые и отправляли ее въ сварбъ и до ключей центральныхъ городовъ.

256. Кромѣ этихъ старцевъ, общими властями мѣщанъ и крестьянъ были атаманы въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли.

257. Отдѣльныя мѣсткія власти появились въ Литовско-Русскомъ государствѣ вмѣстѣ съ распространеніемъ въ мѣстахъ магдебурскаго права.

258. Только старосты мѣстъ въ Смоленской землѣ и нѣкоторыхъ частяхъ ея, отдѣлившись отъ нея подъ литовскимъ владычествомъ, были плодомъ національнаго русскаго развитія.

259. Быть можетъ, прежде такіе старосты мѣстъ существовали и въ мѣстахъ другихъ русскихъ областей великаго княжества, ведя свое происхожденіе отъ градскихъ старцевъ первоначальной лѣтописи, но въ изучаемое время старосты по актамъ встрѣчаются только въ мѣстахъ вышеупомянутыхъ.

260. Въ мѣстахъ, не получившихъ магдебурскаго права, мы либо совсѣмъ не видимъ особыхъ властей, кромѣ резидирующихъ въ нихъ господарскихъ урядниковъ и ихъ слугъ, либо встрѣчаемъ однѣ и тѣ же власти у крестьянъ и мѣщанъ.

261. Къ поземельнымъ податямъ мѣщанъ, кромѣ дани, относились: ясавъ, платившійся мѣщанами Кіевской земли, дякло и пенязи за дякломъ, которые давали мѣщане литовскихъ мѣстечекъ, подымщина въ Берестейско-Подляшской землѣ, и, наконецъ, чиншъ, который мѣщане платили деньгами и натурою съ размѣренныхъ волокъ въ той же Берестейско-Подляшской области.

262. При пожалованьѣ магдебурскаго права поземельныя подати вмѣстѣ съ другими „податками“ и повинностями замѣнялись иногда общемою суммою, которую должно было уплачивать мѣсто.

263. Руками намѣстниковъ-державцевъ правительство собирало часто и второстепенные косвенные налоги.

264. Таковы были мыто „мостовое“ и „перевозъ“ (мыта рѣчныя), „помѣрное бочечное (съ продававшася на торгу зерна) и медовое“ (съ продававшася прѣснаго меда), „вага“ или „вѣсее“, „торговые пенязи“ (съ лавою), „куничное“ отъ домовъ, гдѣ пиво и медъ варять, или „капщина“, платъ съ шинкованья вина горѣлаго.

265. Сборъ всѣхъ этихъ пошлинъ иногда сдавался въ аренду, иногда уступался въ пользу мѣстской казны при пожалованьи мѣстамъ магдебурскаго права.

266. Намѣстники-державцы собирали и „корчомные пенязи“ съ корчомъ, существовавшихъ въ мѣстѣ, и отсылали ихъ въ скарбъ; впрочемъ, выбирать корчомные пенязи посылался иногда и дворянинъ изъ центра.

267. Корчомныхъ пенязей не платили тѣ лица, которымъ господарь въ видѣ жалованья за службу жаловалъ право имѣть корчмы вольныя.

268. Право держать корчмы въ данномъ мѣстѣ часто продавалось господаремъ частнымъ лицамъ, какъ монополія, на извѣстное число лѣтъ; въ такомъ случаѣ корчомные пенязи вносились обыкновенно самими откупщиками въ скарбъ.

269. Продажа корчомной монополіи была однимъ изъ средствъ погашенія государственныхъ долговъ.

270. Вмѣстѣ съ корчомною монополіею продавались иногда и другія регалии, какъ, напр., воскобойни и суконныя постригальни; при пожалованьи мѣстамъ магдебурскаго права доходы съ нихъ обыкновенно уступались въ пользу мѣста.

271. Намѣстники-державцы ех officio не были сборщиками великихъ или старыхъ мытъ.

272. Эти мыта деньгами и товарами собирали на господара особья довѣренныя лица, или мытники, которымъ господарь давалъ держать мыто „къ вѣрной рудѣ“, и которые за свой трудъ собирали съ купцовъ „доходець“, называемый въ актахъ „обѣсткою, узвѣсткою, обѣсчимъ“.

273. Иногда, въ видѣ исключеній, господарь поручалъ собирать мыто „къ вѣрной рудѣ“ тому или другому намѣстнику-державцѣ.

274. Большею частью, однако, мыта сдавались на откупъ частнымъ лицамъ или цѣлымъ компаніямъ преимущественно изъ евреевъ, которые также назывались мытниками.

275. Сборъ мыта съ воска, главнаго предмета отпускной торговли, и съ соли, главнаго предмета привоза, производился деньгами

и товаромъ въ особыхъ „коморахъ“, восковыхъ и соляныхъ, и отдѣльно отъ мыта съ другихъ товаровъ.

276. Этотъ сборъ производился „къ вѣрной рущѣ“ особыми должностными лицами, которые назывались „восковничими“ и „соленичими“, и которые за свой трудъ также получали „обѣстку“.

277. Иногда восковая и соляная коморы съ ихъ доходами сдавались на откупъ частнымъ лицамъ или компаніямъ преимущественно изъ евреевъ, иногда — „на выбиратье пенязей“ восковничимъ и соленичимъ, которые переплатили по господарскимъ ассигновкамъ болѣе, чѣмъ собрали.

278. Для сбора мыта на главныхъ дорогахъ и въ главныхъ мѣстахъ остановки купеческихъ каравановъ были устроены мытныя заставы, объѣзжать которые купцы не смѣли подѣ страхомъ платежа „промыта“.

279. За этимъ слѣдили слуги мытниковъ, которые въ случаѣ надобности обращались къ мѣстнымъ урядникамъ, въ томъ числѣ и намѣстникамъ-державцамъ, и тѣ обязаны были оказывать имъ содѣйствіе и помощь.

280. Мытники на торговыхъ дорогахъ были обыкновенно подчинены главному мытнику, находившемуся въ городѣ, гдѣ эти торговые пути сходились или пересѣкались.

281. Такая организація существовала въ изучаемое время независимо отъ судебно административнаго и военнаго дѣленія областей.

282. Подводя итогъ тому, что сказано о значеньѣ и дѣятельности намѣстниковъ-державцевъ въ господарскихъ мѣстахъ, ихъ можно назвать сборщиками господарскихъ доходовъ и финансовыми агентами господара, хотя это значенье и дѣятельность получили здѣсь меньше развитія, чѣмъ въ волостяхъ.

283. Это значенье перешло къ намѣстникамъ-державцамъ, всего вѣроятнѣе, отъ тивуновъ, которыхъ они замѣнили.

284. Въ силу этого значенья они обязаны были заботиться о полнотѣ платежныхъ силъ въ мѣстахъ, принимать мѣры къ устройству мѣстъ и замѣщенію пустыхъ мѣщанскихъ земель прибылыми людьми.

285. Эта дѣятельность должна была развиваться тѣмъ болѣе, что населеніе мѣстъ по свойству своихъ занятій было болѣе подвижное, чѣмъ въ селахъ, и *de jure* не было прикрѣплено къ землѣ.

286. Въ мѣстахъ съ магдебургскимъ устройствомъ мѣщанъ „осаживали“ войтъ и бурмистры, дѣйствуя и какъ агенты господарскіе, и

какъ агенты мѣста, которому отъ того легче становилось выплачивать разныя подати, взимавшіяся съ мѣста общею суммою.

287. Осѣдность въ мѣстахъ устраивалась и въ дѣляхъ военныхъ: таковы были осадныя дворы, которые устраивали себѣ въ мѣстахъ, расположенныхъ около замковъ и огороженныхъ стѣнами, князья, паны, бояре и земляне на мѣщанскихъ усадьбахъ, прибрѣтенныхъ покупкою или въ силу пожалованья государемъ мѣщанскихъ пустовщинъ.

288. Кромѣ того, военнослужилые люди держали дворы въ мѣстахъ и на случай своихъ прїѣздовъ по дѣламъ.

289. Хозяйственный расчетъ также заставлялъ ихъ прибрѣтать дворы въ мѣстахъ: на подворьяхъ своихъ они держали слугъ и людей, которые занимались купечествомъ и ремесломъ и платили своимъ господамъ „поземъ“.

290. Въ прибрѣтеніи недвижимой собственности въ городахъ и мѣстахъ военнослужилые люди пользовались правительственнымъ посредничествомъ между прочимъ и намѣстниковъ-державцевъ, которые разрѣшали ихъ сдѣлки съ мѣщанами и дѣлали нужныя представленья и сообщенья государю.

291. Возведеніе и ремонтъ укрѣплений въ резиденціяхъ намѣстниковъ державцевъ производились по распоряженіямъ и при надзорѣ намѣстниковъ-державцевъ.

292. Укрѣпленія, равно какъ и военныя дороги, строились и ремонтировались государскими и частновладѣльческими мѣщанами и крестьянами.

293. Укрѣпленія и дороги строились и ремонтировались обыкновенно по частямъ, по разверстѣ между отдѣльными группами обязанныхъ къ тому мѣщанъ и крестьянъ.

294. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство отпускало деньги на наемъ вольныхъ рабочихъ рукъ для постройки или ремонта укрѣплений и дорогъ.

295. Намѣстники-державцы расходовали при этомъ и свои деньги, за что государь обыкновенно жаловалъ имъ какой либо изъ своихъ доходовъ или выдавалъ имъ привилей на держанье замка до живота.

296. Въ значительныхъ замкахъ, бывшихъ резиденціями намѣстниковъ-державцевъ, помощниками ихъ по постройкѣ укрѣплений были городничіе.

297. Прототипомъ городничихъ были, очевидно, городники Русской Правды.

298. На обязанности намѣстниковъ-державцевъ была и организація „польной“ и замковой „сторожи“, каковую повинность несли мѣщане и крестьяне господарскіе и частновладѣческіе.

299. Въ окраинныхъ мѣстностяхъ на обязанности намѣстниковъ-державцевъ было и снаряженіе погони за непріятелемъ, къ чему обязаны были всѣ мужчины, способные носить оружіе.

300. На войну намѣстники - державцы выводили изъ состава крестьянства слугъ и крестьянъ нѣкоторыхъ специальныхъ службъ, стоявшихъ и экономически, и юридически выше простыхъ мужиковъ, по ратнику съ каждой службы.

301. Кромѣ крестьянъ, на войну съ намѣстниками - державцами выходили и мѣщане со всего мѣста и „водлѣ ustawy“.

302. Мѣщане, владѣвшіе земскими имѣньями внѣ мѣстской черты, независимо отъ этого отправляли военную службу на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и бояре-шляхта и земляне.

303. Одинаковымъ обязанностямъ соотвѣтствовали и одинаковыя землевладѣльческія права мѣщанъ, бояръ-шляхты и землянъ.

304. То же самое справедливо и относительно служившихъ татаръ.

305. Въ Черкасскомъ повѣтѣ Кіевской земли на войну съ намѣстниками-державцами ходили и землевладѣльцы—казаки.

306. Классъ этотъ, равнозначительный слугамъ, отложился здѣсь, по нѣкоторымъ признакамъ, вокругъ татарскаго ядра, т. е. составилъ изъ татаръ-казаковъ, не имѣвшихъ крестьянъ и съ теченіемъ времени обрусѣвшихъ, и русскихъ зажиточныхъ крестьянъ.

307. Высшій разрядъ военно-служившихъ людей, выходившихъ на ратное поле изъ повѣтовъ намѣстниковъ-державцевъ, составляли бояре и земляне.

308. Земляне существовали въ повѣтахъ Берестейско-Подляшской области, въ землѣ Волинской и на Подольѣ, въ западныхъ повѣтахъ Кіевской земли, а спорадически и въ другихъ повѣтахъ Литовско-Русскаго государства.

309. Названіе землянъ постепенно усвоивали и бояре, существовавшіе въ другихъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, и въ Статутѣ 1529 года названіе „землянинъ“ уже почти совершенно вытѣснило названіе „бояринъ“.

310. Изъ актовъ изучаемаго времени видно, что и въ западныхъ областяхъ названіе „землянинъ“ замѣнило собою названіе „бояринъ“, которое по старой традиціи, впрочемъ, употребляется иногда и въ актахъ изучаемаго времени.

311. Поэтому для изучаемаго времени нельзя строго различать земанъ и бояръ и утверждать вмѣстѣ съ г. Антоновичемъ, что земане были выше бояръ, которые представляли классъ переходный отъ земанъ къ сословіямъ мѣщанскому и крестьянскому.

312. Доля истины, заключающаяся въ утвержденьѣ г. Антоновича, состоитъ въ томъ, что земане по общественному положенію были выше того низшаго слоя боярства, который не входилъ въ соозначеніе бояръ-шляхты.

313. Классъ литовско-русскихъ бояръ ко времени сближенія Литовско-Русскаго государства съ Польшею былъ довольно сложнаго общественнаго происхожденія и состава.

314. Въ составѣ боярства былъ, впервыхъ, высшій правительственный классъ, существовавшій въ собственной Литовской и русскихъ земляхъ въ удѣльное время; со времени сближенія съ Польшею классъ этотъ получилъ въ большей части названіе пановъ.

315. Названіе бояръ удерживалъ, кромѣ того, и военнослужимый классъ, отложившійся при этомъ правительственномъ классѣ и называвшійся на Руси сѣверо-восточной дѣтми боярскими.

316. Къ этому классу применили многіе изъ простонародья, которыхъ князья великій и удѣльные перевели съ крестьянскихъ служебъ на боярскую, т. е. на военную, и которые также стали называться боярами.

317. Этотъ низшій слой боярства остался внѣ шляхетства, идея котораго съ ея практическими послѣдствіями перешла въ Литовско-Русское государство изъ Польши.

318. Въ составѣ бояръ-шляхты попали только тѣ, которые имѣли „влейноты“, т. е. документы, свидѣтельствующіе о принадлежности ихъ предковъ къ упомянутымъ высшему и среднему разрядамъ бояръ, или вообще какимъ нибудь образомъ могли доказать благородство своего происхожденія.

319. Въ западныхъ областяхъ Литовско-Русскаго государства, куда приливали земане изъ Польши, и русскіе боаре-шляхта мало по малу усвоили названіе земанъ, какъ терминъ, болѣе опредѣленнымъ образомъ выражавшій ихъ общественное положеніе.

320. Всѣ военнослужилые землевладѣльцы отправляли свою службу лично и съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ, сообразно съ размѣрами своихъ имѣній.

321. Хотя съ большаго количества земли должно было идти и больше ратниковъ на войну, но точнаго расчета въ данномъ случаѣ не было.

322. Точно такъ же разнообразились въ своихъ размѣрахъ и тѣ земельные участки, съ которыхъ владѣльцы отправляли боярскую службу только лично, ибо создавались болѣе искусственно, чѣмъ крестыанскіе участки.

323. Земли, съ которыхъ шли боярскія службы, обыкновенно находились въ общемъ или раздѣльномъ владѣніи семей и родовъ, которые служили съ нихъ службу сообща.

324. Бывали случаи, что землю сообща владѣли и отправляли съ нея военную службу и люди, не состоявшіе въ родствѣ другъ съ другомъ; съ точки зрѣнія землевладѣнія они были по отношенію другъ къ другу сыбрами, а съ точки зрѣнія военной службы бурсниками.

325. При королѣ Сигизмундѣ издавались сеймовыя постановленія, имѣвшія въ виду внести поправки и улучшенія въ старинную организацію отправленія военной службы съ земли.

326. Въ силу этихъ постановленій военнослужилые землевладѣльцы, имѣвшіе крестьянъ, должны были съ извѣстнаго количества крестьянскихъ служебъ выставлять ратника въ полномъ вооруженіи согласно сеймовой „уставѣ“.

327. Эти постановленія не разрушали, однако, стариннаго принципа службы съ земли, а имѣли въ виду въ массѣ войска создать отборный контингентъ, измѣняя его количество сообразно съ потребностями времени и экономическими силами военнослужилаго класса.

328. Всѣ землевладѣльцы, имѣвшіе крестьянъ меньше установленнаго *мінімум*'а или же не имѣвшіе ихъ вовсе, должны были все равно отправлять военную службу „водлѣ возможности своеѣ“.

329. Военная служба обязательно должна была идти со всякаго рода имѣній: съ отчинъ или дѣдинъ (прадѣдинъ), съ купленныхъ имѣній и пожалованныхъ до воли господарской, до живота и на вѣчность.

330. Съ этой стороны право владѣнія всѣми имѣньями было одинаково условнымъ, такъ какъ по закону всякій, кто переставалъ служить военную службу, терялъ свое имѣнье, каково бы у него ни было.

331. Различіе въ правѣ владѣнія перечисленными родами имѣній, вытекавшее изъ самого происхожденія ихъ, касалось времени владѣнія, а также распоряженія имѣньями.

332. Отчинами назывались имѣнья перешедшія по наслѣдству къ дѣтямъ отъ отца; если это наслѣдство шло отъ дѣда и прадѣда, отчины назывались также дѣдинами и прадѣдинами.

333. Этотъ типъ имѣній несомнѣнно существовалъ въ западной Руси еще до утвержденія въ ней литовскаго владычества; и въ са-

мой Литовской землѣ, по нѣкоторымъ даннымъ, онъ возникъ прежде, чѣмъ стало образовываться Литовско-Русское государство.

334. Обѣщанія Ягелла не отнимать у бояръ отчинныхъ имѣній, содержащихся въ земскихъ привилеяхъ 1387 и 1413 г., не устанавливали впервые права наслѣдства отчинъ.

335. Тѣмъ не менѣ эти привилеи и послѣдующіе имѣли въ виду дать не простое формальное подтвержденіе того, что существовало изстари, а нѣкоторую дѣйствительную гарантію.

336. Есть основанія думать, что князья въ прежнее время нерѣдко отбирали отчины у бояръ, такъ какъ считали боярскія земли, какъ и крестьянскія, своими.

337. Такое воззрѣніе утвердилось вмѣстѣ съ обязанностью военной службы съ боярскихъ земель, съ переводомъ многихъ крестьянъ на боярскую службу и съ раздачею княжескихъ земель съ обязанностью этой службы.

338. Даже и въ изучаемое время, послѣ дарованья литовско-русскимъ боярамъ правъ польской шляхты, государь считалъ себя въ правѣ, не отнимая отчинъ у бояръ прямо, жаловать ихъ въ составѣ волостей князьямъ и панамъ: бояре въ такихъ случаяхъ должны были или покинуть свои отчины, или же служить новымъ панамъ.

339. Только такія имѣнія, которыя принадлежали ихъ владѣльцамъ съ полнымъ правомъ и панствомъ, составляли въ данномъ случаѣ исключеніе: государь не считалъ себя въ правѣ передавать свои права на нихъ частнымъ лицамъ, потому что все, что онъ могъ передать изъ своихъ правъ, было *de facto* и *de jure* уже передано владѣльцамъ этихъ имѣній.

340. Въ этомъ отличіе „пановъ“ отъ простыхъ бояръ, которое позволяетъ установить точный юридическій смыслъ соціального термина „панъ“.

341. Такое положеніе занялъ высшій правительственный слой литовско-русскаго боярства, состоявшій изъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

342. По существу дѣла появленіе землевладѣльцевъ съ полнымъ правомъ и панствомъ было ни чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ правъ удѣльныхъ и служилыхъ князей на землевладѣльцевъ, не носившихъ княжескаго титула.

343. Такое перенесеніе въ единичныхъ случаяхъ могло совершаться и независимо отъ польскаго вліянія, напр., въ силу покупки имѣній у князей или наслѣдованія имъ.

344. Кромѣ того, если вѣрить генеалогическимъ преданіямъ, нѣкоторыя панскія фамиліи прямо вели свое происхожденіе отъ князей

345. Такимъ образомъ, и контингентъ панства, и самый его типъ были даны мѣстнымъ литовско-русскимъ развитіемъ, а польское вліяніе распространило этотъ типъ и дало ему извѣстную окраску и названіе.

346. Среднему и низшему слою военнотружлага класса польское вліяніе дало только гарантію неотъемлемости отчинныхъ имѣній при исправности военной службы, но не измѣнило самыхъ основъ владѣнія этими имѣніями, которыя de jure продолжали быть господарскою собственностью.

347. Кромѣ возрѣнія на боярскія отчины, какъ на княжескія земли, находящіяся въ потомственномъ пользованіи бояръ съ условіемъ военной службы, къ отобранію отчинъ у бояръ даже въ изучаемое время приводило нерѣдко смѣшеніе ихъ съ имѣніями, данными до воли господарской.

348. Обычай раздачи имѣній до воли господарской въ изучаемое время примѣнялся, въ широкихъ размѣрахъ, а въ прежнее время, по видимому, еще болѣе.

349. Имѣнія, данныя до воли господарской, очень часто не отбирались у ихъ владѣльцевъ и переходили къ дѣтямъ и дальнѣйшимъ потомкамъ; при такомъ условіи и при тогдашнемъ состояніи регистратуры ихъ легко было смѣшивать съ отчинами, и наоборотъ: отчины легко было смѣшивать съ имѣніями, данными до воли господарской.

350. Великіе князья въ земскихъ привилеяхъ признавали отчинами тѣ имѣнія, которыя находились въ рукахъ даннаго владѣльца или его предковъ, по крайней мѣрѣ, при двухъ послѣднихъ государяхъ.

351. Хотя отчинность владѣнія можно было доказывать свидѣтельскими показаніями, но владѣльцы естественно предпочитали документы и очень часто выхлопывали подтвержденія на свои отчины отъ господаря.

352. Для отчужденія отчинъ требовалось разрѣшеніе господаря или его урядниковъ.

353. По отношенію къ имѣніямъ князей и пановъ „призволенье“ было только необходимою формальностью для укрѣпленія имѣнія за новымъ владѣльцемъ и для врученія правительству свѣдѣній, съ кого впредь требовать военной службы.

354. По отношенію къ мелкимъ военнотружилымъ землевладѣльцамъ это „призволенье“ имѣло болѣе дѣйствительное значеніе, такъ какъ съ отчужденіемъ имѣнія или его части могъ связываться тѣсно вопросъ объ исправности съ него военной службы.

355. Но владѣльцы лично могли отчуждать только треть своей отчины.

356. Въ этомъ ограниченіи проявлялось, однако, не право господаря на отчины, дѣлавшее вотчинное право владѣльцевъ неполнымъ, какъ думаетъ г. Владимірскій-Будановъ, а право семьи и рода.

357. Съ согласія кровныхъ родныхъ и близкихъ владѣльцы могли и цѣликомъ отчуждать свои отчины.

358. Съ другой стороны кровные и близкіе имѣли только преимущественное предъ чужеродцами право покупки двухъ третей отчины или близкости и право выкупа этихъ двухъ третей въ случаѣ продажи ихъ въ чужой родъ, которая поэтому до поры до времени носила характеръ „запродажи“ или „заставы“.

359. Не будучи въ состояніи купить или выкупить эти двѣ трети, кровные и близкіе теряли на нихъ право.

360. Обычай, предоставлявшій кровнымъ и близкимъ преимущественное предъ чужеродцами право покупки отчины и близкости и право выкупа, выросъ на почвѣ родового совладѣнія землею, которое господствовало въ западной Руси и въ быту крестьянъ, и въ быту военнослужившихъ классовъ, и былъ выраженіемъ юридическихъ воззрѣній, порожденныхъ этимъ совладѣніемъ и обыкновенно его переживавшихъ.

361. Но если корни этого обычая надо искать въ данныхъ историческаго развитія русской общественной жизни, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что польское земское право, вліявшее на судебную практику и законодательство, въ значительной степени способствовало его укрѣпленію.

362. Тоже самое справедливо и относительно порядка наследованія отчинъ, въ которомъ проявлялась таже тенденція къ удержанію ихъ въ данномъ родѣ.

363. Въ силу этой тенденціи жена не наследовала бездѣтному мужу въ его отчинѣ, а имѣла право оставаться на отчинѣ мужа „на вдовьемъ столцѣ“, т. е. пожизненно или до выхода замужъ.

364. Статутъ 1529 года въ интересахъ военной службы постановилъ, чтобы вдова по смерти бездѣтнаго мужа оставалась не на всей его отчинѣ, а только на той части, которая записана ей въ вѣнѣ, или же на третьей части, если мужъ ничего не записалъ ей въ вѣнѣ.

365. Съ точки зрѣнія *maximum*'а это было одно и то же, такъ какъ незадолго до изданія перваго Статута установилось, а Статутомъ 1529 года было подтверждено, правило записывать женамъ въ вѣнѣ не болѣе одной трети отчины.

366. Вдовы могли завѣщать свое вѣно кому угодно и распорядиться имъ, какъ хотѣли; Статутъ 1529 года внесъ сюда ограниченіе въ томъ смыслѣ, что вдовы, просидѣвшія на вдовьемъ столцѣ до живота, могли завѣщать кому угодно только „внесеніе“ свое, а не „привѣнокъ“ или „оправу“ мужа.

367. Кровные или близкіе мужа должны были выплатить сумму, записанную въ вѣнѣ, въ противномъ случаѣ утрачивали ту часть отчины или близкості, которая была записана въ вѣнѣ.

368. При малолѣтнихъ сыновьяхъ, которымъ умирающій отецъ не назначилъ опекуна, вдова оставалась на всей отчинѣ мужа до совершеннолѣтія дѣтей, послѣ чего садилась на вѣнѣ своемъ, т. е. на той части отчины мужа, которую онъ записалъ ей въ вѣнѣ.

369. Не выкупая у матери эту часть при жизни ея, сыновья получали ее безъ выкупа послѣ смерти (только „внесеніе“ матери они должны были выплатить тому, кому она его завѣщала).

370. Вдова, не имѣвшая отъ мужа вѣнковой записи, получала во всемъ равную съ сыновьями часть и пользовалась ею пожизненно или до выхода замужъ, послѣ чего эта часть шла „въ дѣль“ сыновьямъ.

371. Тенденція къ удержанію отчины въ родѣ проявлялась и въ распредѣленіи наслѣдства между сыновьями и дочерьми.

372. При братьяхъ дочери по смерти отца имѣли право только на полученіе „посага“ или „выправы“ деньгами, одеждами, украшениями и вообще разною движимостью.

373. Размѣръ „посага“ или „выправы“ опредѣлялся обычаемъ; Статутъ 1529 года установилъ, что братья не обязаны выдавать за своими сестрами, одною или нѣсколькими, въ общей сложности болѣе того, чего стоила четвертая часть ихъ отчины.

374. Въ качествѣ посага отецъ или братья могли, но не обязаны были, давать дѣвицамъ недвижимое имѣніе, которое разсматривалось въ такомъ случаѣ, какъ ихъ отчинная дѣльница, и въ распоряженіи которымъ онѣ должны были подчиняться общимъ правиламъ объ отчинахъ.

375. Впрочемъ, возвращеніе на отчинное имѣніе, полученное въ посагѣ, какъ на дѣльницу отчины, проявлялось во всей строгой послѣдовательности лишь въ томъ случаѣ, если получившая такой посагъ женщина умирала бездѣтною, въ противномъ же случаѣ имѣніе отходило въ новый родъ, дѣлилось между сыновьями и дочерьми умершей поровну.

376. При немѣнни сыновей отчину наслѣдовали и дочери.

377. Однако, право это не установилось твердо и не выяснилось настолько, насколько право сыновей.

378. Господарь иногда отдавалъ отчину кому-нибудь помимо прямыхъ наследницъ съ обязанностью выдать ихъ за мужъ, такъ что дочери получали въ такомъ случаѣ лишь то, на что они имѣли право при братьяхъ.

379. Иногда имѣнье получала одна изъ сестеръ, бывшая замужемъ, съ обязанностью выдать остальныхъ замужъ.

380. Но большею частью отчинныя имѣнья дѣлились между сестрами поровну.

381. Мужья брали по жонамъ своимъ имѣнья не въ собственность себѣ, а только въ фактическое пользованіе: настоящими собственниками были ихъ жоны.

382. Въ распоряженіѣ отчинными имѣньями, женщины подчинялись общимъ предписаніямъ земскаго права относительно отчинъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, однако, что дѣти ихъ обоего пола наследовали имъ въ равной долѣ.

383. Сыновья, получившіе „материзну“, въ распоряженіи ея должны были слѣдовать уже вполне предписаніямъ земскаго права относительно отчинъ.

384. Если у умершаго отчинника не оставалось ни дѣтей, ни кровныхъ и близкихъ одного съ нимъ рода, имѣнье его спадало на господаря, который вступалъ въ права и обязанности рода и въ свою очередь могъ передать эти права и обязанности частнымъ лицамъ.

385. Право господаря заступать мѣсто родичей въ наследованіи отчинъ простиралось до того, что отчинникъ, умиравшій безъ законныхъ наследниковъ, не могъ завѣщать свое имѣнье, продать его или подарить дѣликомъ чужеродцу.

386. Въ такой строгости право это едва ли было результатомъ развитія юридическаго сознанія общества въ западной Руси, а скорѣе всего логическимъ выводомъ изъ родоваго права, который подсказанъ былъ литовско-русскому правительству его матеріальнымъ интересомъ.

387. Акты изучаемаго времени сохранили множество слѣдовъ борьбы общества съ этимъ правительственнымъ воззрѣніемъ, множество примѣровъ распоряженія отчинами вопреки этому воззрѣнію.

388. Само правительство, считаясь съ воззрѣніемъ общества, на дѣлѣ не осуществляло строго своего права на выморочныя имущества, а позволяло отчинникамъ при жизни усыновлять чужеродцевъ и передавать имъ отчины.

389. Купленные имѣнья рассматривались, какъ эквивалентъ движимаго имущества, и въ частности денегъ, которыя они собою замѣнили; поэтому владѣльцы имѣли право свободнаго и неограниченнаго распоряженія ими.

390. Полная свобода въ правѣ распоряженія купленными имѣньямы была старинною традиціею русскаго права, которая держалась одновременно и на Руси сѣверо-восточной.

391. Сдѣлки купли - продажи, равно какъ мѣна имѣньямы и дареніе, хотя и совершались съ дозволенія господаря или его урядниковъ, но это дозволеніе имѣло большею частью формальный характеръ.

392. Тѣмъ не менѣе, сдѣлки, состоявшіяся безъ этого дозволенія, могли быть и разрушены, какъ незаконныя.

393. Дозволеніе господаря и его урядниковъ на отчужденіе имѣній давало возможность правительству слѣдить за передвиженіемъ земельной собственности и отчасти регулировать его въ интересахъ военной службы (по отношенію къ мелкимъ боярскимъ имѣньямы), а кромѣ того, было источникомъ дохода для господаря и его урядниковъ.

394. Этимъ объясняется и обязательность этого дозволенія, которое на дѣлѣ давалось, впрочемъ, часто и заднимъ числомъ, въ формѣ подтвержденія актовъ купли-продажи, мѣны или даренія.

395. Для обозначенія имѣній, которыя давались съ обязательствомъ военной службы на неопредѣленное время, „до воли господарской“, въ актахъ изучаемаго времени употребляется иногда терминъ „помѣстье“; въ XIV, а быть можетъ и въ XIII в., этотъ терминъ едва ли не былъ обычнымъ и общеупотребительнымъ.

396. Терминъ этотъ, равно какъ и тотъ, отъ котораго онъ произведенъ, — „мѣсто“, въ актахъ изучаемаго времени употребляются также и для обозначенія крестьянскихъ участковъ, бывшихъ *de jure* своего рода даниной до воли господарской или панской ихъ владѣльцамъ.

397. Это значеніе „мѣста“ и произведеннаго отъ него „помѣстья“, повидимому, было первоначальнымъ.

398. Термины „мѣсто“ и „помѣстье“, вѣроятно, перешли въ область военнослужилаго землевладѣнія вмѣстѣ съ переводомъ крестьянъ на боярскую, т. е. на военную, службу.

399. Путемъ такого перевода созданъ, повидимому, и самый типъ владѣнія до воли господарской съ условіемъ военной службы; позже по этому типу устраивалось землевладѣніе и независимо отъ перевода съ крестьянской службы на военную.

400. Какъ слово, обозначавшее не только боярскую, но и мужицкую землю, терминъ „помѣстье“ съ теченіемъ времени пересталъ употребляться въ приложеніи къ имѣнныя военнослужаго класса, какъ не подходящій для земель благородныхъ, не „простыхъ“ людей, и замѣнился описательнымъ названіемъ „выслуги до воли господарской“.

401. Это описательное названіе составлено по примѣру Польши, гдѣ существовалъ такой же типъ земскихъ имѣній, въ изучаемое время все болѣе и болѣе исчезающій.

402. Въ Литовско-Русскомъ государствѣ и въ изучаемое время практиковалась въ широкихъ размѣрахъ раздача имѣній на военную службу до воли господарской.

403. Къ тому же типу владѣній подходятъ и имѣнья, дававшіяся „на поживенье“ или „у хлѣбкормленье“ до очищенья отчины, занятой непріателемъ.

404. Въ хлѣбкормленіе до живота, до воли господарской и до очищенья отчины имѣнья давались не однимъ только князьямъ, вопреки утвержденью г. Владимірскаго-Буданова.

405. Эти имѣнья съ точки зрѣнія обязанности военной службы нельзя противопоставлять отчинамъ, какъ дѣлаетъ г. Владимірскій-Будановъ, утверждающій, что имѣнья въ хлѣбкормленіе давались за личную обязанность военной службы, тогда какъ на отчинахъ будто бы не лежало прямой обязанности службы.

406. Имѣнья, данныя до воли господарской или до живота, не рѣдко подтверждались „въ вотчину“.

407. Во многихъ случаяхъ имѣнья жаловались до воли господарской лишь потому, что правительство не имѣло нужныхъ свѣдѣній объ имѣньѣ, по полученіи которыхъ подтверждало сго въ вотчину.

408. Иногда имѣнья жаловались „до осмотрѣнья господарского“, съ явно выраженнымъ намѣреніемъ подтвердить ихъ впослѣдствіи въ вотчину.

409. Пожалованье въ вотчину обозначало пожалованье въ вѣчное и потомственное владѣніе.

410. Для перваго владѣльца пожалованное въ вотчину имѣнье носило характеръ выслуги, благопріобрѣтеннаго имѣнья, и въ распоряженіи имъ оное не было стѣснено предписаніями земскаго права относительно отчинъ: эти предписанія имѣли силу только для его наслѣдниковъ.

411. Точно такъ же отчинами для дѣтей становились и другія благопріобрѣтенныя отцомъ имѣнья.

412. Для обозначенія пожалованья въ вотчину употреблялось и выраженье „на вѣчность“.

413. Это выраженье нельзя считать, вмѣстѣ съ г. Владимірскимъ-Будановымъ, равнозначительнымъ выраженью „до живота“: въ источникахъ, на которые онъ ссылается въ доказательство своего утверждения, выраженье „вѣчно“ употреблено, какъ синонимъ „непорочно“, а не какъ синонимъ „до живота“.

414. Въ устройствѣ военнослужаго землевладѣнія принимали известное участіе и намѣстники-державцы: центральное правительство въ своихъ пожалованьяхъ часто подтверждало лишь только распоряженья намѣстниковъ-державцевъ.

415. Особенно часто намѣстники-державцы раздавали пустовскія земли на земскую, т. е. на военную, службу.

416. При этомъ замѣтно они руководились интересами этой службы, хотя здѣсь было и широкое поле для злоупотребленій и корыстныхъ побужденій съ ихъ стороны.

417. Вслѣдствіе этого устава 1529 г. запретила намѣстникамъ-державцамъ раздавать пустыя земли до воли господарской.

418. Но и помимо этого, намѣстники-державцы участвовали въ устройствѣ военнослужаго землевладѣнія, давая справки центральному правительству о различныхъ имѣньяхъ, которыя оно намѣревалось пожаловать, посылая ходатайство за челобитчиковъ вмѣстѣ съ справками и, наконецъ, разрѣшая различныя сдѣлки на имѣнья.

419. Отъ личной военной службы съ имѣній освобождались отдѣльныя лица въ силу особыхъ привилегій, полученныхъ ими.

420. Кромѣ того, за старостью или болѣзнію землевладѣльцы могли ставить вмѣсто себя сына, родственника или слугу.

421. Бездѣтные землевладѣльцы принимали къ себѣ на имѣнье чужихъ или родственниковъ „за сына мѣсто“, и эти лица заступали за нихъ земскую службу.

422. Статутъ 1529 г. представилъ право и здоровымъ людямъ замѣняться сыномъ, годнымъ къ службѣ.

423. Въ тѣхъ случаяхъ, когда служилый человекъ владѣлъ имѣньями въ нѣсколькихъ повѣтахъ, лично онъ долженъ былъ выѣзжать на войну съ главнаго имѣнья и становиться подъ хоругвью того повѣта, въ которомъ находилось это главное имѣнье, а съ остальныхъ исправлять „почты“, т. е. отряды слугъ.

424. Женщины и малолѣтніе отправляли съ своихъ имѣній „почты“ (за малолѣтнихъ распоряжались опекуны).

425. Поступленіе въ духовное званье не освобождало отъ личной обязанности военной службы: отъ воли господара зависѣло призвать или не призвать землевладѣльцевъ, принявшихъ духовный санъ, на службу; „почты“ же съ своихъ имѣній они обязательно должны были выправлять.

426. Духовные, принимая земскія имѣнья „въ заставу“, должны были обязательно нести съ нихъ военную службу лично.

427. Имѣнья, принадлежавшія изстари церковнымъ учрежденіямъ, не несли военной службы.

428. Но имѣнья, записанныя на церковь въ XV и началѣ XVI вѣка военнослужилыми землевладѣльцами, далеко не всё освобождены были отъ военной службы, и церковныя учрежденія посылали съ нихъ на службу господарскую „почты“.

429. Статутъ 1529 г. принялъ за общее правило, чтобы съ имѣній, записанныхъ православными и католиками на церковь, отправлялась военная служба.

430. Въ составѣ „почтовъ“ крупныхъ землевладѣльцевъ входили между прочимъ ихъ бояре; по актамъ бояръ встрѣчаемъ у князей, нановъ, высшихъ духовныхъ лицъ, у церковныхъ учрежденій и даже у бояръ-шляхты.

431. Этотъ классъ составился различнымъ образомъ: князья унаслѣдовали своихъ бояръ отъ удѣльнаго времени, а отъ князей въ свою очередь унаслѣдовали ихъ многіе паны; князья, паны, высшія духовныя лица и церковныя учрежденія, кромѣ того, получили бояръ вслѣдствіе пожалованія господаремъ боярскихъ земель въ составѣ имѣній; и наконецъ, крупные землевладѣльцы по примѣру господара раздавали въ своихъ имѣньяхъ земли на боярскую службу пришлымъ людямъ, преимущественно боярскаго же званія, или же переводили на боярскую службу крестьянъ.

432. Бояре по традиціи, перешедшей отъ древней Руси, считались де-юре людьми свободными и могли переходить на службу отъ господара къ частнымъ владѣльцамъ и обратно.

433. Разросшіяся семьи и роды бояръ обыкновенно отпускали лишнихъ членовъ на сторону, и тѣ поступали на службу къ частнымъ владѣльцамъ и служили имъ либо „съ сувна“, либо съ имѣній, которыя получали отъ нихъ во временное, пожизненное и потомственное владѣніе.

434. Такіе бояре часто не теряли своихъ отчинъ и подъ господаремъ, являясь подданными и военно-обязанными слугами двухъ владѣльцевъ.

435. Но отбывать военную службу лично они должны были непременно господарю, а частнымъ владѣльцамъ—черезъ своихъ замѣстителей; частнымъ владѣльцамъ лично они служили по управленію ихъ имѣньями.

436. Участки частновладѣльческихъ бояръ бывали иногда такъ велики, что они отправляли съ нихъ военную службу не лично только, а съ извѣстнымъ числомъ слугъ.

437. Бояре и земляне частныхъ владѣльцевъ находились приблизительно въ такомъ же положеніи, какъ и бояре, державшіе свои имѣнья подъ господаремъ.

438. Владѣльцы по закону не могли произвольно лишать ихъ отчинъ и выслугъ на вѣчность, какъ не могъ дѣлать этого и самъ господарь по отношенію къ своимъ боярамъ.

439. Но за то ихъ имѣнья признавались неотъемлемою принадлежностью, составными частями княжескихъ и панскихъ волостей, и раздѣляли вмѣстѣ съ ними ихъ судьбу; вслѣдствіе этого бояре обязательно должны были служить въ „почтѣ“ того, къ кому переходили во владѣніе эти волости.

440. Если они не хотѣли служить, то могли уйти, покинувъ свои земли, такъ какъ лично были свободны.

441. Бояре и земляне частновладѣльческіе лишь въ томъ случаѣ могли перейти на службу къ другому владѣльцу или къ господарю съ своимъ имѣньемъ, если оно было записано имъ съ правомъ служить, кому хотятъ.

442. Такія имѣнья выходили уже совершенно изъ состава данной княжеской или панской волости и становились такою же свободною собственностью, какъ и то цѣлое, часть котораго они прежде составляли, и которое владѣльцы держали съ полнымъ правомъ и панствомъ.

443. Разумѣется и съ такихъ имѣній должна была идти военная служба, какъ и вообще съ княжескихъ и панскихъ, но эти имѣнья не считались „подъ господаремъ“, и господарь не могъ *de jure* отдать ихъ владѣльцевъ снова въ частное подданство.

444. Такимъ путемъ создавался классъ военнослужившихъ землевладѣльцевъ, занимавшій среднее мѣсто между панями и господарскими боярами.

445. Эти землевладѣльцы силою и рядомъ съ своими имѣньями записывались на службу къ господарю или частнымъ владѣльцамъ.

446. Побужденіемъ было желаніе ихъ увеличить свои имѣнья придачею со стороны тѣхъ, къ кому они записывались на службу; къ

этому могли селонять и притѣсненія, чинившіяся имъ могущественными и вліательными сосѣдами.

447. На имѣнья, съ которыми владѣльцы были челомъ на службу господарю, князьямъ и панамъ, господарь, князья и паны приобрѣтали такія же права, какъ и на имѣнья своихъ собственныхъ бояръ и землянь.

448. Бояре, державшіе имѣнья подъ господаремъ, не могли занисываться съ ними на службу къ частнымъ владѣльцамъ, и служба, которую они несли непосредственно господарю, не отождествлялась и не приравнивалась службѣ, которую они могли нести въ „почтѣ“ князя или пана.

449. Кромѣ бояръ, въ составѣ частновладѣльческихъ „почтовъ“ выходили на войну и слуги разныхъ наименованій.

450. Происхожденіе частновладѣльческихъ слугъ было-то же самое, что и происхожденіе бояръ.

451. Изъ имѣній частныхъ владѣльцевъ направлялись на войну и военнообязанные крестьяне, какъ и изъ господарскихъ волостей.

452. Бояре, земiane и слуги господарскіе и частновладѣльческіе, обязанные отиравать военную службу не лично только, а съ „почтомъ“, также выводили на войну своихъ крестьянъ.

453. Мелкими землевладѣльцами изъ князей и пановъ, которые держали свои имѣнья въ повѣтахъ намѣстниковъ-державцевъ, боярами и землянами предводительствовали особые хоружіе.

454. Должность хоружихъ появилась на Руси Литовской едва ли не вмѣстѣ съ польскою идеею шляхетства, которая рѣзко обособляла боярина и землянина отъ простаго человѣка.

455. Впрочемъ, происхожденіе этой должности можно объяснить и инымъ образомъ, именно тѣмъ, что по волостямъ, гдѣ развивалось военнослужилое землевладѣніе, въ качествѣ правителей долгое время паходились лица, не облеченныя военною властью и командованіемъ, именно тивуны; вслѣдствіе этого и возникла надобность создать особыхъ должностныхъ лицъ, на обязанности которыхъ было выводить военнослужилыхъ людей на ратное поле или въ сборный пунктъ.

456. Хоружіе слѣдили за исправностью и полнотою военной службы, что бы никто изъ бояръ, землянь и другихъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ подъ ихъ хоруговою, не оставался дома и служилъ сообразно съ величиною своего имѣнья; въ этомъ случаѣ они дѣйствовали, какъ помощники намѣстниковъ-державцевъ.

457. Кромѣ того, „подъ свѣдомомъ“ намѣстниковъ-державцевъ хоружіе выбирали серебщину съ людей боярскихъ, дворянскихъ, вдо-

вѣхъ и татарскихъ. Отвѣтственны за все это были въ равной мѣрѣ какъ хоружіе, такъ намѣстники-державцы.

458. Всѣ военнослужилые землевладѣльцы на свой счетъ снаряжались на войну и содержали себя и своихъ „почты“ „своими накладъ“.

459. Господарь давалъ иногда только „вспоможенье“, но эти раздачи не были введены въ систему; чаще всего получали жалованье лица, близко стоявшія къ двору или имѣвшія протекцію.

460. Кромѣ того, господарь на постоянномъ жалованьи содержалъ безземельныхъ дворянъ, которые выполняли различныя порученія при дворѣ, а также ѣздили и на войну.

461. Въ своемъ присудьи намѣстники-державцы имѣли господарскихъ крестьянъ, мѣщанъ, не состоявшихъ въ правѣ магдебургскомъ, и всѣхъ военнослужилыхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ вотерыхъ находились въ ихъ повѣтахъ.

462. Только тѣ державцы, которые переименованы были изъ тивуновъ, не имѣли права судить шляхту-бояръ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда тяжущіеся добровольно становились предъ ними; то же самое справедливо, конечно, и относительно самихъ тивуновъ.

463. Отдѣльныя лица, въ особенности князья и паны, получали изъятія отъ суда намѣстниковъ-державцевъ и право судиться только господаремъ.

464. Отъ суда намѣстниковъ-державцевъ освобождались обыкновенно откупщики мыта, корчомъ и другихъ господарскихъ доходныхъ статей во избѣжаніе притѣсненій со стороны мѣстныхъ правителей.

465. Крестьяне, мѣщане и даже бояре частныхъ владѣльцевъ въ изучаемое время находились въ присудьи сихъ послѣднихъ.

466. Ранѣе другихъ владѣльцевъ, даже ранѣе литовскаго владѣльца, право это приобрѣла православная церковь.

467. Учрежденія католической церкви пользовались этимъ правомъ съ самаго начала распространенія католицизма на Литвѣ.

468. До сближенія Литвы съ Польшею, вѣроятно, и отдѣльныя лица изъ бояръ получали право суда надъ людьми, жившими въ ихъ имѣніяхъ, подобно тому, какъ это было и на Руси сѣверо-восточной; служилые князья въ силу своего званія пользовались правомъ вотчиннаго суда.

469. На всѣхъ землевладѣльцевъ Литовско-Русскаго государства эта привилегія распространилась вмѣстѣ съ дарованіемъ имъ правъ польской шляхты.

470. Ранѣе другихъ получили право вотчиннаго суда паны и бояре Литовской земли, принявшіе католицизмъ; привилей 1457 года

сравнивалъ съ ними въ этомъ отношеніи пановъ, бояръ и даже мѣщанъ-землевладѣльцевъ русскихъ областей.

471. По иску господарскихъ крестьянъ, мѣщанъ и бояръ на крестьянахъ, мѣщанахъ и боярахъ частнаго владѣльца судъ производилъ послѣдній, но вчинялся искъ обыкновенно предъ господарскимъ урядникомъ (намѣстникомъ), который обсылалъ затѣмъ владѣльца съ требованіемъ дать судъ и управу и посылалъ своего вѣща или судью для присутствованія на судѣ владѣльца.

472. Если владѣлецъ, несмотря на требованіе господарскаго урядника (по Статуту 1529 года, вторичное), не давалъ суда и управы, тогда можно было просить за него дѣцкаго у господара или пановъ рады, или у воеводн.

473. Вызванный чрезъ дѣцкаго долженъ былъ, заплативъ дѣцкованье, лично отвѣчать по дѣлу своихъ подданныхъ или поставить ихъ самихъ предъ судомъ.

474. Судъ этотъ до 1529 года производился, повидимому, мѣстными господарскими урядниками, въ присудѣ которыхъ частные владѣльцы были лично, или же господаремъ и панами-радою.

475. По Статуту 1529 года этотъ судъ долженъ былъ производиться на первомъ сеймѣ, который назначить господарь или пань-рада для всей земли; еслибы позванный не явился и на этотъ судъ, онъ долженъ былъ стать предъ судебною комиссіею изъ пановъ рады, которой определено было съѣзжаться два раза въ годъ въ Вильнѣ.

476. Въ тѣхъ случаяхъ, когда начиналась тяжба между подданными разныхъ владѣльцевъ, князей, пановъ, бояръ или дуловыкъ, судъ долженъ былъ производить также „господарь“ или панъ, отвѣтчика, котораго обсылалъ съ требованіемъ дать судъ и управу „господарь“, или панъ, истца, пославшій на судъ и своего представителя; „господарь“, или панъ, истца могъ и лично быть на этомъ судѣ.

477. Если „господарь“, или панъ, отвѣтчика не давалъ суда, тогда дѣло шло тѣмъ же порядкомъ, какъ и при искахъ господарскихъ подданныхъ на подданныхъ частнаго владѣльца.

478. Владѣльцы, однако, не судили своихъ подданныхъ по дѣламъ о разбоѣ съ поличнымъ, „квалтѣ“, поджогѣ, изнасилованіи жещинъ и, вромѣ того, о шляхетской ранѣ.

479. Исключеніе, повидимому, представляли лишь удѣльные князья и равнозначительные имъ владѣльцы, не состоявшіе въ присудѣ господарскихъ урядниковъ.

480. Изъятіе изъ вотчинной юрисдикціи уголовныхъ дѣлъ первостепеннаго общественнаго интереса подавалось самою жизнью и

не можетъ быть всецѣло отнесено на счетъ вліянія польскаго права, которое могло сказаться только на подробностяхъ, на опредѣленіи круга дѣлъ, изъятыхъ изъ вотчинной юрисдикціи.

481. Дѣла, изъятія изъ вотчинной юрисдикціи, разбирались мѣстными правителями, въ томъ числѣ и намѣстниками-державцами.

482. Кромѣ подданныхъ частныхъ владѣльцевъ, намѣстники-державцы не судили и господарскихъ мѣщанъ, состоявшихъ подъ магдебургскимъ правомъ и судившихся своимъ мѣстскимъ судомъ, за исключеніемъ, однако, перечисленныхъ выше уголовныхъ дѣлъ.

483. Намѣстники-державцы присутствовали на мѣстскомъ судѣ или посылали своихъ представителей на этотъ судъ, когда разбирались дѣла по искамъ на мѣщанахъ со стороны господарскихъ волостныхъ людей, и на оборотъ: на судѣ намѣстниковъ-державцевъ присутствовали войты, когда разбирались дѣла по искамъ на господарскихъ волостныхъ людяхъ со стороны мѣщанъ, состоявшихъ въ правѣ магдебургскомъ.

484. На Подляшѣ мѣстные господарскіе урядники не судили князей, пановъ и земянъ, за исключеніемъ опять таки перечисленныхъ выше уголовныхъ дѣлъ; по всѣмъ остальнымъ дѣламъ князя, паны и земяне лично судились въ земскихъ судахъ.

485. Эти суды слагались изъ судьи, подсудеа и писаря, назначаемыхъ господаремъ по выбору и представленію мѣстной шляхты, а иногда и помимо этого.

486. Земельные тяжбы на Подляшѣ разбирались намѣстниками-старостами сообща съ судьей и подсудкомъ,—такъ что намѣстники-старосты въ этихъ случаяхъ были предсѣдателями земскихъ судовъ.

487. Въ предѣлахъ, ограниченныхъ перечисленными изъятіями, намѣстники-державцы чинили судъ и управу по всевозможнымъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ, и компетенція ихъ въ этомъ отношеніи закономъ почти не была ограничена.

488. Она ограничивалась главнымъ образомъ фактически, желаніемъ тяжущихся, которымъ предоставлено было въ великихъ дѣлахъ отзываться отъ суда мѣстныхъ правителей до господара, т. е. переносить дѣло на его судъ.

489. Къ этимъ великимъ дѣламъ относились: насильственный захватъ имѣнья, нападеніе на домъ, или „квалтъ“ домовый, безправный „грабежъ“, убійство, тяжба объ отчинномъ имѣньѣ, о шляхетской чести и нѣкоторыя другія.

490. Для разбирательства всѣхъ этихъ дѣлъ, восходившихъ до господара отъ суда мѣстныхъ правителей, въ 1529 году была учре-

ждева судебная комиссія изъ пановъ радныхъ, которая должна была съѣзжаться два раза въ годъ въ Вильнѣ и рѣшать дѣла безапелляціонно, какъ и самъ господарь.

491. Стороны имѣли право отзывать до господаря, „не вступая въ право“, т. е. не принимая окончательнаго доказательства, коимъ рѣшалось дѣло.

492. Но всѣ перечисленныя „великія“ дѣла могли разбираться и рѣшаться намѣстниками-державцами, буде стороны не заявляли желанья судиться у господаря; намѣстники-державцы, какъ и другіе мѣстные правители, не имѣли права постановлять только такія рѣшенія, которыми рѣшался вопросъ о чьемъ либо шляхетствѣ, такъ какъ нобилитация была исключительнымъ правомъ господаря: такия дѣла они должны были переносить на окончательное рѣшеніе господаря.

493. Мѣстные правители въ силу привилеевъ, пожалованныхъ нѣкоторымъ землямъ, не могли приводить въ исполненіе своихъ рѣшеній по важнымъ уголовнымъ дѣламъ безъ указа на этотъ счетъ отъ господаря.

494. При строго-формальномъ характерѣ судопроизводства судъ господарскихъ урядниковъ былъ обыкновенно окончательнымъ: потерпѣвшій отъ неправаго суда долженъ былъ вѣдаться съ судьбою и на немъ искать своихъ убытковъ.

495. На намѣстниковъ-державцевъ можно было въ такихъ случаяхъ жаловаться воеводѣ того повѣта, въ которомъ находились ихъ державы, и воевода долженъ былъ дать на нихъ судъ и управу.

496. Такой порядокъ, однако, уже не удовлетворялъ юридическаго сознанія ни общества, ни правительства, все болѣе и болѣе подвергался ограниченіямъ и вырождался въ порядокъ апелляціонно-кассационный: въ актахъ находится не мало примѣровъ того, что и частныя лица обращались къ суду господарскому съ исками противъ лацъ, уже оправданныхъ судомъ мѣстныхъ правителей, и господарь не довольствовался этимъ судомъ, но считалъ нужнымъ произвести новыя разслѣдованія, а въ судѣ дѣлалъ измѣненія и дополненія, не дѣлая судей отвѣтственными за нѣкоторыя упущенія.

497. Поэтому установленіе апелляціи по Статуту 1566 года не было кореннымъ нововведеніемъ, а только законодательною формулировкой того, что издавна готовилось и уже дѣйствовало въ судебной практикѣ.

498. Въ земельныхъ тяжбахъ господарь поручалъ иногда намѣстникамъ-державцамъ собирать на мѣстѣ данныя, по которымъ онъ постановлялъ свое рѣшеніе.

499. Но чаще всего данные по земельнымъ тяжбамъ собирали на мѣстѣ особые „ѣздоки“, которыхъ либо господарь самъ отъ себя посылалъ съ этою цѣлью, либо брали у него тяжущіеся, каждый съ своей стороны.

500. ѣздоки посылались въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло исключительно о землѣ и могло быть рѣшено господаремъ заглазно, на основаніи документовъ на владѣніе и протоколовъ опроса мѣстныхъ жителей.

501. Если земельныя тяжбы осложнялись или грозили осложниться взаимными исками сторонъ „о боахъ, наѣздахъ, квалтахъ, головщинахъ и татьбахъ“ и поэтому требовали присутствія на мѣстѣ слѣдствія самого судьи, господарь обыкновенно либо отъ себя посылалъ судей („комисарей“) съ полномочіемъ изречь приговоръ на мѣстѣ, либо давалъ таковыхъ судей („прошонныхъ, полюбовныхъ“) тяжущимся, каждому съ его стороны.

502. Иногда полюбовные судьи брались и не у господаря, но приводились тяжущимися „на рокъ“ по взаимному уговору, и судьи ихъ имѣли такую же обязательную силу, какъ и судьи судей, взятыхъ „съ рамена господарского“.

503. Отъ суда полюбовныхъ судей дѣла могли восходить на судъ господаря и пановъ рады либо по желанію тяжущихся, либо по желанію самихъ судей, затруднявшихся найти и приложить законъ къ данному случаю.

504. Господарь съ панами радою часто въ такихъ случаяхъ, не принимая дѣла на свое разбирательство, давали судьямъ необходимыя частныя разъясненія, такъ что въ одномъ судопроизводствѣ сливалась дѣятельность и высшаго, и низшихъ судовъ.

505. Благодаря такому сліянію высшаго суда съ низшимъ и благодаря также неопредѣленности компетенціи судей, чинившихъ судъ на мѣстѣ, не всегда по актамъ можно различать ѣздоковъ отъ судей, какъ смѣшиваются они и въ самомъ Статутѣ.

506. ѣздоки и судьи для разбирательства дѣлъ на мѣстѣ брались тяжущимися не только отъ господаря, но и отъ мѣстныхъ правителей, въ томъ числѣ и отъ намѣстниковъ-державцевъ.

507. Обращеніе къ суду полюбовныхъ судей было очень распространено на Руси Литовской въ изучаемое время и должно было значительно уменьшать количественно судебную дѣятельность господаря, пановъ-рады и мѣстныхъ правителей.

508. Такъ какъ при разбирательствѣ на мѣстѣ земельныхъ тяжбъ и различныхъ столкновеній тяжущимся приходилось „вести копу“,

т. е. представляет для опроса окольных жителей, то и суды эти называются иногда „копными“.

509. Возникновение такого названія объясняется тѣмъ что судебное слѣдствіе въ старину не раздѣлялось строго отъ суда, считалось самымъ судомъ, такъ какъ рѣшало дѣло.

510. Этой особенноти древняго права въ извѣстной степени обязаны были своимъ происхожденіемъ и копные суды, отправлявшіеся безъ участія судей, взятыхъ сторонами у господара или мѣстнаго урядника или приведенныхъ по взаимному уговору.

511. Эти суды отправлялись въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣшіе отъ преступленія собирали окольных жителей искать межъ себя преступника, „на соевъ“.

512. На соевъ обязаны были выходить всѣ жители данной копной „околицы“, и никто не смѣлъ уклоняться отъ этой повинности подъ страхомъ быть обвиненнымъ въ преступленіи.

513. Такъ какъ нахожденіе преступника по различнымъ признакамъ уже рѣшало дѣло, и „вырокъ“ судьи былъ простою формальностью, такъ какъ, съ другой стороны, при отысканіи преступника копѣ приходилось выслушивать и оцѣнивать доказательства виновности и невинности, то и копный розыскъ естественно превращался въ судъ.

514. Копные суды въ этомъ видѣ были ничѣмъ инымъ, какъ водоизмѣненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ (а быть можетъ, и простымъ продолженіемъ) той дѣятельности, которая въ старину происходила въ „вервахъ“.

515. Эти суды возникли на почвѣ круговой отвѣтственности мѣстныхъ обществъ за своихъ членовъ и вытекавшей отсюда власти надъ ними.

516. Эта круговая отвѣтственность и власть, ведшія начало изъ глубокой старины, оказались наиболѣе крѣпкими связями, которыя продолжали соединять жителей въ мѣстныя общества послѣ того, какъ другія связи были между ними порваны, послѣ того какъ они сдѣлались подданными разныхъ „господарей“, вступили въ новыя общества по несенію повинностей и по судебно-административному подчиненію.

517. Границы копныхъ околицъ не совпадали съ предѣлами волостей и извѣстныхъ намъ подраздѣленій волостей или, по крайней мѣрѣ, не всегда совпадали; въ копныхъ околицахъ заключались сплошь и рядомъ села разныхъ владѣльцевъ.

518. Судя по тому, что и названіе „вервь“ имѣетъ спеціальное значеніе и не употребляется для обозначенія мѣстныхъ обществъ въ широкомъ смыслѣ, подобно названію „волость“, можно думать, что и

„верви“ Русской Правды были дѣленіемъ, которое не совпадало съ волостнымъ.

519 Верви были, повидимому, первымъ общественнымъ сцѣпленіемъ, которое вышло изъ узкихъ рамокъ кровнаго союза.

520. Послѣ нихъ образовывались болѣе крупныя общественныя союзы—волости, княженія и земли, поглощавшія по нѣскольку и по многу вервей, но жизнь въ этихъ послѣднихъ не прекращалась: онѣ остались въ качествѣ мѣстныхъ обществъ, связанныхъ круговою отвѣтственностью за преступленіе, совершенное въ ихъ предѣлахъ, съ властью разыскивать преступника и произносить приговоръ о виновности своего сочлена.

521. Это учрежденіе оказалось настолько жизненнымъ, что оно не только дожило до изучаемаго времени въ видѣ копныхъ судовъ, но продолжало существовать долгое время и послѣ и даже искусственно насаждено было тамъ, гдѣ его не было.

522. Копы собирались и производили судъ даже по нѣкоторымъ гражданскимъ правонарушеніямъ, которыя случались между сосѣдами, напр., по дѣламъ о потравѣ.

523. Такіе копныя суды были особымъ видомъ полюбовнаго разбирательства, признаннымъ по закону, впрочемъ, обязательнымъ.

524. По составу своему такія копы, вѣроятно, были однородны съ тѣми, которыя собирались тяжущимися, когда ихъ споръ разбирали полюбовныя суды, т. е. состояли изъ ближайшихъ къ мѣсту правонарушенія жителей.

525. Эти жители собирались собственно для освидѣтельствованія правонарушенія и его размѣровъ и для оцѣнки убытковъ потерпѣвшаго; такъ какъ все это рѣшало дѣло, то особое судебное разбирательство признано было излишнимъ, и копы, такимъ образомъ, выполняли судебную функцію.

526. Несмотря на то, что благодаря обращенію тяжущихся къ суду господаря, полюбовныхъ судей и копному масса дѣлъ отвлекалась отъ разбирательства намѣстниковъ - державцевъ, послѣдніе лично не справлялись со всею работою, которую задавала имъ ихъ судебная обязанность.

527. Князья и паны, бывшіе намѣстниками - державцами, постоянно отвлекались какъ своими собственными дѣлами, по имѣньямъ, въ которыхъ они были „господарями“, такъ и „справами господарскими и земскими“, такъ какъ они были придворными урядниками, членами рады великаго князя и, кромѣ того, часто намѣстниками-державцами въ другихъ повѣтахъ.

528. Поэтому они поручали отъ себя чинить судъ и управу въ своихъ державахъ своимъ намѣстникамъ и маршалкамъ.

529. Статутъ 1529 года опредѣлилъ, что бы державцы выбирали двухъ земянъ въ своемъ повѣтѣ для производства суда вмѣстѣ съ намѣстниками державцевъ въ ихъ отсутствіе.

530. Учрежденіе этихъ „присяжныхъ земянъ“, повидимому, имѣло въ виду интересы военнослужаго класса и можетъ быть разсматриваемо, какъ прелюдія къ учрежденію шляхетскихъ земскихъ судовъ во всемъ государствѣ.

531. Но и прежде суды намѣстниковъ-державцевъ, какъ и всѣхъ вообще мѣстныхъ правителей, отправлялись обязательно въ присутствіи лицъ изъ мѣстнаго общества: Статутъ 1529 года сдѣлалъ изъ судебныхъ ассистентовъ постоянную должность, далъ имъ больше участія въ судѣ и сообщилъ имъ сословный характеръ.

532. Последнее, впрочемъ, замѣчается уже и въ земскихъ грамотахъ, данныхъ землѣ Волинской: старосты въ силу этихъ грамотъ обязательно должны были сажать съ собою князей, пановъ и земянъ при разбирательствѣ дѣлъ, касающихся кого либо изъ ихъ сословій.

533. Намѣстники намѣстниковъ - державцевъ выходили обыкновенно изъ среды ихъ слугъ, большею частью— бояръ, и были такими же уполномоченными лицами, какъ сами намѣстники-державцы были уполномоченными господарскими.

534. Изъ среды слугъ намѣстниковъ - державцевъ выходили ихъ „дѣцкіе“, „вижи“ и „увязчіе“, „писари“ и „дьяки“.

535. Дѣцкіе посылались въ тѣхъ случаяхъ, когда пужно было полицейскимъ порядкомъ вызвать кого-нибудь въ судъ или произвести имущественное взыскаііе (движимостью).

536. Они получали за свой трудъ „дѣцкованье“, которымъ, вѣроятно, дѣлились съ намѣстниками-державцами: дѣцкованье принадлежало къ уряду намѣстниковъ-державцевъ, которые отдавали его уже отъ себя своимъ слугамъ.

537. На обязанности вижей лежало официальное засвидѣтельствованіе различныхъ правонарушеній и удовлетвореній по нимъ и вообще обезпеченіе частныхъ лицъ „урядовымъ“ свидѣтельствомъ въ цѣляхъ полученія правосудія.

538. Посылка вижей давала возможность мѣстнымъ правителямъ, не выѣзжая изъ своей резиденціи, чинить правосудіе по дѣламъ, требовавшимъ знакомства съ правонарушеніемъ на мѣстѣ.

539. Вижи часто приглашались на копные суды въ качествѣ достовѣрныхъ свидѣтелей, третьей стороны, и это приглашеніе сообщало

большую силу и законность ихъ рѣшеніямъ и располагало частныхъ лицъ доходить своего „копнымъ правомъ“.

540. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вижи замѣняли собою дѣвцехъ; но еще болѣе подходили они иногда по значенію къ увязчимъ.

541. Увязчіе вводили во владѣніе имѣніями, пожалованными или присужденными по суду.

542. Вижи и увязчіе получали за свой трудъ „вижовое“ и „увязчее“, которымъ они, повидимому, дѣлились съ назначившими ихъ на должность мѣстными правителями.

543. Письмоводствомъ при намѣстникахъ-державцахъ завѣдывали дявки; писари въ качествѣ начальниковъ надъ дяками попадаютъ, по актамъ, при старостахъ и воеводахъ, канцелярское дѣлопроизводство которыхъ было болѣе обширнымъ и сложнымъ.

544. Своимъ слугамъ намѣстники-державцы поручали, кромѣ того, отдѣльныя отрасли управленія, напр., ставили ихъ лѣсничими при господарской пушѣ.

545. Кромѣ должностныхъ лицъ, выходившихъ изъ среды слугъ намѣстниковъ-державцевъ, при этихъ послѣднихъ находились въ нѣкоторыхъ большихъ повѣтахъ и должностныя лица, назначавшіяся господаремъ изъ мѣстнаго военнослужаго класса.

546. Кромѣ упоминавшихся уже хоружихъ и городничихъ, къ нимъ принадлежали: „подкюшіе“ (въ повѣтъ Браслава Литовскаго) „гаевники“, „бобровничіе“ и „лѣсничіе“ и др.

547. Гаевники завѣдывали бортными деревьями въ господарскихъ лѣсахъ, которыя господарскія бортники „подлазили“ или на господаря, или на себя подъ условіемъ платежа опредѣленной дани медомъ; бобровничіе завѣдывали бобровыми гонами и руководили битьемъ бобровъ на господаря; лѣсничіе оберегали господарскія пушцы отъ браконьеровъ.

548. Но всѣ эти должностныя лица состояли въ подчиненіи, были подъ надзоромъ и руководствомъ намѣстниковъ-державцевъ и имѣли значеніе ихъ помощниковъ.

549. Въ повѣтахъ Берестейско-Подляпской области при намѣстникахъ господарскихъ состояли, кромѣ того, „подкоморіа“, учрежденные по польскому образцу для разграниченія земель и разбираательства земельныхъ тяжбъ на мѣстѣ.

550. Изъ всего вышесказаннаго о намѣстникахъ-державцахъ явствуетъ, что они были органами общаго управленія въ своихъ повѣтахъ.

551. Къ такому же заключенію приводить и разсмотрѣніе судебно-административной дѣятельности намѣстниковъ - державцевъ по возбужденію отъ центрального правительства: имъ приходилось исполнять разнообразныя правительственныя порученія, которыя не ограничивались какимъ либо однимъ родомъ дѣломъ или какимъ либо однимъ классомъ общества.

552. При отправленіи своей должности намѣстники - державцы получали разные доходы, которые разсматривались, какъ жалованье за ихъ службу государю вообще, а не только за ту, которую они несли въ качествѣ мѣстныхъ правителей; самыя намѣстничества разсматривались, какъ „кормленья“, какъ одно изъ средствъ содержанія высшаго, правительственнаго, слоя военнослужилаго класса.

553. Такой взглядъ былъ не только у правительства, но и въ самомъ этомъ слоѣ военнослужилаго класса.

554. Въ силу этого взгляда великіе князья Литовскіе въ привилеяхъ, выданныхъ русскимъ землямъ, постоянно подтверждали, что города и волости они будутъ раздавать въ держанье мѣстнымъ князьямъ и боярамъ; того же правила они держались и въ отношеніи намѣстничествъ и тивунствъ въ собственной Литовской землѣ и Жмудской.

555. Побужденіемъ, которымъ руководились великіе князья въ отдѣльныхъ случаяхъ при раздачѣ держаній были военныя и другія заслуги, дѣйствительныя или мнимыя, того или другого лица; мало того, намѣстничества давались иногда прямо на пропитаніе разнымъ лицамъ, терявшимъ почему-нибудь свои имѣнья.

556. Возрѣніе на держанья, какъ на кормленья, приводило иногда къ тому, что лица, державшія замки и волости, передавали ихъ съ согласія государя своимъ родственникамъ и близкимъ людямъ.

557. Возрѣніе на держанья, какъ на кормленья, ясно обнаруживается и въ обычаѣ давать по нѣскольку держаній, и при томъ въ разныхъ мѣстахъ государства, вслѣдствіе чего мѣстные правители должны были замѣняться часто своими намѣстниками.

558. Доходы намѣстниковъ - державцевъ сильно разнообразились по отдѣльнымъ областямъ и даже повѣтамъ отчасти вслѣдствіе разнообразія доходовъ, которые шли самому государю черезъ ихъ руки, отчасти въ силу особыхъ „уставъ“ на этотъ счетъ, которыя съ теченіемъ времени пріобрѣтали иногда значеніе прецедента, обычая.

559. Въ собственной Литовской землѣ и въ части Жмудской, гдѣ господарское хозяйство достигло наибольшаго развитія, намѣстники-

державцы получали часть урожая озимаго хлѣба и яроваго, овощи съ огородовъ, часть улова рыбы, который производился на господаря, и т. д.

560. Старосты и тивуны Жмудской земли эксплуатировали въ свою пользу пахотныя земли, принадлежавшія дворамъ, которые были ихъ резиденціями; такъ продолжалось до 1527 года.

561. Въ другихъ областяхъ великаго княжества хлѣбопашество и скотоводство при господарскихъ дворахъ и дворцахъ велись почти исключительно для прокормленія административнаго и рабочаго персонала этихъ дворовъ и дворцовъ, и часть ихъ продуктовъ шла несомнѣнно въ пользу намѣстниковъ-державцевъ.

562. Въ нѣкоторыхъ повѣтахъ намѣстникамъ-державцамъ предоставлялась эксплуатація господарскихъ угодій (частью) въ свою пользу.

563. Продукты, которые намѣстники-державцы получали съ господарскаго сельскаго хозяйства, имѣли значеніе и отчасти замѣнили собою тѣ „кормы“, которые шли въ старину намѣстникамъ отъ непривилегированныхъ жителей.

564. Поэтому въ изучаемое время кормы намѣстникамъ-державцамъ встрѣчаемъ по актамъ лишь въ такихъ волостяхъ, гдѣ не было господарскихъ дворныхъ пашень, и гдѣ намѣстники-державцы даже иногда и не жили постоянно, а только вѣзжали „на полюдь“.

565. Поэтому и въ Жмудской землѣ, какъ скоро отмѣнены были барщинныя работы крестьянъ на старосту и тивуновъ, установлены были и кормы въ пользу старосты и тивуновъ.

566. Установленіе такого порядка, при которомъ намѣстники-державцы стали получать свои кормы изъ продуктовъ господарскаго хозяйства, ближайшимъ образомъ объясняется тѣмъ, что намѣстники-державцы въ мѣстномъ управленіи были преемниками тивуновъ.

567. Тивуны, принадлежа къ числу дворныхъ княжескихъ слугъ, а иногда даже къ челяди дворной, и управляя дворцовымъ хозяйствомъ, естественно, должны были получать и содержаніе съ княжескихъ дворовъ.

568. На такое же положеніе стали и намѣстники-державцы, которыхъ господарь сталъ назначать хозяйничать, чинить судъ и управу въ своихъ дворахъ вмѣсто тивуновъ.

569. Въ концѣ концовъ и объясненіе вышеуказанному порядку лежитъ въ развитіи дворцоваго хозяйства по волостямъ.

570. Но отъ пользованія частью продуктовъ съ господарскаго хозяйства, отъ эксплуатаціи нѣкоторыхъ господарскихъ угодій (частичной) далеко еще до владѣнія государственными имуществами, которое г. Владимірскій-Будановъ, слѣдуя Даниловичу, приписалъ намѣстни-

камъ-державцамъ, изучаемаго времени (въ Христоматіи по исторіи русскаго права, вып. II, стр. 33, прим. 19).

571. При отправленіи суда намѣстники-державцы получали въ свою пользу: извѣстный процентъ съ суммы иска, называвшійся „пересудомъ“, съ истца, доискавшагося своего, а до 1509 г. и съ оправданнаго отвѣтника; „повинное“, или извѣстный процентъ съ „винъ“, т. е. судебныхъ штрафовъ, шедшихъ въ пользу господаря, а иногда взамѣнъ этого „вина малая“ (не свыше 50 грошей); „выметное“, т. е. деньги, которыя условливались платить намѣстнику-державцѣ тяжущіеся, державшіе между собою судебное пари; „вклады“ или „заруки“, которыя тяжущіеся устанавливали по обоюдному соглашенію въ пользу намѣстника-державцы съ цѣлю пресѣчь дальнѣйшія правонарушенія; „поколодное“ или „поважное“ съ тѣхъ, кого выпускали изъ колоды и тюрьмы; навоонецъ, повидимому, часть „нижоваго“, „дѣцнованья“ и „уважчого“.

572. Доходы, получавшіеся намѣстниками-державцами отъ ихъ административной дѣятельности, сильно разнообразились по отдѣльнымъ мѣстностямъ, какъ разнообразилась и самая административная дѣятельность ихъ.

573. Таковы были, напр., „поклоны“, которые они получали при раздачѣ крестьянамъ сѣмянъ изъ господарскихъ житницъ „въ отсопъ“ или „на пенязи“ и при раздачѣ пустошницъ, „обвѣстки“ съ купцовъ и т. д.; болѣе или менѣе общими доходами были доходы съ крестьянскихъ властей при ихъ назначеніи или утвержденіи и „выводныя куницы“ съ жениховъ, выводившихъ невѣсть изъ мѣста или волости на сторону.

574. По особому пожалованью отъ господаря намѣстники державцы получали иногда разные сборы, которые въ старину шли особымъ должностнымъ лицамъ, а въ изучаемое время, переживъ ихъ, собирались господаремъ въ свою пользу, какъ обыкновенныя подати, или же раздавались частнымъ лицамъ въ видѣ жалованья.

575. Таковы были „тивунщина великая и малая“, „бобровщина“, „ловчое“, „доводничое“, „данничое“ и „соколничое“ въ Поддѣпрскихъ, Задвинскихъ и нѣкоторыхъ другихъ волостяхъ.

576. По особому пожалованью или „уставѣ“ отъ господаря намѣстники-державцы получали иногда и часть собственныхъ господарскихъ доходовъ или за свои особыя заслуги, или за то, что принимали на себя нѣкоторыя обязательства, которыя прямо не связаны были съ ихъ должностью.

577. „Въ заставу“ или „на выбиратье пенязей“ намѣстники-державцы получали и всѣ или большую часть господарскихъ доходовъ въ своемъ повѣтѣ.

578. При „заставѣ“ господарскіе доходы шли въ видѣ процентовъ на занятую господаремъ у намѣстника-державцы суммы до уплаты этой суммы.

579. Часть господарскихъ доходовъ, шедшая въ такихъ случаяхъ намѣстникамъ-державцамъ, разнообразилась по величинѣ сообразно съ суммою долга и доходностью повѣта.

580. Вмѣстѣ съ господарскими доходами уступались при этомъ обыкновенно и доходы другихъ урядниковъ, мѣстныхъ и центральныхъ.

581. При отдачѣ замка или двора съ повѣтомъ „на выбиратье пенязей“ господарскіе доходы и доходы другихъ урядниковъ шли въ погашеніе господарскаго долга съ процентами.

582. Это погашеніе совершалось или въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, или въ опредѣленномъ количествѣ денегъ каждый годъ.

583. Такимъ образомъ отдача господарскихъ замковъ и дворовъ съ волостями „на выбиратье пенязей“ имѣла характеръ отдачи на откупъ или въ аренду всѣхъ доходовъ съ нихъ.

584. Съ отдачею замка или двора съ волостью „на выбиратье пенязей“ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ соединялась обыкновенно отдача его послѣ того „въ держанье до живота“, такъ что для откупщика при этой сдѣлкѣ было мало риска.

585. До какой степени выгодны были пожизненныя держанья, или намѣстничества, видно изъ того, что господарскіе кредиторы отступались часто совсѣмъ отъ своего долга, лишь бы получить отъ господаря привилей на держанье замка или двора съ волостью „до живота“.

586. Застава замка, двора и мѣста съ волостью и отдача ихъ „на выбиратье пенязей“ обыкновенно соединялись съ отдачею ихъ въ намѣстничество, но не всегда: бывали случаи, когда господарь отдавалъ „на выбиратье пенязей“ одни свои доходы, а намѣстничество само собою и отдѣльно.

587. Тѣмъ менѣе можно повторять за Даниловичемъ, что литовско-русскіе намѣстники eo ipso были и арендаторы великокняжескихъ имуществъ: если они и бывали таковыми, то случайно, вслѣдствіе долговыхъ обязательствъ господаря.

588. Отдача замковъ и дворовъ съ волостями „въ заставу“ и „на выбиратье пенязей“ особенно часто стала практиковаться при королѣ Сигизмундѣ, который нашелъ въ ней одно изъ средствъ для

покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ напряженною борьбою съ Москвою.

589. Намѣстники-державцы, какъ и другіе урядники при назначеніи на должность платили государю „челобитье“.

590. Въ XV вѣкѣ назначеніе на должности часто имѣло характеръ настоящей продажи ихъ, вслѣдствіе чего и намѣстничества отдавались иногда состоятельнымъ людямъ изъ мѣщанъ и волостныхъ людей.

591. Великій князь Александръ въ общеземскомъ привилеѣ 1492 года обѣщаль не требовать ничего съ назначелья на должности и довольствоваться тѣмъ, кто что дастъ по доброй волѣ.

592. Такое обѣщаніе по существу дѣла мало къ чему обязывало, а потому и послѣ того встрѣчаемся по актамъ съ „челобитьемъ“, которое платилось государю при назначеніи на должности, при чемъ, конечно, могла имѣть мѣсто и конкуренція лицъ, добивавшихся должности.

593. Челобитье получали также воеводы и старосты, по представленью которыхъ государь раздавалъ дворы съ волостями за исключеніемъ окраинныхъ замковъ.

594. Въ земляхъ Кіевской, Смоленской, Витебской и Полоцкой въ изучаемое время все еще держался старинный обычай раздавать намѣстничества на годъ, хотя дѣйствіе этого обычая простиралось уже на немногія волости, и соблюдался онъ не строго (намѣстничества давались на два, на три и болѣе лѣтъ).

595. На годъ раздавались въ держанье такія волости, гдѣ не было собственнаго хозяйства великаго князя.

596. Намѣстничества раздавались также и на неопредѣленное время, „до воли господарской“; но преобладала раздача намѣстничествъ „до живота“.

597. Въ пожизненное держанье раздавались преимущественно волости, гдѣ велось собственное хозяйство великаго князя, гдѣ намѣстники-державцы дѣйствовали на правахъ господарскихъ приказчиковъ, получая часть доходовъ съ этого хозяйства.

598. И собственный интересъ государя, и интересъ его приказчиковъ приводилъ къ установленію обычая раздавать такія волости въ пожизненное держанье: краткіе сроки держаній вели только къ расхищенію господарскаго добра; надлежащая энергія и заботливость со стороны урядниковъ возможны были только при увѣренности, что имъ долго придется пользоваться ихъ плодами.

599. Господарь, однако, отбиралъ иногда волости, данныя въ держанье до живота съ тѣмъ, чтобы замѣнить ихъ болѣе прибыльными.

600. Державы отбирались и въ тѣхъ случаяхъ, когда урядники оказывались „роспрошителями и шендиками“ господарскаго хозяйства и когда своими притѣсненіями и „кривдами“ разгоняли населеніе, отъ чего страдали господарскіе доходы.

601. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ по тѣсной связи съ господарскимъ долженъ былъ выступить и общественный интересъ.

602. Вообще же грубая идея кормленія въ своемъ послѣдовательномъ развитіи и дѣйствіи въ жизни должна была найти себѣ предѣлы и, выйдя съ тѣмъ, вызвать въ сознаніи правительства и общества противоположную, хотя пока и смутную идею государственной должности.

IV.

СМЪСЪ.

КЪ ИСТОРИИ
МОСКОВСКАГО МЯТЕЖА

1648 г.

А. Зерцаловъ.

Печатано подъ наблюдениемъ Дѣйстви. Члена А. Н. Зерцалова.

Въ первой книжкѣ «Чтеній въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Росс. при Москов. Универ.» за 1893-й годъ помѣщено С. Θ. Платоновымъ принадлежащее перу неизвѣстнаго иностраннаго автора и сохранившееся въ Стокгольмскомъ архивѣ «Краткое и правдивое описаніе опаснаго мятежа, происшедшаго среди простаго народа въ городѣ Москвѣ 2 іюня 1648 г.».

Какъ ни важны данныя этого описанія для исторіи означеннаго мятежа, тѣмъ не менѣе они нуждаются въ поправкахъ.

Авторъ описанія—иностранецъ. Хотя издатель описанія и считаетъ возможнымъ предполагать, что онъ былъ очевидцемъ событій и принадлежалъ къ штату современнаго шведскаго резидента въ Москвѣ Поммеренинга¹⁾, тѣмъ не менѣе, онъ, какъ пріѣзжій, не совсѣмъ точно разобрался въ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ бунту, и въ біографіяхъ лицъ, прекосновенныхъ къ нему.

Прежде всего, Леонтій Степановичъ Плещеевъ не былъ «высокимъ вельможей», за какого его считалъ авторъ этого описанія, а присутствовалъ на Земскомъ Дворѣ всего 9½ мѣсяцевъ, съ 15 августа 1647 г. до 2 іюня 1648 г.²⁾ Далѣе, авторъ описанія невѣрно передаетъ біографическія свѣдѣнія о Плещеевѣ. «Разсказывали», говоритъ авторъ, «что онъ

¹⁾ Новый источникъ для истор. москов. воен. 1648 г., предисл. С. Θ. Платонова, стр. 4.

²⁾ См. мою статью о мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг. („Чтенія въ И. О. И. и Д. Р.“, 1890 г., кн. 3), стр. 16.

приблизительно за 10 лѣтъ до этого поджегъ городъ Москву.... что онъ за такое преступленіе былъ приговоренъ къ смертной казни, и что въ концѣ концовъ, благодаря сильному заступничеству и чрезвычайной милости его царскаго величества, былъ сосланъ въ Сибирь»³⁾). Изъ обнародованныхъ русскихъ источниковъ, представляющихъ памятники приказнаго дѣлопроизводства, показанія которыхъ должны быть поставлены выше всякихъ иноземныхъ описаній, извѣстно, что въ родѣ Плещеевыхъ было два брата съ именами Леонтія. Въ Сибирь былъ сосланъ въ 1641 г. не тотъ Леонтія Плещеевъ, который въ 1647—1648 гг. присутствовалъ на Земскомъ Дворѣ, а братъ его, и не за поджегъ Москвы, а по другому дѣлу⁴⁾). Такимъ образомъ, на Леонтія Степановича Плещеева взведено авторомъ обвиненіе въ небываломъ тяжкомъ преступленіи, съ приговоромъ къ смерти и ссылкой, послѣ помилованія, въ Сибирь. Иностранецъ путалъ даже числа. Такъ, по его словамъ, Плещеевъ былъ убитъ въ субботу 3 іюня, между тѣмъ какъ извѣстно, что этотъ фактъ произошелъ у Лобнаго мѣста днемъ позже, 4 іюня⁵⁾).

Помимо фактическихъ ошибокъ, которыя можно исправить по документамъ, неизвѣстный иностранецъ вводитъ въ свое описаніе такія подробности мятежа, которыя представляются болѣе, чѣмъ сомнительными, при сопоставленіи съ нашими общими свѣдѣніями о его ходѣ и взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, къ нему прикосновенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно, чтобы стрѣльцы, призванные для восстановленія порядка, обратились къ толпѣ бунтовщиковъ съ рѣчью, что «ей нечего бояться, что они въ этомъ дѣлѣ не окажутъ ей никакого противодѣйствія, а, напротивъ, даже протянутъ ей руку помощи». Нельзя также допустить, чтобы нападеніе

³⁾ „Чтен. въ Общ. И. и Д. Р.“, 1893 г., кн. I, „Опис. Москов. мятежа 1648 г.“, стр. 14—15.

⁴⁾ См. мою статью о мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг., стр. 16.

⁵⁾ См. тамъ же.

на домъ Морозова было произведено стрѣльцами и мятежниками какъ бы съ дозволенія самого царя, сказавшаго имъ: «если слуги Морозова позволили себѣ слишкомъ многое, то отомстите имъ за себя»⁶⁾. Свѣдѣнія, подобныя вышеприведеннымъ, могли попасть въ описаніе изъ неточныхъ разсказовъ, которые слышалъ пребывавшій въ Москвѣ иностранецъ. Едва ли онъ могъ быть очевидцемъ происшествій 2 іюня. Находиться въ это время въ Кремлѣ было опасно не только иностранцамъ, но и русскимъ людямъ: народъ былъ крайне возбужденъ; мы имѣемъ два примѣра, какъ бунтовщики ограбили и изувѣчили царскихъ защитниковъ—жильца Кулебакина⁷⁾ и мецнианина Переверзева⁸⁾, которые жили на Москвѣ во второй чети, т. е. съ 1 апрѣля по іюль 1648 года⁹⁾. Такимъ образомъ, при значительной цѣнности иностранныхъ извѣстій о мятежѣ 1648 г., показанія русскихъ официальныхъ документовъ, независимо отъ своего прямого значенія, должны занимать первенствующее мѣсто, между прочимъ, какъ пособіе для провѣрки всякихъ другихъ источниковъ, и не могутъ не приниматься въ соображеніе при изданіи въ свѣтъ этихъ источниковъ.

Въ виду высказаннаго соображенія позволяемъ себѣ опубликовать нѣсколько документовъ, извлеченныхъ изъ различныхъ отдѣловъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Предлагаемыя ниже матеріалы опредѣляютъ: составъ свиты царя во время майскаго похода въ Троице-Сергіеву Лавру¹⁰⁾, рисуютъ положеніе многихъ лицъ, пострадавшихъ лично и матеріально во время мятежа¹¹⁾, касаются

⁶⁾ См. „Чтенія въ И. О. И. и Д. Р.“, 1893 г., кн. I, „Описаніе Московскаго мятежа 1648 г.“, стр. 10—12.

⁷⁾ См. мою статью о мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ селѣ Коломенскомъ 1648, 1662, 1771 гг., стр. 14 и 15.

⁸⁾ См. Приложение № I.

⁹⁾ См. М. А. М. Ю. Московскаго стола Разряда столбецъ № 1148, л. 185 и мою статью о мятежахъ, стр. 14 и 15.

¹⁰⁾ См. Приложение № I.

¹¹⁾ См. Приложение №№ I и II.

VI

подробностей объ охранѣ московскихъ присутственныхъ мѣстъ ¹²⁾ и отправки Морозова на Бѣлоозеро ¹³⁾, наконецъ показываютъ слѣды отраженія мятежа въ провинціи ¹⁴⁾.

А. Зерцаловъ.

¹²⁾ См. Приложение № I.

¹³⁾ См. Приложение № III.

¹⁴⁾ См. Приложение № IV.

№ I.

156 г. мая въ 20 день, по помѣтѣ на челобитной думнаго дьяка Ивана Гавренева, дѣтямъ боярскимъ Василью Протопопову съ товарищи десяти человекѣмъ поденнаго корму на 6 день, что были въ государевѣ въ Троицкомъ объѣздѣ съ окольными, по 6 денегъ человекѣу на день, того рубль, 26 ал. 4 деньги „дано“ ¹⁾.

Мая въ 25 день, Тверскія слободы ямщикамъ, Васькѣ Колобову съ товарищи на 4 подводы, что были въ государевѣ въ Троицкомъ объѣздѣ подъ подьячими и подъ сторожемъ, прогоновъ мая съ 17 числа на девять день, по 6 денегъ на подводѣ на день, того рубль, 2 ал. 4 деньги „дано“ ²⁾.

Юня въ 4 день, Московскимъ стрѣльцамъ Артамонова приказу Матвѣева десятнику Дружинѣ Исаяву съ товарищи 10 человекѣмъ на кормъ по алтыну человекѣу, того 10 ал. „дано“. *Дневали и ночевали съ Разрядъ* ³⁾.

Юня въ 7 день, мецнянину Оедькѣ Переверзеву государева жалованья для бѣдности, что его на *Москвѣ въ ятежь ограбили, и изувѣчили, и лошадь у него отбили*, въ приказѣ два рубля „дано“ ⁴⁾.

Августа въ 11 день, по помѣтѣ на выпискѣ думнаго дьяка Михаила Волошенинова, Разряднаго приказа подьячимъ государева жалованья для *пожарнаго разоренья* впередъ на 157 годъ по окладамъ сполна: Дмитрію Шубину 28 руб., Дмитрію Брянцову 25 руб., Матвѣю Львову 20 руб., Мазару Сафонову 19 руб., Кузьмѣ Колокольцову, Василью Михайлову по 10 руб. человекѣу, Якову Чертенкову 8 руб., Прохору Тутолмину 5 р.; того Разряднаго приказа подьячимъ государева (жалованья) на 157 г. 125 руб. ⁵⁾.

¹⁾ См. М. А. М. Ю. Денежнаго стола Разряда кн. № 306, л. 229.

²⁾ См. въ той же кн. ал. 268 об. и 269.

³⁾ См. въ той же кн. л. 230.

⁴⁾ См. въ той же кн. л. 231.

⁵⁾ См. въ той же кн. л. 252.

Августа въ 24 день, по помѣтѣ на челобитной думнаго дьяка Ивана Гавренева, Разряднаго приказа подъячимъ государева жалованья для пожарнаго разоренья впередъ на 157 годъ по окладамъ—Никифору Бакунину 18 руб., Ѳедору Никитину 11 руб., того 29 руб. ⁶⁾).

Августа въ 27 день, по помѣтѣ на челобитной думнаго дьяка Ивана Гавренева, Разряднаго приказа подъячимъ государева жалованья для пожарнаго разоренья впередъ на 157 годъ по окладамъ—Ивану Ѳедорову 14 руб., Якову Казаринову 8 руб., того 22 руб. ⁷⁾).

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи бьетъ челомъ холопъ твой, жилецъ Митька Ивановъ сынъ Хрущовъ. Написанъ я, холопъ твой, на твою государеву службу на Валуейку для посольскія размѣны, а я, холопъ твой, въ прошломъ во 152 году былъ на размѣнѣ съ окольничимъ со княземъ Андреемъ Ѳедоровичемъ Литвиновымъ Мосальскимъ, и въ прошломъ же государь во 156 году іюня въ 3 день сгорѣлъ у меня, холопа твоего, дворишка за Чертольскими вороты, запасъ, и платье, и всякая служивая рухлядь—все погорѣло безостатку, и въ росписи изъ Земскаго приказа прислано имянишко мое въ Разрядъ—написанъ Осипко Ивановъ сынъ Хрущовъ, а я, холопъ твой, Митька Ивановъ сынъ Хрущовъ, а Осипка у насъ и въ родителяхъ нѣтъ, а по твоему государеву указу велѣно насъ, холопей твоихъ, которые погорѣли, отпустить по домамъ и ни къ какимъ твоимъ государевымъ дѣламъ насъ, холопей твоихъ, писать не велѣно. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа своего, для моего пожарнаго разоренья, и что я, холопъ твой, прежь сего на размѣнѣ былъ, не вели государь меня писать на свою государеву службу на Валуейку. Царь, государь смилуйся, пожалуй ⁸⁾).

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи бьетъ челомъ холопъ твой, жилецъ Ѳедька Тургеневъ. Написано государь имянишко мое на Валуейку съ окольничимъ со княземъ съ Дмитріемъ Петровичемъ Львовымъ, а по твоему государеву указу велѣно писать нашу братью—прожиточныхъ, и полныхъ людей, и многопомѣстныхъ, и вотчинныхъ, а не погорѣлыхъ, а я, холопъ твой, въ прошломъ во 156 году стоялъ у дяди своего, у Денися Тургенева, на дворѣ, и тотъ дворъ сгорѣлъ, и рухлядишка служивая и запасишко

⁶⁾ См. въ той же кн. л. 252 об.

⁷⁾ См. въ той же кн. л. 252 об.

⁸⁾ См. М. А. М. Ю. Московскаго стола Разряда столбецъ № 1148, л. 32.

весь безостатку погорѣло, а помѣстейцо, государь, мнѣ, холопу твоему, дано по слову Петровой смерти Траханиотова, и то помѣстейцо и по ся мѣсто нераздѣлено. Милосердый государь, царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа своего, для моего пожарнаго разоренья и бѣдности, не вели государь имянишко моего писать на Валуйку. Царь, государь смилуйся, пожалуй! На оборотѣ помѣта написана рукою дьяка Разрядла Григорья Ларионова: 157 г. сентября въ 22 день, бояре князь Никита Ивановичъ Одоевской съ товарищи не велѣли его на Валуйку писати, будеть онъ у Дениса стоялъ, и дворъ Денисовъ сгорѣлъ ⁹⁾.

№ II.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи бѣуть челомъ холопи твои, Сибирскаго приказа подьячіе: Ивашка Селетцынъ, Ѳедька Ивановъ, Ивашка Тимофѣевъ, Никита Богачевъ, Ивашка Офросимовъ, Митька Трофимовъ, Мишка Исаковъ, Алешка Чешихинъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 156 году іюня въ 3 день, судомъ Божиимъ учинился въ Бѣломъ и въ Земляномъ городѣ пожаръ, и въ тотъ пожаръ у насъ, холопей твоихъ, дворишка наши, и годовой запасенко, и животипшка погорѣли безостатка, и скитаемся нынѣ съ женишками своими, и съ дѣтишками, и съ людипшками на попелищахъ и головъ своихъ приклонить негдѣ, а будучи мы, холопи твои, у твоихъ государевыхъ Сибирскихъ дѣлъ питаемся однимъ твоимъ государевымъ годовымъ денежнымъ жалованьемъ, а челобитчиковыхъ никакихъ дѣлъ не бываетъ, и прежніе на насъ, холопей твоихъ, долги большіе, и будучи намъ, холопамъ твоимъ, у твоего государева дѣла, домишковъ своихъ завести и прокормиться нечѣмъ, погибли до основанья. Милосердый и праведный государь, царь и великий князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи! пожалуй насъ, холопей своихъ, для нашей бѣдности и пожарнаго разоренья своимъ государевымъ жалованьемъ, какъ тебѣ, праведному государю, Богъ извѣститъ, чтобъ намъ, холопамъ твоимъ, скитаясь съ женишками своими, и съ дѣтишками, и съ людипшками по пожарищу, съ стужи и съ голоду не помереть и въ конецъ не погинуть. Царь, государь смилуйся, пожалуй! На оборотѣ помѣта: 156 г. іюня въ 11 день, приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой дати имъ государева денежнаго жалованья

⁹⁾ См. въ томъ же столбцѣ, л. 34.

впередъ на 157 годъ для ихъ пожарнаго разоренья, что у нихъ дворы совсѣмъ погорѣли, вплои окладовъ ихъ.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи бьютъ челомъ холопи твои, Сибирскаго приказа подьячіе: Ивашка Селетцынъ, Ѳедька Ивановъ, Ивашка Тимофѣевъ, Митька Трофимовъ, Мишка Исаковъ, Алешка Чехихинъ. Пожаловалъ ты, государь, насъ, холопей своихъ, по нашему челобитью своимъ государевымъ денежнымъ жалованьемъ впередъ на 157 годъ, половиною нашихъ окладовъ, для нашей бѣдности и для пожарнаго разоренья, и мы, холопи твои, то твое государево жалованье на дворовое свое строеньишко, и на нужи свои, и на запасенко издержали, а дворншкѣями своими еще не построились потому, что отъ пожара разорились до конца. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи! пожалуй насъ, холопей своихъ, своимъ государевымъ денежнымъ жалованьемъ другою половиною на 157 годъ, для нашей бѣдности и пожарнаго разоренья, чтобъ намъ, холопамъ твоимъ, дворншки свои построить и, скитаясь съ женишкѣями своими, и съ дѣтишкѣями, и съ людншкѣями по чужимъ дворамъ, въ конецъ не погннуть. Царь, государь смилуйся, пожалуй! На оборотѣ помѣта: „156 г. іюля въ 9 день, приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой дати имъ государева жалованья, для ихъ пожарнаго разоренья и двороваго строенья, впередъ на 157 годъ другую половину денежныхъ окладовъ ¹⁰⁾).

№ III.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи бьютъ челомъ холопъ твой, смольянинъ Кипрїянко Михайловъ сынъ Ошушкинъ. Жаловалъ ты, государь, насъ, холопей своихъ, своимъ государевымъ жалованьемъ, по 14 руб. *И въ прошломъ, государь, во 156 году по твоему государеву указу посланъ былъ я, холопъ твой, на Бѣлоозеро съ твоимъ государевымъ бояриномъ съ Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ, и я, холопъ твой, твоего государева жалованья взять не успѣлъ, а взялъ за меня, холта твоего, твое государево жалованье смольянинъ Михайла Моклоковъ, воровски, подставою, безъ моего велѣнья, а испомѣщенъ онъ Михайла въ Ярославскомъ уѣздѣ въ Шаховѣ, и тѣмъ твоимъ государевымъ жалованьемъ завладѣлъ воровски. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи! пожалуй меня, холопа своего, вели государь въ*

¹⁰⁾ См. М. А. М. Ю. Сибирскаго приказа столбецъ № $\frac{7732}{1686}$.

Ярославль къ своему государеву боярину къ Михайлу Михайловичу Салтыкову послать свою государеву грамоту, и вели государь то свое государево жалованье 14 руб. на немъ Михайлѣ доправить и взять въ свою государеву казну, а мнѣ, холопу своему, вели государь выдать свое государево жалованье здѣсь на Москвѣ, для моей бѣдности и разоренья. Царь, государь смилуйся! На оборотѣ двѣ помѣты: 1) думнаго дьяка Помѣстнаго приказа Ѳедора Елизарова—157 года января въ 29 день, государь пожаловалъ послать свою государеву грамоту къ боярину Михайлу Михайловичу Салтыкову и велѣтъ, на немъ тѣ деньги взявъ, отдать ему, 2) дьяка Разряда Григорія Ларіонова—157 г. февраля въ 3 день, послать государеву грамоту ¹¹⁾. 157 г. февраля въ 9 день, запечатана государева грамота къ боярину къ Михайлу Михайловичу Салтыкову, по челобитью Кипріана Ошущкина, вслѣдно его *написать по выбору*, а что взялъ на него денежное жалованье Михайло Мокловъ, и то жалованье велѣно ему отдать. Пошлинъ полъ полтины взято ¹²⁾.

№ IV.

Государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи холопъ твой Ромашка Боборыкинъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 156 году іюля во 2 день, прибѣжали ко мнѣ, холопу твоему, въ Рязской изъ Козловскаго уѣзда Оловайскаго стану села Дубоваго отъ смертнаго убойства, и отъ грабежа, и ото всякаго воровства Никольской попъ Кирило Левонтьевъ, да козловцы дѣти боярскіе—выборный голова Ѳедоръ Савинъ, Дементій Некрасовъ, Ѳедоръ Выставкинъ, а сказали мнѣ, холопу твоему, что тогожь де села Дубоваго козловцы дѣти боярскіе: Сенька Ивонинъ, Пантелейка Житкой, Клевка Ретюпской, Дѣйка Жихоревъ, Ивашка Коширенинъ, Кленка Сухинянъ, Гришка Шиголевъ съ товарищи, въ томъ же селѣ Дубовомъ, *церковь великаго чудотворца Николы разорили, и разграбили, и ихъ побили, и дворы ихъ разграбили жъ*, и били челомъ тебѣ государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи, чтобъ ты государь пожаловалъ, велѣлъ ихъ отпустить изъ Рязскаго къ тебѣ государю къ Москвѣ, и по твоему государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи указу я, холопъ твой, попа Кирила Леонтьева, да козловцовъ дѣтей боярскихъ—выборнаго голову Ѳедора Савина, Дементья Некрасова, Ѳедора Вы-

¹¹⁾ См. М. А. М. Ю. Новгородскаго стола Разряда столбецъ № 7844.

¹²⁾ См. тамъ же Печатной Бюрогы пошлинную кн. № 49, лл. 147, 149.

ставкина къ тебѣ государю къ Москвѣ изъ Рязскаго отпустилъ іюля въ 3 день. Въ концѣ отписки написано: „сю отписку отдалъ Григорій Ларіоновъ изъ мѣшка, августа въ 3 день“.

Царю, государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Россіи быють челомъ холопи твои, козловцы дѣтишка боярскіе: Гришка Афанасьевъ сынъ Полухинъ, Кузьма Семеновъ сынъ Еяковъ, Селуянка Яяковъ, Ларка Осиповъ сынъ Яяковъ, Ефрема Гавриловъ сынъ Перегудовъ, Ларка Елистратовъ сынъ Телѣгинъ, Куприкъ Мартемьяновъ сынъ Невзоровъ, Воинка Дмитриевъ сынъ Михинъ, Филька Григорьевъ сынъ Слащовъ, Моисейка Сафоновъ сынъ Смагинъ, Антошка Гавриловъ сынъ Ивановъ, Ивашка Ивановъ сынъ Дубовицкой, Афонька Клементьевъ сынъ Сафоновъ, Гаврилка Афанасьевъ сынъ Сафоновъ, Евдокимко Антиповъ сынъ Щужинъ, Левка Ивановъ сынъ Дубовицкой, Федотко Андреевъ сынъ Озеровъ, князь Федотка князь Ивановъ сынъ Селеховской, Абрамка Оносовъ сынъ Оносовъ, Алешка Федоровъ сынъ Сгибневъ, Андроска Никитинъ сынъ Золотухинъ, Макарка Игнатьевъ сынъ Воропаевъ, Евтифейко Трофимовъ сынъ Урадовской. Служимъ мы, холопи твои, тебѣ государю въ Козловѣ всякія твои государевы службы, а нынѣ государь намъ, холопамъ твоимъ, въ Козловѣ твоей государевы службы служить невозможно потому, что мы съ козловцы ко всякому дурну не коенулись, помнячи твое государево вѣстное цѣлованье, и нынѣ государь за то на насъ козловцы дѣти боярскіе и всякихъ чиновъ люди, заводчики—Савинъ Кортавцовъ, Максимъ Останинъ, Юри Толмачевъ, да голова Ларіонъ Петровъ съ товарищи, со многими людьми, хвалятся на насъ, холопей твоихъ, смертнымъ убойствомъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи! пожалуй насъ, холопей своихъ, вели государь намъ свою государеву службу служить на новомъ городѣ на Усмони и во всемъ ѣдаты Усмонскому воеводѣ, во всякихъ твоихъ государевыхъ подѣткахъ и въ подѣткахъ, покамытъ въ Козловѣ смутное время утишится, чтобъ намъ, холопамъ твоимъ, отъ нихъ напрасно до смерти побитымъ не быть. Царь, государь смилуйся, пожалуй! На оборотѣ двѣ помѣты: 1) думнаго дьяка Разряда Гавренева—156 г. іюля въ 6 день, государь пожаловалъ, велѣлъ дать грамоту къ воеводѣ, велѣтъ имъ сказать, кто будетъ какое дурно учнетъ, имъ быть въ опалѣ и въ смертной казни безо всякія пощады, имъ тотъ указъ вѣдать; 2) дьяка Григорья Ларіонова—156 г. іюля въ 8 день, дать государеву грамоту ¹³⁾.

¹³⁾ См. М. А. М. Ю. Владимірскаго Разряда столбецъ № 8962.

2.—Объ отпускѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь воеводы города Можайска П. Т. Савелова. 1702 г.

1.

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій! По твоему великого государя указу въ Можайску у твоего великого государя дѣла я; и нынѣ я по обѣщанію къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь помолитца безъ твоего великого государя указу и безъ грамоты не смѣю. Всемилостивѣйшій государь! Прошу вашего величества, вели, государь, къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь по обѣщанію мнѣ на время помолитца и о томъ дать свою великого государя грамоту. Вашего величества нижайшій рабъ Петръ Тимоѣевъ сынъ Савеловъ. Октября въ 26 день 1702 году.

На оборотѣ: Петръ Савеловъ руку приложилъ.

Помѣта: 1702 году октября въ 27 день, по указу великого государя бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ приказалъ его для моленья отпустить на три недѣли, а городъ приказать кому пригожъ, и о томъ дать ему его государеву грамоту.

2.

Отъ великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, въ Можайскъ стольнику нашему и воеводѣ Петру Тимоѣевичю Савелову. По нашему великого государя (указу), по твоему челобитью, велѣно тебѣ изъ Можайска для моленія ѣхать въ Троицкой Сергіевъ монастырь и быть и съ проѣздомъ три недѣли, а городъ и дѣла по отъѣздѣ своемъ приказать кому пригожъ. И какъ къ тебѣ ся наша великого государя грамота придетъ, и ты бѣ изъ Можайска для моленія въ тотъ монастырь ѣхать и быть и съ проѣздомъ три недѣли; а городъ и дѣла приказать кому пригожъ. А въ которомъ числѣ изъ Можайска поѣдешь, о томъ къ намъ, великому государю, писать, а отписку велѣтъ подать въ Разрядѣ боярину нашему Тихону Никитичю Стрѣшневу съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 1702-го октября въ 29 день.

Москв. Арх. Мин. Юст. Дѣла разрядныя, кн. 4, дѣло № 35.

Сообщилъ Л. М. Савеловъ.

3. О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ. 1702 г.

1.

Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичю, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, холопъ твой Петръ Савеловъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 1702-мъ году іюня въ 9 день пришедъ въ Можайскъ въ приказную избу передъ меня, холопа твоего, можаитинъ посадцкой человекъ Герасимъ Васильевъ извѣщалъ словесно; а въ словесномъ своемъ челобитѣй сказалъ: сего де числа въ Можайску близъ торгу и можаитина посадцкого человека Василья Лукьянова близъ двора ево многіе люди рыли землю и ищутъ денегъ. И я, холопъ твой, по ево извѣту ѣздилъ на посадь х тому мѣсту, гдѣ денегъ ищутъ многіе люди и деньги берутъ; и при мнѣ, холопѣ твоёмъ, на томъ мѣстѣ служилые люди подняли денегъ 16 алтынъ; а тѣ, государь, деньги старинныя. И тѣ деньги 16 алтынъ послалъ я, холопъ твой, къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ съ сею отпискою вмѣстѣ; а на томъ мѣстѣ велѣлъ я, холопъ твой, поставить караулъ до твоего великого государя указа. И о томъ что ты великій государь, укажешь? А отписку, государь, велѣлъ я, холопъ твой, подать въ Розрядъ боярину Тихону Никитичю Стрешневу съ товарыщи.

На оборотъ: великому государю царю и проч.—1702 г. іюня въ 17 день съ можайскимъ розсылщикомъ Савельемъ Васильевымъ.

Помѣта: записать въ книгу и взять къ отпуску. А къ нему, Петру, послать его государеву грамоту, велѣтъ ему з грацеими лучшими людьми и з бурмистромъ то мѣсто розрыть и вынять земли сколько пристойно, и тѣхъ денегъ и иной поклажи исвать и, будетъ что явитца, выпяты и описать иманно и къ той опискѣ велѣтъ тѣмъ людемъ приложить руки; да о томъ писать, и тое поклажу и той поклажѣ ту описную роспись за своею рукою прислать въ Розрядъ. А будетъ денегъ и никакой поклажи не явитца, о томъ потому жъ писать, и сколько земли вынато будетъ въ глубину и вдоль и поперегъ и каими людьми. А о послушаніи въ томъ бурмистра и посацкихъ людей послать память въ ратушу.

2.

Великому государю царю..... *и пр.* холопъ твой Петръ Савеловъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, 1702-мъ году в июнѣ да в июлѣ мѣсяцахъ, въ розныхъ числахъ по твоему великого государя царя... *и пр.* указу и по грамотѣ изъ Розряду за приписью дьяка Михаила Гуляева я, холопъ твой, можайскихъ земскихъ дѣлъ з бурмистры съ Ыльею Савельевымъ съ товарищи и съ посадцкими лучшими людьми въ Можайску близъ торгу и двора жожаитина посадскаго человѣка Василья Лувьянова, гдѣ прежь сего всякихъ чиновъ люди подымали старинныя деньги, и то мѣсто осмотра при себѣ велѣлъ розрыть и вынетъ земли, сколько пристойно, и денегъ и иной поклажки велѣлъ искать накрѣпко. И въ томъ мѣстѣ только, государь, нашли старинныхъ денегъ и денежекъ 12 алтынъ; да въ томъ же мѣстѣ изъ земли вывели малой избной жерновъ. А въ томъ, государь, мѣстѣ той земли въ глубину вывели на 2 аршина, поперегъ на 4 стороны по 7 аршинъ, и больши, государь, того въ томъ мѣстѣ до матерой земли я, холопъ твой, съ можайскими бурмистры и съ посадцкими лучшими людьми, осмотра въ томъ мѣстѣ до матерой земли, и окромѣ тѣхъ 12 алтынъ ничего не сыскали. И я, холопъ твой, тѣ деньги 12 алтынъ и досмотръ за руками бурмистровъ и посадскихъ людей послалъ къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ съ сею отпискою вмѣстѣ; а отписку, государь, и досмотръ велѣлъ я, холопъ твой, подать и деньги объявить въ Розрядѣ боярину Тихону Никитичю Стрешневу съ товарищи.

На оборотъ: великому государю царю *и пр.*—1702 г. іюля въ 18 день подалъ можайской солдатъ Иванъ Савинъ.

Помѣта: записать въ книгу и взять къ отпуску, и изъ прежней, и изъ сей отписки выписать.

Отмѣтка внизу: выписка въ столбцахъ особо, а деньги прежнія и нынѣшнія всѣ взялъ дьякъ М. Гуляевъ, какъ по выпискѣ докладывать; и послана грамота.

Московский Архивъ Министерства Юстиціи. Дѣла разрядныя, кн. 3, дѣло № 3.

Сообщилъ Л. М. Савеловъ.